

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

DMITRY POZHARSKY UNIVERSITY

THE EARLIEST STATES OF EASTERN EUROPE

2021

Eastern Europe and the World of Islam

In honor of Tatjana M. Kalinina

Editors of the volume

E.V. LITOVSKIY, E.A. MELNIKOVA, B.E. RASHKOVSKIY

Moscow
Dmitry Pozharsky University
2021

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

2021 год

Восточная Европа и мир ислама

К юбилею Татьяны Михайловны Калининой

Ответственные редакторы тома

Е.В. ЛИТОВСКИХ, Е.А. МЕЛЬНИКОВА, Б.Е. РАШКОВСКИЙ

Москва
Университет Дмитрия Пожарского
2021

УДК 94(481).01,02,021,022
ББК 63.3(3,4)
Д73

Печатается по решению Ученого совета Института всеобщей истории РАН

*Подготовлено к печати и издано по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского*

Издание осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 21-19-00112

Рецензенты:

Доктор исторических наук *Д.В. Микульский*

Доктор исторических наук *М.В. Бииков*

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН *А.А. Гиппиус* (Москва), проф. *Д. Домбровский* (Быдгощ, Польша),

д.и.н. *И.Г. Коновалова* (Москва), проф. *Дж. Линд* (Копенгаген, Дания),

д.и.н. *А.В. Назаренко* (Москва), д.и.н. *В.Я. Петрухин* (Москва),

д.и.н. *Л.В. Столярова* (Москва), д.филол.н. *С.Ю. Темчин* (Вильнюс, Литва),

чл.-корр. РАН *Ф.Б. Успенский* (Москва), проф. *С. Франклин* (Кембридж, Великобритания),

проф. *Г.Р. Цецхладзе* (Лландриндод, Великобритания), проф. *К. Цукерман* (Париж, Франция),

проф. *Х. Янсон* (Гётеборг, Швеция)

Редакционная коллегия:

д.и.н. *Е.А. Мельникова* (Москва) (ответственный редактор серии)

к.и.н. *А.В. Акопян* (Москва), д.и.н. *О.Б. Бубенок* (Киев), д.и.н. *Т.В. Гимон* (Москва),

д.и.н. *А.И. Груша* (Минск), д.и.н. *Т.Н. Джаксон* (Москва), д-р *И. Комендова* (Оломоуц),

д.и.н. *А.А. Кузнецов* (Нижегород), к.и.н. *В.С. Кулешов* (Стокгольм),

к.и.н. *М.А. Курьяшева* (Москва), к.и.н. *Е.В. Литовских* (Москва), д.и.н. *П.В. Лукин* (Москва),

к.филол.н. *В.И. Матузова* (Москва), к.и.н. *И.М. Никольский* (Москва),

д.и.н. *А.В. Подосинов* (Москва), к.и.н. *Б.Е. Рашковский* (Москва),

к.и.н. *В.Н. Седых* (Санкт-Петербург), к.и.н. *А.С. Щавелев* (Москва),

д-р *А. Юсуфович* (Варшава)

Д73 **Древнейшие государства Восточной Европы. 2021 год: Восточная Европа и мир ислама / Отв. ред. тома Е.В. Литовских, Е.А. Мельникова, Б.Е. Рашковский — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, Университет Дмитрия Пожарского, 2021. — 872 с.: ил.**

ISBN 978-5-91244-285-8

ISSN 1560-1382

Очередной том ежегодника «Древнейшие государства Восточной Европы» приурочен к юбилею известного арабиста Т.М. Калининной. Он посвящен связям Руси с миром ислама и сравнительному анализу сведений восточных источников о средневековой истории Восточной Европы. Том состоит из трех частей. Первая содержит статьи Татьяны Михайловны, освещающие географию Восточной Европы и изображение славян и русов в восточных источниках. Публикуются ее переводы фрагментов ряда восточных текстов. Во вторую часть вошли статьи ее коллег. Третья часть включает публикации, в том числе, диссертацию выдающегося советского и российского востоковеда А.П. Новосельцева «Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII–XVIII вв.». Издание рассчитано на широкий круг историков и филологов, медиевистов и востоковедов, а также всех интересующихся историей и культурой Восточной Европы и исламских стран.

УДК 94(481).01,02,021,022

ББК 63.3(3,4)

© Коллектив авторов, 2021

© Литовских Е.В., составление, 2021

© Мельникова Е.А., составление, 2021

© Рашковский Б.Е., составление, 2021

© Институт всеобщей истории РАН, 2021

© Оформление, Русский фонд содействия образованию и науке, 2021

ISBN 978-5-91244-285-8

ISSN 1560-1382

Татяна Михайловна Калинина

Д. Е. Мишин

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО К ЮБИЛЕЮ ТАТЬЯНЫ МИХАЙЛОВНЫ КАЛИНИНОЙ

Татьяна Михайловна Калинина по праву считается одним из классиков отечественного востоковедения, но ее достижения как ученого не ограничиваются этим. Тематика исследований, избранная ею еще при работе над диссертацией на соискание ученой степени кандидата исторических наук — отношения Руси и, несколько шире, Восточной Европы с исламским миром в Средние века — требует комплексного изучения как арабo-мусульманских материалов, так и сведений из иных источников и традиций. История распорядилась так, что для раннего средневековья восточных письменных памятников оказалось в нашем распоряжении намного больше, чем источников, происходящих из нашего региона. Многие из того, что мы знаем о Древней Руси и славянских странах в Средние века, дошло до нас в произведениях восточных авторов. Их сведения составляют ценнейший пласт информации, пройти мимо которого не может ни один исследователь. Публикации сообщений восточных авторов о Руси и славянах появляются уже в первой половине XIX в. И уже тогда исследователи столкнулись с важнейшей, стоящей и сейчас, проблемой: авторы исламского мира знали русов и славян по весьма ограниченным контактам (в основном сводившимся к поездкам мусульманских путешественников и работоторговле) и смотрели на них через призму собственных мировоззрения, культуры и литературных традиций. Поэтому исследователь, занимающийся данной темой, должен в любом сообщении источника отделять исходное, то есть русское или славянское, от последующих, появившихся уже в рамках мусульманской культуры, дополнений.

Эта задача сложна сама по себе, однако применительно к проблематике, которой посвящены работы Т.М. Калининой, она еще сложнее. Одна из основных работ Т.М. Калининой, «Сведения ранних ученых Арабского халифата» (1988), посвящена информации о Восточной Европе в произведениях авторов, работавших в жанре так называемой математической географии. Этот жанр появился в результате переработки мусульманскими учеными данных античной географии, что,

разумеется, заставляет обратиться к изучению последней. Изучение данных средневековых мусульманских карт, которыми Т.М. Калинина занимается в последнее время, требует досконального изучения традиций средневековой картографии.

Именно скрупулезное и кропотливое изучение всей этой необъятной проблематики делает, повторяюсь, Т.М. Калинину классиком отечественного востоковедения, продолжателем долгой и славной традиции, к которой принадлежат Х.М. Френ, Д.А. Хвольсон, А.А. Куник, В.Р. Розен, Ф. Вестберг, В.В. Бартольд, А.П. Ковалевский, Б.Н. Заходер, О.Г. Большаков, А.П. Новосельцев. Но не только оно. За долгую историю изучения сведений мусульманских авторов о Восточной Европе не раз случалось, что исследователи, проделавшие немалую работу, увлекались далеко идущими теориями и использовали данные восточных источников для их обоснования. Ничего подобного мы не видим в работах Т.М. Калининой. Они дают пример научной объективности, отсутствия ангажированности, учета мнений других специалистов. Эта методика работы позволяет Т.М. Калининой с успехом выходить за пределы Древней Руси и славянских земель и производить анализ сведений о тюрках, печенегах, так называемых *бурджанах*. Особо следует выделить написанную Т.М. Калининой главу «Хазария по данным восточных источников» в книге «Хазария в кросскультурном пространстве» (2014), где всесторонне проанализированы сообщения мусульманских авторов о хазарах и их государстве.

Нельзя не отметить и роль Т.М. Калининой и в доведении результатов востоковедческих исследований до историков, не являющихся востоковедами, и до обычных читателей. В этом отношении следует сказать об участии Т.М. Калининой в издании третьего тома хрестоматии «Древняя Русь в свете зарубежных источников» (2009) — объемного свода известий средневековых авторов из разных стран в переводе на русский язык. Перу Т.М. Калининой принадлежат разделы не только о ранних мусульманских ученых, что составляет основную тему ее исследовательской деятельности, но и некоторых сравнительно поздних. И здесь выдерживаются высокие академические стандарты исследования, но одновременно данные источников поданы таким образом, что дальнейшая работа с ними не вызывает трудностей даже у читателя, мало знакомого с темой.

Разумеется, было бы неправильно пытаться создать для ученого идеальный образ непогрешимого авторитета. И автор этих строк, и другие специалисты, подчас не сходятся с Т.М. Калининой в трактовках и выводах. Мы спорим, ищем истину и снова спорим. Однако на всех этапах этого процесса Т.М. Калинина остается примером ученого, который опирается на первоисточники, применяет современные методы исследования и ставит своей задачей достижение научной истины. Мы, коллеги Т.М. Калининой, искренне надеемся, что так будет и дальше, многие годы.

ЧАСТЬ 1

Т.М. Калинина

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ЗЕРКАЛЕ АРАБО-ПЕРСИДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ

Раздел содержит исправленное и дополненное переиздание ранее опубликованных в различных сборниках статей Т.М. Калининой, объединяемых двумя комплексами проблем. Первый из них посвящен географии Восточной Европы в арабских письменных источниках. В этих статьях анализируются представления о Восточной Европе средневековых арабских географов, картографов и писателей: ал-Фергани (IX в.), Мухаммада ибн Мусы ал-Хорезми (перв. пол. IX в.), Ибн Хордадбеха (IX в.), ал-Йа'куби (IX в.), Ибн Кутайбы (IX в.), ал-Балазури (IX в.), ат-Табари (IX–X вв.), Ибн ал-Баттани (X в.), ал-Истахри (X в.), Ибн Хаукала (X в.), Кудама ибн Джа'фара (X в.), Ибн ал-Факиха (X в.), Ибн Русте (X в.), ал-Мас'уди (X в.), Агапия Манбиджского (X в.), Ибн Фадлана (X в.), ал-Бируни (XI в.), Гардизи (XI в.), ал-Баكري (XI в.), ал-Марвази (кон. XI — нач. XII в.), ал-Идриси (XII в.), Ибн ал-Асира (XIII в.). Исследованы модели отдельных частей мира на арабских ментальных картах, изображение восточноевропейских земель, водных бассейнов и речных путей, приведены фрагменты карт. Подробно рассматриваются сведения, относящиеся к Скифии, Танаису, Константинопольскому проливу, Херсону, Каспию и славянским «городам». Показано, насколько арабские авторы представляли себе эти территории, как в их картине мира преломлялись реальные географические данные и сведения об этих регионах, дошедшие в рамках античной (птолемеевской) традиции землеописания, как они перерабатывались, изменялись и дополнялись в процессе заимствования из одного научного труда в другой (что позволяет также восстановить пути развития арабской научной мысли и частично реконструировать утраченные ныне источники). Специальному анализу подвергнуты сведения арабо-персидских источников о народах юго-востока Восточной Европы, реальных или существовавших лишь в виде собирательного образа: тюрках, печенегах, булгарах и «бурджанах». Анализ мифологизированного восприятия арабскими писателями этнонимов приводит к выводу о многозначности и условности некоторых этнонимов и возможном приложении их к разным народам Европы. Публикуются фрагменты текстов арабо-персидских писателей, описывающие восточноевропейский мир.

Во втором комплексе статей рассматриваются сведения о славянах (не только восточных, но и проживавших на территории Центральной Европы), которые содержатся в средневековых арабо-персидских географических

трактатах. Исследовано место славян в арабской картине мира в соответствии с арабским членением ойкумены на «климаты» и с «генеалогическим» разделением народов по их происхождению от сыновей Ноя. Особенно подробно анализируется социальная структура обществ славян и русов, а также арабская терминология, касающаяся правящей верхушки славян и разных категорий зависимого населения. Отдельному изучению подвергнуты такие важные аспекты древнерусской экономики, как сбор дани и предметы экспортной торговли.

Ключевые слова: арабо-персидские средневековые письменные источники, картография, географические представления, картина мира, Восточная Европа, Древняя Русь, социальная терминология

ГЕОГРАФИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В АРАБСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТРУДАХ (ДО АЛ-ИДРИСИ)¹

Одним из древнейших временных порталов является географическая карта, своего рода визуальная «машина времени»². Образ населенного мира для человека средневековья основывался на первичных пространственных представлениях, которые зависели от способов ориентации, информации об ареале известных или воображаемых территориях и народах, их культурных традициях (Гуревич 1984. С. 43–47; Замятин 2006. С. 21–84).

В древности населению Аравийского полуострова была знакома собственная, сравнительно небольшая территория, занимаемая арабскими племенами, передвигавшимися в разных направлениях, а также области непосредственных соседей и народов, известных по торговым связям. С развитием государственности, с возникновением ислама Арабский халифат значительно расширил свои границы и подчинил многие народы, имевшие древний высокий уровень цивилизации. В VII–VIII вв. арабы завоевали обширные территории Азии, Европы,

---

¹ Впервые опубликовано: Пространства и смыслы: памятные страницы истории Арабского Востока. М., 2018. Т. III. С. 54–86.

² URL: <http://citydog.by/afisha/event/vkl-na-kartah/> (последнее обращение: 20.09.2020)

Африки. Арабский флот, построенный при халифе Му'авии I (661–680), бороздил воды Красного и Средиземного морей, Гибралтара, Атлантики, Персидского залива и Индийского океана. В начале VIII в. арабами были завоеваны южные области Пиренейского полуострова, Закавказье, часть Средней Азии; войны же с Византией стали неотъемлемой частью политики Арабского халифата на протяжении нескольких столетий. В течение VIII в. арабские правители были заняты умирением населения захваченных территорий и борьбой за власть, что в итоге привело к падению правящей династии Омейядов и воцарению Аббасидских халифов. Именно при Аббасидах возникла арабская астрономия, география, история как летопись побед и поражений.

Расширение взглядов на населенную часть Земли ознаменовалось необходимостью собрать информацию о соседних и дальних областях для потребностей фискального аппарата, почтовых и торговых служащих, военных и прочих государственных чиновников. Кроме непосредственных и более или менее достоверных сведений от купцов, моряков, путешественников, дипломатических работников, ученые Халифата опирались на знания античных географов, на традиции сирийской, иранской, индийской космографии. Эти науки дали фундаментальные сведения о Земле, ее месте во Вселенной, разделении, рельефе. Модели географических образов ойкумены в одних случаях соответствовали реальности, в других «подгонялись» под традиционные, накопленные ранее или взятые из других культур познания, которые зачастую переплетались друг с другом, давая сложный комплекс образов пространства (Замятин 2004. С. 14–15).

Вероятно, наиболее древней визуальной картиной Земли можно считать сохранившееся изображение ее в виде птицы, части которой соответствовали разным странам.

Ибн ал-Факих в 903 г. так описывал мир: «Голова мира — Китай, Вак-Вак и множество неведомых народов, правое крыло — Индия и море, левое — Хазария, неизвестные народы Маншак и Машак, Йаджудж и Маджудж, грудь — Мекка, Хиджаз, Сирия, Ирак и Египет, хвост — области к западу от Египта (BGA V. P. 3).

В приведенной версии описания карты Ибн ал-Факихом левое крыло «птицы» занимают хазары, за которыми идут легендарные народы. Имя Машак восходит к библейскому Мешеху (Мешеху): варварский народ, упомянутый в Библии вместе с Рошем и Фувалом (=Тубалом), которые вторгнутся в Ханаан под предводительством Гога (Псл. 119:5; Иез. 32:26, 38:2, 39:1). Второе имя — Маншак — скорее всего, придумано по созвучию, для «пары» к первому. Что же касается народов Йаджудж

и Маджудж, то эти имена тоже связаны с библейскими племенами Гог и Магог (Иез. 38:2–3, 14–16; Откр. 20:7), которые в конце света должны наводнить мир. Как Йаджудж и Маджудж в том же контексте они известны в Коране, по писанию которого Зу-л-Карнайн (Александр Македонский) отгородил их от цивилизации крепкой стеной (18:83, 92–97; 21:96) (Пиотровский 1991. С. 119; Калинина 2011. С. 28–32; Коновалова 2013. С. 151–152).

Таким образом, вариант карты Ибн ал-Факиха уже показывает народ хазар, хорошо известный в Восточной Европе начала IX в. Описание Земли как птицы имеется также у ‘Абд ар-Рахмана ибн ‘Абд ал-Хакама (IX в.) (‘Абд ар-Рахман ибн ‘Абд ал-Хакам 1985. С. 18), со слов ‘Абдаллаха ибн ‘Амра ибн ал-‘Аса (616–684 гг.)³, а также у поздних ученых — Ибрахима ибн Васиф шаха (кон. XII — нач. XIII в.), Таки ад-дина Ахмада ибн ‘Али ал-Макризи (1364–1442 гг.), Абу-л-Махасина ибн Тагриберди (ум. 1469 г.) (Крачковский 1957. С. 51–52). Описания последних трех мне не известны, а в тексте ‘Абд ар-Рахмана ибн ‘Абд ал-Хакама этнонимов, связанных с Восточной Европой, не имеется.

В 50-х гг. XIX века были обнаружены три рукописи с картами, где мир был изображен в виде птицы, одна — в Кабуле, две — в Британском музее. Об этом написал В.Ф. Минорский. Поводом послужила найденная в Кабуле рукопись труда «Ашкал ал-‘алам» — сокращенный перевод географического труда с арабского языка на персидский, сделанный в начале XIII в., с указанием на авторство ал-Джайхани. Две карты из рукописей Британского музея, переписанные в XIX в., были почти аналогичны карте манускрипта из Кабула (Minorsky 1949–1951. Vol. 13. P. 90). Ученый опубликовал фотографию одной из них (из Британского музея) и отметил, что, несмотря на надписи на обороте карт, они не принадлежали ал-Джайхани. В.Ф. Минорский предположил (со ссылками на работы С. Яничека и Ш. Рье, мне недоступные), что карта могла принадлежать одному из персидских вариантов карты ал-Истахри, с опорой на карты ал-Балхи (Ibidem). В. Минорский указал, что подобное описание карты мира в виде птицы имеется в сочинении Шамс ад-Дина ал-Мукаддаси (X в.): «Мукаддаси (10), описывая карту мира Абу Зайда Балхи, говорит о том, что он представил ее “в виде птицы с клювом в районе Кульзума [Суэц] — он игнорирует залив Вайла [или Айла, т. е. залив Акаба] — шея птицы расположена в районе Ирака, и ее хвост находится между Абиссинией и Китаем”. Мукаддаси признает, что все экземпляры, которые он изучил,

³ ‘Абдаллах ибн ‘Амр ибн ал-‘Ас (616–684 гг.) — сын завоевателя Египта, один из асхабов и авторитетов в вопросах религии. Его известия передавались многими средневековыми учеными (Бойко 1983. С. 28–41).

“отличались друг от друга”, но описание образа птицы было уникальным. Образ этой птицы невозможно различить на карте Истахри, но на круглой карте «Аш-каля», изображающей мир (джумлаги-и алам), он очень четко обозначен (однако, голова птицы направлена в сторону Китая, а ее хвост отделяет Египет от Нубии)» (Ibidem. P. 94; BGA III. P. 10).

В.Ф. Минорский привел карту из рукописи Британской библиотеки (см. рис. 1)⁴:

В.Ф. Минорский описал ее: хвост птицы соответствует истокам Нила, вытекающим из Лунных гор (Джабал ал-Камар) — по традиции, идущей от Птолемея. Нил впадает в Средиземное море. Река на северо-востоке соответствует проливам Босфор и Дарданеллы, а голова птица, «по какой-то аберрации», как писал В.Ф. Минорский, указывает на Черное море и Каспий, далее же на восток видно Аральское море и две реки: Амударья и Сырдарья (Minorsky 1951. P. 26–27). Мой коллега Д.Е. Мишин, которому я выражаю глубокую благодарность, сумел следующим образом прочесть некоторые персидские названия на фотографии: «Если смотреть на нижнюю часть блюда, то после колышка, через который проходит шея птицы, размещены надписи: Кух-и-К.ш. мехмард — буквально — «гора К.ш., великого человека. Но я не знаю, что имеется в виду. Далее вниз: Бийабан — пустыня; Андалус — Андалусия; под «Андалус» — непонятный фрагмент; Фаранг — страна франков; Ашкунс — видимо, Башкунс, т.е. Vascones, баски; следующая форма непонятна; Кустантинийа — Константинополь; далее, по-моему, Дарья-и-бозорг-и-Рум, великое море румов. Далее то, что я могу прочитать только как Вади-и-Рум, река румов, но, может быть, это и неправильно. Сакалиба; Вади-и-рус (?), хотя слово рус читается четко); Барабар (?)-и-шималь — нечто северное; Яджудж ва-маджудж; Вади Чин —

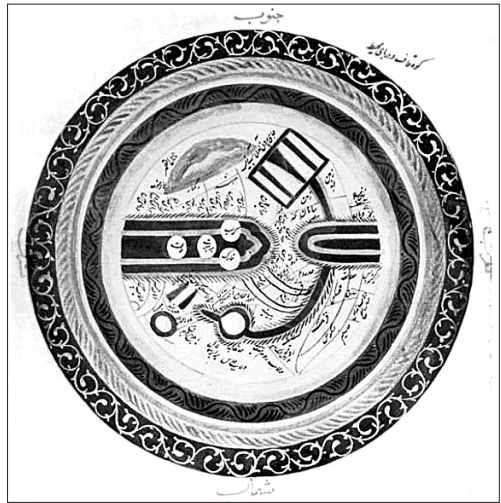

Рис. 1. Карта мира с южной ориентацией из рукописи XIX в.

Fig. 1. Round Map of the World (Brit. Mus., Add. 23542, f. 50), from a 19th century MS.

⁴ Приведено по: Minorsky 1949–1951. P. 94–95; Minorsky 1951. P. 27.

Китай; Тибет; Джейхун; после Джейхуна виден Хузестан. В общем, ясно, что карта — не арабская, а персидская. Вряд ли ее делал ал-Балхи. Впрочем, можно сравнить с географией ал-Истахри»⁵.

Б.Н. Заходер, опираясь на работу В.Ф. Минорского 1951 г., полагал, что «народы Восточной Европы на карте расположены следующим образом: ближе всего к северу находятся русы, к востоку от них — Гог и Магог, к юго-востоку — Мавараннахр, к югу — славяне, к юго-западу — Рум; хазары, болгары и бургасы на карте отсутствуют» (Заходер 1962. Ч. I. С. 51). Таким образом, на этих картах-«птицах» присутствуют названия территорий, морей и народов Европы, Восточной в том числе: море Рума, Константинополь, Андалусия, франки, баски, сакалиба, русы.

Известный ученый Дж. Тиббетс писал о картах школы ал-Балхи и привел аналогичное изображение, хотя в описании он совсем не упоминает об образе птицы, не расшифровывает географические названия и полагает, что эта картина «является грубым наброском карты мира ал-Истахри» (Tibbetts 1992. P. 126–127). Отметим, что В.Ф. Минорский писал о невозможности различить такого рода изображение на картах ал-Истахри (см. выше). Я же совсем не считаю возможным проводить аналогии с картами ал-Истахри: в разных хранилищах сохранилось много персидских вариантов карт мира ал-Истахри, ни одна из которых не напоминает указанный вариант.

Показанная Дж. Тиббетсом карта (рис. 2) ориентирована на север.

Вопрос о том, почему карты ориентированы по-разному, можно объяснить поздней перепиской этих карт. Не исключено, что поводом для северной ориентации карты, показанной Дж. Тиббетсом, послужила надпись сверху с добавлениями названий государств и областей: «и Андалус добавлен (*дар-афзуд*), а из икlima Хинд — то, что примыкает к покоренной земле (*замин-и мансура*) Мултāн до Кāбула и [некоторой] части Тохāристāна, добавлено (*зийādат гашт*). А из стран Чйн, Мāварāннахр, подчиненных им [областей] и того, что примыкает к ним, и соотносится с ними, [также] добавлено (*музāф шуд*)»⁶. Возможно, это добавление сделано поздним переписчиком, который не знал, что юг на такой карте должен был быть сверху, а не снизу.

Известным способом освоения пространства арабами являлось разделение Земли на климаты, на основе античной традиции. Античные ученые, а за ними арабские разделяли Землю на четыре четверти, только одна

⁵ Перевод выполнен Д.Е. Мишиным в личном письме.

⁶ Перевод А.К. Аликберова, которому я глубоко благодарна, приведен в личном письме.

из которых была обитаема и членилась на параллельные экватору зоны. Такая широтная зона называлась климатом и определялась в зависимости от долготы дня или склонения Солнца к экватору. Греческое слово *tó klíma* происходит от глагола *klínō* «склонить(ся), наклонять(ся)» и переводится как 1) «склон, скат, спуск», 2) «страна света, климатический пояс». Термин «климат» арабские ученые воспроизвели как *иклим*. Систему семи климатов исследователи связывают с Эратосфеном, Гиппархом, Марином Тирским, Клавдием Птолемеем (Neugebauer 1975. P. 333–336 et passim; Щеглов 2005. С. 243–265). Труды Клавдия Птолемея оказали решающее влияние на арабскую науку; возможно, имелось также сирийское посредство в передаче античных традиций (Honigmann 1929. S. 110–117 et passim, 156 et passim).

В Багдаде, в «Доме мудрости» (*Bayt al-Hikma*), ученые из разных стран занимались как переводами научных трактатов с других языков на арабский, так и астрономическими, математическими, географическими вычислениями. Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми (ок. 783 — ок. 850 гг.) работал при дворе халифа ал-Ма'муна (813–833). Здесь было проведено измерение градуса земного меридиана, по следам Эратосфена и Птолемея, составлены «Проверенные ма'муновские таблицы» с координатами населенных пунктов (утрачены) и составлена карта мира (утрачена)⁷.

Рис. 2. Карта мира к сочинению ал-Истахри.
Fig. 2. Map of the World according to al-Idrisi.

⁷ Однако есть мнение, что карта мира в сочинении ал-'Умари (1301–1349) воспроизводит карту ал-Ма'муна (Fuat Sezgin 2006. P. 9–10). Аналогичная карта показана в болгарском атласе (Атлас 2011. С. 268), однако публикаторы не связывают ее с именем ал-Ма'муна.

В этой работе, вероятно, участвовал и ал-Хорезми. Опираясь на «Географическое руководство» Птолемея, он создал «Книгу картины Земли», где определил расположение топонимов, гидронимов, ойконимов и проч. внутри семи «климатов» с запада на восток, рассчитывая точки координат по современным ему данным долготы дня и солнцестояния (Крачковский 1957. С. 94–97; Калинина 1988. С. 12–14; Коновалова 2013. С. 161–162).

Ал-Хорезми в основном пользовался названиями из книги Птолемея, но переданы они были зачастую в искаженной или арабизированной форме. Так, среди шестого, седьмого и «заокраинного» климатов им были перечислены среднеазиатские, прикавказские, приазовские и причерноморские города, выбранные из труда Птолемея по принципу упо-

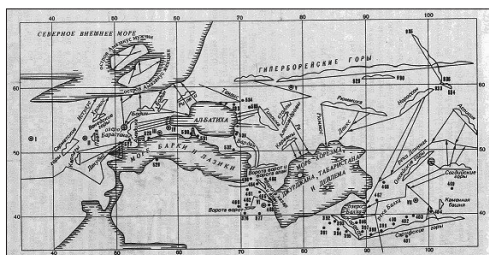

Рис. 3. Реконструкция карты Восточной Европы по ал-Хорезми Т.М. Калининой (по: Калинина 1988. С. 106).

Fig. 3. The Map of Eastern Europe according to al-Khwarazmi. A Reconstruction in: Kalinina 1988. S. 106.

минания самого длинного или самого короткого дня или ночи. Большой части этих городов (таких как *Борисфен*, *Евпатория*, *Тирамба*), уже не существовало, другие (такие как античная *Гермонасса* — *Матраха* IX в.) изменили свои имена, поэтому названия их сильно искажены. Однако известные во время жизни ал-Хорезми топонимы — такие, как *Константинополь*, *Гераклея*, некоторые города на Кавказе в пятом климате, *Халкедон* и некоторые другие в шестом климате переданы автором в привычной арабизированной форме (*Кустантиния*, *Харакла* и т. п.) (Калинина 1984. С. 184–185; Mžik 1936. S. 173–184).

Один из разделов своей «Книги картины Земли» ал-Хорезми назвал «Места [на карте], где описаны пределы стран (*ард*)», с координатами их центров. Названия основаны на данных Птолемея, но изменены в соответствии с новыми материалами, которыми располагал ал-Хорезми. Здесь, среди прочих, встречаются наименования, имеющие аналоги в материалах Птолемея: Германия ('*Ирмания*'), Сарматия, Скифия (*Искусийа*). Автор наполнил эти названия современными ему и, естественно, отсутствующими у Птолемея, реалиями: Германию, по его мнению, населяли славяне (*сакалиба*), Сарматию — придунайские болгары (*бурджаны*). Скифий названо две: одна — земля тюрков (*ат-турк*), другая — земля токуз-огузов (*ат-тугузуз*). Оба названия соответствуют двум Скифиям Птолемея: $\Sigma\kappa\upsilon\theta\iota\alpha \eta \epsilon\nu\tau\acute{o}\varsigma \Upsilon\rho\acute{\alpha}\omicron\upsilon\varsigma \delta\rho\omicron\upsilon\varsigma$: Скифия с внутренней

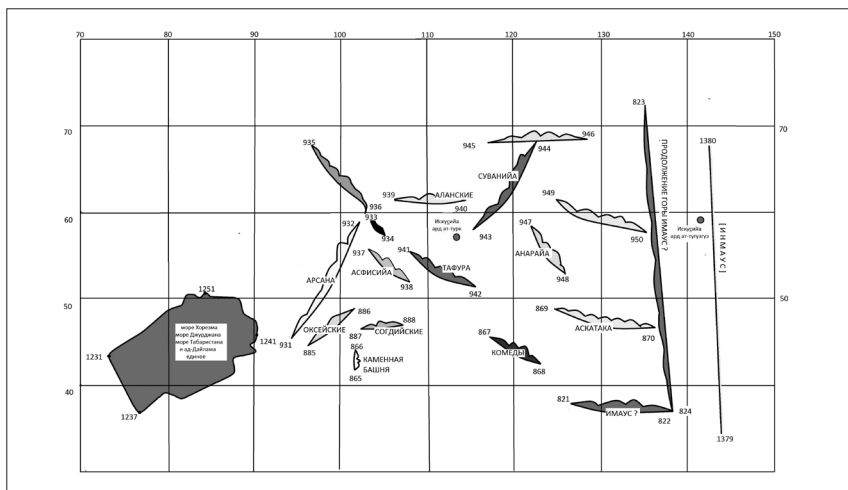

Рис. 4. Реконструкция карты Каспия, гор и двух Скифий азиатской части карты ал-Хорезми Т.М. Калининой.

Fig. 4. Reconstruction of the Map of the Caspian Sea, Mountains and two Scythias by al-Khwarizmi (by T. Kalina).

стороны горы Имаус, (Ptol. VI, 14, 9) и Скифия с внешней стороны горы Имаус (Σκυθία ἢ ἐκτὸς Ἴμαίου ὄρους) (Ptol. VI, 15, 1). У Птолемея Имаус — меридионально протянувшийся с севера на юг горный хребет; у ал-Хорезми нет названия, но координаты соответствуют Имаусу Птолемея (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 32; Калинина 1988. С. 40).

Изображение семи климатов как широтных зон сохранилось в книге Ёакута ар-Руми ал-Хамави (XIII в.) — многотомном «словаре стран», который представлял собой алфавитный перечень хоронимов, ойконимов, гидронимов, оронимов и проч. Ёакут много путешествовал, записывал сведения о местностях, городах, замках и «дивовинках», которые ему удалось увидеть, или известия тех современников, кому он доверял. Это меньшая часть, а большая доля материалов его «Словаря стран», включившего ок. 16000 статей, принадлежала жившим до него географам, историкам, генеалогистам, филологам и поэтам, чьи книги Ёакут изучал, работая в библиотеках. Как и арабо-персидские ученые IX в. и более поздних веков, он не уточнял, к какому времени относились те или иные свидетельства.

Ёакут привел чертеж схемы деления земли на климаты (Jacut's geographisches Wörterbuch 1866. Bd. I. Taf. 4. S. 28–29).

Подобную систему климатов очень подробно описывал еще в IX в. ал-Фергани, начиная отсчет с далекого востока, где располагалась стра-

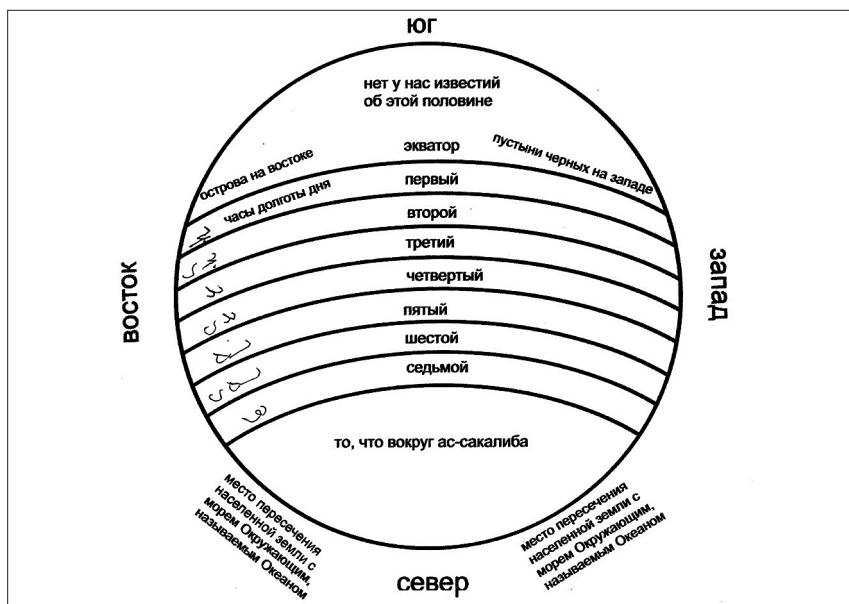

Рис. 5. Деление земли на климаты по Яакуту.
 Fig. 5. Division of the Earth According to Jacut.

на Йаджудж. Один из исследователей предлагал рассматривать это название не как отголосок легендарной традиции, но как вполне реальную страну Когурё (т. е. Корею) (Daunicht 1968. Т. I. P. 105–106, 108, 169). Для областей Восточной и Южной Европы, Малой и Средней Азии ал-Фергани отобрал части четвертого, пятого, шестого и седьмого климатов, а также области вне климатов. В его книге перечислены области и города, через которые шел четвертый климат: в Хорасане названы Ходжент, Фергана, Самарканд, Бухара и ряд других. В пятом климате на севере Хорасана лежали города и области Тараз, Невакет, Хорезм и др., указаны также области Закавказья, Малой Азии, Византии и др. Шестой климат шел через страну Хазар и море Джурджана (Каспий), далее названы Византия и ее города, а также придунайская Болгария (страна Бурджан). Седьмой климат отмечен страной тюрков, морем Джурджана, морем Рума (возможно, здесь — Черное море), страной придунайских болгар и славян. Есть также области «вокруг этих климатов» — они начинаются от страны Йаджудж, далее через страну токуз-огузов, землю тюрков, алан, авар (у ал-Фергани ошибочно — татар, имени которых в IX в. арабы еще не знали), через придунайских болгар, славян (ас-сакалиба). Все климаты, начинаясь с востока,

заканчивались в Западном море (Атлантике) (Al-Fraganus 1669. P. 38; Калинин 1988. С. 129, 130).

Схожее перечисление климатов встречалось у многих географов X–XIII вв.: Ибн Русте, ал-Мас‘уди, Мутаххара ал-Макдиси, ал-Бируни, ал-Марвази, ал-Казвини и др.

Картина климатов была подробно описана в анонимном географическом трактате «Чистых братьев», культурно-религиозной общине, существовавшей в X в. в Басре. Неизвестный автор, член этой общины, писал: «Глава о семи климатах. Мы говорим, что климаты — [это] семь частей, начертанных в населенной части Земли. Каждый из климатов — как бы разостланный ковер, протянувшийся по длине с востока на запад, а по ширине с юга на север.

...И знай, что климаты суть не естественные части, но воображаемые линии, которые провели первые цари, обошедшие вокруг обитаемой четверти земли, чтобы узнать в ней границы стран, царств и путей, наподобие ал-Искандара ар-Руми ал-Йунани (Александра Македонского. — *Т. К.*), химйаритского тубба’ (владыки. — *Т. К.*), Афридуна ан-Набати (персонаж персидской мифологии Феридун, носитель света и добра. — *Т. К.*), Ардашира ибн Бабакана ал-Фариси (основателя и первого царя династии Сасанидов, Ардашира Папакана. — *Т. К.*), Сулеймана ибн Да‘уда ал-Исра‘или (библейского царя Соломона. — *Т. К.*), да будет над ними обоими мир, и прочих царей.

Что касается остальных трех четвертей земли, то передвижению в них препятствуют высокие горы, трудные дороги, многоводные моря и переменчивые погоды, с резкими сменами жары, холода и мрака, как, например, в северной области под орбитой Козерога. А там холод очень велик, так как все шесть месяцев зимы там [бывает] ночь, воздух очень темный, воды замерзают из-за сильного холода, погибают растения и животные...» (Kitāb Ihwan al-Ṣafa’ 1957. Т. 1. С. 164–165).

Для европейских и азиатских территорий автор «Ихван ас-Сафа» отвел климаты с пятого по седьмой. Как и некоторые другие авторы, он писал и о принадлежности каждого климата тому или иному светилу, а также характеризовал внешность жителей климата. Он считал, что самые славные и мудрые люди живут в четвертом климате, «а что касается остальных климатов, то их жители страдают недостатком благородных привычек, ибо лица их гадки, а характеры их дики, подобно зинджам, абиссинцам и большинству народов, которые находятся в климатах первом и втором, и подобно тем народам, которые располагаются в шестом и седьмом климатах, таких как йаджудж, маджудж, булгары, сакалиба и подобные им...».

Пятый климат, жители которого отличались белизной кожи, по материалам трактата, принадлежал Венере, а начинался с востока; проходил посередине страны Йаджудж и Маджудж, посередине стран и областей Средней Азии, Ирана и Ирака, Азербайджана и Арминийи, далее посередине страны ар-Рум, пересекал там пролив Кустантинийи, проходил к северу от моря ар-Рума, через области Италии и Андалусии и заканчивался у моря Западного, т. е. западной части Атлантики — после Гибралтара.

Шестой климат, цвет кожи которого был между рыжим и белым, принадлежал Меркурию. Этот климат начинался с востока, от севера земли Йаджудж, мимо областей Средней Азии и Ирана, пересекал море Табаристана (т. е. Каспий. — *Т. К.*), по странам и областям Кавказа, шел к северу от моря Понт, к северу от Кустантинийи и соседних с ней областей, проходил к югу от моря ас-Сакалиба, затем шел к северу от храма Венеры и Андалусии и достигал моря Запада.

Седьмой климат, жители которого были рыжими, принадлежал Луне. Начинался он тоже с востока, проходя к югу от стран Йаджудж и Маджудж и страны Систан, затем через территории народов Средней Азии, затем к югу от алан, проходил с севера от моря Джурджана (Каспия. — *Т. К.*) и страны реки (вероятно, Волги; возможно, страна — это Хазария. — *Т. К.*). Затем он проходил мимо горы Баб ал-Абваб (т. е. Дербента. — *Т. К.*), посередине моря Понт (Черного. — *Т. К.*), проходил к югу от области Бурджан (придунайских болгар. — *Т. К.*) и к северу от области Македония, затем шел с юга от моря Сакалиба и к югу от острова (какого — не ясно. — *Т. К.*), и достигал моря Запада (*Ibidem*. С. 189–170).

Таким образом, описание климатов в географическом трактате «Чистых братьев», как и в трактате ал-Фергани, показывает знакомство с довольно многочисленными местностями Средней Азии, Восточной и Южной Европы.

Схожее описание семи климатов, с модификациями и добавлениями названий народов, встречается у многих географов X–XIII вв.: Ибн Русте, ал-Мас‘уди, Мутаххара ал-Макдиси, Агапия Манбиджского, ал-Бируни, ал-Марвази, ал-Казвини и др. Для примера: в одном из трудов ал-Бируни шестой климат он отводил тюркам и другим среднеазиатским народам (среди них названы куны — вероятно, будущие половцы), хазарам, северной части Каспия, аланам, области между Каспием и Черным морем. В седьмом климате, который, по мнению ал-Бируни, был отмечен малым количеством возделанных земель, а восточная его часть — обилием лесов и гор, упомянуты башкиры, печенеги, приволжские

центры Сувар и Булгар, земли русов, славян, болгар и мадьяр. За пределами же седьмого климата названы северные народы весь, югра и варяги (*варанки*) (Ал-Бируни 1957. С. 100–101).

Ал-Бируни привел описание и карту морей Земли, в которой впервые показано Варяжское море и варяги (*варанки*) (Ал-Бируни 1975. Т. 6. С. 101).

Кроме греческой, арабскими учеными была воспринята и иранская традиция деления мира на семь областей.

Ал-Мас'уди (перв. пол. X в.) говорил: «Название «климат» (*иклим*) на персидском языке — это *кешвар*» (BGA VIII. P. 32). Климаты выглядели как круги, расположенные вокруг центрального круга и соприкасающиеся одной стороной в одной точке.

Ал-Бируни показал схему такого разделения климатов (*кешваров*) между странами и народами (Ал-Бируни 1975. Т. 6. С. 115), хотя и до него такие ученые, как Ибн ал-Факих, ал-Мас'уди и др. описывали климаты-кешвары: в центре каждого круга находилось название той страны или нескольких стран, которые преобладали в этом климате. Имена наиболее важных стран у разных авторов не совпадали, тем не менее были известны хазары, тюрки, славяне.

В X в. возникла плеяда ученых, которых исследователи называют «классической школой арабских географов», т.к. труды их содержали карты, названные учеными «Атласом ислама» (Крачковский 1957. С. 194–218; Kramers 1938. S. 66; Tibbets 1992. P. 108–129). Хотя все они главную роль отводили описанию мусульманских стран, они уделяли внимание Византии, Восточной Европе, Дальнему Востоку. Их сочинения содержали круглые карты мира и карты отдельных регионов; тексты были посвящены описанию регионов и отдельно — описанию карт; они зачастую совпадали. На этих картах нет географических координат, не упоминаются они и в текстах. Эти ученые оперируют понятия-

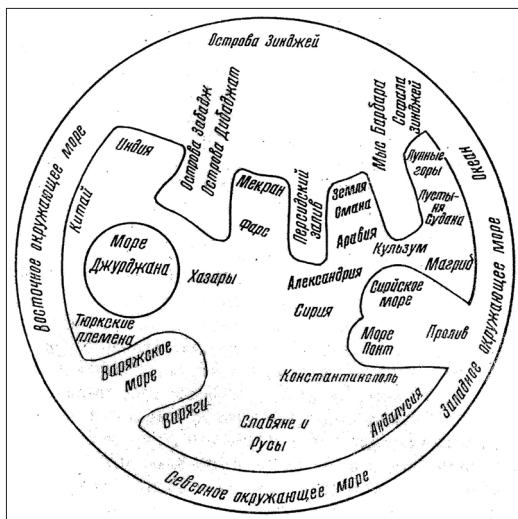

Рис. 6. Карта Мира ал-Бируни.
Fig. 6. Map of the World by al-Biruni.

ми *иклим* («климат»), который у них означает разные территории, никак не связанные с понятиями широтной зоны, а также *балад* («страна»), *ард* («земля»). Употребляется и термин *мамлакат*, т. е. «государство». Разной в применении терминов авторами «классической школы» показывает, что они не вкладывали какой бы то ни было политический смысл в термины для обозначения стран, воспринимая их чисто географически⁸.

Основоположителем этой географической школы был Абу Зайд ал-Балхи (ок. 850 — 934 гг.). Он жил в Балхе и не

выезжал из него, но был в контакте с жившим в Бухаре известным ученым, везирем Саманидского государства ал-Джайхани. Ал-Джайхани был автором не дошедшего до нас географического сочинения «Книга путей и стран». На него ссылались последующие авторы, работавшие в жанре описательной географии (Ибн Хордадбех, ал-Мас'уди, Мутаххар ибн Тахир ал-Мукаддаси, Гардизи и др.). Есть предположение, что известия этих ученых о Византии, море Рума, Черном (*Понт=Нумас*) и Азовском (*Майутис=Маймас*) морях, как и блок сведений о народах Восточной Европы, восходят к произведению ал-Джайхани (Мишин 2009. С. 33–45; Göckenjan, Zimonyi 2001). Но карт, как можно понять по сведениям о его сочинении, к своему труду он не прилагал; авторы, принадлежавшие к сфере описательной географии, также сами не составляли карт и не опирались на какие-либо карты.

Ал-Балхи написал ок. 920 г. трактат «Изображение семи климатов», хотя в источниках встречаются и другие названия (Крачковский 1957. С. 195–196; Watt 1983). До сих пор полагали, что эта книга до нас не дошла. Однако в Институте арабских рукописей Лиги арабских стран в Каире нашлась рукопись географического сочинения «Упоминание о расстояниях и изображение климатов», чьим автором

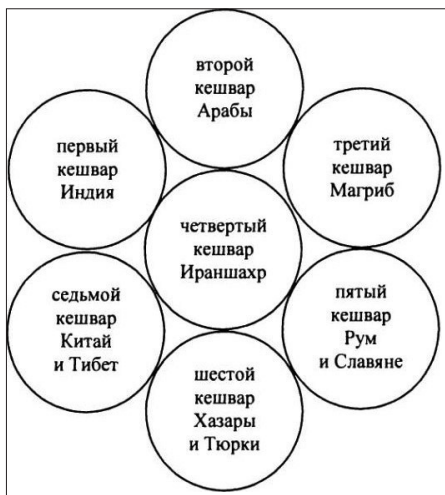

Рис. 7. Кешвары.
Fig. 7. Keshvars.

⁸ Однако есть противоположная точка зрения — о восприятии стран и земель как принадлежавшим к категориям «империй» (*мамлакат*), выработанная арабскими географами «классической» школы (Коновалова 2013. С. 173–174).

указан Абу Зайд Ахмад ибн Сахл ал-Балхи. Как писали многие востоковеды до этого, очень часто встречались сочинения со схожими или аналогичными названиями, где автором был указан ал-Балхи. Однако при тщательном рассмотрении оказывалось, что труд аналогичен либо сочинению ал-Истахри, либо труду Ибн Хаукала (Kramers 1932. P. 9–30). Но предварительное ознакомление с каирской рукописью позволило востоковеду из Казахстана Р.Б. Кумековой полагать,

Рис. 8. Круглая карта мира ал-Балхи.
Fig. 8. Round Map of the World by al-Balkhī.

что выявленное ею сочинение — не редакция труда ал-Истахри, а, скорее всего, оригинальное сочинение ал-Балхи с картами (Кумекова 2009. С. 63–65; Кумекова 2013. С. 324–330). Каждую область предвзряет географическая карта, а текст представляет собой описание этих карт. Р.Б. Кумекова в своих кратких заметках не указала на возможность сопоставления этой рукописи с трудом или картами Ибн Хаукала, поэтому требуется серьезная дальнейшая разработка этой темы. К сожалению, каирская карта и само сочинение не изданы, они известны только в рукописи по описанию Р.Б. Кумековой.

Однако ныне опубликована другая недатированная круглая карта мира, хранящаяся в коллекции Аяя София в Стамбуле, где автором назван ал-Балхи⁹.

Выше приведен ее фрагмент. Здесь показан Каспий (море Табаристана) и река Итиль. Один из ее рукавов впадает в Константинопольский пролив, в свою очередь соединенный с Северным морем (справа). Другое ответвление также соединено с Северным морем. Именно вдоль этой части обозначены русы, болгары; на другом берегу близ Каспия — бургасы и хазары. Противоположный берег Итиля занимают кимаки,

⁹ Копия карты мира из Süleymaniye Manuscript Library, коллекции Аяя София в Стамбуле № 2577, f. 3b–4, принадлежавшей, как считают Д. Стоименов и С. Кендерова, ал-Балхи и относящейся к 920–922 гг. (Атлас 2011. С. 98–99 [описание], 100–101 [П. 1]).

ниже показаны народы йаджудж и маджудж, еще ниже, ближе к Окружающему океану — «пустыни севера». Вблизи впадения рукава Каспия в Константинопольский пролив показаны славяне (*ас-сакалиба*).

Труд ал-Балхи был использован и дополнен его младшим современником Абу Исахом ал-Фариси ал-Истахри. Известно, что он путешествовал по Ирану и странам Средней Азии, был

в Аравии, Сирии и Египте. В начале 30-х гг. он написал географическое сочинение «Книга путей и стран». Считается, что ок. 950 г. им самим или его учениками была произведена редакторская переработка этого опуса, и именно она сохранилась и была весьма популярна; сохранилось много карт и тексты этого произведения (Крачковский 1957. С. 196–198; Tibbets 1992. P. 108–111). Текст являет собой описания земель и торговых дорог; есть мнение, что образцами для них послужили дорожники сасанидского времени (Tibbets 1992. P. 114–115). Как предполагали ученые, ал-Истахри почти полностью включил труд ал-Балхи в свое сочинение (De Goeje 1871. S. 42). Однако и на этой, и на других картах ал-Истахри (их сохранилось большое количество в разных рукописных собраниях) р. Итиль не соединена ни с Константинопольским проливом, ни с морем ал-Хазар, как у ал-Балхи (см. выше). Расположение народов, однако, идентично карте ал-Балхи.

Ниже показан фрагмент одной из круглых карт мира ал-Истахри, копия 1198 г. (Атлас 2011. С. 104–105 [описание], 106–107 [П. 2/1]) и фрагмент из карты мира Ибн Хаукала¹⁰. Здесь главное течение Итиля показано впадающим в Константинопольский пролив (*халидж ал-Кустанинийя*). Итиль имеет еще два рукава. Снизу правого рукава показаны булгары и русы, сверху него — бургасы и хазары, ближе к Каспию (Альбом 2011. П.3. С. 130–131). Вблизи Каспия (*бахр ал-Хазар*) располагаются разные виды тюрок.

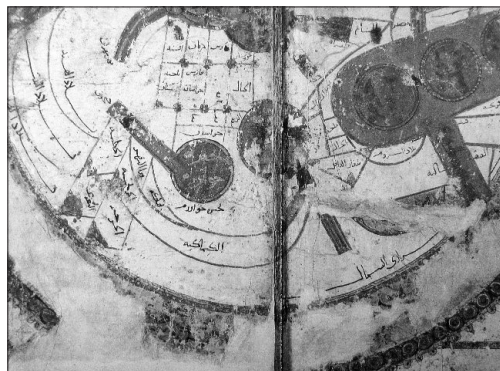

Рис. 9. Фрагмент одной из круглых карт мира ал-Истахри, копия 1198 г.

Fig. 9. Fragment of one of the Round World Maps by al-Istahri, a Copy made in 1198.

¹⁰ Копия рукописи, датированной 1086 г. (Library Topkapı Saray Museum в Стамбуле. Реф. A3346). Издатели считают, что изображение относится к 980 г. (Альбом 2011. С. 129).

В тексте Ибн Хаукал пишет: «Море Хазар. Это море не соединяется ни с одним из морей земли ни способом смешения, ни способом связи, кроме того, что входит в него из реки русов, известной как Итиль, и оно связано ответвлением, ведущим от него к проливу, [который] выходит из земли Константинополя, с морем Окружающим» (BGA II₂. P. 388). «Итиль — название реки, которая течет к ним (хазарам. — Т.К.) от русов и болгар и впадает в море

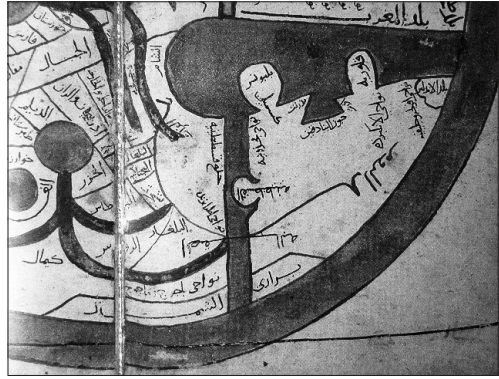

Рис. 10. Круглая карта мира Ибн Хаукала. Копия рукописи, датированной 1086 г. Издатели считают, что изображение относится к 980 г.

Fig. 10. Fragment of the Round Map of the World by Ibn Hawkal.

Хазар (Каспийское. — Т.К.). Говорят, что эта река вытекает из [области] мраков и никто не знает начала ее, и никто не доходил до ее истоков» (BGA II₂. P. 389). «Говорят, что от этой реки отделяется более 70 рек, а главное русло реки остается течь к Хазарану и впадает в море» (BGA I. P. 222; BGA II₂. P. 393). Пролив Константинополя Ибн Хаукал описывал так: «Константинопольский пролив впадает в море Рума из моря Окружающего, до того [места] о котором я говорил раньше, от самого севера до пустынных окраин, которые не посещают из-за холода, и уходит он (пролив на севере. — Т.К.) в бедную из бедных землю Гога и Магога (*Йаджудж и Маджудж*)» (BGA II₂. P. 202). Названия *Йаджудж* и *Маджудж* происходят от библейских имен Гог и Магог, но в арабской традиции они связывались с легендой об Александре Македонском, который якобы запер эти жестокие народы за железной стеной, и разрушиться эта стена должна только перед концом света, когда выйдут народы Гог и Магог, принеся разрушение миру. Народы *Йаджудж* и *Маджудж* фигурируют как жители Дальнего Востока ойкумены в сочинениях ал-Хорезми, Ибн Хордадбеха, Ибн ал-Факиха и др., но по материалам ал-Истахри, Ибн Хаукала и Ибн Фадлана, они обитают на севере.

Итак, Ибн Хаукал внес существенные коррективы в представления ал-Истахри. Последний описывал Каспий, называя его морем Хазар, следующим образом: «Это море не соединяется ни с одним из морей на поверхности земли, и если человек объедет вокруг моря, то вернется к тому месту, с которого начал [путь] без помех, разве только

пресная река впадает в него... (имеется в виду Итиль. — Т. К.) (BGA I. P. 218).

Ибн Хаукал же соединил море *ал-Хазар*, посредством реки *Итиль*, с проливом *ал-Кустантинийа*, добавив в описание моря Хазар ал-Истахри существенную деталь: «Это море не соединяется ни с одним из морей на поверхности земли ни способом смешения, ни способом связи, кроме того, что входит в него из реки *ар-Рус*, известной как *Итиль*, и оно (море) связано ответвлением, ведущим от него к проливу, (который) выходит из земли *ал-Кустанинийа*, с морем Окружающим (подчеркнуто мной. — Т. К.). И если человек объедет вокруг этого моря... [далее — как у ал-Истахри]» (BGA II₂. P. 388).

Таким образом, основой для информации о р. Итиль послужили сведения ал-Истахри, однако Ибн Хаукал вставил свои известия об имени реки («река русов»), течении ее к Хазарану, неизвестных истоках в «стране мраков» и соединении с Константинопольским проливом. Последний представляет собой водный поток, выходящий из моря Рума (цепи морей от Гибралтара до Сирии). Начальная часть моря Рума почти совпадает с данными ал-Истахри: из Окружающего океана (т. е. западной части Атлантики), начиная от Гибралтарского пролива, вытекают соединяющиеся между собой моря. После прохождения мимо Сирии (*аи-Шам*) поток резко поворачивает вниз и становится Константинопольским проливом (*халидж ал-Кустантинийа*). Отдельно от описания моря Рума Ибн Хаукал отмечает, что в правой части карты показан пролив, который называется Константинопольским, соединяющийся, по мнению нашего географа, с морем ал-Хазар (BGA II₂. P. 8–9).

На картах из трудов ал-Балхи (предположительно), ал-Истахри и Ибн Хаукала жителями северо-востока Земли предстают разные виды тюрок, хазары, болгары, бургасы, русы, славяне (*сакалиба*); Византия и Рим. На обеих картах показан широкий полукруг земель *ар-Рума*; граничит с ними область *ас-сакалиба*, которая располагается по обе стороны Константинопольского пролива (BGA II₂. P. 10–11). Представители «классической» школы географов не знали о существовании Черного и Азовского морей, которые оказываются как бы внутри Константинопольского пролива. Это обстоятельство показывает преимущественный интерес их к областям ислама и Поволжья.

Таким образом, как на карте, так и в тексте Ибн Хаукала, восточно-европейские водные пути представлены одним водным потоком, связывающим малоазиатские и византийские земли с севером. Ибн Хаукал выразил таким образом полученную информацию о торговых связях северных земель (Руси, Хазарии, Волжской Булгарии, Скандинавии) с Византией и Востоком.

Следует отметить, что даже на первый взгляд заметно большое сходство опубликованных карт ал-Балхи и Ибн Хаукала, поэтому необходима дальнейшая систематическая работа по сравнению текстов и карт авторов. Соотношение произведений трех авторов не поддается пока уверенному отождествлению, вследствие чего приходится вспомнить замечание М. де Гье, который около 150 лет назад сказал, что относительно сочинений ал-Балхи, ал-Истахри и Ибн Хаукала существует путаница (De Goeje 1871. S. 42).

В 2002 г. была опубликована прямоугольная карта мира и ее отдельные части из «Книги чудес наук и диковин виденного воочию» (*Kitāb Gharā'ib al-funūn wa-mulaḥ al-'uyūn*) анонимного автора. Рукопись хранится ныне в Бодлеанской библиотеке в Оксфорде. Труд состоит из двух книг: Книга I, о небесах, в десяти главах, и Книга II, о Земле, в двадцати пяти главах. Сочинение явилось предметом совместного исследовательского проекта Восточного института и Бодлеанской библиотеки; она публикуется в полном объеме на новом веб-сайте, где находятся приведенные выше данные о труде и его авторе, а также переводы с арабского языка и краткие пояснения на английском языке авторов исследования к отдельным частям карты (The Book of Curiosities / Eds. E. Savage-Smith, Y. Rapoport). Сайт содержит высококачественную электронную версию копии оригинального текста и иллюстраций с возможностью просмотра современного арабского издания наведением курсора мыши и возможностью перевода текста трактата на английский язык. Это электронная форма публикации особенно подходит для «Книги чудес», потому что рукопись находится в плачевном состоянии, и потому что большая часть материала в трактате содержится в форме схем и карт (The Book of Curiosities / Eds. E. Savage-Smith, Y. Rapoport; Mohammad Abbatoui. The Book of Curiosities). Изучала рукопись Э. Савадж-Смит¹¹. Она занимается историей арабской медицины в средние века, гаданиями и магией, исламской картографией и астрономическими инструментами средневековых арабов.

Трактат был составлен в первой половине XI в. Хотя копия не датирована и не подписана, бумага, чернила и пигменты относятся к египто-сирийским изделиям начала XIII — XIV в. (The Book of Curiosities / Eds. E. Savage-Smith, Y. Rapoport; Mohammad Abbatoui. The Book of Curiosities).

---

¹¹ E. Savage-Smith, Professor of the History of Islamic Science (retired), The Oriental Institute, University of Oxford and Senior Research Consultant, Bodleian Library, Archivist & Former Fellow, St Cross College, Oxford.

Анонимный автор признавал законную власть фатимидских имамов, которые пришли к власти в Ифрикии в 909 г. и правили в Каире с 973 г. до низложения их династии Саладином в 1171 г. Аноним начинает свою работу с признания Фатимидов, а в дальнейшем дает краткую, хотя крайне догматичную историю династии с момента присоединения первого имама Аль-Махди до поражения Абу Йазид его сыном Аль-Ка'имом. Иногда он использовал коптские термины и названия коптских месяцев, что наводит на мысль о Египте как месте написания документа (Ibidem).

Трактат был, вероятно, написан до 1050 г. Это следует из таких фактов, как упоминание строительства зданий для магазинов в городе Тиннис в 1014–1015 гг. Кроме того, фатимидский правитель Египта и Сирии ал-Хаким би-Амр Аллах (996–1021) упоминается в главе, посвященной Тиннису, так, как будто он уже не стоит у власти. Поэтому трактат был, вероятно, написан после 1021 г. Имеет значение и упоминание племен Бану Кура как обитающих в низинах близ Александрии, в то время как они были изгнаны из региона Александрии властями Фатимидов в 1051–1052 гг. Также важно описание Сицилии под властью мусульман, в то время как туда вторглись норманны в 1070 г. Следовательно, автор работал в промежутке времени от 1020 до 1050 гг. (Ibidem; Johns, Savage-Smith 2003. P. 7–8).

Автор использовал данные книг более двадцати предшественников, а также оригинальную информацию, полученную от современных ему торговцев и путешественников, был литератором, но едва ли ученым; также он обладал собственной информацией (Johns, Savage-Smith 2003. P. 9–10; Rapoport, Savage-Smith 2008. P. 121–138. Plates IV–VI).

На картах «Книги чудес», так же, как на подавляющем большинстве арабских карт, юг показан сверху, север — снизу, таким образом, восток и запад меняются местами, что необходимо учитывать при реальном рассмотрении карты. Прямоугольная карта мира Анонима могла опираться на несохранившуюся карту ал-Хорезми, поскольку некоторые картинки в труде этого автора аналогичны изображениям в книге Анонима (например, вид Яхонтовых гор, Лунных гор и Нила). Основы построения прямоугольной карты были изложены Сухрабом, ученым

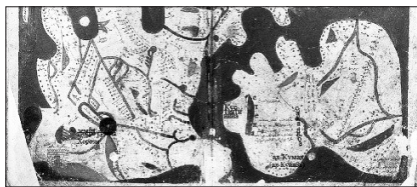

Рис. 11. Прямоугольная карта из «Книги чудес».

Fig. 11. Rectangular Map in the “Book of curiosities”.

Х в., переписавшим «Книгу картины Земли» ал-Хорезми (Johns, Savage-Smith 2003. P. 13–31).

В правой нижней части карты мира показана Европа с очень большими Пиренейским и Иберийским полуостровами, Пелопоннесом, хотя таких имен на карте нет. Цепь морей, начинающаяся, как на картах «классической школы» арабских географов, из Атлантики и тянущаяся через Гибралтар, проходит через Средиземное море и включает в себя остальные моря как заливы. Названий у них нет. Далее воды переходят в Константинопольский пролив (как у ал-Истахри и Ибн Хаукала), но наименований тоже не имеется. На побережье, на правой стороне пролива обозначена Анталия, а на левой оконечности европейского континента отмечен Константинополь, вблизи некоей коричневой каменной стены (Rapoport, Savage-Smith 2008. P. 124). Не исключено, что здесь имеется в виду известная «Длинная стена» (греч. τὸ μακρὸς τεῖχος) — внешний рубеж обороны в 50 км от Константинополя, протянувшийся от Деркоса на Черном море до Силимври на Мраморном. Стены были построены византийским императором Анастасием (491–518) в 512 г., однако впоследствии полуразрушены из-за землетрясений и недосмотра властей, тем не менее восстанавливались и существовали и в гораздо более позднее время (Janin 1964. P. 262–263).

Здесь же на карте Анонима вставлен текст: «Границы вблизи Константинополя необитаемы; в области множество народов, говорящих на языках, отличных от своих соседей из других гор. Они живут очень близко друг к другу, несмотря на их различия и междоусобицы. Некоторые из них, точнее, большинство, и самые известные из них, подчиняются правителю Византии. Их религия — христианство». Эта фраза очень схожа с фрагментом из главы о море Рума книги Ибн Хаукала (BGA II₂. P. 193).

На карте Анонима правее Константинополя, снизу вверх, есть надпись: *сакалиба*. Ниже Константинополя и правее — надпись: *ал-Куман*. Исследователи интерпретируют это название как искаженное *ал-Куйаба*. Топоним *Куйаба* не обозначен на картах географов «классической школы», но он встречается в текстах сочинений ал-Истахри, а в несколько расширенном виде — у Ибн Хаукала:

«Вывозят от них (хазар. — *Т.К.*) мед, воск и меха, но привозят [эти товары. — *Т.К.*] из областей русов и булгар, а также шкурки бобров, которые возят по всему свету. Бывают они только в тех северных реках, которые [текут. — *Т.К.*] в стороне булгар, русов и Куйабы...» (BGA I.

Р. 221; BGA II₂, Р. 392). «Русов три вида. Один из них — самый близкий к Булгару, и их властитель находится в городе, называемом Куйаба...» (BGA II₂, Р. 397).

В арабских источниках этноним *ал-қумāн* известен в византийских источниках, в арабских же — только в труде ал-Идриси и его последователей (Бартольд 1968. Т. V. С. 99; Коновалова 2009. С. 72), однако арабское написание его иное: *ал-қумāн* (не *ал-қумāн*, как у Анонима). Оно относится к народу, известному на Руси как половцы. Иное, чем у Анонима на карте, написание имени, позволяет полагать, что правы интерпретаторы карты Анонима. В таком случае это — единственное обозначение Киева на арабских картах.

Итак, рисунок водного потока, соединяющего море ар-Рума (Средиземное) с Константинопольским проливом (по данным «классической школы» географов), который в труде Анонима показан, но не имеет названия, вероятнее всего, имеет основой карты (или текст для карт) «Книги путей и стран» Ибн Хаукала, хотя образ явно искажен. Это течение вод на карте и в тексте Ибн Хаукала заканчивается в северной части Окружающего океана, вблизи земель Йаджудж и Маджудж и «северных пустынь», в то время как на карте Анонима оно продолжается до земель Испании и Галисии. Как и в сочинении Ибн Хаукала, Европа показана как остров, но очертания ее у Анонима начинаются и заканчиваются упоминаниями земель Испании. Внутри этой суши, как было сказано выше, названы Константинополь, возможно, «Длинная стена», область славян и Киев (*Куйаба*).

В левой нижней части прямоугольной карты Анонима изображено Каспийское море. Так же, как на карте Ибн Хаукала, оно показано круглым, однако окрестности имеют другой вид. Такие области, как Хорезм, Табаристан, земля гузов показаны вблизи Каспия, р. Джайхун (Амударья) — впадающей в Каспий, тогда как у Ибн Хаукала они находятся вокруг Аральского моря, как и течение и впадение Амударьи в Арал. Итиль и его рукава, отраженные на карте Ибн Хаукала, не обозначены на прямоугольной карте Анонима.

Рис. 12. Карта Каспия из «Книги чудес».

Fig. 12. Map of Caspian Sea in the “Book of curiosities”.

Однако помимо вида Каспия на общей прямоугольной карте мира, в трактате Анонима имеются карты отдельных регионов. Так, выделено *море Хазаран*, т. е. Каспий.

Этот рисунок почти аналогичен карте Каспия в труде Ибн Хаукала, с той разницей, что север на карте Ибн Хаукала показан внизу, а не наверху, как на карте Анонима, поэтому все обозначения меняются местами; есть и некоторые различия. Внизу карты Каспия Анонима идет текст, почти дословно повторяющий фрагмент из книги Ибн Хаукала о том, что море Хазар не соединяется с другими морями Земли и впадает в него одна река ар-Рус, известная как Итиль (см. выше).

Острова Баб ал-Абваб и Сиаих Кух на карте Анонима показаны в правой части моря, у Ибн Хаукала — в левой. На карте Анонима сверху обозначены горы Дейлема и области Гиляна и Дейлема; у Ибн Хаукала снизу показана страна Дейлема. Аноним показывает слева на берегу — Табаристан, ниже Джурджан, затем пустое пространство между Гузией и Джурджаном, далее землю гузов. Ибн Хаукал в том же порядке перечисляет эти области, исключая пустое пространство. Внизу Каспия справа у Анонима присутствуют горы, вдоль которых написано: земля Хазаран; соответственно, на карте Ибн Хаукала — ал-Хазар. Здесь Аноним показывает реку ар-Рус (русов), где ближе к Каспию — в верхней части реки — город ал-Хазар, в нижней части — город Баб ал-Абваб (Дербент). Названия «река ар-Рус» на карте Ибн Хаукала нет, она упомянута только в тексте (см. выше). Сверху этой реки на карте Ибн Хаукала есть имя *Итиль*, снизу — *Хазаран*. Это соответствует тексту Ибн Хаукала: «Хазары — имя вида людей; их город небольшой, имеет две стороны. Одна сторона называется Итиль, по имени реки, а другая — Хазаран» (BGA II₂. P. 15).

Справа, немного в глубине, на карте Анонима показан Тифлис, еще раз упомянут Баб ал-Абваб, далее отчетливо видны соединяющиеся протоком (как у Ибн Хаукала) реки Кура (без названия) и Аракс (*ар-Расс*), вблизи указан Барда'а. На юго-западе имеются Мукан, далее земли Гиляна и Дейлема, выше, на юге, на другой стороне той горы, которая названа горой Дейлема (см. выше) — Арминийа. Ибн Хаукал

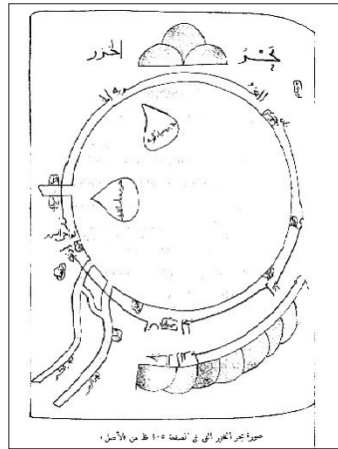

Рис. 13. Карта Каспия Ибн Хаукала.
Fig. 13. Ibn Hawqal's Map of the Caspian Sea.

приводит названия рек *ал-Купп* и *ар-Расс*, на побережье есть надпись «Азербайджан», а также можно различить наименования ас-Сарир, Варсан, некоторые другие.

Итак, Анонимный автор трактата XI в. использовал в своих построениях труды ал-Хорезми и Ибн Хаукала, однако обнаружил и оригинальное воззрение на территории Восточной Европы и Средней Азии.

В целом можно констатировать, что арабские картографы уже в IX в. были знакомы с восточноевропейскими землями, в X в. — с водными путями, городами и областями, народами. Их представления складывались под влиянием как книжных, так и современных им знаний. Современная нашим географам совокупность сведений о физической географии этих областей была непосредственно связана с функционированием торговых путей, расположения почтовых станций, известиями миссионеров.

АРАБСКИЙ ИСТОЧНИК X В. (ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ «ЧИСТЫХ БРАТЬЕВ») О ТЕРРИТОРИИ СССР И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РАЙОНАХ¹²

Более пятидесяти трактатов по вопросам философии, религии, этики, математики, астрономии, географии и других наук сохранились от X в. Эти произведения были написаны авторами, объединившимися в Басре в общество под названием «Чистые братья и верные друзья». Наименование общества было взято из притчи «Калилы и Димны» (арабской переработки VIII в. индийского литературного сборника Панчатантра, популярного на Ближнем Востоке — см.: Goldziher 1910. S. 24). Такое название отражало основную цель общества, а именно спасение душ посредством чистоты помыслов, выражавшихся в трактатах — посланиях к братьям, и верности этим этическим, религиозным, научным воззрениям. Культурный деятель X–XI вв. Абу Хайан ат-Таухиди и кади г. Рей ‘Абд ал-Джаббари называют имена создателей общества, лиц из высокопоставленных слоев: Мухаммед Ибн Ма‘шар ал-Бусти ал-Мукаддаси, ‘Али Ибн Харун ал-Занджани, Абу Ахмад ан-Нахраджури, Абу Мухаммед Абу-л-Багл, Зейд Ибн Рифа‘а (Marquet 1986. P. 1071–1072). По-видимому, перечисленные персонажи были и авторами трактатов, хотя и не единственными. Время существования общества — X в. от начала до 80-х гг. (Ibid.).

Изучение посланий «Чистых братьев» имеет долгую традицию. Оно началось с таких известных ученых, как Ф. Дитерици, И. Гольдциер, Л. Массиньон, Г. Флюгель. Были переведены некоторые послания, выявлены возможные авторы и время составления сборника. В дальнейшем были отмечены исмаилитские тенденции в религиозных воззрениях, продолжено изучение проблем авторства, хронологии, литературного, философского, научного и религиозного наследия (историографию вопроса см.: Крачковский 1957. С. 230; Marquet 1986. P. 1076).

Послание о географии, в разных изданиях исчисляющееся по-разному (четвертое или пятое), представляет собой обоснование геоцентрической системы, описание разделения Земли на необитаемую и населенную зоны, пояснение значения экватора и полюсов, деления

---

¹² Впервые опубликовано: ДГ, 1982 г.: Материалы и исследования. М., 1984. С. 196–207.

населенной части на широтные пояса — «климаты». В научных представлениях «Чистых братьев» большую роль играла астрономия, т. к. считалось, что все сущее находится под влиянием расположения и движения небесных светил. Поэтому при описании климатов упоминаются созвездия и планеты и отношение к ним географических объектов. По своему типу послание о географии примыкает к астрономо-географическим произведениям, связанным с переработкой трудов ученого II в. н. э. Клавдия Птолемея. Оно содержит общие для арабской географии представления, базирующиеся на «Альмагесте» Птолемея. Такого рода сочинения, опирающиеся на «Альмагест» и «Географическое руководство» Птолемея, принадлежат перу ал-Фаргани (IX в.), ал-Хорезми (IX в.), ал-Батгани (X в.) (Honigmann 1929). Географический трактат «Чистых братьев» напоминает указанные труды схемой расположения материала, описанием населенной части Земли, ее климатов, указанием долгот и широт населенных пунктов. Однако есть и существенное отличие. В трудах, связанных с «Географическим руководством» Птолемея, много непосредственных аналогий с материалами последнего. Географический трактат «Чистых братьев» содержит мало таких материалов. Конкретная информация его, хотя и не дает чего-либо принципиально нового, тем не менее существенно отличается как от приведенных выше работ, так и от описаний ойкумены другими географами X в.

Как все арабские географы X в., «Чистые братья» считают, что обитаемую четверть Земли омывает Окружающий океан, а моря — это его заливы. Интересно, что в описании морей и климатов встречается гидроним «Море славян», известный до этого лишь у представителя описательной географии Ибн ал-Факиха (903 г.) (Ibn al-Fakih 1885. P. 271). По мнению исследователей, Ибн ал-Факих подразумевал Черное или Балтийское море (ŽA I. S. 84–85). «Чистые братья» дважды помещают «Море славян» рядом с Македонией, после упоминания Черного моря, а однажды — вблизи дунайских болгар. Есть основание полагать, что имеется в виду Адриатическое море. Необычно отсутствие упоминания хазар, в то время как этнонимы славян, болгар, бурджан известны. По-видимому, это объясняется тем, что информация «Чистых братьев» не связана со среднеазиатско-каспийским регионом, что характерно для большинства арабо-персидских географов IX–X вв. (Заходер 1962. С. 11–25).

Таким образом, географический трактат «Чистых братьев» является самостоятельным произведением, отражающим представление об ойкумене просвещенной прослойки общества, выработанное на основе древнегреческой науки, но содержащее индивидуально освоенные данные.

Географ Г. Кимбл на основе немецкого перевода Ф. Дитерици составил карту восприятия «Чистыми братьями» населенного мира (Dieterici 1865. S. 86–99, Taf.). К координатным данным этой реконструкции следует относиться с осторожностью из-за плохой сохранности цифр в рукописях. Сравнительные данные из сочинений других географов, которыми пользовался Дитерици, могут быть слишком отдаленными. Существующие современные издания посланий «Чистых братьев» дают другие цифры.

Первые трактаты «Чистых братьев» были изданы в Бомбее (Kitāb Ihwan al-Ṣafa' 1888–1889). В этом издании в географическом разделе опущены таблицы местностей с цифрами координат; встречается произвольное толкование неясных мест. Два других аналогичных друг другу издания были осуществлены в Каире и Бейруте (Rasail Ihwan al-Safa' 1928; 1957). Они более полно, чем Бомбейское, представляют материалы. К сожалению, ни в одном издании не указаны рукописи, легшие в основу. Рукописей же имеется много, и хранятся они в различных рукописных собраниях во многих странах мира (Brockelmann 1898. S. 213–214; 1937. S. 379).

Как уже отмечалось, немецкий перевод географического послания был осуществлен Дитерици в XIX в. На русском языке есть перевод части, касающейся Африки южнее Сахары; он осуществлен Л.Е. Куббелем (Арабские источники 1960. С. 150–187). Здесь же имеется перевод всей теоретической части географического послания, а также общие описания климатов. Перевод давался по Бомбейскому изданию за неимением в то время других. Пропуски по европейскому и азиатскому регионам, обусловленные тематикой сборника, а также возможность привлечения ныне доступных современных изданий приводят к необходимости снова обратиться к этому источнику.

Предлагаемый ниже перевод осуществлен по первому тому последнего Бейрутского издания с указанием соответствующих страниц первого же тома Каирского, поскольку текст их идентичен. Бомбейское издание (тоже том первый) дает другие таблицы и некоторые интересные разночтения, отмеченные в примечаниях к переводу. Из несколько отличающейся теоретической части ниже отобраны лишь некоторые фрагменты, для ясности в отношении положения климатов, а также даны таблицы, отсутствующие в Бомбейском издании. В квадратных скобках обозначены поправки и добавления переводчика, в круглых — разночтения по Бомбейскому изданию. Индексы: *К* — Каирское издание, *Б* — Бейрутское, *Бм* — Бомбейское.

Описание Земли и деление ее четвертей

Половина Земли покрыта Великим Окружающим морем, другая же половина открыта. [Это] подобно яйцу, одна часть которого погружена в воду, а другая торчит из воды. Эта свободная часть делится [в свою очередь] надвое. Та, что идет к югу от экватора, пуста; другая же, которая является обитаемой четвертью, проходит к северу от экватора. А экватор — это линия их разделения, идущая с востока на запад под вершиной созвездия Овна... (Б — с. 163; К — с. 114).

Рис. 14. Б — с. 163; К — с. 114.

Fig. 14. Rasail Ihwan al-Şafa' (Beirut 1957. P. 163; Cairo 1928. P. 114).

Описание населенной четверти Земли

В этой северной населенной четверти Земли есть семь больших морей, в каждом море — некоторое количество островов, каждый из которых измеряется от 20 фарсахов¹³ до 200 до 1000 фарсахов. Из них в море ар-Рума (Средиземное. — Т. К.) около 50 островов, в море ас-Сакалиба (т. е. славян, Адриатическое. — Т. К.) около 30 островов, в море Джурджана (Каспийское. — Т. К.) 5 островов, в море ал-Кулзума (Красное. — Т. К.) около 15 островов, в море Фарса (Персидский залив. — Т. К.) 7 островов, в море ас-Синда и ал-Хинда (Индийский океан. — Т. К.) около 1000 островов, в море ас-Сина (Южно-Китайское море. — Т. К.) около 200 островов. В этой четверти также 15 небольших озер, измеряемых каждое от 20 фарсахов до 100 и 1000 фарсахов, из них [есть] соленые и пресные. Что касается моря Запада (Атлантический океан. — Т. К.),

¹³ Фарсах — «каждый фарсах — 3 мили» (Б — с. 164; К — с. 143), т. е. ок. 6 км. Мили — ок. 2 км. Фарсах — древняя персидская единица измерения длины, понятие о которой и сам термин перешли к арабам из персидских источников сасанидского времени.

моря аз-Зинджа и моря аз-Занджа (часть Индийского океана около восточного побережья Африки. — *Т. К.*), моря Зеленого (часть Атлантического океана. — *Т. К.*), моря Окружающего (здесь часть Атлантического океана. — *Т. К.*), то отходят они от этой населенной четверти, и каждое из этих морей — ответвление или залив Окружающего моря (здесь: та покрытая водой половина Земли, о которой шла речь выше. — *Т. К.*), и все они — соленые... (*Б* — с. 163–164; *К* — с. 114–115).

Глава о семи климатах

Климаты — [это] семь частей, начертанных в населенной части Земли. Каждый из климатов — как бы разостланный ковер, протянувшийся по длине с востока на запад, а по ширине с юга на север. Климаты различны по длине и ширине. Самый длинный и самый широкий — первый, так как длина его с востока на запад около 3000 фарсахов, а ширина его с юга на север около 150 фарсахов. Наименьший же из них по длине и ширине седьмой климат, так как длина его с востока на запад около 1500 фарсахов, а ширина его с юга на север около 70 фарсахов...

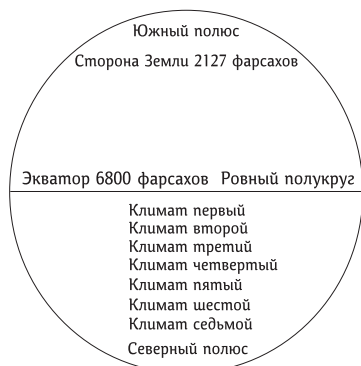

Рис. 15. *Б* — с. 165; *К* — с. 114.

Fig. 15. Rasail Ihwan al-Safa' (Beirut 1957. P. 165; Cairo 1928. P. 114).

Границы климатов определяются по [долготе] дня и различиям в прибавлении его. Знай, что значение каждой долготы страны и города — это их отдаленность от крайнего запада, а значение их широты — это их отдаленность от экватора. Экватор — это место, в котором ночь и день бывают всегда равны... (*Б* — с. 169; *К* — с. 119).

...Четвертый климат принадлежит Солнцу. Длина его с востока на запад 7855 миль, а ширина с юга на север 355 миль. Пределы его от 33°30' до 39°. Центр его там, где повышение полюса над горизонтом бывает 36°50', а самый длинный день его 14,5 часа. В этом климате длинных гор 25, а длинных рек 22; известных больших городов около 212. Начинается этот климат с востока, проходит через север страны ас-Син (Китай. — *Т. К.*), юг

страны Йаджудж и Маджудж (библейские народы Гог и Магог, обычно помещавшиеся на крайнем северо-востоке или востоке. — *Т. К.*), затем идет через ат-Турк (тюрки. — *Т. К.*) с той стороны, что примыкает к югу, север страны ал-Хинд (область к востоку от нижнего течения р. Инд. — *Т. К.*) и Тохаристан (область по верхнему течению Амударьи. В *Бм* нет. — *Т. К.*), затем идет через север области Балх (крупный торговый центр средневековья, совр. Вазирабад. — *Т. К.*) (и) Басийан¹⁴, затем идет через север области Макран (прибрежная область Белуджистана. — *Т. К.*)¹⁵, затем идет через центр области Сиджистан (область совр. Восточного Ирана и Западного Афганистана. — *Т. К.*), затем область Керман (область на юге Ирана. — *Т. К.*), затем страну Фарс (провинция в Южном Иране; иногда — государство Иран. — *Т. К.*), затем область Хузистан (область в Иране. — *Т. К.*), затем идет через север страны ал-Ирак (Ирак, страна в Юго-Западной Азии. — *Т. К.*), затем проходит через центр Дийар Рабиа (область Верхней Месопотамии вокруг Мосула. — *Т. К.*) и Дийар Бакр (область в верховьях р. Тигр. — *Т. К.*), затем идет через юг области ас-Сагр («граница», область на границе Сирии и Малой Азии. — *Т. К.*), север страны аш-Шам (Сирия. — *Т. К.*), проходит через центр моря ар-Рума и остров Кибрус (Кипр. — *Т. К.*), идет около моря через север страны Миср (Египет. — *Т. К.*) и ал-Искандарийа (город Александрия в Египте. — *Т. К.*), затем идет через остров Сицилия (Сицилия. — *Т. К.*), север области Мармарикия (область восточной Ливии, античная Мармарика. — *Т. К.*), область ал-Кадисийа (область, объединявшая несколько городов в Ираке. Туниса. — *Т. К.*), область Танджа (Танжер. — *Т. К.*)¹⁶ и доходит до моря Запада.

Большинство населения этих стран [цветом кожи] — между коричневым и белым. Этот климат — климат пророков и мудрецов, так как он — центральный из климатов. [Ведь] три из них южные, а три северные. И он [климат] также отдел Солнца, великого светила. Жители этого климата люди справедливые по природе [своей] и характеру. Затем после него [четвертого климата] два климата бок о бок с ним, т. е. третий и пятый. А что касается остальных климатов, то их народ отдален от наилучшей природы, так как вид их безобразен, а нрав их дик. Таковы Зиндж (чернокожее население восточного побережья Африки. — *Т. К.*), ал-Хабаша (чернокожее население северо-восточной Африки, главным образом совр. Эфиопии. — *Т. К.*) и большая часть тех народов, которые в климатах шестом и седьмом. Таковы Иаджудж и Маджудж, ал-Булгар (традиционное название волжских (камских) булгар. — *Т. К.*), ас-Сакалиба (традиционное название славян. — *Т. К.*) и подобные им.

А это — все города четвертого климата, широта которых от 33° до 39°.

¹⁴ Басийан — небольшой город в Хузистане (BGA VII. P. 467–468). Л.Е. Куббель дает конъектуру «Бамиан», т. к. в издании *Бм* стоит ошибочная форма Йамиан (с. 139 *Бм*). Бамиан — город в Тохаристане.

¹⁵ В *Бм* вместо нее — Кабул.

¹⁶ Торговый город на выходе Средиземного моря в Гибралтар, в совр. Марокко.

Долгота	Широта	Название городов
180°	29°45' ¹⁷	Кашгар ¹⁸ страны ас-Син
90°	39°	Нафт ¹⁹ страны ат-Турк
94°20'	36°07'	Самарканд ²⁰ Мавераннахра ²¹
45°	56°07'	Балх Хорасана ²²
104°	38°	Герат ²³ Хорасана
6°08'	36°	Мерв ²⁴ Хорасана
36°	38°07'	Нисабур (Нишапур — <i>Т.К.</i>) ²⁵ Хорасана
74°20'	37°45'	Джурджан ал-Джибала ²⁶
74°	30°10'	Амол ²⁷ Табаристана
75°	34°45'	Ар-Рей ²⁸ Фарса
74°40'	70°48'	Дейлем и Гилян ²⁹

(Далее перечисляются: Исфахан Фарса, Хамадан области Махан, Багдад Ирака, Мосул Дийар Рабиа, Халеб Сирии)

Климат пятый принадлежит Венере. Длина его с востока на запад 7455 миль, а ширина его с юга на север 255 миль. Пределы его от 39° до 43,5°, а центр его там, где бывает повышение полюса 41,3°, а долгота дня ровно 15 часов. В этом климате около 30 длинных гор, около 50 длинных рек, около 200 больших городов. Начинается он с востока и идет через центр страны Йаджудж и Маджудж, через центр страны ат-Турк³⁰, область Фаргана (Ферганская долина в Средней Азии, ограниченная с востока Ферганскими горами, с запада — Сырдарьей. — *Т.К.*)

¹⁷ По-видимому, ошибочно переданы цифровые данные, т.к. выше определены другие границы координат для четвертого климата.

¹⁸ Торговый центр китайского Туркестана (совр. Синьцзяна).

¹⁹ Топоним не ясен.

²⁰ Древний торговый центр в долине р. Зеравшан на пути из Средней Азии в Китай, завоеванный арабами в VIII в.

²¹ В переводе: «То, что за рекой». Область между реками Сырдарья и Амударья.

²² Хорасан — в переводе с персидского: «Восход». Так назывались восточные области державы Сасанидов, а затем и Арабского халифата, охватывающие Южную Туркмению, Северо-Восточный Иран, Северный Афганистан.

²³ Торговый город на берегу р. Хари-Руд (в совр. Афганистане).

²⁴ Торговый центр в восточной части Мервского оазиса на пути в Самарканд и далее в Китай, а также в Балх и далее в Индию.

²⁵ Торговый город в восточной части Хорасана.

²⁶ Джурджан — торговый центр древней Гиркании, области на юго-восточном побережье Каспийского моря. Ал-Джибал — горная область, расположенная между Азербайджаном, Фарсом и Хузистаном, Ираком.

²⁷ Торговый порт и столица области Табаристан (южное побережье Каспия, совр. Мазандеран) при арабах.

²⁸ Торговый город Ирана, располагавшийся недалеко от современного Тегерана.

²⁹ Дейлем — горная область южного побережья Каспия. Гилян — равнинная область южного побережья Каспия, соседняя с Дейлемом.

³⁰ Здесь «страна тюрок» пятого климата, располагается между областями Дальнего Востока и районом Сырдарья.

область Исбиджаб (область в долине р. Арыс в Средней Азии. В *Бм* не упомянута. — *Т. К.*), (область Асихан³¹); через центр области (ас-Сугд)³² Мавераннахр, пересекает Джайхун (река Амударья. — *Т. К.*), [идет] через центр области Хорасан, север области Сиджистан и Керман, через север области Фарс, через центр области ар-Рей и ал-Махан (область в Иране. В издании *Бм* более верно: Махин. — *Т. К.*), через север страны ал-Ирак и юг страны Азербайджан (обширная область восточного Закавказья, входившая в состав Северного наместничества Арабского халифата. — *Т. К.*), через центр страны Арминийа³³ и север области ас-Сагр³⁴, через центр страны ар-Рум (Византия. — *Т. К.*), пересекает пролив Кустантинийа (Босфор, пролив Константинополя. — *Т. К.*) там, идет через север моря ар-Рума, (остров Баркан³⁵), центр страны Румийа (Италия. — *Т. К.*), идет через юг Храма Венеры³⁶, через центр страны ал-Андалус (Испания, Кордовский халифат. — *Т. К.*) и достигает моря ал-Магриба.

Большинство населения этих стран [цветом кожи] белое.

А это — все города [пятого климата], широта которых от 39° до 53°20'.

Широта	Долгота	Название городов
68 ³⁷	40°71'	город ³⁸ Йаджудж и Маджудж
42 ³⁹	87°	город Хакана ат-Турк ⁴⁰
50°25'	16°30'	ат-Тараз ⁴¹ страны ат-Турк

³¹ Возможно, искаженное название Ахсикета — столицы Ферганы в IX в. Названа только в издании *Бм*.

³² ас-Сугд — древняя Согдиана, область в долине р. Зеравшан. Названа только в издании *Бм*.

³³ Под этим термином арабы зачастую понимали не собственно Армению, а большую провинцию Халифата, в которую входили Армения, Картли, Арран.

³⁴ Здесь скорее пограничная область, отделявшая Армению от Месопотамии при арабах; в других источниках — «ас-сугур».

³⁵ Назван только в издании *Бм*. Топоним не ясен.

³⁶ По предположению Л.Е. Куббеля и В.В. Матвеева, так назывался остров Кипр, где в античности был развит культ Венеры. Однако выше Кипр был назван Кибрусом. «Храм Венеры» встречается также в труде ал-Хоризми (Al-Huwarizmi 1926. S. 28) как реминисценция птолемеевского τό Ἀφροδίσιον ἱερόν (Ptol. Geogr., II 10, 2) в восточных Пиренеях. Топоним назван также у Йакута (I, 378), где располагается в горах между ал-Андалусом и ал-Ифранджа, вдоль побережья Атлантики.

³⁷ По-видимому, ошибочно переданы цифровые данные, т. к. выше определены другие границы координат для пятого климата.

³⁸ Здесь употреблено слово «балад», что означает «страна», «область», «город». Следует выбрать последнее значение, так как в названии употреблено слово «мудун», т. е. «города».

³⁹ Неверно расставлены диакритические знаки. Исправлено на 42°.

⁴⁰ Хакан ат-Турк — глава одного из государств тюрков. Речь идет о столице государства, располагавшегося между областями Дальнего Востока и владениями тюрков-карлуков.

⁴¹ Талас, столица тюрков-карлуков, стоявшая на торговом пути из Византии и Ирана в восточный Туркестан.

40°	98°	Исбиджаб ас-Синда ⁴²
46°	80°15'	Хваризм ⁴³ Мавераннахра
40°	78°	Ардебиль ⁴⁴ Азербайджана
39°35'	67°	Ахлат ⁴⁵ Арминий
39°	61°	Малатийа ⁴⁶ Арминий

(Далее перечисляются: Македония, Рим)

Климат шестой принадлежит Меркурию. Длина его с востока на запад 7555 миль, а ширина с юга на север 255 миль. Границы его от 43,5° до 47°25', а центр его там, где бывает повышение полюса на 45°50'. Долгота дня 15,5 часа. В этом климате длинных гор около 20, длинных рек около 32, известных больших городов около 80. Начинается он с востока и идет через север страны Йаджудж и Маджудж, идет через юг страны Сиджистан⁴⁷, затем через юг (области Асхаб⁴⁸) ас-Сугур(гур)⁴⁹ через центр страны Хакана [тюрк. — *Т. К.*], юг страны Кимак⁵⁰, (затем идет через середину севера области Асхаб), через север области Исбиджаб, через север области ас-Сугд и Мавераннахр, через центр страны Хваризм, через север страны Джурджан, Табаристан, ад-Дайлам и Килан (Гилян. — *Т. К.*),

⁴² Исбиджаб — здесь одноименная столица области, недалеко от совр. Чимкента. Ошибочно Исфиджаб приписан ас-Синду, хотя в общем описании пятого климата отмечена его обособленность. ас-Синд — область к западу от нижнего течения Инда. Иногда — Пенджаб.

⁴³ Хваризм — арабская передача иранского названия области Хорезм в нижнем течении Амударьи. Географы X в. утверждали, что то же имя носила столица правобережного Хорезма город Кят (совр. Бегуни).

⁴⁴ Административный и военный центр Азербайджана в X в., располагавшийся неподалеку от горы Савелан на равнине.

⁴⁵ Город Хлат на юге Армении; в арабских источниках чаще — Хилат.

⁴⁶ Город на юге Армении, греческое название — Мелитена.

⁴⁷ В издании *Бм* здесь стоит: «М-джистан». Действительно, по описанию трудно найти здесь место реальному Сиджистану. Л.Е. Куббель и В.В. Матвеев предлагают конъектуру: Бахистан как искажение от названия «Барсхана». Не исключено, что надо читать: Синистан — термин персидской географии для обозначения Северного Китая, встречающийся также у ал-Хорезми (*Al-Huwarizmi* 1926. S. 105), как реминисценция птолемеевской Серики (*Ptol. Geogr.*, VI, 17, 7).

⁴⁸ Область Асхаб — есть только в издании *Бм*. Л.Е. Куббель и В.В. Матвеев полагают, что это название является также искажением имени Барсхана — города на караванной дороге из Средней Азии в Китай, стоявшего к востоку от озера Иссык-Куль.

⁴⁹ ас-Сугур — в изданиях *К* и *Б*; ас-Сугургур — в издании *Бм*. В этнониме традиционно пропущены диакритические знаки. Понимать здесь следует: ат-тугузгуз — арабское наименование токуз-огузов, как назывались уйгуры Восточного Туркестана с центром в области Турфан.

⁵⁰ Страна Кимак (во всех трех изданиях искажено: Кимал) — тюркский народ, живший в VIII–IX вв. на среднем течении Иртыша и начавший в X в. продвижение на запад к волжским степям.

пересекает море Табаристана⁵¹, проходит через центр страны Азербайджан, через центр страны Арминийа и Малатийа, через север моря Бунтус⁵², через север Кустантиний (Константинополь. — *Т. К.*), через центр страны Макдунийа (Македония. — *Т. К.*), через центр Икликийа⁵³ которая примыкает к северу, идет через юг моря ас-Сакалиба⁵⁴, через север Храма Венеры (и ал-Андалус) и достигает моря ал-Магриба.

Большинство населения этих стран цветом между рыжим и белым. А широта каждого города [шестого климата] от 43°44' до 47°55', начало их — с востока, а Аллах лучше знает⁵⁵.

Климат седьмой принадлежит Луне. Длина его с востока па запад 6655 миль, а ширина с юга на север 185 миль. Границы его от 47°40' до 50,5°, а центр его там, где бывает повышение полюса над горизонтом 49°30', а долгота дня 16 часов ровно. В этом климате длинных гор около 10, длинных рек около 40, известных крупных городов около 22. Начинается он [седьмой климат] с востока и идет через юг страны Йаджудж и Маджудж, область Сиджистан⁵⁶, страну ас-Сугургур, через страну Кимак, через юг ал-Лан⁵⁷, через север моря Джурджан, область Х-н-х⁵⁸, через гору Баб ал-Абваб (Дербентский горный проход. — *Т. К.*), через центр моря Бунтус, через юг страны Бурджан⁵⁹, север страны Макдунии,

---

⁵¹ «Море Табаристана» — еще одно наименование Каспия, данное по названию прибрежной области.

⁵² Море Бунтус — в издании *Бм*. Издания *К* и *Б* дают искаженную форму: С-т-с. Бунтус — Понт, т. е. Черное море.

⁵³ Икликийа, т. е. Киликия, — по изданию *Бм*. Издания *К* и *Б* дают форму Ифрикийа, т. е. Африка (чаще территория Туниса). Однако в сопоставлении с общим описанием климата вариант *Бм* предпочтительнее.

⁵⁴ По описанию соседних областей можно предположить, что подразумевается Адриатическое море.

⁵⁵ В изданиях *К* и *Б* нет таблицы городов шестого климата. В издании *Бм* названия городов опущены, как и во всех прочих таблицах.

⁵⁶ Сиджистан — в изданиях *К* и *Б*. В издании *Бм* — Систан. Возможно: Синистан; см. примеч. 47.

⁵⁷ Аланы, народ иракского происхождения, живший в древности на западном побережье Аральского моря. Основная масса их в первые века н. э. переселилась под натиском тюрок па территорию Северного Кавказа, а часть осталась на старом месте. В VIII в. эта часть передвинулась на восточное побережье Каспийского моря. Не исключено, что имеется в виду именно эта часть алан.

⁵⁸ Страна Х-н-х — по изданиям *К* и *Б*. В издании *Бм* — «страна халидж», т. е. «пролива или залива». Л.Е. Куббель предлагает переводить как «страна реки», подразумевая под рекой Волгу. Однако если принять вариант *Бм*, то не исключено, что здесь представлено мнение ряда арабских географов, против которого выступали ал-Мас'уди, Истахри, Ибн Хаукал (X в.), о соединении Черного и Каспийского морей посредством некоего пролива.

⁵⁹ Так в издании *Бм*. В издании *К* и *Б* — «страна Джурджан». Однако по общему описанию климата предпочтительнее форма «Бурджан» — наиболее распространено название дунайских болгар в арабской географии.

через юг моря ас-Сакалиба, юг острова ар-Рай⁶⁰ и достигает моря ал-Магриба. Большинство населения этих стран медлительно⁶¹, [по цвету кожи] ближе к светлым.

А это — города [седьмого климата] широты от 47° до 49°. Начало его — с востока страны Йаджудж.

Широта	Долгота	Название городов
... ⁶²	35°20'	город Иаджудж ⁶³
71°31' ⁶⁴	41°25'	город Кимак ат-Турк ⁶⁵
78°	39°40'	город островов ат-Турк ⁶⁶
42°	42° ⁶⁷	остров моря Джурджана ⁶⁸
26°25'	46°35'	Марага ⁶⁹ Азербайджана
49°04'	40°31'	гора Баб ал-Абва ⁷⁰

(Далее перечисляются: Бихар, Гекатей ар-Рума) (Б — с. 169–179; К — с. 119–129).

⁶⁰ Остров ар-Рай — встречается только в изданиях К и Б. В издании Бм — просто «остров». Топоним не ясен.

⁶¹ Здесь отражено представление части арабских географов о медлительности жителей северной части ойкумены, воспринятое от древнегреческой традиции.

⁶² В тексте представлен набор цифр, не имеющий смысла. Восстановить не представляется возможным.

⁶³ Конкретизировать затруднительно.

⁶⁴ По-видимому, ошибка в передаче цифр, т.к. выше определены другие границы координат для седьмого климата.

⁶⁵ По-видимому, столица кимаков. Ал-Идриси (XII в.) помещал ее на р. Иртыш.

⁶⁶ Топоним не ясен.

⁶⁷ Ошибочно проставлены диакритические знаки. Исправлено на 42°.

⁶⁸ Один из островов Каспия, известных арабам. Они знали: Сийах Кух (полуостров Мангышлак), один из островов около Баку, а также остров Талка Птолемея.

⁶⁹ Город в восточном Азербайджане, крупный торговый центр. В X в. был столицей попеременно с Ардебилем.

⁷⁰ То обстоятельство, что это название стоит в рубрике городов, позволяет высказать предположение, что в данном случае подразумевается не Дербентский горный проход, а город Дербент.

СВЕДЕНИЯ АЛ-ХОРЕЗМИ О ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И СРЕДНЕЙ АЗИИ⁷¹

В 1983 г. отмечается 1200-летний юбилей великого ученого, математика и астронома средневекового Востока Мухаммеда ибн Мусы ал-Хорезми. Полное имя ал-Хорезми — Абу ‘Абдаллах Абу Джа‘фар Мухаммед ибн Муса ал-Хорезми ал-Кутруббули ал-Маджуси. Последние три части имени указывают на его происхождение: ал-Хорезми (потомок уроженцев Хорезма); ал-Кутруббули (живший местечке Кутруббул близ Багдада); наконец, ал-Маджуси (выходец из семьи огнепоклонников, скорее всего зороастрийцев, что весьма характерно для населения среднеазиатских областей) (Wiedemann 1954. S. 978).

О жизни ал-Хорезми известно немного. Он работал в Багдаде при дворе халифа ал-Ма’муна (813–833). В «Доме мудрости», созданном по инициативе халифа, проводились работы по переводам с греческого и сирийского языков трудов древних авторов по астрономии, географии, математике, медицине и т. д. Ал-Хорезми был участником астрономических исследований, составления карты мира, так наз. карты ал-Ма’муна, измерения градуса земного меридиана (Vernet 1997. P. 1070–1071).

Математические труды и астрономические таблицы («зидж») ал-Хорезми были издавна известны в Европе. Начиная с XII в. они переводились на латинский язык и сыграли огромную роль в становлении европейской астрономии и математики (Sezgin 1974. S. 238–239). Менее известной в Европе, но зато оказавшей определенное, хотя и не всегда явное, влияние на арабскую географию стала «Книга картины Земли» ал-Хорезми. Было установлено, что это сочинение написано между 837 и 846 гг. (Бартольд 1973. Т. VIII. С. 511). Оно представляло собой переработку на основе новых астрономо-математических данных «Географического руководства» александрийского ученого II в. н. э. Клавдия Птолемея (Nallino 1894). Астрономические и географические воззрения последнего оказали решающее влияние на развитие арабской средневековой науки (Kramers 1937. P. 79–107), и одним из основоположников внедрения древнегреческого научного мировоззрения в Арабском халифате был ал-Хорезми.

---

⁷¹ Впервые опубликовано: ДГ, 1983 г.: Материалы и исследования. М., 1984. С. 179–199.

«Книга картины Земли» составлена в виде таблиц с указанием широт и долгот пунктов, сгруппированных по семи климатам (Птолемей делил обитаемую землю на 21 климат). Начальным меридианом выбраны, как и у Птолемея, «Острова Счастливых» (идентифицируемые исследователями с Канарскими). После перечисления населенных пунктов идут таблицы с указаниями широты и долготы начальной и конечной точки гор и их цвета, затем — координаты пунктов по береговым линиям морей, островов, а также течений рек с указанием цифр их географических координат. Все данные являются основой для построения карт (обзор литературы см.: Крачковский 1957. С. 92–97). Карты сохранились и в рукописи труда ал-Хорезми. Они изображают четыре различных региона, в том числе Азовское море. Карты мира в произведении, вероятно, не было (Wieber 1974. S. 9–36).

Текст единственной рукописи 1037 г. из библиотеки Страсбургского университета был издан в 1926 г. австрийским востоковедом Х. Мжиком (al-Ḥuwārizmī 1926). Как он сам, так и другие востоковеды, занимавшиеся анализом сочинения ал-Хорезми, отмечали, что при описании известных местностей ал-Хорезми старался приводить данные Птолемея в соответствие с современными ему, а в ряде случаев изменял материалы Птолемея. Хорошо знакомые области ал-Хорезми легко идентифицируются, в то время как малоизвестные ему части света более всего соответствуют устаревшей информации Птолемея, хотя и не всегда поддаются отождествлению вследствие естественного графического искажения названий и совершенно измененных по сравнению с птолемеевскими координатных данных. Ряд исследователей, по-видимому, справедливо полагают, что изменение координатных данных проведено ал-Хорезми совершенно сознательно, систематически при составлении «карты ал-Ма'муна» (Nallino 1944. P. 473; Honigmann 1929. S. 156).

Таким образом, прежде чем прийти к правильному чтению того или иного топонима в тексте ал-Хорезми, исследователь должен найти ему соответствия в материалах Птолемея, дать им объяснение или отметить их несовпадения. Необходимо также найти исторические и географические реалии для топонима, гидронима и т. д. Сложность и трудоемкость такого рода работы привели к тому, что доныне в мировой литературе имеются исследования сведений ал-Хорезми лишь для отдельных регионов: Х. Мжика — для Африки, части Европы и др., К. Цегледи — для части Европы, Х. Даунихта — для Азии, Р. Вибера — для Северо-Западной Европы (Mžik 1916; 1936; Czeglédy 1950; Daunicht 1968–1970; Wieber 1974). Имеется также перевод на польский язык отдельных фрагментов из книги ал-Хорезми (ŻA I. S. 20–29). На русском языке

был осуществлен перевод отрывков по истории Африки южнее Сахары, что тоже составляет очень малую долю книги ал-Хорезми (Арабские источники 1967. С. 269–292). Привлечение отдельных мелких сведений ал-Хорезми в работах советских ученых Б.Н. Заходера (Заходер 1962. С. 119) и А.П. Новосельцева (Новосельцев 1965. С. 373) носит случайный характер. В 1983 г. в связи с юбилеем ал-Хорезми появились переводы некоторых частей из его труда, выполненные Б.А. Розенфельдом (Из сочинений Мухаммеда ал-Хорезми 1983), однако исторические реалии к многим топонимам остаются спорными. В связи с тем же событием вышел в свет полный перевод «Книги картины Земли» ал-Хорезми на узбекском языке, выполненный А.А. Ахмедовым (Мухаммад ибн-Муса ал-Хорезми 1983).

Настоящая статья представляет собой результат работы, ведущейся с 1976 г. в Секторе истории древнейших государств на территории СССР Института истории СССР над выпуском Свода древнейших источников «Сведения ранних ученых Арабского халифата о народах нашей страны», в который вошли и фрагменты из книги ал-Хорезми.

Территориям Восточной Европы и Средней Азии в сочинении ал-Хорезми отведено довольно значительное место. Перечисление населенных пунктов с указанием координат есть в конце глав о «городах» пятого, шестого, седьмого климатов и в главе о «городах» позади седьмого климата. Имеются также описания береговых линий Черного, Азовского, Каспийского морей, а также рек и гор.

В перечислении населенных пунктов («городов») Восточной Европы и Средней Азии легко выделяются два принципа систематизации материалов ал-Хорезми. Первый принцип — следование хорошо известным арабам торговым путям. Иногда пункты на этих торговых дорогах совпадали с теми, что некогда были известны и Птолемею, постольку, поскольку сохранились они сами или их название за прошедшие семь веков. Второй принцип — полное или частичное следование материалам Птолемея в тех регионах, которые были мало известны.

Примером применения первого принципа может служить перечень «стоянок» по южному побережью Каспия, в Среднюю Азию и на Дальний Восток, помещенный ал-Хорезми в пятом климате. Широту пятого климата ал-Хорезми очерчивает 41° , хотя при указании городов широтные координаты колеблются от 38° до 42° ; долготы — от 75° до $100^\circ 30'$. (Подробно координатные данные не приводятся за недостатком места.) Указаны «города»: Дейлем, Казвин, Демавенд «в горах», Шалус «вблизи моря», Руйан, Амол «вблизи моря», Сари «вблизи моря», Кумис, Тамис «вблизи моря», Астарабаз, Джурджан «вблизи моря», Нишапур, Тус,

Серахс, Мерв, Мерверруд, Амуйе, Бухара, Балх, Самарканд, Усрушана, Ходжент, Бенакет, Ахсикет, Тарбенд, Исфиджаб, Тараз — «город купцов» (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 27–28). Как видим, здесь не требуется работы по идентификации названий, т. к. все топонимы отражают реальное положение дел в эпоху ал-Хорезми, а именно арабский, среднеазиатский или иранский итинерарий. В то же время такие пункты, как Джурджан, Самарканд, Сари, Астарабаз, Мерв имеют древние аналогии у Птолемея: соответственно Гиркания, Мараканда, Сараманна, Астабеной Гирканская, Антиохия Маргианская. Однако это совпадение едва ли отражает заимствование ал-Хорезми материалов Птолемея, здесь скорее простое совмещение древних и современных ученому IX в. данных.

Другая особенность фрагмента, характерная и для иных частей, состоит в том, что в перечень городов вставлены названия целых областей: Дейлем, Демавенд, Кумис, Усрушана. Тем не менее в каждом отдельном случае имеется в виду точка на карте вне зависимости от ее реальных размеров. Такое явление, по-видимому, объясняется приспособлением известных ал-Хорезми названий к необходимости составления карты.

В перечислении «городов» шестого климата (в последней его части) труднее проследить данные «дорожника». Здесь в названиях встречается больше графических искажений, поддающихся расшифровке только после научного анализа. В то же время здесь и немного аналогий с книгой Птолемея; встречаются чисто арабские названия. Широту шестого климата ал-Хорезми ограничивает 45° , хотя в этом фрагменте она колеблется от 41° до 45° ; долгота определена от 69° до 170° . Названия «городов» даются ниже по номенклатуре ал-Хорезми: Завазан, Джурзан, Сисаджан, Нашава, Город у гор между двух Ворот, Бардаа, Басийа у гор и Ворот хазар, Хорезм, ал-Хазар, Невакет (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 32). Указанные выше точки с определенными координатами соответствуют Андзевацику, Картели, Сюнику, Нахчевани.

«Город у гор между двух Ворот» требует особого комментария. В главе о горах ал-Хорезми называет «Ворота ворот» («Баб ал-Абваб») — традиционное наименование Дербента в арабской географической литературе, а у ал-Хорезми — Дербентское ущелье; называет он и «Ворота хазар и алан» («Баб ал-хазар-ва-л-лан») — Дарьяльское ущелье. Указанный город находился, следовательно, между двумя ущельями, т. е. где-то в горах восточного Кавказа. Более точная идентификация не представляется возможной.

Чтение топонима «Басийа» является условным. Текст по изданию Х. Мжика дает форму «Р-ф-сийа», которая, по всей видимости, является искажением. Далее, при описании рек ал-Хорезми повторяет этот то-

поним именно в форме «Басийа», что отметил и издатель (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 32, Anm. «f»). Мжик справедливо связал его с птолемеевским пунктом Хабала, отметив, что через промежуточную сирийскую форму эти два написания имеют сходство (Mžik 1936. S. 166). К тому следует добавить, что В.Ф. Минорский сопоставлял название пункта ‘Абсийа, упомянутое в одной из рукописей географа начала X в. ал-Истахри, с именем владельца Кабалы (=птолемеевой Хабалы) ‘Анбасы, о котором есть сведения в труде энциклопедиста X в. ал-Мас‘уди. Минорский считал, что земля птолемеевой Хабалы называлась иногда ал-‘Анбасийа или ал-‘Абсийа (Ḥudūd al-‘Ālam 1937. P. 402, kom. 34; Минорский 1963. С. 116 и с. 191, сн. 147⁷²). Не исключено, что та же искаженная форма — ал-Басийа — встречается и в труде ал-Хорезми.

Ал-Хорезми подчеркивает, что Басийа находилась «у гор и Ворот хазар». Возможно, в данном случае он дает сокращенную форму того же названия «Ворота хазар и алан», которым определял Дарьяльское горное ущелье (см. выше). В связи с этим интересно отметить известие историка IX в. ал-Балазури, что древний город Кавалак (т. е. Кабала–Хабала) именуется также Хазаран (Liber expugnationis 1866. P. 194).

Как видно, ал-Хорезми имел сведения о присутствии хазар на Кавказе, хотя бы в форме отражения в топонимах, что для IX в. было весьма характерно. Тем более загадочным является упоминание пункта под названием ал-Хазар в перечне «городов» после Хорезма. По координатам, а также при описании одной из рек Средней Азии (под названием Длинная и идентифицирующейся с Сырдарьей), которая в одном месте протекает мимо этого пункта (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 147), ясно, что ал-Хорезми помещает этот «город» восточнее Хорезма. Последний идентифицируется с городом Кят (около современного Беруни) на берегу Амударьи (Негматов 1965. С. 53); этот пункт и у более поздних географов иногда носит двойное название (сводку сведений см.: Бартольд 1965. Т. III. С. 475). После пункта ал-Хазар в восточном направлении помещен пункт Невакет. Идентифицированный археологами, Невакет располагался в северной Киргизии в долине р. Чу (Кожемяко 1959. С. 7). Ближайшими к пункту ал-Хазар «городами», по данным координат, называются: южнее — Усрушана, Ходжент, Бенакет; юго-западнее — Тарбанд, Исфиджаб.

В связи с таким его расположением интересно вспомнить древнюю легенду, переданную Михаилом Сирийским (XII в.) и Абу-л-Фараджем Ибн ал-‘Ибри (Бар Гебреем) (XIII в.), восходящую якобы к VI в.

---

⁷² Это наблюдение высказано в устном сообщении В.М. Бейлисом.

Эта легенда гласит, что в царствование византийского императора Маврикия (582–602) из внутренней Скифии со стороны гор Имаус вышли три брата со своими сподвижниками. Часть их во главе со старшим братом Хазариком заняла страну Берсилию (по последним исследованиям, область Дагестана или еще более обширную) и стала называться хазарами (перевод см.: Altheim 1959. S. 91). «Внутренняя Скифия» (или точнее «Скифия по сю сторону гор Имаус» в отличие от «Скифии за горой Имаус» Птолемея) в труде ал-Хорезми фигурирует как страна Искутия, населенная тюрками (в отличие от страны Искутии, населенной тогузгузами, = Внешней Скифии Птолемея) (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 105). Координатные данные центра Искутии, населенной тюрками, не противоречат положению в ее пределах и «города» ал-Хазар. Не исключено, таким образом, что данные ал-Хорезми отражают древние сведения о расселении хазар среди прочих земель тюрок до их передвижения в Берсилию. Это тем более вероятно, что в сведениях ал-Хорезми находятся иной раз и отголоски сирийских источников (Wieber 1974. S. 43–16 et passim.).

Следует иметь в виду и данные ал-Мас‘уди (X в.) о связях хазар Итиля на Волге с военной прослойкой общества Хорезма (ал-арсийа или ал-ларисийа), что указывает на продолжающиеся и после IX в. связи хазар и Хорезма, восходящие, как полагают, к гораздо более раннему времени (Заходер 1962. Т. I. С. 155–157).

Как и в предыдущем фрагменте, следует отметить совпадение ряда реально существовавших названий городов и областей во времена ал-Хорезми с наименованиями Птолемея, а именно Джурзан — Иберия, Сисаджан — Содукена, Нашава — Наксована, Басийа — Хабала, Хорезм — Хорасмия.

Итак, при перечислении пунктов шестого климата в труде ал-Хорезми наблюдается как бы переходный этап в принципе систематизации им материала, а именно отклонение от реальных данных в сторону теоретического материала, но еще не до степени полного заимствования.

Еще нагляднее этот процесс заметен при рассмотрении пунктов, приведенных в конце седьмого климата. Хотя они не относятся (как и многие из рассмотренных выше) к территории Восточной Европы и Средней Азии, обращение к данным о них яснее проиллюстрирует высказанную мысль.

Широта седьмого климата ограничена 48°, хотя в рассматриваемом фрагменте широта колеблется от 46° до 63°; долгота определена от 50° до 172°. Перечисляются «города» на малоазийском побережье Черного моря, каждый из которых имеет аналогии у Птолемея, хотя целый ряд

существовал и во времена ал-Хорезми: Халкедон на проливе, Гераклея, Итурма (Герма=Терма Птолемея), Исурнун на море (Зефирион Птолемея), город Турма вблизи пределов горы (вероятно, Ласкорион Птолемея), Кимна (Комана Понтике Птолемея), Анкиза (Анкюра Птолемея), Зила (Зела Птолемея), город на море (возможно, Анкон Птолемея), Фулмиш (Полемонион Птолемея), Кирма на море (Керасус Птолемея), Дисиканийа на море около горы (Диоскурия, он же Севастополис Колхидский Птолемея) (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 36; Mžik 1936. S. 166–168). Далее перечислены пункты областей Китая и Дальнего Востока. Таким образом, часть седьмого климата проходит по южному побережью Черного моря, ограничивает его восточную оконечность городом Диоскурия (на территории современного Сухуми — Инадзе 1968. С. 120) и уходит к странам далекой Азии.

Северное побережье Черного моря и Приазовье включены ал-Хорезми в число земель, находящихся «за седьмым климатом последних обитаемых земель». Эту зону ал-Хорезми ограничил широтой 63°, хотя во фрагменте она колеблется от 49° до 68°; долгота определена 52°–172°. Названия населенных пунктов здесь сильно искажены, и соответствия с материалами Птолемея удается найти только после сравнительной работы с данными обоих авторов — по сходству названий и положения на карте, определенного координатами. Хотя последние и не совпадают, общее положение на побережьях позволяет выявить определенные соответствия. Итак, перечисляются: Истура на море, Растийанис на море, Ауфатарийа на море, Синийафа на море, Таурсана на море, Арсаса, Арусинийа на море, Танис на озере⁷³, Сурис на озере, Ксубис, Тирма на озере (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 36). Предлагаем комментарий к каждому наименованию.

Истура на море — город Истрос Птолемея, располагавшийся неподалеку от дельты Дуная на северо-западном побережье Черного моря (Блаватская 1952. С. 22–23).

Растийанис на море. В этом месте текста ал-Хорезми название искажено: вследствие отсутствия диакритических знаков оно не читаемо. Однако при описании береговой линии Черного моря оно повторяется именно в указанной выше форме (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 69) и в такой же форме встречается у другого автора X в. — Сухраба, переписавшего с небольшими изменениями труд ал-Хорезми (Suhrah 1929. S. 43).

---

⁷³ В тексте стоит слово «батиха», означающее «широкое русло потока», «долина». Однако ал-Хорезми в тексте везде употребляет его в значении озера, а в данном случае оно может означать «слепок» с греческого «Меотис», поскольку имеется в виду Азовское море.

Сопоставление с данными Птолемея позволяет полагать, что подразумевается птолемеевский город Ольвия, он же Борисфен (по названию протекающий рядом реки). Город находился между устьями Буга (Гипаниса Птолемея) и Днепра (Борисфена Птолемея) при впадении в черноморский лиман (Гайдукевич 1949. С. 21; Mžik 1936. S. 168).

Ауфатарийа — соответствует Евпатории Птолемея; город располагался, по мнению археологов, около современной Балаклавы (Гайдукевич 1949. С. 302; Mžik 1936. S. 168).

Синийафа — по названию и данным координат совпадает с пунктом Синопа Птолемея (совр. Синоп) на южном побережье Черного моря (Максимова 1956. С. 31–52; Mžik 1936. S. 168). Остается неясной причина упоминания пункта южного побережья Черного моря среди перечня городов Северного Причерноморья.

Таурсана. При описании береговой линии Черного моря ал-Хорезми приводит другой вид этого же названия: Саурсана (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 170). По данным координат можно предполагать, что пункт соответствует Феодосии Птолемея (Mžik 1936. S. 169) с графическим искажением: Саудисайа — Саурсана. Город располагался в восточном Крыму и существовал, возможно, во времена и Птолемея, и ал-Хорезми. Его упоминают разновременные источники: в V в. — «Перипл» Анонима под именем Ардаба (Кулаковский 1899. С. 17), в X в. — византийский император Константин Багрянородный под именем Кафа (Бартольд 1965. Т. III. С. 453). Археологические раскопки подтверждают, что в районе Феодосии в VIII–IX вв. существовал ряд поселений, возродившихся на основе античных (Якобсон 1964. С. 34).

Арсаса. Судя по положению на побережье Азовского моря по данным координат, подтвержденному описанием его береговой линии (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 157), этот пункт следует соотнести с Гермонассой Птолемея (Mžik 1936. S. 169). Гермонасса — город на азовском побережье Керченского пролива (совр. станица Таманская — Гайдукевич 1949. С. 28). Археологи полагают, что после готского разорения в III–IV вв. он возродился в VIII в. или еще ранее (Якобсон 1964. С. 34, 39; Плетнева 1963. С. 63). О древней Гермонассе, в X в. превратившейся в город Таматарху — Тмутаракань, известно и из византийских, и из древнерусских источников (Якобсон 1958. С. 480). Таким образом, не исключено, что этот пункт существовал и во II в., и в IX в.

Арусинийа на море. По данным координат, пункт, скорее всего, соответствует Ойнантее Птолемея (Mžik 1936. S. 469). Реалий нет.

Танис озере. Танис — искаженное Танаис Птолемея, город в устье Дона (близ совр. села Недвиговка — Шелов 1969. С. 15).

Сурис на озере, т. е. на Азовском море. По положению на побережье, определенному данными координат, соответствует Наварису Птолемея (Mžik 1936. S. 169). Археологи полагают, что Наварис можно связывать с Кобяковым городищем на нижнем Дону (Шелов 1972. С. 175).

Ксубис. По данным координат и сходству названий можно полагать, что пункт соответствует Эксополису Птолемея (Mžik 1936. S. 170). Реалий нет.

Тирма на озере. Этот пункт соответствует Тирамбе Птолемея в Приазовье (Ibid.). Предположительно, Тирамба находилась на южном берегу Азовского моря около гирла Кубани (совр. пос. Пересыпь); однако есть мнение, что Тирамба — это совр. станция Голубинская неподалеку от Темрюка (историографию вопроса см.: Коровина 1963. С. 126; 1968. С. 54).

Таким образом, информация о неизвестных ал-Хорезми землях Северного Причерноморья и Приазовья полностью заимствована из материалов Птолемея. Отбор ее определялся, возможно, указаниями «самого длинного дня» в книге Птолемея. Ведь долгота дня для арабских географов была важной величиной при определении положения «климатов» (т. е. широтных зон) и «киблы» (т. е. положения того или иного пункта по отношению к Мекке для совершения обязательной мусульманской молитвы). Для регионов Причерноморья и Приазовья Птолемей указывал долготу дня следующих пунктов: в описании второй карты Азии — Гермонассы, Ойнантеи, Тирамбы; в общем описании Азиатской Сарматии — Танаиса, Навариса, Эксополиса. Именно к этим пунктам привязываются и координаты населенных пунктов у ал-Хорезми.

Вместе с тем не следует упускать из виду и то обстоятельство, что именно в VIII–IX вв. заново осваиваются районы восточного Крыма и Приазовья, существуют в Крыму и на Боспоре церковные епархии (Яacobсон 1964. С. 34–39, 29; Шелов 1972. С. 154). Оживление жизни в этих районах также могло повлиять на отбор информации из книги Птолемея, если предполагать некое дополнительное сообщение, собранное ал-Хорезми.

Указанные выше пункты «за седьмым климатом» встречаются еще раз в труде ал-Хорезми при описании береговых линий морей и озер.

В описании морей ал-Хорезми не выделяет особо Черное. Он описывает береговую линию целого ряда морей, начиная с Гибралтара и кончая Черным морем, под заголовком: «Море Танджа, море Мартаба, море Ифрикийи, море Барки, море Мисра и аш-Шама, море Барки и Лазики. Часть каждого из них соединяется с частью другого» (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 69). Наименования даны по прибрежным областям

и пунктам: море Танджа — Танжера (в совр. Марокко), пункта при впадении Гибралтара в Атлантику; море Мартаба — какого-то пункта или страны в Африке (Арабские источники 1967. С. 372), а возможно, при минимальной конъюнктуре, Мавритании (Мартана); море Ифрикийи — восточной части Северной Африки и Туниса (Там же. С. 363); море Барки — плато в Киренаике (Despois 1986. Р. 1048–1050); море Мисра и аш-Шама — Египта и Сирии. Очевидно, что ал-Хорезми описывает Гибралтарский пролив и Средиземное море. Последним в этой цепи значится море Барки и Лазики. Мжик предположил, что наименование Барка у ал-Хорезми отражает Фракию (Mžik 1926. S. X), а Лазика — Ликийю (Mžik 1936. S. 165). Следовательно, по названиям ал-Хорезми отметил бы примерные границы Эгейского моря. Однако в труде арабского географа IX в. Ибн Хордадбеха и автора X в. Сухраба встречается сходный топоним — Барика в отношении к какой-то местности на Кавказе (Suhrab 1929. S. 115; BGA VI. P. 123). Наименование же «Лазика» у арабских географов X в. означает царство лазов — Эгриси на восточном побережье Черного моря (Minorsky, Lang 1997. P. 712–714). Не исключено при этом, что изначально формы «Барика» и «Лазика» и произошли от античных названий Фракии и Ликии, переосмысленных арабскими учеными начиная с ал-Хорезми на основе их знаний о Черном море. Во всяком случае, совпадение названий пунктов по береговой линии с их перечнем в седьмом и «за седьмым» климатах, как и данные координат, показывает, что ал-Хорезми имел представление о Черном море (Понте Птолемея и других античных авторов).

Ал-Хорезми описывает береговую линию северного побережья Понта идущей мимо городов Диоскурия, «где разбивается гора Кавказ», Арусинийя (Ойнантея), Феодосия, Евпатория, Ольвия, затем мимо Истра береговая линия уходит к Константинополю.

По данным ал-Хорезми, Черное море принимает реки, соответствующие Аксиаку Птолемея и Данубису (т. е. Дунаю) с его притоками и сильно разветвленным устьем (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 142; Czeplédy 1950. S. 68–71; Mžik 1936. S. 182).

Таким образом, очертания Черного моря в основе своей совпадают с данными Птолемея. Самое разительное отличие — это разъединение Черного и Азовского морей.

В рукописи книги ал-Хорезми сохранилась карта, изображающая «ал-Батиху», т. е. Меотис Птолемея. Карта представляет собой лишь схему, не всегда адекватную тексту. Вероятно, она является лишь грубым подобием действительной карты. К сожалению, в рукописи имеется лакуна именно в описании ал-Батихи (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 142;

Крачковский 1957. С. 95). Тем не менее как по карте, так и по тексту ясно, что Азовское море у ал-Хорезми не соединяется с Черным в отличие как от данных Птолемея, так и от реального положения вещей. Керченский пролив (Боспор Киммерийский Птолемея и других античных авторов) превращен ал-Хорезми в замкнутый залив Черного моря. Ал-Батиха (Меотис) же располагается у ал-Хорезми гораздо ближе, чем у Птолемея, к Северному Внешнему морю (=Сарматскому океану Птолемея). Последний считается адекватным Балтийскому морю у обоих авторов (Mžik 1936. S. 173–174).

Искаженным отражением картографического рисунка этого региона у Птолемея является связь ал-Батихи посредством двух рек с Северным Внешним морем. В тексте ал-Хорезми эти реки фигурируют под номерами (2375–2376) и (2377–2378)⁷⁴. Часть реки (2375–2376) может быть идентифицирована с рекой Ликос Птолемея, начинающейся, по его данным, в горах Бодин и впадающей в Меотис. Вторая часть реки (2375–2376) соответствует у ал-Хорезми Турунтосу Птолемея, начинающемуся, по данным последнего, в Рипейских горах и впадающему в Сарматский океан. Ал-Хорезми соединил воедино эти две реки Птолемея и показал их одним потоком, текущим от Меотиса (ал-Батихи) в Северное Внешнее море через горы (915–916), соответствующие Рипейским горам Птолемея (al-Ḥuwwārizmī 1926. S. 149; Mžik 1936. S. 185).

Аналогичным образом искажен ал-Хорезми картографический рисунок течения р. Порит из гор Бодинон в Меотис и р. Хесинос из Рипейских гор в Сарматский океан, по данным Птолемея. Ал-Хорезми изобразил и эти реки одним потоком, текущим параллельно первому через Рипейские горы (915–916) от Меотиса (ал-Батихи) в Северное Внешнее море (Ibid.). Горы же (913–914), соответствующие горам Бодинон Птолемея, расположены несколько западнее, чем у Птолемея, что исключает их из направления течения описанных выше рек.

Возможно, что подобное искажение информации Птолемея у ал-Хорезми отражает полученные последним сведения о начавшихся в IX в. интенсивных торговых и политических связях между северо-европейскими территориями и южными землями посредством восточноевропейских водных путей (Брил 1931. С. 201–247; Лебедев 1975. С. 37–43).

Кроме этих водных потоков, ал-Хорезми показывает на северном побережье Азовского моря р. Танис, очертания которой довольно точно

---

⁷⁴ Здесь и далее до конца статьи в круглых скобках приводятся номера пунктов по изданию Мжика. Нумерацию произвел издатель.

воспроизводят Танаис Птолемея (Дон). С восточной стороны в Азовское море впадают, по данным ал-Хорезми, следующие реки: река без названия, берущая начало в горах Кавказа, соответствующая Вардану Птолемея; Аксис, вытекающая с Кавказских гор, соответствующая Псатису Птолемея; реки Марубис (Марубиос Птолемея), Туфанис (Феофаниос Птолемея), Амбитис (Ромбитес Птолемея), Атикитис (Аттикитес Птолемея), Анхарис (возможно, Ромбитес Малый Птолемея) (Mžik 1936. S. 182–183). С западной стороны в ал-Батиху впадают, по сведениям ал-Хорезми, четыре реки, текущие с гор, соответствующие Амадокским горам Птолемея и идентифицирующиеся с птолемеевскими реками Геррос, Букес, Пасиакес, Каркинитес, а также «ручей», совместимый с рекой Агарос Птолемея (Ibid. S. 185–186).

Итак, ясно, что восточное и западное побережья Меотиса у ал-Хорезми совершенно адекватны данным Птолемея, тогда как южное и северное совершенно отличны. По конфигурации ал-Батиха выглядит более вытянутой с запада на восток и более сжатой с севера на юг, чем Меотис Птолемея.

При описании береговой линии ал-Батихи ал-Хорезми повторяет названия городов Тирма (Тирамба) и Танис (Танаис) (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 155–157). Интересно, что название Меотиса по городу Тирамбе — «озеро Тирма» — встречается уже в X в. у Сухраба, арабского автора, переписавшего с небольшими изменениями книгу ал-Хорезми (Suhrab 1929. S. 80), а в XII в. испано-арабский географ ал-Идриси передает также сведения об «озере Тирма» как явную реминисценцию информации ал-Хорезми (Бейлис 1984).

Следует также отметить, что представление о Меотисе как отдаленном от Черного моря водном бассейне, соединенном с Северным Внешним морем, проникло в более позднюю арабскую географию, хотя географы X в. хорошо знали о соединении Черного и Азовского морей. Отголоски подобных воззрений на Меотис можно встретить у ученых X в. ал-Баттани (перевод см.: Крачковский 1957. С. 103), ал-Мас'уди (перевод см.: Калинина 1978. С. 17–48), Агапия Манбиджского (перевод см.: Арабские источники 1967. С. 130) и др.

Еще об одном небольшом водном бассейне, находящемся на территории Восточной Европы, ал-Хорезми дает сведения, основанные на Птолемея, но в сильно измененной форме. Речь идет об «озере Барастаниса», т. е. Борисфена (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 153). У Птолемея есть свидетельство об истоке Борисфена в небольшом озере, но на этом и кончается сходство информации обоих авторов. Озеро Барастаниса ал-Хорезми не соединяется посредством реки с Черным морем. Оно при-

нимает две реки, не имеющие аналогий у Птолемея, а также соединяется посредством другой реки и ее притока с Северным Внешним морем. Мжик дает интерпретацию этих материалов ал-Хорезми, искажив координатные данные и тем приблизив их к сведениям Птолемея; однако это искажение у него не оговорено и не доказано⁷⁵.

Северное Внешнее море, кроме вышеуказанных водных потоков, принимает, по свидетельству ал-Хорезми, реки, соответствующие птолемеевским Хроносу, Турунтусу и Хесиносу (Mžik 1936. S. 184–185).

В целом Северное Внешнее море ал-Хорезми соответствует части Сарматского океана Птолемея. После впадения р. Хронос береговая линия, по данным Птолемея, поворачивает к северо-востоку и переходит на севере в «неведомые земли». По материалам ал-Хорезми, береговая линия Северного Внешнего моря после впадения реки, соответствующей Хроносу Птолемея, сохраняет широтное направление, затем поворачивает к северу и замыкается.

Ал-Хорезми вводит информацию об «островах мужчин и женщин» в Северном Внешнем море. В тексте издания Мжик приводит варианты написания названий этих островов: Амаратус, Амаранус и т. д. (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 89, Anm. “b”). Все варианты дают искаженную форму написания слова «Амазанус», т. е. амазонки. Первоисточник информации, несомненно, восходит к широко распространенной в античном мире легенде об амазонках (Mžik 1936. S. 178). Разделение амазонок на «мужчин и женщин» и размещение их на неких островах — дело рук самого ал-Хорезми или его информатора.

Птолемей помещал амазонок на территории азиатской Сарматии (V, 8), т. е. примерно на территории между Доном и Волгой. Ал-Хорезми переносит «острова мужчин и женщин» в Северное Внешнее море. По некоторым предположениям, координаты «островов мужчин и женщин» в Северном Внешнем море показывают область Финского залива и южную часть Ботнического залива (Zeszyty Naukowe 1957. S. 92). Однако общее очертание Северного Внешнего моря отражает все же в большей мере книжные, чем реальные, данные, поэтому было бы ошибочным искать конкретное географическое расположение «островов Амазанус». В то же время в описании рек ал-Хорезми показал настолько тщательно речную систему этих островов (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 154), что невольно напрашивается вывод о какой-то очень определенной, хотя и легендарной, информации.

---

⁷⁵ Мжик при переводе и реконструкции карты дает координату широты 49°, тогда как в тексте стоит 59° (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 153; Mžik 1936. S. 183–184).

Более поздняя географическая традиция арабов, отразившаяся в сочинениях целого ряда ученых X–XIII вв., неизменно помещала амазонок (без разделения их на «мужчин» и «женщин») на севере Европы, однако эти материалы разного происхождения. Есть сведения, восходящие к античным, к легенде из Гиппократ; есть свидетельства, аналогичные взятым из «Орозия короля Альфреда» (кон. IX в.) (сводку сведений см.: Jacob 1927). Описания же персидского анонимного сочинения «Худуд ал-‘Алам» («Границы мира», X в.), ал-Идриси (XII в.) и Ибн Са‘ида (XIII в.) представляют собой прямые отголоски координатных данных книги ал-Хорезми в сочетании с расширенной, не отразившейся у ал-Хорезми информацией (Hudūd al-‘Alam 1937. P. 58–59; Tuulio 1936. P. 23–26; Seippel 1896. P. 139).

Таким образом, картина водной системы Восточной Европы у ал-Хорезми, хотя и основана на данных Птолемея, все же являет собой довольно значительную переработку.

Каспийское море ал-Хорезми именуется по прибрежным областям: «море Хорезма, море Джурджана, Табаристана и Дейлема» (al-Ḥuwarizmī 1926. S. 80). Так называли Каспий и географы более позднего времени, некоторые из них называли Каспий «морем Хазар» (Бартольд 1965. Т. III. С. 366; Daunicht 1970. Bd. II. S. 587). Хорезмским (Хвалиским или Хвалынским) именуют Каспий древнерусские летописи (ПВЛ. Ч. I. С. 207–208). Однако в арабской литературе более позднего времени морем Хорезма называется не Каспийское, а Аральское море (Бартольд 1965. Т. III. С. 367).

Ал-Хорезми поясняет в заглавии главы о Каспии, что это море — единственное (вахидун). Такое замечание означает, что Каспий не имеет соединения с каким-либо другим морем. Представление о морях как заливах Окружающего океана, имеющее античную основу, нашло свое отражение и у арабских ученых (Заходер 1960). Однако Каспийское море не подходило под постулат, что отмечал и Птолемей, поэтому не только ал-Хорезми, а и другие географы считали своим долгом подчеркивать такую отличительную черту Каспия.

По конфигурации Каспийское море разнится от изображенного Птолемеем. В западной его части за отправную и одновременно конечную при описании берется точка координат, соприкасающаяся с горой Йун. Последняя соответствует горе Йуна Птолемея и имеет аналогию в армянских источниках, где Дербентское ущелье именуется һон (Егишэ 1971. С. 31, 79, 179, примеч. 33).

Очертания береговой линии восточного побережья также несколько изменены. По-иному показано впадение рек, соотносящихся с Курой и

Араксом у Птолемея и в действительности. Птолемей отметил соединение двух рек, хотя Аракс у него имеет отдельное устье. Ал-Хорезми представил Куру и Аракс как не соединяющиеся реки (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 139). Кура носит название «ат-Тур»; более поздние арабские авторы именуют эту реку ал-Куру (Бартольд 1965. Т. III. С. 472). Река, идентифицирующаяся с Араксом, у ал-Хорезми не имеет названия; другие географы знают ее как приток Куры под названием ар-Рас (Там же).

Очертания северного побережья Каспия имеют сходство с конфигурацией его у Птолемея. Здесь показан также ряд рек, аналогичных птолемеевским: реки без названия, соответствующие рекам Алонтас, Рюммос, Даикс (Урал) с притоками, а также Ра (Волга), идентичная как по названию, так и по положению с птолемеевской (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 157; Mžik 1936. S. 189; Daunicht 1968. Bd. II. S. 94). Восточная сторона Каспия схожа по очертаниям с данными Птолемея. Южное же побережье отличается по очертаниям береговой линии. Кроме того, здесь показана целая сеть реально существовавших во времена ал-Хорезми городов, перечисленных в пятом климате (см. выше).

Юго-восточнее Каспия, по данным ал-Хорезми, лежит «озеро Балха», принимающее две реки: Балх и Длинную (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 145). По-видимому, под «озером Балха» ал-Хорезми понимает Аральское море, хотя у Птолемея есть сведения о некоем озере Окса (Окс аналогичен Балху ал-Хорезми). Однако сведения об озере Окса и местоположение его не совпадают у двух авторов.

Окс — одна из крупнейших рек Средней Азии, реальная Амударья — был известен античным авторам задолго до Птолемея. Географы древности, в том числе Птолемей, полагали, что Окс впадает в Каспийское море. Это мнение вызвало большую историческую и географическую литературу (Бартольд 1965. Т. III. С. 15–21). Исследования показали, что дельта реки расходилась на север к Аральскому морю, с одной стороны, и на запад, к впадине Сарыкамыш, — с другой. Воды Окса (Амударьи) постоянно изливаются в Аральское море и эпизодически проникали в древности в Сарыкамыш (Гулямов 1965. С. 27–33).

Ал-Хорезми показал реально существовавшее в его эпоху впадение Амударьи (у него Балха) в Аральское море (озеро Балха), хотя само направление течения реки и ее изгибы отличаются как от данных Птолемея, так и от реального положения вещей. Тем не менее один из притоков Балха, возможно, соответствует р. Маргос Птолемея. По Птолемею, исток р. Маргос лежит в горах Сарифы. По данным ал-Хорезми, этот приток Балха «прорезает» гору, соотносимую с Сарифами Птолемея, и впадает в Индийский океан (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 146). Подобное представление

о впадении одного из притоков Амударьи в Индийский океан (некоторые считали этим притоком реку Инд), возможно, имеет основой персидскую географическую традицию (Marquart 1901. S. 148). Схожее воззрение встречается у Ибн Хордадбега, автора IX в. (BGA VI. P. 173), в X в. ал-Мас'уди считал необходимым опровергать без ссылок на авторство утверждение о впадении одного из притоков Амударьи в Индийский океан (BGA VIII. P. 66). Однако подобные представления не имеют ничего общего со взглядами Птолемея на этот регион. Тем не менее еще два притока Балха соответствуют птолемеевским рекам Охос и Даргоманес.

Река Длинная, как и р. Балха, впадающая в озеро Балха (Аральское море), соответствует Йаксарту Птолемея и реальной Сырдарье. Отличие представлений двух авторов об этой реке отразилось в ее названии: исток р. Длинной, по данным ал-Хорезми, лежит значительно восточнее истока Йаксарта у Птолемея, соответственно, вся река удлиняется. По данным Птолемея, ее исток — около Комедских гор; по ал-Хорезми — некий источник далеко на востоке, южнее гор, соответствующих Аскатанским горам Птолемея.

В верхнем и среднем течениях реальная Сырдарья принимает множество притоков (Бартольд 1965. Т. III. С. 491). Это обстоятельство отражено как в материалах Птолемея, так и в соответствующих сведениях ал-Хорезми, хотя они не всегда совпадают; две безымянные реки у ал-Хорезми аналогичны двум притокам Йаксарта у Птолемея из горы Норроссон, еще две безымянные реки — двум притокам из горы Асписийа Птолемея; одна безымянная река — р. Баскатис Птолемея, еще одна — р. Дюмос Птолемея; еще две реки без названия — притокам Йаксарта из горы Тапура Птолемея; наконец, еще четыре реки ал-Хорезми не имеют аналогий у Птолемея (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 147–148; Daunich 1970. Т. IV, Т. 1. S. 53).

Таким образом, свидетельства ал-Хорезми о водных пространствах Средней Азии лишь в некоторой степени базируются на материалах Птолемея; в целом они дают вполне оригинальную и в известной мере реалистическую картину.

Ярким свидетельством творческой переработки данных Птолемея, приспособлением его материалов к современным ал-Хорезми является перечень «центров» стран в главе, которая называется «Места [на карте. — Т. К.], где описаны пределы стран» (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 104–105. Перевод см.: Из сочинений Мухаммеда ал-Хорезми 1983. С. 97–100).

Одной из таких стран названа «Германия — земля славян». Название этой земли и координаты ее центра соответствуют птолемеевской

великой Германии, которая охватывает территорию между левобережьем Рейна, р. Висла и Германским океаном (т. е. Северным и частично Балтийским морями — Bunbury 1883. Vol. II. P. 588). Птолемей еще не знает этнонима «славяне». Однако в том же ареале в VIII–IX вв. полабо-прибалтийские племена славян переживали процесс политической консолидации на основе раннеклассовых отношений (Die Slawen in Deutschland 1974. S. 7–14, 187–211). Хотя координаты «центра земли славян» у ал-Хорезми отвечают этому региону, не следует забывать малой осведомленности автора о Европе.

Термин «славяне» (*ас-сакалиба* — как отражение древнегреческого *οκλάβοι*) в IX в. встречается также у арабских ученых ал-Фергани, Ибн Хордадбега, ал-Балазури в применении к народу Североευропейского региона (в понимании ученых Халифата), связанному политически с хазарами или близкому им территориально (обзор сведений см.: Бартольд 1963. Т. II, ч. 1. С. 870–872). Географы конца IX–X в. уже дают более конкретную и подробную информацию о славянах, опираясь на хорошо осведомленный источник IX в. (Заходер 1967. Ч. II. С. 108–126). В X в. энциклопедист ал-Мас‘уди включает в состав славян немцев (ан-намджин) и тюрок (ат-турк) (вероятно, венгров — Ковалевский 1973. С. 70). Путешественник X в. Ибн Фадлан именует верховного правителя Волжской Булгарии «царем славян», понимая под этнонимом «славяне» население европейского Севера. Таким образом, расширительное понимание этого этнонима было свойственно арабским ученым IX–X вв. вследствие многочисленности славянского населения и большого распространения славянского языка (Ковалевский 1953. С. 159, примеч. 9; Минорский 1936. С. 146; Togan 1939. S. 208).

Ал-Хорезми называет Сарматию — страну бурджан и Сарматию — страну алан. В первом случае он подразумевает Европейскую Сарматию Птолемея, охватывающую регион примерно от Вислы до Дона. Координаты «центра» этой страны у ал-Хорезми показывают область к северу от Дуная, вблизи гор, аналогичных горам Сарматским и Певкинским Птолемея, т. е. область придунайской Болгарии (Mžik 1936. S. 178; Czeglédy 1950. S. 66–67; ŽA I. S. 24).

Этноним «бурджан» в применении к населению этой страны есть также в труде астронома IX в. ал-Фергани (Alfraganus 1669. P. 38). В X в. бурджан как придунайских болгар, а иногда и смешивая их с волжскими, знает целый ряд арабо-персидских географов (Бартольд 1968. Т. V. С. 509–510; ŽA I. S. 25), хотя в X в. возникает и другая традиция византийского происхождения — приложение термина «бурджан» к населению Бургундии (ŽA II₂. S. 50, ods. 23).

Вторая Сарматия ал-Хорезми, населенная, по его мнению, аланами, по координатам соответствует Азиатской Сарматии Птолемея, т. е. территории между Доном и Волгой. Интересно, что аланы упоминаются и у Птолемея, но как население Европейской, а не Азиатской Сарматии. Ал-Хорезми перемещает алан, существовавших и в его время, на территорию, соответствующую Азиатской Сарматии; в пределы же Европейской Сарматии он помещает, как уже было сказано, бурджан.

Есть предположение, что сближение Азиатской Сарматии Птолемея с названием «аланы» вызвано своеобразным восприятием ал-Хорезми греческого термина «Асией» (т. е. Азия) — через этноним «ас»⁷⁶ (ŽA I. S. 39, ods. 7). Однако ал-Хорезми приводит название «Асией» совсем в другом контексте, упомянув одну из областей в Малой Азии (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 104. Перевод см.: Из сочинений Мухаммеда ал-Хорезми 1983. С. 97). Трудно также предполагать осведомленность его относительно самоназвания алан, не отразившуюся нигде более в его сочинении.

Аланы были известны с рубежа нашей эры и в эпоху ал-Хорезми как народ, живший в Приаралье, Прикаспии, на нижнем Поволжье, нижнем Подонье, Северном Кавказе, в Крыму и т. д. (Бартольд 1963. Т. III. С. 866; Кузнецов 1962. С. 120–123). Столь широкий ареал расселения алан в разные эпохи, возможно, повлиял и на сведения о них в книге ал-Хорезми, хотя и в действительности часть аланского населения оставалась в местностях к востоку от Каспия в IX в. Не исключено, что эти данные ал-Хорезми отразились в книге ал-Бируни (XI в.), который помещал алан между Аралом и Каспием (сведения см.: Волин 1941. С. 192–196).

Так же как две Сарматии Птолемея, ал-Хорезми наполнил иным содержанием греческий термин «Скифия», о чем вкратце упоминалось выше. Птолемей называет Скифию по сю сторону горы Имаус, обычно именуемую Внутренней, и Скифию за горой Имаус, известную как Внешняя. Гора Имаус у обоих авторов соотносится с реальными Гималаями и частью Тибета (Daunicht 1968. Vd. I. S. 262–263; Vd. IV, T. 1. S. 6).

Внутреннюю Скифию Птолемея ал-Хорезми называет «Искутия — страна тюрок». С тюрками арабы столкнулись в VIII в. на территориях Прикаспия (Бартольд 1968. Т. V. С. 583–584). Арабо-персидские географы X в. уже достаточно подробно рассказывают о расселении тюрок разных видов на обширной территории от Каспия до Китая (сведения см.: Караев 1968; Материалы по истории туркмен 1939. Т. I. С. 151–217); ал-Хорезми же упоминает их лишь в общем.

---

⁷⁶ Самоназвание алан, отраженное в топонимике, а также в русском языке, где аланы — асы называются ясами.

Внешнюю Скифию Птолемея ал-Хорезми отводит для тогузгузов, т. е. токуз-огузов, основным ядром которых были уйгуры (Бартольд 1968. Т. V. С. 568). Арабо-персидские авторы под именем тогузгузов понимали уйгур Восточного Туркестана (Бартольд 1968. Т. V. С. 54, примеч. 30), чему не противоречит и свидетельство ал-Хорезми.

Прямым отражением данных Птолемея в главе о границах стран является упоминание еще двух областей: «джазира ат-Таукийа» и «страна ал-Йатиз».

Слово «ал-джазира» в арабском языке означает «остров» и «полуостров». «Ат-Таукийа» являет собой искаженную форму греческого слова «Таврика». Как название, так и данные координат «центра» этой земли показывают на Херсонес Таврический Птолемея (Крымский полуостров) (Mžik 1936. S. 179).

По Птолемею, очертания Таврики показывают перешеек Каркинитского залива, берега Понта, Боспора Киммерийского, Меотиса. Ал-Хорезми нигде не приводит отдельно описания этой области, однако при рассмотрении береговой линии Черного моря контуры Таврики вырисовываются вполне определенно, хотя имеют более вытянутые, чем у Птолемея, размеры береговой линии с запада на восток. Это изменение произошло вследствие разницы координат: широтная разница между Ольвией и Феодосией у Птолемея составляет $6^{\circ}20'$; соответственно между Барастанисом и Саудисайей у ал-Хорезми — $10^{\circ}10'$.

Птолемей называет десять прибрежных пунктов; ал-Хорезми — только два, причем эти пункты ограничивают Таукийу с запада и востока. На западном побережье крайним пунктом и у Птолемея, и у ал-Хорезми назван один и тот же — Ауфатария (Евпатория); на восточном Саудисайя — у ал-Хорезми; Пантикапей — у Птолемея. В целом, Таукийа ал-Хорезми имеет меньшее сходство с действительным Крымом, чем у Птолемея, и материалы Птолемея отражает весьма схематично, что свидетельствует о слабом знании ал-Хорезми причерноморского бассейна.

Страной, граничащей с Таукийей (Таврикой), ал-Хорезми назвал «ал-Йатиз». В русском переводе ал-Хорезми дана форма «ат-Тира» и проведена идентификация с Тирасполем на р. Тир (Днестр) (Из сочинений Мухаммеда ал-Хорезми 1983. С. 105). Однако издание Мжика передает это название в форме «ал-Йатиз» и в форме «ат-Тиз». Форму же «ат-Тир» показывает переписчик книги Хорезми Сухраб (Suhrah 1929. S. 49), видимо, исказив название. Мжик справедливо полагал, что наименование «ал-Йатиз» является искажением птолемеевского этнонима «языги меотийские» (Mžik 1936. S. 179). Кроме него, Птолемей приводит этноним «языги-переселенцы». В более «чистом» виде этноним

встречается в труде арабского ученого начала X в. ал-Баттани. Там также рядом с названием «Таврика» (Таурикийя Карсунисис Баралийас, т. е. реминисценция птолемеевского «побережье Херсонеса Таврического») стоит «Йазугус Махтаниса» (т. е. языги-переселенцы, «метанастай») Птолемея — *Le Tabelle geografiche d'al-Battani 1898. P. 8*.

Языги — выходцы из среды ираноязычных сарматских племен — проживали во II в. до н. э. на территории Северного Приазовья, а на рубеже нашей эры часть их передвинулась на Дунай и Тису. В раннем средневековье этот народ не упоминается в источниках, поскольку он постепенно растворился в массе прочего населения Приазовья и Придунавья (Vulić 1986. S. 1189–1191).

Причиной отбора именно языгов из труда Птолемея в книги ал-Хорезми и ал-Баттани может быть то, что Птолемей рассматривал территорию обитания языгов как границу Европейской Сарматии. Возможно, такая отвлеченно-теоретическая передача информации об этой земле и обусловила представление арабских географов о ней как о некоей важной географической единице, а не как об области с реальным населением. Этим объясняется и искажение написания этнонима у ал-Хорезми и Сухраба, ставшего для них совершенно неясным.

Интересно отметить, что схожее графически написание дает также книга арабского астронома IX в. ал-Фергани (Alfraganus 1669. P. 38). Издание его «Элементов астрономии» было осуществлено в XVI в., критический аппарат в издании отсутствует. В перечне «земель за седьмым климатом» встречается странное для источника IX в. буквенное сочетание, которое при определенной постановке диакритических знаков читается как «ат-татар» (переведенное издателем Я. Голиусом на латынь соответственно «*regnum tatarorum*»). Источники IX в. еще не знают имени татар, поэтому исследователи давно предполагали ошибочность такой интерпретации и давали разные варианты исправления (Fraehn 1823. S. 237; Marquart 1903. S. 273–280; Hudūd al-‘Alam 1937. P. 391; *ŽAI*. S. 112, ods. 97). Однако латинский и еврейский переводы труда ал-Фергани, осуществленные в эпоху средневековья, передают этот топоним в форме «Атир», «Тир» (Alfragano Liber Aggregationibus scientie 1910. P. 102 et n. 4), весьма напоминающей искаженную форму «ат-Тир» Сухраба, которая, в свою очередь, передавала «ат-Тиз» или «ал-Йатиз» ал-Хорезми. По-видимому, ал-Фергани приводит то же имя, искаженное переписчиком или издателем в «ат-татар».

Таким образом, данные Птолемея о землях вокруг Таврики, неясные для арабских ученых IX — начала X в., вошли в их книги как реминисценция.

Информацией, совершенно не зависящей от Птолемея, является упоминание ал-Хорезми в главе о границах стран «области Шаша и Тарбенда» (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 104).

Шаш — арабизированное название Чача, совпадающего с округом современного Ташкента (Бартольд 1965. Т. III. С. 499; Массон 1954. С. 107). Тарбенд упомянут ал-Хорезми впервые в перечне городов пятого климата (см. выше). О его местоположении среди исследователей нет единого мнения, поскольку ученый XIII в. Йакут высказал мысль, что Тарбенд — это то же, что Отрар, а последний хорошо известен в период с VIII по XIII в. (Кляшторный 1964. С. 155; Буряков 1975. С. 64–66). Координаты центра области Шаша и Тарбенда в книге ал-Хорезми совпадают с регионом Ташкентского оазиса.

Обзор данных ал-Хорезми о Восточной Европе и Средней Азии показывает, что сведения о Восточной Европе в большей степени, нежели материалы о Средней Азии, зависят от информации Птолемея, хотя и имеют весьма существенные отличия. Регион Средней Азии показан ал-Хорезми более реалистически. Не исключено, что данные, собранные для «карты ал-Ма'муна», отразились в книгах и ал-Хорезми, и ал-Фергани, и ал-Баттани. Следует также учитывать и не всегда ярко выраженное, но тем не менее присутствующее влияние сведений из «Книги картины Земли» ал-Хорезми на ученых Арабского халифата последующих веков.

ОБРАЗ СКИФИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРАБО-ПЕРСИДСКИХ УЧЕНЫХ⁷⁷

В далекую эпоху, до появления на исторической сцене арабов, «Скифией» и «скифами» древние греки называли причерноморские территории, где выходцы из Греции, основывавшие здесь свои колонии начиная с VII в. до н. э., общались с местным населением. На западе границы этой земли шли по низовьям Истра (Дуная), восточные — по Танаису (Дону), Меотиде (Азовскому морю) и Боспору Киммерийскому (Керченскому проливу). В III в. до н. э. скифы постепенно исчезли с исторической арены вследствие как внутреннего распада общества, так и давления внешних врагов (Скржинская 1998. С. 5).

Однако понятие «Скифия» сохранилось в книгах древних греков, римлян и византийцев. Так стали называть край к северу от Понта до Каспийского моря, а скифами — любых кочевников, проходивших по этим территориям. Смена народов на этом пространстве с античности до средних веков не изменила традиционный образ отдаленной окраины, где, по представлениям ученых, жили дикие варвары, как бы они ни назывались. Понятие *хронотоп*, введенное М.М. Бахтиным, дало возможность уяснить стереотип, по которому старинные названия «варварских» народов прилагались к новым этносам, вне зависимости от их реального наименования (Бибиков 2001. С. 90–97).

С увеличением информации развивалось и изменялось и средневековое мирозерцание. Оно формировалось на основе первичных пространственных представлений, которые определялись способами ориентации, информацией об ареале цивилизаций, существующих в них народах и пределах их местопребывания, культурными традициями (Гуревич 1984. С. 36, 43–44; Замятин 2006. С. 24–44).

Среди ученых Арабского халифата конструирование окружающего пространства, связанное с расширением данных об ойкумене, приобрело дополнительные контуры (Сагадеев 2009. С. 21; Кузнецов 2007. С. 56–58). Картина мира складывалась в большой степени на основе античной географии и космографии, которые дали фундаментальные знания о Зем-

---

⁷⁷ Впервые опубликовано: *Миры Византии / ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ*. Симферополь, 2019. Вып. 2. С. 229–244.

ле, ее месте во Вселенной, разделении, рельефе. Модели географических образов ойкумены в одних случаях соответствовали реальности, в других «подгонялись» под традиционные, накопленные ранее или взятые из других культур знания, которые зачастую переплетались друг с другом, давая сложный комплекс образов пространства. Так, воззрения на Скифию становились все менее конкретными, этот край отодвигался в неизведанные земли, все далее к северу. Так вырабатывались на протяжении столетий некие представления, в основе которых лежали компактные модели определенных географических образов. Одним из базовых методов имагинальной географии стало образно-географическое картографирование (Замятин 2004. С. 14–15; 2010. С. 27).

В VIII–IX вв. при дворах властителей Халифата переводились труды античных и восточных авторов. Арабские писатели широко использовали сведения переведенных с других языков сочинений и свидетельства, полученные в общении с торговцами, моряками, путешественниками, которые передавались от одного автора к другому. Служители науки при описании Земли ссылались на Гиппократ, Галена, Аристотеля, Птолемея и других античных предшественников (Honigmann 1929. S. 156 et passim; Крачковский 1957. С. 87–88).

Александрийский ученый Клавдий Птолемей (II в. н. э.), составивший карту мира по географическим координатам, был для арабских ученых непререкаемым авторитетом. В его «Географическом руководстве» была обоснована необходимость картографического метода описания Земли, выработки системы координат. Птолемей придерживался северной ориентации карты, описания ойкумены с Запада на Восток, внутри же каждой территории — с севера на юг (Ptol. 1, 24, 1; 2, 1, 4 и др.).

Один из разделов своей «Книги картины Земли» ал-Хорезми назвал «Места [на карте], где описаны пределы стран», с координатами, основанными на данных Птолемея, но измененных в соответствии с воззрениями автора. Здесь, среди прочих, имеются наименования, имеющие аналоги в материалах Птолемея: Германия (*Ирмания*), Сарматия, Скифия (*Искуссия*). Автор наполнил эти названия современными ему и, естественно, отсутствующими у Птолемея, реалиями: Германию, по его мнению, населяли славяне (*сакалиба*), Сарматия — бурджаны. Скифий названо две: «Страна *Искуния* (ошибка рукописи, надо: *Искуссия*. — Т. К.) — это земля тюрок (*ат-турк*), координаты ее центра — около 114°00' долготы, 57°30' широты. Страна *Икуссия* — это земля токуз-огузов (*ат-тузгуз*), координаты ее центра — около 143°00' долготы, 59°30' широты» (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 32; Калинина 1988. С. 40). Оба названия соответствуют двум Скифиям Птолемея: Σκυθία ἡ ἐντὸς Ἰμαίου

Asien, 7. Karte: Hyrkanien, Margiane, Baktrien, Land der Sogdianer, Land der Saken, Skythien diesseits des Imaon-Gebirges

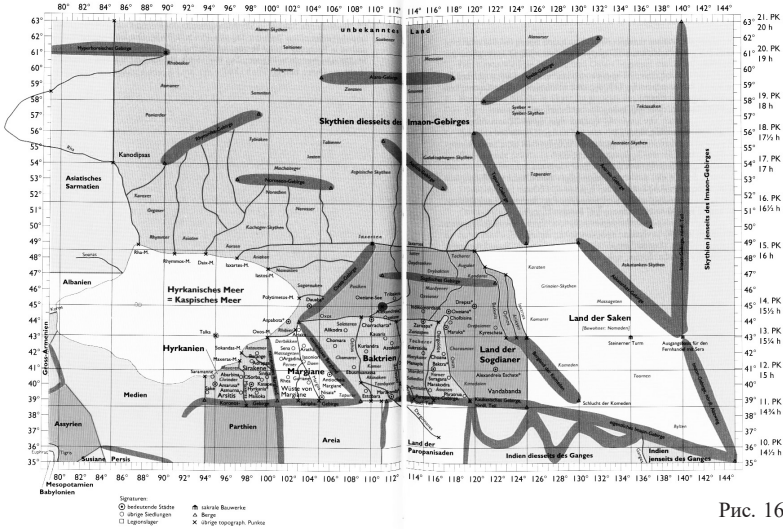

Рис. 16

Asien, 8. Karte: Skythien jenseits des Imaon-Gebirges, Serike

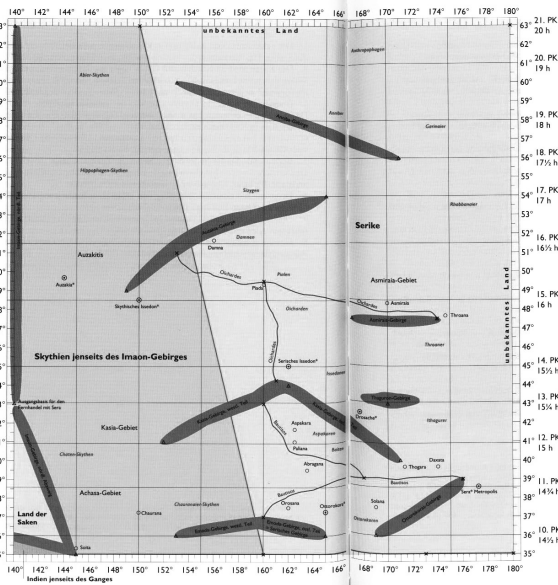

Рис. 17

Рис. 16 и 17. Изображения карт Птолемея XV в. любезно предоставлены мне А.В. Подосиновым.

Fig. 16 and 17. 15th century Maps of Ptolemy are kindly put at my disposal by A.V. Podosinov.

ὄρους, буквально: Скифия внутри горы Имаус, но вернее: Скифия по эту сторону горы Имаус (Ptol. VI, 14, 9) и Скифия вне горы Имаус (Σκυθία ἢ ἐκτὸς Ἰμαίου ὄρους) (Ptol. VI, 15, 1). Имаус — меридионально протянувшийся с севера на юг горный хребет, который идентифицировали с Уралом, Алтаем, Тянь-Шанем, Гималаями.

Идентичные карты Птолемея и ал-Хорезми не сохранились, однако имеются поздние варианты карт Птолемея; на них изображены отдельные части ойкумены, в том числе гора Имаус и две Скифии.

Части карты мира ал-Хорезми, в том числе Скифия до- и вне горы Имаус, были реконструированы в плоскостной проекции в соответствии с его системой координат (Калинина 1988. Рис. между С. 104–105; Daunicht 1968–1970. Вкладка: соответствующие части карты представлены ниже).

Как видно, изображение двух Скифий у Птолемея и ал-Хорезми весьма близки, хотя координаты, естественно, не совпадают. Мне представляется, что конкретные аналогии в отношении расположения как тюрок и тогузогузов, так и других народов в данном случае неуместны. Не следует относиться к ал-Хорезми как знатоку реального местоположения того или иного этноса, поскольку этот автор, как и многие другие, наполнял более или менее соответствующим содержанием ОБРАЗ части ойкумены. Сохранение стереотипов наименований объясняется восприятием объективной реальности как части картины мира, видимой из какой-то, возможно, идеальной или гипотетической, позиции (Иванов 2010. С. 21), из которой автор пытался «выйти», восполнив пространственную картину за счет возможных реалий.

Понятие Скифии как образа дальней части ойкумены был отмечен в некоторых других произведениях арабских писателей.

Известный представитель описательной географии Ибн Хордадбех (IX в.) писал: «Обитаемая часть Земли делится на 4 части. В их числе Европа, в которую входят Андалусия, славяне, Византия, франки, Танжер, [земли] до рубежей Египта. Затем идет Ливия: в ней Египет, Кульзум, Абиссиния, берберы и то, что прилегает к ним, и [страна] юга; в этих странах нет ни кабанов, ни ланей, ни диких ослов, ни козлов. Эфиопия: Тихама, Йемен, Синд, Хинд, Син. Скифия (*Аскутийя*): в ней Арминия, Хорасан, земли тюрок и земли хазар» (BGA VI. P. 155; Ибн Хордадбех 1986. С. 124–125).

Ибн ал-Факих (труд написан в 903 г.), использовавший материалы Ибн Хордадбега, писал: «Населенная земля разделяется на 4 части. [Первая] — Европа, в нее входят Андалусия, славяне, Византия, Фиранджа и Танджа, до границы Египта. [Вторая часть] — Ливия. В нее

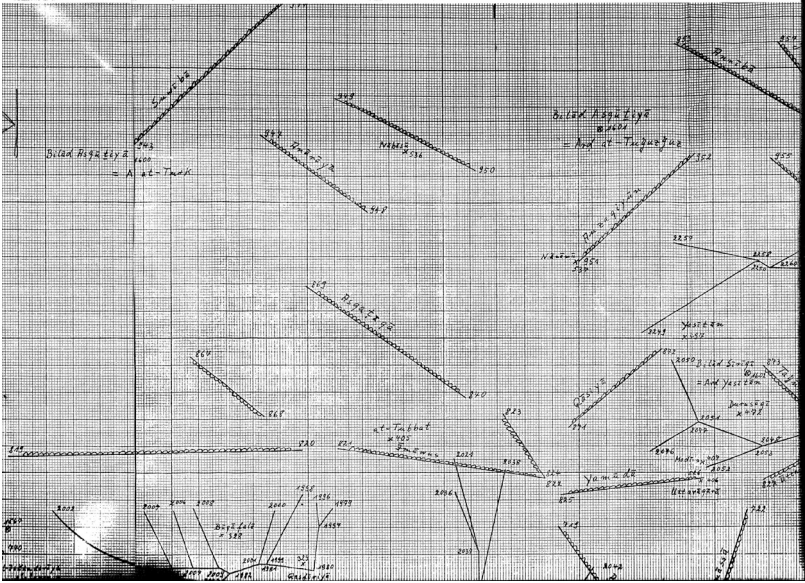

Рис. 18

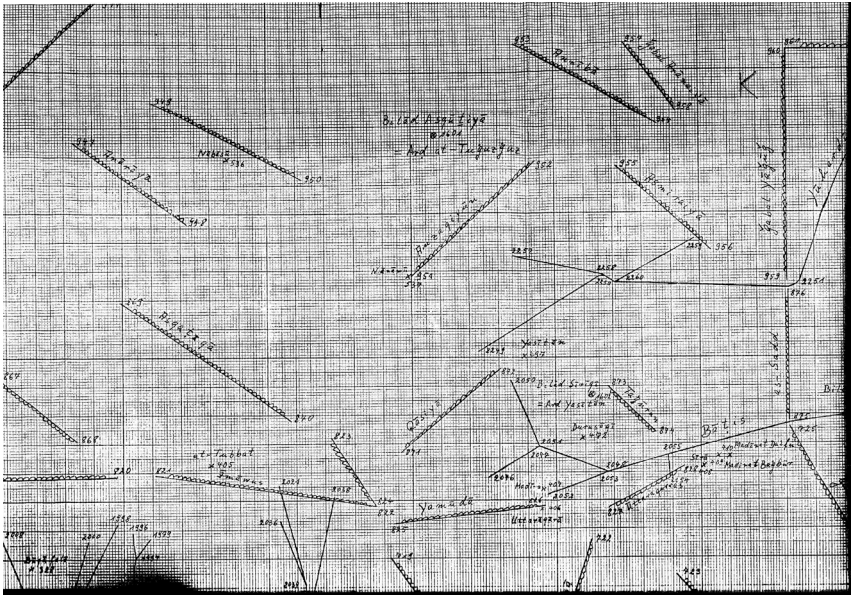

Рис. 19

Рис. 18–19. Реконструкция части карты Скифии по ал-Хорезми.

Fig. 18–19. Reconstruction of the Part of the Map of Scythia by al-Khwarazmi.

входят Египет, Кульзум, Абиссиния, берберы и то, что прилегает к ним, и Южное море (т. е. Индийский океан и его побережье. — *Т. К.*). В этих странах нет ни кабанов, ни ланей, ни диких ослов, ни козлов. В [третью часть входят] Тихама, Йемен, Синд, Хинд. [Четвертая часть] — это Скифия (*Аскутийа*). В ней — Арминия, Хорасан, турки и хазары. Гермес утверждает, что протяженность каждого из семи климатов составляет сто фарсахов и столько же составляет ширина» (BGA V. P. 6–7).

О таком разделении Земли поведал Шамс ад-Дин ад-Димашки (1256–1327 гг.) в сочинении «Выборка времени о диковинках суши и моря», демонстрируя наглядно существование сюжетов, перекочевывавших из произведений раннего времени в труды поздних сочинителей. Ведь восточные писатели часто создавали свое произведение из готовых сюжетных и стилистических форм, не считая нужным во многих случаях назвать первоисточник своей информации (Крачковский 1957. С. 23; Халидов 1985. С. 75).

Такова глава о разделении Земли «согласно утверждениям древних. К числу таких утверждений относится то, что Ардашир ибн Бабак разделил землю на 4 части. Одна из них — для тюрок, другая — для арабов, третья — для персов и четвертая — для суданцев... Александр [Македонский] разделил народы обитаемой части земли на 4 части. Первую часть он назвал Европа. В нее входят Андалус, славяне, франки, Танжер и ромеи. Вторую часть он назвал Ифрикия. В нее входят Египет, Кульзум, Абиссиния, зинджи и Южное море. Третью часть он назвал *Аскамунийа*. В нее входят Армения, хазары, турки и Хорасан. Четвертую часть он назвал Банушийа. В нее входят Тихама, Йемен, Индия и Китай» (Cosmographie 1866. P. 24; Арабские источники XIII–XIV вв. 2002. С. 331).

Несомненно, ад-Димашки воспроизвел восходящий к Ибн Хордадбеку (или его первоисточнику) тезис, исказив непонятное название «Аскутийа». Само деление ойкумены на 4 части не часто встречается в арабской географии, где обычно обитаемая земля делится на 3 части, в соответствии с воззрениями античных географов. Четыре части — это древнейшее деление времен года; оси Земли запад — восток, север — юг; лопастей солярного креста; у некоторых античных ученых — суши на 4 континента. Не случайно Ибн ал-Факих и ад-Димашки ссылаются на авторитеты древних «мудрецов».

Образ Скифии в представлении арабских ученых уводит вглубь веков; картографическое изображение показывает традиционно далекое пространственное представление об этом древнем этнопониме.

АЗОВСКОЕ МОРЕ В АНТИЧНОЙ, СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ И АРАБСКОЙ КАРТОГРАФИИ⁷⁸

В настоящей работе мы хотели бы обратить внимание историков Восточной Европы на одно странное обстоятельство, связанное с изображением Северного Причерноморья в античной и средневековой картографии. Речь идет о разделении Черного и Азовского морей, т. е. об изображении Азовского моря как замкнутого бассейна (озера). Следствием этого является отсутствие изображений Керченского пролива и, как правило, Крыма как полуострова. Эту картографическую традицию можно проследить в античной и в средневековой европейской и арабской картографии.

* * *

В античной картографии известны только две карты, на которых имеется изображение Черного моря с конфигурацией северного побережья — карта середины III в. н. э. из города Дура-Европос на среднем Евфрате (см. о ней подр.: Подосинов 1999а. С. 237–252; 2002. С. 77–99 [там же литература о карте]) и Певгингерова карта, сохранившаяся в копии XII–XIII вв., но определенно восходящая к первым векам н. э. (Он же 1991. С. 63–80; 2002. С. 287–378). На обеих картах на том месте, где в Черное море выступает полуостров Крым, побережье Черного моря представлено прямой линией, хотя там, где должен быть Крым, присутствует крымская топонимия.

Так, на карте из Дура-Европос восточнее города Борисфена (Ольвии) назван крымский г. Херсонес, после которого следует г. Трапезунт. Отсутствие изображения Крыма и Керченского пролива предполагает, на наш взгляд, отсутствие также соединения Азовского моря с Черным.

На Певгингеровой карте (сегмент VIII, 1–2 по изданию Э. Вебера — Weber 1976) над практически прямой линией северного берега Черного моря также упомянуты некоторые крымские реалии, в частности, топоним *Saurica*, который, возможно, представляет собой искаженное название полуострова *Taurica*; надпись «Рвы, вырытые рабами скифов», име-

---

⁷⁸ Впервые опубликовано: AD FONTEM / У ИСТОЧНИКА: сборник статей в честь С.М. Кашганова. М., 2005. С. 108–119 (в соавт. с А.В. Подосиновым).

ющая в виду, очевидно, Перекопский перешеек; крымские города Калос лимен (*Salolime*), Акра, Нимфей, возможно, Мирмекий. Большинство этих названий надписано на узкой полосе суши, отделяющей Понт Евксинский от Меотийского озера (*Lacus Meotidis* — Азовское море); при этом Азовское море представлено как замкнутый бассейн и не показан Керченский пролив, а по всей суше между морями тянется надпись *Bosforani*, т. е. «жители Боспорского царства», как известно, располагавшегося по обоим берегам Керченского пролива. Певтингерова карта является, таким образом, ярким и достоверным свидетелем существования в античной картографии представления о Меотиде как замкнутом озере.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что описательная, литературная география как греков, так и римлян, ориентированных на греческие описания, прекрасно знает Азовское море как соединяющийся с Черным морем через Босфор Киммерийский (Керченский пролив) бассейн, а Крым как крупный полуостров в Северном Причерноморье. Эту традицию заложил еще Геродот в своем «Скифском логосе» (Herod. IV, 20 и 99: ἡ Ταυρικὴ), упомянув о Таврике как южной границе Скифии, выступающей на юг и на восток. На протяжении всей античности конфигурацию Черного моря сравнивали с составным скифским луком, тетивой которого было южное побережье моря, а самим луком с двумя выступающими «горбами» — северное⁷⁹. Углубление между этими «горбами» и давал Крымский полуостров, простирающийся к югу.

Древнегреческая научная картография, представленная в творчестве Клавдия Птолемея (II в. н. э.) и его предшественников (Эратосфена, Гиппарха, Страбона, Марина Тирского), воспроизводила, судя по тексту «Географического руководства» Птолемея, Азовское море, Керченский пролив и Крымский полуостров также достаточно реалистично⁸⁰.

Это обстоятельство указывает на то, что отмеченные деформации в изображении Северного Причерноморья свойственны только *римской картографической традиции*. Откуда могла пойти такая традиция?

Уже было показано ранее, что некоторые деформации в изображении Черного моря в позднеантичной и раннесредневековой картографической традиции обязаны своим происхождением смещениям на знаменитой карте мира Марка Випсания Агриппы (кон. I в. до н. э.) (Подосинов

⁷⁹ См., например: Ammian. Marc. XXII, 9: «все географы (названы были «Эратосфен, Гекатей, Птолемей и другие авторитетнейшие специалисты в этого рода знаниях». — *Авт.*) единогласно уподобляют вид моря скифскому луку с натянутой тетивой»; ср. также: Strabo, II, 5, 22; Plin. NH. IV, 76; Dionys. Perieg. 156–162.

⁸⁰ См.: Ptol. Geogr. III, 6 и V, 9, 1–7 (ed. C.F.A. Nobbe); ср. карты Птолемея в греческих и латинских рукописях XIII–XV вв.: Kamal Youssouf 1928. Т. II. Fasc. 1. P. 132, 148.

1999а. С. 237–252). В частности, следуя ошибке на карте Агриппы, южночерноморский город Трапезунт помещали на северном берегу Черного моря карта из Дура-Европос, Певтингерова карта, карты, которыми пользовались Иордан (VI в.), анонимный автор из Равенны, написавший в VII в. «Космографию» и, возможно, ал-Идриси (XII в.). Известно, какое большое влияние оказала карта мира Агриппы на последующую картографическую традицию античности и раннего средневековья (см. об этом, например: Miller 1898. S. 53).

Есть также некоторые признаки того, что Меотида, Крым и Керченский пролив не были обозначены на карте Агриппы. Хотя сама карта до нас не дошла, краткое ее содержание известно по двум позднеантичным (V в. н. э.) географическим каталогам «*Divisio orbis terrarum*» и «*Demensuratio provinciarum*», описывавшим границы и размеры различных регионов агрипповой карты (см. их издание и исследование: Подосинов 2002. С. 62–76). В этих трактатах территория Скифии и Сарматии описывается следующим образом: «Сарматия и Скифия Таврика. Они ограничиваются с востока хребтами горы Кавказа, с запада — рекой Борисфен, с севера — океаном, с юга Понтийской провинцией»⁸¹. Таврика в этом перечислении не выделена в отдельный пункт, но присутствует как определение для Скифии, показывая, что ко времени Агриппы скифская территория ограничивалась лишь размерами Крыма. Южной границей этой территории является *provincia Pontica*, в которой можно усматривать территорию Боспорского царства, объединенного в то время с южночерноморским царством Понт (подр. см.: Он же 2000. С. 44–45). Крым, таким образом, никак не выделен среди других регионов Северного Причерноморья и едва ли был запечатлен на карте, которая была изготовлена после смерти Агриппы на основании его текстов. Полное отсутствие упоминания Меотиды в *Divisio* и *Demensuratio* заставляет думать, что она была изображена как внутреннее озеро.

По-видимому, этой агрипповой традиции следуют и выше рассмотренные изображения Северного Причерноморья на карте из Дура-Европос и на Певтингеровой карте, а также в некоторых поздних географических сочинениях, стоящих в русле агрипповой традиции и основанных на подобной карте. Надо подчеркнуть, что именно эти карты составляют, по мнению историков картографии, агриппову линию в развитии картографии, и именно в них ранее были обнаружены особенности, объясняемые влиянием карты Агриппы.

---

⁸¹ Div. 15 = Dem. 9: Sarmatia et Scythia Taurica. Hae finiuntur ab oriente iugis montis Caucasi, ab occidente flumine Borysthene, a septentrione oceano, a meridie provincia Pontica (ср.: Plin. IV, 91).

К этой же традиции обычно относят два географических произведения, описание мира которых построено на картах, близких агрипповой или Певтингеровой: «Космографию» Юлия Гонория, написанную в IV–V вв., и «Космографию» Равеннского Анонима, датируемую концом VII в. Как же отражена территория Азовского моря и Крыма в этих памятниках (см. их издание и исследование: Он же 2002. С. 107–286)?

В «Космографии» Юлия Гонория упоминаются следующие «морья»: «море Меотида, море Босфор, море Киммерийское, море Понт...»⁸². Второе и третье моря явно означают Керченский пролив, который в античности назывался Боспором (Босфором) Киммерийским (ὁ Κίμμεριὸς Βόσπορος). Обозначение их как «морей», да еще как двух отдельных морей, показывает, что пролив между Меотидой (Азовским морем) и Черным морем не изображался на карте, описываемой Юлием Гонорием, а значит, не было и Крыма как полуострова. Об этом же, представляется, свидетельствует и странное название «город Синды Таврика» (*Sindi Taurica oppidum*), упомянутое «Космографией» в Северном Причерноморье (32 A). Синды — народ на Таманском полуострове (т. е. на восточном берегу Керченского пролива), Таврика же должна означать западный берег пролива. Два этих названия, написанные вместе, означают, что Керченского пролива на карте Гонория не было, а, как и на Певтингеровой карте, между Азовским и Черным морями изображалась непрерывная полоса суши.

В «Космографии» Равеннского Анонима также есть данные, позволяющие думать об отсутствии на карте-основе, весьма близкой Певтингеровой карте, Керченского пролива и Крымского полуострова. Судя по тому, что города Боспорского царства перечисляются в IV, 3 с востока на запад без всякого «шва» на месте пролива, а про Меотиду говорится, что она «простирается до Боспорской страны»⁸³, которая сама находится «возле Понтийского моря»⁸⁴, историки давно уже заключили, что Меотида была обозначена на карте Равенната, как и на Певтингеровой карте, обособленным от Черного моря бассейном (см., например: Schnez 1926. S. 159).

Ни слова не говорит о Крыме в своем описании Скифии Иордан, у которого мы также отмечали следы агрипповой картографической традиции, хотя он и упоминает «Меотийское болото» (*Meotis palus*), «Боспорские проливы» (*angustiae Bosfori*) и некоторые города Крыма

---

⁸² Iul. Honor. Cosm. 28 A: Mare Maeotis, mare Bosphorum, mare Cimmerium, mare Pontum...

⁸³ Rav. Cosm. IV, 5: Meotida regio... usque ad praefatam Bosphoranam patriam pertingit.

⁸⁴ Rav. Cosm. IV, 3: iuxta mare Ponticum posita.

(*Chersona, Theodosia, Careon, Myrmicion*) (Iord. Get. 30–33, 37–39, 44–46, 117, 123–126).

Таким образом, можно предположить, что на большинстве римских и раннесредневековых карт Крымский полуостров отсутствовал и, следовательно, Азовское море изображалось как замкнутое; истоки этой картографической особенности могут лежать в изначальном отсутствии Крыма и изоляции Азова на карте мира Марка Випсания Агриппы, которая послужила образцом для многих последующих карт так наз. агрипповой традиции, резко отличающейся от традиции птолемеевой картографии (об этих двух традициях см. подр.: Miller 1895. S. 2).

* * *

В Средние века картография была представлена, в основном, картами мира, так наз. *mapae mundi*, которые варьировались от схематичных Т-О-образных космограмм до подробных карт типа Эбсторфской XIII в., содержащей более 1500 легенд (см. о них подр.: The History of Cartography 1987. Vol. 1. P. 286–370). Как показывает недавнее исследование средневековых *mapae mundi* VIII–XIII вв., проведенное Л.С. Чекиным (Чекин 1999), Крымский полуостров отсутствует не только на схематичных картах, где он а priori не может быть, т.к. все Черное море (вместе с Ионийским, Мраморным и Азовским) сведено на них, как правило, до узкой полосы, образующей левую перекладину тау-образного креста, основной стержень которого символизирует Средиземное море (см., например, репродукции таких карт: Чекин 1999. С. 25, 33, 37, 58, 69, 117, 160, илл. № 1–4, 6–7, 9–19, 26–34). Но и более подробные карты мира, пытающиеся передать линию морского побережья, острова и проливы, не фиксируют Крым как полуостров на Северном побережье Черного моря (см. об этом подр.: Подосинов 2001. С. 304–312). Как же изображался на этих картах наш регион?

Англо-саксонская карта второй четверти XI в. (Чекин 1999. С. 120–121, илл. № 36; ср. также илл. № 38, 39, 41, 42, 44, 55, 56, 57, 58, 64) одна из первых дает довольно реалистические очертания Черного моря, но и здесь мы не находим никаких следов Крыма, а Азовское море никак не изображено, только посреди северного побережья Черного моря есть надпись *Meotides paludes* («Меотийские болота»). Знаменитые карты мира XIII в. — Эбсторфская и Херефордская, — имея чрезвычайно подробную картографическую информацию, также не показывают Крымский полуостров (Там же. Илл. № 55 и 58). Северное Причерноморье, как и на ан-

тичных картах, представлено здесь практически прямой линией. На первой карте присутствует и Меотида, но связь ее с Черным морем показана через три реки, параллельно друг другу текущие из Меотиды в Понт, т. е. Азовское море показано не как часть Черного, а как отдельный бассейн. На второй карте «Меотийские болота» представлены как река, впадающая наряду с несколькими другими реками с севера в Черное море. Вполне возможно, что в основе средневековых *mapae mundi* лежали позднеримские карты мира, восходящие к агрипповой традиции.

Начиная с XIV в. в Западной Европе развивается особая отрасль картографической продукции — *карты-портоланы*, представлявшие собой графические аналоги портоланам-лоциям, существовавшим в виде письменного текста (о портоланах см. подр.: The History of Cartography 1987. Vol. 1. P. 371–456). От первого периода развития портоланов (до 1500 г.) до нас дошло более 180 карт и атласов атласов (Kupčik 2000. S. 9–10). Призванные служить практическим нуждам мореплавания, эти карты дают необыкновенно реалистическое изображение береговой линии Средиземного, Черного и Азовского морей со всеми их бухтами, мысами и полуостровами. Сплошной просмотр карт-портоланов с самых ранних (нач. XIV в.) по XV в. показывает, что Азовское море, Крымский полуостров и Керченские пролив появляются на картах этого типа сразу, присутствуют везде и изображены весьма реалистично⁸⁵.

Такова же конфигурация суши и моря в Северном Причерноморье и на картах Птолемея, которые известны нам в греческих списках XIII–XIV вв., а в Западной Европе стали воспроизводиться начиная с XV в. (см. карты Птолемея в: Kamal Youssouf 1928. Vol. II. P. 132, 148; ср. также: The History of Cartography 1987. P. 266–274).

Соединение двух ветвей картографии — практической традиции западноевропейских портоланов и птолемеевой традиции греческой георетической картографии — привело к тому, что к XV в. Азовское море, Крым и Керченский пролив, соединяющий два моря, заняли свое прочное место в картографических изображениях Восточной Европы.

Один из первых арабских географов, Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми (перв. пол. IX в.) в «Книге картины земли», написанной на

---

⁸⁵ Ср., например, ранние портоланы Дживанни да Кариквано начала XIV в., Петро Весконтэ 1311 г., Паулина Минориты 1320 г., Марино Санудо 1321 г., Анджелино де Далорто 1325 г., Опицина де Канистрис 1336 г. и многих других: Kamal Youssouf 1928. T. IV. Fasc. 1. 1936. P. 1138, 1140, 1160, 1169, 1172, 1174; Fasc. 2. 1937. P. 1197, 1205, 1216; Fasc. 3. 1938. P. 1331, 1333, 1334, 1350, 1368 et al.; Fasc. 4. 1939. P. 1396, 1417, 1457, 1463 et al.; T. V. Fasc. 1. 1951. P. 1491, 1493–1496, 1498, 1503, 1506–1508, 1513 et al. См. также: Димитров 1984; Kupčik 2000.

основе «Географического руководства» Птолемея (Mžik 1915. S. 163–164; Honigmann 1929. S. 123–125; 143–148; The History of Cartography 1992. Vol. 2, 1. P. 98), привел координаты для береговой линии Черного и Азовского морей. У Птолемея эти моря были названы, в русле античной традиции, Понтом и Меотидой, и о них даны вполне реальные сведения. Ал-Хорезми не использовал эти названия, употребив для Меотиды слово ал-Батиха: «долина, широкое русло потока», здесь — в значении «озеро». В рукописи сочинения ал-Хорезми, относящейся к XI в., сохранилось подобие карты, бывшей в подлиннике, с изображением Меотиды (ал-Батиха) (Mžik 1915. S. 161; The History of Cartography 1992. Vol. 2, 1. III. 5⁸⁶). Как по ней, так и по описанию (см. параграфы 2378–2384 по изданию Мжика: al-Ḥuwārizmī 1926. S. 105; Mžik 1936. S. 173–174; Калинина 1988. С. 48 [перев.], с. 94 [коммент.]), которое, впрочем, имеет лакуны, можно понять, что это озеро, по данным ал-Хорезми, не соединялось с Понтом. Боспор Киммерийский не отмечен в книге ал-Хорезми, а превращен в замкнутый залив Понта. Ал-Батиха, по материалам ал-Хорезми, была расположена ближе к северу, чем Меотида Птолемея, и соединялась посредством двух рек с Северным Внешним морем, соответствующим Сарматскому океану Птолемея. В целом изображение восточного и западного побережья ал-Батихи в книге ал-Хорезми почти тождественно данным о тех же берегах Меотиды в сочинении Птолемея, в то время как картина южного побережья (разделение бассейнов, соответствующих Понту и Меотиде) и северного (связь с Северным Внешним морем) выглядит иной. Следует отметить, что Крымский полуостров, в отличие от античных карт «агрипповой» традиции, обозначен на северном побережье Понта, хотя и с искажениями конфигурации. Он называется *Таукийа*, что является искаженным именем *Таврика*, но ни один населенный пункт там не указан (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 105; Mžik 1936. S. 173–174; Калинина 1988). При описании береговой линии ал-Батихи ал-Хорезми назвал города *Тирма* (Тирамба Птолемея) и *Танис* (Танаис Птолемея).

Название Меотиды по городу Тирамбе — *озеро Тирма* — фигурировало у переписчика сочинения ал-Хорезми Сухраба (нач. X в.) (Suhrab 1929. S. 80; Калинина 1988. С. 115 [перев.]), что может свидетельствовать о существовании этого термина по отношению к Азовскому морю в той версии труда ал-Хорезми, которой пользовался Сухраб, но которая неизвестна нам.

---

⁸⁶ В легенде к карте, однако, редакторами сделана ошибка: в левом верхнем углу изображено не Черное море, а Северное Внешнее, связанное с Меотидой двумя большими водными потоками (Калинина 1999. С. 84–86).

Превратные представления ал-Хорезми о водной системе Восточной Европы могут объясняться неверным восприятием данных Птолемея, поскольку самое малое смещение картографических материалов дает общую неверную картину. Однако могло повлиять и то обстоятельство, что наряду с птолемеевой традицией, дававшей географические координаты (вероятно, в виде списка, а не карты), ал-Хорезми была доступна и агриппова традиция, которая изначально отделяла Меотиду от Понта.

Заметим кстати, что в IX в. приазовское, причерноморское и прибалтийское побережья оказались в сфере влияния международной торговли Древней Руси, Скандинавии и Византии, что, возможно, также помогло средневековому автору соотнести реалии древности и современности (Калинина 2000б. С. 106–110).

В XII в. испано-арабский географ ал-Идриси в книге «Развлечение истомленного в странствии по областям» также передавал сведения об озере Тирма как явную реминисценцию информации ал-Хорезми, хотя сообщения ал-Идриси об этом озере и о Черном море свидетельствуют о знакомстве его с другой, помимо традиции ал-Хорезми, географической (не картографической, а описательной) линией, отмеченной именами ал-Баттани и др. (Miller 1926. S. 13; Коновалова 1999а. С. 75). Показательно, что на знаменитой карте мира ал-Идриси нет ни Азовского моря, ни Крыма, хотя там и нанесены все причерноморские города, названные в его книге (Коновалова 1999а. С. 52; ср. рукописные карты ал-Идриси в: Kamal Youssouf 1928. Vol. IV. P. 864, 866, 867).

Здесь следует напомнить, что ал-Идриси, возможно, локализовал Трапезунт в Северном Причерноморье, что подтверждает его зависимость от карты мира Агриппы. Кроме того, он упоминает в качестве своего источника римского автора V в. Павла Орозия, который в географических частях своего труда также, как известно, следовал агрипповой традиции⁸⁷.

В X в. в Арабском халифате работали ученые, отнесенные европейскими исследователями к так наз. «классической традиции» арабской географии — ал-Истахри и его ученик и последователь Ибн Хаукал. Их произведения опирались на несохранившийся труд среднеазиатского ученого ал-Балхи (20-е гг. X в.). Эти сочинения были основаны на картах, воспроизведенных в поздних рукописях трудов ал-Истахри и Ибн Хаукала; тексты же их книг вполне соответствуют изображениям на картах земель и стран. Для географии Восточной Европы эти труды интересны

---

⁸⁷ Интересно, что географические разделы сочинения Орозия были переведены на арабский уже в X в. при дворе халифа Кордобы ‘Абд ар-Рахмана III (912–961) (Lewicki 1945. S. 45).

тем, что и в описаниях, и в изображениях на картах отсутствуют какие бы то ни было намеки на знание Черного или Азовского морей. Вместо них показан некий огромный канал (*халидж ал-Кустантинийа*, т. е. Константинопольский пролив), который, начинаясь в Западном море (*ал-бахр ал-Магриб*, т. е. в западной части Атлантики), проходил через моря Средиземное (*ал-бахр ар-Рум*) до Константинополя, а затем, повернув на север, прорезал земли славян (*ас-сакалиба*), русов (*ар-рус*), болгар и впадал на севере, близ «беднейших из бедных народов Гог и Магог», в так наз. Окружающий океан (*ал-бахр ал-Мухит*, здесь — северную часть Атлантики) (BGA I. P. 220; BGA II₂. P. 393). Таким образом, ясно, что ал-Истахри и Ибн Хаукал не имели конкретных данных о Черном и Азовском морях, однако они знали о водной связи между севером и югом Восточной Европы, которая проходила по землям восточноевропейских народов. Возможно, здесь надо видеть влияние западноевропейских Т-О-образных *mapae mundi*, в которых Черное и Азовское моря также изображались одной непрерывной линией (см. об этом выше).

Представители описательной арабской географии IX–X вв. высказывали более определенные взгляды на положение Азовского моря, хотя зачастую эти представления обнаруживали заметную зависимость от античной географии, впрочем, не связанную с «агрипповой» традицией.

В сохранившейся версии «Книги путей и стран» Ибн Хордадбеха (40-е или 80-е гг. IX в.) нет упоминаний об Азовском море. Зато его последователь Ибн ал-Факих (нач. X в.) ввел понятие «залив хазар» (*халидж ал-хазар*). Эти данные о «заливе хазар» имели основой сведения, встречавшиеся в труде Ибн Хордадбеха, о пути между Каспием и хазарским городом Хамлидж. Разница в написании слов *Хамлидж* и *халидж* очевидна. Встает вопрос, ошибка ли это или сознательное изменение. Оксфордская рукопись сочинения Ибн Хордадбеха содержит форму *халидж*, и так переводили этот фрагмент А.Я. Гаркави и В.Р. Розен (Гаркави 1870. С. 49; Куник, Розен 1903. С. 169). Венская рукопись показывает форму *Хамлидж*; такая форма представлена в издании М. Де Гье (BGA VI. P. 154) и выбрана Т. Левицким, Б.Н. Заходером, Н.М. Велихановой и др. (Lewicki 1956. S. 77; Заходер 1967. С. 85; Ибн Хордадбех 1986. С. 109). В правильности именно последнего чтения убеждают и другие фрагменты книги Ибн Хордадбеха:

«Дорога между Горганом [областью южного побережья Каспия — *Авт.*] и Хамлиджем, городом хазар... От Горгана до Хамлиджа, а он — на конце реки, текущей из страны славян и впадающей в море Горгана [т. е. Каспий — *Авт.*], так вот по этому морю при попутном ветре 8 дней пути. Города хазар — Хамлидж, Баланджар, ал-Байда» (BGA VI. P. 124;

Ибн Хордадбех 1986. С. 109 [перев.]. Другой фрагмент: «[Купцы-русы] идут по ...*нис*(?), реке славян, входят в Хамлидж — город хазар... Затем отправляются к морю Горгана [...]» (BGA VI. P. 154; Ибн Хордадбех 1986. С. 124 [перев.]).

Таким образом, Ибн Хордадбех определенно упоминал хазарский город Хамлидж в устье Волги. Это не означает, что Ибн Хордадбех имел с вероятным окончанием *-нис* именовал Волгу (в рукописях сохранилась часть названия этой реки, более всего напоминающая окончание *-нис*, хотя были попытки усматривать в сохранившихся буквах название Волги — Итиль. Подр. см.: Калинина 1986. С. 79–81). Ибн Хордадбех обрисовал некий общий водный путь от славянских земель близ Балтики до Каспия, не зная деталей этого долгого пути с переволоками, как некий собирательный образ реки, соединяющей земли славян и Каспий, север и юг Восточной Европы (Она же 2000а. С. 286–296; Коновалова 2001а. С. 192–219).

Ибн ал-Факих следующим образом переработал материал:

«От моря Горгана до залива (*ал-халидж*) хазар — 10 дней пути. Если ветер благоприятен, то 8 дней пути морем и 2 дня по суше [...]». «[Славянские купцы] [...] следуют от моря славян в эту реку, которая называется рекой славян, пока не достигнут залива (*ал-халидж*) хазар. Затем идут к морю Хорасанскому [...]» (BGA V. P. 7, 270–271; Новосельцев 1965. С. 385 [перев.]).

Этот автор более детально рисует путь от славян, по «славянской реке» (Дону или Северскому Донцу?) в «залив хазар» (Азовское море?), откуда через 2 дня пути по переволокам и 8 дней плавания купцы попали к Каспию. Как видно, в обоих случаях основа фрагментов едина, но обработана по-разному. Вероятнее всего, оба автора считали действующей системой прямую связь между славянскими землями и Каспием: Ибн Хордадбех — посредством текущей из земель славян реки, название которой можно интерпретировать как Танаис, но в реальности являющей собой длинный водный путь от Балтики по восточноевропейским рекам и переволокам до Каспия; Ибн ал-Факих, не называя имени «реки славян», — с помощью водных дорог между славянскими землями и «заливом хазар» — вероятнее всего, Азовским морем, а также водной и сухопутной связи между этим последним и Каспием.

Целый ряд авторов X в., придерживавшихся разных жанров (Ибн Русте — географ, ал-Баттани — астроном, ал-Мас‘уди — энциклопедист, Агапий Манбиджский — церковный историк, и т. д.) приводят одинаковое описание морей, которое взято, по-видимому, из единого

авторитетного первоисточника, возможно, несохранившегося труда Ибн Хордадбеха или саманидского везира ал-Джайхани (оба жили в IX в.) (Калинина 2000б. С. 289. Ср.: *The History of Cartography* 1992. Vol. 2, 1. P. 92–93 [с библиографией изданий]). В них Черное море именуется, по античной традиции, Понтом и дается одинаковое описание его:

«Море Понт тянется от Лазики до великого Константинополя. Длина его — 1060 миль, а ширина — 300 миль. [Размеры иногда бывают несколько отличны, но это объясняется, вероятно, разницей в рукописях. — *Авт.*] В него впадает река, известная как Танаис, а течет она со стороны севера от озера, которое называется Меотис [...]» О Меотисе: «[В море Понт] впадает река, которая называется Танаис, течение ее со стороны севера от озера, которое называется Меотис. Это большое море, хотя и именуется озером. Длина его с востока на запад 300 миль, а ширина 100 миль» (Al-Battani 1899. P. 27; Крачковский 1957. С. 103 [перев.]).

Как видно, в этих воззрениях присутствует идея о нахождении озера Меотис на севере и о связи его с Черным морем (Понтом) посредством р. Танаис.

Интересно отметить, что на некоторых средневековых *mapae mundi* Танаис также показан протекающим через Меотийские болота и впадающим в Черное море (см., например, на Мюнхенской карте мира XII в.: Чекин 1999. С. 122–123 и илл. № 38; ср. также илл. № 39, 48–50). Ирландский монах Дикуил в 825 г. писал (основываясь, очевидно, на изображении на карте): «Река Танаис рождается на горе Гипербореи Рипей. Пройдя через Меотийские болота, впадает в Евксинский Понт» (Dicuil. 6, 42). При этом важно иметь в виду, что книга Дикуила в качестве источника использовала помимо прочих сочинений также «Космографию» Юлия Гонория, т. е. находилась в русле агрипповой традиции. Представление о том, что Меотида соединяется с Черным морем рекой Танаис, восходит, очевидно, к античности, так как уже Арриан в своем «Перипле Черного моря» (19, 4) писал, что Танаис «вытекает из Меотийского озера и впадает в Понт Евксинский». Отзвуки этих представлений находятся и в византийской литературе (см., например: *Procop. Caes.* BG IV, 4, 21; *Euagr. Hist. eccl.* IV, 23).

Против этой идеи в книге «Промывальни золота и рудники самоцветов» выступал ал-Мас‘уди (сер. X в.). Он писал, что Понт и Меотис являются по существу одним и тем же морем и что не возбраняется смешивать эти два названия, поскольку принадлежат они одному и тому же морю, только одно — пошире, другое — поуже, «и теснит в некоторых местах [эти моря] суша, и между водами обоих морей это напоминает пролив» (Ма-

çoudi 1861. Т. 1. Р. 272–273. См. также: Бейлис 1962. С. 62). По-видимому, речь здесь идет о Керченском проливе. Однако в последней своей «Книге предупреждения и пересмотра» ал-Мас‘уди кардинально изменил взгляд на Меотис: «[Озеро *Майүтис*] — на окраине населенной земли севера, часть его — под северным полюсом [...]» (BGA VIII. Р. 66–67). Относительно Танаиса здесь ал-Мас‘уди писал, так же как Ибн Русте, ал-Баттани и др., что впадает эта река в Понт, что начинается Танаис на севере, а населяют его берега славяне и другие «народы, живущие на севере» (BGA VIII. Р. 62–63). По-видимому, в первой книге ал-Мас‘уди следовал птолемеевой традиции, передавая реальные сведения о Причерноморье и Приазовье; в «Книге предупреждения и пересмотра» же превалирует информация, находящаяся в русле агрипповой традиции. В последней книге он утверждал также, что «[море *Майүтис*] известно ныне как море хазар», хотя другой фрагмент этой же книги посвящен описанию моря Хазарского как «моря хазар, Дербенда, Армении, Азербайджана, Мукана, Гиляна, Дейлема, Абаскуна, и это — побережье Горгана, Табаристана, Хорезма и других таких земель» (BGA VIII. Р. 60, 138, 140): очевидно, что здесь речь идет о Каспии, а ал-Мас‘уди пользовался разными источниками при рассказе о «море хазар». Ал-Мас‘уди утверждал также, что Понт называется «морем русов», т. к. никто, кроме них, не ходит по этому морю. Упомянул он, что море это — еще и море болгар и печенегов (*ал-баджанак*), а также отмечал местонахождение города Трапезунда (*Тарабазунда*) на берегу моря Майотис (здесь — Черного) (Maçoudi 1861. Т. 1. С. 261–262, 272, 273; см. также: Бейлис 1962. С. 62)⁸⁸. «Морем хазар» он в большинстве случаев называл Каспий («море хазар, которое есть море Горгана, Табаристана и других земель») и рассказывал об опустошительном походе русов на Гилян, Дейлем, Табаристан, Абаскун, Ширван «после 300 г. х.», прибавив: «Мы рассказали эту историю в опровержение высказываний того, кто утверждает, будто море ал-хазар соединяется с морем Майотис и проливом Константинополя со стороны Майотиса и Бонтоса» (Maçoudi 1863. Т. 2. С. 18–24).

Представление о связи между Каспием и Азовским морем существовало в арабской географической литературе. Такую связь подозревал и ал-Мас‘уди, который, с одной стороны, несколько раз упоминал, что между Азовским морем и Каспием связи нет, однако тут же утверждал, что все же существует некий путь — рукав, «идущий от верховьев реки хазар [т. е. Волги. — *Авт.*] вблизи страны болгар

---

⁸⁸ Об агрипповой традиции локализации Трапезунта в Северном Причерноморье (также у ал-Идриси) см. выше.

[камских. — *Авт.*] и впадающий в море *Майутис*»; в другом фрагменте тоже упоминался залив Понта, соединявшийся с морем хазар (Каспием) (Maçoudi 1863. Т. I. Р. 273; Т. 2. Р. 18, 23–24).

В XI в. сведения становятся более реальными. Так, Абу-р-Райхан ал-Бируни в произведениях «Масудовские таблицы по астрономии звезд» и «Вразумление начаткам науки о звездах» среди описаний морей Земли упоминал «залив Окружающего океана», отходящий на севере страны славян, вблизи болгар-мусульман, который назван Варяжским морем (*бахр ал-варанк*), т.к. по берегам его живут «варанки», т.е. варяги–скандинавы. Упоминал ал-Бируни и море славян, «находящееся в холодной стороне» (ал-Бируни 1976. Т. 5, Ч. 2. С. 212 [перев.]; 1975. Т. 6. С. 164 [перев.]; 1963. С. 195, 198 [перев.]). Следовательно, ал-Бируни передал вполне реальные данные о северных водах Европы и прибрежном населении.

В 30-х гг. XII в. появилось сочинение «Предел постижения относительно разделения небесных сфер» среднеазиатского ученого ал-Хараки. Фрагмент этого труда привел, среди примечаний, издатель книги ал-Баттани С.А. Наллино:

«Что касается моря Западного, то это то, которое называется Окружающим, и (еще) его название Греческий Океан (*Йунанийуна Укийанус*). Граничит с ним Индийский океан (*море ал-Хинда*), и неизвестно о нем ничего, кроме того, что в стороне запада и севера напротив стороны земли русов и славян [...]. Вытекает из него также великий залив на севере славян, называемый еще *морем варанков*, а они — народ, (живущий) на его берегу. Простирается этот залив до земли мусульманских болгар, длина его с востока на запад — 300 миль, а ширина — 100 миль... Что касается моря Понтос Земной, то его называют морем Трапезунда, по принадлежности к нему гавани, и тянется оно от Лазики позади Константинополя по земле русов и славян, длина его — размером 1300 миль, ширина — 300 миль. Впадает в него река, которая называется Танаис, она течет со стороны севера из моря, которое называется Майтас, а это — море *варанков*» (Al-Battani 1899. Т. III. Р. 173, nota 4).

Этот фрагмент очень характерен для арабской географии, поскольку автор механически соединил в своем описании морей книжные материалы о Меотиде на севере со сведениями ал-Бируни о «варяжском море».

Таким образом, мы видим, что арабская геокартография испытала влияние как агрипповой (римской) картографической традиции, так и греческой научной картографии (птолемеевской); противоречия, встречающиеся в арабской геокартографии относительно

обособленности Азовского моря, объясняются, по-видимому, некритическим соединением этих двух традиций. Вопрос о путях проникновения в арабскую геокартографическую науку элементов агрипповой картографии остается открытым и подлежит дальнейшему изучению. В качестве предварительных соображений следует указать на карту мира византийского императора Феодосия II, которая была изготовлена в 435 г. и представляла собой, вероятно, реплику карты мира Агриппы (см. о ней подр.: Подосинов 2002. С. 62–73). В стихотворном эпилоге уже упоминавшейся *Divisio orbis terrarum*, где сообщается об изготовлении этой карты, говорится, что в ней мастера «представили весь мир в кратком виде (*totum breviter comprehensimus orbem*)». В этой форме компендиума карта мира Агриппы могла послужить прототипом и образцом средневековых западноевропейских *mappe mundi* и, возможно, позднегреческих и арабских карт мира. Что касается последних карт, то известно, что полный арабский перевод Птолемея был выполнен только после смерти ал-Ма'муна, по инициативе которого была создана знаменитая карта мира (см. о ней у ал-Мас'уди: BGA VIII. P. 33; ср.: The History of Cartography 1992. Vol. 2, 1. P. 95–96, 99), что может предполагать какой-то иной источник заимствования для создания этой карты. Да и знаменитые карты школы ал-Балхи больше напоминали западноевропейские *mappe mundi* и, как полагает ряд исследователей, скорее всего, происходили от византийских карт (The History of Cartography 1992. Vol. 2, 1. P. 129). Замечательный пример исламско-европейского синтеза в картографии являет собой типично западноевропейская Т-О *mappe mundi* VIII–IX вв. из Национальной библиотеки в Мадриде (Vitr. 14. 3. 117v), все надписи на которой выполнены на арабском языке и сообщают типично арабскую топо- и этнонимию (см.: Чекин 1999. С. 54–57 и илл. № 11).

ТАНАИС ИЛИ БОРИСФЕН В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ АРАБСКИХ ГЕОГРАФОВ⁸⁹

Арабские писатели не бывали на территории Восточной Европы, за редкими исключениями, поэтому основой их воззрений были книжные данные.

Математик и астроном первой трети IX в. Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми, написал «Книгу картины Земли», которая являла собой переработку, на основе новых материалов, «Географического руководства» ученого II в. н. э. Клавдия Птолемея; возможно, его более поздних сирийских вариантов. Математические и астрономические труды ал-Хорезми были широко известны как в мусульманском, так и в западноевропейском мире, но его географическое сочинение не имело широкого распространения и не оказало заметного влияния на воззрения арабов.

Сочинение ал-Хорезми было выполнено в виде списков координат долгот и широт для 2402 городов, крайних точек гор, прибрежных линий морей, очертаний островов, истоков, течений и устьев рек, разделенных по семи климатам. Исследователи полагали, что книга ал-Хорезми была выполнена как руководство для составления карты; вопрос о том, имеет ли отношение «Книга картины Земли» к карте, составлявшейся для халифа ал-Ма'муна, окончательно не решен (Mžik 1915. S. 162–163; Honigmann 1929. P. 156, 160–161; Nallino 1944. P. 473; The History of Cartography 1992. P. 94–100).

Выбор координат происходил по данным долготы дня и положению Солнца в полдень. Именно по этим параметрам были выбраны из сведений Птолемея точки координат в Причерноморье и Приазовье, связанные также с координатами очертаний береговых линий этих морей и некоторых рек. Данные координат полностью отличались от птолемеевских. Ученый использовал названия из труда Птолемея в искаженной, приближенной к арабскому звучанию форме; им были включены и соответствующие его времени арабские названия.

При описании Земли и ее водных пространств географы уделяли внимание крупным восточноевропейским рекам. В труде ал-Хорезми

---

⁸⁹ Впервые опубликовано: Исторические, культурные, межнациональные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Мат-лы междунар. конф. М., 2019. Т. 1. С. 126–132.

очертания морей и водоемов строго следовали от одной точки долготы и широты к другой; в большинстве случаев та или иная координата указывала на место впадения или поворота близкой реки, здесь же был показан соответствующий населенный пункт (Mžik 1926).

С древних времен река Танаис (Τάναις), современный Дон, была известна как граница между Азией и Европой (Plin. III, 3; Strabo I, 4, 7; VII, 4, 5; XI, 1, 1; Ptol. III, 5), поэтому описанию ее уделялось особое внимание как в античной, так и в арабской географии.

По мнению ряда античных авторов, истоком Танаиса считались Рипейские горы, однако по данным Птолемея, исток этой реки лежал у меридиана, по которому проходил восточный предел Европейской Сарматии (Древняя Русь 2009. Т. I. С. 182, 184, 190; Подосинов 2017. С. 89). По данным книги ал-Хорезми, началом реки Ṭānis (в издании, по единственной рукописи, искаженно — Ṭābis) назван некий источник (*айн*); на изображении Меотиды в рукописи труда ал-Хорезми 1037 г. исток этой реки тоже показан в небольшом озере (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 156; The History of Cartography 1992. Plate 5⁹⁰). Далее данные Птолемея и координаты книги ал-Хорезми, хотя они различны, тем не менее показывают течение Танаиса до угла города Sūris (Ναύρις Птолемея), поворот близ него и впадение в Меотиду, которая у ал-Хорезми названа al-Baṭīha (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 156; Калинина 1988. С. 53 [перев.], 103 [коммент.]).

Слово «ал-Батиха» переводится как «широкое русло потока», «долина»; ал-Хорезми часто применял этот термин по отношению ко многим озерам. В подписи к карте в книге ал-Хорезми оно названо *Бата'их Май'утис*, где *бата'их* — мн. ч. от *ал-батиха*, что напоминает латинское *paludes Meotides* — «Меотийские болота»: широко распространенное название Азовского моря и в античности, и в средневековье. Не исключено поэтому, что в названии отражено еще и римская, а не только птолемея, географическая традиция.

Большая часть античных географов хорошо знала, что Танаис впадает в Меотиду (Herod. IV, 58.1; Mela I, 115; Plin. IV, 78; Strabo VII, 4, 4; XI, II, 2). Однако позднее некоторые познеантичные и позднеримские (или ранневизантийские) писатели считали Танаис вытекающим из Меотийского озера и впадающим в Понт Эвксинский (Arrian. Anabasis. III, 30, 8; Procop. Caes. BG. IV, 4, 21; Euagr. Hist. eccl. IV, 23). Таким образом, Меотида оказывалась отделенной от Понта руслом Танаиса,

---

⁹⁰ В этом издании имеется ошибка: в подписи к карте в верхнем левом углу указано Черное море, в то время как координаты впадения показывают Северное Внешнее.

а течение Танаиса воспринималось как продолжение Керченского пролива, поэтому отмечалось впадение этой реки в Понт, а не в Меотис.

У арабских ученых описания Черного моря, называемого, как и у античных географов, Понтом (*Бунтус*, иногда с искаженной диакритикой: *Нутас* или *Нутаиш*), у ал-Хорезми — Море *Барики и Лазики*; Меотиса (*Майутис*, *Майтас*, *Маватис*, также иногда с искаженной диакритикой: *Манитас* или *Манитаиш*) и Танаиса (*Танис* или *Танаис*) были широко известны.

В описании морей Земли была распространена версия ал-Баттани (ок. 858 — 929). Он писал, что в море Понт впадает р. Танаис, которая течет со стороны севера от оз. Меотис, оно же на самом деле является большим морем. Вблизи Константинополя отделяется от него (Понта или Меотиса?) пролив, который течет подобно реке и впадает в море Средиземное (Al-Battani 1898. S. 27; Калинина 1988. С. 144 [перев.], 146 [коммент.]; перев. см. также: Крачковский 1957. С. 103). По версии ал-Баттани, устье Танаиса перенесено в Понт. Указано также, что пролив, отделяющийся у Константинополя, выходит из моря, но не уточняется, какого именно — Понта или Меотиды. Речь должна была бы идти о Босфоре, выходящем из Черного моря, как это и есть в реальности. Но если вспомнить вышеуказанные описания, то не исключено, что вместо Керченского пролива и даже Босфора иные средневековые ученые «видели» глубинное течение р. Танаис внутри Меотиды и Понта.

Такое же описание, заимствованное либо у самого ал-Баттани, либо у неизвестных посредников можно встретить в сочинениях арабских ученых разных жанров: географа Ибн Русте (Tānīs) (BGA VII. P. 85–86), церковного историка Агапия Манбиджского (Tānāīs) (Kitab al-‘Unwan 1910. S. 620). Энциклопедист ал-Мас‘уди в своих двух сохранившихся книгах тоже повторил сведения ал-Баттани о море Понт и впадении в него великой р. Танаис, которая начиналась в большом озере на севере, из источников и гор. Берега же ее, по мнению ал-Мас‘уди, населяли живущие на севере потомки Яфета — славяне и другие народы (Maṣūūdī 1861. P. 260–261; BGA VIII. P. 67), а море Меотис находилось далеко на севере, вблизи города (sic!) Туле (BGA VIII. P. 66–67). Эти материалы ал-Мас‘уди о Понте, Меотиде и р. Танаис повторил ученый XI в. ал-Бакри (al-Bakrī 1992. P. 204–205). Среднеазиатский ученый ал-Хараки (ум. 1138) тоже воспроизвел данные на северное положение и Меотиса, и истока Танаиса, при этом полагая, что Меотис — это море варягов (Al-Battani 1897. P. 173. N 4⁹¹). Ал-Хараки механически соеди-

---

⁹¹ Часть этого сочинения включил в издание книги ал-Баттани его публикатор

нил книжные материалы о Меотиде на севере со сведениями ал-Бируни о «варяжском море» (Древняя Русь 2009. Т. III. С. 23).

Воззрения некоторых средневековых ученых на северное положение Меотиды и исток Танаиса в ней, как и впадение Танаиса в Черное, а не Азовское море, явились отходом от античной традиции, представлявшей Азовское море и р. Дон (Танаис) достаточно реалистично.

Река Борисфен (Днепр) была знакома многим античным и римским писателям. Птолемей писал о двух истоках р. Борисфен: северном истоке в Европейской Сарматии и о втором истоке в оз. Амадока. Впадала река в Понт (Древняя Русь 2009. Т. I. С. 184, 185). Арабские географы вплоть до ал-Идриси не имели сведений о ней. Ал-Хорезми показал координаты для маленького, размером в половину градуса, озера *ṛāstāc* (название идентифицировано как искаженное *Барастанис*). Этот водоем принимал две безымянные небольшие реки; третья река с притоком, тоже без имени, выходила из него и впадала в Северное Внешнее море (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 153; Калинина 1988. С. 52). Предполагается, что водоем соответствует оз. Амадока Птолемея (Mžik 1936. S. 183; Калинина 1988. С. 102). Издатель труда ал-Хорезми полагал, что текст здесь испорчен и река, идентичная, по мысли исследователя, Борисфену, должна была бы впадать в Понт (Mžik 1936. S. 184), а не в Северное Внешнее море. Но это предположение крайне шатко, поскольку оно зависит только от изменения диакритических знаков в числах координат.

Есть также гипотеза, что ал-Хорезми принял сведения Птолемея о двух близких истоках Борисфена за одно озеро, а также что землями у «озера Борисфена» имелась в виду чуть ли не вся Приднепровская пойма (Крюков 2009а. С. 342–343). Это допущение, как и рассуждения об идентификации хоронимов и гидронимов в Приднепровье, Причерноморье, Прикарпатье и др. по координатам ал-Хорезми, предполагает точное знание последним не только сочинения Птолемея, но и реальных просторов чуть ли не всей Евразии IX в., что едва ли свойственно мусульманскому автору — математику и астроному.

Помимо восстановленного названия для озера *Борисфен*, в книге ал-Хорезми встречается имя города, тоже с искажением: *Ṛāc. ā.c* у моря (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 36; Калинина 1988. С. 40). Название идентифицируется с городом Борисфен Птолемея и исправляется на имя *Растийанис*, где, как и в первом случае, опущена первая буква *Б* (Mžik 1936. S. 184; Калинина 1988. С. 40, 79). Этот пункт, как и прочие (а не один, как отмечено: Коновалова 2017. С. 290) вблизи

С. Наллино. Об издании книги ал-Хараки у меня сведений нет.

Черного моря (*моря Барики и Лазики* — так называл Черное море ал-Хорезми), а именно: *Истура* (Истр) на море, *Ауфатарийа* (Евпатория) на море, *Синийафа* (Синопа) на море, *Саудисайа* (восстановленный вариант, в рукописи — *Таурсана* — Феодосийа) на море, *Арсаса* (Гермонасса), *Арсина* (возможно, искаженное: Ойнантея) были выбраны ал-Хорезми не для познания окружающих море городов, а как необходимые для карты точки координат, выбранные и исправленные из данных Птолемея по долготе дня, для построения очертаний береговой линии Черного моря. Также выделен ряд пунктов для прибрежной полосы Меотиды (*ал-Батихи*): *Танис* (Танаис), *Сурис* (Наварис), *Ксубис* (Эксополис), *Тирми* (Тирамба). Координаты этих пунктов еще раз встречаются при описании рек Черного и Азовского морей (Mžik 1936. S. 185–189; Калинина 1988. С. 46–47, 52, 53, 104).

Сведения о реке или городе Борисфен не встречаются в книгах других арабских ученых, что является прямым указанием на отсутствие реальных известий о Борисфене как Днепре (противоположную точку зрения см.: Коновалова 2017. С. 275–276, 289–290; Коновалова, Мельникова 2018. С. 129–132).

Упомянутый выше церковный историк Агапий Манбиджский называл седьмой климат Земли именем *Барис Санис*, весьма напоминающим название «Борисфен» (Kitab al-'Unwan 1910. P. 615). Заметно, что все известия Агапия о поверхности Земли, ее климатах и водах вторичны, но первоисточник неизвестен. Появление наименования *Барис Санис* для седьмого климата (как и *Родос* для четвертого, *Геллеспонт* для пятого, Месопотамия (*Масубутамис*) для шестого) определенно указывают на использование близких к античным традициям.

Возвращаясь к теме существования названий Танаис и Борисфен среди арабских ученых, отметим новое предположение об идентификации известных данных из книги Ибн Хордадбега (IX в.) об одном из путей купцов-русов, которые везли меха и мечи по реке славян с испорченным названием до Хамлиджа, города хазар на Каспии (BGA VI. P. 154; Древняя Русь 2009. Т. III. С. 30–31 [перев.], указания на прочие переводы см. с. 24).

Как известно, от названия реки славян осталось лишь окончание, которое в одной из двух рукописях имеет форму *нис*, в другой рукописи нет диакритических знаков. Начальные буквы (или буква) не воспроизведены, поэтому возникли предположения о конъектурных формах *Итиль* или *Танаис* (обзор литературы см.: Калинина 1999. С. 79). Варианта *Итиль* придерживается ряд исследователей, исходя в основном из данных о впадении реки в Каспий около Хамлиджа (литературу см.

там же). Конъектура *Танаис* вызвала возражение, поскольку основывалась на первой букве, если выбрать *t* вместо *n*, что не соответствует обычному написанию названия реки, т. к. оно везде в арабских источниках передается через эмфатическую букву *ṭ*. Однако это противоречие не исключает указанную идентификацию, поскольку сохранилась не начальная, а конечная форма слова: *нис*. Поэтому была предложена другая форма: не *Танаис*, а (*Бараста*)*нис* (Коновалова 2017. С. 294; Коновалова, Мельникова 2018. С. 131). Кроме указанной, окончания *нис* были представлены в названиях рек *Туфанис*, *Гипанис*, *Варданис*; учитывая возможную перестановку диакритического знака, можно еще назвать *Аттикитис*, *Баскатис*, *Ромбитис*, *Данубис* и др. Сама форма *Барастанис* является искусственно восстановленной (все формы этого названия в «Книге картины Земли» ал-Хорезми искажены, как было показано выше). Хотя Ибн Хордадбех упоминал о том, что он переложил «Географию» Птолемея на арабский язык, поэтому мог знать имя *Барастанис*, но это произведение не сохранилось. Исследователи полагают, что оно явилось или исправлением какого-то арабского, на основе сирийского, перевода, или перевод был сделан автором только для собственного использования (историю вопроса см.: The History 1992. P. 10–11, note *f*; P. 99). Привлечение данных древнерусских и византийских источников (Константина Багрянородного) подтверждает лишь существование в определенных кругах реальной информации о р. Днепр (не Борисфене). Связи географических представлений с византийской и тем более древнерусской традициями не существует. Предположение о появлении названия *Барастанис* в труде Ибн Хордадбега более чем шатко.

Таким образом, арабские ученые имели сведения о р. Танаис, опираясь на античную традицию, хотя они не были реалистичными, но о р. Борисфен сведений не было.

КАСПИЙ, ХАЗАРЫ И КУЙАБА (КУМАНЫ?) НА ПРЯМОУГОЛЬНОЙ КАРТЕ «КНИГИ ЧУДЕС» XI в.⁹²

Рукопись неизвестного автора трактата *Kitāb Gharā'ib al-funūn wa-mulāḥ al-'uḡūn*, название которой можно перевести как «Книга чудес наук и диковины виденного воочию», была неизвестна ученым до того момента, когда она была выставлена на продажу на аукционе Крис-тис в Лондоне 10 октября 2000 г. На аукционе рукопись была куплена С. Фоггом, известным Лондонским дилером в области редких книг и рукописей; он предложил ее Бодлеанской библиотеке. Приобретение ее стало возможным благодаря гранту Фонда лотереи наследия, щедрым пожертвованиям Национального фонда искусств, общества «Сауди Арамко», нескольких колледжей Оксфорда и частных лиц (Acquisition // URL: <http://cosmos.bodle.ox.ac.uk/> (дата обращения: 20.09.2020).

Эти гранты и пожертвования, вместе с Исследовательским Советом по искусству и гуманитарным наукам, позволили приобрести Бодлеанской библиотеке рукопись и финансировать изучение трактата. Манускрипт хранится ныне в Бодлеанской библиотеке в Оксфорде. Сочинение явилось предметом совместного исследовательского проекта Восточного института и Бодланской библиотеки; она публикуется в полном объеме на новом веб-сайте, где находятся данные о труде и его авторе, а также переводы с арабского языка и краткие пояснения на английском языке авторов исследования к отдельным частям карты (URL: <http://cosmos.bodle.ox.ac.uk/>; <https://digital.bodleian.ox.ac.uk/inquire/p/748a9d50-5a3a-440e-ab9d-567dd68b6abb> (дата обращения: 20.09.2020). Сайт содержит высококачественную электронную версию копии оригинального текста и иллюстраций с возможностью просмотра их наведением курсора мыши на фрагменты текста и переводы их на английский язык. Таким образом, на сайте имеется издание арабского текста и английского перевода с примечаниями на английском языке, который дает возможность работать on-line с выдержками из арабского текста и английского перевода, а также картами (Ibidem). Электронная форма публикации выбрана для «Книги чудес» из-за плохого состояния рукописи, а также потому, что большая часть материалов в трактате содержится в форме схем и карт. Хотя копия

---

⁹² Впервые опубликовано: ХА. Т. 15. М., 2017. С. 89–103.

не датирована и не подписана, бумага, чернила и пигменты относятся к сиро-египетским изделиям начала XIII — XIV в. (Ibidem).

Изучала рукопись проф. Э. Сэвидж-Смит, работавшая в Восточном институте и Университете Оксфорда, Бодлианской библиотеке и Ст.-Кросс Колледже Оксфорда. Она является специалистом в области средневековой арабской медицины, гаданий и магии, исламской картографии и астрономических инструментов (URL: <https://www.orinst.ox.ac.uk/people/emilie-savage-smith> (дата обращения: 20.09.2020)). Работая совместно с проф. Лондонского университета Й. Рапопортом, который занимается различными аспектами средневековой мусульманской истории, и другими востоковедами, проф. Э. Сэвидж-Смит выяснила, что анонимный автор жил между 1020 и 1050 гг. в Египте. Он признавал законной власть фатимидских имамов, которые правили в Ифрикии в 909 г., затем в Каире с 973 до низложения их династии Саладином в 1171 г. Аноним начинает свою работу с признания Фатимидов, а в дальнейшем дает краткую, хотя крайне догматичную историю династии с момента присоединения первого имама ал-Махди до поражения Абу Йазид его сыном ал-Ка'имом. Иногда он использовал коптские термины и названия коптских месяцев, что наводит на мысль о Египте как месте написания документа (Mohammad Abbatoui).

Трактат был, вероятно, написан до 1050 г. Это следует из следующих фактов:

(1) упоминание строительства зданий для торговых помещений в городе Тиннис в 1014–1015 гг.;

(2) фатимидский правитель Египта и Сирии ал-Хаким би-Амр Аллах (996–1021) упоминается в главе, посвященной Тиннису, так, как будто он уже не стоит у власти. Поэтому трактат был, вероятно, написан после 1021 г.;

(3) имеет значение упоминание племен Бану Кура как обитающих в низинах близ Александрии, в то время как они были изгнаны из региона Александрии властями Фатимидов в 1051–1052 гг.;

(4) Аноним привел описание Сицилии под властью мусульман, в то время как в 1070 г. туда вторглись норманны.

Следовательно, автор работал в промежутке времени от 1020 до 1050 гг. Он пользовался оригинальной информацией, сведениями торговцев и путешественников; был литератором, но едва ли ученым (Johns, Savage-Smith 2003. P. 7–9; Rapoport, Savage-Smith 2008. P. 122 and note 4).

Труд состоит из двух книг: Книга I — о небесах, в десяти главах, и Книга II — о Земле, в двадцати пяти главах. Сочинение содержит 17 карт с пояснениями. Во второй главе книги II, без дополнительного

текста, показана прямоугольная карта мира. Название для нее находится внизу предыдущей страницы (Folio 23A), где читается: «Это [Глава 1]. Далее следует глава 2 об изображении земли (*fī Ṣūrat al-arḍ*)». Особенностью карты является тщательно выполненная графика и масштаб (Rapoport, Savage-Smith 2008. P. 122).

Прямоугольная карта в рукописи находится: Book 2. Chap. 2. Fol. 24a–23b «Об изображении Земли» (рис. 11. URL: <https://digital.bodleian.ox.ac.uk/inquire/p/748a9d50-5a3a-440e-ab9d-567dd68b6abb> (дата обращения: 20.09.2020)). Неизвестный автор заявляет, что его вторая книга основана на «Географии» Птолемея (Book I. Chap. 10. Fol. 22a; Rapoport, Savage-Smith 2008. P. 132; Rapoport 2008. P. 155). Для арабских ученых Клавдий Птолемей (II в. н. э.) являлся непререкаемым авторитетом. Вероятно, автор «Книги чудес» использовал элементы «Книги картины Земли» Мухаммада ибн Мусы ал-Хорезми (ок. 783 — ок. 850 гг.), который, вместе с другими учеными «Дома мудрости», работал над созданием карты мира для халифа ал-Ма'муна (813–833). Ал-Хорезми опирался на «Географию» Птолемея, повторив множество названий этой книги (в искаженной, арабизированной форме), прибавив и оригинальные наименования топонимов, рек, морей, озер, гор). Наименования сопровождалось географическими координатами, однако иными, чем у Птолемея (Nallino 1944. P. 1–87; Mžik 1936. S. 173–184; Калинина 1988. С. 11–107). В рукописи сочинения ал-Хорезми сохранилось изображение истока и течения р. Нил; упоминания Лунных и Яхонтовых гор, стены Йаджудж и Маджудж (Rapoport, Savage-Smith 2008. P. 124–128). Эти имена и рисунки имеются и в «Книге чудес», что говорит об использовании данных книги ал-Хорезми. Само построение прямоугольной карты мира Анонима соответствует принципам, рекомендованным Сухрабом (X в.), который переписал «Книгу картины Земли» ал-Хорезми (Калинина 1988. С. 108–126; Rapoport, Savage-Smith 2008. P. 129; Rapoport 2008. P. 156). В сочинении ал-Хорезми не было или не сохранилось введение; не исключено, что глава в труде Сухраба о том, как надо создавать прямоугольную карту, соответствует утерянной главе сочинения ал-Хорезми.

В правой нижней части карты мира показана Европа с очень большим Пиренейским и Иберийским полуостровами, Пелопоннесом, хотя таких имен на карте нет. Цепь морей, выходящая, как на картах «классической школы» арабских географов X в. ал-Истахри и Ибн Хаукала, из Атлантики (западной части «Окружающего океана», рис. 10) и тянущаяся через Гибралтар, проходит через Средиземное море и включает в себя остальные моря как заливы, названий которым нет. Далее воды переходят к северу в безымянный пролив, который ал-Истахри и Ибн Хаукал называли

Константинопольским (*халидж ал-Кустантинийа*). Это пролив выходит на севере в Окружающий Землю океан, вблизи народов Йаджудж и Маджудж (библейские Гог и Магог). Ибн Хаукал показал соединение этого пролива, посредством рукава р. Итиль, с морем Хазар, т. е. Каспийским.

Следует отметить, что предшественник Ибн Хаукала ал-Истахри на своих картах (их сохранилось множество) не связывал Каспий с Константинопольским проливом, у него Итиль имеет два рукава, ни один из которых не сливается с Константинопольским проливом, что видно на одной из карт ал-Истахри 1240 г.

Прямоугольная карта «Книги чудес» тоже не показывает такой связи (см. рис. 9а).

На карте Анонима правее Константинополя, снизу вверх, есть надпись: *сак̄алиба*. Ниже Константинополя и правее, как и ниже надписи *сак̄алиба* — надпись: *ал-К̄ум̄ан* (الكومان), которую издатели исправили на имя *ал-Куй̄аба* (الكويابة), т. е. Киев: *الكومان* [= *الكويابة*] (Book 2. Chap. 2. Fol. 24a–23b: «Описание Земли»; Rapoport, Savage-Smith 2008. P. 124).

Этот топоним встречается в тексте сочинения ал-Истахри, а в несколько расширенном виде у Ибн Хаукала:

«Вывозят от них (хазар. — *Т. К.*) мед, воск и меха, но привозят [эти товары] из областей русов и болгар, а также шкурки бобров, которые возят по всему свету. Бывают они только в тех северных реках, которые [текут] в стороне болгар, русов и *К̄уй̄аба* (كويابة) ... Русов три вида. Один из них — самый близкий к Булгару, и их [русов] властитель находится в городе, называемом *К̄уй̄аба* (كويابة) ...» (BGA I. P. 221; BGA II, P. 392).

Куй̄аба вообще не обозначена на картах этих географов. В слове *Куй̄аба* начальная буква — *кяф* (ك). Общепринято, что здесь назван Киев.

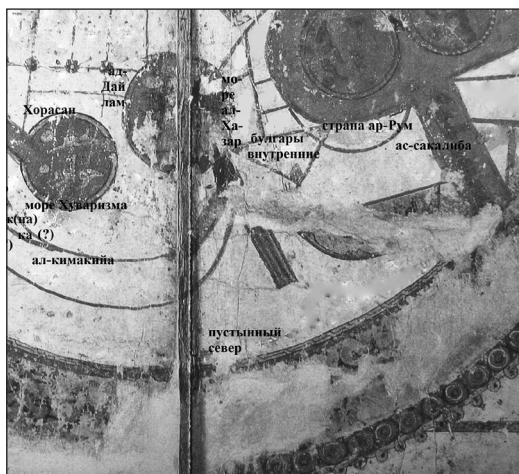

Рис. 9а. Константинопольский пролив на карте ал-Истахри.

Fig. 9a. The Map of the “Strait of Constantinople” by al-Istahri.

Этноним *куман* стал употребительным в византийских источниках с XI в.; на Руси куманы были известны как половцы. У арабов название встречается впервые только в трудах ал-Идриси, т. е. в XII в., и его последователей Ибн Са‘ида и Абу-л-Фиды’ (Бартольд 1968. Т. 5. С. 99; Коновалова 2009. С. 72). При написании имени *ал-куманийя* ал-Идриси использовал другую начальную букву арабского алфавита: **каф** (ق): (*ал-кўмāнийя*): للقمانية, не похожую на использованную в слове *Куйāба* (كويابا). Как видно, графически буквы **каф** и **кяф** сильно отличаются друг от друга.

По-видимому, вследствие разницы в написании слов издатели интерпретировали это название в «Книге чудес» Анонима как искаженное *ал-Кўйāба*. Однако имя *Кўйāба* в трудах ал-Истахри и Ибн Хаукала пишется без артикля (*ал*), что тоже не совпадает с написанием в труде Анонима.

Впрочем, в труде Абу Хамида ал-Гарнати, который бывал в 1131–1153 гг. в Дагестане, Поволжье, в Карпатах и других местах Восточной Европы, название *куман* пишется также, как у Анонима — через букву **кяф** (ك). Но у ал-Гарнати речь идет о большом городе *Гуркуман* в стране славян. Первый издатель книги ал-Гарнати полагал, что имя *Гур* — это «укрепление», а *куман* — «половцы» (Dubler 1953. P. 232–233). Есть предположения, что этот топоним искажен; часть слова *Гуркуман* — *Куман* некоторые исследователи читают как искаженное *Киев*, а *гур* — как «город» с мягким звуком «г» (Путешествие 1953. С. 74, примеч. 104; Hrbek 1954. P. 169–170; Мишин 2002. С. 40–41).

Этноним *куман* не рассматривается издателями «Книги чудес». Действительно, в XI в. он был еще не известен арабам. Если же принять тезис, что слово *ал-куман* на карте Анонима XI в., действительно, является единственным обозначением Киева на арабских картах, то это название имеет основой, скорее всего, известия Ибн Хаукала. Написание этнонима *ал-куман* могло попасть на карту Анонима при поздних переписках рукописи, с ошибкой в начертании, вместо непонятого названия *Кўйāба*. Однако вопрос о том, правы ли издатели книги Анонима, предпочитающие наименование *ал-Кўйāба*, все же остается открытым.

Пролив, аналогичный Константинопольскому в сочинениях географов «классической школы», на карте Анонима тоже впадает на севере в Окружающий океан, но на ней не показано соединение этого пролива с рукавом р. Итиль, как это сделано на круглой карте мира Ибн Хаукала.

В левой нижней части прямоугольной карты мира «Книги чудес» изображен круглый водный бассейн темного цвета без названия (Book 2. Chap. 2. Fol. 24a–23b «Об изображении Земли»). По наиме-

нованиям местностей вокруг понятно, что имеется в виду Каспий. В левой нижней части круга, при впадении р. Джайхун, располагается земля тюрков *ал-кариба*. Последнее слово издатели исправляют на *ал-гуззийя*, т. е. огузов. Далее показаны земли с искаженными названиями, которые издатели интерпретируют как Табаристан и Бадусбан (горы к югу от Табаристана). В море слева впадает р. Джайхун, чуть ниже ее впадения, рядом с землей гузов, есть надпись: Хваризм. Как видно, на прямоугольной карте мира названия *хазар* нет.

Однако в трактате имеется отдельная карта Каспия, с надписью: «Глава 11. О море Хазаран (*бахр Хазаран*)» и надписи вокруг него (рис. 12. Book 2. Chap. 2.11. Fol. 31b).

Внизу карты Каспия «Книги чудес» идет текст: «Это море никак не связано с другими морями, расположенными на поверхности земли, и в него впадает только река *ар-Рус*, известная как *Итиль*. Если кто-либо обойдет это море, то вернется к тому месту, с которого начал, и он не встретит никаких препятствий, его путь не прервется. Это соленое море, в нем не бывает ни приливов, ни отливов, и оно темное. С его дна не поднимается ничего, кроме рыб. По морю плавают торговцы с мусульманской земли в землю *хазар* (в тексте явная ошибка: слово *джазар* — островов: вместо *хазар*), и оно короткое» (Book 2. Chap. 2.11. Fol. 31b).

Этот рисунок почти аналогичен карте Ибн Хаукала (рис. 13). Однако воспроизведенное издателем Й. Крамерсом изображение ориентировано так, что север находится наверху, а не внизу, поэтому расположение объектов иное, и сами объекты не абсолютно идентичны.

В тексте (не на карте) книги Ибн Хаукала есть фрагмент, почти аналогичный надписи внизу прямоугольной карты в «Книге чудес»:

«Это море не имеет связи ни с одним из морей на поверхности Земли, ни путем связи, ни путем смешения, кроме того, что впадает в него из реки *ар-Рус*, известной как *Итиль*, а она связана ответвлением, ведущим от нее к проливу, [который] выходит из земли ал-Кустантинийя, с морем Окружающим. И если человек объедет это море, то вернется к тому месту, от которого начал [свой путь], без помех, и не пересечет ему [дорогу] ничего, кроме реки, [которая] впадает в него и разливается в нем. Это море соленое, и нет у него ни приливов, ни отливов. Это море темное, на дне его — ил... Не поднимается из этого моря ничего: ни драгоценные камни, ни жемчуг, ни кораллы или другое — то, что поднимается [из других] морей, и не добывают из него ничего из того, что [обычно] поднимается, кроме рыб. Плывут по нему купцы из мусульманских земель к земле *хазар* и [в области] между Арраном, Гилянном, Табаристаном и Гирканией» (BGA II₂. P. 388).

Итак, очевидно, что рассказ автора «Книги чудес» является сокращением текста Ибн Хаукала, упоминание моря Хазаран вместо моря Хазар, видимо, ошибка.

Острова Баб ал-Абваб и Сийах Кух на карте Анонима показаны в правой части моря, у Ибн Хаукала — в левой. На карте Анонима сверху обозначены горы Дейлема и области Гиляна и Дейлема; у Ибн Хаукала снизу показана страна Дейлема. Аноним показывает слева на берегу — Табаристан, ниже Джурджан, затем пустое пространство между Гузией и Джурджаном, далее земля гузов. Ибн Хаукал в том же порядке перечисляет эти области, исключая пустое пространство. Внизу Каспия справа у Анонима присутствуют горы, вдоль которых написано: земля *Хазаран*; соответственно, на карте Ибн Хаукала — *ал-Хазар*. Здесь Аноним показывает реку *ар-Рус* (русов), где ближе к Каспию — в верхней части реки — город *ал-Хазар*, в нижней части — город *Баб ал-Абваб* (Дербент). На карте Ибн Хаукала названия реки *ар-Рус* на карте нет, но она упомянута в тексте (см. выше). Сверху этой реки на карте «Книги чудес» есть топонимы *Итиль*, снизу — *Хазаран*. Это соответствует тексту Ибн Хаукала: «Хазары — имя вида людей; их город небольшой, имеет две стороны. Одна сторона называется *Итиль*, по имени реки, а другая — *Хазаран*» (BGA II, P. 15).

Справа, немного в глубине, на карте Анонима показан Тифлис, еще раз упомянут Баб ал-Абваб, далее отчетливо видны соединяющиеся протоком (как у Ибн Хаукала) реки Кура (без названия) и Аракс (*ар-Расс*); Ибн Хаукал же приводит названия обеих рек — *ал-Куurr* и *ар-Расс*. Вблизи указан город Барда'а. На юго-западе имеются: Муқан, далее земли Гиляна и Дейлема.

Таким образом, упоминания топонимов и гидронимов, как и картографический материал, в отношении Восточной Европы и Каспия на прямоугольной карте «Книги чудес» зависят от информации Ибн Хаукала, с некоторыми разночтениями, которые, вероятно, показывают нечеткое знание автором сочинения последнего или попытки переработки оногo.

В «Книге чудес» имеются также изображения и тексты о землях и водах Средней и Центральной Азии, однако эти известия требуют отдельного исследования.

«СУРАТ АЛ-АРД» СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРАБОВ И ХАЗАРЫ⁹³

Мусульманская культура, как и любая другая, вырабатывала на протяжении столетий свои пространственные представления, в основе которых лежали определенные географические образы. Географические образы представляли собой компактные модели некоего пространства. В одних случаях они соответствовали географической реальности, в других зависели от традиций и модификаций ранее накопленных знаний. Зачастую эти модели переплетались друг с другом, давая сложный комплекс образов пространства (Замятин 2004. С. 14–15).

Для мусульман «образ мира» состоял из ряда пространственных представлений.

Наиболее древней визуальной картиной Земли можно считать изображение ее в виде птицы, части которой соответствовали разным странам: голова мира — Китай, Вак-Вак (возможно, Япония) и множество неизвестных народов, правое крыло — Индия и море, левое — **Хазария**, неизвестные народы Маншак и Машак, Йаджудж и Маджудж, грудь — Мекка, Хиджаз, Сирия, Ирак и Египет, хвост — области к западу от Египта (Крачковский 1957. С. 51–52). Схожие, но более короткие описания имеются у ‘Абд ар-Рахмана ибн ‘Абд ал-Хакама (‘Абд ар-Рахман ибн ‘Абд ал-Хакам 1985. С. 18) и Ибн ал-Факиха (BGA V. P. 3). Эту легенду приводят и такие поздние ученые, как Ибрахим ибн Васиф шах (кон. XII — нач. XIII в.), Таки ад-дин Ахмад ибн ‘Али ал-Макризи (1364–1442 гг.), Абу-л-Махасин ибн Тагриберди (ум. 1469 г.) (Крачковский 1957. С. 52). В этой версии **хазары** занимают «левое крыло», т. е. отдаленные области Земли, за которыми идут лишь легендарные народы. Имя Машак восходит, вероятнее всего, к библейскому Мешеху. Мешехом в Библии называются дикие племена, также Мешех упоминается как варварский народ вместе с Рошем и Фувалом (=Тубалом), которые вторгнутся в Ханаан под предводительством Гога (Псл. 119:5; Иез. 32:26, 38:2, 39:1). Второе же имя — Маншак — скорее всего, придумано по созвучию, для «пары» к первому. Что же касается народов Йаджудж и Маджудж, то их имена тоже связаны с библейскими племенами Гог и Магог (Иез. 38:2–3,

---

⁹³ Впервые опубликовано: *Turcologica* / Hrsg. von L. Johanson. Central Eurasia in the Middle Ages. Studies in Honour of Peter B. Golden. Wiesbaden, 2016. Bd. 104. P. 159–170.

14–16; Откр. 20:7). Йаджудж и Маджудж в том же контексте упомянуты в Коране: Зу-л-Карнайн (Александр Македонский) отгородил их от цивилизации стеной (18:83, 92–97; 21:96) (Калинина 2011. С. 30–32). Как видно, в этой «картине земли» **хазары** находятся на отделенном краю Земли вблизи самых нецивилизованных народов.

Иным способом освоения пространства является разделение Земли на климаты (по-арабски, *иклим*). Слово имело основой греческое κλίμα — «наклонение». Античные ученые разделяли Землю на 4 четверти, одна из которых была обитаема и членилась на параллельные экватору зоны. Такая широтная зона и называлась климатом и определялась в зависимости от долготы дня или склонения Солнца к экватору. Это учение, знакомое арабам по трудам Клавдия Птолемея (II в.) или сирийским переработкам его сочинений, было полностью воспринято арабами (Honigmann 1929).

Обитаемая Земля делилась на 7 климатов. Причиной того, почему арабы предпочитали именно 7 климатов, может быть иранская традиция деления мира на 7 областей, называемых по-персидски *кешвар*, хотя арабские ученые тем не менее употребляли термин *иклим* (Kramers 1938. P. 64; Honigmann 1929. S. 117–118). В этом случае климаты выглядели как круги, расположенные вокруг центрального круга и соприкасающиеся одной стороной в одной точке. Некоторые арабские географы описывали климаты-кешвары. В центре каждого круга находилось название той страны или нескольких стран, которые преобладали в этом климате. Ибн ал-Факих ал-Хамадани (903 г.) рассказывал:

«...Говорят, что климатов семь: [первый] принадлежит арабам, [второй] Руму, [третий] климат Хабашу, т.е. абиссинцам, [четвертый] климат Хинду, [пятый] тюркам, [шестой] Сину и [седьмой] климат народам Йаджудж и Маджудж. Не входят эти земли и эти климаты друг в друга... Четвертый климат — это Вавилон. Он расположен в середине климатов и превосходит их благоприятным смещением. Начало его — от Туниса (Ифрикии) и [простирается он] до Балха, до востока земли. Ширина и длина его — как у первого. Климат пятый — Константинополь, Византия (*Рум*) и **Хазары**. Ширина и длина его такие же, как у первого. Климат шестой — франки (*Фиранджа*) и других народов...» (BGA V. P. 6).

Ал-Мас‘уди (ум. 956 г.) уточнял, что, по его мнению,

«название “климат” (*иклим*) на персидском языке — это *кешвар*... Разделение климатов обитаемой земли севера сделано так, что они расположены по окружности. В ее середине помещен четвертый климат, т.е. климат Вавилона, а шесть [остальных] — по окружности вокруг него. Каждый климат имеет 700 фарсахов как в длину, так и в ширину...» (BGA VIII. P. 32–33).

Далее он, также, как Ибн ал-Факих, описывал круги-климаты-кешвары, но не называл среди обитателей хазар.

В одной из книг ал-Бируни сохранилась схема такого разделения климатов (*кешваров*) между народами (рис. 7; ал-Бируни 1975. С. 115).

Как видно, **хазары** располагались в пятом или шестом климатах; видно, что разделение народов по климатам-кругам не имело твердого порядка, за исключением четвертого, центрального: он всегда принадлежал Вавилону, Ираку или Ираншахру. В этом случае **хазары** также находятся в отдаленном климате, вместе с тюрками, хотя Ибн ал-Факих уже сближает их границы с Византией и помещает в пятый климат.

Существовало в арабской географии и иное, более близкое к античному, восприятие климатов. Оно хорошо описано в географическом трактате «Чистых братьев», культурно-религиозной общине, существовавшей в X в. в Басре:

«Глава о семи климатах. Мы говорим, что климаты — [это] семь частей, начертанных в населенной части Земли. Каждый из климатов — как бы разостланный ковер, протянувшийся по длине с востока на запад, а по ширине с юга на север. Климаты различны по длине и ширине. Самый длинный и самый широкий из них — первый климат... Наименьший же из них по длине и ширине — климат седьмой... Что касается прочих климатов, то они по длине и ширине расположены между этими двумя, увеличиваясь или уменьшаясь по аналогии с этим. И знай, что климаты — это не естественные части, а воображаемые линии, которые провели первые цари, обошедшие вокруг обитаемой четверти земли, чтобы узнать в ней границы стран, царств и путей...» (Kitāb Ihwan al-Ṣafa' 1957. С. 165).

Здесь климаты представлены не в виде кругов, а в виде протяженных территорий. Такую систему климатов описывал ал-Фергани (IX в.), начиная отсчет их с востока: шестой климат шел от страны Йаджудж. Как и в остальных случаях, страна Йаджудж помещается здесь далеко на востоке (предлагалось даже рассматривать это название не как отголосок легендарной традиции, но как вполне реальную страну Когурё, т. е. Корею: Daunicht 1974. P. 105–106, 108, 169). Далее шестой климат проходил через страну **хазар**, пересекал центр Каспия, далее через районы и города Малой Азии и Византии, придунайской Болгарии и доходил до Атлантического океана (*моря Запада*) (Alfragano 1910. P. 38). Схожее перечисление климатов встречалось у многих географов X–XIII вв.: Ибн Русте, ал-Мас'уди, Мутаххара ал-Макдиси, ал-Бируни (*иклим* кроме *кешваров*), ал-Марвази, Казвини и др.

Если ал-Фергани, Ибн Русте и др. описывали далеко не детально расположение народов по климатам, то пример одной из книг ал-Бируни

показывает совершенно реальную картину распределения государств, территорий и населенных пунктов по семи климатам:

«Что касается шестого климата, то начинается в местах кочевий восточных тюрок кай и кун, киргизов, кимаков, тогузгузов, через страну туркмен и Фараб, через город **хазар** и северную часть их моря, через алан, между этим морем (**морем Хазар**, т.е. Каспия. — *Т.К.*), и морем Трапезунда (Черного моря. — *Т.К.*), идет через Константинополь в сторону бурджан (дунайских болгар. — *Т.К.*) и земли франков, через север Андалусии и заканчивается в Западном море (Атлантике. — *Т.К.*)» (Ал-Бируни 1975. С. 116).

Отголоском античных традиций у некоторых арабских авторов являлось членение Земли на четыре части: Европу, Ливию, Эфиопию (ал-Хабаша) и Скифию, в которую входили Арминия (т.е. несколько областей Кавказа), Хорасан, земли тюрок и **хазар** (BGA VI. P. 155; BGA V. P. 7). Так же, как для античных ученых, Скифия для арабов представляла собой довольно отдаленную часть Земли, и именно в ней отводилось место тюнкам и **хазарам**.

Таким образом, если поначалу схема распределения народов по климатам античной или персидской системы по большей части играла роль скорее теоретической основы распределения пространства и положения народов в нем, то позднее она приобрела более определенные черты.

Для арабских ученых очень важную роль играли этногенеалогические предания. Арабские писатели уделяли большое внимание установлению прародителей людей. Комментаторы Корана и создатели генеалогий соединяли родословия кочевых и оседлых племен Аравии в единое древо, часто, хотя и не всегда, с помощью эпонимов, и включали его в общую генеалогическую систему (Грязневич 1982. С. 83–84, 93, 124–126, 154; Резван 2000. С. 27–29). Точно так же арабские ученые поступали тогда, когда стали соприкасаться с другими народами. Рассказывая о народах, населявших Землю, мусульманские авторы тоже искали прародителей чужих племен, используя разные традиции, в том числе библейскую и кораническую. Используя их, арабские ученые опирались на предание о разделении Земли среди сыновей Ноя (в арабском варианте — Нуха): Сима (Сама), Хама и Яфета (Йафиса). **Хазар** арабы считали потомками Йафиса, хотя называли разных его сыновей как прародителей хазар (Ibn Coteiba 1850. P. 14, BGA V. P. 289; at-Tabari 1879. T. 1. P. 211, 216–218; BGA II₂. P. 110; Maçoudi 1866. P. 78–79; 1869. P. 66 и др.). Ал-Йа'куби даже полагал, что хазары произошли от потомка Йафиса Маша, т.е. Мешеха (al-Ja'qūbī 1883. P. 13, 17, 203).

Необычный вариант генеалогии **хазар** привели Ибн Са'д (ум. 844/45 г.) и ат-Табари (839–923 гг.) в пересказе библейского рассказа о сынах Авра-

ама (Ибрахима), рожденных Хеттурой (в арабском варианте — Кантурой, дочерью некоего Мактуфа или Мактуна). Была она, по сведениям наших авторов, «истинного» арабского происхождения, т. е. предки ее восходили к одному из исчезнувших арабских народов ('ад, самуд, амалика или др.).

Оба автора повествуют о том, что сыновья шли по странам, но двум из них Ибрахим повелел поселиться в чужих и безлюдных землях, назвав при этом одно из имен Аллаха, которое должно было помочь этим потомкам ниспослать дождь и оказывать всяческую помощь. Они поселились в Хорасане и смешались с жившими там тюрками (Ibn Sa'd Muhammad 1905. P. 47; at-Tabari 1879. T. I, 1. P. 348). По рассказу ал-Джахиза (ум. 869 г.) из трактата «Послание Фатху б. Хакану о достоинствах тюрков и остального халифского войска», тюрки Хорасана считали себя потомками именно этих сыновей Ибрахима (Асадов 1993. С. 72, 95). Ибн Са'д и ат-Табари упомянули, что однажды к ним пришли **хазары**, которые восхитились знанием потомками Ибрахима, хорасанскими тюрками, священного имени Аллаха и стали называть своих царей хаканами (Ibn Sa'd Muhammad 1905. P. 47; at-Tabari 1879. T. I, 1. P. 348). В этом предании не ясна связь названия царей хазар «хаканы» со знакомством с хорасанскими тюрками.

По мнению А.Н. Поляка, сюжет взят из еврейского фольклора: хазары якобы истолковали еврейский титул обладателя волшебных знаний Авраама *хахам* — «мудрец», «раввин» — как *хакан*, титул тюркских властителей, знание о котором было получено хазарами от хорасанских тюрков (Поляк 2001. С. 99). К сожалению, предположение об истолковании титула Авраама хазарами не может быть подтверждено доказательствами.

Предания коснулись и Ибн ал-Факих. Он писал, что весть о потомках Ибрахима в Хорасане дошла до **хазар**, а поскольку они являлись потомками Йафиса ибн Нуха, то они пришли к потомкам арабов — хорасанским тюркам и «заключили с ними союз, взяли их дочерей в жены, а своих отдали им в жены. Некоторые из них так и остались с ними, а остальные вернулись в свою страну» (Асадов 1993. С. 49 [перев.]).

Видимо, легенда об ушедших сыновьях Авраама в Хорасан и связь их с **хазарами**, по всей видимости, имеет глубокие и весьма древние корни.

Таким образом, появление в Хорасане арабов и существование там тюрков потребовало от арабской интеллектуальной элиты выяснения родословной народов, связанных с арабами политическими событиями. Причиной того, что злейший враг мусульман — **хазары** — возводится в данном случае к «чистейшим» арабам, при этом враги становятся как бы родственниками, может объясняться только менталитетом арабов, стремившихся непременно определить генеалогическое древо не только своего, но и иного народа. Арабские писатели всегда стремились

опереться в изложении на авторитет древних, в данном случае — на кораническую традицию, идущую от библейской.

Итак, одна линия освоения пространства и создания географических образов народов, **хазар**, в частности, при знакомстве арабов с миром шла по линии опоры на античные и персидские географические традиции, другая — на ввод незнакомых реалий в мир известных библейских и коранических сюжетов.

Однако знакомство с новыми регионами и народами требовало реального, а не только теоретического, определения их положения на Земле.

Бросается в глаза связь **хазар** с тюрками, по данным арабских ученых.

Арабские историки IX в. составляли труды о завоеваниях арабов, куда входили описания арабо-хазарских войн VII–VIII вв. на Кавказе (ал-Балазури, ал-Йа‘куби, Ибн А‘сам ал-Куфи, ат-Табари и др.). Историки вводили новые географические названия мест и народов, в том числе **хазар**.

Давно отмечено учеными, что при описаниях битв на Кавказе арабские историки именуют врагов арабов то тюрками, то **хазарами**, и это объясняется по-разному: использование имени тюрков вместо **хазар** — результат анахронизма (Czeplédy 1960. P. 76 etc.); **хазары** составляли основную часть тюркского войска (Ромашов 2005. С. 193, 195); **хазары** в тюркском объединении постепенно выдвинулись на первый план (Lüdwig 1982. S. 134; Новосельцев 1990. С. 86–88); этноним «**хазары**» относился к тюркоязычным и местным племенам Северо-Восточного Кавказа (Гмыря 1995. С. 206); **хазары** вытеснили тюрков и гуннов с Кавказа с конца VII — VIII в. (Галкина 2006. С. 14.); тюрки объединились с **хазарами** в 652/53 г., по данным Ибн ал-Асира (Аликберов 2010. С. 56–57); арабы в целом считали **хазар** частью тюрков (Артамонов 2002. С. 161; Калинина 2005. С. 251–258).

Перечисляя народы мира, ал-Мас‘уди считал пятым по счету виды тюрков, среди которых перечислил карлуков, гузов, кимаков, тугузгузов и **хазар**, «называемый по-тюркски *сабир*, а по-персидски — *хазаран*. Это — один из видов оседлых тюрков, их имя было арабизировано и их называют **ал-хазар**. Кроме **хазар**, язык у всех тюрков один, и у них один царь» (BGA VIII. P. 63). Перечисляя виды тюрков, Гардизи, ссылаясь на неких предшественников, причислял к ним карлуков, кимаков, ягма, киргизов, обитателей Тибета, жителей Барсханы, тогузгузов, Китай, печенегов, **хазар**, буртасов, болгар, мадьяр, славян, русов, страну ас-Сарир, аланов, область Хайзан (в английском переводе P. Martinez — *Xaitaq*), джикилей и торгошей (Бартольд 1973. Т. VIII. С. 25–41, 41–62; Martinez 1892. P. 153).

Среди тюрков ал-Марвази называл гузов, киргизов, карлуков, кимаков, печенегов, **хазар**, а также славян, русов, северные народы

весь и югра. В XII в. анонимный автор персидского труда «Муджмал ат-таварих» («Собрание историй») точно так же относил к тюркам северные и восточные народы, жившие в Китае, Тибете, а также русов, славян, булгар, бургасов, **хазар** (Новосельцев 1990. С. 78).

Как бы то ни было, встречи с **хазарами** и знакомство с этим народом должны были быть каким-то образом отражены визуально.

Арабо-мусульманская культура основывалась на собственных знаниях и на традициях покоренных народов. В основанной халифом ал-Мансуром (754–775) новой столице Халифата Багдаде была собрана большая библиотека, расширенная его сыном Харуном ар-Рашидом (786–809) и перешедшая к внуку ал-Мансура ал-Ма'муну (813–833). На ее основе ал-Ма'мун, став халифом, организовал «Дом мудрости» («Байт ал-хикма»), в котором ученые разных стран переводили с греческого, латинского, сирийского и других языков философские, астрономические, математические трактаты. По инициативе ал-Ма'муна началась работа по созданию карты мира с введением географических координат известных объектов (стран, областей, городов) с опорой на античные традиции, особенно Птолемея. Такая карта была названа «сурат ал-ард» («вид», «образ», картина», «изображение» Земли). К сожалению, она не сохранилась, хотя была известна более поздним авторам (Крчакковский 1957. С. 87). Об этой карте ал-Мас'уди писал: «Лучшее, что я видел в таком роде, было в книге «Географии» Марина [Тирского], — а география значит пересечение земли, — и в «ма'муновской карте», исполненной для ал-Ма'муна, в составлении которой участвовало несколько ученых его времени. На ней был изображен мир с его сферами и планетами, сушей и морями, обитаемыми и необитаемыми частями, поселениями народов и прочим. Она лучше упомянутых раньше «Географии» Птолемея и «Географии» Марина и других» (BGA VIII. P. 33).

Ф. Сезгин отметил, что в 80-х гг. XX в. была найдена копия такой карты, выполненная в 1340 г. (Фуад Сезгин. С. 3; реконструкция там же, с. 4).

Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми (80-е гг. VIII в. — ок. 847 г.), математик, астроном и географ, работал в «Доме мудрости» ал-Ма'муна. Он написал «Книгу картины Земли» («Китаб сурат ал-'ард»). Ряд ученых полагает, что таблицы координат в этой книге были подготовлены для «карты мира» ал-Ма'муна (Mžik 1915. Bd. 58. S. 151–176; 1936. S. 163–165; Honigmann 1929. S. 155–156, 160–161). Если судить по карте 1340 г. (следует отметить, что мне нигде более не встретилось упоминание об этой карте), можно с уверенностью сказать, что изображение Черного и Азовского морей, Каспия и Аральского моря полностью совпадают с реконструкциями карты ал-Хорезми по его координатам (Калинина 1988. С. 106).

Среди населенных пунктов в книге ал-Хорезми значится координата для местечка **ал-Хазар**, находившегося вблизи «страны Скифии», которая названа автором «землей тюрков» (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 32). Хотя на карте 1340 г., о которой упомянул Ф. Сезгин, координаты не обозначены, но по аналогии с координатными данными по реконструкции карты ал-Хорезми можно полагать, что и на карте ал-Ма‘муна такой пункт был. В целом, это единственный случай в арабской литературе (не считая переписчика труда ал-Хорезми Сухраба), когда имя **ал-Хазар** напрямую связывается с азиатскими областями.

Другим и очень важным направлением в восприятии мусульманскими учеными окружающего пространства стал «Атлас ислама», основателем которого явился среднеазиатский ученый Абу Зайд ал-Балхи (849–934 гг.). Он написал в 920–921 гг. труд, известный под разными названиями, в который входили карты мира и его разных частей; он не сохранился. Тем не менее ал-Балхи считается основателем «классической школы» географов, представленной, кроме своего создателя, именами ал-Истахри, Ибн Хаукала и Шамс ад-дина ал-Мукаддаси (Watt 1983. P. 399–400; Tibbets 1992. P. 108–111). В книгах этих ученых также сохранились карты. Текст этих произведений являет собой описания земель и торговых дорог; не исключено, что образцами для них послужили дорожники сасанидского времени (Tibbets 1992. P. 114–115). В этих сочинениях, как и в «Книге путей и стран» Ибн Хордадбега и Ибн ал-Факиха, а также в сохранившихся сочинениях ал-Мас‘уди содержится вполне конкретная, давно известная ученым информация о местонахождении **хазар**, их обычаях, образе жизни, политическом строе и т. д.

На картах из трудов ал-Истахри и его последователя и переработчика Ибн Хаукала **хазары** предстают жителями северо-востока Земли, наряду с булгарами, бургасами, русами. На этих картах нет географических координат, не упоминаются они и в текстах. Эти ученые оперируют понятиями «климат», который у них означает разные территории, никак не связанные с понятиями широтной зоны: «Что касается **хазар**, то это — имя климата» (BGA I. P. 220; BGA II₂. P. 389). Употребляется также термин «мамлакат», т. е. «государство»: «Ар-рус, **ал-хазар**, ас-Сарир — название государства, а не города и людей» (BGA I. P. 223); «...название государства и области, а не людей и племени» (BGA II₂. P. 394). Впрочем, в других случаях сказано, как раз наоборот, что «**хазары** — это имя (*исм*) для вида (*джинс*) людей... Это — страна (*балад*) между **морем ал-Хазар** (Каспием. — *Т. К.*), [странами. — *Т. К.*] Сарир, русов и гузов» (BGA I. P. 10; BGA II₂. P. 15). Таким образом, встречается и слово «ба-

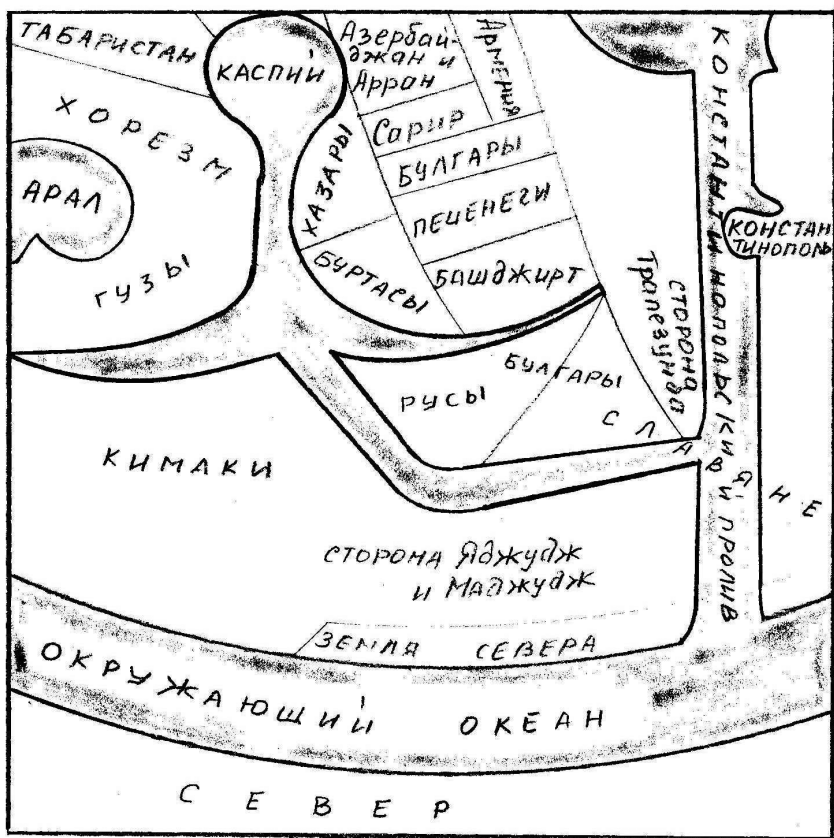

Рис. 20. «Константинопольский пролив» согласно Ибн Хаукалу.
 Fig. 20. «The Strait of Constantinople» according to Ibn Haukal.

лад» в значении «страна»: «Расстояние... от Абаскуна вправо до страны ал-хазар — 300 фарсахов...» (BGA I. P. 226; BGA II₂. P. 398). Третий автор Х в., Шамс ад-дин ал-Мукаддаси (946/7–1000 г.), который тоже причисляется к «классической школе» географов (Крачковский 1957. С. 210–218), использует для территории хазар термины «страна» («ба-лад»), «округ» («нахйа»), «климат» (BGA III. P. 61, 353, 361, 365).

Разной в применение терминов авторами «классической школы» показывает, что они не вкладывали какой бы то ни было политической смысл в термины для обозначения страны хазар, воспринимая ее чисто географически. В этом отношении показательное описание карты севера, сохранившееся в книге Ибн Хаукала:

«...Затем по проливу (Константинопольскому, который воплощает в себе соединение Северного океана со Средиземным морем. — *Т.К.*) — сторона Трапезунда, а сверху реки, идущей рядом (Итиль. — *Т.К.*) [живут] болгары, русы, башджирты, буртасы, **хазары**, печенеги, болгары еще вторые, затем страна Сарир, а сверху тех — страна внутренняя и внешняя Армения» (BGA II₂. P. 9; рис. 20).

Ал-Йа'куби (IX в.) в своей «Истории» несколько раз обращался к библейской родословной: он писал, что «на долю Яфета, сына Ноя [выпали] государства и народы *ас-Син*, *ал-Хинд*, *ас-Синд* (Пенджаб. — *Т.К.*), *ат-турк*, *ал-хазар*, *ат-Губбат* (обитатели Тибета. — *Т.К.*), *ал-булгар* (волжские болгары. — *Т.К.*), *ад-Дайлам* (Дейлем. — *Т.К.*) и то, что примыкает к земле Хорасана»; что от одного из потомков Яфета — Джумара произошли *ас-сакалиба*, от Маша — *ат-турк* и *ал-хазар*, от Маджуджа — *йаджудж* и *маджудж*, «а они — на востоке Земли, в стороне *ат-турк*». В еще одном из описаний ал-Йа'куби приписывал *ал-хазар* не Машу, а третьему потомку Яфета — Тогарме — и называл их среди народов и государств Прикаспия и Кавказа (*al-Ja'qūbī* 1883. T. I. P. 13; 17; 203 [араб. текст]). Все потомки Ноя, названные ал-Йа'куби, имеют библейские аналогии, не всегда, правда, синхронные известиям Библии: Джумар — это Гомер, сын Яфета; Маш — сын Арама и внук Сима, а не сын Яфета; Маджудж — Магог, сын Яфета, уже упомянутый выше, и размещены его владения не на севере, а на востоке; Тогарма — внук, а не сын Яфета (Быт. 10, 1–2; 10, 23).

ТЮРКИ В «ОБРАЗЕ МИРА» СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРАБО-ПЕРСИДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ⁹⁴

Арабо-персидские средневековые ученые рассматривали мир с разных позиций. В ранний период истории, до возникновения ислама арабы отличали себя от других народов сохранением перечня поколений и памятью о системе родства (Грязневич 1982. С. 83–84, 124–126). Рост исторического сознания арабов связывается с возникновением ислама и его священной книги Корана (Резван 2000. С. 27–29). Первые комментаторы Корана собирали сведения о происхождении мира и человека, об истории древних народов, религиозно-философские сюжеты и образы. Эти данные зачастую попадали к арабам из иудео-арамейской и сиро-христианской среды. Коран легко воспринял библейскую генеалогию народов мира, поскольку она исходила из общих ближневосточных преданий о начале человечества. В Коране приводятся версии, берущие начало в иудейских и христианских представлениях, о сотворении Творцом из земной пыли Адама (Коран III, 52; XXII, 5; XXIII, 12–14; XXXV, 12; LXXVI, 2; XC, 3–4; XCVI, 1–2), от которого произошли все народы, и о его потомках. Коран передает легенду о Ное (араб. *Нух*), которая, восходя к библейскому преданию, имеет, однако, аравийские реалии: после потопа Ной спасался на горе ал-Джуди в Аравии; Ной уговаривал народ уверовать в единого Бога, уподобившись в этом пророку, и за это подвергся гонениям (Пиотровский 1991б. С. 174–175, примеч. 3). Историко-генеалогические предания (*ахбар*) были собраны в VIII–IX вв. и включены в состав исторических трудов. Это были легенды о прародителях арабов, родословия исчезнувших народов ('ад, самуд, джурхум и др.), генеалогии, возводившие народы к Адаму и его потомкам. К середине VIII в. систематизация родословных арабских племен была завершена; ученые обратились к изучению происхождения других народов, что было связано с расширением границ Халифата и знакомством с чужеземными странами.

Знакомство арабов с тюрками произошло после смерти Мухаммада. Поэтому в Коране тюрки не названы, однако в хадисах этот народ фигурирует как якобы упомянутый в речах Мухаммада и праведных халифов, о чем писали арабские авторы (Зайончковский 1966. С. 194–

---

⁹⁴ Впервые опубликовано: Тюркологический сборник. 2006. М., 2007. С. 183–193.

201; Асадов 1993. С. 22). Ибн ал-Факих и Кудама ибн Джа'фар говорили о предостережениях, якобы высказанных Мухаммадом и первыми халифами, от военных действий против тюрок как весьма сильных противников, от которых лучше защититься валом или стеной, как некогда это сделал Зу-л-Карнайн против народов йаджудж и маджудж (Ибн ал-Факих, МР, л. 168а; ВГА VI. Р. 323). Ат-Табари (839–923 гг.) упомянул, что однажды Мухаммад отдыхал в некоем «тюркском шатре», а также рассказал о добыче, захваченной в Ктесифоне (Мадаине), среди которой были сосуды с золотом в «тюркских шатрах» (at-Tabari 1879. Т. I. Р. 1468, 2444–2445). Столкновений арабов с тюрками в это время еще не было, поэтому упоминания ат-Табари могут быть лишь косвенным подтверждением участия в войнах арабов с персами отрядов тюркских наемников (Асадов 1993. С. 22).

Как полагали арабские знатоки генеалогий, народ *ат-турк* был потомком Яфета (*Йафуца*), сына Ноя (*Нуха*). Ал-Йа'куби (IX в.), обращаясь к библейской родословной, писал, что народ ат-турк произошел от одного из потомков Яфета — Маша⁹⁵ (al-Ja'qubī 1883. Р. 13, 17), который идентичен библейскому Мешеху (Быт. 10, 1–2). Ат-Табари тоже называл тюрок потомками Яфетида Тираша⁹⁶ (at-Tabari 1879. Т. I. Р. 211, 216–218). Яфетидами считали тюрок Ибн Кутайба (IX в.) (Ibn Coteiba 1850. Р. 14), ал-Мас'уди (ум. 956 г.) (Maṣūdi 1861. Т. I. Р. 78–79; 1867. Т. III. Р. 66), Са'ид ибн ал-Битрик (ум. 939) (Seippel 1896. Т. I. Р. 53), автор анонимного произведения «Мухтасар ал-'аджа'иб» (X в.) (Крюков 1983. С. 194–208), Мутаххар ибн Тахир ал-Макдиси (втор. пол. X в.) (el-Maqdisi 1903. Т. III. Р. 28), неизвестный персидский автор труда «Муджмал ат-таварих» («Собрание историй», XII в.; он называл «родоначальников» народов: Турка, Чина, Хазара, Руса, Саклаба) (Новосельцев 1990б. С. 78), Гардизи (XI в.), со ссылкой на Ибн ал-Мукаффу (VIII в.) (Бартольд 1973. Т. VIII. С. 41–42), ал-Бакри (ум. 1094 г.), со ссылкой на Са'ида ибн Мусеййаба (ум. 713/714 г.) (al-Bakri 1992. Т. I. Р. 87–88, 446–448), и многие другие.

Но не только библейские версии разделения Земли бытовали в арабской литературе: была также распространена персидская традиция, по которой первый владыка Земли Афридун разделил Землю так, что восточная часть досталась его потомку Туджу и была населена народами Китая (*ас-Син*) и тюрками (*ат-Турк*). Ибн Хордадбех (IX в.) писал:

«Владыки Земли в древние времена и их владения: Афридун разделил Землю между тремя сыновьями. Ал-Магриб (запад) он отдал во владе-

⁹⁵ По Библии, Маш — сын Арама и внук Сима, а не сын Яфета (Быт. 10, 22–23).

⁹⁶ Тираш (ивр. Тирас. — *примеч. Б.Е. Рашковского*) — библейский персонаж Фирас (Быт. 10, 1–2).

ние Саламу — а это Шарам. Владыки ар-Рума и ас-Сугда — из числа его потомков. Ал-Машрик (восток) отдал во владение Тушу, он же Тудж. Владыки ат-турк и ас-син — из его потомков... Их (Хосроев) поэт сказал: „Мы разделили наше владение. Наша судьба [подобна] участи мяса на доске мясника. Мы определили аш-Шам и ар-Рум до места заката солнца благородному Саламу. Туджу определили [страну] ат-Турк...”» (BGA VI. P. 16; Ибн Хордадбех 1986. С. 60).

Подобные представления, вероятно имеющие единый первоисточник или восходящие к труду Ибн Хордадбега, фигурируют в «Хронологии» Абу Рейхана ал-Бируни (XI в.) (ал-Бируни 1957. Т. 1. С. 111). В труде ат-Табари помимо библейской генеалогии тюрок присутствует и персидская: тюрки вместе с Китаем рассматриваются как потомки Афридуна, который, в свою очередь, сопоставлялся ат-Табари с библейским Ноем (at-Tabari 1879. Т. 1. P. 216–218).

В представлениях арабов о разделении Земли отразились и античные традиции. Так, по материалам ал-Хорезми, труд которого являлся переработкой на основе новых данных «Географического руководства» александрийского ученого II в. Клавдия Птолемея, часть света Скифия была населена тюрками, по координатам она соответствует Внутренней Скифии Птолемея (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 32; Калинина 1988. С. 40). Отдавая дань античной теории, Ибн Хордадбех, а за ним Ибн ал-Факих (сочинение было написано ок. 903 г.) писали, что земля делится на четыре части — Европу, Ливию, Эфиопию и Скифию, и именно в Скифии располагаются земли тюрок (BGA VI. P. 155; Ибн Хордадбех 1986. С. 125; BGA V. P. 7).

Арабами была воспринята и теория семи климатов. Античные ученые разделяли Землю на четыре четверти, одна из которых была обитаема и членилась, в свою очередь, на параллельные экватору зоны. Такая широтная зона называлась «климатом» и определялась в зависимости от сравнительной долготы дня или угла наклона Солнца к экватору. Это учение, наиболее отчетливо выраженное в «Географическом руководстве» Птолемея, было полностью воспринято арабами. Впервые его применил Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми в первой трети IX в., заменив 21 климат Птолемея на семь. Ал-Фергани (IX в.), описывая семь климатов, писал:

«Седьмой климат начинается с востока от севера страны йаджудж, затем идет через страну тюрок, затем по побережью моря Джурджана [с той стороны], что примыкает к северу. Затем пересекает море Рума⁹⁷, идет в страну

---

⁹⁷ Морем Рума (Византии) арабы именовали Средиземное море, куда включались и моря Эгейское, Мраморное, а также проливы. Однако в ряде случаев морем Рума могло называться и Черное, особенно, когда для него не было специального

бурджан и славян⁹⁸ и примыкает к Западному морю. А что касается того, что вокруг этих климатов — до завершения известных нам населенных мест, — то это начинается с востока от страны йаджудж, затем через страну тогузгузов и землю тюрок, затем через страну алан, затем через страну татар⁹⁹, затем через бурджан, затем через славян и примыкает к Западному морю» (Alfraganus 1669. P. 38; Калинина 1988. С. 129, 130).

Ибн Русте в начале X в. отмечал: «Седьмой климат начинается на востоке, от севера [страны] йаджудж. Затем переходит к земле тюрок, затем по побережью моря Табаристана, проходя по его северу... А что касается [земель] вокруг этих климатов, до конца обитаемых мест, которые известны, то они начинаются от востока, от страны йаджудж. Затем проходят по стране тогузгузов и земле тюрок, затем по стране алан, затем по [земле] авар¹⁰⁰, затем по [областям] бурджан и славян и доходят до Западного моря» (BGA VII. P. 98). Заметим, что фрагмент почти дословно повторяет рассказ ал-Фергани о седьмом климате и близлежащих землях. Подобное описание седьмого климата и земель «за седьмым климатом» с различными модификациями встречается у многих других восточных ученых X–XII вв.: Кудамы ибн Джа‘фара, ал-Мукаддаси, ал-Бакри, ал-Марвази и др. Более подробно, по той же схеме, что ал-Фергани, описывал эти территории ал-Бируни, хотя он населял тюрками шестой, а не седьмой климат (ал-Бируни 1975. Т. 5. С. 115–116):

«Что касается шестого климата, то он начинается в местах кочевий восточных тюрок кай и кун¹⁰¹, киргизов, кимаков, токуз-огузов, [проходит] через страну туркмен и фарабов¹⁰², через город хазар¹⁰³ и северную

описания и названия. В данном случае, возможно, имеется в виду Черное море (Калинина 1988. С. 137).

⁹⁸ В оригинале: *ас-сакалиба*. Этноним *ас-сакалиба* применялся арабскими писателями, как правило, к этническим славянам, хотя были и исключения (Мишин 2002). В данном случае *сакалиба* упоминаются вместе с *бурджанами* после упоминания моря Рума. Это дает основание полагать, что имеется в виду славянское население Европы в целом (Калинина 1988. С. 137).

⁹⁹ В изданной рукописи нет диакритических знаков (точек), от которых зависит чтение слова. В зависимости от их количества (одна или две) и постановки (вверху или внизу) буква может читаться по-разному. Чтение, выбранное Я. Голиусом, исследователями считается весьма сомнительным, т. к. ни один арабо-персидский источник до XI в. не упоминает этноним «татар». В связи с этим существует много предположений относительно названного этника, которые относятся к прикавказским или причерноморским территориям (Калинина 1988. С. 138).

¹⁰⁰ Вместо «ат-татар» у ал-Фергани стоит название «ал-абар», т. е. упомянуты авары. Возможно, вариант Ибн Русте более точен.

¹⁰¹ Среди исследователей нет единого мнения по идентификации тюрок «кай и кун».
¹⁰² Фараб — область недалеко от впадения в Сырдарью р. Арыс, с центром в городе Отрар (Бартольд 1973. Т. VIII. С. 404).

¹⁰³ Город хазар — судя по тому, что ниже упоминается северная часть моря хазар, т. е. Каспийского (см. сл. примеч.), речь идет об Итиле — столице Хазарии до середины

часть их моря¹⁰⁴, через [страну] алан [и асов]¹⁰⁵, между этим морем и морем Трапезунда¹⁰⁶ ... и заканчивается в Западном океане».

Как видно из приведенных примеров, арабы относили места обитания тюрок к шестому или седьмому климату, но само описание местностей, за исключением данных ал-Бируни, вполне традиционно, зависит от сведений ал-Фергани и почти не меняется с течением времени.

Кроме делений на семь климатов арабы знали персидскую традицию деления Земли на семь *кешваров*, хотя арабские ученые чаще и в этом случае употребляли термин «климат». Такие климаты выглядели как круги, расположенные вокруг центрального круга и соприкасающиеся с ним. В центре каждого круга находилось название той страны или нескольких стран, которые относились к этому климату. Ал-Мас'уди так описал эту систему климатов:

«Разделение климатов обитаемой земли севера сделано так, что они расположены по окружности. В ее середине помещен 4-й климат, т.е. климат Вавилона, а шесть [остальных] — по окружности вокруг него. Каждый климат имеет 700 фарсахов как в длину, так и в ширину. 1-й климат — Индия, 2-й — Хиджаз и Эфиопия, 3-й — Египет и Тунис, 4-й — Вавилон и Ирак, 5-й — Византия, 6-й — Йаджудж и Маджудж, а 7-й — Й.а.м.арис и Китай» (BGA VIII. P. 32).

Ал-Мас'уди не называет тюрок среди обитателей этих климатов, однако, по счастью, в книге ал-Бируни «Вразумление науки о звездах» сохранилась схожая схема такой картины климатов, сохранявшая название *кешвар*, в которой присутствуют и тюрки (рис. 7; ал-Бируни 1975. Т. 6. С. 115).

Помимо представлений арабов о местоположении тюрок в системе семи климатов в целом, имеются и подробные описания тюрок внутри седьмого климата. Так, Ибн ал-Факих писал: «Седьмой климат — это тюрки. Их мужчины и женщины имеют вид тюрок по причине холода.

60-х гг. X в., когда Итиль был захвачен и разгромлен русским князем Святославом. Не исключено, что во времена ал-Бируни восстановленный или частично оставшийся Итиль еще считался хазарским городом, хотя власть в Нижнем Поволжье постепенно переходила к Волжской Булгарии (Новосельцев 1990. С. 219–231).

¹⁰⁴ Северная часть моря хазар (Каспийского) — области Нижнего Поволжья — принадлежала хазарам до XI в.

¹⁰⁵ Асы — в квадратных скобках вставлено слово, не ясное для переводчика. Древнерусские источники асами (ясами) называли алан, которых ал-Бируни упомянул выше (об аланах см.: Alfraganus 1669, примеч. 31).

¹⁰⁶ Трапезунд (совр. Трабзон в Турции) — город и порт на юго-восточном побережье Черного моря; соответственно море Трапезунда — Черное.

Их звери низки ростом, нет там ни насекомых, ни пресмыкающихся. Люди живут в домах, которые строят из досок, и переносят их на телегах, запряженных быками. А скот их содержится в пустынной местности. Детей у них мало» (BGA V. P. 7). Очень схожий мотив о седьмом климате ойкумены встречается у церковного историка X в. Агапия Манбиджского, который, впрочем, не назвал обитателей его тюрками (Kitâb al-‘Unwan 1910. P. 614–616):

«Седьмой климат известен и относим к Борисфену. Это климат, который населяет народ, называемый по-гречески йумидис, т. е. „сонливые”. Они народ малосильный, не сноровистый, вследствие чрезмерного сильного холода у них, поскольку недалеко от них — сторона севера и мест, которые необитаемы и не населены. Большая Медведица, из числа созвездий, недалеко от зенита, постоянно вращается над ними. Скот и звери их страны очень малы. Не бывает у их коров и овец рогов из-за сильного холода там. Не встречаются в их стране никакие пресмыкающиеся. Они не могут и нет у них возможности строить для себя [постоянные] дома. Однако они строят дома из половинок дерева, покрывают их и перевозят на повозках, тащимых быками. Они живут в них и ездят днем и ночью до тех пор, пока не найдут для себя средства, необходимые для жизни, для своей страны, и пастбища для своего скота. Они во всей своей судьбе несчастны по причине плохих обстоятельств жизни. Говорят, что, когда они заболевают тяжелой болезнью, они сажают больного на повозку, снимают с него одежду мужчины и надевают одежду женщины, и они выздоравливают».

Очевидно, что сведения обоих авторов восходят к единому первоисточнику. Возможно, отнесение тюрков к описываемому народу на севере — плод компиляции Ибн ал-Факиха. Тем не менее, ал-Мас‘уди отмечал особо, что тюрки обитали «под Козерогом», т. е. на севере (Maçoudî 1861. Т. 1. P. 78–79; 1867. Т. III. P. 66). Рассказывая о жителях севера ойкумены, он утверждал, что

«[в земле] тех тюрков, которые обитают далеко на севере, из-за дальности от места обращения солнца в положении его восхода, выпадает много снега, и в тех местах, где они живут, преобладают холод и влажность. Поэтому тела их расслабляются и становятся толстыми, позвонки их спин и шей бывают такими гибкими, что им удастся метать стрелы как во время атаки, так и при бегстве. Из-за обилия их плоти суставы уходят в глубь [тела]. Лица их стали круглыми, а глаза маленькими по той причине, что в их лицах [должно] удерживаться тепло, когда их телами овладевает холод. А поскольку холодный темперамент порождает обилие крови, цвет [их тел] становится красным: ведь последствие

охлаждения таково, что тепло собирается в одном месте и проявляется здесь» (BGA VIII. P. 24).

Анонимный персидский автор труда «Худуд ал-‘Алам» (80-е гг. X в.), пользовавшийся многими трудами предшественников и составивший свое собственное, основанное на книжном знании впечатление о расселении людей на Земле, утверждал, что шестьдесят пять различных народов, населявших северную часть Земли, «являются видами тюрок» (Hudūd al-‘Alam 1937. P. 101).

Гардизи называл каждый вид тюрок, как писал он сам, «как я нашел его в книгах» (Бартольд 1973. Т. VIII. С. 26, 42). Из этих слов явствует, что сведения о тюрках им собраны из разных источников. Перечислены следующие «тюркские» народы: карлуки, кимаки, ягма, киргизы, обитатели Тибета и дороги туда, жители Барсханы и пути к ним, тогузгузы и их маршруты, Китай и пути в эту страну; далее речь идет о печенегах, хазарах, буртасах, булгарах, мадьярах, славянах, русах, стране ас-Сарир, аланах, области Хайзан, джикилях и тюргешах (Бартольд 1973. Т. VIII. С. 25–41, 42–62). Как видно, Гардизи причислил к числу тюрок народы, к ним совсем не принадлежавшие, в том числе такие хорошо известные в XI в., как население Китая, Тибета, славяне, русы, аланы и др. Следует отметить, что еще в IX в. Ибн Хордадбех, описывая пути на востоке, в землях тюрок, более верно описал их виды, обычаи некоторых из них и границы. В частности, он писал:

«Страна тюрок-тогузгузов — самая обширная из тюркских стран. Граничат они с Китаем, Тибетом. [Затем идут] карлуки, кимаки, гузы, чигили, тюргеша, азикиши, кыпчаки, киргизы, которые имеют мускус, карлуки и халаджи, [обитающие] по ту сторону реки» (BGA VI. P. 27–31; Ибн Хордадбех 1986. С. 64–66).

Ибн ал-Факих сокращенно привел эти же сведения (Ибн ал-Факих, МР, л. 168а). Однако позднее представления о местоположении и родах тюрок изменились.

Причина такого искажения, как представляется, выявляется из книги «О природе животных» Шараф аз-Замана Тахира ал-Марвази, написанной столетием позднее, чем труд Гардизи. Ал-Марвази передал те же сведения о тюрках, что и Гардизи, используя, видимо, тот же оригинал, но добавив свои данные. Среди тюрок он назвал, кроме приведенных у Гардизи, еще гузов и северные народы — ису, йура и «жителей приморья». Китаю ал-Марвази отвел отдельную главу, исключив таким образом эту страну из числа территории тюрок. Весьма значимо то, что в конце раздела о тюрках ал-Марвази привел фрагмент, аналогичный

встречающемуся у Гардизи, упомянув все, что удалось узнать о тюрках из разных книг. Далее ал-Марвази перечислял рассуждения других авторов: «Гален говорит, что люди, именуемые сурмат (савроматы. — *Т. К.*), имеют маленькие глазки и узкий разрез глаз...»; «Гиппократ говорит, что в стране Европа есть народ тюрков и что тюрки похожи друг на друга, но не похожи на других людей, [вот так же] как египтяне похожи друг на друга, потому что вырастают в жару, а тюрки — в холоде» (Marvazi 1942. P. 35). Книги Гиппократа и Галена, на которые ссылается ал-Марвази, были переведены на сирийский и арабский языки в IX в. (Пигулевская 2000. С. 365). Хотя в книге Гардизи фрагмента о савроматах нет, но общее сходство главы о тюрках в трудах Гардизи и Марвази заставляет полагать, что оба автора опирались на один первоисточник, в котором обитатели севера и северо-востока Земли, и в том числе тюрки, приравнивались к сарматам античных писателей — жителям холодного севера. Точно таким же образом античные и византийские ученые называли скифами любых восточноевропейских «варваров», с которыми они знакомились.

Среди тюрков Марвази называл гузов, киргизов, карлуков, кимаков, печенегов, хазар, а также славян, русов, северные народы — весь и югру (Marvazi 1942. P. 23, 35–36). Анонимный персидский автор труда «Муджмал ат-таварих» точно так же относил к тюркам северные и восточные народы, жившие в Китае, Тибете, а также русов, славян, болгар, бургасов, хазар.

Иное представление о климатах и месте тюрков в них высказывал ал-Истахри, географ X в.:

«Сам ас-Син (Китай. — *Т. К.*) — это климат (*иклим*), все страны тюрков мы относим к нему как к царству, так же как мы название всего царства Рум [относим] к земле Румийа и Кустантинийа, и как прочие все царства ислама — к Ираншахру, а это земля Бабил (Вавилон. — *Т. К.*)...» (BGA I. P. 10).

В данном случае ясно, что под «климатом» ал-Истахри понимает не просто область, а некое цивилизационное пространство под главенством того государства, которое он (или его предшественник ал-Балхи, поскольку ал-Истахри опирался на его сочинение) считал наиболее важным.

Ссылаясь на Ибн Хордадбега, Гардизи отмечал, что «тюрки принадлежали к китайцам» (Бартольд 1973. Т. VIII. С. 25, 41). Не исключено, что здесь Гардизи или Ибн Хордадбех следуют той же традиции, что отразилась и в книге ал-Истахри, хотя с карто- и географической тра-

дициями, отмеченными именами ал-Балхи, ал-Истахри и Ибн Хаукала, ни Ибн Хордадбех, ни Гардизи не были знакомы. Хотя все они принадлежали разным научным направлениям, но следовали общим представлениям о вхождении людских общностей в определенные «царства» как главные составляющие целого, вне зависимости от расовых или национальных признаков, почему и соединялись вместе народы, совсем не родственные друг другу.

Таким образом, помимо сближения народов по генеалогическому признаку (как Яфетидов и как Афридунидов) у арабов был распространен и взгляд на объединение людской общности в рамках одного «климата» (*иклим*) или царства (*мамлакат*) как главное составляющее целого, вне зависимости от расовых или национальных признаков, почему и соединялись вместе народы, совсем неродственные друг другу. Располагались тюрки, по воззрениям арабов, на северо-востоке и востоке обитаемой земли и рассматривались как «сарматы», т. е. варвары, жившие далеко от цивилизованного мира ислама.

ПЕЧЕНЕГИ И ПУТЬ К НИМ ИЗ УРГЕНЧА (ПО ДАННЫМ АРАБСКИХ ГЕОГРАФОВ)¹⁰⁷

В трудах некоторых арабо-персидских авторов X–XVII вв. сохранилась так наз. «Анонимная записка о народах Восточной Европы». Это — условное название памятника, который представляет собой сводку сведений о печенегах, хазарах, буртасах, волжских булгарах, мадьярах, славянах, русах, земле Сарир в северном Дагестане и аланах. Материалы повторяются, но разнятся в деталях. Датируется «Анонимная записка» временем не позднее второй половины IX в. (Miquel 1967; *ЖА II*, С. 11–17).

Автор информации о Восточной Европе неизвестен (возможные версии о том, кто был автором «Анонимной записки», см.: Marquart 1903. S. XXVIII–XXXV, 243; *ЖА I*. С. 43–64; Крачковский 1957. С. 219–223; Бартольд 1963. Т. I. С. 58; Новосельцев 2000а. С. 283). В сводке представлены сведения о дорогах, городах, торговле, экономике, политическом строе, вооружении, взаимоотношениях с соседями, вероисповедании и обычаях. Не исключено, что эти данные были собраны специально для правителей Халифата с целью оценки народов Восточной Европы как потенциальных противников (Мишин 2002. С. 50). Однако разносторонние характеристики показывают, что информация соответствовала сложившейся в арабской литературе традиции описаний далеких от Арабского халифата земель. Подобного рода материалы, не имеющие отношения к Восточной Европе, есть в тех сочинениях многих восточных писателей, где особенно целенаправленно выделялись описания дорог и областей. Совершенно не связанные с «Анонимной запиской» сведения о дорогах и стоянках в самых разных частях ойкумены содержались в сохранившейся «Книге путей и стран» Ибн Хордадбеха, «Книге стран» ал-Йа'куби, одноименном сочинении Ибн ал-Факиха, «Книге о харадже и искусстве секретаря» Кудама ибн Джа'фара, «Книге путей и стран» ал-Истахри и многих других.

Известия о печенегах, восходящие к «Анонимной записке», содержатся в трудах Гардизи (XI в.), ал-Бакри (XI в.), ал-Марвази (кон.

---

¹⁰⁷ Впервые опубликовано: ДГ, 2009 г.: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2010. С. 153–166.

XI — нач. XII в.), Ауфи (XIII в.; автор вставил в свое сочинение рассказ, полностью идентичный фрагменту из книги ал-Марвази), Шукруллы ибн Шихаба (XV в.), Мухаммада ал-Катиба (XVI в.), Хаджи Халифы (XVII в.) (Заходер 1967. С. 72, 73–74). Свидетельства о печенегах есть также в книге неизвестного персидского автора «Худуд ал-‘Алам» («Границы мира», 80-е гг. X в.). Этот писатель, пользуясь данными «Анонимной записки», «Книги путей и стран» ал-Истахри и привлекая другие, не всегда известные источники, сформулировал свое собственное представление о расположении народов и стран, в том числе печенегов (Бартольд 1973. Т. VIII. С. 504–545; Hudūd al-‘Alam 1937; Новосельцев 1986. С. 90–103; Мишин 2000. С. 52–63). Упоминания о печенегах в книге Абу Дулафа (X в.) здесь не рассматриваются, они требуют особого внимания. Ученые, пользовавшиеся материалами «Анонимной записки», в разной степени редактировали ее данные и добавляли в некоторых случаях оригинальную информацию.

Напомним, как печенеги появились близ Волги. В IX в. огузы (*ал-гузз* или *ал-гузйя* арабских источников) напали на Усрушану, область, расположенную вблизи Шаша (Ташкента), Ферганы и Самарканда. В верховьях Сырдарьи тогда огузы граничили с печенегами (Golden 1972. P. 59–60; Гарустович, Иванов 2001. С. 9–11; Плетнева 2003. С. 115–116). В районе Арала между огузами и печенегами, карлуками и кимаками происходила борьба за земли. Об этом сообщил ал-Мас‘уди (ум. 956 г.): «В книге „Отрасли знаний и что происходило в предшествующие эпохи“ мы сообщали, по какой причине эти четыре племени тюрок (*баджанак*, *баджна*, *баджгирд* и *нукабарда*. — *Т. К.*)¹⁰⁸ пришли с востока (в земли Византии. — *Т. К.*), и о походах и войнах, происходивших между ними и огузами, карлуками и кимаками на озере *Джурджанийя* (Аральском море. — *Т. К.*)...» (BGA VIII. P. 180–181). В результате войн печенеги влились в конфедерацию племен, возможно, возглавленную родственными печенегам кангарами. Однако огузы потеснили печенегов и отсюда, и печенеги ушли далее на запад, до Волги. Происходили эти события между серединой и концом IX в., а возможно, и гораздо ранее (Агаджанов 1969. С. 129; Кумекон 1972. С. 58; Golden 1972. P. 59–60; Иванов 1995–1996. С. 88; Howard-Johnston 2000. P. 332).

¹⁰⁸ *Баджанак* — печенеги, *баджна* — вероятно, один из видов печенегов, *баджгирд* — башкиры или мадьяры, *нукабарда* — лангобарды или венгры-оногуры. Есть предположение, что более правилен вариант *нукарда*, встречающийся в книге ал-Мас‘уди «Золотые копи и россыпи самоцветов», во фрагменте о нападении этих четырех племен кочевников на пограничный византийский город Валандар, и это — новгородцы (Минорский 1963. С. 151; Коновалова, Перхавко 2000. С. 153–157).

Перейдя Волгу, печенеги двинулись по землям Хазарии, где археологи отметили пожарища, разгром поселений и крепостей (Плетнева 2003. С. 116). Погребений и могильников печенегов там, однако, не найдено (Плетнева 1982. С. 25), поэтому некоторые археологи полагают, что печенеги двигались в обход северных рубежей Хазарии (Гарустович, Иванов 2001. С. 107). В междуречье Днестра и Северского Донца печенеги столкнулись с мадьярами, которые были вытеснены сначала в междуречье Прута и Днестра, а затем за Карпаты. Сами же печенеги остались на новом месте и жили здесь долго, до середины XI в., в постоянных военных или мирных контактах с Древней Русью (Плетнева 2003. С. 115–120). Некоторое количество печенежских орд ушло еще западнее и активно участвовало в византийской политической игре (Божилов 1973. С. 34–56; Бибиков 2001. С. 199–228). Часть печенегов осталась на старом месте обитания, в приволжских и приуральских областях.

Приведем материалы источников.

Рассказ Гардизи:

Что касается печенегов, дорога к ним идет от Гурганджа к Хорезмийской горе и дальше в страну печенегов. Дойдя до Хорезмийского озера, оставляют его по правую руку и идут дальше. Приходят в безводную землю и степь, по которой идут девять дней. Каждый день или каждые два дня доходят до колодца, спускаются туда по веревке и достают воду выючным животным. На десятый день достигают источников, где есть вода и всякого рода дичь, из птиц и антилоп; травы немного. По этой местности идут шестнадцать дней, на семнадцатый [день] приходят к шатрам печенегов. Владения печенегов простираются на 30 дней пути. С каждой стороны к ним примыкает какой-нибудь народ; с востока — кипчаки, с юго-запада — хазары, с запада — славяне; все эти народы производят нашествия, нападают на печенегов, уводят их в плен и продают [в рабство]. Эти печенеги владеют стадами; у них много лошадей и баранов, также много золотых и серебряных сосудов, много оружия. Они носят серебряные пояса. У них есть знамена и копья, которые они поднимают во время битв; их трубы, в которые дуют во время битв, сделаны наподобие бычачьих голов. Дороги в страны печенегов очень трудны (?) и неприятны. Кто хочет отправиться отсюда в какую-нибудь страну, должен купить лошадей, так как ни с какой стороны нельзя выехать из их земли иначе, как верхом, вследствие дурного состояния дорог. Купцы на пути туда не придерживаются никаких дорог, так как все пути заросли лесом; они узнают дорогу по положению звезд. Между владениями печенегов и владениями хазар 10 дней пути по степи, рощам и лесам (Бартольд Т. VIII. С. 56–57).

Б.Н. Заходер уточнил, что весь путь от Джурджании до печенегов составлял 17 дней; это в свое время отметил и В.В. Бартольд (Бартольд 1963. Т. II, ч. 1. С. 823, примеч. 19; Заходер 1967. С. 71).

Гардизи писал, что на печенегов, среди прочих соседних народов, нападают славяне. Д.Е. Мишин подметил, что в рассказе «Анонимной записки» о славянах эта информация не подтверждается: в нем речь идет о войнах со славянами не печенегов, а мадьяр. В повествовании о буртасах же, наоборот, говорится об их набегах на печенегов, что отсутствует в рассказе о печенегах. Д.Е. Мишин делает вывод, что в данные «Анонимной записки» вкралась ошибка: ее автор случайно заменил на название «славяне» имя «буртасы». При замене наименования «славяне» на имя «буртасы» противоречие снимается: печенеги кочуют к востоку от Волги, буртасы живут на запад от нее и нападают друг на друга. Следует отметить, что в рассказе о печенегах информация о войнах или соседстве с буртасами не подтверждается, что снижает правдоподобие гипотезы Д.Е. Мишина.

Д.Е. Мишин (вслед за Й. Марквартом) замечает также, что в рассказе «Анонимной записки» о славянах идет речь о расстоянии в 10 дней пути между печенегами и славянами, но только один раз, далее же сказано, что 10 дней пути отделяли славян от мадьяр, а не от печенегов. Отмечая, что дистанция в 10 дней пути между славянами и печенегами встречается у трех авторов — Ибн Русте, Гардизи и ал-Марвази, — Д.Е. Мишин предположил, что ошибку допустил сам автор «Анонимной записки», и эта ошибка отразилась в сочинениях ее передатчиков (Мишин 2002. С. 54–55).

Рассказ ал-Баكري:

Что же касается печенегов, то путь в их страны идет от Джурджании 12 фарсахов до горы, которая называется Хорезмийской горой, на вершине ее башня, а у подножия ее жилища народа из Джурджании, который имеет там пашни. И они (печенеги. — Т.К.) народ кочующий; такой, который следит за местами, где выпал дождь и где имеется корм. Длина их страны — 30 дней и ширина столько же. На север от них страны джифджах, называемые также кифджах (кипчаки. — Т.К.), на юг — страна хазар, на восток — страна гузов, на запад — страна славян. Все эти народы соседи печенегов и воюют друг с другом. У них — богатство, вьючный скот, стада, сосуды из золота и серебра, оружие, у них пояса, богато украшенные, знамена, трубы вместо барабанов. Страны печенегов все ровные, нет в них гор и нет укрепленного места, куда они могли бы спастись (Куник, Розен 1878. С. 58–60; al-Bakri 1992. Vol. 1. P. 445).

В.Р. Розен перевел затруднительное в арабском тексте ал-Бакри место о соседстве печенегов: «ведут с ними меновую торговлю». Б.Н. Заходер, а до него Ш. Дефремери предположили, что из-за неясного выражения в тексте ал-Бакри перевод В.Р. Розена неточен: следует считать, что речь идет не о меновой торговле, а о нападении соседних народов, как у Гардизи (Заходер 1967. С. 73). Ал-Бакри добавил информацию о земледельцах — жителях подножия Хорезмийской горы. Упоминание о лесистых зарослях и бездорожье на пути к печенегам опущено. Он также поведал о принятии печенегами ислама в 400 г. х. (1009/10 г.)¹⁰⁹.

Рассказ ал-Марвази:

И они (печенеги. — *Т.К.*) народ кочевой, который ходит по местам водопоя и пастбищ. Длина страны печенегов — 30 дней пути, и ширина столько же. Многочисленные народы окружают их со всех сторон. К северу от них — страна кипчаков, к юго-западу — страна хазар, к востоку — страна огузов, к западу — страна славян. Все эти народы совершают набеги на печенегов, а печенеги — на них. Печенеги богаты: дикие лошади и стада, домашняя утварь, золото, серебро, оружие, знамена, земли. Между областями печенегов и хазар расстояние в 10 дней пути через степи и лесистые заросли. Нет между печенегами и хазарами проторенной дороги, и они проходят, [ориентируясь] по звездам, приметам местности и наугад (Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi 1942. P. 20–21 [текст], 32–33 [перев.]).

Ал-Марвази выпустил данные о Хорезмийской горе на пути к печенегам и в целом сократил фрагмент.

Соседями печенегов, по данным Гардизи, были на востоке кипчаки, на юге — хазары, на западе — славяне; по сведениям ал-Бакри и ал-Марвази, на севере — кипчаки, на востоке — огузы, на юге или юго-западе (10 дней пути) — хазары, на западе — славяне. Описание рубежей относится к тому времени, когда печенеги жили в так наз. Заволжской Печенегии, куда были вытеснены из Средней Азии огузами (Плетнева 1958. С. 164; Иванов 2000. С. 273–286; Калинина 2009. С. 119–125).

Рассказ Шукруллы ибн Шихаба:

Шестое племя — печенеги. Они всегда находятся в блуждании по своей земле, направляются туда, где выпадает много дождя. Земля их в три дня пути, на три дня. Северный предел их — земля кипчаков, западный предел — область хазар и славян. У них много скота и богатства, оружие, барбан, знамя (De Hammer-Purgstall 1827. P. 107 [текст], 46 [перев.]).

---

¹⁰⁹ Перевод этого фрагмента здесь отсутствует, поскольку относится к позднему времени; он является оригинальной информацией автора.

Рассказ Мухаммада Катиба:

Шестое племя — печенеги. Они всегда находятся в блуждании по своей земле, направляются туда, где выпадает много дождя. Земля их тридцать дней [пути], в длину и ширину. Они граничат с северной границы с Дешт-и Кипчак, с западной границы — с хазарами и славянами. У них имеется скот и неисчислимое богатство, много оружия, барабан и знамя. Они щедры и благородны (Ibidem. P. 122–123 [текст], 64 [перев.]).

Рассказ Хаджжи Халифа ал-Усфури:

Печенеги не имеют определенного места жительства. Они кочуют по стране на протяжении тридцати дней. С одной стороны они соседят с Дешт-и Кипчак, с другой — с хазарами и славянами (Ibidem. P. 130 [текст], 71 [перев.]).

Как видно, поздние компиляторы сохранили лишь основные мотивы рассказа «Анонимной записки» о печенегах; изменены или искажены сведения «Анонимной записки» об их границах: Шукрулла ибн Шихаб и Мухаммад Катиб рубежом между хазарами и печенегами считают запад; здесь, кроме хазар, в качестве соседей фигурируют также славяне. Мухаммад Катиб и Хаджжи Халифа пользуются известным в их время термином *Дешт-и Кипчак*, хотя пересказывают ранние материалы, когда этот термин еще не употреблялся.

Рассказ «Худуд ал-‘Алам»:

§ 20. Речь о тюркских печенегах. К востоку от этой страны — пределы гузов; к югу от нее — те из буртасов и барадасов; к западу от нее — мадыры и русы; к северу от нее — [река] Руга. Страна эта во всех отношениях напоминает [страну] кимаков и они воюют со всеми своими соседями. У печенегов нет городов; их глава [происходит] из них же самих.

§ 47. Речь о стране хазарских печенегов. К востоку от нее аланы, к западу от нее море Гурз, к северу от нее мирваты. Этот народ был прежде группой турецких печенегов, они пришли сюда, завоевали страну и поселились здесь. У них есть войлочные хижины и палатки, крупный рогатый скот и овцы. Они скитаются по этой области в зависимости от пастбищных земель, находящихся в Хазарских горах. Хазарские невольники, попадающие в мусульманские земли, в основном [происходят] из них (Hudūd al-‘Alam 1937. P. 101, 160).

Как можно заметить, автор «Худуд ал-‘Алам» приводит иную информацию о печенегах, чем прочие авторы. Он разделяет два вида печенегов. В § 20 материалы о тюркских печенегах относятся к тому населению, что пребывало за Волгой. Константин Багрянородный утверждал, что в его время, т. е. уже в X в., часть печенегов оставалась под властью

огузов в междуречье Волги и Урала (Константин Багрянородный 1991. С. 154 [текст], 155 [перев.]). Замечание автора «Худуд» о воинственных отношениях тюркских печенегов с соседями относится к рассказу из «Анонимной записки», т. е. к тому времени, когда печенеги еще сохраняли независимость. Гардизи, ал-Бакри и ал-Марвази рассказывали о богатстве печенегов; Ибн Фадлан же, проходящий через те же земли несколькими десятилетиями позднее, в 922 г., был поражен их бедностью. Это подтверждает то обстоятельство, что в рассказе «Худуд» о тюркских печенегах речь идет о жителях старых мест обитания, тогда как Ибн Фадлан видел только оставшуюся после переселения основной массы обедневшую часть.

Информация «Худуд» в § 47 о хазарских печенегах относится к перешедшим Волгу и соседящим с хазарами печенегам, это новые данные. Об этих печенегах писал ал-Истахри в 30-х гг. X в. и позднее повторил Ибн Хаукал:

«Оторвалась группа тюрок от своей земли и оказалась между хазарами и Румом, называются они печенеги (*баджанакийя*). Не стало им на земле места в прежние времена, и вот захватили ее (землю между хазарами и Румом. — Т. К.) и завоевали ее» (BGA I. P. 10; BGA II, P. 15).

Автор «Худуд», опираясь на данные разных источников, считает восточной границей тюркских печенегов область огузов, южной — буртасов и барадасов¹¹⁰, северной границей названа некая река Рута, западной — мадьяры и русы. Река Рута, вероятнее всего, идентична Дунаю: *Дуна*, с ошибкой в графике. Видимо, пределы тюркских печенегов спутаны с границами хазарских печенегов, отошедших за Волгу; эта часть народа, действительно, уже граничила в X в. с Дунаем. Соседство тюркских печенегов с мадьярами и русами тоже отражает на самом деле полученные автором «Худуд» сведения о «хазарских» печенегах, в X в. уже соседящих и с мадьярами, и с Древнерусским государством. Изменение данных «Анонимной записки», таким образом, может объясняться дополнительными свидетельствами, полученными автором «Худуд», о печенегах в восточноевропейских степях: именно их он назвал «хазарскими печенегами». Однако механическое соединение материалов о печенегах за Волгой, принадлежащих «Анонимной записке», и информации о печенегах, ушедших на запад (возможно, относящейся к известиям ал-Истахри), заставляет относить

---

¹¹⁰ Заметим, что это один и тот же народ, принятый автором «Худуд» за два разных (Бартольд 1975. Т. VIII. С. 526; Новосельцев 1986. С. 391; Мишин 2000. С. 57–58). Есть гипотеза, что *буртас* и *барадас* — это разные народы (Бубенок 2009).

ся к сообщениям «Худуд ал-‘Алам» весьма осторожно (подробно об информации «Худуд» о печенегах и их соседях см.: Hudūd al-‘Alam 1937. P. 160–162, 442–444; Новосельцев 1986. С. 390; Мишин 2000. С. 56–57).

В «Худуд ал-‘Алам» сказано также, что печенеги находятся к северу от бургасов (Hudūd al-‘Alam 1937. P. 102), но само по себе это утверждение требует тщательного анализа, как и все сообщения неизвестного автора «Худуд» о расположении народов.

Описание пути от среднеазиатского города Ургенча (*Джурджанийи*) до района тех печенегов, которых автор «Худуд ал-‘Алам» назвал тюркскими, сохранилось в трудах Гардизи, ал-Бакри, ал-Марвази. Автор «Худуд» совсем не упоминает о дороге к печенегам. Поздние авторы Шукруллах ибн Шихаб ал-Фариси, Мухаммад ал-Катиб, Хаджжи Халифа тоже не говорят об этом пути, сохранив лишь краткий пересказ данных «Анонимной записки».

Маршруты из Средней Азии на запад существовали издавна. Часть Великого шелкового пути шла с Востока, из Индии и Китая, минуя старейшие городские центры Средней Азии Самарканд и Бухару, далее проходила через Кят, древнюю столицу Хорезма, расположенную восточнее Амударьи, на юго-западной окраине современного города Беруни в Узбекистане (Бартольд 2002. С. 475; Негматов 1977. С. 53). От него до Ургенча (*Джурджанийи*), по данным ал-Истахри, было 3 дня пути (BGA I. P. 341). Ургенч (впоследствии известный до нового времени как Куня-Ургенч, современный Кёнеургенч в Туркменистане) описывался арабскими авторами X в. как большой центр на левом берегу Амударьи, с четырьмя воротами и дворцами (BGA I. P. 341–342). Ал-Истахри характеризовал его как «самый большой город в Хорезме после столицы (т.е. Кята. — *Т.К.*), это место торговли с огузами, отсюда отправляются караваны в *Джурджан* (Горган, область на восточном берегу Каспия, граничащая с Табаристаном. — *Т.К.*), в [землю] хазар и в Хорасан» (BGA I. P. 299).

«Анонимная записка» считала Ургенч начальным пунктом на пути к печенегам. От него дорога шла мимо Аральского моря, достигала Хорезмийской горы (восточный Чинк плато Устюрт), которая, как считал ал-Бакри, находилась на расстоянии 10 фарсахов от Ургенча. Разведки с воздуха показали большую, отмеченную каменными караван-сараями и колодцами, дорогу до нижней Эмбы (Толстов 1948. С. 263). Ал-Бакри отмечал, что на вершине Хорезмийской горы есть башня, у подножия которой обитают жители Ургенча. Археологами выявлена цепь укреплений вдоль Чинка Устюрта с сигнальными башнями, сложенными из

тесаного камня (Там же. С. 249). Строительство их относится к X в., поэтому информация ал-Бакри является оригинальной; в «Анонимной записке» IX в. ее, вероятнее всего, не было.

Между сухим плато Устюрт и р. Эмба, через 10 дней пути, начиналась более благодатная земля, возможно, низменность между Каракумами и Северным Чинком Устюрта, в которой, как писал Гардизи, все же недостаточно травы. «Анонимная записка» ничего не говорит о переправе через Эмбу и отмечает, что весь путь до печенегов занимает 17 дней, а сама их страна простирается на 30 дней пути. Путь был нелегок: 10 дней пути между странами печенегов и хазар, как и славян (?), бездорожье, леса, непроторенные дороги.

Примерно тот же путь, описанный в «Анонимной записке», проделал Ибн Фадлан спустя несколько десятилетий (Ковалевский 1953), что облегчает понимание этого маршрута.

Посольство, в котором участвовал Ибн Фадлан, вышло из Багдада в июне 921 г. Караван миновал Хамадан, Рей, Нишапур, Серахс, Мерв, восточные Каракумы; переправившись через Амударью, дошел до Бухары и оставался при дворе саманидского эмира Насра ибн Ахмада (914–943) двадцать восемь дней. Из Хорезма (города Кят) гости вернулись к Амударье и отправились до Ургенча, где пережидали зиму до марта 922 г., запасались теплыми вещами и выючными животными — верблюдами. Выйдя из Ургенча, путешественники прошли плато Устюрт, иногда отдыхая на стоянках. По прошествии 15-дневного путешествия путники преодолели некую гору (Северный Чинк плато Устюрта?) и дошли до территорий, занятых племенами тюрок-огузов. Исследователи считали, что Устюрт был под контролем или хорезмийцев (Толстов 1948. С. 249), или огузов, хотя археологически это предположение не подтверждается (Гарустович, Иванов 2001. С. 100). То обстоятельство, что на сохранившихся картах из труда Ибн Хаукала все восточное побережье Каспия названо «пустыней гузов», не может свидетельствовать о контроле огузов над Устюртом (Там же), поскольку географические воззрения Ибн Хаукала в данном случае едва ли в точности соответствовали реалиям.

Огузы состояли из многочисленных племен. По рассказу Ибн Фадлана, часть их, особенно аристократия, встречала посольство, принимая дорогие подарки. На простых огузов гости из Багдада произвели впечатление необычайное: «Это нечто такое, чего совершенно мы не видели и о чем не слыхали, и мимо нас [никогда] не проходил посол какого-либо государя с тех пор, как существуем мы и отцы наши» (Ковалевский 1953. С. 124). Из этого следует, что политические взаимосвязи между народами по торговому маршруту не практиковались, хотя в торговле,

судя по рассказу Ибн Фадлана, огузы принимали участие. По упоминаниям араба, огузскому населению явно недоставало питания, поскольку выкупом за свой проход арабскому посольству послужил хлеб (Там же. С. 126).

Далее из земли огузов путь шел по переправам рек Чаган (?), (у подножия Северного Чинка), Эмба, Сагыз (?), Уйыл (?) или Уил (?), Эрден (?), Варыш (?), Б. Анкаты (?), М. Анкаты (?) (две последние впадали в оз. Челкар) ([Гараева] 2006. С. 728, примеч. 380, 384–388; Гарустович, Иванов 2001. С. 20: Уил — Узил; Эрден и Варыш — Кандагайты и Оленти; Анхаты и Вабна — Большая и Малая Анкаты, впадающие в оз. Шалкар). Переправившись через эти реки, Ибн Фадлан попал к печенегам. Информация о них состоит всего из нескольких фраз:

«И вот они (печенеги. — *Т. К.*) остановились у воды, похожей на настоящее море. Они — темные брютеты с совершенно бритыми бородами, бедны в противоположность гузам (*ал-гузийя*). Мы остановились у печенегов на один день. Потом мы отправились и сделали остановку у реки Джайх (Яик, т. е. Урал. — *Т. К.*)» (Ковалевский 1953. С. 128).

Озером, близ которого Ибн Фадлан застал печенегов, было Челкар (Шалкар)¹¹¹ (Плетнева 2003. С. 117), существующее и поныне, образованное левыми притоками Урала Солянкой и Исень-Анкаты и находящееся на территории современного Западного Казахстана.

От печенегов путь шел к волжским булгарам. Переправившись с трудностями и людскими потерями через широкий Урал, караван двинулся через реки Чеган (?) — правый приток Урала, Иргиз (?), Мочу (?), Самару (?), Кинель (?), Сок (?), Кундурчу (?) ([Гараева] 2006. С. 729, примеч. 390–396) и вышел к территории башкир-язычников, чьи обычаи произвели далеко не лучшее впечатление на мусульман. Далее путники пересекали реки Б. Черемшан (?), Урень (?), Урым (Урем, Урам?), Майну (?), Удгу (?), Неясновку (?), М. Черемшан (?) (Там же. С. 729–730, примеч. 397–403). После этого длинного пути, в целом занявшего 70 дней, караван достиг территории волжских булгар.

Арабское посольство преследовало главным образом политические цели. Однако Булгар как центр разветвленной торговли, имевший с Хорезмом длительные и прочные связи, был давно и прочно известен (Валеев 1995. С. 60–68). Именно земли обедневших печенегов лежали на указанном отрезке Великого шелкового пути, хотя судить об их роли

---

¹¹¹ В.В. Бартольд полагал, что этим озером было Яман-Сор в Уральской области, ныне в Западном Казахстане (Бартольд 1965. Т. II, ч. 1. С. 823, примеч. 19).

в этой торговле затруднительно из-за отсутствия данных (Киселева 2008). Тем не менее можно отметить, что бедность оставшихся в Приволжско-Уральских степях печенегов может объясняться тем, что, входя в состав огузского конгломерата племен, они вынуждены были подчиняться огузской аристократии, в руках которой, как можно понять из рассказа Ибн Фадлана, и была сосредоточена торговая деятельность. Торговля вела за собой социальное расслоение, и часть населения, в том числе печенежского, стала «ятуками» («джатаками») — бедняками, осевшими на земле по причине утери кочевого скота (Togan Zeki Validi 1939. S. 246; Толстов 1948. С. 247).

Путь из Ургенча к печенегам и далее в Волжскую Булгарию сохранялся в течение долгих веков. Еще в XV в. по этому маршруту, с китайскими и прочими товарами, из Хорезма в Поволжье, в Сарай-берке прибыл купец по имени ‘Али ибн Мухаммад ал-Куми (или аш-Ширази), а путь весь занимал полтора месяца (Заходер 1967. С. 166–169).

ЭТНОНИМ «БУРДЖАН» В СОЧИНЕНИЯХ АРАБСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГЕОГРАФОВ (ВАРИАНТЫ СООТНОШЕНИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ)¹¹²

В ряде арабских произведений IX–X вв. встречаются этнонимы, упоминающиеся подряд: *ал-абар*, *бурджан*, *ас-сакалиба*. Впервые это сочетание находим в астрономо-географическом труде ал-Фергани (IX в.), где перечисляются земли и города семи климатов, т. е. широтных зон, на которые арабские ученые, вслед за древними греками, делили землю. О самом дальнем климате, находящемся за седьмым, ал-Фергани писал, что последние населенные места начинаются с востока от страны *йаджудж*¹¹³, проходят через страну тогузгузов и землю тюрков, страну алан, *татар*, *бурджан*, *ас-сакалиба*, и примыкают к Западному морю, т. е. Атлантике (Al-Fraganus 1669. P. 38; Калинина 1988. С. 129, 130). Упоминание татар в издании XVI в. книги ал-Фергани ошибочно; вероятно, первоначальный, затем искаженный вариант был «авар» (*ал-абар*), как можно понять из аналогичного описания климатов географа начала X в. Ибн Русте, где вместо *ат-татар* как раз и стоит *ал-абар* (BGA VII. P. 98). Почти аналогичные материалы о последнем населенном климате приводят и другие ученые. Однако некоторые из них или опускают имя *ал-абар* (как ал-Йа'куби — al-Ja'qûbî 1883. P. 94) или заменяют его на *ас-Сарир* (как ал-Марвази — Marvazi 1942. P. 14).

Ученый-энциклопедист первой половины X в. ал-Мас'уди в «Книге предупреждения и пересмотра» тоже называл три народа вместе — *бурджан*, *ас-сакалиба* и *ал-абар*. Перечисляя области Земли, он придерживался иранской, а не греческой системы, хотя и не пользовался персидским термином «кешвар», предпочитая термин «климат» (*иклим*):

«Распределение климатов обитаемой земли Севера сделано так, что они расположены по окружности. В ее середине помещен четвертый климат, т. е. климат Вавилона, а шесть остальных — по окружности

---

¹¹² Впервые опубликовано: ДГ, 2011 г.: Устная традиция в письменном тексте. М., 2013. С. 192–217.

¹¹³ Арабы располагали народы или страны йаджудж и маджудж, соответствовавшие библейским Гогу и Магогу, на Дальнем Востоке, позднее — на крайнем севере Земли (Калинина 2010).

вокруг него. Каждый климат имеет 700 фарсахов как в длину, так и в ширину. Первый климат — Индия, второй — Хиджаз, третий — Египет и Тунис, четвертый — Вавилон и Ирак, пятый — Византия, шестой — Йаджудж и Маджудж, седьмой — Йамарис и Китай» (BGA VIII. P. 32).

Однако далее в подробном описании земель внутри климатов ал-Мас‘уди пользуется схемой, схожей с той, которая представлена в книге ал-Фергани:

«Граница пятого климата — море Сирии (Средиземное. — *Т. К.*) до самой дальней земли Византии (*ар-Рум*), что у моря, и [проходит] до Фракии и страны *бурджан*, *славян* и *авар* до пределов земли йаджудж и маджудж и [простирается] до границы четвертого климата со стороны Нисибина» (Ibid.).

Соседство областей бурджан, славян и авар с Византией и Фракией может опираться на ту же устную традицию, которая заставляла арабских ученых упоминать эти три народа — праболгар (*бурджан*), славян и авар вместе.

Ученый IX в. Ибн Хордадбех не пользовался теорией климатов, но тоже упоминал эти народы вместе: «*Румийа*, *бурджан*, страны *ас-сакалиба* и *ал-абар* расположены севернее *ал-Андалуса*» (BGA VI. P. 92; Ибн Хордадбех 1986. С. 91). Ибн ал-Факих (писал в 903 г.), во многом опиравшийся на сочинение Ибн Хордадбега, повторил пассаж последнего, исключив из него название Византии: «*Бурджан*, страны *ас-сакалиба* и *ал-абар* — к северу от *ал-Андалуса*» (BGA V. P. 83–84). Эти известия можно перевести следующим образом: «Византия (только у Ибн Хордадбега. — *Т. К.*), страны придунайских болгар, славян и авар расположены севернее мусульманской Испании». Однако переводчица и комментатор текста Ибн Хордадбега Н. Велиханова предложила гипотезу, по которой *Румийа* — это Рим; *бурджан* — «название, данное дунайским болгарам, которые упоминаются в источниках и как болгары. Однако так Ибн Хордадбех мог называть и бургундов, которые в это время занимали обширную область на юге и юго-востоке совр. Франции и Швейцарии; *ал-абар*, здесь, видимо, “иберы” — древние обитатели Испании; страны *ас-сакалиба* — это, в основном, страны, населенные славянами; но, судя по источникам, такое название можно отнести и к вообще народам северо-восточной Европы, ибо исторически известно, что в VI–VII вв. места, освободившиеся от передвинувшихся на запад и юг германских племен, были заселены западнославянскими племенами» (Велиханова 1986. С. 91, 267–268, примеч. 7). Интерпретация этнонима *ал-абар* как «иберы» сомнительна:

арабские авторы обычно именовали обитателей Испании *ал-иш(с)бан*, а население северной, христианской части — «неверными» *ал-иш(с)бан*» (т. е. немусульманами-испанцами: Ибн Кутайба, ал-Мас‘уди, ал-Бакри и др.). Фразу «к северу от Испании» нельзя считать решающей, поскольку ни книга Ибн Хордадбега, ни сочинение Ибн ал-Факиха (само по себе компилятивное) не содержат достаточных материалов для определения их пространственной ориентации; к тому же авторы используют разные источники. Таким образом, фрагмент не дает ответа на вопрос, к какому народу относится в нем этноним *бурджан*, однако упоминание трех народов устойчиво.

Не исключено, что перечень трех народов — бурджан, авар и славян — у ряда арабских авторов восходит ко времени существования тесных политических отношений (пра)болгар, славян и авар в Европе вплоть до времени падения Аварского каганата; упоминание их вместе вошло в устную традицию. Подобное применение традиционной информации о давних временах в эпоху, современную автору, весьма характерно для всей арабской литературы.

Это хорошо подтверждается известиями Ибн Русте. Выше его имя было упомянуто, когда он называл *бурджан* в описании климатов земли. Эти сведения были взяты из труда ал-Фергани или кого-то, кто передавал сведения ал-Фергани. Но кроме того, Ибн Русте знал сочинение Харуна ибн Йахьи, побывавшего в византийском плену и написавшего ок. 900 г. книгу о своих приключениях, из которой сохранились только отрывки в произведениях других авторов. Рассказ Харуна ибн Йахьи в передаче Ибн Русте таков:

«Из этого города Рима ты плывешь по морю и путешествуешь три месяца, пока не достигнешь короля *бурджан*. Ты путешествуешь оттуда по горам и долинам в течение месяца, пока не достигнешь земли франков. Оттуда ты путешествуешь еще четыре месяца, пока не достигнешь столицы Британии. Это большой город на берегу Западного океана, управляемый семью королями» (BGA VII. P. 130).

Королем *бурджан* могли быть: Бозон Вьеннский, который был избран королем Бургундии в 879 г., Людовик, коронованный в 890 г., или Карл Толстый (885–888), который ненадолго объединил восточных франков, лангобардов и западных франков. Сведения о столице Британии относятся к тому времени, когда там существовала гептархия — до 827 г. (Marquart 1903. S. 269–270).

Таким образом, этноним *бурджан* встречается и как название бургундов, а не только в сочетании *буржан*, *ас-сакалиба*, *ал-абар*.

Ибн Хордадбех, рассказывая со слов бывшего византийского пленника Муслима ал-Джарми о военно-административном делении Византии, писал, что границами второй византийской фемы Таракии (Фракии или Диррахии? — *Т. К.*) были «на востоке — стена¹¹⁴, на юге — фема Македония, на западе — страна *бурджан*, с севера — море Хазар (здесь: Черное. — *Т. К.*). Длина ее — 15 дней пути; ширина ее — 3 дня пути. Здесь 10 крепостей. Третья фема называется Македония, рубежи ее: на востоке — стена, на юге — море Сирии (Средиземное. — *Т. К.*), на западе — страна славян, а на севере — [страна] бурджан» (BGA VI. P. 105). Едва ли можно сомневаться в том, что здесь названы придунайские болгары.

Ал-Мас'уди рассказал о выкупе пленных арабов в 845 г., когда на свободу вышел Муслим ибн Абу Муслим ал-Джарми. Именно его цитировал в разделе о Византии Ибн Хордадбех, хотя сведений о самом ал-Джарми в сохранившемся варианте его книги нет. Зато ал-Мас'уди писал: «Он (Муслим ибн Абу Муслим ал-Джарми. — *Т. К.*) занимал высокое положение в ас-Сугуре (арабо-византийской пограничной области. — *Т. К.*), знал население Византии и ее земли. Ему принадлежат сочинения по истории Византии, их (византийцев. — *Т. К.*) царях и высших сановниках, об их стране, о путях и дорогах ее, о периодах [благоприятных] для нападения на нее и набегах на нее, о соседних с ними странах [из числа] *бурджан*, *ал-абар*, *ал-бургар*, *ас-сакалиба*, *ал-хазар* и прочих» (BGA VIII. P. 190–191). Традиция сохранения имен трех народов присутствует, но названы также *ал-бургар* — сирийская форма этнонима «болгары» в трудах ал-Мас'уди. Й. Маркварт считал, что речь здесь идет о дунайских болгарях (*бурджан*) и болгарях на Кубани (*бургар*) (Marquart 1903. S. 28–29), хотя такая идентификация ничем не подтверждается.

Ал-Мас'уди также писал:

«[Мы сообщили] известия о стене, которая по-румейски означает Макрун Тайхус, что означает «Длинная стена», она, как мы упоминали, служит преградой между страной *бурджан* и пятью округами, расположенными за Константинополем. Стена была возведена между двумя высокими горами и находится за огромной рекой, именуемой по-славянски Дунаба (Дунай. — *Т. К.*), ее ширина около 3 миль, как мы упоминали выше. На ней (т. е. на берегах реки. — *Т. К.*) живет множество болгар (*ал-бургар*), славян и прочих народов, продвинувшихся на север» (BGA VIII. P. 183).

---

¹¹⁴ «Стена» (Длинная или Долгая) была внешним рубежом обороны Константинополя. См. о ней выше с. 28.

Учитывая, что ал-Мас'уди был знаком с византийской традицией, можно предположить, что бурджанами названы (пра)болгары, которые в конце V — начале VI в. напали на Иллирию, Мёзию и Фракию; в VI в. под предводительством Котрага переправились на южный берег Дуная; с середины VII в. в нижнее Подунавье пришли другие виды (пра)болгар, которые в VIII в. враждовали между собой, делая вылазки и в сторону Византии (Ангелов 1981. С. 116–121; Васильев 1998. С. 321–323; Кляшторный 2004. С. 148). Приходится признать, что ал-Мас'уди, скорее всего, в данном случае использовал разные источники и под именами «бурджан» и «бургар» подразумевал различных болгар, в разные времена действовавших на берегах Дуная.

Итак, восходящие к разным источникам известия о бурджанах могли относиться к (пра)болгарам в Центральной Европе, балканским болгарам и бургундам (ŽA I. S. 89, nota 32; ŽA II. S. 56–57, nota 51).

Если в приведенных примерах можно говорить о применении термина *бурджан* в отношении (пра)болгар, придунайских болгар либо бургунов с оговоркой, то имеются примеры его использования в отношении придунайских болгар без сомнения.

Ал-Мас'уди рассказывал о Юстиниане Ринотмете, который был сослан на какой-то остров (ал-Мас'уди не называет ни Таврику, ни Херсонес), оттуда Юстиниан бежал и, «оказавшись у царя хазар, обратился за помощью. Там он женился, но не получил того, на что рассчитывал, и ушел к царю *бурджан* Тарфале». Юстиниан выступил вместе с Тарфалой, царем *бурджан*, и его многочисленным войском, начал с Абсмаром войну и сверг его. Дело завершилось тем, что Юстиниан стал царем во второй раз и пообещал Тарфале, царю *бурджан*, что если вернет себе царство, то будет вносить ему ежегодно харадж (Maçoudi 1879. T. V. P. 224–225; BGA VIII. P. 164–165). Понятно, что рассказано о Юстиниане II (685–695 и 705–711), болгарском хане Тервеле (700–721) и Абсмаре (Тиверий III Апсмар, византийский император в 698–705 гг. — *Примеч. Б.Е. Рашковского*), полководце императора Леонтия, убитом Юстинианом в 707 г.

В той же главе ал-Мас'уди сообщает о царе Накафуре, сыне Астабрака, который погиб в 193 г. х. (25 окт. 808 — 14 окт. 809 г.) в войне, которую он вел с *бурджанами*» (Maçoudi 1863. T. II. P. 337; BGA VIII. P. 168–169). Речь идет о Никифоре I Генике, правившем с 802 г.; в 809 г. он начал войну с болгарским царем Крумом (802–814) и погиб в 811 (не 809) г.

Эти истории не оставляют сомнений в том, что бурджаны здесь — придунайские болгары. Однако в ряде случаев этноним *бурджан*

в сочинениях ал-Мас‘уди трудно соотнести с каким-либо определенным народом.

Часто ал-Мас‘уди применял этноним *бургар*. Примером использования этого названия, как и неясности для самого автора в отношении народа болгар, является следующий пассаж:

«Царь *ал-бургар* в это наше время, а это год 332 (943), мусульманин, а принял ислам он в дни Муктадира биллахи после 310 (922) г., по причине сна, который он увидел. А сын его уже раньше совершил паломничество и достиг Багдада и привез с собой для ал-Муктадира знамя, савад и деньги. У них есть соборная мечеть. Этот царь совершает походы на Константинополь, с 50000 всадников и более, и производит набеги вокруг него (города) [и] в страны Румийа, ал-Андалус, землю *бурджан*, *ал-джалалика* и *ал-ифранджа*. От него до Константинополя около 2 месяцев непрерывного пути через обитаемые земли и степи» (Maçoudi 1863. Т. II. P. 16).

Этот пассаж давно известен исследователям. Здесь спутаны разные цари и события. Информация относится к разным болгарам — волжским, которые приняли ислам в 922 г. при царе Алмуше, что хорошо известно из «Записки» Ибн Фадлана, и придунайским, чей царь Симеон в это время воевал с Византией (Marquart 1903. S. 68, 149–150; Ковалевский 1956; Васильев 1998. С. 417–423). На западноевропейские же территории — Италию, мусульманскую Испанию, земли бургундов, галисийцев и франков — между 899 и 955 гг. нападали мадьяры. Следовательно, в путаной картине, нарисованной ал-Мас‘уди, под этнонимом *ал-бургар* угадываются сведения о волжских булгарах, придунайских болгарях и, возможно, мадьярах; *бурджанами* здесь названо население Бургундии.

«Мурикис, царь Рума, послал Абарвизу два миллиона динаров, сто тысяч всадников; кроме того, он послал в подарок тысячу платьев из царской парчи, сотканной золотом красного и других цветов, сто двадцать девушек из царевен *бурджан*, галисийцев, славян, басков и других народов, соседних с Румом; на головах их были короны из драгоценных камней» (Maçoudi 1863. Т. II. P. 220–221).

Речь идет о византийском императоре Маврикии (582–602), который помог сасанидскому царю Хосрову II Парвизу (521–628) в борьбе с Бахрамом Чубином и заключил с Хосровом долгосрочный мир. К сожалению, угадать, кто такие девушки из *бурджан*, в данном случае невозможно; можно лишь осторожно предполагать, что соседство галисийцев изобличает жительниц Бургундии.

Имя *бурджан* встречается у ал-Мас'уди также в рассказах об императоре Константине I (306–347).

«Он (Константин. — *Т. К.*) построил его (город. — *Т. К.*) и дал ему свое имя, которое сохраняется и сейчас. Пока он занимался строительством его, он [получил] новое известие со стороны одного из царей *бурджан*, которое показалось ему любопытным. Из-за опасения вмешательства одного из персидских царей из рода Сасана и [случились] выход его (Константина. — *Т. К.*) из Румии (т.е. Рима. — *Т. К.*) и принятие им веры христианской...» (Ibid. P. 311). «Константин увидел во сне сияющий крест, а это было в то время, когда он вел войну с царем *бурджан*, и ему было сказано: “У него (Бога. — *Т. К.*) проси помощи против твоего врага, и победишь его”» (Ibid. P. 314–315).

Сасанидский царь — это Шапур II (309–379), с которым у Константина были отношения временного паритета, нарушенные перед самой смертью Константина, когда Шапур в 336 г. решил начать войну. Известно, что Константин временами привлекал франков и бургундов на службу, поскольку те хотели стать федератами Римской империи (Корсунский, Гюнтер 1984. С. 133). Может быть, речь идет о победоносной войне с сарматами на Дунае в 332 г.: ал-Мас'уди назвал бурджанами сарматов, живших во времена Константина на Дунае, поскольку, как было показано выше, он считал бурджан одним из придунайских народов. А предшественник ал-Мас'уди, ученый первой половины IX в. ал-Хорезми, участвовавший в изготовлении всемирной карты для халифа ал-Ма'муна (813–833), писал, что считает Сарматию землей бурджан (см. ниже). Ал-Мас'уди же рассказывал, что видел эту карту; возможно, именно отсюда он мог почерпнуть подобное представление.

Впрочем, речь может идти и не о конкретном народе, жившем во времена Константина Великого и связанными с ним событиями, а лишь о применении этнонима *бурджан* в силу известной ал-Мас'уди устной традиции.

Ал-Мас'уди писал, что византийский император Феофил (829–842) в 837 г. захватил и разорил крепость Запетру на сирийской границе (Maçoudî 1871. Т. VII. P. 133–134)¹¹⁵, причем в его войске были, кроме своих воинов, цари *бурджан*, *ал-бургар*, *ас-сакалиба* и другие владыки

---

¹¹⁵ В тексте допущена ошибка: Зибатра (Запетра) якобы находится на хазарской границе. Но крепость Запетра находилась на границе с ал-Джазирой в верхней Месопотамии, а не на хазарской границе, что подтверждается рассказом о тех же событиях в «Книге пересмотра». Арабские слова *ал-джазирийя* и *ал-хазарийя* разнятся постановкой одной точки в первой букве.

соседних народов (Ibid.). В более поздней «Книге предупреждения и пересмотра» ал-Мас‘уди при описании тех же событий не упоминал соседних с Византией народов, а указывал сторонников Феофила — хуррамитов, последователей антиисламского и антихалифского движения в Иране и Средней Азии (BGA VIII. P. 169–170). Видимо, при описании этой войны были использованы разные источники. Не исключено, что этноним *бурджан* здесь означает бургундов, которые, как и придунайские болгары (*ал-бургар*) и славяне (*ас-сакалиба*), служили в гарнизонах византийских войск. Об этом ал-Мас‘уди писал:

«Вошли многие из них (русов. — *Т.К.*) в настоящее время в сообщество Византии, подобно тому как вошли армяне, болгары (*ал-бургар*), а это один из видов славян, и печенеги из [числа] тюрков. Они (византийцы. — *Т.К.*) разместили их (представителей перечисленных народов. — *Т.К.*) гарнизонами во многих своих крепостях, примыкающих к границе Сирии, обратили их против *бурджан* и других народов, враждебных им (византийцам. — *Т.К.*) и окружающих их (византийцев. — *Т.К.*) владения» (Ibid. P. 141).

Здесь тоже нельзя сказать со всей определенностью, кто такие *бурджаны*: разные наименования болгар, с которыми шли постоянные войны, что не мешало отдельным представителям болгар служить Византии, а не своему царю; это могли быть мадьяры; не исключены и бургунды.

В перечислении тем, которых ал-Мас‘уди касался в своих более ранних, к сожалению, не сохранившихся, книгах, он упоминал «о знаменитых сражениях и войнах, происходивших между румийцами, *бурджанами*, булгарами (*ал-бургар*), тюрками и прочими народами...» (Ibid. P. 196). Возможно, здесь ал-Мас‘уди имел в виду придунайских болгар или мадьяр, болгар волжских или придунайских (их путаница в представлениях нашего автора была показана выше).

Двойко можно понимать отрывок из сочинения ал-Фазари (VIII в.), который приводил ал-Мас‘уди:

«Область хазар и алан — 700 на 500 фарсахов; область бурджан — 1500 на 300 фарсахов; область славян — 3500 на 700 фарсахов; область Византии с Константинополем — 5000 на 420 фарсахов» (Maçoudi 1867. T. IV. P. 38–39)¹¹⁶.

¹¹⁶ Сами цифры (длину или ширину стран или дорог, количество населения или воинов) в арабских сочинениях нельзя принимать как абсолютно достоверные в силу специфики арабской литературы в целом: возможного стихотворного влияния, использования разнообразных источников, искажений при переписке цифровых данных и т. п.

Можно осторожно предположить, что упоминание области бурджан перед славянами и Византией соответствует Дунайской Болгарии (Гаркави 1870. С. 9, 11; ŽA II. S. 25; Калинина 1995. С. 510), хотя перечисление областей хазар и алан до территории бурджан может и противоречить такому выводу.

Итак, информацию ал-Мас‘уди о бурджанах нельзя назвать точной и определенной; она противоречива и многозначна как вследствие использования разных источников, так и по причине весьма своеобразных географических представлений автора.

Этноним упоминался и другими писателями. Так, он встречается в одном из разделов книги «Облегчение после тяжести» ат-Танухи (ум. 994 г.), представителя развлекательного жанра (*‘адаба*) в арабской литературе. Глава посвящена различным забавным случаям времени арабо-византийских войн, где этноним *бурджан* встречается как синоним придунайских болгар (Canard 1973. P. 51–72).

Ат-Табари (838–923 гг.), повествуя об осаде арабами Константинополя в 717 г., упомянул о том, что некий отряд *бурджан* напал на отряд Масламы ибн ‘Абд ал-Малика, рыскавший по Фракии в поисках запасов зерна и фуража на зиму (at-Tabari 1879. Ser. II. T. 1. P. 1317). Эпизод относится к болгарам во Фракии, которые боролись с арабами как ради собственной безопасности, так и в силу договоренности с византийским императором Львом III (717–741) (Васильев 1998. С. 318–323; Большаков 2010. Т. IV. С. 133)¹¹⁷. Ат-Табари упоминает и о византийском императоре Никифоре: «Был в этом году (193/808–809) убит Накафур, царь Рума, в войне с *бурджанами*...» (at-Tabari 1889. Ser. III. T. 2. P. 550).

Ат-Табари и повторяющий его информацию Ибн ал-Асир (1160–1234 гг.) рассказывали об укреплении стен Дербента Хосровом I Ануширваном (531–579) для защиты кавказских владений от хакана тюрков Синджибу (at-Tabari 1879. Ser. I. T. 1. P. 895–896). На стороне этого владыки, которого исследователи идентифицируют с Истемикаганом (Сильзивулом или Дизабулом), выступали абхазы (спорный этноним, не все исследователи согласны, что имеются в виду именно абхазы), а также народы банджар, баланджар¹¹⁸ и аланы. Название

---

¹¹⁷ Область Берзития (Верзития), упоминавшаяся и ранее в византийских источниках, не имеет никакой связи с северокавказской Берзилией и находится, предположительно, в Македонии. Народ *берсельт* упоминается в труде Феофилакта Симокатты как одно из гуннских племен, переселившихся в Европу при императоре Юстиниане. Эти народы не имеют никакого отношения ни к бурджанам-бурзянам (башкирам), ни к кавказской Берзилии, ни к Варачану армянских источников, как это безосновательно предлагается в статье С.И. Хамидулина (2005).

¹¹⁸ Безапелляционное мнение о том, что название народа и города «баланджар» аналогично имени *бурджан*, основано на случайных созвучиях и небрежном

банджар у ат-Табари в разных рукописях имеет различные формы, что позволяет считать этот вариант искажением, в основе которого лежали пехлевийские формы этнонима *булгар* (Marquart 1903. S. 16; Шмидт 1958. С. 454, 441, примеч. 77); здесь нет известий о бурджанах.

Во фрагменте книги ат-Табари о деяниях Ануширвана I содержится следующая фраза: «Сказал: Ануширван завоевал *бурджан*, затем вернулся и построил ал-Баб ва-л-Абваб (Дербент. — *Т. К.*)» (at-Tabari 1879. Ser. I. T. 1. P. 900). Еще А.П. Новосельцев отмечал необычность упомянутого здесь этнонима *бурджан*, т. к., по его справедливому мнению, в арабской географии он относился по большей части к Дунайской Болгарии (Новосельцев 1990. С. 97, примеч. 174). Разгадка заключается в том, что обычное в арабских рассказах слово «сказал» (*кала*) перед изложением в данном случае относится к Хишаму ибн ал-Калби (ум. ок. 820 г.), который упоминается как автор в абзацах до- и после указанного. Его исторические труды не сохранились. Ат-Табари ссылается на его известия не единожды (at-Tabari 1879. Ser. I. T. 1. P. 990, 991 etc.; Шихсаидов 1986. С. 70); фрагмент о постройке Дебента и этноним *бурджан* здесь, по всей видимости, принадлежат ал-Калби.

В «Полном своде по истории» Ибн ал-Асира, основой сведений которого были труды предшествующих историков¹¹⁹, тоже есть данные о взаимоотношениях народов абхаз, банджар, баланджар и алан с Хосровом I Ануширваном и Синджибу (Ibn-el-Athiri 1851. Vol. I. P. 316, 319) — информация, почти аналогичная изложенной ат-Табари. Однако Ибн ал-Асир среди материалов о походах Ануширвана упоминал бурджан дважды: после разгромного похода на эфталитов Хосров прошел Балх, Мавераннахр и Фергану, вернулся в Мада'ин, затем завоевал *ал-бурджан*, после чего вернулся и отправил войска в Йемен (Ibid. P. 318). В другом фрагменте историк говорит, что Ануширван совершил поход в Фергану и *ал-бурджан*¹²⁰, а вернувшись, построил города Шабиран, Маскат и Баб ал-Абваб (Ibid. P. 319). Ибн ал-Асир в рассказах о походах Хосрова I Ануширвана тоже ссылается на сведения Хишамы ибн ал-Калби (Ibid. P. 318 etc.), а вероятнее, Ибн ал-Асир пересказывает ат-Табари, который использовал материалы ал-Калби. Сведения Ибн

отношении к письменным источникам, не только арабским, но и византийским, и армянским, что отражено в статье С.И. Хамидулина (2011).

¹¹⁹ Ат-Табари никак не мог «вторить» Ибн ал-Асиру (Там же. С. 161), поскольку первый жил двумя веками ранее последнего.

¹²⁰ Перевод П.К. Жузе, выполненный по Каирскому изданию 1883 г., выглядит иначе: «[Ануширван] совершил поход в Фергану Бурраджан (а не бурджан. — *Т. К.*)» (Материалы по истории Азербайджана 1940. С. 10).

ал-Асира, основанные на данных ат-Табари и ал-Калби (Ibid.), по всей видимости, связывают походы на *ал-бурджан* с вылазками Ануширвана в Среднюю Азию и последующей постройкой крепостей в западном Прикаспии¹²¹, однако никакого конкретного вывода о местонахождении упоминаемых *бурджан* по данным этих историков сделать невозможно.

Арабские писатели уделяли большое внимание теме генеалогии народов. Ибн Кутайба (IX в.) перечислял народы, бывшие, по его мнению, потомками Йафета: славяне, *бурджан*, испанцы-христиане, турки, хазары, народы йаджудж и маджудж (Ibn Coteiba 1850. S. 14). Исследователи считали упомянутых здесь *бурджан* придунайскими болгарами (ŽA I. S. 14, 205, Ods. 9). В одном из фрагментов сочинения «Золотые копи и россыпи самоцветов» ал-Мас‘уди перечислил народы Западной и Восточной Европы: франков, славян, лангобардов, испанцев-христиан, йаджудж и маджудж, тюрок, хазар, *бурджан*, алан, галисийцев (Maçoudi 1864. Т. III. P. 66). В анонимном труде «Мухтасар ал-аджа‘иб» (X в.), считающимся некоторыми учеными частью утерянного труда ал-Мас‘уди «Ахбар аз-заман» (подр. см.: Крачковский 1957. С. 182–184; Крюков 1983. С. 195–196), тоже имеется информация о европейских и других народах как потомках Йафета. Здесь перечислены: «Арминия, испанцы-христиане, русы, *бурджаны*¹²², хазары, турки, славяне, персы, мадан (?), жители островов моря, Китай, болгары (*ал-бургар*), йаджудж и маджудж, греки, лангобарды, франки, мусульманская Испания, Византия и др.» (Крюков 1983. С. 196). Исследователь и переводчик фрагмента В.Г. Крюков справедливо отметил, что «автор не соотносит расселение описываемых народов с какой-либо географической номенклатурой» (Там же. С. 198). Не только указанный автор, но и прочие генеалогические списки народов не имеют этногеографического характера. Поэтому местоположение народов не совпадает с их перечнем: упомянуты народы, живущие в северной части ойкумены, «под созвездием Козерога». То обстоятельство, что они названы подряд, показывает не места их расселения, а лишь родственность этих народов как «детей» Йафета. Впрочем, например, ал-Мас‘уди не всегда соблюдал этот принцип: он называл потомками Йафета галисийцев, бургундов

---

¹²¹ Ошибочное мнение о местонахождении *бурджан* в северокавказских землях, основанное на вышеупомянутых фрагментах, встречается в ряде работ (Marquart 1903. S. 491; Хамидуллин 2011. С. 161). В последнем случае автор произвольно изменяет текст источника: Ибн ал-Асир не называет место встречи хакана и шаха «Бурджан», цитируемый фрагмент относится к совершенно иной теме (см. выше).

¹²² В.Г. Крюков при переводе указал, что считает бурджан придунайскими болгарами (Крюков 1983. С. 195–196).

и франков (Maçoudî 1864. Т. III. Р. 78) — соседние народы. Историк IX в. ал-Йа'куби при перечислении потомков Йафета, расположившихся в северной части Земли (*ал-Джарби*), называл следующие «государства (*мамалик*), а в них народы: *ал-бурджан*, ад-дайлам, ат-таб.¹²³, ат-тайласан, джилан, филан, ал-лан, ал-хазар, ад-дуданийя, ал-арман» (al-Ja'qûbî 1883. Т. I. Р. 203). Здесь перечислены народы, населявшие области южного и западного Прикаспия и Кавказа. Но даже если рассматривать этот перечень не как генеалогический, а как этногеографический, то из него никак не следует вывод о локализации этих бурджан в кавказском регионе, поскольку сразу после *бурджан* названа область юго-западного побережья Каспия Дейлем, далее неясный этноним (если *ал-абар*, то это авары, часть которых оставалась в Прикаспии после переселения в VI в. основной массы в Паннонию; если *ал-бабр* — то это название местности рядом с Тайласаном (см. ниже), находящейся западнее Тальша); Тайласан — вероятно, Тальшан, горная область на границе Ирана и Азербайджана, далее Гилян и Филан — области юго-западного побережья Каспия и только после них упомянуты аланы, хазары и народы Кавказа — *дуданийя* (дидо) и *арман* (армяне). Таким образом, этноним *бурджан* в упомянутом фрагменте «Книги стран» ал-Йа'куби относится к юго-западному Прикаспию (о кавказском регионе на основании вышеуказанных сведений говорили: Marquart 1903. S. 491; Хамидуллин 2011. С. 161).

В Приложении при переводе фрагментов из «Мухатасар ал-'аджа'иб» В.Г. Крюков отмечал старые, анахроничные сведения. Их наличие означает характерное для средневековых, особенно восточных, авторов обращение к старой письменной или устной традиции в передаче вполне современных материалов. Так, в XIII в. арабский ученый Йакут ар-Руми в «Словаре стран», вся информация которого основана на ранних источниках, в разделе о славянах (*саклабу*) привел много старых сведений со слов предшествующих авторов о славянах, и в том числе, со слов Хишама Ибн ал-Калби: к потомкам Йафета относились «греки, славяне, ал-'абдри (абделы, т. е. эфталиты, как у Феофилакты Симокатты? — Т. К.), *бурджаны*, Джурзан, Фар(и)с и Рум; это все народы, которые [располагаются] между этими (славянами. — Т. К.) и западом (*ал-магриб*)» (Jacut's geographisches Wörterbuch 1870. Bd. III. S. 405; Гараева 2006. Т. II. С. 818). Этот генеалогический перечень, как и другие, не предполагает географического распределения народов.

Однако у Йакута есть и более конкретные сведения о бурджанах:

---

¹²³ В рукописи *ат-татар* — прим. ред., однако вероятнее варианты: *ал-бабр*, *ал-абар*.

«*Бурджану*: с [буквой] “джим”. Страна со стороны (т. е. из областей. — Т. К.) ал-хазар. Сказал: Звездочеты [говорят], что она в шестом климате, ее долгота — 40° и широта 45°; мусульмане нападали на нее в дни ‘Усмана — да благословит его Аллах!» (Jacut’s geographisches Wörterbuch. 1870. Bd. III. S. 568).

Есть мнение, что страна *бурджан* в этом отрывке должна находиться близ Кавказа — на том основании, что халиф Осман (644–656) воевал «с хазарами на территории современного Дагестана к северу от Дербента» (Хамидуллин 2011. С. 161). Йакут, как было сказано, собирал сведения многих живших до него авторов о местностях и народах. «Звездочеты», которые помещали бурджан в шестом климате — это ал-Фергани (IX в.)¹²⁴ (Alfraganus 1669. P. 39; Калинина 1988. С. 129, 130), ал-Идриси (XI в.) (Коновалова 2006а. С. 85, 114, 135, примеч. 21, где отмечено, что бурджаны здесь — дунайские болгары) и др. Координаты долготы и широты центра страны бурджан привел Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми, хотя сами цифры координат немного разнятся: у последнего — долгота 45°0′, широта 52°0′ (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 104; Калинина 1988. С. 29, 48. О данных ал-Хорезми см. ниже). Зато город *Бурджан* в шестом климате имеет долготу 40°0′, широту 45°0′ (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 30, 105; Калинина 1988. С. 139, 93, примеч. 1596). Относятся данные этих писателей, вероятнее всего, к Придунайской Болгарии (см. ниже), но никак не к кавказским землям. То обстоятельство, что Йакут назвал бурджан в числе областей Хазарии или рядом с Хазарией, говорит более всего о неясности его сведений, что подтверждается приведенной далее довольно «темной» стихотворной цитатой: «И сказал Абу Нуджайд ат-Тамими¹²⁵: “Мы начали с Гиляна и сотрясли их трон, и отряды истощились в кровопролитных сражениях (далее фраза плохо поддается переводу. — Т. К.). И стали они кочевать между Румом и *бурджаном*» (Jacut’s geographisches Wörterbuch 1870. S. 548). К сожалению, цитата недостаточно понятна и несколько не проясняет здесь название народа *бурджан*.

После этой цитаты Йакут назвал еще и селение и округ Исбахана *ал-Бурдж*, и крепость *Бурдж* ар-Рассас в округе Алеппо близ Антиохии (BGA VI. P. 58; Ибн Хордадбех 1986. С. 75, 220, примеч. 14). Все

¹²⁴ Ал-Фергани помещает бурджан в шестом климате между Византией и славянами, что свидетельствует о бурджанах здесь как о придунайских болгарях.

¹²⁵ Поэт — современник Мухаммада (ум. 657 г.), свидетель ряда завоеваний, которого цитируют и ат-Табари, и Йакут. В литературе было также высказано предположение, что поэт на самом деле — вымышленное лицо, образ которого создал некий представитель рода тамим для утверждения активного участия тамимитов в войнах. (Я благодарю научного сотрудника Института востоковедения НАН Украины Д.А. Радивилова за вариант перевода и разыскания об этом поэте.)

собранные свидетельства Йакута убеждают в том, что у этого автора не было ясного понимания этнонима *бурджан*, встреченного им в разных источниках. Поэтому опираться на его материалы, как на доказательство какого бы то ни было отчетливого местоположения народа *бурджан*, нельзя.

Подробные сведения о бурджанах содержатся в анонимном труде «Мухтасар ал-аджа`иб», о котором шла речь выше (Крюков 2011. С. 195–196):

«Рассказ о царстве *ал-бурджан*.

Что касается *ал-бурджан*, то они из числа потомков Йунана, сына Йафета, и их царство большое и обширное, и они воюют с *ар-Рум*, *ас-сакалиба*, *ал-хазар* и *ат-турк*, и самый сильный народ в войне с ним — *ар-Рум*.

И между ал-Кустантиния и страной *бурджан* 15 дней пути, и само царство *бурджан* имеет размеры 20 дней пути на 30 дней пути, и вся область бурджан огорожена валом, в котором есть проемы, подобные окнам, и этот вал имеет ров, а селения находятся за валом.

Люди *бурджан* — огнепоклонники, и у них нет священной книги, и их кони, которые предназначены для войны, всегда пасутся на пастбищах, и никто из них не садится верхом на них, кроме как во время войны, и если найдется человек, который сел верхом на боевого коня в другое время, они убивают его. Когда они выступают на войну, они строятся в ряды и помещают лучников перед собой и располагают позади строя семьи и детей» (Там же. С. 205).

Исследователи считали эти сведения относящимися к болгарам на Дунае до времени принятия ими христианства, т. е. до 864 г. (обзор литературы см.: Krandžalov 1960. Д. Кранджалов и В.Г. Крюков придерживались того же мнения). За валы принимались раскопанные археологами укрепления близ Плиски, однако эта распространенная среди балканских ученых точка зрения подверглась критике со стороны чешского ученого Д. Кранджалова. Но археологами были открыты длинные валы — укрепления VII–XI вв. в Северо-Восточной Болгарии (Рашев 1982).

Д. Кранджалов отмечал путаницу в воззрениях ал-Мас`уди на этнонимы *ал-бургар* и *бурджан*, а также легендарный характер сведений (Ibid.). В.Г. Крюков подметил, что речь идет о ранних болгарях-тюряках на территории Подунавья, еще не смешавшихся со славянами (Крюков 1981. С. 7–8).

Есть и иные сведения о бурджанах, не связанные с византийской или латинской традицией. Ибн Хордадбех, например, упоминал местечко

ал-бурджан в округе Ардашир Хурра в провинции Фарс (Иран). Наименование селения в некоторых источниках имеет другие формы: ал-Барджан, ал-Фурджан (BGA VI. P. 44; Ибн Хордадбех 1986. С. 71, 75, 201, примеч. 6; 220, примеч. 14). Аналогичное имя есть в описании пути от Фарса до Исфахана; в одной из редакций сочинения Ибн Хордадбега встречается и другое название: Мурдах или Мурджан. Эти разночтения не позволяют идентифицировать топоним.

Ибн Хордадбех называл также некоего Бурджан-шаха среди правителей, имевших титул «шах» при персидском царе Ардашире (220–240) (BGA VI. P. 17; Ибн Хордадбех 1986. С. 61). В этом списке встречаются властители отдельных областей государства Сасанидов, в том числе кавказских, а также владетели доменов Сасанидского государства, завоеванных при Шапуре I (241–272). В другой рукописи зафиксирована форма не *бурджан*, а *ф.р.хан* (Ибн Хордадбех 1986. С. 161, примеч. 15)¹²⁶. В перечне нет ярко выраженной системы: до Бурджан-шаха названы владыка Йемена, затем титул неких арабских царей, далее нерасшифрованный Казаш- или карас-шах; после Бурджан-шаха назван Амукан-шах или ам-ркан-шах — весьма не очевидно, властитель Мугана в Азербайджане (встречается далее, см.), после него назван титул повелителя сабейцев — жителей Харрана, далее перечислены титулы шахов Хорасана, Мугана, Азербайджана, Кирмана, Синда и т. д. Таким образом, упоминание *бурджан* в этом фрагменте не дает возможности идентифицировать народ или царя и не относится к кавказскому региону.

Итак, пока достаточно определенно можно отнести этноним «бурджан» к праболгарам или придунайским болгарам либо бургундам; с осторожностью — к местности в Иране.

Но имя «бурджан» встречается и как название легендарного народа. Так, церковный историк Агапий Манбиджский, описывая климаты земли, писал:

«Шестой климат относят к Месопотамии, одному из островов моря. Жители этого климата — *бурджаны*, славяне, а также народ женщин, которые живут в одной из областей этого климата. Мужчины с ними не живут. Они те, которые называются по-гречески амазонками, т. е. которые всегда отрезают свою правую грудь и прижигают ее, для того,

---

¹²⁶ Переводчица и комментатор текста Н. Велиханова предположила возможность ошибки: речь может идти о Джурджане, т. е. древней Гиркании. Она подчеркнула также, что если первый вариант верен, то и в этом случае не имеются в виду бурджаны — дунайские болгары, территория которых не входила в состав Сасанидской империи (Ибн Хордадбех 1986. С. 161, примеч. 15).

чтобы она не увеличивалась, чтоб быть готовыми к войне и битве. Они называются также независимыми (?) (*харурийат*). А [их обычай таков] потому, что Самирис воевал с ними и убил всех их детей-мальчиков и они обязались по этой причине не растить своих детей-мальчиков. И воспитывают одних только девочек. Однако каждый год один раз они пересекают пределы своей страны и выходят в страну бурджан. Мужчины бурджан оплодотворяют их, и они беременеют. Затем они возвращаются в свои места. Они всегда готовы к войне и битве. Ни один ученый не сомневается в этом и не отвергает истинности известий о них и того, что мы описали относительно их, и не оспаривает этого» (Kitâb al-‘Unwan 1910. P. 614; Древние и средневековые источники по этнографии 1960. Т. 1. С. 128).

Автор явно пытается актуализировать античную легенду об амазонках, вводя названия вполне реальных народов — славян и бурджан. Но конкретизировать их местоположение в данном случае невозможно.

Другой пример актуализации старых, хотя и не легендарных, сведений находится в «Книге картины Земли» известного ученого IX в. Мухаммада ибн Мусы ал-Хорезми. Его труд был основан на «Географии» Клавдия Птолемея, жившего во II в. н. э., который перечислял географические координаты множества населенных пунктов. Ал-Хорезми изменил координаты Птолемея, но пользовался названиями из его сочинения в искаженном виде. Он отметил географические координаты для центра Германии Птолемея (*Ирманийя* ал-Хорезми) — страны славян и для центра Европейской Сарматии Птолемея (*Сарматийя*) — земли *бурджан*. Назвал он и вторую Сарматию (у Птолемея — Азиатскую), которая стала землей алан. Таким образом, названия «Германия» и «Сарматия» взяты из книги Птолемея, но ал-Хорезми дал им реальное наполнение, назвав известные в его время народы, населявшие, по его мнению, птолемеевские страны Германия и Сарматия (Mžik 1936. S. 173–184; Калинина 1988. С. 48, 92–93). По суждению В.Г. Крюкова, «в таблицах координат географических пунктов шестого климата и в перечне населения стран Восточной Европы упомянуты донецко-приазовские аланы — бурджан, хазары — ал-хазар, среднедонские аланы — ал-лан и меотийские языги (ал-йатиз)» (Крюков 2009б. С. 443). Европейская Сарматия Птолемея, по мнению автора, охватывала обширнейшую территорию Европы: с запада на восток — от Вислы, через систему горных гряд Центральной Европы (Бескиды, Татры, Западные Карпаты и т. д.) до Керченского пролива, западного побережья Азовского моря и речной системы Северский Донец —

Нижний Дон; с севера на юг — от юго-восточной части Балтийского моря до придунайских провинций Римской империи (Нижней Мезии и Дакии), и до южного побережья Черного моря. Автор полагает, что и во времена Птолемея, и в эпоху ал-Хорезми на этой территории проживали дунайские и донецко-приазовские болгары, которых ал-Хорезми назвал *бурджанами* (Крюков 2009а. С. 441–454; 2009б. С. 216–385). Центр страны *бурджан* В.Г. Крюков предлагает искать в местности, находящейся к югу от античного города Истрия на берегу не существующего ныне южного устья дельты Дуная, что в данном случае связывается с придунайской Болгарией (Крюков 2009б. С. 83). Однако территория Европейской Сарматии Птолемея и координатные данные ал-Хорезми для «Сарматии — центра страны бурджан» несопоставимы, поскольку в труде ал-Хорезми нигде не обозначены границы Сарматии — земли бурджан, как и Сарматии — земли алан. В своей книге ал-Хорезми упомянул также в шестом климате город *Бурджан* с иными координатами, чем «центр страны бурджан», и эти координаты показывают территорию Придунайской Болгарии (Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми 1983. С. 301, 394, примеч. 410).

Остается неясным, зачем украинский ученый В.Г. Крюков посвятил большую часть книги описанию этноисторической ситуации в Северном Причерноморье и Приазовье с эпохи Геродота до нашествия гуннов и далее (Крюков 2009б). Описание геополитической ситуации, существовавшей на протяжении веков, да еще на территории якобы всегда существовавшей именно и только Украины (Там же. С. 385, 537), ставит под сомнение научные разыскания В.Г. Крюкова¹²⁷.

¹²⁷ Так, В.Г. Крюков полагает, что упоминание населенных пунктов и рек Азовского моря в книге ал-Хорезми объясняется важным значением торговых путей, о которых имеются сведения у Феофана: «от столицы Хазарского каганата через Саркел направлялись к Азовскому морю купцы восточно-кавказского города Дербент...» (Крюков 2009а. С. 443). Но Феофан умер в 818 г., а Саркел был построен в 30-х гг. IX в.! И какая столица Хазарии имеется в виду в начале IX в.?! Местоположение Беленджера, Семендера и Итиля точно не известно; о каких путях, да еще через построенный позднее Саркел, тогда может идти речь? Какая связь между информацией Феофана и сведениями ал-Хорезми?! Как утверждает В.Г. Крюков, ал-Хорезми называл хазар жителями Восточной Европы (Там же), но координаты пункта под названием «ал-хазар» в книге ал-Хорезми показывают территорию Средней Азии. Картографическая реконструкция части Восточной Европы по данным ал-Хорезми, представленная В.Г. Крюковым как его собственная компьютерная обработка данных ал-Хорезми, содержалась ранее в аналогичных, хотя и сделанных вручную, реконструкциях в работах Х. Мжика и Т.М. Калининой, о чем В.Г. Крюков предпочел не упоминать. Идентификация названий из книги ал-Хорезми была проведена Х. Мжиком, К. Цегледи, Х. Даунихтом, Р. Вибером, Т.М. Калининой, А. Ахмедовым и другими учеными. Некоторые сноски имеются

Основной задачей ал-Хорезми было не приведение в соответствие этнополитической ситуации времен Птолемея с эпохой ал-Хорезми, это было подчиненной и далеко не основной задачей. Ал-Хорезми выбирал пункты из труда Птолемея прежде всего по принципу выделения долготы дня и положению солнца в полдень, что являлось характерным именно для астрономической географии (Honigmann 1929. S. 134–138 etc.; Mžik 1912. S. 403–406; Крачковский 1957. С. 94–97), а не по значимости тех или иных пунктов в разнообразных маршрутах. Такие знания исключать нельзя, но представлять ал-Хорезми знатоком населения и путей Восточной Европы ошибочно.

Упоминание этнонима, близкого к арабо-персидскому наименованию народа *бурджан*, могло появиться вследствие традиции, восходящей к византийским и сирийским авторам: так, у Агафия Миринейского, Иордана, Прокопия Кесарийского упоминаются *вургунды* (в переводе Н.В. Пигулевской — *бургунды*) как часть гуннов, перешедших в начале V в. Меотиду, причем не исключено, что данные относятся к некоему еще более раннему автору (Пигулевская 2000. С. 319; Артамонов 2002. С. 117, 121). «Вероятно, источником служили устные рассказы, а единого письменного источника не существовало... Указания конкретных географических объектов следует считать позднейшими обработками византийских авторов, которые связали древнюю легенду с событиями своего века» (Кузнецова 2003. С. 321–334).

Для исследователя средневековых письменных памятников основополагающим значением должен являться тот факт, что письменные источники избирательны и тенденциозны. ОПИСАНИЯ реальности далеко не всегда соответствуют этой самой реальности. Зачастую, если не всегда, этнонимы, использованные для воспроизведения картины мира, представляют собой конструкторы (Крадин 2009. С. 16–17), т. е. созданные современниками схемы для идентификации того или иного народа в соответствии с авторскими знаниями, традициями, зависимостью от более ранних источников, собственными представлениями. Многозначность этнонима *бурджан* является конкретным примером этого постулата.

Таким образом, чтобы с известной долей определенности угадать, кто такие бурджаны, надо в каждом конкретном случае выявить контекст,

---

в трудах В.Г. Крюкова, но вся эта работа была уже давно проведена. Обращение автора к археологам, работающим на территории Придонечья и Приазовья с предложением «подогнать» свои изыскания под сомнительные идентификации географических объектов из сочинения ал-Хорезми заставляет предостеречь тех самых археологов от ненадежных и местами просто ошибочных выводов В.Г. Крюкова.

в котором тот или иной автор называет этот этноним, поскольку ясно, что арабские авторы использовали этноним *бурджан* для обозначения самых разных народов¹²⁸, проживавших в различных частях Европы¹²⁹. Можно предполагать с известной долей вероятности, что этноним употреблялся в силу устной традиции, известной арабским авторам, поэтому и применялся к самым различным народам.

---

¹²⁸ Я выражаю глубокую признательность научному сотруднику Ин-та археологии РАН В.С. Флёрову за критические замечания.

¹²⁹ В книге Р.Г. Кузеева было высказано предположение, растиражированное впоследствии как научно-популярной, так и исследовательской литературой, и в частности башкирским историком С.И. Хамидуллиным (см. выше), о тождестве башкирского племени бурзян и этнонима *бурджан* арабо-персидских источников (Кузеев 1974. С. 133, 139–141 и сл.). Автор был этнографом и, хотя он привлекал данные ал-Мас'уди, ал-Бируни, Гардизи и др. (где упоминаются баджарты в разных вариациях, а не бурджаны), не мог провести источниковедческий анализ текстов. Ссылки на труды Н.А. Аристовой 1896 г. и А. Рамзи 1907 г., ставшие библиографической редкостью, не могут считаться доказательством, а тезис «бурджаны были тюрками, и их происхождение связано со Средней Азией и более восточными областями» (Там же. С. 139) не подтверждается данными арабских источников (см. выше). Известия Абу-л-Фиды также опираются на сведения более ранних авторов, которые необходимо дополнительно исследовать. Эти обстоятельства несколько не умаляют общей важной роли книги Р.Г. Кузеева в вопросах разработки истории башкирского народа. Более взвешенный подход к проблеме намечен в книге: История Башкортостана 1996 («Отождествление бурджан с башкирами-бурзянами нуждается в дополнительных, более детальных, этимологических подтверждениях» — С. 93).

ХЕРСОН В АРАБСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ¹³⁰

Арабские писатели IX–X вв. немного знали о восточной части Европы¹³¹. Торговля Халифата в близлежащих землях шла главным образом из Средней Азии к Каспию и на Волгу. Поэтому в трудах арабо-персидских географов имелись более или менее реальные описания среднего течения и устья Волги, областей вблизи Волги или тех рек, что за нее принимались (Заходер 1967. С. 155–165; Джаксон, Калинина, Коновалова, Подосинов 2007. С. 120–121, 135–157, 181–196). Пути мусульманских купцов не проходили по причерноморским районам, эти дороги были в сфере влияния византийцев, позднее русов. В недошедшем до нас сочинении бывшего византийского пленника Муслима ибн Абу Муслима ал-Джарми, выкупившегося из византийского плена в 845 г., имелись сведения о Византии и Черном море. Однако ни сам он, как и никто другой из арабов, причерноморские земли не посещал. В результате переосмысленных книжных данных возникали мало реалистичные воззрения о связи Волги или Каспия с Черным или Азовским морями или о водной артерии, идущей от отдаленных земель славян с севера к устью Волги (Джаксон, Калинина, Коновалова, Подосинов 2007. С. 113–131, 158–169, 197–240).

Арабские историки описывали ирано-византийско-арабские войны на Кавказе и в Малой Азии, в которых принимали участие хазары и славяне (*ас-сакалиба*) как участники битв и пленники арабов. Так появилась небогатая информация о народах и территориях к северу от Кавказа (Мишин 2002. С. 101–307). Однако в целом информация о Восточной Европе на ранних стадиях познания мира исламскими учеными была основана на традициях античной географии. Труды классиков античной науки активно переводились с греческого на арабский язык, использовались сирийские переработки трудов древних греков, но реальные известия были мало похожи на правду.

---

¹³⁰ Впервые опубликовано: Нартекс. *Byzantina Ukrainensis*. Харьков, 2013. Т. 2: 'Ρωμαϊος: сборник статей к 60-летию проф. С.Б. Сорочана. С. 188–205.

¹³¹ Я приношу глубокую благодарность коллегам Е.Ю. Гончарову, А.Н. Домановскому, Ю.М. Могаричеву, В.С. Флёрову за внимание к работе, ценные замечания и предоставленную литературу.

Одним из первых произведений, в котором упоминались причерноморские земли, была «Книга картины Земли» математика, астронома и географа Мухаммада ибн Мусы ал-Хорезми (перв. треть IX в.).

В основу труда ал-Хорезми было положено «Географическое руководство» Клавдия Птолемея (II в. н. э.). Координаты для описания береговых линий морей, течений рек, очертаний гор, местонахождений городов или «центров» стран отличались от координатных данных сочинения Птолемея. Вероятно, книга ал-Хорезми была написана для создания карты мира по инициативе халифа ал-Ма'муна (Honigmann 1929. S. 156–161). Названия земель, далеких от Халифата, были приведены те же, что и в «Географическом руководстве» Птолемея, хотя и в очень искаженном виде, хотя известные восточному ученому местности и города были переданы в привычных арабам вариантах (al-Ḥuwārizmī 1926; ал-Хорезми 1983; Калинина 1988. С. 11–107)¹³².

Очертания Восточной Европы в сочинении ал-Хорезми имели вид, в основном аналогичный материалам произведения Птолемея. На юге Восточной Европы ал-Хорезми называл точки координат для Черного и Азовского морей, однако эти материалы отличаются от птолемеевских. Ал-Хорезми не оперировал античными наименованиями Черного и Азовского морей — Понт и Меотис. Его сведения о Черном море не совпадали с представлениями античных авторов и Птолемея о Понте Эвксинском. В работе ал-Хорезми есть описание береговой линии одного из крупнейших водных массивов, протянувшегося от Гибралтара, через Средиземное море, до «моря Барики (или Барки) и Лазики». Координаты этого последнего показывают Мраморное море, проливы и Черное море, идущее от Константинополя, мимо Истра к городам, соответствующим птолемеевским Ольвии, Евпатории, Феодосии, Ойнантее, Диоскурии (Севастополю Колхидскому), «где разбивается гора Кавказ» (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 72; Калинина 1988. С. 46, 87–88). Топоним *Баб ал-Барика* (т. е. «Ворота Барики») встречается в трудах ряда арабских авторов в отношении некоей местности на Кавказе, исследователями точно не определенной (Калинина 1988. С. 124–125; Ибн Хордадбех 1986. С. 305, примеч. 49). Возможное написание *Барка* относится к Фракии (al-Ḥuwārizmī 1926. S. X; Mžik 1936. S. 165), хотя это менее вероятное толкование. Наименование *Лазика* встречается у целого ряда арабских географов X в. и обозначает царство лазов — Эгриси на восточном побережье

---

¹³² В.Г. Крюков (2009б) повторяет выводы вышеозначенных исследователей. Автор дает широкий историко-этнографический обзор той территории, что совпадает с современной Украиной и крайне некритически относится к данным ал-Хорезми, предполагая скрупулезные знания последним этих земель. См. подр. выше: примеч. 127.

Черного моря (Minorsky, Lang 1934; Тер-Гевондян 1977. С. 98), хотя и является архаичным, взятым, возможно, из сасанидских источников. Береговая линия Черного моря в основном совпадала с материалами Птолемея, хотя очертания этого бассейна были искажены, по сравнению с птолемеевскими, как, впрочем, и Средиземного моря.

Самым разительным отличием сведений ал-Хорезми о Черном море как от материалов античных авторов и Птолемея, так и от действительности является разделение Черного моря и Азовского: они показаны отдельными, не соединенными друг с другом бассейнами. Меотис назван *ал-Батихой*, т. е. «озером», и не связан с Черным морем. Это отдельное, не соединенное с Черным морем озеро, отстоявшее гораздо далее, чем Меотис Птолемея, на север, оказывалось соединенным двумя широкими водными потоками с Северным Внешним морем (соответствовало Сарматскому океану Птолемея), хотя у Птолемея нет подобных данных (Mžik 1936. S. 164–165, 183, 187, 189; Калинина 1988. С. 86, 87–88, 104–105).

В книге ал-Хорезми имеется ряд координат для населенных пунктов вокруг Черного моря — «моря Лазики и Барики (или Барки)»; часть названий искажена и приводится в восстановленном виде, часть имеет современный арабскому автору облик. На южном побережье перечислены города Константинополь, Амасея, Халкедон, Гераклея и др.; назван пункт на восточном побережье моря — Диоскурия, она же Севастополь Колхидский. Есть координаты для городов западного и северного побережья: Истра, Борисфена (Ольвии), Евпатории, далее указан Синоп, город на южном побережье Понта, за ним снова пункт северного побережья Феодосия (Mžik 1936. S. 168–170; Калинина 1988. С. 78–82). Все указанные координаты населенных пунктов приведены для построения карты, хотя не следует исключать знаний ал-Хорезми о торговых путях (Калинина 2000в. С. 107–109).

В перечне городов по климатам отсутствует название такого крупного центра черноморской торговли, как Херсонес Таврический. Однако в разделе о «пределах стран» книги ал-Хорезми имеются координаты для полуострова *Таукийя*, который имел свой центр, граничащий, по данным координат, с землей *ал-Йатиз* (al-Ḥuwārizmī 1926. S. 105; Калинина 1988. С. 48, 94–95). *Ал-Йатиз* — это искажение названия «языги», видимо, меотийские, а название *Таукийя* весьма напоминает имя «Таврика». Координаты при описании Черного моря («моря Барики и Лазики») четко показывают этот полуостров, который обозначен береговой линией от точки (1075) на западе до точки (1072) на востоке, где показан замкнутый залив, не соединенный с *ал-Батихой*, т. е. Меотидой.

Рис. 21. Реконструкция части карты ал-Хорезми Х. Мжиком (Mžik 1936. S. 165–166). Греческие наименования — это восстановленные издателем текста Х. Мжиком птолемеевы аналоги искаженным названиям ал-Хорезми; даны также координатные данные его «Книги картины Земли». Нумерация точек координат проделана издателем. Полуостров *Тауккия*, как было сказано выше, определяется по крайним точкам: (1072) — на восточном побережье и (1075) — на западном. Здесь должно было бы быть продолжение водного потока, который соединялся бы с *ал-Батихой*, т. е. Меотидой, и являл бы собою Керченский пролив. Однако ал-Хорезми не соединяет эти моря. Точка (1597) показывает «центр страны *ат-Тиз*», т. е. йазыгов меотийских, а точка (1598) — «центр полуострова *Тауккия*», т. е., вероятнее всего, Херсонес. Следует, однако, помнить, что это не реальные данные, а переработка сведений Птолемея.

Fig. 21. Reconstruction of a part of the al-Khwarizmi's map by H. Mžik (Mžik 1936. S. 165–166). The Greek names are the Ptolemaic analogues of the distorted names of al-Khwarizmi restored by H. Mžik, the publisher of the text. The coordinate data of his “Kitab surat al-Ard” are also given. Coordinate points are numbered by the publisher. The *Taukiya* Peninsula, as mentioned above, is determined by its extreme points: on the east (1072) and west coasts (1075). There should have been a continuation of the water flow, which would be connected with al-Batikha, that is, Meotis, and would be the Kerch Strait. However, al-Khwarizmi does not connect these seas. The point (1597) shows “the center of the country al-Tiz”, that is, the Meotian yazygs, and the point (1598) — “the center of the Taukia peninsula”, that is, most likely, Chersonesos. However, it should be remembered that this is not real data, but reinterpretation of Ptolemy’s information.

Полуостров выглядит со значительными искажениями в пропорциях, по сравнению с птолемеевскими, а координата для центра представляет, скорее всего, Херсонес, хотя названия этого наш автор не знает.

Неверно представление о том, что координаты для построения береговой линии Черного моря, соответствующие гавани Ктенунт и мысу Парфений в книге Птолемея, даны для того, чтобы показать большую роль Херсонеса Таврического, находящегося неподалеку (Крюков 2009б. С. 201–202). Эти координаты выбраны ал-Хорезми для того, чтобы очертания береговой линии моря Барики и Лазики, т. е. Черного,

Рис. 22. Реконструкция Т.М. Калининой части карты ал-Хорезми (Калинина 1988. С. 105. В книге вместо точки (1598) стоит цифра III: в то время при печати не хватало места). Выделенная красным береговая линия соответствует Таврике; точки координат (1597) и (1598) аналогичны изображению на реконструкции Х. Мжика.

Fig. 22. Reconstruction of a part of the al-Khwarazmi map by T.M. Kalinina (Kalinina 1988. S. 105. In the book, instead of a dot (1598), there is the number III: at that time there was not enough space for printing). The coastline highlighted in red corresponds to Taurica; the points of coordinates (1597) and (1598) are similar to the picture on the reconstruction of H. Mžik.

и близки к данным Птолемея, но не имеют отношения к реальным известиям ни о Херсонесе, ни о его окрестностях.

Автор первой половины X в. Сухраб или Ибн Сарабийун переписал «Книгу картины Земли» ал-Хорезми с немного измененными или искаженными координатами. Он повторил раздел труда ал-Хорезми «Места на карте, в которых описаны пределы стран», где тоже упомянул полуостров *Таукийа*, но несколько изменил информацию ал-Хорезми: полуостров назван им «центром *ат-Тиз*», т. е. меотийских языгов, другой же центр, который в книге ал-Хорезми соответствует Херсонесу, отсутствует. В тексте отсутствуют диакритические точки, тем не менее понятно, что координаты повторяют данные ал-Хорезми. Изменение сделано, как представляется, для удобства картографирования, поскольку во введении автор рассказал о методике построения квадратной плоскостной карты и отметил, что основой его работы послужил труд ал-Хорезми. Не исключено, что такое введение было и в сочинении ал-Хорезми, но не сохранилось. Карты при труде Сухраба тоже не нашлось.

Из произведений известного арабского астронома Абу 'Абдаллаха ал-Баттани (ок. 858–929 гг.) сохранилась «Книга сабиевых астро-

номических таблиц». Ал-Баттани писал, что в основе ее лежала некая «Книга картины Земли», которую он дополнил материалами Птолемея. Ученые отмечали, что прямой связи с данными Птолемея в труде ал-Баттани нет; по-видимому, имелась в виду переработка сочинения Птолемея старшим современником ал-Баттани Сабитом ибн Курра (ум. 901 г.) (Крачковский 1957. С. 100–108). Ал-Баттани пользуется античными названиями для Черного и Азовского морей: Понт (*Бунтус*) и Меотис (*Майутис*). Названия и описание этих морей встречаются в трудах многих писателей (Ибн Русте, Кудама ибн Джа'фар, ал-Мас'уди, ал-Мукаддаси и др.). В гл. 6 имеется перечень долгот и широт местностей и населенных пунктов, а в разделе «Перечень стран», а их 94, как в книге «Картина земли», названы *Сарматийа Уруфи*, т. е. «Европейская Сарматия», и *Таурикийа Карсунисис Баралийас*, т. е. «побережье Херсонеса Таврического»¹³³. Как видим, эти свидетельства пришли к арабам из античной науки и не имели реальной ценности.

Более никаких упоминаний Херсонеса и Таврики у арабских географов IX–X вв. нет.

Но сведения о Черном море имеются. Более всего материалов о причерноморских землях и даже окрестных народах содержатся в двух сохранившихся трудах арабского энциклопедиста ал-Мас'уди.

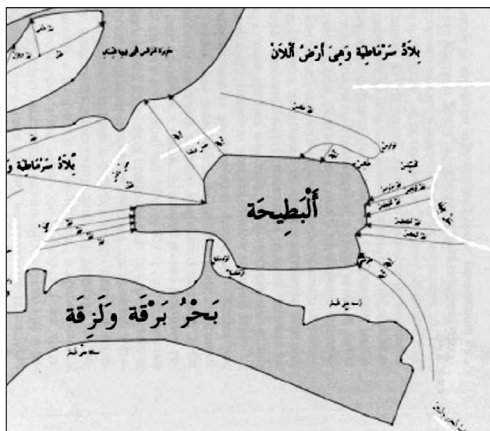

Рис. 23. Реконструкция части карты В.Г. Крюковым (Крюков 2009б. Вкладка между С. 46 и 47). Здесь изображение сходно с двумя предыдущими, сделанными от руки задолго до работы этого исследователя. Компьютерная обработка данных, естественно, дает более аккуратное изображение. Координаты для полуострова *Таукийа*, как и центр его, на этой реконструкции не представлены.

Fig. 23. Reconstruction of a part of the map by V.G. Kryukov (Kryukov 2009b. Table between pp. 46 and 47). Here the image is similar to the two previous ones, taken by hand long before the work of this researcher. Computer processing of the data naturally gives a more accurate picture. The coordinates for the *Taukia* peninsula, as well as its center, are not presented in this reconstruction.

¹³³ Здесь данные ал-Баттани приведены не по критическому изданию К. Наллино, а по более раннему, выполненному тоже К. Наллино, который здесь пронумеровал «перечень центров стран» (al-Battani 1898. P. 241).

Не так давно была предпринята попытка реанимировать тезис А.Я. Гаркави о том, что в некоторых фрагментах книг ал-Мас'уди речь идет о Херсоне (Могаричев 2001. С. 129–131), и это мнение впоследствии было поддержано (Сорочан 2005. С. 91, 1195–1196, 1198). Ссылка Ю.М. Могаричева на мнение уважаемого арабиста Д.В. Микульского относительно прочтения А.Я. Гаркави отрывков из сочинений ал-Мас'уди в данном случае не играет решающей роли, поскольку текст уже давно был исправлен и прокомментирован другими востоковедами¹³⁴.

Перевод¹³⁵ А.Я. Гаркави по парижской рукописи «Книги предупреждения и пересмотра» был таков:

«Шестой пролив известен под названием *Абада*. Это устье рукава, разливающегося в Египетское и Сирийское море. Начало его от моря *Майотас* (курсив мой. — *Т.К.*), называемого Хазарским морем (Мовское море). Ширина его при начале — около десяти миль. Здесь находится румский (византийский) город *Масиа* (или *Мисиа*), который удерживает проходящих этим морем корабли *Кудакана* и других племен *Русов* — их называют также *Аль-Русия*, что означает *толпа*» (Гаркави 1872. С. 222–223).

Абада — это Абидос. Второй византийский город А.Я. Гаркави переводит как или *Мисия* и полагает, что под ним «кроется имя римской провинции Мизии (Moesia) к северу от Балканских гор (Haemus), где ныне Болгария и Сербия» (Там же. С. 224).

Через несколько лет А.Я. Гаркави изменил текст перевода: «Здесь находится румский город под названием Харсана (в рукописи искажено Масия)¹³⁶ (курсив и подчеркивания мои. — *Т.К.*), который удерживает от нападения проходящих по этому морю на кораблях *Куябана* (Киевлян, искаженно *Кудкана*) (курсив мой. — *Т.К.*) и других русских племен»¹³⁷ (Гаркави 1877. С. 244).

¹³⁴ Справедливая критика предположения А.Я. Гаркави и согласившегося с ним Ю.М. Могаричева, как и точки зрения Д.В. Микульского, была ранее предпринята в работах, ставших известными мне недавно: Домановский 2005а. С. 28–31; 2005б. С. 82–86; 2009. С. 153–157. Я предлагаю свою, основанную на переводе текстов, критику, в целом совпадающую с выводами А.Н. Домановского.

¹³⁵ Все нижеследующие переводы (за исключением ал-Калкашанди) проверены мною по доступным критическим изданиям; приводить мои собственные не имеет смысла, т.к. они не отличаются принципиально от уже имеющихся.

¹³⁶ В предыдущих работах арабских ученых, опиравшихся на данные Птолемея, город имел античное название Херсонес, хотя и в искаженной форме. А.Я. Гаркави предлагал конъектурную форму названия Херсон, которая была зафиксирована в источниках только с IV–VI вв., см: Храпунов 2004. С. 537–545.

¹³⁷ Вопрос о появлении русов в Константинопольском проливе в данной статье не затрагивается. Но следует отметить, что идентификация Куд.кана как киевлян не нашла поддержки среди ученых. Это наименование по-разному

Й. Маркварт обращался к фрагменту из «Книги предупреждения и пересмотра»:

«Der sechste Übergang (von Klenasien nach Konstantinopol) heisst Abydos. Das ist die Mündung des Kanals, der sich ins ägyptische und syrische Meer ergießt und von Maiotismeer, welches Chazarenmeer genannt wird, seinen Antang nimmt. Seine Breite beträgt beim Beginn gegen 10 Meilen. Hier (d. h. beim Beginne des Kanals) ist eine Stadt der Römer namens Musannat (*Wellenbrecher*), welche die Schiffe der Kuḍkana und anderer Rusentstämme, die durch jenes Meer herabfahren, abwehrt».

«Шестая переправа [через Константинопольский пролив] известна под названием *Абуду* (Абидос). Это устье пролива, впадающего из моря *Миср* и *аи-Шам* (Средиземное море). Начало пролива из моря *Майутис* (Азовское море), называемого морем ал-Хазар, и ширина пролива в начале около десяти миль. Там [т. е. в начале пролива] имеется город, принадлежащий *ар-Рум* (Византии), который называется *Мисийа* и преграждает путь приходящим в это море кораблям *ал-Куḍкана* и иных племен *ар-Рус* (русов)» (BGA VIII. P. 140; Бейлис 1961. С. 21).

В.М. Бейлис, вслед за А. Сейшелем, принял вариант названия византийского города *Мисийа*, несмотря на то, что, как сам В.М. Бейлис писал, Мисия — не город, а область на малоазиатском побережье (Seippel 1896. P. 66; Adnotationes criticae 1928. P. XXX; Бейлис 1961. С. 23).

Однако издатель текста «Книги предупреждения и пересмотра» М. де Гве предпочел форму *Мусанна* (BGA VIII. P. 140–141)¹³⁸. Ту же форму *Мусанна* выбрал позднее В.М. Бейлис в сделанном им переводе на русский язык этого труда ал-Мас‘уди (рукопись).

Итак, никто, кроме А.Я. Гаркави, не исправлял при переводе данного фрагмента из «Книги предупреждения и пересмотра» ал-Мас‘уди формы *Мисия*, *Масия*, *Мусанна* на *Харсана*.

В труде «Золотые копи и россыпи самоцветов» ал-Мас‘уди имеется очень схожий фрагмент, который тоже переводил А.Я. Гаркави (в его время это сочинение называлось «Золотые луга и рудники драгоценных камней»):

«Протяжение рукава *Кустантиниш* — 350 миль; по другим же — меньше этого. Ширина его в том месте, где он выходит из моря *Майотас* — около 10 миль. Здесь находятся жилища и румский (византийский) город *Харсана*, который удерживает приходящие этим морем корабли Русов и других» (курсив мой. — Т. К.) (Гаркави 1871. С. 18).

интерпретировалось; большинство исследователей пришли к выводу, что Куд.кана из «Книги предупреждения» и Луд.гана (и варианты) из «Золотых копей» аналогичны, но никак не относятся к киевлянам.

¹³⁸ М. де Гве считал, что форма *Харсана*, предложенная А.Я. Гаркави, весьма сомнительна (Ibidem. Nota «р»).

Отметим, что в этой работе А.Я. Гаркави упоминал, что издатели прочитали название города как *Масна* или *Мосна*, французский перевод — *Mosnat* (Там же. С. 18, примеч. 27), но не отмечает, что его форма *Харсана* — конъектурная.

В.Ф. Минорский тоже обращался к этому отрывку из «Золотых копей»:

«Константинопольский пролив выходит из моря *Маймас* (курсив мой. — Т. К.), вода в нем идет током и изливается в Сирийское (Средиземное море). Длина пролива 350 миль, а говорят, и менее. Ширина его в том месте, где он начинается у моря *Маймас* (курсив мой. — Т. К.), около 10 миль, и здесь находятся населенные места и принадлежащий Византии [*ал-Рум*] город, который называется *Мусаннат (курсив мой. — Т. К.) и удерживает проходящие сюда корабли русов и другие корабли» (Минорский 1964. С. 20).

Ал-Мас‘уди называл Черное море античным наименованием — *Бонтос*, но с искажениями, свойственными арабской графике, — *Нутас*; Азовское море именуется им *Маймас*, однако представление об этих морях у нашего автора весьма своеобразное:

«Море *Нутас* соединяется с морем *Маймас*, и от него [отходит] пролив (*халидж*) *ал-Кустантинийа*, который впадает море *ар-Рум* и соединяется с ним, по моему мнению (...). А море *Нутас* и море *Маймас* должны быть одним морем, и они стесняются сушей в [одном] месте и образуют, таким образом, между двумя водами [морей] как бы пролив (*халидж*). Название тех вод, что широки и велики — *Маймас*, а тех, что узки и малы, — *Нутас*. Не возбраняется смешивать имена *Маймас* и *Нутас*. И если мы просмотрим [целый] ряд книг, и нам скажут [про] *Маймас* или *Нутас*, то мы найдем это значение и для широкого, и для узкого моря» (Maçoudi 1861. Т. I. P. 272–273).

Пролив между Понтом и Меотидой — это Босфор, хотя ничего конкретного автор о нем не знал (Бейлис 1962. С. 25; Тортика 2006. С. 236–237; Калинина 2008. С. 33–35). Очевидно и то, что Черное море у ал-Мас‘уди, действительно, может носить название «Меотис» (*Маймас* — именно так, как это выглядит в приведенных фрагментах. Кроме того, наш автор отмечал местонахождение города Трапезунда на берегу моря *Маймас*, т. е. и здесь — Черного: Maçoudi 1861. Т. II. P. 46, 47; Бейлис 1962. С. 27). Константинопольским проливом названы Босфор, Мраморное море и Дарданеллы (Бейлис 1961. С. 22).

Вслед за М. де Гуге, Й. Марквартом, В.М. Бейлисом, В.Ф. Минорским и другими исследователями было отмечено, что основой указанных фрагментов из обоих трудов ал-Мас‘уди послужила «Книга путей и

стран» Ибн Хордадбега (IX в.), информацию которой, как писал сам ал-Мас‘уди, он привлекал. Возможно, она восходит к несохранившейся книге о Византии и соседних народах Муслима ал-Джарми.

Фрагмент из сочинения Ибн Хордадбега в переводе В.Ф. Минорского:

«Описывается дорога из Северной Сирии в Константинополь, которая доходит до теснины Абидоса (*Абдў, Абдус*) (курсив мой. — Т. К.) и до Константинопольского пролива». «А этот пролив есть море (?), называемое *Бунтус* (Понт) (курсив мой. — Т. К.), которое идет из моря хазар, и ширина его устья в этом месте 6 миль. При входе в него стоит город (*мадина*), называемый *Мусаннат (курсив мой. — Т. К.), и пролив идет током на запад и в 60 милях от входа проходит у Константинополя, имея здесь ширину в 4 мили. А когда он достигает места, именуемого *Абдус* (Абидос), он течет между двух гор и сужается до расстояния полета стрелы...» (BGA VI. P. 103; Минорский 1964. С. 20).

Перевод Н. Велихановой:

«...Затем [пойдешь] в Абидос, расположенный на берегу пролива, затем [доберешься] до Константинопольского залива. А это море, которое называют *Бунтус* (курсив мой. — Т. К.), является [частью] моря ал-Хазар. Ширина входа в [пролив] тут 6 миль. У входа [в пролив] — пролив, называемый *Мусанна* (курсив мой. — Т. К.). *Ал-Халидж* (залив) (курсив мой. — Т. К.) тянется в западном направлении и проходит, минуя Константинополь, в 60 милях от его входа» (Ибн Хордадбех 1986. С. 97).

Текст книги Ибн Хордадбега не дает оснований сомневаться, что назван город *Мусанна(т)*.

Эта старая традиция описания Босфора отразилась и в труде знаменитого географа ал-Идриси (1100–1164 гг.): «Ширина этого канала у города *ал-Кустандина* [составляет] 6 миль, а длина от *ал-Кустандины* до слияния с заливом *ан-Нитаси* — 60 миль. В том месте, где канал сливается с морем *Нитаси*, находится город, называемый *Мусанна*» (Коновалова 2006а. С. 114–115). *Ал-Кустандина* — это Константинополь, залив *ан-Нитаси* — Босфор, море *ан-Нитаси* — Черное море. Сходство с вышеприведенными описаниями очевидно.

М. де Гусе, а за ним В.Ф. Минорский, Б. Ньдков, Н. Велиханова и другие ученые толковали название *Мусанна(т)* в сочинении Ибн Хордадбега как арабское слово «плотина или водорез»; греческое же наименование этого города было Иерон — византийский порт, контролировавший подступы к столице на азиатском берегу Константинопольского пролива, у выхода из него в Черное море (BGA VIII. P. 141; Минорский 1964. С. 21; Ибн Хордадбех 1986. С. 279, примеч. 72; Домановский 2007. С. 147). Именно арабская форма именования города и присутствовала

в сочинениях ал-Мас‘уди в искаженной или непонятой издателями форме *М(а)исийа*, *Ми(а)сна* вместо *Мусанна(т)*.

Отметим также, что ал-Мас‘уди в рассказах о византийских императорах, когда упомянул о событиях, связанных с бегством Юстиниана II, писал только о том, что последний был сослан на какой-то остров (или полуостров, арабское слово *джазира* имеет оба значения), не называя ни Таврики, ни Херсонеса, поскольку ничего не знал о них (Калинина 2013. С. 67–71).

Итак, имя *Харсуна*, предложенное А.Я. Гаркави, было всего лишь произвольной коньектурой, не поддержанной последующими исследователями. Следовательно, сведений о городе Херсон в книгах Ибн Хордадбеха и ал-Мас‘уди нет. Нет данных о нем и в других трудах арабо-персидских авторов IX–XI вв., как и каких бы то ни было сведений о Крыме (Калинина, Подосинов 2005. С. 108–119).

Арабские торговцы не имели доступов к причерноморским портам. Сведения писателей Халифата IX–X вв. о торговле на северном побережье Черного моря ограничиваются тремя известиями, касающимися купцов-русов и мадьяр. Первое и самое раннее — известные данные главы почтового ведомства и ученого Ибн Хордадбеха (40-е или 80-е гг. IX в.) о том, что русы с товарами прибывают из отдаленных земель славян «к морю *ар-Рум*», где платят десятину (BGA VI. P. 155; Ибн Хордадбех 1986. С. 124). Ряд исследователей полагали, что море *ар-Рум*, т. е. «море Византии» здесь — Черное и, следовательно, пошлина платилась в Крыму (Marquart 1903. S. 351; Вестберг 1908. С. 371; Бартольд 1963. Т. II, ч. 1. С. 825, 827; Новосельцев 2000а. С. 292. Ссылки см. также: Домановский 2005в. С. 8–12; Коновалова 2006б. С. 16–18). Однако в книге Ибн Хордадбеха морем *ар-Рум* называется Средиземное, тогда как Черное именуется морем *ал-Хазар* (BGA VI. P. 104, 105, 108, 154, 173, 176, 177; Ибн Хордадбех 1986. С. 97, 98, 100, 124, 137. Анализ см.: Калинина 1986. С. 71; 2007. С. 108; Коновалова 2010. С. 93). Следовательно, десятину русские купцы платили, вероятнее всего, где-то близ Константинополя (Ahrweiler 1971. P. 44–70; Литаврин 2000. С. 142; здесь же высказаны справедливые сомнения в воззрениях некоторых ученых на Херсон как таможенный пункт — примеч. 4).

Второе известие — из книги Ибн ал-Факиха (писал в 903 г.), чье произведение базировалось на труде Ибн Хордадбеха и включало материалы этого последнего и других авторов, как и оригинальную информацию. Он полностью переработал сведения Ибн Хордадбеха о купцах: описание маршрута относится у него не к русам, а к славянам, которые прибывают из отдаленных славянских земель «к морю *ар-Руми*, и взимает с них десятину владетель *ар-Рума*. Затем они прибывают по морю

к *Самкари* (*Самкуи*) иудеев, затем переходят к славянам» (BGA V. P. 298; Калинина 1986. С. 75). Принята форма *Самкари*, поскольку она встречается также в письме хазарского царя Иосифа, и, возможно, в Кембриджском документе (Голб, Прицак 1997. С. 154, 162). Исследователи обычно идентифицируют пункт с Таматархой (библиографию по отождествлению города с Таматархой см.: Чхаидзе 2008. С. 280–281, примеч. 7) или Керчью (библиографию по отождествлению города с Керчью см.: Чхаидзе 2008. С. 281, примеч. 1). Однако в целом дорога славянских торговцев, как и у Ибн Хордадбеха, намечена весьма приблизительно: они прибывали из неизвестного пункта славянских земель в Румийское море, где-то платили византийским чиновникам пошлину, затем плыли к Таматархе, далее славянские купцы, видимо, возвращались к себе домой («переходили к славянам»): более чем туманное описание. Под морем *ар-Руми* Ибн ал-Факих подразумевает весь водный бассейн, идущий от Гибралтара через Средиземное и Эгейское моря вплоть до Черного (Калинина 1986. С. 74, примеч. 39). Возможно, в данном кратком фрагменте подразумевается как раз море Черное. Тогда вероятно, что Ибн ал-Факих намечает путь вокруг Крымского полуострова, в одном из прибрежных городов которого платился налог¹³⁹. А.Я. Гаркави предположил, что это мог быть Херсон (Гаркави 1877. С. 240), однако никаких конкретных данных для этого нет.

Третье упоминание о северопричерноморской торговле исходит от географа начала X в. Ибн Русте. Рассказывая о мадьярах во времена их пребывания в Восточной Европе, он говорил: «Они нападают на славян, идут с пленниками вдоль побережья, пока не дойдут с ними до расположенного в стране *ар-Рум* порта, называемого *К.р.х.*» (BGA VII. P. 142–143). Большая часть исследователей идентифицирует этот пункт с Керчью, хотя есть и иные мнения (Обзор мнений см.: ŽA I, S. 105–106, Ods. 176; Чхаидзе 2008. С. 274–282). По словам Ибн Русте, пункт находился в Византии, а это может объясняться тем, что автор, как и прочие, не имел понятия о Крыме и полагал, что город был расположен на территории, подвластной Византии. Как бы то ни было, Херсон здесь не упомянут.

---

¹³⁹ И.Г. Коновалова полагает, что и Ибн Хордадбех, и Ибн ал-Факих говорят об одном и том же маршруте, который вел из дальних земель славян во владения Византии (Коновалова 2012. С. 136, пункт 18). Однако я полагаю, что эти авторы по-разному рассматривали информацию: Ибн Хордадбех писал о византийском таможенном пункте вблизи Константинополя; Ибн ал-Факих — о взимании пошлины в Крыму, возможно, в Таматархе. Второй путь — по «реке славян» на нижнюю Волгу в хазарский город Хамлидж и Каспийское море я здесь не рассматриваю.

Указывая на отсутствие сведений о Херсоне в арабской литературе IX — начала X в., я несколько не хочу умалить значение города как важнейшего торгового и таможенного пункта. Жизнь его была теснейшим образом связана с Византией, находок дирхемов, по сравнению с византийскими монетами, немного.

Однако недавно появилось краткое известие о наличии фельсов династии Аглабидов не где-нибудь, а именно в Херсоне, причем автор идентификации предполагает, что «попадание в Херсонес африканских медных монет возможно только при прямом посещении города купцами и экипажами кораблей, вышедших из Картаганна (قرطاجنه Карфаген), или других портов этого региона» (Гончаров 2009. С. 11–12). Путь монет африканской чеканки конца VIII — первой трети IX в., найденных в восточноевропейском регионе, исследователями более или менее намечен: из Туниса в Сирию, затем в Закавказье, далее в Хазарию, отсюда — на территорию Восточной Европы и в Прибалтику (Фасмер 1933. С. 477; Фомин 1982. С. 113–114; Noonan 2007; Kovalev 2011. Р. 44–46). Смутный период смены династий в Византии и вследствие этого сокращение чеканки монет, как и хождение в Херсоне в этот период мелких монет местного литья (Гончаров 2009. С. 12), на мой взгляд, никак не подтверждает предположение о прямом появлении флота из Туниса в городе. Это означало бы обход всех византийских, да и не только, морских препон или как минимум прямую договоренность представителей династии Аглабидов с византийской администрацией, что кажется крайне маловероятным. Монеты могли попасть в Херсон обычным путем: через Хазарию. Кстати, в Кембриджском документе на древнееврейском языке город Херсон упоминается в форме *šWRšWN* = *Шуришун* (Коковцов 1932. С. 119; Голб, Прицак 1997. С. 141, 164), следовательно, в Хазарии он был известен, однако в арабские источники синхронного времени это название не проникло.

Итак, малая осведомленность арабских писателей IX–X вв. о городах северного Причерноморья очевидна; упоминание Херсона относится к области исторических догадок, поскольку реальных свидетельств нет.

Появление и расширение сведений об отдаленных странах и народах было связано с политическими и торговыми нуждами Халифата, в связи с чем в IX–X вв. стала развиваться географическая литература. Именно тогда возникла описательная география, в которой предстали первые, еще не вполне достоверные, отрывочные данные о народах и территориях Восточной Европы. В X в. дотошный ученый ал-Мас‘уди собирал из самых разных источников известия о разных странах, в том числе об этом регионе, но его материалы вызывают бесконечные споры и домыслы.

Реальная информация о Херсоне впервые появляется в упомянутой выше книге ал-Идриси «Развлечение истомленного в странствиях по областям» и связана она со спецификой его труда — собрания подробнейших маршрутов от одного пункта к другому, использование лоций, составление отдельных частей для карты мира. Название города здесь имеет совершенно иную, чем предложенная конъектура А.Я. Гаркави для слова *Мисия*, форму: *Карсуна*, и совсем иной контекст:

«Идриси, VI климат, 5-я секция: «...*Мулиса* находится в устье реки *Данабрис*. От устья этой реки до города *Улиски* одна миля, затем до города *Карсуна* без малого один день плавания, что составляет 80 миль. От *Карсуна* до *Джалита* 30 миль...» (Коновалова 2006а. С. 115).

Мулиса — это вариант наименования города Олешье, *Улиски* — другая форма этого же названия, *Данабрис* — Днепр, *Карсуна* — Херсон, *Джалита* — Ялта (Там же. С. 177, примеч. 32. И.Г. Коновалова отмечает, что название топонима восходит к древнерусскому «Корсунь»).

«Из числа прибрежных городов напротив него (острова *Саранба*) лежит город *Карсуна*; между ними по морю расстояние в половину дня плавания» (Там же. С. 116). Остров *Саранба* в Черном море не идентифицирован, *Карсуна* — Херсон (Там же. С. 176–177, примеч. 29–33; С. 200, примеч. 53).

Как видно, сведения о местонахождении Херсона входили в круг интересов тех, кто плывал по Черному морю, а именно эта информация собиралась ал-Идриси.

Краткая информация о Херсоне встречается в «Географическом словаре» Йакута ал-Хамави (1179–1229 гг.). Эта книга была собранием известий о разных местностях и городах, большая часть которых была взята из трудов предшественников. Однако аналогов сведениям Йакута о Херсоне мне пока не удалось встретить в других источниках. Упоминание вставлено во фрагмент о Трапезунде:

«*Атрабзунда*, [над первой буквой] *фатха*, затем *сукун*, *ра*, *алиф* и *ба* с одной точкой [огласованы] *фатхой*, *за* [огласована] *даммой*, над *нун* — *сукун*, *даль* без диакритических точек, и *ха*. Это один из известных городов *ар-Рума* на восточном побережье моря *ал-Кустантинийи*, а оно (также) известно как море *Бунтус*. Этот город расположен у горы *ал-Кабк*, отрезанный морем. Город возвышается над морем, окруженный водой, как бы сплошным рвом. И есть мост на случай, если враги станут осаждать город. И у него [города. — *Т.К.*] обширные пригороды. Напротив него (находится) город *Карасинда*, на западном побережье этого моря. Большинство его населения — это монахи. Он (является) провинцией *ал-Кустантинийи*, а вся его область — это скалистые горы» (Jacut's geographisches Wörterbuch 1866. S. 306–307).

Названия в этом фрагменте типичны для ранней географической номенклатуры: *Атрабзунда* — Трапезунд, *ар-Рум* — Византия, море *ал-Кустантинийи*, т. е. Константинополя — Черное (хотя такое название не является часто встречающимся), море *Бунтус* — Понт, гора *ал-Кабк* — Кавказ, *Карасинда* — Херсон; отсутствует упоминание Крыма.

Данные свидетельствуют о былой связи города с Константинополем и большой роли христианства в Херсоне, что известно из других памятников (Сорочан 2005). В целом, источник информации Йакута кое-что знает о Трапезунде и Херсоне, но едва ли он сам побывал там. Сведения о местонахождении и Трапезунда, и Херсона, судя по названиям и расположению городов, могли послужить материалы, близкие к картам римского времени, где в силу разнообразных искажений Крыма не было вовсе, зато между Трапезундом и Херсоном была показана прямая морская связь (Подосинов 2002. С. 82, 93–97. В нашем случае речь о так наз. боспорском Трапезунде не идет). В средние века, впрочем, контакты не прекращались: из Трапезунда в Херсон в XI–XII вв. ввозились керамические изделия, маршрут же Херсон — Трапезунд был известен и в начале XIII в. (Богданова 1991. С. 56, 57).

Сочинение Йакута было написано в 1222–1224 гг., после падения Византийской империи. Тот факт, что данные о Херсоне вставлены автором в раздел о Трапезунде, может означать полученную, но не отраженную напрямую информацию о произошедшем подчинении этого города Трапезундской империи.

Абу-л-Фида' (1273–1331 гг.) в сочинении «Упорядочение стран» тоже упоминал Херсон. Этот автор — сирийский эмир, живший в золотоордынский период, пользовался, по традиции, свойственной арабским сочинителям, многими трудами предшественников. Черное море он называл по-разному: *Нутаиш* — искаженное Понт, из старых книг; Хазарское — тоже старинное наименование, уже не бывшее в ходу в XIII в.; а также Крымское, Черное, Армянское. В рассказах о Крыме (*Кирим*) Абу-л-Фида' пользовался информацией современников — послов и купцов, ездивших из мамлюкского Египта в Золотую Орду, а также старыми книжными данными и материалами давних астрономических таблиц (Коновалова 2003. С. 51–57; Коновалова 2009. С. 144, примеч. 76–77, 81–90). Города Крыма в сочинении Абу-л-Фиды' имеют тюркские названия в арабской передаче. В его книге есть материалы о Херсоне, название которого изменено.

В рассказе о море *Нутаиш* имеется следующий фрагмент (курсивы в названиях принадлежат мне. — Т. К.):

«На восточном берегу суша выступает [в море] с уклоном к западу. На краю [этого] выступа находится порт *Синуб*... На противоположном бере-

гу, к западу, также есть выступ [суши], лежащий напротив упомянутого выступа. На краю его [стоит город] *Сару Карман*, он находится напротив *Синуба*, расположенного на восточном берегу» (Коновалова 2009. С. 109).

Синуб — это город Синоп на южном побережье Черного моря; *Сару Карман* — «арабская передача тюркского названия города Херсона в Крыму (от *сары* — желтый, *кермен* — крепость)» (Там же. С. 132, примеч. 18; С. 155, примеч. 1). Само расположение городов не выглядит реальным: Синоп — на восточном побережье, а не на южном, хотя указание на то, что Херсон располагается напротив Синопа, является верным. Видимо, наш автор пользовался данными, составленными наблюдателем, «смотревшим» из какой-то своей собственной точки пребывания. Искажения местонахождения городов, возможно, следует связывать с так наз. географическим эгоцентризмом восприятия пространства, когда человек «видит» и описывает окружающие объекты из того места, где он в данный момент находится, даже если он при этом передвигается (Подосинов 1999б. С. 460–466, 597–602).

Продолжение рассказа о море *Нутаиш*:

«Потом море простирается также на юго-запад до [города] *Судака*, расположенного на 56 градусах долготы и 51 градуса широты, поворачивает от *Судака* на юг и отклоняется на восток, пока не достигнет выступающего в море участка суши, где расположен город *Сару Карман*, лежащий напротив *Синуба*, упомянутого выше. Далее от *Сару Карман* море поворачивает на запад с отклонением к югу» (Коновалова 2009. С. 110).

Судак — тюркское наименование города в Крыму, сообщение о котором Ау-л-Фида' частично позаимствовал у автора XIII в. Ибн Са'ида (Там же. С. 156, примеч. 1, 2).

В разделе о реках:

«Река *Аззу* (с *зâ*' с точкой после *алифа* и *вавом* в конце) — довольно большая река, которая берет начало на севере и течет к востоку от реки *Туна*. Сначала она поворачивает на запад, затем на восток и впадает в залив моря *ал-Кирым* между *Сару Карманом* и *Акджа Карманом*, двумя городами, расположенными на побережье этого моря» (Там же. С. 113).

Река *Аззак* — тюркское наименование Днепра, *Туна* — тюркское наименование Дуная, море *ал-Кирым*, т. е. Крымское — Черное, *Акджа Карман* — Аккерман (совр. Белгород Днестровский) (Там же. С. 137, примеч. 2; С. 140, примеч. 13, 14, 15; С. 153, примеч. 1).

Из «Рассказа о северной части земли, охватывающей страны франков, турок и других [народов]»: «Ал-Кирым (с *кясрой* при *ка́фе*, *ра́* без точки и *мимом* в конце) — это название области, которая охватывает

около сорока городов. Самые известные из них — *Сулгат*, *Судак* и *ал-Кафа*... *Сару Карман* лежит к западу от этих трех городов. Между *Сару Карманом* и *Судаком* около пяти дней [пути] (Там же. С. 114–115). *Сулгат* — арабская передача названия город *Солхат* в Крыму (совр. Старый Крым) (Там же. С. 144, примеч. 5; С. 157, примеч. 1).

«[Описание городов в табличной форме]¹⁴⁰.

САРУ КАРМАН

1. 15
2. <i>Сару-Карман</i>
3. Измерение
4. 55°
5. —
6. 50°
7. —
8. Седьмой
9. Ал-булгар и ат-турк
10. С <i>фатхой</i> при <i>саде</i> без точки, <i>алифом</i> , <i>кясрой</i> на <i>ра'</i> без точки, <i>йа</i> с двумя точками внизу, а <i>Карман</i> уже был огласован ранее.
11. <i>Сару-Карман</i> лежит к востоку от <i>Акджа-Карман</i> . Это городок меньший по размеру, чем <i>Акджа-Карман</i> . Между <i>Сару-Карманом</i> и [городом] <i>ал-Кирим</i> , называемым также <i>Сулгат</i> , около пяти дней пути. Напротив <i>Сару-Кармана</i> на другом берегу [Черного моря] стоит город <i>Синуб</i> .

В таблице в основном повторяется уже упоминавшаяся ранее информация о городе. Данных о болгарском (исламизированном?) населении в XIII–XIV вв. другие источники не дают, тюркоязычные жители, естественно, там уже обитали. Морское сообщение между Херсоном и Синопом имело место не только в XIII–XIV вв., о чем свидетельствует «Житие и описание чудес св. Евгения» Иоанна Лазаропула (XIV в.) (Богданова 1991. С. 55–59; Коновалова 2009. С. 155, примеч. 2, 3, 6), но и гораздо ранее (Богданова 1991. С. 55; Сорочан 2005. Ч. 1. С. 284; Ч. 2. С. 1134, 1142).

Названия крымских городов из книги Абу-л-Фиды' повторил египетский ученый Шихаб ад-Дин ал-Калкашанди (1355–1418 гг.) в труде «Заря для подслеповатого в искусстве писания». Он поместил данные о городах *Акджа Карман* и *Сары Карман* не в главу о четвертом окру-

¹⁴⁰ Таблицы содержат следующие графы: 1) порядковый номер; 2) название населенного пункта; 3) указание на источник, откуда позаимствованы сведения; 4–5) географическая долгота населенного пункта в градусах и минутах; 6–7) географическая широта населенного пункта в градусах и минутах; 8) указание на «истинный климат», к которому относится населенный пункт; 9) указание на «условный климат» (т.е. на область, страну), к которому относится населенный пункт; 10) огласовка наименования населенного пункта; 11) характеристика населенного пункта (Коновалова 2009. С. 119).

ге — *ал-Кирым*, т. е. Крым, а в главу о седьмом округе — стране Булгар, которая в это время являлась тюменом Золотой Орды. Он повторил старые известия Ибн Фадлана о местонахождении города Булгара близ р. Итиль, краткости летней ночи, со ссылками на Йакута, Абу-л-Фиду', рассказы султана города Хамы в Сирии и пр. Затем наш автор упомянул известия ал-Мас'уди о сербах и болгарях и вставил оригинальные сведения об удачном посольстве «владыки сербов и болгар» в 1330/31 г. в Египет. Так же, как некогда ал-Мас'уди, наш автор свел воедино данные о волжских и придунайских болгарях. Далее ал-Калкашанди писал: «Между сербами, болгарями и страной тюрок имеются города. Среди них — *Акджа Карман* (с фатхой «хамзы», сукуном «фа», фатхой «джима» и «алифом»), с фатхой «кафа», с «ра» без точки, с «мимом», «алифом» и «нунном» в конце). Это небольшой город на Понтийском море, известном как море *ал-Кирым*. Он находится в седьмом климате... Среди них [городов] — *Сары Карман*. Говорится в «Таквим ал-булдан»: с фатхой «сада» без точки, с «алифом», кясрой «ра» без точки и «йа» с двумя точками внизу. О [написании] слова *Карман* говорилось выше, ибо оно входит в название *Акча Карман*. Этот город меньше, чем *Акча Карман*. Его местоположение — в седьмом климате из семи. Говорится в «Таквим ал-булдан»: его долгота 55 градусов, а широта — 50 градусов по координатам. Напротив него с другой [стороны] моря — город *Синуб*, на побережье страны *ар-Рум*. Он на восток от упомянутого выше *Акча Кермана*. Между ними около 15 дневных переходов, а между ними и *Солхатом* около 5 дневных переходов» (Григорьев, Фролова 1999. С. 75–76). Как видно, наш автор соединил известия разных авторов, уточнил, что пользовался сведениями «Таквим ал-булдан» Абу-л-Фиды', вставил оригинальный рассказ о дипломатических связях объединенного Сербско-Болгарского государства, просуществовавшего с 1330 по 1356 гг., и указал местоположение двух городов, отделявших, по его мнению, эту страну от Золотой Орды, воспользовавшись географической номенклатурой и координатами Абу-л-Фиды'.

Таким образом, если сначала известия о крупнейшем крымском городе Херсоне в трудах арабских географов были взяты из античных источников и в IX–X вв. не имели реального характера, то с течением времени, с расширением знаний о Черном море, его побережье, торговых путях по нему информация расширяется, становится более подлинной и определенной, что является следствием как изменения общеполитической обстановки на полуострове, так и самого статуса города.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ПРОЛИВ ПО ВОЗЗРЕНИЯМ АРАБСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ УЧЕНЫХ (ДО АЛ-ИДРИСИ)¹⁴¹

Для ученых Арабского халифата картина мира складывалась на основе античной географии и космографии, сирийской, иранской, индийской традиций, которые дали фундаментальные сведения о Земле, ее месте во Вселенной, разделении, рельефе. Не меньшее значение имело и накопленное в результате обширных завоеваний практическое знакомство с морями и сушей, с отдаленными народами и местами их проживания. Модели географических образов ойкумены в одних случаях соответствовали реальности, в других «подгонялись» под традиционные, накопленные ранее или взятые из других культур познания, которые зачастую переплетались друг с другом, давая сложный комплекс образов пространства (Замятин 2004. С. 14–15).

В VIII–IX вв. при дворах властителей Арабского халифата переводились труды античных и восточных авторов. «С наличными текстовыми материалами (записями логографов, переводами и др.) арабские писатели обращались как с общим или ничейным достоянием, усердно черпая из них то, что считали нужным или подходящим. Путем простой перестановки литературных материалов, новой их компоновки, систематизации было создано немало арабских книг. Метод компилирования получил широкое признание. Включение в свою книгу чужого сочинения, по частям или целиком, в тех же самых выражениях, никак не возбранялось, даже наоборот, по крайней мере в отдельных отраслях литературы, поощрялось и предписывалось. Добросовестные авторы при этом указывали свой источник и границы каждой цитаты, а менее аккуратные обходились без этого либо же старались затушевать заимствование» (Халидов 1985. С. 75). Это обстоятельство необходимо учитывать при обращении к информации арабских ученых.

Арабские писатели широко использовали сведения об отдаленных землях иноязычных сочинений, как и свидетельства, полученные в общении с торговцами, моряками, путешественниками, которые переда-

---

¹⁴¹ Впервые опубликовано: Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2016. Вып. 44. С. 79–104.

вались от одного автора к другому (подробнее см.: Коновалова 2013). Большое значение имели сирийские переводы греческих произведений. Именно из них арабы узнали о философии, медицине, алхимии, географии времен античности (Honigmann 1929. S. 156 et passim; Крачковский 1957. С. 87–88). Служители науки при описании Земли ссылались на Гиппократ, Галена, Аристотеля, Птолемея и др. Для арабских знатоков непререкаемым авторитетом был александрийский ученый Клавдий Птолемей (II в. н. э.), составивший карту мира по географическим координатам. В его «Географическом руководстве» была обоснована необходимость картографического метода описания Земли, выработки системы координат. Птолемей придерживался северной ориентации карты, описания ойкумены с Запада на Восток, внутри же каждой территории — с севера на юг (Ptol. Geog. 1.24.1; 2.1.4 и др.).

Опираясь на «Географическое руководство» Птолемея, Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми (ок. 783 — ок. 850 гг.), который работал при дворе халифа ал-Ма'муна (813–833 гг.) в Багдаде, где в «Доме мудрости» (*Байт ал-Хикма*) было проведено измерение градуса земного меридиана и составлены «Проверенные ма'муновские таблицы» с координатами населенных пунктов и карта мира¹⁴², определил в своей «Книге картины Земли» расположение топонимов, гидронимов, ойконимов и проч. внутри семи «климатов» с запада на восток, рассчитав точки координат по современным ему данным долготы дня и солнцестояния (Крачковский 1957. С. 94–97; Калинина 1988. С. 12–14).

При издании «Книги картины Земли» ее исследователь Х. фон Мжик пронумеровал все встречающиеся в труде ал-Хорезми точки координат оронимов, береговых линий морей, озер, течений рек и топонимов, показав их в круглых скобках (al-Huwārizmī 1926). Все упомянутые в данной статье номера географических объектов соответствуют издательским.

Ал-Хорезми в основном пользовался названиями из книги Птолемея, но переданы они были в искаженной или арабизированной форме. Так, среди шестого, седьмого и «заокраинного» «климатов» им были перечислены среднеазиатские, прикавказские, приазовские и причерноморские города, выбранные из труда Птолемея по принципу упоминания самого длинного или самого короткого дня или ночи. Большинство этих городов уже не существовало (таких, как *Борисфен*, *Евнатория*, *Тирамба*), другие

---

¹⁴² Существует мнение, что карта мира в сочинении ал-'Умари (1301–1349 гг.) воспроизводит карту ал-Ма'муна. См.: Wissenschaft 2003. S. 9–10. Аналогичная карта представлена в издании: Българските земи 2011. С. 268. Однако публикаторы не связывают ее с именем ал-Ма'муна. Я глубоко благодарна И.Г. Коноваловой за возможность использовать материалы данного источника.

названия со временем изменились (как античная *Гермонасса* — *Матраха* IX в.). Однако известные во время жизни ал-Хорезми топонимы — такие, как *Константинополь*, *Геракля* и некоторые другие переданы автором в привычной арабизированной форме (*Кустантинийа*, *Харакла* и т. п.).

Несмотря на использование множества топонимов и гидронимов из книги Птолемея, ал-Хорезми не называл Понт и Меотис.

Меотис именуется им словом *ал-Батиха* — «русло потока, усеянное камешками; низменность, заливаемая водой; болото» (Гиргас 1881. С. 65). Этим словом ал-Хорезми называл многие озера, хотя в данном случае оно может быть калькой с греческого *Меотис* — «болото». Это озеро имело связь двумя водными потоками с Северным Внешним морем. В тексте ал-Хорезми эти реки фигурируют под номерами (2375–2376) и (2377–2378). Часть реки (2375–2376) может быть идентифицирована с р. Ликос Птолемея, начинающейся в горах Бодин и впадающей в Меотис. Вторая часть этой реки соответствует Турунтусу Птолемея, начинающемуся в Рипейских горах и впадающему в Сарматский океан (Северное море ал-Хорезми). Соединив эти потоки, ал-Хорезми показал одну реку, текущую от Меотиса (ал-Батихи) в Северное Внешнее море через Рипейские горы. Аналогичным образом он поступил с двумя частями реки (2377–2378), соответствующие птолемеевым Турунту и Хесину, показав их как единый поток, соединяющий ал-Батиху и Северное Внешнее море через Рипейские горы. Горы Бодин — у ал-Хорезми (913–914) — расположены несколько западнее, чем у Птолемея, что исключает их из направления течения этих рек (Мžik 1936. S. 185; Калинина 1988. С. 104). На рисунке, который не имеет координат и сохранился в единственной рукописи, ясно показаны эти две реки, соединяющие Северное Внешнее море и Батиху (Меотис).

Представления о Меотиде как части Внешнего (Северного) океана и о течении рек от этого Океана в Понт или Меотиду существовали как в античности, так и в раннем средневековье (Подосинов 2007. С. 38–45). В книге Птолемея есть информация о впадении рек Хрон, Рудон, Турунт и Хесин в Балтийское море (Ptol. Geog. 3.5) (Там же. С. 32), что могло повлиять на воззрения ал-Хорезми.

Координаты в книге ал-Хорезми, в отличие от птолемеевых, показывают, что Меотис не имеет никакой связи с Черным морем. Как у большинства арабских географов, карты и схемы ориентированы на юг, но на рисунке ал-Батихи ал-Хорезми север расположен наверху. Вместо пролива Боспор Киммерийский Птолемея показана крупная река с нечитаемым названием, идущая к югу от ал-Батихи и завершающаяся безымянным озером (рис. 23).

Таким образом, ал-Хорезми является единственным арабским автором, который не показал или не знал о связи Азовского и Черного морей.

Черное море, если следовать координатам ал-Хорезми, являет собой восточную часть огромного водного массива, простирающегося от Гибралтара до Лазики, восточной части побережья Черного моря и называется, по именам бережий, «морем Барики (Барки?) и Лазики» (Mžik 1936. S. 191–193; Czeglédy 1950. S. 259–260). Константинополь (*Кустанинийя*) среди координат присутствует и как город, и как название пролива, соединяющего восток Средиземного моря — часть водного массива под названием «Море Египта и Сирии» с «Морем Барики и Лазики». Барика (или Барка) — топоним может относиться к плато

в Киренаике; возможно, к Фракии (Mžik 1936. S. 164; al-Ḥuwārizmī 1926. S. X); есть также предположение, что Барка — это искаженное название Иберии (Крюков 2009а. С. 190). Впрочем, последнее предположение мало вероятно, т. к. и у Птолемея, и в действительности Иберия не имела выхода к Черному морю.

Ранее была показана моя реконструкция карты Восточной Европы по координатам книги ал-Хорезми, где отчетливо видны рисунки ал-Батихи, Моря Барики и Лазики и Моря Египта и Сирии (рис. 3)¹⁴³. Рисунок из рукописи ал-Хорезми, как видно, заметно отличается от всех реконструкций по координатам из его книги, что может объясняться грубым воспроизведением поздним переписчиком. На реконструкции хорошо виден пролив, на берегу которого показан Константинополь (выделен мной красным кругом); в тексте ал-Хорезми отметил,

Рис. 24. Азовское море (Батиха, Меотис) по ал-Хорезми.

Fig. 24. The Sea of Azov (Batā'ih Māyūfīs) according to al-Khwārizmī.

¹⁴³ Реконструкции восточноевропейской части Земли по данным ал-Хорезми имеют также и в других трудах. См.: Mžik 1936. S. 168; Географическая карта мира ал-Хорезми 1985; Крюков 2009а. С. 46–47.

что этот город стоит на берегу пролива (al-Ḥuwārīzmī 1926. S. 31 [451], 72 [1084, 1085]).

В античности существовали представления о связи Черного моря и северной части Океана (Океан, по воззрениям древних греков, окружал всю Землю) рекой Танаис, которая являлась границей Европы и Азии. В соответствии с античной традицией, Европа представлялась арабским географам похожей на остров (подр. см.: Подосинов 2007. С. 27–50). Он был ограничен рекой Танаис, соединявшейся с озером Меотис (в арабской передаче — *Майутис* или *Маймас* (иногда с искаженной диакритикой — *Манитас* или *Манитаиш*) и морем Понт (в арабском варианте — *Бунтус*, с искаженной диакритикой — *Нумас* или *Нумаиш*). Понт соединялся водной цепью со Средиземным морем, последнее — с Атлантикой на Западе через Гибралтар, а на севере водный поток доходил до северной части Атлантики (возможно, Северного Ледовитого океана).

В «Книге путей и стран» известного автора IX в. Ибн Хордадбеха, «Книге хараджа» Кудама ибн Джа‘фара Х в., сочинениях ал-Мас‘уди описываются византийские фемы. Черное море именуется морем Хазар (*бахр ал-Хазар*), что рядом исследователей объяснялось существованием хазарских владений в Причерноморье и Крыму (Бартольд 1965. Т. 3. С. 367; Бейлис 1962. С. 22; Новосельцев 2000б. С. 365. Некоторые современные исследователи оспаривают принадлежность Крыма хазарам). Ибн Хордадбех также упоминает, что частью этого моря является Понт (*Бунтус*), в данном случае — Пропонтида, соединявшая Геллеспонт и Боспор Фракийский (BGA VI. P. 103; Ибн Хордадбех 1986. С. 97). О Константинополе этот автор говорил, что город окружен с востока и севера заливом (вероятно — Золотой Рог); однако есть описание пролива (*халидж*) до слияния его с морем Сирии (BGA VI. P. 103–104; Ибн Хордадбех 1986. С. 97)¹⁴⁴. Эти известия Ибн Хордадбех получил от бывшего византийского пленника Муслима ибн Абу Муслима ал-Джарми (сер. IX в.). О пути из Атталии в Малой Азии, морем и сушей до Константинополя и о самом городе рассказал также бывший пленник Харун ибн Йахья (кон. IX или нач. X в.), история которого сохранилась в труде Ибн Русте (перв. треть X в.). Однако никакого на-

¹⁴⁴ С моей точки зрения, этот рассказ касается уже не залива Золотой Рог, а Проливов, состоящих из нескольких частей, тянущихся от Константинополя до Средиземного моря, тем более, что Ибн Хордадбех уточняет длину этого водного потока от Моря хазар (т. е. Черного) до моря Сирии (Эгейского?) в 320 миль. Это больше, чем 430 км, которые составляли расстояние Черноморских проливов, поэтому речь идет, по всей видимости, обо всей длине проливов и морей, а не только о протяженности Босфора, Дарданелл и Мраморного моря. См.: BGA VI. P. 103–104; Ибн Хордадбех 1986. С. 279, примеч. 75.

звания для Черного моря он не привел, указав, что «в Константинополе [есть] канал, приходящий к нему из страны, называемой Болгар. Течет к ней этот поток на расстоянии двадцати дней и, когда входит в город, разделяется на три части» (BGA VII. P. 126; Vasiliev 1932. P. 149–163).

Таким образом, связь Черного и Средиземного моря через проливы была известна.

Ал-Баттани, астроном и географ X в., писал:

«Земля делится на три части. Первая — от Зеленого моря (здесь: Атлантика. — *Т. К.*) со стороны севера и пролива (Босфора. — *Т. К.*), который выходит из Понта в Великое море (Средиземное. — *Т. К.*), и [областей], что [лежат] между озером Меотис и Понтом. Описывают границы этой области: с запада и севера — Западное море, оно же Океан (Атлантика от Эфиопии до Британии. — *Т. К.*), со стороны юга — море Египта и Рума (Средиземное. — *Т. К.*), со стороны востока — Танаис и озеро Меотис. Эта земля похожа на остров, название ее — Европа» (Al-Batānī 1903. T. 1. P. 27; Крачковский 1957. С. 103; Калинина 1988. С. 144–145).

Ал-Баттани описал Черное и Азовское моря, используя античные гидронимы:

«Море Понт (*Бунтус*) простирается от Лазики до великого Константинополя. Длина его 1060 миль, а ширина 300 миль. В него впадает река, называемая Танаис, течение его со стороны севера от озера, которое называется Меотис. Это большое море, хотя и называется озером. Длина его с востока на запад 300 миль, а ширина 100 миль. У Константинополя отделяется от него пролив, который течет подобно реке и впадает в море Египта (*бахр ал-Миср*, так называлась часть Средиземного моря. — *Т. К.*). Ширина его у Константинополя величиной в 3 мили, и Константинополь [расположен] на нем» (Al-Batānī 1903. T. 1. P. 27)¹⁴⁵.

Отметим, что Меотис представлялся озером, расположенным где-то на севере. Это описание, с некоторыми вариациями в размерах морей, повторили ученые IX–X вв. Ибн Русте, ал-Мас‘уди, Кудама ибн Джа‘фар, Агапий Манбиджский.

Итак, водный поток, состоящий из проливов и морей, соединяющий Черное море со Средиземным, был хорошо известен географам IX–X вв.

Ал-Баттани и его последователи описывали Средиземное море:

---

¹⁴⁵ В переводе И.Ю. Крачковского водный поток, соответствующий Босфору, назван заливом (поскольку арабское слово халидж имеет оба значения). Я предпочитаю значение «пролив» как более точное в данном случае.

«Море ар-Рума и Мисра (Египта. — *Т. К.*) выходит из пролива¹⁴⁶, который выходит из моря Океана Западного (западная часть Атлантики. — *Т. К.*), у острова, который именуется Гадира напротив Андалусии, [идет] к Тиру и Сидону со стороны востока. Длина его 5000 миль, а ширина в одном месте 600 миль, в другом 700 миль, в третьем 800 миль. В нем есть один залив, который выходит в сторону севера вблизи Румии (Рима. — *Т. К.*), длина его 500 миль, называется он Адрис (Адриатическое море. — *Т. К.*). Другой выходит по направлению к земле Нарбонна, длина его 200 миль». Упомянуты также острова Корсика, Сардиния, Кипр, Сицилия и Крит (*Al-Batānī* 1899. Т. 3. Р. 27; 1903. Т. 1. Р. 20 [transl.]. Перевод на рус. яз. см.: Крачковский 1957. С. 103. Мой перевод отличается лишь стилистически, иной вариант см. выше).

Отметим, что ал-Баттани при описании Средиземного моря, как и многие последующие авторы, не сообщает о проливе в сторону Константинополя.

Арабские географы «классической школы», сложившейся в X в., в трудах которых содержались карты, получившие название «Атлас ислама» (подр. см.: Крачковский 1957. С. 194–218; *Kramers* 1938. S. 66; *Tibbets* 1992. P. 108–129), значительно расширили географические представления ученых халифата. Хотя главная роль отводилась описанию стран ислама, они уделяли внимание Византии, Восточной Европе, Дальнему Востоку. Их сочинения содержали круглые карты мира и карты регионов.

Основоположником этой географической школы был Абу Зайд ал-Балхи (ок. 850–934 гг.). Он учился в Иране у знаменитого ученого ал-Кинди; вернувшись в Балх, больше не выезжал из него, но был в контакте с жившим в Бухаре известным ученым, везирем Саманидского государства ал-Джайхани. Ал-Джайхани написал не дошедшее до нас известное географическое сочинение «Книга путей и стран». На него ссылались последующие авторы, писавшие в жанре описательной географии; есть предположение, что указанные выше известия о Черном и Азовском морях восходят к произведению ал-Джайхани (подр. см.: Мишин 2009. С. 33–45; *Göckenjan, Zimonyi* 2001). Но карт, как можно понять по очень кратким сведениям о его сочинении, к своему труду он не прилагал.

Ал-Балхи написал ок. 920 г. трактат «Изображение семи климатов», хотя в источниках встречаются и другие названия (*Крачковский* 1957. С. 195–196; *Watt* 1983). До недавнего времени считалось, что эта книга до

---

¹⁴⁶ Перевод И.Ю. Крачковского: «из залива», что кажется мне неверным. Из дальнейшего текста очевидно, что имеется в виду пролив Гибралтар. См.: *Крачковский* 1957. С. 103.

нас не дошла. Однако в Институте арабских рукописей (Institute of Arabic Manuscripts) Лиги арабских стран в Каире была обнаружена рукопись географического сочинения «Упоминание о расстояниях и изображение климатов», чьим автором указан Абу Зайд Ахмад ибн Сахл ал-Балхи. Как писали многие востоковеды до этого, очень часто встречались сочинения со схожими или аналогичными названиями, где автором был указан ал-Балхи. Однако при тщательном анализе оказывалось, что труд аналогичен либо сочинению ал-Истахри, либо труду Ибн Хаукала (подр. см.: Kramer 1932). Предварительное ознакомление с каирской рукописью позволило востоковеду из Казахстана Р.Б. Кумековой предположить, что это не редакция труда ал-Истахри, а, скорее всего, оригинальное сочинение ал-Балхи с картами (Кумекова 2009; 2013). Каждую область предваряет географическая карта, текст представляет собой описание этих карт. Как предполагали ученые ранее, ал-Истахри почти полностью включил труд ал-Балхи в свое сочинение. Однако Р.Б. Кумекова не указала на возможность сопоставления этой рукописи с трудом или картами Ибн Хаукала, поэтому требуется серьезная дальнейшая разработка этой темы. К сожалению, каирская карта и само сочинение не издано, они известны только в комментариях к картам и рукописи Р.Б. Кумековой.

В настоящее время известна другая недатированная круглая карта мира, хранящаяся в Стамбуле, автором которой назван ал-Балхи (рис. 8).

Труд ал-Балхи был использован и дополнен его младшим современником Абу Исахом ал-Фариси ал-Истахри, нисба которого показывает место его рождения — на юге Ирана. Известно, что он путешествовал по Ирану и странам Средней Азии, был в Аравии, Сирии и Египте и в начале 930-х гг. написал собственное географическое сочинение «Книга путей и стран». Считается, что ок. 950 г. им самим или его учениками была произведена редакторская работа этого труда, именно она сохранилась и была весьма популярна; известны карты и тексты этого произведения, а также персидские переводы (Крачковский 1957. С. 196–198; Miquel 1997; Tibbets 1992. P. 108–111).

Пролив, еще не названный именем ал-Кустантинийи, ал-Истахри впервые упомянул в начале книги, где описывается вся Земля. Ал-Истахри писал, что из

«ал-Мухит (Окружающего моря, здесь: северо-западная часть Атлантики в современном понимании. — Т. К.) вытекает некий халидж¹⁴⁷, ко-

---

¹⁴⁷ Халидж — по-арабски «залив» или «пролив». Здесь по смыслу — пролив.

торый идет позади *ас-сакалиба*¹⁴⁸ и пересекает *ард ар-Рум* (земля или страна Византия. — *Т. К.*) до *ал-Кустанинийи* (Константинополь. — *Т. К.*), пока не впадет в *бахр ар-Рум*»¹⁴⁹.

При описании моря *ар-Рума* пролив *ал-Кустантинийа* (Константинопольский пролив. — *Т. К.*) упоминается уже под своим именем. Но прежде кратко — о море Рума:

«Что касается *бахр ар-Рум*, то это пролив из моря Окружающего, между *ал-Андалусом* (мусульманская часть Испании. — *Т. К.*), Сеутой, между Танжером и *Джабал ат-Тарик* (Гибралтар. — *Т. К.*). Затем тянется вдоль побережья Магриба и длится восточнее, пока не достигнет земли Египта, а далее земли Сирии. Затем поворачивает в сторону *ас-Сузура*¹⁵⁰ и закругляется к *ард ар-Рум* от Антиохии (город в Северной Сирии. — *Т. К.*) и ее округов. *Затем море идет к западу к халиджу ал-Кустантинийа и переходит в него* (курсив. — *Т. К.*). Затем доходит до побережья Афин, затем до побережья Румийи (Рима. — *Т. К.*)».

Ал-Истахри отмечает *Анталию* как крепость, принадлежащую Византии на побережье, вокруг которой было много населенных округов. Далее ал-Истахри пишет:

«Затем [море] переходит к [побережью] соленого пролива, он известен как пролив (*халидже*) *ал-Кустантинийа*, и через него [протянута] длинная цепь, не проходят корабли из моря и другие без разрешения через преграду, а нападают в море *ар-Рума* из моря *ал-Мухит* с тыла *ар-Рума*» (BGA I. P. 68–71).

Черного и Азовского морей ал-Истахри не знал. При рассказе о море *ар-Рума* в книге ал-Истахри подробнее, чем показано на его схематичных картах, описаны берега этого водного бассейна: упомянуты прибрежные города Испании, области Галисии, франков, Сирии, Египта, Византии. Сохранившиеся поздние карты (самая ранняя XII в.) весьма схематично отражают Константинопольский пролив, тем не менее там отчетливо прорисованы основные хоронимы и ойконимы вокруг моря Рума и Константинопольского пролива (рис. 24, 25).

¹⁴⁸ Как правило, этноним обозначает славян.

¹⁴⁹ Бахр ар-Рум — море Византии; этот гидроним охватывает водное пространство, включающее Гибралтар, Средиземное, Адриатическое, Мраморное и прочие моря до Константинопольского пролива. Описание см. ниже.

¹⁵⁰ Пограничная административная область между Византией (укрепления в Месопотамии и Сирии) и Арменией (западные области Великой Армении и часть Малой Армении) в составе Арабского халифата.

В свою очередь труд ал-Истахри лег в основу географического произведения Абу-л-Касима Ибн Хаукала ан-Нисибин, уроженца г. Нисибин в Верхней Месопотамии. Он много путешествовал, побывав в Северной Африке, Сицилии, мусульманской Испании, возможно, в Индии. Есть предположение, что он был политическим агентом при дворе кордовского Омейяда 'Абд ар-Рахмана III (912–961). Познакомившись с ал-Истахри, Ибн Хаукал, по согласию последнего, использовал его материалы для своей книги, завершенной в 977 или 988 г. (Крачковский 1957. С. 198–205; Miquel 1986).

Хотя большая часть карт мира арабов имела южную ориентацию, карта Средиземного моря в трактате Ибн Хаукала имеет западную ориентацию — так, как будто автор смотрел на Средиземноморье со своей позиции, с востока (Pinto 2004. P. 225). Это не меняет, однако, в целом его сведений о море ар-Рума и проливе ал-Кустанитинийа.

По карте Ибн Хаукала, начальная часть изображения моря Рума почти совпадает с данными ал-Истахри: от западной части Окружающего океана (*бахр ал-Мухит*, здесь, как и у ал-Истахри: Атлантики) показаны соединяющиеся между собой моря, начиная от Гибралтарского пролива. В главе «море ар-Рума» и при описании карты Ибн Хаукал перечисляет области и населенные пункты побережья, например, Танжер, Тиннис, Дамиат, Фараму, Аскалон, Бейрут, Триполи, Латакию, аль-Масису (т. е. Мопсуестию), города в верховьях Евфрата и Тигра. Эти города, по его мнению, весьма близко находятся от моря Рума. Описывая довольно подробно территорию Малой Азии, Ибн Хаукал упоминает о надписи на карте, на суше вблизи моря Рума, где сказано, что на этом отрезке земли живут люди, говорящие на непонятных языках, отличающиеся друг от друга и находящиеся в состоянии междоусобицы; часть их подчиняется великому правителю Рума, а часть имеет других правителей, но все они исповедуют христианскую веру (BGA II, Vol. 1. P. 192).

Перечислив большое количество разных городов у побережья и у истоков рек, разных округов, не уточняя, правда, какому государству принадлежат эти населенные области, он пишет, что море Рума тянется до тех пор, пока не дойдет до самого края земли Египта, простираясь по этой земле к Сирии, проходя вблизи области ас-Сугур, в которой известен город Тарс, затем проходит по территории Византии до города Анталия, затем переходит через Константинопольский пролив и по другой стороне продолжается до Афин, далее до берегов Калабрии, Лангобардов, Ифранджи и Румии (т. е. Италии), проходит далее до страны ал-Андалус, впадая затем в Окружающее море (Ibid. P. 191–194, 201–204). Широким

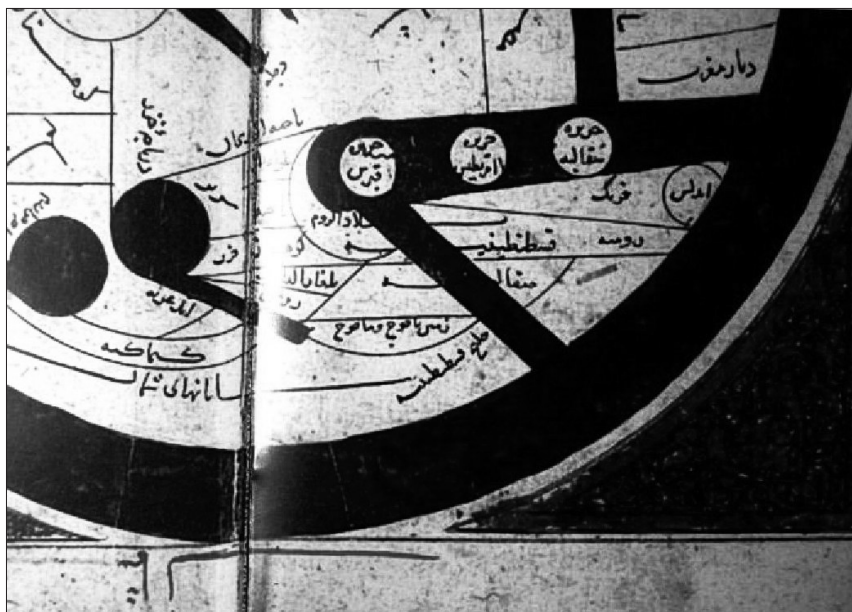

Рис. 25. Фрагмент круглой карты мира ал-Истахри.
 Fig. 25. Fragment of the Round Map of the World by al-Istakhrī.

полукругом, с другой стороны, море доходит до Сирии и уходит на север (не забудем, что он находится внизу карты). С этого места начинается громадный Константинопольский пролив, на восточном берегу которого показана Македония. Изображений Черного и Азовского морей на карте нет. Пролив далее полукружием огибает Константинополь, таким образом, видимо, показав Золотой Рог; ниже на западном берегу пролива указана сторона (область, *нахва*) Трапезунда (это либо ошибка автора, либо изменение стороны в связи с ориентацией карты). По обеим сторонам пролива далее показаны славяне (*ас-сакалиба*).

Отдельно от моря Рума, при общем описании Земли, Ибн Хаукал указал, что в правой части карты показан пролив, который называется *ал-Кустантинийя*. На этом участке суши читается *балад ар-Рум*, т. е. страна Византия. Слово «страна» находится на другом участке суши, а также на побережье небольшого участка [суши] в середине пролива *ал-Кустантиниййи*. На побережье лежат области Македонии, Пелопоннеса, Венеции, Калабрии, области ал-Анкабризи, Ифранджи и Джиликии. В углу карты — страна ал-Андалус. В нижней части моря *ал-Мухит* — пустыни севера (Ibid. P. 10).

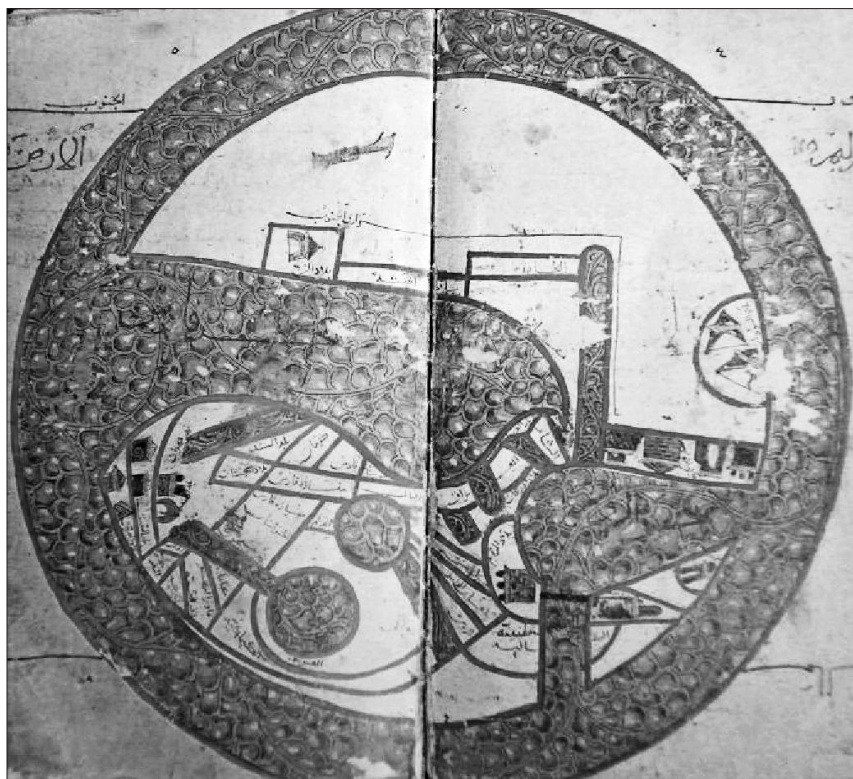

Рис. 26. Фрагмент круглой карты мира ал-Истахри.
 Fig. 26. Fragment of the Round Map of the World by al-Istakhri.

Этот пролив еще раз описывается со стороны его северной части:

«Константинопольский пролив впадает в море Рума из моря Окружающего до того [места] о котором я говорил раньше, от самого севера до пустынных окраин, которые не посещают из-за холода, и уходит он [пролив на севере] в бедную из бедных землю Гога и Магога (*Йаджудж и Маджудж*)» (Ibid. P. 202).

Названия *Йаджудж* и *Маджудж* происходит от библейских имен, но в арабской традиции они связывались с легендой об Александре Македонском, который запер этих жестоких людей за железной стеной, и разрушиться эта преграда должна только перед концом света, когда выйдут народы Гог и Магог, принеся разрушение миру. Народы *Йаджудж* и *Маджудж* фигурируют как жители дальнего востока ойкумены в сочинениях ал-Хорезми, Ибн Хордадбега, Ибн ал-Факиха

и др., но по материалам ал-Истахри, Ибн Хаукала и Ибн Фадлана, они обитают на севере (рис. 10).

В отличие от ал-Истахри, Ибн Хаукал считал, что Константинопольский пролив соединяется с Каспием, что существенно отличается от представлений ал-Истахри. Последний называл Каспий морем *ал-Хазар* и писал:

«Это море не соединяется ни с одним из морей на поверхности земли, и если человек объедет вокруг моря, то вернется к тому месту, с которого начал [путь] без помех, разве только пресная река впадает в него (имеется в виду Итиль. — Т. К.)» (BGA I. P. 218).

Ибн Хаукал соединил море *ал-Хазар*, посредством реки *Итиль*, с проливом *ал-Кустантинийа*, добавив в описание моря *ал-Хазар* ал-Истахри существенную деталь:

«Это море не соединяется ни с одним из морей на поверхности земли ни способом смешения, ни способом связи, *кроме того, что входит в него из реки ар-Рус, известной как Итиль, и оно* (море. — Т. К.) *связано ответвлением, ведущим от него к проливу, [который] выходит из земли ал-Кустанинийа, с морем Окружающим* (курсив мой. — Т. К.). И если человек объедет вокруг этого моря... (далее: как у ал-Истахри. — Т. К.)» (BGA II, P. 288).

Таким образом, если ал-Истахри соединял Константинопольский пролив с северными водами Окружающего океана, то Ибн Хаукал присоединил сюда и ответвление от р. Итиль, т. е. Волги, показав таким образом свое представление о водных путях Восточной Европы.

Следует отметить, что даже на первый взгляд заметно большое сходство опубликованных карт ал-Балхи и Ибн Хаукала, поэтому необходима дальнейшая систематическая работа по сравнению текстов и карт авторов. Соотношение произведений трех авторов так и не поддается пока уверенному отождествлению, вследствие чего приходится вспомнить замечание М. Де Гюе, который около 150 лет назад сказал, что относительно сочинений ал-Балхи, ал-Истахри и Ибн Хаукала существует большая путаница (De Goeje 1871. S. 42).

Таким образом, как на карте, так и в тексте Ибн Хаукала, восточноевропейские водные пути представлены одним водным потоком, связывающим малоазиатские и византийские земли с севером. Авторы «классической школы» географов отразили таким образом полученную новую информацию о торговых и дипломатических связях северных земель (Руси, Хазарии, Волжской Булгарии, Скандинавии) с Византией

и Востоком. То обстоятельство, что представители этой школы географов не знали о существовании Черного и Азовского морей, показывает преимущественный интерес их к областям ислама и Поволжья.

Указанными известиями географов, однако, не ограничиваются знания арабских ученых о Восточной Европе.

В 2002 г. была опубликована прямоугольная карта и ее части из «Книги чудес наук и диковин виденного воочию» анонимного автора, который жил между 1020 и 1050 гг. в Египте. Автор использовал данные книг более двадцати предшественников, а также оригинальную информацию, полученную от современных ему торговцев и путешественников (см.: *An eleventh-century Egyptian* 2014. Fols. 23B–24A). В правой нижней части карты мира показана Европа с очень большим Пиренейским полуостровом, где с трудом читается надпись «ал-Андалус»; есть имя «Италия». Константинополь отмечен на оконечности европейского континента позади некоей коричневой каменной стены, которая, вероятно обозначает «Длинную стену»¹⁵¹. Справа от Константинополя внизу есть надпись: Киев (ал-Куяаба) — единственное обозначение Киева на арабских картах. Большая часть топонимов и гидронимов весьма схожа с информацией труда Ибн Хаукала, как и название Киева в арабской передаче (рис. 11).

Арабские ученые воспринимали славян, русов, болгар, алан как соседей Византии; знали хазар, волжских болгар, тюрок, некоторые другие народы Восточной Европы и Средней Азии. Однако, в отличие от византийцев, арабы никогда не называли эти народы ни скифами, ни тавро-скифами, ни гиперборейцами или подобными античными этнонимами (Бибиков 2004. С. 117–121), хотя и византийские, и западноевропейские представления о Земле и мире основывались на античном наследии. При этом арабские авторы не упоминали своих византийских современников, что говорит о слабом влиянии византийской науки на арабских ученых (Большаков 2001. С. 368–372). Несмотря на это, информация о географическом положении Византии, сведения арабских историков о византийских императорах и их войнах с арабами и другими народами, о Средиземном море, его островах и проливах, о связи с водными бассейнами Восточной Европы были отлично известны арабским географам.

---

¹⁵¹ См. о ней выше С. 28.

АРАБСКИЕ УЧЕНЫЕ О НАШЕСТВИИ НОРМАННОВ НА СЕВИЛЬЮ В 844 г.¹⁵²

История нападения норманнов на Севилью в 844 г. изучалась более 150 лет. Как справедливо заметила Л.А. Семенова, представившая краткий историографический обзор проблемы, информация «Книги стран» арабского ученого IX в. ал-Йа‘куби до сих пор не имеет удовлетворительной интерпретации, но использовалась в качестве аргумента для обоснования норманнской теории (Семенова 1997. С. 118–134). Именно сведения ал-Йа‘куби привлекли внимание к нашествию норманнов на Севилью в 844 г., ибо он, кратко сообщив о случившемся, назвал нападавших «*ал-маджус*, которых именуют *ар-рус*» (BGA VII. P. 354).

Хроника набега 844 г. воспроизведена детально по восточным источникам X–XVII вв., которые, пересказывая друг друга, добавляя новые детали, иной раз искажая в силу своих представлений какие-то черты, сохранили конкретные данные о событиях. Это Ибн ал-Кутиййа, Ибн Хаййан, ал-‘Узри, ал-Бакри, Ибн ал-Асир, Ибн Са‘ид ал-Магриби, Ибн ‘Изари, ан-Нувайри, Ибн Халдун, ал-Маккари и др. Сведения этих авторов были собраны в книгах Р. Дози, Й. Стефанссона, А. Сейпеля, Х. Биркеланда, А. Мельвингера, Э. Леви-Провансаля, ‘Абдурахмана ‘Али ал-Хаджжи и др. (Dozy 1881. P. 250–372; Stefansson 1908–1909; Seirpel 1896–1906. Fasc. 1–11 [здесь помимо данных о набегах на Испанию собраны все известные в то время фрагменты арабских источников о русах, маджусах, варягах-варанках и т. д.]; Birkeland 1954 [эта работа является переводом на норвежский язык труда А. Сейпеля с комментариями Х. Биркеланда]; Melvinger 1955; El-Hajji Abdurrahman Ali 1970).

Приведем выдержки из рассказов об этом набеге.

Ибн ал-Кутиййа (ум. 977 г.):

«[...] ‘Абд ар-Рахман построил в Севилье мечеть и воздвиг вокруг города стену по причине взятия ее *маджусами*, после того как вторглись они туда в году 230 (844/45), первой даты, когда упоминается [подобное].

---

¹⁵² Впервые опубликовано: ДГ, 1999 г.: Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001. С. 190–210.

Я выражаю глубокую благодарность коллегам В.М. Бейлису, Д.В. Микульскому, Д.Е. Мишину за помощь в переводах, а также С.Г. Кляшторному за предоставленную возможность ознакомиться с изданиями, которых нет в московских библиотеках.

Было их вторжение в его ('Абд ар-Рахмана) дни. Были устрашены люди и бежали от них, и оставило население Севилью, и бежало оттуда в Кармону и в горы Севильи. Никто из жителей Запада не призывал сражаться с ними, и люди в испуге бежали в Кордову и соседние с ней округа. Вазирьы вышли вместе с жителями Кордовы и соседних с ней округов, а население Пограничья (имеется в виду область, соседняя с Андалусией. — Т. К.) спаслось бегством, как только *маджусы* стали продвигаться, занимая первые же территории Запада и захватив равнину (?) Лиссабона. А вазирьы и те, кто были с ними, оставались в Кармоне и не могли поднять людей на борьбу из-за большой силы [врагов]. [Так было], пока жители Пограничья не отважились [выступить]... Когда люди Пограничья соединились с вазирьями, они стали просить, чтобы двинулся [и] народ, они сообщили, что от них ежедневно выступают отряды в сторону Фирisha и Аликанте и в направлении Кордовы и Маврура. Они обратились с просьбой устроить засаду в таком месте, где они могли бы спрятаться поблизости от окраины Севильи. Им указали на селение Кинтуш Му'афир, южнее Севильи. Они вышли туда под покровом ночи и спрятались там. А в нем — церковь [святого] покровителя, и они поднялись [к куполу] и наблюдали с ее высоты из деревянной [надстройки]. Когда занялась заря, к ним вышел отряд [*маджусов*], в котором было шестнадцать тысяч, часть из них направлялась в сторону Маврура. Когда они [оказались] напротив селения, наблюдатель указал на них. Однако [мусульмане] не стали нападать на них, пока они не прошли дальше. Когда они удалились, [мусульмане] отрезали их от города, и меч поразил их всех. Затем подошли вазирьы, вступили в Севилью и застали там правителя, который был осажден в ее крепости. Он вышел к ним, и люди отступили. А два отряда *маджусов* вышли [из города?], кроме того, который был уничтожен, один [отряд] в сторону Аликанте, другой — в сторону Кордовы и в сторону Бану Лайс. Когда те *маджусы*, которые были в городе, услышали о коннице, приходе войск и гибели отряда, выступившего в направлении Маврура, они бежали к своим кораблям, поднялись вверх [по течению] выше Севильи в сторону крепости аз-За'вак и встретились со своими товарищами, после чего сели на корабли и спустились вниз [по реке]. А люди, обозлившись на них, забрасывали их камнями и костями [животных]. Когда они (*маджусы*. — Т. К.) подошли к Севилье на расстояние мили, то стали кричать людям: „Если хотите выкупить [своих пленных], отстаньте от нас!“ [Люди] прекратили [нападения] на них и предоставили выкуп за находившихся у них пленников. Большинство пленных было выкуплено: они не брали в качестве выкупа за них ни золота, ни серебра, а взяли только одежду и еду.

Они отошли от Севильи и направились к Накуру... Затем они чинили насилия над всеми обитателями побережья, пока не добрались до страны *ар-Рум* (Византии или Италии. — Т. К.). В том путешествии они достигли Александрии и пребывали в этом [положении] четырнадцать лет [...].

Многие старейшины Севильи рассказывали, что *маджусы* накаляли в огне стрелы и выпускали их в свод мечети, и, если [место] вокруг стрелы загоралось, она [стрела] падала. И следы стрел на своде [мечети] видны до нашего времени. Когда они потеряли надежду поджечь [мечеть], то собрали в одном из помещений дрова и циновки, [чтобы] разжечь огонь, и это [все] достигало кровли. Тогда со стороны михраба к ним вышел [некий] юноша и вывел их из мечети, и запретил им входить туда три дня, до тех пор, пока не произошло сражение с ними. И *маджусы* описывают вышедшего к ним юношу как совершенство красоты» (Ibn al-Qutīya 1982. P. 84–88).

Ибн Хаййан (987/88–1076 гг.):

«Рассказ о нападении флота *маджусов* из *ал-урдуманийун* — да проклянет их Аллах — со стороны Румийского моря на западное побережье Андалусии [...].

Сказал Мухаммад ибн Ахмад (здесь ошибка, следует читать: Ахмад ибн Мухаммад. — *Д. М.*) ар-Рази: в 229 г. (843/44) появились корабли *ал-урманийун*, известных в Андалусии как *ал-маджус*, у западного побережья Андалусии [...].

Сказал ‘Иса ибн Ахмад (ар-Рази, сын упомянутого выше Ахмада ибн Мухаммада. — *Д. М.*): я прочитал в „Послании о победе над *маджусами*“: остановились у берега одного из берегов наших пограничных районов корабли народа, именуемого *ал-удманийун* [...].

[Касыда ‘Усмана]:

Собрал меч его [Насра-евнуха]

из мяса *ал-урдуманийуна* вечернюю трапезу свою,

а те набрасывались на него, подобно волкам и орлам» (Ben Nauyan de Cordoba. 1999. P. 195, 196, 198, 201)¹⁵³.

Ал-‘Узри (1003–1085 гг.):

«Выступление *маджусов* со [стороны] моря на область Севильи. Рассказывают, что в году 229 (843/44) прибыло письмо Вахбаллаха ибн Хазма, наместника Лиссабона, сообщавшее, что остановилось на побережье около него 54 корабля и с ними 54 судна *маджусов*. Были отправлены известия правителям областей с предупреждением, и в том же [году] было высказано пожелание имаму ‘Абд ар-Рахману от Галандара ибн Вук.к.х(а) (Галиндо, сына Иньиго? — *Д. М.*), и он участвовал в битве с *маджусами*. В году 230 (844/45) подошли *маджусы* на кораблях к Севилье в пятницу мухаррама 8-го (25 сентября 844). А перед этим зул-хиджжа 1-го (20 августа 844) они появились близ Лиссабона, как уже было сказано. Находились они там тринадцать дней, и между ними и мусульманами происходили сражения. Затем они заняли остров Кабель

¹⁵³ Переводу фрагментов из этой недавно появившейся книги, которой нет в российских библиотеках, я полностью обязана Д.Е. Мишину.

в [округе] Севильи в день, датированный [выше] пятницей, и оставались там три дня. Утром в понедельник они появились в селении Кориодель Рио, и люди начали войну с ними и [применили] оружие в крепости его против них, а оно [селение] расположено в 12 милях от города Севилья. Утром в понедельник 12-го мухаррама они встретились в сражении, мусульмане бежали, и очень многие из них погибли. *Маджусы* находились в Кориодель Рио оставшуюся часть дня, затем во вторник они вошли в Табладу, а она в 20 милях от города Севилья. Они провели там ночь, а на следующий день появились под городом в местности, именуемой ал-Фаххарин. Люди призывали [объединиться] против них и начали сражение. Потом [*маджусы*] повели свои корабли дальше, пока не остановились внутри города Севилья, и бросились со своих кораблей в битву с мусульманами. Утром в среду 14-го мухаррама, и [это же] 1 октября, мусульмане бежали, а погибло и было взято в плен столько мусульман, что и не описать. Меч не переставал разить все живое, что только попадалось ему: мужчин, женщин, детей, верховых животных, скот, птицу — все, что находилось в пределах досягаемости их мечей и стрел. Они вошли в центральную часть Севильи и пробыли там остаток дня и ночь. Затем в четверг утром вернулись к своим кораблям.

А военачальники имама ‘Абд ар-Рахмана остановились восточнее Севильи, в местечке под названием Машдул [...]. Когда враги Аллаха узнали о них, они поспешили [первыми] начать [бой], так что чуть было не смяли их [ряды], но мусульмане проявили мужество, держались и продолжали сражение, пока не уничтожили около 70 неверных и не обратили их в бегство, прогнав на свои корабли. Затем мусульмане отказались [от преследования], отступились от них и остановились.

Когда к имаму ‘Абд ар-Рахману пришла весть о деяниях военачальников, он отстранил их и выпустил Мухаммада ибн Са‘ида ибн Рустума, и тот отправился тотчас же [после] этого во главе воинов и ополчения, собравшихся к нему, пока не остановился в центральной части Севильи. Тогда *маджусы* вышли к нему и в тот же день завязали бой с ним в городе, но он отразил их. Когда наступила ночь, он и те, кто были с ним, ушли, боясь ночного нападения. Он отошел в Куртиш — это в четырех милях к югу от города. Затем утром он выступил для сражения, но *маджусы* не отважились напасть на него и отошли от [Ибн Рустума], пока не остановились в Табладе, а он преследовал их и во вторник 3-го раби‘ I (18 ноября 844 г.) напал на них, установив против них метательные машины. В этот же день к ним прибыл Наср-евнух с подкреплением из Кордовы, поднял людей со всех сторон на войну с *маджусами*, и началось сражение между ними. Мусульмане чуть было не бежали, но Мухаммад ибн Рустум сошел с коня, а за ним спешили также и люди, и пешие вошли в [пространство] между врагом и большой рекой, разъединив *маджусов* и их корабли. *Маджусы* бежали, и около пятисот неверных было убито. У них захватили четыре корабля со всем, что было в них. Ибн

Рустум приказал сжечь корабли, а то, что находилось на них, продать как трофеи. Это происходило в его лагере, а *маджусы* не предприняли [нападения]. Они оставались между Табладой и Кабтелью несколько дней, и мусульмане не имели возможности напасть на них. [Так было], пока *маджусы* не вышли со стороны реки, [протекающей] вблизи Ниеблы, быстро поднялись на возвышенность, захватили пленных и товары, а затем стали наступать. Мусульмане преградили им путь. Во главе конницы был ‘Абдус ибн Мукбил, а командиром войска, расположенного в той местности, — ‘Абдаллах ибн Кулайб ибн Са‘лаба. [Но] каждое подразделение воздерживалось от помощи сотоварищам и отказывалось защищать их.

Затем *маджусы* прибыли в Канб Кауриш, расположились там, вывели пленных и выставили добычу, распределив все это между собой. Тогда мусульман охватил гнев, и они отважно ринулись на них, убили двух молодчиков из *маджусов* и загнали их на корабли. После этого враги Аллаха вошли в Кабтель и продвигались между долинами, а мусульмане с обоих берегов реки спустились к ним, не давая им остановиться. *Маджусы* облегчили свои корабли и пошли в Сидонию, захватили еду и взяли пленных. Там они находились два дня. Затем по реке спустились пятнадцать кораблей, принадлежащих имаму ‘Абд ар-Рахману ибн ал-Хакаму, с воинами и оружием, и остановились в Севилье. Когда *маджусы* узнали об этом, они ушли к Балбале, совершая набеги и захватывая пленных. Они остановились на реке Вади Вабру (Гвадалквивир? — Т. К.) на острове Шалтиш. После этого *маджусы* достигли Ашкуны и сделали остановку на Вади Ана (Гвадиана? — Т. К.), затем пришли к Беже и остановились в местности, называемой С.‘с, потом располагались в ал-Ма‘дане, далее перебрались в Лиссабон и двинулись [оттуда] в поход, и после этого вестей о них не поступало» (Al-‘Udhri 1965. P. 98–99)¹⁵⁴.

Ал-Бакри (ум. 1094 г.):

«[...] Стены Севильи построил имам ‘Абд ар-Рахман ибн ал-Хакам после того, как ей овладели *маджусы*, из камня, сделав их [стены] очень прочными» (The Geography of al-Andalus 1968. P. 112).

Ибн ал-Асир (1160–1234 гг.):

«Рассказ о нападении многобожников на области мусульман в Андалусии. Он сказал: в этом году, я имею в виду 230 (844/45), выступили *маджусы* морским путем из отдаленных пределов Андалусии на области мусульман в ней [...]. Они появились в зу-л-хиджа года 229 (20 августа — 17 сентября 844) около Лиссабона, и 13 дней происходили между ними и между мусульманами битвы. Затем напали на Кадис, потом на Сидонию. Были между ними и мусульманами сражения. Затем подошли к Севилье 8-го мухаррама (25 сентября) и остановились в двенадцати

¹⁵⁴ Расшифровка топонимов сделана по книге: Dozy 1881. P. 225–261, notes, а также при дружеской помощи Д.Е. Мишина.

фарсах от нее. Против них вышло много мусульман, и они встретились в сражении, но 12-го мухаррама (29 сентября) мусульмане отступили, многие из них погибли. Затем расположились они (*маджусы*) в двух милях от Севильи. Жители выступили против них и сражались, но 14-го мухаррама (1 октября) мусульмане обратились в бегство и многие были убиты, другие взяты в плен. Мечи *маджусов* не щадили ни человека, ни лошади. Они вошли внутрь Севильи и оставались там сутки, а затем вернулись к своим кораблям. После этого их настигло войско ‘Абд ар-Рахмана — правителя страны — и [отряды] нескольких предводителей. *Маджусы* напали первыми, но мусульмане держались стойко и сражались с ними. Семьдесят многобожников было убито, а остальные отступали, пока не сели на корабли, мусульмане же воздержались [от нападения] на них. Услышав об этом, ‘Абд ар-Рахман послал еще другое войско, и оно вступило в жестокую битву с *маджусами*, и те повернули обратно, а войско, неотступно следуя за ними, на протяжении раби‘ I (16 ноября — 15 декабря 844 г.) вело сражение, и к нему подошла подмога со всех местностей, вставая на битву с *маджусами* со всех сторон. *Маджусы* выступили против них и сражались с ними, и мусульмане чуть было не отступили, но потом держались стойко. Многие из них спешились. И *маджусы* бежали, а около пятисот человек из них было убито. У них захватили четыре корабля, забрав то, что там было, и сожгли их. Несколько дней [мусульмане] оставались [на месте], не имея доступа к *маджусам*, так как те находились на своих кораблях.

Затем *маджусы* двинулись в Ниеблу и захватили пленных, после причалили к острову неподалеку от Кур(т?)иса, расположились там и разделили имевшуюся у них добычу. Тогда мусульмане, разгневавшись, подошли к ним по реке и убили двух человек из [числа] *маджусов*, после чего *маджусы* отплыли, направляясь к Сидонии. Там они захватили в качестве добычи продовольствие и пленных и находились там два дня. А потом в Севилью прибыли корабли ‘Абд ар-Рахмана, правителя Андалусии. Когда *маджусы* услышали об этом, то поспешили к Балбале, напали на город и захватили пленных, затем подались в Оксонобу, далее прошли к Беже, после этого вернулись в Лиссабон, а затем ушли, и известия о них из городов прекратились» (Seippel 1896–1906. Fasc. 1. P. 21–22).

Ибн Са‘ид ал-Магриби (Абу-л-Хасан ‘Али ал-Гарнати) (не позднее 1214–1278 гг.):

«[...] И в году 229 (843/44) корабли *ал-урдуманийина ал-маджус* появились у западного побережья Андалусии. В четверг, когда прошло четырнадцать [ночей] мухаррама 229 года, они пристали близ Севильи, а она не была защищена. Они вошли и грабили ее [на протяжении] семи дней, пока не появился Наср-евнух. Он обратил в бегство христиан, называемых *ал-маджус*, и привел в негодность их корабли. Об этом ‘Усман ибн ал-Мусанна сказал:

Говорят, что *ал-урдуманийина* приближаются.

А я сказал: если придут, пошлем на них Насра.

После этого была построена стена Севильи по совету ‘Абд ал-Малика ибн Хабиба» (Ibn Sa‘id al-Magribi. С. 49)¹⁵⁵.

Абу-л-Фида’ (1273–1331 гг.):

«Он сказал. В этом году (я имею в виду год 230 (844/45)) вышли *маджусы* из самых отдаленных областей Андалусии по морю к стране мусульман. Между ними и мусульманами произошло несколько сражений, в которых мусульмане потерпели поражение. Так что [*маджусы*] вошли в центр Севильи, но их настигло войско ‘Абд ар-Рахмана Омейяда — правителя Андалусии, а затем к ним присоединились мусульмане со всех сторон, и *маджусы* были побеждены, у них было захвачено четыре корабля с тем, что было в них, и *маджусы* на своих кораблях бежали в свою страну» (Seippel 1896–1906. Fasc. 1. P. 31).

Ан-Нувайри (1279–1332 гг.):

«Рассказ о походе *маджусов* в области ислама в Андалусии. Он сказал: в году 230 (844/45) выступили *маджусы* из отдаленных земель Андалусии в страну мусульман. Впервые они появились в зу-л-хиджжа года 229 (20 августа — 17 сентября 844) около Лиссабона, и оставались они там 13 дней, и происходили между ними и между мусульманами сражения [...]. (Далее рассказ в несколько сокращенном варианте совпадает с известиями Ибн ал-Асира, который и был первоисточником ан-Нувайри)» (Ibid. P. 32–33).

Ибн ал-‘Изари (втор.пол. XIII — нач. XIV в.):

«Вторжение *маджусов* в Севилью в году 230 (844/45). Вышли *маджусы* на примерно 80 кораблях, как будто заполонили море черные птицы, так и наполнились сердца горем и скорбью. Высадились у Лиссабона, затем подошли к Кадису, к Сидонии, потом подступили к Севилье, заняли ее силой, истребляя и пленяя жителей. И оставались в ней семь дней, напоив ее народ из чаши смерти. Весть об этом дошла до эмира ‘Абд ар-Рахмана, и он послал туда конницу *хаджиба* ‘Исы ибн Са‘ида — мусульмане явились к нему по мановению ока. Во главе конницы он поставил ‘Абдаллаха ибн Кулайба ибн Васима и других. [‘Абд ар-Рахман] снизошел с высоты престола, предписав правителям округов мобилизовать людей. Они собрались в Кордове, и во главе их выступил Наср-евнух. *Мажусы* составили корабли один к другому и стали убивать мужчин, насиловать женщин, захватывать мальчиков, и это совершалось на протяжении тринадцати дней, как об этом рассказано в [сочинении] „Бахджат

¹⁵⁵ По наблюдению Д.Е. Мишина, стихотворная цитата исходно принадлежит Ибн Хаййану. Как здесь, так и в цитате из Ибн Хаййана (см. выше) разница в написании слова «ал-урдуманийуна» объясняется метрикой арабского стихотворения.

ан-нафс” („Радость души”), но в книге „Дурар ал-кала’ид” („Жемчужины ожерелий”) — семь дней, как было сказано выше. (Дальнейший рассказ, до повествования о сожжении кораблей *маджусов* и продаже награбленного, совпадает с известиями ал-‘Узри.) [...] Затем произошло сражение с ними около селения Таблада, во вторник, когда оставалось пять ночей [до конца] сафара (11 ноября 844 г.), в нем погибло множество [*маджусов*], было сожжено тридцать кораблей. Большое число *маджусов* было повешено в Севилье, их подняли на стволы пальм, что были там. А оставшиеся сели на свои корабли и ушли в Ниеблу, а оттуда направились к Лиссабону, и вестей от них больше не поступало.

Прибытие их в Севилью [приходится] на среду, по прошествии четырнадцати ночей мухаррама 230 года (1 октября 844 г.), а после их прихода в Севилью прошло сорок два дня. Был убит их эмир, их [самих] погубил Аллах, а их оружие и снаряжение были рассеяны мстью Аллаха и наказанием — возмездием за то, что они совершили, — тем, что Аллах уничтожил их эмира и погубил множество их [самих] и их завоевания. И были выпущены грамоты для [всего] мира с известиями о них. Эмир ‘Абд ар-Рахман написал пребывающим в Танжере [вождям] Санхаджа (союза берберских племен. — *Т. К.*), извещая их о том, что совершил Аллах с *маджусами* и какое ниспослал на них отмщение и гибель, и послал [им] голову эмира [*маджусов*] и двести голов его спутников» (Ibn ‘Idari al-Marrakushi. P. 130–132).

Ибн ал-Хатиб (1313–1374 гг.):

«В его (‘Абд ар-Рахмана II) время вышли корабли *маджусов*, вошли в Севилью, Кадис, Сидонию и Лиссабон, затем потерпели поражение; а *маджусы* — это те, которых сегодня христиане Кастилии называют инклиш (англи. — *Т. К.*), а народ Машрика — фиранджами (франками. — *Т. К.*) и инкисирами (англичанами. — *Т. К.*). Местопребывание их государя — на двух огромных островах длиной 600 миль, и они народ мощный, могущественный и сильный» (Ibn al-Khatib as-Salmani 1956. P. 20).

Анонимное описание Андалусии (XIV–XV вв.):

«В году 230 (844/45) он (‘Абд ар-Рахман II) приказал построить мечеть в Севилье и воздвигнуть стену по причине вторжения *маджусов* в нее по морю Румийскому» (Una Descripción 1983. P. 150).

Ал-Маккари (1591–1632 гг.):

«В его (‘Абд ар-Рахмана) дни появились *маджусы* и вторглись в Севилью. ‘Абд ар-Рахман послал на них войско с командующими из Кордовы. Они оставили свои суда и вступили в бой с мусульманами, которых разбили после тяжелого боя. Затем пришли войска на помощь из Кордовы и сражались с *маджусами*, и разбили их мусульмане и захватили часть их кораблей и сожгли их. [Тогда те] передвинулись к Сидонии и находились в ней два дня, захватив кое-что из добычи. [Но] прибыли корабли ‘Абд ар-Рахмана к Севилье, и отошли *маджусы* к Ниебле, нападая

и оскорбляя [жителей]. Потом [маджусы прошли] к Беже, затем к Севилье, а потом прекратились вести о них, когда они отплыли из Лиссабона, и страна успокоилась. Это [происходило] в 230 году» (al-Makkari 1855. Vol. 1. P. 222–223).

Итак, восточные источники повествуют о том, что в августе 844 г. корабли норманнов появились на западном побережье Андалусии. Правителям прибрежных городов было разослано послание с предупреждением о грозящем нападении морских разбойников на 54 или 80 судах. Через некоторое время они вошли в Кадис, затем в Сидонию. В конце сентября флот появился в устье Гвадалквивира. У напавших были серьезные, приведшие к большим потерям битвы с местным войском, тем не менее в начале октября грозную армаду увидели близ Севильи. Разграбив город и взяв в плен жителей, пришельцы свезли добычу в лагерь, в устье Гвадалквивира, затем вернулись в Севилью. Под предводительством областных полководцев было собрано войско против пришельцев; в этих сражениях погибло много захватчиков. Уйдя в Ниэблу, оставшиеся норманны разграбили и ее, затем прошли к Лиссабону и отплыли. По сведениям Ибн Дихьи, после нашествия был заключен мир между омейядским эмиром в Кордове ‘Абд ар-Рахманом II (822–852) и неким норманнским правителем в результате посольства, возглавленного дипломатом и поэтом по имени ал-Газал (впрочем, занимавшийся вплотную этой проблемой Э. Леви-Провансаль полагал, что информация о посольстве ал-Газала имеет книжный, литературный характер и не является достоверной (Lévi-Provençal 1950. Т. 1. P. 127) хотя не все историки согласны с ним — El-Hajji Abdurrahman Ali 1970. P. 186–203; там же см. арабский текст и английский перевод рассказа Ибн Дихьи: P. 172–181).

Изложенные данные показывают, что те авторы, которые имели конкретные известия о набеге 844 г., не связывали разбойников, напавших на Севилью, с именем *ар-рус*, а называли напавших *ал-маджус* и *ал-урдуманийун*. Слово *ал-маджус* означает «огнепоклонники». Этот термин первоначально употреблялся по отношению к народам, которые поклонялись огню или применяли огонь при похоронном обряде: индусам, иранцам-зороастрийцам, славянам, русам и др., следовавшим обряду поклонения огню или солнцу, или к язычникам. Так называли и северных жителей — норманнов (Dunlop 1958. P. 13, note 2). А. Мельвингер полагал, что термин относился к славянам (Melvinger 1955. P. 43–44 etc.).

Из приведенных выше отрывков очевидно, что восточные писатели применяли термин *маджус* в отношении нападавших на Испанию скан-

динавов. Слово *урдуманийун* соответствовало западноевропейскому названию норманнов (*Nor[d]manni, Lordomani, Lormanese*) и использовалось только в испано-арабских источниках. Заметим, что один из авторов XIII в., Ибн Са'ид ал-Магриби, называл маджусов христианами, тогда как в 844 г. скандинавы еще не приняли христианство, что свидетельствует о наличии информации из ранних источников, с одной стороны, и о внесении оригинальных и более поздних известий — с другой. Также Ибн ал-Хатиб, писатель XIV в., помимо упоминания о походе 844 г. отметил современные ему данные о расселении норманнов.

Географ XII в. аз-Зухри дал общее описание скандинавских набегов на Испанию:

«[...] Приходили из этого моря ('Укийанус, т. е. Океана или, по-другому, Окружающего моря, Атлантики. — Т. К.) огромные корабли, которые жители Андалусии называли *каракир*, а это корабли большие, с четырехугольными парусами, которые могли обращаться и в переднюю сторону, и в заднюю. На них плавали ватаги людей под названием *ал-маджус*, народ сильный, доблестный и искусный в мореплавании. Когда бы ни появились они, пустело побережье из-за страха перед ними. Набеги их происходили каждые 6 или 7 лет, не меньше чем на 40 кораблях, а иногда и на 100. Они истребляли всех, кто встречался на море, грабили и брали в плен. Та башня, которая [впоследствии] разрушилась, была им известна, при входе в Гибралтар (*аз-Зукак*). Они входили, [ориентируясь] по ней, в то малое море (*ал-бахр ас-сагир* — Средиземное) и проходили до окраин Сирии (*аи-Шам*). Со временем разрушился этот маяк, и не входили уже больше те каракиры, кроме двух, разбившихся, один — у пристани маджусов (*Марса ал-Маджус*), а другой — у мыса ал-Агарр (*Тараф ал-Агарр* — Трафальгар?). Было это в году 545 (1150/51). Не приходили они после этого, не мешали движению на море, и не появлялись более *ал-маджус* по причине отсутствия маяка» (Kitab al-Dja'rafuya 1968. P. 215).

Таким образом, восточные источники имели сведения не только о самих западноевропейских норманнах, но даже об их судах: термин *каракир* относился, вероятно, к *драккарам*, предназначенным для морских плаваний; словом же *кариб*, видимо, называлось грузовое судно — *кнорре*, следовавшее за драккаром (фон Фиркс 1982. С. 39–66).

По сведениям Ибн ал-Кутийи, после боев близ Севильи *маджусы* продолжили экспедицию на побережье Северной Африки, затем отправились в Византию и Александрию, а всего путешествовали 14 лет. Вероятнее всего, в этой информации отразились данные о двух набегах, 844 и 859 гг.; о последнем имеются также вполне достоверные и весьма красочные сведения у испано-арабских писателей.

Однако о появлении скандинавов в Византии имеются данные и других источников. В «Житии Георгия Амастридского», составленном между 825 и 842 гг. (впрочем, по поводу времени возникновения и авторства этого источника в византиноведческой литературе нет единого мнения — Древняя Русь 1999. С. 91–92), отмечено, что варварский народ *рос* напал на город Амастрида на малоазиатском побережье Черного моря, появившись от озера Пропонтида. Это озеро считалось большинством исследователей Азовским морем, однако Пропонтидой в античных и византийских источниках именовались Мраморное море и Босфор. Поэтому ученые до сих пор не пришли к единому мнению о том, кто же были напавшие — западноевропейские норманны, пришедшие со стороны Средиземного моря, или русы, появившиеся со стороны Азовского и Черного морей, как они это делали позже, нападая на Константинополь. Ранний поход росов на Константинополь был зафиксирован русским «Житием Стефана Сурожского» (XV в.), в основе которого лежал древний византийский источник, где рассказывалось, что в первой половине IX в. росами был совершен из Новгорода поход на город Сурож — византийскую Сугдею в Крыму. Хотя очевидно, что подробности этого события сомнительны (поздний памятник был составлен с целью удревить и прославить новгородскую историю), но сам факт похода, как считают исследователи, мог иметь место (Васильевский 1915. Т. III. С. 95–96. Оболенский 1998. С. 194). Нападение росов на Константинополь в 860 г. было упомянуто в сочинениях патриарха Фотия (ок. 810 — после 886 гг.), а в «Венецианской хронике» Иоанна Диакона (рубеж X–XI вв.) повествуется о приближении в 860 г. к Константинополю кораблей разбойников, названных здесь норманнами, и опустошении ими его окрестностей (Древняя Русь 1999. С. 93, 290–291). Следует вспомнить и свидетельство епископа Кремоны Липутранда о походе князя Игоря на Константинополь в 941 г., где было отмечено, что некий северный народ греки именуют *ροβίος* («рыжие»), «мы же по местонахождению именуем норманнами. Ведь на немецком языке (*lingua Teutonum*) *nord* означает “север”, а *man* — “человек”, поэтому-то северных людей и можно назвать норманнами» (Там же. С. 291). Параллелью к этому известию является сообщение ал-Мас‘уди (сер. X в.): «Византийцы нарекают их (росов. — *Т. К.*) *русийа*, смысл этого [слова] — “красные, рыжие”» (BGA VIII. P. 141; см. также: Бейлис 1961. С. 23, 25). Древнерусская ПВЛ рассказывая о первых деяниях скандинавских наемников на Руси, зафиксировала нападение на Константинополь Аскольда и Дира из Киева, куда они пришли из Новгорода вскоре после призвания туда Рюрика на княжение (ПВЛ I. С. 18–20).

ПВЛ неточна в датах, поход Аскольда и Дира датирован там 866 г. Не исключено, что на самом деле имеется в виду поход 860 г., о котором сообщают Фотий и «Венецианская хроника».

Тем любопытнее представляются маршруты, которыми следовали приплывавшие в Испанию отряды. Большинство хронистов передают сведения о том, что сначала норманнов замечали близ западных берегов Франции, откуда они плыли мимо Лиссабона в Испанию и появлялись в Андалусии. Следовательно, этот путь естественно начинался в северных водах Европы, от места жительства скандинавов, и шел по водам северной Атлантики. Однако есть два упоминания о том, что набег норманнов на Севилью в 844 г. был произведен маджусами, приплывшими со стороны «Румийского моря», — это свидетельства Ибн Хайяна (кон. X — XI в.) и анонимного автора описания Андалусии XIV–XV вв. Румийским морем арабо-персидскими авторами называются, как правило, Средиземное. Ошибка арабских источников в отношении того, откуда появлялись норманны, может означать, что до арабских писателей доходили слухи и о деяниях русов вблизи Константинополя.

Название же *ар-рус* было достаточно известно на востоке мусульманского мира. Так, Ибн Хордадбех в хорошо известном фрагменте о торговых путях Восточной Европы называл Багдад, где появлялись купцы-русы, пользуясь как переводчиками славянскими слугами (BGA VI. P. 155). Давно отмечен и тот факт, что в связи с набегами на Испанию не только ал-Йа'куби упоминал имя *ар-рус*. Подтверждением сведений ал-Йа'куби, как считал А. Мельвингер, были данные энциклопедиста X в. ал-Мас'уди, который тоже упомянул о каком-то набеге *руссов* на Севилью «до 300 г. х.» (912 г.): «Жители Андалусии думали, что это были *маджусы*, которые приходят в это море каждые 200 лет через пролив, вытекающий из моря 'Укийанус, но не через тот пролив, на котором стоит маяк. Я же думаю, а Аллах лучше знает, что этот пролив соединяется с морями Понт и Майотис и этот народ — *ар-рус*, о котором мы уже упоминали, ибо никто, кроме них, не ходит по этому морю, соединяющемуся с морем 'Укийанус» (Maçoudî 1861. T. I. P. 364–365). Пролив, на котором стоял маяк, — Гибралтар — был хорошо известен арабским авторам, как и ал-Мас'уди, и был подробно описан. Представление о море *Океан* или просто Океане ('Укийанус) было воспринято арабскими учеными из древнегреческой географии, где так называлось окружающее населенную часть суши всемирное водное пространство, ответвлениями которого считались Атлантика, Индийский и Тихий океаны. Но именно Океаном в арабской географии чаще всего именовалась Атлантика (Тихий океан назывался Зеленым, хотя Атлантику тоже

иногда так называли; Индийский, по прибрежным странам, — морем ал-Хинда). Многие арабские авторы, в том числе и ал-Йа'куби, и ал-Мас'уди, считали цепь морей от Атлантики через Гибралтар, Средиземное и прочие моря до Черного единым водным бассейном.

Понт (в арабской передаче — Бунтус или, с искаженной диакритикой, Нитас), по данным ал-Мас'уди, имел на севере связь с морем (или озером) Меотис (в арабской передаче — Майотис, античная Меотиды: BGA VIII. P. 66–47). В своей ранней книге «Промывальни золота и рудники драгоценностей» ученый рассказывал, что Понт и Меотис находятся рядом, отделены друг от друга узким проливом и даже что названия Понт и Меотис можно относить как к первому, так и ко второму морю — они равнозначны; по этому морю, по представлению ал-Мас'уди, плавали только *русы*, почему и называл он его *морем русов*. В этой же книге есть сведения о безымянном озере далеко на севере, близ Полярного круга, которое дает начало реке Танаис, а она, в свою очередь, впадает в море Понт (Maçoudi 1861. T. I. P. 260–261, 273). В последней своей «Книге предупреждения и пересмотра», однако, ал-Мас'уди называл это озеро на севере Майотисом и отмечал, что именно из него берет начало Константинопольский пролив, впадающий в Средиземное море (*more Рума*) (BGA VIII. P. 66–67).

Подобное представление о Константинопольском проливе, соединяющем Океан на севере и море Рума на юге, имеется в сочинениях ал-Истахри (перв. пол. X в.) и его последователя и переработчика Ибн Хаукала (80-е гг. X в.); впрочем, им были неизвестны Черное и Азовское моря — вместо них и фигурировал Константинопольский пролив (BGA I. P. 220; BGA II, P. 202, 393). Не исключено, что подобные представления скорректировали взгляды ал-Мас'уди на положение Меотиса. Исходя из своих представлений, ал-Мас'уди предположил, что те, кого ал-Йа'куби назвал *маджусами-русами*, явились в Севилью не из Атлантики, а из Константинопольского пролива, соединявшегося с Понтом — «морем русов».

Ранние арабские ученые, такие, как Ибн Хордадбех, ал-Йа'куби, Куадама ибн Джа'фар, называли Черное море *морем хазар*, что явствует из описания византийских фем Фракии и Македонии и других фрагментов, тогда как в X в. это название применялось только к Каспию (BGA VI. P. 103–105; BGA VII. P. 323; Заходер 1960). Это обстоятельство, видимо, вызвало недоумение знатока морей ал-Мас'уди, поскольку он полагал, что у ранних географов *морем хазар*, как и в его время, должен был быть назван Каспий, который не соединяется ни с одним другим морем. Однако не кто иной, как ал-Йа'куби, писал, что «ал-

Андалус находится на западе, на море, которое соединяется с *морем ал-хазар*» (BGA VII. P. 354), подразумеваемая под ним Черное. Ал-Мас'уди же отмечал:

«Ошибались люди и полагали, что *море ал-хазар* соединяется с морем Майотис. А я не видел из входящих в страну хазар купцов и судовладельцев никого, [плавающего] по *морю ал-хазар* в страны русов и болгар, кто бы утверждал, что с *морем ал-хазар* соединяется какое-либо море из этих морей или соединяется с ним что-нибудь из его вод или каналов, кроме *реки ал-хазар*. Мы упомянем об этом при нашем рассказе о горе Кавказ, городе Баб ал-Абваб (т. е. Дербенте) и государстве *ал-хазар*, и как вошли русы на кораблях в *море ал-хазар*, а было это после 300 (912 г.). Я видел множество примеров описаний морей тех, кто предшествовал и был прежде. Они упоминают в своих книгах, что пролив ал-Кустантинийа, следующий из Майотиса, соединен с *морем ал-хазар*. И я не знаю, как это и откуда говорят это: по методу ощущения, или по методу вывода, или сопоставления. Или думают, что русы и их соседи живут на этом море, которое и есть *море ал-хазар*. Я плыл по нему из Абескуна, он — на побережье Гиркании за страной Табаристан, и я не оставил не опрошенным ни одного наблюдавшего купца, кто мог бы растолковать мне, ни одного судовладельца, и каждый мне сказал, что в него нет другого пути, чем тот, по которому пришли корабли русов» (Maçoudi 1861. T. I. P. 273–274).

Корабли русов, о которых пишет ал-Мас'уди, появились на Каспии «после 300» (912 г.), совершив невиданный дотоле набег на прибрежные земли. При описании его выясняется, что, по представлению ал-Мас'уди, между *морем ал-хазар*, т. е. Каспием, и морем Понт — Черным существовало некое замерзающее зимой «ответвление», соединяющее *реку ал-хазар* (т. е. Волгу. — *Т. К.*) с «заливом моря Понт», по которому русы и прошли с разрешения хазарских властей в Каспий (Ibid. P. 18–24). Море Понт ал-Мас'уди считал «принадлежащим» народам русов, болгар, печенегов, а русов, как уже отмечалось, — единственными, плавающими по этому морю (Ibid. P. 262; 1867. T. II. P. 2, 15, 18, 24), что наводило исследователей на мысль об отождествлении в восприятии ал-Мас'уди Черного моря и Балтики, по которой, действительно, не плавал никто, кроме норманнов (Lewicki 1949. S. 52–67). Тем не менее упоминание других восточноевропейских народов — болгар и печенегов — заставляет предполагать некое смешение информации о Черном и Балтийском морях в восприятии ал-Мас'уди. Рассказ же о нападении войска народа *ар-рус* на прикаспийские территории, судя по переданным реалиям, относился к деятельности представителей

Древнерусского государства и состоял в тесной связи с его общей международной политикой (Пашуто 1968. С. 99–101).

Рассказывая о народе *ар-рус*, ал-Мас‘уди, кроме того, писал, что это

«многочисленные народы, имеющие отдельные виды. Среди них есть вид (*джинс*), называемый *Луда‘ана*. Они — самые многочисленные, посещают для торговли страну ал-Андалус, Румийю (Италию или Рим. — *Т. К.*), ал-Кустантинийю (Византию или Константинополь. — *Т. К.*) и ал-Хазар» (Maçoudi 1867. Т. II. Р. 18)¹⁵⁶.

В другом сохранившемся сочинении ал-Мас‘уди упоминает тот же термин, но еще более искаженный, при рассказе об одной из переправ через Босфор: «Там находится город, принадлежащий византийцам, который называется Мусанна, он преграждает [путь] проходящим в то море кораблям *ал-Куд.кана* и других видов *ар-рус*» (BGA VIII. Р. 140–141). Еще Д.А. Хвольсон, а затем Й. Маркварт и В.Ф. Минорский предполагали, что эти названия вида (*джинс*) русов, породившие столько разнообразных точек зрения (литовцы, ладожане, лютичи пр. — Frähn 1823. S. 71; Maçoudi 1867. Т. II. Р. 18 [перев.]; Гаркави 1870. С. 47; Рыбаков 1982. С. 184), являются передачей одного из наименований норманнов — *ал-урдуманийя*, созвучного западноевропейскому названию норманнов — *Lordomani, Lormanés* — или даже более близкого к русскому *урмане* — *ал-урмана* (Хвольсон 1869. С. 87; Marquart 1903. S. 342–349; Минорский 1964. С. 25–26). Как было показано выше, испано-арабские источники связывали походы на Севилью с именем *маджусов-урдуманийя*. Бывавший в Испании ал-Мас‘уди вполне мог применить его. Хотя местопребывание русов для него — восточноевропейская территория, а его рассказ о набеге русов на Каспий увязывается с политикой молодого Древнерусского государства, ал-Мас‘уди определенно мог отождествлять один из видов народа под названием *ар-рус* и *ал-урдуманийя*.

Помимо ал-Мас‘уди еще один автор приписывал русам набеги на Севилью — это кабинетный ученый Мухаммад ал-Бакри, один из учеников ал-‘Узри, уже упоминавшийся выше. Произведение ал-Бакри — весьма типичный пример средневекового сочинения, в основу которого легло множество источников; среди них были труды и ал-Мас‘уди, и многих других. Из большой массы переработанной информации ал-Бакри составил свой блок известий о русах: это — народ *маджусийя*,

---

¹⁵⁶ Следует отметить, что в разных рукописях этого сочинения ал-Мас‘уди встречаются и иные написания этого термина: ал-Лувазийя, ал-Мувад‘ана и др.

«островной и корабельный», появившийся в Андалусе каждые 200 лет из пролива, соединявшего Понт и Меотис с Окружающим морем (al-Bakrī 1992. P. 264). Последняя информация является явным отголоском сведений ал-Мас‘уди, в то время как детализация известий о русах как народе островном является реминисценцией так наз. «Анонимной записки о народах Восточной Европы», восходящей ко второй половине IX в., первоисточником которой ученые считают несохранившийся труд Ибн Хордадбега (IX в.) или ал-Джайхани (20-е гг. X в.). Она была передана целым рядом арабо-персидских ученых X–XVII вв., наиболее известны из которых Ибн Русте, Гардизи, Мутаххар ал-Макдиси, ал-Бакри, ал-Марвази. Записка содержит достаточно хорошо изученный ряд сведений о народах Восточной Европы, в том числе о русах — отдельный блок, анализировавшийся исследователями уже более 150 лет и вкратце рассказывающий о внешнем виде, обычаях, погребальном обряде и набегах на славян русов, живших на некоем сыром острове в море (Новосельцев 1965. С. 376–381, 397–408). Многие ученые связывают эту информацию со скандинавами на территории Древней Руси, хотя существует огромное количество самой разнообразной литературы по этому поводу. Следует отметить, что никаких данных о тождестве этих *русов* с *маджусами*, как и никаких упоминаний о *маджусах* вообще, в «Анонимной записке» не содержится. Однако ал-Бакри, объединяя сведения разных источников, сам явно придерживался версии о *русах* как народе, идентичном с *маджусами*, хотя достаточно очевидно, что его сведения собраны из разных источников и имеют книжный характер. При всем том книга ал-Бакри содержит и информацию, часть которой приведена выше, о вполне конкретных набегах на Андалусию норманнов-*маджусов*, никак не связанных с русами.

Самостоятельную информацию о появлении народа *ар-рус* в Андалусии приводил ученый второй половины X в. Ибн Хаукал: «Иногда заходят в некоторые области ал-Андалуса корабли русов, тюрок-печенегов и всяких народов из числа славян и болгар, бесчинствуют в ее областях, но часто и уходят, потерпев неудачу» (BGA II₂. P. 113). В одном из фрагментов о народе *ар-рус*, жившем, по информации Ибн Хаукала, «в стороне болгар, между ними и славянами по реке Итиль», автор упоминал, что русы «выходили прежде за пределы, к Андалусии, затем к Барза‘а» (Ibid. P. 115). Тот же автор отмечал, что после похода на прикаспийские города в 358 г. х. (968/69) они «отправились тотчас же после к стране *ар-Рум* (Византии) и Андалусии и разделились на две группы» (Ibid.). Таким образом, Ибн Хаукал передавал некие сведения о появлении русов, а также славян, болгар и печенегов в Испании, однако остается

неясным, каковы источники этой информации. Возможно, частично он опирался на свои теоретические воззрения, по которым Константинопольский пролив, следующий из Атлантики через Константинополь и Трапезунд на север и впадающий там в северную часть Окружающего океана, разделял по мере своего пути страну славян на две части, в одну из которых заходили хорасанцы, чтобы пленять славян, а в другую — андалусийцы, со стороны Галисии, франков и лангобардов (Ibid. P. 110). Здесь, видимо, отражено представление о восточноевропейских славянских территориях, с одной стороны, и западном ареале расселения славян, граничившем с франкским государством, — с другой. Поэтому мог возникнуть чисто умозрительный рассказ о появлении и других, соседних со славянами, народов, в том числе русов, в Андалусии.

Однако упомянутый поход русов на Барза'а с указанием на 945 г. описан другими мусульманскими авторами, и известия о нем имеют вполне достоверный характер, хотя только Ибн Хаукал указывает Андалусию как следующий после Барза'а этап пути русов. Вероятнее всего, Ибн Хаукал, как и ал-Мас'уди и ал-Бакри, корректировал какую-то конкретную информацию в соответствии со своими географическими представлениями, в результате чего судить о достоверности его известий в отношении появления восточноевропейских народов в Андалусии можно только умозрительно, исходя из его общей информированности об арабской Испании.

Впрочем, подтверждением известий Ибн Хаукала могут служить данные ал-Мас'уди о набегах тюркских народов *баджанак*, *баджна*, *баджгурд* и *нукарда* на земли Византии (*ар-Рума*) и Италии (*Румийи*) и распространении этих нападений в направлении границ Андалусии, государства франков и Галисии (Maçoudi 1867. Т. II. P. 58–64), а также рассказ Мутаххара ибн Тахира ал-Макдиси (60-е гг. X в.), со слов некоего андалусца, о вторжении отряда тюрков в одну из областей Андалусии (el-Maqdisi 1919. Т. IV. P. 65). Под тюрками в этих рассказах подразумеваются печенег, венгры и те отряды восточноевропейских народов, которые служили наемниками в византийской или русской армии (Бейлис 1969. С. 307–308; Коновалова, Перхавко 2000. С. 147–154)¹⁵⁷.

Таким образом, на западе исламского мира норманны были известны под именами *ал-маджус* и *ал-урдуманийя*, название же *ар-рус* там не применялось. Напротив, на востоке, видимо, было не в ходу название

---

¹⁵⁷ Я не могу согласиться с мнением В.Ф. Минорского, поддержанным в указанной книге, что нукарда — это новгородцы. Вероятнее, нукарда — это искаженное название оногуров, т. е. венгров.

ал-урдуманийя, в то время как имена *ал-маджус* и *ар-рус* были употребительными во всем арабском мире.

Возвращаясь к информации ал-Йа'куби, отметим, что если напавшие в 844 г. на Севилью маджусы были, как утверждал ал-Йа'куби, русами, то тогда, скорее всего, они должны были быть шведами, поскольку именно по отношению к ним, как свидетельствовали синхронные западноевропейские и византийские источники, относился термин *ар-рус* и более всего именно шведы совершали рейды по Восточной Европе (Brøndsted 1965. Р. 63–69; Мельникова, Петрухин 1989; Константин Багрянородный 1991. С. 291–332). Так, по известным данным Бертинских анналов, составленных монахом Пруденцием, послы правителя русов — кагана, отправленные византийским императором Феофилом из Константинополя в 839 г. ко двору франкского императора Людовика Благочестивого в Ингельхейм и назвавшие себя русами (*Rhos*), вызвали сомнения в своем истинном происхождении и при более тщательном расследовании оказались свеонами, т. е. шведами (Древняя Русь 1999. С. 288–289). Их восточноевропейское подданство оказалось очевидным, поскольку в это время нигде, кроме Хазарии и Древнерусского государства, правители не именовались каганами. А принадлежность к северному народу *свеонов* насторожила Людовика, имевшего напряженные политические отношения с *данами*, поскольку в 838 г. их король потребовал уступить ему земли фризов, затем оккупировал район города Дорестада. В 841 г. даны разграбили Руан, в 842 г. — Квентовик, в 843 г. — Нант, в 845 г. — Гамбург и Париж. В 859 г. было совершено нападение на Андалусию, после которого норманны прорвались по Средиземному морю до Италии. Логично предположить, что и нападение 844 г. на Андалусию стояло в том же ряду разбойничьей деятельности данов (El-Hajji Abdurrahman Ali 1970. Р. 155–157, 182–186). Норвежские норманны в это время занимались оккупацией Ирландии; часть их могла, конечно, принимать участие в других военных походах¹⁵⁸, однако *свеоны*, хотя и не только именно они, в ту же эпоху осваивали преимущественно территории Восточной Европы и Прибалтики. Настороженность Людовика Благочестивого в отношении принадлежности прибывших ко двору восточноевропейских *русов* к скандинавскому роду могла означать только одно — возможную идентификацию в глазах европейцев прибывших *свеонов-русов* с нападавшими на западноевропейские земли *данами* и *норвежцами*, тем более что в IX в. сами скандинавы еще не имели четких этнических

---

¹⁵⁸ Э. Квален настаивал на норвежском происхождении скандинавов, впервые проникнувших на территорию Восточной Европы (Kvalen 1937), однако эта точка зрения не получила признания.

различий. Норманны же, действовавшие в Андалусии, которых арабские авторы именовали *ал-маджус* или *ал-урдуманийя*, были связаны, вероятнее всего, с историей западноевропейских норманнов и едва ли были тождественны выходцам из Швеции — *свеонам*, известным в восточной части Европы. Вспомним рассказ Ибн Дихьи о посольстве ‘Абд ар-Рахмана к королю *маджусов* на некий северный остров после набега их на Севилью в 844 г.; если даже, как предполагал Э. Леви-Провансаль, эта история не более чем литературно оформленная легенда, все же она связывает напавших на Андалусию скандинавов с областями западноевропейскими, но не восточноевропейскими.

Арабские писатели не соприкасались, как правило, с представителями скандинавов. Тем не менее можно полагать, что одни арабские авторы отличали западноевропейских норманнов — *ал-маджус* или *ал-урдуманийя* — от восточноевропейских — *ар-рус*, другие же не имели точных и достоверных известий, что и вызывало замену одного термина другим. Слово *ал-маджус* при рассказах о норманнах определенно относилось к западноевропейским скандинавам; термин *ал-урдуманийя* тоже применялся к отрядам норманнов, приплывавших из Атлантики в Испанию, и употреблялся в арабо-испанских хрониках; название же *ар-рус* оказалось универсальным и использовалось не только по отношению к скандинавским выходцам из восточноевропейского региона, но и тогда, когда надо было пояснить смысл других обозначений норманнов.

Что же касается конкретного похода 844 г. на Севилью, то он едва ли был совершен теми скандинавами, которые тревожили в 30-х и 60-х гг. IX в. Византию, появляясь со стороны Понта, действовали в Восточной Европе и участвовали в формировании Древнерусского государства. Вероятнее, его совершили даны или норвежцы (или отряды и тех, и других), принимавшие в то время деятельное военное участие в политической жизни западноевропейских стран.

ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ И РУСЫ

АРАБСКИЕ ИСТОЧНИКИ VIII–IX вв. О СЛАВЯНАХ¹⁵⁹

Сведения ранних арабских источников о славянах известны ученому миру уже более 150 лет. Ф. Шармуа, Х. Френ, Д.А. Хвольсон, А.Я. Гаркави и другие востоковеды прошлого века ввели в научный оборот уникальные известия восточных авторов. Эти данные мало пополнились с того времени, а исследований на русском языке оказалось не так уж много. Современные ученые до сих пор используют в значительной степени устаревший свод Гаркави, публикацию Хвольсона, где имя арабского географа Ибн Русте было еще неверно обозначено как Ибн Даста, неполные переводы в хрестоматиях. Существуют также переводы и анализ известий о славянах в работах востоковедов 20–60-х гг. XX в.: В.В. Бартольда, А.П. Ковалевского, Б.Н. Заходера, А.П. Новосельцева.

Существует, конечно, целый ряд исследований и публикаций по проблеме на европейских языках. Так, крупным вкладом в области научной публикации и исследований восточных материалов о славянах является свод «Арабские источники по истории славянства», вышедший с 1956 г. в Польше, на польском языке, подготовленный сначала Т. Левицким, затем — под его редакцией, другими авторами (ŻA 1956–1985). Ряд статей Левицкого 40–60-х гг. XX в. были посвящены обзору этих материалов (Lewicki 1949–1950. S. 321–389; 1961. S. 61–124)¹⁶⁰.

Последние годы не баловали ученый мир разработкой вопроса¹⁶¹. Поэтому представляется целесообразным привести общий обзор ранних данных арабских источников о славянах.

В арабских источниках этноним «славяне» обозначается термином *ас-сакалиба*, который является множественным числом формы *ас-саклаб* и воспроизводит сходную греческую форму *σκληβοι* и латинскую *sclavi*. Встречается также форма *ас-саклабийа* как прилагательное

---

¹⁵⁹ Впервые опубликовано: ДГ, 1991 г.: Материалы и исследования. М., 1994. С. 211–223.

¹⁶⁰ Этими двумя статьями не ограничивается вклад Левицкого в разработку восточных источников; этому сюжету следовало бы посвятить отдельную статью.

¹⁶¹ Можно назвать некоторые крупные труды и отдельные статьи, где затрагивались интересующие нас вопросы: Daniel 1975; Kmietowicz 1978; Chwiłkowska 1978; Lewis 1982; Espéronnier 1986; Kmietowicz F. Zakres znaczeniowy terminu Saklab-Sakālība (Słowianin-Słowianie) we wcześnieśredniowiecznych źródłach arabskich. (К сожалению, выходные данные последней статьи мне остались не известны).

от *ас-саклаб*. Есть некоторая разница в написании этнонима (Бартольд 1963. Т. II, ч. 1. С. 870; *ŽAI*. S. 7–8, 126 и далее). Впервые термин встречается у поэта VII в. ал-Ахтала, где славянин упомянут как человек со светлыми волосами (*Diwan al-Ahtal* 1891. P. 18).

Ученый X в. ал-Мас'уди в одном из своих сочинений приводит цитату из труда астронома VIII в. ал-Фазари, где перечислены размеры стран и земель: «...Страна хазар и алан 700 × 500 фарсахов. Страна бурджан 1500 × 300 фарсахов. Страна славян 3500 × 700 фарсахов» (Maṣūūdī 1869. Vol. 4. P. 37–39). Как видно из приведенного отрывка, размеры «страны славян» относительно велики, по сравнению с другими. Вместе с тем не следует слишком доверять приводимым цифрам, поскольку сочинение ал-Фазари не сохранилось. Известно, что это были астрономические таблицы, основой для которых послужил индийский трактат, переработанный ал-Фазари после 786 г. (Крачковский 1957. С. 68; Nallino 1944. P. 212–213; Pingree 1970. P. 103–123). В конкретном случае можно полагать, что известия о славянах, бурджанах, Византии (Руме) отражают некие реалии VIII в., связанные с политическими взаимоотношениями Придунайской Болгарии, Византии и славянских государственных образований на Балканах.

В IX в. астроном ал-Фергани, работавший при дворе халифа ал-Ма'муна, в своем «Своде науки о звездах» дал описание семи климатов, указывая расположение стран и народов с востока на запад. В описании шестого климата он указал последовательно Византию, страну бурджан; в описании седьмого — море Рума (вероятно, Черное), страну бурджан и славян, далее климат оканчивается Западным морем, которым арабы обычно обозначали Атлантику. Описание земель «вокруг климатов» содержит указание на бурджан, славян и оканчивается также Западным морем (Alfraganus 1669. P. 38). Краткость описания климатов не позволяет детализировать, однако можно полагать, что речь идет о Придунайской Болгарии и славянском мире в Центральной Европе (Калинина 1988. С. 130, 137).

Попытка конкретизировать сведения о славянах содержится в «Книге картины Земли» ученого первой половины IX в. Мухаммеда ибн Мусы ал-Хорезми. Само это произведение является переработкой теоретических и практических данных о Земле александрийского ученого II в. Клавдия Птолемея (Крачковский 1957. С. 92, 93; Булгаков, Розенфельд, Ахмедов 1983. С. 162–163). Многие данные труда Птолемея вошли в сочинение ал-Хорезми. Так, перечисляя «центры» разных стран мира (для определения их на карте), ал-Хорезми называет в числе прочих, упомянутых в труде Птолемея, Германию, добавляя, что это «земля

славян» (al-Ḥuwārizmī 1926. P. 104). Первое название соответствует по написанию и координатам Великой Германии из «Географического руководства» Птолемея, где эта территория охватывала земли между левобережьем Рейна, р. Висла и «Германским океаном».

Ал-Хорезми для построения карты дает точку координат «земли славян» — Германии, которая не совпадает с территорией, очерченной Птолемеем, поскольку сама система отсчета координат была изменена арабским ученым. Тем не менее можно считать, что «центр земли славян», птолемея Германия, по данным ал-Хорезми, соответствует земле полабо-прибалтийских славян (Калинина 1988. С. 49, 91–92; Wieber 1974. S. 135–136; ŽAI. S. 39. Ods. 4).

Дальнейшую разработку данных ал-Хорезми в самом начале X в. предпринял автор, не сохранивший имени, но назвавший себя «беднейшим из людей» — Сухрабом. По мнению исследователей, имя его, возможно, было Ибн Сарабийун (Крачковский 1957. С. 97). По существу, труд Сухраба является перепиской сочинения ал-Хорезми, однако иногда Сухраб вводит совершенно другую информацию, не имеющую аналогий в материалах ал-Хорезми. Так, хотя Сухраб и повторяет информацию о «центре страны славян» — Германии, с теми же координатами, однако в другом месте Сухраб вводит координаты для некоего «города славян Германия», с иными координатами, чем «центр страны славян Германия». Указанные в рукописи книги Сухраба координаты (исправленные издателем текста Х. Мжиком, как представляется, без достаточных оснований, но приведенные в примечании — Suhraḅ 1929. S. 45, 49) показывают пункт на побережье Северного Внешнего моря. Интересно, что Сухраб описывает также гору, граничащую с Северным Внешним морем (идентифицированным с частью Ледовитого океана и Балтикой) и расположенную «неподалеку от Ворот Константинополя (т. е. Босфора — *T. K.*) перед славянами» (Suhraḅ 1929. S. 113; Калинина 1988. С. 123). По-видимому, Сухраб пытался передать информацию о существовании славян на территории от Балтики до Балкан.

Кроме математиков и астрономов, в IX в. работали и представители описательной географии, и историки, упоминавшие славян, хотя упоминания эти носили вполне случайный характер.

Представители описательной географии не пользовались теорией климатов, что заметно и по сочинению Сухраба — в той части его, что не зависима от книги ал-Хорезми. Объясняется это иными, чем древнегреческие, традициями и научными школами в землеописании. Так, крупнейший представитель описательной географии Ибн Хордадбех, работавший в IX в., делил землю на четыре части — *маширик* (восток),

магриб (запад), *ал-джарби* (север) и *ат-тайман* (юг) (BGA VI. P. 155; Ибн Хордадбех 1986. С. 61, 83, 106, 110). Такое же деление земли встречается в произведении ученого IX в. ал-Йа'куби и в сочинении географа начала X в. Ибн ал-Факиха. В двух из четырех перечисленных регионах — на севере и западе — Ибн Хордадбех называет славян. Приводит он и еще один вариант разделения земли, имеющий античную основу: земля делится им на Европу, Ливию, Эфиопию и Скифию, причем Европа включала территории Испании, славян, Византии, Франции, область Танжера — до рубежей Египта (BGA VI. P. 155; Ибн Хордадбех 1986. С. 124).

В разделе о западе обитаемой земли среди прочих сведений об областях, населенных пунктах и округах, торговых путях встречается у Ибн Хордадбега следующее утверждение:

«Румийа, бурджан, страны славян и авар расположены севернее Андалуса... Что касается моря, которое позади славян и на котором находится город Тулийа, то по нему не плавают ни суда, ни лодки, и ничего оттуда не вывозят, и это то море, в котором есть Острова Счастливых. По нему не плавают, и ничего оттуда не выходит, и оно также на западе» (BGA VI. P. 92–93; ср.: Ибн Хордадбех 1986. С. 91).

Следует полагать, что в этом пассаже, относящемся к разделу области запада (*ал-магриба*), находящиеся севернее Испании страны славян являют собой славянские государственные образования, имевшие тесные контакты с Аварским каганатом, Придунайской Болгарией и Византией.

Иная точка зрения: Румийа — Италия, бурджаны — бургундцы, *ал-абар* — иберы (Ибн Хордадбех 1986. С. 91, 267–268; *ŽA I. S. 56–57. Ods. 51*). Однако в других фрагментах сочинения, посвященных Византии и ее фемам, Ибн Хордадбех термином «бурджан» определенно называет Болгарию на Дунае (BGA VI. P. 105, 106, 109; ср.: Ибн Хордадбех 1986. С. 97, 98, 100). Румийей в большинстве случаев Ибн Хордадбех действительно называет Италию, но в указанном отрывке выше речь шла о взаимоотношениях берберских племен именно с Византией, точнее с византийцами (*румийа* здесь — прилагательное от *Рум*). В то же время термин «иберы» (если так понимать *ал-абар*) в сочетании с явно арабизированными, но вполне современными автору другими этнонимами, выглядит неоправданным анахронизмом, в то время как об Испании (*ал-Андалус*), ее жителях, городах, правителях Ибн Хордадбех располагает вполне достоверной информацией и не пользуется термином *ал-абар*.

Как видно из приведенной выше цитаты, Ибн Хордадбех упоминает «море позади славян и на котором есть город Тулийа». Упоминание Тулийи здесь является реминисценцией античных представлений об острове Туле как оконечности обитаемого мира; отголоски этих представлений встречаются у многих авторов (Крачковский 1957. С. 101). Туле обычно отождествляют с одним из крупных островов в северной части Атлантического океана¹⁶². Однако отголоски античных представлений о Туле встречаются у многих арабских авторов; как кажется, нет оснований приписывать Ибн Хордадбеху более основательное знание северной части Центральной Европы, чем он сам преподносит. Вместе с тем упоминание традиционно северных областей Европы в сочетании с «морем позади славян» заставляет полагать, что речь идет о Балтике с ее западнославянским населением.

Таким образом, описывая западную часть обитаемого мира, Ибн Хордадбех дает информацию о тех юго-восточно- и центральноевропейских славянских государственных образованиях, которые имели в свое время активные политические взаимоотношения с Аварским каганатом и позднее вступали то вместе, то поодиночке в контакты с Франкским государством, Византией и Придунайской Болгарией. Можно предполагать, что в целом информация связана с византийскими политическими связями, поскольку целый ряд сведений в книге Ибн Хордадбех передает от имени побывавшего в византийском плену араба, Муслима ал-Джарми.

Второе упоминание славян и авар встречается в описании Ибн Хордадбехом северной населенной четверти земли — *ал-джарби*. Здесь Ибн Хордадбех перечисляет земли Армении, Азербайджана, южного и западного побережья Каспия, а также народы хазар, алан, славян и авар (BGA VI. P. 119; ср.: Ибн Хордадбех 1986. С. 106). По всей видимости, славяне и авары северной населенной четверти земли — это восточные славяне и авары, оставшиеся в пределах Приаралья и Прикаспия после переселения основной их массы в Западную Европу. Убеждает в этом описание Ибн Хордадбехом торговых путей области ал-джарби:

«Дорога между Горганом и Хамлиджем, городом хазар, а он — город северный, и, как я упомянул, и принадлежит ему (т.е. северу. — *Т.К.*) в этом месте. От Горгана до Хамлиджа, который на конце [той] реки, что течет из страны славян и впадает в море Горгана, [так вот] по этому морю, если хороший ветер, восемь дней пути...» (BGA VI. P. 124; ср.: Ибн Хордадбех 1986. С. 109).

¹⁶² Хотя Н.М. Велиханова, занимавшаяся переводом и комментариями, предлагала, правда, «под знаком вопроса», понимать под Тулийей Ибн Хордадбеа — Тулон (Ибн Хордадбех 1986. С. 268).

В разделе о торговых путях еврейских купцов и торговцев-русов Ибн Хордадбех еще раз упоминает «реку славян»:

«Что касается купцов-русов, а они — вид славян, то они везут меха бобра, меха черных лисиц и мечи из отдаленных славянских (земель) к Румийскому морю, и берет с них десятину властитель Рума. А то идут по [...] реке славян, входят в Хамлидж, город хазар, и берет с них десятину их властитель. Затем отправляются к морю Горгана...» (BGA VI. P. 154; ср.: Ибн Хордадбех 1986. С. 124).

На протяжении более ста лет исследователи полемизируют о том, какая река подразумевается Ибн Хордадбехом: по описанию как будто Волга, но почему в IX в. она поименована «рекой славян»; и как могли в начале IX в. купцы приплывать «из отдаленных славянских земель» к ее устью, когда берега ее населены были совсем не славянами? Привлекая свидетельства других, хотя и более поздних, арабских авторов о бытовании этнонима *ас-сакалиба* при обозначении некоторых других народов (болгар — у Ибн Фадлана, немцев — у ал-Мас‘уди), о названии Волги — «рекой русов» у ряда географов X в., а также некоторые конкретно-исторические реалии, касающиеся, однако, по большей части конца IX и X в., ряд исследователей придерживался мнения, что речь идет все-таки о Волге (библиографию и обзор точек зрения см.: *ŽA I. S. 76–77*). Предлагалась и конъектура «Итиль» для испорченного варианта названия реки у Ибн Хордадбеха (см. там же). Однако есть серьезные основания для сомнений в факте существования активного торгового пути по средней и нижней Волге в первой половине IX в. среди археологов и нумизматов (Кропоткин 1978. С. 113–114; Фомин 1982. С. 13), которые отмечают развитую торговлю в бассейне Днепра и левобережного Дона в это время.

Следует отметить, что арабские авторы IX — первой половины X в. имеют весьма смутное представление о конкретных водных бассейнах Восточной Европы и отражают чаще всего античные представления о предмете. Вместе с тем, похоже, что сохранившееся буквосочетание названия реки, текущей «из отдаленных славянских земель», более всего напоминает типичный вариант античного окончания «нис» у арабских авторов. Наиболее известным и распространенным у арабских географов было название реки Танаис (вариант — Танис), что отразилось в искаженном виде у Ибн Хордадбеха, который неверно представлял себе и само устье Танаиса. Впрочем, неясности в вопросах течения и соединения рек Восточной Европы и связей между Черным и Азовским, Каспийским и Балтийским морями присутствуют практически у всех арабских географов как в IX в., так и позднее (Lewicki 1949. S. 557–

565). Не исключено, что помимо смутных географических представлений об отдаленных землях, довлеющей античной традиции, в таких спутанных воззрениях отражались и реальные трудности передвижения по территории Восточной Европы — пороги, переволоки, разливы рек, что существовали на пути торговцев, попадавших в просторы Восточной Европы. Как бы ни решать вопрос о «реке славян» Ибн Хордадбега, ясно, что в описании северной четверти обитаемого мира упомянуты именно восточные славяне.

Кроме упоминания славян в описании западной и северной четвертей обитаемого мира и в сведениях о торговых путях купцов-русов, Ибн Хордадбех называет земли славян в перечне торговых путей, по которым следовали еврейские купцы *ар-разанийя*:

«Что касается пути (еврейских купцов. — *Т. К.*) по суше, то они выходят из Испании или Франции и идут сушей к отдаленному Сусу, отправляются к Танжеру, затем к Ифрикии, затем к Египту, затем к Румле, затем к Дамаску, затем к Куфе, затем к Багдаду, затем к Басре, затем к Ах-вазу, затем к Фарсу, затем к Керману, затем к Синду, затем к Хинду, затем к Сину. Иногда следуют позади Византии (в другой рукописи — «позади Армении») к областям славян, затем к Хамлиджу, городу хазар, затем в море Горгана, затем к Балху и Мавераннахру, затем к Вурту тогузгузов, затем к Сину» (BGA VI. P. 155; ср.: Ибн Хордадбех 1986. С. 124).

Существует мнение о том, что Ибн Хордадбех подразумевает здесь «путь из немец в хазары», проходивший по линии Киев — Краков — Прага — Регенсбург (Назаренко 1988. С. 56).

Нисколько не ставя под сомнение возможность существования такого направления торговых связей, укажем лишь, что информация Ибн Хордадбега имеет определенные параллели в данных нумизматики об африканской чеканке, распространенной на линии: африканское побережье Магриба — Сирия — Закавказье — Хазария — Восточная Европа — Балтика (Фомин 1982. С. 12–13; Калинина 1986. С. 79, 82). Поскольку данные письменных источников о «пути из немец в хазары» через земли Чехии и Польши относятся ко времени не ранее, чем начало X в., а нумизматические свидетельства в пользу функционирования этого пути отсутствуют, то приходится признать, что сообщение Ибн Хордадбега показывает путь проникновения монет из западных областей Халифата во внутренние районы Восточной Европы, а следовательно, упоминает в этом своем сообщении о восточных славянах.

Несколько по-иному можно рассматривать данные Ибн ал-Факиха, автора, во многих своих материалах заимствовавшего информацию Ибн

Хордадбега и писавшего в первые годы X в. Ибн ал-Факих, несмотря на заимствования других источников как основу своего сочинения, передает и оригинальную информацию, или, точнее, информацию, не совпадающую с переписанной им. Так, он пишет, что «славяне разделяются на два вида: темные и смуглые — эти рядом с побережьем, а есть среди них светлые, они красивы и живут на суше» (BGA V. P. 145). При этом автор считает, что славяне — население Византии (кроме самих византийцев, еще и испанцев), а Византию представляет территорией, простирающейся «от Антиохии до Сицилии и от Константинополя до Апулеи» (BGA V. P. 136). Ибн ал-Факих рассказывает также, что «у славян есть кресты» и что «испанцы, славяне, греки — все они мелькитские христиане и читают Евангелие по-джармакански (?)» (BGA V. P. 77, 136). Вероятно, что представление о населении Византии подразумевает конфессиональную принадлежность славян, испанцев и греков. В общем ясно, что Ибн ал-Факих (или используемый им первоисточник) ведет речь о славянах на побережье Адриатики и близ нее — «на суше».

Помимо этих материалов, сочинение Ибн ал-Факиха передает информацию, основой которой являются сохранившиеся данные Ибн Хордадбега. Эти материалы описывают западную четверть обитаемой земли и включают описания бурджан, славян, авар, находящихся «к северу от Испании» (BGA V. P. 83), а также значительно переработанные материалы Ибн Хордадбега о торговых путях: «Что касается купцов-славян, то они везут шкурки лисиц и бобров из окраин славян и приходят к Румийскому морю и взымает с них десятину властитель Рума. Затем прибывают по морю к Самкушу, [городу] иудеев, и затем переходят к славянам; или следуют от моря славян в эту реку, которая называется рекой славян, пока не достигнут залива хазар, и взымает с них десятину властитель хазар. Затем идут к морю Хорасанскому. Иногда выходят в Горгане и продают все, что у них есть. Идет же все это в Рей» (BGA V. P. 271; Новосельцев 1965. С. 385).

Как видно, отличия в рассказе о путях купцов-русов, «а они — вид славян» у Ибн Хордадбега, и о дорогах славянских купцов у Ибн ал-Факиха весьма существенны. Ибн ал-Факих вводит совершенно отсутствующие у Ибн Хордадбега понятия — «море славян» и «залив хазар». Залив хазар, по понятиям Ибн ал-Факиха, соединен с «морем славян» этой рекой, которая называется рекой славян. Интересно, что при описании четырех водных бассейнов, соответствующих Индийскому океану, Средиземному морю, Гибралтару и Черному морям вместе, а также Каспию, Ибн ал-Факих в своей информации о четвертом море дает совершенно компилятивные сведения о северной части Атлантики с островом

Тулe (без упоминания о «море позади славян») и, видимо, собственные (или первоисточника) данные об Адриатике и Черном море. «Четвертое море — то, которое между Румией и Хорезмом. [В нем] есть и остров, называемый Тулия. Не доходят до него никакие корабли» (BGA V. P. 8).

Заливом хазар Ибн ал-Факих называет, по всей видимости, Азовское море, исправляя данные Ибн Хордадбеха о связи «реки славян» с морем Горгана следующим образом: «От моря Горгана до залива хазар — 10 дней пути. Если ветер благоприятен, то 8 дней пути морем и 2 дня — по суше» (BGA V. P. 7). Имея в виду таковые воззрения Ибн ал-Факиха на водные пространства Европы, можно предполагать, что «морем славян» Ибн ал-Факих именует Балтику, а также знает о связи ее с Азовским морем («заливом хазар») посредством «реки, которая называется рекой славян». Видимо, здесь отражено столь же слабое, как у Ибн Хордадбеха, представление о водной связи Балтики с южными областями Восточной Европы.

Интересно также отметить, что информация Ибн ал-Факиха о торговле города Рея совпадает с нумизматическими свидетельствами о торговом пути из Ирана через Каспий в южную Русь и Прибалтику (Фомин 1982. С. 12–13).

Можно считать, что информация Ибн ал-Факиха о славянах отмечает следы знакомства автора или его первоисточника со славянами в Юго-Восточной или Центральной и Восточной Европе.

Книга Ибн ал-Факиха содержит, кроме указанной, еще и другую информацию, схожую с материалами исторических трактатов историков IX в. ал-Балазури и ал-Йа'куби. О славянах Ибн ал-Факих приводит подобную информацию лишь однажды — в разделе о горах ал-Кабк (т. е. Кавказа).

«Длина горы ал-Кабк — 500 фарсахов, тянется она в страну ар-Рум по пределам хазар, алан, и простирается до страны славян, и есть в ней вид славян, а остальные — армяне. Говорят, что [именно] эта гора — ал-Ардж, которая между Меккой и Мединой, простирается до Сирии, доходит до Ливана... Потом тянется далее, доходит до гор Антиохии и Масиса, и называется здесь Локам. Потом доходит до гор Мелитены, Шимшата и Каликалы, до моря Хазар, и в ней — Баб ал-Абвab (т. е. Дербент. — Т. К.) и называется здесь [гора] ал-Кабк...» (BGA V. P. 295).

Фрагмент о горе ал-Ардж является почти дословной цитатой из книги Ибн Хордадбеха (BGA V. P. 172–173), первая часть — о горе ал-Кабк, как представляется, является пояснением автора к информации о горе ал-Ардж Ибн Хордадбеха; та же, в свою очередь, подразумевает свойственное арабским географам воззрение на существование единой горной

цепи, обнимающей населенную часть земли (Крачковский 1957. С. 22). На этом основании Т. Левицкий и А.П. Новосельцев полагали, что речь идет о реальных горах Кавказа, горах Крыма (во владении Византии — *ар-Рума*) и о Карпатах («до земли славян») (ŽA I. S. 29, 38; ŽA II. S. 117; Новосельцев 1965. С. 388). Однако не исключено, что представления Ибн ал-Факиха о существовании славян в горах Кавказа связаны с материалами трудов ал-Йа'куби и ал-Балазури. Как отмечал ал-Балазури, были распространены слухи о том, что знаменитый военачальник, совершавший походы на Византию и Армению, Салман ибн Рабиа ал-Бахили, родом был славянин, «из тех, что поселил Марван ибн Мухаммед в ас-Сугуре»¹⁶³ (al-Beladsori 1866. P. 280). Кроме этой области Марван ибн Мухаммед переселял славян из земли хазар в область Хахит (Кахетию?) после своей войны с хазарами, о которой рассказано более подробно в «Книге завоеваний» Ибн А'сама ал-Куфи (нач. X в.). Он уточняет, что Марван ибн Мухаммед напал на славянские земли, расположенные «за Хазарией», а точнее — за городом Байда, и поясняет, что Марван достиг «славянской реки» (Ибн А'сам ал-Куфи 1983. С. 32). По-видимому, Марван ибн Мухаммед достиг Дона, откуда и захватил пленных славян, переселив их затем на Кавказ. Поход этот произошел в 737 г.

В 757/758 г., по сообщению историка IX в. ал-Йа'куби, халиф ал-Мансур отправил своего сына Мухаммеда ал-Махди воевать со славянами. Это известие перекликается с данными ал-Балазури о переселении славянского населения из города ал-Хусус (Иссос?) в ал-Массису (в северной Сирии) (al-Ja'qūbī 1883. Pars 1. P. 237; al-Beladsori 1866. P. 166). Еще А.Я. Гаркави приводил схожее свидетельство византийского историка Феофана об участии славянских воинов во внутривосточной борьбе в Халифате (Гаркави 1870. С. 68). Есть сообщение, относящееся и к более раннему времени, приведенное ал-Йа'куби, о взятии арабским полководцем Масламой ибн 'Абд ал-Маликом приграничного с Византией «города славян» в 715 г. Тот же автор утверждал, что «Византии принадлежат земли позади горного прохода вплоть до страны славян, алан, франков» (al-Ja'qūbī 1883. P. 117). Горным проходом здесь названы Киликийские ворота в горах Малой Азии, которые служили границей между владениями Арабского халифата и Византии в IX в. В последнем случае, как представляется, речь может идти только о славянах в Центральной или Юго-Восточной Европе.

Таким образом, в упомянутых выше фрагментах трудов ал-Балазури, ал-Йа'куби и Ибн А'сама ал-Куфи (повторенных позднее в разных ва-

---

¹⁶³ Ас-Сугур — пограничная область на Кавказе между владениями арабов и Византии.

риациях в трудах упомянутого уже Ибн ал-Факиха, историка XIII в. Ибн ал-Асира и др.) речь шла как о восточных славянах, так и о тех славянских государственных образованиях в Центральной и Юго-Восточной Европе, что имели политические контакты в VIII–IX вв. с Византией и Франкским государством.

Возможно, что Ибн ал-Факих в своем компилятивном труде отразил представления о славянах, сложившиеся на основе сочинений предшествующих авторов.

Как видно, в упомянутых свидетельствах арабских авторов о славянах нет информации, специально относящейся к этому народу; упоминания носят более или менее спорадический характер. По этим материалам можно понять, что арабские авторы знали о существовании славян в разных частях Европы, хотя не всегда отчетливо представляли себе их местопребывание.

В X в. арабские ученые дают более конкретные сведения о славянах IX в. — в тех работах, которые сами по себе посвящены описанию стран и народов. Одной из таких является «Книга дорогих ценностей» Ибн Русте, написанная в начале X в. Информация о хазарах, буртасах, булгарах, мадьярах, славянах и русах, содержащаяся в этом сочинении, повторяется затем в произведениях Гардизи (XI в.), анонимном персидском сочинении «Границы мира» («Худуд ал-‘Алам») (втор. пол. X в.), в сочинениях ал-Бакри (XI в.), ал-Марвази (XII в.), а также поздних компиляторов XIV–XV вв. Анализ текстов, аналогии и различия материалов позволили ученым прийти к выводам, что в основе этого круга данных о народах Восточной Европы лежит так наз. «Анонимная записка», входившая некогда в труд одного из арабских писателей более раннего времени — Ибн Хордадбега или ал-Джайхани (Miquel 1967. Т. 1. Р. XXIII–XXV). Б.Н. Заходер ввел понятие среднеазиатско-хорасанского или каспийского свода сведений о народах Восточной Европы, отметив те пути или тот ареал, из которого именно этот круг сведений о народах Восточной Европы проникал в арабский мир (Заходер 1962. Ч. 1. С. 9–25).

О славянах Ибн Русте рассказывает следующее:

«Между страной печенежской и страной славянской 10 дней [пути]. В начале пределов славян — город, называемый Вантит (?). Идешь к нему по степям, бездорожью, через источники вод и густые леса, пока не придешь в их страну. Страна славян — равнинная и лесистая, и они живут в ней. У них нет ни виноградников, ни пашен. Есть у них подобие больших кувшинов, сделанных из дерева, и в них — улей для пчел и меда. Они называются ”улишдж” (?). Из одного большого кувшина получается 10 кувшинов [меда]. Они — народ, который пасет свиней, как овец.

Когда кто-то из них умирает, его сжигают на огне, а их женщины, если кто-то умер, ранят себе ножом руки и лицо. На другой день после

сожжения этого умершего они идут к нему, берут пепел с этого места, кладут его в сосуд глиняный и ставят на холм. Когда проходит год после того, как он умер, они берут 20 больших кувшинов меда, менее или более того, и направляются к тому холму, собираются родственники умершего, едят там и пьют, затем удаляются. Если умерший имел три жены, и одна из них утверждает, что была его любимой, то она устанавливает около своего умершего [мужа] два деревянных столба, укрепляет их в земле, затем кладет на их вершины другой [столб], подвешивает в центре веревку, один конец которой привязывает к своей шее, и становится на подставку. Когда она сделала это, то подставку выбивают из-под нее, и она остается повешенной, пока не задохнется и не умрет. Когда же умрет, то ее бросают в огонь и сжигают. Все они — почитатели огня.

Сеют они более всего проса. Когда наступает срок жатвы, берут они зерна проса в ковш, поднимают его к небу и говорят: "О, Господи, ты, который даешь нам пищу, дай ее нам в полной мере".

У них есть разные виды лютней, тамбуров и свирелей. Длина их свирелей — 2 локтя; на их лютнях 8 струн. Напитки у них из меда. Они радуются во время сжигания умершего, считая, что радуются ради милосердия их бога над ними. У них нет выючных лошадей, кроме небольшого [числа], и нет верховых лошадей, кроме как у высокопоставленного лица. Их оружие — дротики, щиты и копьа, а другого у них нет.

Их глава коронуется, и они подчиняются ему и действуют по его распоряжениям. Его местопребывание — в середине страны славян. Упомянутый известный из их числа, который называется "главой глав", именуется Свт.м.л.к. Он выше суб.н.джа, а суб.н.дж. — его заместитель. У этого владыки есть верховые животные, а пища у него никакая другая, кроме выдоенного из них молока. У него есть хорошие драгоценные крепкие кольчуги. Город, в котором он живет, называется Дж.р.ват; три дня в месяц там бывает торг, там продают и покупают.

В их стране холод бывает настолько сильным, что [каждый] человек из их числа выкапывает себе подобие ямы под землей, затем делает над ней островерхую крышу из дерева, как на храме, затем покрывает эту [крышу] землей. В этот погреб приходит этот человек с семьей и приносит дрова и камни. Затем разводит огонь и раскаляет камень на огне докрасна. Когда камень раскалится сильно, его обливают водой, так что распространяется пар, и нагревается жилие от того, что снимают одежду. В таком жилие остаются они до весны.

Правитель их ежегодно объезжает их. И если у кого-то из них есть дочь, то царь отбирает себе по одному из ее платьев ежегодно. А если сын, то также ежегодно берет по одному из его платьев. У кого нет ни сына, ни дочери, тот дает ежегодно по одному из платьев жены или рабыни. Если же поймает правитель в своей стране вора, то либо приказывает задушить его, либо отдает под надзор одного из правителей на окраине своих владений» (BGA VII. P. 143–145. Перев. ср.: ЗА II, S. 35–59 [пол. яз.]).

Схожую информацию о славянах, с некоторыми разночтениями и добавлениями, передают, как уже было отмечено, более поздние авторы. Из существенных отличий отметим следующие: автор «Худуд ал-‘Алам», исходя из собственных представлений о расселении народов Европы, рассказывает, что «на восток от нее (т. е. страны славян. — Т. К.) — внутренние булгары, некоторые из русов; на запад — часть Грузинского моря и часть Рума». Есть также добавление, что «одежда славян — из льна» (Hudūd al-‘Alam 1937. P. 158–159; Новосельцев 1968. С. 90–103). Гардизи передает следующие, помимо аналогичных с Ибн Русте, сведения:

«[Венгры] побеждают славян и всегда одерживают верх над славянами, и делают из них рабов... У них [славян] есть обычай строить крепости. Несколько человек объединяются, чтобы построить укрепление, так как венгры постоянно нападают на них и грабят. Венгры приходят, а славяне запираются в эти укрепления, которые построили».

Есть также у Гардизи сведения, отличные от данных Ибн Русте, о том, что мужчина выбирает жену среди девственниц, продает не сохранившую девственность невесту; а также об обычае убийства жены мужем в случае прелюбодеяния (Бартольд 1973. Т. VIII. С. 38–39, 59). Ал-Марвази дает сокращенный вариант рассказа о славянах, без дополнительных подробностей (Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi 1942. P. 22–23, 35–36).

Исследователи, рассматривавшие сведения вышеуказанных источников, сходились во мнении, что информация эта комплексная, содержит материалы и о восточных, и о западных славянах. Так, еще в прошлом веке Ф. Шармуа, Д. Хвольсон, М. де Гье предлагали видеть в написании Св.т.м.л.к имя или титул славянского царя Святополка и связывали его со Святополком Великоморавским (870–894) (Хвольсон 1869. С. 139–140; Charmoy 1834. P. 29; Sharaf al-Zaman Tahir al-Marvazi 1942. P. 117–118 [comm.]; Hudud al-‘Alam 1937. P. 427–432; BGA VII. P. 145, note “a”; Marquart 1903. S. 470–472). В наши дни эта гипотеза была разработана Т. Левицким (Lewicki 1968. S. 363–376) и может считаться, пожалуй, доказанной, хотя есть и иные, менее убедительные точки зрения (Kmietowicz 1976. S. 175–189).

Город Джарват (или Джарваб) переводится как близкий к племенному названию славян «хорват». Некоторые видят в нем название целой группы племен «от западной Галиции до Орлицких гор» (Хвольсон 1869. С. 142), другие — белых хорватов на верхней Висле с центром в Кракове (Marquart 1903. S. 471–472), третьи — хорватов на Балканах (Hudūd

al-'Alam 1937. P. 430–431), четвертые — карпатских хорватов (Новосельцев 1965. С. 372) и т. д. Есть также мнение, что название этого города следует переводить не как Хорват, а как Киев (Вестберг 1908. С. 12). Однако эта гипотеза справедливо считается наименее убедительной. Решить этот вопрос окончательно, по-видимому, едва ли можно, тем не менее упоминание города Хорват как резиденции Святополка и как торгового центра все же позволяет склониться к точке зрения Т. Левцкого, т. е. считать город одним из центров западной ветви славянства.

В рассказе о славянах «Анонимной записки» отмечено ее соседство — на протяжении 30 дней пути — с печенегами, а также (в других вариантах) — с венграми — на протяжении двух дней пути. По мнению Д.А. Хвольсона, речь шла о территории между белыми хорватами и печенегами в Причерноморье; город же «в начале пределов славян», читающийся у разных авторов как Ва.т, Ва.ит, Вабнит, Вантит, был отождествлен им с Краковом (Хвольсон 1869. С. 125). Другие ученые предлагали соотносить его с центром земли вятичей (Westberg 1899. S. 213; *ŽA I*. S. 149. Ods. 6; *ŽA II*₂. P. 110–111); третьи — с Киевом (Marquart 1903. S. 189) и т. д.

Гипотезу об идентификации этих земель с территорией белых хорватов и города с Краковом приходится отвергнуть не только по неубедительности конъектуры, но и в силу исторических доводов: прежде всего, для времени написания «Анонимной записки» пребывание печенегов в Причерноморье кажется еще невозможным. Кроме того, само описание земли печенегов в составе той же «Анонимной записки» свидетельствует об их местонахождении между кипчаками (на востоке), хазарами (на юго-западе) и славянами (на западе), а также о расстоянии в 17 дней пути от оазиса Гурганджа (совр. Куния-Ургенч в Туркмении) (BGA VII. P. 143; *ŽA II*₂. P. 55–56). Если вспомнить, что в X в. Константин Багрянородный считал Волгу рубежом кочевий печенегов, то придется признать земли восточноевропейских славян «началом пределов славянских». Убеждает в этом и рассказ о мадьярах в восточноевропейских землях, содержащийся в той же «Анонимной записке» (BGA VII. P. 142; *ŽA II*₂. P. 33–35, 94–95). Определить же название города на данном этапе представляется затруднительным.

Что же касается погребальных обычаев, элементов права, этнографических деталей, версий сохранившихся славянских слов у арабских авторов, то таковые встречаются у всех трех ветвей славянства в средневковье.

ΡΑΨΙΣ ΑΡ-ΡΥΨΑΨΑΨ ΑΣ-ΣΑΚΑΛΙΒΑ
И ΑΡΧΩΝ ΤΩΝ ΣΚΛΑΒΗΝΩΝ¹⁶⁴

В трудах ряда арабо-персидских авторов X–XVII вв. сохранилась так наз. «Анонимная записка о народах Восточной Европы», как она издавна условно называется исследователями. Она является сводкой информации о восточноевропейских народах — печенегах, хазарах, буртасах, волжских булгарах, мадьярах, славянах, русах, земле Сарир в северном Дагестане и аланах. Полнее всего материалы представлены в написанной по-арабски «Книге дорогих ценностей» персидского географа Ибн Русте (перв. треть X в.) и в персоязычном труде «Краса повествований» Гардизи (XI в.); последний привел еще и данные о печенегах, которых нет в версии Ибн Русте. Целый ряд других арабо-персидских и поздних турецких писателей — Мутаххар ибн Тахир ал-Макдиси (втор. пол. X в.), неизвестный автор книги «Худуд ал-‘алам» («Границы мира», втор. пол. X в.), ал-Багри (XI в.), ал-Марвази (кон. XI — нач. XII в.), Ахмад Туси (втор. пол. XII в.), Мухаммад Ауфи (XIII в.), Закарийа ал-Казвини (XIII в.), ал-Варрак (нач. XIV в.), ан-Нувайри (XIV в.), Мирхонд (XV в.), Шукрулла ибн Шихаб (XV в.), ‘Али аш-Ширази (XVI в.), Хаджжи Халифа (XVII в.), ‘Али эфенди (XVII в.) и др. — дают, как правило, сокращенную версию тех же известий или часть их, вставляя данные «Анонимной записки» в различный контекст, а иной раз приводя новые детали. При этом все ученые, пользовавшиеся первоисточником или последующими материалами, в разной степени его редактировали.

Авторство основных данных неизвестно. Некоторые писатели отмечали, что пользовались трудами Ибн Хордадбега, знатного перса, написавшего по-арабски в 40-е или 80-е гг. IX в., в числе многих прочих, «Книгу путей и стран». Он служил при дворе и в почтовом ведомстве Халифата, а потому обладал разнообразной информацией о международных и внутренних путях, близких и отдаленных странах. Сохранилась сокращенная версия его сочинения, в которой нет «Анонимной записки», прочие же его труды оказались утраченными. Гардизи ссылался на утерянное ныне сочинение Ибн Хордадбега «Книга известий». Ряд авторов (ал-Мас‘уди, Шамс ад-дин ал-Макдиси, ал-Бируни, Гардизи,

---

¹⁶⁴ Впервые опубликовано: Славяне и их соседи. М., 2004: Вып. 11: Славянский мир между Римом и Константинополем. С. 44–52.

Йакут и др.) упоминали в качестве своего источника сочинение ал-Джайхани, везира при дворе Саманидов в Бухаре, который составил свой труд, вероятнее всего, ок. 922 г. К сожалению, это сочинение тоже не сохранилось, известно лишь, что ал-Джайхани использовал книгу Ибн Хордадбега при написании своей (Крачковский 1957. С. 219–223; Бартольд 1963. Т. 1. С. 58; Новосельцев 1965. С. 283; ŽA I. S. 43–64; Miquel 1967. Vol. 1. P. XXIII–XXV). Будучи высокопоставленными в Халифате людьми, и Ибн Хордадбех, и ал-Джайхани имели доступ к архивам, в которых могла сохраняться «Анонимная записка», но об ее авторстве ничего определенного сказать нельзя. Некоторые исследователи полагали, что автором «Анонимной записки» могли быть Ибн Хордадбех или ал-Джайхани (Marquart 1903. S. XXVIII–XXXV; Новосельцев 1965. С. 283). Было также высказано предположение, что написал ее Муслим ал-Джарми, византийский пленник, который был выкуплен в 945 г. и написал о Византии и ее фемах (Marquart 1903. S. 243). Однако этот рассказ в книге Ибн Хордадбега убеждает как раз в том, что «Анонимная записка» едва ли была написана ал-Джарми, поскольку и манера изложения, и форма подачи материала во фрагменте о Византии в книге Ибн Хордадбега совсем не похожи на «Анонимную записку». Итак, авторство «Анонимной записки» остается нераскрытым.

Сводка уделяет внимание дорогам, городам, торговле, экономике, указывает некоторые детали политического строя, отмечает вероисповедания и обычаи (Мишин 2002. С. 50). Разносторонние характеристики показывают, что эти сведения собирались не случайно, они вполне отвечали сложившемуся в арабской литературе характеру описаний далеких от Халифата земель. Подобного рода информация, не имеющая отношения к Восточной Европе, есть в разных версиях тех сочинений многих восточных писателей, где особенно целенаправленно выделялись описания дорог и областей — видимо, для правителей или высшего чиновничества Халифата. Совершенно не связанные с «Анонимной запиской» сведения о дорогах и стоянках в самых разных частях ойкумены содержались в сохранившейся «Книге путей и стран» Ибн Хордадбега, «Книге стран» ал-Йа'куби, одноименном сочинении Ибн ал-Факиха, «Книге о харадже и искусстве секретаря» Кудамы ибн Джа'фара, «Книге путей и стран» ал-Истахри и многих других.

Возвращаясь к «Анонимной записке», отметим, что оставшийся неизвестным автор мог предназначать ее для кого-то из эмиров Хорасана, поскольку именно там работали и жили Ибн Хордадбех, ал-Джайхани, а также Ибн Русте и Гардизи, наиболее полно сохранившие данные «Записки». Это тем более вероятно, что в разделах, не связанных с «Анонимной запиской», описанию путей через Хорасан в соответствующих произведениях уделено весьма много места.

Дальнейшее исследование опирается на наиболее полно сохранившиеся фрагменты из книг Ибн Русте, Гардизи и ал-Марвази, а также частично — на географическое сочинение под названием «Границы мира» («Худуд ал-‘Алам») неизвестного автора, который на основании многих книг предшественников воспроизвел собственные воззрения на расположение народов, в том числе славян; при этом частично он воспользовался данными «Анонимной записки» о славянах, хотя привлекал и другие источники (Новосельцев 1968. С. 90–103; Мишин 2000. С. 52–63).

В «Анонимной записке» после сведений о местоположении страны славян, ее ландшафте, народном хозяйстве, погребальных обычаях, верованиях, чертах быта, элементах вооружения располагается фрагмент о правителе славян (*ra‘us*), который живет посередине страны славян, проходит процедуру коронования и называется своим народом «главой глав» (*ra‘us ar ru‘asa‘* — Ибн Русте) или «наибольшим главой» (*ra‘us-e bexter* — Гардизи, *ra‘us al-akbar* — ал-Марвази). Два последних автора дают кальку с термина *ra‘us ar ru‘asa‘*. Далее названо имя (или титул) этого главы, анализ этого сообщения см. ниже. После этих данных указанные авторы, имея в виду того же властителя, применяют титул *малик* (*падшах* — «Худуд ал-‘Алам»); этот персидский термин равнозначен арабскому *малик*), который обозначает верховного правителя, монарха, и рассказывают о его праве сбора дани с подданных и наказания обвиненных в воровстве (BGA VII. P. 144–145; Бартольд 1973. Т. VIII. С. 39 [перс. текст], 59 [перев.]; Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi 1942. P. 22 [engl. transl.]). Власть этого руководителя была освящена до известной степени религией, о чем сохранилось свидетельство «Худуд ал-‘Алам»: «Они считают своей обязанностью по религии служение царю (*падшаху*)» (Туманский 1897. С. 133 [перс. текст], 135 [перев.]; Hudūd al-‘Alam 1937. P. 158 [engl. transl.]). Таким образом, в рассказе о славянах «Анонимной записки» термин *ra‘us ar ru‘asa‘* и его же арабские персидские аналоги означают верховного вождя.

У арабов титул *ra‘us* применялся к лицам, избираемым высшей администрацией из числа местных семей на роль посредника между верховной властью и местным населением в городах (Бартольд 1963. Т. I. С. 293–294; Мец 1966. С. 326; Большаков 1984. С. 286–287). Поэтому выбор термина *ra‘us* для определения главы славян не может быть случайным: здесь подчеркивается роль повелителя славян как выборного лица, с одной стороны, и как представителя местной власти перед верховной администрацией, с другой. Существенно также и то, что предпочитается термин «глава глав», «наибольший глава» и равнозначные термины *малик* (араб.) и *падшах* (перс.), обозначающие верховного владыку; тем самым подчеркивается господствующая роль правителя.

Схожий взгляд на положение и роль вождей славян имеется в византийских источниках. Известный византийский теолог и церковный деятель, патриарх константинопольский Никифор (758–828) написал «Краткую историю» («Бревиарий»). В главе о войнах, ведшихся Византией в конце VII и начале VIII в., он рассказал о стычках Юстиниана II (685–695 и 705–711) со славянами во Фракии: оттуда Юстиниан переселил в область Опсикон множество славян, а из части их набрал войско, «поставив над ними *архонтом* (курсив мой. — Т. К.) некоего по имени Небул из более благородных [среди них]» (Свод 1995. С. 232–233). Аналогичные известия есть у византийского историка Феофана. Он пользовался одним первоисточником с Никифором, но у Феофана не сделан акцент на существование выбора вождя из «более благородного» сословия славян (Свод 1995. С. 250, 280–281). По мнению Г. Г. Литаврина, из вышеуказанных слов Никифора о Небуле следует, что «у славян имелась знатная верхушка, главенствующие роды, из которых избирались вожди» (Свод 1995. С. 242, примеч. 76), хотя именно этот *архонт* был назначен византийским императором¹⁶⁵.

Константин Багрянородный, византийский император X в., писал в книге «Об управлении империей» об *архонтах*, избранных для себя славянами Далмации и окрестностей, о «самовластном *архонте*» Хорватии, об *архонтах* сербских племен, которые правили «по наследству» (Константин Багрянородный 1991. С. 130–131, 134–135, 136–137, 142–143, 148–149). Вместе с тем в главе о славянах Далмации Константин Багрянородный отмечал, что «*архонтов* же, как говорят, эти народы не имели, кроме старцев-жупанов, как это в правилах и в других Славиниях (курсив в обоих случаях мой. — Т. К.)» (Там же. С. 112–113). Тем не менее, далее Константин, рассказывая о крещении хорватов и сербов, поведал, что после крещения над ними были поставлены архонты, «которых они сами хотели и выбирали из рода, почитаемого и любимого ими» (Там же. С. 114–115). Я. Ферлуга объяснял противоречивые высказывания императора тем обстоятельством, что информация о верховенстве старцев-жупанов относилась к концу VIII — началу IX в., когда родоплеменной строй приходил в упадок, позднее же места старейшин в управлении славянским обществом стали занимать знатные люди, которых византийцы и именовали *архонтами* (Ferluga 1982. S. 256–257). Й. Кодер полагал, что правителей-*архонтов* для славян назначала только византийская администрация (Koder 1983. S. 128–131). Однако вышеу-

¹⁶⁵ Мне представляется недостаточно обоснованной точка зрения В. Зайбта, что Небул — это представитель византийской военной элиты (Seibt 1994). Источники не дают оснований для такого вывода.

казанная информация Константина Багрянородного явно противоречит такому мнению. К этому же выводу приводят данные Монеувасийской хроники, где говорится, что «славяне Пелопоннеса не были подчинены ни императору ромеев, ни кому-либо другому» (Charanis 1950. P. 147–148). Поэтому можно сделать вывод, что славяне во всех местах своего расселения, будь то Пелопоннес, Балканы или Восточная Европа, все же сами выбирали себе вождей. В тех случаях, где они были зависимы от Византии, ее власти, зная славянский обычай выбора главы из числа своих знатных родов, признавали эту традицию, когда утверждали или меняли *архонтов* под своей эгидой. Именно этой политикой можно объяснить и назначение Небула в качестве *архонта* Юстинианом II.

Следует отметить, что в византийской литературе термин *архонт* применялся далеко не только к властителям славян: он обозначал глав провинций; персон, наделенных титулом; лиц, занимавших высокую должность в воинских подразделениях или чиновничьих учреждениях; просто богачей, без титула (Ferluga 1982. S. 255). Для нашей же темы весьма существенно именование *архонтами* чужеземных правителей: болгарских царей (*архонтами* Константин Багрянородный называл болгарских князей Бориса-Михаила, Симеона и др.), русских князей (например, Константин Багрянородный именовал *архонтом* киевского князя Святослава Игоревича, а также тех вождей русов, что собирали дань с подвластных славянских племен — Константин Багрянородный 1991. С. 44–45, 50–51); в официальных документах византийской канцелярии киевские князья тоже именуется *архонтами* (DAI II. P. 30); так же называются вожди кочевников — «турок», т. е. венгров, и «пачинакитов», т. е. печенегов, у Константина Багрянородного; хазарский хакан также был им назван *архонтом* (Константин Багрянородный 1991. С. 44–45, 154–155, 158–159, 160–161 и др.; Constantine Porphyrogenitus 1829. P. 691), в том же ряду назывались правители южнославянских племен — кроатов, сербов, захлумов, тервунуитов и других (Константин Багрянородный 1991. С. 291, примеч. 10. См. также: Ferluga 1976. P. 131–136, 245–249; 1982. S. 254–266). Арабский термин *ra'is ar ru'asa'* и его персидские аналоги, соответствующие значениям «глава глав», «высший руководитель», и одновременная замена его термином *малик=надшах* («государь», «владыка») тоже свидетельствует о том, что речь идет именно о верховном правителе славян.

Реальный властитель славян, о котором шла речь в «Анонимной записке», был назван у Ибн Русте «главой глав» (*ra'is ar ru'asa'*) по имени Свийт.м.л.к. В трудах Ибн Русте и Гардизи вторая часть имени главы славян передана буквами *м.л.к.*, что может означать *малик*, т. е. «царь»,

Д.А. Хвольсон предложил конъектуру: изменить букву *м* на *б*, поскольку, как он писал, слово, означающее «царь» (*малик*), «тут не дает смысла» (Хвольсон 1869. С. 119). Несмотря на то, что многие после Д.А. Хвольсона высказывали сомнение в правомерности конъектуры (Гаркави 1870. С. 266, примеч. 3; Бартольд 1973. Т. VIII. С. 39 [перс. текст]; Заходер 1967. С. 134–135), версия первого издателя Ибн Русте не может быть отброшена. Вероятно, подстановка *малик* вместо *б.л.к.* была произведена самим автором «Анонимной записки», и сделана она была потому, что в следующей фразе, зафиксированной Ибн Русте и Марвази, о наличии верховых животных у главы славян последний назван именно *малик*. Форма «Свийт-малик» необычна для арабского языка: нормой должно было бы быть «Свийт ал-малик»¹⁶⁶. Отсутствие слова *ал-малик* у других авторов, передававших «Записку», свидетельствует не о более точной передаче имени, как полагал некогда Б.Н. Заходер (Заходер 1967. Т. 2. С. 134–135), а напротив, о неприятии, непонятности для арабских авторов слова *малик* после имени Свийт. Вариант «Худуд ал-‘Алам», некогда заинтересовавший Б.Н. Заходера, — «Б.смут Свит» — еще ранее Ф. Вестбергом был справедливо объяснен искаженной передачей арабского выражения «Йусаммунаху Свийт», т. е. «называют его Свийт» (Вестберг 1908. С. 11–12; Заходер 1967. С. 135)¹⁶⁷. Старая гипотеза, высказанная еще в начале XIX в. и подробно разработанная в XX в. Т. Левицким, побуждает считать, что речь вполне может идти о Святополке I, государе Великой Моравии (870–894) (Charmoy 1834. P. 29; Хвольсон 1869. С. 139–140; BGA VII. P. 145, note “a”; Marquart 1903. S. 470–472; Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi 1942. P. 117–118 [comment.]; Hudūd al-‘Alam 1937. P. 427–432; Lewicki 1968. S. 363–376; Мишин 2002. С. 59). Б.Н. Заходер сомневался, что термин *ра’ис ар ру’аса’* мог быть приложим к такому крупному государственному деятелю, как Святополк, разбирая значение слова *ра’ис*: «Под термином *раис* в применении к народам не арабо-мусульманской государственности понимался глава, вождь (дука), власть которого была отлична как от власти государя, так и от власти родовых старейшин» (Заходер 1967. С. 136). Не совсем ясно, почему ученый считал, что власть этого главы отлична от власти государя: то обстоятельство, что авторы называют этого вождя не просто «главой», а «главой глав» и одновременно «государем» (*маликом=надишахом*), как раз и показывает, что термин применялся по отношению именно к верховному владыке. Для арабского же писателя второй половины IX в., коим был

¹⁶⁶ Д.Е. Мишин передает имя царя славян как С.вит малик — С.вит.м.л.к. (Мишин 2002. С. 59).

¹⁶⁷ Арабская графика позволяет легко спутать при переписывании буквы *йа* и *ба*, *нун* и *та* и т. д. вследствие перестановок диакритических точек над или под буквой.

автор «Анонимной записки», и Святополк Великоморавский, и другие славянские правители и не могли быть не чем иным, как «главами глав» и «государями» — в отличие от еще более высоких властителей — халифов и известных им византийских императоров.

Некогда Ф. Вестберг, а впоследствии Ф. Кмитович высказывали сомнения, что Моравия и ее государь могли быть известными арабским писателям, поскольку в IX в. эта страна лежала довольно далеко от торговых магистральных путей, и предлагали относить всю информацию «Анонимной записки» к киевским полянам; слово «свит» считать титулом со значением, близким к славянскому «свет», с первоначальным смыслом «царь, король» (Вестберг 1908. С. 12; Kmiotowicz 1976. S. 181–184). Соответственно, сочетание Свйит-малик можно было считать выражением, близким к титулу «великий (могущественный) король». Ф. Кмитович при этом проводил параллель с хазарской титулатурой верховного владыки «великий хакан», которая встречается в арабских источниках (*хакан ал-акбар* или *хакан ал-кабир*) (Kmiotowicz 1976. S. 184). Неясно при этом, насколько правомерно и оправданно применение таких титулов в отношении славянских правителей, которые не имеют аналогов ни в отечественных, ни в зарубежных источниках. Мне представляется более обоснованной версия, по которой имя главы славян связывалось со Святополком Великоморавским, а название его заместителей — с термином *жупан*¹⁶⁸, отмеченным и Константином Багрянородным (Константин Багрянородный 1991. С. 112–113: *πλήν ζουπάνους γέροντας*). Эти имена и названия соответствуют юго-западной ветви славянства. Тем не менее, если судить по географическим сведениям и данным о соседстве окрестных народов, рассказ «Анонимной записки» в целом относится к более широкому ареалу расселения славян, включая восточноевропейский.

Можно предположить, что *раи'ис ар-пу'аса'* и *архонты* в применении к восточнославянскому обществу конца IX — начала X в. обозначали глав знатных родов: «великих и светлых князей», «всякое князь», т. е. тех властителей, которые правили определенной славянской территорией до момента захвата ее представителями великокняжеской династии. Из древнерусских источников известны имена некоторых восточнославянских вождей: полянский Кий, новгородский Бравлин (по происхождению скандинав), древлянский Мал, вятичский Ходота.

Таким образом, сравнительный анализ арабских и византийских письменных источников расширяют знания о государственном устройстве славянских обществ IX — середины X в.

---

¹⁶⁸ О термине «жупан-жупанич» и возможном арабском аналоге см.: Калинина 2003. С. 204–216. Д.Е. Мишин предлагает вариант: *судец*, т.е. «судья» (Мишин 2002. С. 86, примеч. 23).

ЭТИОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕГЕНДЫ ПЕРСИДСКОГО ПИСАТЕЛЯ XI в. ГАРДИЗИ О СЛАВЯНАХ¹⁶⁹

Гардизи, персоязычный историк, работал в середине XI в. Биографических сведений о нем почти нет; известно только, что родом он был из небольшого местечка недалеко от Газны, расположенного на пути в Индию. Книга Гардизи «Краса повествований» («Зайн ал-ахбар») была написана при правителе тюркской династии Газневидов ‘Абд ар-Рашиде (1049–1053 гг.) (Крачковский 1957. Т. 4. С. 262; Chwiłkowska 1978). Сочинение посвящено истории персидских владык и Хорасана от арабского завоевания до 1041 г., летописи жизни Мухаммада и халифов до 1032 г., а также генеалогии, хронологии, религиям разных народов и т. д. В заключительном разделе находится глава о тюрках, включавшая описание восточноевропейских народов¹⁷⁰.

Турков, вместе со славянами, легендарными народами Гог и Магог (*Йаджудж и Маджудж*) и населением земель до Китая включительно, Гардизи относил к потомкам Яфета (*Йафис*), сына Ноя (*Нух*), ссылаясь на Ибн ал-Мукаффу (ум. 757 г.). Задолго до Гардизи автор всемирной истории ат-Табари (839–923 гг.), со ссылкой на Ибн Исхака (VIII в.), причислял к потомкам Яфета ат-турк и ас-сакалиба, народы йаджудж и маджудж; в другом фрагменте среди «детей» Яфета он называл ал-хазар, ат-турк, ас-сакалиба (at-Tabari 1879. Т. 1. С. 211, 216–118). Ал-Йа‘куби (IX в.) в своем историческом труде писал, что народы ат-турк и ал-хазар происходили от Маша, а ас-сакалиба — от Джумара, и оба они были сыновьями Яфета; в другом месте своего сочинения он говорил, что Яфету достались такие государства и народы, как ас-Син, ал-Хинд, ас-Синд, ат-турк, ал-хазар, ат-туббат, ал-булгар (al-Ja‘qūbī 1883. Т. 1. Р. 13, 17). Сюжет, аналогичный первому из «Истории» ал-Йа‘куби, встречается у ал-Мас‘уди (X в.). Он же называл живших «под Козерогом» (т. е. на севере) потомков Яфета, среди

---

¹⁶⁹ Впервые опубликовано: Славяноведение. 2002, № 4. С. 68–73.

¹⁷⁰ «Каспийским сводом» назвал это собрание сведений о восточноевропейских народах, которое повторяется у самых разных авторов IX–XV вв., Б.Н. Заходер на том основании, что большая часть известий была связана, как полагал ученый, с народами, жившими вокруг Каспия и связанными с восточноевропейским миром через волжскую водную магистраль (Заходер 1965). Название «Анонимная записка о народах Восточной Европы», впрочем, чаще фигурирует в научной литературе (в работах В.Ф. Минорского, Т. Левицкого и др.).

которых фигурировали ас-сакалиба, йаджудж и маджудж, ат-турк, ал-хазар (Maçoudi 1863. Т. III. Р. 66). Ибн Кутайба (IX в.) перечислял ас-сакалиба, ат-турк, ал-хазар и народы йаджудж и маджудж как яфетидов (Za I. S. 145). В произведении «Мухтасар ал-'аджа'иб» к детям Яфета относились, среди прочих, ар-рус, ал-бурджан (болгары), ал-хазар, ат-турк, ас-сакалиба, фурс (персы) (Крюков 1983. С. 196). Са'ид ибн ал-Батрик (ум. 939 г.) перечислял множество потомков Яфета, среди которых были ат-турк, баджанак (печенеги), ат-тагазгаз (токуз-огузы), ат-туббат (Тибет), йаджудж и маджудж, ал-хазар, народы Кавказа, ар-Рум, ар-рус, ал-булгар, ас-сакалиба (Seirpel 1896. S. 53). Ал-Бакри (XI в.), со ссылкой на Са'ида ибн Мусеййаба (ум. 713/714 г.), а также и в других фрагментах называл потомками Яфета ас-сакалиба, бурджан, «неверных» ал-ишбан (т. е. испанцев-христиан), а также ат-турк, ал-хазар и народы йаджудж и маджудж (al-Bakri 1992. Т. 1. Р. 87–88 [араб. текст]; Куник, Розен 1878. Ч. I. С. 18 [перев.]). В XII в. анонимный персидский историк, автор труда «Муджмал ат-таварих», яфетидами считал тюрков, хазар, русов, булгар, буртасов, сакалиба и другие народы севера и востока Европы, при этом персонифицируя родоначальников — Турка, Чина, Хазара, Руса, Саклаба (Новосельцев 1990. С. 78).

Но не только библейские версии разделения Земли бытовали в арабской литературе: была также очень распространенная персидская традиция, по которой первый владыка Земли Афридун разделил ее так, что восточная часть досталась его потомку — Туджу и была населена народами Китая (*ас-Син*) и тюрками (*ат-Турк*) (Ибн Хордадбех 1986. С. 60; BGA VIII. Р. 37 [араб. текст]; Ал-Бируни 1957. Т. 1. С. 3 [перев.]; Т. VI. С. 113 [перев.]). Писавший по-арабски персидский географ ал-Истахри еще в первой половине X в. отметил: «Сам Китай (*ас-Син*) — это климат (*ал-иклим*). Все страны тюрков (*ал-атрак*) мы относим к нему как к царству (*мамлака*), так же, как название всего царства (*мамлака*) ар-Рум [мы относим] и к земле (*ард*) *Румийа* (т. е. Италии. — *Т. К.*), и к *Кустантинийи* (т. е. Византии. — *Т. К.*), и как все прочие царства (*мамалака*) ислама — к *Иранишахру*, а это земля (*ард*) *Бабила* (Вавилона. — *Т. К.*) (BGA I. Р. 10).

Таким образом, помимо сближения народов по генеалогическому признаку (как яфетидов и как афридунидов), у арабов был распространен и взгляд на объединение людских общностей в рамках одного климата (*иклим*)¹⁷¹ или царства (*мамлака*) как основ целостности, вне

---

¹⁷¹ В астрономо-географических трудах арабов климатом называлась широтная зона, проходящая с востока на запад или наоборот; однако у географов, придерживавшихся традиции описательной географии, климатом иногда называлась обширная область, округ или даже государство.

зависимости от расовых или национальных признаков, почему и соединялись вместе народы, совсем не родственные друг другу.

Ссылаясь на Ибн Хордадбеха, Гардизи отмечал в предисловии к своему сочинению, что тюрки принадлежали к китайцам. Возможно, как раз здесь Гардизи следует той традиции, что отразилась и в книге ал-Истахри, хотя с картографической и географической традициями ал-Истахри, отмеченной именами их основоположника ал-Балхи и переработчика труда ал-Истахри — Ибн Хаукала, Гардизи не был знаком. Однако возможно, что Ибн Хордадбех и ал-Истахри, хотя и принадлежали к разным научным направлениям, следовали общим представлениям о вхождении народов в определенные «царства».

Гардизи упоминал, что область Туркестана, ввиду отдаленности своего положения, называлась «тюрк» (*ат-тюрк*). По замечанию В.В. Бартольда, «вероятно, имеется в виду арабский корень *тарака* («оставлять, покидать»)» (Бартольд 1973. Т. VIII. С. 42, примеч. 3). Сходную этимологию слова *ат-тюрк* предполагал А. Зайончковский (1966. С. 194–201). Далее Гардизи приступал к описанию отдельных видов тюрков, «как я нашел его в книгах», — писал он: карлуков (*халлух*), кимаков, ягма, киргизов, обитателей Тибета (и дорог туда), жителей Барсханы (и путей к ним), тогуз-гузов (и их маршрутов), Китая (и путей в эту страну); далее речь идет о печенегах, хазарах, буртасах, булгарах, мадырах, славянах, русах, стране ас-Сарир, аланах (начиная с печенегов — «Анонимная записка о народах Европы»), области Хайзан (в английском переводе Р. Martinez — *Xaitaq*), джикилях и тюргешах (Бартольд 1973. Т. VIII. С. 25–62; Martinez 1982. Р. 153). Как видно, Гардизи причислил к числу тюрков народы, никак к ним не принадлежавшие, в том числе такие хорошо известные в XI в., как население Тибета, Китая, славян, русов, алан и др.

Помимо вышеупомянутых традиций объединения разных народов, вне зависимости от их реального этнокультурного облика, существует еще одна причина такого «недоразумения». Она выясняется из «Книги о природе животных» персидского врача и ученого Шараф аз-Замана Тахира Марвази (XI — перв. четв. XII в.). Марвази передал те же сведения о тюрках, что и Гардизи, используя, видимо, тот же оригинал, но добавив свои данные. В число тюрков он включил, кроме приведенных у Гардизи, северные народы — ису (весь), йура (югра) и неких «жителей приморья». Для Китая Марвази отвел отдельную главу, исключив таким образом эту страну из числа областей тюрков. В конце же раздела о тюрках Марвази, как и Гардизи, написал об использовании всего, что удалось узнать о тюрках из разных

книг. Далее, со ссылками на Гиппократ и Галена¹⁷², он привел рассуждения о народе *сурмат* (читай: *савромат*) с маленькими глазками и узким их разрезом, жившем в холодной части Европы, и о тюрках, тоже живших на севере, в холодном климате (Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi 1942. P. 35). Хотя в книге Гардизи фрагмента о савроматах нет, но общее сходство главы о тюрках в трудах Гардизи и Марвази заставляет полагать, что оба автора опирались на один первоисточник, в котором обитатели севера и северо-востока Земли, и в том числе тюрки, приравнивались к сарматам античных писателей — жителям холодного севера.

Сюда же относились славяне, строившие, по сведениям «Анонимной записки», землянки для спасения от холода, и другие жители востока, северо-востока и севера ойкумены. Так, церковный историк Агапий Манбиджский описал ее «седьмой климат»:

«Седьмой климат известен и относим к *Барис Санис* (Борисфену. — Т. К.). Это климат, который населяет народ, называемый по-гречески *йумидис*, т. е. «сонливые». Они народ малосильный, не сноровистый, вследствие чрезмерного сильного холода у них, поскольку недалеко от них — сторона севера и мест, которые необитаемы и не населены. Большая Медведица, из числа созвездий, недалеко от зенита, постоянно вращается над ними. Скот и звери их страны очень малы. Не бывает у их коров и овец рогов из-за сильного холода там. Не встречаются в их стране никакие рептилии. Они не могут и нет у них возможности строить для себя дома. Однако они строят дома из половинок дерева, покрывают их и перевозят на повозках, тащимых быками. Они живут в них и ездят днем и ночью до тех пор, пока не найдут для себя средства, необходимые для жизни, для своей страны и пастбища для своего скота. Они во всей своей судьбе несчастны по причине плохих обстоятельств жизни. Говорят, что когда они заболевают тяжелой болезнью, они сажают больного на повозку, снимают с него одежду мужчины и надевают одежду женщины, и они выздоравливают» (Kitâb al-'Unwan 1910. P. 616).

Почти аналогичная, хотя и сильно сокращенная, информация, *но только по отношению к тюркам*, встречается в сочинении Ибн ал-Факиха (903 г.):

«Седьмой климат — ат-турк. Их мужчины и женщины имеют вид ат-турк по причине холода. Их звери низки ростом, и нет там ни насекомых, ни пресмыкающихся. Люди живут в домах, которые строят из досок,

---

¹⁷² Книги Гиппократ и Галена были переведены на сирийский и арабский языки в IX в. См.: Пигулевская 2000. С. 365.

и переносят их на телегах, запряженных быками. Скот их содержится в пустынных местностях. Детей у них мало» (BGA V. P. 7).

Ни у Ибн ал-Факиха, ни у Агапия нет материалов о восточноевропейских народах, напоминающих «Анонимную записку», тем не менее очевидно, что варианты рассказа о седьмом климате восходят к одному первоисточнику. Отнесение жителей севера к *тюнкам* аналогично уподоблению античных и византийских ученых *скифам* или *сарматам* любых восточноевропейских «варваров», с которыми они знакомились, вне зависимости от их реального этноса.

Объясняя принадлежность славян к тюнкам, Гардизи привел несколько легенд. Одна из них — об убийстве византийского посла верховным правителем славян, причем причиной убийства послужило различное происхождение народов — потомков Ноя: румийцев — от Сима, а славян — от Яфета. Вследствие этого происшествия славянин бежал к хакану хазар, но был вынужден покинуть свое убежище при смене хакана, поскольку новый хакан не захотел видеть опального славянина в своих владениях.

Тогда тот ушел к одному из хазарских вельмож Башджурту, жившему между владениями хазар и кимаков, но снова вызвал недовольство хазарского хакана. Славянин был вынужден отправиться еще восточнее, и в некоем месте, между владениями кимаков и тогузгузов (так арабы называли уйгур), к нему стала прибываться часть тогузгузов, у которых в это время случилась междоусобица; славянский владыка сдружился с Башджуртом и вместе с ним напал на гузов, которых разграбил, а часть пленил, затем выгодно продал пленников. И вот этот бывший владыка славян, по информации Гардизи, назвал тех, кто объединился вокруг него, именем «киргиз»; затем к нему присоединилась часть его соплеменников-славян, и в результате смешения народ киргизов получил голубые глаза и светлые волосы (Бартольд 1973. Т. VIII. С. 29, 47).

Исследователи, касавшиеся этих известий, приводили сведения китайских источников о европеоидном облике киргизов (Бартольд 1963. Т. II, ч. 1. С. 480; 1968. Т. V. С. 41; 1973. Т. VIII. С. 47, примеч. 27; Бичурин 1950. С. 351; Кюнер 1961. С. 55). О. Караев, занимавшийся сведениями арабо-персидских источниках о киргизах, не уделил фрагменту особого внимания, отметив только, на основании других данных Гардизи о расселении тюркских народов, что в конкретном случае информация относится к енисейским киргизам и событиям середины X в. (Караев 1968. С. 26–27, 49–50). Вообще вопрос этногенеза киргизов непрост и, кажется, еще далек от разрешения (Худяков 2001. С. 75–83), однако, пожалуй, только Й. Маркварт некогда счел возможным усмотреть в расска-

зе Гардизи какие-то данные о передвижении народов с запада на восток (Marquart 1914. S. 67), что в целом не подтверждается источниками, как и какие бы то ни было славянские корни киргизов. К. Цегледи отметил этиологические — предназначенные объяснить внешний облик народа, и этимологические — долженствующие растолковать происхождение слова саклаб, корни легенды (Czeplédy 1973. P. 261), полностью следуя в этом В.В. Бартольд (Бартольд 1963. Т. II, ч. 1. С. 480). Однако если К. Цегледи, на основании разных данных о тюрках Гардизи, относил его сведения к 746–780 гг., то О. Караев давал более широкий временной диапазон событий, связанных с информацией Гардизи о тюрках Средней и Центральной Азии — с VIII по X вв. (Караев 1968. С. 49).

Описанная Гардизи причина ссоры — убийство неким славянским владыкой византийского посла из-за принадлежности их народов к разным потомкам Ноя — является для восточного писателя весьма существенной, вне зависимости от того, реальной ли была причина ссоры: в глазах арабо-персидских ученых самыми благочестивыми и мудрыми народами являлись потомки Сима, к которым принадлежали и они сами, и те, кто веровал в единого Бога. Это обстоятельство не исключает, однако, каких-то действительных событий. Дальнейшие передвижения славянского владыки — к хазарам, мадярам (башджуртам) и среднеазиатским народам — могут означать общую осведомленность автора об их близком существовании и политических взаимоотношениях. Во всяком случае, о торговых связях между Византией и Тюркским каганатом, сопровождавшихся дипломатическими посольствами начиная с VI в., было известно из византийских и сирийских источников (Пигулевская 2000. С. 272–308). Между прочим, именно один из византийцев, Менандр Протектор, рассказывавший об обмене посольствами между Византией и тюрками, поведал также и об убийстве посла антов Мезамера аvaraми ок. 560 г. (Menandr Protector 1903. P. 443). Возможно, отголоски каких-то подобных сведений, известных и сирийским авторам, информация книг которых стала позднее основой некоторых арабских трудов, отразились в материалах Гардизи.

Часть Великого Шелкового пути, проходившая по землям Византии, Черноморского побережья, Северного Кавказа, Нижнего Поволжья в Среднюю Азию активно функционировала с конца VIII — начала IX в. (Иерусалимская 1972). Ответвлением этого пути была дорога через хазарскую крепость Саркел на берегу нижнего Дона, выстроенную как торговый перевалочный пункт на скрещении сухопутных дорог и ставшую торгово-ремесленным центром на пересечении и водных путей с Азова на Волгу и обратно (Плетнева 1996. С. 142–158; 1999. С. 100).

Таким образом, какие-то известия об отношениях представителей восточноевропейских народов, располагавшихся между Византией и Средней Азией, вполне могли стать основой для информации Гардизи.

Вторая легенда рассказывает о предке-эпониме славян: согласно Гардизи, автор VIII в. Ибн ал-Мукаффа' отмечал: «Имя их (саклабов. — Т. К.) находится в связи со словом саг («собака»), так как они были выкормлены собачьим молоком» (Бартольд 1973. Т. VIII. С. 29, 46); собака же принадлежала Яфету. В.В. Бартольд связывал эту легенду с персидской этимологией слова *саклаб*: *сек* — «собака», *леб* — «губа» (Бартольд 1963. Т. II, ч. 1. С. 871). Отметим в этой связи, что средневековые ученые, принадлежавшие совсем различным культурным ареалам, довольно рано стали «доискиваться» расшифровки значения этнонима *саклаб*, *склав*. Еще византийские авторы Агафий Миринейский (ок. 530 — ок. 582) и Иоанн Малала (кон. V — 70-е гг. VI в.) первыми употребили вместо термина $\Sigma\kappa\lambda\alpha\beta\eta\nu\acute{o}\varsigma/\eta\nu\acute{o}\iota$ (<*slovene) — слова $\Sigma\kappa\lambda\acute{\alpha}\beta\omicron\varsigma$ ($\Sigma\kappa\lambda\acute{\alpha}\beta\omicron\iota$); впоследствии, начиная с Маврикия (втор. пол. VI — VII в.), слово $\Sigma\kappa\lambda\acute{\alpha}\beta\omicron\iota$ стало встречаться достаточно часто (Свод 1995. С. 309–310, примеч. 18.1, 18.2). И позднее, например, в одной из речей патриарха Фотия, имеются слова о русах как о «народе, среди рабов поставленных», — фраза, которую Г.Г. Литаврин рассматривает как одну из попыток этимологической интерпретации этнонима *славяне* — лат. *sclavi* (Литаврин 2000. С. 59). Заметим в связи с этим, что персидская этимология осталась маргинальной и не приобрела распространения, в отличие от византийско-латинской.

ГЕНЕАЛОГИИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРАБСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ¹⁷³

Осознание своего места в мире среди других народов было присуще обитателям древней Аравии задолго до появления мусульманства. Почитание общего предка, от которого велся счет поколений, являлось одной из основ этноисторического сознания бедуинов, их исторической памяти. Сохранение перечня поколений и сведения о системе родства были видом зафиксированной информации о происхождении того или иного аравийского племени от эпонима (Грязневич 1982. С. 83–84, 124–126). Знание родословий и отношений родства было также совершенно необходимым элементом повседневной жизни арабов, поскольку оно стало опорой при осуществлении таких значимых актов, как кровная месть, заключение мира между враждующими сторонами, разбор спорных вопросов наследства и многое другое (Грязневич 1982. С. 93, 124–126; Коновалова 2001б. С. 94–99; Мишин 2001. С. 133–135). Отчетливые проявления исторического сознания у арабов связываются с возникновением ислама и его священной книги Корана (Резван 2000. С. 27–29). Мухаммад смог создать образ временной глубины прошлого, который оперировал представлениями о событиях тысячелетней давности, вместо генеалогической памяти арабов, которая до него осознавала себя лишь на протяжении нескольких сотен лет (Грязневич 1982. С. 145). Первые проповедники ислама и комментаторы Корана собирали и доносили до народного сознания сведения о происхождении мира и человека, об истории древних народов, религиозно-философские сюжеты и образы, в значительной мере проникавшие из иудео-арамейской и сиро-христианской среды. Коран легко воспринял библейскую генеалогию народов мира, т. к. она восходила к традиционным ближневосточным преданиям о начале человечества. В Коране приводятся версии, берущие начало в иудейских и христианских представлениях, о сотворении Творцом из земной пыли первочеловека Адама (Коран III, 52; XXII, 5; XXIII, 12–14; XXXV, 12; LXXVI, 2; XC, 3–4; XCVI, 1–2),

---

¹⁷³ Впервые опубликовано: ДГ, 2002 г.: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 102–113.

от которого произошли все народы, и о его потомках. Коран излагает предание о Ное (араб. *Нух*), которое, восходя к библейской легенде, имеет тем не менее совершенно аравийские реалии: после потопа Ной спасается на горе ал-Джуди в Аравии; сам образ Ноя как пророка, уговаривавшего народ уверовать в единого Бога и за это подвергнувшегося гонениям и уподобившегося в этом Мухаммаду; идея о неизбежной гибели тех, кто не послушал Ноя и не принял ислам (Пиотровский 1991б. С. 50; 174–175, примеч. 3). Так возникала теоретическая генеалогия, в которой арабам отводилось определенное место как историческому народу. Во второй половине VIII в. появились профессиональные собиратели исторической информации, касавшейся пророка Мухаммада и политической истории его времени. Историко-генеалогические предания (*ахбар*) были собраны в VIII–IX вв. и включены в состав исторических трудов как повествования о предыстории арабов. Сюда вошли легенды о прародителях арабов, родословия так наз. исчезнувших народов (*‘ад, самуд, джурхум* и др.), а также генеалогии, возводившие народы к Адаму и его потомкам. В окончательном виде генеалогическая схема, устанавливавшая место арабов в ряду исторических народов, была канонизирована учеными Медины, и в VIII в. она уже фигурировала как общепризнанная (Грязневич 1982. С. 154). Мусульманские филологи VIII–IX вв. тщательно собирали племенные предания отдельных групп и кланов. При этом они выделили три основные формы исторической памяти: прозаические рассказы исторического содержания (*ахбар* и *аййам*), генеалогические предания, включавшие родословия (*ансаб*), а также стихи (Микульский 2002. С. 22–30).

К середине VIII в. систематизация родословных собственно арабских племен была завершена; ученые обратились к изучению происхождения других народов, что было связано с расширением границ Халифата и знакомством с чужеземными странами. Описание Земли, приписываемое ‘Абдаллаху, сыну завоевателя Египта ‘Амра ибн ал-‘Аса (ум. между 689–692 гг.), сохранилось у ряда авторов IX — начала X в. (Крачковский 1957. С. 51). Так, Ибн ал-Факих ал-Хамадани в «Книге стран» (903 г.) писал:

«Сказал ‘Абдаллах ибн ‘Амр ибн ал-‘Ас ибн Ваил ас-Сахми: „Картина мира делится на пять частей, подобным голове птицы, двум крыльям, груди и хвосту. Голова мира — *ас-Син* (Китай. — *Т. К.*) и народ позади *ас-Сина*, который называют *Ваквак* (Япония или некая страна на востоке ойкумены. — *Т. К.*), а за *Вакваком* — народы, которые может перечислить только Аллах. Правое крыло — это *ал-Хинд* (Индия. — *Т. К.*) и море позади ал-Хинда, за которым нет живых существ. Левое крыло —

это *ал-хазар* и два народа позади *ал-хазар*, одни из них называются *машак* и *маншак*, а за *машак* и *маншак* — *йаджудж* и *маджудж*, народы, знает которых только Аллах. Грудь мира — Мекка, *ал-Хиджаз*, *аш-Шам* (Сирия. — Т. К.), *ал-Ирак* и *Миср* (Египет. — Т. К.). Хвост — от *Зат ал-Хумам* (близ Александрии) до *ал-Магриба* (Запад. — Т. К.)» (BGA V. P. 3–4 [араб. текст]. Почти аналогичный русский перевод содержится в книге: Крачковский 1957. С. 51–52).

Некоторые из названных в этом описании народов имеют библейские аналогии: так, название *машак* восходит к имени потомка Яфета Мешеха (Иезек. 38 и 39). *Йаджудж* и *маджудж* — легендарные народы, отождествляемые с библейскими Гогом и Магогом, — часто упоминались, хотя и в сильно модифицированном виде, в Коране и всей арабской литературе. В Библии говорится о народе северной земли Магог под властью правителя Гог, потомка Яфета (араб. *Йафис*), который, по пророчеству Иезекииля, должен перед вторым пришествием Христа завоевать страны и народы; по Откровению Иоанна, Гог и Магог — это нечестивые народы, которые поднимут последний бунт против Бога (Иезек. 38 и 39; Быт. 10; Откр. 20). В Коране и арабской посткоранической литературе эти народы известны как *йаджудж* и *маджудж*, замурованные Александром Македонским (*Зу-л-Карнайном*) за железной стеной, которая рухнет перед концом света и откроет путь ордам этих людей, несущим разрушения (Коран XXI, 96). Традиционно они располагались в восточной (ал-Хорезми, ал-Фергани, Ибн Хордадбех, ал-Мас‘уди, «Чистые братья» и др.) или северной (Ибн Фадлан, ал-Истахри, Ибн Хаукал и др.) части ойкумены (Daunicht 1974. Bd. IV. T. 1. S. 105–106, 108, 169; Калинина 1988. С. 132–134; Ибн Хордадбех 1986. С. 44–46; Калинина 1984а. С. 202–205; Ковалевский 1956. С. 139; BGA II. P. 10, 13, 110, 202 [араб. текст]).

Библейское разделение населения Земли на потомков сыновей Ноя — Сима (*Сам*), Хама (*Хам*) и Яфета (*Йафис*) получило у арабов признание и широкое распространение в литературе. Считалось, что у Яфета до потопа не было детей, затем родились сыновья, к которым и восходили родословные определенных жителей Земли (Пиотровский 1991б. С. 44–55; Heller 1995).

Одним из признаков принадлежности того или иного народа к потомству какого-либо сына Ноя был цвет кожи: по традиции, от Сима произошли люди с коричневой кожей, от Хама — с черной и от Яфета — с белой или красной. Такое разделение было несколько условным, хотя темнокожее население Африки всегда традиционно считалось потомками именно Хама; смуглые жители Халифата и близлежащих

стран относились к детям Сима; бело- или краснолицые и русоволосые люди происходили от Яфета. В «Книге вразумления начаткам науки о звездах» ал-Бируни (973–1048 гг.) приведена такая таблица (Ал-Бируни 1975. Т. IV. С. 114):

Юг	
Черные	Хам
Смутлые	Сим
Белые	Иафет
Север	

По библейской традиции Яфет считался «лучшим», после Сима, сыном Ноя, ибо он, как и Сим, отвернулся при виде наготы отца, не последовав негативному примеру Хама. Хам традиционно владел территориями Африки и близлежащих земель; Яфету предназначались страны, соседние с владениями Сима, в том числе весьма отдаленные, связанные так или иначе с Евроазиатским континентом.

В Коране не называется имени Яфета. Однако в комментариях к нему, как и в литературе, оно встречается весьма часто. Книжные сюжеты часто посвящены рассказам о том, что после разделения Ноем населенной Земли на три части Яфету отошла территория, населенная народами *ат-турк*, *ал-хазар*, *ас-сакалиба*, *йаджудж* и *маджудж* и многими другими, живущими в северной части ойкумены. Ученый-энциклопедист Х в. ал-Мас‘уди так характеризовал жителей севера:

«Что касается обитателей северной четверти [Земли], а именно тех, от которых далеко зенит солнца, таких, как *ас-сакалиба* (славян. — *Т. К.*), *ал-ифранджа* (франков. — *Т. К.*) и соседних с ними [народов], то сила солнца возле них слаба из-за удаленности от него [зенита]. Их [областями] владеет холод и влажность, у них всегда сменяются снега и льды, и поэтому среди них редок горячий темперамент. Тела их стали крупными, природные качества сухими, нравы неуравновешенными; ум огрубел, языки тяжеловесны. Цвет [кожи] стал тонким, а плоть грубой; глаза у них тоже стали голубыми, не отступая от природы цвета их кожи. Волосы у них гладкие и стали рыжими от преобладания влажных испарений. В их суждениях нет стойкости из-за природы холода и недостатка жара. Теми же, кто обитает [еще] далее на север, овладевают глупость, грубость и звериный нрав. И все это увеличивается по мере удаления на север» (BGA VIII. P. 23–24 [араб. текст]. Приведенный мой перевод почти идентичен имеющемуся в книге: Крачковский 1957. С. 178).

Светлокожих и русских обитателей северных земель называли также «красными» или «рыжими» и арабские, и византийские писатели. Тот

же ал-Мас'уди, когда речь зашла о русах, привел аналогичное арабскому *ар-рус* греческое слово *ροῦσιος*, имевшее значение «красный», «рыжий» (BGA VIII. P. 141); о русых, светлых, рыжих (*ал-асхаб*, мн. ч. — *ас-сухб*) *сакалиба* писали многие арабские писатели VII–XIII вв. (ал-Ахтал, ал-Джахиз, Ибн ал-Факих, ал-Мас'уди, Йакут и др. — Свод 1995. Т. II. С. 508–509; *ŽA* I. S. 168 [араб. текст], 169 [польск. перев.]; BGA V. P. 145; Maçoudi 1863. P. 66 [араб. текст и франц. перев.]; Jacut's *geographisches Wörterbuch* 1866. Bd. 1. S. 870 [араб. текст]), относя их бесспорно к «праправнукам» Яфета. В географическом трактате общества «Чистых братьев» (X в.) специально упоминалось, что жители шестого и седьмого климатов ойкумены, куда традиционно относились территории Центральной и Средней Азии, Восточной Европы, Кавказа, Византии, обладали цветом кожи светлым или «между рыжим и белым» (Калинина 1984. С. 204–206).

Турки (*ат-турк*, мн. ч. — *ал-атрак*), по воззрениям арабов, тоже были жителями северо-востока и востока обитаемой земли. Ибн ал-Факих ал-Хамадани писал о них:

«Седьмой климат (*иклим*)¹⁷⁴ — *ат-турк*. Их мужчины и женщины имеют вид *ат-турк* по причине холода. Их звери низки ростом, и нет там ни насекомых, ни пресмыкающихся. Люди живут в домах, которые строят из досок, и переносят их на телегах, запряженных быками. А скот их содержится в пустынной местности. Детей у них мало» (BGA V. P. 7).

Ибн ал-Факих написал свой труд на основе сочинений предшественников — книг Ибн Хордадбеха, ал-Балазури, ал-Джахиза и др. (Крачковский 1957. С. 156–158). Очень схожий мотив встречается у церковного историка Агапия Манбиджского (X в.), который тоже описал «седьмой климат» ойкумены, не назвав, правда, его обитателей:

«Седьмой климат известен и относим к *Барис Санис* (Борисфену. — *Т. К.*). Это климат, который населяет народ, называемый по-гречески *йумидис*, т. е. „сонливые“. Они народ малосильный, не сноровистый, вследствие чрезмерного сильного холода у них, поскольку недалеко от них — сторона севера и мест, которые необитаемы и ненаселенны. Боль-

¹⁷⁴ Теория разделения Земли на «климаты», т. е. широтные зоны, идущие с востока на запад или с запада на восток, пришла к арабам из античной науки. Ее придерживался, например, ал-Фергани (IX в.), а также многие другие авторы X–XIII вв. (Ибн Русте, Ибн ал-Факих, ал-Мас'уди, Агапий Манбиджский, «Чистые братья», ал-Бируни, ал-Казвини и др., хотя сами описания климатов у них различны). У иных географов (ал-Истахри, Ибн Хаукал) климатом назывались также просто обширная область, округ или даже государство.

шая Медведица, из числа созвездий, недалеко от зенита, постоянно вращается над ними. Скот и звери их страны очень малы. Не бывает у их коров и овец рогов из-за сильного холода там. Не встречаются в их стране никакие рептилии. Они не могут и нет у них возможности строить для себя дома. Однако они строят дома из половинок дерева, покрывают их и перевозят на повозках, тащимых быками. Они живут в них и ездят днем и ночью до тех пор, пока не найдут для себя средства, необходимые для жизни, для своей страны, и пастбища для своего скота. Они во всей своей судьбе несчастны по причине плохих обстоятельств жизни. Говорят, что когда они заболевают тяжелой болезнью, они сажают больного на повозку, снимают с него одежду мужчины и надевают одежду женщины, и они выздоравливают» (Kitab al-'Unwan 1910. P. 614–616 [араб. текст и франц. перев.]).

В массе тюрки не были светлокжими или рыжеволосыми (впрочем, по антропологическим характеристикам среди них встречались и таковые — Вайнштейн, Крюков 1966. С. 177–178), тем не менее их часто относили к «светло-» или «краснокожим». Ал-Мас'уди, продолжая рассказывать о жителях севера ойкумены, утверждал, что

«точно также [в земле] тех тюрков (*am-tyrk*), которые обитают далеко на севере, из-за дальности от места обращения солнца в положении его восхода, выпадает много снега, и в тех местах, где они живут, преобладают холод и влажность. Поэтому тела их расслабляются и становятся толстыми, позвонки их спин и шей бывают такими гибкими, что им удается метать стрелы как во время атаки, так и при бегстве. Из-за обилия их плоти суставы уходят в глубь [тела]. Лица их стали круглыми, а глаза маленькими, по той причине, что в их лицах [должно] удерживаться тепло, когда их телами овладевает холод. А поскольку холодный темперамент порождает обилие крови, цвет [их тел] становится красным: ведь последствие охлаждения таково, что тепло собирается в одном месте и проявляется здесь» (BGA VIII. P. 24. Перев. покойного проф. В.М. Бейлиса).

В XII в. ученый Шараф аз-Заман Тахир ал-Марвази в «Книге о животных» писал, что «лица тюрков стали полными, мясистыми настолько, что их черты неразличимы, а их тела мягкие и влажные, не обладают силой» (Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi 1942. P. 23a [араб. текст], 23 [англ. перев.]).

В XI в. персидский ученый Гардизи (Бартольд 1973. Т. VIII. С. 25, 29 [перс. текст], 41, 47 [перев.]) объяснял полученную им из «Книги известий» Ибн Хордадбеха (труда, к сожалению, не сохранившегося) информацию о европеоидном облике тюрков-киргизов их смешением со славянами — тоже жителями севера (см. об этом: Калинина 2002. С. 68–73). Перечисляя отдельные виды тюрков, Гардизи, ссылаясь на

неких предшественников, называл: карлуков (*халлух*), кимаков, ягма, киргизов, обитателей Тибета, жителей Барсханы, тогузгузов, жителей Китая (*ас-Син*), печенегов, хазар, бургасов, болгар, мадьяр, славян (*ас-сакалиба*), русов, жителей страны ас-Сарир, аланов¹⁷⁵, население области Хайзан (в английском переводе П. Мартинеса — *Xaitaq*), джикилей и тюргешей (Бартольд 1973. Т. VIII. С. 25–41 [текст], 41–62 [перев.]; Martinez 1982. Р. 153 [англ. перев.]). В труде ал-Марвази находятся следующие выкладки: «Гален говорит, что люди, именуемые *сурмат* (савроматы. — *Т. К.*), имеют маленькие глазки и узкий разрез глаз; «Гиппократ говорит, что в стране Европа есть народ тюрков и что тюрки похожи друг на друга, но не похожи на других людей, [вот так же] как египтяне похожи друг на друга, потому что вырастают в жаре, а тюрки — в холоде» (Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi 1942. Р. 36 [англ. перев.])¹⁷⁶. Среди тюрков ал-Марвази называл гузов, киргизов, карлуков, кимаков, печенегов, хазар, а также славян, русов, северные народы весь и югра. В XII в. анонимный автор персидского труда «Муджмал ат-таварих» («Собрание историй») точно так же относил к тюркам северные и восточные народы, жившие в Китае, Тибете, а также русов, славян, болгар, бургасов, хазар (Новосельцев 1990. С. 78). Однако еще в X в. анонимный персидский автор труда «Худуд ал-‘Алам» («Границы мира»), пользовавшийся трудами предшественников и составивший свое собственное, основанное на книжном знании впечатление о расселении людей на Земле, также утверждал, что шестьдесят пять различных народов, населяющих северную часть Земли, «являются видами тюрков» (Hudūd al-‘Alam 1937. Р. 101).

Основой таких представлений была посылка, что все народы, живущие на севере, в холодном климате, являются тюрками, потомками Яфета, но не в этническом смысле, а скорее теоретическом — так же, как у античных и византийских авторов все северные «варвары» были скифами или сарматами.

Ат-Табари (839–923 гг.) называл среди потомков Яфета *ал-хазар*, *ат-турк*, *ас-сакалиба*; в другом фрагменте, со ссылкой на Ибн Исхака (VIII в.), — *ат-турк*, *ас-сакалиба*, *йаджудж* и *маджудж* (at-Tabari

¹⁷⁵ Начиная с печенегов сведения восходят, вероятно, к «Анонимной записке о народах Европы».

¹⁷⁶ В.Ф. Минорский считал эти рассказы ал-Марвази прямыми цитатами из греческих оригиналов Галена и Гиппократа, хотя признавал возможность и сирийских версий (см.: Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi 1942. Р. 121–123). Н.В. Пигулевская полагала, что при использовании арабскими учеными греческих сочинений применялись, вероятнее всего, сирийские переводы (Пигулевская 2000. С. 365).

1879. Р. 211, 216–218). Ал-Йа'куби (IX в.) в своей «Истории» несколько раз обращался к библейской родословной: он писал, что

«на долю Яфета, сына Ноя, [выпали] государства и народы *ас-Син*, *ал-Хинд*, *ас-Синд*, *ат-турк*, *ал-хазар*, *ат-туббат* (обитатели Тибета. — Т. К.), *ал-булгар* (волжские булгары. — Т. К.), *ад-Дайлам* (Дейлем. — Т. К.) и то, что примыкает к земле Хорасана»; что от одного из потомков Яфета — Джумара — произошли *ас-сакалиба*, от Маша — *ат-турк* и *ал-хазар*, от Маджуджа — *йаджудж* и *маджудж*, «а они — на востоке Земли, в стороне *ат-турк*».

Ал-Йа'куби еще выводил происхождение *ал-хазар* не от Маша, а от третьего потомка Яфета — Тогармы — и называл их среди народов и государств Прикаспия и Кавказа (*al-Ja'qubī* 1883. Т. 1. Р. 13, 17, 203 [араб. текст]).

Все потомки Ноя, названные ал-Йа'куби, имеют библейские аналоги, не всегда, правда, адекватные: Джумар — это Гомер, сын Яфета; Маш — сын Арама и внук Сима, а не сын Яфета; Маджудж — Магог, сын Яфета, уже упомянутый выше, и размещены его владения не на севере, а на востоке; Тогарма — внук, а не сын Яфета (Быт. 10, 1–2; 10, 23).

Ибн Кутайба (IX в.) перечислял *ас-сакалиба*, *буржан* (придунайских болгар), *ал-исбан* (испанцев-христиан), *ат-турк*, *ал-хазар*, *йаджудж* и *маджудж* (Ibn Coteiba 1850. S. 14 [араб. текст]). Ибн ал-Факих отмечал, что находившийся внутри земли *ал-хазар* город Баланджар был некогда основан сыном Яфета по имени Баланджар (BGA V. Р. 289). Ибн Хаукал (втор. пол. X в.) отмечал, что хазары — «род из потомков Яфета» (BGA II₂. Р. 110). Са'ид ибн ал-Битрик (ум. 939 г.) тоже называл множество потомков Яфета: *ат-турк*, *баджанак* (печенегов), *ат-тагазгаз* (токуз-огузов), *ат-туббат*, *йаджудж* и *маджудж*, *ал-хазар* и еще *ал-хазаран*, *ар-Рум* (Византию), *ар-рус* (русов), *ал-булгар* (волжских булгар), *ас-сакалиба* (славян) (Seippel 1896. Fasc. 1. Р. 53 [араб. текст]). У ал-Мас'уди отмечались жившие «под Козерогом», т. е. на севере, потомки Яфета — *ифранджа* (франки), *ас-сакалиба*, *нукабарда* (венгры или лангобарды), *ал-ишбан* (жители христианской части Испании), *йаджудж* и *маджудж*, *ат-турк*, *ал-хазар*, *бурджан* (здесь, вероятнее, волжские булгары — ал-Мас'уди путает их и придунайских болгар — Калинина 1999б), *ал-лан* (алан) и др. (Maçoudi 1861. Т. I. Р. 78–79; 1864. Т. III. Р. 66). В анонимном произведении «Мухтасар ал-'аджа'иб» (X в.) к потомкам Яфета относились *ал-ишбан*, *ар-рус*, *ал-бурджан*, *ал-хазар*, *ат-турк*, *ас-сакалиба*, *фурс* (персы), *мадан* (мидийцы?), жители островов моря (?), *ас-Син*, *ал-булгар* (волжские бул-

гары), *йаджудж* и *маджудж*, а также *ал-йунанийуна* (древние греки), *ал-ихтарда* (лангобарды), *ал-ифрандж* (франки), *ал-Андалус* (мусульманская Испания), *ар-Рум* (Византия) и др.; в ряде случаев автор отмечал еще и разных потомков Ноя (Амир, Йунан и т. д.), от коих произошли определенные яфетиды (Крюков 1983. С. 194–208). Ал-Бакри (ум. 1094 г.), со ссылкой на Са'ида ибн Мусеййаба (ум. 713/714 г.), называл потомками Яфета *йаджудж* и *маджудж*, *ат-турк* и *ас-сакалиба*. В другом месте он относил к ним *ас-сакалиба*, *бурджан*, «неверных» *ал-ишбан*, а также *ат-турк*, *ал-хазар*, *йаджудж* и *маджудж* (Куник, Розен 1878. Ч. 1. С. 18; al-Bakri 1992. Т. 1. Р. 87–88; 446–448). В труде уже упомянутого Гардизи, со ссылкой на Ибн ал-Мукаффу (VIII в.), утверждается, что Яфету достались земли *ат-турк*, *ас-сакалиба*, *йаджудж* и *маджудж* — до Китая; при этом среди *ат-турк* Гардизи называл *хазар*, *гузз* (огузов), *халлух* (карлуков) и др. (Бартольд 1973. Т. VIII. С. 41–42). В XII в. анонимный персидский историк, автор труда «Муджмал ат-таварих», потомками Яфета считал тюрок, хазар, русов, болгар, буртасов, славян и другие народы севера и востока Европы (Новосельцев 1990. С. 78).

Как видно, к потомкам Яфета относился ряд западноевропейских народов — испанцы, франки, лангобарды — вероятно, по причине их северного места обитания, по воззрениям арабов; население части ближневосточных земель, расположенных «на окраине» Халифата, персы, обитатели Хорасана, византийцы и даже древние греки; а также восточноевропейские и азиатские народы. В других случаях, как, например, у Агапия Манбиджского, данные которого зависели от греческой традиции, земли Византии, Персии, Бактрии вплоть до Инда оказывались под «правлением» Сима, тогда как Яфету принадлежали области от Мидии до Кадиса (Kitâb al-'Unwan 1910. Р. 596–597).

Помимо библейской родословной потомков Яфета арабо-персидские ученые знали схему разделения Земли между сыновьями легендарного персидского царя Афридуна (перс. Феридун), по которой восточная часть света была отдана Туджу и населена тюрками и народами Китая, средняя, между югом и севером, принадлежала Ираджу и называлась Ираншахром, а западная — Сальму, и в эту часть входили Рум и Согд (Ибн Хордадбех 1986. С. 60; Ал-Бируни 1975. С. 113).

Персидская традиция также делила Землю на семь *кешваров*. В литературе утвердилось мнение, что это членение аналогично античным «климатам» (о «климатах» см. выше примеч. 174). Однако ал-Бируни приводил схему распределения Земли на кешвары и принадлежности каждого кешвара тому или иному народу (Ал-Бируни 1975. С. 115).

См. рис. 7). Это совсем не похоже на описание климатов ал-Фергани.

Еще в X в. ал-Мас'уди приводил похожее описание климатов, правда, не называя их персидским термином *кешвар*:

«Разделение климатов обитаемой земли севера сделано так, что они расположены по окружности. В ее середине помещен 4-й климат, т.е. климат *Бабила* (Вавилона. — *Т. К.*), а шесть [остальных] — по окружности вокруг него. Каждый климат имеет 700 фарсахов как в длину, так и в ширину. 1-й климат — *ал-Хинд*, 2-й — *ал-Хиджаз* и *ал-Хабаша* (Абиссиния, совр. Эфиопия. — *Т. К.*), 3-й — *Миср* (Египет. — *Т. К.*) и *Иффрикийя* (Тунис. — *Т. К.*), 4-й — *Бабил* (Вавилон. — *Т. К.*) и *ал-Ирак*, 5-й — *ар-Рум*, 6-й — *Йаджудж* и *Маджудж*, а 7-й — *Й.а.м.арис* (?) и *ас-Син*» (BGA VIII. P. 32, 33).

Как и другие арабские ученые, ал-Мас'уди продемонстрировал свое знание разных теорий разделения Земли. В данном случае, как видим, он не упомянул этнонимы *ал-хазар*, *ат-турк* или *ас-сакалиба*.

Однако в других описаниях имена *ал-хазар* и *ат-турк* оказываются рядом; часто здесь же называются народы *йаджудж* и *маджудж*. Помимо тех текстов, в которых тюрки выступают просто как собирательное название северных народов, во многих случаях этнонимы *ал-хазар* и *ат-турк* встречаются вместе с упоминанием Тибета и народов «до Китая», что представляется не случайным — этим подчеркивается отдаленность этих трех народов к востоку и, возможно, указывается их азиатская прародина, по воззрениям арабов (Калинина 2000а). Такие народы, как болгары (как волжские, так и придунайские), печенеги, в ряде случаев — хазары, сближались с народами или, скорее, территориями Прикаспия и землями, «примыкающими к Хорасану»; *сакалиба* фигурировали как вкупе с испанцами и лангобардами, так и вместе с печенегами, булгарами, тюрками и хазарами.

Писавший в первой половине X в. по-арабски персидский географ ал-Истахри отмечал:

«Сам Китай (*ас-Син*) — это климат (*ал-иклим*). Что же касается всех тюрков (*ал-атрак*), то мы относим их к государству (*мамлака*), так же как название всего государства (*мамлака*) *ар-Рум* [мы относим] и к земле (*ард*) *Румийя* (Италии. — *Т. К.*), и к *Кустантинийи* (Византии. — *Т. К.*), и как все прочие государства (*мамлака*) ислама — к *Иранишахру*, а это земля *Бабила* (Вавилона)» (BGA I. P. 10 [араб. текст]).

Таким образом, помимо сближения народов по генеалогическому признаку (как яфетидов и как потомков Афридуна) у арабов был рас-

пространен и взгляд на людскую общность в рамках одного «климата» (*иклим*) или государства (*мамлака*) как целого, вне зависимости от расовых или национальных признаков. Интересна интерпретация указанной информации ал-Истахри в труде Ибн Хаукала (втор. пол. X в.), который, с согласия ал-Истахри, переработал и дополнил его книгу. Ибн Хаукал писал:

«В государство (*мамлака*) *ар-Рум* (Византию. — *Т. К.*) входят пределы *ас-сакалиба* (славян. — *Т. К.*) и соседящих с ними *ар-рус* (русов. — *Т. К.*), *ас-Сарир* (территории в среднем Дагестане. — *Т. К.*), *ал-лан* (аланов. — *Т. К.*), *ар-Ран* (Аррана. — *Т. К.*), *ал-арман* (армян. — *Т. К.*) и [других] исповедующих христианство. В государство *ас-Син* (Китай. — *Т. К.*) входят все страны (*булдан*) *ат-турк* (тюрков. — *Т. К.*), часть *ат-туббат* (жителей Тибета. — *Т. К.*) и тех из них, кто исповедует идолопоклонство. В государство *ал-Хинд* (Индию. — *Т. К.*) входят *ас-Синд* (область в нижнем течении Инда, в совр. западном Пакистане. — *Т. К.*), *Кашмир* (область и главный город в Северо-Восточной Индии. — *Т. К.*), часть *ат-туббат* и те из них, кто исповедуют их религию. Я не говорю о стране суданцев в Магрибе, о *Беджа* (группе племен в Восточном Судане. — *Т. К.*), *зинджях* (населении восточноафриканского побережья. — *Т. К.*) и находящихся среди них народах, потому что порядок государства основан на религиозных верованиях, литературе, мудрости, укреплении поселений твердой властью...» (BGA II, P. 9).

Как видно, для этого автора признаками, определяющими людскую общность, были сложившиеся религиозные, политические и культурные традиции, а не географические или этнические характеристики.

Представленные родословные народов относились к книжной, легендарной традиции, сложившейся на основе литературных преданий; все упомянутые арабские авторы были при этом отлично осведомлены о современном им местоположении как европейских, так и азиатских народов.

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ ПРАВИТЕЛИ ПО ДАННЫМ АРАБО-ПЕРСИДСКИХ ГЕОГРАФОВ X в.¹⁷⁷

В арабо-персидских письменных памятниках IX–X вв. сохранились немногочисленные, но интересные известия о властных структурах восточноевропейских обществ. Они отмечены и в так наз. «Анонимной записке о народах Восточной Европы», относящейся к IX в., сведения которой остались у многих арабских писателей (Marquart 1903. S. XXXVIII–XXXV; Miquel 1967. P. XXIII–XXV), и у других арабо-персидских авторов.

О хазарах. У хазар имелось два *малика*, т. е. царя, с местными названиями — *шад* (варианты разных источников: *инса*, *абшад*, *иша*, из которых правильным является титул *шад*), по другим же источникам — *бек*, и «великий царь» — *хакан*. Упоминались и правители более низких рангов: *эльтебер*, *джавишигар*, *тархан*, *тудун*.

Согласно современной точке зрения, у тюркских народов с VI в. н. э. государственная власть принадлежала династии рода Ашина; к ней возводится и династия верховного правителя хазар, который именовался *хакан*. В современной литературе принято считать, что титул *хакан* попал в тюркскую среду от народности жужаней или жуаньжуаней, этническая принадлежность которых до сих пор окончательно не выяснена (Артамонов 2002. С. 240–241, 558–559; Golden 1982. P. 39–43; Голден 1993. С. 217–223). Затем этот титул носили верховные правители Тюркского каганата, а после его распада в 603 г. — Западнотюркского каганата в Средней Азии, включая Джунгарию и часть Восточного Туркестана, и Восточнотюркского каганата в Монголии (Кляшторный 2003. С. 439), а также государств уйгур, киргизов, авар и, наконец, хазар, прибывших в Восточную Европу в VII в.

Разноязыкие источники дают разные формы этого титула, близкие по звучанию: *хакан*, *каган*, *хаган*, *гаган* и др. (подробно см.: Коновалова 2001в. С. 126, примеч. 2). Арабо-персидские источники передают его в форме *хакан*. Ибн Хордадбех писал, что «все владыки тюрков, тибетцев и хазар — *хаканы*...» (BGA VI. P. 16, 60). Ал-Мас‘уди отмечал, что некогда «верховный хакан» (*хакан ал-хавакин*) был главой всех

---

¹⁷⁷ Впервые опубликовано: Анфологон. Власть, общество, культура в славянском мире в средние века. К 70-летию Б.Н. Флори (Славяне и их соседи. Вып. 12). М., 2008. С. 76–89.

тюрков и считался самым главным среди тюркских владык, однако это продолжалось лишь до тех пор, пока не распалась тюркская общность; никаких временных или иных признаков автор не приводит (Maçoudi 1863. Т. I. P. 313). Ал-Бируни называл *хакана* верховным владыкой тюрков, хазар и токузогузов (Ал-Бируни 1878. С. 102; 1957. С. 112). Абу 'Абдаллах Мухаммад ибн Йусуф ал-Хорезми в «Книге раскрытия наук» объяснял титул *хан* как *ра'ис*, т. е. «глава, вождь», а титул *хакан* — как *ра'ис ар-ру'аса*, т. е. «вождь вождей, главный вождь». Дополнительно он объяснял титул *хакана* как «великий царь тюрков» или «хан ханов» (Ал-Хваризми 1895. С. 120).

В Орхонских памятниках *каган* выступал избранником неба и гарантом благополучия тюркского государства (*эля*), которому должны были подчиняться как простой народ, так и знать — *беги*. Надписи фиксируют управленческие функции *кагана*: переселение побежденных племен на подвластные территории, расселение тюрков на вновь завоеванных землях и распределение земли между племенами, собирание и расселение тюрков на коренной территории империи, передача, на определенных условиях, части земель в империи иммигрантам (Кляшторный 2003. С. 243), т. е. создание системы подчинения народа. Прямых сведений о такой деятельности *хакана* Хазарии у нас нет. Однако под его властью в разные времена были савиры, бургасы, волжские булгары, некоторые славянские племена, население Крыма и т. д., поэтому, вероятнее всего, существовали такого же рода функции, какие были у *каганов* тюркских государств.

В VIII в. хазарский *хакан* выступал как верховный властитель во время арабо-хазарских войн, как о том свидетельствуют историки IX–X вв. ал-Йа'куби, ал-Балазури, ат-Табари, Ибн А'сам ал-Куфи, Халифа ибн Хаййат.

В Хазарии на каком-то этапе политического развития власть перешла от *хакана* к *шаду*. По данным «Анонимной записки», со временем большую роль, чем *хакан*, стал играть *шад*.

Ибн Русте и другие авторы писали, что властитель Хазарии, великий царь (*ал-малик ал-а'зам*) — это *хазар-хакан*. Он не имел реальной власти, а носил лишь титул верховного владыки, тогда как власть и военная сила находились у его заместителя (*халифа*) (BGA VII. P. 139–140; Бартольд 1973. Т. VIII. С. 36, 57; Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi 1942. P. 23, 34–35, Hudūd al-'Alam 1937. P. 451). Большинство ученых полагает, что различные искажения этого титула в арабо-персидских памятниках: *иша* (возможен вариант *айша*) у Ибн Русте, *анса* (или *икса*) в «Худуд ал-'Алам», *абшад* (или *ишад*) у Гардизи — восходят к тюркскому

титулу *шад* (Zajączkowski 1947. S. 29, nota 3, 4; Dunlop 1954. P. 106; Новосельцев 2000г. С. 371). По сведениям ал-Мас‘уди и автора «Худуд ал-‘Алам», *хаканом* мог стать лишь представитель одного и того же иудейского рода, пусть бы даже в момент назначения он имел низкий социальный статус, как об этом отдельно сообщили ал-Истахри и Ибн Хаукал, рассказав о юноше — всего лишь базарном торговце, который тем не менее должен был заменить *хакана* по его смерти (Maçoudi 1864. Т. II. P. 1; BGA I. P. 224; BGA II₂. P. 396; Hudūd al-‘Alam 1937. P. 451).

В Орхонских надписях *шадом* назывался верховный владыка (Thomsen 1896. P. 146). В Западнотюркском каганате *шад* из правящего рода, не связанный с местной племенной знатью, назначался верховным правителем того или иного племени (Кляшторный, Султанов 2004. С. 102). В Тюркском каганате, существовавшем с 551 по 744 гг., затем в Уйгурском каганате (745–840 гг.), который воспринял традиции последнего (Кляшторный 2003. С. 467), *шадом* именовался верховный главнокомандующий (Там же. С. 99, 106, 307 и сл.). *Шада* как главнокомандующего у хазар упоминал арабский историк IX в. ат-Табари (at-Tabari 1881. P. 1206, 1224). По данным «Анонимной записки» и, в частности, Ибн Русте (BGA VII. P. 139–140), в государстве хазар *иша* (на самом деле *шад*) возложил обязанность на богатых людей поставлять всадников соразмерно их имуществу и возможностям прокорма. *Шад* выходил на войну со своими воинами, у которых был красивый внешний вид. Они выступали в поход в полном вооружении, со знаменами, копьями, в крепкой броне. *Шада* сопровождали десять тысяч всадников: те, которым он сам выдавал регулярное содержание, и те, кого выставляли богатые люди. Впереди войска в некоторой удаленности ехал сам *шад*.

В X в., по данным ал-Истахри и Ибн Хаукала (BGA I. P. 224; BGA II₂. P. 389–390, 395), вместо *шада*, т. е. главнокомандующего и основного властителя, выступает лицо с титулом *бек*. По поводу причины такого переименования существует обширная литература (Togan Zeki Validi 1939. S. 257; Dunlop 1954. P. 106–108; Заходер 1962. Т. 1. С. 212–226; Golden 1980. Vol. 1. P. 98–104, 162–165; Ludwig 1982. S. 112–201; Новосельцев 1990. С. 134–144). Одна из наиболее рациональных точек зрения была высказана М.И. Артамоновым: *шад* для усиления своей власти принял титул *бек* и стал именовать себя *беком* (Артамонов 2002. С. 382–383).

В древнетюркских письменных памятниках *бег* — это вождь, правитель, князь (Древнетюркский словарь 1969. С. 91). По данным Орхонских надписей VIII в., *бег* должен был быть верным *кагану*, как и весь простой народ, что было неременным условием процветания импе-

рии (*эля*) (Кляшторный 2003. С. 243). Византийский император Константин Багрянородный в книге «Об управлении империей» упоминал, что *хаган* и *пех* Хазарии отправляли к императору Феофилу послов с просьбой о помощи в постройке крепости Саркел (Константин Багрянородный 1991. С. 170–173). Сведения относятся к первой трети IX в. Упоминание сначала *хакана*, а уж затем *бека* (*пеха*), по-видимому, означает, что в это время *хакан* еще играл главную роль в государстве. Ал-Балазури, арабский историк IX в., называл хазарского *хакана* — ‘азим ал-хазар, т. е. «великий [владыка] хазар» (al-Beladsori 1866. P. 207). По сведениям Ибн Фадлана (Ковалевский 1956. С. 146–147), побывавшего в Волжской Булгарии в 922 г., у хазар имелось два властителя: *хакан ал-кабир*, т. е. «великий хакан», и *хакан-бех*. Ибн Фадлан описывал образ жизни великого хакана: он показывается людям один раз в четыре месяца; его заместитель *хакан-бех* командует войском, управляет, руководит делами государства, и «ему подчиняются цари, находящиеся с ним по соседству». *Хакан-бех* оказывает большому хакану всякого рода почести, но заканчиваются они тем, что *хакан-бек* садится вместе с царем, т. е. становится как бы равным ему. Реальная власть находится у *хакан-бека*, а *хакан* находится в резиденции, куда к нему имеет доступ лишь его заместитель. Также и по данным ал-Истахри (BGA I. P. 220–224), который работал в 30-х гг. X в., *хакан-бек* был заместителем *хакана* и не имел права что-либо приказывать или запрещать. Ибн Хаукал, основывающийся на книге ал-Истахри, повторил эти сведения (BGA II. P. 390 etc.). Не исключено, что рассказ об этих царях Хазарии восходит к «Записке» Ибн Фадлана. Ал-Мас‘уди отмечал, что *хакан* ничего не приказывает, не выходит из своей резиденции, проживая в западной, придворной части города Итиль, и не показывается народу (Maçoudi 1863. T. III. P. 13–14).

В государственном устройстве Хазарии *хакан-бека*, в свою очередь, замещал *к.нд.р-хакан* (Ковалевский 1956. С. 146). Хотя титул *кундуур* (*кюндюр*) не имеет аналога в тюркских языках (Klyashtorny 1997. P. 22), все же можно считать, что титул этот имеет родство с названием царя-заместителя мадьяр *к.нда* — тюркским титулом, принадлежавшим главе общества или судье (Zajączkowski 1947. P. 33 etc.; Dunlop 1954. P. 38, 111 etc.).

К.нд.р-хакана иной раз заменял *джавшигар* (Ковалевский 1956. С. 146). Было несколько не вполне удачных попыток объяснить значение слова (Ковалевский 1939. С. 167, 184; 1956. С. 269; Togan Zeki Validi 1939. S. 261; Zajączkowski 1947. P. 35; Golden 1980. P. 191–192). Наиболее вероятным кажется последняя, по которой термин состоит

на самом деле из двух слов. Первое — *джав*, восходящее к слову *чавли* или *джавли* — «сокол», «охотничья птица» в Орхонских надписях VIII–IX вв., у Махмуда Кашгарского в XI в., в «Кутадгу Билик» в XI в. Второе, прочитываемое как *шунгар* ~ *шонгар*, встречается у ал-Хорезми в X в., как *шонгар* — у Махмуда Кашгарского в XI в. как *шунгур* — в «Мухаббат-нама» XIII в. и означает «сокол», «кречет». Этот титул некогда мог переводиться как «глава царской соколиной охоты». Сочетание *чавли бег* засвидетельствовано в «Кутадгу билик» и относится к высшим должностным лицам в государстве Илек-ханов. У Ибн Фадлана слово трансформировалось в обозначение высших лиц государства, наделенных административными функциями (Klyashtorny 1997. P. 22).

Термин *тархан* также встречается в арабо-персидских источниках. Ученый IX в. Ибн Хордадбех называя титулом *тархан* владельца Самарканда, и тот же титул, по его мнению, относился к «мелким тюркским владыкам». Этот же автор поименовал *тарханом* хазарского царя в рассказе о посылке экспедиции к стене, за которой замурованы народы Йаджудж и Маджудж (впрочем, не исключено, что *тархан* здесь — не титул, а имя: BGA VI. P. 40, 41, 163; Ибн Хордадбех 1986. С. 69, 130). Было отмечено, что «титул *таркан* был одним из высших в военно-административной иерархии тюркских каганатов» (Кляшторный 2003. С. 336). Данные нескольких источников о тарханах говорят, что в Хазарии *тарханами* именовались знатные люди, свободные от податей, привилегированная часть хазарского войска, а в ряде случаев — местные правители, поставленные *хаканом* (Новосельцев 1990. С. 118–119).

Тудунами и *элтеберами* назывались различные чиновники. Титул *тудун* в Средней Азии носили некоторые местные верховные властители (Кляшторный 2003. С. 207–208), в Хазарии же *тудунами* назывались местные правители и чиновники высокого ранга (Zajaczkowski 1947. S. 33 etc.; Dunlop 1954. P. 174, note 16; Golden 1980. P. 215–216).

О болгарях. Булгарский царь, по данным «Анонимной записки» и Ибн Фадлана, поименован *малик*. Источники называют его имя — Алмуш (варианты: Алму[а]с, Алмс, Амлан), как это отмечено в книгах Ибн Русте, Гардизи, ал-Бакри, Ибн Фадлана, Йакута.

Исследователи полагают, что в упомянутых источниках речь идет об одном и том же властителе Волжской Булгарии, с которым лично общался Ибн Фадлан в 922 г. О.И. Смирнова предполагала, что имя произошло в результате слияния двух древнетюркских слов: *эл(ил)* и *алмыш*, что означало «принявший (взявший) государство» (Смирнова 1981. С. 249–255). Д.Е. Мишин высказал гипотезу, по которой упомина-

нутаго ал-Мас‘уди «царя славян» ‘*л.дира* следует идентифицировать именно с владыкой волжских булгар Алмушем, чье имя у ал-Мас‘уди искажено; по мнению Д.Е. Мишина, ал-Мас‘уди основывался на сведениях Ибн Фадлана, который царя волжских булгар называл «царем славян (*ас-сакалиба*)» (Мишин 2002. С. 69).

Ибн Фадлан называл царя булгар также *эльтебером*, по варианту А.П. Ковалевского *йылтываром* (Ковалевский 1956. С. 121). Форма *эльтебер* отмечена в Орхонских надписях. Она же проявляется в имени вождя гуннов Алп-Илитвера, о котором рассказывал армянский писатель Мовсес Каланкатвацци (Мовсес Каланкатвацци 1984. С. 78). В.В. Бартольд полагал, что титул *эльтебер* стоял ниже титула *каган* и давался предводителям небольших народов, не имеющих самостоятельной политической жизни (Бартольд 1963. Т. II, ч. 1. М., С. 481–482). Титул этот не был царским, «каганским», «он обычен в Центральной Азии тюркского времени для вождей крупных племен и племенных союзов, зачастую сохранявших полную независимость» (Кляшторный 2003. С. 315). В книге П. Голдена имеется раздел, посвященный этому имени и тюркским титулам, близким по звучанию (Golden 1980. P. 147–150). По отношению к гуннскому князю *алп-илитверу*, или *эльтеберу*, этот титул указывал не только на место в иерархии гунно-болгарских вождей Восточной Европы, но и на признание им своего более низкого положения, чем, например, хазарский каган. Возможно, титул *эльтебер* и в применении к болгарскому царю должен был означать зависимость Алмуша от хакана хазар, которую Алмуш стремился разорвать при помощи строительства крепости и принятия ортодоксального ислама, как об этом пишет Ибн Фадлан. О заместителе или помощнике царя булгар не сообщается.

Кроме титулов *малик* и *эльтебер*, глава булгар однажды был поименован *эмиром*. Ибн Фадлан применил этот термин в рассказе о *хутбе* (т. е. проповеди, части пятничного или праздничного богослужения, в которой упоминался здравствующий халиф), провозглашенной от имени Алмуша (Ковалевский 1956. С. 121). Это единичный случай, связанный с принятием ислама болгарским царем в 922 г.

Еще один раз Алмуш назван *сахибом*, т. е. владельцем, «хозяином» народа, именуемого Ибн Фадланом славянами (*ас-сакалиба*), хотя имелись в виду болгары. Характерно, что в вышеупомянутом рассказе о *хутбе* Алмуш назван не царем славян (*ас-сакалиба*), а царем булгар.

По данным Ибн Фадлана, кроме верховного правителя булгар, в стране существовали четыре царя (*мулук*, мн. ч. от слова *малик*), подчиненных Алмушу, которые вместе с ним встречали посольство от

халифа ал-Муктадира; по обычаю, цари сидели справа от Алмуша, он поочередно угощал их мясом. Алмушу подчинялись также владыки¹⁷⁸ родственных булгарам племен *суваз* и *эскел* (*эсегель*). Упоминались также «цари (*мулук*) его (Алмуша. — *Т. К.*) земли» и «предводители» (*кувад*, мн. ч. от слова *ка'ид*).

Существование аристократии среди булгар подтверждается применением выражения «знатные лица из числа жителей его (царя. — *Т. К.*) государства» и слова «главари» (*пу'аса*, мн. ч. от слова *ра'ис*) в книге Ибн Фадлана.

О буртасах. По данным «Анонимной записки», *буртасы* подчинялись не главе, который у Ибн Русте и Марвази назван *ра'исом*, у Гардизи — *саларом*, а одному или двум *шайхам* (у Гардизи — *сирам*), т. е. «старцам», «старейшинам» своего племени (BGA VII. P. 141; Бартольд 1973. Т. VIII. С. 96; Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi 1942. P. 21, 33), что, возможно, говорит о догосударственном общественном строе буртасов в IX в.

О мадьярах. Византийский император Константин Багрянородный упоминал мадьярского военачальника Алмуца, а венгерский аноним рубежа XII–XIII вв. называл вождя мадьяр Алмошем (Константин Багрянородный 1991. С. 160–161; Артамонов 2001. С. 346, примеч. 37). Возможно, Алмуш (Алмиш) — родовое имя знати мадьяр и булгар, восходящее к древнетюркскому языку, некогда бывшее титулом.

О властителях мадьяр говорится, что у них правит *ра'ис*, т. е. «глава», местное название которого *к.нда*, а есть еще и *малик*, т. е. верховный правитель; имя его — Дж.ла, которому все и подчиняются (Артамонов 2002. С. 346, примеч. 37). Д.А. Хвольсон, А. Зайончковский пытались связать название мадьярского верховного правителя *дж.ла* с титулом *джавшигар* (Zajaczkowski 1947. S. 39; Хвольсон 1869. С. 115), упомянутым Ибн Фадланом (Ковалевский 1956. С. 146). Однако более верной кажется параллель с распространенным именем мадьярских владык Дьюла. Что же касается титула *ра'ис* по отношению к мадьярским властителям, то Д. Данлоп считал, что они могут быть равнозначны хазарским титулам *тудун* и *эльтебер* (Dunlop 1954. P. 124).

О славянах. Арабо-персидские средневековые писатели, пересказывавшие данные «Анонимной записки», называли правителя славян «главой глав» (*ра'ис ар-пу'аса* — Ибн Русте, *ра'ис-е бехтер* — Гардизи, *падшах* — «Худуд ал-'Алам», *ра'ис ал-акбар* — Марвази). Ибн Русте, Гардизи, Марвази применяли по отношению к нему еще и звание *малик*,

---

¹⁷⁸ А.П. Ковалевский предлагал здесь значения «князь» и «царь».

т. е. «царь» при рассказе о его праве сбора дани с подданных и наказания обвиненных в воровстве (BGA VII. P. 145; Бартольд 1973. Т. VIII. С. 39, 59; Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi 1942. P. 22, 31; Hudūd al-‘Alam 1937. P. 158. Подр. о терминах и их значениях у славян см.: Калинина 2003. С. 204–216). Видимо, в глазах арабов термины были равнозначны, поскольку применялись к верховному правителю. Ибн Хордадбех, а вслед за ним ал-Бируни указывали, что славянская форма названия *малика* славян — *кназ* (BGA VI. P. 17; Ибн Хордадбех 1986. С. 60; Ал-Бируни 1878. С. 102; Аль-Бируни 1957. С. 153. Следует отметить, что форма эта конъектурная, впрочем, практически общепризнанная).

Ученые полагают, что сведения «Анонимной записки» могут относиться как к западным, так и к восточным ветвям славянства.

Термин «малик» по отношению к верховным главам разных племен славян применяли, кроме того, ал-Мас‘уди и Ибрахим ибн Йа‘куб, часть сочинения которого сохранилась в составе труда ал-Бакри (Maçoudi 1863. Т. III. P. 64–65; al-Bakri 1992. P. 330–331, 333–334. О главах славянских племен см.: Мишин 1996. С. 69–77).

Ибн Хордадбех и ал-Бируни писали, что *малик* славян назывался *кназ* (BGA VI. P. 17; Ал-Бируни 1878. С. 102). Следует отметить, что в тексте Ибн Хордадбега термин искажен (*к.нан*, *к.бан*), но еще издателем М. де Гусе была предложена конъектура (*к.наз*), впоследствии общепризнанная; в тексте ал-Бируни написание верное, но частично без диакритических знаков. Таким образом, эти ученые указали славянский титул владыки этого народа без указания на племя. В целом в глазах арабов все примененные термины были равнозначны и относились к верховному правителю славян.

Еще один термин по отношению к главе славян употребил ученый IX в. ал-Йа‘куби. Он упомянул о просьбе кавказских горцев *санарийя* (цанаров), обращенной к государям Византии, Хазарии и славян, предоставить помощь против арабов (al-Ja‘qūbī 1883. Т. II. P. 598–599). Вероятно, речь идет о киевском или другом восточнославянском объединении (Marquart 1903. S. 200; Новосельцев 1965. С. 279; ŽA I. S. 287, ods. 131; Бейлис 1986. С. 141). Интересно то, что арабский автор применил слово *сахиб* (в данном случае — хозяин, владелец, собственник, властитель) ко всем трем владыкам крупных государств.

Таким образом, арабские ученые приравнивали титулы славянских глав званиям государей таких крупных государств, как Византия и Хазария. В то же время было известно и славянское наименование правителей, что свидетельствует о хорошей информированности относительно далекого народа в арабском мире.

Ибн Русте, Гардизи и ал-Марвази указывали, что у славянского государя существовал заместитель (*халифа*) — *суб.н.дж* (варианты: *суб. дж*, *сут.дж*, Гардизи — *свих*, ал-Марвази — *шар.х*: BGA VII. P. 144; Бартольд 1973. Т. VIII. С. 39, 59; Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi 1942. P. 22, 34), причем Гардизи и ал-Марвази приводят искаженные названия. Значение же термина, встречающегося у Ибн Русте, исследователи производят от славянских слов *жупан*, *жупанич* (Хвольсон 1869. С. 32; BGA VII. P. 144, note d, f, g; Бартольд 1973. Т. VIII. С. 39, 59; Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi 1942. P. 117–118 [comment.]; Заходер 1967. Ч. II. С. 120, 137–138 (здесь — с оговорками); Ža II₂. S. 126–127, note 227; Chwiłkowska 1978. S. 151; Новосельцев 1965. С. 295; Калинина 1994. С. 222). Была предложена и конъектура *судадж* — «судец», т. е. судья (чешск. *soudce*, хорватское *sudac*) (Мишин 2002. С. 86, примеч. 23). Есть также предположения о тюркских или аварских корнях этого термина (Kmietowicz 1976. S. 68)¹⁷⁹.

Как считают некоторые историки, и сам принцип двойного властвования, известный также у хазар и мадьяр, мог быть перенят славянами у авар, народа, живущего на протяжении ряда веков вместе со славянами (Коновалова 2001в. С. 121–125). Однако «двоевластие» у славян отличалось тем, что, несмотря на наличие «заместителей», верховный глава единолично правил государством (Бейлис 1986. С. 144).

Уникальную информацию о славянском племени лютичей (*убаба*, по Д.Е. Мишину: конъектурная форма — *ул.таба*, *veletabi*, название лютичей в немецких хрониках — Мишин 2002. С. 47, примеч. 24) передал Ибрахим ибн Йа'куб, арабский путешественник. Он писал, что этот народ не имеет царя (*малика*), а управляется старейшинами (*ашйах* — мн. ч. от *шайх* — старик, старец; вождь, глава племени; староста) (al-Bakri 1992. P. 334). Речь, по-видимому, идет об очень давнем, догосударственном периоде жизни племени.

Таким образом, арабо-персидские авторы сохранили уникальную информацию о знати разных видов славян раннесредневекового периода.

О русах. О верховном владыке русов известно, по данным «Анонимной записки», только то, что их *малик* прозывался *хакан-рус* (BGA VII. P. 145; Бартольд 1973. Т. VIII. С. 39, 60). Ибн Фадлан называл правителя русов *маликом* и отмечал, что у него есть заместитель (*халифа*), который «руководит его войсками, нападает на врагов и замещает его у его подданных» (Ковалевский 1956. С. 149). Достоверность сведений

---

¹⁷⁹ Как справедливо заметила Э. Хвильковска, автор при этом не задается вопросом, существовал ли вообще такой титул у самих полян (Chwiłkowska 1978. S. 165).

Ибн Фадлана вызывает сомнение: данные об образе жизни и о заместителе царя русов очень напоминают информацию «Анонимной записки» о положении *хакана* хазар. Не исключено, что данные его о царе русов представляют собой литературное клише. Ученые отмечали, что причиной заимствования хазарского титула *каган* царем русов было стремление возвысить статус государства (историографию см.: Коновалова 2001в. С. 127, примеч. 6; Петрухин 1995. С. 110, 114). Ряд исследователей, начиная с В.В. Григорьева, полагали, что титул *каган* у русов применялся как сакральный (см. также: Добродомов 1974; 1995). По мнению И.Г. Коноваловой, титул был воспринят от авар, с которыми славяне имели долгие исторические контакты (Коновалова 2001в. С. 121–124; Новосельцев 2000г).

П. Голден отмечал, что титулатура верховных владык народов Восточной Европы является нетюркской, однако тюркские пришельцы восприняли и утвердили эти титулы в своем обществе (Голден 1993. С. 217). Большинство титулов властителей восточноевропейских народов восходит к временам существования племен на исторической родине, в Центральной Азии.

Единственный среди народов Восточной Европы случай заимствования верховного титула зафиксирован у русов — возможно, потому что верхушка народа была пришлой и не составляла монолитного единства с обществом. Напротив, названия как тюркских, так и славянских властителей говорят о сохранении суверенных титулов.

Таким образом, арабские источники сообщают о разных формах верховной власти у восточноевропейских народов, связанных с разными стадиями общественного развития; есть данные о двойном властвовании у почти всех народов Восточной Европы. В некоторых случаях также упомянуты детали организации власти и системы подчинения подданных. Помимо арабских, схожие названия титулов правителей восточноевропейских обществ зафиксированы в византийских, армянских, венгерских, древнерусских, древнееврейских письменных памятниках, что дает перспективы для сравнительного изучения.

ТЕРМИН «ЛЮДИ ДОМА» (*АХЛ АЛ-БАЙТ*) У ИБН ФАДЛАНА ПО ОТНОШЕНИЮ К ОБЩЕСТВУ РУСОВ¹⁸⁰

Термин «люди дома», по-арабски *ахл ал-байт*, знаком очень многим, разновременным и разноязычным памятникам. Он встречается в Библии, в сирийских, иранских, армянских, грузинских письменных памятниках (Новосельцев, Пашуто, Черепнин 1972. С. 79, 94). Термин этот означает некий социум, объединенный вождем, который пользуется разной степенью власти над остальными его членами. Многовековое существование термина в разноязычных памятниках указывает на некую очень устойчивую форму общности людей. Древней основой такой общности являлись кровнородственные связи (EIN. Vol. I. P. 258). С течением времени, с усложнением социальных контактов, реальное наполнение термина стало зависеть от конкретного общества, хотя общее понятие «люди дома» как выделенного социума оставалось неизменным.

Употребление арабским путешественником Ибн Фадланом термина *ахл ал-байт* по отношению к встреченному им на берегах Волги обществу русов, прибывших для торговли, позволяет попытаться рассмотреть конкретное содержание термина.

В ранние века ислама термин *ахл* («люди») означал ближайших членов семьи у главы какой-либо общественной группы (например, в Коране — ближайшие родственники Мухаммада — EIN. Vol. I. P. 257; Smith 1885. P. 23). Позднее термин мог толковаться и шире (Smith 1885. P. 23; Ковалевский 1956. С. 217, примеч. 556).

Арабский термин *байт* («дом») обозначал владение, землю и людей на ней, выделившихся из общего состава населения. Таково же значение термина в других памятниках: *байт* — в Библии, *катак* — в иранских письменных памятниках, *тун* — в армянских, *сахли* — в грузинских (Новосельцев, Пашуто, Черепнин 1972. С. 94). Множественное число этого слова *буйут*, как и термин *ахл ал-буйут* (т. е. «люди домов»), применялся арабами по отношению к владельческим домам; например, для обозначения знатных домов Сасанидского Ирана (Nöldeke 1879. S. 71). К X в. значение термина *ахл ал-байт* у арабов расширило

---

¹⁸⁰ Впервые опубликовано: ДГ, 1992–1993 гг.: Материалы и исследования. М., 1995. С. 134–139.

рамки кровнородственных или владетельных связей и стало обозначать любую семью, выделяющуюся богатством, устойчивой, из поколения в поколение передающейся ремесленной или торговой деятельностью, но в основе своей все же кровно- или близкородственную.

Конечно, переносить точный смысл социального термина одного общества в другую среду затруднительно, если не рискованно. Тем не менее существовали, по-видимому, какие-то показатели родственных связей или общественных отношений, по которым человек другого мира, араб, смог применить отмеченный термин, воочию увидев людей иного склада. На просторах Восточной Европы Ибн Фадлан встречал тюрок, болгар, русов и употреблял по отношению к ним термины *ахл ал-байт*, *ахлихи*, *ахлихум*, т. е. «люди дома», «его» или «их домочадцы».

В обществе тюрок-огузов *ахл ал-байт* Ибн Фадлана обозначал выделившийся, знатный род из состава племени (Ковалевский 1956. С. 128 [перев.]).

Рассказал Ибн Фадлан об *ахл ал-байт* болгар, в количестве 5 тысяч человек, носивших особое имя — *баранджар* (Там же. С. 138 [перев.], с. 217, примеч. 556; с. 245, примеч. 751). Вероятно, здесь выделение людей также происходит по племенному и еще — религиозному признаку, поскольку все эти люди приняли ислам, почему и были специально отмечены Ибн Фадланом. И хотя в основе племенного деления лежат кровнородственные связи, трудно поверить, что все 5 тысяч человек были бы кровными родственниками. Вероятнее, что это — племенная группа с достаточно развитыми социальными связями, поскольку она была оседлой, объединена единой религией (Халиков 1989. С. 78, 97–99).

По отношению к русам, которых встретил Ибн Фадлан на берегу Волги, когда они прибыли туда «по торговым делам», Ибн Фадлан не упоминает полностью термина *ахл ал-байт*, но употребление терминов «его» или «их домочадцы» показывает, что термин автором подразумевается.

Во главе прибывшего сообщества русов, по сообщению Ибн Фадлана, стоит *ра'ис*, т. е. глава, «выдающийся муж из их числа» (Ковалевский 1956. С. 143 [перев.]). У него есть прибывшие вместе с ним родственники, совершающие, в случае его кончины, похоронный обряд и тризну. Описание похоронного обряда дает понять, что частично в нем действуют кровные родственники умершего *ра'уса*: им полагается треть его имущества; шестеро кровных родственников совокупляются с девушкой, идущей на смерть, в присутствии умершего, выражая таким образом «общеродовой свадебный пир на похоронах, смерть невесты, зачавшей от всего рода» (Петрухин 1976. С. 167). Они же помогают убить добровольную жертву, а ближайший, как специально

подчеркивает Ибн Фадлан, родственник умершего совершает ритуальные действия по поджиганию ладьи (Ковалевский 1956. С. 145 [перев.]).

Вместе с тем во всем похоронном обряде участвуют и другие домочадцы, женщины и мужчины: они предлагают девушкам и юношам добровольно принять смерть вместе со своим господином, помогают кроить и шить похоронные одежды и устраивать весь сложный обряд похорон, поддерживать огонь под ладьей и насыпать курган. Вероятно, эти люди не являлись кровными родственниками умершего, а были только членами «дома».

Из описания Ибн Фадлана не вполне ясно, была ли девушка, выбравшая смерть вместе с господином, в надежде на радостную загробную жизнь, невольницей или свободной. Ибн Фадлан отмечал, что среди русов были жены купцов, наряд которых отражал материальное состояние их мужей. Надо полагать, эти женщины были свободными. В отличие от свободных женщин, входящих в состав «людей дома», купцы привозили для продажи и прислуживания девушек, которых Ибн Фадлан именует *джарийами* (по-арабски «невольница», «наложница», «прислуга»). Умершего же Ибн Фадлан часто называет «господином» девушки. Судя по этим деталям, добровольно шла на смерть вместе со своим господином все-таки не свободная женщина, а наложница, не входившая в состав «людей дома».

А.П. Ковалевский высказывал сомнение в том, что жертва — невольница, поскольку в процессе ритуала она упоминала своих родственников, что не имело бы смысла, если родственники были тоже невольниками или девушка была несвободной (Там же. С. 144 [перев.], с. 254, примеч. 819). Однако и сам Ковалевский отметил, что Ибн Фадлан в этом пассаже применил другое слово вместо слова «домочадцы», а именно «когда абстрактное существительное *карабат* — “родство, близость” употреблено в собирательном значении “родственники”» (Там же).

Возможно, что упоминание своих родственников девушкой здесь является только частью ритуального обряда, когда *джарийа* после смерти должна была стать законной супругой умершего и, может быть, войти таким образом и в состав «людей дома». Убеждает в том, что жертвой была наложница, также и сравнение описания Ибн Фадлана со скандинавским похоронным обрядом (Петрухин 1976. С. 164–165).

Аналогом термину *джарийа* в древнерусском обществе могли быть *девки*, которые предназначались для продажи и использовались в домашнем хозяйстве в качестве прислужниц-рабынь (Новосельцев, Пашуто, Черепнин 1972. С. 174).

Родственники умершего главы дома предлагали добровольную смерть не только *джарийам*, но также *гулямам*. В Арабском халифате X в. термин *гулям* имел специфическое значение: юридически гулямы были там рабами, тем не менее они могли достигать определенного положения в обществе, занимать государственные посты, быть военачальниками и даже захватывать власть. Посольство Ибн Фадлана, при выходе из Багдада и до самой Волжской Булгарии, сопровождали два таких гуляма: Текин-тюрок и Барыс-славянин, видимо, в качестве переводчиков, однако среди глав посольств. Очевидно, что эти люди хотя и были рабами, но не низкого положения. Для настоящего, фактического раба низкого социального статуса в Халифате (и у Ибн Фадлана конкретно) существовали другие термины: *'абд* и *ракик* (Ковалевский 1956. С. 141, 143 [перев.]; 233, примеч. 653; 243, примеч. 736). При описании же сообщества русов Ибн Фадлан использует только термин *гулям*, который Ковалевский переводит как «отрок». Хотя в XI в. отроки являлись членами княжеского двора или дружины, изначально они были, действительно, прислугой и рабами (Львов 1975. С. 226–228; Сверлов 1983. С. 203). Вероятно, джарийи и гулямы Ибн Фадлана, т. е. «девки» и «отроки» древнерусского общества, входили в состав «челяди», «челядинов», упоминаемых в русско-византийских договорах X в., летописных и правовых памятниках (Новосельцев Пашуто, Черепнин 1972. С. 172).

Ибн Фадлан упоминал в составе сообщества русов *мамлюка*, т. е. человека, бывшего некогда свободным, но обращенного в рабство. По сообщению Ибн Фадлана, во время болезни его никто не посещает, а в случае смерти его не сжигают, но оставляют на съедение хищникам (Ковалевский 1956. С. 143 [перев.]; 243, примеч. 736). Следовательно, этот человек не входил в число «домочадцев», не был членом *ахл ал-байт*. С большой долей вероятности его можно сравнить с положением «холопа» древнерусских письменных памятников. Однако поскольку сам термин «холоп» более позднего происхождения, чем «челядин» (Новосельцев, Пашуто, Черепнин 1972. С. 186–187; Свердлов 1983. С. 77), то для X в. более верно, видимо, вхождение «мамлюка» Ибн Фадлана в состав челяди сообщества русов.

Ибн Фадлан рассказывает, что в составе русов были бедные люди. В случае смерти бедняка, как пишет Ибн Фадлан, его все же не оставляли, а сжигали, что, вероятно, свидетельствует не только о вхождении его полноправным членом в состав «людей дома», но и о выраженном социальном неравенстве среди его членов.

Таким образом, понятие *ахл ал-байт*, в передаче Ибн Фадлана по отношению к сообществу русов, не соответствует понятию *familia*, куда

входили рабы (Греков 1959. С. 540–542), и не соответствует понятию «патронимия», поскольку последняя включала только родственников (Косвен 1963. С. 205–206). Пережитки кровнородственных отношений отчетливо выявляются в описании похорон руса, но понятие *ахл ал-байт* в данном случае, безусловно, шире. Видимо, подобного рода «дома» известны в русской истории и в более позднее время: «дом» Симона-варяга, прибывшего на службу к киевскому князю с 3 000 своих дворян, или «дом» киевского вельможи Родиона Несторовича, пришедшего на службу к московскому князю с 1700 человек (Греков 1959. С. 542–543).

Ибн Фадлан, однако, наблюдал в Волжской Булгарии «людей дома» русов, прибывших именно и только для торговых дел, и, следовательно, все члены его так или иначе были связаны с торговой деятельностью главы этого дома. В среде древнерусских купцов еще в XIII в. встречались торговые союзы, основанные на родственных отношениях. Такой тип ассоциации вообще считается древнейшим; он встречается в странах Западной Европы начиная с VIII в. (Лаппо-Данилевский 1895. С. 51–54).

Внешний облик и похоронный обряд встреченных Ибн Фадланом на берегах Волги русов имеют наибольшее соответствие в скандинавских традициях, хотя наряду с ними присутствуют и финские, и славянские компоненты, как показали исследования (обзор литературы см.: Петрухин 1976. С. 153–154). Если обратиться к скандинавскому материалу, то и в Скандинавии существовал «двор» (*hús*), который состоял из кровных родственников, а также домочадцев и рабов. Впоследствии «домочадцы» (*húskarlar*) стали дружинниками при главе («бонде»), проникая в эпоху викингов на территорию Восточной Европы (Лебедев 1985. С. 49, 51). Однако представляется, что в информации о русах Ибн Фадлана нет речи о типичном для эпохи викингов временном торговом объединении — *félag*, поскольку, как было показано выше, Ибн Фадлан говорит о достаточно устойчивом сообществе, сохранившем кровнородственные связи, что не типично для фелага. Поэтому вернее, что речь идет о постоянном коллективе, тесно связанном с торговой факторией, находящейся уже на территории Руси, а не Скандинавии (Мельникова 1982. С. 19–29). Археологами зафиксированы такие торговые центры, со значительным скандинавским материалом, на территории Восточной Европы: Гнёздово, Тимерёво, Старая Ладога и т. д. (Булкин, Дубов, Лебедев 1978. С. 139). Учитывая процесс ассимиляции скандинавов в славянской среде, можно считать правомерным приведенные выше аналоги арабских терминов древнерусским материалам.

МЕХОВАЯ ТОРГОВЛЯ В ПРИВОЛЖСКОМ БАССЕЙНЕ ПО ДАННЫМ АРАБСКИХ УЧЕНЫХ IX–X вв.¹⁸¹

Арабские средневековые ученые немного знали о таких отдаленных землях, какой была для них Восточная Европа, однако именно они сохранили сведения о торговле мехами в этом регионе¹⁸².

Ибн Хордадбех, начальник почтового ведомства в Табаристане, ученый, знавший многое о почтовых и торговых дорогах, которые связывали земли Халифата с дальними странами, оставил «Книгу путей и стран» (40-е или 80-е гг. IX в.). В его труде находится ставший хрестоматийным отрывок о торговых дорогах еврейских купцов *ар-разанийя*, ездивших от Африки, Испании и Франции через Суэц и Красное море или Антиохию на Евфрате до Индии и Дальнего Востока. Заходили они и в восточноевропейские земли, в области славян и столицу Хазарии — город Хамлидж в устье Волги. Еврейские купцы возили, среди прочих товаров, меха: пушнину (*ал-фира*'), шкурки *ал-хазз*, соболей (*ас-саммур*). Ибн Хордадбех упоминал также о товарах, которые вывозились с «Западного моря» (т.е. западного побережья Атлантики), и среди прочих — меха *ал-хазз* и *ал-вабр*. Купцы-русы, по данным Ибн Хордадбега, из отдаленных окраин славянских земель вывозили меха под названием *ал-хазз*, а также черных лисиц (*ас-са'алиб ас-савад*) (BGA VI. P. 92, 153–154; Ибн Хордадбех 1986. С. 91, 123–124). Надо отметить, что слово *ал-хазз* большинством исследователей переводилось «бобр» (BGA VI. P. 114, 115 [перев.]; Хвольсон 1869. С. 169; Куник, Розен 1903. Ч. II. С. 129, 143; Бартольд 1963. Т. II, ч. 1. С. 825; ZA I. S. 69). Ряд историков в XIX в. предпочитали значение «выдра» (Гаркави 1870. С. 49; там же, в примеч. 2, указание на аналогичный перевод Х.-М. Френа). Тем не менее в словарях Э. Лейна, Х.К. Баранова слово *ал-хазз* означает «шелк», а слово того же корня *хузаз* — «заяц». Именно такое значение для драгоценных мехов, имевших хождение в Европе, выбрано Н.М. Велихановой при переводе труда Ибн Хордадбега на русский язык. Однако Т. Левицкий в свое время отмечал, что в

---

¹⁸¹ Впервые опубликовано: Великий Волжский путь. Мат-лы Круглого стола и Междунар. науч. семинара (г. Казань, 28–29 августа 2000 г.). Казань, 2001. С. 194–198.

¹⁸² Подобной тематики касались многие ученые; подробный историографический обзор имеется в книге: Валеев 1995. С. 8–20. Однако специально выделить известия о меховой торговле в регионе представляется небесполезным.

персидском языке слово *хазз* означает не что иное, как «нежный мех бобра» (ŽA I. S. 98, ods. 42; ŽA II₁. S. 58, ods. 61, note 3).

Арабский литератор ал-Джахиз (ум. 869) в трактате «Рассуждения о торговле» упоминал, среди наилучших предметов торговли, хазарскую и хорезмийскую белку (*ас-синджаб*), хазарскую черную, белую, красную и серую лисицу (*ас-са'лаб*), хазарского черного и белого длинношерстного соболя (*ас-саммур*) (Pellat 1954. P. 157, 159; Lewicki 1956. S. 28–33). Ал-Йа'куби (ум. 897) в «Книге стран», рассказывая о Хорезме, упоминал, что именно там изготавливалась одежда, подбитая мехом (*ал-вабр*) соболя (*ас-саммур*), лисицы (*ал-фанак*), горностая (*ал-какун*), рыси (*ал-вашак*), белки (*ас-синджаб*) (BGA VII. P. 278) — мехами, имеющими, вероятнее всего, восточноевропейское происхождение. Слово *ал-вабр* Н.М. Велиханова, при переводе труда Ибн Хордадбеха на русский язык, предпочла обозначить словом «даман», и такое значение может быть справедливым для меха, возившихся с западного побережья Атлантики. Т. Левицкий переводил это слово просто «мех», хотя отмечал, что есть и иные значения (ŽA I. S. 98, ods. 43; ŽA II₁. S. 58, ods. 61 bis). Термин *ал-фанак* тоже не всегда переводился одинаково: так, В.Ф. Минорский отдавал предпочтение значению «куница» (Минорский 1936. С. 19, примеч. 30), тогда как А.П. Ковалевский предлагал перевод «маленькая степная лисица» (Ковалевский 1956. С. 62, примеч. 7).

Ибн Русте (нач. X в.) и Гардизи (XI в.), пользуясь одинаковым первоисточником — так наз. «Анонимной запиской о народах Восточной Европы», восходившей ко второй половине IX в., — писали, что русы торговали шкурками соболя (*ас-саммур*), белки (*ас-синджаб*) и прочей пушниной (*ал-вабр*); что главным богатством болгар и буртасов был мех куницы (*ад-далак / ад-далах*) и что к болгарам привозили горностая (*ал-какун*), а сами болгарские купцы ездили в страну вису (веси) за соболями и черными лисицами (BGA VII. P. 141, 142, 146; Бартольд 1973. Т. VIII. С. 37, 39; Ковалевский 1956. С. 138)¹⁸³.

В IX в., по данным арабских источников, мех служил меновой единицей для болгар. Так, мех куницы обменивался на два с половиной (Ибн Русте) или два (Гардизи) дирхема, а «белые и круглые» дирхемы привозились к ним из областей ислама. Гардизи сохранил известие о том, что болгары дирхемы ломают, «потом они те дирхемы отдают русам и славянам, так как те люди не продают товара иначе, чем за чека-

---

¹⁸³ Надо отметить, что в переводах слов *ас-саммур*, *ад-далак* и др. существуют разногласия. См. об этом: ŽA II₂. S. 101, ods. 101; S. 85, Ods. 120; S. 137, ods. 255, 257.

ненные дирхемы» (Бартольд 1973. Т. VIII. С. 37, 58). Арабские авторы упоминали, что правитель булгар получал шкурку соболя с каждого дома для уплаты ее в качестве побора царю хазар (BGA VII. P. 141; Бартольд 1973. Т. VIII. С. 39, 60; Ковалевский 1956. С. 136, 140, 141), ибо был заинтересован в получении такой дани, которая имела бы «денежный» спрос. В рассказе о русах Ибн Русте отмечал, что русы берут за проданные меха монеты, которые прячут в пояса (BGA VII. P. 142). Ибн Фадлан, побывавший в стране волжских булгар в 921–922 гг. и видевший отряд купцов-русов в Булгаре, свидетельствовал, что русы просили богов послать им купца с динарами и дирхемами, дабы он приобрел их товары (Ковалевский 1956. С. 142). Двумя веками позднее некоторые авторы утверждали, что русы пользуются не монетами, а мехами в качестве денег при расчетах (ал-Гарнати, Наджиб Хамадани, Низами) (Монгайт 1959. С. 175–179; Путешествие Абу Хамида аль-Гарнати 1971. С. 35–36). А.П. Ковалевский считал, что рассказы о беличьих шкурках как меновой единице в сочинениях Наджиба Хамадани (втор. пол. XII в.) и Амина Рази (кон. XVI в.) заимствованы из книги Ибн Фадлана (Ковалевский 1956. С. 45, 240, примеч. 705). Однако эти данные находятся в прямом противоречии с утверждением Ибн Фадлана о заинтересованности русов именно в монетах. Рассказы Наджиба Хамадани и Амина Рази больше схожи с известиями ал-Гарнати, которые еще не были известны А.П. Ковалевскому в 1956 г., когда вышла его книга об Ибн Фадлане.

Ал-Истахри, описывая восточноевропейские земли и народы (хазар, бургасов, булгар, славян и русов), отмечал, что по всему свету возят шкурки *ал-хазз* (вспомним, что в IX в. это название употреблял Ибн Хордадбех), но водятся они только в областях булгар и русов, и, как уточнял ал-Истахри, «больше ни в каких климатах среди известных» (BGA I. P. 221). Ибн Хаукал, последователь и переработчик ал-Истахри, работавший в 80-х гг. X в., добавлял, что водятся меха *ал-хазз* только в северных реках земель булгар и русов. Далее Ибн Хаукал специально подчеркивал, что «в реках Андалусии никаких таких мехов нет, какие бывают в стороне славян» (BGA II₂. P. 110, 392, 396). Ал-Мас'уди (перв. пол. X в.) отмечал, что привозились меха и другие товары в кавказские земли, Хорасан, а также в северные области из земель славян, а затем уже к франкам, в Андалусию и Магриб. Ал-Мас'уди писал: «Заблуждаются те, кто [полагает], что они (меха. — Т.К.) — из страны Андалусии и прилегающих областей франков и славян» (BGA VIII. P. 63). Создается впечатление, что ал-Истахри, Ибн Хаукал и ал-Мас'уди, исходя из своих данных о восточноевропейских, особенно поволжских, районах,

полемизируют не с кем-то неизвестным, а именно с Ибн Хордадбехом (или его первоисточником), когда речь идет об исходной точке вывоза пушнины. Ведь Ибн Хордадбех, упоминая о предметах экспорта с запада, называл именно эти меха. Однако географы X в. лучше знали пути движения товаров и исправляли неточности предшественников. Заметим также, что акцент, сделанный Ибн Хаукалом на речном местонахождении мехов *ал-хазз*, подтверждает, что все же имелся в виду речной житель — бобр, а не заяц.

Ибн Хаукал подчеркивал, что самая хорошая и многочисленная пушнина находится в стране русов и попадает («спускается») к ним по рекам, со стороны народов *йаджудж* и *маджудж*, а вывозится («поднимается») к булгарам, далее же путь их лежал в Хорезм. Здесь следует отметить, что не следует дословно полагаться на глаголы «спускаться» и «подниматься» по рекам в текстах арабских географов: мы не можем с достаточной достоверностью наметить точку их отсчета, с одной стороны; и мы не знаем, именно ли движение по- или против течения рек подразумевалось под словами «подниматься» и «спускаться». Впрочем, если опираться на упоминание народов *йаджудж* и *маджудж*, то известно, что Истахри и Ибн Хаукал представляли себе их жителями севера той части суши, которую мы ныне именуем Восточной Европой, или обитателями Северной Европы, так что общее направление движения мехов с севера к русам, далее в Булгарию и затем в Хорезм достаточно ясно представимо.

Ал-Истахри упоминал, что из области русов под названием Арса вывозят черных соболей (*ас-саммур ал-асвад*) (BGA I. P. 225). Ибн Хаукал добавлял, что из области Арса, кроме черных соболей, привозили еще и черных лисиц (*ас-са'алиб ал-асвад*) (BGA II, P. 110, 392, 396). Ал-Мас'уди рассказывал о реке хазар (нижней Волге) и впадающей в нее реке буртасов (идентификаций множество: одноименный приток Цны, часть Камы, Самара, верхнее течение Волги или Дона, Дон в нижнем течении, Ока, Маныч, Мокша и т. д.), отмечая, что из страны буртасов поступали шкурки черных и рыжих лисиц (*ас-са'алиб ас-суд-ва-л-хумр*), которые именуются буртасскими (*буртаси*), причем одна черная шкурка достигала цены в 100 динаров и более, рыжие же были дешевле (Maçoudî 1861. T. I. P. 14–15). Он поведал, что мехами черных лисиц, которые водились, по его мнению, только в стране буртасов, весьма дорожили арабские и персидские владыки, и акцентировал внимание на высоком качестве этих мехов, рассказав, как халиф ал-Махди накрыл на ночь сосуды с водой разными видами мехов. В тот год в Рее стояла холодная зима, выпало много снега; когда утром меха сняли,

оказалось, что только под шкуркой черной лисицы вода не замерзла (BGA VIII. P. 63).

Во второй половине X в. Шамс ад-Дин ал-Мукаддаси подробно описал предметы вывоза из Булгара в Хорезм, распространявшиеся далее по всему свету, отметив среди прочих меха: соболь (*ас-саммур*), белка (*ас-синджаб*), горноста́й (*ал-какун*), один из видов лисиц (*ал-фанак*), куница (*далак*), лисица (*ас-са'алиб*), бобр (*хазз бусат*) (al-Mokaddasí 1877. P. 324–325)¹⁸⁴.

Таким образом, арабо-персидские ученые засвидетельствовали достаточно обширную и разветвленную торговлю в Восточной Европе ходовым товаром — мехами, а также оживленный денежный обмен среди представителей восточноевропейских народов, связанный с этим видом торговли.

---

¹⁸⁴ В.В. Бартольд переводил некоторые слова по-другому, а именно: «меха соболей, горностаев, хорьков, ласок, куниц, лисиц, бобров...» (Бартольд 1963. Т. I. С. 294).

ДАНИ И ПОБОРЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ ПО ДАННЫМ «АНОНИМНОЙ ЗАПИСКИ» АРАБО-ПЕРСИДСКИХ АВТОРОВ¹⁸⁵

Проблема дани на Руси давно изучалась историками. Приоритетами в исследованиях являлись принадлежность институтов к феодальному, дофеодальному или другому (типа вожеств) обществу и само определение дани — налогов — поборов. Не касаясь этих, еще не решенных, проблем и не привлекая многочисленные соответствующие работы историков XVIII–XX вв., работавших на материалах главным образом древнерусских и западных источников, я предоставляю конкретные данные далеких от Руси восточных источников, которые содержат оригинальную информацию. Эти сведения привлекались, но не всегда объективно.

«Анонимная записка о народах Восточной Европы» арабо-персидских писателей давно известна исследователям. Оригинал и имя автора не сохранились. В более или менее обширных цитатах она представлена у многих ученых X–XVII вв.¹⁸⁶ Полнее всего сводка передана в написанной по-арабски «Книге дорогих ценностей» персидского географа Ибн Русте (перв. треть X в.) и в труде «Краса повествований» на персидском языке персидского же автора Гардизи (XI в.).

Особое внимание всегда уделялось рассказам о славянах и русах. Данные Ибн Русте о славянах, восходящие ко второй половине IX в. (Marquart 1903. S. 470–472; Miquel 1967. Vol. I. P. XXIII–XXV; Новосельцев 1965. С. 302, 401; Мишин 2002. С. 51, 57–58) часто привлекались исследователями. В сведениях Ибн Русте о дани славян в рукописи стоит слово *йаджи'ухим* («прибывает к ним»). Издатель текста М. де Гье изменил одну букву: вместо *йаджи'ухим* поставил *йаджби-хим* — «собирает с них налоги» (BGA VII. P. 145). Д.А. Хвольсон дал

---

¹⁸⁵ Впервые опубликовано: ДГ, 2015 г.: Экономические системы Евразии в раннее средневековье. М., 2017. С. 374–389.

¹⁸⁶ Сравнительно недавно появилась монография о принадлежности соответствующей информации саманидскому визирю ал-Джайхани (кон. IX — перв. четв. X в.), а известия о Восточной Европе и Центральной Азии повторяют его последователи (Göckenjan, Zimouli 2001). Такое воззрение высказывалось и ранее, но с оговорками и сомнениями (см.: Крачковский 1957. С. 219–224). Иной подход к возможным сохранившимся фрагментам из труда ал-Джайхани, тоже далеко не бесспорный, показан в статье Д.Е. Мишина (2009. С. 33–49)

перевод «объезжает их». Последний вариант присутствует в книгах многих переводчиков, хотя словари не дают такого значения.

«Царь их **объезжает** (выделено мной. — *Т. К.*) их ежегодно. Если у кого из них есть дочь, обязан он давать [царю] по одному из платьев ее в год. Таким же образом обязан давать ему в год по одежде из платьев сына его, если есть сын. У кого нет ни сына, ни дочери, тот обязан давать по платью в год от жены или служанки» (Хвольсон 1869. С. 33–34. Почти аналогичные переводы: Гаркави 1870. С. 267; Новосельцев 1965. С. 295; Древняя Русь 2009. Т. III. С. 47).

Перевод с конъектурой М. де Гье предпочли другие исследователи:

«Их царь **взимает с них подать** (выделено мной. — *Т. К.*) каждый год. Если у человека из них есть дочь, то [царь] берет из ее одежды [в подарок] себе раз в год. Если у него есть сын, то [царь] берет из его одежды [в подарок себе] еще раз в год. Если у него нет ни сына, ни дочери, то [царь] берет [в подарок себе] из одежды его жены или наложницы» (Гараева 2006. С. 705)¹⁸⁷.

“Ihr König **treibt von ihnen alljährlich Abgaben ein**. Besitzt jemand von ihnen eine Tochter, so nimmt er [der König] von ihren Kleidern einmal im Jahr ein Festgewand. Besitzt er Sohn, so nimmt er anderes [der König] von ihren Kleidern ein Mal im Jahr ein Festgewand. Hat er weder Sohn noch Tochter, so nimmt er [der König] von den seiner Frau oder seiner Sklavin ein Festgewand” (Göckenjan, Zimonyi 2001. S. 80).

Предметом дани служила, по Ибн Русте, одежда. Д.А. Хвольсон отмечал: «Подобного показания о налоге, состоящем из платья, сколько мне известно, нет в славянских источниках. Но известно, что славянские князья получали вместо подати — материи, так наз. «паволоки». Это, может быть, и дало повод к показанию Ибн-Даста» (Хвольсон 1869. Примеч. 89). Относительно «паволок» Д.А. Хвольсон, вероятно, все же ошибался: паволоки, т. е. шелковые ткани, были предметом роскоши и товаром в обмене с Византией (Арциховский 1951. С. 252), что едва ли могло касаться обыкновенных жителей. Случаи использования ткани в качестве платежа и обмена были засвидетельствованы Ибрахимом ибн Йа'кубом в рассказах о чехах и Гельмгольдом — о балтийских славянах (Нидерле 1956. С. 363; Стефанович 2012)¹⁸⁸.

¹⁸⁷ См. также: Marquart 1903, S. 496; *ŽA II*, S. 38, 39; Новосельцев 2000в. С. 403: здесь А.П. Новосельцев тоже предпочел значение: «собирать подать, дань».

¹⁸⁸ Ибрахим ибн Йа'куб вел речь о неких «платочках», представлявших большую ценность при товарообмене (Kowalski 1946. S. 3, 49, 82–84). Гельмгольд упоминал об обмене мехов на льняную одежду славян (Гельмольд 1963. С. 34). Здесь нет речи

«Одежда», «платье» — это перевод арабского *хил'а*. Однако слово имеет значение не только «одежда», но и «подношение», «подарок», что уже было отмечено (Заходер 1967. Т. II. С. 124; Новосельцев 2000в. С. 403). В данном случае речь идет о дани, взимаемой верхушкой общества со своего же населения.

Однако перевод без конъектуры М. де Гье (т. е. с глаголом *йаджи 'ухим*) фразы из книги Ибн Русте таков:

«Их царь прибывает к ним каждый год. Если у человека из них есть дочь, то [царь] берет от нее подношение (возможно, одежду. — *Т. К.*) себе раз в год. Если у него есть сын, то [царь] берет от него подношение (возможно, одежду. — *Т. К.*) себе еще раз в год. Если у него нет ни сына, ни дочери, то [царь] берет подношение (возможно, одежду. — *Т. К.*) себе от его жены или наложницы» (BGA VII. P. 145).

Большинство исследователей как в том, так и в другом случае перевода полагали, что имеется в виду не что иное, как полюдье, знакомое по описанию Константина Багрянородного, когда русы собирали дань с подвластных славян (видимо, по этой причине Д.А. Хвольсон и перевел «объезжает их», и это значение предпочло большинство исследователей: Хвольсон 1869. С. 34; Westberg 1899. С. 213; Рыбаков 1982. С. 277; Kmietowicz 1976. S. 184. Uw. 48; Новосельцев 2000в. С. 403).

Сведения Ибн Русте о славянской дани, как писал А.П. Новосельцев, «самое раннее восточное известие, которое Б.А. Рыбаков справедливо связал с полюдьем» (Рыбаков 1982. С. 277; Новосельцев 2000в. С. 403). Б.А. Рыбаков этот тезис подтвердил и позднее: «Полюдье как объезд отдаленнейших славянских земель было известно восточным авторам задолго до появления норманнов на Руси. Его можно считать характерным для всего IX века (может быть, и для конца VIII века?) и для первой половины X века» (Рыбаков 2003. С. 40).

Ибн Русте в том тексте, где находится фраза о дани, действительно, повествует о территории, городах, правителях, обычаях только славян. Исследователи относят эти данные к полянам, вятичам, белым хорватам и др. (Хвольсон 1869. С. 145; Marquart 1903. S. 471; Рыбаков 1982. С. 274–278; Заходер 1967. С. 108; Новосельцев 2000в. С. 299–300; Мишин 2002. С. 60). Некоторые исследователи, занимаясь вопросами дани у славян, в качестве примера приводили слова Ибн Фадлана, побывавшего в Волжской Булгарии в 922 г., что царю население выплачивает

о дани. Но франкские славяне выплачивали дань льном и полотном (Нидерле 1956. Ч. 2. С. 311).

ежегодно шкурку соболя (Ковалевский 1956. С. 136; Фроянов 1996). Однако речь здесь идет не о властителе славян, а о царе волжских болгар, которого Ибн Фадлан, как известно, именует «царем ас-сакалиба».

Вопреки высказанным точкам зрения, информация Ибн Русте о дани не содержит сведений о полюдьде, которое собиралось бы русами со славян, он *ничего не говорит об объезде подвластной территории*. Речь идет о содержании только славянских владык (*малик-ов*); отношениях не чужеземных захватчиков и подвластного населения, а налаживании социально-административных отношений внутри однородного племени или государственного образования. Сбор же регулярной дани с подвластных славян и хазарами, и варягами зафиксирован множеством древнерусских источников (перечень сведений о взимании дани в русских летописях см.: Каштанов 2003).

Иная информация содержится в сведениях «Анонимной записки» об острове русов. А.П. Новосельцев провел параллели свидетельства Константина Багрянородного с данными ряда восточных источников из фрагмента о неизвестно где находившемся острове русов (Новосельцев 2000в. С. 404). Этот фрагмент встречается в целом ряде произведений арабо-персидских авторов вплоть до XVII в., однако не у всех упомянуто об отношениях славян и русов.

Известнейший текст Константина Багрянородного о полюдьде: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуется «кружением», а именно — в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав» (Константин Багрянородный 1991. С. 50–51).

Для уточнения информации приведем известные свидетельства контактов славян и русов по данным «Анонимной записки» в разных переводах.

Ибн Русте, 145

«Они [русы] производят набеги на славян; подъезжают к ним на кораблях, выходят на берег и полонят народ, который отправляют потом в Хазаран и к Болгарам и продают там. Пашен Русь не имеет и питается лишь тем, что добывает в земле Славян» (Хвольсон 1869. С. 35 [текст и перев.]).

«Они [русы] нападают на славян, садятся на суда, отправляются к ним, полонят их, вывозят в Хазаран и Булгар, продают; нет у них полей [пахотных], так как они едят то, что привозят из земли славян» (Захoder 1967. С. 81).

«Они [русы] нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там

продают. У них нет пашен и живут (питаются. — *А. Н.*) они лишь тем, что привозят из земли славян» (Новосельцев 1965. С. 303; Древняя Русь 2009. Т. III. С. 48).

Ал-Макдиси, 66

«И нет у них пашен и скота. Страна их граничит со страной славян, и они нападают на последних, поедают [и расхищают] их добро и захватывают их в плен» (Новосельцев 1965. С. 304).

«Нет у них ни пашен, ни посевов. Граничит их (русов. — *Т. К.*) страна со страной славян, и они нападают на них (славян. — *Т. К.*), кормятся их состоянием и пленяют их» (Древняя Русь 2009. Т. III. С. 51).

Только у ал-Макдиси встречается упоминание стран славян и русов как пограничных в составе повествования об острове русов (Новосельцев 1965. С. 306). Впрочем, поздний автор Ибн Ййас (1448–1524 гг.), опиравшийся на целый ряд более ранних письменных памятников, повторил, что страна русов граничит со славянами, но не привел данных о нападениях на них (Заходер 1967. С. 82).

Гардизи, 38

«Они (русы. — *Т. К.*) *постоянно* (выделено мной. — *Т. К.*) в числе 100 или 200 человек приходят в страну славян и силой отнимают у них полезные предметы, чтобы они находились у них [русов. — *В. Б.*]; много людей из славян приходят к русам и служат им, чтобы этой службой обезопасить себя» (Бартольд 1973. Т. VIII. С. 60).

«*Постоянно* (выделено мной. — *Т. К.*) эти люди (русы. — *Б. З.*) ходят войной на славян, [идут] на кораблях, захватывают славян, превращают в рабов, отвозят к хазарам и булгарам и продают. У них нет посева и земледелия, посев их — грабеж славян... *Постоянно* (выделено мной. — *Т. К.*) по сотне и по двести [человек] они ходят на славян, насилием берут у них припасы, чтобы там существовать; много людей из славян отправляются туда и служат русам, чтобы посредством службы обезопасить себя» (Заходер 1967. С. 82).

«И эти люди *постоянно* (выделено мной. — *Т. К.*) нападают на кораблях на славян, захватывают славян, обращают их в рабство, отвозят в Хазаран и Балкар и там продают. И у них нет посевов и пашен. И они пользуются обычно славянскими посевами... *Всегда* (выделено мной. — *Т. К.*) 100–200 из них ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание, пока там находятся. И там (у них. — *А. Н.*) находится много людей из славян, которые служат (как рабы? — *А. Н.*) им (русам. — *А. Н.*), пока не избавятся от зависимости (рабства? — *А. Н.*)...» (Новосельцев 1965. С. 305).

Мубарак-шах Марверруди (XIII в.)

«[Русы] не имеют посева и земледелия, *постоянно* (выделено мной. — *Т. К.*) совершают набеги, забирают у славян рабов и продают

посредством *постоянного* (выделено мной. — Т.К.) грабежа, привозят товары и зерно, от этого имеют средства к существованию» (Заходер 1967. С. 82).

А.П. Новосельцев полагал, что отмеченные выше материалы говорят о полюдьбе и относятся к эпохе даже более ранней, нежели рассказ Константина Багрянородного (Новосельцев 2000в. С. 404). «Экономическое содержание полюдьбы заключается в том, что оно устанавливало продолжительное, относительно *регулярное* (выделено мной. — Т.К.) фиксируемое обычаем изъятие прибавочного продукта, отчуждаемого в виде дани на месте производства» (Полюдьбе 2009. С. 599).

Здесь речь идет об обычных грабежах слабого населения более сильным. Вопрос о том, какой «национальной» принадлежности были эти русы, в данном случае не имеет значения, хотя именно проблеме, были ли то норманны-варяги, было уделено огромное внимание и сломано множество копий. Тем не менее, кто бы ни были разбойники, нападавшие на славян, получали они, по данным этих арабских авторов, не дань, не заранее подготовленную часть налога, а добычу в результате нерегулярных набегов, т. е. награбленное добро и пленных. Нерегулярность набегов в IX в. русов и норманнов подтверждается их внезапным появлением в землях кавказских и прикаспийских, у франков и испанцев с целью откровенного грабежа, как писали арабо-персидские и западные источники (Коновалова 1999б; Калинина 2001; Мишин 2003). Разбойники уходили с награбленной добычей и в редких случаях появлялись в одних и же местах несколько раз. Значит, здесь не может быть речи о регулярной дани с подвластного населения, тем более о полюдьбе.

Однако информация Гардизи, автора «Худуд ал-‘алам» и позднего писателя Мерверруди, хотя и основанная на данных «Анонимной записки», носит несколько иной характер. Здесь отмечено, что нападения русов на славян стали *постоянными*, а в «Худуд» — *обычными*. Возможно, автор «Худуд» и Гардизи имели более точную или, может быть, более позднюю информацию о ставших *регулярными* появлениях русов у славян¹⁸⁹. Именно материалы «Худуд ал-‘Алам», Гардизи и позднего писателя Мерверруди (который не может быть передатчиком новой информации) могут интерпретироваться как явление полюдьбы, зафиксированное Константином Багрянородным. Полюдьбе, как было отмечено выше, обычно и интерпретируется как форма дани, при которой происходят *регулярные* поборы *захватчиками* благ у *подвластного* населения.

---

¹⁸⁹ Гардизи как писатель в целом интересен тем, что в ряде случаев меняет информацию «Анонимной записки» и иногда добавляет новые данные (Chwiłkowska 1978. S. 141–172).

Русы активно участвовали в международной торговле. Об этом писали еще Ибн Хордадбех (IX в.) и Ибн ал-Факих (903 г.); эти данные давно известны, переводились и интерпретировались учеными прошлых веков и не забыты поныне (Гаркави 1870. С. 49, 54–59; Коновалова 2010. С. 88–99). В «Анонимной записке» также отмечена эта деятельность русов.

Ибн Русте, 145–146

«Русь не имеет ни недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен; единственный промысел их — торговля соболями, беличьими и другими мехами, которые и продают они желающим; плату же, получаемую деньгами, завязывают накрепко в пояса свои. Любят опрятность в одежде; даже мужчины носят золотые браслеты. С рабами обращаются хорошо. Об одежде своей заботятся, потому что занимаются торговлею» (Хвольсон 1869. С. 35–36).

«И нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие — торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям. Получают они назначенную цену деньгами и завязывают их в свои пояса. Они соблюдают чистоту своих одежд, их мужчины носят золотые браслеты. С рабами они обращаются хорошо и заботятся об их одежде, потому что торгуют (ими. — *А. Н.*)» (Новосельцев 1965. С. 303; Древняя Русь 2009. Т. III. С. 48–49. Перевод почти не отличается от перевода А.П. Новосельцева).

«У них нет поместий, деревень и возделанных земель. Их ремесло (промысел. — *Н. Г.*) — торговля соболем, белкой и другими пушными. Они продают это желающим, в уплату берут (принимают. — *Н. Г.*) чеканенные деньги в (из денег. — *Н. Г.*), которые хранят в своих поясах. Они опрятны в одежде. Мужчина [у русов. — *Н. Г.*] носит браслеты. Они хорошо обращаются со своими рабами. Они изысканны в одежде, потому что занимаются (? — *Н. Г.*) торговлей» (Гараева 2006. С. 705).

“Sie verfügen weder über Grundbesitz noch über Dörfer und Saatzfelder, sondern ihre Erwerbstätigkeit besteht aus dem Handel mit Zobeln, Eichhörnchen und sonstigen Pelzen. Sie verkaufen diese [Pelze] ihren Kunden und erhalten dafür stilles Vermögen in Münzgeld, das sie in ihre Geldgürtel binden” (Göckenjan, Zimonyi 2001. S. 82–83).

Выше приведены четыре перевода одного и того же фрагмента, которые имеют как будто незначительные различия. Так, Н.А. Гараева переводит арабское слово «‘акар» (عقار) как «поместье». Это слово, действительно, имеет оба значения, т. е. и «недвижимое имущество», и «поместье». Однако едва ли в тексте арабского автора здесь может идти речь о поместьях, поскольку у русов, как отмечено, не было даже деревень и пашен. Немецкий перевод вместо слов «недвижимого имущества» предпочитает «собственность».

Н.А. Гараева переводит арабское слово «маза'ри'у» (مزارع) — мн. ч. от «мазра'а» (مزرعة) — «возделанная земля» как синоним точному значению: «обрабатываемое поле», «пашня», «нива». Именно эти последние значения, как кажется, более точны.

А.П. Новосельцев сделал вставку, хотя и в скобках, отмечающую торговлю русами именно рабами. Н.А. Гараева поставила знак вопроса после слова «занимаются» торговлей. Т. Левицкий пояснял, что оба перевода имеют право на существование (ŽA II₂. S. 138, Uw. 261). Из немецкого перевода логически вытекает, что версия о торговле именно рабами точна.

Гардизи

«Торгуют они соболями, белкой и другими мехами. Носят чистые одежды и с рабами обращаются хорошо... И царь из взимает с торговли 1/10 часть» (Новосельцев 1965. С. 305).

«О русах» — как у Ибн Русте... Только: «Предметы их торговли меха горностаевы, беличьи и другие... Их царь взимает десятину с купцов» (Бартольд 1973. Т. VIII. С. 60).

«Худуд ал-'алам»

«Ежегодно они (русы. — Т. К.) платят одну десятую добычи и торговой прибыли государю. Среди них есть группа из моровват... Среди них есть группа славян, которая им служит...». «...*ва андар горухи аз ишан моровват эст* (и среди них есть группа *моровват*) (л. 376)» (Новосельцев 1965. С. 311; 1968. С. 397).

“It is a country extremely favoured by nature with regard to all the necessities (of life). One group (*gurūh*) of them practise chivalry (*muruvvat*)... They annually pay the tithe on their booty and commercial profits (*ghanīmat va bāzurgānī*) to the government (*sulṭān*). Among them lives a group of Slavs who serve them...” (Hudūd al-'Alam 1937. P. 159).

Первый обнаруживший эту рукопись исследователь предпочел перевести слово «моровват» как «мрват», полагая, что это — название народа мирватов, которое встречается в тексте «Худуд ал-'Алам» (Туманский 1897. С. 136, примеч. 3). Однако этот перевод был принят не всеми последующими историками. В.В. Бартольд предположил, что персидское слово *моровват* (مرؤت) может быть просто переводом встречающегося у Ибн Русте арабского слова *руджула* (رجلة) (Худуд ал-'алам 1930. С. 136; Бартольд 1973. Т. VIII. С. 540, примеч. 243; BGA VII. P. 146). Это мнение было поддержано (Hudūd al-'Alam 1937. P. 159; Новосельцев 1965. С. 311). А.П. Новосельцев уточнял, что арабское слово *руджула* можно объяснить как «рыцарственность», а слово *моровват*, согласно толковому словарю персидского языка, означает: «храбрый, сильный, щедрый,

великодушный человек»; текст может являться «конспектом» фразы Ибн Русте о храбрости русов, но не исключено и возможное сокращение автором «Худуд» неизвестного источника сведений о русах (Новосельцев 1965. С. 311). Однако позднее А.П. Новосельцев изменил свою точку зрения, указав, что буквальное прочтение текста как «группа *моровват*» не встречается больше ни в одном предшествующем источнике, поэтому следует вернуться к предположению А.Г. Туманского и усматривать в *моровват* «группу из народа *мрват*» (Новосельцев 1968. С. 397).

Однако последний вариант не слишком доказателен: ведь информация «Худуд» не является ни прямым переводом, ни «конспектом» фрагмента из Ибн Русте или близкого источника. Поэтому выводы историков об особой группе «рыцарей» или «мужественных людей» (*моровват*) из числа русов кажутся все же наиболее правильными¹⁹⁰.

Русы успешно занимались работоторговлей и активной продвижением восточноевропейских мехов на мировые рынки, что и подтверждают восточные источники (из сравнительно недавних исследований по вопросу см.: Noonan 1998; Калинина 2000в. С. 106–119; Назаренко 2001. С. 71–218; Мишин 2002. С. 174–188; Тортика 2006. С. 376–425). Обычная практика средневековья — получение десятины властителем с торговли — ими также подтверждается (Новосельцев 2000а. С. 305; Бартольд 1973. Т. VIII. С. 39, 60). Не исключено, что эти занятия были в руках группы более высокопоставленной («моровват»), чем остальные, и им прислуживали (или находились у них в рабстве) славяне, т. е. представители подвластных племен.

Степень «укорененности» русов в славянском обществе едва ли может определяться довольно скуными данными восточных источников, практически всегда разделяющих известия о русах и славянах (за исключением Ибн Хордадбеха, написавшего, что «русы — это вид славян»: BGA VI. P. 154; Ибн Хордадбех 1986. С. 124) и предоставляющих сведения о набегах, захватах русами славян как рабов и торговле ими, а также о получении дани со славян. Мне представляется наиболее точным такое понимание дани, которое подразумевает нерегулярность поборов; появление же постоянных податей является признаком налоговых сборов, характерных для начала государственности (Поршнев 1964. С. 81). Именно этот период, т. е. начало «врастания» русов в славянский социум, и отражен в данных арабо-персидских авторов.

---

¹⁹⁰ См., например: “Es gibt unter ihnen eine Gruppe, die Edelkut besitzt” (Göckenjan, Zimonyi 2001. S. 212).

ДВА СЛАВЯНСКИХ ГОРОДА ПО ДАННЫМ ВОСТОЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ¹⁹¹

Средневековые восточные источники сохранили очень мало известий о древнерусских городах. Краткие и отрывочные, эти сведения давно стали известны ученым, неоднократно ими анализировались. Учитывались степень достоверности информации, ее происхождение, зависимость от первоисточника, поскольку жившие далеко от восточноевропейских земель писатели Арабского халифата передавали материалы, полученные далеко не из первых рук.

«Анонимная записка о народах Восточной Европы», как она была условно названа исследователями, сохранилась в трудах целого ряда арабо-персидских авторов X–XVII вв. Она представляет собой сводку информации о печенегах, хазарах, буртасах, волжских булгарах, мадьярах, славянах, русах, земле Сарир в северном Дагестане и аланах. Полнее всего материалы представлены в написанной по-арабски «Книге дорогих ценностей» персидского географа Ибн Русте (перв. треть X в.) и в персоязычном труде «Краса повествований» персидского же автора Гардизи (XI в.); именно последний привел еще и данные о печенегах, которых нет в версии Ибн Русте. Целый ряд других писателей — Мутаххар ибн Тахир ал-Мукаддаси (втор. пол. X в.), ал-Баكري (XI в.), ал-Марвази (кон. XI — нач. XII в.), Ахмад Туси (втор. пол. XII в.), Мухаммад Ауфи (XIII в.), Закарийа ал-Казвини (XIII в.), ал-Варрак (нач. XIV в.), ан-Нувайри (XIV в.), Мирхонд (XV в.), Шукрулла ибн Шихаб (XV в.), ‘Али аш-Ширази (XVI в.), Хаджжи Халифа (XVII в.), ‘Али эфенди (XVII в.) и др. — дает, как правило, сокращенную версию тех же известий или часть их, вставляя данные «Анонимной записки» в различный контекст, иной раз приводя новые детали. Это означает, что все без исключения ученые, пользовавшиеся первоисточником, его редактировали. Авторство этих материалов неизвестно. Некоторые писатели отмечали, что пользовались трудами Ибн Хордадбеха, знатного перса, написавшего по-арабски в 40-х или 80-х гг. IX в., в числе прочих, «Книгу путей и

---

¹⁹¹ Впервые опубликовано: Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.). Проблемы культуры и культурного наследия. Доклады Третьей науч. конф. (Муром, 17–20 мая 2000 г.). М., 2003. С. 64–76.

стран», служившего при дворе и в почтовом ведомстве Халифата, а потому обладавшего разнообразной информацией. Сохранилась лишь сокращенная версия его сочинения, в которой нет «Анонимной записки»; прочие же его труды оказались утраченными. Гардизи ссылался именно на утерянное сочинение Ибн Хордадбех «Книга известий», а в качестве источника Гардизи упоминал также недошедшее до нашего времени сочинение ал-Джайхани, визиря при дворе Саманидов в Бухаре, составившего свой труд, вероятнее всего, ок. 922 г. и использовавшего книгу Ибн Хордадбега (Крачковский 1957. С. 219–223; Бартольд 1963. Т. I. С. 58; Новосельцев 1965. С. 376). Будучи высокопоставленными в Халифате людьми, и Ибн Хордадбех, и ал-Джайхани имели доступ к архивам, в которых могла сохраняться «Анонимная записка».

Некоторые исследователи полагали, что автором «Анонимной записки» могли быть ал-Джайхани или Ибн Хордадбех (Marquart 1903. S. XXVIII–XXXV; Новосельцев 1965. С. 377, 383). Предположению, будто написал ее Муслим ал-Джарми, византийский пленник, который согласно Ибн Хордадбеку был выкуплен в 945 г. и оставил сведения о Византии и ее фемах (Marquart 1903. S. 243), противоречат и манера изложения, и форма подачи материала во фрагменте о Византии в книге Ибн Хордадбега, совсем не похожие на стиль «Анонимной записки». Таким образом, авторство «Анонимной записки» остается нераскрытым.

Сводка уделяет внимание локализации восточноевропейских народов по отношению друг к другу, ландшафту и дорогам, наличию городов, торговле, экономике, некоторым деталям политического строя, вероисповеданию, обычаям, кое-где указаны способы ведения войны и вооружение. Разносторонние характеристики показывают, что эти сведения собирались не случайно, они вполне отвечали сложившемуся к тому времени в арабской литературе характеру описаний далеких от Халифата земель. Подобного рода информация, хотя и не связанная с Восточной Европой, имеется в сохранившихся версиях сочинений довольно многих восточных писателей, где целенаправленно выделялись описания дорог и областей для правителей или высшего чиновничества Халифата. Совсем не связанные с «Анонимной запиской» сведения о дорогах и стоянках в разных частях ойкумены содержались в сохранившейся «Книге путей и стран» Ибн Хордадбега, «Книге стран» ал-Йа'куби, одноименном сочинении Ибн ал-Факиха, «Книге о харадже и искусстве секретаря» Кудамы ибн Джа'фара, «Книге путей и стран» ал-Истахри и многих других.

Автор «Анонимной записки» мог предназначать ее для кого-то из эмиров Хорасана, поскольку именно там работали и жили Ибн Хордад-

бех, ал-Джайхани, а также Ибн Русте и Гардизи, наиболее полно сохранившие данные «Записки». Это тем более вероятно, что описанию путей через Хорасан, в разделах, не связанных с «Анонимной запиской», в соответствующих произведениях уделено весьма много места.

Версия «Анонимной записки» в составе книги Гардизи — наиболее полная и хорошо сохранившаяся. Описание восточноевропейских народов он начинает с рассказа о печенегах, затем перечислены хазары, бургасы, болгары, мадьяры, славяне, русы, Сарир, аланы. Раздел о печенегах предваряется описанием дороги к ним из Джурджании (Ургенча), которая следовала мимо Хорезмийской горы (плато Устюрт), Хорезмийского озера (Аральского моря), по безжизненной, безводной степи, остановки в которой были привязаны к имеющимся колодцам, затем по землям, где уже встречались источники и животные, и наконец, путь приводил к шатрам печенегов. Эти сведения относятся к тому времени, когда печенеги еще находились между Уралом, Волгой и Эмбой и не откочевали за Волгу (Бартольд 1973. Т. V. С. 204 04; Marquart 1903. S. 78–79; Артамонов 2002. С. 350). Между владениями печенегов и хазар определено 10 дней пути, между областью печенегов и славян — столько же; отмечено, что 10 дней пути лежит между границами мадьяр и пределами славян. Сведения о географии хазар очень скудные: владения хазар обширны, окружены горами вплоть до Тифлиса. Далее рассказывается о бургасах, расположенных между хазарами и булгарами; о булгарах, граничащих с бургасами и живущих на р. Итиль, впадающей в Каспий («море ал-Хазар»), т. е. о волжских булгарах в междуречье Волги–Камы.

Затем повествуется о мадьярах, обитавших между булгарами и болгарским же племенем искиль (эсегель), что может соответствовать району близ территории волжских болгар. Упомянуто, что владения мадьяр простираются на 100 фарсахов, прилегают к Черному морю («морю ар-Руми») и что обитают мадьяры между двумя реками, Итиль (напомню, что слово «итиль» в тюркских языках просто «река» и далеко не всегда прилагается к Волге) и Дунай. На берегах одной реки, которая, по сведениям Гардизи, находится «налево» от мадьяр, в сторону славян, живет многочисленный народ «нендер» румийского происхождения, который идентифицировался с оногундурами, т. е. придунайскими болгарскими. Над областью нендеров, на берегу реки, возвышается высокая гора (Карпаты); за этой горой живет христианский народ м.р.дат (моравы); между областями этих двух последних народов 10 дней пути. Далее приведем точный перевод источника, поскольку именно в этом фрагменте присутствует информация о двух славянских городах: «...Все

они [мадьяры] производят набеги на славян, всегда одерживают верх над славянами и обращаются с ними как с рабами. Мадьяры — огне-поклонники. Они нападают на славян и русов, уводят оттуда пленников, везут в Византию и продают». Далее речь идет о внешнем виде мадьяр. «Они постоянно нападают на славян. От страны мадьяр до страны славян десять дней пути. На крайних пределах славянских есть город (*шахр*), называемый Вантит». Далее рассказано о брачных обычаях мадьяр, и только после этого автор переходит к разделу о славянах: «Между печенегами и славянами 10 дней пути по бездорожью. Страна славян ровная, изобильна деревьями, и живут они по большей части среди деревьев». Затем идут рассказы о хозяйстве, обычаях и верованиях, музыкальных инструментах, вооружении славян. «Их глава носит корону, и все они почитают его и повинуются ему. Первый из их глав (*ра'ис*) именуется Свит. м.л.к, а сувих — его заместитель. Столичный город его называется Дж.равт. Ежемесячно три дня в месяц в этом городе бывает торг, там всякие вещи продают и покупают». Затем Гардизи снова упоминает о набегах мадьяр на славян и обычаях последних укрываться при опасности в крепостях (Бартольд 1973. Т. VIII. С. 37–38, 58–59; Новосельцев 2000а. С. 390. Переводы всех приведенных фрагментов сделаны с обязательным учетом тех, что названы в соответствующих сносках).

В тексте Гардизи информация о городе Вантит связывается с теми границами мадьяр, которые располагались, судя не только по его данным, но и по другим источникам, между Дунаем и Доном или Сиретом и Днестром, в области, названной Константином Багрянородным Ателькузу. При этом речь идет о периоде после их перехода через Восточноевропейскую равнину, под натиском печенегов, в причерноморские степи и до их перехода через Карпаты, т. е. до 90-х гг. IX в. Итиль в данном случае означает просто «река» и идентифицируется исследователями с Днестром или Днестром (Хвольсон 1869. С. 119; Marquart 1903. S. 30–32, 59–60; более подр. см.: Vartha 1975. P. 79–81). Соседними восточнославянскими племенами здесь были тиверцы по нижнему течению Днестра, уличи по Южному Бугу и в низовьях Днепра, далее по Днепру жили поляне. Следует полагать, что город Вантит помещался именно на территории этих славянских племен.

Данные о городе Джарават, резиденции главы славян, располагаются перед упоминаниями о набегах мадьяр на славян и обычае последних укрываться в крепостях.

В книге Ибн Русте, написанной, по разным данным, в пределах от 903 до 925 г., материалы о восточноевропейских народах располагаются

в ином, чем у Гардизи, контексте. После информации об областях и дорогах Арабского халифата, Ибн Русте приводит рассказ о Константинополе и Риме со слов византийского пленника Харуна ибн Йахьи, затем идут сведения об Индии. Далее автор приводит рассказы, в основном аналогичные приведенным у Гардизи, однако раздел о печенегах отсутствует, и начинается рассказ о хазарах, которые отстоят на 10 дней пути от печенегов (как у Гардизи). Далее автор переходит к более краткому, чем у Гардизи, описанию страны бургасов, находившейся между хазарами и булгарами, и к главе о булгарах — как у Гардизи.

В сведениях о мадьярах есть существенное отличие: Гардизи определял первоначальную область мадьяр между булгарами и болгарским же племенем искиль, Ибн Русте отводил им место «между областью (*ба-лад*) печенегов и областью искиль из числа болгар» (BGA VII. P. 143–145). Это, вероятно, более верное указание на старое место расселения мадьяр, поскольку приводивший аналогичные сведения «Анонимной записки» ал-Бакри тоже определял местонахождение мадьяр между печенегами и ашкалами (=искилами — al-Bakrī 1992. P. 449); ал-Марвази следовал тому же рассказу, т. е. расстояние определялось опять-таки между печенегами и искилами (Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi 1942. P. 35), что в данном конкретном случае служит доказательством ошибочности приведенного у Гардизи расстояния «между булгарами и болгарским же племенем искиль». Таким образом, первая граница мадьяр, по данным «Анонимной записки» в передаче Ибн Русте, ал-Бакри и ал-Марвази, проводилась между печенегами и неким племенем болгар, т. е. вблизи приволжско-уральских районов. И у Ибн Русте, и у Гардизи данные об этой первой границе мадьяр могут относиться ко времени до их ухода на юг: тогда эта часть информации является первым, древнейшим слоем известий о мадьярах (Заходер 1962. С. 129). Однако возможно, что эти материалы относятся к тем мадьярам, которые остались на старой родине: еще в XIII в. часть их жила в приуральском районе, в так наз. «Великой Венгрии», как о том сообщали Рубрук и Плано Карпини (История Венгрии 1971. Т. 1).

Если город славян Вантит искать на реальном востоке славянского мира, то следует признать, что автор «Анонимной записки» в передаче Ибн Русте и Гардизи локализует город по отношению к тем печенегам или мадьярам, что жили в поволжско-приуральском районе, но никак не к волжским булгарам, и, следовательно, соотносить его с путем Булгар–Киев (Рыбаков 1969. С. 189–195; 1982. С. 259) неправомерно. Рассмотрим, однако, есть ли основания привязывать местонахождение города Вантит и к указанным границам.

При упоминании расселения мадьяр близ Черного (Румийского) моря, Ибн Русте не называл имена рек, как это делал Гардизи, отмечая только, что одна из рек больше Джайхуна, т. е. Амударьи (этого сравнения у Гардизи нет). О набегах мадьяр на славян сказано то же, что у Гардизи, но прибавлено еще, что отвозят пленных славян в греческий порт К.р.х, где их продают. Исследователи склонны идентифицировать этот город с будущей Керчью, Корчевым русских источников (подр. см.: *ЖА П₂*. S. 105–106). Сразу после рассказа о продаже мадьярами пленных славян в причерноморском городе К.р.х. Ибн Русте переходит к разделу о славянах: «Между страной (*балад*) печенежской и страной (*балад*) славянской расстояние в 10 дней пути. В самом начале пределов славян находится город (*мадина*), называемый Ва.и (?). Путь в эту страну идет по степям и бездорожным землям через ручьи и дремучие леса...» (изменение названия — Ва.и (?) вместо Вантит — обусловлено отсутствием одной буквы и диакритических точек. Последняя буква может означать «т», поэтому, по аналогии с другими, оставляем вариант Ва.ит). Далее материалы аналогичны тем, что есть у Гардизи, хотя последний передает некоторые детали быта и одежды славян, которых у Ибн Русте нет. Правитель назван у Ибн Русте «главой глав» (*ра'ис ар-ру'аса*) по имени Свийт. м.л.к, его заместитель — суб.ндж., а резиденция — Дж.р.ваб. Ибн Русте отмечал также, что этот главный город славян находится посередине их земель (BGA VII. P. 143–145).

В обоих источниках информация о городе Вантит (Ва.ит), находившемся на «крайнем пределе» или «в начале пределов» славян, связана с известиями о набегах мадьяр на славян. В версии Ибн Русте данные о нападениях мадьяр на славян и славянском городе Ва.ит отделены друг от друга только одной фразой — о расстоянии в 10 дней пути между печенегами и славянами. Аналогичный рассказ присутствует в трудах ал-Марвази и ряда других, более поздних источников (Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi 1942. P. 35; другие источники — Шукрулла ибн Шихаб, Мухаммад Катиб, Хаджжи Халифа — упомянуты: Заходер 1967. С. 110), однако нигде более нет упоминания о славянском городе Вантит или Ва.ит. В то же время у Гардизи материал о городе Вантит стоит сразу после данных о расстоянии в 10 дней пути между славянами и мадьярами, а не печенегами. Стойкая передача обоими источниками мадьярской тематики именно перед информацией о славянах показывает, что привязывать местонахождение города Вантит или Ва.ит к сведениям о расстоянии между печенегами и славянами неправильно.

Более достоверным представляется определение этого города по отношению к южным границам расселения мадьяр после их перехода через Восточноевропейскую равнину.

Часть известий «Анонимной записки» приводится в анонимном персидском географическом сочинении «Границы мира» («Худуд ал-‘Алам»), написанном в 80-х гг. X в.:

«О стране славян. На восток от нее — внутренние булгары и некоторые из русов, на запад — часть Грузинского моря и часть Рума (Византии. — *Т. К.*). На запад и восток от нее всюду пустыни и ненаселенный север. Это большая страна, и в ней очень много деревьев, растущих близко друг от друга. И они живут между этими деревьями». Далее так же, как у Ибн Русте и Гардизи, но более кратко рассказано о хозяйстве, обычаях, вооружении славян. «У них два города: 1. Вабнит — первый город на востоке, и некоторые из его жителей похожи на русов. 2. Хордаб — большой город и место пребывания царя» (Hudūd al-‘Alam 1937. P. 158).

Изменение названия городов обусловлено иной постановкой диакритических точек и заменой некоторых букв, что свойственно арабской графике.

Не только впервые опубликовавший сочинение А.Г. Туманский, но и вплотную занимавшиеся источником В.В. Бартольд, В.Ф. Минорский, Б.Н. Заходер, Т. Левицкий, А.П. Новосельцев указывали на крайне компилятивный характер сведений в этом произведении (Туманский 1897. С. 121–137; Бартольд 1973. Т. VIII. С. 540–543; Hudūd al-‘Alam 1937. P. XLVIII–LIII; Заходер 1962. С. 87–89; Новосельцев 1968. С. 90–103). И действительно, даже беглый взгляд на текст «Худуд ал-‘Алам» убеждает в том, что автор скопировал фрагмент «Анонимной записки» о славянах, изрядно сократив его. Объединяя рассказы о городах славян, он отнес упоминание о городе Вабнит и городе Хордаб в конец раздела, не привязав, таким образом, их местоположение ни к печенежским, ни к мадыарским границам.

Восточными соседями славян названы внутренние булгары, и на востоке же автор «Худуд» отводит место для города Вабнит. Работая в 80-х годах X в., он уже был знаком с произведением ал-Истахри, откуда почерпнул данные о внутренних булгарах. У ал-Истахри сказано, что внутренние или великие булгары — соседи Византии и христиане, т. е. дунайские болгары. Волжских булгар ал-Истахри называл внешними или просто булгарами, соседящими с русами; мусульманами, живущими близ р. Итиль, которая впадает в Каспий (BGA I. P. 220, 222, 226).

Эта информация о волжских булгарах тоже вошла в состав «Худуд ал-‘Алам», и также, как ал-Истахри, автор «Худуд» волжских булгар не именует «внутренними». Напомним также, что часть известий о

волжских булгарах из «Анонимной записки» автор «Худуд ал-‘Алам» приписал буртасам, а затем то же — еще и неким берадасам, не поняв, что те и другие — один и тот же народ. Он также называл внутренних булгар среди перечня народов северной части ойкумены: Рум, Сарир, аланы, хазары, славяне, хазарские печенеги, мирваты, внутренние булгары, русы, мадьяры, нендеры, тюркские печенеги, барадасы, буртасы, хифджахи (кипчаки), гузы, кимаки и др. (Hudūd al-‘Alam 1937. P. 83). Отдельный раздел о внутренних булгарах находится, в соответствии с общим описанием, между рассказами о мирватах и русах:

«Слово об области булгар внутренних. Это область, в которой нет ни одного города; жители храбры, воинственны и внушают страх. Их нравы походят на нравы тех тюрков, которые живут по соседству с областью хазар. Со всеми русами у них война; со всеми окрестными областями они ведут торговлю. Они владеют баранами, оружием и приспособлениями для войны» (Бартольд 1973. Т. VIII. С. 543; Hudūd al-‘Alam 1937. P. 160).

Ряд ученых полагал, что этот рассказ относится к так наз. черным булгарам в Приазовье, остаткам орд Аспаруха, — вопрос сам по себе достаточно спорный (Вестберг 1908. С. 387–392; Marquart 1903. S. 517). Данные о мирватах схожи с материалами о мардатах из книги Гардизи, следовательно, взяты из «Анонимной записки», а относятся к моравам (Hudūd al-‘Alam 1937. P. 440–442). Известия о русах почти идентичны версии «Анонимной записки», рассказывающей об острове русов и их обычаях. Соотнесение области внутренних булгар со славянами, с одной стороны, и положение этих булгар между моравами и русами, с другой, снова говорит о безнадежной путанице в представлениях автора «Худуд ал-‘Алам». То же впечатление оставляют его попытки описания реки, фигурирующей у него под названием Рута или Руса — очевидное искажение названия Дуна (Дунай) «Анонимной записки» (Hudūd al-‘Alam 1937. P. 217, 324, 430, 437, 441)¹⁹².

Если принять за точку отсчета близость славян к внутренним булгарам, то придется искать город Вабнит вблизи придунайских или приазовских болгар, а никак не на реальном востоке славянского мира.

---

¹⁹² Попытка самого В.Ф. Минорского придать какую-то значимую реальность сведениям автора «Худуд ал-‘Алам» с попыткой конъектуры вместо «Рута» — «Ука» и связать эти данные с Окой привела автора к неутешительному выводу о невозможности разместить информацию на карте, хотя В.Ф. Минорский, отказавшись в конце концов от идентификации с Окой, все же считал возможным видеть в описании части р. Рута отражение информации о неких реках центральной части Восточной Европы (Hudūd al-‘Alam 1937. P. 217).

Соседство внутренних болгар с моравами и русами не дает территориальной определенности, поскольку конкретные данные об обоих народах взяты из старого первоисточника. В целом же локализация страны славян — между придунайскими или приазовскими булгарами, частью русов, Черным морем и «ненаселенными пустынями севера», представленная в «Худуд ал-‘Алам», равно как и свидетельство о нахождении города Вабнит на востоке славянского мира, являются весьма неопределенными и относятся к собственным географическим воззрениям автора, основанным на переработке и анализе доступных ему письменных источников, теории, а не реальных известий (Мишин 2000).

Таким образом, более или менее конкретные сведения о славянском городе Вантит (Ва.ит) имеются только в сочинениях Ибн Русте и Гардизи. Д.Е. Мишин в диссертации «Сакалиба в исламском мире в раннее средневековье», защищенной в 1999 г. в Институте востоковедения РАН (Москва) и опубликованной в 2002 г., высказывал мысль о возможном отождествлении города Вантит с упомянутым Константином Багрянородным Витичевым (Вятичевым) на Днестре. Хотя древнерусские города возникали, как правило, в начале X в., однако сторожевой пост по охране днепровского брода — Витичев — мог возникнуть и ранее, в конце IX в. (Константин Багрянородный 1991. С. 318, примеч. 25). Впрочем, существуют и другие точки зрения: Д.А. Хвольсон предлагал идентифицировать город с Краковым, А.Я. Гаркави и А.П. Новосельцев — с Киевом, а один из вариантов, предложенных Й. Марквартом — аналогия с упомянутым Константином Багрянородным городом Самбатас, т. е. тем же Киевом (Хвольсон 1869. С. 125; Гаркави 1870. С. 264; Marquart 1903. S. 189; Новосельцев 1965. С. 394). Наиболее популярной версией, однако, является отождествление города Вантит с центром славянского племени вятичей (Westberg 1899. S. 213; Минорский 1936. С. 147; ŽA I. S. 110–111, ods. 192; Рыбаков 1969. С. 189–195; 1982. С. 259; Петрухин, Раевский 1998. С. 165). Сопоставление этого имени с племенным названием сделано всеми исследователями только по созвучию, по аналогии с названным в ПВЛ «славянским родом» *вятичи* и упомянутым в письме хазарского царя Йосифа славянским народом *вннтит* (ПВЛ. Т. 1. С. 15; Коковцов 1932. С. 31 [текст], 98–99 [перев.]). Однако в первом случае речь идет о племени (*родъ*), во втором — о народе (*умма*), тогда как во всех трех арабо-персидских источниках называется именно город — *мадина*, *шахр*, для областей применяется термин *балад*.

Если же отвлечься от магии сходства слов *вантит* — *вятичи*, можно в форме *вантит* заметить и общую архаичную форму, восходящую

к латинскому имени народа *венеды*, от которой произошли названия множества городов — от Вены до Вентспилса. Название *вятичи* тоже могло иметь основой этот этникон, да и сами вятичи, по летописному преданию, пришли на восток славянского мира с запада, «от ляхов».

Таким образом, идентификация города Вантит арабо-персидских источников с городским центром вятичей основана скорее на историографической традиции, нежели на серьезном анализе источников, которые при ближайшем рассмотрении не дают оснований для такого вывода. Тем более не стоит привязывать даже самые ярко выраженные археологические памятники (Пряхин, Беседин, Разуваев, Цыбин 1997)¹⁹³ к трудно идентифицируемым топонимам письменных источников.

Обращаясь к материалам о втором городе, резиденции главы славян, мы сталкиваемся, как и почти 150 лет назад, с необходимостью интерпретации имени вождя славян и названия его столицы.

В трудах Ибн Русте и Гардизи вторая часть имени главы славян передана буквами м.л.к., что может означать *малик*, т. е. «царь». Д.А. Хвольсон предложил конъектуру: изменить букву *м* на *б*, поскольку, как он писал, слово, означающее «царь», «тут не дает смысла» (Хвольсон 1869. С. 139). Несмотря на то, что многие, после Д.А. Хвольсона, высказывали сомнение в правомерности конъектуры, версия первого издателя Ибн Русте не может быть отброшена. Дело в том, что форма «Свйит-малик» не органична для арабского языка: нормой должно быть «Свйит ал-малик». Вероятно, подстановка «малик» вместо «б.л.к.» была произведена самим автором «Анонимной записки», и сделана она была потому, что в следующей фразе, зафиксированной Ибн Русте и ал-Марвази, о наличии верховых животных у главы славян, последний назван именно «малик». Отсутствие этой приставки у других авторов, передававших «Записку», свидетельствует не о более точной передаче имени, как полагали некоторые ученые (Заходер 1967. С. 134–135), а

---

¹⁹³ Там же указано, что ранее были опубликованы и другие работы: Пряхин 1992; 1993а; 1993б; 1996. В самих названиях этих статей отражена мысль об отождествлении комплекса поселений на Дону близ Воронежа, относящегося к так наз. боршевской культуре вятичей, с городом Вантит славян, о котором упоминается в средневековых арабо-персидских источниках. Основанием для отождествления послужила гипотеза, высказанная ранее акад. Б.А. Рыбаковым, о положении упомянутого города Вантит на пути из Булгара в Киев. Нисколько не умаляя важности, необходимости и огромного значения для науки и культуры изучения и сохранения археологических памятников, нисколько не сомневаясь в правильности и важности тезиса Б.А. Рыбакова о большом значении сухопутного пути из Булгара в Киев, отмечу, что решительная идентификация топонимов, встречающихся в восточных средневековых источниках, требует очень большой осторожности.

напротив, о неприятии, непонятности для арабских авторов слова «малик» (без артикля после имени Свийт. Вариант «Худуд ал-'Алам», заинтересовавший Б.Н. Заходера — «Б.смут Свит» — еще Ф. Вестбергом был объяснен искаженной передачей арабского выражения «йусаммунаху Свийт», т. е. «называют его Свийт» (Заходер 1967. С. 135; Вестберг 1908. С. 11–12). Старая гипотеза, наиболее разработанная Т. Левичким, побуждает считать, что речь может идти о Святополке Великоморавском (870–894) (Charmoy 1834. P. 29; Хвольсон 1869. С. 139–140; BGA VII. P. 145, note “a”; Marquart 1903. S. 470–472; Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi 1942. P. 117–118 [comment.]; Hudūd al-'Alam 1937. P. 427–432; Lewicki 1968. S. 363–376).

Название города приводится в источниках по-разному: Дж.р.ваб, Дж.равт, Хордаб; в сочинении ал-Марвази встречается еще вариант: Х.дж.рат. Многие ученые склонялись к мысли, что под этими искажениями скрывается одноименное название племенного центра хорват, белых или восточноевропейских (Новосельцев 1965. С. 394). Однако если этот город являлся резиденцией Святополка Великоморавского, то следует вернуться к идее Д.А. Хвольсона и принять версию искаженной арабской передачи названия моравской столицы — Градист (Hradistje) (Хвольсон 1869. С. 142).

Данные о столице славян у Гардизи и ал-Марвази стоят в связи с упоминаниями о набегах мадьяр на славян и обычае последних укрываться в крепостях. Если считать информацию о нападениях мадьяр более старой и близкой к оригиналу, можно предположить, что речь все же идет о восточноевропейских славянах и их правителе по имени Свя(е)т. Не соглашаясь с предположением Д.А. Хвольсона, Б.Н. Заходер пришел к выводу, что арабские написания столицы весьма напоминают славянское слово «градъ» (Заходер 1967. С. 139). Нельзя согласиться с совершенно произвольной идентификацией города с упомянутым в «Поучении» Владимира Мономаха Крыдном в земле вятичей, поскольку и этот вывод, и сопоставление упомянутых выше славян арабо-персидских источников с вятичами основаны на неверном анализе данных «Худуд ал-'Алам» (Рыбаков 1982. С. 261. Хотя бы определение местопребывания царя славян «в середине страны» должно навести на серьезные сомнения в таких сопоставлениях). Однако версия, что «Анонимная записка» говорит об одном из восточноевропейских славянских правителей и его «граде» имеет право на существование, хотя более точной информации не имеется.

«ФИХРИСТ» ИБН АН-НАДИМА (X в.) О ПИСЬМЕ
И ПИСЬМЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ ВОСТОЧНО-
И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ¹⁹⁴

Автор этой книги имеет несколько вариантов имен¹⁹⁵. Его полное генеалогическое имя — Мухаммад б. Исхак б. Мухаммад б. Исхак ан-Надим. Его обиходное имя — Абу-л-Фарадж б. Аби Йа'куб ал-Варрак. Краткие формы — Ибн ан-Надим или ан-Надим — позднего, книжного происхождения (Полосин 1989. С. 69). Еще один вариант: Абу-л-Фарадж Мухаммад ибн аби Йа'куб Исхак ал-Надим, или, иначе, Ибн ан-Надим (Wellisch 1986. P. 7; Сериков 2016. С. 42, с неточными ссылками в примеч. 1; Sellheim, Zakeri 2018. P. 475). Есть и такие версии: Абу-л-Фарадж Мухаммад б. Аби Йа'куб Исхак ал-Варрак ал-Багдади Ибн ан-Надим (Fück 1986. P. 895); Абу-л-Фарадж Мухаммад ибн Исхак ибн Абу Йа'куб ибн ан-Надим ал-Варрак ал-Багдади (Арабские источники 1965. С. 81); Абу-л-Фарадж Мухаммад ибн Исхак ибн Мухаммад ибн Исхак (The Fihrist 1970. P. 15). Варианты имени зависят от различного написания в рукописях и трудах средневековых арабских литераторов, упоминавших его произведение (Полосин 1989. С. 69–76; Сериков 2014. С. 456, примеч. 4). Сведений о нем немного; дата рождения — 935 г. (The Fihrist 1970. P. 15; Fück 1986. P. 895) или не ранее 937/938 г. (Арабские источники 1965. С. 81; Wellisch 1986. P. 6); умер в 990 г. (Wellisch 1968. P. 10; Полосин 1989. С. 66–67; Sellheim, Zakeri 2018. P. 477).

Ибн ан-Надим был переписчиком книг и книготорговцем (*ал-варрак*), как и его отец; жил он главным образом в Багдаде, некоторое время был в Мосуле; полагают, что он был шиитом (Goldzier 1882. S. 285–286; Крачковский 1957. С. 238–239; Wellisch 1968. P. 14; The Fihrist 1970; Fück 1986. P. 895; Sellheim, Zakeri 2018. P. 477).

---

¹⁹⁴ Впервые опубликовано: ДГ, 2017–2018 гг.: Ранние формы и функции письма. М., 2019. С. 383–405.

¹⁹⁵ Я выражаю глубокую благодарность тюркологам П. Голдену, Ф. Асадову, И.Л. Кызласову за консультации по вопросам тюркской истории и письма; встречающиеся в примечаниях и переводах имена этих ученых без ссылок на их труды объясняются частной перепиской. Я благодарю также коллегу В.В. Тишина за присланный мне список интересных трудов по теме.

Арабская культура Средневековья поначалу жила на устной передаче поэтических текстов; затем, особенно в связи с возникновением ислама, важную роль стала играть письменная передача информации о пророке Мухаммаде и его изречениях в Коране (Brockelmann 1909. S. 1–58; Гибб 1960; Фильштинский 1977; Шидфар 2011). Особенностью арабских трудов периода ислама являются многочисленные ссылки на очевидца, рассказчика, слушателя, другого информанта, что должно было придать особый вес передаваемым свидетельствам и убедить в достоверности известий о Мухаммаде (*хадисы*). Перечисления лиц, которые передавали друг другу тексты о речениях и поступках Мухаммада, а позднее о походах, о халифах и военачальниках, назывались *иснадами* (Robson 1997. P. 207; Али-Заде 2007. С. 163; Кузнецов 2007. С. 60–62). При этом проверить, действительно ли существовали личности, на которых ссылается автор того или иного произведения, удастся далеко не всегда (Халидов 1985. С. 98–121).

Плеяда ремесленников занималась распространением и размножением трудов по богословию, литературе, философии, наукам. Переписчик (*варрак*) копировал рукописи, следил за качеством письма и почерком, изготовлением переплетов, продажей писчих принадлежностей, бумаги. В Багдаде, Каире, Дамаске, Кордове и других крупных городах существовали целые ряды и лавки мастерских *варраков*. К ним обращались поэты, писатели, ученые, богословы и все те, кому необходимо было переписать или приобрести рукопись или канцелярские принадлежности (Мец 1966. С. 149–150; Халидов 1985. С. 123–140; Полосин 1989. С. 79–83). Иной раз копированием своей книги занимались и сами литераторы, не гнушаясь рукописной работой (Халидов 1985. С. 123–140).

Слово «фихрист» по-персидски означает «каталог» (Brockelmann 1909. S. 111); «оглавление», «указатель» (Бартольд 1966. Т. 6. С. 255; Полосин 1989. С. 52); «опись», «индекс» (Сериков 2016. С. 42). В одной из рукописей Университета Лейдена название приведено таким образом: «Список сведений о древних и новых писателях и названия их сочинений всех наук». Книга Ибн ан-Надима относится к жанру библиографии, нечасто в арабской средневековой литературе (Сериков 2016. С. 47).

Труд Ибн ан-Надима содержит множество имен и названий трудов арабских географов. Они упоминаются в разделах о математиках, историках, литераторах и пр. Специальный раздел для географической литературы не был выделен, поскольку Ибн ан-Надиму не был присущ интерес к этой дисциплине, что характерно и для общего развития науки того времени. Если математико-астрономическая география

уже выделилась в самостоятельную отрасль, то описательная география входила как часть в труды самых разных жанров — «Книги путей и стран» (как у Ибн Хордадбеха), сочинения типа *адаба*, т. е. развлекательную литературу (как у Ибн ал-Факиха), энциклопедии (как у Ибн Руста или ал-Мас‘уди; впрочем, оба автора включали и *адаб* в свои книги); как полагают современные историки, ал-Истахри, Ибн Хаукал и ал-Мукаддаси были уже географами и картографами, по первоначальному замыслу интересовавшимися лишь странами ислама, хотя выходящими за эти рамки. Но труды всех указанных жанров включали данные об административном делении, экономике и налогах, культуре и религии, т. е. описательная география еще не стала отдельным направлением науки, по крайней мере в глазах Ибн ан-Надима (Sturm 1986. S. 23; Durak 2010. P. 289). Ибн ан-Надим вводил сведения исторического и географического характера в тех случаях, когда ему надо было подчеркнуть связь информации с письмом или письменностью того или иного народа. Такими сведениями были, например, свидетельства монаха из Наджрана о Китае, поездка Абу Дулафа в X в. к токузогузам и в Китай, данные ар-Рази о Китае; рассказы ал-Кинди об Индии, Будде, храмах в Балхаре и Мултани и др. (The Fihrist 1971. S. 16–17, 345–350; Ferrand 1913. P. 118–136; Крачковский 1957. С. 239). Упоминания тюрков, волжских булгар, хазар, алан, русов могли быть связаны с информацией авторов трудов по описательной географии, которых называл Ибн ан-Надим, — Ибн Хордадбеха, ал-Мас‘уди, ал-Балхи и др.; часть произведений, упомянутая Ибн ан-Надимом, не сохранилась или дошла до нас в незаконченном виде (Sturm 1986. S. 24–31). Перечисление имен и заглавий сочинений географов, однако, не означает, что сам Ибн ан-Надим имел соответствующие географические познания — он лишь передавал встреченные им примеры сведений, которыми обладали упоминаемые им ученые.

На основе довольно большого количества известных в XIX в. рукописей и фрагментов труда Ибн ан-Надима немецким востоковедом Г. Флюгелем было подготовлено издание критического текста, которое было осуществлено уже после его кончины ориенталистами Й. Рёдигером и А. Мюллером (Kitab al-Fihrist 1871–1872). Позже в Стамбуле были найдены еще три рукописи; в хранилищах Индии обнаружались новые списки сочинения. Перед учеными встал вопрос, какие из них должны стать основой полной публикации труда, и проблема эта затруднила появление нового критического издания (Крачковский 1957. С. 238; Полосин 1989. С. 24–28). В 1965 г. появился перевод памятника на персидский язык Р. Таджуддина, основанный на вновь от-

крытых рукописях, но выбор их чтений при переводе был субъективным, а также отсутствовал научный аппарат, что снизило ценность данного издания (Полосин 1989. С. 29). Позднее тем же издателем был опубликован арабский текст произведения Ибн ан-Надима, в основу которого было положено издание Г. Флюгеля, но присутствовали поправки и были учтены материалы ряда новых рукописей. Тем не менее текстологическая работа была недостаточной, равно как и научно-критический инструментарий (Там же).

Американский востоковед Б. Додж в 1970 г. предпринял перевод произведения Ибн ан-Надима на английский язык. Автор основывался на издании Г. Флюгеля, включив поправки, материалы рукописей, открытых со времени указанного издания, и снабдив книгу предисловием, указателями и библиографией (The Fihrist 1970). Однако и здесь не оказалось строго научного обоснования некоторых правок, а комментарии зачастую мало обоснованы. В целом недостаточная текстологическая работа, предшествовавшая всем существующим изданиям и переводам, требует новой критической публикации «Фихриста».

«Фихрист» Ибн ан-Надима является источником важнейших сведений об арабских авторах и их сочинениях, а в целом — об истории арабской средневековой литературы первых четырех веков ислама (Бартольд 1966. С. 255; Полосин 1989. С. 3). Помимо такой ценности труда, в нем имеются важнейшие уникальные данные о письме и письменности самых разных народов, не относящихся к арабам, которые сопровождалась краткими, впрочем, не всегда ясными, пояснениями использования того или иного письма и в ряде случаев — примерами алфавита, иной раз в искаженном виде.

В монографии о «Фихристе» Ибн ан-Надима ее автор Вал.В. Полосин отметил, что он придерживается следующей терминологии: «письменность» — это совокупность литературных, общественно-политических, научных письменных произведений; «письмо» — это процесс записи, технические и графические способы записи (Полосин 1989. С. 100, примеч. 4). В данной публикации я стараюсь придерживаться этой же терминологии.

Произведение Ибн ан-Надима начинается с введения — восхваления Аллаха, испрашивания Его милости и помощи в работе. Автор пишет о своем труде, что «это перечень книг всех народов, арабов и неарабов, тех из них, что существуют [написанными] на арабском языке и арабским письмом по разным наукам; а также известия об их сочинителях, о разрядах их составителей, об их родословных, годах рождения, продолжительности жизни, времени смерти, местах

их жизни и об их достойных и порицаемых качествах — от начала каждой науки и до нашего времени, а именно до 377 года по хиджре» (987/88 г. н. э.) (Kitab al-Fihrist 1871. P.2; Крачковский 1957. С. 238; Полосин 1989. С. 7). Во вводной главе книги Ибн ан-Надима рассказано о системах письма разных племен и народностей, религиозных сообществах, о священных писаниях некоторых из них. В первой главе (*макала*), первом параграфе (*фанн*), сообщается об арабском письме в доисламскую и мусульманскую эпоху. Далее автор освещает, иногда кратко, иногда детально, системы неарабских языков и письменностей: сирийского, набатейского, персидского, еврейского, греческого, лангобардского, саксонского, китайского, манихейского, согдийского, синдского, эфиопского, показывая примеры алфавитов. Отмечено отсутствие письма у африканских народов, хотя указано, что некоторые из них, тем не менее, употребляли в религиозных целях сирийское, греческое и коптское письмо. Наконец, кратко рассказано о системах письма или письменности ряда восточно- и западноевропейских народов.

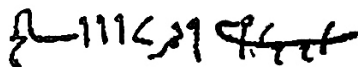
В этом фрагменте Ибн ан-Надим приводит один пример надписи, а также исторические материалы для пояснения информации о письме или письменности, что придает сведениям автора особую важность. Перевод этого фрагмента приводится ниже. Перевод выполнен по изданию Г. Флюгеля с учетом рукописи из собрания Кёпрёлю в Стамбуле¹.

Речь об *ат-Турк*² и [о тех, кто] подобен им.

Что касается *ат-турк*, *ал-б.л.г.р*, *ал-булгā*, *ал-бургаз*³, *ал-хазар*, *ал-лан*⁴, [с] маленькими глазами⁵ и слишком белых (белокожих? — *Т.К.*)⁶, то об их письме неизвестно⁷, кроме *ал-булгар* и *ат-туббат*⁸, которые пишут по-китайски и по-манихейски⁹ (*би-с-синийа ва-л-мананийа*). А *ал-хазар* пишут по-еврейски (*би-л-'ибранийа*)¹⁰. Дошло до меня знание об *ат-турк*, о чем мне рассказал Абу-л-Хасан Мухаммад бин ал-Хасан ибн Аш[и]нас¹¹. Сказал: он поведал мне, что Хаммуд, тюркский вольноотпущенник¹² [Ибн] ал-Мукли¹³, а был он из ат-Тузунийа¹⁴, который покинул свою страну из-за высокомерия и надменности¹⁵, сказал мне, что великий тюркский правитель (*малик*), если он хотел написать меньшему правителю (*малик*), вызывал своего везира и приказывал расщепить стрелу. А везир чертил на ней (половинке стрелы. — *Т.К.*) знаки, понятные знатнейшим из ат-турк, и передавал смысл, намеченный правителем и постигаемый человеком, которому он был послан¹⁶. Он¹⁷ полагал, что этот короткий рисунок передает большой смысл. Они использовали и во время перемирия, и мира, а также во время их войн. Он упомянул, что они тщательно охраняют стрелы, написанные таким образом, и возвращаются за ними¹⁸. Но Аллах знает лучше.

ар-Русийа¹⁹

Мне рассказывал один [человек], на правдивость коего я полагаюсь, что один из правителей (*мудук*) горы *ал-Кабк*²⁰ послал его к правителю (*малик*) *ар-русийа*²¹; он утверждал, что они имеют письма, вырезаемые на дереве. Он же показал мне кусок белого дерева²², на котором были изображения, не знаю, были ли это слова или отдельные буквы, подобно этому²³

*ал-Фиранджа*²⁴

Их письма похожи на греческую письменность, только они более ровные. Мы могли видеть их на франкских мечях²⁵. Королева франков написала к ал-Муктафи²⁶ письмо на белом шелке²⁷ и послала со слугой, оказавшимся в ее стране из района Магриба, [чтобы] посвататься с приданым к ал-Муктафи, она хотела выйти за него замуж. Слугу звали 'Алба (? 'Алиб(а)). Он был одним из евнухов Ибн ал-Аглаба²⁸. Вот пример их письма²⁹.

КОММЕНТАРИИ

¹ Kitab al-Fihrist 1871. S. 20; Зайцев, Морозов 2007. С. 114. В переводе фрагмента о тюрках учтен вариант Ф. Асадова.

² *Ат-турк* — тюрки, без конкретного обозначения многочисленных групп и племен, которые были известны арабским ученым IX–XII вв. (Ибн Хордадбех, Ибн ал-Факих, ал-Мас'уди, Гардизи, Махмуд Кашгарский, ал-Марвази и др.). Указание на болгар, хазар и алан как на соседей тюрков означает, что Ибн ан-Надим (или его источник) отразил общее знание западного региона обитания тюрков. К X в. эта часть тюрков использовала евроазиатское руническое письмо (кубанский, донской, ачикташский алфавиты), принадлежавшее болгаро-хазарскому ареалу (Щербак 2001. С. 22–29; Кызласов 2016. С. 252–253).

³ В издании Флюгеля первым значится написание: *ал-булгар* (*б.л.г.р*) вместо *булгār*. Это написание трактовалось как искаженное *т.г.з.з.з.* (т.е. токузогузы) (Togan Zeki Validi 1939. S. 94, Anm. 1) или как *уйгур*, поскольку последние пользовались манихейским письмом (Zimonyi 1990. P. 90). Однако Вал.В. Полосин показал, что такое написание этнонима отражает особенность ранней арабской палеографии, когда согласная буква *алиф* в слове *б.л.г.р* еще не употреблялась для передачи долгого *ā* (Полосин 1971. С. 27), что и показывает деформированное написание, вследствие чего один и тот же народ *булгār* был воспринят Ибн ан-Надимом как два разных (Там же. С. 28).

Далее следует форма *б.л.гā* с долгим *ā* без *p* на конце (Kitab al-Fihrist 1871. S. 20), вместо обычного *булгār*. В примечаниях А. Мюллера к изданию

Г. Флюгеля отмечено, что все известные кодексы дают это ошибочное написание: *б.л.гā* (Kitab al-Fihrist 1872. S. 11, Anm. 3); в рукописи из библиотеки Кёпрёлю в Стамбуле — такая же форма (Зайцев, Морозов 2005. С. 114). Она (форма *б.л.гā*) была принята Б. Доджем и прокомментирована им как этноним *Blaghā'* — *Vlachs* или *Blakia* — Валахия (The Fihrist 1970. P. 37, note 83). Это допущение произвольно; оно основано, по-видимому, на звуковом сходстве названий. Р. Спинеи, тем не менее, полностью принял вариант Б. Доджа и полагал, что имя *б.л.гā* относится к валахам-румынам (Spinei 2009. P. 83–84). Однако название народа *валадж* встречается в X в. только у одного арабского автора, Мутаххара ибн Тахира ал-Макдиси в «Книге творения и истории». Оно относится к волохам-влахам (с конъектурой *валах* вместо *валадж*), граничившим с тюрками-печенегами — возможно, к паннонским романцам на Дунае (Бейлис 1969. С. 308–310). Этот вариант написания совершенно отличен от встреченного в книге Ибн ан-Надима (т.е. *б.л.гā*). Другой этноним для обозначения народа влахов в арабских источниках имеет позднее происхождение (рубеж XIII–XIV вв.) и имеет форму *авлак* (Mishin 1997. P. 37–56), также не схожую с вариантом Ибн ан-Надима. Как верно подметил Ф. Асадов, Ибн ан-Надим не был «знатоком географии, истории и этнографических реалий. Вероятнее всего, в этом фрагменте он собрал различные книжные варианты написания имени булгар, название которых в различных источниках могло иметь различные модификации написания». Это замечание, безусловно, верно; так же полагает И. Зимони (Zimonyi 1990. P. 90). Тем не менее формы *б.л.гā* по отношению к булгарам в источниках нет. Вероятно, ошибочное написание было в протографе и перешло к переписчикам.

А.П. Ковалевский отмечал следующие варианты написания этнонима *булгар* в арабских источниках: *булгār* у Ибн Фадлана (волжские булгары), *булкār* у Ибн Руста (волжские булгары), *бургāз* (где, как полагал А.П. Ковалевский, конечное *з* вместо *р* указывает на влияние произношения тюркских языков *з*-группы) у ал-Мас'уди (волжские и приазовские булгары), *бурджāн* у него же (дунайские булгары) (Ковалевский 1954. С. 34–35). Приведенные формы отражают, по мнению А.П. Ковалевского, разницу местных диалектов, причем признаками диалектов названы чередование звонкого *з* с глухим *к* в формах *булгар* и *булкар*; перенесение ударения с последнего слога на первый и замена звуков *л* и *р* в племенном названии *булгар* соответственно на *р* и *з* в форме *бургаз* (Там же). Вал.В. Полосин не согласился с предположением А.П. Ковалевского относительно диалектных различий в указанных этнонимах. Такое различие, как указал Полосин, можно видеть только в этнониме *бургаз*. Формы *булгар* и *бургаз* восходят к названию кочевого народа *бургар*, который был упомянут в церковной истории Захарии Ритора (ок. 555 г.) (Полосин 1971. С. 28–29; см. также: Пигулевская 2000. С. 568). Форма *бургар* встречается также в трудах ал-Мас'уди (Maçoudi 1863. P. 14, 15; 1873. P. 133–134; BGA VIII. P. 67, 181, 183). Восприятие Б. Доджем имени *бургаз* как части Болгарии Дунайской (The Fihrist 1970. P. 37, note 82) может иметь формальное обоснование, поскольку в Болгарии, действительно, существует город Бургаз, а в Турции в Мраморном

море есть и остров с таким названием. Но этноним *б.р.г.з* у арабских географов скорее показывает вариант имени болгар (*бургар*).

Таким образом, вероятнее всего, Ибн ан-Надим привел встретившиеся ему в разных источниках различные формы этнонима *булгар*, которые относились к волжским булгарам (с чем согласен Ф. Асадов; см. также: Zimonyi 1990. P. 89–95), тем более что далее упоминаются народы *хазар* и *алан* как соседи последних.

⁴ (*А*)*л-лан* — аланы, упомянуты Ибн ан-Надимом после тюрков, волжских булгар и хазар как один из народов, письменность которых не известна. Речь идет о восточноевропейских аланах (донских, приазовских или северокавказских). Исследователи выяснили, что у алан имелось письмо на основе греческого, о чем свидетельствуют Зеленчукская надпись (Северный Кавказ), аланские фразы в «Теогонии» византийского писателя Иоанна Цеца (XII в.), греческий литургический манускрипт (Памятники 2016). Есть теория, основанная на расшифровке надписей на камнях, посуде, стрелах, что аланы еще в глубокой древности использовали письмо арамейского дукта, в Средние века же — салтово-маяцкого и «сиро-несторианского» дукта (Турчанинов 1990. С. 12–129). Однако была высказана обоснованная профессиональная критика этой теории (Перевалов 2011. С. 2–4).

⁵ Упоминание о «маленьких глазах» относится к народу тюрков (но не болгар, хазар и алан), они встречаются в других арабских источниках: так, об этой особенности говорят хадисы, упоминал Ибн ал-Факих (писал в 903 г.) (примеры см.: Асадов 1993. С. 13, 22); о маленьких глазах тюрков говорил ал-Мас‘уди (хотя цвет их кожи он считал красным) (BGA VIII. P. 24); он же характеризовал тюрков-огузов как народ с маленькими глазками (Maçoudi 1861. P. 212); есть такие данные и у более поздних авторов.

⁶ Указание на то, что часть тюрков белокожа, встречается в книге персидского литератора Гардизи (XI в.). Он рассказал легенду о том, что тюрки-киргизы стали такими вследствие смешения со славянами (Бартольд 1973. Т. 8. С. 46–47). Возможно, эта легенда имеет старинное происхождение, но едва ли как-то соотносится с реальностью; источник не известен.

⁷ Перевод Ф. Асадова: «мы не знаем об их письменности». Перевод Б. Доджа: «у них нет письменности» (“...have no script”) (The Fihrist 1972. P. 36–37). По изданию Г. Флюгеля: “فلا قلم لهم يعرف” (Kitab al-Fihrist 1871. P. 20). Я считаю более точным свой перевод: «об их письме неизвестно».

Несмотря на такое утверждение Ибн ан-Надима, западная ветвь тюрков пользовалась руническим письмом, оставшимся на каменных стелах. Ныне они дешифрованы: это погребальные надписи, восхваление правителей и т.д. (орхонский, енисейский, таласский алфавиты) (Кызласов 1994. С. 182; Кляшторный 2010. С. 8–101). Помимо рунического письма, о других видах письменности тюрков сообщил персидский автор Фахр ад-дин Мубаракшах (нач. XIII в.), опираясь на информацию ученых X в. Он называл две их разновидности: согдийскую и тугузгускую (т.е. уйгурскую), а также писал о существовании книг, стихотворений. Этот автор показал также буквы согдийского

алфавита (Умняков 1938. С. 114; Ross 1927. P.46). Судя по этой информации, здесь речь идет о развитой письменности восточной ветви тюрков.

⁸ Ат-Туббат — Тибет. В VII в. была создана тибетская письменность, основой которой явилось древнеиндийское слоговое письмо (Рерих 2001. С. 19; Парфионович 2007. С. 10–11). Сообщение Ибн ан-Надима об использовании населением Тибета китайской и манихейской письменностей, следовательно, ошибочно, хотя автор этого утверждения мог спутать незнакомые ему алфавиты.

Волжские булгары также не прибегали к китайской и манихейской письменностям. Есть предположение, что Ибн-ан-Надим (или его источник) имел в виду руническое письмо, которое было принято за китайскую и манихейскую письменности, поскольку знаки внешне могли казаться схожими (Давлетшин 1990. С. 114). Волжские булгары использовали булгаро-хазарское или тюркское руническое письмо северокавказского варианта, о чем свидетельствуют археологические находки (Давлетшин 2006. С. 557–558; Кызласов 2006. С. 253). Хотя оно было распространено в Волжской Булгарии, со временем насущной необходимостью стала государственная письменность. Арабским вариантом ее, видимо, пользовался царь булгар Алмуш в переписке с халифом ал-Муктадиром (895–932) о введении ислама. Ибн ан-Надим в одной из глав упоминал о том, что в библиотеке халифа ал-Ма'муна (913–933) была книга вопросов царя булгар (*булгар*) к ал-Ма'муну об исламе и единобожии (Kitab al-Fihrist 1871. P. 116). Официально ислам был принят Алмушем в 20-х гг. X в., по сведениям Ибн Фадлана. Впрочем, арабские географы утверждали, что часть булгар исповедовала ислам и до этого времени: Ибн Руста (нач. X в.), ал-Истахри (30-е гг. X в.), ал-Мас'уди (перв. пол. X в.) писали, что булгары уже были мусульманами, у них были мечети и школы с муэдзинами и имамами (BGA I. P. 220; BGA VII. P. 141), что предполагает использование арабской письменности (Гагин 2011. С. 159).

⁹ Манихеи — последователи религии, основанной Мани в III в. н.э. в государстве Сасанидов. Письменность также изобрел сам Мани. Позднее она была распространена в Древнеуйгурском, Древнехакасском государствах, в районах Центральной и Средней Азии (Бартольд 1963. Т. 2, ч. 1. С. 216–219; Кызласов 1988. С. 8–35; Виденгрэн 1993; Sundermann 1993. S. 39–45). Ибн ан-Надим в отдельной главе уделил специальное внимание манихейской письменности, полагая, что она произошла от сирийского и иранского письма. О культе Мани им было отмечено, что он был распространен в Мавераннахре и Согде (Kitab al-Fihrist 1871. P. 18–17; The Fihrist 1970. P. 32–33).

¹⁰ О том, что хазары, принявшие иудаизм, использовали древнееврейские письменность и язык, известно из сохранившихся памятников на этом языке: переписки хазарского царя Иосифа с испанским сановником Хасдаем ибн Шапругом, Кембриджского документа, письма из еврейской общины Киева и др. (Кокочков 1932; Голб, Прицак 1997/5757). Ибн ан-Надим посвятил отдельную главу древнееврейской письменности, приведя в ней алфавит с арабскими эквивалентами (Kitab al-Fihrist 1871. P. 15–14; The Fihrist 1970. P. 27–28) и показав тем самым связь между этими семитскими языками. В этой главе, однако, не упомянуты хазары.

Данные о хазарском письме имеются в труде персидского историка Фахр ад-дина Мубаракшаха Мерверруди (нач. XIII в.), но его сведения не похожи на материалы Ибн ан-Надима: «У хазар тоже есть письмо, которое происходит от русского; ветвь народа румийцев (греков), живущая около них, употребляет это письмо, и они называют румийцев русами. Они пишут слева направо, буквы не соединяются между собой. Букв всего 22; <больше букв нет>; большая часть этих хазар, которые употребляют это письмо — иудеи» (перев.: Бартольд 1968. Т. 5. С. 466). В.В. Бартольд полагал, что «русское происхождение приписывается хазарскому алфавиту, вероятно, по недоразумению» (Там же). Происхождение алфавита, показанного Мубаракшахом Мерверруди, связывалось с русским докириллическим письмом или глаголицей (Там же; Умняков 1938. С. 113; Захoder 1967. С. 152–153, примеч. 87; Высоцкий 1985. С. 119–120). Была также высказана не поддержанная историками теория о связи этого алфавита с неким изводом аланского письма (Турчанинов 1990. С. 173). Все вышеуказанные предположения являются недоказанными.

На территории Хазарии и близлежащих районов использовалось также руническое письмо, которое не дешифровано. Попытки понять его с помощью тюркских языков, в том числе их булгаро-чувакской ветви, не привели к положительному результату (Эрдаль 2005. С. 127–137). Недавно возникла гипотеза о близости хазарского рунического письма к дигорской норме осетинского языка — варианту праосетинского, частично же — к нахским языкам (Мудрак 2016. С. 195; 2017. С. 384–385). Однако она также вызвала критику (Пейрос 2017. С. 417–418; Тишин 2017. С. 456–457). Таким образом, хазарские руны по-прежнему нельзя считать дешифрованными.

Помимо прочего, на территории салтово-маяцкой археологической культуры, связываемой археологами с Хазарией, как и в более широком ареале, были найдены знаки и метки на строительных материалах, граффити на тарной керамике, иной раз в виде букв греческого и кириллического алфавита, однако большая часть знаков не соответствуют символам какой-либо письменности, а имеет собственную специфику (Флёрва 1997; 2005. С. 153–167).

¹¹ По предположению П. Голдена, Абу-л-Хасан Мухаммад ибн ал-Хасан ибн Ашнас, возможно, был сыном (по мнению Ф. Асадова, внуком по имени Ибн АшИнас), тюркского военачальника Ашнаса ат-Тюрки (АшИнаса?), занимавшего высокие государственные должности при халифах ал-Му‘тасиме (834–842) и ал-Васике (842–847). В данном случае я не касаюсь проблемы имени, происхождения и истории тюркского рода Ашина, который возглавлял государство хазар.

¹² Хаммуд ал-Хирар: Хаммуд — имя; ал-Хирар — в примечаниях к изданию Флюгеля есть несколько вариантов перевода (Kitab al-Fihrist 1872. S. 11, nota 3), близких к предположениям П. Голдена (производные от корня *х.р.р* или *х.з.з* — «ткач шелком», «сапожник», или «жаркий», «горячий»), однако определенности в понимании не было. Ф. Асадов предложил принятый мной перевод: «тюркский вольноотпущенник», поскольку одно из значений производного от этого глагола — «свободный».

¹³ *Ат-турки ал-мукли* — П. Голден предположил, что слово *ал-мукли* надо читать: *ал-малки*, т.е., возможно, «тюркский царский или даже царь». По предположению же Ф. Асадова, под именем *ал-Мукли* имеется в виду Абу Али ибн Мукла, трижды бывший везиром при халифах ал-Муктадире (895–932), ал-Кахире (895–950) и ар-Ради (934–940). Умер в 937/38 г.

¹⁴ *Ат-Тузуниа* — происхождение или принадлежность к племени или группе — *ат-Туруниа* (по изданию Флюгеля), *ат-Тузуниа* (по переводу Б. Доджа), *ал-Йаруниа* (по рукописи собрания Кёпрелю). Б. Додж предполагал, что речь может идти о низовьях Двины в России под античным названием *Turunt*, возможно, слово происходит от *Tawwaz* (? — Т.К.) (The Fihrist 1970. P.37, note 83). Это предположение мало правдоподобно, поскольку Ибн ан-Надим не выказывал особенного интереса к географии восточных областей Европы, хотя и называл имена и названия книг географов, математиков и астрологов IX–X вв., уделяя внимание некоторым географическим сведениям — рассказам путешественника X в. Абу Дулафа, монаха из Наджрана, о Китае и др. (см. выше, а также: Крачковский 1957. С. 239; Sturm 1986. S. 23–31).

В примечании к изданию Флюгеля (Kitab al-Fihrist 1872. S. 11, Anm. 4) имеется предположение, что указанный выше вольноотпущенник Хаммуд был членом группы или отряда «тюркского военачальника Тузуна, который занимал высший военный пост при халифе в середине 40-х гг. X в. Тузун со своими людьми оставил службу Мардавиджу б. Зийара (из династии гилянских Зияридов) где-то в 935 г. и перешел на службу к Аббасидам. В Багдаде сделал карьеру, ловко маневрируя между различными притязаниями на власть в халифате. Скончался в 945 г.» (примечание принадлежит Ф. Асадову).

¹⁵ «Высокомерие и надменность», как полагает Ф. Асадов, относятся к Мардавиджу б. Зийару (см. выше, примеч. 14), у которого служил Тузун и который был убит в 935 г. Ф. Асадов пишет: «Таким образом, Тузун покинул Гилян и поступил на службу в Ирак, сначала к Ибн Раику в Васите, а затем судьба его привела в Багдад на самую вершину аббасидской военной иерархии».

¹⁶ Доставка письменной информации посредством надписей на половине деревянной стрелы имеет сходство, хотя и не аналогию, с архаическими письменными документами на дереве. В Азии — это руны на деревянных палочках, пластинках, бирках (таласская палочка с руноподобными резам, длинные круглые расщепленные палки в согдийских архивах, деревянные бирки с енисейским письмом); бытовали надписи на дереве и расщепленных палочках и в Европе (Новгород, Старая Ладога, Берген) (Истрин 1965. С. 92; Кызласов 1998. С. 75–76). Хотя и не близкие, аналоги подтверждают достоверность данных Ибн ан-Надима. Ф. Асадов полагает, что в этом известии речь идет о некоей тайнописи, что не противоречит вышеуказанным сведениям.

¹⁷ По предположению Ф. Асадова, вероятно, первоисточник сообщения о стрелах и надписях — Хаммуд ал-Мукли.

¹⁸ Примечание Ф. Асадова: «В тексте: *يفون*. Это, вероятно, глагол *فاء* в настоящем времени, 3 л., мн. ч., т.е. в такой же форме, что и однородный с ним глагол *ихтафаза* (бережно хранить). Спряжение таких глаголов со слабой ко-

ренной в середине (пустой глагол) и последней коренной хамзой составляло сложность для написания и прочтения. Я думаю, здесь грамматическая ошибка автора или переписчика, а может, и принятый закономерный переход от *يؤون* к *يئون*. Разломанные концы стрел при совмещении могли составлять полный текст, или же просто доказывали аутентичность надписи на отправленной половине стрелы. Отправителю имело смысл востребовать стрелу обратно и для контроля, и для исключения ее повторного использования с обманной целью».

¹⁹ *Ар-русийа* — прилагат. от *ар-рус* — «русы, русские». Такое обозначение народа русов часто встречается в арабских источниках: у Ибн Руста, Ибн Мискавайха, Гардизи, анонимного автора «Границы мира» и др. Перевод фрагмента на русский язык имеется в сборнике А.Я. Гаркави (Сказания 1870. С. 244).

²⁰ Гора *ал-Кабк* — Кавказ.

²¹ Еще А.Я. Гаркави, комментируя сюжет, писал: «факт отправления одним кавказским властителем посольства к русскому князю до 987 года не подает ни малейшего повода к сомнению. Из показаний Масуди, Ибн-Хаукаля, Якута, Ибн-аль-Атира и других арабских писателей нам известно о трех походах Русских на юг к Кавказу и на Закавказье в продолжение X века. Из летописи Несторовой узнаем, что Святослав покорил кавказских Ясов и Касогов. В X же веке Тмутараканское княжество, соседнее с Кавказом, подчинилось русской власти. Имеются у нас также многочисленные известия о торговле Русских с югом. Что же после этого удивительного, что кавказские владетели имели сношения и посылали посольства к Русским?» (Гаркави 1870. С. 243–244). За прошедшие 150 лет источники, рассказывающие или только затрагивающие проблемы политических и военных связей Руси с горцами Кавказа, были подробно исследованы учеными. Не увеличивая список литературы, приведу далеко не полный перечень имен только российских историков, занимавшихся этим сюжетом в разных аспектах: Х. Френ, Б. Дорн, В.В. Бартольд, В.Ф. Минорский, М. Тебеньков, А.В. Гадло, Б.А. Рыбаков, А.Ю. Якубовский, М.И. Артамонов, А.П. Новосельцев, А.Н. Сахаров, О. Прицак, В.Я. Петрухин, И.Г. Коновалова, Т.М. Калинина, И.Г. Семенов; список можно продолжать до бесконечности, особенно если добавить имена западноевропейских ученых. Множественность исследований свидетельствует о том, что источник Ибн ан-Надима не ошибся, когда сообщил о политических связях властителей Руси и Кавказа.

²² Белое дерево — это, вероятнее всего, береста, надписи на которой известны и изучены ныне, а численность их перевалила за 1200. Большинство берестяных грамот найдено в Новгороде, но имеются они и в других городах Древней Руси (Вологде, Смоленске, Твери, Москве и др.) (Черепнин 1968; Янин 1998; Янин, Зализняк, Гиппиус 2015).

²³ Этот фрагмент впервые появился в русской научной литературе, когда Г. Флюгель, готовивший к изданию труд Ибн ан-Надима, переслал его (по рукописи начала XIII в.) известному востоковеду, работавшему в России, Х.М. Френу. Х. Френ опубликовал и перевел его на немецкий язык (Fraehn 1836. S. 513); он же опубликовал этот материал по-русски (Френ 1836. С. 50–59).

Русский перевод был опубликован в 1870 г. в известном сборнике А.Я. Гаркави (Сказания 1870. С. 240). Приведенный здесь мой вариант перевода почти не отличается от представленного А.Я. Гаркави, кроме нескольких слов, измененных для лучшего восприятия в наши дни, и выделения мною курсивом арабских вариантов некоторых названий для пояснения.

Вал. В. Полосин писал, что рукопись начала XI в. была временно утрачена, но рукопись начала XIII в. и копии с фрагментом надписи русов сохранились в библиотеке Кёпрёлю в Стамбуле, что впоследствии подтвердилось (Полосин 1989. С. 20–25; Зайцев, Морозов 2007. С. 113–115). И.В. Зайцев и Д.А. Морозов показали вариант надписи из рукописи, которую авторы исследовали в Стамбуле. Он не совсем аналогичен приведенному Х.М. Френем, как и показанному в издании Г. Флюгеля (см. выше) (Зайцев, Морозов 2005. С. 114):

Поскольку рисовал буквы арабский писец, некоторые из них напоминают арабский шрифт, несколько знаков схожи с арабским написанием числа 9; знаки в конце фразы напоминают арабское “الْخ”: «и так далее», что, как писал Х. Френ, может означать или добавление автора, или решение переписчика завершить на этом месте перерисовывать непонятные для него знаки (Fraehn 1836. S. 517, Anm. 26, 519; Френ 1836. С. 51, 54, примеч. 59). Буквы, перерисованные копиистами, имеют характерный для XII–XIII вв. круглый почерк, прорисовки же рукописи XI в. отмечены угловатостью. Элементы надписи в процессе переписывания, вероятно, заменялись более привычными арабам буквами, близкими к арабскому шрифту (Зайцев, Морозов 2005. С. 115).

С момента введения этого текста в научный оборот историки, филологи, равно как и люди, далекие от гуманитарных наук, но считающие себя вправе толковать надпись, старались ее расшифровать. А.Я. Гаркави указывал на попытки исследователей сблизить ее с синайскими надписями, скандинавскими рунами, а также сообщал о том, что ряд историков объявлял буквы необъяснимыми или вымышленными (Гаркави 1870. С. 243). В дальнейшем было множество попыток толкования. Среди наиболее популярных — предположение, что надпись является докириллическим письмом типа «черт» и «резов», о которых писал в конце IX — начале X в. черноризец Храбр (Истрин 1965. С. 445). Буквы не сравнимы ни с греческими, ни с латинскими, ни с кириллическими, ни с глаголическими (Там же). Наиболее известные попытки дешифровки подвергнуты обоснованной профессиональной критике (Полининченко 2013). Окончательного ответа пока нет.

²⁴ *Ал-Фиранджа* — франки. В X в. ал-Мас‘уди писал: «Румийа (здесь: Рим. — Т. К.) — это столица величайшего царства франков в древности и новое время»; «правителю Рима покорны прочие виды франков из числа галисийцев, гасконцев, басков, германцев (? *арманджас*), большая часть славян (*ас-сакалиба*), болгар (*бургар*) и других, и тех народов, которые исповедуют христианство» (BGA VIII. P. 181–182). В трудах ал-Мас‘уди и Ибн ан-Надима

отразилось представление арабских ученых о Риме как центре западноевропейских христианских народов, в ареал которого входили франки (о других сведениях ал-Мас'уди о франках см.: Крюков 1987).

²⁵ Имеется в виду латиница. Именно латиницей сделаны надписи на франкских мечах, массовое изготовление которых в мастерских на среднем Рейне восходит ко времени Карла Великого, производились они и в IX–XII вв. (Кирпичников 1997. С. 117). Мечи такого типа с выполненными латинским маюскулом надписями выковывались в разных странах Европы (Кирпичников 1966. С. 12, 21, 25, 37).

В.В. Бартольд отметил, что мусульманский мир не был знаком с латинским языком; едва ли сам Ибн ан-Надим мог читать упомянутое им письмо (Бартольд 1966. С. 607). В связи с этим интересен рассказ из сочинения врача Ибн Аби Усайби'и (ум. 1270) о присланной в 949 г. византийским императором Романом II (938–963) ко двору правителя Испании 'Абд ар-Рахмана ибн ан-Насира III (929–961) книги Диоскорида (I в.) о растениях и лекарственных средствах на греческом языке и одного из трудов Орозия (V в.) на латыни. 'Абд ар-Рахману пришлось просить Романа прислать к его двору переводчиков, поскольку у него не было знатоков ни греческого, ни латинского языков. Среди них оказались монах Николу и Хасдай ибн Шапрут ал-Исра'или, известной своей перепишкой с царем Хазарии Иосифом (Васильев 1902. Прил. С. 141).

Таким образом, едва ли могут быть сомнения в том, что известие Ибн ан-Надима о «франкской письменности» относится к латинице.

²⁶ Ал-Муктафи был халифом в 902–908 гг. «Королевой франков», как показал востоковед К.А. Иностранцев, была патрицианка Феодора, жена консула и сенатора Рима Феофилакта, фактическая правительница Рима с 904 г., пославшая в 905/906 г. халифу ал-Муктафи послание и ценные подарки. Иностранцев нашел такие данные в антологии Ала ад-Дина ал-Бехаи ал-Гузули ад-Димашки (ум. 1412/1413 г.). Перевод с французского языка, на который был переведен К.А. Иностранцевым этот фрагмент с арабского, выглядит так: «Королева франков сделала подарок в 293 г. (905–906 г.) халифу аль-Муктафи Биллаху в виде пятидесяти шпаг; пятидесяти копий; пятидесяти лошадей; двадцати позолоченных платьев; двадцати красивых сицилийских рабов; десяти больших собак, равных по силе львам; шести соколов; семи кречетов; шелкового шатра с двадцатью тремя фраками из шерсти, сотканного из морских ракушек с переливающимися волшебными оттенками всех цветов радуги; трех птиц из земли франков, которые при виде отравленной пищи издавали предупреждающие крики и хлопали крыльями, чтобы присутствующие это заметили; жемчужин для безболезненного извлечения острых предметов (стрел, копий и шпаг) из ран. Посол представил ему (халифу. — К. И.) ее письмо и ее подарки. В письме говорилось: “Я знаю, что ты являешься союзником императора Константинополя, но я могущественнее его, у меня больше войска, я сильнее в войне; в моем подчинении находятся двадцать четыре королевства, язык которых не похож ни на какой другой; вся Западная Римская империя (*Великая Румия*. — В. Б.) слушается меня и подчиняется мне”» (Inostrancev 1911–1912.

Р. 82). Перевод К.А. Иностранцева привлек внимание В.В. Бартольда, который тоже опубликовал фрагмент, но не весь, а лишь письмо «королевы франков» (Бартольд 1966. Т. 6. С. 442). В.В. Бартольд позднее обратил внимание на приведенные выше сведения Ибн ан-Надима, в которых тоже, хотя вкратце, упоминается об этом посольстве, и тоже перевел их (Бартольд 1966. Т. 6. С. 605). У Ибн ан-Надима имеются сведения о желании «королевы франков» выйти замуж за халифа, чего нет у ал-Гузули, а у ал-Гузули — обширный перечень подарков для халифа, чего нет у Ибн ан-Надима. В.В. Бартольд полагал, что известие ал-Гузули не восходит к материалам Ибн ан-Надима; оба автора опирались на некий более ранний источник (Там же). Целью посольства могло быть желание привлечь военные силы арабов. Оба исследователя полагали, что могущество Феодоры было сильно преувеличено (Inostrancev 1911–1912. Р. 84; Бартольд 1966. Т. 6. С. 442, 604–608). Странным также кажется предложение замужества со стороны Феодоры, которая уже была замужем. Таким образом, возникает вопрос о подлинности известия (Там же. С. 442), хотя К.А. Иностранцев полагал, что рассказ ал-Гузули отражает некие реалии.

²⁷ О надписи на белом шелке В.В. Бартольд отметил: «Насколько мне известно, других известий о грамотах, написанных на шелке, для того времени нет» (Там же. С. 607, примеч. 20). Однако Ибн ан-Надим в другом фрагменте писал: «Греки (*ар-Рум*) пишут на белом шелке, пергамене и других [предметах], а также на египетских свитках и *ал-фулхан*, а это кожа диких ослов» (Kitab al-Fihrist 1871. Р. 21; The Fihrist 1970. Р. 39). В современной литературе встречаются данные об использовании шелка в дипломатической и договорной практике в Византии: «Завещания, описи имущества, личная переписка, а также брачные и деловые договоры показывают всё многообразие возможностей использования шелка помимо изготовления одежды» (Якоби 2014. С. 428). Судя по рассказу Ибн ан-Надима об использовании белого шелка для письма, такая практика была распространена не только при византийском, но и при итальянских дворах.

²⁸ Ибн Аглаб (Зийадегаллах III, 903–909) был последним представителем династии Аглабидов (Бартольд 1966. Т. 6. С. 605, примеч. 8; The Fihrist 1970. Р. 15, note 34).

²⁹ К сожалению, Ибн ан-Надим или переписчик его труда не привели образца «франкской» письменности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

‘Абд ар-Рахман ибн ‘Абд ал-Хакам. Завоевание Египта, Магриба и ал-Андалуса / Пер. с араб., предисл. и примеч. С.Б. Певзнера. М., 1985. [*Abd ar-Rahman ibn ‘Abd al-Hakam*. Zavoevanie Egipta, Magriba i al-Andalus (The Conquest of Egypt, the Maghreb and al-Andalus) / Ed. by S.B. Pevzner. Moscow, 1985.]

- Абу Са'ид Гардизи*. Зайн ал-Ахбар. Ташкент, 1991. [*Abu Sa'id Gardizi. Zayn al-Ahbar. Tashkent, 1991.*]
- Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969. [*Agadzhanov S.G. Ocherki istorii oguzov i turkmen Srednej Azii IX–XIII vv. (Essays on the History of the Oghuz and Turkmens of Central Asia in the 9th–13th Centuries). Ashkhabad, 1969.*]
- Ал-Бируни Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед*. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). М., 1963. [*Al-Biruni Abu-r-Rajhan Muhammed ibn Ahmed. Sobranie svedenij dlya poznaniya dragocennostej (mineralogiya) (Collection of Information for the Knowledge of Jewelry (Mineralogy)). Moscow, 1963.*]
- Ал-Бируни Абу-р-Райхан Мухаммад ибн Ахмад*. Избранные произведения. Ташкент, 1957–1976. Т. 1–6. [*Al-Beruni Abu-r-Rajhan Muhammad ibn Ahmad. Izbrannye proizvedeniya (Selected Works). Tashkent, 1957–1975. Vol. 1–6.*]
- Али-заде А.* Исламский энциклопедический словарь. М., 2007. [*Ali-zade A. Islamskij enciklopedicheskij slovar' (Islamic Encyclopedic Dictionary). Moscow, 2007.*]
- Аликберов А.К.* Ранние хазары (до 652/653 г.), тюрки и Хазарский каганат // Хазары: Миф и история. М.; Иерусалим, 2010. С. 42–65. [*Alikberov A.K. Rannie hazary (do 652/653 g.), tyurki i Hazarskij kaganat (Early Khazars (before 652/653), the Turks and the Khazar Khaganate) // Hazary: Mif i istoriya. Moscow; Jerusalem, 2010. S. 42–65.*]
- Ал-Мас'уди*. Золотые копи и россыпи самоцветов (История Аббасидской династии: 749–947) / Сост., пер. с араб., примеч., коммент. и указ. Д.В. Миккульского. М., 2002. [*Al-Mas'udi. Zolotyje kopi i rossypj samocvetov (Istoriya Abbasidskoj dinastii: 749–947) (Meadows of Gold and Mines of Gems (History of the Abbasid Dynasty: 749–947)) / Ed. by D.V. Mikulskiy. Moscow, 2002.*]
- Амелькин А.О.* Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV — первой половины XVI в. (по материалам памятников агиографии и фольклора). Воронеж, 2008. [*Amel'kin A.O. Tatarskij vopros v obshchestvennom soznanii Rossii konca XV — pervoj poloviny XVI v. (po materialam pamjatnikov agiografii i fol'klora) (The Tatar Question in the Public Consciousness of Russia at the End of the 15th — the first half of the 16th Century (Based on Materials from the Monuments of Hagiography and Folklore)). Voronezh, 2008.*]
- Ангелов Д.* Образуване на българската народност. София, 1981. [*Angelov D. Obrazuvane na b''lgarskata narodnost (Education of the Bulgarian nation). Sofia, 1981.*]
- Арабские источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары VII–X веков. М.; Л., 1967. [*Arabskie istochniki po etnografii i istorii Afriki yuzhnee Sahary VII–X vekov (Arabic Sources on the Ethnography and History of Sub-Saharan Africa of the 7th — 10th Centuries). Moscow; Leningrad, 1967.*]
- Арабские источники X–XIII вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары / Подгот. тестов и переводы В.В. Матвеева и Л.Е. Куббеля. М.; Л., 1965. [*Arabskie istochniki X–XIII vv. po etnografii i istorii Afriki yuzhnee Sahary / Podgot. testov i perevody V.V. Matveeva i L.E. Kubbelya. M.; L., 1965.*]

- (Arabic Sources of the 10th — 13th Centuries on the Ethnography and History of Sub-Saharan Africa) / Ed. by V.V. Matveev, L.E. Kubbel. Moscow; Leninrad, 1965.]
- Арабские источники XIII–XIV вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары / В.В. Матвеев, Л.Е. Куббель, М.А. Толмачева при участии Н.А. Добронравина. М., 2002. [Arabskie istochniki XIII–XIV vv. po etnografii i istorii Afriki yuzhnee Sahary (Arabic Sources of the 13th — 14th Centuries on the Ethnography and History of Sub-Saharan Africa) / Ed. by V.V. Matveev, L.E. Kubbel, M.A. Tolmacheva, N.A. Dobronravin. Moscow, 2002.]
- Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. 2-е изд.: СПб., 2002. [Artamonov M.I. Istoriya hazar (The History of the Khazars). Leningrad, 1963; 2nd ed. St.-Peterburg, 2002.]
- Арциховский А.В. Одежда // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951. Т. 1. С. 234–262. [Arcihovskij A.V. Odezhda (Clothes) // Istoriya kul'tury Drevnej Rusi. Moscow; Leningrad, 1951 Vol. 1. S. 234–262.]
- Асадов Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку, 1993. [Asadov F.M. Arabskie istochniki o tyurkah v rannee srednevekov'e (Arabic Sources on the Turks in the Early Middle Ages). Baku, 1993.]
- Атлас. Българските земи в средновековната арабописмена картографска традиция (IX–XIV вв.) / Под ред. проф. С. Кендерова и проф. д.ф.н. А. Стоянов. София: Национална библиотека Свв. Кирилл и Методий, 2011. [Atlas. B'lgarskite zemi v srednevekovnata arabopismena kartografska tradiya (IX–XIV vv.) (The Bulgarian Lands in the Medieval Arabic Cartographic Tradition (9–14 Centuries)) / Ed. by S. Kenderov, A. Stoyanov. Sofia, 2011.]
- Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963–1977. Т. I–IX. [Bartold V.V. Sochineniya (Works). Moscow, 1963–1977. Vol. I–IX.]
- Бартольд В.В. Кят // Бартольд В.В. Работы по исторической географии. М., 2002. С. 475. [Bartold V.V. Kyat // Bartold V.V. Raboty po istoricheskoy geografii (Works on Historical Geography). Moscow, 2002. S. 475.]
- Бейлис В.М. Арабские авторы IX — первой половины X в. о государственности и племенном строе народов Европы // ДГ, 1985 г.: Материалы и исследования. М., 1986. С. 140–149. [Beilis V.M. Arabskie avtory IX – pervoj poloviny X v. o gosudarstvennosti i plemennom stroe narodov Evropy (Arabic Authors of the 9th – First Half of the 10th Century on Statehood and Tribal System of the Peoples of Europe) // Drevnejshie Gosudarstva Vostochnoj Yevropy, 1985: Materialy i issledovaniya. Moscow, 1986. S. 140–149.]
- Бейлис В.М. Ал-Мас'уди о русско-византийских отношениях в 50-х годах X в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 21–31. [Beilis V.M. Al-Mas'udi o russko-vizantijskih otnosheniyah v 50-h godah X v. (Al-Mas'udi on Russian-Byzantine Relations in the 950s) // Mezhdunarodnye svyazi Rossii do XVII v. Moscow, 1961. S. 21–31.]
- Бейлис В.М. Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX–X вв. // Ближний и Средний Восток / Под ред. И.А. Фалиной. М., 1962.

- C. 22–62. [*Beilis V.M. Svedeniya o Chernom more v sochineniyah arabskikh geografov IX–X vv. (Information on the Black Sea in the Works of Arabic Geographers of the 9th — 10th Centuries) // Blizhnij i Srednij Vostok / Ed. by I.A. Falina. Moscow, 1962. S. 22–62.*]
- Бейлис В.М.* Народы Восточной Европы в кратком описании Мутаххара ал-Макдиси (X в.) // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1969. Т. 2. С. 304–311. [*Beilis V.M. Narody Vostochnoj Evropy v kratkom opisanii Mutahkhara al-Makdisi (X v.) (The Peoples of Eastern Europe in the Brief Description of Mutahhar al-Makdisi (10th Century) // Vostochnye istochniki po istorii narodov Yugo-Vostochnoj i Central'noj Evropy. Moscow, 1969. T. 2. S. 304–311.*]
- Бейлис В.М.* Ал-Идриси (XII в.) о Восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // ДГ, 1982 г.: Материалы и исследования. М., 1984. С. 208–229. [*Beilis V.M. Al-Idrisi (XII v.) o Vostochnom Prichernomor'e i yugovostochnoj okraine russkikh zemel' (Al-Idrisi (12th Century) on the Eastern Black Sea Coast and the Southeastern Outskirts of the Russian Lands) // Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy, 1982: Materialy i issledovaniya. Moscow, 1984. S. 208–229.*]
- Бибиков М.В.* Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. СПб., 2001. [*Bibikov M.V. Vizantijskie istochniki po istorii drevnej Rusi i Kavkaza (Byzantine Sources on the History of Ancient Russia and the Caucasus). St.-Petersburg, 2001.*]
- Бибиков М.В.* Byzantinorossica: свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. Ч. 1. [*Bibikov M.V. Byzantinorossica: svod vizantijskikh svidetel'stv o Rusi (Corpus of Byzantine Evidences on Rus'). Moscow, 2004. Vol. 1.*]
- Бичурин И.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. [*Bichurin I.Ya. Sbranie svedenij o narodah, obitavshih v Srednej Azii v drevnie vremena (Collection of Information about the Peoples who Lived in Central Asia in Ancient Times). Moscow; Leningrad, 1950.*]
- Блаватская Т.В.* Западнопонтийские города. М., 1952. [*Blavatskaya T.V. Zapadnopontijskie goroda (West-Pontic Cities). Moscow, 1952.*]
- Богданова Н.М.* Херсон в X–XV вв. // Причерноморье в средние века / Под ред. С.П. Карпова. М., 1991. С. 104–116. [*Bogdanova N.M. Herson v X–XV vv. (Kherson in the 10th — 15th Centuries // Prichernomor'e v srednie veka / Ed. by S.P. Karpov. Moscow, 1991. S. 104–116.*]
- Божилев И.А.* България и печенезите (896–1018) // Исторически преглед. София, 1973. Год. 29. Кн. 2. С. 34–56. [*Bozhilov I.A. B'lgariya i pechenezite (Bulgaria and the Pechenegs) (896–1018) // Istoricheski pregled. Sofia, 1973. 29. Book 2. S. 34–56.*]
- Бойко К.А.* Арабская историческая литература в Египте. М., 1983. [*Bojko K.A. Arabskaya istoricheskaya literatura v Egipte (Arabic Historical Literature in Egypt). Moscow, 1983.*]
- Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока. М., 1984. [*Bol'shakov O.G. Srednevekovyj gorod Blizhnego Vostoka (Medieval City in the Middle East). Moscow, 1984.*]

- Большаков О.Г.* Византия и Халифат в VII–X вв. // Византия между Западом и Востоком: опыт исторической характеристики / Под ред. Г.Г. Литаврина. СПб., 2001. С. 368–372. [*Bol'shakov O.G.* Vizantiya i Halifat v VII–X vv. (Byzantium and the Caliphate in the 7th — 10th Centuries // *Vizantiya mezhdud Zapadom i Vostokom: opyt istoricheskoy harakteristiki* / Ed. by G.G. Litavrin. St.-Petersburg, 2001. S. 368–372.)]
- Большаков О.Г.* История Халифата. М., 2010. Т. IV: Апогей и падение арабского Халифата. [*Bol'shakov O.G.* Istoriya Halifata. Vol. IV. Apogey i padenie arabskogo Halifata (History of the Caliphate. Vol. IV. The Apogee and Fall of the Arab Caliphate). Moscow, 2010.]
- Брим В.А.* Путь из варяг в греки // Изв. АН СССР. VII сер. Отделение обществ. наук. Л., 1931, № 2. С. 201–247. [*Bril V.A.* Put' iz varyag v greki (The Road from the Varangians to the Greeks) // *Izvestiya AN SSSR. VII ser. Otdelenie obshchestvennyh nauk.* Leningrad, 1931, № 2. S. 201–247.]
- Бубенок О.Б.* Источники сведений автора «Худуд ал-'Алам» о «буртасах» и «барадзасах» // ВЕДС. М., 2009. Вып. XXI: Автор и его источник: Восприятие, отношение, интерпретация. С. 35–40. [*Bubenok O.B.* Istochniki svedenij avtora «Hudud al-'Alam» o «burtasah» i «baradzasah» (Sources of Information of the Author of *Khudud al-'Alam* about the 'Burtas' and 'Baradzas') // *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e.* Moscow, 2009. Vol. XXI: Avtor i ego istochnik: Vospriyatie, otnoshenie, interpretaciya. S. 35–40.]
- Булгаков П.Г., Розенфельд Б.А., Ахмедов А.А.* Мухаммад ал-Хорезми. М., 1983. [*Bulgakov P.G., Rozenfeld B.A., Ahmedov A.A.* Muhammad al-Horezmi. Moscow, 1983.]
- Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Археологические памятники Древней Руси. IX–X вв. Л., 1978. [*Bulkin V.A., Dubov I.V., Lebedev G.S.* Arheologicheskie pamyatniki Drevnej Rusi. IX–X vv. (Archaeological Monuments of Ancient Russia. 9–10 Centuries). Leningrad, 1978.]
- Буряков Ю.Ф.* Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975. [*Buryakov Yu.F.* Istoricheskaya topografiya drevnih gorodov Tashkentskogo oazisa (The Historical Topography of the Ancient Cities of the Tashkent Oasis). Tashkent, 1975.]
- Вайнштейн С.И., Крюков М.В.* Об облике древних тюрок // Тюркологический сборник к 60-летию А.Н. Кононова. М., 1966. С. 177–187. [*Vajnshtejn S.I., Kryukov M.V.* Ob oblike drevnih tyurkov (On the Appearance of the Ancient Türks) // *Tyurkologicheskij sbornik k 60-letiyu A.N. Kononova.* Moscow, 1966. S. 177–187.]
- Валеев Р.М.* Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX — начала XIII веков. Казань, 1995. [*Valeev R.M.* Volzhskaya Bulgariya: torgovlya i denezhno-vesovye sistemy IX — nachala XIII vekov (Volga Bulgaria: Trade and Monetary Systems of the 9th — Early 13th Century). Kazan', 1995.]
- Васильев А.А.* Византия и арабы за время Македонской династии. СПб., 1902. Ч. 2. Приложения; Ч. 3. [*Vasil'ev A.A.* Vizantiya i araby za vremya Makedon-

- skoj dinastii (Byzantium and the Arabs in the Times of the Macedonian Dynasty). St.-Petersburg, 1902. Part 2. Appendix; Part 3.]
- Васильев А.А.* История Византийской империи. Время до Крестовых походов. СПб., 1998. [*Vasil'ev A.A.* Istoriya Vizantijskoj imperii. Vremya do Krestovykh pohodov (History of the Byzantine Empire before the Crusades). St.-Petersburg, 1998.]
- Васильевский В.Г.* Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского // *Васильевский В.Г.* Труды. СПб., 1915. Т. III. С. 95–96. [*Vasil'yevskiy V.G.* Zhitiya svv. Georgiya Amastridskogo i Stefana Surozhskogo (The Lives of St. George of Amastris and St. Stephan of Surozh) // *Vasil'yevskiy V.G.* Trudy (Works). St.-Petersburg, 1915. Vol. III. S. 95–96.]
- [*Велиханова Н.М.*] Комментарии // *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / Пер. с араб., комм., исследование, указатели и карты Н. Велихановой. Баку, 1986. С. 142–338. [*Velihanova N.M.*] Kommentarii (Commentaries) // *Ibn Hordadbekh.* Kniga putej i stran / Ed. by N. Velihanova. Baku, 1986. S. 142–338.]
- Вестберг Ф.* К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. Новая серия. СПб., 1908. Ч. 13–14. С. 12–371. [*Vestberg F.* K analizu vostochnykh istochnikov o Vostochnoj Evrope (To the Analysis of Eastern Sources about Eastern Europe) // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya.* New Series. St.-Petersburg, 1908. Part 13–14. S. 12–371.]
- Виденгрэн Г.* Мани и манихейство / Перев. С.В. Иванов. М., 2001. [*Viden-gren G.* Mani i manihejstvo (Mani and Manichaeism) / Transl. by S.V. Ivanov. Moscow, 2001.]
- Волин С.* К истории древнего Хорезма // ВДИ. 1941, № 1. С. 192–196. [*Volin S.* K istorii drevnogo Horezma (To the History of Ancient Khorezm) // *Vestnik drevnej istorii.* 1941, № 1. S. 192–196.]
- Высоцкий С.А.* Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985. [*Vysockij S.A.* Kievskie graffiti XI–XVII vv. (Kiev Graffiti of the 11th — 17th Centuries). Kiev, 1985.]
- Гагин И.А.* Система образования в домонгольской Волжской Булгарии // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. 2011, № 1 (5). С. 158–161. [*Gagin I.A.* Sistema obrazovaniya v domongol'skoj Volzhskoj Bulgarii (The Education System in the Pre-Mongol Volga Bulgaria) // *Vektor nauki Tol'yattinskogo gos. universiteta.* 2011, № 1 (5). S. 158–161.]
- Галкина Е.С.* Кавказские войны VII–VIII вв. и возвышение Хазарии // Восток (Oriens). 2006, № 4. С. 5–20. [*Galkina E.S.* Kavkazskie vojny VII–VIII vv. i vozvyshenie Hazarii (Caucasian Wars of the 7th — 8th Centuries and the Growth of Khazaria) // *Vostok (Oriens).* 2006, № 4. S. 5–20.]
- Гараева Н.* Арабские географы и путешественники о Волжской Булгарии // История татар с древнейших времен в семи томах. Казань, 2006. Т. II: Волжская Булгария и Великая Степь. С. 676–839. [*Garaeva N.* Arabskie geografy i puteshestvenniki o Volzhskoj Bulgarii (Arabic Geographers and Travelers about the Volga Bulgaria) // *Istoriya tatar s drevnejshih vremen v semi tomah.* Kazan', 2006. Vol. II: Volzhskaya Bulgariya i Velikaya Step'. S. 676–839.]

- Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. С половины VII в. до конца X в. СПб., 1870. [*Garkavi A.Ya.* Skazaniya musul'manskih pisatelej o slavyanah i russkih. S poloviny VII v. do konca X v. (Tales of Muslim Writers about the Slavs and the Russians. From the Half of the 7th Century until the End of the 10th Century). St.-Petersburg, 1870.]
- Гаркави А.Я.* Дополнение к сочинению «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских». СПб., 1871. [*Garkavi A.Ya.* Dopolnenie k sochineniyu «Skazanie musul'manskih pisatelej o slavyanah i russkih» (Supplement to the Essay *Tales of Muslim Writers about the Slavs and the Russians*). St.-Petersburg, 1871.]
- Гаркави А.Я.* Неизданное свидетельство Масуди о походе русских на Цареград // ЖМНП. 1872, № 4 (апрель). С. 222–223. [*Garkavi A.Ya.* Neizdannoe svidetel'stvo Masudi o pohode russkih na Tsaregrad (Masudi's Unpublished Testimony on the Russian Expedition to Constantinople) // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1872, № 4 (April). S. 222–223.]
- Гаркави А.Я.* Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе // Труды IV археологического съезда. Казань, 1877. Т. 2. С. 240–244. [*Garkavi A.Ya.* Krymskij poluostrov do mongol'skogo nashestiya v arabskoj literature (The Crimean Peninsula before the Mongol Invasion in Arabic Literature) // *Trudy IV arheologicheskogo s'ezda*. Kazan', 1877. Vol. 2. S. 240–244.]
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А.* Огузы и печенеги в Евразийских степях. Уфа, 2001. [*Garustovich G.N., Ivanov V.A.* Oguzy i pechenegi v Evrazijskih stepyah (The Oguzes and the Pechenegs in the Eurasian Steppes). Ufa, 2001.]
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. [*Gajdukevich V.F.* Bospor'skoe carstvo (The Kingdom of Bosphorus). Moscow; Leningrad, 1949.]
- Гельмольд.* Славянская хроника / Предисл., пер. и примеч. Л.В. Разумовской. М., 1963. [*Gelmold.* Slavyanskaya hronika (*The Chronicle of the Slavs*) / Ed. by L.V. Razumovskaya. Moscow, 1963.]
- Географическая карта мира ал-Хорезми по книге «Сурат ал-арз» / Введ. и интерпретация карты С.Р. Джафри; ввод. исслед. Ю.С. Мальцева; предисл. и ред. К.С. Айни. Душанбе, 1985. [*Geograficheskaya karta mira al-Khorezmi po knige «Surat al-ard»* (Geographical World Map of al-Khorezmi According to the Book *Surat al-ard*) / Ed. by S.R. Dzhafrî, Yu.S. Mal'cev, K.S. Ajni. Dushanbe, 1985.]
- Гибб Х.А.Р.* Арабская литература. Классический период. М., 1960. [*Gibb H.A.R.* Arabskaya literatura. Klassicheskij period (The Arabic Literature. Classical Period). Moscow, 1960.]
- Гиргас В.Ф.* Словарь к арабской хрестоматии и Корану. Казань, 1881. [*Girgas V.F.* Slovar' k arabskoj hrestomatii i Koranu (Vocabulary to the Arabic Reader and the *Quran*). Kazan', 1881.]
- Гмыря Л.Б.* Страна гунов у Каспийских ворот. Махачкала, 1995. [*Gmyrya L.B.* Strana gunnov u Kaspijskih vorot (The Country of the Huns at the Caspian Gate). Mahachkala, 1995.]
- Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим,

1997. [Golb N., Pritcak O. Hazarsko-evrejskie dokumenty X veka (Khazarian-Hebrew Documents of the 10th Century). Moscow; Jerusalem, 1997.]
- Голден П.Б. Государство и государственность у хазар: Власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: Структура управления и власти. М., 1993. С. 217–223. [Golden P.B. Gosudarstvo i gosudarstvennost' u hazar: Vlast' hazarskih kaganov (State and Statehood among the Khazars: Power of the Khazar Khagans) // Fenomen vostochnogo despotizma: Struktura upravleniya i vlasti. Moscow, 1993. S. 217–223.]
- Гончаров Е.Ю. Магриб и Херсонес: о пути африканских дирхемов в Восточную Европу // Нумизматические чтения 2009 года. Тезисы докладов и сообщений. М., 2009. С. 11–12. [Goncharov E.Yu. Magrib i Hersones: o puti afrikanskih dirhemov v Vostochnuyu Evropu (Maghreb and Chersonesos: On the Route of African Dirhams to Eastern Europe) // Numizmaticheskie chteniya 2009 goda. Tezisy dokladov i soobshchenij. Moscow, 2009. S. 11–12.]
- Греков Б.Д. Волжские болгары // Греков Б.Д. Избранные сочинения. М., 1959. Т. 2. С. 540–542. [Grekov B.D. Volzhskie bolgary (The Volga Bulgarians) // Grekov B.D. Selected Works. Moscow, 1959. T. 2. S. 540–542.]
- Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Под ред. проф. Н.Н. Дьякова. СПб., 1999. С. 75–302. [Grigor'ev A.P., Frolova O.B. Geograficheskoe opisaniye Zolotoj Ordy v enciklopedii al-Kalkashandi (Geographical Description of the Golden Horde in the Encyclopedia of al-Kalkashandi) // Istoriografiya i istochnikovedeniye istorii stran Azii i Afriki / Ed. by N.N. D'yakov. St.-Petersburg, 1999. S. 75–302.]
- Грызневич П.А. Развитие исторического сознания арабов // Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М., 1982. С. 175–155. [Gryaznevich P.A. Razvitiye istoricheskogo soznaniya arabov (The Development of the Historical Consciousness of the Arabs) // Ocherki istorii arabskoj kul'tury V–XV vv. Moscow, 1982. S. 175–155.]
- Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1965. [Gulyatov Ya.G. Istoriya orosheniya Horezma s drevnejshih vremen do nashih dnei (The History of Khorezm Irrigation from Ancient Times to the Present Day). Tashkent, 1965.]
- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. [Gurevich A.Ya. Kategorii srednevekovoj kul'tury (Categories of Medieval Culture). Moscow, 1984.]
- Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура. Домонгольский период, X — начало XIII в. Казань, 1990. [Davletshin G.M. Volzhskaya Bulgariya: duhovnaya kul'tura. Domongol'skij period, X — nachalo XIII v. (Volga Bulgaria: Spiritual Culture. Pre-Mongol Period, the 10th — the Beginning of the 13th Century). Kazan', 1990.]
- Давлетшин Г.М. Письменность и просвещение в Булгарии // История татар с древнейших времен. Казань, 2006. Т. 2. С. 557–562. [Davletshin G.M.

Pis'mennost' i prosveshchenie v Bulgarii (Writing and Education in Bulgaria) // Istoriya tatar s drevnejshih vremen. Kazan', 2006. T. 2. S. 557–562.]

Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007. [*Jackson T.N., Kalinina T.M., Konovalova I.G., Podossinov A.V.* «Russkaya reka»: Rechnye puti Vostochnoj Evropy v antichnoj i srednevekovoj geografii (*The Russian River: River Routes of Eastern Europe in Ancient and Medieval Geography*). Moscow, 2007.]

Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. Imagines Mundi: античность и средневековье. М., 2013. [*Jackson T.N., Konovalova I.G., Podossinov A.V.* Imagines Mundi: antichnost' i srednevekov'e (Imagines Mundi: Antiquity and the Middle Ages). Moscow, 2013.]

Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В., Фролов А.А. Северная Евразия в картографии античности и средних веков. М., 2017. [*Jackson T.N., Konovalova I.G., Podossinov A.V., Frolov A.A.* Severnaya Evraziya v kartografii antichnosti i srednih vekov (Northern Eurasia in the Cartography of the Antiquity and the Middle Ages). Moscow, 2017.]

Димитров Б. България в средновековната морска картография XIV–XVII век. София, 1984. [*Dimitrov B.* B'lgariya v srednevekovnata morska kartografiya XIV–XVII vek (Bulgaria in the Medieval Marine Cartography of the 14th — 17th Centuries). Sofia, 1984.]

Добродомов И.Г. Этимология, контекст, значение // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974. С. 274–284. [*Dobrodotov I.G.* Etimologiya, kontekst, znachenie (Etymology, Context, Meaning) // Voprosy slovoobrazovaniya i leksikologii drevnerusskogo yazyka. Moscow, 1974. S. 274–284.]

Добродомов И.Г. Каган: титул или сравнение? // ВЕДС. М., 1995. Вып. VII: Язычество, христианство, церковь. С. 16–17. [*Dobrodotov I.G.* Kagan: titul ili sravnenie? (Kagan: a Title or a Comparison?) // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Moscow, 1995. Vol. VII: Yazychestvo, christianstvo, tserkov'. S. 16–17.]

Домановский А.Н. Візантійське місто Авідос на торгівельних шляхах руських мореплавців X ст. (історичний та історіографічний аспект) // IX Сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнар. наук. конфер. (Київ, 1–2 червня 2005 р.). Київ, 2005. С. 28–31. [*Domanovskij A.N.* The Byzantine City of Abydos on the Trade Routes of Russian Sailors of the 10th Century (Historical and Historiographical Aspect) // IX Oriental readings of A. Krymsky. Abstracts of reports of the international scientific conference (Kyiv, June 1–2, 2005). Kyiv, 2005. S. 28–31.] (a)

Домановский А.Н. Візантійське місто, що перепиняє шлях кораблям русів: Херсон чи Іерон? (до інтерпретації даних ал-Масуді) // Боспорские чтения. Сборник маг-лов конф. Керчь, 2005. Вып. 6: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды де-

стабілізацій, катастроф. С. 82–86. [*Domanovskij A.N.* Byzantine City that Blocks the Way to Russian Ships: Kherson or Hieron? (Interpretation of al-Masudi's Information) // *Bosporskie chteniya. Sbornik materialov konferencii. Kerch, 2005. Vol. 6: Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Periody destabilizacij, katastrof. S. 82–86.*] (б)

Домановський А. До локалізації місця збору мита з давньоруських купців (за даними Ібн Хордадбеха та Ібн ал-Факіха) // Український історичний збірник. Київ, 2005. Вип. 8. С. 8–12. [*Domanovskij A.* Do lokalizacii misca zboru mita z davn'orus'kih kupciv (za dannimi Ibn Hordadbekha ta Ibn al-Fakiha) (To the Localization of the Place of Duty-Collection from Ancient Russian Merchants (According to Ibn Hordadbeh and Ibn al-Faqih)) // *Ukrainian Historical Collection. Kyiv, 2005. Vol. 8. S. 8–12.*] (в)

Домановский А.М. О службе комитов (архонтов) проливов и авидиков в Византии V–IX вв. (в контексте государственного контроля и регулирования торговли) // *LAUREA. К 80-летию проф. В.И. Кадеева. Харьков, 2007. С. 147–157.* [*Domanovskij A.M.* O sluzhbe komitov (arhontov) prolivov i avidikov v Vizantii V–IX vv. (v kontekste gosudarstvennogo kontrolya i regulirovaniya trgovli) (On the Service of the Commits (Archons) of Straits and Avidics in Byzantium in the 5th — 9th Centuries (in the Context of State Control and Regulation of Trade)) // *LAUREA. К 80-letiyu prof. V.I. Kadeeva. Harkov, 2007. S. 147–157.*]

Домановський А.Н. Візантійсько-руська торгівля у творах арабських письменників IX–X ст.: елементи нової інтерпретації старих даних // Іслам і сучасний світ: Роботи учасників другого та третього Всеукраїнського конкурсу ісламознавчих досліджень молодих учених імені А. Кримського. Київ, 2009. С. 153–157. [*Domanovskij A.N.* Vizantijs'ko-rus'ka torgivlya u tvorah arabs'kih pis'mennikov IX–X st.: elementi novoi interpretacii starih danih (Byzantine-Russian Trade in the Works of Arabic Writers of the 9th — 10th Centuries: Elements of a New Interpretation of Old Data) // *Islam and the Modern World: Works of Participants of the Second and Third All-Ukrainian Competition of Islamic Studies of Young Scientists Named after A. Krymsky. Kiev, 2009. S. 153–157.*]

Древнетюркский словарь. Л., 1969. [*Drevnetyurkskij slovar' (Old Turkic Dictionary). Leningrad, 1969.*]

Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. М.; Л., 1960. Т. 1: Арабские источники VII–X вв. [*Drevnie i srednevekovye istochniki po etnografii i istorii Afriki yuzhnee Sahary. Vol. 1. Arabskie istochniki VII–X vv. (Ancient and Medieval Sources on Ethnography and History of Sub-Saharan Africa). Moscow; Leningrad, 1960. Vol. 1: Arabic Sources of the 7th — 10th Centuries.*]

Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. [*Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov (Ancient Rus' in the Light of Foreign Sources). Moscow, 1999.*]

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009. Т. I. Античные источники / Сост. А.В. Подосинов; Т. III. Восточные источники.

- Сост.: Ч. I — Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. [Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. Hrestomatiya (Ancient Rus' in the Light of Foreign Sources. An Anthology). Moscow, 2009. Vol. I. Antichnye istochniki (Antique Sources) / Ed. by A.V. Podossinov; Vol. III. Vostochnye istochniki (Eastern sources) / Ed. by T.M. Kalinina, I.G. Konovalova, V. Ya. Petrukhin.]
- Егшиэ.* О Вардане и войне армянской / Пер. И.А. Орбели. Ереван, 1971. [Egshie. O Vardane i vojne armyanskoj (About Vardan and the Armenian War) / Ed. by I.A. Orbeli. Erevan, 1971.]
- Зайончковский А.* Старейшие арабские хадисы о тюрках (VIII–XI вв.) // Тюркологический сборник. К 60-летию А.Н. Кононова. М., 1966. С. 194–201. [Zajonchkovskij A. Starejshie arabskie hadisy o tyurkah (VIII–XI vv.) (The Oldest Arabic Hadiths about the Turks (8th — 11th Centuries) // Tyurkologicheskij sbornik. K 60-letiyu A.N. Kononova. Moscow, 1966. S. 194–201.]
- Зайцев И.В., Морозов Д.А.* Неизвестный и более ранний вариант древнерусской докириллической надписи у Ибн ан-Надима // ДРВМ. 2007, № 2 (28). С. 112–115. [Zajcev I.V., Morozov D.A. Neizvestnyj i bolee rannij variant drevnerusskoj dokirillicheskoj nadpisi u Ibn an-Nadima (The Unknown and Earlier Version of the Old Russian Pre-Cyrillic Inscription by Ibn al-Nadim) // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2007, № 2 (28). S. 112–115.]
- Замятин Д.Н.* Метагеография: пространство образов и образы пространства. М., 2004. [Zamyatin D.N. Metageografiya: prostranstvo obrazov i obrazy prostranstva (Metageography: the space of images and images of space). Moscow, 2004.]
- Замятин Д.Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006. [Zamyatin D.N. Kul'tura i prostranstvo: Modelirovanie geograficheskikh obrazov (Culture and Space: Modeling Geographical Images). Moscow, 2006.]
- Замятин Д.Н.* Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, № 3. С. 26–50. [Zamyatin D.N. Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodejstvie sovremennyh humanitarnyh nauk (Humanitarian Geography: Space, Imagination and the Interaction of Modern Humanities) // Sociologicheskoe obozrenie. 2010. T. 9, № 3. S. 26–50.]
- Заходер Б.Н.* Mare Нурсанум в арабской географической литературе. М., 1960. [Zahoder B.N. Mare Нурсанум v arabskoj geograficheskoj literature (Mare Нурсанум in the Arabic Geographical Literature). Moscow, 1960.]
- Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. Т. 1: Горган и Поволжье. М., 1967. Т. 2: Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М., 1967. [Zahoder B.N. Kaspijskij svod svedenij o Vostochnoj Evrope (The Caspian Corpus of Information on Eastern Europe). Moscow, 1962. Vol. 1: Gorgan and the Volga Basin; Moscow, 1967. Vol. 2: Bulgaria, mad'yary, narody Severa, pechenegi, rusy, slavyane.]

- Ибн ал-Факих ал-Хамадани*. Ахбар ал-булдан. Фотокопия Мешхедской рукописи. ИВР РАН. [*Ibn al-Fakih al-Hamadani. Akhbar al-buldan*. Photocopy of the Mashhad Manuscript. Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences.]
- Ибн А'сам ал-Куфи*. Книга завоеваний. Баку, 1983. [*Ibn A'sam al-Kufi. Kniga zavoevanij* (The Book of Conquest). Baku, 1983.]
- Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указатели и карты Н. Велихановой. Баку, 1986. [*Ibn Hordadbekh. Kniga putej i stran* (The Book of Ways and Countries) / Ed. by N. Velihanova. Baku, 1986.]
- Иванов В.А.* Етнокультурна карта Євразійського степу за часів Ахмеда Ібн Фадлана // Східний Світ. Київ. 1995–1996. Т. 6–7. С. 88–97. [*Ivanov V.A. Etnokul'turna karta Evrazijs'kogo stepu za chaciv Ahmeda Ibn Fadlana* (Ethnocultural Map of the Eurasian Steppe in the Times of Ahmed Ibn Fadlan) // Eastern World. Kyiv, 1995–1996. T. 6–7. P. 88–97.]
- Иванов В.А.* Заволжская Печенегия и половцы // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Ранний железный век и средневековье. Самара, 2000. С. 273–286. [*Ivanov V.A. Zavolzhsкая Pechenegiya i polovtsy* (Zavolzhsкая Pechenegiya and Polovtsy) // Istorija Samarskogo Povolzh'ya s drevnejshih vremen do nashih dnei: Rannij zheleznyj vek i srednevekov'e Samara, 2000. S. 273–286.]
- Иерусалимская А.А.* «Великий Шелковый путь» и Кавказ. Л., 1972. [*Ierusalimskaya A.A. «Velikij Shelkovyj put'» i Kavkaz* (The Great Silk Road and the Caucasus). Leningrad, 1972.]
- Из сочинений Мухаммеда ал-Хорезми / Пер. и примеч. Б.А. Розенфельда // Вопросы истории естествознания и техники. 1983, № 1. С. 97–107. [*Iz sochinenij Muhammeda al-Horezmi* (From the Writings of Muhammad al-Khwarizmi) / Ed. by B.A. Rozenfeld // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 1983, № 1. S. 97–107.]
- Инадзе М.П.* Причерноморские города Колхиды. Тбилиси, 1968. [*Inadze M.P. Prichernomorskie goroda Kolkhidy* (Black Sea Cities of Colchis). Tbilisi, 1968.]
- История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. / Отв. ред. Х.Ф. Усманов. Уфа, 1996. [*Istorija Bashkortostana s drevnejshih vremen do 60-h gg. XIX v.* (The History of Bashkortostan from Ancient Times to the 1860s) / Ed. by H.F. Usmanov. Ufa, 1996.]
- История Венгрии. М., 1971. Т. 1. [*Istorija Vengrii* (The History of Hungary). Moscow, 1971. Vol. 1.]
- Истрин В.А.* Возникновение и развитие письма. М., 1965. [*Istrin V.A. Vozniknovenie i razvitie pis'ma* (The Emergence and Evolution of Writing). Moscow, 1965.]
- Калинина Т.М.* Ал-Мас'уди о расселении русов // ВЕДС. М., 1978. С. 17–48. [*Kalinina T.M. Al-Mas'udi o rasselenii rusov* (Al-Mas'udi about the Settlement of the Rus') // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Moscow, 1978. S. 17–48.]

- Калинина Т.М.* Арабский источник X в. (географический трактат «Чистых братьев») о территории СССР и сопредельных районах // ДГ, 1982 г.: Материалы и исследования. М., 1984. С. 196–208. [*Kalinina T.M.* Arabskij istochnik X v. (geograficheskiy traktat «Chistyh brat'ev») o territorii SSSR i sopredel'nyh rajonah (Arabic Source of the 10th Century (Geographical Treatise of the “Brethren of Purity”) on the Territory of the USSR and Adjacent Areas) // *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy*, 1982: Materialy i issledovaniya. Moscow, 1984. S. 196–208.] (a)
- Калинина Т.М.* Сведения ал-Хорезми о Восточной Европе и Средней Азии // ДГ, 1983 г.: Материалы и исследования. М., 1984. С. 179–200. [*Kalinina T.M.* Svedeniya al-Horezmi o Vostochnoj Evrope i Srednej Azii (Information of Al-Khwarizmi on Eastern Europe and Central Asia) // *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy*, 1983: Materialy i issledovaniya. Moscow, 1984. S. 179–200.] (б)
- Калинина Т.М.* Торговые пути Восточной Европы IX в. (по данным Ибн Хордадбега и Ибн ал-Факиха) // История СССР. 1986, № 4. С. 71–82. [*Kalinina T.M.* Torgovye puti Vostochnoj Evropy IX v. (po dannym Ibn Hordadbekha i Ibn al-Fakiha) (Trade routes of Eastern Europe in the 9th century (According to Ibn Khordadbeh and Ibn al-Fakih) // *Istoriya SSSR*. 1986, № 4. S. 71–82.]
- Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, пер., комментарий (Древнейшие источники по истории народов СССР). М., 1988. [*Kalinina T.M.* Svedeniya rannih uchenyh Arabskogo halifata. Teksty, per., kommentarij (Drevnejshie istochniki po istorii narodov SSSR) (Information of Early Scholars of the Arab Caliphate. Texts, per., Comment (The oldest sources on the history of the peoples of the USSR)). Moscow, 1988.]
- Калинина Т.М.* Арабские источники VIII–IX вв. о славянах // ДГ, 1991 г.: Материалы и исследования. М., 1994. С. 211–224. [*Kalinina T.M.* Arabskie istochniki VIII–IX vv. o slavyanah (Arabic Sources of the 8th — 9th Centuries about the Slavs) // *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy*, 1991: Materialy i issledovaniya. Moscow, 1994. S. 211–224.]
- [*Калинина Т.М.*] Ал-Фазари // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. II: VII–IX вв. С. 508–510. [*Kalinina T.M.*] Al-Fazari // *Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavyanah* (Corpus of Ancient Written Evidences on the Slavs). Moscow, 1995. Vol. II: 7th–9th Centuries. S. 508–510.]
- Калинина Т.М.* Водные пространства севера Европы в трудах арабских ученых IX–X вв. // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 84–99. [*Kalinina T.M.* Vodnye prostranstva severa Evropy v trudah arabskih uchenyh IX–X vv. (Water Spaces of Northern Europe in the Works of Arabic Scholars of the 9th — 10th Centuries // *Vostochnaya Evropa v istoricheskoy retrospektive: K 80-letiyu V.T. Pashuto*. Moscow, 1999. S. 84–99.] (a)
- Калинина Т.М.* Ал-Мас'уди о булгарах // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв.: Мат-лы Междунар. симпозиума.

Казань, 1999. С. 13–20. [*Kalinina T.M.* Al-Mas'udi o bulgarah (Al-Mas'udi on the Bulgars) // *Mezhdunarodnye svyazi, torgovye puti i goroda Srednego Povolzh'ya IX–XII vv.: Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma.* Kazan', 1999. S. 13–20.] (б)

Калинина Т.М. Восточная Европа в представлениях арабских географов IX–X вв. (водные бассейны) // *Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (история, экономика и политика).* М., 2000. С. 286–296. [*Kalinina T.M.* Vostochnaya Evropa v predstavleniyah arabskih geografov IX–X vv. (vodnye bassejny) (Eastern Europe in the World Picture of Arabic Geographers of the 9th — 10th Centuries (Water Basins)) // *Arabskie strany Zapadnoj Azii i Severnoj Afriki (istoriya, ekonomika i politika).* Moscow, 2000. S. 286–296.] (а)

Калинина Т.М. Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX–X вв. // *ДГ, 1998 г.: Памяти чл.-кorr. РАН А.П. Новосельцева.* М., 2000. С. 106–120. [*Kalinina T.M.* Zametki o torgovle v Vostochnoj Evrope po dannym arabskih uchenyh IX–X vv. (Notes on Trade in Eastern Europe According to Arabic Scholars of the 9th — 10th Centuries) // *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy, 1998: Pamyati chl.-korr. RAN A.P. Novosel'ceva.* Moscow, 2000. S. 106–120.] (б)

Калинина Т.М. Предания средневековых арабских источников об азиатской прародине хазар // *Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Мат-лы междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2000. Т. 1: Археология, этнология.* С. 249–255. [*Kalinina T.M.* Predaniya srednevekovyh arabskih istochnikov ob aziatskoj prarodine hazar (Traditions of Medieval Arabic Sources about the Asian Ancestral Home of the Khazars) // *Problemy istorii i kul'tury kochevyh civilizacij Central'noj Azii: Materialy mezhdunarodnoj nauch. konf. Ulan-Ude, 2000. Vol. 1: Archeology, Ethnology.* S. 249–255.] (в)

Калинина Т.М. Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г. // *ДГ, 1999 г.: Восточная и Северная Европа в средневековье.* М., 2001. С. 190–210. [*Kalinina T.M.* Arabskie uchenye o nashestvii normannov na Sevil'yu v 844 g. (Arabic Scholars on the Norman Attack on Seville in 844) // *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy, 1999: Vostochnaya i Severnaya Yevropa v srednevekov'e.* Moscow, 2001. S. 190–210.]

Калинина Т.М. Этиологическая и этимологическая легенды персидского писателя XI в. Гардизи о славянах // *Славяноведение.* 2002, № 4. С. 68–73. [*Kalinina T.M.* Etiologicheskaya i etimologicheskaya legendy persidskogo pisatelya XI v. Gardizi o slavyanah (Etiological and Etymological Legends of a Persian Writer of the 11th Century Guardisi about the Slavs) // *Slavyanovedenie.* 2002, № 4. S. 68–73.]

Калинина Т.М. Интерпретация некоторых известий «Анонимной записки» о славянах // *ДГ, 2001 г.: Историческая память и формы ее воплощения.* М., 2003. С. 204–216. [*Kalinina T.M.* Interpretaciya nekotoryh izvestij «Anonimnoj zapiski» o slavyanah (Interpretation of Some Evidences of the *Anonymous Note* about the Slavs) // *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj*

- Evropy, 2001: Istoricheskaya pamyat' i formy ee voploshcheniya. Moscow, 2003. S. 204–216.]
- Калинина Т.М.* Ал-хазар и ат-турк в произведениях средневековых арабо-персидских ученых // Хазары / Khazars (Евреи и славяне). М.; Иерусалим, 2005. Т. 16. С. 251–258. [*Kalinina T.M.* Al-hazar i at-turk v proizvedeniyah srednevekovykh arabo-persidskikh uchenykh (Al-Khazar and At-Turk in the Works of Medieval Arabic-Persian Scholars) // Hazary (Ievrei i Slav'ane). Moscow; Jerusalem, 2005. Vol. 16. S. 251–258.]
- Калинина Т.М.* Днепровско-донской бассейн в представлениях арабо-персидских географов IX–X вв. // ХА. Киев; Харьков, 2007. Т. 6. С. 106–119. [*Kalinina T.M.* Dneprovsko-donskoj bassejn v predstavleniyah arabo-persidskikh geografov IX–X vv. (The Dnieper-Don Basin in the Views of Arabic-Persian Geographers of the 9th — 10th Centuries) // Khazar Almanac. Kiev; Harkov, 2007. Vol. 6. S. 106–119.]
- Калинина Т.М.* Керченский пролив в представлениях арабских географов IX–X вв. // *Амелькин А.О.* Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV — первой половины XVI в. (по материалам памятников агиографии и фольклора). Воронеж, 2008. С. 33–35. [*Kalinina T.M.* Kerchenskij proliv v predstavleniyah arabskikh geografov IX–X vv. (The Kerch Strait in the Views of Arabic Geographers of the 9th — 10th Centuries) // *Amel'kin A.O.* Tatarskij vopros v obshchestvennom soznanii Rossii konca XV — pervoj poloviny XVI v. (po materialam pamyatnikov agiografii i fol'klora). Voronezh, 2008. S. 33–35.]
- Калинина Т.М.* Границы печенегов по «Анонимной записке» // ВЕДС. М., 2009. Вып. XXI: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. С. 119–125. [*Kalinina T.M.* Granicy pechenegov po «Anonimnoj zapiske» (The Borders of the Pechenegs According to *Anonymous Note*) // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Moscow, 2009. Vol. XXI: Avtor i ego istochnik: vospriyatie, otnoshenie, interpretaciya. S. 119–125.]
- Калинина Т.М.* Кораническая и устная традиция о местоположении народов Йаджудж и Маджудж // ВЕДС. М., 2010. Вып. XXII: Устная традиция в письменном тексте. С. 119–123. [*Kalinina T.M.* Koranicheskaya i ustnaya tradiciya o mestopolozhonii narodov Jadhudzh i Madzhudzh (Quranic and Oral Traditions about the Location of the Yajuj and Majuj Peoples) // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Moscow, 2010. Vol. XXII: Ustnaya tradiciya v pis'mennom tekste. S. 119–123.]
- Калинина Т.М.* Легендарные народы на краю Ойкумены (по данным арабских средневековых ученых) // История наук о Земле. М., 2011. С. 28–32. [*Kalinina T.M.* Legendarnye narody na kraju Ojkumeny (po dannym arabskikh srednevekovykh uchenykh) (Legendary Nations on the Edge of the Oecumene (According to Arabic Medieval Scholars)) // Istoriya nauk o Zemle. Moscow, 2011. S. 28–32.]
- Калинина Т.М.* Этноним «бурджан» в сочинениях арабских средневековых географов (варианты соотношения устной и письменной традиции) // ДГ,

2011 г.: Устная традиция в письменном тексте. М., 2013. С. 192–216. [*Kalinina T.M. Etnonim «burdžhan» v sočinenijah arabskih srednevekovyh geografov (varianty sootnošeniya ustnoj i pis'mennoj tradicii) (The Ethnonym Burjan in the Works of Arabic Medieval Geographers (Variants of the Correlation of Oral and Written Traditions)) // Drevnejšie gosudarstva Vostočnoj Evropy, 2011: Ustnaya tradiciya v pis'mennom tekste. Moscow, 2013. S. 192–216.] (a)*

Калинина Т.М. Сведения ал-Мас'уди и других восточных писателей о пребывании Юстиниана II у болгар и хазар // Проблемы джерелознавства, историографії та історії Сходу. Мат-ли Міжнар. наук. конфер., присвяч. 90-річчю з дня народження проф. В.М. Бейліса (1923–2001) (м. Луганськ, 15–16 травня 2013 р.). Луганськ, 2013. С. 67–71. [*Kalinina T.M. Svedeniya al-Mas'udi i drugih vostochnyh pisatelej o prebyvanii Yustiniana II u bolgar i hazar (The Information of al-Mas'udi and Other Eastern Writers about the Stay of Justinian II among the Bulgarians and the Khazars) // Problemy dzhereloznavstva istoriografi ta istorii Skhodu. Materiali mizhnarodnoy naukovoy konferencii prisyachenoj 90-richchyu z dnya narodzhennya prof. V.M. Beylisa (1923–2001). Luhansk, May 15–16, 2013. Lugansk, 2013. S. 67–71.] (6)*

Калинина Т.М., Подосинов А.В. Азовское море в античной, средневековой европейской и арабской картографии // Ad fontem / У источника: Сборник статей в честь С.М. Каштанова. М., 2005. С. 108–119. [*Kalinina T.M., Podossinov A.V. Azovskoe more v antichnoj, srednevekovoj evropejskoj i arabskoj kartografii (The Sea of Azov in Ancient, Medieval European and Arabic Cartography) // Ad fontem / U istochnika: Sbornik statej v chest' S.M. Kashtanova. Moscow, 2005. S. 108–119.]*

Караев О. Арабские и персидские источники IX–X вв. о киргизах и Киргизии. Фрунзе, 1968. [*Karaev O. Arabskie i persidskie istochniki IX–X vv. o kirgizah i Kirgizii (Arabic and Persian 9th — 10th centuries Sources about the Kyrgyz and Kyrgyzstan). Frunze, 1968.]*

Каштанов С.М. Возникновение дани в Древней Руси // От Древней Руси к России нового времени. Сборник. статей. К 70-летию А.Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 57–71. [*Kashtanov S.M. Vozniknovenie dani v Drevnej Rusi (The Emergence of Tribute in Ancient Russia) // Ot Drevnej Rusi k Rossii novogo vremeni. Sbornik. statey. K 70-letiyu A.L. Horoshkevich. Moscow, 2003. S. 57–71.]*

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли. IX–XIII вв. М.; Л., 1966. [*Kirpichnikov A.N. Drevnerusskoe oruzhie (Old Russian Weapons). Moscow; Leningrad, 1966. Vol. 1: Mechi i sabli. IX–XIII vv. (Swords and Sabers of 11th — 13th Centuries).]*

Кирпичников А.Н. Мечи с надписью ULFBERHT в Северной Европе // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. Доклады российско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. 1997. № 6. С. 116–122. [*Kirpichnikov A.N. Mechi s nadpis'yu ULFBERHT v Severnoj Evrope (Swords with the Inscription ULFBERHT in Northern Europe) // Slavyane i finno-ugry.*

- Arheologiya, istoriya, kul'tura. Doklady rossijsko-finlyandskogo simpoziuma po voprosam arheologii. 1997. № 6. S. 116–122.]
- Киселева М.В.* Печенежский фактор в развитии отношений на Великом Шелковом пути в VIII — 70-е годы IX в. // ВЕДС. М., 2008. Вып. XX: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. С. 87–91. [Kiseleva M.V. Pechenezhskij faktor v razvitii otnoshenij na Velikom Shelkovom puti v VIII — 70-e gody IX v. (The Pecheneg Factor in the Development of Relations along the Great Silk Road in the VIII Century to the 870s) // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Moscow, 2008. Vol. XX: Transkontinental'nye i lokal'nye puti kak sociokul'turnyj fenomen. S. 87–91.]
- Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические надписи как источник по истории Средней Азии. М., 1964. [Klyashpornyj S.G. Drevnetyurkskie runicheskie nadpisi kak istochnik po istorii Srednej Azii (Old Turkish Runic Inscriptions as a Source on the History of Central Asia). Moscow, 1964.]
- Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003. [Klyashpornyj S.G. Istoriya Central'noj Azii i pamyatniki runicheskogo pis'ma (The History of Central Asia and Runic Inscriptions). St.-Petersburg, 2003.]
- Кляшторный С.Г.* Государства и народы Евразийских степей. СПб., 2004. [Klyashpornyj S.G. Gosudarstva i narody Evrazijskih stepej (States and Peoples of the Eurasian Steppes). St.-Petersburg, 2004.]
- Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010. [Klyashpornyj S.G. Runicheskie pamyatniki Ujgurskogo kaganata i istoriya evrazijskih stepej (Runic Monuments of the Uyghur Kaganate and the History of the Eurasian Steppes). St.-Petersburg, 2010.]
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004. [Klyashpornyj S.G., Sultanov T.I. Gosudarstva i narody Evrazijskih stepej. Drevnost' i srednevekov'e (States and Peoples of the Eurasian Steppes. Antiquity and the Middle Ages). St.-Petersburg, 2004.]
- [*Ковалевский А.П.*] Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / Под ред. И.Ю. Крачковского. М.; Л., 1939. [Kovalevskij A.P.] Puteshestvie Ibn Fadlana na Volgu (Ibn Fadlan's Journey to the Volga) / Ed. by I.Yu. Krachkovskij. Moscow; Leningrad, 1939.]
- Ковалевский А.П.* Чуваш и болгары по данным Ахмеда ибн Фадлана. Чебоксары, 1954. [Kovalevskij A.P. Chuvashi i bulgary po dannym Ahmeda ibn Fadlana. (The Chuvashians and the Bulgars According to the Information of Ahmed ibn Fadlan). Cheboksary, 1954.]
- Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956. [Kovalevskij A.P. Kniga Ahmeda ibn Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg. Stat'i, perevody i kommentarii (The Book of Ahmed ibn Fadlan about his Journey to the Volga in 921–922. Articles, Translations and Commentaries). Harkov, 1956.]

- Ковалевский А.П.* Славяне и их соседи в первой половине X в. по данным ал-Мас'уди // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 62–79. [*Kovalevskij A.P.* Slavyane i ih sosedi v pervoj polovine X v. po dannym al-Mas'udi (The Slavs and Their Neighbours in the First Half of the Tenth Century According to al-Mas'udi) // Voprosy istoriografii i istochnikovedeniya slavyano-germanskih otnoshenij. Moscow, 1973. S. 62–79.]
- Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959. [*Kozhemyako P.N.* Rannesrednekovyve goroda i poseleniya Chujskoj doliny (Early Medieval Cities and Settlements of the Chuy Valley). Frunze, 1959.]
- Ковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. [*Kokovcov P.K.* Evrejsko-hazarskaya perepiska v X v. (The Khazarian-Hebrew Correspondence in the 10th Century). Leningrad, 1932.]
- Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. [*Konovalova I.G.* Vostochnaya Evropa v sochinenii al-Idrisi (Eastern Europe in the Work of al-Idrisi). Moscow, 1999.] (a)
- Коновалова И.Г.* Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 111–118. [*Konovalova I.G.* Pohody rusov na Kaspij i russko-hazarskie otnosheniya (The Campaigns of the Rus' on the Caspian Sea and the Russian-Khazar Relations) // Vostochnaya Evropa v istoricheskoy retrospektive. K 80-letiyu V.T. Pashuto. Moscow, 1999. S. 111–118.] (б)
- Коновалова И.Г.* Топоним как способ освоения пространства: «Русская река» ал-Идриси // Диалог со временем. М., 2001. С. 192–219. [*Konovalova I.G.* Toponim kak sposob osvoeniya prostranstva: «Russkaya reka» al-Idrisi (Place-Names as a Means of Mastering Space: The 'Russian River' of al-Idrisi) // Dialog so vremenem. Moscow, 2001. S. 192–219.] (a)
- Коновалова И.Г.* Функции этногенеалогий в средневековых арабо-персидских источниках // ВЕДС. М., 2001. Вып. XIII: Генеалогия как форма исторической памяти. С. 94–99. [*Konovalova I.G.* Funkcii etnogenealogij v srednevekovyuh arabo-persidskih istochnikah (The Functions of Ethnical Genealogies in Medieval Arabic-Persian Sources) // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Moscow, 2001. Vol. XIII: Genealogiya kak forma istoricheskoy pamtyati. S. 94–99.] (б)
- Коновалова И.Г.* О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10: Славяне и кочевой мир. К 75-летию акад. Г.Г. Литаврина. С. 108–135. [*Konovalova I.G.* O vozmozhnyh istochnikah zaimstvovaniya titula "kagan" v Drevnej Rusi (About Possible Sources of Borrowing the Title 'Kagan' in Ancient Russia) // Slavyane i ih sosedi. Moscow, 2001. Vol. 10: Slavyane i kochevoj mir. K 75-letiyu akad. G.G. Litavrina. S. 108–135.] (в)
- Коновалова И.Г.* Черное море в описании Абу-л-Фиды // Сборник Русского исторического общества. Россия и мусульманский мир. Т. 7 (155). М., 2003.

- C. 51–57. [*Konovalova I.G. Chernoe more v opisanii Abu-l-Fidy (The Black Sea in the Description of Abu l-Fida) // Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. Rossiya i musul'manskij mir. T. 7 (155). Moscow, 2003. S. 51–57.*]
- Коновалова И.Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. Текст, перевод, комментарий. М., 2006. [*Konovalova I.G. Al-Idrisi o stranah i narodah Vostochnoj Evropy. Tekst, perevod, kommentarij (Al-Idrisi on the Countries and Peoples of Eastern Europe. Text, Translation, Commentaries). Moscow, 2006.*] (a)
- Коновалова И.Г.* Путь купцов-русов на Восток // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 9–28. [*Konovalova I.G. Put' kupcov-rusov na Vostok (The Road of the Rus' Merchants to the East) // Srednevekovaya Rus'. Moscow, 2006. Vol. 6. S. 9–28.*] (б)
- Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. Текст, перевод, комментарий. М., 2009. [*Konovalova I.G. Vostochnaya Evropa v sochineniyah arabskih geografov XIII–XIV vv. Tekst, perevod, kommentarij (Eastern Europe in the Works of Arabic Geographers of the 13th—14th Centuries. Text, Translation, Commentaries). Moscow, 2009.*]
- Коновалова И.Г.* Русы на трансконтинентальных торговых путях IX в. // ДГ, 2009 г.: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М.: Индрик, 2010. С. 88–99. [*Konovalova I.G. Rusy na transkontinental'nyh torgovyh putyakh IX v. (The Rus' on Transcontinental Trade Routes of the 9th Century) // Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy, 2009: Transkontinental'nye i lokal'nye puti kak sociokul'turnyj fenomen. Moscow, 2010. S. 88–99.*]
- Коновалова И.Г.* Пути купцов-русов: торговля и политика // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2012. Вып. 5 (13). [Электронный ресурс] URL: <https://history.jes.su/s207987840000425-6-1/> (дата обращения 20.08.2020). [*Konovalova I.G. Puti kupcov-rusov: torgovlya i politika (The Routes of the Rus' Merchants: Trade and Politics) // Istoriya. Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal. 2012. Issue 5 (13). [Electronic resource]*]
- Коновалова И.Г.* «Система координат» средневековой мусульманской географии // Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. *Imagines Mundi: античность и средневековье*. М., 2013. С. 133–277. [*Konovalova I.G. «Sistema koordinat» srednevekovoj musul'manskoj geografii (The 'coordinate system' of Muslim Medieval Geography) // Jackson T.N., Konovalova I.G., Podossinov A.V. Imagines Mundi: antichnost' i srednevekov'e. Moscow, 2013. S. 133–277.*]
- Коновалова И.Г.* Северная Евразия в исламской геокартографии // Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В., Фролов А.А. Северная Евразия в картографии античности и средних веков. М., 2017. С. 221–328. [*Konovalova I.G. Severnaya Evraziya v islamskoj geokartografii (Northern Eurasia in Islamic Geocartography) // Jackson T.N., Konovalova I.G., Podossinov A.V., Frolov A.A. Severnaya Evraziya v kartografii antichnosti i srednih vekov. Moscow, 2017. S. 221–328.*]

- Коновалова И.Г., Мельникова Е.А. Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций IX–X веков. М., 2018. [Konovalova I.G., Melnikova E.A. Drevnyaya Rus' v sisteme evrazijskih kommunikacij IX–X vekov (Ancient Russia in the System of Eurasian Communications of the 9th — 10th Centuries). Moscow, 2018.]
- Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М., 2000. [Konovalova I.G., Perkhavko V.B. Drevnyaya Rus' i Nizhneye Podunav'ye (Old Rus' and The Lower Danube Region). Moscow, 2000.]
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989. [Konstantin Bagryanorodnyj. Ob upravlenii imperiej (*De administrando imperio*) / Ed. by G.G. Litavrin, A.P. Novoselcev. Moscow, 1989.]
- Коровина Л.К. Древняя Тирамба // ВДИ. 1963, № 3. С. 126–131. [Korovina L.K. Drevnyaya Tiramba (Ancient Tiramba) // Vestnik drevnej istorii. 1963, № 3. S. 126–131.]
- Коровина Л.К. Тирамба // Сообщения Гос. музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1968. Т. 4. С. 54. [Korovina L.K. Tiramba // Soobshcheniya Gos. muzeya izobrazitel'nyh iskusstv im. A.S. Pushkina. Moscow, 1968. T. 4. S. 54.]
- Корсунский А.Р., Гунтер Р. Упадок и гибель Западной Римской Империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984. [Korsunskij A.R., Gyunter R. Upadok i gibel' Zapadnoj Rimskoj Imperii i vozniknovenie germanskih korolevstv (do serediny VI v.) (The Decline and Fall of the Western Roman Empire and the Emergence of German Kingdoms (before the Middle of the 6th Century)). Moscow, 1984.]
- Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963. [Kosven M.O. Semejnaya obshchina i patronimiya (Family Community and Patronymy). Moscow, 1963.]
- Крадин Н.Н. Археологические культуры и этнические общности // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2009. Вып. 5. С. 9–19. [Kradin N.N. Arheologicheskie kul'tury i etnicheskie obshchnosti (Archaeological Cultures and Ethnic Groups) // Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniij. Barnaul, 2009. Vol. 5. S. 9–19.]
- Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV. [Krachkovskij I.Yu. Arabskaya geograficheskaya literatura (Arabic Geographic Literature) // Krachkovskij I.Yu. Izbrannye sochineniya. Moscow; Leningrad, 1957. T. IV.]
- Кропоткин В.В. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Славяне и Русь. М., 1978. С. 113–114. [Kropotkin V.V. O topografii kladov kuficheskikh monet IX v. v Vostochnoj Evrope (On the Topography of the Hoards of Kufic Coins of the 9th Century in Eastern Europe) // Slavyane i Rus'. Moscow, 1978. S. 113–114.]
- Крюков В.Г. Этноним «бурджан» у арабских авторов IX в. // Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников ИВ АН СССР. Вопросы

- истории, идеологии, философии, культуры народов Востока. М., 1981. Т. 1: Источниковедение и историография. [*Kryukov V.G. Ethnonim 'burdzhani' u arabskikh avtorov IX v. (The Ethnonym Burdjan in the Wopks of Arabic Authors of the 9th Century) // Tezisy konferencii aspirantov i molodyh nauchnykh sotrudnikov IV AN SSSR. Voprosy istorii, ideologii, filosofii, kul'tury narodov Vostoka. Moscow, 1981. Vol. 1: Istochnikovedenie i istoriografiya.*]
- Крюков В.Г.* Сообщения анонимного автора «Ахбар аз-заман» («Мухтасар ал-‘Аджаиб») о народах Европы // ДГ, 1981 г.: Материалы и исследования. М., 1983. С. 194–208. [*Kryukov V.G. Soobshcheniya anonimnogo avtora "Ahbar az-zaman" ("Muhtasar al-'Adzhaib") o narodah Evropy (Information of the Anonymous Author of Akhbar az-zaman (Mukhtasar al-'Adzhaib) about the European Nations) // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy, 1981: Materialy i issledovaniya. Moscow, 1983. S. 194–208.*]
- Крюков В.И.* Сведения ал-Мас‘уди о народе ал-Ифранджа // Письменные памятники Востока, 1978–1979. М., 1987. С. 64–81. [*Kryukov V.I. Svedeniya al-Mas'udi o narode al-Ifranzha (Information of al-Mas'udi about the Nation of al-Ifranji) // Pis'mennye pamyatniki Vostoka, 1978–1979. Moscow, 1987. S. 64–81.*]
- Крюков В.Г.* Ал-Хуваризми про «Сарматію — землю бурджанів» та сусідні з нею «країни». Луганськ, 2009. [*Kryukov V.G. Al-Huvarizmi pro «Sarmatiyu — zemlyu burdzhani» ta susidni z neyu «kraini» (Al-Huwarizmi on "Sarmatia — the Land of the Burjans" and Neighboring "Countries"). Lugansk, 2009.*] (a)
- Крюков В.Г.* Арабская астрономическая география первой половины IX в. об Азовском море, ландшафте и населении Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии. Донецк, 2009. Т. 7: Хазарское время. С. 441–454. [*Kryukov V.G. Arabskaya astronomicheskaya geografiya pervoj poloviny IX v. ob Azovskom more, landshafte i naselenii Priazov'ya (Arabic Astronomical Geography of the First Half of the 9th Century about the Sea of Azov, the Landscape and the Population of the Azov Region) // Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. Trudy po arheologii. Doneck, 2009. Vol. 7: Hazarskoe vremya. S. 441–454.*] (b)
- Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974. [*Kuzeev R.G. Proiskozhdenie bashkirskogo naroda (The Origin of the Bashkirs). Moscow, 1974.*]
- Кузнецов В.А.* Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962. [*Kuznecov V.A. Alanskie plemena Severnogo Kavkaza (The Alan Tribes of the North Caucasus). Moscow, 1962.*]
- Кузнецов В.А.* Написать мир: структуризация прошлого в ранней арабо-мусульманской историографии // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2007. Вып. 21. С. 52–85. [*Kuznecov V.A. Napisat' mir: strukturizaciya proshlogo v rannej arabo-musul'manskoj istoriografii (To Write the World: Structuring the Past in Early Arabic-Muslim Historiography) // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii. Moscow, 2007. Vol. 21. S. 52–85.*]

- Кузнецов В.Ю. Мир единства. М., 2010. [Kuznecov V.Yu. Mir edinstva (The World of Unity). Moscow, 2010.]
- Кузнецова З.С. Легенда об олене: фольклорный характер источника // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2003. 321–334 [Kuznecova Z.S. Legenda ob olene: fol'klornyj karakter istochnika (The Legend of a Deer: the Folklore Nature of the Source) // Mnemon. Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira. St.-Petersburg, 2003. S. 321–334.]
- Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. СПб., 1899. [Kulakovskij Yu. Alany po svedeniyam klassicheskikh i vizantijskix-pisatelej (The Alans According to Classical and Byzantine Writers). St.-Petersburg, 1899.]
- Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. [Kumekov B.E. Gosudarstvo kimakov IX–XI vv. po arabskim istochnikam (The Kimaks State of the 9th — 11th Centuries According to Arabic Sources). Alma-Ata, 1972.]
- Кумекова Р.Б. Карта мира Абу Зайда ал-Балхи (X в.) как источник по истории Казахстана // Вестник КазНУ. Сер.: История. № 3 (54). Алматы, 2009. С. 63–65. [Kumekova R.B. Karta mira Abu Zajda al-Balhi (X v.) kak istochnik po istorii Kazahstana (The World Map of Abu Zayd al-Balkhi (10th Century) as a Source on the History of Kazakhstan) // Vestnik KazNU. Ser.: History. Almaty, 2009. № 3 (54). S. 63–65.]
- Кумекова Р.Б. Сведения классических арабских географов о тюркских племенах Казахстана // Сборник материалов международной научной конференции «Кипчаки Евразии: история, язык и письменные памятники» (Астана, 29–30 мая 2013 г.), посвящ. 1100-летию Кимекского государства в рамках Дней тюркской письменности и культуры / Под ред. Б.Е. Кумекова. Астана, 2013. С. 324–330. [Kumekova R.B. Svedeniya klassicheskikh arabskix geografov o tyurkskix plemenah Kazahstana (Information of Classical Arabic Geographers about the Turkic tribes of Kazakhstan) // Sbornik mat-lov mezhdunar. nauchn. konf-cii «Kipchaki Evrazii: istoriya, yazyk i pis'mennye pamyatniki» (Astana, 29–30 maya 2013 g.), posvyashch. 1100-letiyu Kimekskogo gosudarstva v ramkah Dnej tyursksoj pis'mennosti i kul'tury / Ed. by B.E. Kumekov. Astana, 2013. S. 324–330.]
- Куник А.А., Розен В.Р. Известия ал-Бекри и других мусульманских авторов о Руси и славянах. СПб., 1878. Ч. I; СПб., 1903. Ч. II. [Kunik A.A., Rozen V.R. Izvestiya al-Bekri i drugih musul'manskix avtorov o Rusi i slavyanah (The Information of al-Bekri and Other Muslim Authors about Rus' and the Slavs). St.-Petersburg, 1878. Part I; St.-Petersburg, 1903. Vol. II.]
- Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994. [Kyzlasov I.L. Runicheskie pis'mennosti evrazijskix stepey (Runic Scripts of the Eurasian Steppes). Moscow, 1994.]
- Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // Советская археология. 1998, № 2. С. 68–85. [Kyzlasov I.L. Materialy k rannej istorii tyurkov. III. Drevnejshie svidetel'stva

- о pis'mennosti (Materials for the Early History of the Turks. III. The Oldest Evidences of Writing) // Sovetskaya arheologiya. 1998, № 2. S. 68–85.]
- Кызласов И.Л.* Вопросы хазароведения // Степи Восточной Европы в средние века: сборник. памяти С.А. Плетнёвой. М., 2016. С. 249–257. [*Kyzlasov I.L.* Voprosy hazarovedeniya (The Problems of the Khazar Studies) // Stepi Vostochnoj Evropy v srednie veka: sbornik pamyati S.A. Pletnyovoj. Moscow, 2016. S. 249–257.]
- Кызласов Л.Р.* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. 8: История. 1988, № 3. С. 8–35. [*Kyzlasov L.R.* Severnoe manihejstvo i ego rol' v kul'turnom razvitii narodov Sibiri i Central'noj Azii (Northern Manichaeism and its Role in the Cultural Development of the Peoples of Siberia and Central Asia) // Vestnik MGU. Ser. 8: History. 1988, № 3. S. 8–35.]
- Кюннер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. [*Kyuner N.V.* Kitajskie izvestiya o narodah Yuzhnoj Sibiri, Central'noj Azii i Dal'nego Vostoka (Chinese Evidences on the Peoples of South Siberia, Central Asia and the Far East). Moscow, 1961.]
- Лаппо-Данилевский А.* Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его области за XI–XV вв. СПб., 1895. [*Lappo-Danilevskij A.* Kriticheskie zametki po istorii narodnogo hozyajstva v Velikom Novgorode i ego oblasti za XI–XV vv. (Critical Notes on the History of the National Economy in Great Novgorod and its Lands in the 11th — 15th Centuries). St.-Petersburg, 1895.]
- Лебедев Г.С.* Путь из варяг в греки // Вестник ЛГУ, 1975. № 20. История, язык, литература. Вып. 4. С. 37–43. [*Lebedev G.S.* Put' iz varyag v greki (The Road from the Varangians to the Greeks) // Vestnik LGU, 1975. № 20. Istoriya, yazyk, literature. Vol. 4. S. 37–43.]
- Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. [*Lebedev G.S.* Epoha vikingov v Severnoj Evrope (Viking Age in Northern Europe). Leningrad, 1985.]
- Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. [*Litavrin G.G.* Vizantiya, Bolgariya, Drevnyaya Rus' (IX — nachalo XII v.) (Byzantium, Bulgaria, Ancient Russia (the 9th — Beginning of the 12th Century)). St.-Petersburg, 2000.]
- Львов А.С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975. [*L'vov A.S.* Leksika "Povesti vremennyh let" (Vocabulary of the *Primary Chronicle*). Moscow, 1975.]
- Максимова М.П.* Античные города юго-восточного Причерноморья. М.; Л., 1956. [*Maksimova M.P.* Antichnye goroda yugo-vostochnogo Prichernomor'ya (Antique Cities of the Southeastern Black Sea Coast). Moscow; Leningrad, 1956.]
- Массон М.Е.* Прошлое Ташкента // Изв. АН УзССР. Ташкент, 1954. № 2. С. 107. [*Masson M.E.* Proshloe Tashkenta (The Tashkent Past) // Izv. AN UzSSR. Tashkent, 1954. № 2. S. 107.]

- Материалы по истории Азербайджана из Тарих ал-Камиль (Полного свода истории) Ибн ал-Асира / Перев. проф. П. Жузе. Баку, 1940. [Materialy po istorii Azerbajdzhana iz Tarih-al-kamil' (polnogo svoda istorii) Ibn-al-Asira (Materials on the History of Azerbaijan from *Tarikh al-Qamil* (The Complete History) of Ibn al-Asir) / Transl. by P. Juze. Baku, 1940.]
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л., 1939. Т. 1. [Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the History of the Turkmens and Turkmenistan). Moscow; Leningrad, 1939. T. 1.]
- Мельникова Е.А. Ранние формы торговых объединений в средневековой Северной Европе // СС. Таллинн, 1982. Т. XXVII. С. 19–29. [Melnikova E.A. Rannie formy torgovyh obyedineniy v srednevekovoj Severnoj Evrope (Early Forms of Trade Companies in Medieval Northern Europe) // Skandinavskij Sbornik. Tallinn, 1982. T. XXVII. S. 19–29.]
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // Вопросы истории. 1989, № 8. С. 24–38. [Melnikova E.A., Petrukhin V.Ya. Nazvaniye Rus' v etnokol'turnoy istorii Drevnerusskogo gosudarstva (IX–X vv.) (The Name Rus' in Ethnic and Cultural History of the Early Russian State, 9th — 10th Centuries) // Voprosy istorii. 1989, № 8. S. 24–38.]
- Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1966. [Metz A. Musul'manskij renessans (The Muslim Renaissance). Moscow, 1966.]
- Микульский Д.В. «Золотые копи...» ал-Мас'уди и их место в арабо-мусульманской словесности // Ал-Мас'уди. Золотые копи и россыпи самоцветов (История Аббасидской династии: 749–947) / Сост., пер. с араб., примеч., коммент. и указ. Д.В. Микульского. М., 2002. С. 22–30. [Mikul'skij D.V. "Zoloty kop'i..." al-Mas'udi i ih mesto v arabo-musul'manskoy slovesnosti (The Golden Mines... of al-Mas'udi and Their Place in the Arabic-Muslim Literature) // Al-Mas'udi. Zoloty kop'i i rossypi samocvetov (Istoriya Abbasidskoj dinastii: 749–947) / Ed. by D.V. Mikul'skij. Moscow, 2002. S. 22–30.]
- Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963. [Minorskij V.F. Istoriya Shirvana i Derbenda (The History of Shirvan and Derbend). Moscow, 1936.]
- Минорский В.Ф. Куда ездили древние русы? // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. С. 20–26. [Minorskij V.F. Kuda ezдили drevnie rusy? (Where Did the Ancient Rusians Travel to?) // Vostochnye istochniki po istorii narodov Yugo-Vostochnoj i Central'noj Evropy. Moscow, 1964. S. 20–26.]
- Мишин Д.Е. Правители славян в описании ал-Мас'уди // Арабский мир в конце XX века. М., 1996. С. 69–77. [Mishin D.E. Praviteli slavyan v opisanii al-Mas'udi (The Rulers of the Slavs in the Description of al-Mas'udi) // Arabskij mir v konce XX veka. Moscow, 1996. S. 69–77.]
- Мишин Д.Е. Географический свод «Худуд ал-Алам» и его сведения о Восточной Европе // Славяноведение. М., 2000, № 2. С. 52–63. [Mishin D.E. Geograficheskij svod "Hudud al-Alam" i ego svedeniya o Vostochnoj Evrope

- (Geographical Code *Khudud al-Alam* and Its Information about Eastern Europe) // *Slavyanovedenie*. Moscow, 2000. № 2. S. 52–63.]
- Мишин Д.Е.* Генеалогия на мусульманском Востоке: Материалы для историко-типологического сопоставления // ВЕДС. Вып. XIII: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2001. С. 133–135. [*Mishin D.E.* Genealogiya na musul'manskom Vostoke: Materialy dlya istoriko-tipologicheskogo sopostavleniya (Genealogy in the Muslim East: Materials for Historical-Typological Comparison) // *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e*. Moscow, 2001. Vol. XIII: Genealogiya kak forma istoricheskoy pamyati. S. 133–135.]
- Мишин Д.Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002. [*Mishin D.E.* Saqaliba (slavyane) v islamskom mire v rannee srednevekov'e (Saqaliba (the Slavs) in the Muslim World in the Early Middle Ages). Moscow, 2002.]
- Мишин Д.Е.* Викинги в мусульманской Испании // Восток (Oriens). 2003, № 5. С. 32–42. [*Mishin D.E.* Vikingi v musul'manskoj Ispanii (Vikings in Muslim Spain) // *Vostok (Oriens)*. 2003, № 5. S. 32–42.]
- Мишин Д.Е.* Джайхани и его «Книга путей и государств» // Восток (Oriens). 2009, № 1, С. 33–45. [*Mishin D.E.* Dzhayhani i ego "Kniga putej i gosudarstv" (Jayhani and his *Book of Roads and States*) // *Vostok (Oriens)*. 2009, № 1. S. 33–45.]
- Мовсес Каланкатваци.* История страны Алуанк. Ереван, 1984. [*Movses Kalankatvaci.* Istoriya strany Aluank (The History of the Country of Aluank). Yerevan, 1984.]
- Могаричев Ю.М.* Забытый источник по истории средневекового Херсонеса // АΝΑΧΑΡΣΙΣ. Памяти Ю.Г. Виноградова. Севастополь, 2001. С. 129–131. [*Mogarichev Yu.M.* Zabytyj istochnik po istorii srednevekovogo Hersonesa (A Forgotten Source on the History of Medieval Chersonesos) // АΝΑΧΑΡΣΙΣ. Pamyati Yu.G. Vinogradova. Sevastopol, 2001. S. 129–131.]
- Монгайт А.Л.* Абу Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли 1150–1153 гг. // ИСССР. 1959, № 1. С. 175–179. [*Mongayt A.L.* Abu Hamid al-Garnati i ego puteshestvie v russkie zemli 1150–1153 gg. (Hamid al-Garnati and His Journey to Russian Lands in 1150–1153) // *Istorija SSSR*. 1959, № 1. S. 175–179.]
- Мудрак О.А.* Легенды «Хазарских дирхемов», написанные восточноевропейской руникой // ВЕДС. М., 2016. Вып. XXVIII: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. С. 195–201. [*Mudrak O.A.* Legendy "Hazarskih dirhemov", napisannye vostochnoevropеjskoj runikoj (Legends on the 'Khazar Dirhams' Written in the East European Runic Script) // *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e*. Moscow, 2016. Vol. XXVIII: Pis'mennost' kak element gosudarstvennoj infrastruktury. S. 195–201.]
- Мудрак О.А.* Основной корпус восточноевропейской руники // ХА. М., 2017. Т. 15. С. 296–416. [*Mudrak O.A.* Osnovnoj korpus vostochnoevropеjskoj runiki

- (The Main Corpus of the East European Runic Inscriptions) // Khazar Almanac. Moscow, 2017. T. 15. S. 296–416.]
- Мухаммад ибн-Муса ал-Хорезми*. Избранные труды / Пер. и коммент. А. Ахмедова. Ташкент, 1983. [*Muhammad ibn-Musa al-Horezmi*. Izbrannyye Trudy (Selected Works) / Ed. by A. Ahmedov. Tashkent, 1983.] (на узб. яз.)
- Назаренко А.В.* «Путь из немец в хазары» и первые века древнерусской истории // Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1988. С. 52–57. [*Nazarenko A.V.* "Put' iz nemec v hazary" i pervyye veka drevnerusskoj istorii ("The Road 'from the Germans to the Khazars' and the First Centuries of Ancient Russian History) // Vneshnyaya politika Drevnej Rusi. Yubilejnye chteniya, posvyashchennyye 70-letiyu so dnya rozhdeniya chl.-korr. AN SSSR V.T. Pashuto. Tezisy. Moscow, 1988. S. 52–57.]
- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. [*Nazarenko A.V.* Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnyh putyakh: Mezhdisciplinarnyye ocherki kul'turnyh, torgovyh, politicheskikh svyazej IX–XII vekov (Ancient Russia on International Routes: Interdisciplinary Essays on Cultural, Commercial, Political Relations of the 9th — 12th Centuries). Moscow, 2001.]
- Негматов Н.* Государство Саманидов. Душанбе, 1965. [*Negmatov N.* Gosudarstvo Samanidov (The Samanid State). Dushanbe, 1965.]
- Негматов Н.Н.* Государство Саманидов: Мавераннахр и Хорасан в IX–X вв. Душанбе, 1977. [*Negmatov N.N.* Gosudarstvo Samanidov: Maverannahr i Horasan v IX–X vv. (The Samanid State: Maverannahr and Khorasan in the 9th — 10th Centuries). Dushanbe, 1977.]
- Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956. [*Niderle L.* Slavyanskije drevnosti (The Slavic Antiquities). Moscow, 1956.]
- Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. 2-е изд.: ДГ, 1998 г.: Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева. М., 2000. С. 264–324. [*Novoselcev A.P.* Vostochnyye istochniki o vostochnyh slavyanah i Rusi VI–IX vv. (Oriental Sources about the Eastern Slavs and the Rus' in the 6th — 9th Centuries) // Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie. Moscow, 1965. 2-e ed.: Drevnejshije gosudarstva Vostochnoj Evropy, 1998: Pamyati chl.-korr. RAN A.P. Novoselceva. Moscow, 2000. S. 264–324.] (a)
- Новосельцев А.П.* Арабский географ IX в. Ибн Хордадбех о Восточной Европе // ДГ, 1998 г.: Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева. М., 2000. С. 360–367. [*Novoselcev A.P.* Arabskij geograf IX v. Ibn Hordadbekh o Vostochnoj Evrope (The Arabic Geographer of the 9th Century Ibn Khordadbeh on Eastern Europe) // Drevnejshije gosudarstva Vostochnoj Evropy, 1998: Pamyati chl.-korr. RAN A.P. Novoselceva. Moscow, 2000. S. 360–367.] (б)

- Новосельцев А.П.* Арабские источники об общественном строе восточных славян IX — первой половины X в. (полюдь); 2-е изд.: ДГ, 1998 г.: Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева. М., 2000. С. 400–405. [*Novoselcev A.P.* Arabskie istochniki ob obshchestvennom stroe vostochnyh slavyan IX — pervoj poloviny X v. (polyud'e) (Arabic Sources on the Social Structure of the Eastern Slavs in the 9th — First Half of the 10th Century (Collecting of Tribute)); 2-е ed.: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy, 1998: Pamyati chl.-korr. RAN A.P. Novoselceva. Moscow, 2000. S. 400–405.] (в)
- Новосельцев А.П.* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // ДГ, 1998 г.: Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева. М., 2000. С. 367–379. [*Novoselcev A.P.* K voprosu ob odnom iz drevnejshih titulov russkogo knyazya (To the Question of One of the Oldest Titles of the Russian Prince) // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy, 1998: Pamyati chl.-korr. RAN A.P. Novoselceva. Moscow, 2000. S. 367–379.] (г)
- Новосельцев А.П.* "Худуд ал-Алам" как источник о странах и народах Восточной Европы // ИСССР. 1986, № 5. С. 90–103; 2-е изд.: ДГ, 1998 г.: Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева. М., 2000. С. 380–400. [*Novoselcev A.P.* "Hudud al-Alam" kak istochnik o stranah i narodah Vostochnoj Evropy (*Hudud al-Alam* as a Source about the Countries and Peoples of Eastern Europe) // Istoriya SSSR. 1986, № 5. S. 90–103; 2-е ed.: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy, 1998: Pamyati chl.-korr. RAN A.P. Novoselceva. Moscow, 2000. S. 380–400.] (д)
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. [*Novoselcev A.P.* Hazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoj Evropy i Kavkaza (The Khazar State and its Role in the History of Eastern Europe and the Caucasus). Moscow, 1990.]
- Новосельцев А.П., Паушто В.Т., Черепнин Л.В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. [*Novoselcev A.P., Pashuto V.T., Cherepnin L.V.* Puti razvitiya feodalizma (Zakavkaz'e, Srednyaya Aziya, Rus', Pribaltika (The Paths of the Development of Feudalism (Transcaucasia, Central Asia, Russia, the Baltic Region)). Moscow, 1972.]
- Оболенский Д.* Византийское содружество наций. М., 1998. [*Obolenskiy D.* Vizantiyskoye sodruzhestvo natsiy (The Byzantine Commonwealth). Moscow, 1998.]
- Памятники аланского языка и письма / Под ред. Ю.А. Дзиццоцты. М., 2016. [Pamyatniki alanskogo yazyka i pis'ma (Monuments of the Alanian Language and Literature) / Ed. by Yu.A. Dzitsoytsy. Moscow, 2016.]
- Паушто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. [*Pashuchto V.T.* Vneshnyaya politika Drevney Rusi (Foreign Policy of Ancient Rus'). Moscow, 1968.]
- Парфионович Ю.М.* Тибетский письменный язык. 4-е изд., стереотип. М., 2007. [*Parfionovich Yu.M.* Tibetskij pis'mennyj yazyk (The Tibetan Written Language). 4 ed. Moscow, 2007.]

- Пейрос И.И. О дешифровке «хазарской» руники // ХА. М., 2017. Т. 15. С. 417–418. [*Peiros I.I. O deshifrovke “hazarskoj” runiki (On the Decoding of the ‘Khazar’ Runic Script) // Khazar Almanac. Moscow, 2017. T. 15. S. 417–418.*]
- Перевалов С.М. Аланская эпитафия. I. Каталог греческих надписей // Вестн. Владикавказского научного центра. 2011, № 1. С. 2–10. [*Perevalov S.M. Alanskaya epigrafika. I. Katalog grecheskih nadpisej (The Alan Epigraphic Monuments. I. Catalog of Greek Inscriptions) // Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra. 2011, № 1. S. 2–10.*]
- Петрухин В.Я. Погребения знати эпохи викингов // СС. Таллинн, 1976. Т. XXI. С. 167. [*Petruhin V.Ya. Pogrebeniya znati epohi vikingov (Burials of the Nobles in the Viking Age) // Skandinavskij Sbornik. Tallinn, 1976. T. XXI. S. 167.*]
- Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–X вв. Смоленск; М., 1995. [*Petruhin V.Ya. Nachalo etnokul’turnoj istorii Rusi IX–X vv. (The Beginning of the Ethnocultural History of Rus’ in the 9th — 10th Centuries). Smolensk; Moscow, 1995.*]
- Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. [*Petruhin V.Ya., Raevskij D.S. Oчерki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov’e (Essays on the History of the Peoples of Russia in the Antiquity and Early Middle Ages). Moscow, 1998.*]
- Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. СПб., 2000. [*Pigulevskaya N.V. Sirijskaya srednevekovaya istoriografiya (Syrian Medieval Historiography). St.-Petersburg, 2000.*]
- М.П[иотровский]. Йаджудж и Маджудж // Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 119. [*M.P[iotrovskij]. Jadzhudzh i Madzhudzh (Jadzhudzh and Madzhudzh) // Islam. Encyklopedicheskiy Slovar’. Moscow, 1991. S. 119.*] (a)
- Пиотровский М.Б. Коранические сказания. М., 1991. [*Piotrovskij M.B. Koranicheskie skazaniya (Quranic Tales). Moscow, 1991.*] (b)
- Плетнёва С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. М., 1958. Т. 62. С. 151–226. [*Pletnyova S.A. Pechenegi, torki i polovcy v yuzhnorusskih stepyah (The Pechenegs, the Torks and the Polovtsians in the South Russian Steppes) // Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. Moscow, 1958. Vol. 62. S. 151–226.*]
- Плетнёва С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 5–72. [*Pletnyova S.A. Srednevekovaya keramika Tamanskogo gorodishcha (Medieval Ceramics of the Taman’ Settlement) // Keramika i steklo drevnej Tmutarakani. Moscow, 1963. S. 5–72.*]
- Плетнёва С.А. Кочевники средневековья: поиски исторических закономерностей. М., 1982. [*Pletnyova S.A. Kochevniki srednevekov’ya: poiski istoricheskikh zakonornostej (Nomads of the Middle Ages: In Search of Historical Patterns). Moscow, 1982.*]
- Плетнёва С.А. Саркел и Шелковый путь. Воронеж, 1996. [*Pletnyova S.A. Sarkel i Shelkovyj put’ (Sarkel and the Silk Road). Voronezh, 1996.*]

- Плетнёва С.А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 1999. [Pletnyova S.A. Ocherki hazarskoj arheologii (Essays on the Khazar Archeology). Moscow; Jerusalem, 1999.]
- Плетнёва С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. Воронеж, 2003. [Pletnyova S.A. Kochevniki yuzhnorusskikh stepej v epohu srednevekov'ya (Nomads of the South Russian Steppes in the Middle Ages). Voronezh, 2003.]
- Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. [Povest' vremennyh let (*The Tale of Bygone Years*). Moscow; Leningrad, 1950. Vol. 1.]
- Подосинов А.В. Певтингерова карта // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. I. (I–VI вв.). С. 63–80. [Podossinov A.V. Pevtingerova karta (The Peutinger Table) // Svod drevnejshikh pis'mennykh izvestiy o slavyanakh. Moscow, 1991. Vol. I. (1th — 6th Centuries). S. 63–80.]
- Подосинов А.В. Черное море в картографической традиции античности и раннего средневековья // ДГ, 1996–1997 гг.: Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. М., 1999. С. 237–252. [Podossinov A.V. Chernoe more v kartograficheskoj tradicii antichnosti i rannego srednevekov'ya (The Black Sea in the Cartographic Tradition of the Antiquity and the Early Middle Ages) // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy, 1996–1997: Severnoe Prichernomor'e v antichnosti: Voprosy istochnikovedeniya. Moscow, 1999. S. 237–252.] (a)
- Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. [Podossinov A.V. Ex oriente lux! Orientaciya po stranam sveta v arhaicheskikh kul'turah Evrazii (Ex oriente lux! Orientation by Cardinal Points in Archaic Cultures of Eurasia). Moscow, 1999.] (б)
- Подосинов А.В. Проблемы исторической географии Восточной Европы (античность и раннее средневековье). Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000. [Podossinov A.V. Problemy istoricheskoj geografii Vostochnoj Evropy (antichnost' i rannee srednevekov'e) (Problems of Historical Geography of Eastern Europe (The Antiquity and the Early Middle Ages)). Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000.]
- Подосинов А.В. Крымский полуостров в античной и средневековой западноевропейской картографии // Горна у источника Судьбы. Сб. ст. в честь Е.А. Мельниковой. М., 2001. С. 304–312. [Podossinov A.V. Krymskij poluostrov v antichnoj i srednevekovoj zapadnoevropejskoj kartografii (The Crimean Peninsula in Ancient and Medieval West-European Cartography) // Norna u istochnika Sud'by. Sbornik statej v chest' E.A. Melnikovoj. Moscow, 2001. S. 304–312.]
- Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Текст, пер., комментарии. М., 2002. [Podossinov A.V. Vostochnaya Evropa v rimskoj kartograficheskoj tradicii. Teksty, per., kommentarii (Eastern Europe in the Roman Cartographic Tradition. Texts, Translation, Commentaries). Moscow, 2002.]
- Подосинов А.В. Гидрография Восточной Европы в античной и средневековой геокартографии // Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В.

- «Русская река»: речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007. С. 38–45. [*Podossinov A.V.* Hidrografiya Vostochnoj Evropy v antichnoj i srednevekovoj geokartografii (Hydrography of Eastern Europe in Ancient and Medieval Geocartography) // *Jackson T.N., Kalinina T.M., Kononova I.G., Podossinov A.V.* “Russkaya reka”: rechnye puti Vostochnoj Evropy v antichnoj i srednevekovoj geografii. Moscow, 2007. S. 38–45.]
- Полиниченко Д.Ю.* Раннесредневековые восточноевропейские надписи в российской любительской лингвистике // *Jazyk a kultúra*. 2013. Číslo 13 [Электронный ресурс] URL: <polinichenko.pdf:Internetový časopis Lingvokulturologického a prekladateľsko-tlmočnického centra excelentnosti pri Filozofickej fakulte Prešovskej univerzity v Prešove> (дата обращения 01.09.2019). [*Polinichenko D.Yu.* Rannesrednevekovye vostochnoevropskie nadpisi v rossijskoj lyubitel'skoj lingvistike (Early Medieval East European Inscriptions in Russian Amateur Linguistics) // *Jazyk a kultúra*. 2013. Číslo 13.]
- Полосин Вал.В.* Этноним «булгары» в арабских источниках // VII годичная сессия Института востоковедения ЛО ИВАН: кратк. сообщ. Л., 1971. С. 26–29. [*Polosin Val.V.* Etonim “bulgary” v arabskih istochnikah (Ethnonym *Bulgars* in Arabic Sources) // VII godichnaya sessiya In-ta vostokovedeniya LO IVAN: kratk. soobshch. Leningrad, 1971.]
- Полосин Вал.В.* «Фихрист» Ибн ан-Надима как историко-культурный памятник X века. М., 1989. [*Polosin Val.V.* «Fihrist» Ibn an-Nadima kak istoriko-kul'turnyj pamyatnik X veka Ibn al-Nadim's (*Fichrist* of Ibn an-Nadim as a Historical and Cultural Monument of the 10th Century). Moscow, 1989.]
- Полюдь: всемирно-историческое явление / Под ред. Ю.М. Кобищанова. М., 2009. [*Polyud'e: vsemirno-istoricheskoe yavlenie (Polyud'e: a Universal Historical Phenomenon)* / Ed. by Yu.M. Kobishchanov. Moscow, 2009.]
- Поршнев Б.Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964. [*Porshnev B.F.* Feodalizm i narodnye massy (Feudalism and the Masses). Moscow, 1964.]
- Пряхин А.Д.* К необходимости изучения и музеефикации комплекса памятников древнерусского времени в черте и окрестностях г. Воронежа («Вантит») // Историко-культурное наследие (Воронежская область). Воронеж, 1992. С. 16–28. [*Pryahin A.D.* K neobhodimosti izucheniya i muzeefikacii kompleksa pamyatnikov drevnerusskogo vremeni v cherte i okrestnostyah g. Voronezha ('Vantit') (On the Need to Study and Museify the Complex of Monuments of Old Russian Time in the City and Vicinity of Voronezh ("Vantit")) // *Istoriko-kul'turnoe nasledie (Voronezhskaya oblast')*. Voronezh, 1992. S. 16–28.]
- Пряхин А.Д.* Вантит // Культурно-историческое единство Евразии и Великий Шелковый путь. М., 1993. С. 54–58. [*Pryahin A.D.* Vantit (*Vantit*) // *Kul'turno-istoricheskoe edinstvo Evrazii i Velikij Shelkovyj put'*. Moscow, 1993. S. 54–58.] (a)
- Пряхин А.Д.* Вантит // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Чернігів, 1993. С. 36–37. [*Pryahin A.D.* Vantit (*Vantit*) // *The Slavs and the Rus' in the Scientific Heritage of D.Ya. Samokvasov*. Chernihiv, 1993. S. 36–37.] (b)

- Пряхин А.Д. Археология и археологическое наследие. Воронеж, 1996. [Pryahin A.D. Arheologiya i arheologicheskoe nasledie (Archeology and the Archaeological Heritage). Voronezh, 1996.]
- Пряхин А.Д., Беседин В.И., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В. Вантит. Воронеж, 1997. [Pryahin A.D., Besedin V.I., Razuvaev Yu.D., Cybin M.V. Vantit. Voronezh, 1997.]
- Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публ. О.Г. Большакова и А.Л. Монгайт. М., 1971. [Puteshestvie Abu Hamida al-Garnati v Vostochnuyu i Central'nyuyu Evropu (1131–1153 gg.) (The Journey of Abu Hamid al-Garnati to Eastern and Central Europe (1131–1153)) / Ed. by O.G. Bolshakov, A.L. Mongajt. Moscow, 1971.]
- Расаил Ихван ас-Сафа ва Хуллан ал-Вафа. Т. 1–4. Каир, 1928; Бейрут, 1957. [Rasail Ihwan al-Safa wa Hullan al-Wafa. Cairo, 1928; Beirut, 1957. Vol. 1–4.]
- Рашиев Р. Старобългарски укрепления на Долния Дунав (VII–XI в.). Варна, 1982. [Rashev R. Starob'lgarski ukrepleniya na Dolniya Dunav (VII–XI v.) (Ancient Bulgarian Fortifications on the Lower Danube (7th — 11th Centuries)). Varna, 1982.]
- Резван Е.А. Коран и его толкования. Тексты, пер., коммент. СПб., 2000. [Rezvan E.A. Koran i ego tolkovaniya. Teksty, per., komment. (The Quran and Its Interpretations. Texts, Transl., Commentaries). St.-Petersburg, 2000.]
- Рерих Ю.Н. Тибетский язык. М., 2001. [Rerih Yu.N. Tibetskij yazyk (The Tibetan Language). Moscow, 2001.]
- Ромашов С.А. От тюрков к хазарам: Северный Кавказ в VI–VII вв. // Тюркологический сборник. 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005. С. 185–202. [Romashov S.A. Ot tyurkov k hazaram: Severnyj Kavkaz v VI–VII vv. (From the Türks to the Khazars: the North Caucasus in the 6th — 7th Centuries // Tyurkologicheskij sbornik. 2003–2004. Tyurkskie narody v drevnosti i srednevekov'e. Moscow, 2005. S. 185–202.]
- Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 189–195. [Rybakov B.A. Put' iz Bulgara v Kiev (The Road from Bulgar to Kiev) // Drevnosti Vostochnoj Evropy. Moscow, 1969. S. 189–195.]
- Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. [Rybakov B.A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv. (Kievan Rus' and Russian Principalities of the 12th — 13th Centuries). Moscow, 1982.]
- Рыбаков Б.А. Рождение Руси. М., 2003. [Rybakov B.A. Rozhdenie Rusi (The Birth of Rus'). Moscow, 2003.]
- Сагадеев А.В. Восточный перипатетизм. М., 2009. [Sagadeev A.V. Vostochnyj peripatetizm (The Eastern Peripatetism). Moscow, 2009.]
- Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. [Sverdlov M.B. Genezis i struktura feodal'nogo obshchestva v Drevnej Rusi (The Genesis and Structure of Feudal Society in Ancient Rus'). Leningrad, 1983.]
- Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII–IX вв.). М., 1995. [Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavyanah (Corpus of Ancient Written Evidences about the Slavs). Moscow, 1995. Т. II (7th — 9th Centuries).]

- Семёнова Л.А. Русы в «Книге стран» ал-Йа'куби (из истории изучения) // Арабский восток. М., 1997. С. 118–134. [*Semyonova L.A. Rusy v "Knige stran" al-Ya'kubi (iz istorii izucheniya) (The Rus' in the Book of Countries of al-Ya'kubi (From the History of Its Study)) // Arabskiy vostok. Moscow, 1997. S. 118–134.*]
- Сериков Н.И. Почему Ибн ан-Надим взялся за составление Китаб ал-Фихрист? // Исследования по Аравии и исламу: Сб. статей в честь 70-летия М.Б. Пиотровского. М., 2014. С. 456–473. [*Serikov N.I. Pochemu Ibn an-Nadim vzyalsya za sostavlenie Kitab al-fihrist? (Why Did Ibn al-Nadim Start Compiling the Kitab al-Fihrist?) // Issledovaniya po Aravii i islamu: Sb. statej v chest' 70-letiya M.B. Piotrovskogo. Moscow, 2014. S. 456–473.*]
- Сериков Н.И. Что означает заглавие сочинения Ибн ан-Надима Китаб ал-Фихрист? Об одной неизвестной греческо-арабской параллели // Подарок ученым и утешение просвещенным: сб. статей, посвященный 90-летию проф. А.А. Долининой. СПб., 2016. С. 29–40. [*Serikov N.I. Chto oznachayet zaglavie sochineniya Ibn an-Nadima Kitab al-Fihrist? Ob odnoj neizvestnoj grechesko-arabskoj paralleli (What Does the Title of Ibn an-Nadim's Work Kitab al-Fihrist Mean? About an Unknown Greek-Arabic Parallel) // Podarok uchenym i uteshenie prosveshchennym: sb. statej, posvyashchennyj 90-letiyu A.A. Dolininoj. St.-Petersburg, 2016. S. 29–40.*]
- Скрябинская М.В. Скифия глазами эллинов. М., 1998. [*Skryzhinskaya M.V. Skifiya glazami ellinov (Scythia through the Eyes of the Hellenes). Moscow, 1998.*]
- Смирнова О.И. К имени Алмуша, сына Шилки, царя болгар // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981. С. 249–255. [*Smirnova O.I. K imeni Almusha, syna Shilki, carya bulgar (On the Name of Almush, Son of Shilki, the King of the Bulgars) // Türkological collection. 1977. Moscow, 1981. S. 249–255.*]
- Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VII — первая половина X в.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. [*Sorochan S.B. Vizantijskij Herson (vtoraya polovina VII — pervaya polovina X v.). Ocherki istorii i kul'tury (Byzantine Kherson (Second Half of the 7th — First Half of the 10th Century). Essays on History and Culture). Har'kov, 2005.*]
- Стефанович П.С. О дани в «трибутарном» государстве Руси // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государства. Мат-лы конф. М., 2012. С. 260–266. [*Stefanovich P.S. O dani v "tributarnom" gosudarstve Rusi (About the Tribute in the 'Tributary' State of Rus') // Drevnyaya Rus' i srednevekovaya Evropa: vzniknovenie gosudarstva. Materialy konferencii. Moscow, 2012. S. 260–266.*]
- Тер-Гевондян А.Н. Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977. [*Ter-Gevondyan A.N. Armeniya i Arabskij halifat (Armenia and the Arab Caliphate). Erevan, 1977.*]
- Тишин В.В. К методике прочтения памятников рунической письменности восточноевропейского ареала // ХА. М., 2017. Т. 15. С. 419–465. [*Tishin V.V. K metodike prochteniya pamyatnikov runicheskoy pis'mennosti vostochnoevropейского ареала // ХА. М., 2017. Т. 15. С. 419–465.*]

- vostochnoevropejskogo areala (To the Method of Reading the Monuments of Runic Writing of the Eastern European Area) // *Khazar Almanac*. Moscow, 2017. T. 15. S. 419–465.]
- Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. [Tolstov S.P. Po sledam drevnehorezmijskoj civilizacii (In the Footsteps of the Ancient Khorezm Civilization). Moscow; Leningrad, 1948.]
- Тортика А.А.* Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII — третья четверть VIII в.). Харьков, 2006. [Tortika A.A. Severo-Zapadnaya Hazariya v kontekste istorii Vostochnoj Evropy (vtoraya polovina VII — tret'ya chetvert' VIII v.) (Northwestern Khazaria in the Context of the History of Eastern Europe (Second Half of the 7th — Third Quarter of the 8th Century)). Har'kov, 2006.]
- Туманский А.Г.* Новоткрытый персидский географ X столетия и известия его о славянах и руссах // ЗВОРАО. 1897. Т. X, вып. 1–4. С. 121–137. [Tumanskij A.G. Novootkrytyj percidskij geograf X stoletiya i izvestiya ego o slavyanah i russah (A Newly Discovered Persian Geographer of the 10th Century and His Information on the Slavs and the Rus') // Zapiski Vostochnogo Otdelenia Russkogo Arkheologiceskogo Obschestva. 1897. T. X, № 1–4. S. 121–137.]
- Турчанинов Г.Ф.* Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ, 1990. [Turchaninov G.F. Drevnie i srednevekoveye pamjatniki osetinskogo pis'ma i yazyka (Ancient and Medieval Monuments of Ossetian Writing and Language). Vladikavkaz, 1990.]
- Умняков И.* «История» Фахрэтдина Мубаракшаха. [Рец. на кн.:] Ta'rikh-i Fakhru'd- Din Mubārākshāh Being the Historical Introduction to the *Book of Genealogies* of Fakhru'd Din Mubārākshāh Marvar-rūdi Compeled in A.D. 1206 / Edited from a unique manuscript by E. Denison Ross, Director of the School of the Oriental Studies. London, 1927. XX+84 pp. («James G. Forlong Fund» Series, № 4) // ВДИ. 1938, № 1 (2). С. 108–115. [Umnyakov I. *The History of Fakhratdin Mubarakshah* (Review of the Book) // Vestnik drevnej istorii. 1938, № 1 (2). S. 108–115.]
- Фасмер Р.Р.* Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Известия АН СССР. Отд. обществ. наук. 1933, № 6–7. С. 477. [Fasmer R.R. Ob izdanii novoj topografii nahodok kuficheskikh monet v Vostochnoj Evrope (On the Publication of a New Topography of Finds of Kufic Coins in Eastern Europe) // Izvestija AN SSSR. Otdelenie obshchestvennyh nauk. 1933, № 6–7. S. 477.]
- Фильштинский И.М.* Арабская литература в средние века: Словесное искусство арабов в древности и раннем средневековье. М., 1977. [Fil'shtinskij I.M. Arabskaya literatura v srednie veka: Slovesnoe iskusstvo arabov v drevnosti i rannem srednevekov'e (Arabic Literature in the Middle Ages: The Verbal Art of the Arabs in the Antiquity and the Early Middle Ages). Moscow, 1977.]
- Фиркс И. фон.* Суда викингов. Л., 1982. [Von Firks. Suda vikingov (Vikings' Ships). Leningrad, 1982.]

- Флёрова В.Е. Граффити Хазарии. М., 1997. [*Flyorova V.E. Graffiti Hazarii (Graffiti of Khazaria)*. Moscow, 1997.]
- Флёрова В.Е. Сюжеты хазарской графики // Хазары (Евреи и славяне). М.; Иерусалим, 2005. Т. 16. С. 153–172. [*Flyorova V.E. Syuzhety hazarskoj grafiki (Themes of the Khazar Graphics) // Hazary (Ievrei i Slav'ane)*. Moscow; Jerusalem, 2005. Vol. 16. S. 153–172.]
- Фомин А.В. Источниковедение кладов с куфическими монетами IX–X вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. [*Fomin A.V. Istochnikovedenie kladov s kufichesкими monetami IX–X vv.: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk (Source Study of Hoards with Kufic Coins of the 9th — 10th Centuries: Abstract. of the Dissertation)*. Moscow, 1982.]
- Френ Х. Письмена древних Руссов // Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. СПб., 1836. Т. 15, отд. 3. С. 50–59. [*Fren H. Pis'mena drevnih Russov (Writings of the Ancient Rus') // Biblioteka dlya chteniya. Zhurnal slovesnosti, nauk, hudozhestv, promyshlennosti, novostej i mod.* St.-Petersburg, 1836. T. 15, № 3. S. 50–59.]
- Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996. [*Froyanov I.Ya. Rabstvo i dannichestvo u vostochnyh slavyan (Slavery and Tribut-Taxation among the Eastern Slavs)*. St.-Petersburg, 1996.]
- Фуат Сезгин. Арабские истоки европейских карт / Пер. с нем. А. Денежкина. URL: https://www.uni-frankfurt.de/59003908/Sezgin_Russian.pdf (последнее обращение: 20.08. 2020) [*Fuat Sezgin. Arabskie istoki evropejskih kart (Arabic Origins of European Maps) / Transl. by A. Denezhkin*.]
- Халидов А.Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М., 1985. [*Halidov A.B. Arabskie rukopisi i arabskaya rukopisnaya tradiciya (Arabic Manuscripts and Arabic Handwriting Tradition)*. Moscow, 1985.]
- Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989. [*Halikov A.H. Tatarskij narod i ego predki (The Tatar People and their Ancestors)*. Kazan', 1989.]
- Хамидуллин С.И. Булгаро-бурджанская проблема в свете арабо персидских, армянских и византийских источников // Межрег. науч.-практ. конф., посвящ. 115-летию со дня рождения А.З. Валиди Тогана: Научное наследие А.З. Валиди Тогана и современные проблемы федерализма в России (5-е Валидовские чтения). Уфа, 2005. С. 241–244. [*Hamidullin S.I. Bulgaro-burdzhanskaya problema v svete arabo persidskih, armyanskih i vizantijskih istochnikov (The Bulgaro-Burdjan Problem in the Light of the Arabic-Persian, Armenian and Byzantine Sources) // Mezhrregionalnaya. nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya. 115-letiyu so dnya rozhdeniya A.Z. Validi Togana: Nauchnoe nasledie A.Z. Validi Togana i sovremennye problemy federalizma v Rossii (5-e Validovskie chteniya)*. Ufa, 2005. S. 241–244.]
- Хамидуллин С.И. «Царство гуннов» и княжество Бурджан // Вопросы истории. 2011, № 3. С. 159–164. [*Hamidullin S.I. "Carstvo gunnov" i knyazhestvo Burdzhan // Voprosy istorii*. 2011, № 3. S. 159–164.]

- Хвольсон Д.А.* Известия о хозарах, бургасах, болгарах, славянах, мадьярах и русских Абу Али Ахмеда бен Омара Ибн Даста..., по рукописи Британского музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д.А. Хвольсон. СПб., 1869. [*Hvol'son D.A.* Izvestiya o hozarah, burtasah, bolgarah, slavyanah, mad'yarah i russkikh Abu Ali Ahmeda ben Omara Ibn Dasta..., po rukopisi Britanskogo muzeya v pervyj raz izdal, perevel i ob'yasnil D.A. Hvol'son (The Evidences on the Khazars, Burtases, Bulgarians, Slavs, Magyars and Russians of Abu Ali Ahmed bin Omar Ibn Dast... According to the Manuscript of the British Museum, for the First Time Published, Translated and Explained by D.A. Hvol'son). St.-Petersburg, 1869.]
- Храпунов Н.И.* Политическая история, государственное и административное устройство Херсонеса в конце IV–VI вв. // Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. — VI в. н.э. Очерки истории и культуры. Харьков, 2004. С. 537–545. [*Hrapunov N.I.* Politicheskaya istoriya, gosudarstvennoe i administrativnoe ustrojstvo Hersonesa v konce IV–VI vv. (Political History, State and Administrative Structure of Chersonesos at the End of the 4th — 6th Century) // Hersones Tavricheskij v seredine I v. do n.e. — VI v. n.e. Ocherki istorii i kul'tury. Har'kov, 2004. S. 537–545.]
- Худяков Ю.С.* Проблемы истории древних киргизов // Этнографическое обозрение. М., 2001. № 5. С. 75–83. [*Hudyakov Yu.S.* Problemy istorii drevnih kirgizov (Problems of the History of the Ancient Kirghiz) // Etnograficheskoe obozrenie. Moscow, 2001. № 5. S. 75–83.]
- Худуд ал-'алам:* Рукопись Туманского с введением и указателем В.В. Бартольда. Л., 1930. [*Hudud al-'alam:* Rukopis' Tumanskogo s vvedeniem i ukazatelem V.V. Bartol'da (Hudūd al-'Ālam: The Tumansky Manuscript with Introduction and Index by V.V. Barthold). Leningrad, 1930.]
- Чекин Л.С.* Картография христианского средневековья. VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999. [*Chekin L.S.* Kartografiya hristianskogo srednevekov'ya. VIII–XIII vv. Teksty, perevod, kommentarij (The Cartography of the Christian Middle Ages. 8th — 13th Centuries. Texts, translations, commentaries). Moscow, 1999.]
- Черепнин Л.В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. [*Cherepnin L.V.* Novgorodskie berestyanye gramoty kak istoricheskij istochnik (Novgorod Birch Bark Letters as a Historical Source). Moscow, 1969.]
- Чухайдзе В.Н.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008. [*Chkhaidze V.N.* Tamatarha. Rannesrednevekovyj gorod na Tamanskom poluostrove (Tamarkha: An Early Medieval City on the Taman Peninsula). Moscow, 2008.]
- Шелов Д.Б.* Танаис и нижний Дон в III–I вв. до н.э. М., 1969. [*Shelov D.B.* Tanais i nizhnij Don v III–I vv. do n.e. (The Tanais and the Lower Don in the 3rd — 1st Centuries BC). Moscow, 1969.]

- Шелов Д.Б.* Танаис и нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. [Shelov D.B. Tanais i nizhnij Don v pervye veka nashej ery (The Tanais and the Lower Don in the First Centuries of our Era). Moscow, 1972.]
- Шидфар Б.Я.* Образная система арабской классической литературы (VI–XII вв.). М., 2011. [Shidfar B.Ya. Obraznaya sistema arabskoj klassicheskoj literatury (VI–XII vv.) (The Figurative System of Arabic Classical Literature. 6th — 12th Centuries). Moscow, 2011.]
- Шихсаидов А.Р.* Книга ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа // Памятники истории и литературы Востока. М., 1986. С. 66–87. [Shihsaidov A.R. Kniga at-Tabari «Istoriya poslannikov i carej» o narodah Severnogo Kavkaza (The Book of at-Tabari *The History of Messengers and Kings* about the Peoples of the North Caucasus) // Pamyatniki istorii i literatury Vostoka. Moscow, 1986. S. 66–87.]
- Шмидт А.Н.* Материалы по истории Средней Азии и Ирана // Ученые записки ИВ АН СССР. М.; Л., 1958. Т. XVI. С. 441–513. [Shmidt A.N. Materialy po istorii Srednej Azii i Irana (Materials on the History of Central Asia and Iran) // Uchenye zapiski Instituta vostokovedeniya AN SSSR. Moscow; Leningrad, 1958. Vol. XVI. S. 441–513.]
- Щеглов Д.А.* Система семи климатов Птолемея и география Эратосфена // ВДИ. 2005, № 3. С. 243–265. [Shcheglov D.A. Sistema semi klimatov Ptolemeya i geografija Eratosfena (The System of the Seven Climates of Ptolemy and the Geography of Eratosthenes) // Vestnik drevnej istorii. 2005, № 3. S. 243–265.]
- Щеглов Д.А.* Карта Птолемея и античные периплы // Scholae. Философское антиковедение и античная традиция. 2016. Vol. 10.2 [Электронный ресурс:] URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/karta-ptolemeya-i-antichnye-peripty> (последнее обращение 01.01.2017) [Shcheglov D.A. Karta Ptolemeya i antichnye peripty (The Map of Ptolemy and Ancient Peripty) // Scholae. 2016. Vol. 10.2]
- Щербак А.М.* Тюркская руника. Происхождение древней письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования. СПб., 2001. [Shcherbak A.M. Tyurkskaya runika. Proiskhozhdenie drevnej pis'mennosti tyurok, granicy ee rasprostraneniya i osobennosti ispol'zovaniya (The Turkic Runics. The Origin of the Ancient Writing of the Turks, the Boundaries of its Distribution and Peculiarities of Its Use). St.-Petersburg, 2001.]
- Эрдаль М.* Хазарский язык // Хазары. (Евреи и славяне). Иерусалим; М., 2005. Т. 16. С. 125–139. [Erdal' M. Hazarskij yazyk (The Khazar Language) // Hazary (Ievrei i Slav'ane). Moscow; Jerusalem, 2005. Vol. 16. S. 125–139.]
- Якоби Д.* Производство шелка // Нартекс. Byzantina Ukrainensia. Т. 3: Оксфордское руководство по византинистике, вып. 1 / Под ред. Э. Джеффриса, Дж. Хэлдона, Р. Кормака; пер. с англ. В.В. Швеца. Харьков, 2014. С. 425–432. [Yakobi D. Proizvodstvo shelka (Silk Production) // Narteks. Byzantina Ukrainensia. Vol. 3, T. 1 / Ed. by E. Jeffris, J. Heldon, R. Kormak; transl. V.V. Shvec. Har'kov, 2014. S. 425–432.]

- Якобсон Л.А.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // Боспорские города. М.; Л., 1958. [*Yakobson L.A.* Rannesrednevekoyve poseleniya vostochnogo Kryma (Early Medieval Settlements of the Eastern Crimea) // Bosporskie goroda. Moscow; Leningrad, 1958.]
- Якобсон Л.А.* Средневековый Крым. М.; Л., 1964. [*Yakobson L.A.* Srednevekovyj Krym (The Medieval Crimea). Moscow; Leningrad, 1964.]
- Янин В.Л.* Я послал тебе бересту... 3-е изд., доп. М., 1998. [*Yanin V.L.* Ya poslal tebe berestu... (I Have Sent you a Birch Bark...). Moscow, 1998.]
- Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015. Т. 12. [*Yanin V.L., Zaliznyak A.A., Gippius A.A.* Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg. (Novgorod Letters on Birch Bark (from Excavations of 2001–2014). Moscow, 2015. Vol. 12.)
- Acquisition // [Электронный ресурс:] <http://cosmos.bodley.ox.ac.uk/content.php/history?expand=733,816>
- Adnotationes criticae. Osloae, 1928.
- Ahrweiler H.* Les relations entre les Byzantine et les Russes au IXe siècle // Bulletin d'information et coordination. P., 1971. Т. 5. P. 44–70.
- Al-Batānī sive Albatēni.* Opus Astronomicum ad fidem codicis Escorialensis / Arabice editum, Latine versum, adnotationibus instructum a C.A. Nallino. Mediolani, 1899. Т. 1: Versio captium cum animadversionibus. Mediolani, 1903; Т. 3: Textum arabicum continens.
- Alfragano* Liber Aggregationibus scientie stellarum et principiis celestium motuum / Ed. R. Campani. Citta di Castello, 1910.
- Althem F.* Geschichte der Hunnen. B., 1959. Bd. 1.
- Ammiani Marcellini* Rerum gestarum libri qui supersunt / Rec. F. Eyssenhardt. B., 1871.
- Analectes sur l'histoire et la littérature, par *al-Makkari* / Ed. R. Dozy, G. Dugat, L. Krehl et W. Wright. Leyde, 1855. Т. 1.
- Annales quos scripsit *Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari* cum aliis / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1879.
- Bartha A.* Hungarian Society in the 9th Century. Budapest, 1975.
- Ben Hayyan de Cordoba.* Muqtabis II. Anales de los emires de Cordoba Alhaquem I (180–206 A.H. / 796–822 J.C.) y Abderahman II (202–232/822–847) / Ed. J. Vallve Bermejo. Madrid, 1999.
- The Binding, Conservation // [Электронный ресурс:] <http://cosmos.bodley.ox.ac.uk/content.php/history?expand=733,816>
- Birkeland H.* Nordens Historiae i Middeldarden efter arabiske kilder. Oslo, 1954.
- Al-Biruni.* Kitab al-'Athar al-baqiya. Leipzig, 1878.
- The Book of Curiosities: A Critical Edition / Eds. E. Savage-Smith, Y. Rapoport [Электронный ресурс:] www.bodley.ox.ac.uk/bookofcuriosities (Дата обращения: 03.03.2007).

- Brockelmann K.* Geschichte der arabischen Litteratur. Weimar; B., 1898. Bd. 1; Leipzig, 1909. Bd. 2; Supplementband. Leiden, 1937.
- Brøndsted J.* The Vikings. L., 1965.
- Bunbury E.A.* A History of Ancient Geography. L., 1883. Vol. II.
- Canard M.* Récit tiré de Tanukhî (X siècle), *Al-Faradj Ba'd ash-Shidda*, la délivrance après l'angoisse (I, 138–147) // Byzance et les musulmans du Proche Orient. L., 1973. P. 51–72.
- Charanis P.* The Chronicle of Monemvacia and the Question of the Slavonic Settlements in Greece // *Dumbarton Oaks Papers*. 1950. Vol. 5. P. 141–166.
- Charmoy F.* Relation de Mas'oudy et d'aures auteurs musulmans sur les anciens Slaves // *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*. VI ser. 1834. T. II. P. 297–408.
- Chwilkowska E.* Wiadomości perskiego pisarza Gardisiego (IX w.) o ludach wschodniej i środkowej Europy // *Slavia Antiqua*. Poznań, 1978. T. 25. S. 141–172.
- Compendium libri Kitâb al-Boldân auctore Ibn al-Fakîh al-Hamadhâni* / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1885. (BGA V)
- Constantine Porphyrogenitus.* De ceremoniis aulae byzantinae libri duo / Ed. by R.J.H. Reiskii. Bonnae, 1829.
- Cosmographie de Chams ad-Din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichki.* Texte arabe / A.F. Mehren. St.-Petersburg, 1866. T. I.
- Czeglédy K.* Die Karte der Donaulandschaftgruppe nach al-Huwârizmî // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1950. Bd. 1, fasc. 1. S. 259–260.
- Czeglédy K.* Khazar Raids in Transcaucasica in 762–764 A.D. // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1960. Vol. XI, fasc. 1–3. P. 75–88.
- Czeglédy K.* Gardizi on the History of Central Asia (746–780) // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1973. T. XXVII, fasc. 3. P. 257–268.
- Daniel N.* The Arabs and Medieval Europe. L., 1975.
- Daunicht H.* Der Osten nach der Erdkarte al-Huwârizmîs: Beiträge zur Historischen Geographie und Geschichte Asiens. Bonn, 1968–1974. Bd. I–IV, H. 1–2.
- Descriptio Imperii Moslemici auctore... Schamso'd-dîn Abû 'Abdollâh Mohammed ibn Ahmed ibn Abî Bekr al-Bannâ' al-Bashschârî al-Mokaddasî* / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1877. (BGA III)
- Despois J.* Barka // *EL*₂. 1986. Vol. I. P. 1048–1050.
- Dicuil.* De mensura orbis terrae / Ed. by G. Parthey. Dublin, 1967.
- Dieterici F.* Die Propädeutik der Araber in X. Jhr. B., 1865.
- Diwan al-Ahtal.* Texte arabe publié... et annoté... par P.A. Salhani. Beyrouth, 1891. Fasc. 1.
- Dubler C.* Abū Hāmid el Granadino y su Relación de viaje por tierras eurasiáticas. Madrid, 1953.
- Dunlop D.M.* The British Isles According to Medieval Arabic Authors // *Islamic Quarterly*. L., 1958. Vol. IV, № 1–2.
- Dunlop D.M.* The History of the Jewish Khazars. Princeton (New Jersey), 1954.

- Durak K.* Who are the Romans? The Definition the Bilad ar-Rum (Land of the Romans) in Medieval Islamic Geographies // *Journal of Intercultural Studies*. 2010. Vol. 31, № 3. P. 285–298.
- An Eleventh-Century Egyptian Guide to the Universe: the Book of Curiosities / Eds. by Y. Rapoport, E. Savage-Smith (Islamic philosophy, theology and science, vol. 87). Leiden, 2014.
- Espéronnier M.* Le cadre géographique des pays slaves d'après les sources arabes médiévales // *Die Welt der Slawen*. München, 1986. Jhr. XXXI, H. 1. S. 5–19.
- Ferluga J.* Archon. Ein Beitrag zur Untersuchung der südslavischen Herrschertitel im 9. und 10. Jhr. im Lichte der byzantinischen Quellen // *Tradition als historische Kraft* / Eds. N. Kampund, J. Wollach. B.; N.Y., 1982. S. 255–257.
- Ferluga J.* Byzantium on the Balkans. Studies on the Byzantine Administration and the Southern Slavs from the 7th to the 12th Centuries. Amsterdam, 1976.
- The Fihrist of al-Nadim. In 2 vol. A Tenth-Century Survey of Muslim Culture / Ed. and transl. B. Dodge. N.Y.; L., 1970. Vol. 1.
- Fraehn Ch.* Ibn Foszlān's und anderer araber Berichte über die Russen älterer Zeit. SPb., 1823.
- Fraehn Ch.M.* Ibn-abi-Jakub el-Nedim's Nachricht von der Schrift der Russen im 10. Jh. n. Ch., kritisch beleuchtet von Ch.M. Fraehn // *Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. Sciences Politique, Histoire, Philologie*. 6-e série. SPb., 1836. T. 3. S. 507–530.
- Fuat Sezgin.* Die Entdeckung des Amerikanischen Kontinent durch muslimische Seegahrer vor Kolumbus // Exzerpt aus *Geschichte des arabischen Schrifttums*. Frankfurt am Main, 2006. Bd. XIII. P. 9–10. URL: https://www.uni-frankfurt.de/59003140/Sezgin_deutsch.pdf (последнее обращение: 20.09.2020)
- Fück J.* Neue Materialien zum Fihrist // *ZDMG* 1936. Bd. 90. S. 298–321.
- Fück J.* Ibn an-Nadim // *El₂*. 1986. Vol. 3. P. 895–896.
- De Goeje M.* Die Istaḥrī-Baḥḥī Frage // *ZDMG*. Leipzig, 1871. Bd. 25. S. 42–58.
- Dozy R.* Recherches sur l'histoire et la littérature de l'Espagne pendant le Moyen Âge. Leyde, 1881. T. II.
- Frähn Ch.M.* Ibn Foszlān's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. SPb., 1823.
- The Geography of al-Andalus and Europe. From the Book *Al-Masalik wal-Mamalik* (The Routes and the Countries) by Abū 'Uбайд al-Bakrī (d. 842/1094) / Critical edition by Abdurrahman Ali el-Hajji. Beirut, 1968.
- Golden P.* The Migrations of the Oghuz // *Archivum Ottomanicum*. 1972. P. 45–60.
- Golden P.B.* Khazar Studies. An Historic-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Budapest, 1980. Vol. 1.
- Golden P.* Imperial Ideology and the Sources of Political Unity Amongst the Pre-Činggisid Nomads of Western Eurasia // *AEMA*. 1982, № 2. P. 39–43.
- Goldziher I.* Beiträge zur Erklärung des Kitab al-Fihrist // *ZDMG* 1882. Bd. 36. S. 278–284.
- Goldziher I.* Über die Benennung der Ichwan al-Safa // *Der Islam*. Hamburg, 1910. Bd. 1.

- Göckenjan H., Zimonyi H. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. Die Ġayhānī-Tradition (Ibn Rusta, Gardīzī, Ḥudūd al-Ālam, al-Bakrī und al-Marwazī) // Veröffentlichung der Societas Uralo-Altai-ca. Wiesbaden, 2001. Bd. 54.
- El-Hajji Abdurrahman Ali. Andalusian Diplomatic Relations with Western Europe during the Umayyad Period (A.H. 138–366 / A.D. 755–976). An Historical Survey. Beirut, 1970.
- De Hammer-Purgstall J. Sur les origines Russes. Extraites de Manuscrits Orientaux. SPb., 1827.
- Heller B. Nuh // EI₂. Vol. III. P. 108–109.
- The History of Cartography. Chicago; L., 1987. Vol. 1: Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and Mediterranean / Eds. J.B. Harley, D. Woodward; Chicago; L., 1992. Vol. 2: Book 1: Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies.
- Honigmann E. Die sieben Klimata und die πόλεις ἐπίσημοι. Heidelberg, 1929.
- Howard-Johnston J. The *De Administrando Imperio*: A Re-examination of the Text and Re-evaluation of its Evidence about the Rus // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient / Ed. par M. Kazanski, A. Nercessian et C. Zuckerman. P., 2000. P. 301–336.
- Hrbek I. Nový arabský pramen o východné a středne Evropě // Cesko-slovenska Etnographie. 1954. T. II, № 2. P. 157–175.
- Hudūd al-'Ālam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A.H. — 932 A.D. / Transl. and explained by V. Minorsky. With the preface by V.V. Barthold transl. from the Russian. L., 1937.
- [*al-Ḥuwārizmī*] Kitāb Šūrat al-arḍ des Abū Ġa'far Muḥammad Ibn Mūsā al-Ḥuwārizmī / Hrsg. v. H. Mžik (Bibliothek arabischer Historiker und Geographen, Bd. 3). Leipzig, 1926.
- Ibn Coteiba's* Handbuch der Geschichte... / Hrsg. v. F. Wüstenfeld. Göttingen, 1850.
- Ibn 'Idari al-Marrakushi*. Al-Bayan al-muġrib fī aḥbār muluk al-Andalus wa-al-Maġrib. Beirut, [1950]. T. 2.
- Ibn Sa'd Muhammad*. Kitāb al-Tabaqat al-Kabir. Leiden, 1905. Bd. I.
- Ibn Sa'id al-Magribi*. Al-Muġrib fī khila al-Maġrib. [Cairo, s. a.]
- Ibn Wādhīh* qui dicitur *al-Ja'qūbī*. Historiae / Ed. M.Th. Houtsma. Leiden, 1883. Pars 1.
- Ibn al-Khatīb as-Salmani*. Histoire de l'Espagne musulmane (kitāb a'mal al-a'lam). Beyrout, 1956.
- Ibn al-Qutīya*. Tārīḥ iftitāḥ al-Andalus. Beirut, 1982.
- Ibn-el-Athīri* Chronicon quod perfectissimum inscribitur / Ed. C.J. Tornberg. Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851. Vol. I.
- Indices, glossarium et addenda et emendanda ad part I–III / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1879. (BGA IV)
- Inostrancev C*. Notes sur les rapports de Rome et du Califat Abbaside au commencement du Xe siècle // Rivista degli Studi Orientali. Roma, 1911–1912. Vol. 4. P. 81–86.

- Jacob G.* Arabische Berichte von Gesandten an Germanische Fürstnhüfe aus den IX. und X. Jhr. B., 1927.
- Jacut's geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, und Paris auf Kosten der Deutchten Morgenländischen Gesellschaft / Hrsg. von F. Wüstenfeld. Leipzig, 1866. Bd. I.
- Janin R.* Constantinople byzantine: Développement urbain et répertoire topographique. 2nd ed. P., 1964.
- Johns J., Savage-Smith E.* The Book of Curiosities: A Newly Discovered Series of Islamic Maps // *Imago mundi*. 2003. Vol. 55. P. 7–24.
- Kamal Youssouf.* Monumenta cartographia Africae et Aegypti. Cairo, 1928–1951. T. I–V.
- Al-Khwarizmi.* Kitab mafatih al-ulum. Leiden, 1895.
- Das Kitâb aġaib al-aqalim as-sab'a des *Suhrab* / Hrsg. von H. Mzik. Wien, 1929.
- Kitâb al-A'lâk an-nafisa auctore Abû Alî Ahmed ibn Omar ibn Rosteh et Kitâb al-Boldân, auctore Ahmed ibn Jakûb ibn Wâdhîh al-Kâtîb al-Jakûbî / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1892. (BGA VII)
- Kitâb al-Fihrist / Mit Anmerkungen hrsg. von G. Flügel, nach dessen Tode besorgt von J. Roediger und A. Müller. Leipzig, 1871–1872. Bd. 1: Den Text enthaltend von J. Roediger; Bd. 2: Die Anmerkungen und Indices enthaltend von A. Müller.
- Kitâb al-Dja'rafyya. Mappemonde du calife al-Ma'mun reproduite par Fazari (III/IX s.) rééditée et commentée par Zuhri (VI/XII s.) / Texte arabe établi avec introduction en française... par Mohammad Hadj-Sadok // *Bulletin d'études orientales*. P., 1968. T. 21. P. 7–312.
- Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kâsim 'Obaidallah ibn 'Abdallah *Ibn Khordâdhbeh*, et Excerpta e Kitâb al-Kharadj auctore *Kodama ibn Dja'far* / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889. (BGA VI)
- Kitâb al-masâlik wa-al-mamâlik d'Abu 'Ubaid *al-Bakri* / Edition critique avec introduction et indices A.P. Van Leeuwen and A. Ferre. Tunis, 1992. Pars I–II.
- Kitâb al-'Unwan: Histoire Universelle écrite par *Agapius* (Mahboub) de Menbidj / Éd. et trad. en français par A. Vasiliev (*Patrologia Orientalis*. Vol. V. Fasc. 4). P., 1910.
- Kitâb at-tanbih wa'l-ischrâf auctore al-Masûdî... / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894. (BGA VIII)
- Kitâb Ihwan al-Şafa' wa-hullân al-wafa'. Bombay, 1888–1889. T. 1–2; Beirut, 1957. T. 1.
- Klein-Franke F.* Die klassische Antike in der Tradition des Islams. Darmstadt, 1980.
- Klyashtorny S.G.* About One Khazar Title in Ibn Fadlan // *Manuscripts Orientalia*. November. SPb.; Helsinki, 1997. Vol. 3. P. 22–23.
- Kmietowicz F.* Tytuły władców Słowian w tzw. "Relacji anonimowej", wschodnim źródle z końca IX w. // *Slavia Antiqua*. Poznań, 1976. T. 23. S. 175–189.
- Kmietowicz F.* Die Titel der Slawenherrscher in der sog. *Anonymen Mitteilungen*, einer orientalischen Quellen (IX w.) // *Folia Orientalia*. Kraków, 1978. Vol. 19. S. 13–34.

- Koder J. Zu den Archontes der Slaven in die *De administrando imperio*, 29, 106–115 // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1983. Bd. 29. S. 128–131.
- Kovalev R.K. Khazaria and Volga Bułgaria as Intermediaries in Trade Relations Between the Islamic Near East and the Rus' Lands During the 10th to Early 11th Centuries: The Numismatic Evidence: Part I // AEMA. Wiesbaden, 2011. Bd. 18. P. 44–46.
- Kowalski T. Relacja Ibrahima Ibn Ja'kuba z podróży do krajów słowiańskich w przekazie Al-Bekriego. Kraków, 1946.
- Kramers J.H. La question Bałhī-Istāhūrī-Ibn Ḥawqal et l'Atlas de l'Islam // Acta Orientalia. Leiden, 1932. T. 10. P. 9–30.
- Kramers J.H. The Legacy of Islam. L., 1937.
- Kramers J.H. Djuḡhrāfiya // Enzyklopaedie des Islam. Leiden; Leipzig, 1938. Bd. III. S. 62–75.
- Kranžalov D. Hodnota zprāv al-Mas'ūdīho o Bulharech (na Dunaji) a Ruseh // Príspevky k medzislovanským vstahom československých dejinach. Slovanske štúdie. Bratislava, 1960. T. III. P. 467–495.
- Kupčik I. Munchner Portolankarten: "Kunstmann I–XIII" und zehn weitere Portolankarten. Munchen; B., 2000.
- Kvalen E. The Early Norwegian Settlements on the Volga. Vienna, 1937.
- Lévi-Provençal E. Histoire de l'Espagne musulmane. P.; Leiden, 1950. T. 1.
- Lewicki T. Polska i kraje sąsiednie w świetle «Księgi Rogera» geografii arabskiego z XII w. al-Idrīsī'ego. Krakow, 1945. Ch. 1: Uwagi ogólne, text arabski, tłumaczenie.
- Lewicki T. Bałtyk w opisie autorów arabskich IX–X w. // Przegląd Orientalistyczny. Wrocław, 1949. T. 1. S. 557–565.
- Lewicki T. Świat słowiański w oczach pisarzy arabskich // Slavia Antiqua. Poznań, 1949–1950. T. 2. S. 321–389.
- Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. Wrocław etc., 1956–1985. T. I–III.
- Lewicki T. Ze studiów nad źródłami arabskimi. Cz. III // Slavia Antiqua. Poznań, 1956. T. XII. S. 28–33.
- Lewicki T. Znajomość krajów i ludów Europy u pisarzy arabskich IX–X w. // Slavia Antiqua. Poznań, 1961. T. 8. S. 61–124.
- Lewicki T. S-w-nt-b-lk arabskiej "Relacji anonimowej" (2 poł. IX w.) i jego "zastępca" // Liber Josepho Kostrzewski octogenario a veneratoribus dicatus. Wrocław etc., 1968. S. 363–376.
- Lewis B. The Muslim Discovery of Europe. L., 1982.
- Liber expugnationis regionum auctore Imamo Ahmed ibn Jahja ibn Djabir al-Beladsoři. Leiden, 1866.
- Le Livre de la Création et de l'histoire de Motahhar b. Tahir *el-Maqdisi* attribué à Abou-Zéid Ahmed b. Sahl el-Balkhi... / Ed. Cl. Huart. P., 1903. T. III.; P., 1919. T. IV.
- Lüdwig D. Struktur und Gesellschaft des Chazaren-Reiches im Licht den schriftlichen Quellen. Münster, 1982.

- Maçoudi*. Les Prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. P., 1861–1873. T. I–VII.
- Marquart J.* Ęranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. B., 1901.
- Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.
- Marquart J.* Über das Volkstum der Komanen. B., 1914.
- Marquet Y.* Ikhwan as-Safa // EI₂. Vol. 3. P. 1071–1076.
- Martinez P.* Gardizi on the Turks // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1982. T. II. P. 153.
- Medieval Islamic Views of the Cosmos / The Book of Curiosities (circa 1025). [Электронный ресурс:] <http://www.bodley.ox.ac.uk/bookofcuriosities> (Дата обращения: 10.03.2007)
- Melvinger A.* Les premières incursions des Vikings en Occident d'après les sources arabes. Uppsala, 1955.
- Menandr Protector.* Excerpta historica iussu imp. Constantiniani Porphyrogeniti. Excerpta de legationibus / C. de Boor. B., 1903.
- Miller K.* Mappae mundi. Die ältesten Weltkarten. Stuttgart, 1895. Ht. I.; Stuttgart, 1898. Ht. VI.
- Miller K.* Mappae arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten. Stuttgart, 1926. Bd. I, H. I.
- Minorsky V.* A False Jayhani // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1949–1951. Vol. 13. P. 90.
- Minorsky V.* Géographes et voyageurs musulmans. Le Cairo, 1951 (Extrait du «Bulletin de la Société royale de Géographie d'Egypte». T. XXIV, Octobre 1951).
- Minorsky V.F., Lang D.M. Laz* // EI₂. Vol. V. P. 712–714.
- Miquel A.* La géographie humaine du monde musulman jusqu'au milieu du XIe siècle. P.; La Haye, 1967. T. 1.
- Miquel A.* Ibn Ḥawḳal // EI₂. Vol. 3. P. 786–788.
- Miquel A.* Al-Istakhrī // EI₂. Vol. 4. P. 222–223.
- Mishin D.* Information on the Vlachs in Medieval Islamic Literature (Arabic and Persian) // Romanian Civilization. 1997. T. 6, № 2. P. 37–56.
- Mohammad Abbatoui.* The Book of Curiosity or a Medieval Islamic View of the Cosmos // Muslim Heritage. Discover the golden age of Muslim civilization (Foundation for Science Technology and Civilisation: [Электронный ресурс:] <http://www.muslimheritage.com/article/book-curiosities-or-medieval-islamic-view-cosmos>).
- Muhammedis Filii Ketiri Ferganensis qui vulgo *Alfraganus* dicitur. Elementa astronomica, arabice et latine. Amsterodami, 1669.
- Mžik H.* Idrisi and Ptolemaeus // Orientalistische Literaturzeitung. Leipzig, 1912. T. XV. S. 403–406.
- Mžik H.* Ptolemaeus und die Karten der arabischen Geographen // Mitteilungen der Kaiserlichen und Königlichen geographischen Gesellschaft in Wien. Wien, 1915. Bd. 58. S. 151–176.
- Mžik H.* Africa nach der arabischen Bearbeitung des Kl. Ptolemaeus. Wien, 1916.

- Mžik H.* Einleitung // Das Kitab Surat al-Ard des Abu Ğa‘far Muhammad Ibn Musa al-Huwarizmi / Hrg. von H. Mžik. Leipzig, 1926.
- Mžik H.* Osteuropa nach der arabischen Bearbeitung der Γεωγραφικὴ ὑφέγησις des Kl. Ptolemaios von Muhammad ibn Musa al-Huwarizmi // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien, 1936. S. 173–184. Bd. 43, H. 3–4.
- Nallino C.A.* Al-Huwârismî e il suo rifacimento della geografia di Tolomeo // Reale Accademia dei Lincei, anno CCXCI, 1894. Ser. 5^a. Memorie della Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. Vol. II, pt. 1a.
- Nallino C.A.* Al-Huwârismî e il suo rifacimento della Geografia di Tolomeo // Raccolta di Scritti editi e inediti / Ed. M. Nallino (Istituto per l’Oriente. T. V. Astrologia, astronomia, geographia). Roma, 1944. P. 1–213.
- Neugebauer O.* A History of Ancient Mathematical Astronomy. B.; Heidelberg; N. Y., 1975.
- Noonan Th.S.* The Islamic World, Russia and the Vikings: 750–900. The Numismatic Evidence (Variorum). Aldershot, 1998.
- Noonan Th.S.* Some Observations on the Economy of the Khazar Khaganate // The World of the Khazars. New Perspectives. Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium / Ed. by P.B. Golden, H. Ben-Shammai & A. Róna-Tas. Leiden; Boston, 2007. P. 233–240.
- Nöldeke Th.* Geschichte Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Leiden, 1879. Opus geographicum: secundum textum et imagines codicis constantinopolitani conservati in bibliotheca antiqui palatii No. 3346 cui titulus est “Liber imaginis terrae”, auctore Ibn Ĥaukal (Abū’l-Kāsim ibn Ĥaukal al-Nasībī) / Ed. collatio textu primae editionis aliisque fontibus adhibitibus J.H. Kramers. Lugduni Batavorum, 1938–1839. Vol. I–II. (BGA II₂)
- Pellat Ch.* Gahiziana. I. Le Kitab al-Tabassur bi-’t-tigara attribûğ á Gahiz // Arabica. P., 1954. T. I, № 2. P. 157–159.
- Pingree D.* The Fragments of the Works of al-Fazari // Journal of Near Eastern Studies. Chicago, 1970. Vol. 29, № 24. P. 103–123.
- Pinto K.C.* “Surat Bahr al-Rum” (Picture of the Sea of Byzantium): Possible Meanings Underlying the Forms // Eastern Mediterranean Cartographies: International Conference on the History of Cartography (Athens, 11–16 July 1999) / Eds. by G. Toliás, D. Loupis. Athens, 2004. P. 223–241.
- Ptolemaios.* Handbuch der Geographie. Griechisch-Deutsch. Einleitung, Text und Übersetzung / Hrsg. von A. Stückelberger und G. Graßhoff. Index. Basel, 2006. 1.–2. Teil.
- Raccolta di Scritti editi e inediti / Ed. M. Nallino (Istituto per l’Oriente, V. Astrologia, astronomia, geographia). Roma, 1944.
- Rapoport Y.* The Book of Curiosities: a Medieval Islamic View of the Past // The Journey of Maps and Images on the Silk Road. Leiden, 2008. P. 155–172. URL.: (<https://ru.scribd.com/document/284093015/Rapoport-The-Book-of-Curiosities-A-Medieval-Islamic-View-of-the-Past>) (последнее обращение 20.08.2020).

- Rapoport Y., Savage-Smith E.* The Book of Curiosities and a Unique Map of the World // *Cartography in Antiquity and the Middle Ages: Fresh Perspectives, New Methods: Technology and Change in History / Ed. by R.J.A. Talbert, R.W. Unger.* Leiden; Boston, 2008. P. 121–138.
- Robson J.* Isnād // *EI*₂. 1997. Vol. 4. P. 207.
- Ross E.D.* Ta'riḫ-i Fakhru'd-Din Mubārākshāh being the historical introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Din Mubārākshāh Marvarrūdi compiled in A.D. 1206. L., 1927.
- Sabra A.I.* The Appropriation and Subsequent Naturalization of Greek Science in Medieval Islam: A Preliminary Statement // *History of Science.* 1987. Vol. 25. P. 223–243.
- Sarton G.* Introduction to the History of Sciences. Baltimore, 1927. Vol. I: From Homer to Omar Khayyam.
- Shcheglov D.* Ptolemy's System of Seven Klimata and Eratosphenos' Geography // *Geographia Antiqua.* 2004 (2006). Vol. 13. P. 21–37.
- Schnetz J.* Onogoria // *Archiv fr slavische Philologie.* B., 1926. Bd. 40. S. 159.
- Seibt W.* Zum Problem der Slawen im Byzantinischen Reich unter Justinian II. Nebulos und sein goldener Monogramming // *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen.* 1994. Bd. 55 (80), № 2. S. 126–133.
- Seippel A.* Rerum normannicarum fontes arabici. Christianiae, 1896–1906.
- Sellheim R., Zakeri M.* Fehrest // *Encyclopaedia Iranica / Ed. E. Yarshater.* Columbia, 2018. Vol. 9, fasc. 5. P. 475–483.
- Sezgin F.* Geschichte des arabischen Schrifttums. Leiden, 1974. Bd. IV.
- Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi* on China, the Turks and India / Arabic text (circa A.D. 1120) with an English translation and commentary by V. Minorsky. L., 1942.
- Die Slawen in Deutschland.* B., 1974.
- Smith W.R.* Kinship and Marriage in Early Arabia. Cambridge, 1885.
- Spinei V.* The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century. Leiden; Boston, 2009.
- Stefansson J.* The Vikings in Spain, from Arabic (Moorish) and Spanish Sources (Saga Book of the Viking Society. Vol. VI). L., 1908–1909.
- Sturm D.* Die arabische geographische Literatur im historikerkapitel des Kitāb al-Fihrist von Ibn an-Nadīm // *Hallesche Beiträge zur Orientwissenschaft.* Halle (Saale), 1986. Ht 10. S. 23–36.
- Sundermann W.* The Manichaean Texts in Languages and Scripts of Central Asia // *Languages and Scripts of Central Asia / Ed. S. Akiner and N. Sims-Williams.* L., 1993. P. 39–45.
- Le Tabelle geografiche d'al-Battani / Trad. ed ann. Prof. C.A. Nallino.* Torino, 1898.
- Tibbets G.R.* The Balkhī School of Geographers // *The History of Cartography.* Chicago, 1992. Vol. 2. Pt. 1: Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies / Ed. by J.B. Harley, D. Woodward.
- Togan Zeki Validi A.* Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig, 1939.
- Thomsen V.* Inscriptions de l'Orchon. Helsingfors, 1896.

- Tuulio O.J. (Tallgren)*. Du nouveau sur Idrisi. Sections VII, 3–VII, 5. Helsinki, 1936. P. 23–26.
- Al-'Udhri, Ahmad ibn 'Umar ibn Anas*. Fragmentos geográfico-históricos de al-Masalik ila ġami al-Mamalik / Ed. crítica por 'Abd al-'Aziz al-Ahwāni. Madrid, 1965. Una Descripción anónima de al-Andalus. Madrid, 1983.
- Vasiliev A.A.* Harun-ibn-Yahya and His Description of Constantinople // *Seminarium Kondakovianum: recueil d'études, archéologie, histoire de l'art, études byzantines*. Prague, 1932. Vol. 5. P. 149–163.
- Vernet J.* Al-Khwarizmi // *EI*, 1997. Vol. IV. P. 1070–1071.
- Viae Regnorum: Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishák al-Fárisí al-Istakhrí* / Ed. by M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1870. (BGA I)
- Vulić*. Jazyges // *Paulys Real Encyclopaedie der Classischen Altertumswissenschaft*. B., 1914. Bd. IX, 1. Hb. XVII. S. 1189–1191.
- Watt W.M.* Abū Zayd al-Balkī // *Encyclopaedia Iranica*. 1983. Vol. I, fasc. 4. P. 399–400.
- Weber E.* Tabula Peutingeriana. Codex Vindobonensis 324, vollständige Faksimile-Ausgabe im Originalformat. Graz, 1976.
- Wellisch H.H.* The First Arab Bibliography: Fihrist al-'Ulum [Occasional Papers]. University of Illinois, 1986.
- Westberg F.* Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa // *Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*. SPb., 1899. T. IX, № 4. S. 213.
- Wieber R.* Nordwesteuropa nach der arabischen Bearbeitung der Ptolemäischen Geographie von Muhammad B. Musa al-Huwarizmi. Walldorf; Heyssen, 1974.
- Wiedemann E.* Al-Khwarizmi // *EI2*. 1954. Bd. II. S. 978.
- Wissenschaft und Technik im Islam. Katalog der Instrumentensammlung des Institutes für Geschichte der Arabisch-Islamischen Wissenschaften* / Ed. F. Sezgin. Frankfurt-am-Main, 2003. Bd. 2: Geographie.
- Zajączkowski A.* Ze studiów nad zagadnieniem chazarskim. Kraków, 1947.
- Zimonyi I.* The Origins of the Volga Bulgars // *Studia Uralo-Altaica*. Szeged, 1990. № 32.

Tatjana M. Kalinina

EASTERN EUROPE IN THE MIRROR OF ARABIC-PERSIAN LITERATURE: SELECTED ARTICLES

This part of the volume includes a revised and supplemented re-edition of previously published papers of Tatjana M. Kalinina. The articles deal with two complexes of problems. The first one is devoted to the geography of Eastern Europe as represented in medieval Arabic and Persian writings. The author analyzes the information on Eastern Europe preserved in the works of medieval Islamic historians, geographers and cartographers: al-Fergani (9th c.), Muhammad ibn Musa al-Khwarizmi (first half of the 9th c.), Ibn Khordadbeh (9th c.), al-Ya'kubi (9th c.), Ibn Qutayba (9th c.), al-Balazuri (9th c.),

at-Tabari (9–10th c.), Ibn al-Battani (10th c.), al-Istakhri (10th c.), Ibn Haukal (10th c.), Kuldama ibn Ja'far (10th c.), Ibn al-Faqih (10th c.), Ibn Rusteh (10th c.), al-Mas'udi (10th c.), Agapius of Hierapolis (10th c.), Ibn Fadlan (10th c.), al-Biruni (11th c.), Gardizi (11th c.), al-Bakri (11th c.), al-Marvazi (late 11th — early 12th c.), al-Idrisi (12th c.), and Ibn al-Athir (13th c.). Models of different regions of the world on the early medieval Islamic mental maps are studied as well as the representation of East European lands, water basins and river routes. Fragments of early medieval Islamic maps are published.

The information related to Scythia (East European steppes), the Tanais (the Don), the Strait of Constantinople (the Bosphorus and Dardanelle), Chersonesus, the Caspian Sea and the Slavic 'cities' is analyzed. It is demonstrated how good was the acquaintance of Arabic authors with these regions, how real geographical facts and information about these regions transformed in their image of the world, and how large was their dependence on classical (especially Ptolemaic) tradition. The editing, transforming, and supplementing of the information in the process of its passing from one author to another is retraced (these observations allow also to reconstruct the non-extant sources). Several articles discuss the information about various peoples (both real and imaginary) of the South-East of Eastern Europe, the Turks, the Pechenegs, the Bulgars, the 'Burdjans'. The analysis of the mythologized appreciation of ethnic names by Arabic authors leads to the conclusion that some of these names are polysemantic and conventional and they could have been applied to different peoples of Europe.

The second complex of articles is focused on the information preserved in medieval Arabic-Persian geographical treatises about the Slavs (both Eastern and those of Central Europe). The place the Slavs occupied in the Arabic image of the world is discussed within the frameworks of the Arabic division of the habitable world into 'climates' and 'genealogy' of nations as descendents of one of the sons of Noah. Special attention is paid to the social structure of the Slavs and the Rus' as well as the Arabic terms designating the ruling elite and various groups of dependent population. The attention is also focused on such important and problematic aspects of the old Russian economy as the collection of tribute and export commodities used in the international trade.

Keywords: Arabic-Persian medieval written sources, cartography, geography, images of Eastern Europe, Ancient Russia, social terminology

DOI: 10.32608/1560-1382-2021-42-8-336

ПРОБЛЕМЫ ХАЗАРОВЕДЕНИЯ

В.В. Тишин

К ДАТИРОВКЕ СМЕРТИ ТОН ЙАБГУ / ДЖАБГУ КАГАНА (ПО КИТАЙСКИМ ИСТОЧНИКАМ)¹

В работе предлагается обзор китайских источников, имеющих отношение к прямой или косвенной датировке смерти Тон йабгу / джабгу кагана. Известно, что непосредственно упоминаются две даты — 628 и 630 гг., каждая из которых имеет своих сторонников среди исследователей. Определенные противоречия к этим данным добавляют сведения биографии буддийского паломника Сюань-цзана 玄奘 в связи с расхождениями в источниках даты начала его путешествия, под которую автоматически подстраиваются остальные датировки. Другую сложность представляет собой задача соотнесения данных китайских источников со сведениями византийских и древнеармянских источников касательно участия западных тюрков в кампании на Кавказе 626–628 гг. в качестве союзников византийского императора Ираклия против Сасанидской державы. Автором статьи предлагается вариант, увязывающий сведения двух, наиболее приближенных к описываемым событиям источников — сочинения на древнеармянском языке «История [страны] Алуанк» авторства Мовсёса Дасхуранци и данные о путешествии Сюань-цзана 玄奘, с учетом возможной поправки начала его путешествия не 8-й месяц 3-го года эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (24.08–21.09.629), в 4-й месяц (29.04–27.05.629). В результате имеется возможность предполагать гибель Тон йабгу / джабгу кагана во второй половине осени — начале зимы 629 г. Другие китайские источники, представленные официальными династийными историями и энциклопедиями, хотя и составлялись на основе более ранних свидетельств, в каждом случае представляют вторичные данные, вписанные в контекст тех или иных событий, хронологическая локализация которых варьируется при полном охвате материалов.

Ключевые слова: Западный Тюркский каганат, Тон йабгу / джабгу каган, Сюань-цзан, Сасаниды, китайские источники, дипломатия

---

¹ Работа подготовлена при поддержке проекта РФФИ № 20-09-00095 А «Социально-политическая история Афганистана и Пенджаба: от середины I тыс. н.э. до начала монгольского вторжения».

Тон йабгу / джабгу каган (кит. Тун е/шэ-ху кэ-хань 統葉護可汗² (Chavannes 1903. P. 370, 321 [Index]), согд. *twñ cpyw γ'γ'n* (Бабаяров 2007. С. 9–10, № 3–6, с. 11, № 7–8; Babayar 2007. S. 54–56, № 4–6, s. 56–57, № 7–9; Lurje 2010. P. 394–395), тиб. *Ton ya bgo kha gan* (Vacot, Thomas, Toussaint 1940. P. 17, 18, 38, note 3, p. 39)) был одним из наиболее значительных правителей в истории так называемого Западного Тюркского каганата, который достиг апогея могущества в этот период. Между тем, несмотря на довольно значительную и разнообразную источниковую базу, ряд вопросов, связанных с хронологией его правления, остаются не решенными. Одна из наиболее затяжных дискуссий касается датировки смерти Тон йабгу / джабгу кагана.

Непосредственные указания на дату его гибели имеются только в китайских источниках, однако, они противоречивы. Более сложную проблему создает задача корреляции этих данных с косвенными сведениями, представленными в византийских, древнеармянских и отчасти древнегрузинских источниках. Они касаются участия западных тюрков в последней стадии сасанидско-византийской войны 622–628 гг., а также событий последующих месяцев.

1. ЗАПАДНЫЕ ТЮРКИ НА КАВКАЗЕ В 626–629 ГГ.

Сюжеты, связанные с боевыми действиями на Кавказе в период 626–628 гг., где на стороне византийского императора Ираклия (610–641) выступили тюрки, на материале всего известного комплекса источников неоднократно разбирались исследователями. Последовательность и общая хронология событий могут считаться реконструированными, поэтому мы остановимся на основных вопросах.

Летом 625 г. император Ираклий обратился за помощью к правителю западных тюрков³. Летом 626 г. они предприняли вторжение на Кавказ,

² Иероглиф 葉, имеющий современные чтения *e* (пиньин. *ye*) и *shè* (пиньин. *shè*), как установил в свое время Ф. Хирт, был, по-видимому, специально подобран для сочетания, передающего звучание древнетюркского титула, в различных источниках известного как с йекающим, так и джекающим началом, что, очевидно, отражает диалектные особенности произношения уже в тюркоязычной среде. В дальнейшем мы используем написание, отражающее такое равноправное существование обоих вариантов.

³ Феофан Исповедник говорит здесь о «тюрках восточных, которые назывались хазары» (τοὺς Τοῦρκους ἐκ τῆς ἑφας, οὗς Χάζαροις ὀνομάζουσιν). Никифор говорит

намереваясь соединиться с армией Ираклия, но его отвлекло мощное наступление сасанидских войск и нападение авар на Константинополь, потому тюрки отступили. Весной 627 г. тюрки, пройдя через Дербентский проход, снова вторглись на Кавказ. В начале июля союзники соединились у Тбилиси, начав осаду города, здесь император обещает предводителю тюрков выдать замуж свою дочь. После взятия города, в конце августа или начале сентября союзники вторглись в Персию. После ряда побед, продвинувшись к февралю 628 г. до сасанидской столицы, армии союзников к середине марта отошли в Антропатену, откуда тюрки отправились в Албанию (Zuckerman 2007. P. 413–416)⁴.

Противоречия возникают по вопросам идентификации командующего армией тюрков. Феофан Исповедник упоминает здесь *στρατηγὸν Ζιέβηλ*⁵, «второго [человека] по достоинству после кагана» (δεντέρω ὄντι τοῦ Χαγάνου τῆ ἀξία — Чичуров 1980. С. 34–35, 59). В «Бревиарии» патриарха Никифора, чьи сведения здесь восходят к другому, источнику (см.: Shapira 2015. P. 48), говорится об обращении императора к правителю тюрков (τοῦρκων κύριον), далее начальник высланного войска фигурирует просто как некий «турок», за которого впоследствии император обещал выдать замуж свою дочь (Чичуров 1980. С. 151, 159–160; Shapira 2015. P. 49–50)⁶.

именно о тюрках. В сочинении Джуаншера Джуаншериани («Жизнь и подвижничество Вахтанга Горгасала», XI в.) союзники Ираклия именуются «тюрки с запада» в (контексте: *Ganjlierda igi da miqvanna da savlet'it' t'urk'ni*, განძლიერდა იგი და მიოყვანნა დასავლეთით თურქნი — Biró 1981. P. 128). В гл. 11 второй книги сочинения «История [страны] Алуанк» Мовсёса Дасхуранци говорится о двух походах на Кавказ народа *хазар* (*Hazirk'*). Далее в гл. 12, восходящей к иному источнику, в ответном письме персидского шаха Хусрава II «царю севера» идет отсылка к имевшим место между династиями бракам, отсылающая к тюркам. Кроме того, как обратил внимание К.Г. Менгес, упомянутое здесь слово *turkan* (в контексте *Turkann darjaw yašxarh iwr*, տուրկանն դարձաւ յաշխարհ իւր; ркп. вар.: *turkann, turuakann, turakann, drovakann*), может быть истолковано как передача среднеперсидской формы множ. числа от этнонима *тюрк*, т. е. *turkân* (Menges 1963. P. 55–56). Эта важная поправка позволяет, с учетом компилятивного характера всего источника, снять вопрос о соотношении касательно этого исторического эпизода тюрков и хазар, прекратив дискуссии о роли и вообще возможности участия последних в этом походе (Zuckerman 2007. P. 411–412, 413).

⁴ В цит. работе см. также библиографию.

⁵ Вар.: Ζιέβήλ, Ζιέβήλ, Ζιέβηλ (Moravcsik 1983. S. 130–131; Чичуров 1980. С. 35, 59, 100, коммент. 218).

⁶ Это сообщение подтверждает Михаил Сириец (Czeglédy 1953. 319 о.). Агиографическое сочинение «Цамебай да гуацли цмидата да дидебулта моцамета Давит да Костантинеси» («Мученичество и героизм святых и славных мучеников, Давида и Константина»), рассказывающее о событиях VIII в. и сохранившееся в редакции XII в., является единственным древнегрузинским источником,

Компилятивное сочинение на древнеармянском языке «История [страны] Алуанк», известное под авторством Мовсёса Дасхуранци⁷, несколько отлично представляет этого персонажа в относящихся к разным источникам гл. 11 и гл. 12–16 второй книги⁸. В гл. 11 упомянут инициировавший вторжение народа *хазар* (*Hazirk'*, Խազիրք) «владелец их князь» (*išxan ter noc'a*, իշխան տէր նոցա), затем, соблазнившись добычей, решившийся на второй поход, где во главе вторгшихся войск упоминаются отождествляющийся с упомянутым ранее предводителем Джебу хакан (*Jebu hak'an*, Ջեբու Խաքան) и его сын (*The History of the Caucasian Albanians* 1961. P. 83; Мовсес Каланкатуаци 1984. С. 77, 78). В гл. 12, отчасти дублирующей содержание предыдущей, изначально упоминается Джебу хакан как предвкушающий добычу и обещающий лично привести войска; он назван здесь «следующим по положению после северного царя и вторым после него в царстве» (*yajford ark'ayin hiw-sisoy wor ēr yerkrord t'agaworut'eann nora*, յայֆորդ արքային հիւսիսոյ, որ էր երկրորդ թագաւորութեանն նորա)⁹, что соответствует характеристике Зиевила у Феофана (*The History of the Caucasian Albanians* 1961. P. 87, note 7; Мовсес Каланкатуаци 1984. С. 81). Однако, в итоге именно «царь севера» (*t'agaworn hiw-sisoy*, թագաւորն հիւսիսոյ) отправил войско под предводительством *племянника*, которого называли *šat' շաթ* (< др.-тюрк. *šad) (*The History of the Caucasian Albanians* 1961. P. 87–88, 87, note 4; Мовсес Каланкатуаци 1984. С. 81; Golden 1980. P. 206–207; Новосельцев 1990. С. 139). В дальнейшем (гл. 14) этот *шат* называется сыном Джебу хакана (*The History of the Caucasian Albanians* 1961. P. 94–95, 100; Мовсес Каланкатуаци 1984. С. 85, 86, 93)¹⁰. Следуя

бегло упоминающем о браке дочери императора Ираклия с предводителем тюрков, названных, однако, «куманами, которые *кыпчаки*» (*K'omantasa romel arian Q'ivčaq'ni*), т.е. поздний редактор, видимо, экстраполировал принятое наименование тюркских кочевников, связанных с Кавказом, на прошлое (Bíró 1981. P. 129–130; Shapira 2007. P. 334–335; Shapira 2015. P. 49, note 8).

⁷ По поводу как авторства источника, так и наименования условного автора, выступавшего, очевидно, лишь поздним компилятором, в науке существует дискуссия, которой мы здесь не касаемся. Нами вслед за Ч.Дж.Ф. Доусеттом принимается вариант «Мовсёс Дасхуранци».

⁸ Не вдаваясь в известную дискуссию, мы следуем реконструкции К. Цукермана (Zuckerman 2007. P. 404–417).

⁹ Й. Маркварт перевел *իւսիսոյ* как “Stellvertreter” (Markwart 1929. S. 101), К. Цегледи — “helyettes” (Czeglédy 1959. 106 о., 4. jegyz.), Ч.Дж.Ф. Доусетт — “viceroi” (*The History of the Caucasian Albanians* 1961. P. 87), Ш.В. Смбалян — «преемник» (Мовсес Каланкатуаци 1984. С. 81), А.П. Новосельцев дает трактовку «следующий (по чину)» (Новосельцев 1990. С. 87).

¹⁰ В нескольких местах по отношению к нему применен термин *т'агаворди* թագաւորի «сын царя» (Новосельцев 1990. С. 87). Ср.: “king’s son” (*History of the Caucasian Albanians* 1961. P. 98), «царевич» (Мовсес Каланкатуаци 1984. С. 88).

тексту гл. 12, именно «царь севера» при вторжении направил персидскому царю письмо, извещающее о том, что он вступил в союз с Иракием и вторгся в его земли (The History of the Caucasian Albanians, 1961. P. 88; Мовсес Каланкатуаци 1984. С. 81–82)¹¹.

Следуя гл. 14, после захвата Тбилиси Джебу хакан забрал добычу и, оставив *шапа* с войском, приказал им двинуться на страну Алуанк, а сам уехал (The History of the Caucasian Albanians 1961. P. 95; Мовсес Каланкатуаци 1984. С. 86). У Феофана под Тбилиси Зиевил представил императору своего сына и, оставив 40 тыс. войска под его командованием, сам «возвратился в свою страну» (αὐτὸς ὑπέστρεψεν εἰς τὴν ἰδίαν χώραν) (Чичуров 1980. С. 34–35, 59, 102–103, коммент. 223; Shapira 2015. P. 47–48).

У хрониста Себѣоса дважды встречается упоминание великого кагана (*Месн Хак'ан*, Մեծն Խաքան), «царя северных стран» (*ark'ay kolmanc'n Hivsisoy*, արքայ կողմանցն Հիւսիսայ), в подчинении которого был некто *Շերքիս* (падежн.: Ճեմպիսիս [ճեմքիսիս]), или, при втором упоминании, *Շենастан Շեքետիս* (падежн. Ճենաստանն Ճեպետիսիս; также просто *Շեքետիս*, падежн. Ճեպետիսիս [ճեքետիսи]), при этом здесь идет отсылка к каким-то действиям последнего на Кавказе на стороне императора Ираклия (The Armenian History 1999. P. 49–51, 54, note 342; Czeglédy 1959. 113–114 о.).

Согласно реконструкции хода событий, Джебу хакан покинул арену боевых действий к зиме 627/628 г. Хронологически этому следуют описанные у Мовсѣса Дасхуранци в гл. 14–16 события, связанные с пребыванием в плену у *шапа* католикоса Виро (др.-арм. Վիրի [viroy], 596–629). Его возвращение из Ирана следует за вступлением на сасанидский престол Кавāда II¹², соответственно, пребывание Виро у *шапа* длилось где-то с поздней весны 628 до начала лета 629 г. (Zuckerman 2007. P. 413).

¹¹ Эпизодично в связи с осадой и взятием Тбилиси этот персонаж упоминается в древнегрузинских источниках в собрании «Картлис Цховреба», где представлен как *эристав* (*eristavi*, ერისთავო, в армянском переводе «Картлис Цховреба» — *zoragloyx*, զորագլոյս), которым среди прочих командует император Ираклий. В упомянутом сочинении Джуаншера Джуаншериани «Цховреба да мокалакоб Вахтанг Горгаслиса» дается форма его имени *Джибга* (*jibya*, չոբղ) [в сокращенном изложении этого же сюжета в «Мокцевай Картлисай» («Обращение Картли», X в.) — *Джибго* (*jibyo*, չոբղոյ [jibyo]), а в сочинении использовавшего данный источник Сумбата Давитисдзе «Цховреба да Уцкеба Багратонианта» («Житие и повествование о Багратионах», XI в.) — *Джибгу* (*jibyi*, չոբղոյ) (Marquart 1903. S. 394, Anm. 2; Biró 1981. P. 128–129, 130, note 42; Мовсес Каланкатуаци 1984. С. 80, 201, коммент. 59; Новосельцев 1990. С. 87; Shapira 2007. P. 335–340; Shapira 2015. P. 57–61).

¹² Ч.Дж.Ф. Доусетт указывает “spring 629” (The History of the Caucasian Albanians 1961. P. 94, note 1).

Ценнейшей хронологической привязкой к моменту пленения католикоса Виро тюрками является описание в тексте Мовсѣса Дасхуранци (гл. 14) некоей внезапно наступившей темноты (The History of the Caucasian Albanians 1961. P. 96; Мовсес Каланкатуацци 1984. С. 87), что может отсылать к полному солнечному затмению 10.04.628, достоверно зафиксированному в японских источниках. Некоторые сирийские хроники дают даты на самом деле не существовавших затмений 625 г. (Иаков Эдесский, «Хроника 724 г.»), другие источники пишут о затмении в 626 г. (Агафий Миринейский, Михаил Сириец, Бар Гебрей, «Анонимная хроника 1234 г.»), в ирландских источниках упоминается о потускнении солнца в 624 г., в японских — о холодной и дождливой погоде летом 626 г. Все эти явления связываются с возникновением сухого тумана, появившегося после извержения некоего вулкана на о. Крит в 623±3 г. (Stothers 2002. P. 4; ср.: Stothers, Rampino 1983. P. 6363). К явлениям той же природы относится и резкое ухудшение климата в Центральной Азии в период с 627 по начало 630 г., отразившееся в неурожае в Танской империи и массовом падеже скота во владениях восточно-тюркского Се-ли 頡利 кагана (Fei Jie, Zhou Jie, Hou Yongjian 2007), оказав значительное влияние на дестабилизацию его власти. Вероятно, связаны с этим голод, эпидемии и мор в стране Алуанк, подробно описанные у Мовсѣса Дасхуранци в гл. 15, помещенной после рассказа о католикосе Виро (гл. 14) и перед рассказом о новом походе войск Джебуба хагана уже в 629 г. (гл. 16). Сам автор сетует на крыс, пожравших урожай, и разорения, причиненные завоевателями (The History of the Caucasian Albanians 1961. P. 102–103; Мовсес Каланкатуацци 1984. С. 90–91).

Гл. 16 рассказывает о том, что «князь севера» (*išxann hiwsišoy*, իշխանն հիւսիսոյ) начал поборы с населения занятой страны, а затем принял решение о вторжении в Армению (The History of the Caucasian Albanians 1961. P. 104; Мовсес Каланкатуацци 1984. С. 91–92). Последнее отнесено ко второму году правления Ардашүра (III), сына Кавата, т.е. Кавāда II (17.06.629–27.04.630) (The History of the Caucasian Albanians 1961. P. 104, note 1; Мовсес Каланкатуацци 1984. С. 91)¹³. С наступлением лета (*i žamanaks amařnayin*, ի ժամանակս լուսնայինս) этого года «князь севера» снарядил разведывательный отряд из 3 тыс. чел. под командованием *Чолпан таркана [*Zjorpan T'arxan*, Չջորպան Թարխան] (см.: The History of the Caucasian Albanians 1961. P. 104, note 2; Golden 1980. P. 176–177), а сам двинулся

¹³ Об армянском летоисчислении и его соотношении с персидским см.: Higgins 1933. P. 15–16. См. также: Zuckerman 1995. P. 119–120, notes 27, 30; Zuckerman 2013. P. 215, note 76.

за ним. Глава завершается рассказом о том, что в итоге северный владетель, названный тут «котел севера» (*kat'sayn Hiwsisoy*, ჟჳრჳიჳი ჳჳიჳიჳი) (*The History of the Caucasian Albanians* 1961. P. 106, note 3; Мовсес Каланкатуаци 1984. С. 93, 203, примеч. 87)¹⁴, вступил в смуту со своей родней¹⁵. Посланным войскам, уже имевшим столкновения с персами у оз. Гелам (совр. Севан), пришло известие от «льва севера» (*hiwsisakan ojtol ariwcen*, ჳჳიჳიჳიჳიჳი ოჯთლჳი ჳჳიჳიჳი)¹⁶, как назван здесь собственно Джебун хакан, который, умирая, успел отправить послание своему сыну *шату*, сетуя на то, что пал жертвой заговора, и наставляя его продолжать борьбу (Markwart 1929. S. 100–101; *The History of the Caucasian Albanians* 1961. P. 104, 106; Мовсес Каланкатуаци 1984. С. 91–92, 93). Важно, что в источнике нет никаких ориентиров для примерной датировки этого сообщения.

Таким образом, событийно это повествование совпадает с сообщением китайских источников о восстании против Тон йабгу/джабгу кагана (Czeglédy 1953. 323 о.; Vombaci 1970. P. 21; Kuwayama 2012. P. 87). Заманчиво, к тому же, по аналогии с происходившим в это время в Восточном Тюркском каганате, связать причины самого вторжения и смут с отмеченными природными катаклизмами,

Никифор позже дает сообщение о том, что Ираклий приказал своей дочери Евдокии отправиться из Византии, поскольку обручил ее, но, узнав о гибели «турка» (ἐγνώστο ὅτι σφαγή ὁ Τοῦρκος ἀνῆρητο [вар.: ἀναιρεῖτο]), велел в итоге ей вернуться (Чичуров 1980. С. 153, 161). Как заметил К. Цукерман, брак дочери императора с самого начала имел бы смысл только с суверенным правителем (Zuckerman 2007. P. 412). Изображение принцессы Евдокии присутствует на экземплярах византийских монет, выпускавшихся в период с шестого года правления Ираклия (05.10.615–04.10.616) по 19-й (05.10.628–04.10.629), или до 2-го индикта (01.09.628–31.08.629), после чего оно исчезает, что К. Цукерман склонен привязывать ко времени ее отправки к союзнику Ираклия, относя его к лету 629 г. (Zuckerman 1995; 1997; 2013. P. 213). Однако без привязки к конкретной интерпретации, о которой будет сказано ниже, не исключено и начало осени.

¹⁴ К указанным в ссылках ниже примечаниях об аллегорическом объяснении наименования «котел севера» и его истоках см.: Czeglédy 1953. 321–322 о.

¹⁵ Ср.: “turned his countenance against his sons and fought against his own kin, visiting the fullness of his wrath upon his young and punishing one [crime] a thousandfold and two, ten thousandfold” (*The History of the Caucasian Albanians* 1961. P. 106), «обратил лицо свое против сыновей своих. И стал он спорить с самим собой и всю ярость гнева своего обрушил на головы сыновей своих, и за одного потерпели тысячи, а за двоих — десять тысяч» (Мовсес Каланкатуаци 1984. С. 93).

¹⁶ Обсуждение в связи другими эпитетами, используемыми в источнике в отношении правителя тюрков см.: Vombaci 1970. P. 22.

В целом отнесение гибели Тон йабгу / джабгу кагана к осени 629 г. соответствовало бы и датировке Мовсёса Дасхуранци и косвенному общению Никифора, упоминающему об отправке и затем возвращении дочери Ираклия перед рассказом о возвращении императором Истинного Креста в Иерусалим¹⁷.

2. СМЕРТЬ ТОН ЙАБГУ/ДЖАБГУ КАГАНА В КИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ

2.1. Династийные хроники и энциклопедии

Тон йабгу / джабгу каган, пришедший к власти, по-видимому, в первой половине 618 г., что вытекает из упоминаний о его деятельности в конце эры правления *да-е* 大業 (25.01.605–11.04.618) (Cén Zhòngmiǎn 1958a. P. 4)¹⁸, с самого начала завел добрососедские отношения с империей Тан 唐, послав посольство с подарками 28.07.619¹⁹, затем отправлял посольства к танскому двору почти каждый год: 09.02–09.03.620, 08.05–06.06.620, 29.03–27.04.621, 16.05–14.06.622, 11.09–09.10.622, 05.05–03.06.623, 25.12.623–25.01.624, 23.04–22.05.625, 02.04–01.05.626, 29.06–28.07.626, 23.01–20.02.627, 14.11–12.12.627, 09.05–06.06.628 (Bielenstein 2005. P. 399–400; Kuwayama 2012. P. 80–81)²⁰.

¹⁷ См.: Zuckerman 2013, где обосновывается дата возвращения Креста 21 марта 629 г. (вопреки 630 г.). Хотя по датировке есть определенная дискуссия, тем не менее, кажется, что привязка двух сообщений друг к другу не обязательно должна служить аргументом к дискуссии (ср.: Zuckermann 2005. P. 118–119, note 30).

¹⁸ Ниже при упоминании китайских источников будут использоваться следующие сокращения названий.

СШ — «Суй шу» 隋書; ТД — «Тун дьянь» 通典 («Общий свод»); ЦТШ — «Цзю Тан шу» 舊唐書 («Старая [официальная] истории [династии] Тан») ЦФЮГ — «Цэ-фу юань-гуй» 冊府元龜 («Изначальная черепаха [императорской] библиотеки»); СТШ — «Синь Тан шу» 新唐書 («Новая [официальная] история [династии] Тан»); ЦТЦ — «Цзы-чжи тун-цзянь» 資治通鑑 («Помогающее управлению всеобщее обозрение»). При указании аббревиатуры названия идущее следом «цз.» является сокращением от кит. *цзюань* 卷 «глава». Разделы ТД, ЦТШ, СТШ и отчасти ЦФЮГ известны в переводах. Ссылки на оригинальные тексты будут приводиться при необходимости — в случаях отсутствия имеющихся переводов или в случаях принципиального расхождения с имеющимися. Пагинация дается по изданию «Цинь-дин сы ку цюань-шу хуэй яо» 欽定四庫全書摘要 («Избранное из “Высочайше утвержденного полного собрания книг по четырем разделам”»).

¹⁹ Здесь и далее в ряде случаев для удобства опущено упоминание дат по китайскому календарю с обозначением годов эры правления.

²⁰ Дата последнего посольства, отмеченная в ЦФЮГ (цз. 970), связана лишь с посольством от западных торгов, без упоминания имени организовавшего его правителя, следующее подобное посольство датируется в источнике 11-м месяцем третьего года эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (21.11–19.12.629) (Taşağıl 2003. S. 120).

В специальных разделах, посвященных западным тюркам в энциклопедических сочинениях и официальных династийных историях, обстоятельства его гибели упоминаются попутно в контексте взаимоотношений с империей Тан.

По ЦФЮГ (цз. 978), это было в 4-й месяц 8-го года эры правления *у-дэ* 武德 (23.04–22.05.625), когда Тон йабгу / джабгу каган снова²¹ направил к танскому двору предложение заключить союз, основанный на родстве, выдав за него танскую принцессу (Таҗағил 2003. S. 125). После обсуждений с советниками император Гао-цзу 高祖 (618–626) принял решение согласиться на такое предложение, рассчитывая создать противовес восточным тюркам, и отправил ответное посольство. В начале 627 г. Тон йабгу / джабгу каган вместе с прибывшим к нему еще в 625 г. танским послом Дао-ли 道立 отправил ко двору своих посланников, доставивших щедрые дары за принцессу (*ин гун-чжу* 迎公主) (ЦТТЦ. Цз. 192, с. 30а). С этим же посольством в Танскую столицу прибыл индийский монах Прабхакрамитра²². По «Сюй гао-сэн чуань» 續高僧傳 («Продолжение жизнеописаний достойных монахов», далее — СГСЧ), он покинул кагана в 12-м месяце в 9-го года эры правления *у-дэ* 武德 (24.12.626–22.01.627) (Chavannes 1903. P. 192), его прибытие в столицу состоялось в первый год эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (23.01.627–10.02.628) (Chavannes 1904. P. 3), или, как уточняет Ш. Куваяма, отмечая противоречия в разрозненных источниках, еще в 11-й или 12-й месяц 9-го года правления *у-дэ* 武德 (25.11–23.12.626 и 24.12.626–22.01.627) (Kuwayama 2012. P. 81–84).

Сам брак так и не состоялся. Так, ТД (цз. 199, с. 5а–5б) и ЦТШ (цз. 194б, с. 4а–4б) помещают далее сообщение, согласно которому Тон йабгу / джабгу каган стал «самоуверен в своей мощи» (*цзы-фу ци цян* 自負其強), «немилостлив к [его] владению» (*у-энь юй-го* 無恩於國), «племена повсюду роптали» (*бу-ло сянь юань* 部落咸怨); племя (*чжун* 種) карлуков (*гэ-ло-лу* 葛羅祿) много бунтовало. Далее сказано, что Се-ли 頡利 каган начал беспокоить танские границы, сообщив Тон

²¹ Впервые это предложение было доставлено к танскому двору посольством в четвертом месяце третьего года эры правления *у-дэ* 武德 (08.05–06.06.620), тогда было получено предварительное согласие. После одного из посольств 622 г., зимой, когда танские войска собирались выступить против Се-ли 頡利 кагана, тот поспешил возобновить дружеские отношения с западными тюрками (Сэн Zhòngmiǎn 1958b. P. 123; Vombaci 1970. P. 19).

²² Прабхакрамитра направился в Среднюю Азию с целью проповедовать буддийское учение где-то в девятый год эры правления *у-дэ* 武德 (02.02.626–22.01.627). У него, по-видимому, достаточно хорошие отношения сложились с Тон йабгу / джабгу каганом, что тот даже не хотел отпускать его, хотя того через посольства приглашали в Танскую империю.

йабгу / джабгу кагану, что если принцесса будет двигаться по подвластным ему территориям, он остановит ее. Это вызвало беспокойство Тон йабгу / джабгу кагана, но он не успел ничего предпринять, поскольку был убит своим дядей. В СТШ (цз. 215б, с. 96–10а) последовательность событий иная. Сначала сказано о том, что вскоре после упомянутого посольства начались беспокойства у танской границы со стороны восточных тюрков, из-за чего дорога не была безопасной. Далее рассказано о послании от Се-ли 頡利 кагана Тон йабгу / джабгу кагану. Последний был обеспокоен случившимся и после этого стал «своенравен в отношении к своей мощи» (*фан-фу ци цян* 方負其強), «немилоостливо относился к подданным» (*бу-и энъ-цзе ся* 不以恩結下), они «озлобились [и] много бунтовали против [него]» (*чжун юань бу-го чжи* 眾怨多叛去), начали отделяться и в итоге его дядя (по отцу) Мо-хэ-до 莫賀咄 убил его (Chavannes 1903. P. 25, 53; Liu Mau-Tsai 1958. S. 359; Таşaғұл 2003. S. 109–110, 207; Қазақстан тарихы 2006. 271–272 б.).

С. Куваяма датирует упомянутое послание Се-ли 頡利 кагана 625 или 626 г. (Kuwayama 2012. P. 78). Между тем, после заключения договора между Се-ли 頡利 каганом и императором Тай-цзуном 太宗 осенью 626 г., восточные тюрки нарушили танскую границу лишь в октябре 628 г. (ЦЧТЦ. Цз. 193, с. 2а; ЦФЮГ. Цз. 125, с. 16а). Но с самого начала 628 г. начали восставать подвластные Се-ли 頡利 кагану племена, нанесшие поражение посланным против них войскам (ЦЧТЦ. Цз. 192, с. 29а). Скорее, его послание западно-тюркскому кагану следует относить к 627 г.

Про гибель Тон йабгу / джабгу кагана в ЦФЮГ (цз. 974, с. 126) говорится так: «западно-тюркский Тун е/шэ-ху дядей был умерщвлен; император услышал о смерти Тун е/шэ-ху, очень опечалился [этим], послал в дар яшму и шелк к его похоронам, принести жертву, поскольку его владение было в состоянии переворота, не удалось достичь [этого]»²³ (ср.: Chavannes 1904. P. 4). Подобное указание на то, что император Тай-цзун 太宗, узнав о гибели кагана, отправил посольство с выражением скорби, которое не смогло добраться до места назначения, натолкнувшись на препятствия, вызванные смутами среди местных племен, содержится в других источниках (Chavannes 1903. P. 26, 53; Таşaғұл 2003. S. 110; Қазақстан тарихы 2006. 271 б.). Можно видеть, что все произошедшее, как гибель кагана, так и начало смут, было неожиданностью для танского правительства.

²³ *си ту-цзюэ тун е/шэ-ху вэй бо-фу со ша ди вэнь тун е/шэ-ху чжи сы шэнь дао чжи цянъ цзи юй-бо чжи ци сы-со цзи эр фэнь чжи хуэй ци го луань бу-го чжи эр-чжи* 西突厥統葉護為伯父所殺帝聞統葉護之死甚悼之遣賚玉帛至其死所祭而焚之會其國亂不果至而止

Информация касательно собственно даты смерти Тон йабгу / джабгу кагана представлена преимущественно в поздних сочинениях противоречиво и размыто, и, скорее, привязана к общему контексту событий.

В цитированном выше фрагменте ЦФЮГ (цз. 974) отмечен первый год эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (23.01.627–10.02.628) (Chavannes 1904. P. 4). СТШ говорит о гибели Тон йабгу / джабгу кагана в цз. 2176, в разделе о *се-янь-то* 薛延陁/薛延陀, где назван второй год эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (11.02.628–29.01.629) (Cén Zhòngmiǎn 1958b. P. 700; Chavannes 1903. P. 25, note 3, p. 95, note 1; Liu Mau-Tsai 1958. S. 354). При этом цз. 2156 датирует четвертым годом эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (18.02.630–06.02.631) посольство с предложением брака от Цюй-ли Сы-пи 屈利俟毗 кагана (Chavannes 1903. P. 54; Қазақстан тарихы 2006. 272, 296 б., 76 түсін.), узурпировавшего власть после убийства Тон йабгу / джабгу кагана. ЦТЦ (цз. 193, с. 66) помещает под 12-м месяцем второго года эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (31.12.628–29.01.629) сообщения о его убийстве (ср.: Bielenstein 2005. P. 400) и далее — о провозглашении его сына *И-пи Бо-ло Сы е/шэ-ху* 乙毗鉢羅肆葉護 каганом.

Основываясь на СТШ (цз. 2176), исследователи относят смерть Тон йабгу / джабгу кагана к 628 г. (см., напр.: Franke 1936. S. 353; Қазақстан тарихы 2006. 271, 295 б., 64 түсін., 368, 419 б, 454 түсін.). Привлечение других источников дало повод Э. Шаванну отстаивать дату смерти Тон йабгу / джабгу кагана в 630 г. (Chavannes 1903. P. 95, note 1, p. 104, note 1, p. 175, note 2). А. Бомбачи предлагает видеть описку в СТШ (цз. 2176) и вместо указания второго (эр 二) года правления читать третий (*сань* 三) год, что падало бы на 30.01.629–17.02.630 (Bombaci 1970. P. 23). С. Куваяма на основе привязки к внешним событиям помещает смерть кагана между 15 днем первого и 8-м месяцем второго года эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀, т. е. 25.02 и 03.09–02.10.628 (Kuwayama 2012. P. 78). А. Ташагыл принимает дату 630 г. (Taşağıl 2003. S. 93).

Поводом для дискуссий послужило следующее сообщение в биографии А-ши-на Шэ-эр 阿史那社爾, помещенной в несколько разнящихся редакциях в ЦТШ (цз. 109) и СТШ (цз. 110). Согласно ЦТШ, во второй год эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (11.02.628–29.01.629)²⁴, после поражения от племен *те-лэ* 鐵勒, с оставшимися людьми он отступил на запад и захватил *кэ-хань фу-ту-чэн* 可汗浮圖城²⁵. Он имел войска до 100 тыс. чел., им было принято решение, пока Си-ли-би До-лу

²⁴ СТШ прямо не дает этой даты, но говорит о произошедших далее событиях в «следующем году» после упоминания поражения в первый год эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (23.01.627–10.02.628).

²⁵ Объект, под которым понимают Бешбалык (кит. Бэй-тин 北庭, resp. Тин-чжоу 庭州), возле совр. уезда Джимсар / Цзи-му-са-эр 吉木薩爾 (Liu Mau-Tsai 1958. S. 263, 672, anm. 1373; Chavannes 1903. P. 175, note 1).

奚利必咄陸 каган и Ни-шу 泥孰 (в ЦТШ — Си-ли-би До-лу 奚利邨咄陸 «и [его] брат(ья)» (*цзюн-ди* 兄弟), под, которым, очевидно, нужно понимать Сы е/шэ-ху 肆葉護 кагана. См.: Chavannes 1903. P. 175, note 3; Liu Mau-Tsai 1958, S. 263, 673, ann. 1375), «воевали [друг с другом] за [их] владение» (чжэн го 爭國), воспользоваться этим и захватить часть владений западных тюрков, что, согласно СТШ, ему удалось. В итоге он принял титул Ду-бу 都布 каган. Как указал Лю Мао-цай, поправляя перевод Э. Шаванна, в это время восточно-тюркский Се-ли 頡利 каган не мог воевать с западными тюрками, поскольку был слишком занят борьбой с восставшими племенами и своим племянником Ту-ли 突利 каганом (Liu Mau-Tsai 1958. S. 263, 672–673, Ann. 1374). В СТШ этот момент сокращен, но здесь перед упоминанием кампании против западных тюрков следует сообщение с таким посылом, что А-ши-на Шэ-эр 阿史那社爾 пережил и падение Се-ли 頡利 кагана (который попал в плен 02.05.630), и гибель западно-тюркского Тон йабгу/джабгу кагана (Cén Zhòngmiǎn 1958b. P. 790; Chavannes 1903. P. 175).

Упомянутые в биографии А-ши-на Шэ-эр 阿史那社爾 Си-ли-би До-лу 奚利邨咄陸 и в ЦТШ также Ни-шу 泥孰 — один и тот же человек. Его упоминание важно в связи с пониманием хронологии и административно-территориальной структуры западно-тюркских владений на момент смерти Тон йабгу / джабгу кагана. Свергший последнего его дядя Мо-хэ-до 莫賀咄 (< *Bayatur) известен прежде только под этим именем, он имел статус «малого кагана» (*сяо кэ-хань* 小可汗), до того, как захватив власть, назвался «великим каганом» (*да кэ-хань* 大可汗), вызвав несогласие знати (*го-жэнь* 國人) (Chavannes 1903. P. 26, note 1, p. 53; Taşağıl 1999. S. 92; Қазақстан тарихы 2006. 271, 295 б., 65 түсін.). Он принял титул Цюй-ли Сы-ни 屈利俟毗 каган. Не признавшее его племенное объединение (*бу* 部) ну-ши-би 弩失畢 (< *nišbir) выдвинуло на престол (*гун туй* 共推) Ни-шу Мо-хэ шэ 泥孰莫賀設 (< *Nizük Baya šad), сына Мо-хэ шэ 莫賀設 (< *Baya šad), брата Тон йабгу/джабгу кагана. Он же отказался в пользу сына Тон йабгу / джабгу кагана — Де-си-ли тэ-лэ 啞力特勒 (< *Terig tegin), спасшегося от Мо-хэ-до 莫賀咄, бежав, по СТШ, в Кан-цзюй 康居, т. е. Самарканд (см.: Қазақстан тарихы 2006. 271, 296 б., 73 түсін.)²⁶. В итоге он был провозглашен каганом с титулом И-ни [Ша-]бо-ло Сы е/шэ-ху 乙毗[沙]鉢羅肆葉護 каган (Chavannes 1903. P. 26, 54; Taşağıl 1999. S. 64, 92; Қазақстан тарихы 2006. 271, 296 б., 74 түсін.). Группа монет из Канка-тепе (Чачский оазис), содержащих на аверсе изображение полумесяца над лошастью, а на реверсе — тамги, (идентичной тамге на монетах с легендой *βγυ twp cpyw x'γ'n*) с круговой согдийской надписью 'урпу (вар.: 'рпу?) 'šp'r'sy

²⁶ Там правил муж его сестры.

срүw х'ү'n (Babayar 2017. S. 106, levha 1–4) позволила идентифицировать здесь его титул (Babayar 2017. S. 107).

Согласно цитированным источникам, отец Ни-шу Мо-хэ 泥孰莫賀, Мо-хэ шэ 莫賀設, служил Тон йабгу / джабгу кагану, и еще при императоре Гао-цзу 高祖 приезжал в качестве посла ко двору, когда он и заключил с будущим императором Тай-цзуном 太宗 братский союз. После смерти его отца роль в этом союзе занял Ни-шу 泥孰. В ЦФЮГ (цз. 970, с. ба) шестым месяцем седьмого года эры правления у-дэ 武德 (21.06–20.07.624) датируется посольство от западно-тюркского Мо-хэ-до 莫賀咄 кагана (Chavannes 1904. P. 3; Таşağıл 2003. S. 119), под которым следовало бы видеть именно Цюй-ли Сы-пи 屈利俟毗 кагана, однако, по-видимому, это как раз ошибочное упоминание его вместо Мо-хэ шэ 莫賀設.

Согласно ТД (цз. 199) и ЦТШ (цз. 1946), Сы е/шэ-ху 肆葉護 каган как сын предыдущего правителя получал больше симпатий у населения; к нему переметнулись «выдающиеся предводители племен» (*бу хао шуай* 部豪帥) с «западной границы» (*си-мянь* 西面), подвластные Ду-лу 都陸 (< *Türük)²⁷ кагану (под которым имеется в виду тот же Ни-шу 泥孰) и племена, подвластные Мо-хэ-до 莫賀咄 кагану²⁸, по-видимому, на восточной стороне (Chavannes 1903. P. 266, note 1). Именно Ду-лу 都陸 каганом был разбит и казнен Мо-хэ-до 莫賀咄²⁹, попытавшийся скрыться в Цзинь-шань 金山 (Алтай?), после чего знать (*го-жэнь* 國人) признала Сы е/шэ-ху 肆葉護 кагана великим каганом (*да кэ-хань* 大可汗) (Chavannes 1903. P. 26; Таşağıл 1999. S. 92). По ЦТШ (цз. 193, с. 346), это произошло в 12-й месяц четвертого года эры правления чжэнь-гуань 貞觀 (08.01–06.02.631).

Впоследствии тирания Сы е/шэ-ху 肆葉護 кагана привела к гибели некоего И-ли 乙利 кагана³⁰, который за заслуги прежде был назначен (*шоу* 授) малым каганом (*сяо кэ-хань* 小可汗), а самого Ни-шу 泥孰 вынудила бежать в Карашар (Янь-ци 焉耆) (Chavannes 1903. P. 26–27, 54; Таşağıл 1999. S. 92–93; Қазақстан тарихы 2006. 272 б.). В повествовании

²⁷ Впервые подобную транскрипцию сочетания *ду-лу* 都陸, *до-лу* 咄陸, *ду-лю* 都六, *до-лю* 咄六, встречающегося в личной ономастике и в качестве наименования племен восточного крыла Западного Тюркского каганата обосновал Й. Маркварт. Ср.: Cén Zhòngmiǎn 1958a. P. 109, примеч. 1.

²⁸ В тексте: *ци си-мянь ду-лу кэ-хань ци мо-хэ-до кэ-хань эр бу хао-шуай до лай-фу чжи* 其西面都陸可汗及莫賀咄可汗二部豪帥多來附之 (Cén Zhòngmiǎn 1958a. P. 109). Ср. перевод у Э. Шаванна “*Tou-lou kagan* [14], (qui était le kagan) de la région occidentale, ainsi que les vaillants chefs des tribus de Mo-ho-tou kagan [3] vinrent en grand nombre de se soumettre à lui”.

²⁹ В СТШ называется его убийцей именно Ни-шу 泥孰 (Chavannes 1903. P. 54; Қазақстан тарихы 2006. 272 б.). Вероятно, титул каган он сохранил за собой после провозглашения его племенами, не признавшими узуратора.

³⁰ В СТШ он назван И-цы 乙刺 каган.

о Карашаре в СТШ (цз. 221а), где после рассказа о событиях, привязанных к шестому году эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (27.01.632–13.02.633), говорится о бегстве Ни-шу Мо-хэ 泥孰莫賀, названного, видимо, ввиду путаницы с отцом, именем Мо-хэ *шэ* 莫賀設, отмечается, что он спасался от смуты, в которой принимали участие *до-лу* 咄陸 и *ну-ши-би* 弩失畢 (Chavannes 1903. P. 111, note 1)³¹.

Правление Сы е/шэ-ху 肆葉護 кагана завершилось бегством Канцзюй 康居 (Самарканд), где в итоге умер. Знать (*го-жэнь* 國人) приветствовала (*ин* 迎) скрывавшегося в Карашаре Ни-шу 泥孰, желая поставить его каганом (*ли* 立), в итоге он был провозглашен (*ши* 是) *До-лу* 咄陸 (< *Türük) каганом (Chavannes 1903. P. 27, 55–56; Taşağıl 1999. S. 93). По ТД и ЦТШ его называли еще *Да-ду* 大度 каган (Chavannes 1903. P. 27; Taşağıl 1999. S. 93). Как уже упоминалось, в ТД и ЦТШ выше он именуется *си-мянь ду-лу* 西面都陸 каган. Это позволяет предполагать, что титул *Да-ду* 大度 (< *tardu) каган эквивалентен значению каган «западной границы»³².

В ЦТЦ (цз. 194, с. 56–6а) все эти события, начиная с посольства от Янь-ци 焉耆 (Карашар) до рассказа о правлении и гибели Сы е/шэ-ху 肆葉護 кагана, помещаются под седьмым месяцем шестого года эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (23.07–20.08.632), однако дается понять, что к моменту посольства он находился у власти.

Когда Ни-шу Мо-хэ 泥孰莫賀 был провозглашен каганом с титулом *До-лу* 咄陸 каган, он отправил ко двору посольство, а 04.05.633 (Bielenstein 2005. P. 401, note 33), прибыла ответная делегация, доставившая правительственные регалии — подтверждение титула, барабан и знамя (Chavannes 1903. P. 27, 56, notes 3, 4; Taşağıl 1999. S. 93). В ЦФЮГ (цз. 964, цз. 26) событие отнесено к восьмому месяцу шестого года эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (21.08–19.09.632) (Chavannes 1903. P. 56, note 3; Chavannes 1904. P. 5). Здесь он (по ошибке?) назван Мо-хэ *шэ* 莫賀設 (Chavannes 1904. P. 5, note 1), но его титул дается как *Си-ли-би фу До-лу* 奚利必阜咄陸 каган³³. По ЦФЮГ (цз. 970), извест-

³¹ СТШ (цз. 221а) с упомянутым нападением *до-лу* 咄陸 и *ну-ши-би* 弩失畢 на Карашар связывает от последнего посольство к Танскому двору (Chavannes 1903. P. 111); но следующее после зарегистрированного 23.07–20.08.632 (см.: Chavannes 1903. P. 111; Bielenstein 2005. P. 299) посольство от Карашара известно только 23.02–23.03.635 (Bielenstein 2005. P. 299). Вероятно, речь идет о том же посольстве 632 г., притом СТШ смешивает два эпизода, из которых связанный с нападением относится к 639 г.

³² Ср.: кит. *да-тоу* 達頭, *да-ду* 達度, да-ду 大度, да-ду 咄度, ср.-греч. Tárδov (Chavannes 1903. P. 362, 363 [Index]).

³³ По другим источникам, титул, который был присвоен ему танским правительством звучал как *Тунь А-лоу-ба Си-ли-би До-лу кэ-хань* 吞阿婁拔奚利邲咄陸可汗.

но, что он отправлял посольство ко Двору 07.11–06.12.633 (Chavannes 1904. P. 5).

Мы видим, что как в период правления Тон йабгу / джабгу кагана, так и его сына, Сы е/шэ-ху 肆葉護 кагана, кроме верховного кагана был еще, по меньшей мере, один, а то и два носителя титула *каган*, что было нормальной практикой для ранних Тюркских каганатов. Надо думать, бегство и смерть Сы е/шэ-ху 肆葉護 кагана произошли в период между сентябрем 632 и мартом 633 г. (Chavannes 1903. P. 197), притом не обязательно с небольшим перерывом, что, в общем, не противоречит сообщению записок Сюань-цзана 玄奘.

2.2. Путешествие Сюань-цзана 玄奘

Сложностей к датировкам добавляет традиция, связанная с путешествием Сюань-цзана 玄奘. Биография паломника³⁴ описывает его встречу в местности Суй-е/шэ 碎葉, на одноименной реке (под чем подразумевалась р. Чу) (см., напр.: Marquart 1898. S. 164; Chavannes 1903. P. 9–10, 304), с Е/шэ-ху 葉護 каганом, который идентифицируется благодаря сочинению «Да тан си-юй цзи» 大唐西域記 («Записки о Западном крае при великой Танской династии», далее — ДТСЮЦ), составлявшемуся самим Сюань-цзаном 玄奘 в период путешествия, затем отредактированному Бянь Цзи 辯機 и изданному в 646 г. Здесь упомянут Сы е/шэ-ху 肆葉護 каган, названный сыном Е/шэ-ху 葉護 кагана, т. е., как устанавливается по другим источникам, это именно сын Тон йабгу / джабгу кагана (Chavannes 1903. P. 4, note 1, p. 25, note 3, p. 95, note 1, p. 194, note 3; Franke 1937. S. 350–351).

Существует дискуссия в связи с расхождением в указании в некоторых источниках даты начала путешествия китайского монаха — 627 или 629 г. (см.: Chavannes 1903. P. 193, note 1; Kuwayama 2012. P. 84; La Vaissère, de. 2010a. P. 159–161)³⁵. Фактически, основные источники, восходящие непосредственно к Сюань-цзану 玄奘 и его сподвижникам,

---

В СТПШ пятый иероглиф *си* 奚 пропущен (Chavannes 1903. P. 56, note 2. См. также: Қазақстан тарихы 2006. 272, 296 б., 83 түсін.).

³⁴ Сочинение «Да тан да-цы-энь-сы сань-цзан фа-ши чжуань» 大唐大慈恩寺三藏法師傳 («Жизнеописание наставника веры Сюань-цзана из монастыря Да-цы-энь [при] великой [династии] Тан», далее, ввиду длинного названия, именуется нами как просто «Жизнеописание»), составленное его непосредственным спутником, монахом Хуэй-ли 慧立, в 664 г. и изданное в 688 г. в пяти книгах с исправлениями и пояснениями монахом, учеником Сюань-цзана 玄奘, Янь-цзуном 彦棕.

³⁵ Далее данные приводятся по цитированным работам.

единодушны, указывая на 629 г. (La Vaissère, de. 2010a. P. 161, 167)³⁶. В жизнеописании Сюань-цзана 玄奘 он отбывает в «западные страны» (си-юй 西域) осенью (цю 秋), в восьмой месяц третьего года эры правления чжэнь-гуань 貞觀 (24.08–21.09.629). При этом на обратном пути, находясь в Юй-тянь 于阗 (Хотан), сам он пишет письмо в Гао-чан 高昌, где датой начала путешествия назван четвертый месяц третьего года эры правления чжэнь-гуань 貞觀 (29.04–27.05.629)³⁷. Как указал уже Э. де Ла Вэссьер, можно предположить ошибку в дате начала путешествия в «Жизнеописании» и датировке в том же источнике письма паломника, написанного в Хотане (La Vaissère, de. 2010a. P. 167). Как подсчитал С. Куваяма, “The length of time that Xuanzang really took on the way to the headquarters of the West Turks amounts more or less to six months, as he stayed more than one month in Gaochang, two months in Kucha and two months in both Guazhou 瓜州 and Liangzhou 凉州” (Kuwayama 2012. P. 87). По другим подсчетам, примерно 5 месяцев 21 день (Jeong Su-II 2016. P. 983–984). Так или иначе, если он вышел в восьмой месяц третьего года эры правления чжэнь-гуань 貞觀 (24.08–21.09.629), встретиться с Тон йабгу / джабгу каганом он должен был примерно в конце января — феврале 630 г. (ср.: Chavannes 1903. P. 194). Если же мы предполагаем опisku в обозначении восьмого месяца как даты выхода вместо четвертого месяца (например, путаницу иероглифов ба 八 «восемь» и сы 四 «четыре»), тогда монах, выйдя в 29.04–27.05.629, встретился бы с каганом примерно в октябре 629 г. Но как быть с иероглифом цю 秋 «осень», предшествующим указанию числа в первом случае?

Важно, что Сюань-цзан 玄奘 не встретил каких-либо препон в Восточном Туркестане, кроме желания некоторых местных правителей задержать паломника на более долгий срок.

В жизнеописании паломника упоминается, что где-то на пути из И-у И-у (Ха-ми 哈密) в Гао-чан 高昌 он хотел посетить кэ-хань фу-ту 可汗浮圖, т. е. ступу кагана тюрков, но будто бы не мог отказать в приглашении правителя Гао-чана 高昌. Э. де Ла Вэссьер связывает это тем, что тот уберег паломника, поскольку ступа была захвачена в это время А-ши-на Шэ-эр 阿史那社爾 (La Vaissère, de. 2010a. P. 159, note 7). Опасностью, ис-

³⁶ Манускрипт СГСЧ из японской коллекции, который упоминает Э. де Ла Вэссьер, содержащий меньшее число правок по сравнению с другими и датированный, по мнению исследователя, 647 г., также дает дату 629 г. (La Vaissère, de. 2010a. P. 163–164).

³⁷ В уйгурской версии биографии Сюань-цзана 玄奘 сам он говорит, что выступил в третий год эры правления чжэнь-гуань 貞觀 (30.01.629–17.02.630) (V 80 : 2–3) (Тугушева 1991. С. 90, 218).

ходившей от восточных тюрков, С. Куваяма (отстаивающий дату 627 г.) объясняет решение правителя Гао-чан 高昌, зятя Тон йабгу/джабгу кагана вести паломника южным маршрутом, через Карашар и Куча, минуя *кэ-хань фу-ту* 可汗浮圖, еще и сопровождая его (Kuwayama 2012. P. 78).

В жизнеописании паломника рассказывается о прибытии его и его спутников в страну (*го* 國) Тохаристан (Ду-хо-ло 賭貨羅) и встрече во владении Хо 活 (предположительно Кундуз) правителя этой страны, старшего сына (*чжан-цзы* 長子) (Тун) Е/шэ-ху [統]葉護 кагана³⁸, имевшего титул *Да-ду шэ* 咄度設 (Cén Zhōngmiǎn 1958a. P. 9–10), что, видимо, передает, звучание **tardu šad*. Он был первым *йабгу* Тохаристана (Marquart 1901. S. 84–85, 312; Chavannes 1903. P. 196)³⁹. Далее рассказано об отравлении Да-ду шэ 咄度設 его сыном, неким *Тэ-цин* 特勤 (< **Tegin*), который узурпировал власть, провозгласив себя *шэ* 設 (< **šad*) (Watters 1904. P. 106–107)⁴⁰. С. Куваяма логично связывает этот переворот с распрей, начавшейся среди западных тюрков после смерти Тон йабгу / джабгу кагана (Kuwayama 2012. P. 86–87).

По «Жизнеописанию», Сюань-цзан 玄奘 задержался здесь на месяц в связи с похоронами бывшего правителя, а затем отправился в Балх (Фу-хэ 縛喝), выпросив разрешение уже у нового *шэ* 設 (< **šad*). В дальнейшем в окрестностях Балха он провел около месяца (Julien 1858. P. 63, 64, 67). Согласно ДТСЮЦ, здесь он узнал, что «не так давно» (*цян* 前-цзю 前不久), Сы е/шэ-ху 肆葉護 каган, сын [Тун] Е/шэ-ху [統]葉護 кагана, имел планы разграбить буддийский храм *дэва* Vaiśravaṇa (кит. Пи-ша-мэнь 毗沙門). Устремившись к этому месту, он увидел во сне знамение, затем снялся с лагеря, но на обратном пути умер (Chavannes 1903. P. 197; Cén Zhōngmiǎn 1958a. C. 10).

При выстраиваемой таким образом последовательности стремительно развивающихся событий, как-то: встреча монаха с Тон йабгу / джабгу

³⁸ Э. де Ла Вэссьер уже обращал внимание на тот факт, что он не может быть отождествлен с кем-то иным, как Тон йабгу / джабгу каганом ввиду расчленимости возрастов всех упомянутых персоналий (La Vaissère, de 2010a. P. 164–166). Действительно, если следовать даже самым минимальным цифрам, предположив, что внуку Тон йабгу / джабгу кагана, захватившему власть в Тохаристане было ок. 20 лет, тогда его отцу, даже если не брать в расчет, что он назван старшим сыном Тон йабгу / джабгу кагана, было, как минимум, 40 лет, и, соответственно, Тон йабгу / джабгу кагану должно было быть на тот момент уже ок. 60 лет.

³⁹ Сам Да-ду шэ 咄度設 в уйгурской версии биографии Сюань-цзана 玄奘 назван *javu qayanin uluq ... oylī* «йабгу кагана старший ... сын» с титулом *toxri javuq* [V 52 : 4–6] (Тугушева 1991. С. 68, 202).

⁴⁰ Он же пребывал на должности также в 645–646 гг., когда назван внуком (*сунь* 孫) [Тун] Е/шэ-ху [統]葉護 кагана, сам приняв титул *е/шэ-ху* 葉護 (Chavannes 1903. P. 196, note 6).

каганом, его гибель и узурпация власти его дядей, гибель Да-ду шэ 咄度設, затем Сы е/шэ-ху 肆葉護 кагана, последнее не укладываются ни в какую хронологию.

Решение предложил еще в 1889 г. Н.А. Аристов, написавший: «Что же касается Сы-шеху-хана, по-видимому легенду о смерти его от руки бога Пишамыня, за покушение на ограбление буддийского святилища Сюань-Цзан слышал впоследствии уже в Индии или на обратном из нее пути; быть может в самом деле Сы-шеху-хан, бежавший в Кангюй с войском своим, умер потом в Балхе» (Аристов 2003. С. 414). У нас нет точных данных, сколько времени занял весь путь паломника от ставки кагана на р. Чу до Балха, однако, в целом, со всеми задержками, он вполне укладывается в несколько месяцев — как можно определить по косвенным признакам (описание быта и природных явлений): в Балхе он был, вероятно, весной, а Бамиане, куда последовал затем — в середине лета (см.: Watters 1904. P. 102–103, 104, 115). Предложенная выше поправка к дате выхода паломника в четвертый месяц третьего года эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (29.04–27.05.629) смягчает все противоречия в источниках.

2.3. Внешняя политика Тон йабгу / джабгу кагана в южном и западном направлениях

При описании пределов владений Тон йабгу / джабгу кагана упоминается, что на западе он воевал (ТД, цз. 199; ЦТШ, цз. 194б: *цзюй* 拒, СТШ, цз. 215б: *ся* 下 «покорил») с Бо-сы 波斯 (Парс) и на юге стал граничить (*цзе* 接) с Ци-бинь 罽賓 (Кāписа-Гандхāра) (Chavannes 1903. P. 24, 52; Тағағіл 2003. S. 109; Қазақстан тарихы 2006. 270 б.)⁴¹. Ценная информация содержится в специальных разделах официальных династийных историй о Бо-сы 波斯 (Парс). Она может быть соотнесена с данными других источников.

В СШ (цз. 83) Про Бо-сы 波斯 (Парс) сказано: “Les Tou-koue ne purent parvenir jusqu’à ce royaume (la Perse); cependant ils lui imposèrent leur suprématie” (Chavannes 1903. P. 171, note 1). В ЦТШ (цз. 198) и СТШ (цз. 221б) говорится, что в последние годы династии Суй (в ЦТШ уточнение — в конце эры правления *да-е* 大業 [25.01.605–11.04.618]) западно-тюркский Е/шэ-ху 葉護 каган, по ЦТШ, «неоднократно вторгался» (*пинь цзи-по* 頻擊破) в их страну (по СТШ, «ходил войной и разрушил» (*као цань* 討殘) их страну), убил их правителя (*ван* 王) Ку-

⁴¹ В СТШ говорится о покорении обоих владений в целом (Chavannes 1903. P. 52; Қазақстан тарихы 2006. 270 б.). Последний регион включает в себе Кабулистан и Забулистан.

са-хэ 庫薩和 и посадил на трон (*ши* 立) его сына Ши-ли 施利, под которыми подразумеваются соответственно Хусрав II (А) Парвез и его сын Шёрōē, правивший под именем Кавād II (628). Далее каган поставил (ЦТШ: *фэнь* 分; СТШ: *ши* 使) «начальника отдела» (*бу шуай* 部帥) наблюдать за ним в качестве губернатора (*цзянь-тун* 監統), почему, по ЦТШ, это владение стало подданным (*чэнь* 臣) тюрков. Далее по ЦТШ, после смерти Е/шэ-ху 葉護 кагана, некто, бывший их губернатором (*цзянь-тун* 監統), «хорошо владел» (*цзы-шань* 自擅) Бо-сы 波斯 (Парс) и «больше не повиновался западным тюркам» (*бу фу и шу-юй сы си ту-цзюэ* 不復役屬於西突厥), Ши-ли 施利 в тот же год умер, на престол возвели дочь Ку-са-хэ 庫薩和, но тюрки ее убили. Согласно СТШ, не упоминающей про смерть Е/шэ-ху 葉護 кагана, после смерти Ши-ли 施利 персы не захотели быть подданными (*чэнь* 臣) тюрков, они возвели на престол дочь Ку-са-хэ 庫薩和, но ее тюрки тоже убили. Под последней видят Пёрандухт (630–632) или Азармүгдүхт (630–631)⁴². Далее, по обоим источникам, сын Ши-ли 施利 Дань-цзе 單羯 (?) находился в это время в римских владениях (Фу-линь 拂菻), там его провозгласили правителем под именем И-да-чжи 伊怛支 (пехл. Artaxšēr, н.-перс. Ардашёр), ЦТШ уточняет, что он правил два года, далее правил его племянник (*сюн-цзы* 兒子) — по ЦТШ, И-сэ-хэ 伊嗣候 (Йаздегерд III, 632–651) или, по СТШ, ошибочно, И-сэ-сы/ци 伊嗣侯 (Chavannes 1903. P. 171, notes 2, 3; Cén Zhòngmiǎn 1958a. P. 4, 214–219; Tashakori 1974. P. 60, 61, notes 76, 77, p. 62–63, 97, 101).

При всех явных противоречиях в данных сообщениях речь идет о двух эпизодах, когда тюрки непосредственно воевали с Сасанидской империей (Tashakori 1974. P. 48–49, 60, 62). Уже давно отмечена связь сообщения китайских источников об умерщвлении Тон йабгу / джабгу каганом персидского царя и событий на Кавказе 627–628 гг. как части сасанидско-византийской войны, завершившиеся полным поражением, а затем низложением и убийством Хусрава II (28.02.628) (Chavannes 1903. P. 256; Zeki Velidi Togan 1981. S. 73–74).

Зарегистрированное в гл. 16 у Мовсёса Дасхуранци вторжение в персидскую Армению летом (после 17.06) 629 г., где тюркам противостоял полководец Шах варāз (др.-арм. Шах Вараз), заключивший в июле соглашение с императором Ираклием и открыто объявивший о мятеже, объясняется К. Цукерманом тем, что тюрки проигнорировали этот союз и напали на Шах варāза (Zuckermann 1995. P. 119, note 30;

⁴² О датах правления см.: Pourshariati 2008. P. 183–186, 207–213.

2013. P. 215)⁴³. Встреча Ираклия и мятежного полководца, так или иначе, произошла в июле 629 г., когда последний находился в Палестине (Zuckerman 2013. P. 212–213, note 64). К. Цукерман потому предлагает датировать вторжение тюркского передового отряда июлем или августом 629 г. Из фразы, вложенной в уста персидского полководца у Мовсёса Дасхуранци, следует, что он выступал против тюрков уже по завершению дел на западе (The History of the Caucasian Albanians 1961. P. 104; Мовсес Каланкатуаци 1984. С. 92).

В китайских источниках можно видеть намек на эту же войну тюрков против Ирана после смерти Кавāда II. Согласно данным нумизматики, из трех лет правления Пōрāндухт первый отсчитывается с 17.06.629, и это должно было происходить параллельно с правлением шаха-ребенка Ардашīра III. Предполагается, что она правила и, соответственно, чеканила свои монеты параллельно с ним, заключив союз с оппозиционно настроенным к нему Шахр варāзом (Malek, Curtis 1998; Pourshariati 2008. P. 208–209). Кавāд II оставался у власти только 7 месяцев, будучи убит 06.09.628, но он, вероятно, рассматривался тюрками как лояльный им. Это, с одной стороны, никак не противоречит данным о гибели Тон йабгу / джабгу кагана в 628 г. (учитывая указания ЦТШ (цз. 198) на их смерть в одном году). Между тем, можно думать, что и приведенный к власти одной из клановых группировок ребенок Ардашīр III не вызывал у тюрков никакого беспокойства, тем более что среди них были представители тех же сильных домов, что привели ранее к власти Кавāда II (Pourshariati 2008. P. 178–179)⁴⁴. Потому, вероятно, и мятеж Пōрāндухт, и восстание Шахр варāза не отвечали интересам тюрков. Отсюда вполне допустимо рассматривать их поход летом 629 г. как быстро спланированную акцию, направленную на изменение ситуации и уничтожение складывавшейся коалиции, явно тяготевшей к Византии⁴⁵. Вероятно, и тот

---

⁴³ К. Цукерман предложил объяснить вторжение тюрков исполнением ими союзнических обязательств по призыву Ираклия, вероятно, еще зимой 628/629 гг., когда византийским императором не предполагалось простое решение проблемы с Шахр варāзом (Zuckerman 1995. P. 119–120).

⁴⁴ Молодой претендент Кавāд II устраивал всех — и отдельные группировки знати, представителей сильных домов, и оккупировавших значительные персидские территории византийцев, будучи к тому же сыном Хусрава II от византийской принцессы Мариам (Pourshariati 2008. P. 154–155, 156–157, 174, 176–178). Он оказался, по-видимому, чрезмерно жесток и непредсказуем.

⁴⁵ Во главе всех заговоров значительную роль играл Фаррух Хормозд, представитель парфянского дома Испахбудан, сын Бендўйа, *снāхбед* Адурбāдагāна (Азербайджана) (Pourshariati 2008. P. 150–151, 186–188). Он довольно рано и тесно начал контактировать с Ираклием, и также возглавлял фактически все заговоры — и против Хусрава II, и против Кавāда II, будучи фактически регентом при малолетнем

факт, что Ираклий вдруг начал выполнять свое обещание выдать свою дочь за тюркского предводителя именно летом или осенью 629 г., тоже имеет какое-то объяснение в связи с этими событиями.

Такая интерпретация предполагает, что все описанное едва ли могло происходить при каком-то ином правителе западных тюрков, кроме как Тон йабгу / джабгу кагане, после смерти которого их владения погрузились в хаос и они уже не имели возможности участвовать в масштабных политических играх. Соответственно, это заставляет думать, что он должен был быть жив, *по меньшей мере*, во второй половине лета 629 г.

3. ЙАБГУ / ДЖАБГУ КАГАН И «ВЕЛИКИЙ КАГАН»

Недавно Э. де Ла Вэссьер предложил филологический аргумент в пользу того, чтобы сопоставить *Zieβñλ* с Мо-хэ-до 莫賀咄, дядей⁴⁶ Тун е/шэ-ху 統葉護 кагана, сменившим его, согласно хроникам, в 628 г. на каганском престоле и принявшим титул *Мо-хэ-до-хоу Цюй-ли Сы-ни* 莫賀咄侯屈利俟毗 каган или, сокращенно, *Цюй-ли Сы-ни* 屈利俟毗 каган, иногда именуясь просто *Мо-хэ-до* 莫賀咄 каган (см.: Chavannes 1903. P. 3, 25–26, 53, 347 [Index]; Taşağıl 2003. S. 92, 110; Қазақстан тарихы 2006. 271, 295 б., 65 түсін.). Реконструкции звучания имени *сы-ни* 俟毗 (< ран. ср.-кит. *zih-bji) сближается с *Zieβñλ*. Проблема того, что в китайских источниках он именуется дядей кагана, а из совокупности древнеармянских и византийских свидетельств вытекает, что он был его братом, преодолевается за счет допущения ошибки китайских авторов, неверно истолковавших тюркский термин *äci*, обозначавший старшего родственника по мужской линии (дядя по отцу, старший брат) (La Vaissière de 2010b. P. 271; 2011. S. 239; 2013. P. 743). Проблема с Мовсёсом Дасхуранци решается таким образом. Католикос Виро заочно столкнулся с Джебу хаканом зимой 628/629 гг., т. е. после того, как Зиевил захватил власть и получил титул *Джебу хакан*. Ни Виро, ни кому-либо из его окружения, к коим восходит повествование соответствующих глав, не знали о другом, предыдущем носителе этого титула. Один из компиляторов «для простоты и сплоченности [текста]» (“for simplicity and cohesion’s sake”) в итоге

Ардашүре III, и против Шахр варāза, и также поддержал Пбрāндухт, став главным министром (*hazārpet*) и ее мужем, будучи в итоге убит по приказу Азармгдухт (Pourshariati 2008. P. 152–153, 173, 174, 176, 177–178, 182–186).

⁴⁶ В ТД, ЦТШ, ЦФЮГ, ЦЧТЦ — *бо-фу* 伯父, т. е. «старший брат отца; дядя», СТШ — *чжу-фу* 諸父 «брат отца».

экстраполировал эти данные на более ранние эпизоды, связанные с упоминанием данного персонажа (La Vaissère de 2013. P. 745).

Однако, элемент *сы-ни* 俟毗 (пиньин. *sì/qí-pí* < ран. ср.-кит. *ʒi'/zi'// *gi/gi-bji*, позд. ср.-кит. *ʒhr://k^hi-phji (Pulleyblank 1991. P. 245, 293, 236) был в составе тронного титула данного персонажа. Прежде он известен только под именем Мо-хэ-до 莫賀咄, хотя и имел статус «малого кагана» (*сяо кэ-хань* 小可汗), командуя, как было показано выше, племенами восточного крыла.

Иероглиф *сы* 俟 зарегистрирован в передаче древнетюркских слов лишь дважды – для слов с гласным или йотирующим началом (*erkin*, *elübär*), это позволяет в том числе думать, что все известные случаи повторяют ошибочное написание его вместо схожего иероглифа *u/de* 伏 (пиньин. *yì*, *dié* < ран. ср.-кит. *jit, позд. ср.-кит. *jit: Pulleyblank 1991. P. 371. см.: Kasai 2012. S. 89, anm. 30, S. 90, 101–102, 128, Tab. II.6; Kasai 2014. P. 86, 124, 125, 172, Tab. I.6). Впрочем, М. Эрдал, рассмотрев другие среднекитайские транскрипции обоих слов, а также формы их передачи в других языках, где они встречаются с начальным *h-*, предполагает, что реконструируемое чередование в начале слова *ʔ-* и *ɣ-* хорошо отражает чередование начального *h-* и его отсутствие в собственно древнетюркской среде, а появление ср.-кит. *ʒ-* или *ʒh-*, чередующееся с *ɣ-*, отражает начало оригинального звука, вероятно, палатального фрикативного ([j]ʔ), чаще находящего отражение в орфографии и иноязычных транскрипциях как *j-* (Erdal 2016. P. 176–177). Ср., вероятно, эквивалентный элемент *и-ну* 乙毗/毘 (пиньин. *yǐ-pí* < ран. ср.-кит. *ʔit-bji, позд. ср.-кит. *ʔit-phji: Pulleyblank 1991. P. 367, 236) в титулатуре западно-тюркских деятелей (Chavannes 1903. P. 331 [Index]).

Гипотеза Э. де Ла Вэссера могла бы объяснить лишь описываемый статус *Ζιεβήλ* / *Джебу хакана*. Давно считается неоспоримым сопоставление *ʒēbu hak'an* 乙卑 纁 纁 Мовсёса Дасхуранци, *ʒembux* (~ *Jembux) 乙卑纁 纁 Себёса, *Ζιεβήλ* Феофана, *jibya* 纁 纁, *jibyo* 纁 纁, *jibyu* 纁 纁] древнегрузинских источников и части имени западно-тюркского Тун *e/шэ-ху* 統葉護 кагана, где обнаруживаются варианты передачи титула *ʒabyu* (~ *jabyu*) (Marquart 1898. S. 192; 1901. S. 247; 1903. S. 394, anm. 2, S. 401, anm., S. 498; 1931. S. 143, anm. 3, S. 147; Czeglédy 1953, 319–320 о.).

Титул *йабгу* / *джабгу* имел особое значение для западных тюрков. Изначально (как и в дальнейшем) это — должность фактически второго по рангу правителя, подчиненного *кагану*, которой чаще всего обладал ближайший родственник кагана. Среди таких в свое время был основатель династии западно-тюркских каганов Истэми, впоследствии, видимо, при-

нявший титул *каган*, однако, как предполагается, для отличия от восточно-тюркского кагана его именовали *йабгу / джабгу каганом*, впоследствии это уникальное прозвище сохранилось за его потомками. Для обозначения западных тюрков в целом в китайских источниках зарегистрированы наименования *е/шэ-ху бу-ло* 葉護部落 ‘племя(-ена) *йабгу / джабгу*’, *е/шэ-ху* 葉護 ‘*йабгу / джабгу*’, *е/шэ-ху ту-цзюэ* 葉護突厥 ‘тюрки *йабгу / джабгу*’ (Chavannes 1903. P. 95, note 3, p. 219; László 1967. 36, 37 о.). Согласно биографии А-ши-на Шэ-эр 阿史那社爾, после захвата западно-тюркских территорий он, обратясь ко «всем племенам» (*чжу бу* 諸部), заявил, что следующей целью его является *янь-то* 延陀, но вожди (*цю-чжан* 酋長) выразили сомнения в целесообразности оставлять только что занятые земли, поскольку этим не преминут воспользоваться «потомки *йабгу / джабгу* (*е/шэ-ху цзы-сунь* 葉護子孫)» (Cén Zhòngmiǎn 1958b. P. 788, 790; Liu Mau-Tsai 1958. S. 263; Chavannes 1903. P. 175).

Наименование *йабгу / джабгу каган* (*е/шэ-ху кэ-хань* 葉護可汗) лишь трижды встречается как элемент полных тронных титулов правителей западных тюрков, известных после Тон *йабгу / джабгу кагана*. Кроме его сына, титул которого, *Сы е/шэ-ху кэ-хань* 肆葉護可汗, после (с 638 г.) известен еще у старшего сына кагана *се-янь-то* 薛延陀/薛延陀 (Cén Zhòngmiǎn Цэнь Чжун-мянь 1958b. P. 215–217, 216, 475, 688, 698, 704; Chavannes 1904. P. 5–6; Қазақстан тарихы 2006. 373, 423 б., 495–495 түсін.)⁴⁷, был еще *И-ни Ша-бо-ло е/шэ-ху кэ-хань* 乙毗沙鉢羅葉護可汗 (640–641) (Chavannes 1903. P. 29–30, 57; Chavannes 1904. P. 8; Таşağıл 1999. S. 94; Қазақстан тарихы 2006. 274 б.). Его носил внук брата и преемника Ни-шу Мо-хэ 泥孰莫賀, прежде известный как Ну-ши-би [Мо-]хэ-до *е/шэ-ху* 弩失畢[莫]賀咄葉護 (Chavannes 1903. P. 266, note 1; Chavannes 1904. P. 8) (< *Nušbir bayatur jabgu)⁴⁸. Кроме того, в ЦТШ (цз. 40), ЦФЮГ (цз. 985) и ЦЧТЦ (цз. 170) еще называется титул А-ши-на Хэ-лу 阿史那賀魯 как *Ну-фу Ша-бо-ло е/шэ-ху* А-ши-на Хэ-лу 泥伏沙鉢羅葉護阿史那賀魯 (Cén Zhòngmiǎn 1958a. P. 24, 25, 26, 30; Chavannes 1903. P. 32, note 4). Это свидетельствует о том, что наряду с использованием для обозначения должности *йабгу / джабгу* это слово спорадически употреблялось как эпитет к титулу *каган*, но не составная часть титула *йабгу / джабгу каган*.

Пехлевийская и испытывавшая ее влияние древнеармянская историографическая традиция знали о существовании у тюрков некоего

⁴⁷ У А. Ташагыла — Lü Yabgu Kagan (Таşağıл 1999. S. 103).

⁴⁸ Это важное указание на то, что титул *йабгу / джабгу* носил один из предводителей *ну-ши-би* 弩失畢, правого крыла западно-тюркского племенного объединения (ср.: Dobrovits 2003. P. 6). Однако это уже имело место в период фактического двоевластия.

верховного кагана наряду с другими имевшими подчиненный статус (фактически или номинально) однако, рассматривали их как нечто единое и цельное (The Armenian History 1999. P. 185)⁴⁹. Соответственно, представляющего в гл. 12 у Мовсёса Дасхуранци «царя севера» (*ark'ayin hiwsisoy*, արքային հիւսիսյ; *t'agaworn hiwsisoy*, րազաւորն հիւսիսյ), чьим братом выступает Джебу хакан, необязательно отождествлять с восточно-тюркским Се-ли 頡利 каганом (см., напр.: Vombaci 1970. P. 19–20). Это может быть совершенно абстрактная фигура, традиционно косвенно противопоставляемая носителю титула *каган* с любым другим эпитетом.

Ранним византийским авторам также было известно о возможности наличия нескольких каганов у тюрков (см., напр., письмо кагана у Феофилакта Симокатты). Древнеармянские авторы, в той или иной степени приближенные к событиям, происходившим в 20–30-е гг. VII в. на Кавказе, так или иначе, наиболее полно отразили титул участника кампаний со стороны тюрков, византийские и древнегрузинские, отделенные от описываемых событий столетиями, что не могло не сказаться на подаче описываемых событий⁵⁰, преподносят как его наименование, так и статус искаженно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявление собственно даты смерти Тон йабгу / джабгу кагана является наиболее сложной задачей из-за противоречивых данных источников. Остальные вопросы, касающиеся идентификации тех или иных упоминаемых в источниках деятелей, во многом искусственны и могут быть устранены сами по себе, не оказывая ключевого влияния на реконструкцию событий. Свидетельство древнеармянского источника «История [страны] Алуанк» дает ориентировочную дату для отсчета смерти Тон йабгу / джабгу кагана — не ранее 17.06.629. Предоставляющие конкретные даты китайские источники — летописи и энциклопедии — были составлены уже в период империи Сун 宋 (ЦФЮГ в 1005–1013 гг., СТШ в 1044–1060 гг., ЦТЦ в 1066–1084 гг.), хотя базировались на материалах более ранних эпох. Расхождения представленных там дат значительны.

⁴⁹ Ср.: *yabbū hākān* и *wuzurg-hākān* наряду с другими в пехлевийском трактате «Шахрастанхā-и Ёрāн-шахр» («Города Ирана») (Markwart 1931. S. 143–144, 154), *mesn hak'an* Մեծնիսխրսն и *čembux* Շեմբուխ, *čepetux* Շեպետնիս у Себёоса (Marquart 1898. S. 192; Czeglédy 1959. 116 о., 24 jegyz.).

⁵⁰ См. историографическую оценку: Shapira 2007. P. 345; Shapira 2015. P. 62.

Свидетельства о путешествии Сюань-цзана 玄奘, современника интересующих нас событий, должны заслуживать большего доверия и, если мы принимаем дату начала его путешествия, обозначенную в его письме из Хотана — четвертый месяц третьего года эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (29.04–27.05.629), это позволяет реконструировать логичную картину всех обстоятельств, предшествовавших гибели Тон йабгу / джабгу кагана. Если, как получается по подсчетам, паломник имел бы с ним встречу в октябре 629 г., это не противоречило бы ни данным «Истории [страны] Алуанк» о гибели Джебу хагана, ни сообщению Никифора о возвращении дочери Ираклия после вести о гибели ее жениха, поскольку уточнения хронологической локализации этих сведений целиком зависят от интерпретаций. Все это имело место не ранее второй половины лета 629 г., а с учетом биографии Сюань-цзана 玄奘 — не ранее октября. Мы не можем указать точную дату смерти кагана, но предположить в качестве некоего ориентира зарегистрированное в ЦФЮГ (цз. 970) посольство к танскому двору, прибывшее в 11-м месяце третьего года эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (21.11–19.12.629). Это могло быть последнее посольство, отправленное Тон йабгу / джабгу каганом, либо посольство, предоставившее информацию о его смерти. В этом случае получается, что Сюань-цзан 玄奘 встречался с каганом незадолго до его гибели. Эта гипотеза не исчерпывает потенциала дальнейших изысканий, поскольку частные детали по-прежнему заслуживают обсуждения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ХРОНОЛОГИЯ ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ ЭТАПОМ ПРАВЛЕНИЯ ТОН ЙАБГУ / ДЖАБГУ КАГАНА⁵¹

Дата	Событие
[625, 23 апреля — 22 мая]	Прибытие к танскому двору посольства от Тон йабгу / джабгу кагана с предложением заключить союз, скрепленный родством. Согласие Танского двора. Отправка ответного посольства
*[625, 18 июня — 31 августа]	Заключение антисасанидского союза между Византией и Западным Тюркским каганатом
[626, 2 апреля — 1 мая]	Прибытие к танскому двору посольства от западных тюрков
*626, лето	Первое вторжение западных тюрков на Кавказ, во главе с <i>шадом</i>
[626, 29 июня — 28 июля]	Прибытие к танскому двору посольства от западных тюрков
626, 25 сентября	Заключение мира между Восточным Тюркским каганатом и империей Тан

⁵¹ В квадратные скобки [...] помещены широкие датировки, почерпнутые из источников в таком виде. Знаком * («звездочка») обозначены реконструируемые даты.

[626, декабрь — 627, январь]	Возвращение танского посольства с брачными дарами от Тон йабгу / джабгу кагана
627, апрель или май	Второе вторжение западных тюрков на Кавказ, во главе с Тон йабгу / джабгу каганом
627, июль–август	Осада Тбилиси византийскими и западно-тюркскими войсками. Предварительная договоренность о браке дочери Ираклия с Тон йабгу / джабгу каганом
[627, 17 августа — 14 сентября]	Падеж скота и начало голода в Восточном Тюркском каганате, начало неурожая в империи Тан
627, конец августа — начало сентября	Тон йабгу / джабгу каган покидает Кавказ, византийские и западно-тюркские войска вторгаются в Персию
[628, 12 января –10 февраля]	Начало восстания племен в Восточном Тюркском каганате, поражение посланных каганом войск
[628, 11 февраля — 629, 29 января]	А-ши-на Шэ-эр 阿史那社爾 занимает Кэ-хань фу-ту-чэн 可汗浮圖城
628, 28 февраля	Убийство Хусрава II
*628, конец марта — начало апреля	Начало пребывания западных тюрков во главе с <i>шадом</i> на территории Кавказской Албании
*628, 10 апреля	Полное солнечное затмение
[628, 9 мая — 6 июня]	Прибытие к танскому двору посольства от западных тюрков Поражение Ту-ли 突利 кагана от восставших племен. Его ссора Се-ли 頡利 каганом и начало выступления против него
628, 6 сентября	Убийство Кавāда II
628, 18 октября	Нападение восточных тюрков на границы империи Тан
*629, 21 марта	Возвращение Истинного креста в Иерусалим
*[629, 29 апреля — 27 мая]	Начало путешествия Сюань-цзана 玄奘
629, 17 июля	Встреча Ираклия и Шахр варāза в Арабиссосе
*629, июль или август	Вторжение передового отряда западных тюрков в персидскую Армению
*629, август или сентябрь?	Отправка принцессы Евдокии к Тон йабгу / джабгу кагану
*[629, 24 августа — 21 сентября]	Предводитель <i>се-янь-то</i> 薛延陀/薛延陀 И-нань 夷男 при поддержке империи Тан принимает титул <i>каган</i>
*629, вторая половина октября?	Встреча Сюань-цзана 玄奘 с Тон йабгу / джабгу каганом
[629, 21 ноября — 19 декабря]	Прибытие к танскому двору посольства от западных тюрков Начало наступательной операции танских войск против восточных тюрков и массовой капитуляции их предводителей
630, 27 апреля	Убийство Ардашiра III. Узурпация Шахр варāза
*630, весна (конец апреля — май?)	Сюань-цзан 玄奘 прибывает в Балх
630, 2 мая	Пленение Се-ли 頡利 кагана танскими войсками
630, 9 июня	Убийство Шахр варāза

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Аристов Н.А. Западный Туркестан в VII столетии, по описанию китайского путешественника // *Аристов Н.А.* Труды по истории и этническому составу

- тюркских племен / Отв. ред. акад. В.М. Плоских. Бишкек, 2003. С. 392–414. [*Aristov N.A. Zapadniy Turkestan v VII stoletii, po opisaniiu kitaiskogo puteshestvennika* (Western Turkestan in the 7th century in the Description of a Chinese traveller) // *Aristov N.A. Trudy po istorii i etnicheskomu sostavu tiurkskikh plemen* / Ed. by V.M. Ploskikh. Bishkek, 2003. P. 392–414.]
- Бабаяров Г.* Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI–VIII вв. н. э.). Ташкент, 2007. [*Babayarov G. Drevnetiurkskie monety Chachskogo oazisa* (VI–VIII vv. n.e.) (Ancient Turkic Coins of the Chach Oasis (6th — 8th centuries A.D.)). Tashkent, 2007.]
- Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері: Эулеттік тарихи жылнамалар / Қытай деректемелерін аударған, түсіндірмелері мен ескертулерін жазған Б. Еженханұлы, Ж. Ошан. Т. IV. 2-бөлім. Алматы, 2006. [Qazaqstan tarikhly turaly qytai derektemeleri: Eulettik tarikhi zhylnamalar (Chinese Sources on the History of Kazakhstan. Old Chronicles) / Trans. by B. Ezhnhanuly, Zh. Oshan. Vol. IV. Pt. 2. Almaty, 2006.]
- Мовсес Каланкатуаци.* История страны Алуанк / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Ш.В. Смбагыана. Ереван, 1984. [*Movses Kalankatuatsi. Istoriia strany Aluank* (A History of the Country of Aluank) / Trans. by Sh.V. Smbatyan. Erevan, 1984.]
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. [*Novosel'tsev A.P. Khazarское gosudarstvo i ego rol' v istorii Vos tochnoi Evropy i Kavkaza* (Khazar State and its Role in the History of Eastern Europe and the Caucasus). Moscow, 1990.]
- Тугусева Л.Ю.* Уйгурская версия биографии Сюань-Цзана: Фрагменты из ленинградского рукописного собрания Института востоковедения АН СССР: Текст, транскрипция, перевод. М., 1991. [*Tugusheva L.Yu. Uigurskaia versiia biografii Sivan'-Tszana: Fragmenty iz leningradskogo rukopisnogo sobraniia Instituta vostokovedeniia AN SSSR* (Uighur Version of the Biography of Xuanzang: Fragments from the Leningrad Manuscript Collection of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR). Moscow, 1991.]
- Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феодана, «Бревиарий» Никифора: Тексты, перевод, комментарий. М., 1980. [*Chichurov I.S. Vizantiiskie istoricheskie sochineniia: "Khronografiia" Feofana, "Breviarii" Nikifora: Teksty, perevod, kommentarii* (Byzantine Historical Writings: *Chronography* by Theophanes, *Breviarium* by Nicephorus: Texts, translation, comments). Moscow, 1980.]
- Babayar G.* Köktürk Kağanlığı Sikkeleri Kataloğu (The Catalogue of Coins of Turkic Qaghanate). Ankara, 2007.
- Babayar G.* Batı Köktürk Kağanlığı'nın "Elbi İşbara Sır Cabgu-Kağan" ünvanlı sikkeleri // GLOBAL-Turk. 2017. № 3–4. S. 105–115.
- Bacot J., Thomas F.W., Toussaint Ch.* Documents de Touen-Houang relatifs à l'histoire du Tibet. P., 1940.
- Bielenstein B.* Diplomacy and Trade in the Chinese World, 589–1276. Leiden, 2005.
- Biró M.* Georgian Sources on the Caucasian Campaign of Heracleios // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1981. T. XXXV. Fasc. 1. P. 121–132.

- Bombaci A.* Qui était *Jebu Xak'an?* // *Turcica. Revue d'études Turques.* 1970. T. 2. P. 7–24.
- Cén Zhòngmiǎn.* Xī tūjué shìliào bǔ quē jí kǎozhèng [岑仲勉. 西突厥史料补阙及考证. (Addenda et Corrigenda to “Historical Materials on Western Türks”). Beijing, 1958. (a)
- Cén Zhòngmiǎn.* Tūjué jí shǐ [岑仲勉. 突厥集史. (History of Türks). Beijing, 1958. (b)
- Chavannes É.* Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. P., 1903. T. IV.
- Chavannes É.* Notes additionnelles sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux // T'oung Pao. 1904. Ser. II. T. V. P. 1–110.
- Czeglédy K.* A korai kazár történelem forrásainak kritikájához // *A Magyar Tudományos Akadémia I. Nyelv-És Irodalomtudományi Osztályának Közleményei.* 1959. XV. évf. 3–4. szám. 107–128.
- Czeglédy K.* Herakleios török szövetségesei // *Magyar Nyelv.* 1953. XLIX. kötet. 319–323. o.
- Dobrovits M.* The Nomadic ally of Heraclius // *Chronica.* 2003. Vol. 3. P. 3–8.
- Fei Jie, Zhou Jie, Hou Yongjian.* Circa A.D. 626 Volcanic Eruption, Climatic Cooling, and the Collapse of the Eastern Turkic Empire // *Climatic change.* 2007. Vol. 81. № 3–4. P. 469–475.
- Franke O.* Geschichte des chinesischen Reiches: eine Darstellung seiner Entstehung, seines Wesens und seiner Entwicklung bis zur neuesten Zeit. Bd. II.: Der Konfuzianische Staat I. der Aufstieg zur Weltmacht. B.; Leipzig, 1936. Bd. III: Anmerkungen, Ergänzungen und Berichtigungen zu Band I und II. Sach- und Namen-verzeichnis. B.; Leipzig, 1937.
- Golden P.B.* Khazar Studies: An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Budapest, 1980. Vol. 1.
- Higgins M.J.* The Persian war of the Emperor Maurice (582–602): A Dissertation Submitted to the Faculty of the Graduate School of Arts and Sciences of the Catholic University of America in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. Washington D.C., 1939.
- Erdal M.* *Helitbär* and some other early Turkic names and titles // *Turkic Languages.* 2016. № 20. P. 170–178.
- Jeong Su-II.* *The Silk Road Encyclopedia.* Irvine, CA., 2016.
- [*Julien S.*] Histoire de la vie de Hiouen-Thsang et de ses voyages dans l'Inde, depuis l'an 629 jusqu'en 645, par Hoei-li et Yen-thsong, suivie de documents et d'éclaircissements géographiques tirés de la relation originale de Hiouen-Thsang / Traduite du chinois par S. Julien. P., 1858.
- Kasai Yukiyo.* Die alttürkischen Wörter aus Natur und Gesellschaft in chinesischen Quellen (6. und 9. Jh.). Der Ausgangsterminus der chinesischen Transkription *tū jué* 突厥 // “Die Wunder der Schöpfung”. Mensch und Natur in der türksprachigen Welt / Hrsg. B. Heuer, B. Kellner-Heinkele, C. Schönig. Würzburg, 2012. S. 81–141.
- Kasai Yukiyo.* The Chinese Phonetic Transcriptions of Old Turkish Words in the Chinese Sources from 6th–9th Century: Focused on the Original Word Transcribed as *tū jué* 突厥 // 内陸アジア言語の研究 [Nairiku ajia gengo no kenkyū] / Studies on the Inner Asian languages. 2014. Vol. XXIX. P. 57–135.

- Kuwayama S.* How Xuanzang Learned about Nālandā // China Report. 2012. Vol. 48, № 1–2. P. 61–88.
- La Vaissère É., de.* İlk Türk Hakanlıklarının Tarihi Üzerine Yeni Bilgiler // Ötüken'den İstanbul'a Türkçenin 1290 Yılı (720–2010), 3–5 Aralık 2010, İstanbul: Bildiriler (From Ötüken to İstanbul, 1290 Years of Turkish (720–2010), 3th–5th December 2010, İstanbul: Papers) / Yay.: M. Ölmez, E. Aydın, P. Zieme, M.S. Kaçalın. İstanbul, 2011. S. 233–240.
- La Vaissère É., de.* Note sur la chronologie du voyage de Xuanzang // Journal Asiatique. 2010. Vol. 298, № 1. P. 157–168. (a)
- La Vaissère É., de.* Oncles et frères: les qaghans Ashinas et le vocabulaire turc de la parenté // Turcica. Revue d'études Turques. 2010. T. 42. P. 267–277. (b)
- La Vaissère É., de.* Ziebel qaghan identified // Constructing the 7th Century / Ed. by C. Zuckerman. P., 2013. P. 761–768.
- László F.* A kagán és családja // Kőrösi Csoma Archivum. 1941–1943. Leiden, 1967. Vol. III. S. 1–39.
- Liu Mau-Tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). I. Buch. Texte; II. Buch. Anmerkungen, Anhänge, Index. Wiesbaden, 1958.
- Lurje P.B.* Personal Names in Sogdian Texts (Iranisches Personennamenbuch). (Philosophisch-Historische Klasse. 808 Bd. (Iranische Onomastik. Vol. 8). Wien, 2010. Bd. II.: Mitteliranische Personennamen. Fasz. 8.
- Malek H.M., Curtis V.S.* History and Coinage of the Sasanian Queen Bōrān (AD 629–631) // Numismatic Chronicle. 1998. Vol. 158. P. 113–129.
- Markwart J.* Kultur- und sprachgeschichtliche Analekten // Ungarische Jahrbücher. 1929. Bd. IX, H. 1. S. 68–103.
- Markwart J.* Wehrot und Arang untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen landeskunde von Ostiran. Leiden, 1938.
- Marquart J.* Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. Mit historisch-kritischem Kommentar und historischen und topographischen Excursen. B., 1901.
- Marquart J.* Historische Glossen zu den alttürkischen Inschriften // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1898. Bd. XII. S. 157–200.
- Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge; ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). Leipzig, 1903.
- Menges K.H.* [Rev. on] The History of the Caucasian Albanians, London Oriental Series, v. 8 by Movēs Dasxurançi, C.J.F. Dowsett // Central Asiatic Journal. 1963. Vol. VIII, № 1. P. 54–56.
- Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. 3. unv. Aufl. Bd. II. Sprachreste der Turkvolker in den byzantinischen Quellen. Leiden, 1983.
- Pourshariati P.* Decline and Fall of the Sasanian Empire: The Sasanian-Parthian Confederacy and the Arab Conquest of Iran. L.; N.Y., 2008.
- Pulleyblank E.G.* A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver, 1991.

- Shapira D.D.Y.* Armenian and Georgian Sources on the Khazars: A Re-Evaluation // The World of the Khazars / Ed. by P. Golden, H. Ben-Shammai, A. Róna-Tas. Leiden; Boston, 2007. P. 307–352.
- Shapira D.D.Y.* On the Relative Value of Armenian Sources for the Khazar Studies: The Case of the Siege of Tbilisi // Studies on Iran and The Caucasus. Festschrift presented to Prof. Dr. G.S. Asatrian on the Occasion of his 60th Birthday / Ed. by U. Bläsing, V. Arakelova, M. Weinreich. Leiden, 2015. P. 45–62.
- Stothers R.B.* Cloudy and clear stratospheres before A.D. 1000 inferred from written sources // Journal of Geophysical Research. 2002. Vol. 107. № D23. Article 4718. P. 1–10.
- Stothers R.B., Rampino M.R.* Volcanic eruptions in the Mediterranean before A.D. 630 from written and archaeological sources // Journal of Geophysical Research. 1983. Vol. 88. Iss. B8. P. 6357–6371.
- Tashakori A.* Iran in Chinese dynastic histories: a study of Iran's relations with China prior to the Arab conquest. Thesis submitted for the degree of Master of Arts (Asian Studies); Australian National University(6). [Canberra], 1974.
- Taşgözü A.* Gök-Türkler I. 2. bk. Ankara, 2003. Gök-Türkler II (fetret devri 630–681). Ankara, 1999.
- The Armenian History Attributed to Sebeos / Transl., with notes by R.W. Thomson; hist. comment. by J. Howard-Johnston, with assist. from T. Greenwood. Pt. I: Translation and Notes. Pt. II. Historical Commentary. Liverpool, 1999.
- The History of the Caucasian Albanians by Movsēs Daxuranc'i / Transl. by C.J.F. Dowsett. L., 1961.
- [*Watters T.*] On Yuan Chwang's Travels in India, 629–645 A.D. / By T. Watters, edited after his death, by T.W. Rhys Davis and S.W. Bushell. L., 1904. Vol. I.
- Zeki Velidi Togan A.* Umumi Türk Tarihine Giriş. 3. bk. Cild 1. En Eski Devirlerden 16. Asra Kadar. İstanbul, 1981.
- Zuckerman C.* Au sujet de la petite *augusta* sur les monnaies d'Héraclius // Revue numismatique, 6e série. 1997. T. 152. P. 473–478.
- Zuckerman C.* Heraclius and the return of the Holy Cross // Constructing the 7th Century / Ed. by C. Zuckerman. P., 2013. P. 197–218.
- Zuckerman C.* La petite Augusta et le Turc. Epiphania-Eudocie sur les monnaies d'Héraclius // Revue numismatique, 6-e série. 1995. T. 150. P. 113–126.
- Zuckerman Z.* The Khazars and Byzantium — the first Encounter // The World of the Khazars / Ed. by P. Golden, H. Ben-Shammai, A. Róna-Tas. Leiden; Boston, 2007. P. 399–445.

Vladimir V. Tishin

ON THE DATE OF THE DEATH OF TON YABGHU / JABGHU QAGHAN
(ACCORDING TO CHINESE SOURCES)

The paper offers a survey of Chinese sources providing direct or indirect data on the death of Ton Yabghu / Jabghu Qaghan (= Ton Jabyu Qayan). Two dates,

628 and 630 A.D., are mentioned directly. Each of them has its supporters among scholars. The tradition related to the biography of the Buddhist pilgrim Xuánzàng 玄奘 added some contradictions to the discussion. Discrepancies in the date of the beginning of his journey in different sources, and small number of other dates related to the initial stages of the journey make it difficult to reconstruct the chronology of the entire trip. Another difficulty is the correlation of the information in Chinese sources and Byzantine and Armenian sources about the participation of the Western Türks as allies of the Byzantine emperor Heraclius in the campaign against the Sasanian Empire in the Caucasus in 626–628 A.D.

The author of the article suggests how to reconcile the information of two sources chronologically closest to the events, namely the Armenian *History (of the country) Ałuank'* by Movsēs Dasxuranc'i and the biography of Xuánzàng 玄奘. To do so, the beginning of Xuánzàng's journey should be dated not to the 8th month of the 3rd year of *Zhēnguàn* 貞觀 era (08.24–21.09.629 A.D.), but to the 4th month (29.04–27.05.629 A.D.). As a result, it is possible to assume that the death of Ton Yabghu/Jabghu Qaghan took place between the second half of the autumn and the early winter 629 A.D.

Other Chinese sources, represented by official Histories of Dynasties and encyclopedias, though compiled on the basis of earlier materials, provide secondary data incorporated in the context of certain events which chronological localization varies in different sources.

Keywords: Western Türkic Qaghanate, Ton Yabghu / Jabghu Qaghan, Xuanzang, Sassanids, Chinese sources, diplomacy

DOI: 10.32608/1560-1382-2021-42-337-367

Ю.М. Могаричев

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПОЯВЛЕНИЯ ПРОЕКТА «ГОТСКАЯ МИТРОПОЛИЯ» (NOT. III)

В статье анализируется «крымский пласт» нотиции Де Боора (Not. III по Ж. Даррузе). Автор солидаризируется с исследователями, которые считают, что это был нереализованный проект или его черновой набросок по охвату Хазарского каганата системой христианских епархий с центром в крымском Доросе. Автор обращает внимание на пространственные характеристики расположения епархий Готской митрополии Not. III с точки зрения единства территории. Если следовать традиционным коротким маршрутом из Дороса в Хазарский каганат (через Восточный Крым и Керченский пролив), то территория Готской митрополии неизбежно оказывалась «разорвана» землями Боспорской или Сугдейской епархий. Пространственно цельными «хазарские епархии» могли быть только в случае, если связь между резиденцией митрополита и иными епархиальными центрами осуществлялась через Северный Крым, причерноморские и приазовские степи. Это может указывать на период создания документа, когда Хазарский каганат еще контролировал причерноморские степи. При этом политическая ситуация должна была складываться таким образом, что хазары нуждались в помощи из Византии и в качестве ответной меры теоретически готовы были позволить на своей земле деятельность церковных чиновников из Константинополя. Рассмотрев различные точки зрения о датировке источника, автор приходит к выводу, что данная роспись епархий Константинопольского патриархата в своей крымской и «хазарской» части отражает ситуацию, которая могла сложиться в середине 30-х — начале 40-х гг. IX в. Вероятно, данный проект возник в близкое время (или параллельно) к осуществленному византийскими властями проекту по организации фемы Климатов.

Ключевые слова: Крым, Хазария, Готия, митрополия, епархия, нотиция

В числе важных источников, традиционно привлекаемых различными авторами для исследования многих процессов, протекавших в Крыму в VIII–X вв., являются *Notitiae episcopatum*.

«Крымский пласт», содержащийся в этих документах, достаточно подробно рассматривался в работах Ю.А. Кулаковского (1898. С. 173–194), В.В. Кропоткина (1958. С. 203), А.В. Гадлю (1991), Ж. Даррузе (Darrouzes

1981), В.Е. Науменко (2003), К. Цукермана (Zuckerman 2006; Цукерман 2010) и ряда других авторов, что избавляет нас от необходимости его подробной характеристики.

Напомним основные моменты. Согласно официальной Not. I (по Ж. Даррузе), датируемой ок. 680 г., в Крыму функционировали два церковных центра — Херсон и Боспор, которые входили в состав Зихской епархии с центром в Никопсисе (Darrouzes 1981. P. 5–9, 215). В следующем документе — Not. II (по Ж. Даррузе), не имеющем официального статуса и составленным не позднее первой трети IX в.¹, status quo Зихской епархии сохраняется (Ibidem. P. 10–18, 148–149). Not. IV (о Not. III см. ниже) — официальный документ, датированный концом 60-х гг. IX в. (ок. 869 г.), также фиксирует включенные в Зихскую епархию Херсон, Боспор и Никопсис (Ibidem. P. 34–45, 250). В краткой редакции последнего документа (Not. V)² состав Зихской епархии сохраняется неизменным (Ibidem. P. 46–48). Ситуацию, зафиксированную еще в Not. I, отразил и «Тактикон Филофея» (899 г.) (Науменко 2003. С. 143).

И только в Not. VII (начало X в., а по мнению К. Цукермана, не ранее лета 920 г.: Цукерман 2010. С. 419–427) список Таврических епархий выглядит следующим образом: Херсон, Боспор, Готия, Сугдея, Фулы (Darrouzes 1981. P. 53–78, 273–274). Возможно, последний документ хоть и появился в начале X в., однако отражает те церковно-административные изменения Византийской империи, которые произошли ранее (Науменко 2003. С. 143–144). Допустимо и другое объяснение: Готская и Сугдейская епископии до начала X в. административно входили в состав соответственно Херсонской и Боспорской епархий и поэтому не попали в перечни самостоятельных церковно-административных подразделений. П. Коматина (на основании сведений Жития Иоанна Готского о том, что Иоанн был рукоположен в епископы в Иверии) считает отсутствие Готской епархии в официальных списках Константинопольского патриархата IX в. следствием того, что та находилась в подчинении Грузинской церкви (Коматина 2014. С. 305–306). Однако такая гипотеза не выдерживает критики: в нотциях IX в. отсутствует и Сугдейская епархия, основанная не позднее второй половины VIII в. (Могаричев, Сазанов, Сорочан 2017. С. 494–522). При этом нет никаких «зацепок» связывать и ее с грузинской церковью. Таким образом, нотиции фиксируют самостоятельную Готскую

---

¹ П. Коматина датирует нотицию периодом между 805/806 и 814 гг. (Komatina 2013. P. 195).

² П. Коматина датирует ее периодом между 814 и 827/828 гг. (Komatina 2013. P. 209–211).

епархию, равно как и Судейскую, в Крыму только в начале X в. (о времени образования Готской епархии см.: Там же. С. 434–441).

Этой устоявшейся организации административно-церковного устройства на Крымском полуострове, в определенной степени, противоречит информация, содержащаяся в Not. III (по Ж. Даррузе) или Нотиции Де Боора. Зихская епархия (№ 82) здесь присутствует. Но ее состав следующий: Херсон (№ 83), Боспор (№ 84), Сугдея (№ 85) (Darrouzes 1981. P. 232). То есть традиционное место Никопсиса упомянутых нотиций заняла Сугдея. Следующая особенность нотиции — среди митрополий 42-е место занимает Готская епархия с центром в Доросе (Ibidem. P. 231). Далее, в перечне митрополитов под № 37 читаем:

«ΑΗ' ἐπαρχία Γοτθίας
α' Δόρος μητρόπολις
β' ὁ Χοτζίρων
γ' ὁ Ἀστήλ
δ' ὁ Χουάλης
ε' ὁ Ὀνογούρων
ς' ὁ Ῥετέγ
ζ' ὁ Οὔνων
η' ὁ Ταμάταρχα» (Ibidem. P. 241–242).

И в конце нотиции в качестве локализации ряда епископий в отношении Готской епархии упомянут епископ хотциров, резиденция которого находилась рядом с Фулами и Харасну(я), которая называется Черная Вода. Еще ниже сообщается, что Астель — это река и крепость в Хазарии (Ibidem. P. 245).

Таким образом, нотиция III фиксирует появление Готской митрополии с центром в Доросе. В состав митрополии входили семь епископий. Огромная территория данной церковно-административной единицы включала районы Нижнего Поволжья, Северо-Западного Прикаспия, пространства между Каспийским и Азовским морями, Таманский полуостров, значительную часть Крыма, т. е. практически весь Хазарский каганат.

Имеющиеся в историографии основные подходы к датировке документа и интерпретации представленной там информации были достаточно подробно проанализированы В.Е. Науменко (2003. С. 133–142), К. Цукерманом (2010. С. 401–409), частично в нашей работе (Могаричев, Сазанов, Сорочан 2017. С. 436–437). Напомним основные точки зрения.

Первый издатель документа К. де Боор был склонен считать, что нотиция не являлась официальным документом и носила компилятивный

характер. Он датировал ее временем ок. 787 г., указав на текстуальную зависимость от списков участников VII Вселенского собора (787 г.) (Boor 1891. P. 303–322, 519–534). Ю.А. Кулаковский определял время составления документа второй половиной VIII в. (1898. С. 175–193). А.Л. Бертье-Делагард относил «таврическую» часть ко времени не ранее XI в. (2011. С. 43–49). А.А. Васильев считал нотицию поздней подделкой (1927. С. 210–216). М.И. Артамонов датировал источник периодом между 80-ми гг. VIII в. (в Житии Иоанна Готского о митрополии ничего не сказано) и началом IX в. (в нотциях этого времени митрополия уже не упоминается) (Артамонов 2001. С. 352–358). В. Мошин (1929. С. 249–256) и Г. Вернадский (Vernadsky 1940–1941. P. 67–76) пришли к заключению, что документ не имел официального статуса, а представлял собой нереализованный проект по церковной организации Хазарии. Причем, по мнению Г. Вернадского, появление проекта явилось следствием «хазарской» миссии Константина Философа 860–861 гг. Д. Оболенский относил рассматриваемый список епархий к промежутку между 733 и 746 гг. и полагал, что «не существует убедительных причин, почему византийские планы по созданию миссионерской Церкви на всем пространстве хазарских владений должны были остаться на бумаге» (Оболенский 1998. С. 186). При этом указанный автор, к сожалению, в поддержку своей точки зрения никаких аргументов не привел. В пользу хронологии «готской части» Not. III серединой VIII в. склоняется и Т. Нуан (Noonan 1992. P. 114). Ж. Даррузе, проводя обстоятельный анализ, определял время создания нотиции периодом ближе к 70-м гг. IX в., считая ее не совсем продуманной компиляцией (Darrouzes 1981. P. 31–33). Этой точки зрения придерживаются и ряд современных исследователей (см., например: Науменко 2003. С. 12–18; Иванов 2001. С. 30–33). К. Цукерман, согласившись с «рабочим» характером источника, относил его составление ко времени ок. 806 г. (Zuckerman 2006. P. 214; Цукерман 2010. С. 401–404). В целом, в отношении Not. III в современной историографии так же имеются мнения: от предположения о нем, как об источнике второй половины VI в. (если не всего документа, то его отдельных частей, особенно в части упоминания провинций Мезия и Скифия) (см. например: Атанасов 2008. С. 307–309; Holubeanu 2019) и документе середины — конца VIII в. (см., например: Prigent 2002. P. 931–953; Коматина 2014. С. 304–305; Айбабин 1999. С. 206–209; Бубенок 2011. С. 67–69), до представления как об поздней компиляции (Lamberz 2004. P. 24–35). Отметим также, что большинство современных исследователей постулируют или допускают «рабочий» характер документа.

Как видим, в историографии сформировалось доминирующее представление, что «крымский пласт» Not. III может датироваться (в широких рамках) второй половиной VIII — IX в. Документ представлял собой проект, или его черновой набросок, в итоге так и не реализованный, охвата Хазарии системой христианских епархий. Not. III зависима от документов Вселенского собора 787 г. (Цукерман 2010. С. 409–414), источник компилятивен и включает в себя разновременные позиции.

В рассматриваемой росписи епархий присутствуют Сугдейская и Готская епархии (в данном случае мы только указываем на факт, а не статус последней), не известные по иным ранним notiциям. Предположение, что данные церковно-административные единицы были «пророчески придуманы» автором (авторами?) notiции Де Боора, крайне маловероятно. Соответственно, в период составления «крымской части» Not. III Готская и Сугдейская епархии (епископии в составе Херсонской и Боспорской епархий?) — реальность. Скорее всего, Сугдейская епархия была основана в середине VIII в. (см. подробнее: Могаричев, Сазанов, Сорочан 2017. С. 494–522), а Готская в конце VIII — начале IX в. (Могаричев, Сазанов, Сорочан 2017. С. 434–441). Отмеченное вполне соотносится с датировкой Not. III не ранее конца VIII в.

Вряд ли стоит отрицать, как уже неоднократно отмечали различные авторы, что Готская митрополия здесь являла собой проект «включения Хазарии в иерархическую структуру Византийской церкви» и «несет на себе печать современности» (Цукерман 2010. С. 415). С большой долей вероятности можно говорить о проекте, или отвергнутом на стадии обсуждения, или так и не вступившем в стадию реализации. В иных известных нам источниках об обширной (или просто) Готской митрополии в Хазарии информации нет. Допустим, что указанная епархия все же была учреждена и существовала короткое время. Но факт функционирования такой церковно-административной единицы, достаточно важной как с позиций миссионерской деятельности византийской церкви, так и просто имперской дипломатии, не зафиксировали ни иные notiции, ни труды информированных Феофана Исповедника и патриарха Никифора. Напомним, что Феофан свое произведение доводит до 813 г. (Чичуров 1980. С. 18).

Молчит о некогда имевшей место епархии в Хазарии и Житие Константина Философа. Отметим, что Константин в начале 60-х гг. IX в. лично посетил Хазарию, общался с каганом и, конечно, интересовался состоянием христианства в этом государстве (Флоря 1981. С. 77–86). Напомним, что данный источник был составлен между 869 и началом 880-х гг. (Там же. С. 10; Zuckerman 1995. P. 243 и др.), когда еще были достаточно актуальны византийско-хазарские отношения.

Обратим, в этой связи, внимание на еще одни хорошо известные источники, а именно письма патриарха Николая Мистика херсонскому стратигу и херсонскому епископу, которые датируются в пределах 914–920 гг. (Zuckerman 2006. P. 223; Сорочан 2012). В них патриарх поручает епископу Херсона провести работу по организации и упорядочению церковной структуры для проживающих в Хазарии христиан, а также подыскать подходящую кандидатуру на место хазарского епископа. То есть даже в начале X в., хоть там последователи Христа и проживали, церковная организация не функционировала. Конечно, теоретически можно допустить, что та некогда была и прекратила существование. Но почему-то забота о единоверцах в Хазарии ложится на плечи не Готскому архиепископа, что было бы логично с точки зрения «исторических реалий», а херсонского.

Если полагать, что проект «Готская митрополия» хоть в какой-то мере предполагался к реализации (иначе отсутствует всякая логика включения его в notiцию) и отражал, как справедливо заметил К. Цукерман, некие имевшие место тогда реалии, то можно попытаться установить, когда такое могло быть возможным. Ведь, если назначение митрополита в Доросе еще можно рассматривать как одностороннее византийское решение, то о появлении епископов на территории «исторической Хазарии» и уж тем более в Итиле, то есть там, куда имперская власть однозначно не распространялась, можно было мечтать только при наличии «доброй воли» хазарских властей. Иначе назначенных Константинополем глав епархий туда просто не допустили, или они вынуждены были бы действовать в «подполье».

Существуют источники, прямо повествующие, по крайней мере, о попытках Константинопольского патриархата упорядочить церковную структуру Хазарии. Это вышеупомянутые письма Николая Мистика. Было бы логично предположить: проект «Готская митрополия» появился в результате поездки херсонского иерарха в Хазарию. А не был он реализован, так как вскоре, вероятно, между 931/2–941 гг., византийско-хазарские отношения обострились, о чем свидетельствует Кембриджский аноним (Голб, Прицак 1997. С. 140–142; обзор см.: Могаричев, Сазанов, Сорочан 2017. С. 595–610). В пользу такого подхода, казалось бы, может свидетельствовать и упоминание в notiции Де Боора Сугдейской и Готской церковно-административных единиц. Вспомним, что данные епархии впервые в росписях церковно-административных единиц Константинопольского патриархата фиксируются как раз ок. 920 г. (Not. VII). Однако этой версии противоречит традиционная датировка Not. III, которую, как уже отмечалось, практически все исследователи относят ко времени

до X в. Есть и еще один, как нам представляется, весомый аргумент. В Not. III Фулы указаны как ориентир, недалеко от которого находилась резиденция епископа хотциров. В Not. VII же присутствует отдельная Фульская епархия. Таким образом, «крымский пласт» Not. III должен датироваться периодом до образования указанной церковно-административной единицы. То есть, вероятно, до 70 — 90-х гг. IX в. (о Фульской епархии см.: Могаричев, Сазанов, Сорочан 2017. С. 442–471). Кроме того, как полагает большинство исследователей (например, А.И. Айбабин, В.Е. Науменко, К. Цукерман, Ю.М. Могаричев, С.Б. Сорочан), скорее всего, хазары были вытеснены за пределы Крымского полуострова не позднее тех же 70–90 гг. IX в. (см. подр.: Там же. С. 611–639), и, соответственно, учреждать хазарскую епархию с центром в Крыму не было никакой логики.

К. Цукерман полагает, что проект образования Готской митрополии явился через полтора десятилетия продолжением демонстрации «политической доброй воли» Византии «в отношении Хазарии», начатой признанием на VII Вселенском соборе в Никее Никиты руководителем Готской епархии, вместо враждебного по отношению к хазарам Иоанна Готского³ (Цукерман 2010. С. 418). Однако как раз сам факт попытки организации на территории Хазарского каганата единой митрополии, глава которой назначался и, соответственно, контролировался Константинополем, и базировался на расстоянии чуть менее 40 км от главного города Византии в Северном Причерноморье — Херсона, свидетельствует в пользу желания авторов нотии действовать с позиции силы. В случае, если бы данный проект был реализован (вернее, если бы хазары позволили прибыть и действовать присланным из Византии митрополиту и семи епископам), он бы демонстрировал как раз наличие «доброй воли» именно со стороны Хазарии. Отметим, что после разгрома выступления в Готии хазары подчинили себе значительную часть византийских владений в Таврике, в том числе и Дорос (см.: Могаричев, Сазанов, Сорочан 2017. С. 489–494). Поэтому тогда, как минимум до 20-х — 30-х гг. IX в., сила была на их стороне.

Более логичной выглядит упоминавшаяся ранее гипотеза о проекте Готской митрополии как результате византийского посольства в Хазарский каганат, одним из участников которого был Константин Философ. Сторонники данной точки зрения считают, что именно тогда византий-

---

³ Данная проблема рассматривалась нами в специальных исследованиях, в том числе там представлена критика гипотезы К. Цукермана (Могаричев, Сазанов, Шапошников 2007. С. 192–213; Могаричев, Сазанов, Сорочан 2017. С. 438–442; 472–493).

цы лично познакомились расположением христианских общин в Хазарии (Науменко 2003. С. 137–142).

Создание единой организационной структуры для христианского населения каганата теоретически могло быть выгодно и его правителям, если согласиться с точкой зрения о принятии хазарами в качестве государственной религии иудаизма ок. 860/861 г. (после отъезда оттуда Константина). Эта гипотеза, высказанная Д. Марквартом, Г. Вернадским, в наиболее завершенной форме сформулирована К. Цукерманом (Zuckerman 1995. P. 237–259 etc.). Конечно, по вопросу о времени свершения данного события существуют различные точки зрения. Так как источники, повествующие об этом, фрагментарны и противоречивы, в зависимости от степени доверия конкретного автора тому или иному информатору и вычислялась дата иудаизации хазар: 620–621 гг. (основание — письмо хазарского царя Иосифа); первая половина VIII в. (Иегуда га-Леви); конец VIII — начало IX в. (ал-Мас‘уди); начало 860-х гг. (Житие Константина Философа). Кроме того, некоторые ученые на основании письма хазарского царя Иосифа писали о двухстадийной иудаизации хазар, а О. Прицак — о трехстадийной⁴. Вхождение Хазарии в число государств с главенствующей монотеистической религией неизбежно должно было привести власти к идее организации последователей иных религий в единые структуры по примеру той же Византии.

Однако есть несколько причин сомневаться в однозначности данной гипотезы. Сложно представить, что византийское посольство 860/861 гг. двигалось в Хазарский каганат «на ощупь» и не имело представлений о путях, по которым можно было добраться в ставку кагана. Соответственно, византийцы *уже имели вполне адекватные представления о географии Хазарии*. Известно, что они умели собирать и анализировать сведения о потенциальных союзниках и противниках. И Хазарский каганат вряд ли был исключением. Самый известный, положенный на бумагу пример такого свода — «Об управлении империей» Константина Багрянородного (Константин Багрянородный 1991). Конечно, этот источник был составлен практически через столетие после хазарской миссии Константина Философа. Но ведь и традицию сбора информации об окружающих империю народах придумал не данный император. Хорошо известно, что Византия и Хазария долгое время были союзниками перед лицом арабской угрозы. Это предполагало и обмен дипломатическими миссиями, и торговые отношения. Поэтому, вне всяких

---

⁴ Подробное исследование проблемы времени принятия хазарами иудаизма не входит в задачу настоящей работы. Наш обзор историографии: Могаричев, Сазанов, Сорочан 2017. С. 437–438.

сомнений, византийцы имели вполне полную информацию о Хазарии и тем более о хазарских христианах, как потенциальной «пятой колонне». Напомним несколько примеров. Бежавший из Херсона опальный Юстиниан II смог добраться до ставки кагана, посол Тиберия III Апсимара, склонивший правителя Хазарии «избавиться» от Юстиниана, так же нашел путь в каганате (Чичуров 1980. С. 62). В конце концов, переговоры о женитьбе Константина V и Чичак (Ирины) (Там же. С. 68) велись явно не по скайпу.

Обратим внимание еще на два момента.

Первый — это пространственное расположение епархий Готской митрополии Not. III с точки зрения единства территории.

Если следовать традиционным, коротким маршрутом из Дороса в Хазарский каганат (через Восточный Крым и Керченский пролив), то территория Готской митрополии (не вдаваясь в подробности, где конкретно локализуются ее семь епархий) (см.: Науменко 2003. С. 134–137) оказывалась «разорвана» землями Боспорской или, при движении через порт Сугдеи, Сугдейской епархий. И даже, если допустить, что Фулы находились в Восточном Крыму и это — Тепсенское поселение (что далеко не факт) (см. подр.: Могаричев, Сазанов, Сорочан 2017. С. 442–471) и, соответственно, епархия ὁ Χοτσίρων имела выход к морю, и, поэтому на Таманский полуостров можно было добраться на корабле из современного Коктебеля, это не снимает наше замечание. Во-первых, порт (бухта) Тепсеня по своим характеристикам ни в какое сравнение не идет с портом Сугдеи и Боспора. Во-вторых, в любом случае, из предполагаемых Фул (Тепсеня) необходимо было плыть мимо побережья Боспорской епархии. Таким образом, мы должны постулировать: Готская митрополия изначально предполагала чересполосицу территории, что крайне маловероятно. В таком случае надо признать: единство земель «Хазарской митрополии» предполагалось через Северный Крым, причерноморские и приазовские степи. Тогда все выглядит логично и реально. Из этого вытекает, что крымская часть нотиции должна относиться ко времени, когда степные пространства Северного Причерноморья единолично контролировались хазарами. Ок. 836 г. в Причерноморских степях появляются венгры, в 860/861 гг. их пребывание в Крыму фиксирует Пространное Житие Константина Философа⁵, ок. 889 г.

---

⁵ Несмотря на то, что описанное в Житии чудесное избавление Константина и его спутников от венгров, равно, как и до этого от хазар, в большей степени, результат влияния агиографической традиции, пребывание венгерских отрядов в Крыму, скорее всего, есть отражение неких исторических реалий (см.: Могаричев, Сазанов, Сорочан 2017. С. 621–627).

венгры были вытеснены печенегами. В данном случае мы не вдаемся в подробности дискуссии: конфликты хазар с мадьярами начались сразу после их появления в Причерноморье или немного позднее (см. подр.: Цукерман 1998; Комар 2018. С. 28–50). По справедливому замечанию К. Цукермана, именно враждебные отношения хазар и венгров отрезали Крым от Хазарии (Цукерман 1998 С. 676–677), и хазары были вытеснены с Крымского полуострова не позднее 70-х — 90-х гг. IX в. Выходит, хазары самостоятельно и полностью контролировали степи Северного Причерноморья, соответственно, и Северный Крым, только до периода, не выходящего за пределы конца 30-х — начала 40-х гг. IX в. И даже, если допустить, что проект «Готская митрополия» допускает некоторое запаздывание отражения политических реалий, вряд ли он мог появиться позднее второй половины начала 50-х гг. IX в.

Второй, о чем уже говорилось, политическая ситуация должна была складываться таким образом, что хазары нуждались в помощи из Византии и в качестве ответной меры готовы были терпеть церковных чиновников из Константинополя. Учитывая, что Not. III может датироваться в пределах конца VIII — IX в., и приведенные выше аргументы, наше внимание привлекает период середины 30-х — начала 40-х гг. IX в. Именно к этому времени (в широких пределах) относится миссия в Хазарию Петроны Каматира, строительства им Саркела и образования в Крыму фемы Климатов. Различные моменты, связанные с поездкой Петроны в Хазарский каганат и строительства крепости Саркел, достаточно подробно рассматривались в историографии и не являются целью настоящего исследования. В нашем случае важно, что это происходило по просьбе хазар (Константин Багрянородный 1991. С. 171–172). В.С. Флёров на основании анализа строительной техники ниже-донских хазарских крепостей и их хронологии выдвинул достаточно перспективную гипотезу, что миссия Петроны не была единственной и первой (Флёров 2017). Конечно, можно предложить несколько объяснений, каким образом возведенные в рамках византийских строительных традиций крепости, датирующиеся периодом до командировки Петроны в Хазарию, могли возникнуть в Хазарском каганате. Но никакие аргументы не позволяют отрицать, что подобных «строительных командировок» могло быть несколько, а миссия Петроны Каматира попала в сочинения византийских авторов, т. к. ее следствием было не только сооружение крепости для обороны союзника, но и знаковое образование новой фемы.

По мнению одних исследователей, фема Климатов была создана летом 841 г. в ответ на появление в припонтийских степях венгров, которые в середине 830-х гг. полностью перекрыли хазарам доступ

к Крыму с севера, и те более не могли удерживать подвластные им территории (К. Цукерман, А.И. Айбабин, В.Е. Науменко, Ж. Дагрон и др.). Другие исследователи сомневаются, что фема была создана именно в 841 г., и не рассматривают венгерскую угрозу в качестве основной (С.Б. Сорочан, В.Я. Петрухин, Т. Живкович и др. — см. подр.: Могаичев, Сазанов, Сорочан 2017. С. 616–617). Однако, несомненно, этот военно-административный округ был образован византийскими властями на Крымском полуострове в промежутке между 834 и 841 гг. Создание фемы однозначно свидетельствует о переходе Готии к началу 840-х гг. под полный контроль Византии. По мнению К. Цукермана, в 50-х гг. IX в. фема Климатов была переименована в фему Херсон (1998. С. 678). Вероятно, смена названия фемы означала не столько потерю имперского контроля над Климатами или ослабление там власти, сколько коррекцию византийской политики на полуострове. Очевидно, поняв нерациональность выбора в качестве политического центра создаваемой фемы Горного Юго-Западного Крыма, а возможно, и потерпев фиаско в попытке христианизации Хазарии, власти вернулись к привычному и более удачному херсонскому варианту. Соответственно, по имени нового центра меняется и название фемы.

Таким образом, по нашему мнению, появление проекта «Готская митрополия» следует датировать второй половиной 30-х — началом 40-х гг. IX в. Возможно, он рассматривался византийскими властями параллельно с проектом образования фемы Климатов. В этой связи заметим, вряд ли выглядит случайным, что имя образованной на полуострове фемы было — фема Климатов. Ее название отражало местонахождение центра этой военно-административной единицы. То же можно отметить и по отношению к центру Готской митрополии. Однако данное предложение не получило поддержки, то ли в силу изменения политической ситуации (хазаро-венгерский конфликт?), то ли было отвергнуто правителями Хазарского каганата, опасавшихся в этом случае усиления влияния Византии на внутренние дела Хазарии.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. [*Ajbabin A.I.* Etnicheskaya istoriya rannevizantijskogo Kryma (Ethnic History of the Early Byzantine Crimea). Simferopol, 1999.]
- Артамонов М.И.* История хазар. СПб., 2001. [*Artamonov M.I.* Istoriya khazar (The History of the Khazars). St.-Petersburg, 2001.]

- Атанасов Г.* Бележки и допълнения към църковната организация в Мизия и Скития през IV–VII в. // Сборник в чест на Ал. Минчев (Acta musei varnaensis. № VIII-1). Варна, 2008. С. 297–318. [*Atanasov G.* Belezhki i dop''leniya k''m c''rkovnata organizaciya v Miziya i Skitiya prez IV–VII v. (Notes and Codicils to the Ecclesiastical Structure of Moesia and Scythia in the 4th — 7th Century AD) // Sbornik v chest na Al. Minchev (Acta musei Varnaensis. № VIII-1). Varna, 2008. S. 297–318.]
- Бертъе-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // *Бертъе-Делагард А.Л.* Избранные труды по истории христианства в Крыму. Симферополь, 2011. Т. 2. С. 65–78. [*Bert'e-Delagard A.L.* Issledovanie nekotoryh nedoumennyh voprosov srednevekov'ya v Tavride (Studies in some Puzzled Questions of the Medieval Crimea) // *Bert'e-Delagard A.L.* Izbrannye trudy po istorii hristianstva v Krymu. Simferopol, 2011. T. II. S. 7–138.]
- Бубенок О.Б.* К вопросу о распространении христианства среди хазар // Східний світ. 2011, № 4. С. 65–78. [*Bubenok O.B.* K voprosu o rasprostranenii hristianstva sredi hazar (The Problem of Spreading of Cristianity among the Khazars) // Skhidnij svit. 2011, № 4. S. 65–78.]
- Васильев А.А.* Готы в Крыму. Ч. 2 // ИГАИМК. 1927. Вып. 5. С. 179–282. [*Vasil'ev A.A.* Goty v Krymu (The Goths in Crimea). Pt. 2 // Izvestiya Gosudarstvennoj akademii istorii material'noj kul'tury. Moskow; Leningrad, 1927. Vol. 5. S. 179–282.]
- Гадло А.В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения / Под ред. Г.Л. Курбатова. Л., 1991. С. 93–106. [*Gadlo A.V.* Vizantijskie svidetel'stva o Zihskoj eparhii kak istochnik po istorii Severo-Vostochnogo Prichernomor'ya (The Byzantine Evidences on Zikhian Eparchy as a source on the History of North-East Black Sea Region) // Iz istorii Vizantii i vizantinovedeniya / Ed. by G.L. Kurbatov. Leningrad, 1991. S. 93–106.]
- Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X в. М.; Иерусалим, 1997. [*Golb N., Pritsak O.* Hazarsko-evrejskie dokumenty X v. (Khazarian-Hebrew Documents of the 10th Century). Moscow; Jerusalem, 1997.]
- Иванов С.А.* Миссия восточно-христианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10. С. 16–39. [*Ivanov S.A.* Missiya vostochnohristianskoj cerkvi k slavyanam i kochevnikom: evolyuciya metodov (The Mission of Eastern Church to Slavs and Nomads: Evolution of the Methods) // Slavyane i ikh sosedi. Moscow, 2001. Vol. 10. S. 16–39.]
- Комар А.В.* История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Будапешт, 2018. [*Komar A.V.* Istoriya i arheologiya drevnih mad''yar v epohu migracii (History and Archeology of Ancient Magyars in the Time of Their Migration). Budapest, 2018.]
- Коматина П.* Црквена политика Византије од краја иконоборства до смрти цара Василија I. Београд, 2014. [*Komatina P.* Crkvena politika Vizantije od

- kraja i konoborstva do smrti cara Vasilija I (Church Policy of Byzantium from the End of Iconoclasm to the Death of Emperor Basil I). Belgrade, 2014.]
- Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991. [*Konstantin Bagryanorodnyj*. Ob upravlenii imperiej (Constantin Porphyrogenitus. *De administrando imperio*) / Ed. G.G. Litavrin and A.P. Novoseltsev. Moscow, 1991.]
- Кропоткин В.В.* Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и локализация города Фулл) // СА. М., 1958. Т. 28. С. 198–218. [*Kropotkin V.V.* Iz istorii srednevekovogo Kryma (Chufut-Kale i lokalizaciya goroda Full) (Chufut-Kale and the Localization of the City of Phouloio: on the History of the Medieval Crimean) // *Sovetskaya arheologiya*. Moscow, 1958. T. 28. S. 198–218.]
- Кулаковский Ю.А.* К истории Готской епархии (в Крыму) в VIII веке // ЖМНП. 1898. Ч. CCCXV, № 2. С. 173–194. [*Kulakovskij Ju. A.* K istorii Gotskoj eparhii (v Krymu) v VIII veke (On the History of Gothic Eparchy in the 8th Century) // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1898. Vol. CCCXV, № 2, S. 173–194.]
- Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007. [*Mogarichev Yu.M., Sazanov A.V., Shaposhnikov A.K.* Zhitie Ioanna Gotskogo v kontekste istorii Kryma «hazarского периода» (The *Life of St. John of Gothia* in the Context of the Crimean History in the ‘Khazar Period’). Simferopol, 2007.]
- Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б.* Крым в «хазарское» время (VIII — середина X в.): вопросы истории и археологии. М., 2017. [*Mogarichev Yu.M., Sazanov A.V., Sorochan S.B.* Krym v «hazarское» vremya (VIII — seredina X v.): voprosy istorii i arheologii (The Crimea in the ‘Khazar Period’ (8th — middle of the 10th Century): Problems of History and Archeology). Moscow, 2017.]
- Мошин В.* Готская епархия в Хазарии в VIII в. // Труды IV съезда русских академических организаций за границей. Белград, 1929. С. 249–256. [*Moshin V.* Gotskaya eparhiya v Hazarii v VIII v. (Gothic Eparchy in Khazaria in the 8th Century) // *Trudy IV s’ezda russkikh akademicheskikh organizacij za granicej*. Belgrad, 1929. S. 249–256.]
- Науменко В.Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII — середине IX в. // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. 12. С. 544–567. [*Naumenko V.E.* K voprosu o haraktere vizantijsko-hazarских otnoshenij v konce VIII — seredine IX v. (On the Question of the Nature of the Byzantine-Khazar Relations at the End of the 8th — Middle of the 9th Century) // *Problemy istorii, filologii, kul’tury*. Moscow; Magnitogorsk, 2002. Vol. 12. S. 544–567.]
- Науменко В.Е.* К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. (по данным Notitiae Episcopatum) // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34. С. 123–145. [*Naumenko V.E.* K voprosu o cerkovno-administrativnom ustrojstve Tavriki v VIII–IX vv. (po dannym Notitiae Episcopatum) (On the Church and Administrative Organization of Taurica in the 8th — 9th Centuries

- (According to *Notitiae episcopatum*) // Antichnaya drevnost' i srednie veka. Ekaterinburg, 2003. Vol. 34. S. 123–145.]
- Науменко В.Е. О византийской феме в Таврике в правление императора Никифора I Геника (802–811): критические замечания к гипотезе Тибора Живковича // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Волгоград, 2017. Т. 22, № 5. С. 75–85. [*Naumenko V.E. O vizantiyskoy feme v Tavrike v pravleniye imperatora Nikifora I Genika (802–811): kriticheskiye zamechaniya k gipoteze Tibora Zhivkovicha (On the Byzantine Theme in Taurica in the Time of Nicephorus I Genikos (802–811)) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo. universiteta. Ser. 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya. Volgograd, 2017. T. 22, № 5. S. 75–85.*]
- Оболенский Д. Византийское содружество наций. М., 1998. [*Obolenskij D. Vizantijskoe sodruzhestvo nacij (The Byzantine Commonwealth). Moscow, 1998.*]
- Сорочан С.Б. Византийский Херсон в письмах Николая Мистика // ХА. Киев; Харьков, 2012. Т. 10. С. 179–201. [*Sorochan S.B. Vizantijskij Herson v Pis'mah Nikolaya Mistika (Byzantine Cherson in the Letters of Nicholas Mystikos) // Hazarskij Almanah. Kiev; Harkov, 2012. T. 10. S. 179–201.*]
- Флёров В.С. О первых публикациях местонахождений Башанта. Неизвестная византийская миссия в Хазарию? // ХА. М., 2017. Т. 15. С. 281–295. [*Florov V.S. O pervyh publikatsiyah mestonahozhdenij Bashanta. Neizvestnaya vizantijskaya missiya v Hazariyu? [About the First Publications on Locations of Bashanta. Unknown Byzantine Mission to Khazaria?] // Hazarskij Almanah. Moscow, 2017. T. 15. S. 281–295.*]
- Флоря Б.Н. Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. [*Florya B.N. Skazaniya o nachale slavyanskoj pis'mennosti (The Tales about the Beginning of Slavic Literacy). Moscow, 1981.*]
- Цукерман К. Венгры в стране Леvedии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 гг. // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI. С. 553–688. [*Zukerman K. Vengry v strane Levedii: novaya derzhava na granicah Vizantii i Hazarii ok. 836–889 g. (Hungarians in the Land of Lebedia: a New State on the Borders of Byzantium and Khazaria, ca 836–889) // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. Simferopol, 1998. Vol. VI. S. 553–688.*]
- Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным *Notitiae episcopatum* // МАИЭТ. Симферополь, 2010. Вып. XVI. С. 299–435. [*Zukerman K. Politika Vizantii v Severnom Prichernomor'e po dannym Notitiae episcopatum (Byzantium's Pontic Policy According to Notitiae Episcopatum) // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. Simferopol, 2010. Vol. XVI. S. 299–435.*]
- Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М., 1980. [*Chichurov I.S. Vizantijskie istoricheskie sochineniya (Byzantine Historical Works). Moscow, 1980.*]
- Boor K. de. Nachträge zu den *Notitiae Episcopatum*, I–II // *Zeitschrift für Kirchengeschichte*. B., 1891. Bd. XII. S. 303–322, 519–534.

- Darrouzes J.* Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. P., 1981.
- Holubeanu I.* Provincia Scythia in Nititia Lui Carl de Boor. Vechile interpretari ale cercetatorilor // *Classica et Christiana*. Iasi, 2019. T. 14. P. 75–104.
- Komatina P.* Date of the composition of the Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae nos. 4, 5 and 6 // *Зборник Радова Византолошког Института*. Београд, 2013. Т. L/1. С. 195–213.
- Lamberz E.* Die Bischofslisten des VII Ökumenischen Konzils (Nicaenum II). München, 2004.
- Noonan T.* Byzantium and Khazars: a Special Relationship? // *Byzantine Diplomacy*. Aldershot, 1992. P. 109–132.
- Prigent V.* Les évêchés byzantins de la Calabre septentrionale au VIIIe siècle // *Melanges de L'Ecole Française de Rome, Moyen Age*. P., 2002. Vol. 114. P. 931–953.
- Vernadsky G.* Byzantium and Southern Russia. I. The Eparchy of Gothia // *Byzantion*. 1940–1941. T. 15. P. 67–76.
- Zuckerman C.* On the date of the Khazars' conversion to Judaism and the Chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor // *Revue des Etudes Byzantines*. 1995. T. 53. P. 237–270.
- Zuckerman C.* Byzantium's Pontic Policy in the *Notitiae episcopatum* // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar* / Ed. C. Zuckerman. P., 2006. P. 201–230.

Yurii M. Mogarichev

ON CIRCUMSTANCES AND TIME OF THE APPEARANCE OF THE PROJECT 'GOTHIC METROPOLIA' (NOT. III)

The article deals with the information on Crimea preserved in the so-called de Boors' *Notitia* (Not. III according to J. Darrouzes). This information differs from other Byzantine *Notitiae* (Not. I, II, IV, V, VI according to J. Darrouzes) dating before the beginning of the 10th century. The author agrees with the scholars who consider "the Crimean" part of Not. III to be a part of a "draft project" of creating a system of Christian dioceses of Khazaria with its center in Doros (today's Mangup in the mountains of the South-Western Crimea). At the same time, the hypothesis that the project of organization of the "Gothic metropolis" was a result of the Byzantine mission to Khazaria in which Constantine the Philosopher took part seems to be unacceptable. It is very unlikely that the imperial mission of 860–861 traveled through Khazaria without any information about the localization of the Khagan's horde. Justinian II also managed to get there even earlier in the beginning of the 8th century. The embassy of Tiberius III Apsimar sent to Khazaria in order to destroy Justinian II also managed to get there. The marriage of Constantine V and Khazarian princess Chichak was undoubtedly arranged with the help of diplomatic missions between Khazaria and Byzantium.

The article also discusses the integrity of the territory of the “Gothic Metropolis” according to Not. III. If a short route from Doris to Tamatarkha and inner Khazaria was taken, its territory was separated by the dioceses of *Souгдаia* and Bosphorus. The territorial unity of the “Khazar dioceses” of Gothic metropolis could be achieved only if the connections of the residence of the metropolitan and other dioceses centers were carried out through the steppes of the Northern Crimea and around the Sea of Azov. This situation might point to the date of the composition of the document when the Khazar Khaganate still had these territories under its control.

Although the establishment of the Metropolis in Doris might have been a Byzantine initiative, the dioceses in inner Khazaria could be created only by the agreement of the Khazar ruling elite. The Khazars controlled the Pontic Steppes and the North of Crimea until the end of the 830s or the beginning of the 840s. Thus, after having examined different opinions concerning the date of Not. III and its information about the Crimea, the author concludes that this document reflects the situation of the second part of the 830s or the beginning of the 840s. It is possible that this project emerged when the Khazar Khaganate needed help from Byzantium and could accept the presence of Byzantine church officials in the inner Khazar lands. Thus this project could probably appear close to the time the theme of Klimata was established after Petrona’s mission to Khazaria and the construction of Sarkel. But after all, this project remained unrealized. This could be due to political changes (a conflict between Khazaria and Hungarians?) or it was rejected by the Khazar rulers for other reasons. The author agrees with V.S. Flyorov that there could be more than one mission of Byzantium’s officials and engineers and the project reflected in Not. III could be a result of one of them.

Keywords: The Crimea, Khazaria, Metropolia, Eparchy, Notitiae

DOI: 10.32608/1560-1382-2021-42-368-383

В.С. Флёров

ОБОРОНОСПОСОБНОСТЬ СТЕПНЫХ ХАЗАРСКИХ КРЕПОСТЕЙ¹

Как самостоятельная тема обороноспособность крепостей Хазарского каганата до настоящего времени не изучалась, но для отдельных из них ее оценки предлагались в предшествующей литературе. Сложно сформулировать программу такого исследования, как и создать удовлетворительный список признаков, необходимых для того, чтобы оценить эффективность той или иной фортификации.

Было бы неверно выдвигать на первое место крепости, самые большие по площади и / или по периметру внешних стен. Вообще же все метрические и количественные признаки дают лишь сугубо формализованные оценки. Как бы ни хотелось формализовать, свести в таблицы, коррелировать все признаки крепостей, без вербальных описаний и сравнений обойтись невозможно. Это сделано в данной статье на примере трех крепостей Хазарского каганата, расположенных на Нижнем Дону, сооруженных из разных материалов: 1) Семикаракорской — ставки каганов, выстроенной из сырцового кирпича со строениями в цитадели из обожженного (последняя была возведена по плану «квадрат в квадрате»; 2) Правобережной — из блоков белого известняка; 3) Саркела — из обожженного кирпича.

Сравнивать крепости оказалось сложнее, чем представлялось. Основные признаки, по которым сравнивались крепости, представлены в *Таблице*. Семикаракорская и Правобережная возникли в конце VIII — начале IX в., и погибли одновременно в первые годы существования Саркела, вероятнее всего, при внутреннем конфликте в каганате в конце первой трети IX в. Являясь синхронными, они построены в разных традициях. Более архаична Семикаракорская, но использование обожженного кирпича появилось в ней раньше, чем в Саркеле, т. е. до прибытия на Нижний Дон Петроны Каматира. Недостатки Семикаракорской: нестойкий сырцовый кирпич, отсутствие башен и рва. В Правобережной принципиально другое деление внутреннего пространства — на три сектора. Этот же принцип использован в Саркеле, но с делением на пять секторов. В этом их основное сходство, равно как в прямоугольных башнях, даже в устройстве привратных помещений у главных ворот. С другой стороны, Правобережное имело с Семикаракорским одну общую черту: двухкамерные мастерские, пристроенные к крепостным стенам. Таким образом,

---

¹ Подготовлено по Программе «Хумара — Плиска — две каменные крепости на карте раннесредневековой Восточной Европы».

Правобережная Цимлянская крепость занимает промежуточное положение между Семикаракорской и Саркелом. Сходство этих двух последних состоит в применении их строителями применением обожженного кирпича. Самой совершенной из донских крепостей каганата был Саркел: ров, башни, пять секторов, прочный строительный материал.

В то же время оценить обороноспособность каждой крепости без знания конкретных обстоятельствах ее гибели невозможно. Тактическая ситуация на момент угрозы каждой из крепостей может быть только смоделирована в зависимости от вводимых исследователями исходных данными. Более чем сомнительно, что в степях какие-либо местные или пришлые племена имели опыт штурма крепостей, тем более стенобитные и метательные машины.

В мирное время ниже-донские крепости могли быть административными пунктами или базами небольших военных отрядов. В скоротечных столкновениях местного значения и при благоприятных обстоятельствах каждая из них могла отстоять себя сама. Но пробуем представить их в широкой оперативной обстановке. Небольшие, затерянные в необозримых донских степях, они не только не могли повлиять на общий ход военных действий, но со своими небольшими гарнизонами оказывались в полной изоляции. Спасти их могла только помощь извне.

В данной статье я не касаюсь застарелого вопроса «*против кого*» построены Саркел и Правобережная крепость. Чаще среди прочих подразумеваются венгры. Почему же никто из авторов не ставил тот же вопрос по отношению Семикаракорской крепости? Тоже против венгров или печенегов?

Ключевые слова: Хазарский каганат, крепости, обороноспособность, фортификация, Семикаракорская крепость, Правобережная Цимлянская крепость, Саркел

Как самостоятельная тема обороноспособность крепостей Хазарского каганата до настоящего времени не изучалась, хотя некоторые оценки отдельным из них давались. Сложно сформулировать программу такого исследования. Распространенный набор оценок раннесредневековой крепости включает: план, строительный материал, периметр и площадь; стены со всеми их признаками; фундамент / его отсутствие; наличие / отсутствие башен, их число, метрические характеристики каждой, расстояния между ними; рвы; эскарпирование; структуру внутреннего пространства крепости; наличие цитадели; донжон, его местоположение, высоту; степень застроенности крепости жилыми и иными сооружениями, и т. д. Дело осложняется тем, что для хазарских крепостей не все из упомянутых признаков установлены ввиду неполноты сохранности и особенно недостаточности вскрытых площадей.

Кроме перечисленных констатирующих характеристик, обороноспособность крепости определяется другими чрезвычайно значимыми обстоятельствами: особенностями природной среды, окружающей

крепость и рельефом ближайших подходов к ней, которые могли служить дополнительным препятствием для любого потенциального противника, но и, напротив, обеспечивали скрытность при подходе к крепости, внезапность нападения. Так, правый берег р. Дон буквально иссечен густой сетью древних глубоких и протяженных оврагов, в которых могли скрываться большие массы войск.

Было бы неверно выдвигать на первое место крепости, самые большие по площади и / или по периметру внешних стен. Вообще же все метрические и количественные признаки дают лишь сугубо формализованные оценки. Как бы ни хотелось формализовать, свести в таблицы, коррелировать все признаки крепостей, без вербальных описаний и сравнений обойтись невозможно.

Для каких-либо оценок необходима корреляция между минимум двумя крепостями. К примеру, длина их стен должна соотноситься с количеством башен, расстоянием между ними. Однако, небольшая крепость со стенами не длиннее 100–120 м могла сохранять обороноспособность и без башен. Такими, вероятно, были большинство крепостей каганата. Тем не менее, их трудно ранжировать по одной линии, учитывая, что каждая обладает только ей присущими особенностями и каждая или группа близко размещенных, была сооружена с определенными целями.

Для суждений о конкретной крепости необходимо знать (установить) ее *первоначальное назначение*, которое в свою очередь, особенно при отсутствии нарративных источников, может объяснить характеристики ее фортификации и особенности внутренней застройки².

Еще сложнее определить потенциал крепости в обороне большого региона: Тихая Сосна — северное пограничье каганата, Северский Донец, Нижний Дон. Едва ли не самая сложная для исследователя задача, установить каким потенциалом обладал враг, в ожидании которого сооружена крепость. Судьба конкретной крепости, даже самой, на первый взгляд, совершенной, зависела не только от гарнизона, но, едва ли не в решающей степени, от всего хода военных действий. Речь идет о внешнем противнике. Не следует, однако, забывать, что крепости сооружались и для решения внутренних задач.

Рассмотрим изложенные выше тезисы более детально на примере трех ниже-донских крепостей, в разной степени раскопанных.

---

² До сих пор неясно являются ли крепостями местонахождения Башанта I и II в бассейне р. Егорлык на западе Калмыкии (Очир-Горяева, фон Карнап Борнхейм, Кекеев 2011. С. 254–257; Очир-Горяева, Ситдииков, Кияшко, Нага 2016. С. 23–36).

Самой известной среди ниже-донских хазарских³ каменных и кирпичных крепостей является построенный из кирпича Саркел, но помимо него в пределах современных границ Ростовской обл., представлены белокаменные Правобережная Цимлянская и Камышинская, а также сырцово-кирпичная Семикаракорская. Менее, чем Саркел, историкам каганата известна Правобережная Цимлянская, хотя материалы ее раскопок вплоть до 1990 г. уже изданы тремя авторами (Ляпушкин 1940, 1958. Плетнёва 1964, 1994. Флёров 1994, 1996, 2011). Исследование городища возобновилось в 2003 г. и продолжалось до 2018 г. Оно отражено в предварительной публикации (Флёров, Ермаков 2010). Многими хазароведами упоминается кирпичная Семикаракорская крепость — крупнейшая в бассейне Дона-Северского Донца (о белокаменной Камышинской см. ниже).

Очередность в предлагаемом описании крепостей определяется их хронологией. Логично начать его с более ранних, коими представляются Семикаракорская и Правобережная Цимлянская, за ними хронологически следует Саркел.

СЕМИКАРАКОРСКАЯ КРЕПОСТЬ. Раскопки проводил автор в 1971–1974 г. Находится в четырех километрах западнее г. Семикаракорска Ростовской обл., в 115 км к востоку от г. Ростова-на-Дону, на левобережье р. Дон при впадении в него левого притока — р. Сал (рис. 1:1).

Расположена не непосредственно при слиянии Сала с Доном, но в трех километрах выше по течению Сала. На это стоит обратить внимание. Сал — степная неширокая, но в своих низовьях глубокая с быстрым течением извилистая речка шириною до 20 м. Постоянно меняет свое русло из-за подмывания берегов. В целом городище лежит в простирающейся на много километров донской плоской пойме с редкими всхолмлениями.

Решающим при выборе места стали особенности местности и рельефа. Для строительства был выбран низкий плоский холм (всхолмление), который лежал внутри вытянутой, почти замкнутой петли Сала, охватившей территорию примерно 4 x 1 км. В сухое время года петля Сала была первым рубежом при подходе к городищу. При разливах Дона все пространство поймы вместе с руслом Сала уходило под воду. Не затопленным оставался только холм, превращавшийся на значительное время в остров. Стоявшая на нем крепость оказывалась практически

---

³ Определение «хазарские» означает расположение крепостей на территории Хазарского каганата, а археологически — их принадлежность к салтово-маяцкой культуре. В данном случае это определение не относится к этническому составу их строителей и населения.

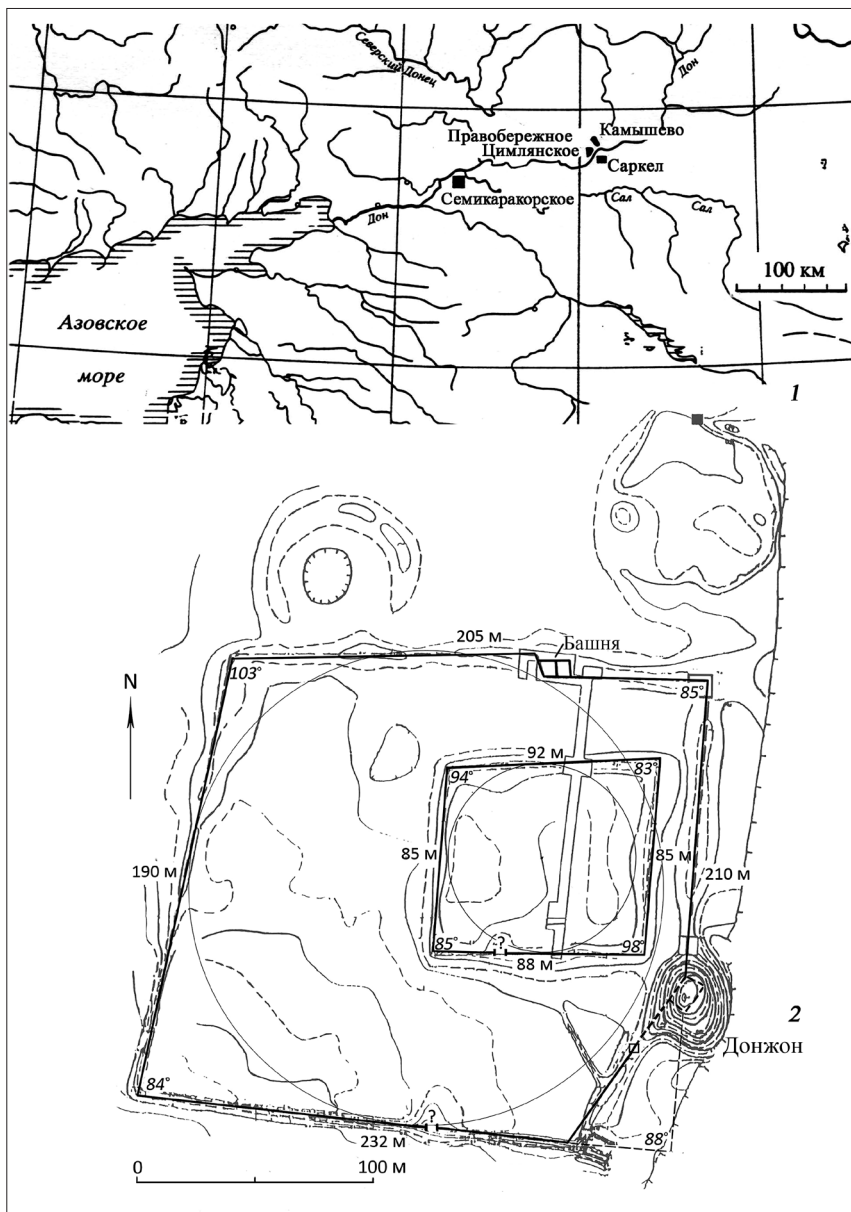

Рис. 1. 1 — Крепости Хазарского каганата на Нижнем Дону;
2 — Семикаракорская крепость.

Fig. 1. 1 — Khazar Khaganate Fortresses in the Lower Don Region;
2 — Semikarakorsk fortress.

недоступной для потенциального врага. После ухода основной воды окружающее пространство еще некоторое время было малопроезжим.

Таким образом, для защиты крепости природные условия были использованы предельно рационально. Как увидим далее, точно так же защищались подходы к Саркелу, который, как и Семикаракорская, стоял в левобережной донской пойме.

Внешняя крепостная и стена цитадели крепости были построены из сырцового кирпича с редкими вставками обожженного (Флёров 2009а; 2009б). Со временем стены превратились «валы» со средней высотой около метра, расплывшиеся до 15–16 м в ширину. Внутри них прекрасно сохранились до 5–12 нижних слоев кирпичной кладки. Благодаря «валам», очертания крепости еще и сегодня хорошо просматриваются на поверхности.

Подчеркну, что перед стенами крепости *не было рвов*, не окружали они и цитадель. На это следует обратить внимание, т.к., казалось бы, рвы увеличили бы обороноспособность крепости с тонкими стенами (рис. 2).

В основе плана Семикаракорской крепости (рис. 1:2) лежит древний принцип двух концентрических квадратов, реализованный, однако, с нарушениями. Невысокая строительная культура привела к следующему. При том, что для крепости была выбрана ровная и практически горизонтальная площадка, строители не сумели сделать ее углы и углы цитадели прямыми. В итоге, на внешнем периметре углы оказались разновеликими: северо-восточный — 85°; северо-западный — 103°; юго-западный — 84°; проектировавшийся, но затем срезанный, юго-восточный — 88°. Неравенство углов привело к несоразмерности длины стен: северная — 205 м, западная — 190 м. Если бы не был срезан юго-восточный угол, то южная достигла бы — 232 м, а восточная — 210 м. Впрочем, на обороноспособности крепости это не сказалось, но резко отличает ее от Саркела с его прямыми углами.

В цитадели: углы северо-восточный — 83°, юго-восточный — 98°, юго-западный — 85°, северо-западный — 94°. Длина стен: северная — 92 м, восточная — 85 м, южная — 88 м, западная — 85 м.

Площадь крепости — примерно 43 500 м², из которых на цитадель приходилось ок. 7 600 м². По площади Семикаракоры значительно превосходили все кирпичные и белокаменные крепости Хазарского каганата бассейна Дона, уступая только Хумаринской на Кубани. Вероятно, и Итилю, действительные размеры которого можно только предполагать (Флёров 2011. С. 83–106).

При значительной длине крепостных стен (190–232 м), вдоль них в рельефе *башни не прослеживаются*. Не оказалось их и на вскрытых

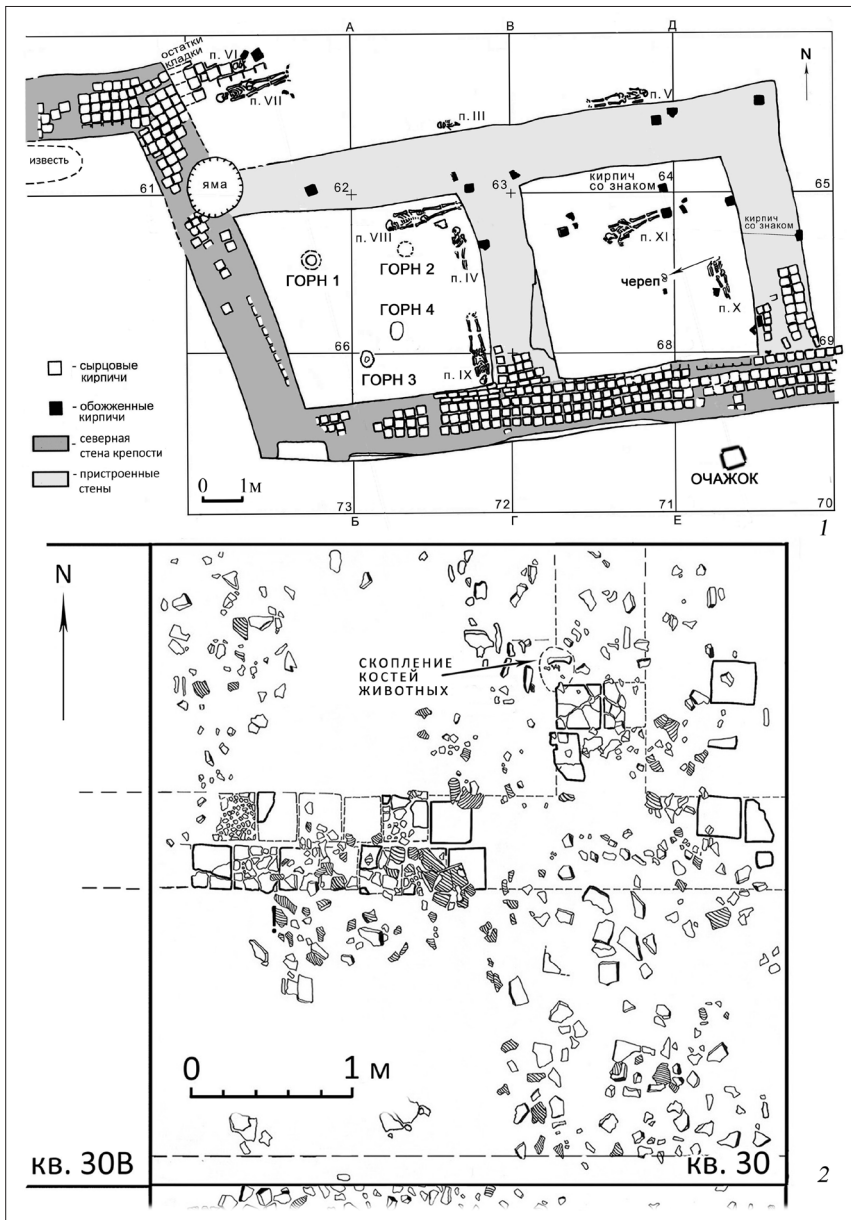

Рис. 2. Семикаракорская крепость. 1 — «башня-мастерская» на северной стене; 2 — остатки строений из обожженного кирпича в Цитадели.

Fig. 2. Semikarakorsk fortress. 1 — A "workshop" tower inside the northern wall; 2 — the remains of burnt brick buildings inside the Citadel.

участках стен, за исключением постройки названной условно «*башня-мастерская*», фортификационное назначение которой остается под вопросом. Это двухкамерное сооружение, 15 / 8 м, из сырцового кирпича, встроенное с внешней стороны в коленообразный изгиб северной стены крепости (рис. 1:2; 2:1). В западном его помещении обнаружены остатки горнов с кусками железистого шлака. Использование этого сооружения в качестве оборонительной башни сомнительно. Аналогичное двухкамерное сооружение с россыпью шлака пристроено с внутренней стороны к стене Правобережной Цимлянской крепости. Ее башни выглядели совершенно по-другому.

Не видно остатков башен и в рельефе стен цитадели. Справедливо-сти ради отмечу, что историк В.М. Пудавов, как и донские любители старины XIX — начала XX в., упоминали башни и ворота, но раскопки на их месте не проводили. Точные места расположения он не указал.

Рельеф на месте углов крепости и цитадели так же указывает на *отсутствие угловых башен*. Это наблюдение подтвердилось раскопками на северо-восточном углу крепости, где башни действительно не оказалось. Другие углы не раскапывались, но внимательно осматривались.

Донжон. В южном конце восточной стены крепости находится оплывшая курганообразная насыпь (рис. 1:2). Ее происхождение десятилетиями оставалось «загадкой», тем более, что подобного не отмечено в других крепостях Хазарского каганата. В 1974 г. на стыке стены и насыпи были произведены раскопки, в результате которых выяснилось, что насыпь является развалинами грандиозного строения из сырцового кирпича с включениями десятков, если не сотен, обожженных. Ничем иным, как донжоном, это сооружение не могло быть. Не противоречит предложенному определению и встроенность этого сооружения в линию крепостных стен, а не размещение внутри крепости или ее цитадели. Оба варианта в истории фортификации известны. Донжон мог быть прямоугольным (как вариант, квадратным), но более вероятны очертания неправильного прямоугольника или удлиненной трапеции. Последнее соответствует очертаниям насыпи. Донжон больших размеров, названный Х.Х. Биджиевым «многоэтажной башней», известен в каменной крепости Хумара. Впрочем, его реконструкция раскопками не подтверждена (Биджиев 1983. С. 26, 27; рис. 26–28).

Какой была первоначальная высота семикаракорского донжона? Судя по площади «кургана», т. е. его развалин (овал 35 / 40 м), и их нынешней высоте (не менее 2,5 м), донжон имел не менее двух–трех этажей. При такой высоте его стены, вероятнее всего, были наклонными. Если принять высоту крепостных стен за 5 м, то высота донжона достигала

не менее 10 м. Каких-либо серьезных фортификационных функций он не нес. Его основное назначение — обеспечить наблюдение за степью в восточном направлении минимум на 20–25 км при ясной погоде. Разумеется, он мог использоваться и как обычная башня, что обороноспособность крепости заметно не повышало. Обороноспособность возрас- тала при наличии системы башен.

Стены крепости и цитадели. Как бы не были примечательны и даже оригинальны все прочие особенности Семикаракорской крепости, именно стены более всего характеризуют степень ее обороноспособности. В первую очередь, это относится к их толщине: в пределах 1,45–1,6 м. Этот показатель вдвое меньше, чем у сложенных из обожженного кирпича на известковом растворе стен Саркела (3,72–3,76 м) и сложенных из белокаменных блоков стен Правобережной Цимлянской крепости (4,2 м).

Все стены и сооружения крепости возведены *без фундамента*. Строители ограничились снятием тонкого слоя гумуса и выравниванием полосы соответствующей ширине стен. Надо признать, выравнивание до горизонтального состояния производилось достаточно тщательно. Во всяком случае, стремление к этому очевидно.

Здесь не место в деталях описывать технологию строительства стен, но укажу на то, что при хорошем качестве сырцового кирпича многочисленны нарушения в его укладке. Впечатление, что кладку вели недостаточно подготовленные для этого люди, вероятно, и без должного инженерного контроля за вертикальностью возводимых стен. Последнее подтверждают продольные вертикальные трещины внутри стен, тянувшиеся на многие метры. Рискну предположить, что происходили обвалы того или иного участка в ходе самого строительства.

Не найдено доказательств облицовки сырцовых стен панцирем из обожженных кирпичей. В условиях местного климата сырцовые необлицованные стены требовали постоянного ухода, подмазки. Проследить следы ремонта оказалось невозможным, поскольку поверхности стен не сохранились. В той или иной степени они выкрошены. Только местами вдоль них замечены маловыразительные разрозненные комочки или пятна известкового раствора, но как первоначально он использовался, объяснить не удалось. Во всяком случае не для побелки. В противном случае вдоль их основания, внутри и снаружи, известь тянулася бы сплошными полосами.

Строения цитадели. Через цитадель в направлении СЮ была проложена траншея шириною 4 м. В результате, были обнаружены развалины зданий из *обожженного кирпича*, занимавшие, судя рельефу, большую часть ее внутреннего пространства. Среди развалин сохранились и об-

рывки стен, сложенных в два кирпича и окруженных многочисленными обломками *черепицы* (рис. 2:2).

Каково же было назначение Семикаракорской крепости? На мой взгляд, ответ кроется в объяснении мнимого несоответствия слабости ее фортификации с *расположением в цитадели зданий из обожженно-го кирпича с черепичной кровлей* (подр. см.: Флёров 2017а).

Строительный материал оборонительных стен оказался самым непрочным из применявшихся в каганате — сырцовый кирпич. Судя по незначительному объему его развалов, внешние и внутренние стены не были высокими, максимум 4–5 м, и к тому же не имели башен. Не отвечает задаче надежной обороны и толщина стен (в пределах всего двух метров) при отмеченном несовершенстве кладки сырцового кирпича.

Отсутствие башен, особенно на внешних стенах со средней длиной в 200 м, и ровов может показаться необъяснимым, если рассматривать Семикаракорскую крепость как обычное фортификационное сооружение. Но дело в том, что тонкие без башен стены и не предназначались для долговременной обороны: они были ничем иным как *оградой* жилища кагана («дворца»), но никак не настоящими крепостными. За оградой цитадели располагался сам каган (возможно, шад). Между внешними стенами и стенами цитадели — его сопровождающие, «свита», немалый отряд охраны, припасы.

Непосредственным же жилищем каганов были те самые кирпичные постройки в цитадели, от которых сохранились только развалины с обрывками стен, сложенных в два кирпича. Известия письменных источников о запрете всем, кроме кагана, строить из обожженного кирпича (Заходер 1962. С. 198, 199; Калинина 2015. С. 58) нашли в данном случае подтверждение в раскопках Семикаракорской цитадели.

Аналогичной слабостью обороны отличалась и громадная по площади и протяженности каменных стен (2 793 м), столица Первого Болгарского царства Плиска: «По причине больших расстояний между воротами и угловыми башнями можно было ожидать значительного количества башен, т.к. обыкновенно они располагаются максимум на 50 м друг от друга. Это правило в Плиске не сохранено. Самое малое расстояние, отделяющее пятиугольную башню от соседней угловой или ворот 94 м — расстояние от башни № 3 до юго-восточной угловой и до восточных ворот. Для остальных башен это расстояние от 160 до 200 м, между башнями №№ 5 и 6 это расстояние достигает 351 м и только между башней № 6 и южными воротами оно 118 м... С малым числом фронтальных башен, расставленных на большое расстояние одна от другой, *плисковская крепость выглядит скорее как парадная, представительская крепость*,

предназначенная не для обороны и не для военных действий, а скорее внушения впечатления своей высотой и объемами ворот и башен. Этот эффект усиливается окрашенным в красный цвет раствором в швах [между блоками. — В. Ф.], что придавало стенам декоративный вид в отличие от мрачного, грубого вида стен обычных крепостей. Слабая военная функциональность плисковской крепости подчеркивается тем, что нигде с внутренних сторон крепостных стен первоначально не было открытых лестниц для быстрого подъема на боевые площадки. Доступ на них происходил через башни с тесными и неудобными для подъема деревянными лестницами. Внешние лестницы были сооружены позднее, когда Внутренний город и строения в нем уже потеряли представительское предназначение» (Рашев 1995. С. 20).

Семикаракорская ставка каганов не могла быть постоянной при такой слабой фортификации. Она использовалась лишь эпизодически, вероятно, во время весенне-летних поездок каганов. В связи с этим, стоит обратить внимание на то, что она расположена на самом западе «хазарского домена» в примечательном месте слиянии с Доном его притоков Северского Донца, Маныча и Сала.

Предложенная гипотеза о назначении Семикаракорской крепости в перспективе может быть проверена при последующих раскопках.

Описание крепости будет неполным без упоминания *двух сооружений: кольцеобразного и подковообразного* за северной стеной крепости (рис. 1:2). Их контуры просматриваются в виде валов высотой в пределах 0,5–1,0 м при ширине до 15 м. Их можно рассматривать как парные, хотя они отстоят от крепостной стены на различном расстоянии.

Кольцеобразное (восточное) находится примерно в 35–40 м от крепости. Его диаметр по внешнему контуру 75–80 м. Вокруг вала ровик шириною ок. 10 м при глубине 0,5 м. На плане С.А. Плетнёвой «кольцо» соединено с крепостью двумя «стенами», что, на мой взгляд, является ее «реконструкцией» (Плетнёва 1967. С. 37, рис. 9:1). На плане А.А. Миллера 1926 г. кольцеобразный вал ничем с крепостью не связан (Миллер 1929. С. 60–122).

Не увидел и я «стен» Плетнёвой; не отразились они и при инструментальных съемках 1972 и 2014 гг. Раскоп площадью 16 м², заложенный на северной вершине кольца в 1972 г., оказался мало результативен и дал только шесть фрагментов амфор.

Еще менее понятно *западное подковообразное сооружение*, плохо просматриваемое на современной поверхности. Оно заметно ближе к крепости, чем «кольцо», примерно в 15–20 м. Трудно определить его размеры. Ориентировочно, с севера на юг 50 м, с запада на восток 70 м по

внешнему контуру. Совсем не просматриваются концы «подковы», обращенные к северной стене крепости. Более осторожный А.А. Миллер, в отличие от С.А. Плетнёвой, не соединил их с крепостью. Стоит обратить внимание и на то, что на крепостном «валу» против подковы Миллер наметил «проход», которого нет на плане Плетнёвой. Не располагая более полными данными, трактовать оба сооружения не представляется возможным. Менее всего я допускаю их хозяйственное назначение (напр. загоны для скота).

ПРАВОБЕРЕЖНАЯ ЦИМЛЯНСКАЯ КРЕПОСТЬ. Первые ее по-настоящему научные раскопки провел в 1939 г. И.И. Ляпушкин (1940; 1958. С. 97–146). Наиболее обширные — С.А. Плетнёва в 1958–1959 гг. (1994). Опубликованы результаты первого этапа моих работ в 1988, 1989, 1990 гг. — раскопки южного угла крепости (Флёров 1994). Второй этап начался в 2003 г. и продолжается с перерывами по настоящее время. Исследуется восточная стена крепости, уничтожаемая Цимлянским водохранилищем⁴.

Крепость находится в 110 км выше по течению Дона от Семикаракорской, за северной окраиной г. Цимлянка Ростовской обл. (рис. 1:1). В свое время она стояла на полого спускавшемся к Дону его правом, высоком, берегу; примерно в 100–150 м от него. Отмечаю эту топографическую ситуацию специально, чтобы не возникло ложное представление об изначальном расположении крепости над крутым обрывом берега Дона. Сегодняшний обрыв — результат размывания берега Цимлянским водохранилищем, заполненным в 1952 г.

Площадка под строительство крепости выбрана целенаправленно — отсеченная от прилегающей местности двумя глубокими балками и соединенная с ней лишь узким перешейком, перегороженным затем короткой стеной с главными воротами (рис. 3). Таким образом, можно констатировать: *природные условия* были использованы чрезвычайно рационально, а склоны Верхней и Нижней балок были дополнительно *эскарпированы*.

Использование балок позволило отказаться от сооружения рвов, по крайней мере, вдоль северной и западной стен крепости.

---

⁴ В разные годы, начиная с 1988, в раскопках участвовали московские специалисты В.Я. Петрухин, В.Е. Флёрова (Нахапетян); А.З. Винников (Воронеж); К.И. Красильников (Луганск, Украина); С.В. Гуркин, В.В. Ключников и А.А. Нечипорук (Ростов-на-Дону). В 1988 г. в составе экспедиции работал известный болгарский археолог Рашо Рашев, в 2011 г. городище посетила Евгения Коматарова (Археологический институт, София). Большое содействие раскопкам оказал Г.А. Сорокин (Цимлянск).

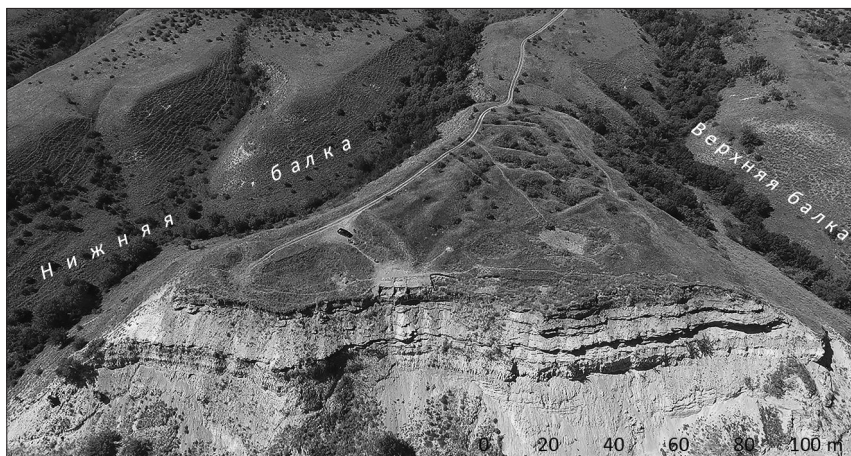

Рис. 3. Правобережная Цимлянская крепость, вид с востока со стороны Цимлянского водохранилища.

Fig. 3. Tsimlyansk Right-Bank fortress, view from the east the side of the Tsimlyansk reservoir.

С.А. Плетнёва упоминала *ров* перед короткой северо-западной стеной (Плетнёва 1994. С. 273). Если он и существовал, то сегодня не заметен. Во всяком случае, перед воротами должен был либо оставаться перешеек для проезда и прохода, либо через ров был перекинут дощатый мост. До раскопок перешейка существование рва останется под сомнением.

Осталось неизвестным, преграждался ли каким-либо искусственным сооружением подход к восточной стене крепости по пологому склону со стороны Дона. Прежние исследователи *ров* перед восточной стеною не упоминали.

Строительные материалы, конструкция стен. Единственный строительный материал для возведения стен и башен — блоки из совершенно белого известняка. Отсюда и наименование Правобережной и подобных «белокаменными». Белый известняк хорошо поддается обработке, но имеет и плохие свойства — легко раскалывается и обладает большим влагопоглощением. Точное местоположение карьеров не установлено. Искать их следует выше по течению Дона.

Качество обработки блоков разное. Есть вытесанные аккуратно, но форма большинства отклоняется в той или иной степени от прямоугольной. Разнообразны и размеры, от 38 / 23 / 11 до 120 / 40 / ?? см. Большинство же в пределах 65–70 / 30 / 40 см.

В качестве примера укажу на три растрескавшиеся блока (длина указана примерно) из нижнего слоя восточной стены крепости, раскопки 2009 г. Не исключено, что они сделаны одним каменотесом:

Блок 7: длина 90–100 см, высота 39–41 см, ширина 30 см.

Блок 8: длина 90–100 см, высота 41 см, ширина 28 см.

Блок 9: длина 90–100 см, высота 37–39 см, ширина 38 см.

Возведению стен предшествовало выравнивание поверхности по периметру будущей крепости и направлениям внутренних стен (см. ниже). При этом строители столкнулись, думаю, с непредвиденной проблемой: ложе под стены пришлось прокладывать не в твердом суглинке, а в чрезвычайно рыхлом песчанистом слое поселения эпохи поздней (?) бронзы — теперь нижний пласт городища. Такое ложе не обеспечило бы устойчивость стены. Было найдено остроумное решение — под стены в один слой уложили *основание из плит* того же ракушечника и песчаника, открытые выходы которых имелись в балках к северу от крепости. Размеры самые разнообразные, от 20–40 см до 1,5 м при толщине 15–20 см, так наз. плитняк (рис. 5).

Дополнительная обработка не проводилась, плиты использовались в том виде, в каком доставлялись к месту строительства. Нельзя исключать, что края плит местами оббивались, но это не меняет общего принципа — использования необработанных. Плиты старались по возможности подгонять друг к другу. Если этого не удавалось, то щели между ними заполняли крошечным известняком и мелкими, до 10 см, окатанными «голышами» твердых пород камня, доставляемые с берега Дона. Эта смесь не просто засыпалась в щели между плитами, но утрамбовывалась до такой степени, что *основание будущих стен становилось монолитным*. Подчеркну, основание стен не являлось фундаментом.

Толщина внешних стен крепости была постоянной — 4,2 м, но основание было несколько шире, выступая иногда с внешней и внутренней сторон на 20–25 см (рис. 6:1). Аналогичную конструкцию стен зафиксировал И.И. Ляпушкин (1958. С. 135, рис. 25). С.А. Плетнёва, возможно, забыла находку Ляпушкина. Поэтому, когда позднее мною при раскопках были обнаружены участки основания, это вызвало у нее недоумение. Угли, которые она находила, были не «самовозгоревшейся» подложкой под стены, а принадлежали слою бронзы. Не могли способствовать укреплению стен и единичные «не очень толстые столбики» (Плетнёва 1994. С. 275, 276; ср.: Михайлов 1955. С. 114, 115).

В середине XVIII в. раскопки всех тогда еще хорошо сохранившихся внешних и внутренних белокаменных стен крепости провел военный инженер из Петербурга Иван Сацыперов. После него блоки крепостных стен и башен и подстилавшие их плиты были почти полностью растащены казаками, но благодаря выполненному Сацыперовым чертежу, мы имеем детальное представление о плане и всей структуре крепости.

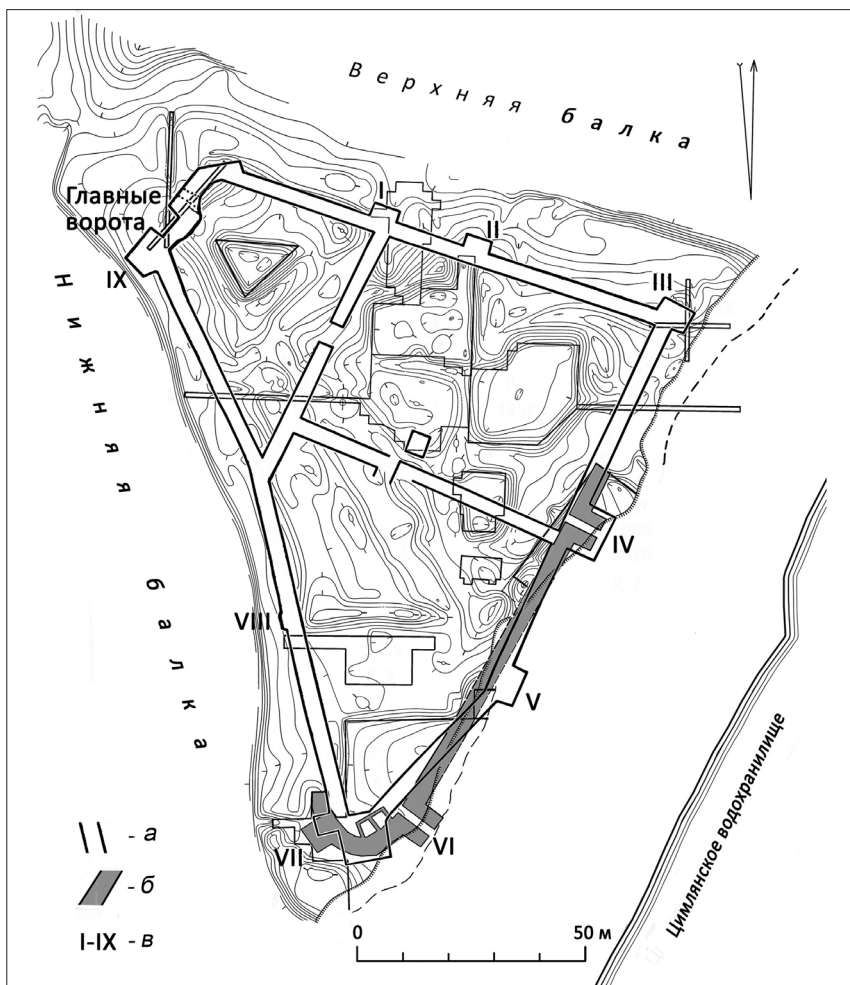

Рис. 4. Правобережная Цимлянская крепость. а — по чертежу И. Сацыперова; б — участки по раскопкам В.С. Флёрова; в — номера башен.

Fig. 4. Tsimlyansk Right-bank fortress. a — according to the plan by Ivan Satsyperov (18th century); б — part of the Fortress excavated by V.S. Floyorov; в — numbers of the towers.

План достаточно достоверен даже при том, что имел погрешности. Они выявлены моими раскопками, в ходе которых установлено: 1) южный угол крепости имел иное строение, нежели в изображении Сацыперова; был скруглен и фланкирован двумя башнями, одна из которых имела узкий проход в сторону Дона; 2) Восточная стена на чертеже Сацыперова имеет поворот на 18–19°, ось поворота — башня V. В ходе раскопок

2006–2010 гг. установлено, что стена в указанной точке поворачивает, но лишь на 1–2°. Расхождения существенные, но не принципиальное.

Белокаменная крепость повторила треугольные очертания площадки, ограниченной балками. Только ее северо-западный угол срезан короткой стеной, перегородившей перешеек (рис. 4). В этой стене устроены Главные ворота, привратные постройки которых нашла С.А. Плётнева (1967. С. 38, рис. 10:2).

Башни. На чертеже И. Сацыперова изображено девять прямоугольных башен разного размера. Мои раскопки уточнили расположение башен IV, VI, VII. Башня V уже обвалилась. Главные ворота крепости охраняла башня IX. Существовала ли парная ей с другой стороны воротного проема? На чертеже Сацыперова на возможном месте ее расположения северо-западный угол крепости косо срезан. Предполагаю, что вторая башня здесь все-таки была.

Башня VI имела узкий проход из южного отсека крепости в сторону Дона (Флёров 1994. С. 494, рис. 3) Основание башни IV сохранилось хуже, поэтому можно только предположить, что и в ней был проход. С моей точки зрения, это вполне вероятно, т. к. он должен был обслуживать нужды другого отсека, северо-восточного.

Обращает внимание то, что на самой протяженной западной стене стояла лишь одна башня VIII, к тому же едва выступающая. Объяснить это можно тем, что подход к этой стене был наиболее труден из-за крутизны восточного борта Нижней балки; Верхняя балка более пологая. Со стороны же Дона, с востока, крепость была наиболее доступна, и поэтому три расположенные на восточной стене башни, IV, V, VI, самые большие. Итак, Правобережная Цимлянская крепость имела минимум 8 башен. Башня VIII остается под вопросом, как и существование башни на северо-западном углу рядом с Главными воротами.

Расстояние между башнями (уточнено по сравнению с: Флёров 1994. С. 456):

Северная стена, обращена к Верхней балке

между предполагаемой северо-восточной и башней I — 30 м

между башнями I и II — 15 м

между башнями II и угловой III — 39 м

Восточная стена, обращена к Дону

между башнями III и IV — 45 м

между башнями IV и V — 29 м

между башнями V и VI — 28 м

Южный овальный выступ

между башнями VI и VII — 17 м

Западная стена, обращена к Нижней балке

между башнями VII и VIII — 43 м

между башнями VIII и IX — 62 м

Рис. 5. Правобережная Цимлянская крепость. 1 — остатки башни IV; 2 — плиты основания восточной крепостной стены, внутренний фас.

Fig. 5. Tsimlyansk Right-bank fortress. 1 — remains of a tower IV; 2 — slabs of the base of the eastern fortress wall, inner face.

Самое большое расстояние между башнями — 62 м. В остальных случаях — от 17 до 45 м, что является более чем оптимальной дистанцией для прицельной стрельбы из лука. В основном, стреляли не дальше, чем наполовину интервала между башнями, т. е. на 8,7–22,5 м, но ведь стрельба велась и с куртин, в упор.

Размеры башен позволяли разместить на их площадках значительное число лучников. Их ширина, за исключением башни VIII, составляла от 6 до 11 м, а привратной башни IX — 9 м. За стены они выступали на 3–4 м, а башня VI, — возможно, на 6 м.

По количеству башен Правобережная крепость сравнима Саркелом, учитывая, что площадь последнего почти в четыре больше, соответственно, 0,68 и 2,58 га.

Конструкция стен и башен. Традиционно стены белокаменных крепостей Хазарского каганата принято считать двухпанцирными, т. е. состоящими из лицевых кладок блоков, пространство между которыми заполнено необработанным камнем в смеси с грунтом. На чертеже И. Сацыперова, действительно, представлены разрезы стен такой конструкции (Флёров 1994. С. 492, рис. 1:2), хотя само заполнение не изображено. Интересно другое: основания каждого панциря расширены и в разрезе выглядят как цоколь, какого не было у панцирей Маяцкой крепости (Афанасьев 1984).

В 1987–1990 гг. на плитах в основании крепостной стены между башнями VI и VII была найдена самая большая группа сохранившихся *in situ* блоков, доходившая до ее середины (рис. 6:2). Она позволила выполнить реконструкцию, показавшую, что на плитах между панцирями могла лежать сплошная кладка из блоков минимум в один слой (рис. 6:3). Таким образом, выяснилось, что конструкция стен Правобережной крепости была сложнее, чем предполагалось ранее. Возможно, такой она была не по всему периметру крепости, а лишь на наиболее ответственных участках. Остается надеяться, что в будущих раскопках обнаружится еще один фрагмент основания стены с такой же сплошной кладкой блоков в ее полную ширину.

О конструкции башен известно немного. Так, в основании башен IV и VI, как и под крепостными стенами, лежали плиты ракушечника и плотного известняка. Основанием башни VII (единственный случай) служили плиты черного сланца. Две такие же плиты лежали в проходе башни VI⁵. Остается неизвестным главное — были ли башни

---

⁵ Выходящие на поверхность пласты черного сланца я видел в районе угольных месторождений у г. Шахты Ростовской обл. Возможно, из этого района они доставлялись в Правобережную Цимлянскую крепость.

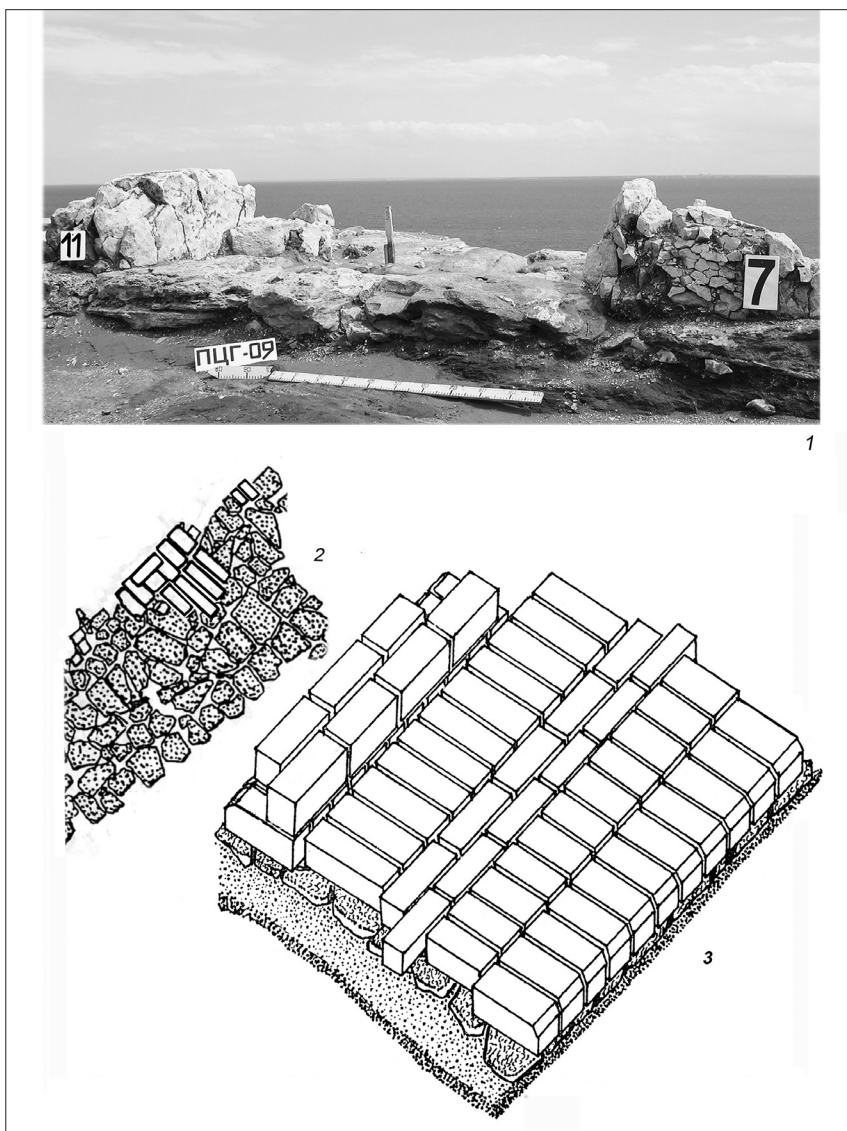

Рис. 6. Правобережная Цимлянская крепость. 1 — блоки № 7 и № 11 на плитах основания восточной крепостной стены, внутренний фас; 2 — группа блоков на плитах южного участка крепостной стены; 3 — реконструкция нижнего слоя кладки южного участка крепостной стены.

Fig. 6. Tsimlyansk Right-bank fortress. 1 — stone blocks № 7 and № 11 on the base plates of the eastern fortress wall, the inner face; 2 — a group of stone blocks on the slabs of the southern section of the fortress wall; 3 — the reconstruction of the lower layer of masonry of the southern part of the fortress wall.

монолитными, т. е. забутованными на какую-то высоту, или имели свободное внутреннее пространство, и как осуществлялся подъем на них, по внешним каменным ступеням или деревянным лестницам? Заполнение башен, по крайней мере, их первых этажей, и лестницы представлены на городище Хумара (Биджиев 1983. С. 18), однако их устройство не может быть механически перенесено в Правобережную Цимлянскую.

Структура внутреннего пространства крепости — предмет разногласий между М.И. Артамоновым и С.А. Плетнёвой, с одной стороны, и мною с ними, с другой. Разногласия происходят из различных оценок плана И. Сацыперова. Первые считают его неточным, неверным и предлагают иное направление внутренних стен, нежели представлено на его чертеже. Я доверяю чертежу Сацыперова, но с незначительными уточнениями, которые сделаны после раскопок южного угла и восточной стены крепости (Флёров 2019). Для темы данной статьи не имеет значения, какой вариант плана выберем, а важно, что в том и другом варианте структура крепости трехчленна.

Крепость разделена двумя стенами с проходами на три сектора: 1) северо-западный предвратный; 2) северо-восточный основной и 3) южный треугольный. Стены имеют ту же толщину, что и внешние. Проход между предвратным и основным секторами изображен как широкий разрыв в стене. Проход между основным и южным менее понятен; не исключаю, имелось какое-то надвратное сооружение. Перед проходом небольшое строение, по Сацыперову «каменная маленькая разломанная палата». Можно только догадываться, что она каким-то образом препятствовала проникновению в южный отсек крепости. Иначе трудно объяснить ее странное расположение.

После Правобережной Цимлянской крепости следовало описать фортификацию соседней с ней *Камышинской*, но о ней известно мало. Определенно, ее стены сложены из блоков белого известняка. Под ними, вероятно, лежит основание из, возможно, обработанных плит ракушечника. Все ли плиты обрабатывались, неизвестно. В издании отмечено, что авторы не намеревались представить «конкретные результаты скромных по объему раскопочных работ» (Ларенок, Семёнов 1999. С. 27)⁶.

САРКЕЛ. Ему посвящена книжка С.А. Плетневой (1996), но я предпочитаю пользоваться сведениями непосредственных участников раскопок М.И. Артамонова (1958) и П.А. Раппопорта (1959). Их статьи

---

⁶ Публикация П.А. Ларенка и А.И. Семёнова известна курьезным делением Саркела на собственно Саркел, Правобережную и Камышинскую крепости. Последняя и есть «еще Саркел».

о Саркеле широко известны, поэтому изложу только основное о его фортификации. Саркел — единственная крепость в Хазарском каганате, полностью сооруженная из обожженного кирпича.

Природная защита. Крепость стояла в пойме Дона с заболоченными низинами на небольшой возвышенности между двумя старыми протоками. Удобный подход к ней был только с северо-западной стороны (рис. 7:1). При разливах Саркел оказывался на острове, как и Семикаракорская крепость.

Ров. Непосредственно перед юго-западной стеной проходил ров шириной до 9 м при глубине ок. 4 м, впадавший в протоку (рис. 7:1). Таким образом, крепость оказывалась окруженной системой протоки — ров. В целом же, рвы остались малоисследованными и вызывают ряд вопросов (Раппопорт 1959. С. 12).

Стены. Очертания Саркела строго прямоугольные — единственный случай среди крепостей каганата (рис. 7:2). От крепости остались лишь обрывки кладок (рис. 8:1), но ее план восстанавливается по отпечаткам на грунте стен всех ее сооружений, в т. ч. внешних крепостных с башнями (рис. 8:2).

Судить о высоте стен не представляется возможным. Во всяком случае, она могла быть не менее 5 м; толщина 3,72–3,76 м при общей их протяженности в 654 м. Отпечатки кирпичей на грунте показывают, что снизу кладка сплошная. Никто, однако, не ставил вопрос: были они монолитными на всю высоту? Если «да», то из чего состояла забутовка? Постановке вопроса о забутовке противоречит отсутствие в развалинах Саркела обломков ракушечника или песчаника. Если стены были монолитны, то объем необходимого для них кирпича (без учета выступов башен) составит 12 230 м³. Не трудно подсчитать, что при размере кирпича 25 / 25 / 5 см, 1 м³ = 320 кирпичам. Всего же на стену должно было пойти 3 913 536 кирпичей (12 229,8 × 320).

Второе значительное сооружение Саркела — внутренняя стена (см. ниже) длиной 145,86 м, толщиной 2,95–3,00 м (в 12 кирпичей). При предполагаемой высоте — не более 5 м, ее объем 2 210,6 м³, что равно 707 392 кирпичам. Итого, на внешнюю и внутреннюю стены требовалось 4 620 928 кирпичей. В это число не входят кирпичи для выступов башен за линию стен и всех построек внутри крепости. Грубо доведу потребность в кирпиче до 5 000 000 штук. Как показали расчеты по Семикаракорам, изготовить их можно за два–три сезона, но *проблема заключалась в обжиге этой массы!* Печи для обжига кирпичей не найдены, хотя были обнаружены обычные гончарные диаметрами ок. 2 м (Раппопорт 1959. С. 19, 20).

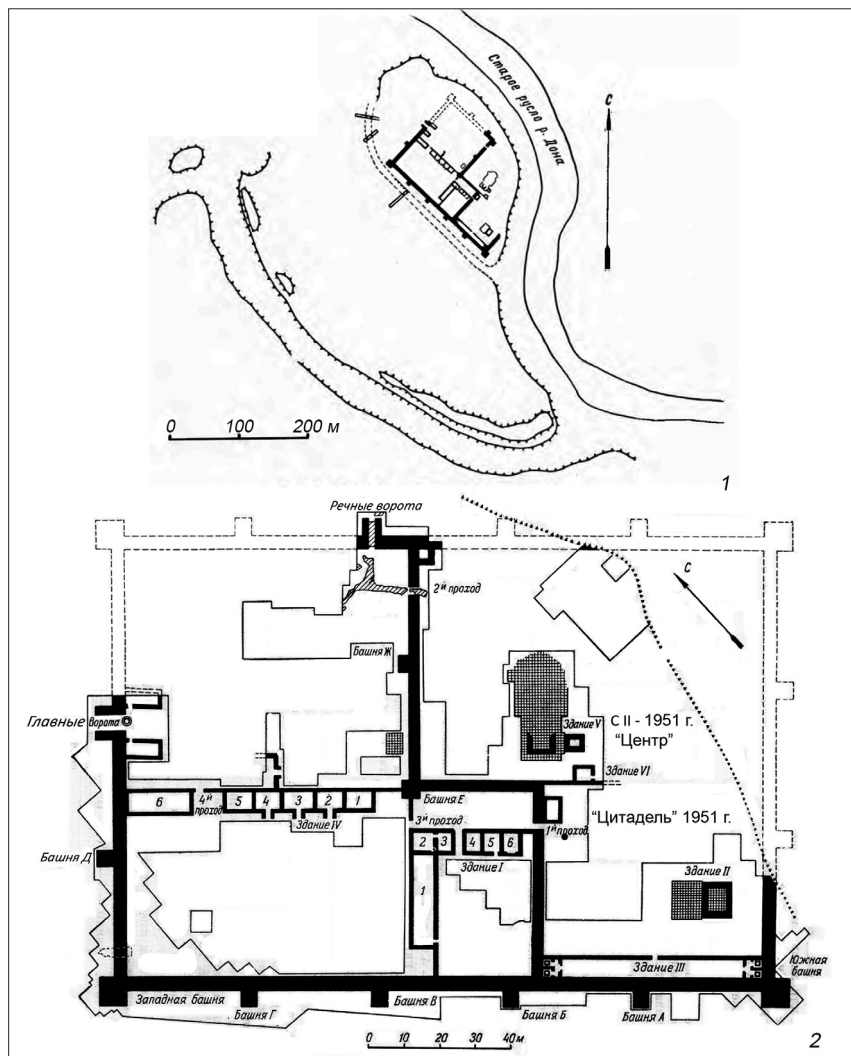

Рис. 7. Саркел. 1 — ситуационный план; 2 — план крепости (по: Раппорт 1959. Рис. 4, 5).
 Fig. 7. Sarkel. 1 — plan of the fortress with its vicinities; 2 — detailed plan of the fortress (according to Rappoport 1959. Ill. 4, 5).

Башни. Всего их 16, включая привратные. Поражает единообразие квадратных башен на куртинах. Их 12 с размерами сторон 4,63–4,75 м. Размещены на почти одинаковом расстоянии: на юго-западной стене через 30,82–30,85 м, на северо-западной стене через 30,25–3,30 м. Крупнее угловые башни, 7,88–7,95 м, выступающие наружу на 4,25 м.

Неизвестно более всего нас интересующее — внутреннее устройство саркелских башен.

При интервале 30,30–30,85 м башни обеспечивали прицельную стрельбу из луков, метание дротиков и пр.

Структура внутреннего пространства, Цитадель, Донжон. Саркел поделен на две почти равные половины поперечной коленообразной стеной. Не могу объяснить выбор такого маршрута стены, но он не мог не быть мотивированным, в том числе назначением и размещением всех строений в крепости. Надо полагать, ее проект был тщательно продуман.

Обе половины крепости, в свою очередь, были разделены на сектора вереницами зданий; всего в крепости их образовалось пять. В северном устроены широкие *Главные ворота* и узкие *Речные*. Остается под вопросом, имелись ли ворота в восточном секторе, угол которого не сохранился.

Назначение южного сектора исследователи определили как *Цитадель*. В ней ближе к южному углу стояло «Здание II» с внутренними размерами 6,46 / 4,96 м при толщине стен в 1,8 м, т. е. в шесть с половиной кирпичей 27 / 27 см. Пол вымощен кирпичами, как и большая площадка перед ним (Раппопорт 1959. С. 28). М.И. Артамонов, отнесший Здание II к «загадочным», предположил, что оно могло быть *донжоном* в три и даже четыре этажа. Лежавшей в низкой пойме крепости донжон, действительно, был необходим.

М.И. Артамонов обратил внимание еще на одно сооружение — *Здание V* с толщиной стен в 5,5 кирпичей (примерно 1,6 м), стоявшее на более обширной площадке, чем площадка у здания II (рис. 8:2). В результате, он был вынужден написать: «...если здание с кирпичной вымосткой возле него в южном углу крепости имеет все основания рассматриваться в качестве донжона, то такое же назначение следует признать и за сооружением на площадке (т. е. зданием V. — В. Ф.)» (Артамонов 1958. С. 21, 22). Была ли в Саркеле необходимость в двух донжонах, расстояние между которыми 55 м? Как бы то ни было, существование одного допустить можно.

В статьях П.А. Раппопорта и М.И. Артамонова почти нет информации о технологии строительства. Отмечу использование в Саркеле значительных объемов известня для заливки больших площадей (Раппопорт 1959. С. 28, 31, 32, 34 и др.).

Подступы к выводам. Сравнивать три нижне-донские крепости оказалось сложнее, чем мне представлялось вначале. Некоторые их признаки вынесены в *Таблицу*. За недостатком места буду комментировать не все.

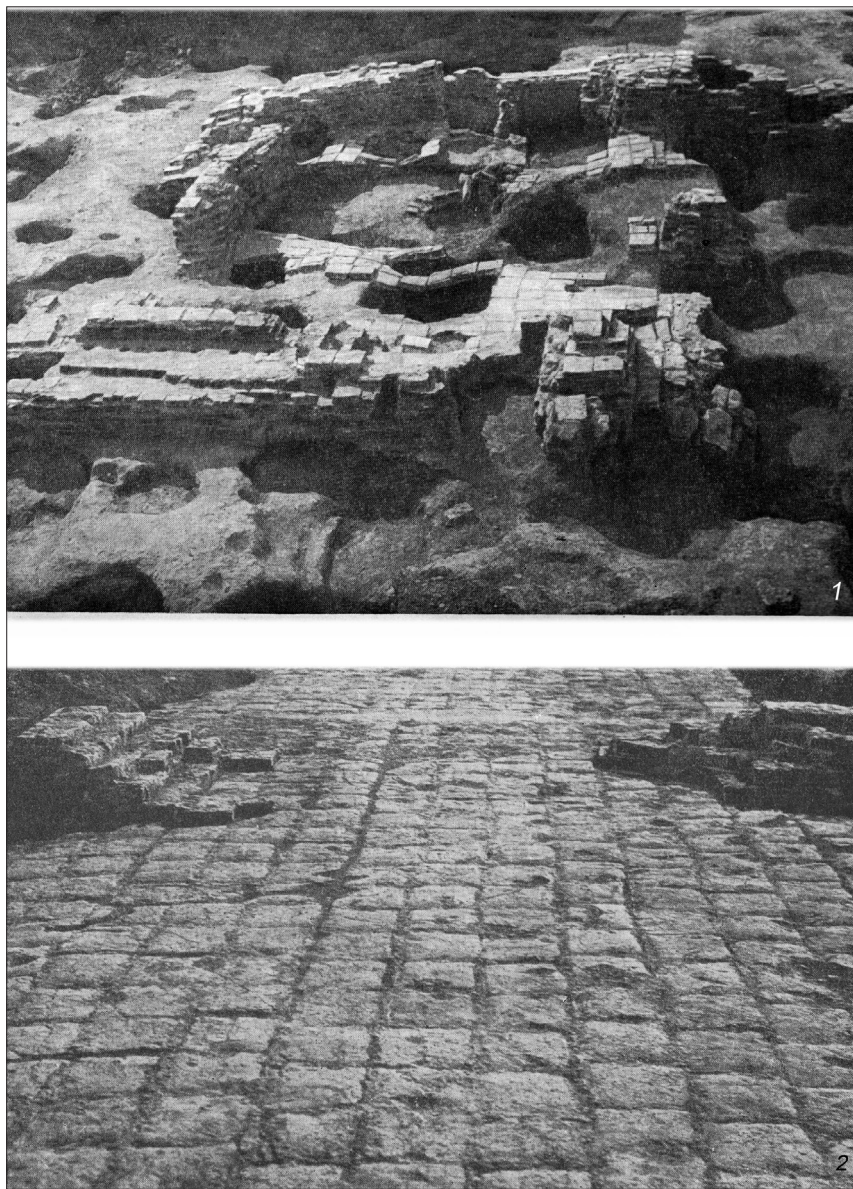

Рис. 8. Саркел. 1 — здание II, вид с северо-востока; 2 — отпечатки на грунте кирпичей крепостной стены (по: Раппорт 1959. Рис. 3, 27).

Fig. 8. Sarkel. 1 — building II, a view from north-east. 2 — imprints of the bricks of the fortress wall on the soil (according to Rappoport 1959. Ill. 3, 27).

Семикаракорская и Правобережная Цимлянская возникли в конце VIII — начале IX в. и погибли одновременно в первые годы существования Саркела, вероятнее всего, при крупном внутреннем конфликте в каганате в конце первой трети IX в. Но, будучи синхронными, эти две крепости построены в разных традициях. Более архаичной выглядит Семикаракорская, но, обратим внимание, использование обожженного кирпича появилось в ней раньше, чем в Саркеле, т. е. до прибытия на Нижний Дон Петроны Каматира.

	Семикаракорская	Правобережная Цимлянская	Саркел
Использование природных условий	разливы р. Дон; петля русла р. Сал	две балки, отсекавшие крепость от окружающей территории	разливы и старица р. Дон
Размеры (м)	205/190/232/210	105/130/135/25	внешние 193,5/133,5
Площадь (<i>га</i>)	4,35	0,68	2,58
Рвы	<i>нет</i>	перед воротами — ? с восточной стороны — ?	+
Эскарпирование		+	
Толщина стен (м)	1,45–1,60	4,20	3,72–3,76 м
Фундамент	<i>нет</i>	<i>нет</i>	<i>нет</i>
Строительный материал стен	сырцовый кирпич с бессистемными вставками обожженного	основание из плит ракушечника; блоки белого известняка	кирпич обожженный
Связующий материал	грязь — основной; раствор извести — масштабы использования не ясны	<i>нет</i>	раствор извести
Черепица	+	+	30 фрагментов
Башни	«башня»-мастерская	9 (10?)	16
Донжон	встроен в восточную стену крепости	?	+(?)
Структура внутреннего пространства крепости	обособленная цитадель	<i>три</i> сектора	<i>пять</i> секторов
Строения внутри крепости, материал	в цитадели из обожженного кирпича	небольшая постройка из блоков	кирпичные разного назначения
Жилища	?	юртообразные	полуземлянки; юртообразные?

Самый слабый конструктивный элемент Семикаракорской крепости — стены из сырцового кирпича. Неадекватность такой стены заключалась даже не в ее значительно меньшей толщине, чем у стен Правобережной Цимлянской.

бережной и Саркела, а в нестойкости сырцового кирпича в условиях отнюдь не засушливого климата Нижнего Дона (для сравнения: в условиях Средней Азии сырцовый кирпич оставался традиционным материалом для крепостей до конца XIX в.).

Второе, на стенах крепости не было башен при том, что они самые протяженные во всем бассейне Дона–Северского Донца. Не обороняли их и рвы.

По каким причинам фортификация ставки каганов получила такие изъяны? Не буду скоропалительно строить предположения⁷; ими и без того перенасыщена хазароведческая литература. При любом обращении к Семикаракорской крепости следует помнить о том, что моими раскопками затронута мизерная часть ее площади. То, что сегодня представляется в ней необъяснимым, прояснится при будущих.

Разительно отличается от Семикаракорской крепости *Правобережная Цимлянская*, сооруженная из более надежного строительного материала, хотя и не лучшего для фортификационных объектов, ломкого, с сильным водопоглощением⁸. Но белый известняк обладал важным практическим качеством — он удобен в обработке, но не такой уж легкой, как принято считать. Блоки укладывались без раствора извести, что характерно, впрочем, для всех белокаменных крепостей каганата в бассейне Дона. Не думаю, что сухая кладка ослабляла стены.

Принципиально иное, нежели в Семикаракорской, членение внутреннего пространства крепости, поделенного на три сектора. Этот же прием использован в Саркеле, но с разделением уже на пять секторов. В этом их основное сходство, равно как в прямоугольных башнях и даже в устройстве привратных помещений у главных ворот (Плетнёва 1967. С. 38, рис. 10:2). С другой стороны, Правобережное имело с Семикаракорским несомненную связь по двухкамерным мастерским, пристроенным к крепостным стенам. Таким образом, Правобережная Цимлянская крепость занимает промежуточное положение между Семикаракорской и Саркелом.

Сегодня не все ясно и объяснимо относительно Правобережной крепости. Трудно решить, какой ее отсек считать цитаделью, северо-восточный или южный. Да и сама постановка такого вопроса не совсем корректна, поскольку мы не знаем, предназначали ли эту функцию одному из них сами строители крепости. Имелось ли у них само понятие

---

⁷ Из сырцового кирпича, но иного формата, сооружены крепости Красная и др. на р. Тихая Сосна, Воронежская обл., в регионе залегания белого известняка.

⁸ Сохранены два целых блока и обломки в музее г. Цимлянска; обломки — в музее г. Волгодонска.

«цитадель»? Есть другие остающиеся без ответа вопросы, в частности, о зубцах на крепостных стенах. Широкое распространение получила моя и художника О. Фёдорова реконструкция ее стен с зубцами (Флёров 2006. С. 68), которые, однако, не были найдены при раскопках. За основу были взяты зубцы Маяцкой крепости (Афанасьев 1984. С. 48, 49, рис. 27, 28). На допущение аналогии подтолкнуло умение правобережных каменотесов выделять не только прямоугольные, но и блоки с вырезами на торцах (Флёров 1994. С. 496, рис. 5:4–5; с. 497, рис. 6:7).

Превращение в XVIII в. крепости в каменоломню оставляет мало надежд найти остатки донжона. Каменная «палатка» площадью 5 x 5 м у прохода между северо-восточным и южным секторами слишком мала и не могла быть донжоном. Нельзя исключить, что его остатки будут найдены у западной стены южного сектора. У западной, потому что в этом, напольном направлении обзор дальних подступов к крепости был ограничен: крепость лежала в основании высокого водораздела, который сокращал обзор до нескольких километров. Но и без донжона по основным признакам оцениваю фортификацию Правобережной несравнимо выше крепости Семикаракорской.

Самой совершенной из донских крепостей каганата, безусловно, был Саркел. Не буду повторять его описание. Отмечу только то, что выделяет его на фоне Семикаракорской и Правобережной крепостей. В первую очередь, это касается строительного материала — обожженный кирпич в сочетании известью. Сложенная из него стена превращалась в монолит. Показательно, что при разрушении казаками, она зачастую распадалась не на отдельные кирпичи, а на целые массивы из десятков кирпичей (Раппопорт 1959. С. 11, рис. 2).

Различие в строительном материале Правобережной крепости и Саркела не должно затушевывать сходство между ними в планировке внутреннего пространства, делении его на части. В треугольной Правобережной оно было рассечено внутренними стенами на три отсека; в прямоугольном Саркеле — на пять не только внутренними стенами, но зданиями со стенами толщиной до метра. Другими словами, в обеих крепостях применен один и тот же прием фортификации.

Не все понятно и с Саркелом. Так, о назначении внутренних помещений в длинных зданиях можно только гадать, как и о прямоугольных ямах внутри них, «колодцах» по П.А. Раппопорту (1959. С. 32, рис. 29). На полах помещений сохраняется известняковая заливка. Не разделяю предположение С.А. Плетнёвой о том, что столь мощная тщательно распланированная крепость первоначально предназначалась для караван-сарая (Плетнёва 1996. С. 143; Флёров 2011. С. 32).

О защитниках и осаждающих. Конкретные обстоятельства падения ниже-донских крепостей неизвестны. Подчеркну, именно конкретные (что происходило в дни захвата крепости непосредственно под их стенами и на них, о соотношении осаждавших и гарнизона, а главное, о том, насколько эффективными оказались все элементы их фортификации), а не общая обстановка в каганате в тот момент.

Находки останков погибших в Семикаракорской и Правобережной Цимлянской крепостях указывают лишь на факт их захвата и не более. Сдались ли они в силу каких-либо причин (например: долгая осада и, как следствие, голод; исчерпаны запасы воды в колодце) или были взяты штурмом. Нет следов пожаров. Среди находок нет таких, которые бы указали на тех, кто захватил эти крепости.

Оценить обороноспособность каждой из трех рассмотренных крепостей без знания конкретных обстоятельствах их гибели невозможно. Тактическая ситуация в момент угрозы каждой из крепостей может быть только смоделирована в зависимости от вводимых исследователями исходных данными (вид военных игр). Весьма приблизительный результат может быть получен только для Саркела, численность гарнизона которого по источнику 300 человек (Константин Багрянородный 1991. С. 171), но к этому числу надо добавить значительное число населения. Казалось бы, для успешного штурма нападавших не должно было быть меньше. На деле же, их число могло быть меньше. Все зависело от их тактики и опыта. Более чем сомнительно, что в степях какие-либо местные или пришлые племена имели такой опыт, тем более стенобитные и метательные машины. Минимум осадных средств, который можно допустить, это — лестницы. Даже в Первом Болгарском царстве — соседе Ромейского царства — освоение осадных машин и устройств начинается только в самом начале IX в. Рашо Рашев подчеркнул, что даже неизвестно, как звучали в праболгарском и славянском языке наименования осадных устройств (Рашев 2001. С. 96, 97; 2008. С. 172).

Весьма неопределенное о действиях Святослава «и град их и белу вежу взя» не содержит информации о том, как взял, штурмом, осадой. Правда, в Саркеле есть две находки времени его падения. Первая — *клад* в слое хазарского времени в составе украшений и дирхемов, указывающий, что жители не были уверены в том, что крепость удастся отстоять. Вторая — *подкоп* изнутри крепости, позднее засыпанный. В подкопе при скелете погибшего найден клочок бумаги, изготовленной не позднее 810 г. в Самарканде. Аргамонов предполагал, что подкоп предназначался для вылазки или чего-то иного (1958. С. 53–55).

Поставленная мною задача решалась бы легче и с более надежными результатами, если бы мы располагали оценками современников относительно хазарских крепостей. Даже простое упоминание в источниках их названий свидетельствовало бы о том, что им придавали хоть какое-то значение (имею в виду восточных или византийских авторов).

О назначении крепостей. В мирное время ниже-донские крепости могли быть административными пунктами или базами небольших военных отрядов. В скоротечных столкновениях местного значения и при благоприятных обстоятельствах каждая из них могла отстоять себя сама. Но пробуем представить их в широкой оперативной обстановке. Небольшие, затерянные в необозримых донских степях, они не только не могли повлиять на общий ход военных действий, но со своими небольшими гарнизонами оказывались в полной изоляции. Спасти их могла только помощь извне.

В данной статье я не касаюсь ставшего хрестоматийным вопроса, *против кого* построены Саркел и Правобережная крепость. Как пример, среди прочих противников каганата упоминаются венгры. В ином положении Семикаракорская крепость. Как ни удивительно, но в литературе вообще нет версий о причинах строительства этой самой большой в бассейне Дона крепости.

Намек на то, против кого строились ниже-донские крепости, содержится в словах М.И. Артамонова при описании цитадели Саркела: «Замечательно, что в структуре крепости предусмотрены не только удары извне. Она спланирована с учетом **внутреннего членения ее населения**. Оборонительные сооружения цитадели направлены **не только против внешнего врага, но и против населения в остальной части крепости, они предназначены от врагов, находящихся хотя и за стенами цитадели, но в самой крепости**» (Артамонов 1968. С. 18). Но ведь в крепости находилась только мизерная часть того населения, которое могло в любой момент противопоставить себя центральной власти. Вся же масса ненадежного населения жила в степях.

Постановка вопроса в форме «против кого», по моему убеждению, должна быть замена на «с какими целями» строилась та или иная крепость Хазарского каганата.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Артамонов М.И. Саркел–Белая Вежа // Тр. ВДАЭ. (МИА. № 62). М.; Л., 1958. Т. I. С. 7–84. [Artaimonov M.I. Sarkel–Belaya Vezha // Trudy Volgo-Donskoj ar-

- heologicheskoy ekspeditsii (Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. № 62). Moscow; Leningrad, 1958. T. I. S. 7–84.]
- Афанасьев Г.Е.* Исследование южного угла Маяцкой крепости в 1977–1979 гг. // Маяцкое городище. М., 1984. С. 26–56. [*Afanasyev G.Ye.* Issledovaniye yuzhnogo ugla Mayatskoy kreposti v 1977–1979 gg. (A Study of the Southern Corner of Mayatskaya Fortress in 1977–1979) // *Mayatskoye gorodishche*. Moscow, 1984. S. 26–56.]
- Биджиев Х.Х.* Хумаринское городище. Черкесск, 1983. [*Bidzhiyev Kh.Kh.* Khumarinskoye gorodishche (Khumara Settlement). Cherkessk, 1983.]
- Заходер Б.А.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. М., 1962–1967. Т. 1–2. [*Zakhoder B.A.* Kaspiyskiy svod svedeniy o Vostochnoy Evrope. Gorgan i Povolzh'ye v IX–X vv. (The Caspian Corpus of Information on Eastern Europe. Gorgan and Volga Region in 9th — 10th Centuries). Moscow, 1962–1967. Vol. 1–2.]
- Калинина Т.М.* Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., 2015. [*Kalinina T.M.* Problemy istorii Khazarii (po dannym vostochnykh istochnikov) (Problems of the History of Khazaria (According to Eastern Sources)). Moscow, 2015.]
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991. [*Konstantin Bagryanorodnyj.* Ob upravlenii imperiej (Constantine Porphyrogenitus. *De administrando imperio*) / Ed. G.G. Litavrin and A.P. Novoseltsev. Moscow, 1991.]
- Ларенок П.А., Семенов А.И.* Саркел, Саркел, еще Саркел... // Донская археология. Ростов-н/Д., 1999. № 3–4. С. 25–33. [*Larenok P.A., Semenov A.I.* Sarkel, Sarkel, yeshche Sarkel... (Sarkel, Sarkel, Once More Sarkel...) // *Donskaya arkheologiya*. Rostov-on-Don, 1999. № 3–4. S. 25–33.]
- Ляпушкин И.И.* Раскопки Правобережного Цимлянского городища // КСИ-ИМК. Л., 1940. Вып. IV. С. 58–62. [*Lyapushkin I.I.* Raskopki Pravoberezhnogo Tsimlyanskogo gorodishcha (The Excavations of the Tsimlyanskoye Right-Bank Settlement) // *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury*. Leningrad, 1940. Vol. 4. S. 58–62.]
- Ляпушкин И.И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Тр. ВДАЭ. (МИА. № 62). М.; Л., 1958. Т. I. С. 85–150. [*Lyapushkin I.I.* Pamyatniki saltovo-mayatskoy kul'tury v bassejne r. Dona (The Monuments of Saltovo-Mayatskoye Culture in the River Don Basin) // *Trudy Volgo-Donskoj arheologicheskoy ekspeditsii*. (Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. № 62). Moscow; Leningrad, 1958. T. I. S. 85–150.]
- Миллер А.А.* Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1926 и 1927 гг. // СГАИМК. Л., 1929. Т. II. С. 60–122. [*Miller A.A.* Arkheologicheskiye raboty Severo-Kavkazskoy ekspeditsii Akademii v 1926 i 1927 gg. (Archaeological Work of the North Caucasian Expedition of the Academy in 1926 and 1927) // *Soobshcheniya Gosudarstvennoj akademii istorii material'noj kul'tury*. Leningrad, 1929. Vol. 2. S. 60–122.]

- Михайлов Ст.* Археологически материали от Плиска (1948–1951) // Известия на Археологически Институт София. София, 1955. Т. XX. С. 49–181. [*Mikhailov St.* Arkheologicheski materiali ot Pliska (Archaeological Materials from Pliska) // *Izvestiya na Arkheologicheski Institut Sofiya. Sofia, 1955. Vol. XX. S. 49–181.*]
- Очир-Горяева М.А., фон Карнап Борнхейм, Кекеев Э.* Открытие первого на территории Калмыкии памятника городского типа эпохи средневековья // Труды III (XIX) Всеросс. археологического съезда / Отв. ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. III. С. 172–174. [*Ochir-Goryayeva M.A., von Karnap Bornkheim, Kekeyev E.* Otkrytiye pervogo na territorii Kalmykii pamyatnika gorodskogo tipa epokhi srednevekov'ya (Discovery of the First Urban-Type Medieval Monument in Kalmykia) // *The Works of the 3rd (19th) All-Russia Arceological congress / Ed. by N.A. Makarov, E.N. Nosov. St.-Petersburg; Moscow; Velikij Novgorod, 2011. Vol. III. S. 172–174.*]
- Очир-Горяева М.А., Ситдииков А.Г., Кияшко Я.А., Нага Т.* К изучению памятника эпохи средневековья Башанта-II // ПА. Казань, 2016. № 4. С. 23–36. [*Ochir-Goryayeva M.A., Sitdikov A.G., Kiyashko Ya.A., Naga T.* K izucheniyu pamyatnika epokhi srednevekov'ya Bashanta-II (On the Study of the Medieval Monument of Bashanta-II) // *Povolzhskaya arheologiya. Kazan'*, 2016. Vol. 4. S. 23–36.]
- Плетнёва С.А.* Правобережное Цимлянское городище // СГЭ. Л., 1964. Вып. XXV. С. 55–59. [*Pletnyova S.A.* Pravoberezhnoe Cimlyanskoe gorodishche (Tsimlyanskoye Right-Bank Settelement) // *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha. Leningrad, 1964. Vol. 25. S. 55–59.*]
- Плетнёва С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. (МИА. № 142). М., 1967. [*Pletnyova S.A.* Ot kochevii k gorodam. Saltovo-mayatskaya kul'tura (From Nomads' Camps to Cities. Saltovo-Maytskoye Culture. (Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. № 142). Moscow, 1967.)]
- Плетнёва С.А.* Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1994. С. 271–396. [*Pletnyova S.A.* Pravoberezhnoye Tsimlyanskoye gorodishche. Raskopki 1958–1959 gg. (Tsimlyanskoye Right-Bank Settelement. Excavations in 1958–1959) // *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. Simferopol, 1994. Vol. 4. S. 271–396.*]
- Плетнёва С.А.* Саркел и «шелковый путь». Воронеж, 1996. [*Pletnyova S.A.* Sarkel i «shelkovyy put'» (Sarkel and the Silk Road). Voronezh, 1996.]
- Раннопорт П.А.* Крепостные сооружения Саркела // Тр. ВДАЭ. (МИА. № 75). М.; Л., 1959. С. 9–39. [*Rappoport P.A.* Krepostnyye sooruzheniya Sarkela (Fortifications of Sarkel) // *Trudy Volgo-Donskoj arheologicheskoy ekspedicii (Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. № 75). Moscow; Leningrad, 1959. S. 3–9.*]
- Рашев Р.* Плисковский аул // Плиска–Преслав. Шумен, 1995. Т. 7. С. 10–22. [*Rashev R.* Pliskovskiyat aul (“Aul” of Pliska) // *Plisca–Preslav. Shumen, 1995. Vol. 7. S. 10–22.*]
- Рашев Р.* Прабългарите и Българското ханство на Дунав. София, 2001. [*Rashev R.* Prab'lgarite i B'lgarskoto hanstvo na Dunav (Proto-Bulgarians and the Bulgarian Khanate on the Danube). Sofia, 2001.]

- Рашев Р.* Българската езическа култура VII–IX век. София, 2008. [*Rashev R.* V''lgarskata ezicheska kultura VII–IX vek (Bulgarian Pagan Culture of the 7th — 9th Centuries). Sofia, 2008.]
- Свистун Г.Е.* Типология салтово-маяцких лесостепных городищ на современном этапе // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2014. Т. 12: Хазарское время. С. 51–102. [*Svistun G.Ye.* Tipologiya saltovo-mayatskikh le-sostepnykh gorodishch na sovremennom etape (Typology of Saltovo-Mayatskoe Culture Forest-Steppe Fortified Settlements at the Present-Day Stage) // Stepi Yevropy v epokhu srednevekov'ya. Donetsk, 2014. Vol. 12: The Khazar Period. S. 51–102.]
- Свистун Г.С.* Фортификація салтівських лісостепових городищ. Авт. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2019. [*Svistun H.Ye.* Fortyfikatsiya saltivs'kykh lisostepovykh horodyshch. Avt. dys. ... kand. ist. nauk (Fortification of Saltovo Culture Forest-Steppe Settlements. Abstract of PhD in History Dissertation). Kyiv, 2019.]
- Флёров В.С.* Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987–1988, 1990 гг. // МАИЭТ. Симферополь, 1994. Вып. IV. С. 441–516. [*Flyorov V.S.* Pravoberezhnoye Tsimlyanskoye gorodishche v svete raskopok v 1987–1988, 1990 gg. (Tsimlyanskoye Right-Bank Settlement in the Light of Excavations in 1987–1988 and 1990) // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. Simferopol, 1994. Vol. 4. S. 441–516.]
- Флёров В.С.* Правобережная Цимлянская крепость (проблемы планиграфии и стратиграфии) // РА. 1996, № 1. С. 100–113. [*Flyorov V.S.* Pravoberezhnaya Tsimlyanskaya krepost' (problemy planigrafii i stratigrafii) (Tsimlyansk Right-Bank Fortress (The Problems of its Planigraphy and Stratigraphy)) // Rossiyskaya arheologiya. 1996, № 1. S. 100–113.]
- Флёров В.С.* Донские крепости Хазарии. Былое и будущее // Восточная коллекция. 2006, № 2. С. 61–71. [*Flyorov V.S.* Donskiye kreposti Khazarii. Byloye i budushcheye (The Don Basin Fortresses of Khazaria: Past and Present) // Vostochnaya kolleksiya. 2006, № 2. S. 61–71.]
- Флёров В.С.* Обожженные кирпичи Семикаракорской крепости и Саркела (опыт статистики размеров) // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2009. Т. 7: Хазарское время. С. 489–534. (а) [*Flyorov V.S.* Obozhzhennyye kirpichi Semikarakorskoj kreposti i Sarkela (opyt statistiki razmerov) (Burnt Bricks of Semikarakorsk Fortress and Sarkel (An Attempt at Size Statistics)) // Stepi Yevropy v epokhu srednevekov'ya. Donetsk, 2009. Vol. 7: The Khazar Period. S. 489–534. (a)]
- Флёров В.С.* Семикаракорская крепость Хазарского каганата: строительство из сырьцового кирпича, технология, сроки // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2009. Т. 7: Хазарское время. С. 479–488. (б) [*Flyorov V.S.* Semikarakorskaya krepost' Khazarskogo kaganata: stroitel'stvo iz syrtsovogo kirpicha, tekhnologiya, sroki (Semikarakorsk Fortress of the Khazar Khaganate: Building from Adobe Bricks, Technology, Duration) // Stepi Yevropy v epokhu srednevekov'ya. Donetsk, 2009. Vol. 7. The Khazar Period. S. 479–488. (b)]

- Флёров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М., 2011. [*Flyorov V.S. «Goroda» i «zamki» Khazarskogo kaganata. Arkheologicheskaya real'nost' ("Cities" and "Castles" of the Khazar Khaganate. Archaeological Reality). Moscow, 2011.*]
- Флёров В.С. О первых публикациях местонахождения Башанта. Неизвестная византийская миссия в Хазарию? // ХА. М., 2017. Т. 15. С. 281–295. (а) [*Flyorov V.S. O pervykh publikatsiyakh mestonakhozhdeniya Bashanta. Neizvestnaya vizantiyskaya missiya v Khazariyu? (On the First Publications of the Archaeological Site of Bashanta. An Unknown Byzantine Mission to Khazaria?) // Khazar Almanac. Moscow, 2017. Vol. 15. S. 281–295. (a)*]
- Флёров В.С. Семикаракоры — ставка хазарских каганов на Нижнем Дону // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею М.В. Полубояриновой. М., 2017. С. 209–217. (б) [*Flyorov V.S. Semikarakory — stavka khazarskikh kaganov na Nizhnem Donu (Semikarakor Fortress — the Camp of Khazar Khagans on the Lower Don) // Pamyatniki srednevekovoy arkheologii Vostochnoy Yevropy. K yubileyu M.V. Poluboyarinovoy. Moscow, 2017. S. 209–217. (b)*]
- Флёров В.С. Проблемы восстановления плана Правобережного Цимлянского городища по раскопкам 2000–2010, 2017 гг. // ХА. М., 2019. Т. 16. С. 203–227. [*Flyorov V.S. Problemy vosstanovleniya plana Pravoberezhnogo Tsimlyanskogo gorodishcha po raskopkam 2000–2010, 2017 gg. (Problems of Reconstruction of the Plan of Tsimlyansk Right-Bank Settlement Based on the Results of Excavations of years in 2000–2010 and 2017) // Khazar Almanac. Moscow, 2019. Vol. 16. S. 203–227.*]
- Флёров В.С., Ермаков С.Н. Восточная стена Правобережной Цимлянской крепости, могильник у хут. Овчинников. Четвертый–пятый полевые сезоны экспедиции «Хазарский проект» // ИАИАНД в 2007–2008 гг. Азов, 2010. Вып. 24. С. 423–457. [*Flyorov V.S., Yermakov S.N. Vostochnaya stena Pravoberezhnoy Tsimlyanskoй kreposti, mogil'nik u khut. Ovchinnikov. Chetvertyu–pyatyu polevyye sezony ekspeditsii «Khazarskiy proyekt» (The Eastern Wall of the Tsimlyansk Right-Bank Fortress, Burial Ground at Ovchinnikov Farmstead. Fourth and Fifth Field Seasons of the Khazar Project Expedition) // Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu, 2007–2008 gg. Azov, 2010. Vol. 24. S. 432–457.*]

Valery S. Flyorov

DEFENSE CAPACITY OF KHAZAR STEPPE FORTRESSES

The defense capacity of the fortresses of Khazar Khaganate has not been studied up to date as an independent topic. It would be wrong to consider the fortresses which are the largest in their area and/or have the longer perimeter of external walls to be the most defensible. In general, all metric and quantitative data give only

purely formalized estimates. No matter how much I want to formalize, summarize in tables, correlate them all, it is impossible to do without verbal descriptions and comparisons. Such kind of comparison is proposed in this article for three Khazar fortresses located in the Lower Don Region and constructed from different materials. 1) The fortress of Semikarakorsk is a khagan's residence, built of raw brick with structures in the citadel made of burnt one. In its plan this fortress looks like a "square in square". 2) Tsimliansk Right-bank fortress is built of white limestone blocks 3) Sarkel (or Tsimliansk left-bank fortress) is built of burnt brick.

The main characteristics of these three fortresses are given in the Table. Semikarakorsk and Tsimliansk Right-bank fortresses were constructed in the end of 8th — the beginning of 9th century and were captured simultaneously several years after the construction of Sarkel, most likely in the time of internal conflict in Khazaria at the end of the first third of the 9th century. Being synchronous, they are built in different traditions. Semikarakorsk fortress is more archaic, but the use of burned brick appeared there earlier than in Sarkel, i. e. before Petronas Kamateros mission to Khazaria.

The main disadvantages of Semikarakorsk fortress were the unstable raw brick, absence of towers and moat. In Tsimliansk Right-bank fortress the internal space was fundamentally different: it was divided into three sectors. The same principle was used in Sarkel, but with a division into five sectors. Such kind of internal division as well as a rectangular plan of the towers is the main similarity between Tsimliansk Right-bank fortress and Sarkel. On the other hand, Tsimliansk Right-bank fortress like Semikarakorsk fortress had a two-chamber workshop attached to fortress' walls.

Sarkel was the most perfect of Khazaria's Don Region fortresses. It had a moat, towers, it was divided into five sectors and it was built of solid construction material. At the same time, it is impossible to estimate the defense capacity of each fortress without knowledge of specific circumstances of their destruction. The tactical situation at the moment of threat of each one of the fortresses can only be modeled depending on the initial data introduced by researchers. We can only assume that the local tribes of the Don Region of the Khazar period did not have rich experience in using catapults, battering rams or other siege techniques.

In peacetime, the Lower Don fortresses could serve as an administrative posts or a bases of small military units. In fleeting clashes of local importance and in favorable circumstances, each fortress could defend itself. But in a wider operational environment these fortresses with their small garrisons could not influence the overall course of hostilities because they were completely isolated. Only help from outside could save them.

In this article I do not deal with the long-standing question "against whom" Sarkel and the Tsimliansk Right-Bank fortress were built. More often, Hungarians are implied among others. Why did none of the scholars raise the same question with regard to the Semikarakorsk fortress? Also against the Hungarians or another tribes?

Keywords: Khazar Khaganate, fortresses, defensibility, fortification, Semikarakorsk fortress, Tsimlyansk Right-Bank fortress, Sarkel

---

О.Б. Бубенок, Д.А. Радивилов

СВЕДЕНИЯ ИБН ХАУКАЛА О МАРШРУТЕ ПОХОДА РУСОВ ПРОТИВ ХАЗАР В 358 г. х.

В историко-географическом сочинении Ибн Хаукала (X в.) имеется пассаж, который до сих пор вызывает споры среди исследователей. Речь идет об описании похода русов против хазар, датированного 358 г. х. Несколько десятилетий назад Т.М. Калинина доказала, что здесь Ибн Хаукал описал поход 969 г., а не упомянутый в ПВЛ поход князя Святослава против хазар, состоявшийся в 965 г. Ситуация осложняется тем, что Ибн Хаукал упомянул кроме хазар также болгар и бургасов, которых традиционно локализируют на Средней Волге. На первый взгляд, это подтверждают сведения самого Ибн Хаукала о расположении болгар и бургасов. Поэтому некоторые историки продолжают считать, что Ибн Хаукал и ПВЛ описывают один поход, который представлял, по их мнению, сложную комбинацию передвижений по Дону, а также — по Средней и Нижней Волге. Т.М. Калинина показала надуманность таких предположений и высказала мнение в пользу того, что в 969 г. русы не ходили на Среднюю Волгу. Основания для этого дают сведения некоторых мусульманских авторов о нахождении болгар в степях Приазовья и бургасов вдоль Волго-Донской перемычки в X в. Таким образом, в 358 г. х. русы должны были сначала напасть на приазовских болгар, а затем — на бургасов в районе Волго-Донской перемычки, и лишь в самом конце маршрута — на хазар на Нижней Волге и в Прикаспийском Дагестане.

Ключевые слова: хазары, русы, Ибн Хаукал, болгары, бургасы, Приазовье, Волго-Донская перемычка, Нижняя Волга, Дагестан

Проблема интерпретации данных мусульманских источников о русах и хазарах всегда представляла собою довольно спорную область медиевистических исследований. Зачастую наши представления в корне менялись в зависимости от того, как востоковеды прочли и объяснили отдельные пассажи из сочинений представителей арабо-персидской географической школы. В этом отношении особый интерес может представлять сочинение Ибн Хаукала «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран»), называемое также «Китаб сурат ал-ард» («Книга картины Земли»), написанное во второй половине X в. Обычно Ибн Хаукала считают компилятором и продолжателем ал-Балхи и ал-Истахри. Хотя при этом исследователи признают, что сам Ибн Хаукал

много путешествовал и посетил южное побережье Каспийского моря, где мог получить сведения от беженцев из Хазарского каганата после разгрома их русами. Прежде всего именно эту информацию в сочинении Ибн Хаукала «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» следует считать оригинальной и заслуживающей особого внимания. Однако сведения Ибн Хаукала не совсем совпадают с данными ПВЛ. На этот счет возникла довольно обширная историография, где исследователи склонны по-разному трактовать как известия Ибн Хаукала, так и данные древнерусских летописей.

Отметим, что сочинение Ибн Хаукала на языке оригинала стало широко известно научному миру благодаря публикации де Гуге в 1873 г. (BGA II). В 1939 г. второе издание сочинения Ибн Хаукала осуществил И.Х. Крамерс (BGA II₂). В 1992 г. этот текст книги Ибн Хаукала был продублирован в бейрутском издании, которое в интересующих нас местах практически не отличается от издания И.Х. Крамерса (Ibn Hawqal 1992). Содержащаяся в сочинении Ибн Хаукала новая информация о русах и хазарах сразу же привлекла внимание восточноевропейских востоковедов. Так, еще в 1870 г. А.Я. Гаркави издал в русском переводе указанный фрагмент сочинения Ибн Хаукала (Гаркави 1870. С. 218–220). А в 1908 г. Н.А. Караулов перевел на русский язык фрагмент о нападении русов на владения хазар в Каспийском море, руководствуясь изданием де Гуге (Караулов 1908. С. 112–114). Наиболее известным стал русский перевод этого фрагмента, осуществленный В.В. Бартольд (Бартольд 1940. С. 33–35; 1963. С. 843–849). Известны и другие переводы на русский язык фрагментов сочинения «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик». Они-то и стали в свое время предметом дискуссий для исследователей прошлого Древней Руси и Хазарского каганата.

Так, В.А. Кузнецов (1971. С. 25–26; 1984. С. 117–118), В.В. Бартольд (1940. С. 35), М.И. Артамонов (1962. С. 427–428), А.Н. Сахаров (1982. С. 97) и другие исследователи считали, что в сообщении ПВЛ о походах Святослава против хазар в 964–965 гг. и известиях Ибн Хаукала о походе русов против хазар следует видеть одно событие. В то же время, М. Грушевский (1994. С. 462), Т.М. Минаева (1971. С. 199), А.П. Новосельцев (1990. С. 220) и некоторые другие исследователи не были склонны связывать поход Святослава в 965 г. с походом, описанным у Ибн Хаукала. Среди этих историков была и Т.М. Калинина, в 1976 г. посвятившая этому вопросу специальную статью (1976. С. 90–101; 2015. С. 235–247). В ней она убедительно показала, что описанный Ибн Хаукалом поход русов против хазар состоялся не в 965 г., а в 969 г. По утверждению Т.М. Калининой, «из указанного Ибн Хаукалом 358 г. х. для набега наиболее подходящим

является время весны, лета и осени того же 969 г. Именно в это время и произошел, очевидно, разгром хазарских городов. Связать это событие следует с нападением печенегов на Киев» (Она же. 1976. С. 90–101; 2015. С. 241–242). Таким образом, Татьяна Михайловна впервые аргументировала идею о том, что походов русов против хазар могло быть два: первый — описанный в ПВЛ и осуществленный Святославом в 965 г.; и второй — отмеченный Ибн Хаукалом и состоявшийся в 969 г. (Она же. 1976. С. 90–101; 2015. С. 241–245).

Лишь через несколько лет А.П. Новосельцев развил эту идею дальше. Он полагал, что русы совершили против хазар два похода: первый — в 965 г., а второй — в 968 г. Исследователь считал, что сведения о первом походе нашли отражение в древнерусских летописях, а известия о втором — в сообщении Ибн Хаукала. Он аргументировал это тем, что ПВЛ не содержит указаний на уничтожение Хазарского государства в 965 г., а лишь говорит о поражении хазар, потере ими Саркела и земли вятичей, а также о каких-то военных действиях Святослава в Подонье и Прикубанье (Новосельцев 1990. С. 220). В дальнейшем эти идеи Т.М. Калининой и А.П. Новосельцева нашли поддержку у целого ряда исследователей.

Однако в связи с этим возникает ряд трудностей с определением маршрута второго похода русов против хазар. Хотя Т.М. Калинина первой предприняла шаги в нужном направлении (Калинина 1976. С. 90–101; 2015. С. 239–241), как нам представляется, эта проблема все еще далека от своего окончательного решения. Ситуация осложняется тем, что долгое время многие исследователи полагали, что поход был один, и, стремясь согласовать между собой данные различных источников, придерживались мнения о том, что его маршрут мог быть крайне запутан. Задачей настоящей статьи является решение этого вопроса.

Для успешного выполнения поставленной задачи необходимо установить, каким образом определенные подходы к интерпретации интересующих нас сведений древнерусских и мусульманских источников повлияли на представления исследователей. Сначала остановимся на аргументах сторонников идеи одного похода. Как правило, за основу ими берутся известия древнерусских летописей о походе Святослава против хазар в 965 г. В большинстве списков ПВЛ нет особых расхождений относительно последовательности событий. Древнерусские авторы об этом пишут: «В лето 6473. Иде Святослав на Козары; слышавше же Козары, и изыдоша проитиву с князем своим Коганом, и сосупишосо обои; и одоле Святослав Козаром, и град их Белую Вежу взя; и Ясы победи и Касоги» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 245; Т. 7. Стб. 287). Анализ упомянутых фрагментов позволяет утверждать, что в 965 г. Святослав сначала напал на

хазар в районе Саркела — Белой Вежи, захватил эту крепость и лишь потом мог пойти на союзников хазар — аланов-ясов и касогов. Однако в Лаврентьевской летописи относительно последовательности этих событий имеются некоторые расхождения: «Иде С(вя)тославъ на Козары. Слышавше же Козары изи[до]ша противу съ князем своим Каганом и съступиша бить. и бивши брани. Одоле С(вя)тославъ Козаромъ и град ихъ и Белу Вежю взя [и] Ясы победы и Косоги» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 65). Кроме того, древнерусские летописи сообщают, что накануне, в 964 г. (6472), Святослав совершил также поход на Оку и Волгу: «И иде на Оку реку и на Волгу. И налезе Вятичи. И рече Вятичемъ. Кому дань даете. Они же реща Козаромъ по щялгу. И от рала даем» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 64–65).

И эта информация, на первый взгляд, совпадает с данными Ибн Хаукала. В издании И.Х. Крамерса при описании народов Восточной Европы в начале находим следующую информацию: «Великие булгары граничат с византийцами с севера. Они многочисленны. Раньше они взимали харадж и подати с тех, кто соседствовал с ними со стороны Византии. Внутренние булгары — христиане и мусульмане <...> В наше время люди *ар-рус* ничего не оставили ни булгарам, ни бургасам, ни хазарам, за исключением лишь малого клочка. *Ар-рус* выискивали их, преследуя и настигая всех, кто находится по соседству, когда те не ждали. Мне стало известно, что многие из них смогли вернуться к Итилю и Хазарану благодаря подкреплению со стороны Мухаммада б. Ахмада ал-Азди, владельца Ширвана (ширваншаха), а также поддержке, оказанной им его мужами и людьми. Они очень надеялись на то, что заключат с *ар-рус* договор, по которому будут пребывать в повиновении у них, находясь на землях, которые *ар-рус* выделяют им» (BGA II₂. P. 336).

Данный фрагмент в издании де Гье несколько отличается: «Великие булгары граничат с византийцами с севера. Они многочисленны. Они были настолько сильны, что когда-то давно облагали тех, кто соседствовал с ними со стороны византийцев, хараджем. Внутренние булгары — среди них есть христиане и мусульмане. <...> В наше время не осталось ни булгарам, ни бургасам, ни хазарам из этого и малого остатка, потому что *ар-рус* перебили их всех, отобрали у них все эти города и присвоили их себе. Те же, кто выскользнул из их рук, рассеялись поблизости, желая находиться неподалеку от своей страны и надеясь на то, что *ар-рус* заключат с ними договор, и они смогут вернуться, покорные им» (BGA II. P. 286)¹.

¹ А.Я. Гаркави перевел данный фрагмент следующим образом: «Великие Булгаре граничат с Румом на севере, они многочисленны и так сильны, что наложили в прежнее время дань на пограничные области из Рума. Между внутренними Булгарами находятся христиане и мусульмане. В настоящее же время не осталось и следа ни из Булгара, ни из Бургаса, ни из Хазара. Ибо Русы напали (или

Далее в своем сочинении Ибн Хаукал уточняет: «Булгар — город небольшой, в нем нет многочисленных округов. Известен он тем, что был портом для этих государств. *Ар-рус* опустошили его, погубили Хазаран, Самандар и Итиль в 358 году и сразу после этого отправились в ар-Рум и ал-Андалус» (BGA II₂, P. 15).

Ибн Хаукал пишет также о языке бургасов и хазар. Но особый интерес может представлять отрывок, где содержится информация о торговле русов северными мехами: «Большая и лучшая часть этих шкурок находится в стране *ар-Рус* — спускается к ним и в их края со стороны Йаджудж и Маджудж, а затем [какое-то их число] может доставляться выше к Булгару. Так продолжалось до 358 года, ибо *ар-рус* разрушили Булгар и Хазаран» (BGA II₂, P. 392).

Далее Ибн Хаукал описывает страну хазар: «Хазары — наименование человеческого племени. Страна их невелика, состоит из двух частей. Одна из частей называется Итиль — по названию реки. А другая часть — Хазаран <...> Это страна между Морем хазар, Сариром, *ар-Рус* и ал-Гуззией» (BGA II₂, P. 15)². Однако особый интерес представляет содержащаяся в дальнейшем информация о хазарском центре Семендере, разрушенном русами. В издании И.Х. Крамера это описано следующим образом: «У хазар есть страна и там есть город, называемый Самандар. Он расположен между страной хазар и Баб ал-Абвабом. В этом городе имелись обширные сады — говорят, что в них насчитывалось около сорока тысяч виноградников. В [3]58-м году я спрашивал о нем в Джурджане у человека, хорошо осведомленного, и тот ответил: “[Теперь] там имеется лишь один виноградник или сад, и в нем не найдется даже милостыни для убогих, разве что какой-нибудь лист, оставшийся на стебле³”. Виноградники уничтожили *ар-русийя*, и в этой стране не оста-

---

истребили) всех их, отняли у них все эти области и присвоили их себе. Те же, которые спаслись от их рук, рассеяны по ближайшим местам, из желания остаться вблизи своих стран, и, надеясь заключить с ними мир и подчиниться им» (Гаркави 1870. С. 218). Это может свидетельствовать о том, что А.Я. Гаркави пользовался тем арабским текстом Ибн Хаукала, который впоследствии лег в основу издания де Гюе.

² В другом месте сочинения Ибн Хаукала читаем следующее: «Что касается *хазар*, то это название страны. Ее главный город называется Итиль. Итиль — это название реки, которая течет к ним со стороны *ар-Рус* и Булгара и впадает в Море хазар. Страна состоит из двух частей: одна часть находится к западу от реки, называемой Итиль, и это большая из двух частей. Вторая — к востоку от нее» (BGA II₂, P. 389).

³ Вариант перевода: «[Теперь] там имеется один виноградник или сад, и то, что он дает, — это лишь милостыня для убогих, если остался хотя бы один лист на стебле».

лось ни винограда, ни изюма. Эту страну населяли мусульмане, люди других религий, а также идолопоклонники. Они покинули свои места. Но благодаря достоинствам их земли и хорошему росту, не пройдет и трех лет, как все вернется к прежнему состоянию. В Самандаре имелись мечети, синагоги и церкви. <...> В этом своем выступлении [*ар-русиййа*] разгромили всех, кто был на реке Итиль из числа хазар, болгар и буртасов, и захватили их. Жители Итиля бежали на остров Баб ал-Абваб и укрылись там в крепости. Некоторые, пребывая в страхе, укрылись на острове Сийах Куйах. <...> Их жилища имели вид шатров, строения были сплетены из дерева⁴, своды крыш — изогнуты. Их царь состоял в родстве с царем хазар. От них до границы Сарира — два фарсаха. Между хозяином Сарира и царем Самандара заключено перемирие. А жители Сарира — христиане. <...> Говорят, что этот Сарир (араб. “трон”, “ложе”) принадлежал кому-то из персидских царей и был изготовлен из золота. Но когда власть персидских царей прервалась, трон вместе с другими сокровищами перенесли в это место. Перенес его один из потомков Бахрама. До наших дней царство у них так и называется — Сарир (“Трон”). [Также] говорят, что много лет назад этот трон был изготовлен для одного Хосроя. <...> Между жителями Сарира и мусульманами действует перемирие. <...> Нет во всей стране хазар другого места собрания для людей, кроме как Самандар» (BGA II₂, P. 393–394.).

Данный фрагмент в издании де Гусе выглядит несколько иначе: «У хазар также есть город, называемый Самандар. Он расположен между [Итилем (?)] и Баб ал-Абвабом. В этом городе имелись обширные сады — говорят, что в них насчитывалось около сорока тысяч виноградников. В 358-м году я спрашивал о нем в Джурджане у человека, хорошо осведомленного, и тот ответил: “Если и остался там виноградник или сад, то теперь в нем не нашлось бы и милостыни для убогих. Разве что на каком-то стебле и появился листок по воле Аллаха”, — имея в виду, что все это погибло вместе с городом, так как большая его часть была занята виноградниками. Этот город населяли мусульмане и другие люди. У мусульман там имелись мечети, у христиан — церкви, у иудеев — синагоги. *Ар-рус* уничтожили все это, погубили то, что имелось на реке Итиль у божьих созданий из числа хазар, болгар и буртасов, и захватили их. Жители Итиля бежали на остров Баб ал-Абваб и укрылись там в крепости. Некоторые, пребывая в страхе, укрылись на острове Сийах Куйах. <...> Их жилища имели вид шатров, строения были сплетены из дерева, своды крыш — изогнуты.

---

⁴ По всей видимости, из лозы и ветвей.

Их царь был из иудеев и состоял в родстве с царем хазар. От них до границы Сарира — два фарсаха. Между ними и хозяином Сарира заключено перемирие. А жители Сарира — христиане. <...> Говорят, что этот Сарир (“Трон”) принадлежал кому-то из персидских царей и что он из золота. Но когда власть персидских царей прервалась, трон вместе с другими сокровищами перенесли в это место. Перенес его один из потомков Бахрама. До наших дней царство у них так и называется — Сарир (“Трон”). [Также] говорят, что много лет назад этот трон был изготовлен для одного Хосроя. <...> Между жителями Сарира и мусульманами действует перемирие <...> Мне не известно, чтобы в области хазар существовало другое место собрания людей, кроме Самандара» (BGA II. P. 282–283).

Отметим, что именно этот последний фрагмент из сочинения Ибн Хаукала, а также информация Лаврентьевской летописи о походе Святослава против хазар в 965 г. и известия древнерусских летописей о походе Святослава на Оку и Волгу в 964 г. позволили В.А. Кузнецову (1971. С. 25–26; 1984. С. 117–118), В.В. Бартольд (1940. С. 35), М.И. Артамонову (1962. С. 427–428), А.Н. Сахарову (1982. С. 97) и некоторым другим исследователям считать, что Святослав в 964 г. сначала отправился на Среднюю Волгу в страну булгар и бургасов, а оттуда, пойдя на юг и захватив хазарские города на Волге, в Дагестане и на Дону, в 965 г. повернул в земли ясов и касогов.

Со своей стороны, А.Ю. Якубовский не склонен был доверять информации Лаврентьевской летописи и считал, что Святослав сначала захватил на Дону Саркел — Белую Вежу и после этого пошел на Среднюю и Нижнюю Волгу, оттуда продвинулся на юго-запад и разгромил в районе Кавказа ясов и касогов, а потом захватил город Семендер в Дагестане (Якубовский 1946. С. 470–471).

Действительно, несколько странно, что только в Лаврентьевской летописи содержится фраза: «...и град ихъ и Белу Вежу взя» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 65), тогда как в остальных списках она имеет вид «и град их Белую Вежу взя» (ПСРЛ. Т. 2. С. 245; Т. 7. С. 287). Как известно, Лаврентьевская летопись сохранилась в единственном пергаментном списке, переписанном в 1377 г. монахом Лаврентием по заказу великого князя Суздальско-Нижегородского Дмитрия Константиновича. Текст Лаврентьевской летописи доведен до 6813 (1305) г. Среди сохранившихся летописей Лаврентьевская считается одной из самых древних.

К числу таких древнейших летописей принадлежит также Радзивилловская. Предполагают, что этот памятник относится к началу XIII в., так как его текст заканчивается описанием событий 1206 г. Эта лето-

пись дошла до нас в списках конца XV в.: собственно Радзивиловском и Московско-Академическом. В Радзивиловской летописи сообщение о походе 965 г. также отличается от текста Лаврентьевской летописи: «В лет(о) 6473. Иде С(вя)тослав на козары: слышавши же козары изидоша противу со кн(я)зьмъ своимъ Каганомъ, и ступишас(я) бити, и бывши брани, и одоле С(вя)тославъ козаровъ, и градъ ихъ Белу Вежю взя; и ясы победы и касоги» (ПСРЛ. Т. 38. Стб. 33).

Если речь идет о завершении похода именно в 965 г., то как тогда объяснить замечание Ибн Хаукала, что русы сразу же после похода «отправились в ар-Рум и ал-Андалус» (BGA II₂. P. 15)? Как известно, Святослав после 965 г. не ходил походом на Византию и тем более в Испанию (ал-Андалус). Благодаря данным ПВЛ, мы знаем, что в «6474 (966) Вятичи победи С(вя)тославъ и дань на нихъ възложи» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 65). А в «6475 (967) Иде С(вя)тославъ на Дунаи и на Болгарь» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 65). Необходимо также учитывать, что древнерусские летописи дают скорее описание сухопутных походов Святослава против хазар, а Ибн Хаукал сообщает о плаваниях на боевых кораблях.

Создается впечатление, что автор Лаврентьевского списка при составлении свода допустил ошибку. И поэтому весьма странным выглядит маршрут похода Святослава в 965 г. со Средней Волги на юг, на Кавказ и Дон, который фактически представляет собой надуманную комбинацию известий древнерусской летописи о событиях 964 г., сообщения уникального списка Лаврентьевской летописи о походе 965 г. и информации Ибн Хаукала о походе русов против хазар во второй половине X в.

Весомым аргументом в пользу похода русов на Среднюю Волгу считается упоминание Ибн Хаукалом одновременно болгар и бургасов, в которых традиционно видят жителей Среднего Поволжья. Однако Т.М. Калинина относительно упоминания болгар отметила: «Строго следуя за текстом ал-Истахри и дополняя его, Ибн Хаукал выделяет Великую Булгарию, как это делает и ал-Истахри. Но сам Ибн Хаукал подразумевает здесь под Великой Булгарией болгар волжских, поскольку не только не поясняет текста ал-Истахри, но и вставляет далее свое повествование о набегах русов на поволжские города, не проводя различия между великими и внутренними булгарами. Сравнение фрагментов приводит к следующему заключению. Ал-Истахри, рассказывая о соседящих и борющихся с Византией великих болгарях и о христианах — внутренних булгарах, имеет в виду Дунайскую Булгарию. От нее ал-Истахри отличает болгар-мусульман, имеющих торговые города Внешний Булгар и Сувар на реке Итиль. Если информация о волжских булгарах в труде ал-Истахри носила вполне реальный характер, то сведения о Дунайской Булгарии —

явно книжного происхождения, не вполне ясные самому ал-Истахри. Ибн Хаукал имеет еще и дополнительные сведения о волжских булгарах и переносит на этих последних и все данные ал-Истахри о дунайских болгарях» (Калинина 1976. С. 95–96; 2015. С. 239–240).

Упоминание Ибн Хаукалом «внутренних болгар» отнюдь не случайно, ибо под данной этнической группой мусульманские авторы подразумевали различные части болгарского населения Европы. О внутренних болгарях речь идет не только в сочинении Ибн Хаукала, но и других мусульманских авторов.

По мнению В.Ф. Минорского, деление болгар на «внешних» и «внутренних» в географическую литературу предположительно мог ввести ал-Балхи (850–934 гг.), который в своей «Книге видов Земли» описал страну волжских булгар и упомянул как о находившемся там «Внешнем Булгаре», так и о «внутренних болгарях», под которыми он подразумевал дунайских болгар (Minorsky 1937. P. 438–439; Гаркави 1870. С. 274–275).

По наблюдениям В.Ф. Минорского, термин «внутренние болгары» одним из первых мог широко использовать ал-Истахри — в своем сочинении «Китаб масалик ва-л-мамалик» («Книга путей стран») он несколько раз упоминает о них, подразумевая при этом как дунайских, так и волжских болгар (BGA I₂, P. 7, 226, 286; Minorsky 1937. P. 438–439). Сведения о «Внешнем Булгаре» у ал-Истахри отсутствуют, однако у него встречается информация о каком-то «небольшом городе», расположенном в стране волжских булгар (BGA I₂. P. 225).

Неизвестный персоязычный автор «Худуд ал-‘алам», живший в конце X в., сообщает о «внутренних болгарях» несколько раз. В одном случае они охарактеризованы, как дунайские болгары, а в остальных — как жители юга Восточной Европы (Худуд ал-‘Алем 1930. Табл. 3а, 13а, 37b, 38а; Minorsky 1937. P. 54, 67, 83, 158, 160). В.В. Бартольд, основываясь, в первую очередь, на данных «Худуд ал-‘алам», локализовал «внутренних болгар» в восточной части Северного Причерноморья (Худуд ал-‘Алем 1930. С. 29).

В результате, следует отметить, что мусульманские авторы называли «внутренним болгарями» преимущественно не волжских булгар, а дунайских болгар, а также болгар Подонья и Приазовья. При этом подчеркнем, что наиболее близким по времени к сочинению Ибн Хаукала является анонимный трактат «Худуд ал-‘алам».

В свое время Ф. Вестберг был склонен идентифицировать «внутренних» болгар с «чёрными» (Вестберг 1908. С. 386–389). Подобного мнения придерживался также Н.Я. Мерперт. Как и Ф. Вестберг, Н.Я. Мерперт полагал, что «чёрные» болгары, упоминаемые Константином Ба-

грянородным и в ПВЛ, были тождественны «внутренним» болгарам восточных авторов, хотя первый этноним охватывает, по его мнению, население более обширной территории, чем второй. Н.Я. Мерперт пришел к заключению, что «внутренние» болгары — это обитатели степей Днедро-Донского междуречья (Мерперт 1958. С. 586–615).

Действительно, европейские источники позволяют дать подобную локализацию. Так, Константин Багрянородный в гл. 12 своего трактата «Об управлении империей» отмечал: «[Знай], что так называемая Черная Булгария может воевать с хазарами» (Константин Багрянородный 1991. С. 53). Второе же упоминание о Черной Булгарии содержится в гл. 42 трактата: «В это Меотидское озеро впадает много больших рек; в северной стороне от него река Днепр, от которой росы продвигаются и в Черную Булгарию, и в Хазарию, и в Мордию» (Константин Багрянородный 1991. С. 175). Таким образом, из сообщения Константина получается, что Черная Булгария находилась в степях между нижним течением Днепра и владениями хазар.

Примерно такую же картину дает ПВЛ. В приведенном там тексте договора киевского князя Игоря с Византией от 945 г. сказано: «а о сихъ оже то приходять Чернии Болгаре . [и] воують въ стране Корсунъстеи . и велим князю Рускому да ихъ не почаеть . в пакость стране его» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 51). Из этого следует, что владения черных болгар находились вблизи Крымского полуострова, на территорию которого они могли вторгаться либо через Керченский пролив, либо через Перекоп.

В современной историографии относительно локализации «чёрных» болгар существует несколько подходов. Согласно первому, «чёрные» болгары должны были располагаться только в Восточном Приазовье, откуда они могли совершать свои рейды в Крым, согласно данным ПВЛ, через Керченский полуостров. Этому мнению придерживались М.И. Артамонов (1962. С. 378), В.Т. Пашуто (1968. С. 65), С.А. Ромашов (1993. С. 63–68) и некоторые другие исследователи.

Однако данная локализация не соответствует сведениям Константина Багрянородного о «чёрных» болгарях. Поэтому более предпочтительной выглядит иная локализация этого подразделения болгар. Как уже отмечалось, Н.Я. Мерперт помещал их на огромной территории — от Днепра на восток до Кубани, включая Восточный Крым и Тамань (Мерперт 1958. С. 604–608). Примерно к таким выводам пришел несколько лет назад А.А. Тортика. По его словам, картина могла выглядеть следующим образом: «...методом исключения, для локализации Черной Булгарии остается только один район — восточная часть Северного Приазовья, примыкающая к Нижнему Дону и с севера ограниченная нижним

течением Северского Донца. Ее западную границу можно предположить где-то в районе реки Молочной. Это участок степного пространства, вполне достаточный для размещения кочевой орды численностью в несколько десятков тысяч человек и способный, при условии договоренности с печенегами, совершать набеги на область Херсонеса» (Тортика 2012. С. 30). Как видим, такая локализация учитывает как сведения ПВЛ, так и информацию Константина Багрянородного. Стало быть, имеется немало оснований для локализации «Черной Болгарии» именно в Северо-Восточном Приазовье, т. е. вблизи от устья Дона. И если, действительно, «чёрные болгары» и «внутренние болгары» в X в. представляли собою одну этническую группу, то что мешает видеть в них тех болгар, которые подверглись нападению русов в 358 г. х.

Остается только нерешенным вопрос, где находился торговый центр Булгар, который представлял собой небольшой город, в котором не было «многочисленных округов», являвшийся «портом для этих государств» (BGA II₂. P. 15). вполне вероятно, что здесь может идти речь об одном из прибрежных торговых центров приазовских болгар. Хотя не исключено, что Ибн Хаукал ошибочно внес сюда информацию, касающуюся одного из городских центров средневожской Булгарии. Как видим, Ибн Хаукал, как и многие мусульманские географы того времени, объединил известные ему данные о различных группах болгар — дунайских, средневожских и приазовских — в одно целое, что лишь свидетельствует о недостаточной компетентности средневекового автора в данном вопросе. Поэтому имеет смысл поддержать идею Т.М. Калининой и некоторых других авторитетных исследователей о том, что «Волжская Булгария не была затронута русскими войсками в 358 г. х.» (Калинина 1976. С. 96; 2015. С. 240).

Однако тут же возникает вопрос об упоминаемых вместе с болгарами и хазарами бургасах, традиционно локализуемых на Средней Волге.

О расположении бургасов Ибн Хаукал пишет: «Бургас — это название страны. Бургасы живут в деревянных домах. Благодаря своей многочисленности и силе, они распростерлись по всей территории своей страны». Ибн Хаукал помещает бургасов в одну группу с народом *басджирт* и булгарами Средней Волги (BGA II₂. P. 335). Казалось бы, бургасы должны являться жителями Среднего Поволжья. Это соответствует распространенному мнению. Однако некоторые мусульманские авторы сообщают о том, что одно из подразделений бургасов находилось на берегу Волги, но недалеко от хазарской столицы г. Итилия. Так, ал-Истахри (X в.) и Йакут (XIII в.) прямо указывали, что нет между хазарами и бургасами другого народа (Заходер 1962. С. 232; Туманский 1914. С. 96).

По словам ал-Истахри: «Бургасы — народ, соседящий с хазарами, нет между ними и хазарами другого народа; они — люди, расположившиеся вдоль долины Атила» (Караулов 1901. С. 47, 49; Dunlop 1954. P. 96). Довольно показательны, что Ибн Русте (X в.) и ал-Бакри (XI в.) отмечают и расстояние от хазар до упомянутых бургасов: «Земля бургасов лежит между Хазарской и Болгарской землями на расстоянии 15 дней пути от первой» (Хвольсон 1869. С. 19). Конечно, речь не идет о бургасах, которые проживали на правом берегу Средней Волги, до которых пришлось бы плыть против течения Волги не 15 дней, а месяц. Но если учитывать, что одна группа бургасов проживала в нижнем течении Волги, на полпути между Хазарией и Волжской Булгарией, то расстояние в 15 дней может выглядеть вполне объяснимым. Даже в компилятивном источнике конца X в. — персоязычном географическом трактате «Худуд ал-'алам» подтверждается эта информация о двух группах бургасов.

Однако анонимный автор «Худуд ал-'алам» ошибочно назвал «буртасами» волжских болгар, а собственно бургасов — «барадзасами». О «барадзасах» он сообщает: «Слово об области Барадзас. Эта область, с востока которой река Ател, с юга ее — хазары, с запада — в-н-н-д-р, с севера — печенеги-тюрки. Часть этих людей придерживается религии гузов. Владеют палатками. Мертвых сжигают. Подчиняются хазарам. Продукция их — шкуры (?) куниц. У них два царя, которые друг с другом не общаются» (Худуд ал-'Алем 1930. Табл. 386; Туманский 1914. С. 95–96).

Таким образом, не исключено, что во время похода 358 г. х. русы могли повстречать болгар в Северо-Восточном Приазовье, а бургасов и хазар — на Нижней Волге. Попасть из Азовского моря в Каспийское море русы могли лишь благодаря Волго-Донской переволоке. О Волго-Донской переволоке, как о транзитном пути русов из Черного в Каспийское море, первым из мусульманских географов упомянул Ибн Хордадбех (IX в.), которому приписывают труд «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик». По мнению некоторых ученых, следует признать существование двух редакций этого сочинения: одна составлена около 232/846 г., вторая — переработана не ранее 272/885 г. Однако обе редакции не сохранились в первоначальном виде, а дошли до нас либо в сильно сокращенном варианте, либо в виде извлечений, находящихся в составе сочинений более поздних авторов (Новосельцев, Пашуто, Черепнин, Шушарин, Щапов 1965. С. 375–376). Среди основных компиляторов Ибн Хордадбега был Ибн ал-Факих, автор сочинения «Китаб ал-булдан» («Книга стран»). Он также сообщил сведения о Волго-Донской переволоке. Однако при этом необходимо учитывать мнение Т.М. Калининой о том, что сочинение Ибн ал-Факиха не является простой компиляцией. По ее

убеждению, Ибн ал-Факих действительно часто прибегал к сведениям из труда Ибн Хордадбеха, но при этом они использовались им лишь в качестве основы для добавления данных, заимствованных из других источников (Калинина 2015. С. 201). В результате, А.П. Новосельцев представлял ситуацию следующим образом: сначала маршрут купцов русов проходил через Крым, где с них взимали пошлины византийцы, затем пролегал к Азовскому морю, которое у Ибн Хордадбеха и Ибн ал-Факиха названо «заливом Хазарским», так как в трудах мусульманских авторов IX в. Черное море также называлось «Хазарским». Далее их путь шел на Дон, где в хазарской крепости Саркел уже десятину с купцов собирали хазары (Новосельцев, Пашуто, Черепнин, Шушарин, Щапов 1965. С. 386). Аналогичного мнения придерживается Т.М. Калинина (2015. С. 200). Относительно деталей дальнейшего продвижения русов к Каспийскому морю, известному у Ибн Хордадбеха как «Джурджанское», а у Ибн ал-Факиха как «Хорасанское», то у обоих мусульманских авторов об этом ничего не сказано. При этом из контекста их сообщений становится понятно, что корабли русов могли продвигаться дальше к Каспийскому морю, т. е. в данном случае косвенно указывается на существование переволочи.

Картина была бы не полной без сведений ал-Мас'уди о сообщении Черного и Азовского морей с Каспийским, которые содержатся в его трактате «Мурудж аз-захаб ва-ма'адин ал-джавхар» («Промывальни золота и рудники самоцветов»). Особый интерес в нем может представлять детальное описание похода русов на Каспий после 300 г. х. (912 г.), которые на обратном пути подверглись нападению хазарских мусульман. Именно описание завершения этого похода в тексте ал-Мас'уди вызвало различные интерпретации среди исследователей XX в., находившихся в плену собственных концепций относительно нахождения болгар и бургасов только на Средней Волге (Минорский 1963. С. 200; Голб, Прицак 1997. С. 168–169). Однако, как оказалось, перевод упомянутого фрагмента А.Я. Гаркави является наиболее близким к арабскому тексту оригинала: «Около же 5 000 из них спаслись и отправились на судах в страну, примыкающую к стране Бургас, где они оставили свои суда и стали на суше; но из них кто был убит жителями Бургаса, а кто попался к мусульманам в стране Бургар и те убили их» (Гаркави 1870. С. 133; Мас'уди 1966. С. 139).

Еще в XIX в. И. Забелин отметил, что напасть на русов могли не средневожские болгары-мусульмане, а мусульмане из хазарской столицы — Итиля (1879. С. 146). Д.И. Иловайский считал, что окончательный разгром русов имел место не в Среднем Поволжье — в стране бургасов

и камских болгар, а на месте переволоки (2015. С. 48). М.И. Артамонов также придерживался аналогичного мнения (1962. С. 370).

В результате, неудачное для русов завершение похода можно представить следующим образом. Потерпев сокрушительное поражение в низовьях Волги, возле хазарской столицы Итиль, остатки русов решили бежать на кораблях по известному им пути, дабы достигнуть переволоки между Волгой и Доном, а оттуда через Керченский пролив выйти в безопасное для них Черное море. Хазарские мусульмане-«ларисии», видя, что им не догнать беглецов, и предвидя обратный маршрут русов, направились навстречу русам в район Северо-Западного Кавказа. Их замысел должен был состоять в том, что в случае прорыва русов с кораблями к Дону в месте переволоки они смогут их задержать в Керченском проливе. В случае же бегства русов сушей «ларисии» смогут встретить их в стране болгар, в Восточном Приазовье. Как видим, события развивались по второму сценарию.

Обратим внимание на упоминание народов, которые повстречались русам после 300 г. х. (912 г.), во время их бегства от низовий Волги через переволоку к Азовскому морю: хазары, буртасы и болгары. Получается, что хазары жили в низовьях Волги, буртасы — на месте Волго-Донской переволоки, а болгары — в Северо-Восточном Приазовье. Таким образом, по пути из Черного в Каспийское море русы должны были встречать сначала болгар в Приазовье, затем в районе переволоки — буртасов и уже в низовьях Волги и в Северо-Западном Прикаспии — хазар. Сравним это с фрагментом из сочинения Ибн Хаукала: «В наше время люди *ар-рус* ничего не оставили ни булгарам, ни буртасам, ни хазарам, за исключением лишь малого клочка. *Ар-рус* выискивали их, преследуя и настигая всех, кто находится по соседству, когда те не ждали» (ВГА II, Р. 336). Получается, что в 358 г. х. в начале похода русы должны были напасть сначала на приазовских болгар, а затем — на буртасов в районе Волго-Донской переволоки и лишь в самом конце маршрута — на хазар на Нижней Волге и в Прикаспийском Дагестане (рис. 1).

Остается спросить: почему Ибн Хаукал в других фрагментах своего сочинения излагает довольно путанные сведения о болгарях и других этнических группах? Ведь не стоит забывать, что Ибн Хаукал не являлся непосредственным участником либо очевидцем описанных событий. Находясь в Южном Прикаспии, он лишь получил информацию о событиях 358 г. х., где фигурировали жертвы нападений — хазары, буртасы и болгары. Являясь представителем мусульманской географической школы, Ибн Хаукал стремился определить местонахождение упомянутых народов в соответствии с представлениями своих предшественников,

чьими сочинениями он пользовался. Из этого последовало, что буртасы и болгары должны были находиться как на Средней Волге, так и в других местах юга Восточной Европы, тогда как хазары являлись лишь жителями Нижней Волги и Прикаспийского Дагестана.

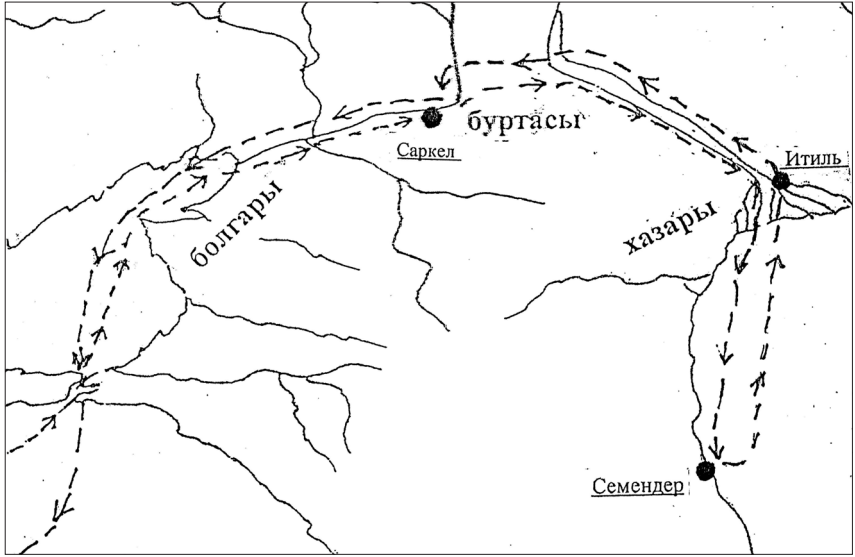

Рис. 1. Маршрут похода русов против хазар по сведениям Ибн Хаукала.

Fig. 1. The Route of the Military Campaign of the Rus' against the Khazars, according to Ibn Haukal.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. [*Artamonov M.I.* Istoriya hazar (The History of the Khazars). Leningrad, 1962.]
- Бартольд В.В.* Арабские известия о руссах // Советское востоковедение. 1940, № 1. С. 15–50. [*Bartol'd V.V.* Arabskie izvestiya o russah (Arabic Reports on the Rus') // Sovetskoe vostokovedenie. 1940, № 1. S. 15–50.]
- Бартольд В.В.* Арабские известия о руссах // *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1963. Т. II, ч. I. С. 810–858. [*Bartol'd V.V.* Arabskie izvestiya o russah (Arabic Reports on the Rus') // *Bartol'd V.V.* Sochineniya. Moscow, 1963. Vol. 2, part 1. S. 810–858.]
- Вестберг Ф.* К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. 1908. Ч. XIII. Февр. С. 364–400. [*Vestberg F.* K analizu vostochnykh istochnikov o Vostochnoj Evrope (To the Analysis of Eastern Sources on Eastern Europe) // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1908. T. XIII. Febr. P. 364–400.]

- Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). СПб., 1870. [*Harkavi A.Ya.* Skazaniya musul'manskih pisatelej o slavyanah i russkih (s poloviny VII veka do konca X veka po R. H.) (Tales of Muslim Writers about the Slavs and Rus'ian People (From the Middle of the 7th Century to the End of the 10th Century AD)). St.-Petersburg, 1870.]
- Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997. [*Golb N., Pritsak O.* Hazarsko-evrejskie dokumenty X veka (Khazarian-Hebrew Documents of the 10th Century). Moscow; Jerusalem, 1997.]
- Грушевський М.* Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. Київ, 1994. Т. 1. [*Hrushevs'kij M.* Istorija Ukrayini-Rusi (The History of Ukraine-Rus'): v 11 t., 12 kn. Kiev, 1994. Vol. 1.]
- Забелин И.* История русской жизни с древнейших времен. М., 1879. Ч. 2. [*Zabelin I.* Istorija russkoj zhizni s drevnejshih vremen (The History of Russian Life since Ancient Times). Moscow, 1879. Vol. 2.]
- Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. М., 1962. Т. I. [*Zahoder B.N.* Kaspijskij svod svedenij o Vostochnoj Evrope. Gorgan i Povolzh'e v IX–X vv. (Caspian Corpus of Information on Eastern Europe. Gorgan and the Volga Region in the 9th — 10th Centuries AD). Moscow, 1962. Vol. I.]
- Иловайский Д.И.* Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М., 2015. [*Ilovajskij D.I.* Razyskaniya o nachale Rusi. Vmesto vvedeniya v russkuyu istoriyu (Examinations of the Beginning of Rus'. Instead of an Introduction to Russian History). Moscow, 2015.]
- Калинина Т.М.* Сведения Ибн Хаукала о походах Руси времен Святослава // ДГ, 1975 г.: Материалы и исследования. М., 1976. С. 90–101. [*Kalinina T.M.* Svedeniya Ibn Haukala o pohodah Rusi vremen Svyatoslava (Information of Ibn Haukal about the Campaigns of the Rus' in the Time of Sviatoslav) // *Drevnejshie Gosudarstva Vostochnoj Evropy, 1975: Materialy i issledovaniya.* Moscow, 1976. S. 90–101.]
- Калинина Т.М.* Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., 2015. [*Kalinina T.M.* Problemy istorii Hazarii (po dannym vostochnyh istochnikov) (Problems of the History of Khazaria (According to Eastern Sources)). Moscow, 2015.]
- Караулов Н.А.* Сведения арабских географов IX–X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 1–120. [*Karaulov N.A.* Svedeniya arabskikh geografov IX–X vv. o Kavkaze, Armenii i Azerbaydzhane (Information of Arab Geographers of the 9th — 10th Centuries AD about the Caucasus, Armenia and Azerbaijan) // *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza.* Tiflis, 1908. Issue 38. S. 1–120.]
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991. [*Constantine Porphyrogenitus.* *De administrando imperio* / Ed. by G.G. Litavrin and A.P. Novosel'tsev. Moscow, 1991.]
- Кузнецов В.А.* Алалия в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971. [*Kuznecov V.A.* Alaniya v X–XIII vv. (Alania in the 10th — 13th centuries AD). Ordzhonikidze, 1971.]

- Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. [Kuznecov V.A. Ocherki istorii alan (Essays on the History of the Alans). Ordzhonikidze, 1984.]
- Мерперт Н.Я. Древнейшие болгарские племена Причерноморья // Очерки истории СССР / Под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1958. С. 587–616. [Merpert N.Ya. Drevnejshie bolgarskie plemena Prichernomor'ya (Ancient Bulgarian Tribes of the Black Sea Region) // Ocherki istorii SSSR / Ed. by B.A. Rybakov. Moscow, 1958. S. 587–616.]
- Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971. [Minaeva T.M. K istorii alan Verhnego Prikuban'ya po arheologicheskim dannym (On the History of the Alans of the Upper Kuban' Basin According to Archaeological Data). Stavropol', 1971.]
- Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М., 1963. [Minorskij V.F. Istoriya Shirvana i Derbenta X–XI vv. (History of Shirvan and Derbent in 10th—11th Centuries AD). Moscow, 1963.]
- Новосельцев А.П., Паушто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. [Novosel'cev A.P., Pashuto V.T., Cherepnin L.V., Shusharin V.P., Shchapov Ya.N. Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie (Ancient Russian State and its International Significance). Moscow, 1965.]
- Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. [Novosel'cev A.P. Hazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoj Evropy i Kavkaza (Khazar State and its Role in the History of Eastern Europe and the Caucasus). Moscow, 1990.]
- Паушто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. [Pashuto V.T. Vneshnyaya politika Drevnej Rusi (Foreign Policy of Ancient Rus'). Moscow, 1968.]
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей [Polnoe sobranie russkikh letopisej (A complete corpus of Russian chronicles). Leningrad, 1926–1928. Т. 1. 4–3. Лаврентьевская летопись [Lavrent'evskaya letopis' (Laurentian Chronicle). Vol. 1. Pt. 1–3.]; СПб., 1843. Т. 2: Ипатьевская летопись. [Ipat'evskaya letopis' (Hypatian Chronicle). St. Petersburg, 1843]; СПб., 1856. Т. 7: Воскресенская летопись. [Voskresenskaya letopis' (Voskresensk Chronicle). St.-Petersburg, 1856.]; Л., 1989. Т. 38: Радзивилловская летопись. [Radzivilovskaya letopis' (Radziwiłł Chronicle). Leningrad, 1989.]
- Ромашов С.А. Где находилась Черная Болгария // ВЕДС. М., 1993. Вып. V: Спорные проблемы истории. С. 66–68. [Romashov S.A. Gde nahodilas' Chernaya Bolgariya (Where was Black Bulgaria Located) // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Moscow, 1993. Vol. V: Spornye problemy istorii. S. 66–68.]
- Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М., 1982. [Saharov A.N. Diplomatija Svyatoslava (Diplomacy of Svyatoslav). Moscow, 1982.]
- Тортика А.А. «Черная Болгария» трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» и «чёрные болгары» «Повести временных лет»: проблемы локализации // Дриновський збірник. Харків; Софія, 2012. Т. 5. С. 23–31. [Tortika A.A. «Chernaya Bulgariya» traktata Konstantina Bagryanorodnogo «Ob upravlenii imperiej» i «chyornye bolgary» «Povesti vremennyh let»: problemy lokalizacii (“Black Bulgaria” of the Treatise of Constantin Porhy-

rogenitus *De Administrando Imperio* and the “Black Bulgarians” of the *Tale of Bygone Years: Problems of Localization* // *Drinovs’kij zbirnyk*. Kharkiv; Sofia, 2012. Vol. 5. S. 23–31.]

Туманский А. Буртас и Бердас // ИВТЖК. Тифлис, 1914. Кн. 1. Вып. 1. С. 94–96. [*Tumanskij A. Burtas i Berdas* (The Burtas and the Berdas) // *Izvestiya vysshih Tiflisskikh zhenskikh kursov*. Tiflis, 1914. Book 1. Issue 1. S. 94–96.]

Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Бен Омар ибн-Даства. Санкт-Петербург, 1869. [*Hvol’son D.A. Izvestiya o hazarah, bolgarah, mad’yarah, slavyanah i rusah Abu-Ali Ahmeda Ben Omar ibn-Dasta* (Information about the Khazars, Bulgarians, Magyars, Slavs and Rus by Abu Ali Ahmed Ben Omar ibn-Dasta). St.-Petersburg, 1869.]

Худуд ал-‘Алем (рукопись Туманского) с введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930. [*Khudud al-‘Alem* (rukopis’ Tumanskogo) s vvedeniem i ukazatelem V. Bartol’da (Hudud al-‘Alam (Tumansky Manuscript) with an Introduction and Notes by V. Bartold). Leningrad, 1930.]

Якубовский А.Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX–X вв. // Известия АН СССР: серия истории и философии. 1946. Т. 3, № 5. С. 461–472. [*Yakubovskij A.Yu. O russko-hazarskih i russko-kavkazskih otnosheniyah v IX–X vv.* (About Russian-Khazar and Russian-Caucasian Relations in the 9th — 10th Centuries AD) // *Izvestiya AN SSSR: seriya istorii i filosofii*. 1946. Vol. 3, № 5. S. 461–472.]

Dunlop D.M. *The History of the Jewish Khazars*. 2nd ed. Princeton, 1954.

Ibn Ḥawqal. *Kitab surat al-ard* [ابن حوقل. كتاب صورة الارض. (The Image of the Earth)]. Beirut, 1992.

BGA I₂ — *al-Istakhri*. *Kitab al-masalik wa-l-mamalik* Ed. M. J. de Goeje. Edicio secunda. Lugduni Batavorum, 1927. Vol. I.

Mas’udi. *Muruj az-Zahab wa-Ma’adin al-Jawhar* (Gold Washing and Gem Mines)]. Without place of publication, 1966. Vol. 1.

Minorsky V. *Hudud al-‘Alam*. *The Regions of the World*. L.; Oxford, 1937.

BGA II₂ — *Opus geographicum auctore Ibn Haukal* (Abu’l-Kasim ibn Haukal al-Nasibi)... *Liber imaginis terrae* / J.H. Kramers. Lugduni Batavorum, 1938–1939. Fasc. I–II.

BGA II — *Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu’l-Kasim ibn Haukal* / Ed. M. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1873.

Oleg B. Bubenok, Danylo A. Radivilov

IBN ḤAWQAL’S INFORMATION ON THE ROUTE OF THE RUS’ CAMPAIGN AGAINST THE KHAZARS IN 358 a. h.

In the historical-geographical work of Ibn Ḥawqal (10th century) there is a passage that still causes controversy among historians. This is a description of the campaign of the Rus’ against the Khazars, dated to 358 AH. Several decades

ago T.M. Kalinina proved that Ibn Ḥawqal described here the campaign of 969, and not the campaigns of Prince Svyatoslav of 964–965 mentioned in *The Tale of Bygone Years*. The situation is further complicated by the fact that Ibn Ḥawqal mentioned, in addition to the Khazars, also the Bulgars and Burtases, who are traditionally localized in the Middle Volga region. At first glance, this is confirmed by the information of Ibn Ḥawqal himself about the localization of the Bulgars and Burtases. Therefore, some historians continue to believe that Ibn Ḥawqal and *The Tale of Bygone Years* describe one and the same campaign, which, in their opinion, consisted of a complex combination of movements along the Don, as well as along the Middle and Lower Volga. T.M. Kalinina showed that such assumptions were far-fetched and expressed an opinion in favor of the fact that in 969 the Rus' did not go to the Middle Volga. The grounds for this are provided by the information of some mediaeval Muslim authors about the presence of the Bulgars in the Azov region steppes and Burtases along the Volga-Don haul pass in the 10th century. It is likely that according to the description of Ibn Ḥawqal, the Rus' moved along the well-known route from the Black Sea to the Caspian Sea, which passed the Sea of Azov and the Lower Don, and from there – through the Volga-Don passage to the Lower Volga and into the Caspian Sea. Particularly indicative in this respect is the information of al-Mas'udi, which is contained in the description of the Rus' campaign in the Caspian sea region after 300 AH (912), which ended disastrously in the lands of the Burtases and Bulgars. It is no coincidence that Ibn Ḥawqal mentioned the 'internal Bulgars', who, according to the *Hudud al-'alam*, can be localized in the Azov sea region. The 'internal Bulgars' of mediaeval Muslim sources are sometimes identified with the 'Black Bulgars' mentioned in the Byzantine-Rus' documents. It has long been proven that the latter lived in the steppes of the Azov region. As for the Burtases, some Muslim authors (al-Istakhri, Yaqut, etc.) report that one of the Burtases' units was situated on the banks of the Volga, but not far from the Khazar capital, the town of Itil. Thus, in 358 the Rus' had to move along the well-known waterway from the Black Sea to the Caspian Sea. At the beginning, the Rus' were supposed to attack the Azov Bulgars, and then — the Burtases at the Volga-Don haul pass, and only at the very end of the route they attacked the Khazars on the Lower Volga and in the Caspian Dagestan.

As for the confusion of Ibn Ḥawqal's data on the localization of the Bulgars and Burtases, it can be explained by the fact that Ibn Ḥawqal sought to determine the whereabouts of these peoples in accordance with the ideas of his predecessors, whose works he actively used. From this it followed that the Burtases and Bulgars should have been located both in the Middle Volga and in other places in the South of Eastern Europe, while the Khazars were only residents of the Lower Volga and Caspian Dagestan.

Keywords: Khazars, Rus', Ibn Ḥawqal, Bulgars, Burtases, Azov Sea region, Volga-Don haul pass, Lower Volga, Dagestan

DOI:10.32608/1560-1382-2021-42-418-436

СКОЛЬКО РАЗ ХОДИЛ НА ВЯТИЧЕЙ СВЯТОСЛАВ?

Автор (вслед за Т.М. Калининой) предлагает собственную интерпретацию известий о трансконтинентальных походах князя Святослава. Ибн Хаукал суммарно воспринимал представления восточных географов о дунайских болгарях и волжских булгарах, считая их единым народом. Соответственно, военные действия Святослава на Балканах (у «внутренних болгар») неправомерно ассоциировалась с войной во «внешнем» Булгаре на Волге: отсюда сконструированный Ибн Хаукалом трансконтинентальный размах кампании Святослава. Летописный рассказ о походе Святослава на хазар является вставкой в рассказ о походе на вятичей. Этот поход призван был в понимании летописца обеспечить Руси путь через Оку на Волгу: из Волжской Булгарии в X в. поступало на Русь саманидское монетное серебро. Вятичи были данниками хазар: их поселения в бассейнах Дона и Оки контролировали хазарские крепости, главной из которых была Белая Вежа/Саркел. Начальная летопись и археология определенно свидетельствуют, что Саркел был взят Святославом и стал, по выражению С.А. Плетневой «русским городом в кочевой степи». Святослав один раз ходил на вятичей. Его соседней с ними целью был Саркел. Прочие цели походов князя — не только Булгар, но и Итиль и Самандар — могут относиться к книжной конструкции Ибн Хаукала, осведомленного из своих источников о столицах Булгарии и Хазарии.

Ключевые слова: походы Святослава, Начальная летопись, вятичи, Ибн Хаукал, Булгария, Хазария, Саркел

Походы русского князя Святослава давно поражают воображение историков своим размахом от летописного ареала вятичей — Оки — до Северного Кавказа и Балкан. Этот размах усугубляется данными восточных источников — в первую очередь автора X в. Ибн Хаукала, свидетельствовавшего, что русь в княжение Святослава разгромила не только Хазарию и дунайскую Болгарию, но и Булгарию Волжскую. Правда, хронология делает затруднительной оценку действий самого Святослава в этой трансконтинентальной кампании: по Ибн Хаукалу русь в 365 г. х. (ноябрь 968 — ноябрь 969) разоряла города и области Булгар, Хазаран, Итиль и Самандар (в Прикаспии), хватило сил и двинуться из дунайской Болгарии (Рума) до Андалусии... Но в августе 968 г. Святослав уже

должен был воевать на Балканах (по Иоанну Скилице — см.: Бибиков 2009. С. 320). Летописная хронология добавляет проблем: Святослав отправляется в поход на вятичей в 964 г. (на Оку и Волгу), в 965 громит Хазарию и *приводит в Киев* покоренных на Северном Кавказе ясов и касогов, а в 967 г. еще раз возвращается к вятичам (ср.: ПВЛ. С. 31; НПЛ. С. 117). Традиционно в историографии поход на вятичей связывается с выходом из Киева по Десне на Оку и на «Великий Волжский путь», открывающий дорогу на Булгарию и Хазарию (ср.: Дубов 1989. С. 143–147, с предшествующий литературой). Многочисленные романтические версии о походах Руси по «Великому Волжскому пути» предполагали, что их совершал не Святослав, пребывающий на Балканах, а некая «третья Русь», гнездящаяся в Верхнем Поволжье (ассоциируемая с Тимерёвым и др. памятниками), «приазовская Русь» из Тмуторокани и т. п.¹.

Археологические исследования позволяют значительно сузить размах хазарской кампании Святослава. Ее конкретной целью в обеих редакциях Начальной летописи оказывается не Итиль, а Саркел на Нижнем Дону, получивший точное русское наименование «Белая Вежа». Построенная византийцами на левом берегу Дона ок. 840 г. крепость была частично исследована экспедицией М.И. Артамонова и затоплена Цимлянским водохранилищем. Правобережная Цимлянская крепость (также построенная в византийской технике) фланкировала переход через Дон и исследуется по сей день (см. раздел В.С. Флёрова в кн.: Калинина, Флёров, Петрухин 2014). Очевидно, что в Подонье, на перекрестке сухопутного степного и водного донского путей, располагался важнейший стратегический центр Хазарии, и концентрировалось подвластное хазарам разноплеменное население, включавшее донских славян (по культуре близких северянам и вятичам) и важнейший для этнического состава Хазарии «алано-болгарский компонент» (см.: Винников 2010; 2014. С. 198–201, 222–224. Ср. также гипотезу о переселении хазарами вятичей с Верхнего Дона на Нижний: Прокофьев 2007). Т.М. Калинина продемонстрировала неоднозначность информации восточных источников об отношениях славян (*ас-сакалиба*), болгар и хазар (при различении в этих источниках славян и руси как разных народов: Калинина 2015. С. 166–176).

Исследования Т.М. Калининой позволяют существенно уточнить масштабы похода Святослава на Хазарию: она давно обратила внимание на

---

¹ Подобные изыскания в области так наз. альтернативной истории всколыхнули волну фальсификатов, тиражируемых на черном рынке и в околонучной литературе (см.: Чахидзе 2020). Летописный маршрут Святослава, включающий Волгу (где вятичи не обитали) вероятно отражает представления о традиционных (со времен Вещего Олега) связях приднепровской Руси с Верхним Поволжьем.

то, что Ибн Хаукал суммарно воспринимал представления восточных географов о дунайских болгаргах и волжских булгаргах, считая их единым народом (Калинина 2015; ср.: Гадлю 2004. С. 185–186). Соответственно военные действия Святослава на Балканах (у «внутренних болгар») ассоциировалась с войной во «внешнем» Булгаре на Волге — отсюда общая датировка похода Руси на Болгар 968/969 г. и представление современных исследователей о трансконтинентальном маршруте походов Святослава от Волги до Дуная. Далее Т.М. Калинина следует летописным датировкам походов Святослава. Узнав, что Киев осажден печенегами, князь возвращается в 969 г. в Приднепровье и, отогнав печенегов, обрушивается на хазарские города в Нижнем Поволжье (Итиль) и Прикаспии (Самандар). Исследовательница признает, что это реконструкция осложняется источниковыми проблемами: византийские авторы не знают о возвращении Святослава в Восточную Европу (Калинина 2015. С. 241). Нет данных и о том, кто инспирировал набег печенегов на Киев — о его отступлении через пороги (после разгрома на Балканах в 971 г.) печенегов извещают «перяяславцы» (ПВЛ. С. 35), явно не желавшие возвращения князя на Дунай, (где он хотел видеть «середину своей земли»). Предполагать, что печенегов в 969 г. натравили на Киев не греки², и хазарские мусульмане (Калинина 2015. С. 241) прямых оснований нет, как нет оснований предполагать новый (ответный) поход Святослава в Хазарию.

Исторические реконструкции похода Святослава против печенегов осложняет проблема летописной текстологии. М.Х. Алешковский обратил внимание на несообразность рассказа об осаде Киева печенегами — киевляне посылают к Святославу, пребывавшему в Переяславец, с требованием идти на подмогу Киеву, когда печенеги уже отступили, напуганные угрозой левобережного воеводы Претича о подходе князя. Историк думал, что все подробности рассказа об осаде, включая легенду об отроке, перебравшемся из осажденного города на левый берег Днепра за подмогой и обманувшем печенегов, прикинувшись «своим» — ведь он говорил по-печенежски (Алешковский 2015. С. 145). Но летописец специально оговаривает необходимость обращения к Святославу — печенеги отошли лишь к киевской речке Лыбедь (ПВЛ. С. 32). Несообразности

---

² Такую тактику рекомендовал проводить в отношении «росов» Константин Багрянородный накануне вокняжения Святослава (см.: Константин Багрянородный 1991. Гл. 4). Кочевники быстро воспринимали эту практику имперской политики — и у них самих хватило бы навыка воспользоваться отсутствием князя в Киеве. Кроме того, печенеги, по данным того же Константина Багрянородного делились на несколько орд (см.: Мудрак 2020). Печенеги (и венгры) выступали у Скилицы как союзники Святослава.

в летописном повествовании касаются печенежской осады в целом, ибо летопись говорит о них под 968 г.: «Пришли печенѣзи на Руску землю первое», в точности повторяя фразу о первом приходе этих кочевников при отце Святослава Игоре — в 915 г. (ср.: ПВЛ. С. 31, 21)³. Знакомство героя-отрока с печенежским языком подтверждает (наряду с Константином Багрянородным и археологией) более раннее появление печенегов в южнорусских степях и делает еще более сомнительной историческую основу летописного рассказа о возвращении Святослава в Киев 968–969 г.

Столь же сбивчиво летопись излагает и вокняжение Святослава в Переяславце. Сразу после второго (?) похода на вятичей под 967 г. летопись говорит о победоносном походе князя на Дунай, победе над болгарями: «и взя городъ 80 по Дунаеви, и съде княжа ту въ Переяславци, емля дань на гръцѣх (ПВЛ. С. 31). Под 971 г. — опорным для летописания, ибо в этом году был заключен договор с греками — летопись снижает победный тон и повествует о трудной осаде князем Переяславца, взятии города и угрозе грекам с требованием дани (ПВЛ. С. 33). Впрочем, здесь летопись сообщает о тяжелом положении руси под Доростолом на Дунае, а устами князя говорит, что «печенѣзи с нами ратьны» (ПВЛ. С. 34); это вынуждает князя на капитуляцию и отступление (приведшее Святослава в засаду печенегов и к гибели).

Похоже, что известие о победном марше на Дунай под 967 г. (напомним, что Святослав оказался там летом 968 г.) и возвращение его в Киев под 968–969 г. — конструкция летописца, стремившегося разместить в своем тексте легенды о печенежской осаде Киева. Святослав должен был сначала обустроить Русскую землю, разделив ее между тремя сыновьями, и затем отправиться на Дунай.

Ситуацию с двумя походами князя на вятичей опять-таки проясняет обращение к летописной текстологии (при учете, что опорной датой для летописца был договор с греками 971 г., предшествующие события основывались на ретроспективных расчетах). Приведу текст по Ипатьевской редакции, практически тождественной редакции НПЛ, т. е. относящейся к ранним пластам начального летописания:

964 г. Святослав «иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе вятичи, и рече вятичемъ: «Кому дань даете?». Они же ркоша: «Козаромъ по шьлягу от рала даемъ».

965. В лѣто 6473 иде Святославъ на козары; слышавше же козари, изидоша противу съ княземъ своимъ каганомъ, и съступишася ся битъ, и

³ НПЛ не включает рассказа о начале самостоятельного княжения Игоря в Киеве и первом появлении печенегов. После рассказа о призвании князей и вокняжении Олега и Игоря в Киеве (все под 854 г.) сразу под 920 г. приводится сокращенный рассказ о первом походе на греков.

бывши брани, одолѣ Святославъ козаромъ и градъ их и Бѣлу Вежю взя. И ясы побѣди и касоги и приде къ Киеву.

966. В лѣто 6474 побѣди вятичь Святославъ».

Далее под 967 г. — о походе на Дунай (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 53).

Летопись, казалось бы, возвращает нас к широкомасштабному походу князя — от вятичей (с Оки) он идет на Волгу, но далее оказывается, что главным мотивом повествования остается хазарская дань с вятичей. Святослав идет не на Волгу, а на Дон: если не предполагать, как делал автор в ранней работе (Петрухин 2010), что Святослав атаковал Саркел с востока — с Волги. Главное, однако, заключается в том, что рассказ о походе на хазар является вполне очевидной вставкой в статью о покорении вятичей (ср.: Там же). На погодные даты весь рассказ разбил летописец, предположительно Никон, которому со времен А.А. Шахматова приписываются конкретные летописные даты и вставки, связанные с хазарской проблематикой, поскольку он оказался в 1060-е гг. в хазарской Тмуторокани (ср.: Петрухин 2003; Михеев 2011. С. 207 и сл.). К сожалению, предполагаемый редактор не конкретизировал маршрута Святослава и не рассказал даже о том, когда Тмуторокань оказалась во власти Руси (слои пожара на средневековом Таманском городище — хазарской Таматархе / др.-рус. Тмуторокани — датируются широко, второй половиной X в., см.: Чхаидзе 2008). Приходится гипотетически увязывать присоединение этого города с летописным известием о подчинении Святославом касогов (черкесов), но и это предположение может оказаться избыточным, ибо ясы и касоги (аланы и черкесы) традиционно обитали и на Дону (Бубенок 2019. С. 162–163).

Вставку повествования о хазарской дани с вятичей характеризует и летописная денежная единица *щеляг*: первое упоминание этой единицы связано в ПВЛ с хазарской данью, которую присвоил еще Олег, обосновавшийся в Киеве в 880-е гг. — радимичи «въдаша Ольгови по щялягу, яко же и козаромъ даяху» (ПВЛ. С. 14); второй раз та же дань упоминается уже в рассказе о походе Святослава на вятичей (964 г.), которые сказали: «Козаромъ по щялягу от рала даемъ». Парадокс заключается в том, что эта единица, очевидно соотносящаяся с североевропейским шиллингом (см. Фасмер 1986. Т. IV. С. 508), характеризует именно хазарскую дань. Это заставляло исследователей прибегать к кабинетным этимологиям, сопоставлять щеляг с еврейским шекеlem и т. п. К. Цукерман (вслед за М.Б. Свердловым) напомнил о распространении подобных единиц налогообложения в Англии и Скандинавии, решив, что отнесение ее летописцем к хазарской налоговой системе — «шутка» (не более чем летописный казус). Критикующий этот подход П.С. Стефанович, опираясь на словарный материал, указал на распространенность этого термина

в древнерусской и — шире древнеславянской письменности (ср.: Цукерман 2019; Стефанович 2020). Лингвисты (см.: Фасмер 1986), однако, давно и определенно демонстрируют путь заимствований этой терминологии: исходный регион лингвистических и других контактов — Балтика. Едва ли можно приписывать это заимствование системы налогообложения администрации Святослава (который согласно Константину Багрянородному, сидел в Новгороде в 940-х гг.). К. Цукерман заметил, что эта система распространяется на Севере Европы в XI в. Так или иначе, летописец был озабочен конкретизацией даннических отношений русских князей с былыми подданными хазар, ибо традиция сохраняла лишь преддсторическое предание о полянской дани мечами (ПВЛ. С. 12).

Еще одна гипотеза, трактующая деяния Святослава, связана со скудными известиями о хазарской столице: Й. Маркварт считал, что упоминание Белой Вежи, взятой Святославом, относится не к пограничной крепости Саркел, а к хазарской «Белой» столице — ал-Байда (Д. Данлоп разделял эту гипотезу — Данлоп 2016. С. 187. Ср. обзор точек зрения по поводу ал-Байды, данный Т.М. Калининой: Древняя Русь 2009. Т. III. С. 29; см. также: Калинина 2015. С. 52–86), недаром ее вышел защищать сам каган. Синтаксис летописной фразы: «и град их и Бѣлу Вежю взя» провоцирует на разделение Белой Вежи и безымянного града, под которым можно было бы подразумевать хазарскую столицу (Итиль — ср.: Плетнева 2006. С. 34), но использование союза *и* в древнерусском языке не предполагает возможности такого перечисления (речь идет о «граде Белая Вежа»). Напомню о стратегической важности для Хазарии именно Саркела и окрестных крепостей — Саркел и был стратегической целью Святослава.

«Вятический» маршрут, приписываемый летописью Святославу, — через Оку на Волгу, был традиционным для походов русских князей — так ходил «въ вятичи» Мономах (ПВЛ. С. 103). Распространенной в историографии (со времен Б.А. Рыбакова) конструкцией остается путь из Киева в Булгар и обратно, проходящий через пресловутый Вантит на Верхнем Дону, название которого ассоциируется с этнонимом *вятичи* (см.: Пряхин и др. 1997. Проблематичность этих ассоциаций, основанный на данных восточных авторов, подчеркивает Т.М. Калинина: Древняя Русь 2009. Т. III. С. 44). Археологические находки демонстрируют наличие контактов на предполагаемом маршруте (Моця, Халиков 1997). Не менее показательны связи миграции славян из Среднего Поднепровья в бассейн Дона (в том числе на р. Воронеж. Ср.: Винников 2014. С. 223–224; Винников, Цыбин 2014). Существенное, однако, давнее наблюдение о трансформации путей поступления восточной монеты в Восточную и Северную Европу в начале X в.: дирхамы стали поступать не через Хазарию с Ближнего Востока, а через Волжскую Булга-

рию из державы Саманидов⁴. Так или иначе, Русь была заинтересована в мирных контактах с Булгарией, а летописец мог быть осведомлен о важности пути с Оки на Волгу. Этим путем, по летописи, стремился овладеть Святослав, для чего нужно было подчинить вятичей, но предполагать вторжение князя в Булгарию оснований нет.

Начальная летопись и археология определенно свидетельствуют, что Саркел был взят Святославом (его тамга обнаружена раскопками Артамонова) и стал «русским городом в кочевой степи» (см.: Плетнёва 2006). Святослав один раз ходил на вятичей. Его соседней с ними целью был Саркел. Вряд ли князь возвращался с Балкан к Киеву. Прочие цели князя — не только Булгар, но и Итиль и Самандар могут относиться к книжной конструкции Ибн Хаукала, осведомленного о столицах Булгарии и Хазарии.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Алешковский М.Х.* Повесть временных лет: Из истории создания и редакционной переработки / Отв. ред. Ф.Б. Успенский. М., 2015. [*Aleshkovskij M.H.* Povest' vremennyh let: Iz istorii sozdaniya i redakcionnoj pererabotki (The Tale of Bygone Years: From the History of its Creation and Editorial Reworking) / Ed. by F.B. Uspenskij. Moscow, 2015.]
- Бибиков М.В.* Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. Нарративные памятники. М., 2009. Т. II. [*Bibikov M.V.* Byzantinorossica: Svod vizantijskih svidetel'stv o Rusi. Narrativnye pamjatniki (Byzantinorossica: Corpus of Byzantine Evidences on Russia. Narrative Texts). Moscow, 2009. Vol. II.]
- Бубенок О.Б.* Адыги в Северном Причерноморье. Киев, 2019. [*Bubenok O.B.* Adygi v Severnom Prichernomor'e [The Adyghe (Circassians) in the Northern Black Sea Region]. Kiev, 2019.]
- Винников А.З.* Донские славяне и алано-болгарский мир: мирное сосуществование или противостояние // Хазары: Миф и история / Под ред. Е.Э. Носенко-Штейна, В.Я. Петрухина. М.; Иерусалим, 2010. С. 189–216. [*Vinnikov A.Z.* Donskiye slavyane i alano-bolgarskij mir: mirmoye sosushchestvovaniye ili protivostoyaniye (The Don Slavs and Alan-Bulgarian World: Peaceful Coexistence or Confrontation?) // Khazary: mif i istoriya (Khazars: Myth and History) / Ed. by Ye.E. Nosenko-Shteyn, V.Ya. Petrukhin. Moscow; Jerusalem, 2010. S. 189–216.]
- Винников А.З.* Юго-Восточная окраина славянского мира в VIII — нач. XIII в. Воронеж, 2014. [*Vinnikov A.Z.* Yugo-Vostochnaya okraina slavyanskogo mira

⁴ Перерыва в поступлении серебра в бассейн Оки, который можно было бы увязать с походом Святослава на Булгар, не наблюдается. Ср. недавний анализ исторической ситуации по данным нумизматики: Ковалев 2017 и анализклада 980-х гг.: Гомзин 2015.

- v VIII — nach. XIII v. (The Southeastern Outskirts of the Slavic World in 8th — early 13th Century). Voronezh, 2014.]
- Винников А.З., Цыбин М.В.* Славяне лесостепного Дона и Древнерусское государство // Русь в IX–XII вв.: Общество, государство, культура / Под ред. Н.А. Макарова, А.Е. Леонтьева. М.; Вологда, 2014. С. 254–262. [*Vinnikov A.Z., Cybin M.V.* Slavjane lesostepnogo Dona i Drevnerusskoe gosudarstvo (The Slavs of the Forest-steppe Don Region and the Old Russian State) // Rus' v IX–XII vv.: Obshhestvo, gosudarstvo, kul'tura / Ed. by N. Makarov, A. Leont'ev. Moscow; Vologda, 2014. S. 254–262.]
- Гадло А.В.* Предыстория Азовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004. [*Gadlo A.V.* Predystorija Azovskoj Rusi. Ocherki istorii russkogo knjazhenija na Severnom Kavkaze (The Prehistory of the Azov Rus'. Essays on the History of the Russian Princedom in the North Caucasus). St.-Petersburg, 2004.]
- Гомзин А.А.* Сидоровский клад куваческих монет 1960 г. // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. К 60-летию Н.А. Макарова / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.; Вологда, 2015. С. 510–520. [*Gomzin A. A.* Sidorovskij klad kuficheskikh monet 1960 g. (Sidorovo Hoard of Kufic Coins of 1960) // Goroda i vesi srednevekovoj Rusi: arheologija, istorija, kul'tura. K 60-letiju N.A. Makarova / Ed. by P.G. Gajdukov. Moscow; Vologda, 2015. S. 510–520.]
- Данлоп Д.* История хазар-иудеев / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2016. [*Dunlop D.* Istorija hazar-iudeev (The History of the Jewish Khazars) / Transl. from eng. by L.A. Igorevskiy. Moscow, 2016.]
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009. Т. III: Восточные источники / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. [Drevnjaja Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. Hrestomatija. T. III: Vostochnye istochniki (Ancient Rus' in the Light of Foreign Sources: a Reader) / Ed. by T.M. Kalinina, I.G. Konovalova, V.Ya. Petrukhin. Moscow, 2009. Vol. 3: Eastern sources.]
- Дубов И.В.* Великий Волжский путь. Л., 1989. [*Dubov I.V.* Velikij Volzhskij put' (The Great Volga Route). Leningrad, 1989.]
- Калинина Т.М.* Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., 2015. [*Kalinina T.M.* Problemy istorii Hazarii (po dannym vostochnyh istochnikov) (Problems of the Khazarian history (According to Eastern Sources)). Moscow, 2015.]
- Калинина Т.М., Флёров В.С., Петрухин В.Я.* Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. М., 2014. [*Kalinina T.M., Fljorov V.S., Petrukhin V.Ya.* Hazarija v krosskul'turnom prostranstve: istoricheskaja geografija, krepostnaja arhitektura, vybor very (Khazaria in the Cross-Cultural Space: Historical Geography, Fortress Architecture, Choice of Religion). Moscow, 2014.]
- Ковалев Р.К.* О роли русов и волжских булгар в импорте североиранских дирхемов в Европу во второй половине X — начале XI в. // ДГ, 2015 г.: Экономические

- системы Евразии в ранне Средневековье. М., 2017. С. 95–143. [Kovalev R.K. O roli rusov i volzhskih bulgar v importe severoiranskih dirhemov v Evropu vo vtoroj polovine X — nachale XI v. (On the Role of the Rus' and the Volga Bulgars in Import of North Iranian Dirhams to Europe in the Second Half of the 10th — early 11th Century) // Drevnejshije gosudarstva Vostochnoj Evropy, 2015: Ekonomicheskiye sistemy Yevrazii v raneye Srednevekov'ye. Moscow, 2017. S. 95–143.]
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. Изд. 2-е. М., 1991. [Konstantin Bagrjanorodnyj. Ob upravlenii imperiej. Tekst, perevod, kommentarij (Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Text, Translation and Commentary / Ed. by G.G. Litavrin, A.P. Novsel'tsev. Moscow, 1991.)]
- Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. [Miheev S.M. Kto pisal «Povest' vremennyh let»? (Who wrote *The Tale of Bygone Years?*). Moscow, 2011.]
- Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар — Киев: Пути, связи, судьбы. Киев, 1997. [Mocja A.P., Halikov A.H. Bulgar — Kiev: Puti, svjazi, sud'by (Bulgar — Kiev: Routes, Connections, Fates). Kiev, 1997.]
- Мудрак О.А. Печенежские имена и названия // ХА. М., 2020. Т. 17. С. 119–143. [Mudrak O.A. Pechenezhskie imena i nazvaniya (Pecheneg Personal and Place Names) // Khazar Almanac. Moscow, 2020. T. 17. S. 119–143.]
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1950 (переиздание: М., 2000 = ПСРЛ. Т. 3). [Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov (The First Novgorodian Chronicle of the Elder and Junior Versions) / Ed. by A. Nasonov. Moscow, 1950 (Reprint: Moscow, 2000.).]
- Петрухин В.Я. Никон и Тмутаракань: к проблемам реконструкции начального летописания // ВЕДС. М., 2003. Вып. XV: Автор и его текст. С. 194–198. [Petrukhin V.Ya. Nikon i Tmutorokan': k problemam rekonstrukcii nachal'nogo letopisaniya (Nikon and Tmutarakan': towards the Problems of Reconstruction of the *Primary Chronicle*) // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Vol. XV: Avtor i ego text. Moscow, 2003. S. 194–198.]
- Петрухин В.Я. Трансконтинентальные связи Древней Руси и поход Святослава на хазар // Проблеми давньоруської та середньовічної археології / Отв. ред. П.П. Толочко (Археологія і давня історія України. Вип. 1). Київ, 2010. С. 522–526. [Petrukhin V.Ya. Transkontinental'nye svjazi drevnej Rusi i pohod Svjatoslava na hazar (Transcontinental Connections of Ancient Rus' and Sviatoslav's Campaign against the Khazars) // Problems of the Old-Russian and Medieval Archeology / Ed. by P.P. Tolochko (Ser.: Archeology and Ancient History of the Ukraine. Vol. 1). Kyiv, 2010. S. 522–526.]
- Плетнёва С.А. Древнерусский город в кочевой степи. Воронеж, 2006. [Pletnyova S.A. Drevnerusskij gorod v kochevoj stepi (Old Russian Town in the Nomadic Steppe). Voronezh, 2006.]

- Повесть временных лет / Подг. текста, пер., ст. и комм. Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, подг. М.Б. Свердлов. СПб., 1996. [Povest' vremennyh let (The Tale of Bygone Years) / Ed., transl. & comment. by D.S. Likhachev and V.P. Adrianova-Peretc. 2nd edition prepared by M.B. Sverdllov. St.-Petersburg, 1996.]
- Прокофьев Р.В.* Поселение IX в. на левобережье Северского Донца // Средневековые древности Дона: сборник статей / Отв. ред. Ю.К. Гугуев (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II). М; Иерусалим, 2007. С. 215–239. [*Prokof'ev R.V.* Poselenie IX v. na levoberezh'e Severskogo Dontsa (A 9th Century Site on the Left Bank of the Severskii Donets and the Slav Infiltration into the Low Don Area) // Srednevekovye drevnosti Dona: sbornik statey / Ed. by Yu.K. Giguguev (Materialy i issledovaniya po arheologii Dona. Vol. II). Moscow; Jerusalem, 2007. S. 215–239.]
- Пряхин А.Д., Беседин В.И., Разуваев Ю.Д., Сафонов И.Е., Цыбин М.В.* Вантит: Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г. Воронежа. Воронеж, 1997. Вып. 2. [*Prjahin A.D., Besedin V.I., Razuvaev Yu.D., Safonov I.E., Cybin M.V.* Vantit: Izuchenie mikroregiona pamjatnikov u severnoj okrainy g. Voronezha (Vantit: Exploring the Microregion of Sites near the Northern Outskirts of Voronezh). Voronezh, 1997. Vol. 2.]
- Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. 2: Ипатьевская летопись. [Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 2: Ipat'evskaja letopis' (A Complete Corpus of Russian Chronicles. Vol. 2: Hupatian chronicle). Moscow, 1998.]
- Стефанович П.С.* Шиллинги на Руси, или «шутки» летописцев // ВЕДС. М., 2020. Вып. XXXII: Сравнительные исследования социокультурных практик. С. 202–268. [*Stefanovich P.S.* Shillingi na Rusi, ili «shutki» letopiscev (Schillings in Rus', or the Chroniclers' "jokes") // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'ye. Sravnitel'nyye issledovaniya sotsiokul'turnykh praktik. Moscow, 2020. Vol. XXXII. S. 202–268.]
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986. [*Fasmer M.* Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka v 4 t. (Etymological Dictionary of the Russian Language in 4 vols). Moscow, 1986.]
- Цукерман К.* Английский след в ранней летописи, или Летописец шутит // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь А.В. Назаренко. СПб., 2019. С. 457–482. [*Zuckerman C.* Anglijskij sled v rannej letopisi, ili Letopisec shutit (The English Trace in the Early Chronicle, or The Chronicler Jokes) // U istokov i istochnikov: na mezhdunarodnyh i mezhdisciplinarnykh putjah. Jubilejnyj sbornik v chest' A.V. Nazarenko. St.-Petersburg, 2019. S. 457–482.]
- Чхаидзе В.Н.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008. [*Chhaidze V.N.* Tamatarha. Rannesrednekovyj gorod na Tamanskom poluostrove (Tamatarha. An Early Medieval Town in Taman' Peninsula). Moscow, 2008.]

Чхаидзе В.Н. О фальсификации византийских и древнерусских печатей: страторы Херсона, коган роски и прочие безграмотные фантазии XXI века // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XII Междунар. Византийский семинар. Мат-лы научн. конф. Симферополь, 2020. С. 382–290. [*Chhaidze V.N. O fal'sifikacii vizantijskih i drevnerusskih pečatej: stratory Hersona, kogan roski i prochie bezgramotnye fantazii XXI veka (On the Falsification of Byzantine and Ancient Russian Seals: Kherson Strators, Kogan Roski and Other Ignorant Fantasies of the 21st Century)*] // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperija i polis. XII Mezhdunarodnyj Vizantijskij seminar. Materialy nauchnoj konferencii. Simferopol', 2020. S. 382–290.]

Vladimir Ya. Petrukhin

HOW MANY TIMES DID SVIATOSLAV ATTACK THE VIATICHI?

The author (following Tatjana M. Kalinina) presents an interpretation of the information about the transcontinental campaigns of Russian prince Sviatoslav. Ibn Haukal combined the ideas of Eastern geographers about the Danube Bulgarians and Volga Bulgars, considering them to be the same people. Accordingly, Sviatoslav's military actions in the Balkans (against the “inner Bulgarians”) were mistakenly associated with the war in the “external” Bulgaria on the Volga. Hence, Ibn Haukal constructed the transcontinental scale of Sviatoslav's campaign. Sviatoslav's campaign against the Khazars is a chronicler's insertion into the story of the campaign against the Vyatichi. For the chronicler the purpose of the campaign was to provide Rus' with a way to the Volga through the Oka. Samanid silver coins were coming to Russia from Volga Bulgaria in the 10th century. The Vyatichi were the tributaries of the Khazars: their settlements in the basins of the Don and the Oka were controlled by the Khazar fortresses, the main of which was Belaya Vezha / Sarkel. The *Primary chronicle* and archaeology definitely testify that Sarkel was conquered by Sviatoslav and became (according to Svetlana A. Pletneva) a “Russian city in the nomadic steppe”. Sviatoslav completed one raid against the Vyatichi. His next target was Sarkel. Other purposes of the Prince's campaigns — not only Bulgar, but also Itil and Samandar — may be a construction of Ibn Haukal who know about the capitals of Bulgaria and Khazaria from the written sources.

Keywords: Sviatoslav's campaigns, the Primary chronicle, the Vyatichi, Ibn Haukal, Bulgaria, Khazaria, Sarkel

DOI: 10.32608/1560-1382-2021-42-437-447

К. Цукерман

ХАЗАРСКИЙ ПРОЕКТ ХАСДАЯ ИБН ШАПРУТА В КОНТЕКСТЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ КОРДОВОЙ И КОНСТАНТИНОПОЛЕМ

Свидетельство географа Ибн Хаукала о встрече в Кордове поздним летом или осенью 948 г. с евреем-царедворцем Хасдаем ибн Шапрутом, ставшим для него важным источником сведений о Хазарии, позволяет опознать византийского посла, который, по словам самого Хасдая, первым рассказал ему о Хазарии. В самом деле, тем же летом или ранней осенью 948 г. три боевых корабля под началом внука Стефана доставили в Кордову имперского посла, внука Саломона, с которым, несомненно, общался Хасдай. Первую попытку Хасдая наладить связь с Хазарией, через Константинополь, побочным результатом которой стало появление так наз. «Кембриджского Анонима», следует, таким образом, связывать с ответным посольством Кордовского халифата, прибывшим в Константинополь осенью 949 г. и проведшим там зиму.

Ключевые слова: Хазария, Византия, Кордовский халифат, Хасдай ибн Шапрут, Ибн Хаукал

Многогранная фигура кордовского царедворца Хасдая ибн Шапрута (floruit circa 950 г.) постоянно притягивает исследователей. Не обошла ее вниманием и Татьяна Михайловна Калинина. Предметом ее недавней работы стало свидетельство географа Ибн Хаукала о полученных им от Хасдая данных о Хазарии и путях к ней, якобы добытых Хасдаем в результате самоличной туда поездки (Калинина 2018). Ибн Хаукал посетил Кордову в 948 г., и сообщение о его личной встрече с Хасдаем вполне правдоподобно, однако наличные биографические сведения о Хасдае сводят на нет вероятность его путешествия в Хазарию (Stern 1946. P. 145). Т.М. Калинина предлагает решение данного противоречия, к которому мы еще вернемся. Прежде, однако, следует рассмотреть ряд документов, связанных с усилиями Хасдая раздобыть сведения о Хазарии или, по удачному выражению Б.Е. Рашковского, с его «хазарским дипломатическим проектом».

I. БАРЖИ НА ДОНУ.

В одном из писем Хасдая, опубликованных Дж. Манном, а именно в послании византийской императрице (подробнее об адресате пойдет речь ниже), Н. Голб установил новое прочтение. Уже первый издатель письма сумел разобрать в нем упоминание «страны хазар» и просьбу предоставить кому-то, в нее направляющемуся, «корабли из (числа) царских кораблей». Голб же прочел следующее слово *rafsodot*, уточняющее характер запрошенных кораблей. Таким образом, пассаж читается «корабли из (числа) царских кораблей, (а именно) *rafsodot*» (Голб, Прицак 2003. С. 106–107).

Как справедливо указал Голб, под *rafsodot* имеются в виду вовсе не плоты, что соответствовало бы традиционному пониманию этого редкого слова в Библии, а “flat-bottomed boats of the type used on the Don-Volga river system” (Golb 2011. P. 1; сходные, но менее отчетливые формулировки можно найти и в более ранних его работах). Я же в свое время предложил интерпретировать именно как плоскодонки редкую греческую идиому *καμιατέρᾳ καράβια*, обозначающую в трактате «Об управлении империей» те суда, на которые пересаживается в Херсоне имперский чиновник Петрона Каматир, направленный в Хазарию, чтобы построить там каменную крепость, будущий Саркел (Zuckerman 1997. P. 213–214).

Идиома *καμιατέρᾳ καράβια* встречается в византийской письменности всего пять раз, исключительно в текстах, связанных с канцелярией императора Константина VII Багрянородного и его ближайших преемников. Она используется дважды в гл. II, 45 «Книги церемоний», посвященной подготовке похода 949 г. на Крит (о характере и соотношении обоих пассажей, восходящих к личной записи Константина VII, см.: Zuckerman 2018. P. 362–363); отсюда она заимствуется автором заключительной части книги VI Продолжателя Феофана, а из нее попадает в компиляцию Псевдо-Симеона. В этих текстах эта идиома используется для обозначения крупных транспортных судов, как эквивалент термина «памфил». Подобное понимание заложено уже в книге III Продолжателя Феофана, написанной при участии самого Константина VII, где справка о миссии Петроны, предназначенная для главы о Саркеле в трактате «Об управлении империей» и воспроизведенная в ней в своей первоначальной форме, дается в сокращенной парафразе (см. подр. со ссылками на источники и литературу: Zuckerman 2015. P. 92–97). Там *καμιατέρᾳ καράβια* парафразируются как *νήες στρογγύλαι*, т. е. «округлые суда», нередкое обозначение памфилов, отражающее тот факт, что они были шире сходных по конструкции дромонов. Но, как я указывал в статье 1997 г., значение идиомы

в ее первом употреблении было иным. Петроне Каматиру не было смысла пересаживаться с дромонов на памфилы, обладавшие не меньшей осадкой, да и откуда бы тем взяться в Херсоне. Ему нужны были легкие плоскодонные суда, способные подняться, на веслах или волоком, несколько сот километров вверх по Дону. Более того, неологизм *καματηρὰ* (или *καματηρὰ*) *καράβια* явно обыгрывал прозвище Петроны — *Καματηρός*.

Остановимся особо на хронологическом аспекте изложенных наблюдений. Как известно, первые исторические справки, специально составленные для включения в трактат «Об управлении империей», датированы 6457 г. от сотворения мира, т. е. сентябрем 948 — августом 949 г. Работа над первыми четырьмя частями компендия, известного ныне как «Продолжатель Феофана», ведется на фоне готовящейся экспедиции против Крита, а пометка Константина VII на документе, описывающем подготовку к этой кампании, датируется весной 949 г. Два последних текста дают нам *terminus ante quem* для составления изначальной исторической справки, а поскольку содержащиеся в ней анахронизмы не позволяют видеть в ней выдержку из некоего древнего документа, отнесем ее *grosso modo* ко второй половине 948 г. Итак, в имперской канцелярии обсуждаются в это время условия путешествия в Саркел, и хоть они и не являлись, конечно, государственной тайной, эта деталь будет для нас небезынтересна.

Прочтение слова *rafsodot* послужило для Н. Голба поводом возродить идею о собственническом путешествии Хасдая ибн Шапрута в Хазарию, о котором упоминает Ибн Хаукал. Подобную возможность в свое время рассмотрел и убедительно отклонил Ш.М. Штерн, который впервые ввел свидетельство Ибн Хаукала в научный оборот (Stern 1946. P. 143–146). Уже после выступления Н. Голба его гипотезу оспорили Б.Е. Рашковский (2011) и Т.М. Калинина (2018), но поддержал А.С. Щавелев (2018). Однако из этой дискуссии выпала немаловажная деталь. Ничто в сохранившемся отрывке письма не говорит о том, что Хасдай просит баржи для себя, а при этом нам известен несомненный случай, когда он должен был их испрашивать у имперских властей для другого. Знаменитое письмо Хасдая хазарскому царю Иосифу содержит описание его предыдущей попытки наладить связь с царем через свое доверенное лицо, Ицхака бар Натана, который прибыл в Константинополь в составе посольства из Кордовы, но не был допущен властями продолжить путь в Хазарию и был вынужден вернуться восвояси (Кокцов 1932. С. 15, 64–65). Нет сомнения, что Хасдай снабдил Ицхака рекомендательными письмами, каковыми, очевидно, являлось и письмо императрице, и письмо «великому царю» (см. ниже); в них он должен

был испросить необходимые для путешествия суда. Тем самым, нет нужды в гипотезе о путешествии самого Хасдая в Хазарию для объяснения подобной просьбы.

И, наконец, последнее замечание, вытекающее из предшествующих, которое обретет в дальнейшем свой контекст. Хасдай ибн Шапрут, в далекой Кордове, оказывается на редкость точно осведомлен об условиях путешествия в Хазарию. Он знает не только, какой именно тип судна понадобится его посланцу. За его просьбой стоит также понимание, что добраться до Херсона можно и на обычных, достаточно регулярно ходящих туда судах, а вот продолжить оттуда путешествие в Хазарию без императорского содействия невозможно. Кто-то ему все эти детали сообщил.

II. К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ХАСДАЯ

Хронология «хазарской» корреспонденции Хасдая ибн Шапрута стала предметом недавней работы А.С. Щавелева (2018). Отметим, прежде всего, важное наблюдение автора относительно письма, адресованного «великому царю» (*ha-melech ha-gadol*), что соответствует византийскому императорскому титулу μέγας βασιλεύς. Это письмо следует в рукописи непосредственно за письмом императрице, и первоиздатель обоих документов Дж. Манн, опознавший в императрице Елену, без колебаний определил императора как ее супруга Константина VII Багрянородного. Однако Н. Голб, разбирая документы Генизы, отыскал фрагмент письма, непосредственно прилегающий к опубликованному Дж. Манном тексту, из которого следует, что у императора-адресата было два сына. Полагая, что у Константина VII был лишь один сын, Роман, Голб предположительно «переадресовал» послание Хасдая предшественнику Константина VII Роману I Лакапину (Голб, Прицак 2003. С. 105–107, 113), создав тем самым неразрешимые сложности в хронологии дипломатических сношений между Кордовой и Константинополем. О том, что у Константина VII был и другой сын, Лев, византинисты узнали сравнительно поздно, после выхода в свет английского оригинала совместной монографии Н. Голба и О. Прицака (1982), и именно на этот факт справедливо указал А.С. Щавелев. Таким образом, ничто не препятствует восстановлению Константина VII в роли адресата письма. Исследователь, правда, тут же выдвинул и альтернативную гипотезу, в его глазах предпочтительную, согласно которой письмо Хасдая было направлено сыну и преемнику Константина VII, Роману II, также отцу

двух сыновей (Щавелев 2018. С. 190). Мы увидим ниже, почему эту гипотезу следует отклонить.

Наряду с решением проблемы «великого царя» следует указать и на устаревшую датировку одного из посланий у А.С. Щавелева. Множественность вопросительных знаков в сводной таблице хронологии писем (Там же. С. 191) отражает гипотетичность предлагаемых датировок, и лишь один текст являет собой исключение: «письмо о военном походе византийцев на Сицилию», твердо датированное 956 г. со ссылкой на первоиздание 1973/4 г. С тех пор, однако, осмысление и дата документа в корне переменялись. Фрагментарно уцелевшее письмо было убедительно соотнесено с сицилийским походом Георгия Маниака 20-х гг. XI в. (Zeldes 1988) и именно в этом качестве переиздано в корпусе еврейских документов раннесредневековой Сицилии (Ben Sasson 1991. P. 15–20). Таким образом, единственный документ с опорной поздней датой (Щавелев 2018. P. 187) из обсуждения выпадает.

После этих предварительных замечаний обратимся к общей аргументации автора. А.С. Щавелев (Там же. С. 187) ставит себе целью подвергнуть «критической проверке» датировки и идентификации, «предложенные еще в прошлом веке», в том числе и мной, корпуса дипломатических документов Хасдая ибн Шапрута, связанных с Хазарией. Скажу, что и в прошлом веке мы старались как могли, но проверка всегда полезна. Конкретно же А.С. Щавелев сдвигает в конец 50-х — начало 60-х гг. X в. документы и события, традиционно относимые к концу 40-х — началу 50-х гг. Проверим, в свою очередь, каковы к тому основания.

В письме императрице льстивый царедворец Хасдай пишет, что все в империи вершится по ее слову, и потому пытается выпросить именно у нее баржи для плавания в страну хазар. Лесть Хасдая принято связывать со свидетельством Иоанна Скилицы о влиянии императрицы Елены на принимаемые при дворе решения. А.С. Щавелев отвергает это свидетельство как позднее и сфабрикованное, хотя как раз для интересующей нас эпохи Иоанн Скилица обладал, как известно, хорошими источниками и потому зачастую более точен в описании событий, чем младший их современник Лев Диакон. На роль адресата письма А.С. Щавелев предлагает вдовствующую императрицу Феофану, номинально правившую после смерти мужа Романа с марта по сентябрь 963 г. Сам же император Роман II (959–963) выдвигается на роль «великого царя». Явные намеки в письме императрице на недавние гонения на евреев (засвидетельствованные в конце правления Романа I Лакапина) вызывают гипотезу о подобных гонениях и в царствование Константина Багрянородного, в других источниках не отмеченных. Признавая реальность путешествия

Хасдая в Хазарию, автор помещает его ок. 965 г., после письма «императрице Феофано» с просьбой о баржах (Там же. С. 190–192).

При оценке предложенных новых датировок следует применить критерий, который признает и сам А.С. Щавелев (Там же. С. 189), а именно приуроченности посланий Хасдая к известным посольствам из Кордовы в Константинополь. По сути, вопрос стоит о мере самостоятельности Хасдая в его дипломатической деятельности. Представления о ней в литературе зачастую преувеличены, как свидетельствует, например, утверждение, будто «Хасдай получил право составления писавшихся на иврите официальных посланий правителям других государств от имени <халифа Кордовы> ‘Абд ал-Рахмана III» (Рашковский 2011. С. 154). В посланиях, направляемых византийским правителям, Хасдай выступает от собственного имени, хоть и не упускает случая подчеркнуть свою близость к халифу. Подобного рода послания, вероятно, дублировавшиеся по-арабски, имели шанс на рассмотрение, если они поступали в дворцовую канцелярию как часть документов посольства. Идея же о личных эмиссарах Хасдая, направляемых к византийскому двору вне рамок официального дипломатического обмена, мне кажется далекой от реальности.

При всем богатстве наличных данных о византийских и испанских посольствах, а зачастую как раз из-за наслоения сведений в источниках, их датировка остается предметом дискуссии. Однако идея о направлении посольств из Кордовы в Константинополь в периоды правления Романа II и регентства Феофано (по логике А.С. Щавелева, оба письма должны были быть представлены разными посольствами), т. е. в 959–963 гг., никем ранее не выдвигалась. Таким образом, гипотетические атрибуции и датировки писем византийским правителям, предложенные А.С. Щавелевым, остаются без дипломатической привязки. Это уже является достаточной причиной предпочесть им традиционную датировку, приуроченную к известному посольству. Вновь утвердив в качестве адресатов императрицу Елену и Константина VII, мы восстановим и временное единство обоих посланий. Однако есть и еще одна веская причина, включающая позднюю датировку послания с запросом о баржах.

А.С. Щавелев (2018. С. 189) предпочитает датировать 955–956 гг. послание Хасдаю, написанное в Константинополе, так наз. «Кембриджский Аноним» (или «документ Соломона Шехтера»), не исключая, впрочем, и аргументированную мной еще в прошлом веке датировку текста 949–950 гг. Недоверие к Анониму в современной российской историографии не знает границ, но вряд ли его разделял Хасдай ибн Шапрут. А ведь из этого текста он во всех подробностях узнал, что Византия и Хазария долгие годы пребывали в состоянии холодной

войны, недавно вылившейся в открытое столкновение, когда Византия спровоцировала нападение царя русов Олега на хазарское пограничье, а хазары, разбив Олега, вынудили его напасть на Константинополь, что вызвало, в свою очередь, гонения на византийских евреев⁵. Незнакомый с новейшей литературой Хасдай не имел оснований все эти сведения отвергнуть. Более того, как указано в тексте, послание было написано по запросу эмиссара его адресата (будь то Ицхак бар Натан или иной), который, без сомнения, прояснил и на словах отношение византийских властей к Хазарии. При его богатом дипломатическом опыте от Хасдая бы не укрылось, *после получения послания*, что обращаться, причем в качестве частного лица, к византийским правителям за помощью в организации путешествия в Хазарию было бы бесполезно.

III. ДВЕ ВСТРЕЧИ В КОРДОВЕ В 948 г.

Однако, если уж проверять, то до конца. В самом конце прошлого века я опубликовал работу о путешествии княгини Ольги в Константинополь и о хронологии испанских посольств (Zuckerman 2000), которая от российских исследователей почти полностью ускользнула. В целом же обсуждение хронологии посольств шло своим чередом, и хотя здесь нет места для подробного обзора, весьма полный (на 2013 г.) анализ литературы содержится в статье, посвященной кордовскому халифу 'Абд ар-Рахману III, в «Просопографии средневизантийского периода» (PMBZ. № 20018). Достаточно широкое признание получила моя идея о том, что осенний прием испанского посольства, описанный в «Книге церемоний» (кн. II, гл. 15), следует датировать 946 г. Больше споров вызвало утверждение, что именно это посольство знаменовало собой возобновление дипломатических сношений между Кордовой (которой принадлежит, таким образом, инициатива) и Константинополем после более чем столетнего перерыва. Ответное византийское посольство почти повсеместно датируется 948 г., как предлагалось и ранее. Наконец, не вызывала и не вызывает сомнения датировка осенью 949 г. испанского посольства, описанного Лиутпрандом Кремонским, который прибыл в византийскую столицу одновременно с испанцами. С этим

---

⁵ Лишь непреодолимой традицией недоверия к «Кембриджскому Анониму» я могу объяснить позицию А.С. Щавелева (2018. С. 188), который, пренебрегая прямым указанием источника, полагает причиной гонений то, что «Роман I Лакапин резко постарел» и «по каким-то причинам экзистенциальные проблемы приводили <его> к мысли о необходимости принудительного крещения иудеев».

посольством, проведенным в Константинополе зиму 949/50 г., я и связывал составление ныне анонимного (за утерей начала) послания Хасдая.

К истории посольства 948 г. можно добавить небольшую деталь, которая двадцать лет назад от меня ускользнула. В начале гл. 45, кн. II «Книги Церемоний» приводится диспозиция византийского флота на момент отбытия критской экспедиции, т. е. весной 949 г., в которой три экипажа числятся как откомандированные в Испанию под началом остиария и нипсистиария Стефана (Zuckerman 2020. P. 318–319, avec p. 15). Из этого вытекает (сомнения автора статьи «Stephanos» PMBZ. № 27263 беспредметны), что дворцовый евнух Стефан был командиром небольшой эскадры, доставившей в Кордову имперского посла, евнуха Саломона («Salomon / Salemon» PMBZ. № 26971), летом 948 г. и к весне 949 г. еще, естественно, не вернувшейся из-за прекращения навигации осенью и зимой.

А теперь самое время вновь обратиться к свидетельству Ибн Хаукала, с которого мы начинали. По его словам, он посетил Кордову в начале 337 г. х. (начинаясь 11 июля 948), иными словами, ровно тем же летом или осенью, когда туда прибыло византийское посольство. О путешествии Хасдая в Хазарию Ибн Хаукал упоминает в связи с тем, что тот много рассказывал ему о ней и о сопредельных странах Кавказа. Как справедливо указал Ш.М. Штерн (1946), эти воспоминания географа содержатся в примечании к карте, написанном долгие годы, возможно, тридцать лет спустя после посещения Кордовы, и он мог многое напутать. Как справедливо подметила Т.М. Калинина, «ссылка Ибн Хаукала на Хасдая ибн Шапрута показывает, что последний был и для нашего географа весьма примечательной и важной фигурой, упомянуть о знакомстве с которой было для него и важно, и почетно» (Калинина 2018. С. 134). Но для нас сейчас главное другое. По словам самого Хасдая, он узнал о Хазарии как о могущественной державе, исповедующей иудаизм, от византийского посла (Коковцов 1932. С. 14–15, 63–64). Можно ли, при учете свидетельства Ибн Хаукала, сомневаться в том, что этим послом был именно Саломон, глава первого (из двух или трех) византийского посольства в Кордову?

Легко вообразить, с каким воодушевлением Хасдай ибн Шапрут пересказывал осенью 948 г. любознательному гостю Ибн Хаукалу свежеполученные сведения о Хазарии. Немудрено, что тот много лет спустя припоминал, будто Хасдай и сам там побывал. Посол Саломон был, без сомнения, горд тем, что нашел сюжет, который привлек внимание и снискал ему благоволение влиятельного царедворца. Когда же год спустя в Константинополь явился Ицхак бар Натан с рекомендательными письмами от Хасдая и просьбой переправить его в Хазарию, наш посол, возможно, схлопотал выговор за излишнюю болтливость. Но как бы то ни

было, свидетельство Ибн Хаукала достоверно определяет византийского посла, рассказавшего Хасдаю о Хазарии, и тем самым дает все основания полагать, что первая попытка Хасдая наладить связь с Хазарией, через Константинополь, имела место именно в контексте посольства 949 г.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М., 2003. [*Golb N., Pritsak O. Khazarско-yevreyskiye dokumenty X veka (Khazarian Hebrew Documents of the 10th Century)*. Moscow, 2003.]
- Калинина Т.М. Ибн Хаукал и Хасдай ибн Шапрут // ВЕДС. Вып. XXX: Юбилейные Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2018. С. 130–134. [*Kalinina T.M. Ibn Khaikal i Khasday ibn Shaprut (Ibn Hawqal and Hasdai ibn Shaprut) // Vostochnaya Yevropa v drevnosti i srednevekov'ye. Vol. XXX. Yubileynnye Chteniya pamyati chl.-korr. AN SSSR V.T. Pashuto. Moscow, 2018. S. 130–134.*]
- Кокотцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. [*Kokotsov P.K. Yevreysko-khazarская perepiska v X v. (Hebrew-Khazarian Correspondence in the 10th century)*. Leningrad, 1932.]
- Рашковский Б.Е. Хасдай ибн Шапрут и Абу-л-Касим ибн Хаукаль: хазарская дипломатия еврейского сановника в арабском географическом трактате // Українська орієнталістика: спеціальний випуск з юдаїки. Київ, 2011. С. 154–169. [*Rashkovskiy B.Ye. Khasday ibn Shaprut i Abu-l-Kasim ibn Khaikal': khazarская diplomatiya yevreyskogo sanovnika v arabском geograficheskom tractate (Hasdai ibn Shaprut and Abu'l-Qasim Ibn Hawqal: Khazarian Diplomatic Affairs of Jewish Grandee in Arabic Geographical Treatise) // Ukraїns'ka oriєntalistika: spetsial'niy vipusk z yudaїki. Kyїv, 2011. S. 154–169.*]
- Щавелев А.С. Датировка дипломатических писем Хасдая ибн Шапрута // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 5. С. 186–195. [*Shchhavelev A.S. Datirovka diplomaticheskikh pisem Khasdaya ibn Shapruta (The Dates of Hasdai ibn Shaprut's Diplomatic Letters) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya. 2018. T. 23, № 5. S. 186–195.*]
- Ben-Sasson M. Yehudey Sicilia. 825–1068: Teudot u-meqorot. (The Jews of Sicily, 825–1068. Documents and Sources). Jerusalem, 1991.
- Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca, 1982.
- Golb N. The Caliph's Favorite. New Light from Manuscript Sources on Hasdai ibn Shaprut of Cordova. Publication of the Report. Cambridge, 2011.
- PMBZ — Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. URL: <https://www.degruyter.com/view/db/pmbz> (последнее обращение: 20.10. 2020)

- Stern Sh.M.* Shtey yediot hadashot al Hasday ibn Shaprut [שתי ידיעות חדשות על חסדאי] [אבן שפרוט] (Two New Data about Hasdai b. Shaprut) // *Zion*. 1946. Vol. 11. P. 141–146.
- Zeldes N.* *Teudat gnizah al yehudey Siciliah bi-tqufah ha-aravit* – ha-arahah me-khudieshet [תעודת גניזה על יהודי סיציליה בתקופה הערבית — הערכה מחודשת] (A Geniza Letter Pertaining to the History of Sicilian Jewry in the Muslim Period — A Reevaluation) // *Zion*. 1988. Vol. 53. P. 57–64.
- Zuckerman C.* Two Notes on the Early History of the *Thema of Cherson* // *Byzantine and Modern Greek Studies*. 1997. Vol. 21. P. 210–222.
- Zuckerman C.* Le voyage d’Olga et la première ambassade espagnole à Constantinople en 946 // *Travaux et Mémoires*. 2000. Vol. 13. P. 647–672.
- Zuckerman C.* On the Byzantine *Dromon* (With a Special Regard to *De cerim. II. 44–45*) // *Revue des études byzantines*. 2015. Vol. 73. P. 57–98.
- Zuckerman C.* Campaign Blueprints of an Emperor, Who Never Campaigned in Person: Constantine VII’s Treatises on Imperial Expeditions and *De cerim. II. 45* (With a Special Regard to the Theme Charpezikion) // *Constantinople réelle et imaginaire: autour de l’œuvre de Gilbert Dagron*. *Travaux et Mémoires*. 2018. № 22/1. P. 341–382.
- Zuckerman C.* (éd. trad.). Chapitres 44–45 // *Constantin Porphyrogénète*. *Le Livre des Cérémonies / Sous la dir. de G. Dagron et B. Flusin*. Vol. III. Livre II. Paris, 2020. P. 294–341.

Constantin Zuckerman

THE KHAZAR PROJECT OF HASDAI IBN SHAPRUT IN THE CONTEXT OF THE DIPLOMATIC TIES BETWEEN CORDOBA AND CONSTANTINOPLE

The testimony of the geographer Ibn Hawkal about a meeting in Cordoba, in late summer or autumn of 948, with the Jewish courtier Hasdai ibn Shaprut, who became for him a major source on Khazaria, allows us to identify the Byzantine ambassador, who, according to Hasdai himself, was the first to tell him about Khazaria. Indeed, in the same summer or early autumn of 948, three warships under the command of the eunuch Stephen brought to Cordoba the imperial ambassador, the eunuch Salomon, with whom Hasdai undoubtedly communicated. Hasdai’s first attempt to establish contact with Khazaria, through Constantinople, the by-product of which was the emergence of the so-called “Cambridge Anonymous”, should thus be associated with the return embassy of the Cordoba Caliphate, which arrived in Constantinople in the fall of 949 and spent the winter there.

Keywords: Khazaria, Byzantium, Cordoba Caliphate, Hasdai ibn Shaprut, Ibn Hawkal

DOI: 10.32608/1560-1382-2021-42-448-457

ВОСТОЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Д.Е. Мишин

ЕЩЕ ОДНА ВОСТОЧНАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ К «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»: ЛЕГЕНДА О СМЕРТИ ПОЭТА УФНҮНА АТ-ТАҒЛИБҢИ И ЛЕТОПИСНОЕ ИЗВЕСТИЕ О ГИБЕЛИ ОЛЕГА ВЕЩЕГО

Статья посвящена распространенному в средневековье мотиву неотвратимости предначертанной судьбой гибели, одним из выражений которого является русская легенда о Вещем Олеге. В арабском мире этот мотив встречается в рассказах о купце Ғурайме ибн Ма'шаре, прозванном Уфнүн (жил в доисламскую эпоху). Получив предсказание об ожидавшей его в определенном месте смерти, Уфнүн погиб именно там несмотря на все попытки избежать смерти. Тем самым, данный мотив задолго до возникновения легенды об Олеге Вещем имел хождение в Ближневосточном регионе, куда впоследствии прибывали русы.

Ключевые слова: Уфнүн, бану Тағлиб, Олег Вещий

То, что легенда о гибели Олега Вещего (ПВЛ. С. 29–30) имеет параллели с фольклором других народов, известно уже давно (Тиандер 1906. С. 206, 209, 221–222, 230). На эту тему есть литература, разбор которой выходит за пределы настоящей работы. Я позволю себе, тем не менее, отметить статью С.Ю. Неклюдова, который, рассмотрев несколько таких параллелей, затем отметил, что «История Олега построена на мотивах предначертанной / предсказанной судьбы-смерти и попыток избежать ее, часто безуспешных. Сказки данного сюжетного типа ... имеют широчайшее распространение» (Неклюдов 2010).

Этот мотив встречается и в культуре арабов. В ряде источников мы находим легенду о поэте Ғурайме ибн Ма'шаре, прозванном *Уфнүн* за его стих:

«Ты, Маднүн (обращение к девушке. — *Д. М.*) сделала так, что захотели мы любви во времена наши — ведь есть у юнцов начало юности» (Simṭ 1936. P. 685; al-Mu'talif 1961. P. 225; Khizānat 1983. P. 151).

Словами «начало юности» здесь переводится арабское *уфнӯн*. Это слово стояло на видном месте, в конце строки, и, видимо, на каком-то этапе стало прочно ассоциироваться с поэтом.

Уфнӯн принадлежал к племенному объединению бану Тағлиб ибн Ваб'ил. О том, когда он жил, трудно сказать что-то определенное. Ибн Қутайба (828/29–889/90 гг.) приписывает ему стихотворную строку (*байт*), в которой речь фактически идет об убийстве лахмидского царя Хиры 'Амра III (569 г.). Этот строка встречается у Ибн Қутайбы в двух разных местах, причем с некоторыми изменениями (al-Shi'r 1982. P. 235, 419). Абӯ-л-Фарадж ал-Исфакхāнī (897/98–967 гг.) и Ибн ал-Асйр (1160–1233 гг.) приводят, хотя с некоторыми изменениями, этот же *байт* и добавляют к нему еще один, приписывая оба Уфнӯну (Kitāb al-aghānī 1905. P. 176; al-Kāmil 1987. P. 434). Однако более ранний автор, ал-Джāхиз (ок. 776/77–868/69 гг.), приводит весь стих целиком и приписывает его другому тағлибитскому поэту по имени Джāбир ибн Хунайй (Kitāb al-ḥayawān 1965. P. 135). Поэтому вопрос о времени жизни Уфнӯна следует считать открытым. Впрочем, из рассматриваемых далее сообщений видно, что, по крайней мере, часть его жизни пришлось на доисламское время.

Мы можем приступить теперь к тому, что составляет основную часть настоящей работы — рассказам о смерти Уфнӯна. В целом они имеют одну сюжетную линию, хотя в деталях несколько разнятся между собой. Можно выделить две версии. Одной придерживаются почти все авторы; она восходит к раннему собирателю арабских стихов ал-Муфаддалу ибн Муḥаммаду (ум. в 80-е гг. VIII в.). Далее я привожу ее по тексту Муḥаммада ал-Анбāрī (ум. 939/40), опуская его собственные комментарии к стиху:

«Сказал ал-Муфаддал: “Один человек из банӯ Тағлиб по прозвищу Уфнӯн, а по имени Сурайм ибн Ма'шар ибн Зухл ибн Тайм ибн 'Амр ибн Мāлик ибн Хубайб ибн 'Амр ибн Ганм ибн Тағлиб встретил во время невежества (*ал-джāхилиййа*, т.е. доисламское время. — Д. М.) одного прорицателя (*кāхин*), и тот сказал: “Воистину, умрешь ты в месте, называемом Илāха”. Он прожил сколько пожелал Всевышний Аллах, а затем поехал с людьми из близких своих в Сирию, и они прибыли туда. Затем они выехали оттуда, но сбились с пути. Он сказал одному человеку: “Куда нам взять?” Тот сказал: “Двигайтесь и, как достигнете такого-то места, путь станет хорошо заметным, и вы увидите ал-Илāху”. А ал-Илāха — холм в ас-Самāва¹. И когда они достигли ее, товарищи его спешились,

¹ Название ас-Самāва у средневековых мусульманских авторов применяется к пространству между 'Айн ат-Тамром и Дўмат ал-джандал (BGA I, P. 23) или между Куфой и Сирией (Mu'djam al-buldān 1977. T. 3. P. 245).

а он отказался спешиться вместе с ними. Когда его верблюдица обедала [деревья] *'арфадж*, ее в губу ужалила гадюка. [Верблюдица] потерялась головой о его ногу. А гадюка не отпускала ее губу и ужалила его в ногу. Тогда он сказал бывшему с ним брату: “Выкопай мне могилу, ибо я умираю”. Затем он громко произнес:

“Не радуюсь я ничему, Му‘āvийа²; не [делают этого] и полные сострадания женщины, если они ходят за предсказателями.

Нет ничего хорошего в том, что человек обманывает себя — как ничтожно то, что он говорит!

Ступай открыто! Смертей много, и тем, что есть у тебя, не сможешь ты никого спасти от кончины.

Клянусь жизнью твоей! Не знает человек, как уберечься ему, если не пошлет ему Аллах хранителя.

Достаточно печали в том, что завтра на рассвете караван уйдет, а меня оставят похороненным в верхней части Илāхи”» (The Mufaḍḍaliyāt 1921. P. 522–523; ср.: Mu‘djam al-Shi‘r 1983. P. 186; Khizānat 1983. P. 151–152).

Ибн Қутайба, рассказ которого почти точно соответствует приведенному выше, после стиха добавляет:

«И он (Уфнūн. — Д. М.) немедленно умер и был похоронен там» (al-Shi‘r 1982. P. 419).

Другой рассказ встречается у Йāқўта (1178/80–1229 гг.):

«Поведал аль-Муфаддал ибн Салама³, сказав: “Уфнūн — а его имя — Сўрайм ибн Ма‘шар ибн Зухл ибн Тайм ибн ‘Амр ибн Тағлиб — спросил у одного прорицателя (*кāхин*) о своей смерти. Тот сказал, что он умрет в месте, называемом ал-Улāха⁴. А прежде Уфнūн выехал с людьми в Сирию; они достигли ее, а затем уехали. Они сбились с пути. Им встретился какой-то человек, и они спросили его, каким путем ехать. Он сказал: “Возьмите так-то и так-то, и, как перед вами появится ал-Улāха — а это холм в ас-Самāва — путь будет вам хорошо виден”. Как только Уфнūн

² Обращение к Му‘āvийи — конъектура автора этих строк. В текстах источников на этом месте стоит причастие *му‘āvийа(н)*, которое можно было бы перевести как «и не кричу другим». Но такая интерпретация представляется маловероятной. Скорее, автор обращается к человеку по имени Му‘āvийа, как это происходит в тексте Ибн Қутайбы. Но если бы поэт поставил в этом месте имя *Му‘āvийа*, это противоречило бы канонам арабской метрики. Поэтому вероятнее всего то, что *му‘āvийа(н)* текста фактически означает «Му‘āvийа».

³ Ум. в 903/4 г.

⁴ На письме формы *Илāха* (ал-Илāха) и *Улāха* (ал-Улāха) различаются между собой только одним значком (*хамза*), который ставится не всегда; поэтому возможность спутать их очень велика.

услышал упоминание ал-Улāхи, он счел, что это — дурное предзнаменование. Он сказал своим спутникам: “Я погиб”. Они же сказали ему: “Тебе ничто не угрожает”. А он сказал: “Мне не уйти отсюда”. Осел его был ужален, заржал и упал. Он (Уфнūн. — *Д. М.*) сказал: “Я погиб”. Они сказали: “Тебе ничто не угрожает”. Тогда он сказал: “Почему тогда осел стал бить ногами землю?” — и по его слову это стало поговоркой. Затем он, оплакивая себя и достойно встречая смерть, сказал [следует стих, приведенный у ал-Муфаддала, но за исключением третьей строки]» (Mu'djam al-buldān 1977. Т. 1. Р. 243).

Общепринятый методологический подход заставляет нас принять более раннюю и распространенную версию. Это подкрепляется и логическими соображениями: араб из Аравии скорее отправился бы в дальнейшее путешествие на верблюдице, а не на осле. Но рассказ Йāqūта важен в другом отношении: по нему видно, что легенда существовала в разных версиях и, следовательно, имела определенное хождение.

Нетрудно заметить, что сюжеты летописного известия об Олеге Вещем и арабской легенды об Уфнūне очень близки друг к другу. Как и Олег, Уфнūн получил предсказание о своей смерти, попытался избежать ее (отказавшись сходить с верблюдицы), но не смог. Обращает на себя внимание и то, что предсказание в обоих случаях обрело реальные черты (в случае с Уфнūном это произошло, когда он узнал, что ему предстоит ехать в Илāху, и это для него единственный путь) внезапно, когда опасность вроде бы была далеко. Очевидно сходство деталей: и Олег, и Уфнūн погибают от укуса змеи в ягу.

Нельзя, разумеется, утверждать, что скандинавская легенда об Озде или летописное известие об Олеге представляют собой переработку рассказа об Уфнūне. Однако этот рассказ относится к доисламскому времени, т.е. ко времени до первой трети VI в., и встречается уже у ал-Муфаддала, т.е. в VIII в. Стало быть, он появился намного раньше эпохи Олега. Поэтому, если исходить из того, что мотивы рассказов проникали из одного региона в другой, можно говорить только о том, что они пришли на Русь и в Скандинавию с Ближнего Востока, а не наоборот. Возможность этого существовала. Ибн Хордадбех в широко известном рассказе, относящемся к середине или второй половине IX в., сообщает, что купцы-русы посещали Багдад и общались с мусульманами через посредство славян-переводчиков (BGA VI. Р. 154–155). Может быть, при этом общении норманно-русы познакомились с сюжетом, который, переплетаясь с их собственными легендами, навсегда вошел в их культуру.

- Неклюдов С.Ю.* Легенда о Вещем Олеге: опыт исторической реконструкции // *Con amore. Историко-филологический сборник в честь Л.Н. Киселевой.* М., 2010. С. 366–395. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov53.htm> [*Neklyudov S.Yu.* Legenda o Veshchem Olege: opyt istoricheskoy rekonstrukcii (The Legend of Prince Oleg's Death: an Attempt at Historical Reconstruction) // *Con amore. Istoriko-filologicheskij sbornik v chest' L.N. Kiselevoj.* Moscow, 2010. S. 366–395.]
- Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. [Povest' vremennyh let (Russian Chronicle). Moscow; Leningrad, 1950. Pt. 1.]
- Tiander K.* Поездки скандинавов в Белое Море. СПб., 1906. [*Tiander K.* Poezdki skandinavov v Beloe More (Scandinavians' Travels to the White Sea). St.-Petersburg, 1906.]
- BGA I₂ — *Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishák al-Fárisí al-Istakhrí / Ed. by M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1927.*
- BGA VI — *Kitâb al-masâlik wa'l-mamâlik (Liber viarum et regionum) auctore ... Ibn Khordâdhbeh et excerpta e Kitâb al-kharâdj auctore Kodâma ibn Dja'far / Ed. by M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889.*
- al-Kâmil fî al-târîkh li ... Ibn al-Athîr [الكامل في التاريخ لابن الأثير. (Perfect Presentation of History by ... Ibn al-Athîr)]. Beirut, 1987. Vol. 1.
- Kitâb al-aghânî li ... Abî al-Faradj al-Işfahânî [كتاب الأغاني لابي الفرج الأصفهاني (Book of Songs by Abî al-Faradj al-Işfahânî)]. Cairo, 1905. Pt. 9.
- Kitâb al-ḥayawân. Ta'lif Abî 'Uthmân ... al-Djāhîz [كتاب الحيوان. تأليف...أبي عثمان...الـدجـاهـيز (Book of Animals by Abū 'Uthmān ... al-Djāhîz)]. Cairo, 1965. Pt. 3.
- Mu'djam al-buldân li ... Yākūt [معجم البلدان لياقوت. (Reference-Book on Regions and Settlements by ... Yākūt)]. Beirut, 1977.
- Mu'djam mā ista'djam min asmā' al-bilād wa-l mawādi' ta'lif... al-Bakrī [معجم ما استعجم من أسماء البلاد والمواضع. تأليف... البكري. (Reference-Book on Unclear Names of Regions, Settlements, and Places)] / Ed. by M. al-Saqqā. Beirut, 1983.
- The Mufaḍḍalīyāt. An Anthology of Ancient Arabian Odes Compiled by al-Mufaḍḍal Son of Muḥammad / Ed. by Ch.J. Lyall. Oxford, 1921. Vol. 1.
- al-Mu'talif wa-al-mukhtalif li-l Āmidī [المؤتلف والمختلف للأمدي. (The Agreed Upon and the Disputed by al-Āmidī)] / Ed. by 'A.A. Farādī. Cairo, 1961.
- Simṭ al-la'ālī ... li ... Abī 'Ubayd al-Bakrī [سمط اللآلي لأبي عبيد البكري. (A Necklace of Pearls by ... Abū 'Ubayd al-Bakrī)] / Ed. by 'A. al-Maymanī. Cairo, 1936.
- Khizānat al-adab wa-lubb lubāb liṣān al-'arab. Ta'lif 'Abd al-Ḳādir ... al-Baghdādī [خزانة الأدب ولب لباب لسان العرب. تأليف عبد القادر... البغدادي. (Treasury of Culture and the Very Marrow of the Arabic Language by 'Abd al-Ḳādir ... al-Baghdādī)] / Ed. by 'A.M. Hārūn. Cairo, 1983. Pt. 11.
- al-Shi'r wa al-shu'arā' li-Ibn Ḳutayba [الشعر والشعراء لابن قتيبة. (Poetry and Poets by Ibn Ḳutayba)] / Ed. by A.M. Shākir. Cairo, 1982.

ANOTHER ARABIC PARALLEL TO *THE TALE OF THE BYGONE YEARS*:
LEGEND OF POET UFNŪN AL-TAGHLIBĪ'S DEATH
AND THE RUSSIAN CHRONICLE ACCOUNT OF OLEG
THE CLAIRVOYANT'S DECEASE

The theme of inevitable, pre-determined death was widely spread in the Antiquity and Middle Ages and appears, in particular, in the Russian legend of Prince Oleg the Clairvoyant. In the Arabic culture that theme occurs in the stories of merchant Ṣuraym Ibn Ma'shar who lived in the pre-Islamic times and was nicknamed Ufnūn. The latter is said to have heard a prophecy stating that he was doomed to die at a certain place, and he died there despite all his attempts to avoid death. So, long before the legend of Oleg the Clairvoyant the theme circulated in the Middle East where the Rus' travelled later.

Keywords: Ufnūn, Banū Taghlib, Oleg the Clairvoyant

DOI: 10.32608/1560-1382-2021-42-458-463

Вяч. С. Кулешов

«РЕГИОНЫ МИРА С ВОСТОКА НА ЗАПАД»:
К АНАЛИЗУ СТРУКТУРЫ И ПОЭТИКИ
ПЕРСИДСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
СОЧИНЕНИЯ X ВЕКА

В статье анализируются аспекты структуры и поэтики памятника географической литературы X в. — анонимного сочинения на персидском языке, известного под названием *Hudūd al-ʿĀlam minā l-mašriq ʾilā l-maġrib* («Регионы мира с востока на запад»). Центральное место в сочинении занимает список областей мира, локализуемых на карте и описываемых по ней. Реконструкция авторского замысла, эксплицированного в тексте вводной главы, в авторских пояснениях и в обрамлениях, но видоизмененного в сохранившейся рукописной редакции, проводится на основании сопоставления «перечня глав книги», предпосланного редактором XIII в. к основному тексту сочинения, с содержанием самого сочинения и ключевыми высказываниями автора, описывающими его концепцию. Проведенный анализ позволяет увидеть первоначальную структуру сочинения в следующем виде. Сочинение под названием *Kitāb andar šifāt ī zamīn* («Книга о строении земли») представляло собою текстовое приложение к круглой карте мира и состояло из введения и восьми разделов (*faṣl*): о строении земли, об областях мира, о шахрах мира, о морях, об островах, горах, о реках и о пустынях. Авторский текст в дошедшей рукописной редакции сохранился практически в полном объеме. Редакторское вмешательство коснулось перемещения разделов об областях мира и шахрах мира в позицию после раздела о пустынях, понижения всех разделов (авторских *faṣl*) до статуса «слов» (редакторских *suxan*) и фрагментации раздела III на более чем пятьдесят отдельных «слов», заголовки которых были даны по начальным словам блоков-описаний областей мира. В каждом разделе автор решал задачу исчерпывающего представления релевантного материала, представлявшегося в форме комментированных перечней, а фрагменты экфрасиса карты следовали принципу описания объектов и их последовательностей с правой (восточной) стороны и по часовой стрелке. Каждый раздел завершался маркером конца раздела.

Ключевые слова. Худуд ал-'алам, география, картография, литература, ислам, средневековье, персидский язык, структура, поэтика, транскрипция текста

ВВЕДЕНИЕ

Сочинение «Книга о регионах мира с востока на запад» (араб. *Kitāb ḥudūd al-Sālam mina l-mašriq ʔilā l-maḡrib*) — под таким названием¹ этот памятник X в. дошел до наших дней в единственном списке XIII в. (так называемой «рукописи Туманского») — представляет огромный интерес как один из самых ранних протяженных прозаических текстов на доклассическом новоперсидском языке и как часть корпуса памятников арабо-мусульманской географической литературы IX–X вв. Непреходящую ценность историко-этнографического источника этому сочинению придает, в частности, то, что оно содержит информацию о народах и государствах Европы, Центральной Азии и Сибири.

В предлагаемой статье анализируется композиционная структура памятника, проводится реконструкция авторского замысла, эксплицированного в тексте вводной главы, в авторских пояснениях и в обрамлениях, но видоизмененного в сохранившейся рукописной редакции (принадлежащей некоему ‘Абд ал-Каййуму ибн ал-Хусайну ибн ‘Али ал-Фариси²). Нет нужды специально обосновывать точку зрения, согласно которой наблюдения такого рода важны для глубокого понимания каждого конкретного географического и историко-этнографического свидетельства и правильной оценки места, значения и связей памятника в более широком контексте.

Дальнейшее изложение строится следующим образом. Прежде всего, мы (1–2) сопоставим *fihrist ʔ bāb hā ʔ kitāb* («перечень глав книги»), предпосланный в рукописи основному тексту сочинения и добавленный к нему редактором XIII в., с содержанием самого сочинения и ключевыми высказываниями автора, описывающими его концепцию, затем (3–4) выскажем замечания о первоначальном облике текста и, наконец, (5) приведем сводный текст начальных обрамлений всех блоков важ-

¹ Это название на титульной странице со всей очевидностью не является авторским, поскольку не соответствует содержанию сочинения, в котором речь идет не о *ḥudūd*, в оригинальном словоупотреблении автора X в. всюду по тексту обозначающем «окраины, периферийные области», а о структуре мира, понимаемой во всей ее полноте. Кроме того, схема перечисления «регионов» и прочих объектов в сочинении следует не линейному принципу «с востока на запад», а циклическому — с востока и против часовой стрелки (в соответствии с круглой формой описываемой карты), и этот принцип распространяется на все уровни организации текста. Авторским названием сочинения, дважды упоминаемым в тексте, было, по видимому, перс. *Kitāb andar šifat ʔ zamīn* («Книга о строении земли»).

² В рукописи он называет себя дважды: в колофоне говорит о себе как об *авторе* (*šāhib*) и переписчике (*kātib*) сочинения, а в заключительных строках, помимо собственной подписи, указывает и дату переписки: 656 г.х., т.е. 1258 год.

нейшего раздела сочинения — раздела о *шахрах*³. Этот сводный текст является описанием карты, которая легка в основу сетки локализаций областей и шахров мира. Насколько я могу судить, подобный анализ ранее не проводился, и не ставилась проблема выявления авторской логики в противопоставлении ее дошедшей рукописной редакции 1258 г.

При работе с текстом я опираюсь на факсимильное издание памятника под редакцией В.В. Бартольда (там же во вступительной статье даны история открытия рукописи — Бартольд 1930), комментированный английский перевод В.Ф. Минорского с элементами латинской транслитерации оригинального текста (в фонетическом облике классического персидского языка XIV–XV вв.⁴) по второму изданию под редакцией К.Э. Босворта (Minorsky 1970/1982), наборный персидский текст М. Сотуде и Мир-Хусейн Шаха по тегеранскому изданию под редакцией М. Мир-Ахмади и Г.-Р. Варахрама (Mir-Ahmadi, Warahram (eds.) 1372 h.) и наборный таджикский текст (в кириллической графике) Н. Касимова под редакцией А. Мухтарова (Косимов 1983). Находящийся в моем распоряжении экземпляр последнего из упомянутых изданий ранее принадлежал акад. И.М. Стеблину-Каменскому (1945–2018) и содержит немало его карандашных пометок в некоторых главах, дающих исправления к таджикской транслитерации, которая изобилует разно-

³ Здесь и далее по тексту термин *šahr* оставлен без перевода, поскольку удовлетворительного и контекстуально непротиворечивого русского соответствия ему не существует. Говоря в целом, широкое значение термина *šahr* в нашем памятнике семантически пересекается с такими терминами как *город* и *город с округой* с одной стороны и *волость*, *удел*, *княжество* и даже *царство* с другой. Ключевым компонентом значения слова *šahr* является, по-видимому, идея социально-политической сингулярности, компактности и неделимости, реализуемая на разных уровнях представления — от города до политики / государства (ср. столь же многогранное др.-греч. πόλις «полис»). Обильно встречающийся в тексте сочинения диминутив *šahrak* может значить контекстуально «городок» и «небольшой удел».

⁴ Такой подход оправдан и полезен практически, но неудовлетворителен с лингвистической точки зрения. При цитировании фрагментов оригинального текста я буду придерживаться фонетической системы раннего (доклассического) новоперсидского языка IX–X в. (за исключением арабских слов и фраз, выделяемых полужирным шрифтом), комплексно реконструируемой на основании (а) сравнения современных языков-потомков — фарси Ирана, дари Афганистана и литературного таджикского, для которых литературный язык государства Саманидов является праязыком, (б) сравнения с данными позднего среднеперсидского языка VI–VII вв. в рукописях манихейской традиции, (в) лексико-грамматических и метрико-ритмических наблюдений нал текстом эпической «Книги царей» Абу-л-Касима Фирдауси (завершена в начале XI в.), (г) орфографии старейших персидских арабграфических рукописей XI–XIII вв. и (д) генаузско-латинской транскрипции персидского материала в Codex Cumanicus (начало XIV в.), отражающего разговорный язык родов Румского сельджуцкого султаната XII–XIII вв.

образными ошибками, но ценна тем, что сделана непосредственно с факсимиле рукописи⁵.

1. ОГЛАВЛЕНИЕ РУКОПИСИ И ЗАГОЛОВКИ В ТЕКСТЕ

На обороте первого листа рукописи (Бартольд 1930. Fol. 1b; Minorsky 1970/1982. P. 47–48; Қосимов 1983. С. 12–13) сразу под басмалой (араб. *bi smi llāhi r-rahmāni r-rahīm* «во имя Аллаха милостивого, милосердного»), являющейся стандартным сигналом начала письменного текста, читается следующий «перечень глав книги» (перс. *fihrist ī bāb hā ī kitāb*), сложным образом соответствующий совокупности внутритекстовых заголовков (в первой колонке сравнительной таблицы помещены нумерованные пункты этого перечня-фихриста, во второй — соответствующие им ненумерованные внутритекстовые заголовки):

A gušāyīs ī kitāb «1 введение книги»	[заголовок отсутствует]
B andar nihād ī zamīn ū miqdār ī ābādānī ū wayrānī ī way ū nāḥiyat hā «2 о расположении земли, размере ее обитаемой и необитаемой [частей] и областях»	suxan andar nihād ī zamīn az ābādānī ū wayrānī ī way «слово о расположении земли из ее обитаемого и необитаемого [компонентов]»
Ĝ suخان andar daryā hā «3 слово о морях»	suxan andar nihād ī daryā hā ū xaliġ hā «слово о расположении морей и заливов»
D suخان andar jazīra hā «4 слово об островах»	suxan andar jazīra hā «слово об островах»
H suخان andar kōh hā «5 слово о горах»	suxan andar kōh hā ū maʿdin hā ē kī andar way ast «слово о горах и тех рудниках, что в них находятся»
W suخان an[dar rōd hā] «6 слово о реках»	suxan andar rōd hā «слово о реках»
R suخان andar biyābān hā ū rēġ hā «7 слово о пустынях и песках»	suxan andar biyābān hā ū rēġ hā «слово о пустынях и песках»
Ḥ suخان andar nāḥiyat hā ī jahān «8 слово об областях мира»	suxan andar nāḥiyat hā «слово об областях»
Ṭ nāḥiyat ī ċīnštān «9 область Чинистан»	suxan andar xāṣiyat ī nāḥiyat ī ċīnštān ast «Это слово об особенностях области Чинистан»
Y nāḥiyat ī hindūštān «10 область Хиндустан»	suxan andar nāḥiyat ī hindūštān ū šahr hā ī way «слово об области Хиндустан и ее шахрах»
YA nāḥiyat ī tubbat «11 область Тибет»	suxan andar nāḥiyat ī tubbat ū šahr hā ī way «слово об области Тибет»
YB nāḥiyat ī tuġuzġuz ū tatār «12 область тогузгузов и татар»	suxan andar nāḥiyat ī tuġuzġuz ū šahr hā ī way «слово об области тогузгузов и ее шахрах»
YĜ nāḥiyat ī yaġmā «13 область йагма»	suxan andar nāḥiyat ī yaġmā ū šahr hā ī way «слово об области йагма и ее шахрах»

⁵ Как отмечает И.М. Стеблин-Каменский в своем письме к К.С. Аини от 14.07.1985, копия которого вложена между страниц книги, «[з]аметно, что издатель не пользовался ни афганским изданием Мир Хусейн Шаха (Кабул 1342), ни переводом В.Ф. Минорского».

YD nāḥiyat ī xirxīz «14 область хирхизов»	suxan andar nāḥiyat ī xirxīz «слово об области хирхизов»
YH nāḥiyat ī xallux «15 область халлухов»	suxan andar nāḥiyat ī xallux ū šahr hā ī way «слово об области халлухов и ее шахрах»
YW nāḥiyat ī čigil «16 область чигилей»	suxan andar nāḥiyat ī čigil «слово об области чигилей»
YR nāḥiyat ī tuxs «17 область тухсов»	suxan andar nāḥiyat ī tuxs ū šahr hā ī way «слово об области тухсов и ее шахрах»
YH nāḥiyat ī kīmāk «18 область кимаков»	suxan andar nāḥiyat ī kīmāk ū šahr hā ī way «слово об области кимаков и ее шахрах»
YṬ nāḥiyat ī yūz «19 область гузов»	suxan andar nāḥiyat ī yūz «слово об области гузов»
[лункт отсутствует]	suxan andar nāḥiyat ī račanāk ī turk «слово об области тюркских печенегов»
K nāḥiyat ī xifčāx «20 область хифчахов»	suxan andar nāḥiyat ī xifčāx «слово об области хифчахов»
KA nāḥiyat ī maǰarī «21 область маджгарийцев»	suxan andar nāḥiyat ī maǰarī «слово об области маджгарийцев»
KB nāḥiyat ī xurāsān «22 область Хурасан»	suxan andar nāḥiyat ī xurāsān ū šahr hā ī way «слово об области Хурасан и ее шахрах»
KĜ nāḥiyat ī ḥudūd ī xurāsān «23 область окраин Хурасана»	suxan andar nāḥiyat ī ḥudūd ī xurāsān ū šahr hā ī way «слово об области окраин Хурасана и ее шахрах»
KD nāḥiyat ī māwarāʔunnahr «24 область Мавараннахр»	suxan andar nāḥiyat ī māwarāʔunnahr ū šahr hā ī way «слово об области Мавараннахр и ее шахрах»
KH nāḥiyat ī ḥudūd ī māwarāʔunnahr «25 область окраин Мавараннахра»	suxan andar nāḥiyat ī ḥudūd ī māwarāʔunnahr ū šahr hā ī way «слово об области окраин Мавараннахра и ее шахрах»
KW nāḥiyat ī sind «26 область Синд»	suxan andar nāḥiyat ī sind ū šahr hā ī way «слово об области Синд и ее шахрах»
KR nāḥiyat ī kirmān «27 область Кирман»	suxan andar nāḥiyat ī kirmān ū šahr hā ī way «слово об области Кирман и ее шахрах»
KH nāḥiyat ī fārs «28 область Фарс»	suxan andar nāḥiyat ī pārs ū šahr hā ī way «слово об области Парс и ее шахрах»
KṬ nāḥiyat ī xūzstān «29 область Хузистан»	suxan andar nāḥiyat ī xūzstān ū šahr hā ī way «слово об области Хузистан и ее шахрах»
L nāḥiyat ī jībāl «30 область Джибал»	suxan andar nāḥiyat ī jībāl ū šahr hā ī way «слово об области Джибал и ее шахрах»
LB nāḥiyat ī daylamān «32 область Дайламан»	suxan andar nāḥiyat ī daylamān ū šahr hā ī way «слово об области Дайламан и ее шахрах»
LĜ nāḥiyat ī ʕirāq «33 область Ирак»	suxan andar nāḥiyat ī ʕirāq ū šahr hā ī way «слово об области Ирак и ее шахрах»
LD nāḥiyat ī jazīrah «34 область Джазира»	suxan andar nāḥiyat ī jazīrah ū šahr hā ī way «слово об области Джазира и ее шахрах»
LH nāḥiyat ī ādarbādġān «35 область Адарбадган»	suxan andar nāḥiyat ī ādarbādġān ū nāḥiyat ī armēniyah ū arġān ū šahr hā ī ešān «слово об области Адарбадган, области Армения и Арран и их шахрах»
LW nāḥiyat ī armēniyah ū arġān «36 область Армения и Арран»	[заголовок отсутствует]
LR nāḥiyat ī ʕarab «37 область Аравия»	suxan andar nāḥiyat ī ʕarab ū šahr hā ī way «слово об области Аравия и ее шахрах»

LḤ nāḥiyat ṯ šām «38 область Шам»	suxan andar nāḥiyat ṯ šām ū šahr hā ṯ way «слово об области Шам и ее шахрах»
LṬ nāḥiyat ṯ miṣr «39 область Египет»	suxan andar nāḥiyat ṯ miṣr ū šahr hā ṯ way «слово об области Египет и ее шахрах»
M nāḥiyat ṯ mayrib «40 область Магриб»	suxan andar nāḥiyat ṯ mayrib ū šahr hā ṯ way «слово об области Магриб и ее шахрах»
M nāḥiyat ṯ ʔandalus «40 область Андалус»	suxan andar nāḥiyat ṯ ʔandalus ū šahr hā ṯ way «слово об области Андалус и ее шахрах»
MA nāḥiyat ṯ rūm «41 область Рум»	suxan andar nāḥiyat ṯ rūm ū nāḥiyat hā ū šahr hā ṯ way «слово об области Рум, и ее областях и шахрах»
MB nāḥiyat ṯ šaqlāb «42 область Саклаб»	suxan andar nāḥiyat ṯ šaqlāb «слово об области Саклаб»
MĠ nāḥiyat ṯ rōs «43 область Рос»	suxan andar nāḥiyat ṯ rōs ū šahr hā ṯ way «слово об области Рос и ее шахрах»
MD nāḥiyat ṯ bulḡar ṯ andarūnī «44 область внутренних булгар»	suxan andar nāḥiyat ṯ bulḡar ṯ andarūnī «слово об области внутренних булгар»
MH nāḥiyat ṯ mirwāt «45 область мирватов»	suxan andar nāḥiyat ṯ mirwāt «слово об области мирватов»
MW nāḥiyat ṯ račanāk ṯ xazar «46 область хазарских печенегов»	suxan andar nāḥiyat ṯ račanāk ṯ xazar «слово об области хазарских печенегов»
MR nāḥiyat ṯ allān «47 область аланов»	suxan andar nāḥiyat ṯ allān ū šahr hā ṯ way «слово об области аланов и ее шахрах»
MḤ nāḥiyat ṯ sarīr «48 область Сарир»	suxan andar nāḥiyat ṯ sarīr ū šahr hā ṯ way «слово об области Сарир и ее шахрах»
MṬ nāḥiyat ṯ xazarān «49 область хазар»	suxan andar nāḥiyat ṯ xazarān «слово об области хазар»
N nāḥiyat ṯ burṯās «50 область бургасов»	suxan andar nāḥiyat ṯ burṯās «слово об области бургасов»
NA nāḥiyat ṯ brādās «51 область брадасов»	suxan andar nāḥiyat ṯ brādās «слово об области брадасов»
NB nāḥiyat ṯ wanandar «52 область ванандаров»	suxan andar nāḥiyat ṯ wanandar «слово об области ванандаров»
NĠ suxan andar ābādānī ṯ janūb «53 южные обитаемые земли»	suxan andar nāḥiyat hā ṯ ābādānī ṯ janūb «слово об областях южных обитаемых земель»
ND nāḥiyat ṯ zangstān «54 область Зангистан»	suxan andar nāḥiyat ṯ zangstān ū šahr hā ṯ way «слово об области Зангистан и ее шахрах»
NH nāḥiyat ṯ zābaḡ «55 область Забадж»	suxan andar nāḥiyat ṯ zābaḡ ū šahr hā ṯ way «слово об области Забадж и ее шахрах»
NW nāḥiyat ṯ ḡabašah «56 область Эфиопия»	suxan andar nāḥiyat ṯ ḡabašah ū šahr hā ṯ way «слово об области Эфиопии и ее шахрах»
NR nāḥiyat ṯ būjah «57 область Буджа»	suxan andar nāḥiyat ṯ būjah «слово об области Буджа»
NḤ nāḥiyat ṯ nūbah «58 область Нуба»	suxan andar nāḥiyat ṯ nūbah «слово об области Нуба»
NṬ nāḥiyat ṯ sūdān «59 область Судан»	suxan andar nāḥiyat ṯ sūdān ū šahr hā ṯ way «слово об области Судан и ее шахрах»
S xātimat ṯ kitāb «60 заключение книги»	suxan andar xātimat ṯ kitāb «слово в заключение книги»

Очевидно, что обе колонки в целом хорошо соответствуют друг другу, хотя полное тождество пунктов фихриста и заголовков наблюдается лишь в трех случаях («слово об островах», «слово о реках», «слово

о горах и песках»). В подавляющем большинстве случаев заголовков в тексте отличается от пункта фихриста наличием формулы «слово о...» (перс. *suxan andar*) и добавлением «...и [о] шахрах [этой области]» (перс. *ī šahr hā ī way*).

В трех случаях налицо менее тривиальные соответствия. Первая запись оглавления «введение [этой] книги» не соответствует никакому внутритекстовому заголовку (точнее можно сказать: соответствует нулевому заголовку). Элементы с номерами 35 «область Адарбадган» и 36 «области Армения и Арран» противопоставлены в оглавлении, но объединены во внутритекстовом заголовке, имеющем вид «слово об области Адарбадган, об областях Армении и Арране и об их (мн.ч. *ēšān*) городах». Наконец, в оглавлении отсутствует заголовок «область печенегов-тюрок», имеющийся в тексте в виде «слово об области тюркских печенегов» (перс. *suxan andar nāhiyat ī pačanāk ī turk*).

Также в фихристе нарушена нумерация глав: между номерами 30 и 32 пропущен номер 31, в то время как номер 40 проставлен дважды подряд при заголовках «область Магриб» и «область Андалус».

Объем выделенных таким образом «глав-слов» — *bāb* в фихристе и *suxan* в заголовках (оба слова чужды словоупотреблению автора X в. и нигде в его собственном тексте не употребляются) — весьма существенно варьирует: от нескольких рукописных страниц до нескольких строк; последнее характерно для коротких восточноевропейских и африканских «глав-слов» второй половины рукописи.

И фихрист, и заголовки в тексте не восходят к автографу, а добавлены редактором XIII в. Помимо сказанного это доказывается также и тем, что в авторском тексте соответствующий материал повторяется еще дважды: в списке областей мира и в обрамлениях описаний шахров по областям (см. ниже).

2. ТЕКСТ «ВВЕДЕНИЯ» И ЕГО СТРУКТУРА

Непосредственно за перечнем «глав» читается следующий текст (Бартольд 1930. Fol. 1b–2a; Minorsky 1970/1982. P. 49–50; Mir-Ahmadi, Warahram (eds.) 1372 h. P. 87–89; Қосимов 1983. С. 14–15), квалифицированный составителем фихриста как «введение» (перс. *gušāyiš*) и, как уже отмечено, не имеющий в рукописи собственного заголовка. Нумерация предложений в цитате (в квадратных скобках) и знаки пунктуации введены мною; жирным шрифтом выделены арабские фразы, личные имена и аппеллятивы; подчеркиванием выделены

повторяющиеся элементы, выступающие как маркеры-обрамления пунктов нумерованного списка.

[1.] **bi l-yumni wa s-saʿādah!**

[2.] spās худāy ī tawānāy ī jāwīd rā, āfrīnandah ī jahān ũ gušāyandah ī kār hā ũ rāhnamāyandah ī bandagān ī xwēš rā ba dāniš hā ī gūnāgūn!

[3.] wa drōd ī bisyār bar **Muḥammad** ũ hamah ī payḡambarān!

[4.] ba farruxī ũ pīrōzī ũ nēkaxtarī ī **[l-]ʔamīri s-sayyidi l-maliki l-ʿādili ʔAbī l-Ḥarīṭī Muḥammad^m ibni ʔAḥmad, mawlā ʔamīri l-muʔminīn, atāl alḷāhu baqāʔ^{an} wa saʿādah**, ba rōzgār ī way āyāz kardēm īn **kitāb** rā andar **ʃifat** ī zamīn dar sāl sēsaḍ ũ haftāḍ ũ dū az **hiḡrat** ī payḡambar, **ʃalawātu ḷḷāhi ʃalayhī**.

[5.] wa payḍā kardēm andar way: ʃifat ī zamīn ũ nihād ī way, wa miqdār ī ābādānī ũ wayrānī ī way.

[6.] wa payḍā kardēm: hamah ī **nāḡiyat** hā ī zamīn ũ pādšāyī hā ī way, ān č' **maʃrūf** ast, bā **ḡāl** ī har **qawm** ē k' andar **nāḡiyat** hā **muxtalif** and, wa **rasm** hā ī **mulūk** ī ēšān, čūn ān k' andar īn rōzgār ī mā hast, bā har čiz ē kī az ān nāḡiyat xēzaḍ.

[7.] wa payḍā kardēm: hamah ī šahr hā ī jahān kī **xabar** ī ō biyāftēm andar **kitāb** hā ī pēšīnagān ũ yāḍkard ī **ḡakīmān**, bā **ḡāl** ī ān šahr ba buzurgī ũ xurdī ũ andakī ũ bisyārī ī **niʃmat**, wa xwāstah ī mardum ũ ābādānī ũ wayrānī ī way, wa nihād ī har šahr ē az kōh ũ rōḍ ũ daryā ũ biyābān, bā har čiz ē kī az ān šahr xēzaḍ.

[8.] wa payḍā kardēm: nihād ī daryā hā ī hamah ī jahān ũ jāy hā ī way az xurd ũ buzurg, wa murdāb hā ē kī ō rā **xaliḡ** xwānand, bā har čiz ē kī az ān daryā xēzaḍ.

[9.] wa payḍā kardēm: hamah ī **ʔazīra** hā ē kī buzurg ast az ābādān ī way ũ wayrān, wa **ḡāl** ī mardum ī way, wa har čiz ē kī az ān ʔazīra xēzaḍ.

[10.] wa payḍā kardēm: hamah ī kōh hā ī **ʔaḡlī** k' andar jahān ast, wa **maʃdin** hā ī gūnāgūn k' andar way ast, wa jānwarān ē k' ān jā bāšand.

[11.] wa payḍā kardēm: hamah ī rōḍ hā kī andar jahān ast buzurg, az ān jā kī payḍā šawaḍ tā ān jā kī andar daryā aftaḍ, yā bakār šawaḍ andar kišt ũ barz, **xāḡḡah** ān rōḍ hā kī andar ō kištī tawānaḍ guḍaštan az ān k' āb hā xurd [rā] **ʃadad** paḍīḍ nēst.

[12.] wa payḍā kardēm: hamah ī biyābān hā ũ rēg hā kī **maʃrūf** ast andar jahān, bā **miqdār** ī way ba drāzā ũ pahnā.

[1.] Во счастье и благополучие!

[2.] Благодарение Господу всемогущему, вечному, создавшему мир, облегчающему трудности (*kār hā*) и напутствующему своих рабов (*bandagān ī xwēš*) в разных науках (*dāniš hā*)!

[3.] Великая хвала Мухаммаду и всем пророкам!

[4.] Во славу, победу и благодать высокого правителя, благородного князя Абу-л-Хариса Мухаммада ибн Ахмада, клиента (*mawlā*) повелителя верующих, да продлит Аллах его существование и благополучие, при нем мы начали эту книгу о строении земли в триста семьдесят втором году от хиджры Пророка, да благословит Его Аллах.

[5.] Мы осветили в ней строение (*ṣifat*) земли и ее расположение (*niḥād*), размер (*miqdār*) ее обитаемой и необитаемой [частей] (*ābādānī ū wayrānī*).

[6.] Мы осветили все области (*nāḥiyat hā*) земли и ее государства (*pādšāyī hā*), которые известны, и особенно каждое [из] тех племен (*qawm*), которые различаются в [этих] областях, обычаи (*rasm hā*) их царей (*mulūk*), [в] том [виде], какой [они] имеют в наши дни, и всё то, что привозят из этих областей.

[7.] Мы осветили все шахры (*šahr hā*) мира, сведения о которых мы нашли в книгах предшественников (*kitāb hā ī pēšīnagān*) и в сообщениях сведущих [людей] (*yādkard ī ḥakīmān*), и особенно о величине или малом [размере] этих шахров, недостатке или избытке благ (*niṣmat*), богатстве (*ḫwāstaḥ*), населении (*mardum*), их обжитых и необитаемых [частях], структуру каждого шахра в отношении гор, рек, морей и пустынь, и всё то, что привозят из этих шахров.

[8.] Мы осветили структуру морей (*daryā hā*) всего мира и их узкие и широкие участки, их заливы/проливы (*murdāb hā*), которые называются [по-арабски] *халидж*ами, и всё то, что привозят из этих морей.

[9.] Мы осветили все обитаемые и необитаемые острова/полуострова (*jazīra hā*), которые являются значительными, и особенно их население (*mardum*), и всё то, что привозят с этих островов.

[10.] Мы осветили все основные горы (*kōh hā ī ʔaṣṭī*), которые существуют в мире, многочисленные рудники (*maʕdin*), которые в них существуют, животных (*jānwarān*), которые там обитают.

[11.] Мы осветили все реки (*rōd hā*), которые существуют в мире, от [тех] мест, где они истекают, до [тех] мест, где они впадают в море, используемые для земледелия (*kišt ū barz*), особенно [те] реки, [по] которым ведётся судоходство, [то есть только] большие [реки], потому что число малых рек неизвестно.

[12.] Мы осветили все пустыни (*biyābān hā*) и пески (*rēg hā*), которые известны в мире, по размеру их протяженности и ширины (*drāzā ū pahnā*).

Структура этого текста предстает в следующем виде. Текст открывается начальным сигналом («во счастье и благополучие!»), затем следует трехчастное благопожелание Господу, пророку Мухаммаду и высоко-

му покровителю нашего анонимного автора (Абу-л-Харису Мухаммаду ибн Ахмаду, *амиру* из династии Фаригунидов⁶ Гузганана), содержащее также название сочинения («книга о строении земли») и дату его составления — 372 г. х., т. е. 982/983 г. Прочие элементы (5–12) очевидным образом должны интерпретироваться как формализованная восьмичастная аннотация, т. е. перечень тематических разделов сочинения в том виде, в каком он задуман автором. В соответствии с этим рубрикатом наш автор наметил раскрыть следующие восемь тем:

тема I: строение земли, расположение земли (*ṣifat ī zamīn, nihād ī zamīn*) — предложение 5;

тема II: области земли и государства земли (*nāhiyat hā ī zamīn, pādšāyī hā ī zamīn*) — предложение 6;

тема III: шахры мира (*šahr hā ī jahān*) — предложение 7;

тема IV: моря мира (*daryā hā ī jahān*), отдельные участки морей (*jāy hā ī daryā*), заливы/проливы-*халиджи* (*murd āb hā ~ xalīj*) — предложение 8;

тема V: острова/полуострова (*jazīra hā*) — предложение 9;

тема VI: основные горы (*kōh hā ī ʔašlī*) — предложение 10;

тема VII: крупные реки (*rōd hā <...> buzurg*) — предложение 11;

тема VIII: пустыни и пески (*biyābān hā, rēg hā*) — предложение 12.

Сопоставление этого авторского тематического рубрикатора со списком «глав» (*bāb*) ~ «слов» (*suxan*) показывает следующее (ссылки на номера «глав-слов» даются, во-первых, в соответствии с нумерацией оглавления в начале рукописи и, во-вторых, по параграфам издания В.Ф. Минорского (Minorsky 1970), который поместил их в своем переводе):

тема I, строение земли: «глава-слово» 2 ~ Minorsky § 2;

тема II, области и государства: «слово» 8 ~ Minorsky § 8;

тема III, шахры: «слова» 9–60 ~ Minorsky § 9–61;

тема IV, моря: «слово» 3 ~ Minorsky § 3;

тема V, острова/полуострова: «слово» 4 ~ Minorsky § 4;

тема VI, горы: «слово» 5 ~ Minorsky § 5;

тема VII, основные реки: «слово» 6 ~ Minorsky § 6;

тема VIII, пустыни и пески: «слово» 7 ~ Minorsky § 7.

В этой картине привлекают внимание два обстоятельства. Во-первых, налицо количественный дисбаланс «глав-слов», сопоставленных этим восемью темам: на семь из них приходится по одному «слову»,

⁶ Название этой княжеской династии следует арабизированному варианту имени Фаригун (*Farīgūn*), в X в. звучавшему по-персидски как *Фрегун (*Frēgūn).

в то время как тема шахров раскрывается на протяжении остальных 53 «слов» (объяснение этому будет дано ниже). Во-вторых, позиция блока «слов» 8–60 (Minorsky § 8–61), соответствующих темам II–III выглядит измененной: эти темы в нарушение авторской логики перенесены после блока «слов» 3–7 (Minorsky § 3–7), соответствующего последовательности тем IV–VIII, помещенной в рукописи сразу после темы I («слово» 2, Minorsky § 2). Другими словами, авторский план, предполагающий описание мира в первую очередь в терминах обитаемых областей, государств и шахров и лишь во вторую очередь в терминах физических объектов, предстает в рукописи трансформированным, причем столь незначительной трансформации, оказывается, вполне достаточно для того, чтобы первоначальная концепция оказалась разрушена.

Это впечатление многократно усиливается при чтении вводных обрамлений к «главам-словам» о шахрах (9–60, Minorsky § 9–61), текст которых содержит минимальное количество ссылок на физико-географические объекты, в то время как физико-географические «главы-слова» о морях, островах, горах, реках и пустынях (Minorsky § 3–7) изобилуют ссылками на названия областей и шахров. С коммуникативной точки зрения последнее совершенно определенно указывает на то, что при вводе информации автор X в. стремился следовать принципу от уже известного (об областях, государствах и шахрах) к еще не известному о соотношении впервые описываемых физических объектов с объектами, ранее описанными в тексте (и, по-видимому, ярче и крупнее подписанными на карте). Как мы увидим далее, это хорошо подтверждается фрагментом об областях и их локализации, в котором даны ссылки преимущественно на объекты самого верхнего уровня — океаны, описанные в сочинении в главе о строении земли, то есть в самую первую очередь.

3. ТЕКСТ ГЛАВЫ ОБ ОБЛАСТЯХ МИРА И ЕГО СТРУКТУРА

Если сделанное выше наблюдение верно, то мы вправе предположить, что сразу после введения и текста о строении земли (тема I, «глава-слово» 2, Minorsky § 2), сохранившего свою начальную позицию, в автографе читался текст об областях и государствах (тема II, «глава-слово» 8, Minorsky § 8). В рукописи — после заголовка *suxan andar nāḥiyat hā* («слово об областях») — этот текст имеет следующий вид (введены нумерация клауз и предложений — в квадратных скобках — и элементов перечней — в круглых скобках: Бартольд 1930. Fol. 13a–b;

Minorsky 1970/1982. P. 82–83; Mir-Ahmadi, Warahram (eds.) 1372 h. P. 173–175; Қосимов 1983. С. 42–44):

[1.0.] **nāḥiyat** ē az **nāḥiyat** ē ba čahār rōy čudā gardaδ:

[1.1.] yak ē ba **ixtilāf** ī āb ũ **hawā?** ũ zamīn ũ garmā ũ sarmā,

[1.2.] wa dūwum ba **ixtilāf** ī dīn hā ũ **šarīfat** hā ũ kēš hā,

[1.3.] wa sēyum ba **ixtilāf** ī **luḡāt** ũ zabān hā ī **muxtalif**,

[1.4.] wa čahārum ba **ixtilāf** ī pādšayī hā.

[2.0.] wa **ḥadd** ī **nāḥiyat** ē az **ḥadd** ī **nāḥiyat** ī dīgar ba sē čīz čudā šawaδ,

[2.1.] yak ē ba kōh ī **xurd yā buzurg** ē, kī miyān ī dū **nāḥiyat** bugδaraδ,

[2.2.] wa dūwum ba rōδ ī **xurd yā buzurg** [ē], kī miyān ī dū **nāḥiyat** birawaδ,

[2.3.] wa sēyum [ba] biyābān ī **xurd yā buzurg** ē, kī miyān ī dū **nāḥiyat** andar bāšaδ.

[3.0] **ʔammā** rūmīyān gōyand, kī hamafī ābādānī ī jahān sē **qism** ast.

[3.1.1.] yak **qism** ān ē st, kī **mašriq** ī way daryāy ī **ʔuqyānūs** ī **mašriqī** st ũ **ḥadd** ī tuḡuzḡuz ũ xirxīz, wa **janūb** ī way **baḥr** ī **ʔašzam** ast, tā ba **ḥadd** ī **qulzum**, wa **mayrib** ī way **nāḥiyat** ī **šām** ast ũ rūm, tā ba **xaliǰ** ī **quštānīyah** ũ **ḥudūd** ī **šaqlāb** ũ **ʔāxir** ī **ḥudūd** ī ābādānī ī jahān ast.

[3.1.2.] wa īn **qism** rā **ʔāsiyāʔulkubrā** xwānand.

[3.1.3.] wa īn **qism** dū sēyak ī hamafī ābādānī st, kī andar **nāḥiyat** ī **šimāl** ast.

[3.2.1.] wa **qism** ī dūwum [ān ē st, kī] **mašriq** ī way **ʔawwal** ī **ḥudūd** ī **mišr** ast az **xatǰ** ī **istiwāʔ**, tā ba daryāy ī rūm, wa **janūb** ī ō biyābān ē st, kī miyān ī **bilād** ī **mayrib** ast ũ miyān ī **bilād** ī **sūdān**, wa **mayrib** ī way daryāy ī **ʔuqyānūs** ī **mayribī** st, wa **šimāl** ī ō daryāy ī rūm ast.

[3.2.2.] [wa] īn **qism** rā **lūbiya** xwānand.

[3.2.3.] wa īn **qism** dū az dahyak ī ābādānī ī hamafī ī jahān ast andar **šimāl**.

[3.3.1.] wa **qism** ī sēyum [ān ē st, kī] **mašriq** ī ō **xaliǰ** ī **quštānīyah** ast, wa **janūb** ī way daryāy ī rūm ast, wa **mayrib** ī way daryāy ī **ʔuqyānūs** ī **mayribī** st, wa **šimāl** ī way **ʔāxir** ī ābādānī ī jahān ast andar **šimāl**.

[3.3.2.] wa īn **qism** rā **ʔarūfī** xwānand.

[3.3.3.] wa īn **qism** čahāryak ī hamafī ābādānī ī jahān ast.

[4.] wa **ʔammā** ān ābādānī, kī andar **nāḥiyat** ī **janūb** ast, ān rā rūmīyān ābādānī ī **janūbī** xwānand.

[5.0.] wa **ʔammā** hamafī ī ābādānī ī jahān panjāh ũ yak **nāḥiyat** ast.

[5.1.] panǰ **nāḥiyat** az way andar **janūb** ast az **xatǰ** ī **istiwāʔ**, wa ān (1) zābah ast ũ (2) zangstān ũ (3) **ḥabašah** ũ (4) **buǰah** ũ (5) **nūbah**.

[5.2.] wa yak **nāḥiyat** andar **mayrib baṣḍ** ē andar **šimāl** ast ũ **baṣḍ** ē andar **janūb**, wa **xatṭ** ī **istiwāʔ** bar miyān ī ō bugḍaraḍ, wa īn (1) **nāḥiyat** ī **sūdān** ast.

[5.3.] wa čihil ũ panj **nāḥiyat** andar sōy ī **šimāl** ast andar čahāryak ī ābādānī, wa īn (1) **nāḥiyat** ī čīn ast ũ (2) tubbat ũ (3) hindūstān ũ (4) sind ũ (5) xurāsān ũ (6) **ḥudūd** ī way ũ (7) **māwarāʔunnahr** ũ (8) **ḥudūd** ī way ũ (9) kirmān ũ (10) pārs ũ (11) biyābān ī kargas kōh ũ (12) daylamān ũ (13) xūzstān ũ (14) **nāḥiyat** ī **jībāl** ũ (15) **širāq** ũ (16) **diyār** ī **šarab** ũ (17) **ǰazīrah** ũ (18) ādarbāḍgān ũ (19) **šām** ũ (20) **mišr** ũ (21) **mayrib** ũ (22) **ʔandalus** ũ (23) rūm ũ (24) **sarīr** ũ (25) allān ũ (26) xazarān ũ (27) **šaqlāb** ũ (28) pačanāk ī xazarān ũ (29) mirwāt ũ (30) bulḡār ī andarūnī ũ (31) rōs ũ (32) maǰḡarī ũ (33) wanandar ũ (34) pačanāk ī turk ũ (35) braḍās ũ (36) burṭās ũ (37) xifčāx ũ (38) ḡuz ũ (39) kīmāk ũ (40) čigil ũ (41) tuxs ũ (42) xallux ũ (43) yaǰmā ũ (44) tuyuzḡuz ũ (45) xirxīz.

[5.4.] wa har **nāḥiyat** ē az īn **nawāḥiy maqsūm** ast bā **ʔaṣmāl**, wa andar har **šamal** ē šahr hā st biṣyār.

[6.] wa mā paḍīḍ kunēm andar **faṣl** ī dīgar: **miqdār** ī har **nāḥiyat** ē ũ šahr ē, wa **ṭabṣ** ũ **hawāʔ** ī way, bā har čīz ē **badīṣ** ũ **čaǰāʔib** hā ē, kī az har šahr ē xēzaḍ, wa pādšāhī hā ī har **nāḥiyat** ē ũ šahr ē, wa **rusūm** ī way, wa **ʔaxlāq** ī mardum ī way, wa dīn ī ēšān, baḍ ān **miqdār** kī andar **kutub** ī pēšinagān yāftēm, wa ba **ʔaxbār** hā bišnīdēm, zērāk kī jumlagī ī **ʔaḡwāl** ī ǰahān kas na twānaḍ dān ast magar xuḍāy ī **šizz** ũ **jill**.

[7.] **wa lā quwwatan ʔillā bi llāh.**

[1.0.] [Одна] область отличается от [другой] области в четырех отношениях:

[1.1.] Во-первых, по различиям [в] воде (*āb*), воздухе (*hawāʔ*), почве (*zamīn*), жаре и холоде (*garmā ũ sarmā*),

[1.2.] Во-вторых, по различиям [в] религиях (*dīn hā*), правовых системах (*šarīʔat hā*) и верованиях (*kēš hā*),

[1.3.] В-третьих, по различиям [в] наречиях (*luḡāt*) и различных языках (*zabān hā* ī *muxtalif*),

[1.4.] В-четвертых, по различиям [в] видах государственности (*pādšāyī hā*).

[2.0.] Окраина [одной] области отделяется от окраины другой области тремя вещами:

[2.1.] Во-первых, малыми или большими горами, которые проходят между [этими] двумя областями,

[2.2.] Во-первых, малыми или большими реками, которые протекают между [этими] двумя областями,

[2.3.] Во-третьих, малыми или большими пустынями, которые существуют между [этими] двумя областями.

[3.0.] Румийцы говорят, что вся обитаемая [часть] мира [состоит из] трех частей.

[3.1.1.] Одна часть — та, на восток от которой находится море Восточный Океан и окраина [областей] тугузгузов и хирхизов, на юг находится Великое море до окраины Кулзума, на запад находятся области Шам и Рум, до пролива Кустантини, окраин [области] Саклаб и прочих окраин обитаемой [части] мира.

[3.1.2.] Эту часть называют Великая Азия.

[3.1.3.] Эта часть [занимает] две трети обитаемой [части мира], находящейся в северной области.

[3.2.1.] Вторая часть — [та], на восток [от которой] находится первая [из] окраин Египта от экватора до моря Рума, на юг находится пустыня, [пролегающая] между страной Магриб и страной Судан, на запад находится море Западный Океан, на север находится море Рума.

[3.2.2.] Эту часть называют Ливия.

[3.2.3.] Эта часть [занимает] две десятых обитаемой [части] всего мира на севере.

[3.3.1.] Третья часть — [та], на восток [от которой] находится пролив Кустантини, на юг находится море Рума, на запад находится море Западный Океан, на север находится прочая обитаемая [часть] мира на севере.

[3.3.2.] Эту часть называют Европа.

[3.3.3.] Эта часть [занимает] четверть всей обитаемой [части] мира.

[4.] [Что касается] той обитаемой части, которая находится в области юга, [то] румийцы называют ее «южной обитаемой [частью]».

[5.0.] Вся обитаемая [часть] мира [насчитывает] пятьдесят одну область.

[5.1.] Пять областей из нее находятся к югу от экватора, это (1) Заба, (2) Зангистан, (3) Эфиопия, (4) Буджа и (5) Нуба.

[5.2.] Одна область находится на западе, отчасти на севере и отчасти на юге, [прием] по ней проходит экватор, это (1) область Судан.

[5.3.] Сорок пять областей находятся в направлении севера на четверти обитаемой [части] мира, это области (1) Чин, (2) Тибет, (3) Хиндустан, (4) Синд, (5) Хурасан, (6) окраины [Хурасана], (7) Мавараннахр, (8) окраины [Мавараннахра], (9) Кирман, (10) Парс, (11) пустыня Каргаскух, (12) Дайламан, (13) Хузистан, (14) область Джибал, (15) Ирак, (16) аравийский край, (17) Джазира, (18) Адарбадган, (19) Шам, (20) Египет, (21) Магриб, (22) Андалус, (23) Рум, (24) Сарир, (25) алапы, (26) хазары, (27) саклабы, (28) хазарские печенеги, (29) мирваты, (30) внутренние булгары, (31) росы, (32) маджгарийцы, (33) ванандары,

(34) тюркские печенеги, (35) брадасы, (36) бургасы, (37) хифчахи, (38) гузы, (39) кимаки, (40) чигили, (41) тухсы, (42) халлухи, (43) йагма, (44) тугузгузы, (45) хирхизы.

[6.1.] Каждая область из этих областей подразделена на провинции, и в каждой провинции много шахров.

[6.2.] Мы объясняем в другом разделе (*faṣl ʾī dīgar*) размер каждой области и шахра, их природу (*ṭabṭ*) и климат (*hawāʾ*), всякие достопримечательности (*badīʿ*) и диковинки (*ʿajāʾib*), происходящие из каждого шахра, вид государственности (*pādšāhī*) каждой области и шахра и его обычаи (*rusūm*), быт (*ʿaxlāq*) их людей и их религию (*dīn*) — в том объеме, в каком мы нашли их в книгах предшественников (*kutub ʾī pēšīnagān*) и слышали по устным рассказам (*ʿaxbār*), ведь (*zērāk kī*) вся совокупность фактов (*ʿaḥwāl*) о мире не известна никому, кроме Господа славного и благого.

[7.] Нет силы, кроме как в Боге.

В структуре этой главы выделяются четыре блока информации.

Первый блок (предложения 1.0–2.3) посвящен изложению принципов противопоставления областей (предложения 1.0–1.3) и типологии границ между областями (предложения 2.0–2.3).

Второй блок (предложения 3.0–4.0) посвящен изложению взглядов *румийцев* (т. е. греческих географов) на структуру ойкумены. Кратко описаны Азия (предложения 3.1.1–3.1.3), Ливия, т. е. Северная Африка (предложения 3.2.1–3.2.3), Европа (предложения 3.3.1–3.3.3) и Африка южнее Сахары (предложение 4.0).

Третий блок (предложения 5.0–5.3) занимает перечень областей мира, насчитывающий всего 51 позицию. Пять позиций локализованы к югу от экватора (предложение 5.1), одна на экваторе (предложение 5.2), остальные сорок пять — к северу от экватора (предложение 5.3).

Четвертый блок содержит констатацию многочисленности шахров мира (предложение 6.1) и содержательную аннотацию (предложение 6.2) «другого раздела», в котором по принятой формальной схеме автор предполагает описать шахры каждой области.

Теофорная клауза 7 («нет силы, кроме как в Боге») представляет собой сигнал замыкания раздела.

Из предложения 6.2 самым недвусмысленным образом следует, что вслед за этой компактной «главой» об областях мира автор помещал особый раздел, содержащий подробное описание областей, включающее и все известные ему шахры. Действительно, в рукописи имеется такое описание, реализующее сформулированную в аннотации

программу, но не как единый раздел-*faṣl*, а как последовательность «слов»-*suxan* (пункты 9–60 фихриста, Minorsky § 9–61).

Далее будет предложена выдержка материала из этого раздела-*faṣl*, расчлененного каламом редактора XIII в. на более чем пятьдесят сегментов (глав-*bāb* фихриста ~ «слов»-*suxan* текстовых заголовков) разной протяженности, в каждом из которых описывается конкретная область.

4. МАРКЕРЫ КОНЦОВ РАЗДЕЛОВ В РУКОПИСНОМ ТЕКСТЕ

Обратим, однако, внимание на заключительную клаузу «нет силы, кроме как в Боге». Эта «сигнальная» фраза маркирует конец процитированного выше раздела. Подобными же теофорными фразами завершаются следующие «главы-слова»:

«Слово о структуре обитаемой и необитаемой [частей] земли» (тема I ~ «глава-слово» 2 ~ Minorsky § 2) завершается фразой *wa bi llāhi t-tawfiq* («помощь в Боге»).

«Слово об островах» (тема V ~ «глава-слово» 4 ~ Minorsky § 4) завершается фразой *wa bi llāhi l-quwwah* («сила в Боге»).

«Слово о горах и тех рудниках, что в них находятся» (тема VI ~ «глава-слово» 5 ~ Minorsky § 5) завершается фразой *wa bi llāhi t-tawfiq* («помощь в Боге»).

«Слово о реках» (тема VII ~ «глава-слово» 6 ~ Minorsky § 6) завершается фразами *wa llāhu ʔaṣlam*, *wa lā quwwatan ʔillā bi llāh* («Бог всеведущ, и нет силы, кроме как в Боге»).

«Слово о пустынях и песках» (тема VIII ~ «глава-слово» 7 ~ Minorsky § 7) завершается фразами *wa llāhu ʔaṣlam*, *wa bi llāhi t-tawfiq* («Бог всеведущ, и помощь в Боге»).

Вместе с приводившимся выше «Словом об областях мира» (тема II ~ «глава-слово» 8 ~ Minorsky § 8) эти заключительные фразы позволяют сделать вывод о том, что концовки соответствующих глав совпадают с концовками разделов-*faṣl* авторской редакции.

В «слове о морях» (тема IV ~ «глава-слово» 3 ~ Minorsky § 3) заключительная теофорная фраза отсутствует (допустимы разные объяснения). Что же касается блока «глав-слов» 9–60 о шахрах (тема III ~ Minorsky § 9–61), то его концовка в рукописи («глава-слово» 60, Minorsky § 61) значительно повреждена (вырван кусок страницы снизу) и не дает вполне связного текста, хотя и ясно, что она представляет собою заключительное оформление крупного раздела-*faṣl*. Так или иначе, после сколько-нибудь внятно

читающихся фраз этого обрамления заключительная геофорная фраза так же отсутствует.

5. ЭКФРАСИС КАРТЫ МИРА: НАЧАЛЬНЫЕ ОБРАМЛЕНИЯ В РАЗДЕЛЕ ОБ ОБЛАСТЯХ И ШАХРАХ

Центральное место в сочинении — как по объему текста, так и по практическому значению фиксируемой в нем информации — занимает раздел о шахрах, описываемых по областям (Бартольд 1930. Fol. 13b–39b; Minorsky 1970/1982. P. 83–166; Mir-Ahmadi, Warahram (eds.) 1372 h. P. 176–533; Қосимов 1983. С. 44–116). Структура этого раздела весьма проста: он состоит из последовательности одинаково устроенных блоков, оформленных в дошедшей до нас редакции как «главы-слова» и снабженных заголовками того же уровня, то и заголовки больших тематических разделов. Начальное обрамление каждого такого блока почти по всех случаях представляет собою указание на географическое положение описываемой области относительно областей, граничащих с нею с четырех сторон света. Затем в блоке автор кратко описывает эту область по своей анкете (см. выше) и, наконец, дает перечень ее шахров с характеристикой каждого.

Сводный текст начальных обрамлений всех блоков раздела, выполненных по единому шаблону, представляет самостоятельный интерес как полный экфрасис карты, служившей автору X в. одним из базовых источников и, возможно, прилагавшейся к автографу сочинения, но не дошедшей до нас в рукописной традиции. По экфрасису можно составить отчетливое представление о том, какие области были подписаны на этой карте именно как *области мира* (*nāḥiyat*). Необходимо самым ясным образом подчеркнуть, что это текстовый слой, как следует из его предельной формализованности, выполнен не по литературным источникам или фрагментам устной традиции, как все прочие текстовые слои сочинения, а списан непосредственно с карты и с отраженных на ней реалий — линейных границ, физических объектов, областей-*nāḥiyat*, их взаимных соотношений и подписей ко всем ним.

nāḥiyat ī čīnstān, **nāḥiyat** ē st, kī **mašriq** ī ō daryāy ī **ʔuqyānūs** ī **mašriqī** st, wa **janūb** ī way **ḥudūd** ī wāq wāq [ast] ũ kōh ī sarandēb ũ daryāy ī **ʔaʕzam**, wa **mayrib** ī way hindūstān ũ tubbat ast, wa **šimāl** ī way **ḥudūd** ī tubbat ũ tuyuzyuz ũ xirxīz [ast]. <...>

[**nāḥiyat** ī hindūstān, **nāḥiyat** ē st, kī] **mašriq** ī way **nāḥiyat** ī čīn ast ũ tabbat, wa **janūb** ī way daryāy ī **ʔaʕzam** ast, wa **mayrib** ī way rōd ī mihrān

ast, wa **šimāl** ī way **nāḥiyat** ī šugnān [ū] wāxān ast ũ **baṣḍ** ē az tabbat. <...>

[**nāḥiyat** ī tabbat, **nāḥiyat** ē st, **kī**] **mašriq** ī ō **baṣḍ** ē az cīnān ast, wa **janūb** ī ō hindūstān ast, wa **mayrib** ī way **baṣḍ** ē az **ḥudūd** ī **māwarāʔunnahr** ast ũ **baṣḍ** ē az **ḥudūd** ī xallux, wa **šimāl** ī way **baṣḍ** ē az xallux ast ũ **baṣḍ** ē az tuḡuzḡuz. <...>

[**nāḥiyat** ī tuḡuzḡuz, **nāḥiyat** ē st, **kī**] **mašriq** ī ō **nāḥiyat** ī cīn ast, wa **janūb** ī way **baṣḍ** ē az tabbat ast ũ **baṣḍ** ē [az] xallux, wa **mayrib** ī way **baṣḍ** ē [az] xirxīz ast, wa **šimāl** ī way ham xirxīz ast, [**kī**] andar hamaf ī **ḥudūd** ī ō birawaḍ. <...>

[**nāḥiyat** ī yaḡmā, **nāḥiyat** ē st, **kī**] **mašriq** ī way **nāḥiyat** ī tuḡuzḡuz ast, wa **janūb** ī way rōḍ ī xuland ḡūn ast, **kī** andar rōḍ ī kučā aftaḍ, wa **mayrib** ī way **ḥudūd** ī xallux ast. <...>

[**nāḥiyat** ī xirxīz, **nāḥiyat** ē st, **kī**] **mašriq** ī way **nāḥiyat** ī cīn ast ũ daryāy ī **ʔuqyanūs** ī **mašriq**, wa **janūb** ī way **ḥudūd** ī tuḡuzḡuz ast ũ **baṣḍ** ē [az] xallux, wa **mayrib** ī way [**baṣḍ** ē] az **ḥudūd** ī kīmāk ast az wayrānī ī **šimāl**. <...>

[**nāḥiyat** ī xallux, **nāḥiyat** ē st, **kī**] **mašriq** ī way **baṣḍ** ē az **ḥudūd** ī tabbat ast ũ **ḥudūd** ī yaḡmā ũ **ḥudūd** ī tuḡuzḡuz, wa **janūb** ī way **baṣḍ** ē **ḥudūd** ī yaḡmā ũ **nāḥiyat** ī **māwarāʔunnahr** ast, wa **mayrib** ī way **ḥudūd** ī ḡūz [ast, wa **šimāl** ī way **ḥudūd** ī tuxs ũ čigil ũ tuḡuzḡuz [ast]. <...>

[**nāḥiyat** ī čigil], **nāḥiyat** ē st, wa **ʔašl** ī ō az xallux ast, walēkin **nāḥiyat** ē st bisyār mardum, wa **mašriq** ī ō ũ **janūb** ī ō **ḥudūd** ī xallux ast, wa **mayrib** ī way **ḥudūd** ī tuxs a, wa **šimāl** ī way **nāḥiyat** ī xirxīz ast. <...>

[**nāḥiyat** ī tuxs, **nāḥiyat** ē st, **kī**] **mašriq** ī way **ḥudūd** ī čigil ast, **janūb** ī way **ḥudūd** ī xallux ast ũ kōhstān hā ī xallux, wa **mayrib** ī way grōh ē az xirxīziyān and, wa **šimāl** ī way čigil ast. <...>

nāḥiyat [ī kīmāk], **nāḥiyat** ē st, [**kī**] **mašriq** ī ō jīns ē az xirxīz ast, wa **janūb** ī way rōḍ ī urtuš ast ũ rōḍ ī ātil, wa **mayrib** ī way **baṣḍ** ē az xifčāx ast ũ **baṣḍ** ē wayrānī ī **šimāl**, wa **šimāl** ī ō ān jā st az **šimāl**. <...>

[**nāḥiyat** ī ḡūz], **nāḥiyat** ē st, [**kī**] **mašriq** ī way biyābān ī ḡūz ũ šahr hā ī **māwarāʔunnahr**, wa **janūb** [ī way] **baṣḍ** ē ham az īn biyābān ũ dīgar daryāy ī xazarān ast, wa **mayrib** ũ **šimāl** ī ō rōḍ ī ātil ast. <...>

nāḥiyat [ī pačanāk, **nāḥiyat** ē st, **kī**] **mašriq** ī ō **ḥudūd** ī ḡūz ast, wa **janūb** aš **ḥudūd** ī **burtās** ũ brādās ast, wa **mayrib** aš **ḥudūd** ī maḡyarī ũ rōs ast, wa **šimāl** aš [rōḍ ī] **rūtā** st. <...>

xifčāx rā **ḥadd** ī **janūb** aš ba pačanāk dāraḍ, wa dīgar hamaf bā wayrānī ī **šimāl** dāraḍ, **kī** andar way hēč **ḡaywān** nēst. <...>

[**nāḥiyat** ī maḡyarī, **nāḥiyat** ē st, **kī**] **mašriq** ī ō kōh ē st, wa **janūb** ī way **qawm** ē tarsāyān and, wa ēšān rā wanandar xwānand, wa **mayrib** ũ **šimāl** aš **nawāḡiy** ī rōs ast. <...>

nāḥiyat [ī xurāsān, **nāḥiyat** ē st, kī] **mašriq** ī way hindūstān ast, wa **janūb** ī way **baṣḍ** ē az **ḥudūd** ī xurāsān ast ũ **baṣḍ** ē biyābān ī kargas kōh, wa **mayrib** ī way **nawāḥiy** ī gurgān ast ũ **ḥudūd** ī yūz, wa **šimāl** ī way rōd ī **ḡayḥūn** ast. <...>

[**nāḥiyat** ī **ḥudūd** ī xurāsān], **nāḥiyat** ē st, kī **mašriq** ī way hindūstān ast, wa **janūb** ī way biyābān ī sind ast ũ biyābān ī kirmān, wa **mayrib** ī way **ḥudūd** ī harē st, wa **šimāl** ī way **ḥudūd** ī ḡarčstān ũ ḡūzḡānān ũ tuxārstān [ast]. <...>

[**nāḥiyat** ī māwarāʔunnahr], **nāḥiyat** ē st, kī **ḥudūd** ī **mašriq** ī way **ḥudūd** ī tubbat ast, wa **janūb** ī way xurāsān ast ũ **ḥudūd** ī xurāsān, wa **mayrib** ī way yūz ast ũ **ḥudūd** ī xallux, wa **šimāl** aš ham **ḥudūd** ī xallux ast. <...>

[**nāḥiyat** ī] **ḥudūd** ī māwarāʔunnahr, **nāḥiyat** hā ē st parākandafi, **baṣḍ** ē bar **mašriq** ī māwarāʔunnahr ast, wa **baṣḍ** ē bar **mayrib** ī way ast, **ʔammā** ān k' andar **mašriq** ī māwarāʔunnahr ast, **mašriq** ī way **ḥudūd** ī tubbat ast ũ hindūstān, wa **janūb** ī way **ḥudūd** ī xurāsān ast, wa **mayrib** ī way **ḥudūd** ī čayāniyān ast, wa **šimāl** ī way **ḥudūd** ī srōšnafi ast az māwarāʔunnahr. <...>

[**nāḥiyat** ī sind], **nāḥiyat** ē st, [kī] **mašriq** ī way rōd ī mihrān ast, wa **janūb** ī way daryāy ī **ʔašzam** ast, wa **mayrib** ī way **nāḥiyat** ī kirmān ast, wa **šimāl** ī way biyābān ē st, kī ba **ḥudūd** ī xurāsān paywastafi ast. <...>

[**nāḥiyat** ī] kirmān, **nāḥiyat** ē st, [kī] **mašriq** ī way **ḥudūd** ī sind ast, wa **janūb** ī way daryāy ī **ʔašzam** ast, [wa] **mayrib** ī way **nāḥiyat** ī pārs ast, wa **šimāl** ī way biyābān ī sistān ast. <...>

[**nāḥiyat** ī pārs], **nāḥiyat** ē st, kī **mašriq** ī way **nāḥiyat** ī kirmān ast, wa **janūb** ī way daryāy ī **ʔašzam** ast, wa **mayrib** [ī way] rōd ī ṭāb ast, kī miyān ī pārs ũ xūzstān bugdaraḍ, wa **baṣḍ** ē az **ḥudūd** ī spāhān ast, wa **šimāl** ī way biyābān ī pārs ast az kargas kōh. <...>

[**nāḥiyat** ī xūzstān], **nāḥiyat** ē st, [kī] **mašriq** ī way pārs ast ũ **ḥudūd** ī spāhān, wa **janūb** ī way daryā st ũ **baṣḍ** ē az **ḥadd** ī **širāq**, wa **mayrib** ī way **baṣḍ** ē az **ḥudūd** ī **širāq** ast ũ **sawād** ī baydād ũ **wasiṭ**, [wa] **šimāl** ī way šahr hā ī **nāḥiyat** ī **jibāl** ast. <...>

[**nāḥiyat** ī **jibāl**], **nāḥiyat** ē st, [kī] **mašriq** ī way **baṣḍ** ē az **ḥudūd** ī pārs ast ũ **baṣḍ** ē az biyābān ī kargas kōh ũ **baṣḍ** ē az xurāsān, wa **janūb** ī way **ḥudūd** ī xūzstān ast, [wa] **mayrib** ī way **baṣḍ** ē az **ḥudūd** ī **širāq** ast ũ **baṣḍ** ē az **ḥudūd** ī ādarbāḍḡān, [wa] **šimāl** ī way kōh ī daylamān ast. <...>

[**nāḥiyat** ī daylamān], **nāḥiyat** ē bisyār ast bā zabān hā ũ **šurat** hā ī **muxtaliṭ**, kī ba **nāḥiyat** ī dayālim bāz xwānand, [wa] **mašriq** ī in **nāḥiyat** xurāsān ast, wa **janūb** aš šahr hā ī **jibāl** ast, wa **mayrib** aš **ḥudūd** ī ādarbāḍḡān ast, wa **šimāl** aš daryāy ī xazarān ast. <...>

[**nāḥiyat** ī **širāq**], **nāḥiyat** ē st, [kī] **mašriq** ī way **baṣḍ** ē [az] **ḥudūd** ī xūzstān ast ũ **baṣḍ** ē [az] **ḥudūd** ī **jibāl**, wa **janūb** ī way **baṣḍ** ē **xaliṭ** ī **širāq** ast ũ **baṣḍ** ē bādiyay ī **bašrah**, wa **mayrib** ī way bādiyay ī **bašrah**

ast ũ ān ī **kūfah**, wa **šimāl** ī way **bašd** ē az **ḥudūd** ī **jazīrah** ast ũ **bašd** ē az **ḥudūd** ī ādarbādgān. <...>

[**nāḥiyat** ī **jazīrah**], **nāḥiyat** ē st, kī az čahār sōy ast az dū rōd, yak ē dajlah ũ dīgar ē frāt, wa az **baḥr** ī ān īn **nāḥiyat** rā **jazīrah** xwānand. <...>

[**nāḥiyat** ī ādarbādgān], sē **nāḥiyat** st ba yak dīgar paywastah ũ **sawād** hā ī ēšān ba yak dīgar andar šudah, wa **mašriq** ī īn **nāḥiyat ḥudūd** ī gēlān ast, wa **janūb** ī way **ḥudūd** ī **širāq** ast ũ **jazīrah**, wa **mayrib** ī way **ḥudūd** ī rūm ast ũ **sarīr**, wa **šimāl** ī way **ḥudūd** ī **sarīr** ast ũ xazarān. <...>

[**nāḥiyat** ī šarab], **nāḥiyat** [ē] st, [kī] **mašriq** ī way daryāy ī **šumān** ast az daryāy ī **ʔašzam**, wa **janūb** ī way daryāy ī **ḥabašah** ast ham az [daryāy ī] **ʔašzam**, wa **mayrib** ī way daryāy ī **qulzum** ast ham az [daryāy ī] **ʔašzam**, wa **šimāl** ī way bādiyay ī **kūfah** ũ **šām** ast. <...>

[**nāḥiyat** ī šām], **nāḥiyat** ē st, [kī] **mašriq** ī way **bādiyah** ī **šām** ast az **ḥudūd** ī **šarab** ũ **ḥudūd** ī **jazīrah**, wa **janūb** ī way daryāy ī **qulzum** ast, wa **mayrib** ī way **ḥudūd** ī **mišr** ast ũ **bašd** ē az daryāy ī rūm, [wa] **šimāl** ī way **ḥudūd** ī rūm ast. <...>

[**nāḥiyat** ī mišr], **nāḥiyat** ē st, [kī] **mašriq** ī way **bašd** ē [az] **ḥudūd** ī **šām** ast ũ **bašd** ē biyābān ī **mišr**, wa **janūb** ī way **ḥudūd** ī **nūbah** ast, wa **mayrib** ī way **bašd** ē az **ḥudūd** ī **mayrib** ast, wa **bašd** ē biyābān ast, kī ān rā **al-wāḥāt** xwānand, wa **šimāl** ī way daryāy ī rūm ast. <...>

[**nāḥiyat** ī mayrib], **nāḥiyat** ē st, kī **mašriq** ī way **nāḥiyat** ī mišr ast, wa **janūb** ī way biyābān ē st, kī āxir aš ba **nāḥiyat** ī **sūdān** bāz dārađ, wa **mayrib** ī way daryāy ī **ʔuqyānūs** ī **mayribī** st, wa **šimāl** ī way daryāy ī rūm ast. <...>

[**nāḥiyat** ī ʔandalus], **nāḥiyat** ē st, [kī] **mašriq** ī way **ḥudūd** ī rūm ast, wa **janūb** ī way **xalīj** ī daryāy ī rūm ast, wa **mayrib** ī way daryāy ī **ʔuqyānūs** ī **mayribī** st, wa **šimāl** ī way ham **nāḥiyat** ī rūm ast. <...>

[**nāḥiyat** ī rūm], **nāḥiyat** ē st, [kī] **mašriq** ī way armēniyah ũ **sarīr** ũ allān ast, wa **janūb** ī way **bašd** ē az **ḥudūd** ī **šām** ast, wa **bašd** ē daryāy ī rūm ast, wa **bašd** ē [az] **ḥudūd** ī ʔandalus ast, [wa] **mayrib** ī way daryāy ī **ʔuqyānūs** ī **mayribī** st, wa **šimāl** ī way **bašd** ē wayrānī ī **šimāl** ast. <...>

[**nāḥiyat** ī šaqlāb], **nāḥiyat** ē st, [kī] **mašriq** ī way bulyār ī andarūnī st ũ **bašd** ē az rōs, wa **janūb** ī way **bašd** ē az daryāy ī karz ast ũ **bašd** ē az [daryāy ī] rūm, wa **mayrib** ī way ũ **šimāl** ī way hamah biyābān hā ī wayrānī ī **šimāl** ast. <...>

[**nāḥiyat** ī rōs], **nāḥiyat** ē st, kī **mašriq** ī way kōh ī pačanāk ast, wa **janūb** ī way rōd ī rūtā st, [wa] **mayrib** ī way **šaqlāb** ast, wa **šimāl** ī way wayrānī ī **šimāl** ast. <...>

[**nāḥiyat** ī bulyār ī andarūnī], **nāḥiyat** ē st, kī] **mašriq** ī way marwāt ast, wa **janūb** ī way daryāy ī karz ast, wa **mayrib** ī way **šaqlāb** ast, wa **šimāl** ī way kōh ī rōs ast. <...>

[**nāḥiyat** ī marwāt, **nāḥiyat** ē st, kī] **mašriq** ī way **bašd** ē kōh ast ū **bašd** ē pačanāk ī xazar, wa **janūb** ī way **bašd** ē pačanāk ī xazar ū daryāy ī karz ast, wa **mayrib** aš **bašd** ē daryāy ī karz ast ū buljār ī andarūnī, wa **šimāl** aš **bašd** ē buljār ī andarūnī ast ū kōh ī wanandar. <...>

[**nāḥiyat** ī pačanāk ī xazar, **nāḥiyat** ē st, kī] **mašriq** ī way kōh ī xazarān ast, wa **janūb** ī way allān ast, wa **mayrib** ī way daryāy ī karz ast, wa **šimāl** ī way marwāt ast. <...>

[**nāḥiyat** ī allān, **nāḥiyat** ē st, kī] **mašriq** ū **janūb** ī way **sarīr** ast, wa **mayrib** ī way rūm ast, wa **šimāl** ī way daryāy ī karz ū pačanāk ī xazar ast. <...>

[**nāḥiyat** ī sarīr, **nāḥiyat** ē st, kī] **mašriq** ū **janūb** ī way **ḥudūd** ī armēniyahī ast, wa **mayrib** ī way **ḥudūd** ī rūm ast, wa **šimāl** ī way **nāḥiyat** ī allān ast. <...>

[**nāḥiyat** ī xazarān], **nāḥiyat** ē st, [kī] **mašriq** ī way dēwār ē st miyān kōh ū daryā, wa dīgar daryā st ū **bašd** ē az rōd ī ātil, wa **janūb** ī way **sarīr** ast, wa **mayrib** aš kōh ast, wa **šimāl** aš brādas ast ū wanandar. <...>

[**nāḥiyat** ī bur̄tās, **nāḥiyat** ē st, kī] **mašriq** ū **janūb** aš yūz ast, wa **mayrib** aš rōd ī ātil ast, wa **šimāl** aš **nāḥiyat** ī pačanāk ast. <...>

[**nāḥiyat** ī brādas], **nāḥiyat** ē st, [kī] **mašriq** ī way rōd ī ātil [ast], wa **janūb** ī way xazarān [ast], wa **mayrib** aš wanandar [ast], wa **šimāl** aš pačanāk ī turk. <...>

[**nāḥiyat** ī wanandar], **nāḥiyat** ē st, [kī] **mašriq** aš brādas [ast], wa **janūb** aš xazarān [ast], wa **mayrib** aš kōh [ast], wa **šimāl** aš majyarī [ast]. <...>

ʔammā nāḥiyat hā ī **janūb** rā mardumān aš hamafī siyah and az garmī ī **hawāʔ** ī ēšān, wa bēštar az ēšān mardumān ī barahnaḥī and, wa andar hamafī ī zamīn hā ū **nawāḥiy** ī ēšān zar(r) ast, wa mardumān ī way az **ištidāl** ī mardumī dūrand.

[**nāḥiyat** ī zangstān], mihtarīn **nāḥiyat** ē st, [kī] andar **janūb** ū **bašd** ē az **mašriq** ī way ba **zābaʔ** paywastafī ast, wa **šimāl** aš ba daryāy ī **ʔašzam** ū **bašd** ē az **mayrib** aš ba **ḥabašah**, wa **janūb** aš kōh ast. <...>

[**nāḥiyat** ī zābaʔ, **nāḥiyat** ē st, kī] **mayrib** ū **bašd** ē az **janūb** ī way **nāḥiyat** ī zangstān ast, wa **šimāl** aš daryā st, wa dīgar hamafī biyābān ī **janūb** ast. <...>

[**nāḥiyat** ī ḥabašah, **nāḥiyat** ē st, kī] az **mašriq** ī way **bašd** ē az zangiyān and, wa **janūb** aš ū **mayrib** aš biyābān ast ū **šimāl** aš daryāw ū **bašd** ē az **xalīʔ** ī barbarī. <...>

[**nāḥiyat** ī buʔah,] **nāḥiyat** ē st, [kī] **mašriq** ū **janūb** ū **mayrib** ī way biyābān [ī **janūb** ast], wa **šimāl** ī way ān biyābān ast, kī miyān ī **ḥabašah** ū **buʔah** ū **nūbah** ū daryā st. <...>

[**nāḥiyat** ī nūbah, **nāḥiyat** ī] **janūb** ī st, wa **šimāl** ī way **nāḥiyat** ī [mišr ast ...]. <...>

[**nāḥiyat** ī **sūdān**.] **nāḥiyat** ē st, [kī] **mašriq** ū **janūb** ī way ba **biyābān** ī **janūb** bāz **dāraḍ**, wa **mayrib** ī way **daryāy** ī **ʔuqyānūs** ī **mayribī** st, wa **šimāl** ī way **biyābān** ē st, kī **miyān** ī **mayrib** ū **ēšān** ast. <...>

hamaf ī **nāḥiyat** hā ī **ābādān**, kī andar **jahān** ast, īn ast, [kī **nigāh** **kardēm**] az **musulmānī** ū **kāfirī** ba **nawāḥiy** ī **mašriq** ū **mayrib** ū **šimāl** ū **janūb**. <...>

Область Чинистан — [такая] область, на восток от которой находится море Восточный Океан, на юг от нее находятся окраины Вак Вака, горы Сарандиба и Великое море, на запад от нее находятся Хиндустан и Тибет, на север от нее находятся окраины Тибета, тугузгузы и хирхизы. <...>

[Область Хиндустан — такая область,] на восток от которой находятся область Чин и Тибет, на юг от нее находится Великое море, на запад от нее находится река Михран, на север от нее находятся области Шугнан, Вахан и отчасти Тибет. <...>

[Область Тибет — такая область,] на восток от которой находится часть Чинистана, на юг от нее находится Хиндустан, на запад от нее находятся отчасти окраины Мавараннахра, отчасти окраины халлухов, на север от нее находятся отчасти халлухи и отчасти тугузгузы. <...>

[Область тугузгузов — такая область,] на восток от которой находится область Чин, на юг от нее находятся отчасти Тибет и отчасти халлухи, на запад от нее отчасти находятся хирхизы, на север от нее находятся все остальная [область] хирхизов, которая тянется вдоль всех окраин [тугузгузов]. <...>

[Область йагма — такая область,] на восток от которой находится область тугузгузов, на юг от нее находится река Хуланд-гун, которая впадает в реку Куча, на запад от нее находятся окраины халлухов. <...>

[Область хирхизов — такая область,] на восток от которой находятся область Чин и море Восточный Океан, на юг от нее находятся окраины тугузгузов и отчасти халлухов, на запад от нее находятся отчасти окраины кимаков и [отчасти] северная необитаемая [земля]. <...>

[Область халлухов — такая область,] на восток от которой находятся отчасти окраины Тибета, окраины йагма и окраины тугузгузов, на юг от нее находятся отчасти окраины йагма и область Мавараннахр, за запад от нее находятся окраины гузов, на север от нее находятся окраины тухсов, чигилей и тугузгузов. <...>

[Область чигилей] — особая область, основа [этого народа произошла] от халлухов, хотя эта область многолюдна. На восток от нее и юге от нее находятся окраины халлухов, на запад от нее находятся окраины тухсов, на север от нее область хирхизов. <...>

[Область тухсов — такая область,] на восток от которой находятся окраины чигилей, на юг от нее находятся окраины халлухов и

многочисленные горы халлухов, на запад от нее находится [особая] группа хирхизов, на север от нее находятся чигили. <...>

Область [кимаков], — такая область, на восток от которой находятся [особый] род (*jins*) хирхизов, на юг от нее находятся река Уртуш и река Атил, на запад от нее находятся отчасти хифчахи, отчасти северная необитаемая [земля], на север от нее находятся те же места северной необитаемой [земли]. <...>

[Область гузов] — такая область, на восток от которой находятся пустыня гузов и шахры Мавараннахра, на юг [от нее] находятся остальная часть этой пустыни, а также Хазарское море, на запад от нее находится река Атил. <...>

Область [печенегов — такая область,] на восток от которой находятся окраины гузов, на юг от нее находятся окраины буртасов и брада-сов, на запад от нее находятся окраины [народа] маджгари и росов, на север от нее находится река Дунай. <...>

Окраина хифчахов примыкает юге к печенегам, а также примыкает [на севере] ко всей северной необитаемой [земле], в которой нет ничего живого. <...>

[Область маджгарийцев — такая область,] на восток от которой находятся горы, на юг от нее находится племя (*qawm*) христиан, которое называется ванадары, на запад и север от нее находятся области (*nawāhiy*) росов. <...>

Область [Хурасан — такая область,] на восток от которой находится Хиндустан, на юг от нее находятся отчасти окраины Хурасана, отчасти пустыня Каргаскух, на запад от нее находятся области (*nawāhiy*) Гургана и окраины гузов, на север от нее находится река Джайхун. <...>

[Область окраин Хурасана] — такая область, на восток от которой находится Хиндустан, на юг от которой находится пустыня Синда и пустыня Кирмана, на запад от нее находятся окраины Герата, на север от нее [находятся] окраины Гарчистана, Гузганана и Тухаристана. <...>

[Область Мавараннахр] — такая область, на восточных окраинах которой окраины Тибета, и юге от нее Хурасан и окраины Хурасана, на западе от нее гузы и окраины халлухов, на севере только окраины халлухов. <...>

[Область] окраин Мавараннахра — смежные области, отчасти на востоке Мавараннахра, отчасти на его западе. Что касается тех, которые находятся на востоке Мавараннахра, то на восток от них находятся окраины Тибета и Хиндустан, на юг от них находятся окраины Хурасана, на запад от них находятся окраины Чаганиана, на север от них окраины Срошны, [входящей в состав] Мавараннахра. <...>

[Область Синд] — такая область, на восток от которой находится река Михран, на юге от нее находится Великое море, на западе от нее находится область Кирман, на севере от нее находится пустыня, которая примыкает к окраинам Хурасана. <...>

[Область] Кирман — такая область, на восток от которой находятся окраины Синда, на юге от нее находится Великое море, на западе от нее находится область Парс, на севере от нее находится пустыня Систана. <...>

[Область Парс], — такая область, на восток от которой находится область Кирман, на юг от нее находится Великое море, на запад от нее находятся река Таб, которая проходит между Парсом и Хузистаном, и частично окраины Спахана, на север от нее находится пустыня Парса, [являющаяся частью пустыни] Каргаскух. <...>

[Область Хузистан], — такая область, на восток от которой находятся Парс и окраины Спахана, на юг от нее находятся [Великое] море и отчасти окраины Ирака, на западе от нее находятся отчасти окраины Ирака и сельская округа Багдада и Васита, на север от нее находятся шахры области Джибал. <...>

[Область Джибал], — такая область, на восток от которой находятся отчасти окраины Парса, отчасти пустыня Каргаскух, отчасти Хурасан, на юг от нее находятся окраины Хузистана, на запад от нее находятся отчасти окраины Ирака и отчасти окраины Адарбадгана, на север от нее находятся горы Дайламана. <...>

[Область Дайламан] — богатая область со множеством языков и ландшафтов, которая называется областью многих Дайламов. На восток от этой области находится область Хурасан, на юг от нее находятся шахры Джибала, на запад от нее находятся окраины Адарбадгана, на север от нее находится Хазарское море. <...>

[Область Ирак] — такая область, на восток от которой находятся отчасти окраины Хузистана, отчасти окраины Джибала, на юг от нее находятся отчасти Иракский залив и отчасти пустошь Басры, на запад от нее находятся пустошь Басры и пустошь Куфы, на север от нее находятся отчасти окраины Джазиры, отчасти окраины Адарбадгана. <...>

[Область Джазира], — такая область, по [всем] четырем сторонам которой [протекают] две реки: одна Тигр, другая Евфрат, и по этой причине эту область называют *островом*. <...>

[Область Адарбадган] — это три области, примыкающие друг к другу, так что их сельские округа перекрывают друг друга. На восток от этой области находятся окраины Гелана, на юг от нее находятся окраины Ирака и Джазиры, на запад от нее находятся окраины Рума и Сарира, на север от нее находятся окраины Сарира и хазары. <...>

[Область Аравия], — такая область, на восток от которой находится море ‘Умана, [являющееся частью] Великого моря, на юг от нее находится Эфиопское море, полностью являющееся [частью] Великого [моря], на запад от нее находится море Кулзума, полностью являющееся [частью] Великого [моря], на север от нее находятся пустошь Куфы и Шам. <...>

[Область Шам], — такая область, на восток от которой находится пустошь Шама, являющаяся [частью] окраин Аравии и окраин Джазир, на юг от нее находится море Кулзума, на запад от нее находятся окраины Египта и отчасти море Рума, на север от нее находятся окраины Рума. <...>

[Область Египет], — такая область, на восток от которой находятся отчасти окраины Шама и Египетская пустыня, на юг от нее находятся окраины Нубы, на запад от нее находятся отчасти окраины Магриба и отчасти пустыня, которую называют [Пустыней] оазисов, на север от нее находится море Рума. <...>

[Область Магриб], — такая область, на восток от которой находится область Египет, на юг от нее находится пустыня, другой [край] которой примыкает к области Судан, на запад от нее находится море Западный Океан, на севере от нее находится море Рума. <...>

[Область Андалус], — такая область, на восток от которой находятся окраины Рума, на юг от нее находится пролив моря Рума, на запад от нее находится море Западный Океан, на север от нее находится вся область Рум. <...>

[Область Рум], — такая область, на восток от которой находятся Армения, Сарир и аланы, на юг от нее находятся окраины Шама, отчасти море Рума, отчасти окраины Андалуса, на запад от нее находится море Западный Океан, на север от нее находится северная необитаемая [земля]. <...>

[Область саклабов] — такая область, на восток от которой находятся внутренние булгары и отчасти росы, на юг от нее находятся отчасти море Карза и отчасти [море] Рума, на запад от нее и север от нее находятся все [прочие] пустыни и северная необитаемая [земля]. <...>

[Область росов] — такая область, на восток от которой находятся горы печенегов, на юг от нее находится река Дунай, на запад от нее находятся саклабы, на север от нее находится северная необитаемая [земля]. <...>

[Область внутренних булгар — такая область,] на восток от которой находятся мирваты, на юг от нее находится море Карза, на запад от нее находятся саклабы, на север от нее находятся горы росов. <...>

[Область мирватов — такая область,] на восток от которой находятся отчасти горы и отчасти печенеги и хазары, на юг от нее находятся отчасти хазарские печенеги и море Карза, на запад от нее находятся отчасти море Карза и внутренние булгары, на север от нее находятся отчасти внутренние булгары и горы ванандаров. <...>

[Область Пачанак хазарский — такая область,] на восток от которой находятся горы хазар, на юг от нее находятся аланы, на запад от нее находится море Карза, на север от нее находятся мирваты. <...>

[Область аланов — такая область,] на восток и юг от которой находится Сарир, на запад от нее находится Рум, на север от нее находятся море Карза и хазарские печенеги. <...>

[Область Сарир — такая область,] на восток и юг от которой находятся окраины Армении, на запад от нее находится Рум, на север от нее находится область аланов. <...>

[Область хазар,] — такая область, на восток от которой находится стена между горами и морем, а также море и отчасти река Атил, на юг от нее находится Сарир, на запад от нее находятся горы, на север от нее находятся брадасы и ванандары. <...>

[Область бургасов — такая область,] на восток и юг от которой находится Гуз, на запад от нее находится река Атил, на север от нее находятся область Пачанак. <...>

[Область брадасов] — такая область, на восток от которой находится река Атил, на юг от нее находится хазары, на запад от нее находятся ванандары, на север от нее находятся тюркские печенеги. <...>

[Область ванандаров] — такая область, на восток от которой находятся брадасы, на юг от нее находятся хазары, на запад от нее находятся горы, на север от нее находится маджгарийцы. <...>

Что касается областей юга, [то живущие в] них народы (*mardumān aš*) все черные (*siyah*) из-за жары (*garmī*) их воздуха (*hawā? ʾ ʿšān*). Большинство этих народов [живут] обнаженными (*barahnāhī*). Во всей их земле и их областях имеется золото. [Эти] народы далеки от норм цивилизованного [образа жизни].

[Область Зангистан] — наибольшая из стран юга. На востоке она отчасти примыкает к [области] Забадж, на север от нее находится Великое Море и отчасти Эфиопия, на юг от нее горы. <...>

[Область Забадж — такая область,] на запад и отчасти на юг от которой находится область Зангистан, на север от нее находится море, а также вся южная пустыня. <...>

[Область Эфиопия — такая область,] на востоке от которой живет часть зангийцев, на юг и запад от нее находится пустыня и на север от нее Берберский залив (*sic*). <...>

[Область Буджа] — такая область, на восток, юг и запад от которой находится [южная] пустыня, на север от нее находится та же пустыня, которая расположена между Эфиопией, Буджей, Нубой и морем. <...>

[Область Нуба] — южная [область], на север от нее [расположена] область [Египет...]. <...>

[Область Судан] — такая область, к которой на восток и юг примыкает южная пустыня, на запад от нее находится море Западный Океан, на север от нее пустыня, которая находится между Магрибом и [Суданом]. <...>

Все области обитаемой [части], которые существуют в мире, — вот что [мы описали] из мусульманских (*musulmānī*) и немусульманских (*kāfirī*) областей (*nawāhiy*) востока, запада, севера и юга. <...>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет предположительно реконструировать авторский замысел и первоначальную структуру сочинения, а также алгоритм его редакторского преобразования к тому облику, который читается в дошедшей до нас рукописи середины XIII в.

Сочинение под названием *Kitāb andar šifat ʾi zamīn* («Книга о строении земли»), начатое составлением в 372 г. х. (982/983), представляло собою текстовое приложение к круглой карте мира и состояло из введения и восьми разделов (*faṣl*). Заголовки этих разделов в том виде, в каком они могли читаться в протографе, предположительно восстанавливаются следующим образом:

I — *faṣl ʾi nihād ʾi zamīn* «раздел [о] строении земли»,

II — *faṣl ʾi nāhiyat hā ʾi jahān* «раздел [об] областях мира»,

III — *faṣl ʾi šahr hā ʾi jahān* «раздел [о] шахрах мира»,

IV — *faṣl ʾi daryā hā ʾi zamīn* «раздел [о] морях земли»,

V — *faṣl ʾi jazīra hā ʾi zamīn* «раздел [об] островах земли»,

VI — *faṣl ʾi kōh hā ʾi zamīn* «раздел [о] горах земли»,

VII — *faṣl ʾi rōd hā ʾi zamīn* «раздел [о] реках земли»,

VIII — *faṣl ʾi biyābān hā ʾi zamīn* «раздел [о] пустынях земли».

В каждом разделе автор решал задачу исчерпывающего представления релевантного материала, при этом информация вводилась им проективно и кумулятивно: автор стремился объяснять неизвестное через известное и без надобности не давать ссылок на еще не описанные объекты. Материал представлялся автором в форме комментированных перечней, а фрагменты экфрасиса карты следовали принципу описания объектов и их последовательностей с правой (восточной)

стороны и по часовой стрелке. Каждый раздел завершался теофорным маркером конца раздела — их сохранилось шесть из, предположительно, восьми первоначальных.

Авторский текст в дошедшей рукописной редакции сохранился практически в полном объеме. Редакторское вмешательство коснулось только перемещения разделов II и III в позицию после раздела VIII, понижения всех разделов (авторских *faṣl*) до статуса «слов» (редакторских *sixan*) и фрагментации раздела III на более чем пятьдесят отдельных «слов», заголовки которых были даны по начальным словам блоков-описаний областей мира. Полученный таким образом текст скопирован в сборную рукопись и дополнительно получил под каламом редактора-переписчика оглавление-фихрист, целиком построенный, с рядом мелких огрех и недочетов, на материале новых заголовков внутри переписываемого текста. Наконец, в составе сборника наше сочинение получило и новое — вместо авторского, утраченного на каком-то этапе рукописной истории — название *Kitāb ḥudūd al-ṣālam mina l-mašriq ʔilā l-maḡrib* («Книга о регионах мира с востока на запад»).

Я полагаю, что давно необходимое отечественной историко-филологической науке издание текста (в арабской графике с точной фонетико-фонологической транскрипцией) и комментированного русского перевода этого ценного памятника, которому суждено появиться в будущем, должно учитывать сформулированные выше текстологические выводы и представить сочинение максимально близко к первоначальному авторскому замыслу, т. е. с удалением всех видимых (и весьма немногочисленных) следов редакторского вмешательства XIII в.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Бартольд В.В.* Худūd ал-‘āлем: рукопись Туманского / С введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930. [*Bartol'd V.V. Khudūd al-‘ālem: rukopis' Tuman'skogo* (Ḥudūd al-‘ālem: the Manuscript of Tumansky) / With a preface and an index by V. Barthold. Leningrad, 1930.]
- Қосимов Н.* Худуд-ул-олам / Таҳиягари матн Н. Қосимов. Мухаррири масуъл ва муаллифи пешгуфтор А. Мухторов. Душанбе, 1983. [*Qosimov N. Hudud-ul-olam* / Editor of text N. Qosimov. Edited and with a preface by A. Mukhtorov). Dushanbe, 1983.]
- Minorsky V.* Ḥudūd al-‘Ālam, ‘The Regions of the World’: A Persian Geography, 372 A.H.–982 A.D. / Translated and explained by V. Minorsky. 2nd edition edited by C.E. Bosworth [1970] (E.J.W. Gibb Memorial Series. New Series. [Vol.] XI). Cambridge, 1982.

Mir-Ahmadi M., Warahram Gh.-R. (eds.). *Hudud al-‘Alam*, ‘The Regions of the World’: A Persian Geography, 372 A.H.–982 A.D. / Expl. by V. Minorsky. Transl. by M.H. Shah. Ed. by M. Mir-Ahmadi and Gh.-R. Warahram. Tehran, 1372 h.

Vïacheslav S. Kuleshov

THE REGIONS OF THE WORLD FROM EAST TO WEST: TOWARDS THE ANALYSIS OF THE STRUCTURE AND POETICS OF A 10TH CENTURY PERSIAN GEOGRAPHICAL TREATISE

The paper aims to analyze aspects on the structure and poetics of a 10th-century monument of geographical literature in Persian entitled *Ḥudūd al-‘Ālam mina l-mašriq ʔilā l-maġrib* (“The Regions of the World from East to West”). The central place in the treatise is occupied by a list of the regions of the world placed on a map and described as to it. A reconstruction is conducted of details of the author’s initial plan, which is explicitly shown both in the text of the introductory chapter and in notes inside the rest of the text, but transformed in the survived manuscript version. The reconstruction is made possible based on a comparison between the list of chapters invented by a thirteen-century editor of the manuscript and the contents of the treatise itself, as well as in relation to the author’s statements of key importance describing his views. This kind of analysis makes it possible to observe the initial plan of the treatise in the following way. The work entitled *Kitāb andar šifat ʔ zamīn* (“The Book about the Structure of the Earth”) appeared to be an explanatory textual appendix to a round map of the world and consisted of an introduction and eight larger sections (*faṣl*): on the structure of the Earth, on the regions of the world, on the *shahrs* of the world, on seas, on islands, on mountains, on large rivers, and on deserts. The author’s text in the survived manuscript is practically fully intact. Editorial intrusions only concern moving of the sections on regions and *shahrs* to a new position after the section on deserts, lowering all sections (the author’s *faṣl*) down the status of ‘chapters’ (the editor’s *suxan*), and splitting the section on *shahrs* into more than fifty distinct chapters, entitled in accordance with the initial words of the descriptions the world’s region within the larger section. In each larger section, the author had to give an exhaustive account of the relevant material presented in the form of commented listings, given that the fragments of the map’s ecphrasis followed the principle of describing objects and their sequences starting from the right, that is from east, and then clockwise. Each larger section ended with a certain terminational marker.

Keywords: Ḥudūd al-‘ālam, geography, cartography, literature, Islam, Middle Ages, Persian language, structure, poetics, transcription of text

DOI: 10.32608/1560-1382-2021-42-464-492

Б.Е. Рашковский

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА И ЕЕ СВЯЗИ С МИРОМ ИСЛАМА ГЛАЗАМИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЕВРЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ¹

В статье рассматриваются свидетельства раннесредневековых еврейских путешественников IX–XII вв. о контактах Восточной Европы с исламским миром. Эти сведения подтверждают реальность описанного ибн Хордадбехом пути иудейских торговцев *ар-разания* по суше через Центральную и Восточную Европу, а также данных Ибрахима ибн Йакуба о наличии регулярных торговых связей между польскими, русскими и чешскими землями. Реальность существования пути из Центральной Европы на Русь подтверждается данными не только современника Ибрахима ибн Якуба — Хасдая ибн Шапруга, но и сочинениями авторов конца XII в. — Вениамина из Туделы и Петахия из Регенсбурга. Наряду с этим в статье рассматриваются свидетельства о связях между иудейскими общинами Центральной и Восточной Европы и Ближним Востоком, обусловленные и другими, не связанными с торговлей причинами. К числу последних относились паломнические практики, связанные с посещениями библейских памятников и святых мест Палестины и Вавилонии и обращения иудейских общин Центральной и Восточной Европы к ближневосточным религиозным авторитетам. Публикуются ранее не переводившиеся на русский язык свидетельства источников. В их числе приводится полный русский перевод письма общины Салоник об иудейских паломниках из Руси в Византии и на Ближнем Востоке в XI в. Также дается новый перевод фрагментов о Руси и Восточной Европе из «Книги путешествий» Вениамина из Туделы, основанный на критическом издании памятника с использованием разночтений по его ранним рукописям.

Ключевые слова: Ибн Хордадбех, Ибрахим ибн Йакуб, Петахия из Регенсбурга, Вениамин из Туделы, ар-Раззанийя, торговые пути, Восточная Европа, средневековые еврейские источники, арабо-персидская историко-географическая литература

В данной статье я рассмотрю свидетельства средневековых еврейских путешественников о связях Восточной Европы с мусульманским

---

¹ Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

Востоком в домонгольский период (IX–XII вв.). Часть их впервые была введена в оборот российской науки П. Марголиным (Три еврейские путешественники (sic!) 1881)². Я прокомментирую избранные отрывки из этих источников, опираясь на критические издания Грюнхута (Sivuv 1905) и Адлера (Itinerary 1907; Adler 1930). В некоторых случаях русские переводы текстов, приводимые в статье, были сверены также с наиболее ранними доступными мне рукописными версиями сочинений Петахии из Регенсбурга и Вениамина из Туделы.

Итак, до позднего Средневековья Восточная Европа (за исключением античных городов Таврики и Боспора Киммерийского) никогда не была значительным центром расселения иудейской диаспоры. Однако, существование этих общин не оставило никаких свидетельств в источниках, за исключением серии памятников эпитафии (КБН. № 70–73, 724, 736, 743, 746, 777, 1124; Даньшин 1993; IJO. Vol. 1. P. 260–263) и отдельных упоминаний в письменных источниках (PL. Vol. 25. Coll. 1114–1115). Для раннего средневековья (IX–XII вв.) — ситуация обратная: на некоторое количество дошедших до нашего времени письменных упоминаний (Коковцов 1932; Голб, Прицак 2003; Чичуров 1980. С. 60, 110) приходится почти полное отсутствие данных археологии (Петрухин, Флёров 2010; Kovalev 2004; Kovalev 2005) в отношении не только Хазарии, но и Древней Руси.

Тем не менее, уже в первых сохранившихся в письменных источниках, говорящих о связях средневековой Восточной Европы с миром ислама, присутствует информация об участии в этих контактах представителей еврейских общин. К наиболее раннему пласту этой информации относится знаменитый рассказ об иудейских купцах — *ар-раззанийя*³, зафиксированном в различных формах в сочинениях ибн ал-Факиха и ибн Хордадбеха (Lewicki 1956. S. 74–77; 1969. S. 26–29; Ибн Хордадбех 1986. С. 123–124; Новосельцев 2000. С. 291–292; Древняя Русь 2009. Т. III. С. 30–32; Калинина 2015). Один из их маршрутов, упомянутый в сочинении ибн Хордадбеха, проходил (по сведениям персидско-арабского автора) позади Румийи⁴, через земли славян

---

² Это издание, подготовленное, по словам редакционной статьи «Еврейской энциклопедии Брокгауза» (ЕЭБЕ. Т. 10. Стб. 621), «не без ошибок», до сих пор используется в качестве главного источника сведений русского читателя по проблеме данной статьи. Оно было переиздано в 2004 г.

³ Наиболее подробные сводки литературы об интерпретации этого термина и идентификации купцов ал-Раззанийя см. в комментариях Т.М. Калининой (Древняя Русь 2009. Т. III. С. 30, примеч. 43) и Н. Велихановой (Ибн Хордадбех 1986. С. 38–42).

⁴ Италии или Византии. См.: Древняя Русь 2009. Т. III. С. 32, примеч. 59. Судя по контексту его сочинения, остается предполагать, что речь идет территориях, расположенных к северу от Румийи.

(арабск. *ас-сакалиба*) в сторону города Хазар — Хамлиджа, продолжаясь далее по морю Джурждана (т. е. Каспию) через Балх и Мавараннахр во владения (Урт) тогузгузов и Китай. Этот маршрут обрисован ибн Хордабехом весьма бегло и передает лишь самое общее направление, соединяющее христианский запад — Румийю (или страны, лежащие к северу от нее) с Мавараннахром или мусульманским северо-востоком через славянские земли и Хазарию. Другой важный момент, зафиксированный уже у ибн Хордадбега, — преимущественная роль именно *торговых* еврейских связей Восточной Европы с исламским миром. Это представление, во многом с легкой руки этого автора (как и его продолжателя ибн ал-Факиха), получило широкое распространение. Его трудно оспаривать, поскольку участие в международной торговле было важным фактором жизни иудейских общин и относилось к числу почетных занятий с точки зрения средневекового еврейского общества. К тому же это участие было хорошо заметно и принадлежавшим к другим культурам современным наблюдателям, равно как и последующей историографии (см: Назаренко 1993. С. 64, 67, 99–100). Однако, как будет показано ниже, посещения мусульманского Востока еврейскими путешественниками из Европы далеко не всегда были вызваны именно коммерческими интересами.

Важно отметить также, что активность еврейских купцов в установлении и развитии торговых связей между христианским Западом и мусульманским Востоком прошла для подавляющего большинства еврейских авторов раннего Средневековья практически незамеченной. Литература эпохи гаонов⁵ содержит лишь крайне ограниченный набор сведений о связях Вавилонии — крупнейшего центра иудейской диаспоры того времени — со странами Европы (за исключением ал-Андалуса и Византии). Упоминания о христианской (латинской) части Западной Европы в этой литературе еще менее многочисленны. При этом реалии, связанные с торговлей (речь идет об одной из ярмарок, гипотетически отождествляемой с ярмаркой Сен-Дени), засвидетельствованы в этих текстах лишь единожды (Броди 2006. С. 158–159).

Об аналогичных восточно-европейских связях вавилонских талмудических академий в IX–X вв. известно из единственного упоминания во фрагменте респонса⁶ Саадьи Гаона, главы талмудической академии

---

⁵ Гаон (ивр. *gaon* — гордость, величие) — почетный титул глав талмудических академий (ивр., мн.ч. *uešivot*) в Вавилонии VI–XI вв. Соответственно, именно этот период — эпоха главенства двух крупнейших академий Вавилонии Суры и Пумбедиты — и получил в истории еврейской культуры название «эпохи гаонов».

⁶ Ответа на вопрос по иудейскому религиозному праву (галахе).

Суры в 928–942 гг. (Там же. С. 277–278): «Мы сообщаем вам, что прибыли люди из вашей местности ко вратам Академии и сказали, что в вашем городе был человек по имени Исаак сын Авраама, который отправился к хазарам» (Harkavy 1887. S. 278; 1897. P. 246; Рашковский 2010. С. 83)⁷. Это известие не содержит никакой исторически значимой информации за исключением упоминания факта посещения Хазарии анонимным⁸ представителем ближневосточной еврейской общины во второй четверти X в. С большой долей уверенности можно говорить лишь о том, что этот человек был раббанитом, а не караимом (коль скоро его упоминание происходит именно из раввинистического источника), но не более. Как видно, скудость сведений о связях еврейских общин в странах исламского мира с Восточной Европой вполне соответствует скромному месту, которое в раннем Средневековье этот регион занимал в их демографии и культуре.

С другой стороны, и к X в., и к более поздним временам относятся и другие свидетельства, подтверждающие историчность данных ибн Хордадбеха о маршруте иудейских купцов «*позади Румийи*». К их числу, в первую очередь, следует отнести данные из письма Хасдая ибн Шапрута о попытке отправить письмо хазарскому кагану Иосифу через страну г-б-л-им⁹, Венгрию, Русь и Волжскую Булгарию. Сходство этого маршрута с описанным ибн Хордадбехом путем купцов ар-раззанийя по суше не раз уже отмечалось в историографии (Назаренко 1988. С. 56; Karłony 1996. S. 150–151; Коновалова 2010. С. 97).

Хасдай весьма витиеватым и поэтическим образом (Коковцов 1932. С. 16, 66) выразил желание побывать в Хазарии, однако реальность посещения им Восточной Европы, несмотря на категорическое утверждение ибн Хаукала (BGA II₂. P. 193) сомнительна. Прочие современные Хасдаю источники не подтверждают мнения о том, что он когда-либо покидал пределы Пиренейского полуострова (Ashtor 1971. P. 176–181, 420–423). И потому не может быть полной уверенности в том, что сам Хасдай лично пополнил число известных средневековых еврейских путешественников¹⁰. Однако современник и соплеменник Хасдая — Ибрахим

⁷ К сожалению, в обеих публикациях А.Я. Гаркави не указал шифр рукописи, из которой им было заимствовано это известие.

⁸ Имя «Исаак сын Авраама» в данном контексте означает «некто» или «некий еврей». См.: Mann 1917. P. 460.

⁹ Имеется в виду одно из западнославянских племен, идентификации которого посвящена обширная литература. Ее наиболее полные обзоры см. в: Коковцов 1932. С. 62–63, примеч. 3; Modelski 1910, Witczak 1994.

¹⁰ Впрочем, некоторые исследователи склонны доверять сообщению ибн Хаукала о визите Хасдая в Хазарию. См.: Голб, Прицак 2003. С. 149; Щавелев 2018. С. 191–192.

ибн Йакуб из Тортосы — стал первым известным выходцем из стран исламского мира, побывавшим в Центральной Европе, хотя его миссия не была связана с «хазарской» дипломатией Хасдая и состоялась позднее (Мишин 2002. С. 36), чем подготовка послания к Иосифу, законченного до 961 г. (Коковцов 1932. С. VII). В своих записках (они сохранились в передачи ал-Баكري, ал-Казвини и некоторых других авторов (см. подробнее: Мишин 2002. С. 34) Ибрахим ибн Йакуб отмечает присутствие еврейских торговцев в Праге, одновременно с посещением ее русскими и славянскими купцами, прибывающими из Кракова, а также мусульманскими и еврейскими купцами, прибывающими из страны венгров¹¹ (Kowalski 1946. S. 2–3 [арабск. текст]; 49).

Связь Праги с русскими землями через Польшу отмечена и позднее в конце XII в. в «Кругосветном путешествии» (ивр. *Sivuv olam*) Петахии из Регенсбурга. Именно этим путем из Праги рабби Петахия отправился в путешествие на Восток (Sivuv 1905. S. 2; David 1996. P. 254), где побывал между 1174 и 1187 гг. (Adler 1930. P. 64). Именно Прагу, а вовсе не Регенсбург, называют началом его путешествия наиболее ранние рукописи сочинения Петахии: варшавская (№ 258 библиотеки Варшавского университета)¹² и лейпцигская (Ms. В.Н. qu. 38 библиотеки Лейпцигского университета)¹³, а также пражское *editio princeps* 1595. Лишь страсбургская рукопись, легшая в основу парижского издания под редакцией Э. Кармоли (именно оно послужило источником для русского издания под редакцией Марголина) называет Регенсбург родным городом (ивр. *ir moldato*) и местом начала путешествия Петахии¹⁴.

Итак, по пути в Киев из Праги Петахия миновал Польшу. В его «Путешествии...» не указана продолжительность этого отрезка его странствий в днях пути и не детализировано его направление. Можно лишь предполагать, что он двигался через Краков. Однако во всех известных рукописных и старопечатных версиях «Путешествия» между Киевом и

---

¹¹ Источник называет их тюрками (الأتراك), однако упоминание их соседства с владениями Болеслава I Чешского (935–967) заставляет согласиться с интерпретацией этого этнического термина Ковальским. Впрочем, для обозначения венгров Ибрахим ибн Йакуб использует и термин *ал-ункалин* см.: Kowalski 1946. S. 7 [арабск. текст], 52, 111–115.

¹² Издатель ее текста, израильский медиевист А. Давид датирует ее (без критики) концом XV в. (David 1996. P. 238; 2013. P. 22).

¹³ Кодекс ее содержащий, имеет на одном из листов (14b) цензорскую запись 1593 г. Рукопись путешествия Петахии находится в кодексе на лл. 1–5.

¹⁴ Также в рукописи лондонской Beth Din & Beth Hamidrash Library № 146 (л. 1a) указано, что Регенсбург был местом проживания (ивр. *dirato*) Петахии, а в качестве начального пункта его путешествия названа вся Германия («страна Ашкеназ»).

Прагой указан лишь один хороним — Польша (ивр. Polin) без указания на то, где именно и между какими конкретно городами совершал путь наш путешественник (Sivuv 1905. S. 2 [евр. текст]; David 1996. P. 254).

Возможны различные варианты реконструкции дальнейшего пути следования Петахии, поскольку описание его путешествия от границ Руси и до Вавилонии принадлежит к числу наиболее трудных для интерпретации частей источника. Ясно, что автор около месяца (шесть дней от Киева до переправы через Днепр и двадцать четыре дня после того) путешествовал по южным окраинам Руси, половецкому «Дикому полю» (в источнике оно названо «Страной Кедар»), а также по некой «стране Хазарии»¹⁵, после чего переправился (ивр. 'avar) в страну Тогармы. Обычно исследователи идентифицируют ее с Арменией или Грузией (Adler 1930. P. 372; Sivuv 1905. S. 4 [нем. перев.]; Три еврейских путешественника 2004. С. 321–322). Однако указание Петахии на то, что, начиная от страны Тогармы и далее, люди «верят в законы Мухумета» (Sivuv 1905. S. 4 [евр. текст], 4 [нем. перев.]; Adler 1930. P. 66; David 1996. P. 255) заставляет предполагать, что из Восточной Европы он «переправился» во владения малоазийских сельджуков.

К сожалению, описание «Кругосветного путешествия» Петахии не содержит никаких сведений о его возвращении¹⁶. Обычно предполагается, что он вернулся в Европу через Византию. Однако сообщаемые им сведения о греческой земле (ивр. eretz yavan) и иудейских общинах в ней крайне расплывчаты и не содержат никаких географических ориентиров или упоминаний о пройденных маршрутах или встреченных по пути городах (Sivuv 1905. S. 36 [евр. текст]; S. 49 [нем. перев.]; Adler 1930. P. 91). При этом в редакции «Путешествия», представленной «Варшавской рукописью», упоминание Византии в данном контексте отсутствует (David 1996. P. 268–269).

Данные о возможных связях иудейских общин Центральной Европы с Ближним Востоком через Русь в XII–XIII вв. не исчерпываются историей путешествия Петахии. Так, например, Моше Таку (о его идентификации см.: Kupfer, Lewicki 1956. S. 161–165) — автор, писавший не ранее конца 1180-х гг. (то есть явно позже возвращения Петахии из ближневосточного путешествия¹⁷), — упоминает о книге,

¹⁵ Уточнение их локализации в Северном Причерноморье является темой отдельного исследования.

¹⁶ В том, что оно реально состоялось, сомневаться не приходится, поскольку именно в Регенсбурге в окружении местного раввина Иегуды Хасида рассказы о его путешествиях были записаны.

¹⁷ Напомню, что Петахия побывал на востоке не позднее 1187 г., так как он описывает Иерусалим, еще находящийся под властью крестоносцев.

попавшей в Регенсбург из Вавилонии через Русь: «...и сообщили нам что эта искаженная¹⁸ книга попала на Русь из Вавилонии¹⁹, а оттуда была привезена в Регенсбург²⁰» (Kupfer, Lewicki 1956. S. 165). Кроме того, до нас дошел текст респонса о проблеме левиратного брака, адресованный Моше из Киева Шмуэлем бен 'Али, главой багдадской йешивы (Poznanski 1914. S. 54–56). Примечательно, что этого автора встретил Петахия Регенсбургский в Багдаде. Рабби Шмуэль предоставил Петахии охранную грамоту, с которой тот посещал святые места и могилы праведников в Вавилонии (Sivuv 1905. S. 12).

Весьма симптоматично, что упомянутые случаи связей между еврейскими общинами Центральной и Восточной Европы и Ближним Востоком были связаны с академическими контактами, а не с торговлей. Да и «Путешествие...» Петахии не производит впечатление текста, составленного автором, заинтересованным в какой-либо информации о Востоке кроме описания местностей, в которых происходили библейские события, могил праведников и святых мест. И потому предположения некоторых исследователей о том, что Петахия был купцом (Новосельцев, Пашуто 1967. С. 89) не находят подтверждения в тексте источника.

Другим свидетельством паломнических связей между еврейскими общинами раннесредневековой Восточной Европы и Ближним Востоком является фрагмент письма из общины Салоник представителям неназванной ближневосточной общины, опубликованный в 1922 г. Я. Манном, датированный исследователем XI в. (Mann 1922. P. 192). Текст этот не переведился на русский язык. Поэтому здесь имеет смысл привести его целиком:

«Почет величие и святость святого народа, рассеянного остатка Йешуруна²¹... Вслед за приветствиями и пожеланиями благополучия мы вынуждены сообщить вам о деле господина такого-то, сына такого-то, происходящего из общины Русии²², гостившего у нас в Салониках, “ягнят, самых малых из стада” (Иер. 49:20). Он нашел там своего родственника г-на такого-то, прибывшего из святого города Иерусалима, да восстановит его Бог до окончания века. Сэла²³. А в руках его родственника было послание

¹⁸ Ивр. ha-meuqal. Имеется в виду неортодоксальное, еретическое сочинение. Гаркави (без критики) предполагал, что здесь может идти речь о произведении каранской литературы: Narkavy 1896. P. 45.

¹⁹ Ивр. Bavel.

²⁰ Sic! ריגנסבורק.

²¹ Йешурун — поэтическое обозначение еврейского народа, навеянное такими текстами как Втор. 33:5.

²² רוסיא

²³ Не переводимое восклицание, встречающееся в Библии, чаще всего в псалмах в конце стиха.

нашего господина, почтенного великого и святого имярек. И тот рассказал ему о великолепии Страны Израиля и он (гость из Руси. — *Б. Р.*) взял на себя обет отправиться туда и поклониться Святому Месту. И он попросил у нас написать эти строки, чтобы обратиться к вам, чтобы вы предоставили ему руку помощи и провели его хорошей дорогой из города в город, с острова на остров с верными людьми, ибо он не знает ни святого языка²⁴, ни языка греческого, ни арабского, но только по-ханаански²⁵, говорят жители его родной страны. Итак, господа, весь дом Израиля, братья наши, сила праведности, величие милосердия и награда за них известны вам. И об этом написано в Торе, и повторено у Пророков, на третий раз сказано в Писаниях²⁶, четвертый раз упомянуто в Мишне, и на пятый раз добавлено в Талмуде. В буквах «гимел» и «далет»²⁷ содержится намек на это» (Marmorstein 1921. P. 95; Mann 1922. P. 192; Starr 1939. P. 171–172).

В известном смысле противоположностью Петахии можно назвать его старшего современника Вениамина из Туделы, совершившего большое путешествие по странам Средиземноморья и Ближнего Востока из Испании в 1160-х — начале 1170-х гг. Ее наиболее твердо установленной датой является сообщение автора о возвращении в Кастилию в 4933 (1172/3) г.²⁸. «Книга путешествий» (ивр. *Sefer Masaot*) Вениамина представляет собой космографическое описание современного ему еврейского мира. И в этом контексте в ней встречаются свидетельства внешних связей Руси и Восточной Европы с исламским миром. Причем, в основном, это относится именно к торговым связям. О последних Вениамин говорит много и очень подробно.

В отличие от «Путешествия» Петахии, в котором хронология описания не выдержана, а воспоминания автора могут случайно прерываться известиями, не имеющими отношения ни к последующей, ни к предыдущей теме, труд Вениамина представляет собой последовательный рассказ о еврейских общинах и странах, в которых они живут. Текст сочинения Вениамина можно представить в качестве определенной структуры, разбивающейся на многочисленные, схожие между собой элементы. Этими элементами являются рассказы о еврейских общинах и городах (или в некоторых достаточно редких случаях — областях) их проживания. Последнее чаще всего относится к находившимся на периферии извест-

²⁴ Т. е. иврита.

²⁵ Т. е. по-славянски.

²⁶ Тора (Пятикнижие), Пророки и Писания — три раздела библейского канона иудейской традиции.

²⁷ Аллюзия на одно из мест в Талмуде (трактат Шаббат 104а), где последовательность букв «гимел» и «далет» (третья и четвертая буквы еврейского алфавита) интерпретируется как аббревиатура выражения «помощь бедным» (ивр. *gemilat dalim*).

²⁸ Заметим, что Тудела Кастилии не принадлежала.

ной Вениамину ойкумены, в которых этот автор не бывал. К их числу относилась и Русь. Описания городов в труде Вениамина обыкновенно включают такие элементы: наличие или отсутствие в городе отдельных евреев²⁹ или еврейской общины, расстояние между городами, описание местоположения городов и их достопримечательностей (если таковые были сочтены автором достойными упоминания), а также сведения о святых местах или могилах праведников или памятниках, связанных с библейскими событиями. Последнее наиболее часто встречается в известиях о Палестине, Египте и Вавилонии. Некоторые из таких известий могут быть совсем небольшими, состоящими из одной-двух фраз. Другие же занимают по нескольку страниц. Важным и очень частым элементом рассказов Вениамина являются сообщения о торговых связях городов, в некоторых случаях включающие в себя длинные перечни названий стран, из которых в ту или иную местность прибывают купцы. Примером такого описания может быть рассказ автора о Барселоне — городе, расположенном не так далеко от родной Вениамину Туделы:

«... и оттуда (из Таррагоны. — *Б. Р.*) два дня пути до Барселоны. Там — Святая община и в ней мудрые, рассудительные и знатные люди, как, например, рабби Шешет, рабби Шеалтиэль, рабби Шломо и р. Авраам сын Хасдая. Это маленький и красивый город, стоящий на берегу моря. Туда прибывают с торговыми целями купцы из Пизы, Генуи, Сицилии, из Искандарии Египетской, и из земли Израиля и из страны Ифрикии. Оттуда полтора дня [пути] до Жероны» (*Itinerary 1907. P. 2–3 [евр. текст]*).

Упоминания Руси и соседних с ней земель Восточной Европы содержатся в труде Вениамина в сходных по своему контексту фрагментах. Первый раз такое известие дается им в начале описания Константинополя:

«...Оттуда (из Христополя³⁰. — *Б. Р.*) три дня [пути] до Абидоса, стоящего на берегу морского рукава, тянущегося на протяжении пяти дней пути между горами до великого города Константинополя — главы всего греческого царства, жители которого называются грезианос. Там находится престол царя Мануила, императора. У него под рукой двенадцать вельмож³¹, у каждого из которых есть в Константинополе дворец. У них есть замки³² и города, и они властвуют над всей страной. Первый из

---

²⁹ Последнее чаще всего относится к крайне немногочисленному в его время еврейскому населению Палестины.

³⁰ В тексте — К-р-с-тополи. В античный период — Неаполь. Ныне — Кавала в северо-восточной Греции.

³¹ Ивр. *melakhim*.

³² Ивр. *migdalim*.

них — эпарх, второй — великий domestik, третий — доминус³³, четвертый — мига дукус³⁴, пятый — иканомос м-г-ли³⁵. (И другие подобные звания у прочих). Город Константинополь занимает 18 миль в округности. Половина его на море, а другая половина на суше. Он стоит на двух морских рукавах. Один из них идет от Русского моря, а другой от Испанского³⁶. И все торговцы пребывают туда из страны Шинаар³⁷, из стран Персии и Мидии, и всего царства страны Египта, и из страны Ханаан и царства Руси, и Унгарии, и Писинака, и Хазарии, и страны Лонбардии и из Сефарада. Это шумный город. Туда прибывают люди с торговыми целями по морю и по суше и нет подобного ему, за исключением Багада у измайльтян...»³⁸ (Itinerary 1907. P. 14 [евр. текст]; ср. также англ. перевод Э. Шарфа: Sharf 1971. P. 134–135).

Похожие сведения об этих странах сохранились и в списке стран, купцы которых посещают Александрию Египетскую. Этот список стран и городов самый обширный во всем труде Вениамина:

«Это земля купчества, ведущая торг со всеми народами. С одной стороны, пребывают к ней (т.е. к Александрии. — *Б. Р.*) купцы из всех государств Эдома³⁹. [А именно:] Из страны Венисии⁴⁰, Лонбардии, Тосканы, Пулии⁴¹, Малфи⁴², Сицилии, Калабрии, Романьи, Хазарии, страны печенегов, Унгарии, Болгарии⁴³, Рикущии⁴⁴, Хорватии, Исклавонии⁴⁵, Руси, Але-

³³ Так в рукописи, принадлежавшей А. Эпштейну, датированной по цензурской записи 1599 г. Эта рукопись близка, но не тождественна второму, Феррарскому изданию памятника 1556 г. Она не была доступна мне. О ней см.: Itinerary 1907. P. XIV.

³⁴ Так в рукописи № 3097 римской библиотеки Casanatense (л. 5b), переписанной в 1589 (1428/29) гг. О ней см.: Itinerary 1907. P. XIV.

³⁵ Текст по конъектуре проводимой Адлером со ссылкой на издание под редакцией А. Ашера (1840).

³⁶ Ивр. *yam Sefarad*. Сефарад — характерное для средневековых еврейских текстов обозначение стран (как мусульманских, так и христианских), расположенных на пиренейском полуострове.

³⁷ Древнее поэтическое обозначение Вавилонии в библейских текстах. Этимологически восходит к названию Шумер.

³⁸ Далее следует продолжение описания Константинополя с рассказом об иудейской общине и о достопримечательностях города.

³⁹ Традиционное обозначение христианского мира в средневековых еврейских текстах.

⁴⁰ Венеции.

⁴¹ Апулии.

⁴² Амальфи.

⁴³ Так в рукописи № 3097 римской библиотеки Casanatense (л. 26а).

⁴⁴ Имеется в виду Рагуза (Совр. Дубровник) (Itinerary 1907. P. 76 [англ. перев.]).

⁴⁵ Перевод следует рукописи № 3097 библиотеки Casanatense (л. 26а). Не обязательно, что здесь имеется в виду область Славония, как часть восточной Хорватии. Скорее, здесь под термином «Исклавония», автор, как и в своем описании Руси (о чем см. ниже), подразумевает всю область славянского расселения в Центральной и Восточной Европе.

мании, Сисонии⁴⁶, Денамарки⁴⁷, Горлавии⁴⁸, Оранди⁴⁹, М-рана⁵⁰, Приша⁵¹, Ашкуции⁵², Англитеры⁵³, Г-л-с⁵⁴, Фландрии, Ротера⁵⁵, Нормандии, Франци⁵⁶, Пито⁵⁷, Анго⁵⁸, Б-ргона⁵⁹, Мориена⁶⁰, Провинции⁶¹, Янубии⁶², Пизы, Гасконии, Арагона, Наварры. А с западной стороны — от измаильтан из Андалусии⁶³, Алгарве⁶⁴, Ифрикии, из страны Аравии, а с другой стороны из Индии, из Завилы⁶⁵, ал-Хабаша, ал-Йамана, Шиннара⁶⁶, аш-Шама⁶⁷, и из страны Йаван⁶⁸, называемой Грегос, и из страны ат-Турк. И туда привозят купцы из Индии все виды благовоний, а купцы из [стран] Эдома их покупают. Это город, шумный, наполненный торговлей. У каждого из народов там есть своя гостиница» (Itinerary 1907. P. 67–69 [евр. текст]).

В этом описании присутствуют те же обозначения названий стран и народов Восточной Европы, что и в описании Константинополя. Характерно при этом, что здесь Хазария и страна печенегов также отнесены к христианскому миру или (по выражению Вениамина) — Эдому. Важно, что, говоря о купцах, приходящих в Барселону, Константинополь или

---

⁴⁶ Саксонии.

⁴⁷ Дании.

⁴⁸ Хороним не идентифицирован. По мнению Адлера, речь идет о Курляндии (Itinerary 1907. P. 76 [англ. перев.]).

⁴⁹ Хороним не идентифицирован. Согласно Адлеру, с здесь может иметься в виду Ирландия (Itinerary 1907. P. 76 [англ. перев.]).

⁵⁰ Хороним не идентифицирован.

⁵¹ Фризии.

⁵² Шотландии.

⁵³ Англии.

⁵⁴ Хороним не идентифицирован. По Адлеру (Itinerary 1907. P. 79 [англ. перев.]) здесь имеется в виду Уэльс.

⁵⁵ Лотарингии.

⁵⁶ Имеется в виду Иль-де-Франс — центральная часть современной Франции, домен французских королей. Далее в другом месте своей «Книги путешествий» Вениамин говорит о протяженности королевства Франции от Парижа до Осера в северо-восточной Бургундии (Itinerary 1907. P. 73 [евр. текст]; P. 81 [англ. перев.]).

⁵⁷ Пуату.

⁵⁸ Анжу. Так в рукописи Британской библиотеки № 27,089, л. 161а.

⁵⁹ Бургундии.

⁶⁰ Морьен. Область в альпийском регионе Франции, восточная часть Савойи.

⁶¹ Прованса.

⁶² Генуи.

⁶³ В оригинале — с сохранением арабизма: ал-Андалус.

⁶⁴ Имеется в виду западная часть мусульманской Испании — ал-Андалуса. Сейчас — область Альгарве на юге Португалии.

⁶⁵ Столица области Феззан в юго-западной Ливии.

⁶⁶ См. выше примеч. 37.

⁶⁷ Сирии.

⁶⁸ Здесь перед романским обозначением греков приводится обозначающий их же библейский этникон.

Александрию из различных стран ойкумены, Вениамин не выделяет их принадлежность к той или иной этнической или конфессиональной группе. И потому, говоря о купцах, он не выделяет из их общей массы своих единоверцев. Вероятно, и его сведения о присутствии выходцев из Руси не только в Константинополе, но и в Египте второй половины XII в. могут иметь под собой некоторые основания. Во всяком случае, проникновение в русский язык слова «мезгить» (т. е. мечеть), заимствованного из арабских диалектов Нижнего Египта, распространенных в Каире, Александрии и (во времена Фатимидов, Айюбидов и мамлюков) в Палестине допускают такую реальность (Морозов 2014. С. 11)⁶⁹.

Описание русских земель в «Книге пути о путешествии» Вениамина следует за рассказом о Германии (последняя называется в его сочинении Аламанией или Ашкеназом) и объединено со сведениями о славяноязычных странах Центральной Европы. Из них Вениамин выделяет Богемию, отождествляя ее со столицей страны — Прагой. При этом у Вениамина (или точнее у его источника) отсутствовало ясное представление о политических границах Богемии и Руси, равно как и о наличии между ними других стран или народов. В этом отношении показательным (в сравнении с «Кругосветным путешествием» Петахии) отсутствие у него каких-либо сведений о Польше.

Описание Вениамина движется в направлении с запада на восток от Праги к Киеву. И таким образом, очевидно, следует предполагать, что источникам Вениамина было известно о возможности, двигаясь на восток из Праги в сторону восточнославянских земель, добраться до столицы Руси. При этом, в труде Вениамина, как и у Петахии, не содержится никаких сведений о русских землях на левобережье Днепра. И именно Киев оказывается у него крайним пределом «страны Русии»:

«...оттуда и далее⁷⁰ [расположена] страна Богемия, называемая Прагой, а это начало страны Исклавонии, которую живущие там евреи называют Ханааном, потому что жители той страны продают своих сыновей и дочерей в рабство всем народам — они⁷¹ — жители страны Русии. Это большое царство, начинающееся от ворот Праги и [тянущееся] до ворот Кива⁷². Это — большой город в конце этого царства. Это страна

⁶⁹ См. также статью И.В. Зайцева в этом томе.

⁷⁰ Перед этим следует описание Германских земель.

⁷¹ Это слово отсутствует в рукописи Opp. Add. Oct. 36 (она осталась мне недоступной) Бодлеанской библиотеки в Оксфорде. Без него вся фраза имеет несколько иной смысл: «...они продают своих сыновей и дочерей всем народам, жителям Русии».

⁷² В евр. тексте: Кив (קײב). Разумеется, здесь имеется в виду именно Киев.

гор и лесов. Там водятся звери вир⁷³, gris⁷⁴ и санблинас⁷⁵. Зимой там ни один человек не выходит из дверей своего дома по причине холода. Там бывает, что у людей отваливаются кончики носов от холода⁷⁶. И до этих пределов продолжается страна Русия» (Itinerary 1907. P. 72 [евр. текст]).

Итак, сочинения еврейских путешественников XII в., рассмотренные в контексте восточных источников по истории домонгольской Руси, демонстрируют реальность существования известного еврейским купцам, видимо, еще во времена ибн Хордадбеха маршрута, соединявшего Западную и Центральную Европу со Средним Поднепровьем, Хазарией и далее с Мусульманским Востоком. При этом в развитии и поддержании этих связей важнейшую роль играли не только торговые связи, но паломничества выходцев из иудейских общин христианской Европы на Ближний Восток: в Вавилонию и Палестину, а также «академические» контакты тогда еще крайне малочисленных германоязычных (ашкеназских) и славяноязычных иудейских общин Центральной и Восточной Европы со своими ближневосточными единоверцами.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Броди Р.* Гаоны Вавилонии и формирование средневековой еврейской культуры. М.; Иерусалим, 2006. [*Brody R.* Gaony Vavilonii i formirovaniye srednevekovoy evreyskoy kul'tury (The Geonim of Babylonia and the Shaping of Medieval Jewish Culture). Moscow; Jerusalem, 2006.]
- Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 2003. [*Golb N., Pritsak O.* Hazarsko-evrejskie dokumenty X veka (Khazarian-Hebrew Documents of the 10th Century). Moscow; Jerusalem, 2003.]
- Даньшин Д.И.* Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993, № 1. С. 59–72. [*Dan'shin D.I.* Fanagoriyskaya obshchina iudeyev (The Jewish Community of Phanagoria) // *Vestnik Drevney istorii.* 1993, № 1. S. 59–72.]
- Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указатели и карты Н. Велихановой. Баку, 1986. [*Ibn Hordadbekh.* Kniga putej i stran (Book of Roads and Countries) / Ed. by N. Velikhanova. Baku, 1986.]
- Калинина Т.М.* Торговые пути Восточной Европы IX в. (по данным Ибн Хордадбега и Ибн ал-Факиха) // *Калинина Т.М.* Проблемы истории Хазарии

⁷³ Белка. Ср. древнерусск. вѣверица. Ср. также комментарий Марголина, объединяющего вместе названия первых двух зверей (Три еврейские путешественники 1881. С. 180).

⁷⁴ Горностаи.

⁷⁵ Соболь.

⁷⁶ Эта фраза отсутствует в тексте и в переводе изданных Марголиным, основанных на лейденском издании 1633 г. См.: *Itinerarium* 1633. P. 202. Три еврейские путешественники 1881. С. 148–149; Три еврейских путешественника 2004. С. 195. Она также отсутствует в рукописи № 3097 библиотеки Casanatense (л. 26b).

- (по данным восточных источников). М., 2015. С. 194–214. [*Kalinina T.M. Torgovye puti Vostochnoj Evropy IX v. (po dannym Ibn Hordadbekha i Ibn al-Fakiha) (Trade Routes of Eastern Europe in the 9th Century (According to Ibn Khordadbeh and Ibn al-Faqih)) // Kalinina T.M. Problemy istorii Hazarii (po dannym vostochnykh istochnikov) (Problems of the History of Khazaria (according to Eastern Sources). Moscow, 2015. S. 194–214.]*
- Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. [*Kokovcov P.K. Evrejsko-hazarskaya perepiska v X v. (Khazarian-Hebrew Correspondence in the 10th Century). Leningrad, 1932.]*
- Коновалова И.Г.* Русы на трансконтинентальных торговых путях IX в. // ДГ, 2009 г.: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2010. С. 88–99. [*Konvalova I.G. Rusy na transkontinental'nykh torgovykh putyakh IX v. (The Rus' on the International Trade Routes in the 9th Century) // Drevneyshiy gosudarstva Vostochnoy Evropy, 2009: Transkontinental'nyye i lokal'nyye puti kak sotsiokul'turnyy fenomen. Moscow, 2010. S. 88–99.]*
- Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965. [*Korpus bosporskikh nadpisey (Corpus inscriptionum regni Bosporani (CIRB)). Moscow; Leningrad, 1965.]*
- Марголин Павел // ЕЭБЕ. СПб., 1911. Т. 10. Стб. 621. [*Margolin Pavel // Evreyskaya Encyclopediya Brokgauza i Efrona. St.-Petersburg, 1911. T. 16. Coll. 621.]*
- Мишин Д.Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002. [*Mishin D.E. Sakaliba (slavyane) v islamskom mire v rannee srednevekov'e (Saqaliba (the Slavs) in the Muslim World in the Early Middle Ages). Moscow, 2002.]*
- Морозов Д.А.* Мезгит': отражение каирского диалекта в древнерусской литературе // Каптеревские чтения. М., 2014. Вып. 12. С. 19–14. [*Morozov D.A. Mezgit': otrazheniye kairskogo dialekta v drevnerusskoy literature (Mezgit': Reflection of Cairo Arabic Phonetics in the Old Russian Literature) // Kapterevskkiye chteniya. Moscow, 2014. Vol. 12. S. 19–14.]*
- Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. [*Nazarenko A.V. Nemetskiye latinoyazychnyye istochniki IX–XI vv.: Teksty, perevod, kommentariy (German Latin Sources of the 9th–11th Centuries: Texts, Translation, Commentary). Moscow, 1993.]*
- Назаренко А.В.* «Путь из немец в хазары» и первые века древнерусской истории (IX–X вв.) // ВЕДС: Внешняя политика Древней Руси. М., 1988. С. 52–57. [*Nazarenko A.V. «Put' iz nemets v khazary» i pervyye veka drevnerusskoy istorii (IX–X vv.) ("The Road from Germans to Khazars" and the First Centuries of Russian History) // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'ye: Vneshnyaya politika Drevney Rusi. Moscow, 1988. S. 52–57.]*
- Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // ДГ, 1998 год: Памяти А.П. Новосельцева. М., 2000. С. 264–323. [*Novosel'tsev A.P. Vostochnyye istochniki o vostochnykh slavyanakh i Rusi VI–IX vv. (Oriental Sources on the Eastern Slavs and Rus' in the 6th —*

- 9th Centuries) // *Drevneishiye gosudarstva vostochnoy Evropy*, 1998: Pamyati A.P. Novosel'tseva. Moscow, 2000. S. 264–323.]
- Новосельцев А.П., Паушто В.Т.* Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // *История СССР*. 1967, № 3. С. 81–108. [*Novosel'tsev A.P., Pashuto V.T.* Vneshnyaya torgovlya Drevney Rusi (do serediny XIII v.) (Foreign Trade of Ancient Rus' (before the Middle of the 13th Century)) // *Istoriya SSSR*. 1967, № 3. S. 81–108.]
- Петрухин В.Я., Флёров В.С.* Иудаизм в Хазарии по данным археологии // *История еврейского народа в России / Под общ. ред. И. Баргалия. М.; Иерусалим, 2010. Т. 1. С. 151–163.* [*Petrukhin V.Ya., Flyorov V.S.* Iudaizm v Khazarii po dannym arkheologii (Judaism in Khazaria according to Archeological Data) // *Istoriya evreyskogo naroda v Rossii / Ed. by I. Bartal. Moscow; Jerusalem, 2010. T. 1. S. 151–163.*]
- Рашковский Б.Е.* Хазария и хазары в библейских комментариях Саадьи Гаона (882–942 гг.) // *Хазары: миф и история. М., 2010. С. 77–89.* [*Rashkovskiy B.E.* Khazariya i khazary v bibleyskikh kommentariyakh Saad'i Gaona (882–942 gg.) (Khazaria and the Khazars in the Biblical Commentaries of Saadiah Gaon (882–842)) // *Khazary: mif i istoriya. Moscow; Jerusalem, 2010. S. 77–89.*]
- Три еврейские путешественники XI и XII ст.: Эльдад Данит, р. Вениамин Тудельский и р. Петахий Регенбургский: Евр. текст с рус. пер. / Пер., примеч. и карты П. Марголина. СПб., 1881. [*Tri evreyskiye puteshestvenniki XI i XII st.: El'dad Danit, r. Veniamin Tudel'skiy i r. Petakhiiy Regensburgskiy: Evr. tekst s rus. per. (Three Jewish Travelers of the 11th and 12th Centuries: Eldad hadani, Benjamin of Tudela and Petakhia of Regensburg: The Hebrew Texts with Russian Translation) / Ed. by P. Margolin. St.-Petersburg, 1881.*]
- Три еврейских путешественника. М.; Иерусалим, 2004. [*Tri evreyskikh puteshestvennika (Three Jewish Travelers). Moscow; Jerusalem, 2004.*]
- Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора: Тексты, пер., коммент. М., 1980. [*Chichurov I.S.* Vizantiyskiye istoricheskiye sochineniya: «Khronografiya» Feofana, «Breviariy» Nikifora: Teksty, perevod, kommentariy (Byzantine Historical Works: Theophanes' *Chronographia* and Nicephorus' *Breviarium*: Texts, Translation, Commentary). Moscow, 1980.]
- Щавелев А.С.* Датировка дипломатических писем Хасдая ибн Шапрута // *Вестник волгоградского университета. Сер. 4: История, религиоведение, международные отношения*. 2018. Т. 23, № 5. С. 186–195. [*Shchavelev A.S.* Datirovka diplomaticheskikh pisem Khasdaya ibn Shapruta (The Dates of Diplomatic Letters of Hasdai ibn Shaprut) // *Vestnik volgogradskogo universiteta. Ser. 4: Istoriya, religiovedeniye, mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2018. T. 23, № 5. S. 186–195.]
- Adler E.* Jewish Travellers. L., 1930.
- Ashtor E.* The Jews of Moslem Spain. Philadelphia, 1971. Vol. 1.
- David A.* Sivuv r' Petakhiah me-Regensburg be-nusakh khadash [סיבוב ר' פתחיה מרגנבורג בנוסה חדש] (Rabbi Petakhiah of Regensburg' Travel Around the World in a New Version) // *Kovets al-Yad*. 1996. T. 13. P. 237–269.
- David A.* Jewish Travelers from Europe to the East. 12th–15th Centuries // *Miscelánea de Estudios Árabes y Hebraicos*. Granada, 2013. Vol. 62. P. 11–39.

- Harkavy A.* Hadashim gam yeshanim. Hearot u-miluim le-divrey yamey Yisrael... le-professor Graetz. [החדשים גם ישנים. הערות ומלואים לדברי ימי ישראל לפרופיסור גראטץ] (The Old and New Ones. Notes and Additions to Professor Graetz history of the Jews). Warsaw, 1896. T. 7.
- Harkavy A.* Rav Saadiah Gaon al-dvar ha-Cuzarim [רב סעדיה גאון על-דבר הכוזרים] (Rav Sadiyah Gaon on Khazars) // Semitic studies in Memory of Rev. Dr. A. Kohut. B., 1897. (Repr.: Jerusalem, 1972). P. 244–247.
- Harkavy A.* Studien und Mittheilungen Aus der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek zu St.-Petersburg. St.-Petersburg, 1887. T. 4 (Zikhron le-rishonim we-gam le-aharonim. Vol. 4).
- Inscriptiones Judaicae Orientis / Ed. by D. Noy, A. Panayotov, H. Bloedhorn. Tübingen, 2004. Vol. 1: Eastern Europe.
- Itinerarium D. Benjaminis. Lugdunum Batavorum, 1633.
- The Itinerary of Benjamin of Tudela / Critical text, translation and commentary by M.N. Adler. L., 1907.
- Kaplony A.* Routen, Anschlussrouten, Handelshorizonte im Brief von Hasday b. Šaprut an den hazarischen König // Ibrahim ibn Yakub at-Turtushi: Christianity, Islam and Judaism Meet in East-Central Europe, c. 800–1300 A.D. Proceedings of the International Colloquium 25–29 April 1994 / Ed. by Ch.J. Prosecký. Praha, 1996. S. 140–167.
- Kovalev R.* Creating ‘Khazar Identity’ through Coins: the ‘Special Issue’ Dirhams of 837/38 // East Central & Eastern Europe in the Early Middle Ages / Ed. by F. Curta. Ann Arbor, 2005. P. 220–253.
- Kovalev R.* What does Historical Numismatics Suggest about the Monetary History of Khazaria in the Ninth Century? Question Revisited // Archivum Eurasiae Medii Aevi 2004. Vol. 13. P. 51–105.
- Kowalski T.* Relacja Ibrāhīma ibn Ja’kuba z podróży do krajów słowiańskich w przekazie al-Bekriego. Kraków, 1946.
- Kupfer F., Lewicki T.* Źródła hebrajskie do dziejów słowian i niektórych innych ludów Środkowej i Wschodniej Europy. Wyjątki z pism religijnych i prawniczycy XI–XIII w. Warszawa; Wrocław, 1956.
- Lewicki T.* Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny. Wrocław; Kraków, 1956–1969. T. 1–2.
- Mann J.* The Responsa of the Babylonian Geonim as a Source of Jewish History // JQR. 1917. Vol. 7, № 4. P. 457–490.
- Mann J.* The Jews in Egypt and in Palestine under the Fatimid Caliphs. Oxford, 1992. Vol. 2.
- Marmorstein A.* Notes et mélanges // REJ. 1921. T. 73. P. 92–100.
- Modelski T.E.* Król “Gebalim” v liście Chasdaja. Lwów, 1910.
- Opus geographicum: secundum textum et imagines codicis constantinopolitani conservati in bibliotheca antiqui palatii No. 3346 cui titulus est “Liber imaginis terrae”, auctore Ibn Haukal (Abū’l-Kāsim ibn Haukal al-Nasībī) / Ed. collatio textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis J.H. Kramers. Lugduni Batavorum, 1938–1939. Vol. I–II (BGA II).

- Poznanski S.* Babilonische Geonim im nachhgaonäischen Zeitalter nach Handschriftlichen und Gedruckten Quellen. B., 1914.
- Sancti Eusebii Hieronymi Stridonensis Presbyteri Commentariorum in Abdiam Prophetam // PL. P., 1884. Vol. 25. Coll. 1098–1118.
- Sharf A.* Byzantine Jewry from Justinian to the Fourth Crusade. L., 1971.
- Sivuv Rabbi Petakhiah me-Regensburg. [סיבוב רבי פתחיה מרעגנשבורג] (Rabbi Petakhiah's Travel around the world) / Hrsg. E.H. Grünhut. Frankfurt-am-M., 1905.
- Starr J.* The Jews of Byzantine Empire. 641–1240. N.Y., 1939 (Repr. 1970).
- Witczak K.T.* Król *Gebalim* v liście Chasdaja. Nowa interpretacja // Roczniki Historyczne. 1994. Roc. IX. S. 5–19.

Boris E. Rashkovskiy

THE CONNECTIONS BETWEEN EASTERN EUROPE AND THE WORLD OF ISLAM SEEN BY THE MEDIEVAL JEWISH TRAVELERS

The author examines the evidences of early medieval Jewish travelers of 9th — 12th centuries about the contacts between Eastern Europe and the world of Islam. This information confirms the reality of the trade route of the Jewish traders *ar-Radhaniya* through Central and Eastern Europe to Central Asia described by Ibn Khordadbeh, as well as the evidence of Ibrahim Ibn Yakub about the existence of regular trade relations between the Polish, Russian and Czech lands since the middle of the 10th century. The reality of the existence of the route between Rus' and Central Europe can be confirmed not only by the data of Ibrahim ibn Yakub's contemporary, Hasdai ibn Shaprut, but also by the writings of the authors of the late 12th century — Benjamin of Tudela and Petakhiah of Regensburg. The author also examines the evidences about the links between the Jewish communities of Central and Eastern Europe and the Middle East not related to trade. The latter includes pilgrimage practices associated with visits to biblical monuments and holy places in Palestine and Babylonia and the appeal of the Jewish communities of Central and Eastern Europe to the Middle Eastern religious authorities. Some testimonies of sources that have not been previously translated into Russian are published in this paper. Among them, there is a complete Russian translation of an 11th century letter from Thessaloniki community about Jewish pilgrims from Rus' to the Middle East. The article also contains a new translation of fragments of the "Book of Travels" of Benjamin of Tudela on Rus' and Eastern Europe into Russian, based on E. Adler's critical editions (London, 1907) and some early manuscripts.

Keywords: Ibn Khordadbeh, Ibrahim ibn Yakub, Petakhiah of Regensburg, Benjamin of Tudela, ar-Razzaniyya, trade routes, Eastern Europe, Ancient Rus', Medieval Hebrew sources, Islamic geographical literature

DOI: 10.32608/1560-1382-2021-42-493-509

ОТРАЖЕНИЕ МОНГОЛЬСКИХ ПЕРВОИСТОЧНИКОВ XIII В.
В ДИНАСТИЙНОЙ ИСТОРИИ «ЮАНЬ ШИ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОХОДОВ МОНГОЛОВ НА РУСЬ
И В ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ)

В статье сообщается о результатах сравнительного анализа известий китайской династийной истории «Юань ши» (1370 г.) и юаньских текстов XIII — начала XIV в. о походах монголов на Русь и в Восточную Европу в первой половине XIII в. В ней приводятся (вместе с конкретными примерами) доказательства существования монгольских первоисточников середины XIII в., сведения которых использованы авторами «Юань ши» для жизнеописаний ряда деятелей Монгольской империи, участвовавших в этих походах. Для демонстрации этого вывода были рассмотрены различные составляющие источниковой базы «Юань ши». Одними из самых важных для нее были юаньские компендиумы официальных документов, такие как «Цзин-ши дадянь» (1331 г.) и другие так называемые «своды установлений». Значение огромного свода «Цзин-ши дадянь» для авторов «Юань ши» заключалось в том, что для него в течение 1310–1320-х гг. с монгольского языка на китайский переводились оригинальные тексты указов, рескриптов и эдиктов каанов Монгольской империи, а также и императоров Юань. Таким образом до авторов «Юань ши» дошло содержание множества оригинальных документов, составленных в канцелярии Монгольской империи периода до 1260-х годов. Также были рассмотрены сохранившиеся до нашего времени тексты юаньских историографов и литераторов Ван Юня (1227–1304 гг.), Яо Суя (1238–1313 гг.) и Янь Фу (1236–1312 гг.), а также показаны основные пути, какими сведения из послужных списков чинов при Юань, монгольских актов и жалованных грамот титулованных сановников Монгольской империи и Юань, оформлявшихся в монгольской каанской канцелярии, переходили в тексты юаньских авторов, а потом и в «Юань ши». Приводятся цитаты из текстов вышеназванных юаньских авторов, а также из дошедших до наших дней нарративов и документов Монгольской империи и династии Юань, которые сообщают различные детали и подробности военных походов монголов на Русь и в Восточную Европу. Многие из них впервые вводятся в научный оборот. В них сообщаются сведения о деятельности таких исторических лиц как чингизиды Батый, Угэдэй, Гуюк и Мэнгу-каан, полководцы Субэдэй, Тутук и Шири-гамбу. Также в них есть важные известия о русских, аланах и кипчаках, с которыми в этих походах столкнулись монголы. Эти сведения охватывают следующие вопросы: география монгольских походов с названиями тех топонимов, которые монголы сохранили в своих

документах; ход боевых действий; подробности осад монголами городов и применяемых для этого средств; точная хронология событий данных походов.

Ключевые слова: «Юань-ши», Бату, Угэдэй, Мэнгу-каан, Субэдэй, историографы Юань, русские, аланы, кипчаки

Настоящая статья является продолжением цикла работ автора по изучению сведений из монгольских первоисточников середины XIII в. (на материале походов монголов на Русь и в Восточную Европу в 1221–1224 гг. и в 1235–1242 гг.), т. е. документов, вышедших из канцелярии каанов Монгольской империи. В ней подытоживаются результаты предыдущих исследований (см.: Храпачевский 2013, 2015 и 2019), а также приводятся новые данные из юаньских источников, где автором были обнаружены дополнительные сведения о походах монголов на Русь и Восточную Европу в первой половине XIII в. Известия об этих походах находились в разнообразных документах Монгольской империи, в таких как послужные списки военачальников и сановников, указы о награждениях, жалованные грамоты и т. д., а также в монгольских летописях и хрониках (известных как «Тобчиян» и «Алтан дебтер»), которые велись в XIII в. Хотя их оригиналы на монгольском языке практически не сохранились (за исключением так называемого «Сокровенного сказания» 1240 г., которое в юаньских текстах обычно называется «Тобчиян»), но их содержание известно по переводам на другие языки, распространенные в империи (т. е. персидский и китайский). В частности, эти сведения были использованы авторами династийной истории «Юань ши». В данное время в литературе на русском и на европейских языках нередко используются сведения из «Юань ши», опубликованной в 1370 г. При этом вопрос исследования происхождения их первоисточников, восходящих к записям монгольской канцелярии, обычно не поднимается. Ввиду этого обстоятельства, а также «позднего происхождения» «Юань ши», нередко высказываются сомнения в их релевантности по отношению к событиям первой половины XIII в. Поэтому рассмотрение характеристик монгольских первоисточников XIII в. (в переводе на китайский язык), сведения которых брались из монгольского официоза (т. е. из канцелярий монгольских каанов), является как стандартной задачей по критике источника (т. е. «Юань ши»), так и задачей первостепенной важности по определению аутентичности вышеупомянутых сведений «Юань ши». Эти задачи в данное время возможно решить ввиду недавнего издания в КНР большого собрания юаньских текстов — «Цюань Юань вэнь (Полное собрание литературных текстов

Юань)», где автором найдены ценные первоисточники «Юань ши». Введение их в научный оборот — это также цель настоящей работы.

Про использование монгольских первоисточников из каанской канцелярии середины XIII в. прямо сообщается в «Юань ши». Так, в жизнеописании великого судьи Мэнгусара в цзюани 124¹ сказано, что «государь для доведения до всеобщего сведения дал высочайший указ его сыновьям, краткое содержание которого таково» (Yuan shi 1997. С. 3056). Далее авторами «Юань ши» приводится китайский перевод оригинального указа Мэнгу, данного около 1254 г. (существует его русский перевод, см.: Золотая Орда в источниках 2009. Т. 3. С. 237–239), где есть сообщение, что Мэнгусар «был с нами в карательном походе по усмирению городов русских, асов² и олберлик-кипчаков».

Кроме того, в приложениях к первому минскому изданию «Юань ши»³ и в жизнеописании крупного юаньского историографа Юй Цзи (1272–1348) в цз. 181 «Юань ши» также сообщается, что при составлении «Юань ши» использовался огромный компендиум официальных документов монгольской династии Юань, называвшийся «Цзин-ши дадянь (Всеобщее собрание законов, управляющих миром)», т. е. свод всех государственных установлений, где были собраны переводы на китайский язык указов, эдиктов и рескриптов каанов, начиная с каана Угэдэя (1229–1241 гг.) и до императора Ток-Тэмур (ум. 1332). В тексте жизнеописания Юй Цзи сказано:

«Поскольку имелось [священное] повеление составить сборники установлений настоящего правления, сведя их в “Цзин-ши дадянь”, подражающий сводам установлений (*хуйяо*) [династий] Тан и Сун, то был дан приказ [императора, чтобы Юй] Цзи вместе с начальником департамента политических дел Центрального имперского секретариата (*чжуншуну пинчжан чжэньши*) Чжао Ши-янем совместно возглавили общее руководство [над этой работой]» (Yuan shi 1997. С. 4178).

Упомянутые «своды установлений (*хуйяо*)» это особый вид китайской официальной историографии, представляющий собой компиляции официальных документов (законов, распоряжений императора,

---

¹ Цзюань, букв. «свиток», — это название единицы деления больших по объему сочинений в Китае, т. е. «часть». Иногда переводится как «глава», но самом деле это более крупный объем. В дальнейшем используется сокращение при нумерации цзюаней — «цз. 124» и т. д.

² Этнонимы «асы» и «аланы» по тексту «Юань ши» используются как взаимозаменяемые. Так же присутствует и их комбинация в виде «асы-аланы».

³ Этот тираж был напечатан 1 ноября 1370 г., см.: Yuan shi 1997. С. 4678.

правительства, различных властей, докладов, записок и меморандумов), расположенных по тематическому принципу. Как отмечает В.А. Вельгус, в танских и сунских *хуйяо* «в основных чертах отражено все, что относится к государственной системе управления, аппарату управления, государственным институтам... составлялись своды установлений правления одного императора или нескольких годов его правления, своды установлений правлений нескольких императоров и своды по целой династии... сунские своды вобрала в себя сведения, касающиеся правления тринадцати императоров... в них собраны данные о государственных институтах, аппарате управления, мероприятиях правительства, а также сведения о текущих государственных делах и об иностранных странах» (цит. по: Вельгус 1987. С. 22–23).

Свод «Цзин-ши дадянь», созданный по образцам сунских (по преимуществу) *хуйяо*, имел в своем составе 894 цзюани и был окончен весной 1331 г. Хотя из всего этого огромного свода до наших дней дошли в оригинале только его подробное оглавление с аннотациями ко всем разделам свода и оригинальные тексты двух его разделов, но содержание оригинала часто цитируется или пересказывается в различных частях «Юань ши». Причем качество этих пересказов достаточно высокое, что доказывается, например, сличением текстов его раздела (дошедшего до нас) «Да Юань ма-чжэн цзи (Записка о коневодстве при Великой Юань)» и соответствующих частей «Юань ши» (таких как раздел «Тайпусы (Управление государевых конюших)» в трактате «Все чины», цз. 88 «Юань ши», и раздел «Ма-чжэн (Коневодство)» в трактате «Войска», цз. 100 «Юань ши») — в указанных разделах «Юань ши» приводятся несколько отредактированные, но вполне узнаваемые пассажи из «Да Юань ма-чжэн цзи». В составе «Цзин-ши дадянь» были помещены тексты многих указов каанов и императоров Юань по всевозможным поводам. Поэтому вероятнее всего, что вышеупомянутый указ Мэнгу-каана от 1254 г. был взят именно оттуда, поскольку в двух других аналогичных сводах (также использовавшихся при создании «Юань ши») следов этого указа не имеется. Под этими двумя сводами имеются в виду «Да Юань шэн-чжэн гочао дян-чжан (Установления священного правления правящей династии Великая Юань)» (дошел до наших дней) и «Да Юань тун-чжи (Всеобщие законы Великой Юань)» (сохранился его сокращенный вариант), создававшиеся в 20–30-х гг. XIV в. Возможно также, что авторы «Юань ши» имели на руках оригинальный текст указа, но это маловероятно — оригинал на монгольском языке они не могли прочитать, а его перевод на китайский и так должен был быть в составе вышеназванных сводов, для которых

при Юань и были сделаны переводы на китайский язык указов каанов Монгольской империи и императоров Юань.

Первые сообщения о Руси, Булгаре и Кавказе в монгольском офицозе связаны с продолжительным рейдом корпуса Чжэбэ и Субэдэя в 1221–1224 гг. Этногеографические данные, собранные монголами в данном походе, были записаны монгольской канцелярией Чингисхана и потом вошли в состав единственного сохранившегося до нашего времени собственно монгольского источника первой половины XIII в. — «Сокровенного сказания» (подробнее см.: Храпачевский 2013). Но кроме так наз. «списка покоренных народов» и некоторых деталей походов монголов на Русь и Восточную Европу (как во время рейда корпуса Чжэбэ и Субэдэя, так и во время похода чингизидов во главе с Бату в 1235–1242 гг.), имеющих в тексте «Сокровенного сказания», были и другие сведения об этих походах, которые были зафиксированы в официальных документах Монгольской империи. Об этом можно судить по сохранным в текстах двух жизнеописаний Субэдэя в составе «Юань ши» (находятся в цз. 121 и 122, соответственно) сообщениям о его походах в Восточную Европу. Именно они часто используются в литературе со ссылками на «Юань ши» вообще, т. е. без оценки их места и значения в составе такого большого свода разнообразных по происхождению источников, каковым является любая китайская династийная история. Тому есть вполне определенная причина — критика такого источника как «Юань ши» требует специальных китаеведческих навыков и знаний.

Неудивительно поэтому, что первоисточник данных жизнеописаний Субэдэя в «Юань ши» до сих пор в литературе не указывался. Таковым же является обширный текст стелы храма предков Субэдэя, который содержит выдержки из послужных списков самого Субэдэя, его сына Урянхата и внука Ачжу. Текст для этой стелы был написан в начале 1295 г. по указу императора Тэмура юаньским историографом Ван Юнем (1227–1304 гг.) и ныне наличествует в составе «Цюань Юань вэнь». В тексте Ван Юня присутствует большое предисловие, в котором описан весь процесс составления этой мемориальной записи: сообщается о прошении императору от сына Ачжу, обоснование необходимости его удовлетворить, данное высшими чинами империи, и поручение императора историографическому департаменту о работе над ним. Все эти этапы датированы. Это позволяет нам видеть всю, так сказать, «кухню» создания подобных юаньских первоисточников для будущей «Юань ши». Благодаря сличению текста Ван Юня с текстами жизнеописаний Субэдэя в «Юань ши» становится возможным выявить ошибки и неверные трактовки авторами «Юань ши» сведений первоисточника. В частности,

это касается произвольной датировки ими похода на кипчаков Бачмана 1236 г. (в тексте Ван Юня эта дата отсутствует) и прочих «заполнений» ими лакун в датах у Ван Юня. К другим их ошибкам приводило состояние сохранности текста Ван Юня, который переписывался составителями собрания сочинений Ван Юня с эстампажа стелы храма (со всеми ее дефектами от времени и повреждений), а ведь именно текстом из данного собрания сочинений и пользовались потом авторы «Юань ши». Также в тексте Ван Юня есть подробности и нюансы, которые авторы «Юань ши» не поместили в жизнеописание Субэдэя. Например, там сказано, что «*чжуван* Бату принял повеление [Угэдэя] пойти походом на русских и был ими разбит. Он атаковал город Ту-ли-гэ⁴ и оказался не в состоянии взять (Wang Yun 1999. С. 384). Это отличается от несколько более комплиментарных к Бату пассажей в цз. 121 «Юань ши», где сказано, что Бату «ими (т. е. русскими. — Р. Х.) было нанесено поражение, город Торск был окружен, но не взят» (Yuan shi 1997. С. 2977).

Другими выявленными первоисточниками являются два больших текста юаньского сановника и историка Яо Суя (1238–1313 гг.), где приводятся сведения о походах Бату и Субэдэя на кипчаков, алан и Русь. Первый из них, текст, созданный в 1304/05 г., представляет собой вид эпитафии (так наз. *шэньдаобэй*, т. е. «стела на пути духа») титулованного знатного лица Юань, имевшего титул Гаочан-вана (уйгура по происхождению), с перечислением его предков и их свершений. В частности, там говорится об участии его деда Сары-Охана, бывшего под началом у Субэдэя, в походе Бату в Восточную Европу. Там под 1236 годом сказано: «дошли до Кул-тенгиза⁵ и соединились с главой всех князей крови Бату для карательного похода на кипчаков и русских» (Yao Sui 1999a. С. 549). Далее сообщается о подвигах Сары-Охана зимой 1239/40 г. при осаде и взятии аланского города Магас⁶. Любопытно также отметить, что своего сына он назвал Субэдэй-Даба (Там же). В предисловии к эпитафии и потом, в авторском примечании к ее тексту, сообщается каким образом создавался данный текст и каковы его первоисточники. В частности, там упоминается, что за много лет до получения Яо Суем указа императора

⁴ В тексте — 禿里哥 *То-ли-гэ*, это китайская транскрипция для названия «Торк». Ср. с названием древнерусского города Торческа или, как он иногда записывается в Ипатьевской летописи, *Торьскии* (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 678), находившегося юго-западнее Киева, в местах расселения так наз. «черных клобуков».

⁵ По-монгольски *кул тенгиз* значит «центральное море/океан», здесь речь идет о Каспийском море.

⁶ Следует отметить, что транскрипция его названия в тексте Яо Суя сходна с той, что есть в «Сокровенном сказании», где в монгольском тексте столица асов-алан названа «Мегет». В то время как в «Юань ши» название Магаса обычно транскрибируется знаками 滅怯思 *Ме-це-сы*, передающими звучание «Мэгэс».

о составлении данной эпитафии, уже была создана так называемая *ши-гунбэй* (в переводе «стела заслуг рода») первого из получивших титул Гаочан-вана, т. е. стела, восхваляющая деяния его рода. Министры императора Тэмур предложили ему приказать выделить сотни солдат, чтобы доставить эту стелу, но тот отклонил предложение, сказав, что прикажет сделать 10 эстампов со стелы и передать их Яо Сую и его сотрудникам для использования в написании эпитафии (Yao Sui 1999a. С. 548–549). Тут следует отметить, что данная эпитафия не была использована авторами «Юань ши», так как они не стали составлять специальные жизнеописания вышеназванных лиц для раздела жизнеописаний в «Юань ши». Тем не менее, этот текст 1304/05 г. оказывается очень полезным, так как он прямо свидетельствует, что его основой были сведения со стелы второй половины XIII в., которые в свою очередь были почерпнуты авторами текста этой ранней стелы из синхронных документов монгольской каанской канцелярии. А это, в свою очередь, показывает нам всю цепочку документов, приводящих от первоисточников канцелярии каанов Монгольской империи к тому корпусу юаньских текстов, что послужил затем источниковой базой для создания «Юань ши».

Второй из вышеупомянутых текстов Яо Суя — это текст 1308 г., содержащий эпитафию представителю фамилии Ли из правящего дома тангутских императоров⁷, оказавшихся на службе у монголов. Его собственное имя Айру (1226–17.07.1288), он был сыном Шири-гамбу (1191–18.08.1259), чья биография и была помещена в начальной части данной эпитафии. На основе текста Яо Суя авторы «Юань ши» составили жизнеописание Шири-гамбу, размещенное в цз. 122 «Юань ши». Однако они основательно отредактировали текст Яо Суя, не только упростив его цветистые и литературные обороты, но и опустив много ценных деталей, причем как раз касающихся событий похода в Восточную Европу в 1235–1242 гг. Ввиду важности сообщаемых Яо Суем сведений, следует привести соответствующий пассаж полностью:

«В год и-вэй (1235 г. — *P. X.*) Тай-цзун⁸ дал высочайший указ двум великим **ванам**, [старшим] над вассальными князьями, Дин-цзуну⁹

---

⁷ Их предкам, владетелям тангутского государства Си Ся, эту китайскую фамилию пожаловали китайские императоры династии Тан.

⁸ Храмовое имя каана Угэдэя при Юань. Храмовые имена посмертно давались последующими императорами династии (т. е. их потомками). А собственные имена императоров после смерти становились табуированными (при правлении их династии). И даже в династийной истории личное имя императора обычно упоминалось только единожды — в преамбуле к анналам его правления, а затем по всему тексту династийной истории использовалось только храмовое имя.

⁹ Это храмовое имя каана Гуюка при Юань.

и Сянь-цзуну¹⁰, вместе с Субэдэем пойти карательным походом в Западный край. На следующий год (1236 г. — *Р. Х.*), когда командующие, подготовившись к походу, вели войска, “Честный и мудрый”¹¹ находился в пути среди них. Далее, на следующий год (1237 г. — *Р. Х.*), [Шири-гамбу] дошел до моря Кул-тенгиз. [Шири-гамбу] нашел великого *вана*, [старшего] над вассальными князьями, Бату и, пойдя с ним в поход на русских, дошел до города Рязань¹². [Шири-гамбу], следовал в походе за Сянь-цзуном, который прибыл [к Рязани] заранее и, в течение 7 дней, сражаясь в рукопашных, взял его (т.е. город Рязань. — *Р. Х.*). В одиннадцатой луне года цзи-хай (с 27 ноября по 26 декабря 1239 г. — *Р. Х.*) [Шири-гамбу] дошел до Магаса, [города] асов. Город был основательно укреплен, [монголы его] атаквали, но не смогли взять сразу. Весной, в начальной луне следующего года (с 27 января по 24 февраля 1240 г. — *Р. Х.*), когда миновало полные три луны, “Честный и мудрый”, взяв с собой 10 человек бесстрашных воинов, тихонько вступил на [осадную] лестницу и взобрался на парапет [крепостной] стены, живыми притащил 11 человек [в плен] и великим криком возвестил: “Город разбит!”. [Остальные] войска как муравьи облепили [стены] и поднялись наверх, после чего овладели [городом]. [Шири-гамбу] был пожалован западными конями и западными тканями, всего 9 штуками, стал именоваться *бату-ром* и его подвиги в боях были отмечены официальным документом. Далее, на следующий год (1241 г. — *Р. Х.*), последовал высочайший указ об отзыве войск на отдых и пополнение. Вот такова была его служба — [в течение] 6 лет, а потом вернулся домой, заслуженным начальником 1000 мужей) (Yao Sui 1999b. С. 649).

Как видим, кроме ценной информации о походе Бату, других чингизидов и Субэдэя¹³, здесь еще имеется важное известие о письменной фиксации монгольской канцелярией (она, судя по тексту, была именно при Бату как главе всего Западного похода чингизидов) заслуг и подвигов командиров их армии, среди которых и был Шири-гамбу. Причем это не случайное сообщение — оно далее по тексту получает свое развитие:

¹⁰ Храмовое имя Мэнгу-каана при Юань.

¹¹ Это почетное посмертное имя Шири-гамбу, оно используется по всему тексту данной эпитафии.

¹² В тексте Яо Сяя транскрипция этого названия — 葉爾羌 *Е-эр-цян*, а в жизнеописании Шири-гамбу в цз. 128 «Юань ши» — 也里贊 *Е-ли-цзань*. Оба они передают звучание «Ерезан/Ерезань», т.е. тюрко-монгольское произношение русского названия «Резань» (монголы и тюрки предвляли гласными звуками о/у и е/и иноязычные им слова, начинающиеся с «р»), ср. их названия для русских — *орос* и *урус*, соответственно).

¹³ Имя полководца Субэдэя в тексте Яо Сяя выделено наравне с именами главных чингизидов, командовавших в Западном походе. Это очень сходно с известным сообщением Ипатьевской летописи о событиях осады Киева армией Бату и прочих чингизидов в 1240 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 785).

«Потом Сянь-цзун, ввиду того, что Бучжир, прибыв на должность в передвижном [имперском] цензorate (*син-тай*), скопировал записи о его (т. е. Шири-гамбу. — *Р. Х.*) прежних трудах на службе, снова приказал ему [служить] в том же самом учреждении, а кроме того пожаловал [золотой] пайцзой с [головой] тигра» (Там же).

События назначения Шири-гамбу на его прежнюю должность судьи и пожалования его пайцзой высшего сановника¹⁴, о которых сообщает данное предложение, можно достаточно точно датировать — дело в том, что назначение Мэнгу-кааном вышеупомянутого Бучжира на важные должности произошло осенью 1251 г. (см. анналы правления Мэнгу-каана в цз. 3 «Юань ши»: Yuan shi 1997. С. 45).

Таким образом, оба вышеприведенных пассажа из данного текста Яо Суя непреложно свидетельствуют не только о наличии развитого делопроизводства в монгольской канцелярии первой половины XIII в. вообще, но и, в частности, о конкретном его направлении — ведении подробных послужных списков чинов империи. Кроме того, на этом примере возможно еще определить путь, по которому сведения из послужных списков, хранившихся в монгольской канцелярии (ее архивов), попадали в тексты более поздних юаньских историографов. Так, Яо Суй в преамбуле эпитафии Айру, сообщает о всей ее предыстории — от прошения Цзяохуа (сына Айру) императору Хайсан-Кулюк-хагану (У-цзун по храмовому имени) о создании мемориальной стелы своего отца и принятия решения высших властей касательно этого прошения, — вплоть до самого процесса написания текста. Так как бюрократическая процедура подготовки решений юаньского императора по подобным поводам хорошо известна, то нетрудно интерпретировать информацию преамбулы эпитафии Айру. Дело в том, что уже в ней и он и его отец именуется по их посмертным титулам, званиям и почетным именам. А это значит, что данные почетные имена и титулы они получили еще до 1308 г. (даты составления эпитафии), но не ранее дат их смертей. Причем Шири-гамбу был пожалован ими еще при жизни Айру, в момент пика его служебной карьеры (т. е. задолго до 1288 г.), когда Айру мог добиться у Хубилая удовлетворения своего прошения (аналогичного тому, что сделал его сын в отношении его самого в 1308 г.). В составе «Цюань Юань вэнь» есть много документов, представляющих собой копии докладных записок высшим властям империи (обычно в адрес сановников Центрального имперского секретариата) в которых по их приказам авто-

---

¹⁴ Золотая пайцза с головой тигра в Монгольской империи давалась или высшим чинам гражданской службы или темникам в армии.

рами докладных давались им обоснования для принятия той или иной резолюции (положительной или отрицательной) на подобные прошения. Исполнителями таких докладных записок были обычно чины исторического департамента академии Ханьлинь (реже — начальники или замначальники департаментов имперских секретариатов), такие как Яо Суй или Янь Фу, например. В мотивировочной части докладных записок они как раз и приводили выписки из послужных списков лиц, касательно которых подавались прошения (т. е. давали справку о данном лице и о его служебном пути). Таким образом, Яо Сую по получению приказа императора составить эпитафию Айру было достаточно поднять из архива докладные записки касательно прежних прошений о пожаловании почетных титулов и званий Шири-гамбу и Айру, которые были составлены еще до середины 1280-х гг. В этих докладных и были уже готовые переводы на китайский язык выписок из послужных списков данных лиц, взятых из архивов монгольской канцелярии — ведь именно на основании записей о службе этих лиц (ее этапов, перечней карьерных ступеней, отметок о заслугах, наградах от императора и других инстанций и т. п.) в итоге и составлялись рекомендации властям об окончательной резолюции по их делам.

Еще один взгляд на использованные авторами «Юань ши» монгольские первоисточники дает эпитафия (текст стелы на могиле) главнокомандующего кипчакской гвардии юаньских императоров Тутука (1236–02.1297), написанный юаньским историком и литератором Янь Фу (1236–1312 гг.) ок. 1299 г. В частности, в нем цитируется рескрипт Хубилая лично Тутуку, а также указ властям Юань, связанный с исполнением этого рескрипта (они датируются 1278 г. и касаются пожалования Тутука тарханством, с выделением ему в удел тех кипчаков, что ранее были распределены по различным институтам империи, а теперь передавались под власть Тутука как тархана и командующего кипчакской гвардией, см.: Yan Fu 1999. С. 266). В дальнейшем потомки Тутука заняли исключительно высокое положение в Юань — его сыновья, дочери и внуки вступали в браки с представителями «золотого рода» Чингисхана, а одна из его правнучек стала императрицей Юань. В «Юань ши», в жизнеописании Тутука и его сына, а также в жизнеописании его внуков (цз. 128 и 138 соответственно), базирующихся как на тексте Янь Фу, так и на других документах из архивов потомков Тутука, весьма подробно представлены все обстоятельства их возвышения.

Еще в тексте Янь Фу сохранилось *шежере* (генеалогическая легенда у тюрков) рода Тутука, сведения которой доходят до XI в., т. е. ко временам прихода его предков в Волго-Уральское междуречье. Так, там

приводится подробное описание их новой родины, которая «омывается двумя реками, левая [из них] называется Я-и¹⁵, а правая называется Е-дэ-ли¹⁶... [это] просторные равнины речных долин, травы и деревья изобильные и густые» (Yan Fu 1999. С. 265).

Кроме того, Янь Фу приводит уникальные сообщения и о событиях монгольского нашествия на кипчакскую периферию Булгара, в ходе которого часть кипчаков, которыми правили дед и отец Тутука, в 1237 г. подчинились монголам, после чего отец Тутука в составе корпуса Мэнгу-каана участвовал в походе на аланский город Магас:

«В год дин-ю (1237 г. — *Р. Х.*) Сянь-цзун, не будучи еще императором, получил приказ [Угэдэя] пойти карательным походом. Когда войска приблизились к границе [земель кипчаков рода Тутука], отец господина¹⁷ Балдучак, подняв род, вышел им навстречу и сдался. [Балдучак] проследовал [за Мэнгу-кааном] в поход на страну Магас» (Yan Fu 1999. С. 265).

Все это указывает на еще один источник, откуда авторы «Юань ши» черпали свои сведения о событиях XIII в. — частные архивы влиятельных семейств Юань, хранивших в них подлинные акты и рескрипты монгольских каанов. Именно поэтому в тексте Янь Фу и, соответственно, в тексте жизнеописания Тутука (цз. 128 «Юань ши»), следующему данным Янь Фу, сохранены сообщения о походе монголов в Восточную Европу в 1230-х гг.

Все вышеприведенные свидетельства юаньских источников показывают, что для сообщений «Юань ши» о походах монголов на Русь и в Восточную Европу в 1220-х и в 1230–40-х гг. привлекались сведения, происходившие из документов канцелярии монгольских каанов XIII в. синхронных описываемым событиям. Но поскольку авторы «Юань ши» не знали монгольского языка, ими были использованы только те из них, что были переведены или пересказаны на китайском языке юаньскими историографами третьей четверти — конца XIII в. Далеко не все из них дошли до наших дней, но сохранившаяся часть юаньских текстов из числа послуживших первоисточниками для «Юань ши» позволяет точнее оценивать достоверность сообщений этой династийной истории касательно походов монголов на Русь и в Восточную Европу в первой половине XIII в.

---

¹⁵ Яик, ныне р. Урал.

¹⁶ Идэль, тюркское название Волги.

¹⁷ Т.е. Тутука. В эпитафиях те лица, которым они посвящались, по всему тексту обозначались просто словом *гун*, т.е. «господин».

- Вельгус В.А.* Средневековый Китай, М. 1987. [*Vel'gus V.A. Srednievekovyj Kitaj (Medieval China)*. Moscow, 1987.]
- Золотая Орда в источниках. М., 2009. Т. 3: Китайские и монгольские источники. [Zolotaja Orda v istochnikakh. Vol. III. Kitajskie i mongol'skie istochniki (Golden Horde in Historical Sources. Vol. III. Chinese and Mongolian Sources). Moscow, 2009.]
- ПСРЛ. М., 1962. Т. 2: Ипатьевская летопись. [Polnoje sobranie russkikh letopisej. Vol. 2. Ipat'evskaya letopis' (Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 2: Ipat'evskaya chronicle). Moscow, 1962.]
- Храпачевский Р.П.* К вопросу о так называемом «списке покоренных народов» Восточной Европы в «Сокровенном сказании монголов» (1240 г.) // *Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы*. Минск, 2013. Вып. 6. С. 91–102. [*Khrapachevsky R.P.* К вопросу о так называемом “spiskie pokorennykh narodov” Vostochnoj Evropy v “Sokrovennom skazanii mongolov” (1240) (To the Question of the so-called “list of conquered peoples” of Eastern Europe in the *Secret History of the Mongols* 1240) // *Studia Historica Europae Orientalis*. Minsk, 2013. Vol. 6. S. 91–102.]
- Храпачевский Р.П.* Русь и русские первой половины XIII в. в монгольских известиях // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2015. № 3 (61), сентябрь. С. 131–133. [*Khrapachevsky R.P.* Rus' i russkie piervoj poloviny XIII v. v mongol'skikh izvestijakh (Rus' and the Russians of the First Half of the 13th Century in Mongolian Reports) // *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*. September 2015. № 3 (61). S. 131–133.]
- Храпачевский Р.П.* Юаньские источники XIII века о походах монголов на Русь и Восточную Европу // *Комплексный подход в изучении Древней Руси. Мат-лы X Междунар. конф.* М., 2019. С. 217–219. [*Khrapachevsky R.P.* Yuan'skie istochniki XIII veka o pokhodakh mongolov na Rus' i Vostochnuju Evropu (Yuan Sources of the 13th Century about Mongol Campaigns in Rus' and Eastern Europe) // *Kompleksnyj podkhod v izuchenii Drevnej Rusi. Materialy X Mezhdunarodnoj konferencii (Complex Approach to a Study of Ancient Rus'. The Materials of the 10th International Conference)*. Moscow, 2019. S. 217–219.]
- 王惲, 大元光祿大夫平章政事兀良氏先廟碑銘, 全元文 第6冊, 南京, 1999. (*Wang Yun*. Da Yuan guanglu dafu pingzhang zhengshi uliang-shi xian miao beiming (The Memorial Stele of the Former Temple of the Ancestors of the Highest Dignitary of Great Yuan, Head of the Department of Political Affairs [Central Imperial Secretariat], Originated from the Uryanhai Clan), Complete collection of the Yuan texts. Nanjing, 1999. Vol. 6.)
- 元史, 北京 1997. (*Yuan shi*. Beijing, 1997.)
- 閻復, 樞密句容武毅王碑, 全元文 第9冊, 南京, 1999. (*Yan Fu*. Shumi Jurung Wuyi wang bei (Stele of ‘Militantly Unshakable’ Jurong-wang, [Member] of the

Supreme Privy Council). Complete collection of the Yuan texts. Nanjing, 1999. Vol. 9.)

姚燧, 皇元高昌忠惠王神道碑銘, 全元文 第9冊, 南京, 1999. (*Yao Sui*. Huang Yuan Gaochang Zhong-hui wang shendaobei ming (The Epitaph on the Stele, which is in the Way of the Spirit of Gaochang-wang by the most August Yuan, with [Honorable Name] “Faithful and Gracious”). Complete collection of the Yuan texts. Nanjing, 1999. Vol. 9.) (a)

姚燧, 資德大夫雲南行中書省右丞贈秉忠執德威遠功臣開府儀同三司太師上柱國魏國公諡忠節李公神道碑, 全元文 第9冊, 南京, 1999. (*Yao Sui*. Zide dafu Yunnan xing-zhongshusheng you-cheng zeng Bing-zhong Zhi-de Wei-yuan gongchen kaifu yitongsansi taishi shangzhuguo Weiguo-gong shi Zhong-jie Li-gong shendaobei (Stele in the Way of the Spirit of Master Li, who Reached the Virtue of a Senior Dignitary, First Vice Chancellor of the Mobile Imperial Secretariat of Yunnan, Posthumously Granted [Ranks] of “Guided by Fidelity, Wielding Virtue, Majestic and Visionary” Honored Dignitary, His Excellency, Equal to the Three Highest, Mentor of the Sovereign, the Supreme Support of the State and [with the Title] Weigo-gong, with the Honorable Posthumous Name “Faithful and Exemplary”). Complete collection of the Yuan texts. Nanjing, 1999. Vol. 9.) (b)

Roman P. Khrapachevsky

REFLECTION OF MONGOLIAN PRIMARY SOURCES
OF THE 13TH CENTURY IN THE DYNASTIC HISTORY *YUAN SHI*
BASED ON THE MATERIAL OF MONGOL CAMPAIGNS AGAINST RUS
AND EASTERN EUROPE

This study presents the results of a comparative analysis of the information contained in the Chinese dynastic history *Yuan shi* (1370) and the Yuan texts of the 13th and the beginning of the 14th century on the campaigns of the Mongols in Rus and in Eastern Europe during the first half of the 13th century. The article provides evidence of the existence (along with specific examples) of the Mongol primary sources of the mid-thirteenth century which information was used by the authors of *Yuan Shi* for writing biographies of a number of officials of the Mongol Empire who participated in these campaigns. Various components of the sources of *Yuan shi* were examined to demonstrate this conclusion. One of the most important sources was the Yuan compendiums of official documents, such as *Jing-shi dadian* (1331) as well as the so-called “codes of regulations”. The significance of the enormous compilation of *Jing-shi dadian* for the authors of *Yuan shi* consisted in the fact that for this compilation original texts of decrees, rescripts, and edicts of the kaans of the Mongol Empire, as well as the Yuan emperors, were translated from the Mongolian language into Chinese during the 1310s — 1320s. Thus, the authors

of *Yuan shi* had access to many original documents drawn up in the office of the Mongol Empire until the 1260s. In addition, the author used the still extant texts of the Yuan historiographers and writers Wang Yun (1227–1304), Yao Sui (1238–1313) and Yan Fu (1236–1312). The author demonstrates the ways passed by the information from statements of service of ranks in the Yuan time, Mongol acts, and Yuan letters of honor of the titled dignitaries to texts of the Yuan authors and then to *Yuan shi*. Fragments of the texts of the above-mentioned Yuan authors are quoted as well as passages from extant narratives and documents of the Mongol Empire and the Yuan Dynasty. Many of them are introduced into scientific circulation for the first time. They provide various details of the military campaigns of the Mongols in Rus and Eastern Europe and information on the activities of such historical persons as the Genghisides Batu, Ugedei, Guyuk and Mengu-kaan, commanders Subedei, Tutuk and Shiri-gambu. They also contain important observations concerning the Rus, the Alans and the Kipchaks, whom the Mongols encountered during these campaigns. This information covers the following issues: geography of the Mongol campaigns with the place-names retained in the Mongols' documents; the course of hostilities; details of sieges of cities by the Mongols and the means used for this; exact chronology of events of these campaigns, etc.

Keywords: *Yuan-shi*, Batu, Ugedei, Mengu-kaan, Subedei, historians Yuan, the Rus, the Alans, the Kipchaks

DOI: 10.32608/1560-1382-2021-42-510-523

ЗАПАДНЫЕ, РУССКИЕ И ВИЗАНТИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВОСТОКА

И.Г. Коновалова

УПОМИНАНИЕ О «РОДЕ ФАТИМИДОВ» У КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО (КОММЕНТАРИЙ К ГЛ. 15 *DE ADMINISTRANDO IMPERIO*)

В статье рассматривается дискуссионный вопрос о том, какой арабский род имеется в виду в гл. 15 трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей», заглавие которой, отсылающее к роду Фатимидов, является вставкой и не связано с содержанием главы. Анализ информации Константина о локализации рода в контексте особенностей авторского восприятия пространства привел к выводу о том, что составитель гл. 15 имел в виду арабский род Хашим из племени курайш. Описание в гл. 15 именно рода Хашим позволяет органично встроить указанную главу в хронологическую и логическую схему повествования трактата об исламском мире в целом.

Ключевые слова: Константин Багрянородный, *De administrando imperio*, Фатимиды, Бану Хашим, пространственная ориентация

«Исламское досье» Константина Багрянородного, помещенное в гл. 14–22 его трактата *De administrando imperio*, представляет собой систематическое изложение истории Халифата от возникновения ислама до смерти халифа Харуна ар-Рашида в 809 г. и борьбы его сыновей за власть друг с другом. К нему примыкает и завершающая часть гл. 25 (DAI-I. 25.56–85), где кратко обрисовывается политическая карта мусульманского мира в середине X в. Целью составления «исламского досье», по-видимому, был анализ истории Халифата и текущего положения дел в исламском мире, но — в силу каких-то причин — работа над ним не была доведена до конца. Материал по IX в. вообще не был собран, поэтому хронологическая вертикаль, выстроенная в гл. 14–22, обрывается на событиях начала IX в. (лишь в гл. 22 имеется упоминание о взятии арабами Крита в 827 г.: DAI-I. 22.46–48).

При комментировании гл. 15, озаглавленной «О роде Фатимидов», всегда возникали определенные затруднения, связанные с тем, что заголовок и начало главы плохо согласуются с ее основным содержанием. Глава начинается с упоминания о роде Фатимидов — потомков дочери

Мухаммада Фатимы: «Знай, что Фатима была дочерью Мухумета и от нее происходят Фатимиды» (DAI-I. 15.2–3). Утверждение о том, что Фатимиды ведут свое происхождение «от рода Алима и Фатимы», содержится и в гл. 25 сочинения Константина (DAI-I. 25.59–60). Эта параллель между текстом гл. 15 и гл. 25, на которую указал еще Г. Манойлович (Manojlović 1910. S. 35–39), позволяет комментаторам DAI рассматривать обе эти главы как поздние вставки, сделанные не ранее 909 г., т. е. прихода Фатимидов к власти (DAI-II. P. 72; Die Byzantiner 1995. S. 102).

Интерес к династии Фатимидов со стороны Константина и намерение посвятить этой династии халифов отдельную главу вполне закономерны. Полем соперничества Византии с Фатимидами, сокрушившими в 909 г. Аглабидов и захватившими Тунис, стали Калабрия и Сицилия, на которые Фатимиды распространили свою власть. Во время правления Константина военные и дипломатические контакты с Фатимидами, как и в 10–30-е гг. X в., были довольно интенсивными. Известно о нескольких византийских посольствах, отправленных ко двору фатимидских халифов ал-Мансура (946–953) и ал-Му‘изза (953–975) в 40–50-е гг. X в. (Shepard 1992. P. 52–53).

Гл. 15 помещена сразу после рассказа о жизни Мухаммада в гл. 14, а после нее в гл. 16–22 последовательно рассказывается о завоеваниях арабов, начиная от их выхода за пределы Аравийского полуострова до смерти Харуна ар-Рашида в 809 г. Если считать, что под Фатимидами здесь имеется в виду династия шиитских (исма‘илитских) халифов, правившая в Северной Африке и Египте в 909–1171 гг., придется признать, что гл. 15, разрывающая хронологическую последовательность повествования в «исламском досье», действительно является позднейшей вставкой.

Однако в составе гл. 15 имеются сведения, которые невозможно интерпретировать как относящиеся к реальным Фатимидам. Это, во-первых, слова о том, что Мухаммед «шел на войну именно с этим родом» (DAI-I. 15.6–7), то есть получается, что с родом Фатимидов. Очевидно, что Мухаммад никак не мог быть предводителем рода, представители которого вели свое происхождение от его же дочери. Во-вторых, это указание на то, что Фатимиды «проживают в краях к северу от Мекки, за могилой Мухумета» (DAI-I. 15.4–5).

Комментатор гл. 15 в английском издании 1962 г. Б. Льюис полагал, что тут могло иметься в виду какое-то воинственное мусульманское племя, составлявшее костяк арабской армии при Мухаммаде. Указание на то, что эти «Фатимиды» якобы «пришли с севера», Б. Льюис рассматривал как возможное свидетельство их тюркского происхождения.

Одновременно с этим он признавал, что такой идентификации противоречит описание воинов Мухаммада как всадников, передвигающихся на верблюдах и не имеющих доспехов, что было характерно лишь для бедуинов. Это противоречие Б. Льюис пытался снять, предложив расширительное понимание самого термина «Фатимиды» — не в узком смысле, как название династии халифов X–XII вв., а в широком, то есть как «шииты» вообще (DAI-II. P. 72).

Позиция Б. Льюиса весьма уязвима, поскольку его предположения выводят поиск далеко за пределы жизни Мухаммада, с которым повествование в гл. 15 неразрывно связано. Зарождение в исламе шиитского движения произошло спустя два с лишним десятилетия после смерти Мухаммада, в то время как с точки зрения составителя DAI этот «род» — судя по описанию, бедуинский — имел в качестве своего вождя именно Мухаммада.

Стоит обратить внимание на географический смысл фразы, локализующей тот род, которому посвящена глава, — «в краях к северу от Мекки, за могилой Мухумета» (πρὸς τὰ βορείότερα μέρη τοῦ Μέκε, βαθύτερα τοῦ τάφου τοῦ Μουχούμετ)¹. Если слова «к северу от Мекки» указывают направление совершенно недвусмысленно, то значение выражения «за могилой Мухумета» (т. е. за / позади Медины, где он был похоронен) субъективно и целиком зависит от позиции составителя текста. Северное направление тут подразумеваться не может, т. к. если бы речь шла о месте к северу от Медины, то упоминание Мекки в составе данного предложения не имело бы смысла. Принимая во внимание, что эта фраза вышла из-под пера византийца, для которого центром пространственного восприятия была империя и Константинополь как ее столица, логично предположить, что места, находившиеся, с его точки зрения, «за могилой Мухумета», располагались к югу от Медины. Это соображение подкрепляется как общими закономерностями конкретно-чувственной (эгоцентрической) пространственной ориентации, при которой субъект наблюдения воспринимает все окружающие объекты через призму их отношения к себе самому как центральной точке пространства (Подосинов 1999. С. 597–601), так и «константинополеццентричным» восприятием пространства в DAI в целом (Magdalino 2013. P. 37–38).

---

¹ В русском издании DAI фраза переведена как «в краях севернее Мекки, дальше от могилы Мухумета» (Константин Багрянородный 1991. С. 67). Английский и немецкий переводы более точны в передаче пространственного смысла слова βαθύτερα: “in the district north of Mecca, away behind the tomb of Mahomet” (DAI-I. P. 79); “in den Gegenden nördlich von Mekka, hinter dem Grab Muchumets” (Die Byzantiner 1995. S. 102).

Таким образом, если следовать за *географическим* смыслом источника, то искомым «род» должен был располагаться в пространстве между Меккой и Мединой. Учитывая характер описания этого рода, отдельные детали которого безусловно ассоциируются с бедуинами, можно предположить, что составитель гл. 15 имел в виду арабский род Хашим из племени курайш. Хашимиты — потомки Хашима ибн ‘Абд Манафа, прадеда Мухаммада, — относились к так называемым «внешним курайшитам» (*курайши аз-завахир*), которые первоначально селились не в самой Мекке, а в ее окрестностях и только к началу VII в. переместились в северную часть города (Большаков 1989. С. 45).

Нельзя исключать, что какие-то сведения о роде Хашимитов как о «доме Пророка» могли попасть в поле зрения византийских политиков, духовных лиц или ученых. Составители «Исламского досье», судя по его содержанию и терминологии, понимали важную роль родовых отношений среди арабов и их элиты. Не случайно рассказ об арабах, их религии и государстве начинается с изложения генеалогии арабских племен и родов (DAI-I. 14.2–10). Весьма показателен и подход к характеристике политического состояния исламского мира в середине X в. в гл. 25. Там обозначены основные центры силы в исламском мире, но без какой-либо детализации: к примеру, не делается различия между тем, что в Багдаде сидит суннитский халиф, а в Африке и Йемене правят шиитские правители разного толка (соответственно — исма‘илиты и зайдиты). Но при этом указана родовая принадлежность халифов, правивших на Ближнем Востоке, в Африке и Испании (DAI-I. 25.56–62), а также правителей Хорасана и Йемена (DAI-I. 25.81–82, 84–84). Для обозначения арабов в целом, как народа, используется термин *ἔθνος* (DAI-I. 15.5; 21.88), а для отдельных арабских родов — *γένος* (DAI-I. 15.1, 7; 21.23, 25, 34, 50, 77, 105; 22.3, 38; 25.58, 59, 61, 81, 85), либо, реже — *φῶλή* (DAI-I. 14.9; 21.51).

В гл. 21 есть и прямое указание на то, что Константин и его референты располагали данными о том, что арабские племена и, в частности, племя курайш, состояли из разных родов: там отмечено, что Му‘авийа «происходил не из рода Муамефа, а из другого колена» (DAI-I. 21.49–51), что полностью соответствует действительности. Му‘авийа, как и Мухаммад, происходил из племени курайш, но был не хашимитом, а выходцем из рода Умаййа, принадлежавшего к древней мекканской знати и игравшего видную роль в доисламской Мекке.

Таким образом, если считать, что в гл. 15 речь идет не о реальных Фатимидах, а о Хашимитах, то в этом случае она органично встроится

в хронологическую и логическую схему повествования «Исламского досье» в целом: генеалогия арабских племен, жизнь Мухаммада и суть его учения (гл. 14) — воинственный нрав арабского рода, к которому принадлежал Мухаммад (гл. 15), — начало арабских завоеваний (гл. 16) — смерть Мухаммада и воцарение Абу Бакра (гл. 17) — правления Абу Бакра (гл. 18), ‘Умара (гл. 19), ‘Усмана (гл. 20) и т. д.

Ошибочное написание названия рода в гл. 15 можно объяснить либо скудостью информации о нем, имевшейся в распоряжении референтов Константина, либо — что более вероятно — тем, что в первоначальный текст гл. 15 были впоследствии внесены изменения, возможно, как-то связанные со сбором материала для гл. 25. Судя по заглавию гл. 15, Фатимидам предполагалось посвятить отдельный раздел в составе «Исламского досье», но по каким-то причинам это намерение не было реализовано. Заголовок гл. 15 с упоминанием Фатимидов мог быть также добавлен вместе с первым предложением этой главы, имеющим параллели в гл. 25. Было ли оно просто добавлено, вставлено вместо каких-то изъятых фраз, либо является результатом переработки исходного текста — остается только гадать.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Большаков О.Г.* История Халифата. М., 1989. Т. 1: Ислам в Аравии 570–633. [*Bol'shakov O.G.* Istoriya khalifata (Caliphate History). Moscow, 1989. T. 1: Islam v Aravii (Islam in Arabia). 570–633.]
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева М., 1991. [*Konstantin Bagryanorodnyu.* Ob upravlenii imperiyey: Tekst, perevod, kommentariy (Constantine Porphyrogenitus. *De administrando imperio*: Text, translation, comment) / Ed. by G.G. Litavrin and A.P. Novoseltsev. Moscow, 1991.]
- Подосинов А.В.* Ex Oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. [*Podossinov A.V.* Ex Oriente lux! Oriyentatsiya po stranam sveta v arkhaischeskikh kul'turakh Yevrazii (Ex Oriente lux! Orientation on Cardinal Directions in Archaic Cultures of Eurasia). Moscow, 1999.]
- Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. Washington D.C., 1967: Vol. 1. New, Revised Edition / Greek text ed. by Gy. Moravcsik. English transl. by R.J.H. Jenkins; L., 1962. Vol. 2: A Commentary by F. Dvornik, R.J.H. Jenkins, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, S. Runciman / Ed. by R.G.H. Jenkins.
- Die Byzantiner und ihre Nachbarn. Die *De administrando imperio* gennante Lehrschrift des Kaisers Konstantinos Porphyrogenetos für seinen Sohn Romanos / Übers., eingeleitet und erklärt von K. Belke und P. Soustal. Wien, 1995.

- Magdalino P.* Constantine VII and the Historical Geography of Empire // Imperial Geographies in Byzantine and Ottoman Space / Ed. by S. Bazzaz, Y. Batsaki, and D. Angelov (Hellenic Studies, 56). Washington D.C., 2013. P. 23–42.
- Manojlović G.* Studije o spisu “De administrando imperio” cara Konstantina VII Porfirogenita // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. 1910. Knj. 182. S. 1–65.
- Shepard J.* Byzantine Diplomacy, A.D. 800–1204: Means and Ends // Byzantine Diplomacy: Papers from the Twenty-fourth Spring Symposium of Byzantine Studies. Cambridge, March 1990 / Ed. by J. Shepard and S. Franklin. Aldershot, 1992. P. 41–71.

Irina G. Konovalova

MENTION OF THE FATIMIDS BY CONSTANTINE PORPHYROGENITUS
(A COMMENTARY ON CHAPTER 15 OF *DE ADMINISTRANDO IMPERIO*)

The paper is devoted to the debatable question of what kind of Arabic kin is meant in chapter 15 of the treatise of Constantine Porphyrogenitus *De administrando imperio*. Its title, referring to the Fatimid clan, is an inset and is not related to the content of the chapter. An analysis of Constantine’s information on the localization of the kin in the context of the peculiarities of the author’s perception of space led to the conclusion that the compiler of chapter 15 had in mind the clan of banu Hashim of the Quraish tribe. The description in chapter 15 of the clan banu Hashim makes it possible to integrate this chapter into the chronological and logical scheme of the narrative of the treatise on the Islamic world as a whole.

Keywords: Constantine Porphyrogenitus, *De administrando imperio*, Fatimids, Banu Hashim, spatial orientation

DOI: 10.32608/1560-1382-2021-42-524-529

А.С. Щавелев

АРХОНТ ПАЧИНАКИТОВ КУРКУТ: ИМЯ И ОБРАЗ
В ТРАКТАТЕ «ОБ УПРАВЛЕНИИ ИМПЕРИЙ»
КОНСТАНТИНА VII БАГРЯНОРОДНОГО¹

В статье реконструирована форма номинатива имени архонта печенегов: Κουρκοῦτας. Согласно трактату «Об управлении империей», человек по имени Куркут входил в число наиболее значимых лидеров (великих архонтов) народа печенегов в Причерноморье. Его группа печенегов входила в привилегированную общность кангаров. Он руководил фемой под названием Гила, которая располагалась на западе земли печенегов и соседствовала с землей мадьяров (венгров). Возможно, что Куркут носил титул «гила» (тюрк. *yula), что означает «судья» или «толкователь». Есть вероятность, что он получил имя в честь эпического героя, который был прообразом легендарного персонажа огузского книжного эпоса и тюркского фольклора «деда / отца Коркута».

Ключевые слова: печенеги, огузы, узы, тюрки, Куркут, трактат «Об управлении империей», ономастика

Из имен восьми великих архонтов фем Пачинакитии (*resp.* страны народа печенегов), названных в трактате «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного, только одно имя «Куркут» (*resp.* «Коркут» — см. ниже) хорошо известно из тюркского эпоса и литературы (Moravcsik 1983. P. 168; Rásonyi, Baski 2007. P. 474). Об этом архонте Куркуте в гл. 37 трактата при перечислении фем пачинакитов и их руководителей сказано следующее: Τὰ δὲ θέματα εἰσὶν ταῦτα... τοῦ τρίτου Γύλα... εἶχον ἄρχοντας... εἰς δὲ τὸ Γύλα τὸν Κουρκοῦτα... «Фемы же такие... третья Гила... [пачинакиты] архонтами имели... в Гиле — Куркутая» (DAI-I. P. 166). Издатели текста Д. Моравчик и Р.Дж.Х. Дженкинс прочитали это имя как несклоняемое «Κουρκοῦτα» (DAI-I. P. 166, 300), однако появление финального «-α» оставалось необъясненным. Поэтому С.Р. Тохтасев предположил, что это может быть результатом гаплогонии из тюркского имени в сочетании уменьшительным обозна-

---

¹ Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

чением термина родства «Qorqut-ata(y)» (Rásonyi, Baski 2007. P. 474), т. е. «Коркут-отец», или, что семантически точнее, «Коркут-батюшка» (Тохтасьев 2018. С. 163–164). Между тем, такое сложное объяснение совершенно излишне. Если обратиться к единственной рукописи трактата *Paris. gr. 2009* 1059–1073 гг. (Shchavelev 2019. P. 681–683, 701), то становится вполне очевидно, что в конце имени «Κοῦρκοῦτα» буквы «йоты» нет, а есть только «хвост» буквы «альфы» (см.: *Paris. gr. 2009*, л. 106 об.). Тогда получается прочтение «τὸν Κοῦρκοῦτα», т. е. форма аккузатива мужского рода с окончанием на «-α». Отпадение конечного «-ν» в формах аккузатива вполне нормально для орфографии трактата (DAI-I. P. 333; Тохтасьев 2018. С. 343–346).

В трактате фиксируется семь имен собственных в аккузативе на «-α/-ᾶ» (DAI-I. P. 333): Βόρενα(ς) (τὸν Βόρενα: DAI-I. P. 154), Λεβεδία(ς) (*Λεβεδία, τὸν πρῶτον αὐτῶν βοέβοδον: DAI-I. P. 172), Λιούντικα(ς) (τὸν Λιούντικα, τὸν υἱὸν τοῦ Ἀρπαδῆ: DAI-I. P. 176), Μανία(ς) (εἰς τὸν Μανία: DAI-I. P. 92), Νικήτα(ς) (τὸν πατρίκιον Νικήτα: DAI-I. P. 126), Πετρῶνᾶ(ς) (τὸν... σταθαροκανδιᾶτον Πετρῶνᾶ: DAI-I. P. 182), Ποργᾶ(ς) (τὸν Ποργᾶ: DAI-I. P. 176). Нельзя не отметить, что по каким-то причинам чаще с отпадением конечного «-ν» писались иноязычные для ромеев имена собственные. Еще одним, восьмым, именем в этом ряду следует признать и «τὸν Κοῦρκοῦτα». Следовательно, именительный падеж имени великого архонта пачинакитов надежно реконструируется как «ὁ Κοῦρκοῦτα(ς)» — Куркутас. В тюркском языке это имя является субстантивированным глаголом в понудительном залоге и означает дословно «испугай» (Щербак 1997. С. 108).

В трактате «Об управлении империей» об архонте печенегов Коркутасе есть только косвенные сведения. Изначально пачинакиты (*resp.* печенеги) обитали на реках Атил (Ἀτίλ) и Геих (Γεήχ) (DAI-I. P. 166; DAI-II. P. 143), гранича с народами мазаров (οἱ Μαζάροι) и узов (οἱ Οὐζοί). Совершенно нет нужды вводить конъектуру и менять этникон «οἱ Μαζάροι» на «οἱ Χάζαροι», как сделано в классическом издании и всех последующих переводах текста трактата (DAI-I. P. 166). Это — типичная и, к сожалению, не редкая в издании «Об управлении империей» подгонка текста под наши представления. Вопрос о том, что за общность носила название «οἱ Μαζάροι» открыт и требует особого рассмотрения. Затем, узы при поддержке хазар вытеснили пачинакитов на современные времени написания трактата «Об управлении империей» места обитания — в Причерноморье. Это событие датируется в трактате либо временем «50 лет назад» (Πρὸ ἐτῶν δὲ ν'...: DAI-I. P. 166), либо временем «55 лет назад» (μέχρι τὴν σήμερον ἔτη νε': DAI-I. P. 166). Поскольку трактат был написан в промежутке между 952 и 959 г. (Shchavelev 2019. P. 686–688, 701), то речь идет о времени либо между 902 и 909 гг., либо — между

897 и 904 гг. Разница в указании на время миграции пачинакитов может объясняться пропуском в первом случае «буквы-цифры» «эпсилон» (DAI-II. P. 144). Однако, возможно, что первая датировка с указанием на пятьдесят лет назад была в тексте-источнике 37 главы, который был написан за пять лет до написания трактата «Об управлении империей» и была оставлена в тексте его авторами (см. об аналогичных случаях сохранения явно устаревших датировок в трактате: Shchavelev 2019. P. 686–687). Второе же указание на 55 лет назад было добавлено уже непосредственно при составлении трактата. Тогда, текст-протограф 37 главы был написан между 947 и 954 гг. Кстати, годы 949 и 952 указаны в трактате тоже как «сегодняшний день» (τῆς σήμερον «доныне»: DAI-I. P. 116, 134, 206; DAI-II. P. 88). Таким образом, согласно трактату, получается, что архонт пачинакитов Куркутас жил на рубеже IX–X вв., когда печенеги были изгнаны с мест своего обитания на запад в Причерноморье (DAI-I. P. 166), а память о нем сохранялась в середине X столетия.

Куркутас был «великим архонтом» «фемы» (здесь: области) Гила, которая фигурирует в тексте под тремя названиями: τὸ Γύλα, κάτω Γύλα («нижняя Гила») и Χαβουξίγγυλά. Эта область располагалась на правом берегу Днепра и соседствовала с «Туркией», т. е. землей мадяров (*resp.* венгров, угров), и находилась от нее на расстоянии четырех дней пути (DAI-I. P. 168). Фема входила в число трех групп печенегов Правобережья Днепра, которые назывались «кангар», что обозначало их особый статус по отношению к оставшимся пяти другим суб-группам (DAI-I. P. 170). При всей условности титула μέγας ἄρχων «великий архонт» (Коновалова 2009. С. 143–144), вполне очевидно, что Куркутас, видимо, входил в тройку самых влиятельных (не ясно, институционально или исходя из логики меритократии) вождей печенегов. Однако, стоит отметить, что, судя по трактату «О церемониях» 963 г., никакого различия между архонтами печенегов византийцы не проводили: любой архонт печенегов получал послание от византийских императоров с золотой печатью весом в 2 солида (βούλα χρυσῆ δισολδία «вулла золотая, дисолдия»: DC-II. P. 691).

Первое расширенное название фемы κάτω Γύλα («нижняя Гила») неожиданно оптимально совпадает с ориентацией в пространстве тюркоязычных народов. Эта фема находится на западе земли печенегов, а у тюрков сторона света «запад» ассоциировалась с указанием «вниз» (Коновалов 1978. С. 82–84, 89). Если это так, то это — аргумент в пользу того, что информантом для византийцев выступал некий билингв: тюрк или ромей-носитель тюркского языка. Убедительной интерпретации названия Χαβουξίγγυλά, как нам кажется, все еще не существует, о чем писал еще К. Менгес (Menges 1945. P. 268–269; однако, ср.: Щербак 1997. С. 108).

Название фемы τὸ Γύλα омонимично тюркскому титулу, который заимствовали у тюркоязычных народов мадяры, «ὀ γυλάς», от тюрк-

ского «*yula / *jula» (DAI-I. P. 178, 318; DAI-II. P. 152; Щербак 1997. С. 108; Коновалова 2009. С. 144). Оба этих слова есть в трактате «Об управлении империей», хотя в тексте трактата они различаются грамматическим родом. В гл. 40 трактата, посвященной народу турков (*resp.* мадьяр, венгров, угров), сообщается: ...καὶ δύο ἑτέρουσ τὸν τε γυλᾶν καὶ τὸν καρχᾶν, οἵτινες ἔχουσι τάξιν κριτοῦ («...и два других же — гилас и кархас, которые имеют ранг судьи»), ...ὁ γυλᾶς καὶ ὁ καρχᾶς οὐκ εἰσὶ κύρια ὀνόματα, ἀλλὰ ἀξιώματα («...гилас и кархас — это не имена собственные, а достоинства») и ...τὸ δὲ καρχᾶς ἐστὶν ἀξίωμα, ὥσπερ καὶ τὸ γυλᾶς, ἐστὶν μεῖζον τοῦ καρχᾶ («...кархас же есть достоинство, как и гилас, [который] выше кархаса») (DAI-I. P. 178). Причем этот титул мог быть и личным именем у тюрков и мадьяр (Moravcsik 1983. P. 115). Собственно, процитированные разъяснения в трактате «Об управлении империей» и понадобились, чтобы не спутать омонимичные имена собственные и титулы мадьярских лидеров. Отметим, что фема печенегов Гила, чье название совпадает с тюрко-мадьярским титулом, как раз соседствует именно с землей мадьяр (*resp.* венгров, угров).

Причины, по которым область печенегов получила название «τὸ Γύλα», могут быть самые разные. Во-первых, по имени собственному *основателя* (прародителя) этой группы печенегов (ср.: Zimony 2016. P. 120), во-вторых, — *по титулу лидера* этой группы (Коновалова 2009. С. 144). Однако, учитывая распространенность лексем-омонимов (Clauson 1972. P. 918–919), могут быть вероятны и другие, самые разные, варианты этимологии этого названия.

Однако, если допустить, что название феми восходит к обозначению именно титула «γυλᾶς < *yula», то получается, что титул Куркутаса переводился на греческий язык как «ὁ κριτής», т. е. «судья» или «толкователь», «толкователь снов» (Liddell, Scott 1996. P. 997). В этом случае, значение этого титула замечательно совпадает с характеристиками тезки Куркута «деда» или «отца» Коркута (тюрк. «Қорқут Ата» или «Dede Қоғқут»), эпонимного героя тюркского (огузского) книжного эпического свода XV–XVI вв. «Книга моего деда Коркута» (Bernardini 2002; Аникеева 2018). Образ «деда / отца Коркута» широко распространен в тюркском фольклоре (Короглы 1972; Жирмунский 1974. С. 517–631). В огузском эпосе Коркут выступает сказителем, прорицателем, советником и толкователем снов и знамений, а предполагаемый титул лидера печенегов Куркутаса буквально значит «судья» или «толкователь снов». Такое совпадение не кажется случайным.

Разумеется, архонт печенегов Куркутас, живший на рубеже IX–X вв., вряд ли мог быть прототипом персонажа средневековых тюркских сказаний Коркута, однако он вполне мог быть назван в честь огузского «эпического героя», образ и имя которого могли стать со временем

основной для позднесредневековых рассказов и песен о Коркуте. Как бы там ни было, имя Куркут / Коркут, судя по легендам и практике имянаречения у тюрков, было исключительно престижным, что лишний раз подтверждает высокий статус архонта по имени Коуркоўта̇с.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Аникеева Т.А.* Предания Коркута. Огузский героический эпос как источник по истории тюркских народов Центральной Азии IX–XI вв. М., 2018. [*Anikeeva T.A.* Predaniya Korkuta. Oguzskiy geroicheskiy epos kak istchyonik po istorii tyurkskikh narodov Tsentral'noy Azii IX–XI vv. (Tales of Korkut. The Oghuz Heroic Epic as a Source on the History of the Turks in Central Asia in the 9th–10th Centuries). Moscow, 2018.]
- Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. Л., 1974. [*Zhirmunskiy V.M.* Tyurkskiy Geroicheskiy Epos (Turkic Heroic Epos). Leningrad, 1974.]
- Коновалова И.Г.* Печенежское досье Константина Багрянородного // ВЕДС. М., 2009. Вып. XXI: Автор и его источник: Восприятие, отношение, интерпретация. С. 139–146. [*Konvalova I.G.* Pechenezhskoye dos'ye Konstantina Bagryanorodnogo (The Pecheneg Dossier of Constantine Porphyrogenitus) // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'ye. Moscow, 2009. Vol. XXI: Avtor i yego istochnik: Vospriyatiye, otnosheniye, interpretatsiya. S. 139–146.]
- Кононов А.Н.* Способы и термины определения стран света у тюркских народов // Тюркологический сборник 1974 / Отв. ред. А.Н. Кононов. М., 1978. С. 72–89. [*Kononov A.N.* Sposoby i terminy opredeleniya stran sveta u tyurkskikh narodov (The Methods and Terms of the Detection of the Cardinal Points of the Turkic Peoples) // Tyurkologicheskiy sbornik 1974 / Ed. by A.N. Kononov. Moscow, 1978. S. 72–89.]
- Короглы Х.* Шаман, полководец, озан (эволюция образа деде Коркута) // Советская тюркология. 1972, № 3. С. 48–62. [*Korogly Kh.* Shaman, polkovodets, ozan (evolyutsiya obraza dede Korkuta) (Shaman, Military Leader, Singer (The Evolution of the Image of Grandfather Korkut) // Sovetskaya tyurkologiya. 1972, № 3. S. 48–62.]
- Тохтасьев С.Р.* Язык трактата Константина VII Багрянородного 'De administrando imperio' и его иноязычная лексика. СПб., 2018. [*Tokhtas'yev S.R.* Yazyk traktata Konstantina VII Bagryanorodnogo 'De administrando imperio' i yego inoyazychnaya leksika (The Language of the Treatise by Constantine VII Porphyrogenitus *De administrando imperio* and Its Foreign Lexicon). St.-Petersburg, 2018.]
- Щербак А.М.* Печенежский язык // Языки мира. Тюркские языки. М., 1997. С. 107–110. [*Shcherbak A.M.* Pechenezhskiy yazyk (The Pecheneg's Language) // Yazyki mira. Tyurkskiye yazyki. Moscow, 1997. P. 107–110.]
- Bernardini M.* The 'Kitab-i dede Qorqut' as an Historical Source (Review Article) // Eurasian Studies. 2002. Vol. I (2). P. 289–296.
- Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteen-Century Turkish. Oxford, 1972. DAI I — *Constantine Porphyrogenitus*. De administrando imperio. Washington D.C., 1967. Vol. I: Greek Text and English Translation / Ed. by R.G.H. Jen-

- kins & Gy. Moravcsik; Washington D.C., 1962. Vol. II: Commentary / Ed. by R.G.H. Jenkins.
- DC I-II — *Constantine Porphyrogennetos. The Book of Ceremonies (De cerimoniis aulae byzantinae)* / Transl. & Annot. by A. Moffatt, M. Tall. Canberra, 2012. Vol. I–II. Book 2.
- Liddell H.G., Scott R. *A Greek-English Lexicon / With a Revised Supplement*. Oxford, 1996.
- Menges K. Etymological Notes on Some *Păcănăg* Names // *Byzantion*. 1944–1945. Bd. XXIV (1). P. 256–262.
- Moravcsik Gy. *Byzantinoturcica*. B., 1983. Bd. II: Sprachreste der Türkvölker in den Byzantinischen Quellen.
- Rásonyi L., Baski I. *Onomasticon Turcicum. Turkic Personal Names (Indiana University Uralic and Altaic Series. Vol. 172/1)*. Bloomington, In., 2007.
- Shchavelev A. Treatise *De administrando imperio* by Emperor Constantine VII Porphyrogenitus: Date of the *Paris. gr. 2009* Copy, Years of Compiling of the Original Codex, and a Hypothesis about the Number of Authors // *Studia Ceranea. Journal of the Waldemar Ceran Research Centre for the History and Culture of the Mediterranean Area and South-East Europe*. 2019. № 9. P. 681–704.
- Zimonyi I. *Muslim Sources on the Magyars in the Second Half of the 9th Century. The Magyar Chapter of the Jayhānī Tradition*. Leiden; Boston, 2016.

Aleksei S. Shchavelev

PECHENEG ARCHON ‘KOURKUT’: HIS NAME AND IMAGE
IN THE TREATISE *DE ADMINISTRANDO IMPERIO*
BY CONSTANTINE VII PORPHYROGENITUS

The article suggests a reconstruction of the nominative form of the name of the Pechenegs archon Κουρκούτας. According to the treatise *De administrando imperio*, a man named Kourkout was one of the most significant leaders (archons) of the Pecheneg people in the Black Sea region. His group of Pechenegs was a part of the privileged community of the Kangars. He led a province called Gyla, which was located in the west of the Pechenegs’ territory and adjacent to the land of the Magyars (Hungarians). It is possible that Kourkout bore the title *Gyla* (Turkic *yula), which means “judge” or “exegete”. It is likely that he was named in honor of the epic hero, who was the prototype of the legendary personage of the Oghuz literary epic texts and Turkic folklore “grandfather / father Qorqut”.

Keywords: Pechenegs, Oghuzes, Uzes, Turks, Kourkout, *De administrando imperio*, onomastics

DOI: 10.32608/1560-1382-2021-42-530-535

СВЕДЕНИЯ «СТРАТЕГИКОНА» КЕКАВМЕНА
О «ВОСТОЧНЫХ» НАРОДАХ: К ВОПРОСУ О СЛУЖБЕ
АВТОРА НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТИРЕ
РОМЕЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹

В статье анализируются сведения о «восточных народах» в сочинении «Стратегикон» византийского писателя Кекавмена. «Стратегикон» был написан с 1075 по 1078 гг. и сохранился в единственной рукописи. «Стратегикон» относится к жанру «частной истории», поскольку в нем ярко выражено авторское присутствие, даны авторские оценки и есть указания автора на события его жизни, а также деяния его родственников и предков.

Также существуют упоминания людей с патронимом «Кекавмен» в «Обзрении историй» Иоанна Скилицы и в «Алексиаде» Анны Комнины. «Обзрение историй» было написано в начале 1090-х годов, а «Алексиада» Анны Комнины — ок. 1144 г. В «Обзрении историй» в конце сочинения фигурируют относительно частые упоминания Катакалона Кекавмена при описании событий 1040–1050-х гг., а в «Алексиаде» Катакалон Кекавмен фигурирует как один из участников заговора против Алексея Комнина в 1094 г. Согласно сведениям сочинения Иоанна Скилицы, Катакалон Кекавмен имел большой опыт ведения боевых действий на западных и восточных рубежах Византийской империи и в определенный период был дукой Антиохии. Некоторые исследователи предполагают, что у Иоанна Скилицы фигурируют два персонажа с именем Катакалон Кекавмен.

Упоминания людей с патронимом «Кекавмен», фигурирующих в описании событий второй половины XI — начала XII в. породили попытки идентифицировать их с Кекавменом-автором «Стратегикона». Наиболее популярным оказалось отождествление автора «Стратегикона» с Катакалоном Кекавменом из «Обзрения истории» Иоанна Скилицы, так как этот Кекавмен упоминается в контексте событий военной истории второй половины XI в.

Скудная информация текста «Стратегикона» о восточных народах на фоне очень подробных описаний целого ряда событий, произошедших на Балканах, показывает, что его автор, Кекавмен, не служил в восточных пограничных областях Византийской империи. Этот факт позволяет пересмотреть принятое в

---

¹ Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

историографии отождествление автора «Стратегикона» с Катакалоном Кекавменом.

Ключевые слова: восточный фронт Византии, кочевники, «Стратегикон», Кекавмен, Катакалон Кекавмен

Сведения о восточном фронтире Византийской империи отразились в самых разных нарративных византийских текстах X–XII вв. Постоянные контакты с восточными народами в Месопотамии, Сирии, Египте и в причерноморских районах Малой Азии вынуждали византийцев (ромеев) регулярно адаптироваться к реалиям ведения военных действий, осуществления дипломатических миссий и иным формам взаимодействия с восточными соседями из этих регионов (см. последнюю монографию на эту тему, где есть почти исчерпывающая библиография вопроса: Theotokis 2018). В византийских специальных военных и дидактических трактатах VI–XI вв. всегда содержалась более или менее подробная информация о восточных народах (персы, арабы и др.) и о практиках ведения войн с ними.

«Стратегикон» Кекавмена сохранился в единственной рукописи XIV в. (Фонкич 2014), основная часть текста была написана в 1070-е гг., скорее всего, между 2 августа 1075 и 31 марта 1078 г. (Spadaro 1998. P. 8). Оригинальное название трактата не известно, обозначение «Стратегикон» является условным указанием на жанр. Текст сохранившегося списка *ГИМ Греч. 436* сделан с оригинала и вполне точно передает текст Кекавмена XI в. Текст представляет редкий для византийской литературы пример «частной истории» (Treadgold 2013. P. 373–385). «Стратегикон» относится к жанру «частной истории», поскольку в нем ярко выражено авторское присутствие, даны авторские оценки и есть указания автора на события его жизни, а также деяния его родственников и предков. Можно полагать, что финальная часть текста «Стратегикона», так наз. «Советы василевсу», была написана не самим Кекавменом, а его свойственником стратегом Никулицей Дельфином (Вальденберг 2015. С. 284–296; ср., впрочем, противоположное мнение: Литаврин 2003. С. 13–29). Однако тематически, идеологически и стилистически «Советы василевсу» вполне созвучны основному тексту «Стратегикона» и, несомненно, являются частью архива семьи Кекавменов. Анализ информации о восточных народах в «Стратегиконе» позволяет понять, бывал ли его автор Кекавмен долгое время на востоке и нес ли он военную службу на восточной границе Ромейской империи, имел ли он собственный опыт осуществления военных операций против восточных противников империи?

Текст трактата написан на основе личного опыта автора: «Ведь я изложил тебе то, чего нет в другом “стратегиконе” (εἰς ἄλλο στρατηγικὸν...) или в другой книге (εἰς ἄλλο βιβλίον), так как я сочинил это на основе собственных размышлений и личного опыта» (Кекавмен 2003. С. 172). При этом по тексту сочинения можно проследить некоторые источники, которыми пользовался автор: военные тактики, священные тексты и, видимо, малые византийские хроники (Roueché 2002. Р. 117–136; Дробышев 2020. С. 73–75).

О самом авторе «Стратегикона» известно не слишком много, основные наблюдения можно сделать только, собственно, исходя из текста самого этого сочинения (см. о его социальном положении и высказанных им социальных оценках: Морозов 2008). Судя по тексту трактата, он был участником подавления восстания Петра Деяна в 1041 г., свидетелем низвержения с престола императора Михаила V Калафата, некоторое время занимал какую-то административную должность в Элладе и был лично знаком с епископом города Лариса Иоанном (Литаврин 2003. С. 55–56). Долгое время доминировала точка зрения, согласно которой Кекавмен имел армянские корни и в какой-то мере был носителем «армянской» идентичности (Литаврин 2003. С. 56–60; Roueché 2000. Р. 203–214; Kazhdan 1991. Р. 1119). Однако это представление базировалось фактически только на спекуляциях, связанных с этимологией его имени, что было недавно убедительно показано Э. Калделлисом (Kaldellis 2019. Р. 179–180). Даже если предположить, что у Кекавмена были предки из областей Закавказья, то он не идентифицировал себя с ними и имел классическую «ромейскую» идентичность (Ibidem. Р. 180–181).

Упоминания о носителях «патронима» Кекавмен есть в «Историческом обозрении» Иоанна Скилицы (написано в начале 1090-х гг.) и «Алексиаде» (написана ок. 1144 г.) Анны Комнины. Причем носитель этого патронима, Катакалон Кекавмен, у Иоанна Скилицы описан достаточно подробно (John Skylitzes 2010. Р. 382, 394, 407, 422, 436, 444, 450–465). Этот Кекавмен, если речь идет об одном человеке, — герой последних разделов сочинения Иоанна Скилицы, и его биографию можно реконструировать достаточно подробно. Этот Катакалон Кекавмен был протоспафарием и командиром тагмы Армениака в 1041/42 г. (πρωτοσπαθάριος... καὶ τοῦ τάγματος ἄρχων τῶν Ἀρμενιᾶκῶν), дуккой Иверии (δουξ Ἰβηρίας) в 1047–1048 гг., стратилатом Востока (στρατηλάτην τῆς ἀνατολῆς) в 1049 г., магистром и бывшим дуккой Антиохии в 1056 г. (μάγιστρος καὶ δουξ... Ἀντιοχείας) (Ioannis Scilytzae 1973. Р. 433, 438, 467, 483; см. об этом Кекавмене подр.: Каздан 1975. С. 207–208; Капсалькова 2014. С. 101–110). У Анны Комнины

о некоем Катакалоне Кекавмене сообщается в кн. IX, где описывается неудачный заговор представителей военной аристократии против Алексея I Комнина в 1094 г. (Alexias 2001. P. 275–276). Этого Кекавмена-участника заговора Алексей I прощает и отправляет в ссылку в город Кесарополь (Ibidem. P. 276). В «Алексиаде» упомянут также Михаил Кекавмен, но этот персонаж фигурирует в описании событий 1115/16 г. и не может быть как-либо соотнесен с автором «Стратегикона» по хронологическим соображениям (Ibidem. P. 473).

Эти упоминания людей с патронимом «Кекавмен», фигурирующих в описании событий второй половины XI — начала XII в., породили попытки идентифицировать их с Кекавменом-автором «Стратегикона». Наиболее популярной оказалось отождествление автора «Стратегикона» с Катакалоном Кекавменом из «Обозрения истории» Иоанна Скилицы, поскольку этот Кекавмен упоминается в контексте событий военной истории второй половины XI в. (Buckler 1936. P. 19). А.П. Каждан занял более осторожную позицию и предположил, что Иоанн Скилица мог пользоваться рукописями из архива рода Кекавменов при написании своего сочинения или же находился в окружении почитателей и последователей Катакалона Кекавмена (Каждан 1975. С. 210–211). По мысли А.П. Каждана, и автор «Стратегикона», и Иоанн Скилица пользовались архивом одной семьи Кекавменов. Однако ученый не выносит окончательного решения по вопросу о том, может ли быть Катакалон Кекавмен автором «Стратегикона» (Каждан 1975. С. 211). Развивая мысль А.П. Каждана, нельзя исключить вариант, что если у Иоанна Скилицы действительно был доступ к архиву семьи Кекавменов, то он мог в описании деяний одного героя своего сочинения, стратега Катакалона Кекавмена, описать деятельность *нескольких разных представителей этой семьи*. Именно поэтому наиболее аргументированной представляется точка зрения А. Саввидеса, согласно которой в известиях о людях с патронимом Кекавмен в разных источниках речь идет о *шести разных представителях рода Кекавменов* (Savvides 1986/1987. P. 12–27). А. Саввидес выделяет следующих представителей рода Кекавменов:

1) Катакалон Кекавмен (втор. пол. X в.), дед автора Стратегикона (PMBZ № 23694);

2) Кекавмен-автор Стратегикона (ок. 1020 — после 1078 г.);

3) Катакалон Кекавмен (ок. 1038 — после 1057 г.); прославленный византийский стратег и военачальник, участник отражения нападения русов на Константинополь 1043 г., участник экспедиции Георгия Маниака на Сицилию, дука Антиохии, стратег, воевавший с печенегами, арабами, участник восстания малоазиатских стратегов, приведшее Исаака I Комнина (ок. 1005–1061 гг.) к власти (1057 г.);

4) Катакалон Кекавмен-2 (втор. пол. XI в.); стратилат Востока, участвовал в войнах с печенегами в середине XI в.;

5) Катакалон Кекавмен-3 (кон. XI в.), участник заговора против императора Алексея I Комнина;

6) Михаил Кекавмен (рубеж XI–XII вв.), византийский стратег, воевавший с турками-сельджуками.

Мнения о том, что в «Обзрении историй» фиксируется два Катакалона Кекавмена, придерживается и издатель и исследователь сочинения И. Турн (Ioannis Scilytzae 1973. P. 524).

Как соотносятся между собой Катакалоны Кекавмены — герои «Алексиады» и «Описания историй» на данный момент еще не выяснено и является задачей отдельного исследования.

Существование первых двух Кекавменов, деда и внука, очевидно из текста «Стратегикона» (Кекавмен 2003. С. 186, 190, 266, 296). В «Обзрении истории» Иоанна Скилицы рассказывается о двух полных тезках — Катакалонах Кекавменах. И еще два носителя данного патронима упоминаются в «Алексиаде» Анны Комнины, один из них тоже — Катакалон.

Что касается автора «Стратегикона», то следует обратить внимание на важный штрих в его «автобиографии»: он владел славянским языком. В своем тексте он дважды дает вполне разумные пояснения о значении славянских слов в болгарском языке: «Болгары называют богатого ‘βογάτον’, что означает ‘богоподобный’» и «Ведь ‘стратиг’ в речи болгар именуется ‘τζελνίκος’» (Там же. С. 136, 188). Это беглое владение славянскими языками демонстрирует, что автор «Стратегикона» должен был некоторое время находиться на территории Балканского полуострова. Также в пользу этой точки зрения говорит употребление в его сочинении множества местных топонимов. Кроме того, в «Стратегиконе» есть уникальная информация, связанная с событийной историей Балкан. Например, только в «Стратегиконе» указывается имя предводителя восставших в 1066 г. против византийцев влахов — Славота Кармалак (Σθλαβωτᾶ τὸν Καρμαλάκη), который в других источниках не упоминается (Там же. С. 284). Ясно, что балканские впечатления у Кекавмена были яркие и личные. На реальном боевом опыте основаны подробные описания Кекавменом кочевого народа печенегов, с которыми византийцы постоянно воевали в XI в. как раз на балканском фронтире. Он описывает тактику ведения войны печенегами на Балканах во время вторжения печенегов в 1046/47 г. Кекавмен сам подчеркивает, что пишет, опираясь на личный опыт: «Ведь печенеги таким же образом вступили в Романию, и я знаю, как и все знают, сколько слез и горя случилось из-за них (Там же. С. 166).

Названия восточных народов в тексте «Стратегикона» крайне редки: арабы (Ἀραβος) — один раз (Там же. С. 318), персы (Πέρσαι) — три раза (Там же. С. 170, 200, 282), сарацины (Σαρακηνοί) — два раза (Там же. С. 200, 210), агаряне (Ἀγαρηνοί) — два раза (Там же. С. 200, 202), исмаилиты (Ἰσμαηλίται) — один раз (Там же. С. 166). Всего насчитывается 9 упоминаний восточных народов. Для сравнения: Кекавмен целых 29 раз называет различные общности иноземцев-христиан (Дробышев 2020). Обращает на себя внимание факт, что описания восточных народов во многом стереотипны и не богаты деталями. Например, сарацин Кекавмен представляет как народ, которому незнакома истинная вера: «Ведь евреи (Ἑβραῖοι), еретики (αἰρετικοί) и сарацины (Σαρακηνοί) и вообще многие другие живут, не имея истинных догматов, ни надежд на Господа нашего, Иисуса Христа, истинного Бога, не возлагая» (Там же. С. 210). Исмаилиты в трактате фигурируют как завоеватели провинций Египет и Палестина во времена императора Ираклия (610–641) (Там же. С. 166). Кекавмен «сарацинами» и «агарянами» мог называть и арабов, и турок-сельджуков, но поскольку для обозначения арабов в сочинении используется этникон Ἀραβος, полагаю, что все-таки имеются в виду турки-сельджуки. Точно также в соответствии с практикой использования этникона Πέρσαι (Шукуров 2010. С. 152–156), Кекавмен так называет турок-сельджуков при описании пленения византийского императора Романа IV Диогена (1068–1071) в битве при Манцикерте 19 августа 1071 г. (Там же. С. 282), один раз — арабов при описании миграции населения Ивирии и Месопотамии к султану Торгул-беку (1038–1063) (Там же. С. 170), а один раз — собственно персов в описании византийской-персидских войн VI в. (Там же. С. 200). Описание персов и арабов явно носит в «Стратегиконе» априорно-умозрительный характер и имеет характер заимствований из более ранних сочинений. Характерно, что такой важный пограничный город, как Антиохия, упоминается в «Стратегиконе» только в контексте древней истории ее осады и захвата шахом Хосровом I Анурширваном (531–578/79) (ὁ Χοσρόης — Там же. С. 200) в 540 г. Ясно, что автор «Стратегикона» вряд ли мог быть дукой Антиохии, поскольку об этом городе больше в «Стратегиконе» не сказано ни слова.

Вполне очевидно, что на балканском фронтире Ромейской империи Кекавмен-автор «Стратегикона» находился и воевал лично, а на восточном, «малоазийском», он долгое время не находился, если вообще когда-либо бывал. Этот факт убедительно подтверждает идею А. Саввидеса о том, что Кекавмен-автор «Стратегикона» не может быть отождествлен ни с одним из Катакалонов Кекавменов из «Обозрения истории» и «Алексиады».

- Анна Комнина*. Алексиада / Пер., коммент. и вступ. ст. Я.Н. Любарского. СПб., 2010. [*Anna Komnina*. Alexiad / Ed. by Ya.N. Lyubarskij. St.-Petersburg, 2010.]
- Вальденберг В.Е.* История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательств. СПб., 2015. [*Val'denberg V.E.* Istoriya vizantijskoj politicheskoj literatury v svyazi s istoriej filososfskih techenij i zakonodatel'stv (History of Byzantine Political Literature in Connection with the History of Philosophical Currents and Laws). St.-Petersburg, 2015.]
- Дробышев М.И.* Иностранцы-христиане в «Стратегиконе» Кекавмена, 1075–1078 // Пермский вестник. 2020. Сер.: История. Вып. 3 (78). С. 115–121. [*Drobyshev M.I.* Inostrancy-hristiane v «Strategikone» Kekavmena, 1075–1078 (Christian Foreigners in Kekaumenos's Strategicon, 1075–1078) // Permskij vestnik. 2020. Ser.: Istoriya. Vol. 3 (78). S. 115–121.]
- Дробышев М.И.* Хронологические указания в «Алексиаде» Анны Комнины и «Стратегиконе» Катакалона Кекавмена // ВЕДС. М., 2020. Вып. XXXII: Сравнительные исследования социокультурных практик. С. 73–75. [*Drobyshev M.I.* Hronologicheskie ukazaniya v «Aleksiade» Anny Komniny i «Strategikone» Katakalona Kekavmena (Chronological Indications in the *Alexiada* by Anna Comnina and *Strategikon* by Katakalon Kekaumenos) // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Moscow, 2020. Vol. XXXII: Sravnitel'nye issledovaniya sociokul'turnyh praktik. S. 73–75.]
- Каждан А.П.* К вопросу о социальных воззрениях Кекавменов // ВВ. 1974. Т. 36. С. 154–167. [*Kazhdan A.P.* K voprosu o social'nyh vozzreniyah Kekavmenov (On the Question of Kekaumenos's Social Views) // Vizantijskij vremennik. 1974. T. 36. S. 154–167.]
- Каждан А.П.* [Рец. на кн.:] *Ioannis Skylitzae Synopsis historiarum* / Rec. I. Turn (Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. 5). В.; N.Y., 1973 // Историко-филологический журнал. Ереван, 1975. № 1. С. 206–212. [*Kazhdan A.P.* [Rev. of the book:] *Ioannis Skylitzae Synopsis historiarum* / Res. I. Turn (Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. 5). В.; N.Y., 1973 // Istoriko-filologicheskij zhurnal. Erevan, 1975. № 1. S. 206–212.]
- Капсалькова К.Р.* Образы военачальников в историческом сочинении Иоанна Скилицы // Античная древность и средние века. 2014. Вып. 42. С. 101–110. [*Kapsalykova K.R.* Obrazy voenachal'nikov v istoricheskom sochinenii Ioanna Skilicy (Images of Warlords in the Historical Work of John Skylitzis) // Antichnaya drevnost' i srednie veka. 2014. Vol. 42. S. 101–110.]
- Кекавмен*. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI в. / Подг. текста, введ., пер. с греч., коммент. Г.Г. Литаврина. СПб., 2003. [*Kekaumenos*. Sovety i rasskazy. Pouchenie vizantijskogo polkovodca XI v. (Advices and Anecdotes. The Edification of a Byzantine General of the 11th Century) / Ed. by G.G. Litavrin. St.-Petersburg, 2003.]
- Литаврин Г.Г.* Кекавмен и его поучение // Кекавмен. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI в. / Подг. текста, введ., пер. с греч.,

- коммент. Г.Г. Литаврина. СПб., 2003. С. 13–131. [*Litavrin G.G. Kekaumenos i ego pouchenie (Kekaumenos and his Edification) // Kekaumenos. Sovety i rasskazy. Pouchenie vizantijskogo polkovodca XI v. / Ed. by G.G. Litavrin. St.-Petersburg, 2003. S. 13–131.*]
- Морозов М.А.* Мировоззрение пограничной знати Византийской империи в XI в. на примере Катакалона Кекавмена и Григория Пакуриана // История. Мир прошлого в современном освещении. Сб. науч. статей к 75-летию проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2008. С. 185–197. [*Morozov M.A. Mirovozzrenie pograničnoj znati Vizantijskoj imperii v XI v. na primere Katakalona Kekavmena i Grigoriya Pakuriana (The Worldview of the Border Nobility of Byzantine Empire in the 11th Century on the Example of Essays of Katakalon Kekaumenos and Gregoriy Pakuriyan) // Istoriya. Mir proshlogo v sovremennom osveshchenii. Sb. nauch. statej k 75-letiyu prof. E.D. Frolova. St.-Petersburg, 2008. S. 185–197.*]
- Фонкич Б.Л.* О рукописи «Стратегикона» Кекавмена // *Фонкич Б.Л.* Исследования по греческой палеографии и кодикологии IV–XIX вв. М., 2014. С. 265–284. [*Fonkich B.L. O rukopisi «Strategikona» Kekavmena (About the Manuscript of Strategikon by Kekaumenos) // Fonkich B.L. Issledovaniya po grecheskoj paleografii i kodikologii IV–XIX vv. (Studies in Greek Paleography and Codicology of the 4th — 19th Centuries). Moscow, 2014. S. 265–284.*]
- Шукуров Р.М.* Земли и племена: византийская классификация тюрок // ВВ. 2010. Т. 69 (94). С. 132–163. [*Shukurov R.M. Zemli i plemena: vizantijskaya klassifikaciya tyurok (Lands and Tribes: the Byzantine Classification of the Turks) // Vizantijskij vremennik. 2010. T. 69 (94). S. 132–163.*]
- Annae Comnenae Alexias / Rec. D.R. Reinsch et A. Kambylis (Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. 40/1). B., 2001.*
- Buckler G.* The Authorship of the Cekaumenos // *Byzantinische Zeitschrift. 1936. Bd. 36. S. 7–26.*
- Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / Rec. I. Turn (Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. V). B.; N.Y., 1973.*
- John Skylitzes. A Synopsis of Byzantine History, 811–1057 / Ed. by J. Wortley. Cambridge, 2010.*
- Kaldellis A.* Romanland. Ethnicity and Empire in Byzantium. L., 2019.
- Kazhdan A.* Kekaumenos // *Oxford Dictionary of Byzantium. Oxford, 1991. Vol. 2. P. 1119.*
- Kekaumenos. Raccomandazioni e consigli di un galantuomo: Stratágikon / Ed. by M.D. Spadaro. Alessandria, 1998.*
- Roueché C.* Defining the Foreign in Kekaumenos // *Strangers to Themselves: The Byzantine Outsider. Papers from the 32nd Spring Symposium of Byzantine Studies (University of Sussex, Brighton, March, 1998). L., 2000. P. 203–214.*
- Roueché C.* The Literary Background of Kekaumenos // *Literacy, Education and Manuscript Transmission in Byzantium and Beyond. Leiden, 2002. Vol. 42. P. 111–138.*
- Savvides A.* The Byzantine Family of Kekaumenos (Cekaumenos) (Late 10th — Early 12th Century) // *Δίπτυχα. 1986/1987. T. 4. P. 12–27.*

Theotokis G. Byzantine Military Tactics in Syria and Mesopotamia in the Tenth Century. A Comparative Study. Edinburgh, 2018.
Treadgold W. The Middle Byzantine Historians. N.Y.; Oxford, 2013.

Maksim I. Drobyshv

INFORMATION IN KEKAUMENOS' *STRATEGIKON* ABOUT THE
"ORIENTAL" PEOPLES: TO THE QUESTION OF THE AUTHOR'S
SERVICE ON THE EASTERN FRONTIER OF THE ROMAN EMPIRE

The article provides an overview of pieces of information about the Eastern peoples in the Byzantine treatise *Strategikon* by Kekaumenos. *Strategikon* was written between 1075 and 1078 and it is preserved in a single manuscript. *Strategikon* belongs to the genre of "private history" as the author's presence is clearly expressed, the author's assessments are formulated and there are indications of events of his life, as well as the deeds of his relatives and ancestors.

There are also mentions of people with the patronymic "Kekaumenos" in the *Synopsis of Byzantine History* of John Skylitzes and in the *Alexiad* of Anna Comnina. The *Synopsis of Byzantine History* was written in the early 1090s, and Anna Comnina's *Alexiad* was written around 1144. The *Synopsis of Byzantine History* includes relatively frequent references to Katakalon Kekaumenos in the description of the events of the 1040s — 1050s, and in the *Alexiad* Katakalon Kekaumenos appears as one of the conspirators against Byzantine emperor Alexey Komnin (1081–1118) in 1094. According to the work of John Skylitzes, Katakalon Kekaumenos had extensive experience of fighting on the western and eastern borders of the Byzantine Empire. Some researchers suggest, that John Skylitzes wrote about two personages named Katakalon Kekaumenos.

Mention of persons with the patronymic "Kekaumenos" in the description of the events of the second half of 11th — early 12th century gave rise to attempts to identify them with the author of *Strategikon*. The most popular was identification of the writer with Kekaumenos Katakalon told about in the *Synopsis of Byzantine History* by John Skylitzes, because this Kekaumenos is mentioned in the context of the events of military history of the second half of 11th century.

Scarce information about Eastern peoples in *Strategikon* contrary to the detailed description of many other events in the Balkan region shows that Kekaumenos, the author of this text, did not serve in the eastern frontier regions of the Byzantine empire. This fact allows us to reconsider the identification of the author of the *Strategikon* with the Katakalon Kekaumenos, accepted in historiography.

Keywords: eastern frontier of the Byzantium, Nomads, *Strategikon*, Kekaumenos, Katakalon Kekaumenos

DOI: 10.32608/1560-1382-2021-42-536-544

Т.В. Гимон

ПОХОД ВЛАДИМИРА НА ВОЛЖСКУЮ БУЛГАРИЮ В 985 г.: КОММЕНТАРИЙ К ЛЕТОПИСНОЙ СТАТЬЕ¹

«Повесть временных лет» сообщает под 6493 (985) г. о походе Владимира на Волжскую Булгарию и заключенном с ней мире. Автор рассматривает два знаменитых пассажа этой статьи: слова Добрыни о сапогах болгарских воинов и афористичную формулу мирного соглашения, а также анализирует то, с какими еще фрагментами «Повести временных лет» связан данный рассказ. Помимо следующей погодной статьи, где говорится о приходе к Владимиру болгарской религиозной миссии, статья 985 г. вписана в серию известий о победоносных походах Владимира языческого времени; связана с другими повествованиями о Добрыне; наконец, она находит себе интересную параллель в утверждении статьи 6504 (996) г. о том, что Владимир поддерживал мирные отношения с правителями Польши, Чехии и Венгрии. Последнее наблюдение заставляет задуматься о том, какие политики на Руси в конце X — XI в. воспринимались как равные контрагенты, а какие — как более престижные либо, наоборот, менее развитые.

Ключевые слова: Древняя Русь, Волжская Булгария, Владимир Святославич, международные отношения, летописание, устная традиция

«Повесть временных лет» (далее: ПВЛ) под 6493 (985) г. сообщает о походе Владимира Святославича на Булгарию:

В лѣто 6493 иде Володимерь на болгары съ Добрыною, съ воемь² своимь, в лодях, а торьки берегомь приведе на коних, и побѣди³ бол[г]ары. Рече Добрына Володимеру: «Съглядаѣх колодникъ, оже⁴ суть

---

¹ Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»). Благодарю А.А. Кузнецова, Л.М. Орлову-Гимон, В.В. Тишина и А.С. Щавелева за помощь и замечания.

² В других списках ПВЛ (Радзивилловском [Радз.], Московско-Академическом [М.-А.], Ипатьевском [Ипат.], Хлебниковском [Хлебн.]): «уемь» (т.е. дядей по матери), что, очевидно, и является правильным чтением.

³ В Радз., Акад., Ипат., Хлебн.: «и тако побѣди».

⁴ В Радз., Акад., Ипат., Хлебн.: «и».

вси в сапозѣх. Симъ дани намъ не даяти⁵, поидемъ⁶ искать лапотниковъ». И створи миръ Володимерь съ болгары, и ротъ заходиша межю собѣ, и рѣша болгаре⁷: «Толи не будетъ межю нами мира, елико камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонуть⁸». И приде Володимерь Киеву (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 84; разночтения по другим спискам «классической» ПВЛ [ПСРЛ. Т. 2. Стб. 71; Т. 38. С. 41] — в примечаниях).

Приведу еще вариант Новгородской I летописи младшего извода (Н1мл.). Принципиальных отличий от только что процитированной версии Лавр. он не имеет, но в ряде чтений совпадает не с Лавр., а с Радз.–Акад.–Ипат.–Хлебн. (см. примеч. 1–7), что говорит о том, что, в целом, вариант этих списков и Н1мл. точнее передает архетип, нежели вариант Лавр.⁹.

В лѣто 6493 иде Володимерь на болгары съ Добрынею, уемъ своимъ, в лодях, а торки берегомъ приведе на конехъ; и тако побѣди болгары. И рече Добрыня к Володимеру: «Соглядах колодникъ, и суть вси в сапозѣх; симъ намъ дани не даяти; поидевъ искать лапотъникъ». И сътвори миръ Володимерь с болгары и ротъ заходиша межю собою; и рѣша болгаре: «Толи не будетъ мира межю нами, елико же камень начнетъ плавати, а хмель грязнуты». И приде Володимерь Киеву (ПСРЛ. Т. 3. С. 132).

В силу сказанного, ниже буду цитировать этот последний текст — как, вероятно, наиболее точно передающий архетип.

В свое время обсуждалось, ходил ли Владимир в 985 г. на Волжскую или на Дунайскую Бу(о)лгарию, однако вопрос этот следует признать давно решенным: целью похода была Булгария Волжская (см.: Халиков 1986. С. 8–10; ПВЛ 1996. С. 453; Карпов 2015. С. 133–135; Андрейчева 2019. С. 80–83). Главным (хотя не единственным) аргументом является то, что «Память и похвала князю Владимиру» Иакова Мниха, содержащая в своем составе очень ранние исторические заметки о Владимире, сообщает об этом походе так: «и сребреныя болгары побѣди» (Шахматов 2014. С. 181)¹⁰. Выражение «серебряные болгары»

⁵ В Ипат., Хлебн.: «платити».

⁶ В Ипат., Хлебн.: «поидевъ».

⁷ В Радз., Акад.: «и рѣша болгаре межю собою» (это очевидно вторичное чтение, обесмысливающее текст: мир болгары, конечно же, заключили не «между собой»).

⁸ В Радз., Акад., Ипат., Хлебн.: «грязнути».

⁹ Опираюсь на работу А.А. Гиппиуса, согласно которому, чтения Лавр. могут иметь приоритет даже перед солидарными чтениями Радз.–М.–А.–Ипат.–Хлебн., но если чтения последних поддерживаются Н1мл., то тогда их следует признать первоначальными (Gippius 2014). Новгородско-софийские летописи тоже не содержат принципиально других чтений в данном рассказе (ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 72; Т. 4, ч. 1. С. 60; Т. 42. С. 44).

¹⁰ Об исторических заметках «Памяти и похвалы» и проблеме их источника см.: Гимон 2019а. Возражения точке зрения о том, что эти заметки вторичны по отношению к ПВЛ (Арістов 2016), см.: Гимон 2019а. С. 75–76.

употреблено также в Ипатьевской летописи под 6690 (1182) г., и там оно однозначно отнесено к Волжской Булгарии (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 625)¹¹.

Рассказ о походе Владимира на болгар хорошо известен специалистам по истории Древней Руси и Волжской Булгарии, однако сравнительно редко удостоивался специального внимания в текстологических работах о ПВЛ. В нем нет ни существенных разночтений между дошедшими до нас текстами, ни каких-либо иных особенностей, интересных для текстолога. Между тем, на мой взгляд, он любопытен своими смысловыми связями с целым рядом других сообщений или даже серий сообщений Начальной летописи, иногда, казалось бы, относящихся к разным ее стратам. Как представляется, попытка систематического описания этих связей имела бы смысл с точки зрения понимания ПВЛ и истории ее текста, равно как и образа Владимира и понимания его внешней политики, существовавшего в древнерусском обществе XI в.

Но для начала необходимо прокомментировать сам этот текст. Помимо типичных для летописания слов о походе Владимира, его победе над булгарами и возвращении в Киев, рассказ 985 г. включает в себя два любопытнейших пассажа, представленных в виде прямой речи: совет Добрыни Владимиру относительно необходимости заключить мир и афористичную формулу самого мира. Рассмотрим их более пристально.

Слова Добрыни «Соглядах колодникъ, и суть вси в сапозѣх; симъ намъ дани не даяти; поидевѣ искать лапотъникъ» («Я осмотрел пленных, и они все в сапогах; эти нам платить дань не будут; пойдём [мы двое] искать лапотников») традиционно, начиная с Н.М. Карамзина, трактуются в том смысле, что соперники оказались слишком серьезными (хорошо организованными, хорошо экипированными), чтобы с ними было целесообразно воевать: с них не получить легкой дани; с такими, в отличие от более слабых и неорганизованных «племен», лучше бы поддерживать мирные отношения (Карамзин 1989. С. 147; Соловьёв 1988. С. 180; Вернадский 1996. С. 239; Смирнов 1951. С. 105; Пашуто 2019. С. 111; Петрухин, Раевский 1998. С. 225; Измайлов 1999. С. 71; Франклин, Шепард 2009. С. 252; Карпов 2015. С. 137). Сразу скажу, что и мне такая трактовка данной фразы представляется очевидной. Тем не менее выдвигались и другие версии. По мнению Ф.И. Буслаева, лапти здесь — «принадлежность русского человека» (Буслаев 1861. Т. 1. С. 98). Высказывалась мысль, что сапоги — обувь

---

¹¹ Версия В.В. Григорьева, соотносящая «серебряных болгар» с татарским названием р. Вятки (*Нукрат*) и чувашским обозначением серебряной монеты (*нукрат*), опровергнута И.Г. Добродомовым (1995). Сам он считает более убедительной гипотезу С.М. Шпилевского, апеллирующего к речке Серебрянке на месте древнего Биляра (Там же. С. 149). Мне же наилучшим кажется объяснение, лежащее на поверхности: болгары «серебряные» потому, что от них (через них) на Русь приходило серебро (Вернадский 1996. С. 235).

кочевников, взять дань с которых, конечно, сложнее, чем с оседлых «лапотников» (Андрейчева 2019. С. 86, со ссылкой на А.В. Курбатова). М.Ю. Андрейчева видит в эпизоде с сапогами целый ряд возможных смыслов. Во-первых, по ее мнению, «речь идет о своеобразном определении антитезы “свой” — “чужой”. “Лапотники” — “свой”, то есть те, кого Русь включала в сферу своего влияния» (Там же. С. 83). Исследовательница ссылается на похожую антитезу в «Молении» Даниила Заточника: «Лучше бы ми нога своя видети в *лыченицы* в дому твоём, нежели в черлене *сапозе* в боярстем дворе». «В качестве одного из смыслов» Андрейчева видит здесь «определение границ “свой — чужой”» (Там же. С. 84). Между тем, и в «Молении» лежащим на поверхности смыслом этой антитезы является другой — тот самый, который традиционно видят и в эпизоде 985 г.: сапоги — обувь богатая, а лапти — бедная; лучше у тебя, князь, носить лапти, чем у боярина — сапоги. Во-вторых, Андрейчева допускает, что «болгары выглядят как собравшиеся в дальнюю дорогу, в противоположность лапотникам, сидящим на своей земле». Эта трактовка подкрепляется тем, что в Евангелии сапоги и сандалии символизируют, соответственно, дальний и ближний путь (Там же. С. 86–87, цит. с. 86). В-третьих, исследовательница апеллирует к тому, что сапоги — это монашеская обувь, символизирующая благовестие миру. В следующей погодной статье, в рассказе о выборе веры, говорится, что болгары молятся без пояса — еще одного монашеского символа. Сопоставив эти два сообщения об одежде болгар, Андрейчева предположила, что «летописец, вероятно, имел в виду: болгаре, хотя и пришли благовестить свою веру (это символизируют сапоги), но истины в ней нет, и сила Божия не с ними (об этом говорит отсутствие пояса на мусульманах)». «Лапотники» же — это те, «к которым будет далее обращено благовестие» (Там же. С. 87–91, цит. с. 91). Не отрицая вероятности существования этих дополнительных смыслов, я бы всё же настаивал, что основным здесь является тот, что лежит на поверхности: сапоги — более дорогая, ноская и подобающая воинам обувь, чем лапти, поэтому болгары — слишком серьезный противник, чтобы русские легко смогли заставить их платить дань.

Сам мирный договор передан летописцем в виде прямой речи: «Толи не будет мира межи нами, елико же камень начнет плавати, а хмель грязнути» ('Тогда только не будет мира между нами, когда камень станет плавать, а хмель — тонуть'). Утверждалось, что эта формула имеет не древнерусское, а болгарское происхождение, тем более что, формально, она и представлена как речь болгар: «и рѣша болгаре». Так, В.Я. Петрухин и Д.С. Раевский загадочно утверждают, что ПВЛ сохранила «в древнерусской передаче болгарскую “фольклорную” формулу» (Петрухин, Раевский 1998. С. 225). Практически буквальный перевод этой фразы на татарский язык был включен Наки Исанбетом в трехтомник «Татарские народные пословицы»:

Кайчан кем колмак суга батар, таш суга калкыр, бу вәгъдә шунда бозылыр (Исәнбәт 1967. Т. 3. 780 б., № 34667).

Когда какой-либо хмель в воду утонет, камень на воду поднимется, это обещание тогда прекратит существование (перев. В.В. Тишина).

На этом основании Г.М. Давлетшин назвал рассматриваемую фразу ПВЛ «болгарским изречением», которое «бытовало среди казанских татар как средство подкрепления своего слова и дела». Это показывает, считает Давлетшин, что русско-булгарский договор 985 г. был письменным и составлялся на двух языках (Давлетшин 2008. С. 27; то же см.: Давлетшин 2012. С. 153). По словам М.Ю. Андрейчевой, «остается надеяться, что составитель сборника пословиц не осуществил самостоятельно перевод летописного отрывка на татарский язык, а почерпнул изречение из устного татарского предания и сопоставил его с летописным источником» (Андрейчева 2019. С. 85). Однако в самом сборнике пословиц после данного изречения приведен петитом следующий комментарий:

Борын заманда патшалар арасында сүз һәм килешмә ясалганда, вәгъдәне раслау өчен китерелгән сүзләр (Исәнбәт 1967. Т. 3. 780 б., № 34667).

В древности слова, произносившиеся при заключении договоренностей и соглашений между правителями, для подтверждения обещания (перев. В.В. Тишина).

Данный комментарий заставляет думать, что эта пословица восходит не к татарскому фольклору, а к ПВЛ.

Таким образом, на данный момент у нас нет никаких специальных данных в пользу булгарского происхождения формулы о камне и хмеле. Между тем, параллели имеются в позднейшем славянском фольклоре (см.: Буслаев 1861. С. 217–218). Что касается собственно древнерусских параллелей, то М.Ю. Андрейчева указывает на таковую снова в «Молении» Даниила Заточника: «Коли пожрет синица орла, коли поплывет камень по воде и коли начнет свинья на белку лаять, тогда и глупый уму научится». Андрейчева предположила наличие общего источника у ПВЛ и «Моления» — возможно, сборника изречений типа «Пчелы» (Андрейчева 2019. С. 84)¹². Действительно, в «Молении» Даниила Заточника¹³ имеются две параллели к рассказу 985 г.: уже упомянутое противо-

---

¹² Исследовательница даже предполагает, что летописец, приводя слова болгар, напоминавшие эту пословицу о глупце, намекал: «пока Русь будет оставаться “глупой”, мир между болгарями и Русью не закончится» (Андрейчева 2019. С. 85).

¹³ Скорее всего, это не авторский текст самого Даниила, а более поздние добавления одного из книжников — см. реконструкцию первоначального «Слова» Даниила, в которую тот и другой пассажи не входят: Соколова 1993. Впрочем, в данном случае для нас это не существенно.

поставление сапогов и лаптей как богатой и бедной обуви и упоминание плавающего камня в значении «нечто совсем невозможное». Однако у этого сходства могут быть самые разные объяснения: не только использование двумя книжниками одного сборника изречений (что предполагает Андрейчева), но и прямое влияние ПВЛ на «Моление», а также — что кажется ничуть не менее вероятным — использование обоими авторами реально бытовавших в Древней Руси речений. Последнее видится предпочтительным, учитывая, что сходство в обоих случаях не буквальное. В «Молении» сапоги и лапти противопоставляются как богатая и бедная обувь, но при помощи этого противопоставления выражаются совершенно разные мысли. В «Молении» есть плавающий камень, но нет тонущего хмеля, а вместо него — совсем другие образы.

Если вернуться к словам болгар о камне и хмеле, то мы, в общем, встаем перед обычной дилеммой: перед нами реально произнесенная клятва, или принадлежность фольклора, или плод литературного творчества? На мой взгляд, некоторой аналогией здесь может служить летописное «Сказание о призвании варягов» (ПВЛ под 862 г.), где тоже имеется весьма афористичная прямая речь, в том числе заключающая в себе существо договора (ряда): «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нѣтъ, да поидѣте княжить и володѣти нами» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20). При этом весьма вероятно, что летописный рассказ (включая прямую речь) передает использовавшиеся в реальности договорные формулы, а не является исключительно фактом фольклора или литературы (см.: Мельникова, Петрухин 2011; Мельникова 2019; 2020)¹⁴. Договор между Владимиром и волжскими булгарами был для летописцев несравненно менее важен, нежели начало русской княжеской династии, — но, с другой стороны, он был сильно ближе к ним по времени. Поэтому кажется вероятным, что здесь отразилась если не формула реального договора между Русью и Волжской Булгарией, то хотя бы некое представление о том, как этот договор должен был звучать¹⁵.

---

¹⁴ Ср. также договорные формулы, сохраненные летописанием XII в. (Лавренченко 2020. С. 246–253).

¹⁵ Иногда полагают (неоправданно, на мой взгляд), что реальный договор обязательно должен был быть заключен в письменной форме (Халиков 1986. С. 11; Давлетшин 2008. С. 27). По мнению И.Л. Измайлова, «не характерная для дипломатических актов афористика», равно как и эпизод с сапогами, говорит о том, что перед нами «фольклоризированная» версия событий (Измайлов 2008. С. 145). Мне представляется, напротив, что для архаических договоров подобная афористика как раз должна была быть характерна (ср. о договоре Олега с Византией: Мельникова 2020). По мнению А.Ю. Карпова, договор 985 г. не обязательно был заключен на письме, но его формула «наверняка передана в летописи буквально» (Карпов 2015. С. 137).

С какими еще сообщениями и рассказами ПВЛ связана интересующая нас статья 985 г.¹⁶?

1) Рассказ о походе на болгар связан со следующей погодной статьей, 6494 (986) г., повествующей о выборе Владимиром веры и начинающейся словами: «Придоша больгары в[ѣ]ры бохъмичѣ, глаголюще, яко: “Ты князь еси мудръ и смыслень...”» («Пришли болгары магометанской веры, говоря так: «Князь, ты мудр и умен...»») (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 84). На это соседство, естественно, обращалось внимание (см., например: Андрейчева 2019. С. 89). Отмечу, что формула «мудръ и смыслень», по наблюдениям А.А. Гиппиуса, характеризует древнейший текстологический пласт ПВЛ (Гиппиус 2001. С. 179–180, примеч. 45).

2) Рассказ о походе на болгар вписывается в серию сообщений статей 6489–6493 (981–985) гг. об успешных военных экспедициях Владимира языческого периода. Этот ряд сообщений находит себе параллель в «Памяти и похвале» Иакова Мниха, где тоже перечисляются походы Владимира до крещения, хотя их последовательность и состав лишь отчасти совпадают с таковыми в ПВЛ¹⁷. Эти перечни походов могут восходить к общему письменному источнику (я предполагаю краткий прижизненный текст, восхваляющий деяния Владимира — Гимон 2019а), могут быть независимыми записями устных рассказов¹⁸ (и тогда более понятны их различия), но в любом случае они отражают очень раннюю традицию перечислять походы Владимира в качестве элемента его прославления.

3) В сообщении 985 г. фигурирует Добрыня. Соответственно, это известие связано с другими, где участвует Добрыня (под 6478 (970) и 6488 (980) гг.). Известная гипотеза Д.И. Прозоровского — А.А. Шахматова — Д.С. Лихачёва предполагает, что Добрыня был одним из предков Яня Вышатича, которого, сообщая о его смерти в 6614 (1106) г., летописец называет своим информантом и который поведал летописцу устные предания своего рода. Эта гипотеза вызвала немало скептических откликов. На мой взгляд, вероятность того, что Добрыня был предком Яня, не столь уж мала, но вряд ли мы когда-нибудь сможем об этом говорить уверенно. Скорее, можно утверждать, что в глазах создателя Начального свода 1090-х годов (и его анналистического продолжения, в том числе записи

---

¹⁶ Я принципиально не рассматриваю здесь известия о взаимоотношениях Владимира и Волжской Булгарии, появляющиеся только в поздних памятниках, таких как Никоновская летопись или «История Российская» В.Н. Татищева. Отсылки к работам о Никоновской летописи см.: Гимон 2016. С. 776, примеч. 140. Отсылки к дискуссии о «татищевских известиях» см.: Гимон 2014б.

¹⁷ См. с отсылками к литературе: Гимон 2019а. С. 81, 89, примеч. 22.

¹⁸ Ср.: «Не свидетельствуют ли эти слова о древней песне, сообщавшей об этих походах Владимира» (Шахматов 2002. С. 132).

о смерти Яня в 1106 г.) наряду с «линией князей» существовала «линия воевод», включавшая — в части за X в. — Олега, Свенельда и Добрыню, а дальше пунктирно доходившая до Вышаты и Яня и перекликавшаяся с так называемым предисловием Начального свода (читается в ПМЛ) и статьей 6601 (1093) г. ПВЛ. В частности, указанные персонажи время от времени дают князьям дельные советы — что делает и Добрыня в статье 985 г. (см. с подробной историографией: Гимон 2013; перечень дельных советов см.: Там же. С. 100). Сказанное, однако, не обязательно означает, что все летописные рассказы о Добрыне (а также Олеге, Свенельде и т. д.) возникли под пером автора Начального свода: они вполне могли возникнуть и на более ранних этапах развития текста, вплоть до древнейшего. Из того, что создатель Начального свода придавал большое значение мудрым воеводам древних князей, отнюдь не следует, что он первым записал все сообщения о таких воеводах.

Упоминание Добрыни в сообщении 985 г. дало повод возводить данный рассказ — полностью либо частично — не к древнейшему пласту ПВЛ, а к одному из следующих этапов развития текста. Так, А.А. Шахматов возводил само сообщение о походе 985 г. к Древнейшему своду 1039 г., а упоминание Добрыни и анекдотический эпизод с сапогами считал вставкой новгородского сводчика середины XI в., взятой «из исторической песни о походах Владимира и Добрыни» (Шахматов 2002. С. 131–132, 377, цит. С. 132). Д.С. Лихачёв возводил рассказы, связанные с предполагаемыми предками Вышаты и Яня, к устной семейной традиции, с которой Вышата ознакомил летописца Никона в 1060–1070-х годах (Лихачёв 1945. С. 201–213)¹⁹. С.М. Михеев тоже считает упоминание Добрыни маркером свода 1070-х годов («свода Никона») и в своей реконструкции, в отличие от Шахматова, не предлагает расслаивать сообщение 985 г., а целиком относит его к пласту 1070-х годов (Михеев 2011. С. 6–68, 78–79, 227).

Эпизод с участием Добрыни может быть вставкой: без него текст читался бы логично: «и тако победи болгары. И сътвори мирь Володимирь с болгары». Однако ничего обязательного в этом соображении нет, и наоборот: анекдот про сапоги логически связан с последующим

---

¹⁹ Также, по мнению Д.С. Лихачёва, руку летописца второй половины XI в. выдает упоминание торков, поскольку они появились у южных границ Руси лишь в середине XI в.; возможно, «торками» назвало союзников Владимира еще народное предание, которым воспользовался летописец. В реальности, по мнению Лихачёва, союзниками Владимира, скорее, были печенеги (ПВЛ 1996. С. 453). Другие ученые, впрочем, проблемы здесь не видят, полагая, что, кочуя восточнее, торки могли договориться с Владимиром о совместных действиях против волжских булгар (ср.: Плетнёва 2014).

текстом, т. к. объясняет, почему поход в итоге закончился мирным соглашением. Можно также обратить внимание на то, что весь текст, кроме пассажей, связанных с Добрыней, построен на повторении союза *и*, тогда как слова о Добрыне нарушают эту однообразную структуру. Но и это вряд ли может быть серьезным основанием считать слова о Добрыне вторичной вставкой, ведь их основной объем — прямая речь. Таким образом, на мой взгляд, нет специальных оснований для расслоения рассказа 985 г. — более простым предположением будет, что он дошел до нас в первоначальном виде.

Сложнее вопрос о том, следует ли относить всё сообщение 985 г. к древнейшему пласту Начальной летописи (Древнейшему сказанию) либо к какому-либо из последующих этапов переработки этого текста. Вероятно, вопрос надо ставить сразу обо всех рассказах с участием Добрыни. В рамках статьи, посвященной только сообщению 985 г., этого вопроса не решить; сомневаюсь, что он в принципе поддается решению. Формирование летописного повествования о Владимире, по-видимому, представляло собой сложный процесс, в котором переплетались собственно литературное развитие текста и развитие несомненно существовавшей и несомненно влиявшей (причем наверняка неоднократно) на летописцев устной традиции об этом князе. Детально реконструировать все этапы и моменты этого сложного процесса вряд ли возможно. И наоборот, имеет смысл анализировать летописные представления о Владимире в комплексе, как единое целое, даже если в действительности это целое было многослойным (ср.: Ostrowski 2006; Гимон 2014а; Андрейчева 2019. С. 129–132). В свете сказанного предлагаю рассмотреть еще одну параллель к сообщению 985 г. в тексте ПВЛ, которая, кажется, до сих пор внимания не привлекала.

4) Владимир в 985 г. заключил с булгарами *мир*. В случае с остальными походами Владимира (981–984 гг.) ни о каких мирных соглашениях не сообщается. Здесь же, наоборот, приводится анекдотическая предыстория мира (эпизод с Добрыней и сапогами), а также афористичная формула самого этого мирного соглашения. Очевидно, для автора мирное соглашение с булгарами представлялось по какой-то причине существенным, достойным специального описания.

В статье 6504 (996) г. ПВЛ содержится пространная характеристика правления Владимира, уже после крещения, рисующая своего рода образ «золотого века». Помимо прочего, в этой статье о Владимире сказано:

...и бѣ жива съ князи околними миромь, съ Болеславомь Лядьскымь, и съ Стефаномь Угрьскымь, и съ Андрихомь Чешьскымь, и бѣ миръ межю

ими и любви ('и жил он мирно с соседними князьями, Болеславом Польским, Стефаном Венгерским, Олдржихом Чешским, и были между ними мир и любовь') (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126; то же см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 111; Т. 3. С. 167).

Вне зависимости от того, когда именно могла наблюдаться столь идиллическая картина²⁰, перед нами вполне определенный образ: сильный и справедливый князь Владимир поддерживает мирные отношения с тремя соседними правителями.

Итак, летописный образ Владимира-воителя²¹ и Владимира-крестителя дополняется еще и тем, что Владимир с некоторыми из соседних держав поддерживал мирные отношения: с Польшей, Чехией и Венгрией, как следует из статьи 6504 (996) г., и с Волжской Булгарией, как сказано в статье 6493 (985) г. (хотя ранее, в 981 г., Владимир ходил «к ляхомъ», а мир с булгарами был заключен как итог похода на них). Что объединяет эти державы? Думаю, что, так сказать, уровень социальной сложности. Можно спорить о деталях и конкретных определениях, но очевидно, что Польша, Чехия, Венгрия и Волжская Булгария в эпоху Владимира представляли собой политии с правящими династиями²², (прото)городскими центрами, монотеистической религией, монетным чеканом²³ — в отличие от других объектов военных действий Владимира, таких как вятичи (981–982 гг.), ятвяги (983 г.) или радимичи (984 г.)²⁴. Создается впечатление, что Владимир, по мысли одного из летописцев, выстраивал мирные отношения с, так

---

²⁰ Как указывает А.В. Назаренко, Олдржих стал чешским князем в 1012 г., но, строго говоря, не был в это время соседом Руси. С Болеславом I, наоборот, в 1013 г. началась война (Назаренко 2016. С. 631–632, примеч. 141).

²¹ О его завоеваниях с гордостью говорится даже в «Слове о законе и благодати» Илариона: «...покоривъ подь ся округная страны, овы миромъ, а непокоривыа мечемъ» (Молдован 1984. С. 92, л. 185а); военным походам Владимира — как до крещения, так и после — уделяют большое внимание летопись и «Память и похвала» Иакова Мниха.

²² Политическая история Волжской Булгарии известна плохо, поскольку не сохранились собственно булгарские письменные источники. Нумизматические данные говорят о существовании в середине — второй половине X в. двух сильных и, видимо, соперничавших между собой династий в Суваре и Булгаре (Kovalev 2016; Кулешов 2019). Обзор данных о русско-булгарских торговых связях и сообщений русских летописей о Булгарии см.: Коновалова 1999.

²³ Крещение и начало монетного чекана позднее всего имели место в Венгрии: в правление Иштвана I (между 997 и 1001 — 1038).

²⁴ Все даты — по ПВЛ по Лаврентьевскому списку, о вероятных хронологических поправках см.: Назаренко 2016. С. 616–628; Гимон 2019а. С. 79–80. На каких хорватов ходил Владимир (992 г.) — вопрос дискуссионный (см.: Щавелев 2019. С. 185–192).

сказать, «цивилизованными» соседями. Сапоги болгарских воинов показывают, что эта политика — равный контрагент для Руси, с которым можно воевать, но разумно выстраивать мирные отношения²⁵.

Насколько перед нами соображения конкретного автора XI в., насколько — элемент устной традиции о Владимире (доблестный воин, умевший, однако, выстраивать мирные отношения с соседями), а насколько — черта политической культуры реального Владимира, — сказать вряд ли возможно. Но всё же интересно поставить на этом примере более общую проблему: восприятие «другого» не только в категориях религии, обычаев, внешнего облика и пр. (об этом применительно к Древней Руси в последнее время пишут много²⁶), но и в категориях уровня развития, социально-политической организации, как сказали бы в Новое время, «цивилизованности». Понятно, что Византия в эпоху Владимира воспринималась как престижный контрагент, которому стоит подражать²⁷. Понятно, что печенеги, вятичи или ятвяги должны были видаться из Киева «дикими». Но интересно, что, как кажется, в одну категорию, так сказать, «равных» контрагентов могли попасть такие разные политики, как Польша, Чехия, Венгрия и Волжская Булгария.

Таким образом, рассказ о походе Владимира на Волжскую Булгарию 985 г. разнообразными нитями связан с другими фрагментами ПВЛ: рассказом о выборе веры (вряд ли случайно, что, согласно ПВЛ, Владимир заключает мир с булгарами, а на следующий год от них прибывает религиозная миссия); сообщениями о победоносных походах Владимира языческого времени (за ними, очевидно, стоит рано сформировавшееся — письменно или устно — перечисление таких походов как элемент восхваления Владимира); пассажем статьи 996 г. о мирных отношениях Владимира с соседними правителями (здесь общность содержания, отразившая некое общее видение эпохи Владимира); наконец, с другими рассказами, где фигурирует Добрыня (здесь надо предполагать общий устный источник — дружинную составляющую устной традиции о Владимире). Констатация всех этих связей не влечет за собой обязательных текстологических выводов, однако склоняет к тому, чтобы, скорее, относить весь рассказ 985 г., равно как и все те фрагменты ПВЛ, с которыми

---

²⁵ Ср. комментарий С.М. Соловьёва (1988. С. 180) к этому известно: «Русские князья успели наложить дань, привести в зависимость только те племена... которые жили в простоте первоначального быта... из народов же более образованных, составлявших более крепкие общественные тела, богатых промышленностью, не удалось покорить ни одного...».

²⁶ См. две недавние очень хорошие книги: Андрейчева 2019; Лаушкин 2019. Подробный обзор более ранней историографии см.: Лаушкин 2019. С. 6–12.

²⁷ См., например: Гимон 2019б.

он как-либо связан, к древнейшему текстологическому пласту — так называемому Древнейшему сказанию, датировка которого, впрочем, составляет до сих пор нерешенную научную проблему²⁸.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Андрейчева М.Ю. Образы иноверцев в Повести временных лет. СПб., 2019. [Andreycheva M.Yu. Obrazy inovertsev v Povesti vremennykh let (Images of infidels in *Povest' vremennykh let*). St.-Petersburg, 2019.]
- Аристов В. Походження історичних повідомлень *Пам'яті та похвали князю Володимиру Якова Мніха* // Ruthenica. Київ, 2016. Вип. 13. С. 50–82. [Aristov V. Pokhodzhennya istorychnykh povidomlen' Pam'yati ta pokhvaly knyazyu Volodymyru Yakova Mnikha (The origin of the historical notes of Iakov the Monk's Memorial and Encomium for Prince Vladimir) // Ruthenica. Kyiv, 2016. Vol. 13. S. 50–82.]
- Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1: Русская народная поэзия. СПб., 1861. [Buslayev F.I. Istoricheskiye ocherki russkoy narodnoy slovesnosti i iskusstva (Historical essays on Russian folk literature and art). T. 1: Russkaya narodnaya poeziya. St.-Petersburg, 1861.]
- Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Тверь; М., 1996 (впервые опубли.: 1943). [Vernadskiy G.V. Istoriya Rossii. Drevnyaya Rus' (History of Russia. Old Rus). Tver; Moscow, 1996.]
- Гимон Т.В. Янь Вышатич и устные источники древнерусской Начальной летописи // ДГ, 2011 год: Устная традиция в письменном тексте. М., 2013. С. 65–117. [Guimon T.V. Yan' Vyshatich i ustnyye istochniki drevnerusskoy Nachal'noy letopisi (Yan Vyshatich and the oral sources of the Rus Primary Chronicle) // Drevneishiy Gosudarstva Vostochnoy Evropy, 2011 god: Ustnaya traditsiya v pis'mennom tekste. Moscow, 2013. S. 65–117.]
- Гимон Т.В. Крещение Нортумбрии у Беды Достопочтенного и крещение Руси в «Повести временных лет» // ВЕДС. М., 2014. Вып. XXVI: Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. С. 64–70. [Guimon T.V. Kreshcheniye Nortumbrii u Bedy Dostopochtennogo i kreshcheniye Rusi v «Povesti vremennykh let» (The baptism of Northumbria in Venerable Bede and the baptism of Rus in *Povest' vremennykh let*) // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Vol. XXVI. Yazychestvo i monoteizm v protsessakh politogeneza. Moscow, 2014. S. 64–70.] (а)
- Гимон Т.В. Татищевские известия // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия. М., 2014. С. 823. [Guimon T.V. Tatishchevskie izvestiya (Tatishchev's unique information on Old Rus) // Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire: Entsiklopediya. Moscow, 2014. S. 803–804.] (б)

²⁸ См. обзор точек зрения: Гимон 2016. С. 761–768.

- Гимон Т.В. К проблеме зарождения историописания в Древней Руси // ДГ, 2013 г.: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 748–800. [Guimon T.V. K probleme zarozhdeniya istoriopisaniya v Drevney Rusi (On the beginnings of historical writing in Old Rus) // Drevneishiy Gosudarstva Vostochnoy Evropy, 2013: Zarozhdeniye istoriopisaniya v obshchestvakh Drevnosti i Srednevekov'ya. Moscow, 2016. S. 748–800.]
- Гимон Т.В. Исторические заметки из «Памяти и похвалы» Иакова Мниха и зарождение древнерусского историописания // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях: Юбилейный сб. в честь А.В. Назаренко. М.; СПб., 2019. С. 73–89. [Guimon T.V. Istoricheskiye zametki iz «Pamyati i pokhvaly» Iakova Mnikha i zarozhdeniye drevnerusskogo istoriopisaniya (The historical notes of Jacob the Monk's Memorial and encomium for Prince Vladimir and the beginning of Old Rus historical writing) // U istokov i istochnikov: na mezhdunarodnykh i mezhdistsiplinarnykh putyakh: Yubileynyy sb. v chest' A.V. Nazarenko. Moscow; St.-Petersburg, 2019. S. 73–89.] (a)
- Гимон Т.В. Князь Владимир и письменность // ДГ, 2017–2018 гг.: Ранние формы и функции письма. М., 2019. С. 216–240. [Guimon T.V. Knyaz' Vladimir i pis'mennost' (Prince Vladimir and writing) // Drevneishiy Gosudarstva Vostochnoy Evropy, 2017–2018: Ranniye formy i funktsii pis'ma. Moscow, 2019. S. 216–240.] (б)
- Гиппиус А.А. Рекоша дружина Игоревы...: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25. P. 147–181. [Gippius A.A. Rekoshka drouzhina Igorevi...: K lingvotekstologicheskoy stratifikatsii Nachal'noy letopisi] (Towards a linguistic and text-historical stratification of the Primary Chronicle) // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25. P. 147–181.]
- Давлетшин Г.М. Булгарская письменность (Раннебулгарский и домонгольский периоды) // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2008, № 1. С. 23–32. [Davletshin G.M. Bulgarskaya pis'mennost' (Rannebulgarskiy i domongol'skiy periody) (Writing in Volga Bulgaria: Early Bulgarian and pre-Mongolian periods) // Gasyrlar avazy = Ekho vekov. 2008, № 1. S. 23–32.]
- Давлетшин Г.М. Клятва, договор, шертование в межгосударственных отношениях у тюрко-татар // Вестник экономики, права и социологии. 2012, № 4. С. 153–155. [Davletshin G.M. Klyatva, dogovor, shertovaniye v mezhgosudarstvennykh otnosheniyakh u tyurko-tatar (Oath, treaty, and shert' in the international relations of Turko-Tatars) // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. 2012, № 4. S. 153–155.]
- Добродомов И.Г. К вопросу о «серебряных булгарах» // ДГ, 1992–1993 г. М., 1995. С. 149–154. [Dobrodomov I.G. K voprosu o «serebryanykh bulgarakh» (On the 'Silver Bulgarians') // Drevneishiy Gosudarstva Vostochnoy Evropy, 1992–1993. Moscow, 1995. S. 149–154.]
- Измайлов И.Л. «Безбожные агаряне»: Волжская Булгария и болгары глазами русских (X–XIII вв.) // ВЕДС. М., 1999. Вып. XI: Контакты, зоны контактов и контактные зоны. С. 69–75. [Izmaylov I.L. «Bezbozhnyye agaryane»:

- Volzhsкая Bulgariya i bulgary glazami russkikh (X–XIII vv.) (Volga Bulgaria as seen from Rus, the 10th–13th centuries) // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Vol. XI: Kontakty, zony kontaktov i kontaktnyye zony. Moscow, 1999. S. 69–75.]
- Измайлов И.Л.* Защитники «Стены Искандера»: Вооружение, военное искусство и военная история Волжской Булгарии X–XIII вв. Казань, 2008. [*Izmaylov I.L.* Zashchitniki «Steny Iskandera»: Vooruzheniye, voyennoye iskusstvo i voyennaya istoriya Volzhskoy Bulgarii X–XIII vv. (Arms, military art, and military history of Volga Bulgaria in the 10th–13th centuries). Kazan, 2008.]
- Исанбэт Н.* Татар халык мәкальләре. 3 томда. Казан, 1967. Т. 3. [*Isanbat N.* Tatar halyk məkal'läre (Tatar folk proverbs). Kazan, 1967. Т. 3.]
- Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1989. Т. 1. (впервые опубли.: 1818). [*Karamzin N.M.* Istoriya gosudarstva Rossiyskogo (History of the Russian State). Moscow, 1989. Т. 1.]
- Карпов А.Ю.* Владимир Святой. 3-е изд., испр. М., 2015. (впервые опубли.: 1997). [*Karpov A.Yu.* Vladimir Svyatoy (Vladimir the Saint). 3-ye izd., ispr. Moscow, 2015.]
- Коновалова И.Г.* Древняя Русь и Волжская Булгария: Торговля и политика в восприятии древнерусских летописцев // ВЕДС. М., 1999. Вып. XI: Контакты, зоны контактов и контактные зоны. С. 75–81. [*Konovalova I.G.* Drevnyaya Rus' i Volzhskaya Bulgariya: Torgovlya i politika v vospriyatii drevnerusskikh letopistsev (Old Rus and Volga Bulgaria: Trade and politics as seen by Rus annalists) // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Vol. XI: Kontakty, zony kontaktov i kontaktnyye zony. Moscow, 1999. S. 75–81.]
- Кулешов Вяч.С.* Фрагменты генеалогии правителей Волжской Булгарии X века // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Мат-лы XXXII Междунар. науч. конф. (Москва, 11–12 апреля 2019 г.). М., 2019. С. 235–238. [*Kuleshov Vyach.S.* Fragmenty genealogii praviteley Volzhskoy Bulgarii X veka (Fragments of the genealogy of the 10th-century rulers of Volga Bulgaria) // Vspomogatel'nyye istoricheskiye distsipliny v sovremenном nauchном znanii: Mat-ly XXXII Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 11–12 aprelya 2019 g.). Moscow, 2019. S. 235–238.]
- Лавренченко М.Л.* Термины родства и договорные формулы в политике Рюриковичей XII–XV вв. // ДГ, 2019–2020 гг.: Дипломатические практики античности и средневековья. М., 2020. С. 232–255. [*Lavrenchenko M.L.* Terminy rodstva i dogovornyye formuly v politike Ryurikovichy XII–XV vv. (Kinship terminology and diplomatic formulas in the Rurikids' politics, c. 1140–1450) // Drevneyshie Gosudarstva Vostochnoy Evropy, 2019–2020: Diplomaticheskiye praktiki antichnosti i srednevekov'ya. Moscow, 2020. S. 232–255.]
- Лаушкин А.В.* Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М., 2019. [*Laushkin A.V.* Rus' i sosedi: istoriya etnokonfessional'nykh predstavleniy v drevnerusskoy knizhnosti XI–XIII vv. (Rus and its neighbors: A history of the portrayal of ethnos and confessions in Old Rus literature of the 11th–13th centuries). Moscow, 2019.]

- Лихачёв Д.С. «Устные летописи» в составе Повести временных лет // Исторические записки. М.; Л., 1945. Т. 17. С. 201–224. [Likhachev D.S. «Ustnyye letopisi» v sostave Povesti vremennykh let ('Oral chronicles' in *Povest' vremennykh let*) // Istoricheskiye zapiski. 1945. T. 17. S. 201–224.]
- Мельникова Е.А. Несколько замечаний о языке «Сказания о призвании варягов» // ДРВМ. 2019. № 1 (75). С. 83–87. [Melnikova E.A. Neskol'ko zamechaniy o yazyke «Skazaniya o prizvanii varyagov» (Some notes on the language of the *Tale of the Call of the Varangians*) // Drevniya Rus'. Voprosy Medievistiki. 2019. № 1 (75). S. 83–87.]
- Мельникова Е.А. Парные синонимические сочетания в русско-византийском договоре 911 г. и древнескандинавских текстах // ДГ, 2019–2020 гг.: Дипломатические практики античности и средневековья. М., 2020. С. 84–102. [Melnikova E.A. Parnyye sinonimicheskiy e sochetaniya v russko-vizantiyskom dogovore 911 g. i drevneskandinavskikh tekstakh (Twin synonymic word combinations in the Russian and Byzantine treaty of 911 and in Old Norse legal texts) // Drevneishiye Gosudarstva Vostochnoy Evropy, 2019–2020: Diplomaticheskiye praktiki antichnosti i srednevekov'ya. Moscow, 2020. S. 84–102.]
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: Избр. тр. М., 2011. С. 190–200. (впервые опубли.: 1991). [Melnikova E.A., Petrukhin V.Ya. «Ryad» legendy o prizvanii varyagov v kontekste rannesrednevekovoy diplomatii (The *ryad* of the legend of the Invitation of the Varangians in the context of early medieval diplomacy) // Melnikova E.A. Drevnyaya Rus' i Skandinaviya: Izbr. tr. Moscow, 2011. S. 190–200.]
- Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. [Mikheyev S.M. Kto pisal «Povest' vremennykh let»? (Who wrote *Povest' vremennykh let*?) Moscow, 2011.]
- Молдован А.М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. [Moldovan A.M. «Slovo o zakone i blagodati» Ilariona (Ilarion's *Sermon on Law and Grace*). Kiev, 1984.]
- Назаренко А.В. Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии // ДГ, 2013 г.: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 593–654. [Nazarenko A.V. Dostovernyye godovyye daty v rannem letopisanii i ikh znachenie dlya izucheniya drevnerusskoy istoriografii (Verifiable annual dates in the early Rus chronicles and their significance for the study of historical writing in Rus) // Drevneishiye Gosudarstva Vostochnoy Evropy, 2013: Zarozhdeniye istoriopisaniya v obshchestvakh Drevnosti i Srednevekov'ya. Moscow, 2016. S. 593–654.]
- Пауто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. 2-е изд., испр. М., 2019. (впервые опубли.: 1968). [Pashuto V.T. Vneshnyaya politika Drevney Rusi (The foreign policy of Old Rus). 2-ye izd., ispr. Moscow, 2019.]
- Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. [Petrukhin V.Ya., Rayevskiy D.S. Ocherki

- istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov'ye (Essays on the ancient and early medieval history of the peoples of Russia). Moscow, 1998.]
- Плетнёва С.А.* Торки // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия. М., 2014. С. 823. [*Pletnyova S.A.* Torki (The Torks) // Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire: Entsiklopediya. Moscow, 2014. P. 823.]
- Смирнов А.П.* Волжские булгары. М., 1951. [*Smirnov A.P.* Volzhskiy bulgary (The Volga Bulgarians). Moscow, 1951.]
- Соколова Л.В.* К характеристике «Слова» Даниила Заточника (Реконструкция и интерпретация первоначального текста) // ТОДРЛ. 1993. Т. 46. С. 226–252. [*Sokolova L.V.* K kharakteristike «Slova» Daniila Zatochnika (Rekonstruktsiya i interpretatsiya pervonachal'nogo teksta) (On Daniil Zatochnik's *Slovo*: A reconstruction and an interpretation of the original text) // Trudy Otdela Drevnerusskoy Literatury. 1993. T. 46. S. 226–252.]
- Соловьёв С.М.* Сочинения: В 18 кн. М., 1988. Кн. 1: История России с древнейших времен, т. 1–2. (впервые опубли.: 1851). [*Solov'yev S.M.* Sochineniya. V 18 knigakh. Kn. 1: Istoriya Rossii s drevneyshikh времен (History of Russia from the earliest times), T. 1–2. Moscow, 1988.]
- Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси, 750–1200. СПб., 2009 (англ. изд.: 1996). [*Franklin S., Shepard D.* Nachalo Rusi, 750–1200 (The emergence of Rus, 750–1200). St.-Petersburg, 2009.]
- Халиков А.Х.* Волжская Булгария и Русь (этапы политических и культурно-экономических связей в X–XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора). Казань, 1986. С. 6–19. [*Khalikov A.Kh.* Volzhskaya Bulgariya i Rus' (etapy politicheskikh i kul'turno-ekonomicheskikh svyazey v X–XIII vv.) (Volga Bulgaria and Rus: Stages of political, cultural, and economic links in the 10th–13th centuries) // Volzhskaya Bulgariya i Rus' (v 1000-letiyu russko-bulgarskogo dogovora). Kazan, 1986. S. 6–19.]
- Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1, кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах (впервые опубли.: 1908). [*Shakhmatov A.A.* Istoriya russkogo letopisaniya (History of Rus chronicle writing). St.-Petersburg, 2002. T. 1, kn. 1: Razyskaniya o drevneyshikh russkikh letopisnykh svodakh.]
- Шахматов А.А.* Жития князя Владимира: Текстологическое исследование древнерусских источников XI–XVI вв. / Подгот. текста Н.И. Милютенко. СПб., 2014. [*Shakhmatov A.A.* Zhitiya knyazy Vladimira: Tekstologicheskoye issledovaniye drevnerusskikh istochnikov XI–XVI vv. (Lives of Prince Vladimir: A text-historical study of Old Rus sources of the 11th–16th centuries) / Ed. N.I. Milyutenko. St.-Petersburg, 2014.]
- Щавелев А.С.* «Белые пятна» имажинарной этногеографии «Повести временных лет»: Методологические и полемические заметки о локализации общностей дулебов, дреговичей, радимичей, тиверцев и хорватов // Историческая география. М., 2019. Т. 4. С. 167–198. [*Shchavelev A.S.* «Belyye pyatna» imazhinarnoy etnogeografii «Povesti vremennykh let»: Metodologicheskiye i

polemicheskiye zametki o lokalizatsii obshchnostey dulebov, dregovichey, radimichey, tivertsev i khorvatov ('Blank spaces' of the imaginary ethno-geography of *Povest' vremennykh let*: Methodological and polemic notes on the localization of Duleby, Dregovichi, Radimichi, Tivertsy, and Croatians) // *Istoricheskaya geografiya*. T. 4. Moscow, 2019. S. 167–198.]

Gippius A.A. Reconstructing the Original of the *Povest' vremennykh let*: a Contribution to Debate // *Russian Linguistics*. 2014. Vol. 38. P. 341–366.

Kovalev R.K. What Do 'Official' Volga Bulgār Coins Suggest about the Political History of the Middle Volga Region during the Second Half of the 10th Century? // *Central Eurasia in the Middle Ages: Studies in Honour of P.B. Golden*. Wiesbaden, 2016. P. 193–209.

Ostrowski D. The Account of Volodimer's Conversion in the *Povest' vremennykh let*: A Chiasmus of Stories // *Harvard Ukrainian Studies*. 2006. Vol. 28, № 1–4. P. 567–580.

Timofey V. Guimon

VLADIMIR'S EXPEDITION AGAINST VOLGA BULGARIA IN 985: A COMMENTARY TO THE ANNALISTIC ENTRY

The Rus *Primary Chronicle* (*Povest' vremennykh let*) reports *s.a.* 985 Prince Vladimir's military expedition against Volga Bulgaria. This short account contains an anecdotal speech by Vladimir's maternal uncle Dobrynia saying that Bulgarians who wore leather boots instead of bast shoes were too serious a people to impose tribute, and an aphoristic formula of the peace concluded: the peace will not be broken until stone starts to float, and hop starts to drown. The author contributes to the discussion concerning those two passages, and then tries to follow links of this account with other fragments of the *Primary Chronicle*. It appears to be linked to: 1) the account of the choice of the faith starting in the next annal (986) with the description of a Bulgarian Muslim mission; 2) with the series of notes on Vladimir's successful military expeditions prior to his baptism, *s.a.* 981–985; 3) with other accounts on Dobrynia basing presumably upon oral tradition; 4) with the statement *s.a.* 996 that Vladimir lived in peace with the rulers of Poland, Bohemia, and Hungary. The latter parallel outlines the perception by at least an 11th-century chronicler (but probably also by Vladimir himself) of certain polities (such as Poland and Volga Bulgaria) as equal counterparts of Rus as opposed to such a prestigious counterpart as Byzantium, and to such 'non-civilized' entities as the Viaticchi, the Radimichi, or the Yotvingians.

Keywords: Rus, Volga Bulgaria, Vladimir I, international relations, annals, chronicles, oral tradition

DOI:10.32608/1560-1382-2021-42-545-561

Т.Н. Джаксон

«ТАТАРЫ СРАЖАЛИСЬ В ВЕНГРИИ»
(*ANNALES REGII*, s. a. 1241)

В статье рассматривается известие исландских «Королевских анналов» под 1241 г., содержащее, наряду с прочей информацией, сведения о вторжении монголов (которых анналы называют *Tartarar*) в Венгрию. Это событие потрясло всю христианскую Европу и вызвало панику, засвидетельствованную анналистами таких далеких от Венгрии стран, как Голландия и Испания. Само по себе наличие этой информации в исландских анналах особого удивления не вызывает, но исследовательский интерес представляет проблема проникновения этих сведений на далекий остров в глубине Атлантического океана.

Ключевые слова: татары, Венгрия, исландские анналы, исландские саги, датские анналы

Исландские «Королевские анналы» («*Annales Regii*») под 1241 г. помещают вот такую статью:

«*Θ Gregorius .ix. papa. Þá var pávaláust .ij. ár. Θ Valdemar gamli Danakonvngr Valdemars sonr. Eiríkr sonr hans tók ríki í Danmörkv. Mannfall á Avðvnarstöðvm. Θ Ormr jóns sonr Svinfellingr. Vig Illhvga Þorvalldz sonar ok Snorra Stvrlv sonar. ok Klðings Biarnar sonar. Tartarar bõrðvz í Vngaria*» (*Islandske annaler* 1888. Bls. 131).

«Смерть папы Григориуса IX. Два года потом папы не было. Смерть Вальдемара Старого Вальдемарссона, конунга данов. Эйрик, его сын, взял власть в Данмёрке. Большое кровопролитие на Дворе Аудуна. Смерть Орма Йонссона Свинфеллинга. Убийство Иллуги Торвальдссона и Снорри Стурлусона, и Клэнга Бьярнарсона. Тартары сражались в Унгарии».

Анналы начали записываться в Исландии в конце XIII в. (не ранее 1280 г.). Все тексты, относящиеся к более ранним событиям, восходят к единому архетипу («протоанналам»), значительная часть информации которого так или иначе воспроизводится в каждом из десяти сохранившихся анналистических памятников (I–X)¹. Г. Сторм, издавший

---

¹ I — «Анналы [Педера Х.] Резена» («*Annales Reseniani*») конца XIII в., AM 424 4°, ок. 1700 г.); II — «Старейшие анналы» («*Annales vetustissimi*»), AM 415 4°, ок. 1310 г.); III — «Анналы Хенрика Хёйера» («*Henrik Høyers Annales*»), ори-

в 1888 г. анналы, разделил их на три группы: старейшие (анналы I–IV, написанные, по его мнению, в конце XIII — начале XIV в.), анналы конца XIV в. (V–VII и IX) и анналы, написанные в XVI в. на основании более ранних (VIII и X) (Islandske annaler 1888). Применяемый в последнее время подход к исландским сагам как к продуктам рукописной культуры (вследствие чего каждая письменная сага рассматривается как одна из версий саги в пределах множества ее текстов и саги датируются по тем рукописям, в которых они до нас дошли) был перенесен также на исландские анналы. В результате к более ранним анналам стали относить II, IV–VII и IX (сохранившиеся в рукописях XIV в.), а вторую группу составили анналы I, III, VIII и X (в рукописях XVI и даже XVII в.) (см.: Boulhosa 2010. P. 175–198; см. также: Джаксон 2019).

Какую бы классификацию мы ни использовали, «Королевские анналы» будут среди наиболее ранних. Поэтому они взяты мною за основу. В приводимой ниже таблице порядок следования сведений *s. a.* 1241 отмечен числами от 1 до 10 именно по этим анналам. Соответствующую годовую статью мы находим в восьми анналистических памятниках. Ни в одном случае состав и последовательность известий не совпадают; также появляются дополнительные данные, что в целом не меняет характера содержащейся в статье этого года информации.

Год 1241	I	III	IV	V	VII	VIII	IX	X
Смерть папы Григория IX	7	7	1	1	1243 г.			1
Два года потом папы не было			2					2
Смерть Вальдемара Старого	1	1	3	3	1	1	1	3
Эйрик Вальдемарссон взял власть в Данмёрке			4	4			2	4
Кровопролитие на Дворе Аудуна			5	9	3	6		5
Смерть Орма Йонссона Свинфеллинга	2	2	6	10		2		
Убийство Иллуги Торвальдссона	5	5	7	6		3		
Убийство Снорри Стурлусона	3	3	8	5	2	4		6
Убийство Клэнга Бьярнарсона	4	4	9	7		5	3	
Тартары сражались в Унгарии (Венгрии)	10		10	8				7
Смерть Халльвейг Ормсдоттир	6	6						
Смерть папы Евгения	8	8		2				
Папа Иннокентий — 13 лет / 8 лет / 12 лет	9	9			1242 г.			

гинал оканч. 1310 г.; AM 22 fol, 1600–1625 гг.); IV — «Королевские анналы» («Annales regii», GKS 2087 4°, ок. 1300–1328 гг.); V — «Скальхольтские анналы» («Skálholts-Annaler», AM 420 a 4°, ок. 1362 г.); VI — «Фрагмент анналов из Скальхольта» («Annalbrudstykke fra Skálholt», AM 764 4°, ок. 1360–1380 гг.); VII — «Анналы законоговорителя» («Löggmanns-Annáll», AM 420 b 4°, ок. 1362–1390 гг.); VIII — «Анналы Готтскалка» («Gottskalks Annaler», Holm. perg. 5 8°, ок. 1550–1600 гг.); IX — «Анналы из Книги с Плоского острова» («Flatøbogens Annaler», GkS 1005 fol, 1387–1395 гг.); X — «Анналы жителей Одди» (Oddverjaannáll, AM 417 4°, ок. 1540–1591 гг.).

Тематически события 1241 г. можно разделить на 4 блока: исландские известия; смена власти в Дании; смена римских пап; нападение татар на Венгрию.

О случившемся в Исландии в 1241 г. большей частью говорится в компиляции «саг о современности», известной под названием «Сага о Стурлунгах» («Sturlunga saga», ок. 1300 г.). Во входящей в нее «Саге об исландцах» («Íslendinga saga»), составленной в конце XIII в. Стурлой Тордарсоном (1214–1284), племянником Снорри Стурлусона и не менее знаменитым, чем его дядя, исландским историком и писателем, упоминается смерть Орма Йонссона Свинфеллинга из могущественного семейства жителей Хутора Свиная Гора (гл. 150), подробно описаны убийства знатного исландца Иллуги Торвальдссона из Озерного Фьорда (гл. 147), Снорри Стурлусона, крупнейшего хёвдинга из богатого и влиятельного рода Стурлунгов, скальда и историка (гл. 151), и Клэнга Бьёрнарсона, побратима Стурлы (гл. 153) (см.: Стурла Тордарсон 2007. С. 273–289). И хотя сама сага абсолютных дат не содержит, она выстроена строго по хронологическому принципу, и реконструируемые датировки описанных в ней событий (а все они отнесены к 1241 г.) заслуживают доверия. «Анналы Резена» (I) и «Анналы Хенрика Хёйера» (III) добавляют информацию о смерти в этом же году жены Снорри Стурлусона, Халльвейг Ормсдоттир (о чем «Сага об исландцах» повествует в гл. 149); «Анналы жителей Одди» (X) подробно рассказывают о Снорри Стурлусоне: «он был человеком умным и много знающим, большим хёвдингом ... он сочинил Эдду и много других ученых книг исландских саг» (Oddaannálar og Oddverjaannáll 2003. Bls. 146).

Еще одна сага, написанная Стурлой Тордарсоном и тоже отличающаяся строгой внутренней хронологией, — «Сага о Хаконе Хаконарсоне» («Hákonar saga Hákonarsonar», 1264–1265 гг.) — помещает среди норвежских событий, которые могут быть датированы 1241 г., ряд известий, касающихся мировой истории. В частности, в саге говорится (гл. 243), что на двадцать пятую зиму правления в Норвегии конунга Хакона, т. е. в 1241 г., «во время поста большие события произошли в Данмёрке; тогда умер конунг Вальдимар, сын конунга Вальдимара Кнутссона, который в то время был самым выдающимся конунгом в Нордрлэнд (Северных странах. — *Т. Д.*). Он к тому времени пробыл конунгом в Данмёрке без года сорок лет. К власти пришел после него конунг Эйрик, его сын, который уже пять зим был конунгом вместе со своим отцом. [...] В тот же самый год умер папа Григориус в РOME, и пришел после него Иннокентиус. Этой же осенью Гицур Торвальдссон лишил жизни Снорри Стурлусона в Рейкьяхольте в Исландии» (Hákonar

saga Hákonarsona 1887. Bls. 236–237). Итак, смена власти в Дании и смена римских пап образованным исландцам были известны. Все даты, реконструируемые на основании саги, до известного предела точны. Действительно, конунг Вальдимар Вальдимарссон — датский король Вальдемар II Победоносный, правивший 39 лет, начиная с 1202 г., — умер 28 марта 1241 г. Королем стал его сын, Эйрик IV Плужный Грош (Эйрик Святой) (1241–1251). Папа Григорий IX (1227–1241) умер в августе 1241 г. А вот далее в саге начинаются неточности, которых, кстати сказать, нет в «Королевских анналах». Текст саги прочитывается так, словно Иннокентий пришел на смену Григорию, но папа Иннокентий IV (1243–1251) был избран не сразу: преемник Григория, Селестин IV, избранный в октябре, прожил всего три недели, а после этого папский стол был свободен до июня 1243 г. Именно «Королевские анналы» и дословно их воспроизводящие «Анналы жителей Одди» называют на это: «Два года потом папы не было». Определить источник данного уточнения не удастся — возможно, оно восходит к устной информации, распространявшейся в исландско-норвежских клерикальных кругах (две епископии Исландии — в Скальхольте и Холаре — с 1153 г. подчинялись архиепископу Нидароса), либо было принесено на скандинавский Север возвращавшимися из Рима паломниками.

Обращение к датским анналам, которые возникли раньше исландских (предположительно, в XII в.) и которые, естественно, содержат известия о смерти Вальдемара II и о приходе к власти Эрика IV, дает небезынтересный результат. «Лундские анналы» («*Annales Lundenses*»)² сообщают следующее:

1241. Obiit rex Waldemar 2 5. Kal. Aprilis in uigilia cenæ Domini; et eclipsis solis eodem anno fuit. Et Tartari Ungariam ingrauerunt et deuastauerunt. Et Petrus Strangonis obit Ripis in itinere Ierusalem (Danmarks Midaldalderlige Annaler 1980. S. 63).

1241. Умер король Вальдемар II в 5 календы апреля на службе вечери Господней; и было в этот год солнечное затмение. И тартары напали на Унгарии и опустошили ее. И Петрус Странгонис умер в Рипах по пути в Иерусалим³.

² В основной сохранившейся версии «Лундские анналы» были составлены в архиепископии Лунда ок. 1267 г. В другой версии они были доведены до 1307 г. «С 1130 г. анналы в большей степени концентрируются на описании датской истории. Источником для этой части является вся предшествующая лундская традиция, особенно несохранившийся латинский оригинал Летописи 1074–1255 гг.» (Хусаинов 2019).

³ Переводы цитируемых здесь и ниже датских анналов выполнены А.В. Подосиновым.

В более лаконичном варианте — без упоминания о том, что Петр Странгонис, муж Ингебург, племянницы архиепископа Абсалона (второй дочери его старшего брата Асбьёрна Западня), умер в Рибе по пути в Иерусалим — это известие представлено в «Анналах Рибе» («*Annales Ripenses*»)⁴:

1241. Obiit Valdemarus rex 2 in cena Domini. Tunc uere cecidit corona capitis Danorum 5. Kal. Aprilis. Tunc Tartari Ungariam uastauerunt (Ibid. S. 261).

1241. Умер король Вальдемар Второй во время вечера Господней. Тогда поистине пала корона с главы данов в 5 календы апреля. Тогда тартары опустошили Унгарию.

Итак, датские анналы содержат известие о нападении «тартар»⁵ «на Унгарию». Это событие — покорение Венгрии монголами в апреле 1241 г. — не требует особого комментария. Оно отразилось в многочисленных источниках (см., например: Хаутала 2015. С. 356–439) и буквально потрясло западный христианский мир (Guzman 1971. P. 232). Оно вызвало панику, засвидетельствованную анналистами таких далеких от Венгрии стран, как Голландия и Испания, и подвигло папу Григория в июне того же года к объявлению индульгенции всем тем, кто поднимет крест борьбы за освобождение Венгрии (см. об этом и источники в: Jackson 2014. P. 65–66). Из датских анналов это известие, надо думать, попало в анналы исландские, где сохранилось в практически идентичной версии в четырех анналистических памятниках: I — «*Borduz i Vngaria Tattarar*»; IV — «*Tartarar þorðvz i Vngaria*»; V — «*Tattarar þorðuz í Ungária*» (*Íslandske annaler* 1888. Bls. 25, 131, 189); X — «*Tartarar baurdust j Vngaria*» (*Oddaannálar og Oddverjaannáll* 2003. Bls. 146). В «Анналах из Книги с Плоского острова», однако, та же фраза оказалась написанной с двумя очевидными ошибками переписчика: вместо *Tartarar* в ней читается *Jamtar*, а предлог места *i* («в») заменен на *við* («у, возле, при»), в результате чего получается, что «ямты» (жители «Ямталанда», т. е. Емтланда) сражались «возле Унгарии» (*Flateyjarbók* 1868. Bls. 530: «*Jamtar borduz við Vngaria*»). Как видим, этому переписчику конца XIV в. и реалии, и сама ситуация оказались незнакомы, и он понял это известие так, что у какого-то местечка, называемого «Унгария», сражались жители Емтланда, шведской территории, захваченной в 1178 г. Норвегией.

⁴ «Анналы Рибе», «возможно, были составлены в капитуле при епископской кафедре Рибе. Основаны, главным образом, на Рюдских анналах, а также на Лундских анналах и Зеландской хронике» (Хусаинов 2019).

⁵ Об этнонимах «тартары/тартары» и «монголы» см.: Pow 2019.

Как можно видеть, сообщение исландских «Королевских анналов» под 1241 г. основано на повествованиях исландских саг, относящихся к жанру «саг о современности», а известие о вторжении монголов в Венгрию, с большой вероятностью, заимствовано исландскими «прото-анналами» из анналов датских, в частности «Лундских анналов», куда оно, вне сомнения, дошло по церковным каналам, в первую очередь — через письмо папы Григория IX от 16 июня 1241 г., адресованное «почтенным братьям архиепископам и епископам, а также любезным сыновьям аббатам, приорам, архидиаконам, препозитам и прочим церковным прелатам и клирикам, к кому попадут эти письма», с призывом оказать помощь венгерскому королю Беле IV, потому что «незнающие Бога татарские народы господним попущением частично захватили венгерское королевство» (см.: Григорий IX).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Григорий IX.* Письмо римского папы Григория IX с призывом помогать венгерскому королю Беле IV от 16 июня 1241 г. / Перев. А.С. Досаева // URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/XIII/1240-1260/Gregor_IX/brief_pomos_bele_16_06_1241.phtml?id=9167 (последнее обращение 15.06.2020). [*Grigoriy IX. Pis'mo rimskogo papy Grigoriya IX s prizyvom pomogat' vengerskomu korolyu Bele IV ot 16 iyunya 1241 g.* (A Letter from Pope Gregory IX Calling to Help the Hungarian King Bele IV of June 16, 1241) / Trans. by A.S. Dosaev.]
- Джаксон Т.Н.* *Hófvz Tartarar secundum quosdam*: сведения о татарах в исландских анналах // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 616–635. [*Jackson T.N. Hófvz Tartarar secundum quosdam*: svedeniya o tatarakh v islandskikh annalakh (*Hófvz Tartarar secundum quosdam*: Information on Tatars in Icelandic Annals) // Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review. 2019. T. 7, № 4. S. 616–635.]
- Стурла Тордарсон.* Сага об исландцах / Пер. и коммент. А.В. Циммерлинга. СПб., 2007. [*Sturla Þórðarson. Saga ob islandtsakh (Íslendinga saga)* / Transl. and comment. by A.V. Zimmerling. St.-Peterburg, 2007.]
- Хаутала Р.* От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань, 2015. [*Khautala R. Ot «Davida, tsarya Indiy» do «nenavistnogo plebsa satany».* Antologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh (From “David, King of the Indies” to “Detestable Plebs of Satan”: An Anthology of Early Latin Information about the Tatar-Mongols). Kazan, 2015.]
- Хусаинов В. М.* Датские средневековые анналы о Древней Руси // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 9 (83) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840007498-6-1/> (последнее обращение 15.06.2020).

- [*Khusainov V.* Datskiye srednevekovyye annaly o Drevney Rusi (Danish Medieval Annals on Old Rus') // ISTORIYA. 2019. Vol. 10. Issue 9 (83).]
- Boulhosa P.P.* Of Fish and Ships in Medieval Iceland // The Norwegian Domination and the Norse World, c. 1100 — c. 1400 / Ed. by Steinar Imsen. Trondheim, 2010. P. 175–198.
- Flateyjarbók. En Samling af norske Konge-Sagaer med indskudte mindre Fortællinger om Begivenheder i og udenfor Norge samt Annaler / Guðbrandr Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1860, 1862, 1868. Bd. I–III.
- Guzman G.G.* Simon of Saint-Quentin and the Dominican Mission to the Mongol Baiju: A Reappraisal // *Speculum*. 1971. Vol. 46, № 2. P. 232–249.
- Jackson P.* The Mongols and the West, 1221–1410 (The Medieval World). L.; N.Y., 2014.
- Danmarks Middelalderlige Annaler / Udg. ved E. Kroman. København, 1980.
- Hákonar saga Hákonarsona // Icelandic Sagas, and Other Historical Documents Relating to the Settlements and Descents of the Northmen on the British Isles / Ed. by Guðbrand Vigfusson. L., 1887. Vol. II. P. 1–360.
- Islandske annaler indtil 1578 / Udg. ved G. Storm. Christiania, 1888 (reprint — Oslo, 1977).
- Oddaannálar og Oddverjaannáll / Eiríkur Þormóðsson og Guðrún Ása Grímsdóttir gafur út. Reykjavík, 2003.
- Pow S.* “Nations que se Tartaros appellant”: An Exploration of the Historical Problem of the Usage of the Ethnonyms *Tatar* and *Mongol* in Medieval Sources // *Zolotoordynskoe Obozrenie = Golden Horde Review*. 2019. Vol. 7, № 3. P. 545–567.

Tatjana N. Jackson

TARTARAR BŪRÐVZ I VNGARIA (ANNALES REGII, s. a. 1241)

The paper discusses the entry in the Icelandic “Annales regii” s. a. 1241, containing, among other data, information about the invasion of the Mongols (whom the annals call *Tartarar*) in Hungary. This event shocked the whole Christian Europe and caused panic, witnessed by the annalists of such distant from Hungary countries as the Netherlands and Spain. The mere presence of this information in the Icelandic annals is not particularly surprising, but the issue of penetration of this information onto a distant island in the depths of the Atlantic Ocean is of research interest. As the analysis shows, the main information included in this entry goes back to the narratives of the Icelandic sagas, while the information about the Mongol invasion of Hungary was, with high probability, borrowed by Icelandic “protoannals” from the Danish annals, *Annales Lundenses* in particular, where it is likely to have come to through church channels, primarily through a letter of Pope Gregory IX from June 16, 1241.

Keywords: Tatars, Hungary, Icelandic annals, Icelandic sagas, Danish annals

DOI: 10.32608/1560-1382-2021-42-562-568

Е.А. Мельникова

«СОКРОВИЩА БЪЯРМИИ»: ИСТОКИ МОТИВА¹

В рассказах исландских королевских и викингских саг о поездках в Бьярмаланд, как правило, используется мотив сокровищ, хранящихся в святилище бога Йомали, которое грабят викинги. Происхождение мотива неясно, поскольку земли, охватываемые хоронимом Бьярмаланд — Беломорье и Подвинье — крайне бедны находками серебряных изделий и монет. Однако пролонгация Балтийско-Волжского пути на восток во второй половине VIII в. открыла возможности непосредственных контактов скандинавов с Прикамьем, чрезвычайно богатым серебряными изделиями Сасанидского Ирана, Согда, Хорезма, Византии. Связи с Прикамьем северо-запада Восточной Европы и Восточной Скандинавии маркируются распространением в Волховско-Ильменьском регионе, на северном побережье Финского залива, в Средней Швеции и на о. Готланд поясов неволинского типа, некоторых видов бус, с одной стороны, и отложением кладов серебряных монет и возникновением крупного ремесленного центра Иднакар на р. Чепца в совр. Удмуртии. Следы пребывания здесь скандинавов могут служить граффити на восточных монетах из найденных здесь кладов, а также влияния на гривны глазовского типа. Рассказы о богатствах Прикамья побывавших здесь скандинавов могли послужить импульсом для формирования мотива о сокровищах, местонахождение которых было перенесено в значительно более знакомый, но все же неопределенный и лежащий на краю ойкумены Бьярмаланд.

Ключевые слова: Бьярмаланд, мотив сокровищ, Прикамье, скандинаво-прикамские связи

Представления о географии Восточной Европы в мусульманском мире — одна из основных тем научного творчества Т.М. Калининой². Важнейшей составной частью этой проблематики является изучение систем коммуникаций, от трансконтинентальных до локальных, связывавших центры и их округу, но также их оценка и как путей передачи информации, и как средства структурирования пространства (см. материалы в кн.: ДГ 2009). Дальние пути античности и средневековья служили также проводниками культурных импульсов и влияний. В нижеследующей заметке,

---

¹ Статья написана в ходе работы над проектом, поддержанным ОГОН-РФФИ № 18-09-00433\18.

² См. статьи Т.М. Калининой в настоящем томе.

посвященной юбилею Т.М. Калининой, пойдет речь об одном распространенном в древнеисландской литературе мотиве, вероятно, пришедшем в Скандинавию по трансконтинентальному Балтийско-Волжскому пути.

В исландских королевских сагах, написанных в конце XII — XIII в. и повествующих о норвежских конунгах, и в сагах о викингах, посвященных деяниям скандинавов в IX—X вв., неоднократно рассказывается о поездках в Бьярмаланд (*Bjarmaland*). Локализация Бьярмаланда в различных источниках противоречива, а этимология этнонима др.-сканд. *Bjarmar*, др.-англ. *Beormas* спорна. Впервые упоминаемые в рассказе халогаландца Оттара (др.-англ. Охтхере) уэссекскому королю Альфреду Великому о своем плавании на север (кон. IX в.), *Beormas* помещаются им, вероятно, в районе Кандалакшского залива. Скальдические стихи в XI в. и королевские саги отодвигают Бьярмаланд в устье Северной Двины, в большинстве викингских саг (XIII—XIV вв.) его местоположение неопределенно, хотя часто связывается с Подвиньем. Из некоторых сообщений саг и из географических трактатов (XII—XIII вв.) явствует, что в представлениях скандинавов XIII в. Бьярмаланд граничил с Русью (подр. см.: Мельникова 1986. С. 197–200; Jackson 2002; Джаксон 2012. С. 639–641).

В описания, как, вероятно, реальных, так и вымышленных плаваний норвежцев в Беломорье включаются рассказы или упоминания бьярмийских святилищ, в которых хранятся несметные богатства: серебряные украшения, сосуды и монеты. Например, в «Саге об Олаве Святом» Снорри Стурлусон повествует о, по мнению исследователей, действительно имевшей место поездке норвежцев Карли и Торира Собаки в Бьярмию по поручению Олава — за мехами. Викинги проникают в огражденное святилище бога Йомали и набирают золото и серебро, перемешанное с землей в насыпи кургана, сколько могут унести, Торир забирает серебряную чашу, полную серебра, стоящую на коленях статуи Йомали, а Карли срубает драгоценное ожерелье с шеи Йомали (Джаксон 2012. С. 278). В викингской «Саге об Одде Стреле» в какой-то момент своих странствий Одд оказывается в Бьярмаланде, рассчитывая на поживу. Ему рассказывают, что «у реки Вины (Северная Двина. — Е. М.) стоит курган. Он сложен из двух частей, серебра и земли. Туда приносят пригоршню серебра за каждого человека, который покидает этот мир, как и за того, кто в этот мир приходит, и столько же земли» (*Orvarr Odds saga*. Кар. 4). Особенно подробно и неоднократно святилище бьярмов описывается в «Саге о Стурлауге Трудолюбивом». В числе других фантастических приключений Стурлауга в поисках священного рога Урархорна, «полного яда и колдовства», говорится о его набеге на Бьярмаланд, где, как выясняется, и хранится

золотой рог. «...В Бьярмаланде стоит большой храм. Посвященный Тору и Одину, Фригг и Фрейе, он искусно сделан из дорогого дерева. [Одни] двери храма смотрят на северо-запад, а другие — на юго-запад... На почетном месте на возвышении сидит Тор. Прямо перед ними стоял стол, полный серебра... дальше перед Тором лежит Урархорн, такой сияющий, как если смотришь на золото. Он полон яда. Он (Стурлауг. — *Е. М.*) увидел там висящие шахматные фигуры и доску, сделанные из светлого золота. Сверкающие одеяния и золотые кольца были прикреплены к шестам» (Глазырина 1996. С. 150–153). Жители Бьярмаланда в викингских сагах наделяются таким богатством, что жертвенному животному они бросали в пасть «золото и серебро» (Там же. С. 162–163). В викингской «Саге о Боси» Боси и его спутники находят в святилище «столько золота, что его было больше, чем можно унести. Они подошли к алтарю, где сидел Йомали. Они сняли с него золотую корону, выложенную двенадцатью драгоценными камнями, и ожерелье ценой в 300 золотых марок, а с его колен взяли серебряную чашу, столь большую, что и четыре человека не могли бы опустошить ее. Она была полна красного золота...» (*Bósa saga*. Кар. 8). Эти и другие схожие описания и упоминания о богатой добыче, захваченной викингами в Бьярмаланде, не оставляют сомнения в том, что Бьярмаланд ассоциировался с изобилием серебра (упоминания золота встречаются в наиболее поздних сагах) и его скоплением в святилищах Йомали (*Jómali*, финн. *Jumala* — небесное божество в общезинской мифологии). Г.В. Глазырина справедливо выделила повествования о сокровищах бьярмов в качестве особого литературного мотива, имевшего широкое хождение в скандинавском обществе (Глазырина 1993), и предположила, что описание языческого храма в Упсале у Адама Бременского послужило источником для соответствующего повествования в «Саге о Стурлауге Трудолюбивом», где упоминаются идолы Тора и Одина, — в противоположность всем другим рассказам, где речь идет о святилище Йомали (Глазырина 1996. С. 184–185, примеч. 97).

Однако Беломорье, Подвинье и Заволочье — области, которые могли охватываться хоронимом Бьярмаланд, — крайне бедны серебром: находки серебряных изделий и монет здесь единичны. Эти регионы славились пушниной, за которой и посылает Торира Собаку Олав Харальдссон, а отнюдь не концентрацией восточных монет или изделий из драгоценных металлов. Реальные поездки скандинавов в Бьярмаланд, таким образом, отразились в рассказах о сражениях викингов с местными жителями, но они никак не могли породить мотив о сокровищах Бьярмаланда. Тем не менее, в саговой литературе, а, значит, и в

представлениях, бытовавших в исландском (по меньшей мере) обществе, Бьярмаланд прочно ассоциировался с несметными сокровищами.

Подобного рода мотивы, широко представленные в сагах, особенно викингских, допускавших включение фольклорных сюжетов и мотивов, не возникали на пустом месте, а в той или иной степени и форме отражали некие реалии или явления (Мельникова 2020). Вряд ли игрой воображения был и мотив «сокровищ Бьярмаланда». Вероятнее, что в своих поездках на северо-восток Восточной Европы, охватываемый расплывчатым хоронимом Бьярмаланд, скандинавы, хотя бы изредка, попадали в регионы, действительно насыщенные серебряными изделиями и монетами. Таким регионом, прежде всего, было Прикамье, где в изобилии (более 100 кладов) представлены серебряные изделия, сосуды, посуда, из Сасанидского Ирана (до 75%: Белавин 2013. С. 51–32), Согда, Хорезма, Хорасана, Византии (Даркевич 1976; Белавин 2013; Goldina, Goldina 2018. P. 173). Однако северо-восточный участок Балтийско-Волжского пути, с которым связан этот регион, мало привлекал внимание скандинавистов.

Исследование Балтийско-Волжского пути имеет давнюю и обширную традицию (Загоскин 1910; Дубов 1989; Коновалова, Мельникова 2018. С. 51–75), и его кардинальное значение для экономического и социального развития народов Восточной Европы и Скандинавии общепризнано. Детально исследованы и отдельные его участки, особенно на северо-западе Восточной Европы на отрезке Ладожское озеро — Верхняя Волга (Носов 1976; Исланова 1994; Носов 1999 и др.), где особо отмечается множественность возможных переходов из Ладожского озера и оз. Ильмень на Волгу (Леонтьев, Носов 2012. С. 394–395). Второй хорошо изученный участок, которому традиционно отводится главная роль в выходе из Приильменя на Среднюю Волгу, — от Ярославского Поволжья через Волго-Окское междуречье на Оку (Там же. С. 395). Этот путь хорошо документирован кладами восточных монет, скандинавскими древностями и импортами, несколькими торгово-ремесленными центрами (Коновалова, Мельникова 2018. С. 73–76). По общему мнению, магистральный путь из Волховско-Ильменского региона достигал Ярославского Поволжья с крупными торговыми центрами у дер. Тимерёво, Михайловское и Петровское, а затем сворачивал на юг, на Оку. Северо-восточный участок Волги, вплоть до Булгара, по общему мнению, практически не использовался, и археологические следы функционирования крупного торгового пути здесь отсутствуют (Там же. С. 70–71; Леонтьев, Носов 2012. С. 395).

Однако это не совсем так. В Костромском Заволжье известно несколько синхронных, как правило неукрепленных поселений небольшо-

го размера, расположенных на некотором удалении от крупных водных путей на небольших речках, но обнаруживающих следы развитого ремесленного производства и присутствие импортных изделий. С.Д. Захаров отмечает их чрезвычайное сходство с городищем Крутик на Белом озере на раннем этапе его существования — во второй половине IX в. (Захаров 2012. С. 232). Это поселение Унорож в бассейне р. Вёкса (Рябинин 1992), Дурасовское городище на р. Стережа под Костромой (Там же), возможно, Поповское городище на р. Унже. На городище Унорож найдены предметы балтийского происхождения и дирхемы начала X в. (Леонтьев, Носов 2012. С. 395, примеч. 2). По мнению С.Д. Захарова, «как и в случае с Крутиком, можно обоснованно полагать, что основным источником материального благосостояния и наличия большого количества привозных изделий в руках местных жителей был пушной промысел» (Захаров 2012. С. 232). Добыча пушнины в значительных размерах была важнейшим средством включения местного населения в систему международной торговли по Волжскому пути в IX–X вв.: меха, наряду с рабами, были основным предметом экспорта на восток. Вероятно, поставлявшие в торговую сеть пушнину, эти поселения входили в зону Волжского пути и находились на его ответвлениях, как, например, городище Унорож, которое предположительно стояло на пути по р. Костроме к Галичскому озеру (Леонтьев, Носов 2012. С. 395). Разветвленная речная сеть на левобережье Волги к востоку от Ярославского Поволжья создавала благоприятные условия для доставки пушнины к центральной магистрали. Однако на самой Волге к востоку от Ярославля торговых центров, где добытые меха могли бы сбываться, не обнаружено.

Вместе с тем о возможном использовании этого участка пути говорят другой комплекс материалов. В топографии кладов IX в. выделяется достаточно представительное скопление кладов арабских дирхемов далеко к востоку от Ярославского Поволжья — в Прикамье³ (см. карту).

Это — самый восточный комплекс IX в. в ареале арабского серебра в Восточной Европе. Он состоит из пяти кладов, два из которых найдены на территории Кировской области и три — в Удмуртии (см. обзор: Седых 2004). По младшей монете все клады датируются концом VIII — первой половиной IX в. Самый ранний из них современен ладожским: он содержит младшую монету 784/785 г. (г. Глазов, городище Иднакар:

---

³ Кладов второй половины IX в. в Прикамье не найдено. X в. представлен четырьмя кладами с большим разбросом как во времени, так и в пространстве: 900-х гг. (Верхотурье; Гомзин 2012. № 8), 910–920-х гг. (Богдановская; Гомзин 2012. № 15), 970–990-х гг. (Рябиновское; Гомзин 2012. № 86), X в. без точной датировки (Горбуново; Гомзин 2012. № 125).

Кулешов 2012. № 87). Единственная определенная монета из клада в Лелеки чеканена в 802/803 г. (Noonan 1981. № 5; Кулешов 2012. № 39), младшая монета из Вятского клада — в 835 г. (Noonan 1981. № 35; Кулешов 2012. № 37), Лесогуртского клада — в 841/842 г. (Noonan 1981. № 39; Кулешов 2012. № 39) и из клада из Ягошур (1500 дирхемов) — в 842/843 г. (Noonan 1981. № 40; Кулешов 2012.

№ 44). Клады расположены цепочкой вдоль р. Чепцы с выходом в междуречье Вятки и Ветлуги и как бы маркируют путь из верховьев Камы и Вятки в бассейн Волги. Вряд ли подобное скопление кладов, компактных по хронологии их отложения — конец IX — первая половина X в., — можно считать случайным, как и возникновение в IX в. крупнейшего в регионе городища Иднакар (Иванова 1998). Не имевший, как полагают его исследователи, политического значения, Иднакар был развитым ремесленным центром, окруженным сельскохозяйственной и промысловой округой, и занимал важное стратегическое положение. На территории городища был найден и один из кладов дирхемов — Глазовский, содержащий 47 монет. Все эти данные с большой вероятностью указывают на включение региона в сложившуюся к этому времени систему международной торговли по Балтийско-Волжскому пути с начала IX в. Его вкладом была пушнина и ремесленные изделия. Вряд ли можно полагать, что активные участники этой торговли, скандинавы, полностью игнорировали возможности этого региона, тем более, что западные связи Верхнего Прикамья, распространявшиеся вплоть до Средней Швеции, зародились существенно раньше⁴ (Голдина, Голдина 1997; Goldina, Goldina 2018).

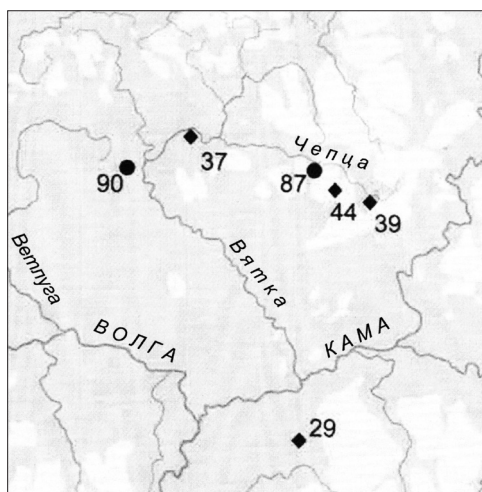

Рис. 1. Клады восточных монет IX в. в Прикамье: ● — клады 800–810-х гг.; ◆ — клады 820–840-х гг.

Fig. 1. Hoards of Oriental Coins of the 9th century in Prikamye: ● — Hoards of the 800–810s; ◆ — Hoards of the 820s — 840s.

⁴ По предположению Д.А. Мачинского и В.С. Кулешова, исходивших прежде всего из сообщения Иордана о «державе Германариха», путь из Центральной Швеции через Приладожье в Прикамье возник не позднее II в. и интенсивно функционировал во второй половине IV — первой половине VI в. (Мачинский,

Фрагменты характерных для неволинской культуры наборных поясов, датируемых второй половиной VII — VIII в., известны в Тимерёве, Ладогe, в южной Финляндии и Средней Швеции (Крыласова, Белавин 2001; Goldina, Goldina 2018). Древнейшая их находка происходит из одного из «королевских» курганов Старой Упсалы (Мейнандер 1979. С. 36–37). К настоящему времени известно 19 находок деталей неволинских поясов на северном побережье Финского залива (Босенко 2007. С. 81; Goldina, Goldina 2018. Р. 170), причем все они связаны с мужскими захоронениями, вероятно воинскими, — в рамках неволинской культуры это были женские пояса, наделенные сакральными функциями. Предполагается, что и вне ареала неволинской культуры пояса или их детали сохраняли сакральное значение, хотя и изменившее гендерную принадлежность, но с уверенностью, думается, можно говорить прежде всего о престижности и статусности этих серебряных предметов.

Другим ярким показателем западных, включая Скандинавию, связей Верхнего Прикамья являются бусы. Три выделенных Ю. Калльмером типа бус, имеющих ближневосточное происхождение, миллефиори с желто-красным глазком и темно- или светло-зелеными лучами, «амethystовые» круглые и сердоликовые сферические, встречаются на Кавказе, Дону, Волге, Каме и в Скандинавских странах, прежде всего, в Средней Швеции. Первые из них — древнейшие восточные бусы в Балтийском регионе, поступление которых началось с последней четверти VIII в. (Callmer 1989. Р. 27–29; см. также карты в: Goldina, Goldina 2018. Р. 175–176, fig. 5–7). В самом же Прикамье все эти типы восточных бус появляются существенно раньше, чем в Скандинавии, уже в VI в., и они имели хождение вплоть до начала IX в. (Goldina, Goldina 2018. Р. 176).

По мнению всех исследователей, приток неволинских поясов и ближневосточных бус из Прикамья в Скандинавию позволяет «с уверенностью говорить о контактах неволинского и скандинавского населения в VII–VIII вв. Вероятнее всего, эти контакты носили характер торгового обмена» (Босенко 2007. С. 81) и были связаны с дальней торговлей в лесной зоне Восточной Европы с выходом в Скандинавию (Callmer 1989. Р. 25, 34–35; Goldina, Goldina 2018. Р. 177). Важнейшим фактором, обеспечивавшим региону участие в международной торговле, была пушнина. Ее добыча, судя по остеологическим материалам, носила «рыночный» характер: кости пушных зверей (бобра, медведя, лисы, белки, выдры и др.) составляют 50–70% все диких животных, а

Кулешов 2004. С. 67). Согласно исследованию С.В. Кузьминых, контакты Прикамья с северо-западом Восточной Европы были установлены уже в середине I тыс. до н.э. (Кузьминых 1983).

на городище Иднакар на р. Чепца кости бобра образуют 44,6% костей всех животных и 54,6% диких животных (Goldina, Goldina 2018. P. 166). Также в торговую сеть попадали и изделия прикамских ремесленников, прежде всего те же неволинские пояса, глазовские гривны и др.

Отсутствие собственно скандинавских древностей в Прикамье, которые появляются в незначительном количестве в IX–X вв., дает основание «надеяться, что именно они (носители неволинской культуры. — *Е. М.*) освоили в это время Волго-Балтийский торговый путь, который в конце VIII — IX в. превратился в полноводную трансевропейскую магистраль, снабжавшую Скандинавию восточным серебром» (Голдина, Голдина 1997. С. 13). Однако некоторые следы пребывания скандинавов в Прикамье все же есть. На ряде восточных монет из перечисленных кладов Прикамья выявлены граффити разных типов, в том числе свастики и руноподобные знаки (Hårdt 2016. P. 39–44). Некоторые исследователи усматривают скандинавское влияние на происхождение — в целом местное — серебряных гривен так наз. глазовского типа, которые имели наибольшее распространение в Прикамье (их ареал захватывает и Волго-Окское междуречье; см.: Иванов 1998. С. 75; Hårdt 2016). Они существуют с неволинскими поясами и продолжают бытовать во второй половине VIII — IX, доживая до начала XI в. (Зеленцова 2018. С. 320). Гривны этого типа часто входят в состав денежно-вещевых кладов, например, Лесогурского клада (список кладов см.: Иванов 1998. С. 75) и имеют стандартный вес 200 и 100 г, что дает основания считать их не столько украшениями, сколько платежными средствами в трансевропейской торговле пушниной (Иванов 1998. С. 76; Hårdt 2016. P. 65; Callmer 2015. С. 16). В качестве крупного средства платежа гривны глазовского типа достигали Балтийского региона, и их находки отмечены в Дании, на о. Эланд и Готланд, а также в северном Голштейне (Hårdt 2016. P. 13–19).

Эти находки и наблюдения позволяют предполагать проникновение скандинавов в Прикамье, однако их поездки в этот отдаленный регион вряд ли могли быть регулярными и масштабными. Именно поэтому на северо-восточном участке Балтийско-Волжского пути⁵ необходимости в стационарных торговых центрах и крупных стоянках для купцов

---

⁵ «Пермский путь» на запад мог иметь различные маршруты как по Вятке — Каме — Волге, так и севернее — с волоковыми переходами с Вятки на Ветлугу и через приток Волги Унжу, впадающую в Волгу немного восточнее Ярославского Поволжья, или же через Каму — Волгу — Шексну — Белое оз. — Ковжу — Вытегру и Свирь в Ладожское озеро и далее через Неву в Финский залив. Этот последний путь отмечен находкой фрагментов не менее 5 неволинских поясов на р. Андога (бассейн Шексны) (Goldina, Goldina 2018. P. 171).

не возникало. Однако личное знакомство пусть и немногочисленных скандинавских купцов, побывавших в Прикамье, с изобилием здесь серебра должно было вылиться в рассказы о несметных сокровищах далеких земель. Воспоминания очевидцев давали импульс к формированию представлений, отразившихся позднее в виде мотива о богатстве этих земель. Перенос места пребывания «сокровищ» в Бьярмаланд был вполне закономерен: значительно более знакомый скандинавам, но также достаточно туманный и расплывчатый регион охватывал земли на северо-восточной окраине обитаемого мира — «от Бьярмаланда лежит незаселенная земля» сообщает географический трактат, написанный не позднее первой половины XIV в. (Мельникова 1986. С. 159). Замене Прикамья Бьярмаландом способствовало сходство природных условий (тайга), языковая принадлежность местных жителей к финно-угорской группе, но, прежде всего, общее направление маршрута, что в древнескандинавской системе ориентации в пространстве имело особенно важное значение.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Белафин А.М.* «Серебро закамское» в истории и археологии пермского Предуралья // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2013, № 2. С. 50–61. [*Belavin A.M.* «Serebro zakamskoe» v istorii i arheologii permskogo Predural'ya (Beyond-the-Kama Silver' in the History and Archaeology of the Perm' Pre-Urals) // Vestnik Permskogo nauchnogo centra UrO RAN. 2013, № 2. S. 50–61.]
- Босенко И.В.* Этнокультурные связи неволинской культуры (по материалам бронзовых украшений) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь, 2007. Вып. 4. С. 76–83. [*Belavin A.M.* Etnokul'turnye svyazi nevolinskoj kul'tury (po materialam bronzovyh ukrashenij) (Ethno-cultural Connections of the Nevolin Archaeological Culture (on the Basis of Bronze Ornaments)) // Trudy Kamskoj arheologo-etnograficheskoj ekspeditsii. Perm, 2007. Vol. 4. S. 76–83.]
- Великий Волжский путь. Мат-лы Круглого стола и междунар. науч. семинара (Казань, 28–29 августа 2000 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 2001. [*Velikij Volzhskij put'*. Mat-ly Kruglogo stola i mezhdunarodnogo nauchnogo seminar (The Great Volga Route. Materials of the Round Table and International Scientific Seminar. Kazan, August, 28–29, 2000) / Ed. by F.Sh. Huzin. Kazan, 2001.]
- Глазырина Г.В.* Викинги в святилище бьярмов. Трансформация сюжета в исландских сагах // XII конф-ция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М., 1993. Т. I. С. 84–86. [*Glazyrina G.V.* Vikingi v svyatilishche b'yarmov. Transformaciya syuzheta v islandskih sagah (Vikings in the Sanctuary of the Bjarms: Transformation of the Story in

- Icelandic Sagas) // XII konferenciya po izucheniyu istorii, ekonomiki, literatury i yazyka Skandinavskih stran i Finlyandii. Moscow, 1993. T. I. S. 84–86.]
- Глазырина Г.В.* Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996. [*Glazyrina G.V.* Islandskie vikingskie sagi o Severnoj Rusi (Icelandic Vikings' Sagas on Northern Rus'). Moscow, 1996.]
- Голдина Р.Д., Голдина Е.В.* Скандинавия и Верхнее Прикамье: контакты во второй половине I тыс. н. э. // Шведы и Русский Север / Отв. ред. В.В. Низов. Киров, 1997. С. 5–23. [*Goldina R.D., Goldina E.V.* Skandiniaviya i Verhnee Prikam'e: kontakty vo vtoroj polovine I tys. n. e. (Scandinavia and the Upper Kama Region: Contacts in the Second Half the 1st Millennium AD) // Shvedy i Russkij Sever / Ed. by V.V. Nizov. Kirov, 1997. S. 5–23.]
- Гомзин А.А.* Карта восточноевропейских кладов куваческих монет X–XI вв. // Русь в IX–X вв.: Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2012. С. 390–393. [*Gomzin A.A.* Karta vostochnoevropskikh kladov kuficheskikh monet X–XI vv. (Map of the East-European Hoards of Cufic Coins of the 10th and 11th Centuries) // Rus' v IX–X vv.: Arheologicheskaya Panorama / Ed. by N.A. Makarov. Moscow, 2012. S. 390–393.]
- Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной торетики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М., 1976. [*Darkevich V.P.* Hudozhestvennyj metall Vostoka VIII–XIII vv.: Proizvedeniya vostochnoj toreтики na territorii Evropejskoj chasti SSSR i Zaural'ya (Artistic Oriental Metal of the 8th–13th Centuries: Products of Oriental Toreutics in the European Part of the USSR). Moscow, 1976.]
- Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. 2-е изд. М., 2012. [*Jackson T.N.* Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoj Evrope (Icelandic Kings' Sagas on Eastern Europe). 2-e izd. Moscow, 2012.]
- Древнейшие государства Восточной Европы, 2003 г.: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен / Отв. ред. тома Т.Н. Джаксон. М., 2009. [*Drevnejshie Gosudarstva Vostochnoj Evropy, 2003: Transkontinental'nye i lokal'nye puti kak sociokul'turnyj fenomen (Ancient States of Eastern Europe, 2003: Transcontinental and Local Routes as a Socio-cultural Phenomenon) / Ed. by T.N. Jackson. Moscow, 2009.]*
- Дубов И.В.* Великий Волжский путь. Л., 1989. [*Dubov I.V.* Velikij Volzhskij put' (The Great Volga Route). Leningrad, 1989.]
- Загоскин Н.П.* Русские водные пути и судовое дело в до-петровской России. Казань, 1910. [*Zagoskin N.P.* Russkie vodnye puti i sudovoe delo v do-petrovskoj Rossii (Russian Water-ways and Ship Production in the Pre-Peter the Great Russia). Kazan, 1910.]
- Захаров С.Д.* Белоозеро // Русь в IX–X вв.: Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2012. С. 212–239. [*Zaharov S.D.* Belozero // Rus' v IX–X vv.: Arheologicheskaya panorama / Ed. by N.A. Makarov. Moscow, 2012. S. 212–239.]
- Зеленцова О.В.* О ранней дате и месте гривен глазовского типа в древностях поволжских финнов // Земли родной минувшая судьба... К юбилею

- А.Е. Леонтьева. М., 2018. С. 314–322. [*Zelencova O.V.* O rannej date i meste griven glazovskogo tipa v drevnostyah povolzhskih finnov (On the Early Date and the Place of Glazov Type Neck-Rings in the Antiquities of the Volga-Region Finns) // *Zemli rodnoj minuvshaya sud'ba...* K yubileyu A.E. Leont'eva. Moscow, 2018. S. 314–322.]
- Иванов А.Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск, 1998. [*Ivanov A.G.* Etnokul'turnye i ekonomicheskie svyazi naseleniya bassejna Chepcy v epohu srednevekov'ya (Ethno-cultural and Economic Connections of the Population of the Chepts Basin in the Middle Ages). Izhevsk, 1998.]
- Иванова М.Г.* Иднакар: древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск, 1998. [*Ivanova M.G.* Idnakar: drevneudmurtское gorodishche IX–XIII vv. (Idnakar: an Old Udmurtian Fortified Site of the 9th–13th Centuries). Izhevsk, 1998.]
- Исланова И.В.* Водные пути в восточной части Новгородской земли в IX–XIII вв. // РА. 1994, № 1. С. 26–32. [*Islanova I.V.* Vodnye puti v vostochnoj chasti Novgorodskoj zemli v IX–XIII vv. (Water Ways in the Eastern Part of the Novgorod Land in the 9th–13th Centuries) // *Rossijskaya arheologiya*. 1994, № 1. S. 26–32.]
- Коновалова И.Г., Мельникова Е.А.* Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций IX–X веков. М., 2018. [*Konvalova I.G., Melnikova E.A.* Drevnyaya Rus' v sisteme evrazijskih kommunikacij IX–X vekov (Ancient Rus' in the System of Eurasian Communications of the 9th and 10th Centuries). Moscow, 2018.]
- Крыласова Н.Б., Белавин А.М.* Неволинские пояса в системе международных связей // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. В чтения памяти А. Мачинской. СПб., 2001. С. 88–94. [*Krylasova N.B., Belavin A.M.* Nevolinskie poyasa v sisteme mezhdunarodnyh svyazej (Nevolin Belts in the System of International Connections) // *Migracii i osedlost' ot Dunaya do Ladogi v pervom tysyacheletii hristianskoj ery. V chteniya pamyati A. Machinskoj*. St.-Petersburg, 2001. S. 88–94.]
- Кузьминых С.В.* Metallургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983. [*Kuz'minyh S.V.* Metallurgiya Volgo-Kam'ya v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze)). Moscow, 1983.]
- Кулешов В.С.* Карта восточноевропейских кладов куфических монет VIII–IX вв. // Русь в IX–X вв.: Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2012. С. 387–388. [*Kuleshov V.S.* Karta Vostochnoevropijskih kladov kuficheskikh monet VIII–IX vv. (Map of the East-European Hoards of Cufic Coins of the 8th and 9th Centuries) // *Rus' v IX–X vv.: Arheologicheskaya panorama* / Ed. by N.A. Makarov. Moscow, 2012. S. 387–388.]
- Леонтьев А.Е.* Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 3–9. [*Leont'ev A.E.* Volzhsko-Baltijskij torgovuj put' v IX v. (Baltic-Volga Trade Route in the 9th Century) // *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii*. 1986. Vol. 183. S. 3–9.]
- Леонтьев А.Е., Носов Е.Н.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII–X в. // Русь в IX–X вв.: Археологическая панорама / Отв. ред.

- Н.А. Макаров. М., 2012. С. 383–401. [*Leont'ev A.E., Nosov E.N. Vostochnoevropejskie puti soobshcheniya i torgovye svyazi v konce VIII–X v. (East-European Communications and Trade Connections in the Late 8th to 10th Century) // Rus' v IX–X vv.: Arheologicheskaya panorama / Ed. by N.A. Makarov. Moscow, 2012. S. 383–401.]*
- Мачинский Д.А., Кулешов В.С.* Северные народы середины IV — первой половины VI в. в «Getica» Иордана // Ладога и Глеб Лебедев. VIII чтения памяти А. Мачинской / Науч. ред. Д.А. Мачинский. СПб., 2004. С. 26–72. [*Machinskij D.A., Kuleshov V.S. Severnye narody serediny IV — pervoj poloviny VI vv. v «Getica» Iordana (Northern People of the Mid-4th — First Half of the 6th Century in Jordanes's Getica) // Ladoga i Gleb Lebedev. VIII chteniya pamyati A. Machinskij / Ed. by D.A. Machinskij. St.-Petersburg, 2004. S. 26–72.]*
- Международные связи, торговые пути и города средневекового Поволжья IX–XII веков. Мат-лы междунар. симпозиума (Казань, 8–10 сентября 1999 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 1999. [*Mezhdunarodnye svyazi, torgovye puti i goroda srednevekovogo Povolzh'ya IX–XII vekov (International Connections, Trade Routes, and Towns of the Medieval Volga Region in the 9th–12th Centuries). Materials of the International Symposium (Kazan, September 8–10, 1999) / Ed. by F.Sh. Huzin. Kazan, 1999.]*
- Мейнандер К.Ф.* Биармы // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 35–40. [*Mejnander K.F. Biarmy (The Bjarms) // Finno-ugry i slavyane. Leningrad, 1979. S. 35–40.]*
- Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. [*Melnikova E.A. Drevneskandinavskie geograficheskie sochineniya (Old Scandinavian Geographical Treatises). Moscow, 1986.]*
- Мельникова Е.А.* Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков: Мат-лы междунар. симпозиума (Казань, 8–10 сентября 1998 г.). Казань, 1999. С. 80–87. [*Melnikova E.A. Baltijsko-Volzhsij put' v rannej istorii Vostochnoj Evropy (The Baltic-Volga Route in the Early History of Eastern Europe) // Mezhdunarodnye svyazi, torgovye puti i goroda Srednego Povolzh'ya IX–XII vekov: Materialy mezhdunar. simpoziuma (Kazan, 8–10 september 1998). Kazan, 1999. S. 80–87.]*
- Мельникова Е.А.* Мотив как форма репрезентации исторической памяти: Скандинавы в Восточной Европе в IX–X вв. в отражении древнеисландских викингских саг // *Arbog mundi: Vestnik RGGU. Ser.: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya.* 2020, № 1. С. 26–40. [*Melnikova E.A. Motiv kak forma reprezentacii istoricheskoi pamyati: Skandinav v Vostochnoj Evrope v IX–X vv. v otrazhenii drevneislandskih vikingskih sag (Motif as a Form of the Representation of Historical Memory: Scandinavians in Eastern Europe in the 9th and 10th Centuries as Depicted in the Old Icelandic 'Viking' Sagas) // Arbog mundi: Vestnik RGGU. Ser.: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. 2020, № 1. S. 26–40.]*
- Носов Е.Н.* Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII–IX вв. // Вспомогательные исторические дисциплины.

1976. Вып. 8. С. 95–110. [*Nosov E.N.* Numizmaticheskie dannye o severnoj chasti baltijsko-volzhsкого пути конца VIII–IX vv. (Numismatic Evidences on the Northern Part of the Baltic-Volga Route in the Late 8th and 9th Centuries) // *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny*. 1976. Vol. 8. S. 95–110.]
- Носов Е.Н.* Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // *Великий Новгород в истории средневековой Европы*. М., 1999. С. 157–170. [*Nosov E.N.* Rechnaya set' Vostochnoj Evropy i eyo rol' v obrazovanii gorodskih centrov Severnoj Rusi (River Network of Eastern Europe and its Role in the Emergence of Towns in Northern Rus') // *Velikij Novgorod v istorii srednevekovoj Evropy*. Moscow, 1999. S. 157–170.]
- Седых В.Н.* О находках сасанидских и куфических монет на территории Удмуртии (материалы к топографии) // XII Всеросс. нумизматическая конф. (Москва, 19–24 апреля 2004 г.). М., 2004. С. 55–57. [*Sedyh V.N.* O nahodkah sasanidskih i kuficheskikh monet na territorii Udmurtii (materialy k topografii) (On the Finds of Sasanian and Cufic Coins in Udmurtia) // XII Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferenciya (Moscow, 19–24 april 2004). Moscow, 2004. S. 55–57.]
- Bósa saga ok Herrauðs / Guðni Jónsson og Bjarni Víkhjálmsón gaf út. URL: http://www.heimskringla.no/wiki/B%C3%B3sa_saga_ok_Herrau%C3%B0s (последнее обращение: 10.09.2020).
- Callmer J.* The Beginning of the East European Trade Connections of Scandinavia and the Baltic Region in the 8th and 9th Centuries A.D. // *International Conference on Early Middle Ages*. Szeksard, 1989. P. 19–51.
- Callmer J.* The Background and the Early History of the Neck Rings of the Glazov Type (Also Called Permian) and the Beginning of East-West Connections in Early Medieval Northern Europe in the 8th and 9th Centuries // *Small Things Wide Horizons. Studies in honour of B. Hårdt*. Oxford, 2015. P. 13–19.
- Goldina E., Goldina R.* On North-Western Contacts of Perm Finns in the VII–VIII Centuries // *Estonian Journal of Archaeology*. 2018. Vol. 22/2. P. 163–180.
- Hårdt B.* The Perm'/Glazov Rings. Contacts and Economy in the Viking Age between Russia and the Baltic Region (*Acta archaeologica lundensia*. Ser. in 8, № 67). Lund, 2016.
- Jackson T.N.* Bjarmaland Revisited // *Acta Borealia*. 2002, № 2. P. 165–179.
- Noonan Th.* Ninth-Century Dirham Hoards from European Russia: A Preliminary Analysis // *Viking-Age Coinage in the Northern Lands: The Sixth Oxford Symposium on Coinage and Monetary History* / Ed. by M.A.S. Blackburn and D.M. Metcalf (*British Archaeological Reports, International Series 122*). Oxford, 1981. P. 47–117.
- Orvarr Odds saga // URL: <https://www.snerpa.is/net/forn/orvar.htm> (последнее обращение: 10.09.2020)

THE ‘TREASURES OF BJARMALAND’: THE SOURCES
OF A NARRATIVE MOTIF

Tales about voyages of Scandinavians to Bjarmaland in Icelandic Kings’ and Vikings’ sagas include, as a rule, a motif of treasures preserved in the sanctuary of god Jómali which is pillaged by the Vikings. The origin of the motif is unclear as the territories covered by the land-name *Bjarmaland*, i. e. regions near the White Sea and along the Northern Dvina, are especially poor in silver. The prolongation of the Baltic-Volga route eastward in the second half of the eighth century opened possibilities of direct contacts of Scandinavians with the Kama region which was exclusively rich in silver goods from Sasanian Iran, Sogd, Khwarazm and Byzantium. The connections of the Kama region with the North-West of Eastern Europe and Eastern Scandinavia are marked by the spread of Nevolin-type belts, and several types of Eastern beads in the Volkhov-II’men’ region, on the northern shore of the Finnish gulf, in Central Sweden, and on Gotland, on the one hand, and the deposition of hoards of Islamic coins and the emergence of a large production centre of Idnakar on the river Cheptsa in modern Udmurtia, on the other hand. Graffiti (swastikas and runelike signs) as well as a supposed Scandinavian influence on the formation of neck rings of the Glazov type are slight remains of voyages of Scandinavians to the Kama region. Retellings of those who visited the region about its riches could stimulate the formation of the motif about the treasures in a far-away land in the North-East. The localization of the ‘land of treasure’ in Bjarmaland, better but not closely known, was all the easier as it was thought to be the farthest among the habitable lands.

Keywords: Bjarmaland, “treasure” motif, the Kama region, connections between the Kama region and Scandinavia

DOI: 10.32608/1560-1382-2021-42-569-582

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО И МИР ИСЛАМА

И.В. Зайцев

ИСЛАМСКАЯ ЛЕКСИКА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ XV–XVI ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСОЛЬСКИХ КНИГ)¹

В статье предпринята попытка рассмотреть исламскую лексику в русских переводах дипломатической переписки Московского великого княжества, а потом и царства, с близким ему исламским миром (Крымским ханством, Ногайской Ордой и Османской империей). В тюркских оригиналах и их переводах употреблялось большое количество арабских по происхождению слов и оборотов, имеющих отношение к исламу: это и айаты (а иногда и целые суры) Корана, славословия (салаваты) и слова, передающие основные понятия исламского вероучения. Автор оспаривает бытующее представление о низком уровне знаний относительно ислама в Московском государстве и приходит к выводу, что в действительности, отдельные айаты Корана были известны в Москве в русских переводах непосредственно с арабского еще в XVI в. Эти переводы были довольно точны и очень близко передавали смысл исламского откровения. Их появление на русском языке было заслугой татарских переводчиков. Хорошо знакома была в Москве и обрядовая сторона ислама: обрезание, хадж, молитвы, праздники и посты, мечеть, сейиды, хафизы и муллы — все эти неперемненные составляющие быта и веры мусульман либо не требовали перевода на русский, либо, наоборот, переводились устоявшимися для этих понятий, ясными читателю переводов русскими словами. Обо всем это недвусмысленно свидетельствует исламская лексика, употребляемая в Посольских книгах.

Ключевые слова: Коран и исламские термины в русских переводах XV–XVI веков, Посольские книги Московского государства

В дипломатической переписке Московского великого княжества, а потом и царства, с исламским миром религиозный вопрос занимал важное место. Мусульманские владетели нередко обращали внимание великих князей на различие вер и, вместе с тем, на их совместное существование на свете: «Нас, мусулманов, Бог учинил, а вас, крестьян, Бог же учинил, кои жо нас в своей вере стоим. Друзи есмь...», «Бог сотворил

---

¹ Статья подготовлена в рамках программы ВШЭ «Кросскультурные взаимодействия: мусульмане в России». Руководитель — О.Ю. Бессмертная.

вас хрестьяны, а нас сотворил мусулманы. И у вас в вашей земле некоторые мусулманские государи были»; «Под богом яз мусулманин, а ты хрестьянской государь»; «Мы мусулманы, а ты хрестьянин, оба нас с тобою из начала от прежних дней в дружбе и в братстве были есмя», — так в середине XVI в. писали в Москву ногайские бии (Посольские книги 2006. С. 46, 58, 69, 72). Религиозная принадлежность (закон) была, помимо прочего, важна как гарант незыблемости межгосударственных договоров. В Москве, когда хотели напомнить своим союзникам или соперникам о необходимости соблюдать взятые обязательства, ссылались на веру: «преж того роту и шерть учинив, и шертную грамоту дал еси. Вера у тебя одна» (Посольская книга 2003. С. 25–26). В текстах крымских и ногайских клятв и шертей также встречаем обычно упоминания единства Бога и твердости клятвы: «...надеи нам от Бога много, Бог у нас один, а и рота и правда одна» (Сборник РИО 1895. С. 515); «Слово у нас одно и Бог один» (Посольские книги 2006. С. 250).

Однако это сосуществование тем не менее не исключало противостояния и борьбы. В 1572 г. крымский хан Девлет-Гирей сообщал Ивану IV: «В книгах у нас так написано — для веры однолично голову свою положим» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 159 об.; Посольская книга 2016. С. 141).

Совершенно естественно, что послания в Москву из Стамбула, Крыма, Казани и Ногайской Орды, написанные изначально на тюркских языках, содержали большое количество арабских по происхождению слов и оборотов, имеющих отношение к исламу. В Москве эти послания переводились на русский язык, и именно в этих переводах, а не в тюркских оригиналах, до нас дошла подавляющая их часть. Поскольку при переводе была важна совершенная точность и соответствие русского текста изначальному, московские переводчики, почти исключительно татары по происхождению, прибегали к дословному переводу с сохранением тюркского порядка слов, иногда в ущерб смыслу. Это обстоятельство, иногда препятствующее пониманию перевода, зачастую облегчает возможность восстановления исходного текста.

К сожалению, случаи, когда мы имеем возможность сравнить перевод с оригиналом, очень редки. Иногда, специфические исламские выражения, не относившиеся, по мнению переводчиков, к сути дела, опускались. Так тобольские служилые «татаровя» Авесбай Кулмамбетов и Сафар Дасаналеев и «бухаретин» Максют Алимов, которые переводили письмо Кучука б. Аблая б. Ишима б. Кучума Алексею Михайловичу 1668 г., опустили при переводе письма фразу «باقى الدعاء»², которая есть в

---

² Т. е. — вечная молитва (примеч. Б.Е. Рашковского).

оригинале (Трепавлов 2012. С. 210, 115). Но все же, имеющиеся примеры показывают, что такоевольное обращение с тюркским оригиналом было скорее исключением, чем правилом, и даже при отсутствии исходного текста перед нами большой простор для деятельности.

Условно можно всю исламскую лексику в дипломатической переписке разделить на:

1. перевод коранических сур и фрагментов текста Корана (*басмалы* и отдельных *айатов*);
2. включение в русский текст непереуведенных слов, многие из которых вошли (во многом благодаря этому) в русский язык и используются в нем до сих пор (*мечеть, мулла, хаджи* и проч.);
3. смысловой или дословный перевод отдельных слов и идиом, содержащих исламскую лексику, с арабского и тюрки на русский язык. Часть таких переводов осталась гапаксами (отчасти потому, что арабские оригиналы более не встретились в дипломатической переписке, отчасти потому что впоследствии переуведенным словам были найдены более подходящие русские соответствия).

Рассмотрим их последовательно.

1. Переводы коранических сур и айатов

Исследователи обычно относят первые попытки переводить Коран на русский к петровскому времени, впрочем, не отказывая Московской Руси в знакомстве с Кораном, пусть и косвенном. «Только случайные сведения о Коране были в исторических и полемических сочинениях, большей частью переводных. При этом, однако, арабские списки Корана были известны и на Руси: на Коране приносили клятву послы мусульманских государств, присягали служилые мусульмане (большей частью татары), которых много было на российской службе» (Круминг 1994. С. 228).

Действительно, соприкосновение Русского государства с исламским миром имело следствием возникновение ряда проблем правового характера, в частности проблему удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианином и наоборот. Поначалу государство столкнулось с этим на торговом и дипломатическом поприще: словесные заверения дипломатов мусульманских стран в XV–XVIII вв. (чаще всего они и сами были мусульманами) обязательно снабжались разработанной до мельчайших деталей церемонией клятвы или заключением так называемой *шерти* (от араб. *шарт* — «договор, соглашение»). Само это арабское слово благодаря джучидской канцелярии вошло в XV в. в русский дипломатический лексикон. «Крайне важно было, чтобы иностранные дипломаты совершали присягу “по их вере”, “по их

закону” — это давало более прочные гарантии соблюдения условий договора» (Юзефович 1988. С. 176).

С точки зрения христианского государства отношения с мусульманом регулировались принесением им клятвы («роты») с обязательным включением в ее текст указания на последствия невыполнения взятых на себя обязательств. Коран был неизменным атрибутом такой «роты» и подписания договорных обязательств (*шерти*), даже если его текст сам по себе не зачитывался: «И ты, господине, на той записи учини правду к государю нашему передо мною, положи ее на Куране», — следовало говорить Семену Мальцову в Ногайской Орде мирзе Мухаммеду, который должен был подтвердить шертную запись (1560 г.) (Посольские книги 2006. С. 309). В Москве в царском архиве специально для «дачи правды» крымским и турецким послам при русском дворе хранился экземпляр Корана (Государственный Архив 1978. С. 506). «Крымской Ислам-Гирей царь и калга и нурадын дали, на куране шерть учинили...», — писалось в наказе посланных в 1646 г. в Индию к Джехан-шаху Н. Сыроежину и В. Тушканову (Русско-индийские отношения 1958. С. 56). Сам оборот, обозначающий совершение клятвы на Коране, на тюрки звучал дословно так: *قرآن اوستنده أنت ایچم* («пить клятву на Коране») или же *كلام قدیمن أنت ایچمك* («пить клятву на Древнем Писании». — т. е. Коране). Так, например, это указано в письме в Москву хана Джанибек-Гирея Джумада I 1038 / конец декабря 1628 — начало января 1629 г. (Материалы 1864. С. 38, 35).

Коран занимал важнейшее место в русском дипломатическом протоколе принесения клятвы (Зайцев 2008. С. 3–9). Мусульманин, естественно, не мог целовать крест, следовательно, для удостоверения действительности обязательств в текст клятвы обязательно вносилось «запрещение». Крымские послы, например, в начале XVI в. при совершении клятвы говорили: «Я Тювикель Влан присягаю, Господара моего Цара Менъди-Кгиревою душею, на вышнего Бога и на тот светый Куран... И естли несправедливе, бо Вышний забий на душе и на теле» (Сборник князя Оболенского 1838. С. 29–30; Юзефович 1988. С. 178; Kołodziejczyk 2011. P. 551–552). Мы вправе предположить здесь в слове «светый» (т. е. святой) перевод неизменного эпитета Корана — *ал-карим* (الكریم).

Русские записи текста клятвы не сводятся к одному раз и навсегда утвержденному, но чаще всего для него использовался аят 91 из 16 суры «Пчёлы»: «Верно выполняйте договор с Аллахом, когда его заключили, и не нарушайте клятв после их закрепления: вы сделали Аллаха поручителем за вас. Поистине, Аллах знает то, что вы творите»³. В одном из

³ Коран, 16:91 (перев. И.Ю. Крачковского). «Будьте верны завету с Аллахом, если вы его дали; не нарушайте клятв после того, как вы их скрепите, ибо вы признали Аллаха своим поручителем. Воистину, Аллах ведаёт о том, что вы содеёте» (перев.

сохранившихся списков Корана из собрания РГАДА имеется вклейка с русским текстом, выполненным московской скорописью конца XVII — начала XVIII в.: «В Куране на сей статье шертовать присто(и)но, а с той статьи перевод: Глава 15 О Пчеле именуемо(й) арапскі Аджилъ Все аще по Бозе обещаестея исполняйте и ничтоже противо клятвы своая да сотворите. Убо Бога призвасте во свидетельство своего обещания, вестъ бо вся вами творимое» (Краткий каталог 1996. С. 22). Текст соответствующего *айата* в рукописи выписан золотом. Е.А. Резван считает эту запись первым дошедшим до нас русским переводом фрагмента коранического текста, который, скорее всего, делался с тюркского подстрочника (Резван 2001. С. 386–388; 2005. С. 18)⁴. Как мы увидим ниже, это не совсем так (есть более ранние примеры прямого перевода с арабского)⁵.

Прямых ссылок на Откровение немного, но иногда они встречаются в ногайских посланиях в Москву⁶. Так, князь Юсуф пишет в Москву в 1551 г.: «Сесь свет прелестно: один придет, а другой отоидет; наши книжники так говорят, что от смерти никто не избудет, у нас в Куране написано. И у вас в Евангилье книжники ваши то видят, что есть на сем свете животново, то все — смертно» (Посольские книги 2006. С. 45). В этой фразе можно видеть прямой перевод *айата* *كُلُّ نَفْسٍ ذَائِقَةُ الْمَوْتِ*, который встречается в Коране неоднократно (Коран 3:185; 21:35; 29:57) и который стал весьма распространенным выражением, часто употреблявшимся в надгробных надписях. «Всякая душа вкусит смерть... А жизнь в этом мире — всего лишь обманчивое наслаждение» (Коран 3:185) — *كُلُّ نَفْسٍ ذَائِقَةُ الْمَوْتِ... وَمَا الْحَيَاةُ الدُّنْيَا إِلَّا مَتَاعُ الْغُرُورِ*.

Можно достаточно уверенно говорить о смысловом переводе *басмалы* на русский язык. В 1519 г. крымский вельможа Аппак привез в Москву шертную грамоту хана Мухаммед-Гирея. «А се запись с шертной грамоты, что привез Аппак князь, а болшая грамота писана арапским золотом: Бог богатый. Почали есмя Божиим именем, Бога дающего пищу, Бога очищающего грехи. Онсица некто иже куран изусты

М.-Н.О. Османова). Далее русские переводы коранических цитат даются по Э. Кулиеву.

⁴ См. также: Круминг 1994. С. 228.

⁵ В этой статье я не касаюсь русских текстов XVI в. из Литовской метрики, современных рассматриваемым переводам. В них также есть прямые переводы *басмалы* и *шахады*. См., например: Kołodziejczyk 2011. P. 613.

⁶ На мусульманские книги ссылались османские падишахи в переписке с ногаями. Так, московский посол в Ногайской Орде Петр Тургенев передавал содержание турецкого письма к мирзе Исмаилу: «А сказывают, государь, с тем прислал: в наших деи в бусурманских книгах пишетьца, что те лета пришли, что русского царя Ивана лета пришли, рука ево над бусурманы высока...» (Посольские книги 2006. С. 57).

неудобства не сотвори, несправедливость не сотвори, неудобства несотворивый в мире суть и от Бога во многая благая попушени суть, Василей суть и Алею Магмедю превознесеный.» (Сборник РИО 1895. С. 658). Я полагаю, что выделенный отрывок является переводом части 135 айата суры «Женщины»:

فَلَا تَتَّبِعُوا الْهَوَىَٰ أَنْ تَعْلَمُوا وَإِنْ تُلُونَا أَوْ تُعْرَضُوا فَإِنَّ اللَّهَ كَانَ بِمَا تَعْمَلُونَ خَبِيرًا

«Не потакайте желаниям, чтобы не отступить от справедливости. Если же вы скривите или уклонитесь, то ведь Аллах ведаёт о том, что вы совершаете» (перев. Э. Кулиева).

В посланиях и шертных грамотах Саадет-Гирея и Сахиб-Гирея (1524 и 1531 гг.) встречаются такие же обороты: «Бог богатый вся во всех исполняи. Почали есмя Божиим именем, Бога дающего пищу, Бога очищающего грехи» или «Почали есмя Божиим именем, Бога дающу пищу, Бога очищающего грехи» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 86 об. 279). В этих русских переводах можно видеть перевод *басмалы* (بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ) и первого *айята* первой *суры* Корана (الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ).

Выражение «Бог богатый» встречается нами и в начале русского текста грамоты ногайского мирзы Уруса (1560 г.) (Посольские книги 2006. С. 327). Без сомнения, это дословный перевод богословского оборота *هو الغنى*, где одно из 99 имен Аллаха было переведено дословно. Именно такой зачин мы встречаем, например, в письме ширинского бека Эминека османскому падишаху 1476 г. (Kurat 1940. С. 102).

Стоит отметить, что в заголовках посланий, которые писались в Москве на тюрки и были предназначены для отправки в исламские земли, приказные деятели старательно избегали употребления *басмалы*, как неперемennого признака ислама. Например, российские *тугры* XVII столетия включали богословскую формулу на арабском языке, но не *басмалу*, а *بعنايت رب العالمين* («Милостью Владыки миров») (Фаиз 2002).

Встречаются в русских переводах и молитвенные формулы, основанные на кораническом тексте: «В Божьем бы заступлении нам быти, дай Боже, сотворитель Вселенную. Аминь»; «Мы в своем величестве здоровы, а и ты бы в своем величестве здоров был, дай Боже. Аминь» (Посольские книги 2006. С. 85, 86).

В первом случае⁷ мы очевидно имеем перед собой изложение темы 44 айата из суры «Толпы»: *قُلْ لِلَّهِ الشَّفَاعَةُ جَمِيعًا لَهُ مُلْكُ السَّمَاوَاتِ وَالْأَرْضِ ثُمَّ إِلَيْهِ تُرْجَعُونَ*

⁷ Текст публикации следует исправить: «В Божьем бы заступлении нам быти, да и Бог же, сотворитель Вселенную» (РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с Ногайской Ордой). Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 102 об.).

«Скажи: «Аллаху принадлежит заступничество целиком. Ему принадлежит власть над небесами и землей...» (Коран 39:44; перев. Э. Кулиева).

Мне уже приходилось писать о возможном кораническом источнике одного из оборотов русского перевода казанского дипломатического послания 1549 г. (Зайцев 2004. С. 163–164). Действительно, фраза «... или паки те врази наши на войне нас победят, и мы тем раю достойни были, с такою надежею жили есмь истинного бога судьбами» является близким отголоском части айата 195 суры 3 («Семейство Имрана»):

فَالَّذِينَ هَاجَرُوا وَأُخْرِجُوا مِنْ دِيَارِهِمْ وَأُوذُوا فِي سَبِيلِي وَقَاتَلُوا وَقُتِلُوا لَأُكَفِّرَنَّ عَنْهُمْ سَيِّئَاتِهِمْ
وَلَأُدْخِلَنَّهُمْ جَنَّاتٍ تَجْرِي مِنْ تَحْتِهَا الْأَنْهَارُ

(«А тем, которые переселились или были изгнаны из своих жилищ, были подвергнуты мучениям на Моем пути, сражались и были убиты, Я непременно прощу их злодеяния и введу их в Райские сады, в которых текут реки») (перев. Э. Кулиева).

Первый дошедший до нас несомненный перевод коранического *айата* на русский язык — грамота Селима II Ивану IV 979 г. х., которую привез вернувшийся из Турции в Москву Андрей Иванович Кузминский в декабре 1572 г.: «Государь, един Бог, ни от кого родился, ни от него не родился никто, и товарища ему нет, никто на него не походит» (РГАДА. Ф. 89. Кн. 2, Л. 224–227). Это ничто иное как довольно точный перевод 112 суры Корана (الإخلاص или التوحيد):

قُلْ هُوَ اللَّهُ أَحَدٌ اللَّهُ الصَّمَدُ لَمْ يَلِدْ وَلَمْ يُولَدْ وَلَمْ يَكُنْ لَهُ كُفُوًا أَحَدٌ

Коранический источник некоторых выражений можно лишь предполагать. Грамота Сахиб-Гирея от мая 943 г. х. («писана в Кыркоре») гласила: «...и ныне праведнаго Бога поспешеством и величества его благодтию Ислам холопом и братом младшим мне собо (sic!) назвал» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 8 (1533–1539). Л. 345).

2. Непереводимые термины (мечеть, хаджи, Мекка — «Магметев гроб», мулла, сейид, хафиз и т. д.)

Д.А. Морозов посвятил специальное исследование истории освоения слова مسجد (мечеть) в русском языке. Оно встречается в русских памятниках (в первую очередь, в «хожениях») уже с XIV в. в форме *мезгить* как египетский диалектизм и свидетельство ранних контактов с Палестиной (Морозов 2014. С. 9–14). В посольских книгах мы встречаем уже его нормативную форму, близкую к сегодняшней.

Слово *хаджи* традиционно не переводилось, а давалось как *ази* (*азей*), что говорит о татарском фонетическом посредстве при его передаче. Это касалось и личных имен «Ази-Гирей» — Хаджи-Гирей.

Ямгурчи — брат крымского хана Менгли-Гирея, некоторое время бывший его калгой, несколько раз писал о своем намерении совершить главный в жизни мусульманина обряд — отправиться к святым местам ислама. В 1498 г. он сообщал в Москву великому князю Ивану III: «Яз сам даст Бог к Мяке хочю ийти мысль есть... Слыхал еси, люди твои ежживали к Мякке, белый кречат да шуба рысья велми тамо дорого стоит» (Сборник РИО 1884. С. 274). После совершенного в 1502 г. *хаджа* Ямгурчи стал в русских источниках (переводах с татарского) называться «Ази-царевич» (Сборник РИО 1884. С. 421; Сыроечковский 1940. С. 18), т. е. хаджи-султан.

Любопытно, однако, что сам термин *хадж* (который наверняка имелся в текстах на тюрки), кажется, не употреблялся в переводах: он всегда дается описательно как желание «идти (или ехать) к Мекке». Например, когда ездил в паломничество знаменитая Нур-Салтан (дочь мангитского бека Темира б. Дин-суфи и жена казанского хана Ибрагима, а потом крымского Менгли-Гирея), она в 1495 г. он писала Ивану III: «мысль наша была ити к Меке; и мы на ту дорогу пошли, где мы ни будем» (Сборник РИО 1884. С. 222). После совершения *хаджа* и Нур-салтан в 1497 г. также стала подписываться как «Ази царица» — т. е. *хаджи* (Сборник РИО 1884. С. 237). В 1498 г. она послала Ивану III иноходца, на котором ездил в Мекку: «Сухой бы поклон не был, молвя, к Мякке на котором иноходце сама ездил, с Ахчюрою к тебе послала» (Сборник РИО 1884. С. 272). Между прочим, эта царица хлопотала и за членов своей семьи, своих родных-мусульманах, живших в Москве. В 1498 г. она просила Ивана III отпустить в *хадж* Девлет-султану (жену Айдар-Хайдара б. Хаджи-Гирея): «сам гораздо знаешь, Айдар Газы моего сына кормил; его жена Довлет салтан моим детям сиську давала, и ныне к Мякке ехати обрелася; жаловавши к нам пришлешь, и мы человека прикошевав к Мяке пошлем, и молитва ее и молба с тобою будет...» (Сборник РИО 1884. С. 273). Из этого текста видно, что *хадж* мог совершаться по обету. В августе 1515 г. вступивший не задолго до того на Крымский престол Мухаммед-Гирей писал в Москву, прося отпустить сына Нурсултан 'Абд ал-Латифа вместе с ней в Мекку: «и мы б его к Меке отпустили, а он бы с матерью шел, да там им у Меки и жыти» (Веселовский 1889. С. 185).

Совершали *хадж* и приближенные ханов. В памяти боярину И.А. Лобану-Колычеву, отправленному в Крым в марте 1492 г., предписывалось говорить ширинскому мирзе Девлетеку б. Эминеку: «Да писал еси к нам в своей грамоте, что хочешь ити к Мекке, и нам бы к тебе что послати, и мы к тебе послали. Да поминки явити по списку» (Сборник РИО 1884. С. 144). В январе 1493 г. в Москве была получена грамота

самого Девлетека, в которой он писал: «аж даст Бог самому ми к Мяке ийти, надею држу, нынеча которой твой посол к нам придет, что пожалуеш пришьлеш, ты ведаешь» (Сборник РИО 1884. С. 179).

«Моллы», сейиды, «афызы» и шейхи.

Мулла (ملا) — «молла» или «молна» (под влиянием тюркской фонетики). «А прежних князей болших молл посолства принимал еси», — обращался к Ивану IV ногайский бий Юсуф (Посольские книги 2006. С. 73). Религиозные деятели (муллы — «богомольцы») часто становились доверенными лицами ханов, выполнявшими дипломатические и торговые поручения. Например, у Менгли-Гирея был доверенный человек «богомolec» мулла Бахауддин («молна Багавадын»), выполнявший поручения хана в Москве и других странах (Менгли-Гирей, например, посылал его в Египет) (Сборник РИО 1884. С. 107).

Приведу пример, в котором встречаются оба термина — и *хаджи*, и мулла. Побывав в Мекке, крымские вельможи обычно облекались в чалму (зеленую) — знак *хаджи*. Один из крымских послов в Москву — Аппак перед отъездом, когда его «учал царь к великому князю отпущати», «положил на себя чалму». Как предполагает А.Л. Хорошкевич, чалму он надел специально, чтобы не исполнять в Москве обязательного для послов обряда снятия головного убора (Хорошкевич 2001. С. 205). Уже в Москве на подворье (в мае 1519 г.), где остановились дипломаты, к Аппаку с государевым «жалованьем» (угощением и шубой) приехал И.Ф. Палецкий. Ему было велено не снимать перед крымцами колпак, т. к. Аппак не собирался снимать чалму. Когда Палецкий стал на «коленки» и стал говорить приветственную речь, Аппак его упрекнул: «Князь Иван, речь государскую говоришь, а колпака с себя не соимешь». Палецкий ему возразил, сказав, что предшествующие послы «против государского жалования колпаки снимали, а про тебя слышим, что еси княжего роду, а **не азейского, ни молнин**, и того есмя не слышали, чтоб еси у **Магметева гроба** бывал, а ныне против государьского жалования чалмы не соимешь». Очевидно, что в Москве прекрасно представляли, что чалму мог носить либо *хаджи*, либо мулла. Посол же, по данным московских дипломатов, не был никем из них. Аппак тем не менее упорствовал: «чалмы не соиму», т. к. якобы одел он ее по распоряжению хана (Мухаммеда-Гирея), который обещал отправить его в Мекку по возвращении из Москвы⁸. Возможно, что в данном случае мы имеем дело с так наз. «бадлем», т. е. «заменой», когда не имеющий

---

⁸ Второй член посольства Ахмет-паша, встав на колени, обнажил голову, «а князь Иван ему речь говорил от великого князя, также став на колених, да колпак с себя снял».

физической возможности совершить хадж оправлял место себя другого человека, при этом имел все регалии хаджи. Как показывают документы, сам Аппак действительно к Мекке до того момента не ездил.

Аппак, видимо, понимая неудобство ситуации, потом бил челом казначеям Ю. Траханиоту и П. Головину, чтобы «государь пожаловал, не подержал на меня себе мнения никоторого, что яз в чалме еду». Головин по распоряжению великого князя успокоил его: «еси нам о том не бил челом, и мы себе на мысли были о том подержали, что еси у Мяки не бывал, ни роду еси не **азейского, ни молнина**, а ныне еси положил на себя челму. А коли... на тебя брат наш челму положил, ино то на твоей воле». Аппак на приеме у великого князя все-таки стал на колени, и, видимо, снял чалму (Сборник РИО 1895. С. 630 и сл.). Из этого отрывка, между прочим, видно, что крымские вельможи для совершения *хаджа* часто обращались за финансовой помощью в Москву.

Для совершения *хаджа* хан выдавал вельможам специальные проезжие ярлыки. В 1573 г. крымский бек Сулемша (Сулейман-шах) писал московскому великому князю: «И ож даст Бог, хочю ити к Мекке, и на дорогу харчю нет, и волной человек, царь, невеликим харчом пожаловал, и того на путь харчю не станет. У тебя, государя, запрос учиня, послал есми, чтоб еси пожаловал, — пятсот рублей дал, — старого твоего холопа последнее челобитье» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 50 об.). Вскоре это желание осуществилось. Сохранился список охранного ярлыка на паломничество в Мекку, выданного беку ханом Девлет-Гиреем 9 раби II 981 г. х. / 8 августа 1573 г. Сулейман-шаху.

Сеид (سيد) чаще всего передавалось близким по звучанию *сеить*, *сиит*, *сеид*. Сейиды при ханских дворах занимали весьма высокое место. Например, в июне 1486 г. Иван III посылал «Кирей-Сииту, цтю цареву», т. е. сейиду по имени Гирей, золотой. Такая же сумма была послана ему и в августе (Сборник РИО 1884. С. 54, 56–57)⁹. Употребляется в посольской лексике и слово *шейх* (в форме *ших* — чаще — в составе личных имен): «Абдылхайршихзадин сын Аввельшихзода» — посол Саадет-Гирей в Москву (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 341 об.)¹⁰.

Хафиз (حافظ — «хранитель», т. е. «знающий Коран наизусть») под влиянием татарской фонетики записывалось как *афыз*, или *абыз*. В январе 1493 г. в Москву прибыли грамоты Менгли-Гирея, в одной из которых он писал: «Что сесь ярлык повез к тебе Абдыла Афыз наш пошлой

⁹ История этого звания в татарских государствах подробно исследована Д.М. Исхаковым (2011).

¹⁰ Подозреваю, что это аталык хана. В конце XVI в. ясевийские шейхи назначаются аталыками ханских отпрысков.

богомалец стоит, что к нам должен идти ему к Мяке, два кречета ему надобе; того деля кречета купити на Москву поехал нас деля» (Сборник РИО 1884. С. 174). Между прочим, здесь видим, что если хафиз осталось непереведенным (как часть имени), то слово «богомалец» — دعاجی переводчик решил передать по-русски.

Кафир (كافر — «неверный»):

Мне встретилось однажды в русском переводе письма бухарского хана Абдуллы сибирскому хану Кучуму (сер. 90-х гг. XVI в.). Абдулла обращается к Кучуму с увещеваниями по поводу напряженности в его отношениях с ногаями: «Слышали есмя, что вы взяли землю Авлия мирзину... А годное было то, чтоб вам, помиряся, да у кафырей землю свою поимати. А толко по тому не станете делать, и кафыри вас осилеют и обезчествуют...» (Трепавлов 2012. С. 45). Тут под «кафырями» имеются в виду, конечно, сами русские.

Курбан-байрам (قربان بيرام — «праздник жертвоприношения»). Упоминается в Посольских книгах в форме *курман*, что опять же свидетельствует о крымско-татарском посредстве при передаче слова (регулярный переход *-б-* в *-м-*). «А того же декабря месяца в девятый день наш праздник **курман** будет...», — писал великому князю Василию крымский князь Аппак в конце 1518 г. (Сборник РИО 1895. С. 612).

3. Перевод отдельных слов или идиом, содержащих исламскую лексику. Как правило, осуществлялся смысловой перевод. С калькированием встречаемся редко.

«**Обрезание**» (سنة или ختان). Слово встречается в книгах неоднократно. Его переводили. Например: «Девлет-Киреево цареву слово. Брату нашему, великому князю Ивану Васильевичу, после поклона с любовью слово наше то. Ныне у меня, брата твоего, дочери и две, и три на выданье, да у меня ж сыном моим царевичам двема и трема **обрезанью** (выделено мною. — *И. З.*) их радость будет для того, что нам рухледь и товар понадобился, и мы тое рухледи купити у тебя, у брата своего, просим дву тысяч рублей, и ты б учинил дружбу, не отнегываючися, холопу нашему Ян-Магметю дал бы еси» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 43–43 об.; Посольская книга 2016. С. 86).

Гази (غازی) и «**Абу-ль-Фатх** (ابو الفتح)». В тех случаях, когда слово «Гази» (собственно, «воин за веру») входило в состав личных имен, его, естественно, не переводили (имя غازى كراى в XVI–XVII вв. носили два крымских хана, в русских документах называвшиеся «Казы-Гирей»). Но в титулах мы неоднократно встречаем перевод этого слова на русский в таких оборотах:

Грамота Ислам-Гирея: «Великие Орды великого царя победителя и силы находца Ислам-Гиреево цареве слово» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 33 об.).

Грамота Мехмед-Гирея: «Силы находца и победителя Маагмет-Киреево царевичово слово. Брату нашему, великому князю Ивану Васильевичу от, много много поклон» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 45–45 об.; Посольская книга 2016. С. 87).

Грамота Ислам-Гирея: «Силы находца и победителя Ислам Гиреево цареве слово» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 318–318 об.; Посольская книга 2016. С. 234).

Все три примера (в текстах книг их гораздо больше) являются смысловым переводом оборота ابو الفتح وغازى. В таком виде в крымской канцелярии он появился со времени правления Сахиб-Гирея, который ввел его в текст ярлыков еще в период своего казанского правления, а затем постоянно употреблялся, например, при Девлет-Гирее в туграх¹¹. Любопытно, что у хана Гази-Гирея, который также употреблял этот титул в своей тугре, слово *gazi* в ней повторялось дважды подряд: один раз как часть титула, а второй — как часть личного имени (Материалы 1864. С. 13).

Стоит также отметить, что Саадет-Гирей видимо первый ввел оборот ابو الغازى («Абу-л-Гази») в свой титул, и московские переводчики поначалу не стали переводить его, а давали только русскую транслитерацию: «Великой орды великий царь Абулказы Саадет Керей хан...» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 269 об., 270).

Иншалла (انشاءالله تعالى)¹² и **тахмид (хамдаля)** — الحمدالله. Скорее всего, переводились нейтрально: «Дай Бог». Приведем примеры.

«Мы здесь поздорову, слава Богу. А и ты бы на многие лета здоров был, дай Боже», — пишет в Москву ногайский князь Исмаил (Посольские книги 2006. С. 45).

Грамота Ислам-Гирея: «Слава Богу, от оца (так!) нашего которые остались добрые люди, ныне у нас в руках...»; «И дай Боже в малых днех на борзее к нам бы еси его отпустил»; «Дай Боже, брат мой Бейбей-солтан отголе вышел. Так бы еси ведал» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 34–35 об.).

Саадет-Гирей в письме в Москву так писал о своем отце Менгли-Гирее: «Великие Орды великой царь покойник отец наш божьим светом осияно место то, где лежит» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 6).

¹¹ Об этой формуле см.: Усманов 1979. С. 189.

¹² Примеры слишком многочисленны. См., например: Материалы 1864. С. 36, 37.

Л. 204 об.). В этой фразе нужно видеть перевод расхожей арабской фразы «Да озарит Господь его гробницу!» (نور الله قبره). Здесь мы видим, возможно, следы переводческого непрофессионализма: смысл фразы он понял, но принял глагол *наввара* («да озарит!»), который, вероятно, был написан без огласовок, за однокоренное существительное *нур* (свет), отчего и перевел фразу не совсем точно.

Некоторые члены правящей крымской династии жили в христианских землях (Москва, Литва). Это могло вызывать критику со стороны радикально настроенных родственников-чингизидов, которая, правда, была все же более выражением политических притязаний, нежели религиозной ревностью. Так, Муртаза б. Ахмед писал в Москву брату Менли-Гирея Нурдевлеу, уговаривая его помирится и обвиняя Менли-Гирея во вражде (Муртаза надеялся посадить на крымский престол Нурдевлеу вместо Менгли). Письмо полно религиозной риторики: «Милосердой государь, ты на сем свете вере еси нашей подпора, бессерменем и бессерменьству нашему помочь; ты еси и закону наказатель, милосердого Бога милостью истинной еси прямой господарь. Ино, брате Нурдовлат царь, велика бы и счастна была твоя держава до второго пришествия, Магаметевы доля молитвы и учеников его... Про твое величество, своего брата, что ты живешь промеж неверных, непригож ся видит так... Нечто из тое из поганые земли избыти захочешь мысль твоя будет...» (Сборник РИО 1884. С. 69). Этот оборот «Магаметевой доля молитвы и учеников его» явно отсылает нас к салавату:

الصلاة والسلام على سيدنا محمد وعلى آله وصحبه أجمعين

(ас-саяту ва-с-саяму ‘аля сайидина (или расулина) Мухаммад ва-‘аля алихи ва-сахбихи аджда‘ин!) «Мир и благословения господину нашему (или пророку нашему) Мухаммаду, его семье и всем сподвижникам!». Похожие салаваты употреблялись в письмах крымских ханов и султанов (Материалы 1864. С. 122, 195, 200, 224 и др.).

«Господь Бог бы его в раю доспел», — так перевели в Москве начальные слова грамоты ногайского мирзы Мусы, написанные в 1491 г. о Едигее (Сборник РИО 1884. С. 128). Это, вероятно, часть заупокойной молитвы, восходящей к хадису Муслима: *اللَّهُمَّ اغْفِرْ لَهُ، وَارْحَمْهُ، وَعَافِهِ، وَاعْفُ عَنَّهُ، وَأَكْرِمْ نُزُلَهُ، وَوَسِّعْ مَدْخَلَهُ، وَاعْسِلْهُ بِالْمَاءِ وَالنَّالِجِ وَالْبُرْدِ، وَتَقِّهِ مِنَ الْخَطَايَا كَمَا تَقْتَبِتُ النَّوْبَ الْأَبْيَضَ مِنَ الدَّنَسِ، وَأَبْدِلْهُ دَارًا خَيْرًا مِنْ دَارِهِ، وَأَهْلًا خَيْرًا مِنْ أَهْلِهِ، وَأَدْخُلْهُ الْجَنَّةَ، وَقِهِ فِتْنَةَ الْقَبْرِ وَعَذَابَ النَّارِ*

«О Аллах, прости его, и помилуй его, и избавь его, и окажи ему милость, и окажи ему хороший прием, и сделай место его входа просторным, и омой его водой, снегом и градом, и очисти его от прегрешений подобно тому, как очистил Ты от грязи белую одежду, и дай ему взамен

дом лучше его дома, и семью лучше его семьи и жену лучше его жены, и введи его в рай и защити его от мук могилы и от мук огня!»¹³.

«**Великого Бога силою и Магометевым чудотворием**». Это выражение встречается в переводах крымских посланий в Москву (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 8 — послание Саадет-Гирея 1523 г.) и является очень точным переводом арабского словосочетания بالقوة الاحديه والمعجزة المحمديه (*билькувети-ль-ахадийе ве-муджизати-ль-мухаммадийе*). Оно встречается нам, например, в ярлыке Хаджи-Гирея 1453 г. (Kurat 1940. С. 64–65) и письме хана Махмуда Мехмуду Фатиху 1466 г. (Ibidem. С. 38). Употреблялся он в посланиях крымских ханов (например, в «Шарт-наме» Мехмед-Гирея октября 1520 г., или «Ахд-наме» Гази-Гирея 1592 г.) (Материалы 1864. С. 2, 9). Несколько в другой, тюркизированной форме видим этот оборот и в зачине письма Улуг-Мухаммеда Мураду II (1428 г.): حق تعالى عنایتیلا محمد پیغامبر معجزاتیلا (Kurat 1940. С. 8).

* * *

Подведем итоги. Признанные авторитеты в области истории ислама в России сходились в неутешительном мнении, что уровень знаний об этой религии был в Московской Руси довольно низок. Принято считать, например, что текст Корана был практически неизвестен. Так, например, академик А.Е. Крымский писал: «... как ни странно, но Россия, несмотря на то что исстари имела мусульманских подданных, всегда отличалась невежеством насчет их истории, религии и т. д.» (Крымский 2003. С. 157). А видный теоретик-исламовед М.А. Батунский свои наблюдения суммировал следующим образом: «Словом, в Московской Руси складывалась такая ситуация: знали мусульман, но не знали их религии, поскольку были твердо убеждены в том, что они, эти мусульмане, либо перейдут в христианство, либо перестанут быть политической, а значит, и духовной опасностью» (Батунский 2003. С. 152).

Все это так. Но, мне кажется, что ближе к истине подошел другой наш корифей-арабист. «Исламоведные сведения, накопившиеся в Московской Руси, сами по себе были довольно значительны, но отличались большой разрозненностью и случайностью...», — так отзывался об уровне знаний об исламе на Руси академик И.Ю. Крачковский (Крачковский 1950. С. 30). Из предложенных примеров мы видим, что

---

¹³ URL: <https://isnad.link/book/sady-pravednyh/kniga-o-poseshenii-bolnogo-a-takzhe-o-provodah-pokojnogo-molitve-po-nemu/glava-157-o-tom-chto-sleduet-chitat-vo-vremya-zaupokojnoj-molitvy/935-o-allah-prosti-ego-i-pomiluj-ego-i-izbav-ego-i-okazhi-emu-milost-i-okazhi-emu-horoshij-priyom> (последнее обращение: 31.07.2020).

в действительности отдельные айаты, а то и целые суры Корана были известны в Москве в русских переводах непосредственно с арабского еще в XVI в. Эти переводы были довольно точны и очень близко передавали смысл исламского откровения. Их появление на русском языке было заслугой татарских переводчиков. Особенности тюркских текстов, в которых были употреблены эти коранизмы, салаваты, исламские благопожелания и прочее, а потом и русских переводов, безусловно, не способствовали их глубокому культурному усвоению. Более того, они не привели в Москве к попыткам перевести Коран целиком на русский язык, хотя бы с целью его опровержения. Тем меньше было возможностей (и видимо, желания) для философского или богословского осмысления ислама. Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что московские приказные деятели придавали этому мало значения (да это была и не их задача). Вместе с тем, мы также вряд ли допустим ошибку, если скажем, что обрядовая сторона ислама была в Москве хорошо знакома: обрезание, хадж, молитвы, праздники и посты, мечеть, сейиды, хафизы и муллы — все эти неприменные составляющие быта и веры мусульман либо не требовали перевода на русский, либо, наоборот, переводились устоявшимися для этих понятий русскими словами, ясными читателю переводов. Обо всем это недвусмысленно свидетельствует исламская лексика, употребляемая в переводах, и выглядит она в посольских книгах не инородно, но как само собой разумеющееся. Мы видим, что основным источником сведений об исламе и Коране были не переводы с греческого, латинского и польского антимусульманских религиозно-философских трактатов и исторических трудов, где содержались крайне искаженные сведения о Коране и Пророке Мухаммаде. Мы видим, что и мусульман знали неплохо, и Коран был известен. Источником этого знания было живое общение с исламским миром.

Почему же в таком случае эти обширные и глубокие сведения не превратились в нечто большее и не были, например, осмыслены теоретически и изложены для дальнейшей передачи? В чем причина этого «немногого» знания? Ответ на этот вопрос выходит за рамки статьи.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ / ARCHIVE MATERIALS

РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 2. [Rossijskij gosudarstvennyj Arhiv drevnih aktov. F. 89 (Snosheniya Rossii s Turtsiyey (Relationships between Russia and Turkey)). Invent. 1. book 2.]

- РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Ед. хр. 6, 8, 14. [Rossijskij gosudarstvennyj Arhiv drevnih aktov. F. 123 (Snosheniya Rossii s Krymom (Relationships between Russia and the Crimea). Invent. 1. № 6, 8, 14.]
- РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с Ногайской Ордой). Оп. 1. Ед. хр. 4. [Rossijskij gosudarstvennyj Arhiv drevnih aktov. F. 127 (Snosheniya Rossii s Nogayskoj Ordoj (Relations between Russia and the Nogay Horde)). Invent. 1. № 4.]

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Батунский М.А.* Россия и Ислам. М., 2003. Т. I. [*Batunskiy M.A.* Rossiya i Islam (Russia and Islam). Moscow, 2003. T. I.]
- Веселовский Н.И.* [Рец. на:] Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887 // ЖМНП. 1889, ч. 261, январь, отд. 2. С. 168–203. [*Veselovskiy N.I.* Rets. na: Smirnov V.D. Krymskoye khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoj Porty do nachala XVIII veka. SPb., 1887 (Review of: Smirnov V.D. Crimean Khanate under Ottoman Empire before the Beginning of the 18th Century) // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1889, Ch. 261, yanvar', otd. 2. S. 168–203.]
- Государственный Архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / Подгот. текста и коммент. А.А. Зимины. М., 1978. Ч. 3. [*Gosudarstvennyy Arkhiv Rossii XVI stoletiya. Opyt rekonstruktsii* (Russian State Archive of the 16th Century. An Attempt at Reconstruction) / Prepar. and ed. by A.A. Zimin. Moscow, 1978. T. 3.]
- Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI в.). М., 2004. [*Zaytsev I.V.* Mezhdou Moskvoy i Stambulom: Dzhuchidskiye gosudarstva, Moskva i Osmanskaya imperiya (nachalo XV — pervaya polovina XVI v.) (Between Moscow and Istanbul. Jochide States, Moscow and Ottoman Empire (Beginning of the 15th — 1st half of the 16th Century). Moscow, 2004.]
- Зайцев И.В.* Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI–XIX вв. // ОИ. 2008, № 4. С. 3–9. [*Zaytsev I.V.* Problema udostovereniya klyatvennykh obyazatel'stv musul'manina pered khristianskoj vlast'yu v Rossii XVI–XIX vv. (The Problem of Verifying the Oath Obligations of a Muslim to the Christian Government in Russia of the 16th–19th Centuries) // Otechestvennaya istoriya. 2008, № 4. S. 3–9.]
- Зайцев И.В.* Из истории перевода Корана на русский язык в XVI–XVII вв.: первый перевод сурь «Очищение веры» (1572 г.) // Ислам в современном мире. Т. 12, № 2. Июнь 2016. С. 81–92. [*Zaytsev I.V.* Iz istorii perevoda Korana na russkiy yazyk v XVI–XVII vv.: pervyy perevod sury «Ochishcheniye veru» (1572 g.) (From the History of the Translation of the Quran into Russian in the 16th — 17th Centuries: the First Translation of the Sura *The Purification of Faith* (1572) // Islam v sovremennom mire. 2016. T. 12, № 2. June. S. 81–92.]

Исхаков Д.М. Институт сейидов в Улусе Джучи и в позднезолотоордынских тюрко-тагарских государствах. Казань, 2011. [*Iskhakov D.M. Institut seyidov v Uluse Dzhuchi i v pozdnezolotoordynskikh tyurko-tatarskikh gosudarstvakh* (Intsititute of *Sayyids* in Jochi Ulus and Later Post Golden Horde Turk-Tatar States). Kazan, 2011.]

Краткий каталог арабских рукописей и документов Российского государственного архива древних актов / Сост. Д.А. Морозов. М., 1996. [*Kratkiy katalog arabskikh rukopisey i dokumentov Rossiyskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov* (A Short Catalogue of Arabic Manuscripts and Documents of Russian State Archive of Ancient Acts) / Ed. by D.A. Morozov). Moscow, 1996.]

Крумлинг А. Первые русские переводы Корана, выполненные при Петре Великом // Архив русской истории. Вып. 5. М., 1994. С. 227–239. [*Kruming A. Pervyye russkiye perevody Korana, vpolnennyye pri Petre Velikom* (The First Russian Translations of Quran in Times of Peter the Great) // *Arkhiv russkoy istorii*. Вып. 5. Moscow, 1994. S. 227–239.]

Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.; Л., 1950. [*Krachkovskiy I.Yu. Ocherki po istorii russkoy arabistiki* (Essays on the History of the Arabic Studies in Russia). Moscow; Leningrad, 1950.]

Крымский А.Е. История мусульманства. 3-е изд. М.; Жуковский, 2003. [*Krymskiy A.E. Istoriya musul'manstva* (The History of Islam). 3rd ed. Moscow; Zhukovskiy, 2003.]

Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению Императорской академии наук из Московского главного архива Министерства иностранных дел / Издал В.В. Вельяминов-Зернов. СПб., 1864. [*Materialy dlya istorii Krymskogo khanstva, izvlechennyye po rasporyazheniyu Imperatorskoy akademii nauk iz Moskovskogo glavnogo arkhiva Ministerstva inostrannykh del* (Matériaux pour servir à l'Histoire du Khanate de Crimée) / Par V. Véliaminof-Zernof. St.-Petersburg, 1864.]

Морозов Д.А. Мезгитъ: отражение каирского диалекта в древнерусской литературе // Каптеревские чтения. М., 2014. Вып. 12. С. 9–14. [*Morozov D.A. Mezgit': otrazheniye kairskogo dialekta v drevnerusskoy literature* (Mezgit': a Reflection of Cairo Dialect in Old-Russian Literature) // *Kapterevskiy chteniya*. Vol. 12. Moscow, 2014. S. 19–14.]

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Казань, 2006. [*Posol'skiye knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy* (1551–1561 gg.). (*Posol'skiye knigi* on the Relationships between Russia and the Nogay Horde (1551–1561)). Kazan, 2006.]

Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). М., 2003. [*Posol'skaya kniga po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy* (1576 g.). (*Posol'skaya kniga* on the Relationships between Russia and the Nogay Horde (1576)). Moscow, 2003.]

Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 гг. / Общ. ред. И.В. Зайцев. М., 2016. [*Posol'skaya kniga po svyazyam*

- Moskovskogo gosudarstva s Krymom. 1571–1577 gg. (*Posol'skaya kniga on the Relationships between Muscovy and the Crimea. 1571–1577*) / Ed. by I.V. Zaytsev. Moscow, 2016.]
- Резван Е.А. Коран и его мир. СПб., 2001. [*Rezvan E.A. Koran i ego mir (Quran and Its World)*. St.-Petersburg, 2001.]
- Резван Е.А. Казанское многоголосье: жить вместе, оставаясь разными // Светозарная Казань. Каталог выставки. Казань, 2005. [*Rezvan E.A. Kazanskoeye mnogogolosiye: zhit' vmeste, ostavayas' raznymi (Kazan Polyphony: Living Together, Staying Different)* // *Svetozarnaya Kazan'*. Katalog vystavki. Kazan, 2005.]
- Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. М., 1958. [*Russko-indiyskiye otnosheniya v XVII v. Sbornik dokumentov. (Russian-Indian Relations in the 17th Century)*. Moscow, 1958.]
- Сборник князя Оболенского. М., 1838. [*Sbornik knyazyu Obolenskogo (Prince Obolensky Anthology)*. Moscow, 1838.]
- Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранных. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турцией. (Сборник РИО. Т. 41). СПб., 1884. Т. I.; СПб., 1895. Т. II. [*Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Drevney Rossii s derzhavami inostrannymi. Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Krymskoyu i Nogayskoyu Ordami i s Turtsiyey. (Sbornik Russkogo istoricheskogo obschestva. T. 41) (Monuments of Diplomatic Relations of Ancient Russia with Foreign Powers. Monuments of Diplomatic Relations of Muscovy with the Crimean and Nogay Hordes and with Turkey. (Collection of Russian Historical Society. T. 41). St.-Petersburg, 1884. T. I.; St.-Petersburg, 1895. T. II.)*]
- Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // УЗ МГУ. Вып. 61. История. Т. II. М., 1940. С. 3–71. [*Syroyechkovskiy V.E. Mukhammed-Geray i ego vassaly (Mehmed Giray and His Vassals)* // *Uchyonye zapiski Moskovskogo gos. universiteta. Vol. 61. Istoriya. T. II. Moscow, 1940. S. 3–71.*]
- Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. [*Trepavlov V.V. Sibirskiy yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichi v bor'be za revansh (Siberian "Yurt" after Ermak. Kuchum and his Decedents in a Struggle for Revenge)*. Moscow, 2012.]
- Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. [*Usmanov M.A. Zhalovannyye akty Dzhuchiyeva Ulusa XIV–XVI vv. (Charters of Jochi Ulus in the 14th — 16th Centuries)*. Kazan, 1979.]
- Фаиз Сагит. Тугра и вселенная. М.; Бахчисарай, 2002. [*Faiz Sagit. Tugra i vselennaya (Tugra and Universe)*. Moscow; Bakhchisaray, 2002.]
- Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI в. М., 2001. [*Khoroshkevich A.L. Rus' i Krym: ot soyuza k protivostoyaniyu. Konets XV — nachalo XVI v. (Rus' and the Crimea: from Union to Confrontation. Late 15th — early 16th Century)*. Moscow, 2001.]

Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется...». М., 1988. [Yuzefovich L.A. «Kak v posol'skikh obyчайakh vedetsya...» ('As in the Customs of Ambassadors...'). Moscow, 1988.]

Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th– 18th Centuries). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston, 2011.

Kurat A.N. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına ait Yarlık ve Bitikler. İstanbul, 1940.

Ilya V. Zaytsev

ISLAMIC TERMINOLOGY IN RUSSIAN TRANSLATIONS (15TH–16TH CENTURIES)

The article attempts to examine the Islamic vocabulary in Russian translations of diplomatic correspondence of the Moscow Grand Duchy with the neighbouring parts of the Islamic world (the Crimean khanate, the Noghay Horde and the Ottoman Empire). A large number of Arabic words and phrases related to Islam were used in the Turkic originals and their Russian translations: these are ayats (and sometimes complete surahs) of the Holy Quran, prayers (salavat) and words that convey the basic concepts of the Islamic faith. The author disputes the current perception of a low level of knowledge about Islam in the Moscow state and concludes that in fact, some ayats of the Quran translated directly from Arabic into Russian were known in Moscow in the 16th century. These translations were fairly accurate and conveyed the meaning of the Islamic revelation very closely. Their appearance in Russian was the merit of Tatar translators. The rites of Islam were also known very well: circumcision, Hajj, prayers, feasts and fasts, mosque, seyids, hafizes and mullahs — all these words designating obligatory components of the life and faith of Muslims did not require translation into Russian, they were understandable. Some of these terms and concepts were translated with well-established Russian words that were clear to the readers. The Islamic vocabulary used in Russian translations clearly witnesses this.

Keywords: The Holy Quran, Islamic Lexis in Russian Translations, 15th–16th centuries, Ambassadorial Books of Muscovy

DOI: 10.32608/1560-1382-2021-42-583-601

Л.В. Столярова

«...ИДЕТ ВОЙНОЮ САМ ВЕЛИКИЙ КРЫМСКИЙ ХАН...»:
ПОХОД КАЗЫ-ГИРЕЯ НА МОСКВУ ЛЕТОМ 1591 г.
В КОНТЕКСТЕ ДИНАСТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В РОССИИ
КОНЦА XVI — НАЧАЛА XVII в.

Исследование посвящено походу крымского хана Казы-Гирея на Москву в июле 1591 г. Рассматриваются мероприятия правительства царя Федора Ивановича в подготовке обороны столицы. Особое внимание сосредоточено на деятельности Бориса Годунова, направленной на смещение акцентов с «измены Нагих» и гибели царевича Дмитрия в Угличе на предпринятые им меры для защиты Москвы от крымчаков. В статье показано, как в контексте развития династического кризиса накануне Смутного времени правительством Федора Ивановича делается попытка предотвратить распространение слухов об участии Годунова в убийстве царевича, поджоге столицы и «наведении» на Москву войска Казы-Гирея.

Ключевые слова: Россия накануне смутного времени, Крымское ханство, династический кризис, Борис Годунов, Казы-Гирей, набег на Москву, пожар Москвы 1591 г.

2 июня 1591 г. в выгоревшей в пожарах Москве, в Кремле, Следственная комиссия князя боярина Василия Ивановича Шуйского излагала результаты своей работы, связанной с расследованием гибели в Угличе 15 мая брата царя Федора Ивановича малолетнего царевича Дмитрия. Следственное производство было ускорено не только внутривосточным, но и разразившимся внешнеполитическим кризисом. Одновременным нападением с севера и юга России угрожали Швеция и Крым (Зимин 1986. С. 173–174; Скрынников 1981. С. 86–88). В январе 1591 г. был ограблен направленный в Крым русский посол Бибииков. Уже в мае татары двинулись на Москву, распуслав слух о том, что идут воевать Польшу. Во второй половине июня 1591 г. татары подошли к Москве.

К войне с Казы-Гиреем готовились загодя. Из материалов дела о гибели царевича Дмитрия следует, что дьяк Михаил Битяговский собирал людей для посохи «под город под гуляи», тогда как Михаил Нагой «мно-

гажды с ним бранивался про государево дело, и в тот ден(ь)¹ с ним бранился о посохе, что велел, г(о)с(у)д(а)рь, с них взят(ь) посохи пядесят человекъ, под город под гуляи, и он, г(о)с(у)д(а)р[ь], посохи не дал» (РГАДА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 1. Л. 49). Карьера государева дьяка Михаила Битяговского началась с его службы в Казани, где он находился по крайней мере с 1578/79 по февраль 1588 г. В боярском списке 1588/89 г. напротив имени Михаила Битяговского имеется помета «з государемъ». В декабре 1589 г. он сопровождал царя Федора в ругодивском (нарвском) походе (Зимин 1986. С. 172). В 1589/90 г. Михаил Битяговский совместно с кн. Федором Ивановичем Мстиславским составлял десятню по Владимиру. Будучи послан в Углич, он не только фактически ведал управлением уделом, но и занимался обеспечением оборонительных работ на подступах к нему. По-видимому, он контролировал возведение гуляй-города — передвижного полевого укрепления под командованием «гулявого» воеводы, а потому и собирал посоху «под город под гуляй».

Считается, что впервые гуляй-город был использован при взятии Казани в 1552 г. Решающую роль он сыграл в 1572 г. в сражении при Молодях. Собирались применить гуляй-город и для отражения конницы Казы-Гирея. Уже весной 1591 г. тревожные слухи о готовящемся походе крымчаков заставили правительство принимать решительные меры к обороне Москвы. Важнейшим оборонным мероприятием этого времени было возведение гуляй-городов (Флетчер 2014. С. 69–70). Отказ Михаила Нагого предоставить людей под гуляй-город, в то время, когда грозит очередное нашествие татар, вполне тянул на государственную измену. Таковыми в преддверии нападения грозного и опасного врага представлялись бунт в Угличе и Москве. Брожения умов, заквашенные на слухах о насильственной гибели царевича Дмитрия,

Рис. 1. Крымский хан Казы-Гирей.
Fig. 1. Crimean Khan Ğazı Giray.

¹ «И в тот ден(ь)...». — Имеется в виду день гибели царевича Дмитрия, т. е. 15 мая 1591 г. Посоха — одна из форм повинностей тяглого населения в Русском государстве XVI–XVII вв., заключающаяся в поставке посошных людей для возведения укреплений — засечных черт.

в условиях грозящей военной опасности могли отрицательно сказаться на доверии к Борису Годунову как правителю и пополнить активными недоброжелателями стан его врагов (Скрынников 1971. С. 190–191; Зимин 1986. С. 174–175). Образ убийцы брата царя Федора Ивановича мог повредить Годунову и в деле отражения крымчаков. Он, безусловно, отрицательно сказался бы на доверии войска к своему командующему и, соответственно, на боеспособности и боевом духе русского войска. По справедливому замечанию А.А. Зимина, в этом плане личные интересы Бориса Годунова совпали с государственными. Именно поэтому расследование обстоятельств смерти царевича должно было провести в исключительно короткие сроки и с возможно меньшим резонансом. Так оно и вышло. Комиссия Василия Шуйского работала в Угличе не менее 7-ми, но не более 11-ти дней и выехала в Москву не ранее 25, но не позднее утра 30 мая 1591 г.

Вероятно, в ожидании крымчаков были проведены и первые противопожарные мероприятия в Москве в мае 1591 г., когда «в объезде для огня и для всякого воровства» были выставлены специальные люди. Обращает на себя внимание слово «воровство» (т. е. противогосударственная акция, заговор, измена, предательство — СРЯ 1976. Вып. 3. С. 31) в записях разрядных книг в связи с мерами противопожарной безопасности, предпринятыми властями в столице накануне вторжения Казы-Гирея. Оно означает, что изменнических поджогов ждали. Не исключено, что подготовительные к предотвращению возгораний мероприятия в мае–июне 1591 г. в Москве были вызваны памятью о событиях 20-летней давности, когда поход на столицу крымского хана Девлет-Гирея сопровождался пожарами на ее окраинах и имел самые трагические последствия: «Самый город неприятель не взял, но зажег его предместья, которые (состоя из деревянного строения, без камня, кирпича или глины, за исключением немногих наружных покоев), сгорели с такою быстротою, и огонь так далеко распространился, что в четыре часа не стало большей части города, имеющего до 30 миль или более в окружности. Зрелище было ужасное: при сильном и страшном огне, обнявшем весь город, люди горели и в домах, и на улицах <...>; <...> в одно и то же время от огня и давки погибло (как сказывают) 800 000 человек или более. Запалив город и насладившись зрелищем яркого пламени, крымский хан возвратился домой со своим войском и прислал <...> русскому царю нож, чтобы он зарезал себя после такой потери <...>» (Флетчер 2014. С. 75–76).

Дж. Флетчер оставил интереснейшие заметки о взаимоотношениях России и Крыма в конце XVI в. По его сведениям, крымские тата-

ры совершали свои набеги «...один или два раза в год, именно около Троицына дня², но чаще во время жатвы» (Там же. С. 76). Учитывая, что пасхальный предел определяется между 22 марта и 25 апреля и понимая всю условность таких вычислений, установим примерные сроки весенне-летних вторжений крымских татар на территорию Русского государства. Примерным ориентиром для определения вероятной даты военного похода крымчаков является указание Флетчера на Троицын день. Троицын день приходился на период между 10 мая и 13 июня и, вероятно, в период с мая по июль набеги крымских татар были особенно ожидаемы и требовали от правительства специальной подготовки к ним. В 1591 г. Троицу отмечали 23 мая.

Флетчер определенно различал крупномасштабные походы крымских татар, целью которых был поход на столицу, и грабительские походы на окраинные территории Русского государства малыми силами: «когда идет войною сам Великий или Крымский Хан, то ведет он с собой огромную армию в 100 000 или 200 000 человек. В противном случае, они делают кратковременные и внезапные набеги с меньшим числом войска, кружась около границы, подобно тому, как летают дикие гуси, захватывая по дороге все, и стремясь туда, где видят добычу» (Там же. С. 76). Еще в начале мая 1591 г. крымские перебежчики показали, что на Москву Казы-Гирей идет более, чем со 150 000 войском, т. е. «со всей ордой». Помимо крымчаков в походе приняли участие Малая Ногайская орда (Казыев улус), турецкие конные отряды из Очакова и Белгорода, а также янычары. Вторжение сопровождалось движением полевой артиллерии с турецкими пушкарями в придачу (РК 1475–1598. С. 440–441; ПСРЛ. Т. 14. С. 42; Зимин 1986. С. 177–178; Скрынников 1981. С. 89).

Рис. 2. Мелхиор Лорк. Татарский лучник. 1576 г.

Fig. 2. Melchior Lorck. Tatar archer.

² Троицын день (Троица) — праздник, приходящийся на воскресенье, соответствующее 10-му дню после Вознесения Господня или 50-му дню после Пасхи.

10 июня воеводой Василием Вельяминовым из Путивля в Москву был срочно отправлен сторожевой голова Сергей Апытков, с сообщением о том, что крымский царь «идет на государевы украины Муравским шляхом, а с ним по смете людей с полтораста тысяч и больше». Основная часть русских войск стояла «на берегу», тогда как другая была сосредоточена в районе Новгорода и Пскова (Зимин 1986. С. 178). Получив тревожную информацию, царь Федор велел воеводам Тулы, Деდიлова и других пограничных городов, укрепив их, выдвинуться со всеми людьми «на берег» Оки к главнокомандующему князю Ф.И. Мстиславскому и занять там места «по росписи» (Зимин 1986. С. 178; Скрынников 1981. С. 89). Планировалось остановить татар на переправах через Оку, куда те прорвались, спалив

Рис. 3. Мелхиор Лорк. Татарский воин, 1576 г.

Fig. 3. Melchior Lorck. Tatar warrior, 1576.

предместья Тулы, а затем и Серпухова, 26 июня. Однако правительство Федора Ивановича опасалось прорыва подвижной татарской конницы и выхода ее в тыл русскому войску. Получив соответствующее распоряжение из Москвы, Ф.И. Мстиславский 28 июня отдал приказ об отходе войска на Пахру, чтобы защитить от татар ближние подступы к столице (Зимин 1986. С. 178; Скрынников 1981. С. 89). Оборона Москвы была возложена на Бориса Годунова, в распоряжении которого находились дворовые войска (Зимин 1986. С. 178).

29 июня из сообщения тульского станичного головы Алексея Сухотина, прибывшего к царю Федору, стало известно, что крымский хан «идет к берегу на прямое дело со многими людьми». Сухотин показал, что по следам на дорогах («сакме») и «по огням», он «смечал», что «с крымским царем» движутся на Москву «людей с полтораста тысяч и больше»³.

Татар ждали со стороны Серпухова, поэтому гуляй-город Годунов расположил в Замоскворечье, между Серпуховской и Калужской до-

³ А.А. Зимин отмечал, что данные о численности войска Казы-Гирея в источниках разнятся: 100 000, 150 000 и даже 400 000 человек (см.: Зимин 1986. С. 178).

ФОРМЫ ОБМУНДИРОВАНИЯ. I. (Русскія войска).

Рис. 4. Обмундирование и вооружение русского войска в XVI в.
 Fig. 4. Equipment and weaponry of Russian army in the 16th century.

рогами. 1 июля 1591 г. состоялся смотр русского войска под с. Коломенским. На следующий день Ф.И. Мстиславский двинулся к Котлам, чтобы соединиться с передвижным обозом (гуляй-городом, представлявшим собой своеобразную походную крепость на колесах) Бориса Годунова (Скрынников 1981. С. 89). В обоз были свезены пушки. Артиллерией («нарядом») распоряжался только что вернувшийся из ссылки оружничий Богдан Яковлевич Бельский. Наконец, 3 июля для наблюдений за продвижением татарской конницы был выслан военный отряд в 200 человек, однако уже через два часа дозорный воевода прискакал к обозу израненный и сообщил, что татары переправились через Пахру (Там же). Посланный на Пахру с боевым отрядом воевода кн. Владимир Иванович Бахтеяров был на голову разбит крымчаками.

Федор Мстиславский оставил Котлы и начал движение к Данилову монастырю. Туда же с обозом и артиллерией «дворовой ратью» подошел Борис Годунов. 4 июля в третьем часу дня крымчаки заняли Котлы. По Серпуховской дороге навстречу Казы-Гирею выступили конные дворянские сотни, которые сражались с татарами до глубокого вечера. Однако конные сотни были отброшены, а войско крымского хана вплотную приблизилось к укрепленному обозу Бориса Годунова (Зимин 1986. С. 178; Скрынников 1981. С. 89). Начался штурм гуляй-города.

В оценке дальнейших событий источники расходятся. Р.Г. Скрынников обратил внимание на то, что согласно государеву разряду 1598 г., Казы-Гирей сам подошел к гуляй-городу

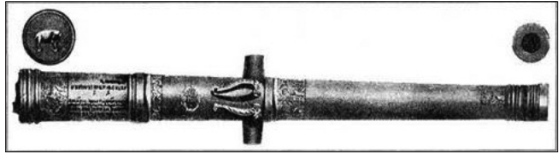

Рис. 5. Пищаль «Медведь». Литейный мастер Семен Дубинин. Москва, 1590 г., бронза. Fig. 5. Bronze Pishchal' (hand cannon) "Medved'"("Bear") made by gunsmith Semion Dubinin. Moscow, 1590, bronze.

«со всеми людми» (Зимин 1986. С. 178; ср.: Скрынников 1981. С. 89). Сражение, продолжавшееся весь день, будто бы закончилось тем, что «...у крымского царя... многих людей побили».

Пространная редакция Разрядных книг рисует иную картину битвы возле Данилова монастыря, которая никак не тянула на генеральное сражение. Согласно этому описанию, Казы-Гирей выслал к русскому гуляй-городу «царевичев со многими крымскими людми», ограничившись лишь «травлей» (отдельными стычками) с русским войском. Из гуляй-города навстречу врагу были выставлены конные сотни, которые «с крымскими людми травились», «... и царь крымской... на премое дело не пошел и полков своих не объявил, а стоял на Котле в оврагах в крепостях» (Скрынников 1981. С. 89). Сведения Нового летописца об этом сражении сводятся к утверждению, что «люди государевы, бияхусь... из обозу и не можаху их одолети; они же, погани, топтаху московских людей и до обозу». Однако имеются и более осторожные свидетельства: «...крымские люди к обозу прилазили, и Бог сохранил, бой был ровно...» (Скрынников 1981 С. 89–90; см. также: РНБ (ОР). Собр. Эрмитажн. № 390. Л. 762 об., 759–761, 766 об., 768, 772; РК 1475–1598 гг. С. 443–444; РГБ (ОР) Муз. № 6033. Л. 264; ПСРЛ. Т. 14. С. 42).

Скорее всего, перестрелка «за Ямскою слободою» от Воробьева до р. Котел, продолжаясь ок. 7 часов, носила в основном беспорядочный характер (Зимин 1986. С. 178). Попытка взять обоз Годунова штурмом не удалась. Казы-Гирей не решился атаковать русские полки главными силами, а отвел свои войска к Коломенскому и разместил их на лугах по обе стороны Москва-реки. Стан Казы-Гирея расположился за Москвой-рекой.

В ночь на 5 июля снова началась стрельба. В лагерь Казы-Гирея под видом сдавшегося в плен дворянина пробрался лазутчик. Он сообщил о том, что ночью в Москву на подмогу русскому войску прибыла немецкая и польская 30-тысячная рать (Масса 1937. С. 38; Временник Ивана Тимофеева 1951. С. 157; Зимин 1986. С. 179). Новый летописец

сообщает, что данные о подмоге («приидоша к Москве многая сила Новгородская и иных государств Московских») поступили сразу от нескольких «полонеников» (ПСРЛ. Т. 14. С. 43). Само по себе тревожное, это известие получило неожиданное подтверждение среди ночи. В русских полках произошел «всполох велий» — прозвучал сигнал тревоги. Тревога была нечаянной, ложной, но она заставила пушкарей в темноте броситься к своим орудиям.

Первыми открыли огонь пушкари гуляй-города. За ними с крепостных стен ударила тяжелая артиллерия «и осветиша городы все от пушек» (об обороне Москвы см.: РК 1475–1598 гг. С. 440–448; РК 1559–1605 гг. С. 267–268; РГАДА. Ф. 123. Кн. 18. Л. 189–190; РНБ (ОР). Собр. Эрмитажн. № 390. Л. 768; Временник Ивана Тимофеева 1951. С. 157–158; ПСРЛ. Т. 14. С. 42–43; Масса 1937. С. 36–38; Анпилогов 1967. С. 41–43; см. также: Зимин 1986. С. 178–179; Скрынников 1981. С. 90–91). Сильнейшая артиллерийская канонада вызвала смятение и панику в стане врага. Татары «бежаху и друг друга топтаху». 7–8 июля, вплоть до самого Серпухова арьергард крымчаков преследовали войска Ф.И. Мстиславского и Бориса Годунова. В плен были взяты по официальным данным 1 000 человек, по другим — 400 или 200. И. Масса писал, что русским удалось захватить «около 70 человек, по большей части холопов господ, намеревавшихся во время осады поджечь Москву» (Масса 1937. С. 38). Запорожские и донские казаки разгромили крымские «коши». Преследовать крымцев за Окой уже не стали. Раненый в руку Казы-Герай «пришел из войны... в ночи в телеге» (Зимин 1986. С. 178–179; Скрынников 1981. С. 91).

Насладиться победой в полной мере Борису Годунову не удалось. Во-первых, после отражения крымчаков по южным окраинам Русского государства разползлись слухи об «убойстве» Дмитрия и о том, что татар «навел» Годунов (Зимин 1981. С. 179). Об этом много говорили в народе («воиде в мысль во многие простые люди украинские, что приведоша царя Крымского под Москву Борис Годунов, бояся от земли про убойство царевича Дмитрея»). Приехавший из Алексина сын боярский Иван Подгорецкий показал, что подобные «словеса» он слышал от своего крестьянина. Последнего схватили и пытали в Москве. На дыбе он назвал распространителей слухов, «... оклеветав множество людей». По городам «во всей украине» начались расследования, в ходе которых были установлены имена новых злоумышленников и «... множество людей с пыток помроша, а иных казняху и языки резаху, а инии по темницам умираху» (ПСРЛ. Т. 14. С. 43–44). Во-вторых, имени Годунова не оказалось среди имен бояр и воевод, представленных к награде за победу над крымчаками. Согласно царскому указу 10 июля

1591 г., воеводы, участвовавшие в обороне Москвы, получали «государево многое жалование, коемуждо по их достоянию». Все, кроме Бориса Годунова, которого Ф.И. Мстиславский опрометчиво не упомянул в своей реляции о победе. Ему это стоило кратковременной опалы, тогда как Борис Федорович был вскоре «за многие его службы... и за летошний царев приход» вознагражден присвоением ему высокого титула «слуги»: «...шурина же своему Борису Федоровичу Годунову даде свое государево многое жалование и вотчины, ему же пожаловал честь: велел его писати слуга, конюшенной боярин». По меткому замечанию А.А. Зимина, «истинный вклад Бориса в оборону столицы определить трудно, но так или иначе он получил самое большое пожалование» (Зимин 1986. С. 179–180). Выхавший в июле 1592 г. в Речь Посполитую посол Афанасий Резанов разъяснял значение нового титула Годунова: «То имя честнее всех бояр. А дается то имя от государя за многие службы» (Там же. С. 180–181). В действительности титул слуги в конце XVI в. не был выше чина боярина и не давался за заслуги, а был связан с княжеским происхождением своего носителя и наличием у него вотчины — княжения. По мнению А.А. Зимина, наказ А.Д. Резанову был типичным примером «переписывания истории» в интересах правительства Годунова (Там же).

В этих условиях Борису Годунову была крайне невыгодна любая шумиха, поднятая вокруг смерти царевича Дмитрия. Вывод Следственной комиссии Шуйского о том, что «царевичу Дмитрию смерть учинилась божьим судом» как бы лишал остроты вопрос о гибели единственного на тот момент наследника престола. Основное внимание царя Федора Ивановича и участников Освященного собора 2 июня 1591 г. в сгоревшей Москве, ожидавшей набега Казы-Гирея, было обращено не столько к кончине царевича, сколько к «измене» Нагих. Последняя сводилась к «напрасному» побитию в Угличе 15 мая государева дьяка Михаила Битяговского и других приказных людей, стоявших «за правду», а после московских пожаров обещала разрастись в серьезное дело, связанное с разоблачением антиправительственного мятежа.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Анпilogов Г.Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М., 1967. [*Anpilogov G.N.* Novyye dokumenty o Rossii kontsa XVI — nachala XVII v. (New Documents on Russia at the End of the 16th — Beginning of the 17th Century). Moscow, 1967.]

Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печати, пер. и ком. О.А. Державиной. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951. [*Vremennik Ivana Timofeyev-*

- va (Ivan Timofeev's *Vremennik*) / Ed. by O.A. Derzhavin, V.P. Adrianova-Peretz. Moscow; Leningrad, 1951.]
- Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. [*Zimin A.A.* V kanun groznykh potryaseniy: Predposylki pervoy Krest'yanskoj vojny v Rossii. (On the Eve the Terrible Bouleversements: the Background of the First Peasant War in Russia). Moscow, 1986.]
- Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII века / Перев., примеч. и введ. А.А. Морозова; перев. стихов В.А. Зоргенфрея. М., 1937. [*Massa I.* Kratkoje izvestiye o Moskovii v nachale XVII veka. (A Brief Notes about Muscovy at the Beginning of the 17th Century) / Transl., notes and introd. by A.A. Morozov; transl. of the poems by V.A. Zorgenfrey. Moscow, 1937.]
- ПСРЛ. М., 1965. Т. 14: Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси; Новый летописец; Указатели к Никоновской летописи (IX–XIV вв.). [Povest' o chestnom zhitii tsarya i velikogo knyazu Fedora Ivanovicha vseya Rusi; Novyy letopisets; Ukazateli k nikonovskoy letopisi (IX–XIV tt). (The Full Collection of Russian Chronicles. Moscow, 1965. Vol. 14: The life of the Tsar and a Great Prince Feodor Ivanovitch; The New Chronicler, Notes to Nikon's Chronicle (Vol. 9–14)).]
- Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1975–1976. Т. 1–2. [Razryadnaya kniga 1550–1636. (The Book of "Razryad" 1550–1636). Moscow, 1975–1976. Vol. 1–2.]
- Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. [Razryadnaya kniga 1559–1605 (The Book of "Razryad" 1559–1605). Moscow, 1974.]
- Разрядная книга 1475–1598 / Отв. ред. В.И. Буганов. М., 1966. [Razryadnaya kniga 1475–1598 (The Book of "Razryad" 1475–1598) / Ed. by V.I. Buganov. Moscow, 1966.]
- РК — Разрядные книги 1475–1605 гг. / Сост. Л.Ф. Кузьмина; под ред. В.И. Буганова. Т. 3, ч. 2. М., 1987. [Razryadnaya kniga 1475–1605 (The Books of "Razriad" 1475–1605) / Ed. by L.F. Kuzmina, V.I. Buganov. Vol. 3, pt. 2. Moscow, 1987.]
- Скрынников Р.Г.* Борис Годунов и царевич Дмитрий // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 190–191. [*Skrynnikov R.G.* Boris Godunov i tsarevich Dmitriy (Boris Godunov and Prince Dmitriy) // Issledovaniya po sotsial'no-politicheskoj istorii Rossii. Leningrad, 1971. P. 190–191.]
- Скрынников Р.Г.* Россия накануне «Смутного времени». М., 1981. [*Skrynnikov R.G.* Rossiya nakanune "Smutnogo vremeni". (Russia on the Eve of the Time of Troubles). Moscow, 1981.]
- СРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3. М., 1976. [Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. (The Dictionary of Russian Language of the 11th–17th Centuries). Vol. 3. Moscow, 1976.]
- Флетчер Дж.* О государстве Русском. М., 2014. [*Fletcher J.* O gosudarstve Russkom (Of the Russe Common Wealth). Moscow, 2014.]

‘THE GREAT CRIMEAN KHAN HIMSELF IS COMING FOR WAR’:
THE CRIMEAN KHAN ĞAZI-GIRAY’S CAMPAIGN AGAINST MOSCOW
IN THE CONTEXT OF THE DYNASTIC CRISIS IN RUSSIA
IN THE END OF THE 16TH — BEGINNING OF 17TH CENTURY

The present study is devoted to the campaign of Crimean Khan Ğazi-Giray against Moscow in July 1591. The author describes the actions of the government of Tsar Fedor Ivanovitch in the field of organization of defense of the Capital City. The policy of Boris Godunov which aimed to attract people’s attention to his measures for protection of Moscow is thoroughly investigated in the context of rumors about the death of prince (*tsarevitch*) Dmitriy and the ‘treason’ of the Nagiye family. The author demonstrates how Boris Godunov achieved these goals under the dynastic crisis on the eve of ‘The Time of Troubles’ in Russia, rumors of his participation in the assassination of Dmitriy, accusations of organizing the Fire in Moscow in 1591 and the Crimean raid against the Russian Capital.

Keywords: Russia on the Eve of the ‘Time of Troubles’, Crimean Khanate, dynastic crisis, Boris Godunov, Crimean Khan Ğazi-Giray, raid to Moscow, the Fire of Moscow in 1591

DOI: 10.32608/1560-1382-2021-42-602-612

А.В. Подосинов

СТИХОТВОРЕНИЕ МАКСИМА ПЛАНУДА НА «ГЕОГРАФИЮ» ПТОЛЕМЕЯ

В работе впервые публикуется русский перевод стихотворения византийского эрудита Максима Плануда (ок. 1255–1305 гг.), открывшего в 1295 г. рукопись «Географии» Птолемея. Гексаметрические стихи в 47 строках посвящены обнаружению «Географии» и адресованы византийскому императору Андронику II Палеологу (1282–1328). Стихотворение Плануда представляет собой важное свидетельство Птолемеевой традиции в Византии, а также показывает, какое значение для интеллектуалов Константинополя имело открытие географического труда Птолемея, на протяжении многих веков остававшегося неизвестным европейской науке. Собственно, с открытия Плануда началось знакомство Европы с наследием великого античного картографа — знакомство, которое через некоторое время перевернуло представления о Земле в западноевропейской науке и культуре. Стихотворение исполнено восторга перед открывающейся в «Географии» картиной мира, в нем в эпической, часто архаизирующей манере воспеваются достижения Птолемея, византийский император, чья слава должна возрасти от публикации «Географии» Птолемея во время его правления, а также Афанасий II, патриарх Александрийский, большой любитель и собиратель древних текстов, который, вероятно, сделал копию «Географии» вместе с ее картами. В публикации дается филологический, исторический и реальный комментарий к стихотворению Плануда.

Ключевые слова: Максим Плануд, «География» Птолемея, гексаметрическая эпиграмма, история картографии

Татьяна Михайловна Калинина, много лет успешно занимаясь географическими трудами арабских ученых, постоянно апеллирует к трудам Птолемея, ставшим основой географических изысканий и описаний арабской науки. Поэтому, не имея возможности вторгнуться в исследовательское поле арабистов, но желая почтить нашего юбиляра, я обращусь к тому, что нас — антиковеда и арабиста — объединяет, а именно, к Птолемею наследию¹, в данном случае, к обстоятельствам обнаружения греческого текста его «Географии».

---

¹ В нашей совместной с Татьяной Михайловной статье она писала: «Некоторые черты античной картографической традиции сохранились у средневековых арабских ученых, на которых большое влияние оказала античная география в целом и труды Птолемея в частности» (Калинина, Подосинов 2005. С. 113).

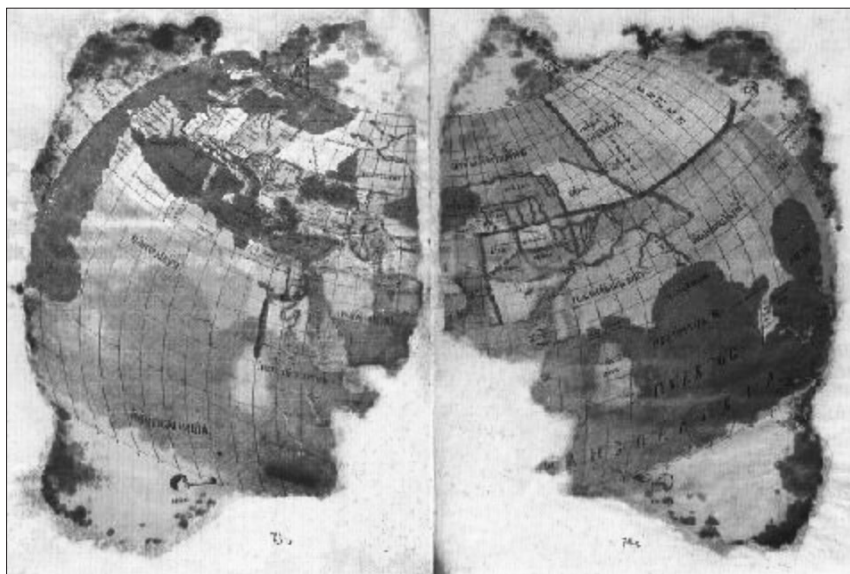

Рис. 1. Птолемеява карта мира из Cod. Seraglienis GI 57 (Стамбул, XIII в.), которую, возможно, описал Максим Плануд в своем стихотворении.

Fig. 2. Ptolemy's World Map from Cod. Seraglienis GI 57 (Istanbul, 13th c.), that could be described by Maximus Planudes in his Poem.

Как известно, в отличие от арабско-сирийской науки, где сочинения Птолемея пользовались большой известностью и влиянием, в Византии и Западной Европе Птолемей оставался практически неизвестным автором. Его труд «География» был впервые обнаружен в 1295 г. в Константинополе монахом из монастыря Хора Максимом Планудом (ок. 1255–1305 гг.), высокоученым собирателем, переписчиком и комментатором рукописей греческих авторов². Найденная им рукопись оказалась со временем в Ватиканской библиотеке и под названием *Vaticanus Graecus 177* является одним из древнейших и важнейших источников текста «Географии»³.

² См. об обстоятельствах обнаружения Планудом «Географии» Птолемея: Bagrov 1945. S. 318–387; Burri 2003. S. 127–136; Stükelberger 1996. S. 197–205; 2009. S. 325–331.

³ О том, что эта рукопись была найдена Планудом, сообщается в эклибрисе, приложенном к кодексу: *Claudii Ptolemei liber geographie, et est proprius domini Maximi philosophi greci ac monaci in monasterio Chore in Constantinopoli* — «Книга географии Клавдия Птолемея, собственность господина Максима, греческого ученого и монаха монастыря Хора в Константинополе».

От Плануда сохранилось несколько эпиграмм, посвященных этому открытию, и среди них стихотворение, написанное гексаметром и содержащее 47 строк, в которых он с восторгом рассказывает о еще одном экземпляре «Географии» Птолемея, найденном примерно в то же время и имеющем карты⁴. Этот текст весьма важен для истории картографии и оценки труда Птолемея в момент его открытия.

Ниже следует прозаический перевод стихотворения Плануда⁵.

МУДРЕЙШЕГО ГОСПОДИНА МОНАХА МАКСИМА ПЛАНУДА
ГЕКСАМЕТРИЧЕСКИЕ СТИХИ НА «ГЕОГРАФИЮ» ПТОЛЕМЕЯ,
СКРЫТУЮ ОТ ГЛАЗ В ТЕЧЕНИЕ ДОЛГОГО ВРЕМЕНИ
И ЗАТЕМ С БОЛЬШИМ ТРУДОМ ИМ ОБНАРУЖЕННУЮ⁶

(1) Великое чудо, как Птолемей искусно вывел перед глазами зрителя⁷ весь круглый образ земного мира⁸, как если бы кто-то нарисовал

⁴ Найденный Планудом cod. Vaticanus Graec. 177, по-видимому, не имел карт (Stückelberger 2009. S. 325–326).

⁵ Текст письма сохранился в трех рукописях: А — Cod. Ambrosianus Graec. 43, fol. 2v, XIV в.; В — Cod. Borbonicus Graec. 261, fol. 3r/v, XIV в. (?); М — Cod. Matritensis Graec. 4621, fol. 129 r/v (сохранился в списке Ласкариса 1490 г.). Наш перевод основывается на издании: Stückelberger 2009. S. 326–329.

⁶ Этот заголовок, предшествующий самому стихотворению, присутствует в рукописи В (Cod. Borbonicus Graec. 261. Fol. 3r).

⁷ Марк Аврелий Кассиодор в своих наставлениях монахам основанного им монастыря Vivarium ок. 560 г. упомянул находящуюся в библиотеке монастыря «Географию» Птолемея следующим образом: «Если же вы загоритесь благородной заботой о познании [географии], то у вас есть том Птолемея (habetis Ptolemaei codicem), который все местности показывает настолько наглядно (sic omnia loca evidentiter expressit), что вам покажется, что он был жителем почти всех мест» (Cassiodor. Instit. I, 25). Выражение *evidenter expressit* точно отражает и слова Плануда («вывел перед глазами зрителя» — ὀλοψιον ἔγαγε). Не лишено вероятности предположение, что речь в стихотворении Плануда идет не о тексте «Географии», а о карте мира, которую Плануд мог сам составить по указаниям Птолемея (Berggren, Jones 2000. P. 49–50); эта карта могла быть и древней, сопровождавшей текст (Burri 2003. S. 133–136).

⁸ Περὶτροχὸς ἄντῳ χθονίου κόσμου πᾶσα представляется плеоназмом (букв. «вся круглая окружность земного мира»); замечу, что это выражение очень близко латинскому *orbis terrarum* — «круг земель»). Интересно здесь почти полное совпадение с гексаметрической надписью на Херефордской карте (кон. XIII — нач. XIV в.), называющей Рим «главой мира, держащей бразды над круглым кругом [земель]» — *Roma capud (sic!) mundi tenet orbis frena rotundi*. Этот стих (известный и в такой версии: *urbs Roma caput mundi regit orbis frena rotundi*) был популярным в средние века изречением. На реверсе печати второй императорской буллы Конрада II (1024–1039) было изображено кольцо стен «*aurea Roma*», вокруг

на табличке один городок. Ведь я никогда не видел пеплоса Афины⁹, (5) который весь искусно изукрашен многими цветами в определенном порядке. Но нечто подобное я увидел в любезной моим очам Географии, удобно излагающей хорошо изображенную¹⁰ истину согласно многим свидетелям, которые видели города многих людей и познали их обычаи (τοὶ πολλῶν μερῶν ἴδον ἄστεα καὶ νόον ἔσχον)¹¹. И если кто-то видит луг, (10) который на утренней росе наполнен весенними цветами, и его глаза и сердце наслаждаются этим великим чудом, рождающим радость, то ведь никакой пользы от этого он потом не получает. Если же кто-то бросит свой взгляд, напрягая любознательный ум, на эту Географию, то он уж точно не разочаруется в этом. (15) Ибо он с легкостью сможет получить представление¹² о всей Земле, ее образе, положении и очертании, вплоть до любой подробности¹³, далее об устьях рек, местоположении

которого шла наша надпись: «Roma caput mundi tenet orbis frena rotundi». Ср. также тавтологическое объяснение слова orbis [terrarum] в «Этимологиях» Исидора Севильского (XIV, 2): “Orbis a rotunditate circuli dictus, quia sicut rota est; unde brevis etiam rotella orbiculus appellatur. Undique enim Oceanus circumfluens eius in circulo ambit fines” — «Круг [земель] назван от округлости круга, поскольку выглядит как колесо; откуда даже и маленькое колесико называется кружочком. Ведь Океан, омывая [его] со всех сторон, обходит его окраины по кругу».

⁹ Пеплос — священное, богато украшенное одеяние, передаваемое Афине во время праздника Великих Панафиней в дар от жителей Афин.

¹⁰ Употребленное здесь редкое прилагательное εὐκατάτακτος («благоустроенный») встречается у Птолемея в I, 1, 4, откуда Плануд, скорее всего, его и заимствовал (Stückelberger 1996. S. 203).

¹¹ Аллюзия на «Одиссею» Гомера, где тот говорит об Одиссее, что он «многих людей города посетил и обычаи видел» (I, 3: πολλῶν δ' ἀνθρώπων ἴδεν ἄστεα καὶ νόον ἔγνω; перев. В. Жуковского). О гомеризмах у Плануда см.: Stückelberger 1996. S. 203.

¹² Ср. в начале труда Птолемея: «География изображает нам землю единой и непрерывной... отмечая заливы, большие города, народы, реки и остальное, наиболее достопримечательное в каждом роде» (I, 1, 2; перев. К.С. Апта).

¹³ В греч. тексте три рукописи дают различные чтения: А — χωρον ἕκαστου, В — χωρον ἕκαστου, М — χωρης ἐκάστου. В издании Stückelberger'a, по которому дается настоящий перевод, принято чтение χωρης ἕκαστου на том основании, что у самого Птолемея в I, 1, 1 также говорится о χωρης ἕκαστου. Парадокс состоит в том, что Птоломей, используя это выражение, характеризует не свой — «географический» — подход к исследованию, а «хорографический», от которого он хотел бы отмежеваться («География есть линейное изображение всей ныне известной нам части земли со всем тем, что на ней находится. Она отличается от хорографии тем, что последняя, беря отдельные местности, рассматривает каждую из них особо (χωρης ἕκαστου), приводя в своих описаниях даже такие мелочи, как, например, гавани, селения, округа, притоки главных рек и т.п. География изображает известную нам землю единой и непрерывной, показывает ее природу и положение в виде самых общих очертаний, отмечая заливы, большие города, народы, реки и остальное, наиболее достопримечательное в каждом роде» — перев. К.С. Апта). Таким образом, Плануд использовал Птолемею выражение, чтобы похвалить его, в то время как тот этим выражением описывал противоположные ему методы.

городов и рек, а также народов, сколь бы много их ни обитало, и об Амфитрите¹⁴ со своими островами¹⁵. Кое-что должен я тебе еще сказать, а ты прими это близко к сердцу. (20) Пусть тебя не сбивает с толку возвышенное имя поэзии, если ты узнаешь там о глубоком потоке Океана, который всю Землю омывает своими бесчисленными волнами, ибо поэты всегда любят скрывать истину лживыми словами и необычайными рассказами¹⁶. (25) Ты же доверяй только исследованию Птолемея, поскольку он муж, достойный доверия и наилучший среди мужей¹⁷; и я сам ни с какой стороны не сравню его с Дионисием¹⁸.

¹⁴ Амфитрита — в греч. мифологии жена владыки моря Посейдона и царица морей, в данном случае = море.

¹⁵ Это место удостоверяет, что Плануд видел не только текст «Географии», но и приложенные к ней цветные карты (или хотя бы карту мира), см. также выше сравнение с пестрым пеплосом Афины и цветами луга: Stückelberger 2009. S. 329.

¹⁶ Действительно, практически вся античная литература разделяла взгляд на Внешний океан, будто бы омывающий землю со всех сторон. Так думали Платон, Аристотель, Эратосфен, Пифей, Кратет Маллосский, Посидоний, Страбон, Мела, Плиний, если называть только самых известных географов и ученых (см.: Olshausen 1999. S. 171). Ссылка именно на поэтов вполне оправдана, так как эта точка зрения, уже начиная с Гомера (II. XVIII, 489; Od. V. 285; IX, 13; XX, 65), была общим местом всех поэтических описаний античности — у Гесиода, Эсхила и многих других поэтов (см., например, у римского поэта I в. до н.э. Катулла (64, 30): *Oceanusque, mari totum qui amplectitur orbem* — «и Океан, который охватывает весь мир морем»). Птолемей был одним из немногих, кто не признавал существования океана во всех частях ойкумены; так, например, океан не омывает у него юг Африканского материка, доходящего до южного полюса (см. Ptolem. Geogr. IV, 8, 1; 5; 7), и юго-западную Азию (см. VII, 3, 1 о том, что страна синов, находящаяся южнее Серики (Китая), граничит на востоке и юге с неизвестной землей — ἀγνώστῳ γῆ) (см. илл. на стр. 614).

¹⁷ Маркиан из Гераклеи, компилировавший в IV–V вв. в своем «Перипле Внешнего моря» (*Periplus maris exteri*) помимо других греческих авторов также «Географию» Птолемея, отзывался о нем тоже как о «божественном и мудрейшем Птолемея» (см. I, 1: ἐκ τῆς γεωγραφίας τοῦ θειοτάτου καὶ σοφοτάτου Πτολεμαίου, ср. II, 2 в: *Geographi Graeci Minores* 1855. P. 516 и 542).

¹⁸ Имеется в виду Дионисий Перизет — греческий поэт первой половины II в. н.э., живший в Александрии и написавший географическую поэму «Описание ойкумены», которая пользовалась большой популярностью в античности и служила даже школьным учебником географии (см. перевод «Описания»: Илюшечкина 2005. С. 214–231; 2006, № 1. С. 234–245; 2006, № 2. С. 234–251). Поэма была переведена дважды на латинский язык — Руфом Фестом Авиеном (IV в. н.э.) и Присцианом (ок. V в. н.э.). Актуальность упоминания Дионисия Планудом может объясняться еще и тем, что в XII в. византийский церковный деятель и ученый Евстафий Солунский (митрополит Фессалоники) написал большой комментарий к поэме Дионисия, с которым Плануд, несомненно, был знаком. Дионисий в первой же фразе своего труда объявляет о том, что вся земля окружена морем: «Начинаю воспевать сушу и широкое море, реки и города, и бесчисленные народы, я [прежде всего] упомяну глубокотекущий Океан, [которым] обрамлена вся земля наподобие огромного острова» (перев. Е.В. Илюшечкиной). Замечу, кстати, что Евстафий в большом

(28)¹⁹ Но достаточно об этом. [Невероятно], что столь почтенный труд, который был скрыт неисчислимое количество лет²⁰, до сих пор не находил своего почитателя, (30) который, обладая сердцем, любящим прекрасное, приложил бы усилия (32) вывести его на свет с любовью и усердием. Но величие²¹ богом коронованного великого императора (33) Андроника²², благородного повелителя ромеев²³, (36)²⁴ сподвигло и поощрило божественного мужа на этот [труд] — (37) богобоязненного пастыря города Александра²⁵, (38) того столь мудрого мужа, который является знатоком отдаленных местностей. (39) Он взял на себя по его за-

---

предисловии к «Комментариям» на Дионисия Перизгета воспроизводит Птолемею определение географии и хорографии, не называя автора по имени (см.: *Geographi Graeci Minores* 1861. P. 212–213); в других местах Евстафий упоминает Птолемея. Любопытно также, что Евстафий относит «Описание ойкумены» Дионисия к географическому, а не хорографическому жанру (*Ibidem*. P. 213: ὁ Διονύσιος χωρογράφος μὲν οὐδὲν ἔχει κοινὸν, ἐγγίξει δὲ τῷ γεωγράφῳ... — «Дионисий не имеет ничего общего с хорографом, но приближается к географу...») и показывает, что Дионисий полностью отвечает Птолемею пониманию географии. Можно предположить, что резкий отказ Плануда сравнивать произведение Дионисия с трудом Птолемея вызван, вероятно, его скрытой полемикой с утверждением Евстафия.

¹⁹ С 28 строки тема стихотворения меняется.

²⁰ Предполагается, что эти слова указывают на древнее, возможно, позднеантичное происхождение рукописи (*Stückelberger* 2009. S. 329).

²¹ Слова μένος («сила») и ниже в стрк. 43 μέγα κράτος («великая сила») — эпические выражения, хорошо известные по произведениям Гомера и Гесиода. Особенно часто там употребляется выражение «сила Геракла — βίη Ἡρακλεΐην» описательно вместо просто «Геракл» (в значении «сила» встречаются также слова ἴς, μένος и σθένος); см. βίη Ἡρακλεΐην в: *Hom.* II, 658, 667; V, 638; XI, 267 (здесь об Агамемноне Атриде — μένος Ἀτρεΐδαο; XIII, 248 (об Идемее — σθένος Ἴδομενῆος); XVIII, 486 (об Орионе — σθένος Ὠρίωνος); *Od.* XVIII, 34 (об Антиноне — ἱερὸν μένος Ἀντινόοιο — «священная сила Антиноя»); XVIII, 405 (о Телемахе — ἱερὴ ἴς Τηλεμάχοιο); XXIII, 720 (об Одиссее — κρατερὴ — «мощная» — ἴς Ὀδυσῆος); βίη Ἡρακλεΐην в: *Hesiod. Theog.* 289, 315, 332 (здесь плеонастическое ἴς βίης Ἡρακλεΐης), 951 (здесь ἴς Ἡρακλεΐος), 983; *Opera et dies* 598 (об Орионе — σθένος Ὠρίωνος). См. также в эпической поэме «Аргонавтика» Аполлония Родосского (I, 531–532: μέγα σθένος Ἡρακλεΐος) и в латинской «Аргонавтике» Валерия Флакка (I, 561–562: *robur Heraclaeum*).

²² Имеется в виду Андроник II Палеолог (1259–1332), бывший византийским императором в 1282–1328 гг.

²³ Ромеи — самоназвание византийских греков, считавших себя наследниками Римской (Ромейской) империи.

²⁴ Строки 34 и 35 издатели предлагают поместить после 39 строки, что дает более логичный текст с точки зрения содержания.

²⁵ Предполагается, что речь идет об Афанасии II (или Афанасии III Синаите) — патриархе Александрии (1289–1293; 1303–1311), который в 1293–1303 гг. жил в Константинополе (*Burgi* 2003. S. 129–130). Афанасий был известным знатоком и собирателем древних рукописей. В частности, он владел знаменитым позднеантичным кодексом V в., содержащим Новый завет (теперь это хранящийся в Лондоне *Cod. Alexandrinus*), знал греческий и арабский языки.

данию огромную работу²⁶, (34) как если бы кто-то из благородных соображений, (35) как верный друг ромеев, воссоздал бы изображение облика правителя²⁷. (40) Он завершил этот труд с пониманием и знанием, моля Господа Бога снова расширить границы земли ромеев, какими они были при прежних императорах²⁸. Ты же, о великая сила²⁹, выдающаяся среди авсонийцев³⁰, ты, отмеченный блеском харит и дружбой муз, (45) радуйся тому, что такой труд благодаря нашему³¹ усердию появился на свет в твоё время. И ты из-за этого труда всегда будешь пользоваться славой и почётом среди последующих поколений людей³².

²⁶ Очевидно, имеется в виду копирование «Географии» Птолемея с приложенными к тексту картами (Stückelberger 2009. S. 329). Предполагается, что речь здесь идет о древнейшей рукописи «Географии» Cod. Seragliensis GI 57, которую обнаружили в султанском дворце Топкапы в Стамбуле в 1927 г. и которая состоит из 123 пергаменных листов (Stückelberger 2009. S. 330).

²⁷ Это труднопонимаемое место, возможно, также отражает одно высказывание Птолемея в I теоретической книге его «Географии», где он рассуждает о различиях между географией и хорографией (см. примеч. 13): «Назначение хорографии можно сравнить со взглядом художника на отдельную часть головы, ухо или глаз, которую он собирается изобразить. Назначение географии сходно с рассматриванием всей головы для изображения ее очертаний полностью» (перев. К.С. Апта).

²⁸ Плануд воспроизводит здесь имперскую идею, часто в истории сопровождающую картографическое изображение ойкумены (см.: Подосинов 2007. С. 191–196). В качестве параллели к этой фразе можно привести латинский текст V в. н.э., который описывает изготовление (или редактирование) карты мира. Этот текст представляет собой 12-строчную гексаметрическую эпиграмму, начинающуюся следующими словами (Divisio orbis terrarum 27):

Труд замечательный сей (hoc opus egregium), в котором весь мир поместился,
И обозначены горы, моря, проливы и реки,
Гавани и города, чтобы каждый легко мог увидеть,
Где что находится, нам приказал исполнить потомок

⁵ Славного рода, вечно благочестивый и кроткий

Наш повелитель, величье которого мир не вмещает (totus quem vix capit orbis), —
Феодосий, в пятнадцатый раз на трон свой взошедший.

Предполагается, что эпиграмма была написана в 435 г. в пятнадцатый консулат императора Феодосия II, известного покровителя наук, открывшего 27 февраля 425 г. в Константинополе университет (см. о нем: Bury 1923. P. 232; Traina 2013. P. 155–171).

²⁹ См. выше о смысле этого выражения в примеч. 21.

³⁰ Еще одно обозначение римлян (Авсония — поэтическое название Италии).

³¹ В рукописях А и М читается σλοῦδῆ ἡμετέρῃ («благодаря нашему усердию»), в рукописи В — σλοῦδῆ ὑμετέρῃ («благодаря вашему усердию»). В разных изданиях принято разное чтение, издание Stückelberger'a придерживается первого чтения, поскольку роль Плануда в обнаружении труда Птолемея была весьма значительной.

³² Знаменательно, что полтора века спустя, в 1465 г., именно в Константинополе при дворе Мехмеда II Завоевателя была изготовлена рукопись с единственно сохранившимся арабским переводом «Географии» Птолемея и несколькими картами (Cod. Constantinopolitanus Arabicus (= Ayasofya) 2610).

- Илюшечкина Е.В.* Дионисий Александрийский (Периэгет). Описание ойкумены / Вступ. ст., перев. с древнегр. и комм. Е.В. Илюшечкиной // ВДИ. 2005, № 4. С. 214–231; 2006, № 1. С. 234–245; 2006, № 2. С. 234–251. [*Ilyushechkina Ye.V.* Dionysius of Alexandria (Periegetes). Opisaniye oykumeny (Description of the Oecumene) / Introd., trans. from old Greek and comm. of E.V. Ilyushechkina // Vestnik drevney istorii. 2005, № 4. S. 214–231; 2006, № 1. S. 234–245; 2006, № 2. S. 234–251.]
- Калинина Т.М., Подосинов А.В.* Азовское море в античной, средневековой европейской и в арабской картографии // Ad fontem. У источника. Сборник статей в честь С.М. Каштанова. М., 2005. С. 108–119. [*Kalinina T.M., Podossinov A.V.* Azovskoye more v antichnoy, v srednevekovoy yevropeyskoy i v arabskoy kartografii (The Sea of Azov in Ancient, in Medieval European and in Arabic Cartography) // Ad fontem. U istochnika. Sbornik statey v chest' S.M. Kashtanova. Moscow, 2005. S. 108–119.]
- Подосинов А.В.* Карта мира на службе правителя (о пропагандистской роли карт в древнем Риме) // ВЕДС. М., 2007. Вып. XIX: Политические институты и верховная власть. С. 191–196. [*Podossinov A.V.* Karta mira na sluzhbe pravite-lyu (o propagandistskoy roli kart v drevnem Rime) (A World Map in the Service of the Ruler (on the Propaganda Role of Maps in Ancient Rome) // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'ye. Moscow, 2007. Vol. XIX: Politicheskiye instituty i verkhovnaya vlast'. S. 191–196.]
- Bagrov L.* The Origins of Ptolemy's Geography // Geografiska Annaler. 1945. Bd. 27. S. 318–387.
- Berggren J.L., Jones A.* Ptolemy's 'Geography'. An Annotated Translation of Theoretical Chapters. Princeton; Oxford, 2000.
- Burri R.* Die Wiederentdeckung der *Geographie* des Ptolemaios durch Planudes // Antike Naturwissenschaft und ihre Rezeption. 2003. Bd. 13. S. 127–136.
- Bury J.B.* A History of the Later Roman Empire from the Death of Theodosius I to the Death of Justinian. L., 1923.
- Geographi Graeci Minores* / Ed. by C. Müllerus. P., 1855–1861. Vol. I–II.
- Olshausen E.* Geographie // Mensch und Landschaft in der Antike. Lexikon der Historischen Geographie / Hrsg. von H. Sonnabend. Stuttgart; Weimar, 1999. S. 169–173.
- Stückelberger A.* Die Planudes-Redaktion // Ptolemaios. Handbuch der Geographie. Ergänzungsband mit einer Edition des Kanons bedeutender Städte / Hrsg. von A. Stückelberger, F. Mittenhuber. Basel, 2009. S. 325–331.
- Stückelberger A.* Planudes und die Geographia des Ptolemaios // Museum Helveticum. 1996. Bd. 53. S. 197–205.
- Traina G.* Mapping the World under Theodosius II // Theodosius II. Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity / Ed. by Chr. Kelly. Cambridge, 2013. P. 155–171.

THE POEM OF MAXIMUS PLANUDES
ON THE *GEOGRAPHY* OF PTOLEMY

A Russian translation of the poem by the Byzantine scholar Maximus Planudes (c. 1255–1305), which discovered the manuscript of Ptolemy’s “Geography” in 1295, is published for the first time. Hexametric verses in 47 lines are devoted to the discovery of “Geography” and addressed to the Byzantine emperor Andronicus II Paleologos (1282–1328). Planudes’ poem is an important evidence of the Ptolemaic tradition in Byzantium, and also shows how important for the intellectuals of Constantinople was the discovery of the geographical work of Ptolemy, which for many centuries remained unknown to European science. Actually, with the discovery of Planudes began the acquaintance of Europe with the heritage of the great ancient cartographer, an acquaintance that after some time turned upside down the concept of the Earth in Western European science and culture. The poem is filled with enthusiasm for the picture of the world that opens in “Geography”. The achievements of Ptolemy, the Byzantine emperor, whose fame should grow from the publication of Ptolemy’s *Geography* during his reign, as well as Athanasius II, the Patriarch of Alexandria, a great lover and collector of ancient texts, who probably made a copy of “Geography” with its maps, are glorified here in an epic, often archaic manner. The publication gives a philological, historical and real commentary on the poem of Planudes.

Keywords: Maximus Planudes, “Geography” of Ptolemy, hexametric epigram, history of cartography

DOI: 10.32608/1560-1382-2021-42-613-621

А.В. Акоюян

К ПУБЛИКАЦИИ ДИССЕРТАЦИИ А.П. НОВОСЕЛЬЦЕВА
«ГОРОДА АЗЕРБАЙДЖАНА И ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ
В XVII–XVIII вв.» (1959 год)

Статья предвзывает собой первую публикацию диссертации А.П. Новосельцева «Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII–XVIII вв.», которая была защищена в Институте истории АН СССР в 1959 г. Обсуждается содержание работы, вкратце охарактеризованы особенности методологии авторского исследования, показано сохранение актуальности работы и ее выводов для изучения городов Ближнего Востока. В силу своей неопубликованности, во многих аспектах пионерская работа А.П. Новосельцева оставалась совершенной неизвестной востоковедам, что существенным образом сказалось как на последующих исследованиях ближневосточного города, так и на работах, посвященных более общим вопросам истории Закавказья и Ирана. В конце статьи приведены разъяснения, связанные с подготовкой машинописного текста диссертации к публикации.

Ключевые слова: Азербайджан, Армения, город, домен, Иран, Сефевиды, структура населения, торговля Ирана

Изучение феномена города, его структуры, функций и особенностей производства городского пространства является одним из магистральных направлений современного исторического исследования. Важность города как явления ставит перед исследователями вопрос о методологии определения города как такового, о его типологии, о семиотике городских пространств. В свою очередь, изменение роли городов продолжает служить важнейшим маркером для определения различных стадий общественного развития, изменений в экономике и социальных отношениях. Наблюдающееся ускорение процессов урбанизации в XX–XXI вв. реактуализирует изучение города, инкорпорируя в исследовательское поле урбанистики социологическую, демографическую, экологическую и топографическую историю городов.

Социально-экономические исследования городов средневекового Востока достигли максимальной теоретизации во второй половине XX в. благода-

ря работам Г.Э. фон Грюнебаума (von Grunebaum 1955), Н.В. Пигулевской (1956), К. Каэна (Cahen 1959) и О.Г. Большакова (Беленицкий, Бентович, Большаков 1973; Большаков 1984). Однако проходившее на протяжении всего XX столетия обогащение теоретической, источниковой и методологической базы исторических исследований опережало сами исследования, так что, по выражению О.Г. Большакова, «к сожалению, востоковедение, начавшее серьезное исследование экономической истории менее полувека назад, еще не может быть равным партнером медиевистике Европы» (Большаков 1984. С. 6). Наблюдавшаяся реактуализация ближневосточной урбанистики привела к появлению работ, посвященных не столько интегральным макрорегиональным особенностям, дифференцирующим «восточный город» от античного или европейского, сколько к исследованиям, сконцентрированным на конкретных — и в том числе *живых* — городах. Такой подход используется, например, и в недавней коллективной монографии «Город в мусульманском мире» (The City in the Islamic World 2008), в самом названии которой предлагается отказ от непродуктивного дискурса «мусульманского города» и связанных с ним коннотаций.

Исследование городов Закавказья, как известно, сопряжено с определенными трудностями: практически все они насчитывают не одну сотню лет активной жизни и продолжают жить до сих пор, что подчас делает невозможным их системное археологическое изучение. Особенно это касается позднесредневекового периода — богатство предшествующей материальной культуры региона традиционно смещает фокус исследовательской оптики с событий двухсот-трехсотлетней («недавней») истории на глубокую древность или, по крайней мере, на раннее средневековье, по умолчанию считая достаточным для изучения более поздних эпох только данные письменных источников. Таким образом, исследователю, посвятившему свою работу изучению городов Закавказья в позднесредневековый период, по преимуществу достается анализ исторических хроник, существенно затрудняемый двумя факторами — во-первых, маргинальностью искомым данных в позднесредневековом историческом нарративе, а во-вторых, его разноязыковостью (писали и говорили здесь на персидском, тюркском, армянском и грузинском, вдобавок к которым необходимо было владение европейскими языками, на которых составлялись путевые записи).

Такой комплексный подход смог осуществить в своей диссертации «Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII–XVIII вв.» в 1959 г. А.П. Новосельцев, который был в это время молодым, 26-летним аспирантом Института истории СССР. В аспектах изучения структуры городского населения Азербайджана и Восточной Армении в XVII–

XVIII вв., роста и упадка местных городов, ключевых практик городской повседневности, городского самоуправления, особенностей цеховых организаций и внецеховых ремесленников, диссертация была новаторским исследованием для своего времени. При этом нужно отметить, что к середине XX столетия вовсе не существовало работ по системному изучению феномена города познесредневекового Закавказья или Ирана¹ и его социальных структур. На актуальность исследования указывает и тот факт, что вышеуказанные работы Г.Э. фон Грюнебаума, К. Каэна и Н.В. Пигулевской, посвященные раннесредневековым («классическим») восточным городам, выходили тогда же, во второй половине 1950-х гг. Дискуссия о характеристиках и признаках города наберет силу позже, поэтому в работе А.П. Новосельцева мы видим только «источниковедческий» подход, отличающийся, однако, внутренней логикой. Этот подход основан на доверии к источникам в части разделения населенных пунктов на «города» (*k'alak' / šehr / balād / balādah*), «торгово-ремесленные поселения» (*giwłak'alak' / qašabah*) и «селения» (*giwl / kend*) (с. 139–140 рукописи диссертации) и базируется на укорененности этих понятий в изучаемом регионе, характеризующемся длительной традицией городской жизни.

Важное значение для кавказоведения и иранистики сохраняют все составляющие диссертационного исследования А.П. Новосельцева — подбор источникового материала, методика работы с ним, авторские выводы. По-прежнему актуален выбор исследовательской оптики, свидетельствующий, говоря словами О.Г. Большакова, об отходе автора от филологического направления востоковедения, что сопровождается переходом от представления города как сцены, на которой разворачивается историческое полотно, к высвечиванию роли городского населения как действующей силы истории (Большаков 1984. С. 7). Сохраняют важность и приведенные в диссертации историко-экономические обзоры городов Армении и Азербайджана, по многим из которых все еще нет монографических работ². В ряду таких обзоров обращает на

---

¹ Только в 1960–1970-х гг. стали выходить первые, в основном географические по своему духу работы по иранскому городу: монографии П.У. Инглиша «Город и деревня в Иране. Поселение и экономика в бассейне Кирмана» (English 1966) и В.Ф. Костелло «Кашан. Город и регион Ирана» (Costello 1976), статьи Ж. Обена «Сведения к изучению городских поселений в средневековом Иране» (Aubin 1970) и М.Е. Бонина «Морфогенез иранских городов» (Bonine 1979). Идеи последней были развиты в монографии «Йезд и его хинтерланд. Главная система доминирования на Центрально-иранском плато» (Bonine 1980).

² Из более поздних работ по истории (в первую очередь, политической и культурной) городов Армении и Азербайджана этого времени надо указать на монографии,

себя внимание уверенное выделение автором роли Акулиса как крупнейшего торгового центра не только в пределах Закавказья, но и всего Ирана (с. 142). В последующих региональных исследованиях экономическая значимость Акулиса так отчетливо не артикулировалась, и специалисты в своем большинстве отождествляли экономические центры с административными — как беглербекств, так и будущих ханств. К сожалению, объем диссертации и археологическая неизученность не позволили остановиться подробнее на исторической топографии исследуемых городов, однако обилие в ней конкретного материала будет существенным подспорьем в дальнейших исследованиях закавказского и иранского города.

Значительная часть работы посвящена изучению типологии городов, структуре городского населения и движущим силам, определившим развитие городов Закавказья. Автором проделана огромная работа как в определении социальной стратификации города, так и в выяснении ее влияния на организацию городского пространства. Внутри городского населения выделены «шесть категорий: 1) светские военно-землевладельческие феодалы, 2) духовенство (мусульманское и христианское), 3) купечество, 4) ремесленники, 5) крестьяне, 6) прочие слои городского населения» (с. 184). В тесной связи с исследованием городских страт находится определение статусной иерархии внутри городской светской знати. Автор показывает (с. 186), что наивысшее положение среди городских феодалов занимала кызылбашская военно-кочевая знать, ниже которой находились местные землевладельцы и духовные феодалы, в первую очередь, мусульманские, а во вторую — армянские (с. 186, 188, 201–222), причем последние присутствовали почти во всех городах с армянским населением, в которых они выступали в роли этнархов.

Влиятельными стратами были духовенство, купечество и ремесленники, отличавшиеся существенной внутренней имущественной неоднородностью. Ремесленники образовывали одну из важнейших градообразующих социальных групп, причем армянские ремесленники организовывались в автономные цеха (чей генезис прослеживается с периода армянских царств XI–XIII в. (с. 237–238))³, в отличие от ремесленников северного Азербайджана XVI–XIX вв., не объединявшихся в цеха

посвященные Акулису (Айвазян 1984), Баку (Ашурбейли 1992), Дербенту (Кудрявцев 1982), Еревану (Акопян 1977), Ордубаду (Фараджев 1970), Шеки (Саламзаде, Исмаилов, Мамед-заде 1988) и Шемахе (Джидди 1981). По Гяндже, Нахичевану, остальным городам северного Азербайджана и по всем городам южного Азербайджана наиболее актуальными до сих пор остаются статьи *Encyclopaedia Iranica*.

³ Об армянских цехах см. также работу В.А. Абрамян: Абрамян 1973.

(с. 232–233)⁴. В связи с исследованием регионального купечества А.П. Новосельцевым были выяснены внешнеторговые и внутренние экономические связи региона, а также формы и нормы налоговой эксплуатации. Особое внимание было уделено городскому самоуправлению и военной роли городов в Сефевидском государстве. Показано нарастание финансовой и политической автономии областей Сефевидского государства на протяжении XVII–XVIII вв., завершившееся формированием полусамостоятельных ханств после смерти Надир-шаха в 1747 г.

Помимо магистральной темы исследования, связанной с городами региона, автор не смог обойти стороной характеристики фундаментальных явлений в истории позднесредневекового Ирана — процесса зарождения и упадка державы Сефевидов, природы «джелалиев» в иранском историописании (с. 89–97), динамики формирования шахского домена (*хассе*) и др.

Исключительно важной выглядит постановка и решение проблемы образования земель шахского домена (*хассе*), характеризующего узловую для Сефевидов период централизации и стабилизации государства. Сейчас можно уточнить положения автора, и видеть в оформлении домена в 1590-х гг. при Аббасе I (с. 67) наивысшую точку процесса централизации сефевидского государства, начало которого возможно отнести ко времени Тахмаспа I, при котором начался процесс ограничения региональных властей, выразившийся в лишении их права выпуска медной монеты и доходов от нее (Акопян 2021).

А.П. Новосельцев аргументированно преодолевает историографические стереотипы, в том числе сложившиеся после публикации работ крупных советских иранистов (И.П. Петрушевского, В.Н. Левиатова и др.). К кругу такого рода проблем относятся вопросы о сущности политики и значении Фатх-Али-хана Кубинского в истории Ширвана, об «азербайджанском» характере Сефевидского государства, о наличии сложной разноуровневой иерархии мусульманских и христианских феодалов в регионе, о «персидской гражданской бюрократии», набравшейся при Аббасе I (с. 78) и иные, важность решения (или подходов к решению) некоторых стоит отдельного упоминания.

Реактуализации в сегодняшней историографии идеи об «азербайджанском государстве Сефевидов» противостоит сохраняющий актуальность анализ А.П. Новосельцевым исторических источников, ясно

---

⁴ Цеховым организациям на Ближнем Востоке посвящена специальная работа Г. Бэра: Ваер 1970.

показывающий (с. 68–74) преднациональный характер кызылбашской племенной конфедерации, в своем генезисе типологически схожей с кочевыми конфедерациями Ак-Коюнлу и Кара-Коюнлу, но сумевшей развить в своей среде этноконсолидирующее начало (с. 69, 186–187). Автором высказано интересное предположение о различной доле местного и кызылбашского элементов в формировании северных и южных азербайджанцев (с. 186–187), не получившее, по-видимому, дальнейшего развития в отечественной этнографии (Народы мира 1988. С. 42–44; Азербайджанцы 2017. С. 93–94).

Любопытна авторская хронология поисков внешнего покровительства христианскими народами Закавказья, которые отсчитываются в сефевидскую эпоху начиная с посольства грузинских, армянских и карабахских феодалов к Аббасу I в 1605 г. (с. 88), что явилось незаслуженно забытой увертюрой к известным сношениям карабахских и сюникских сгнахов с Петром I в 1720-х гг.

А.П. Новоселцев дает взвешенную оценку личности Ираклия II, в характере которого наряду с так наз. «прогрессивными» действиями (под которыми подразумевается пророссийская ориентация) не затушевываются и обычные для феодальных правителей этого времени стремления к расширению своей территории (с. 126), утверждение своих креатур во главе Гянджинского и Ереванского ханств (с. 127), а также захватнические набеги на соседние ханства, в том числе с угонном христианского населения (с. 128–129). Такой анализ, несомненно, многограннее принятых в то время простых описательных конструкций, применявшихся для характеристики политических деятелей по критерию их ориентации на Россию («прогрессивный» vs «реакционный»), что в сегодняшней историографии зачастую механически меняется местами при неизменности дихотомической простоты). Внимание ко всем аспектам сложных исторических процессов сохраняется у автора и в исследовании армянского восстания 1720-х гг. — справедливо указывается на его сложный характер, сочетавший освободительную войну с, например, разорением города Ордубада (с. 180). Сохраняет актуальность объяснение отсутствия предпосылок к объединению ханств в 1790-х гг. под управлением Фатх-Али-хана Кубинского (с. 53) или под властью Ахмед-хана Хойского (с. 134, 139), усугублявшееся незавершившимся процессом этнической консолидации мусульманского населения северного и южного Азербайджана.

Конечно, некоторые сопутствующие исследованию аспекты не были детально разработаны ко времени написания диссертации, поэтому их трактовка должна быть несколько уточнена как в отношении общих,

так и частных вопросов. К кругу первых относятся следующие сведения: о монетной системе Сефевидов (с. 59, 256), которой посвящена новая обзорная работа (Акопян 2021); об анализе российско-персидской торговли, которое необходимо дополнить исследованиями отечественных исследователей (Куканова 1977; Юхт 1994), о торговле Ирана с Голландской, Британской и Французской Ост-Индскими Компаниями (Matthee 1999; Floor 2005), сравнение показателей которой с российским направлением торговли может скорректировать положения Гл. III. Ко вторым можно отнести, например, замечание о существовании «калantara для иноплеменных» (с. 302), которого упоминает не только Лео (А.Г. Бабахян), но и католикос Абраам Кретацци в своем «Повествовании» (Абраам Кретацци 1973. С. 128, 249).

К сожалению, диссертация А.П. Новосельцева не превратилась в монографию и поэтому осталась практически неизвестной исследователям. Публикация ее сегодня видится весьма важной в том числе и для заполнения «историографического провала», последовавшего за генерализирующей работой И.П. Петрушевского «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в.», выпущенной в 1949 г. Труды И.П. Петрушевского очень повезло — он не только был отпечатан существенным тиражом в 3 000 экземпляров, так что до сих пор встречается в продаже, но и в начале 2000-х годов был оцифрован и размещен на сайте Президентской библиотеки Азербайджанской Республики в виде распознанного текста⁵. Такая доступность привела к стабильному интересу к этой работе со стороны современных исследователей и ее регулярному цитированию, что создало впечатление отсутствия других работ по этой тематике. В свою очередь, то, что работа А.П. Новосельцева не была напечатана, стало причиной сохранения в магистральных исследованиях позднесредневековой истории Закавказья и Ирана сомнительных с научной точки зрения (еще с 1960-х гг.) построений, которые в 1960–1970-х гг. вошли в учебные курсы истории, а начиная с 1980-х гг. и в общественный дискурс. Цена «забвения» работы А.П. Новосельцева оказалась очень чувствительной для кавказоведения и иранистики.

При подготовке текста диссертации к печати были сохранены авторские написания персидских слов, фраз и племенных названий, а также восточных и европейских имен и фамилий. Поскольку неясно, какую из употреблявшихся форм выбрал бы сам автор при печати текста, в пу-

---

⁵ URL: http://www.ebooks.az/book_knpBQyL8.html (последнее обращение 18.06.2020).

бликации сохранен авторский разнобой русскоязычной транслитерации. Также сохранены авторские выделения (подчеркивания) и авторское написание *нисб* с прописных букв — как географического происхождения (ардебили, туси и т. д.), так и племенного (афшар, зенд и т. д.). Однако в целях удобочитаемости текста раскрыты сокращения («т.» — туман, «д.» — динар, «пол.» — «половина», «г.» — «город» и т. д.), а также приведены полные формы числительных («первый» вместо «1-й», «второй» вместо «2-й» и т. д.), инициалов хронистов и инициалов современных авторов (в некоторых местах А.П. Новосельцев вписывал их от руки в уже напечатанный текст). Были исправлены грамматические, орфографические и пунктуационные ошибки. Некоторые излишне тяжеловесные конструкции были облегчены причастными оборотами. Такая корректура несомненно была бы проведена при подготовке рукописи диссертации к печати, и поэтому в тексте никак не отмечается. Все же добавления от издателя (пропущенных союзов, слов и пр.), а также небольшое число поясняющих примечаний приводятся в квадратных скобках, а в примечаниях с пометкой «*примеч. А. А.*». В публикуемом тексте отражена пагинация рукописи диссертации.

Наиболее существенные изменения коснулись внешней формы ссылочного аппарата. Дело в том, что в самой диссертации содержание ссылок не имело какой-либо внутренней системы, которая собственно и не требовалась в 1959 г. Оставлять ссылки в таком виде при переиздании было невозможно, поэтому они были унифицированы по своему внешнему виду со ссылками в остальных работах сборника и изменены с подстрочных на внутритекстовые. Сокращения ссылок типа «см. библиографию» по возможности были раскрыты. Была сохранена авторская рубрикация библиографического списка, а сам список был дополнительно размечен — издания, ссылки на которые были только в примечаниях, были добавлены в библиографию и отмечены (*), а издания, на которые в тексте нет конкретных ссылок, были отмечены знаком (–). Ссылки на конкретные хроники в сборниках летописей (например, собранные в двухтомнике «Мелкие хроники XIII–XVIII вв.») уточнены и приведены в соответствие с авторским списком литературы.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Абраам Кретацци. Повествование. Критический текст / Пер. и коммент. Н.К. Корганяна. Ереван, 1973. [*Abraham Kretac'i. Povestvovanie. Kriticheskij tekst* (Narration. Critical text) / Ed. and komment. by N.K. Korganyan. Erevan, 1973.]

- Абрамян В.А.* Ремесла в Армении IV–XVIII вв. и цеховые организации армян-ремесленников в городах Закавказья с XVIII по начало XX веков. Дисс. на соиск. уч.ст. д.и.н. Ереван, 1973 (на арм. яз.). [*Abramyan V.A.* Remesla v Armenii IV–XVIII vv. i cehovye organizacii armyan-remeslennikov v gorodah Zakavkaz'ya s XVIII po nachalo XX vekov (Crafts in Armenia in 4th–18th centuries and guild organizations of Armenian artisans in the cities of Transcaucasia from the 18th to the beginning of the 20th centuries. Phd Dissertation in History. Erevan, 1973 (in Armenian).]
- Азербайджанцы / Отв. ред. А. Мамедли, Л.Т. Соловьева. М., 2017. [*Azerbajdzhancy (Azerbaijanis)* / Ed. by A. Mamedli, L.T. Solov'eva. Moscow, 2017.]
- Айвазян А.* Агулис: историко-культурные памятники. Ереван, 1984 (на арм. яз.). [*Ajvazyan A.* Agulis: istoriko-kul'turnye pamyatniki (Agulis: historical and cultural monuments). Erevan, 1984 (in Armenian).]
- Акопян А.В.* Нумизматика сефевидского Ирана (краткий обзор) // Восток (Oriens). 2021 (в печати). [*Akopyan A.V.* Numizmatika sefevidskogo Irana (kratkij obzor) (Numismatics of the Safavid Iran (Short Review)) // Vostok (Oriens). 2021 (in print).]
- Акопян Т.Х.* Очерк истории Еревана. Ереван, 1977. [*Akopyan T.H.* Ocherk istorii Erevana (Study on the History of Yerevan). Erevan, 1977.]
- Ашурбейли С.А.* История города Баку. Баку, 1992. [*Ashurbejli S.A.* Istoriya goroda Baku (History of the City of Baku). Baku, 1992.]
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. [*Belenickij A.M., Bentovich I.B., Bol'shakov O.G.* Srednevekovyj gorod Srednej Azii (The Medieval City of Central Asia). Leningrad, 1973.]
- Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII в.: Социально-экономические отношения. М., 2001. [*Bol'shakov O.G.* Srednevekovyj gorod Blizhnego Vostoka. VII — seredina XIII v.: Social'no-ekonomicheskie otnosheniya (Medieval City of the Middle East. 7th — mid-13th century: Socio-Economic Relations). Moscow, 2001.]
- Джидди Г.А.* Средневековый город Шемаха (IX–XVII века). Историко-археологическое исследование. Баку, 1981. [*Dzhiddi G.A.* Srednevekovyj gorod Shemaha (IX–XVII veka). Istoriko-arheologicheskoe issledovanie (Medieval City of Shemakha (9th–17th centuries). Historical and Archaeological Research). Baku, 1981.]
- Кудрявцев А.А.* Древний Дербент. М., 1982. [*Kudryavcev A.A.* Drevnij Derbent (Ancient Derbent). Moscow, 1982.]
- Куканова Н.Г.* Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII — первой половине XIX века (По материалам русских архивов). Саранск, 1977. [*Kukanova N.G.* Ocherki po istorii russko-iranskikh torgovyh otnoshenij v XVII — pervoj polovine XIX veka (Po materialam russkih arhivov) (Studies on the History of Russian-Iranian Trade Relations in the 17th — first

- half of the 19th Century (Based on Materials From Russian Archives)). Saransk, 1977.]
- Народы мира. Историко-этнографический справочник / Гл. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1988. [Narody mira. Istoriko-etnograficheskiy spravochnik (Peoples of the World. Historical and Ethnographic Guide) / Ed. by Yu.V. Bromley. Moscow, 1988.]
- Пигулевская Н.В.* Города Ирана в раннем средневековье. М., 1956. [*Pigulevskaya N. V.* Goroda Irana v rannem srednevekov'e (Cities of Iran in the Early Middle Ages). Moscow, 1956.]
- Саламзаде А.Р., Исмаилов А.И., Мамед-заде К.М.* Шеки. Историко-архитектурный очерк / Под ред. М.А. Усейнова. Баку, 1988. [*Salamzade A.R., Ismailov A.I., Mamed-zade K.M.* Sheki. Istoriko-arhitekturnyj ocherk (Historical and Architectural Study) / Ed. by M.A. Usejnov. Baku, 1988.]
- Фараджев А.С.* Ордубад. Историко-экономический очерк. Баку, 1970. [*Faradzhev A.S.* Ordubad. Istoriko-ekonomicheskij ocherk (Historical and Economic Study). Baku, 1970.]
- Юхт А.И.* Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20–60-е гг. XVIII в.). М., 1994. [*Yuht A.I.* Torgovlya s vostochnymi stranami i vnutrennij rynok Rossii (20–60-ye gg. XVIII v.) (Trade with Eastern Countries and the Domestic Market of Russia (20–60's of the 18th century)). Moscow, 1994.]
- Aubin J.* Elements pour l'étude des agglomérations urbaines dans l'Iran médiéval // The Islamic City / Ed. by A.H. Hourani, S.M. Stern. Oxford, 1970. P. 65–75.
- Baer G.* Guilds in Middle Eastern History // Studies in the Economic History of the Middle East from the Rise of Islam to the Present Day / Ed. by M.A. Cook. L., 1970. P. 11–30.
- Bonine M.E.* The Morphogenesis of Iranian Cities // Annals of the Association of American Geographers. 1979. Vol. 69, № 2 (Jun.). P. 208–224.
- Bonine M.E.* Yazd and Its Hinterland: A Central Place System of Dominance in the Central Iranian Plateau. Marburg; Lahn, 1980.
- Cahen C.* Mouvements populaires et autonomisme urbain dans l'Asie musulmane du moyen âge. Leiden, 1959.
- Costello V.F.* Kashan. A City and Region of Iran. L., 1976.
- Ehlers E.* Iran. Grundzüge einer geographischen Landeskunde. Darmstadt, 1980.
- English P.W.* City and Village in Iran. Settlement and Economy in the Kirman Basin. Madison (WI), 1966.
- Floor W.* Dutch Trade in Afsharid Iran (1730–1753) // Studia Iranica. 2005, № 34. P. 43–93.
- von Grunebaum G.E.* Die islamische Stadt // Saeculum. 1955. Vol. VI. P. 138–153.
- Matthee R.* The Politics of Trade in Safavid Iran: Silk for Silver, 1600–1730. Cambridge, 1999.
- The City in the Islamic World / Ed. by S.K. Jayyusi, R. Holod, A. Petruccioli, A. Raymond. Leiden; Boston, 2008.

ON THE PUBLICATION OF THE PHD THESIS OF A.P. NOVOSELTSEV
THE CITIES OF AZERBAIJAN AND EASTERN ARMENIA
IN THE 17TH–18TH CENTURIES (1959)

The article precedes the first publication of the PhD thesis of A.P. Novoseltsev “The Cities of Azerbaijan and Eastern Armenia in the 17th–18th centuries,” which was defended at the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR in 1959. The content of the work is discussed, the peculiarities of the author’s methodology are briefly described; the preservation of the relevance of the work and its conclusions for the modern studies of the Middle East city is shown. In many aspects the pioneering work of A.P. Novoseltsev remained completely unknown to orientalists (since it has not been published), that significantly affected both subsequent studies of the Middle East city and works devoted to more general issues of the history of the South Caucasus and Iran. At the end of the article, explanations related to the preparation of the typewritten text of the PhD thesis for publication are given.

Keywords: Azerbaijan, Armenia, city, domain, Iran, Safavids, structure of population, Iranian trade

DOI: 10.32608/1560-1382-2021-42-622-632

Академия наук СССР
Институт истории

Новосельцев А.П.

ГОРОДА АЗЕРБАЙДЖАНА И ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ В XVII–XVIII вв.

*Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук.
Научный руководитель: доктор исторических наук А.В. Фадеев.
Москва, 1959.*

ВВЕДЕНИЕ

а) Цели и задачи работы, историография вопроса

История городов Азербайджана и Армении до сих пор является едва ли не наименее изученной из всего круга проблем, связанных с историей азербайджанского и армянского народов. В значительной мере это объясняется немногочисленностью источников — немногочисленностью не в смысле их количества, а скудностью данных, относящихся к городам и городской жизни, разбросанных по многим летописям, документальным материалам, мемуарам и описаниям путешественников, дипломатов, миссионеров, купцов, принадлежавших к различным народам Переднего Востока и Европы и написанных на различных современных и древних языках. К тому же большинство этих и без того немногочисленных данных относятся к политической и военной истории городов, в то время как сведения о социальном составе городского населения, экономике городов, классовой борьбе встречаются (в них) несравненно реже. Этим и объясняется то, что имеющиеся труды по истории отдельных городов (Ганджи (Альтман 1949), Еревана (Шахазиз 1931) и Тебриза (Надир-Мирзā 1323/1905–1906)) посвящены главным образом политической и военной истории этих городов. Из них сочинение Надир-Мирзы по истории и географии Тебриза, благодаря наличию /с. 1/ в нем многих данных, взятых из недошедших до нас более ранних источников, само имеет для нас в настоящее время скорее значение источника, нежели монографического труда.

Из старых дореволюционных работ, имеющих отношение к истории городов Восточного Закавказья, следует упомянуть монографию С.А. Егиазарова (1891). Автор ее на примере цехов Тифлиса, Ахалциха, Еревана и некоторых других городов попытался показать организацию и сущность цехов (в основном армянских) Закавказья, главным образом на материалах XIX в. Благодаря привлечению большого числа первоисточников и прекрасному знанию С.А. Егиазаровым имевшегося тогда в распоряжении исследователя материала (относящегося прежде всего к структуре армянских амкарств), эта работа сохранила в основных чертах свое значение и до настоящего времени. Однако в оценке социальной роли цехов С.А. Егиазаров, являвшийся типичным представителем юридической школы, допускал существенную ошибку, идеализируя эти отживавшие свой век организации и пытаясь сгладить социальные противоречия внутри самих амкарств.

В 1958 г. в Институте истории АН Азербайджанской ССР защищена диссертация Ф.М. Алиева «Города Северного Азербайджана во второй половине XVIII в.», основы которой изложены в автореферате (Алиев 1957а) и статье (Алиев 1957б; 1957в; 1957г) указанного автора. /с. 2/

Наряду с достоинствами эта работа содержит и ряд существенных недостатков. Прежде всего это касается почти совершенного игнорирования армянских, грузинских и западноевропейских источников. Поэтому автор вынужден был во многих случаях привлекать данные более позднего времени, которые в ряде случаев с успехом могли бы быть заменены современными или хронологически более близкими источниками из числа вышеупомянутых. Наконец, некоторые положения Ф.М. Алиева вызывают возражения и могут быть оспариваемы. Тем не менее, ввиду наличия вышеупомянутой работы Ф.М. Алиева, в настоящей работе наибольшее внимание уделяется истории городов XVII — первой половины XVIII в., но вместе с тем в необходимых случаях привлекаются данные второй половины XVIII в., прежде всего из тех первоисточников, которые не использованы в диссертации Ф.М. Алиева.

Наконец, для истории городов Восточной Армении важное значение имеет книга В.А. Абрамян «Ремесла в Армении IV–XVIII вв.» (1956). Работа посвящена в основном изучению производительных сил армянского средневекового города и основана на большом количестве материальных и письменных источников. /с. 3/ Несмотря на то, что большая ее часть относится к периоду раннего средневековья (до XIII в.), тем не менее и состояние ремесла в позднесредневековый период (главным образом, на примере городов Западной Армении) охарактеризовано достаточно полно. Специальная глава монографии (пятая) посвящена анализу цеховых организаций армянских ремесленников. Кроме того, в приложении к указанной работе дан текст устава ремесленников

XVIII в., выявленного В.А. Абрамян в фондах ереванского Матенардана (Там же. С. 253–258). Наличие в распоряжении исследователя этого документа тем более важно, что до сих пор не было известно ни одного армянского ремесленного устава этого времени и исследователи базировались либо на раннесредневековых ремесленных уставах, либо на статутах XIX в.

Задачей настоящей диссертации является попытка на основании опубликованных и архивных источников осветить вопросы социально-экономического положения, классовой борьбы и управления городов Азербайджана и Восточной Армении в XVII–XVIII вв. Большой хронологический отрезок времени (два столетия) взят потому, что, во-первых, сведения источников по рассматриваемым вопросам крайне скудны и, во-вторых, потому что при данной постановке вопроса имеется некоторая возможность дать ряд явлений социально-экономической жизни городов в их развитии. По тем же причинам рассматриваются вместе Северный (советский) и Южный (иранский) Азербайджан, а также восточная Армения, /с. 4/ т. е. та часть исторической Армении, которая в XVII–XVIII вв. совместно с Азербайджаном входила в состав кызылбашского государства и политические судьбы которой были общи в рассматриваемый период с судьбами Азербайджана, кроме того Северный и Южный Азербайджан необходимо изучать вместе «так как в позднем средневековье их социально-экономическая структура одинакова, а исторические судьбы тесно связаны» (Али-Заде 1956. С. 9). С некоторыми оговорками это положение может быть применено и к Восточной Армении XVII–XVIII вв., тогда как история Западной Армении, захваченной Турцией в XVI в., имела ряд специфических особенностей.

Центральной проблемой диссертации является изучение городской экономики и социального состава городского населения. Этим вопросам и посвящена основная, вторая глава работы. Необходимость первой главы, в которой ставится ряд общих вопросов истории Азербайджана и Армении XVII–XVIII вв., вытекает либо из их слабой изученности, либо ввиду несогласия с существующими точками зрения. Раздел о классовой борьбе в городах помещен также в первой главе, совместно с разделом о классовой борьбе в целом. Последнее обстоятельство объясняется прежде всего недостаточной изученностью этой проблемы, ввиду чего было бы нецелесообразно искусственно разделять историю классовой борьбы на две части, а также тем, что целесообразнее излагать политическую историю Восточного Закавказья на общем фоне социальной борьбы. /с. 5/

б) Обзор источников

Источники по истории городов Азербайджана и Восточной Армении можно разделить на две большие группы:

- 1) Актовые материалы
- 2) Нарративные (повествовательные) источники.

Ввиду количественно большого числа источников нарративного характера, мы коснемся в последующем обзоре лишь важнейших из них и в как можно более краткой форме. Укажем, что часть использованных нами источников охарактеризована более полно И.П. Петрушевским (1949а. С. 7–56; История Ирана 1958. С. 266–271, 300–306).

1. Актовые материалы

Местных архивов XVII–XVIII вв. в Азербайджане и Армении не сохранилось. Единственное исключение представляет архив Эчмиадзинских католикосов, в настоящее время находящийся в ереванском Матенадаране. Архив содержит исключительно богатую и уникальную коллекцию документов. Документы эти в основном четырех категорий. Во-первых, это фирманы (указы) шахов, местных правителей, турецких султанов и местных пашей (для Западной Армении, а также отчасти и для Восточной Армении в периоды ее оккупации османами). Фирманы адресованы католикосам, армянским монастырям, церквям и частным лицам. /с. 6/

Во-вторых, это различного рода купчие, так же в большинстве своем связанные с армянским церковным престолом или духовенством.

К третьей группе можно отнести переписку Эчмиадзинских католикосов с главами армянского духовенства на местах, местными правителями и т. д.

Наконец, в архиве Матенадарана имеется довольно большое число различных хозяйственных документов, вроде отчетных книг монастырей и церквей. Последние до сих пор почти не использовались исследователями. Документы написаны в основном на фарсидском, древнеармянском и среднеармянском языках. Часть документов на турецком и азербайджанском языках и, наконец, отдельные документы представлены в поздних (XIX в.) русских переводах.

Лишь очень небольшая часть документов Матенадарана издана. Наибольшая часть таковых была опубликована в большом, так и незавершенном в связи с начавшейся Первой Мировой войной, издании «Архив армянской истории» (*Դրվան հաշոյս ցամաքագրական*), издававшемся в Тифлисе с 1891 по 1914 г. Всего в этой серии вышло 13 томов. В них

вошла переписка и дневники армянских католикосов XVIII — первой половины XIX в.

В 1941 г. А. Абрамян издал в одном томе серию армянских хозяйственных документов (1941), имеющих большое значение не только для истории Армении, но и для истории Азербайджана. В их числе /с. 7/ есть документы, относящиеся к городам Еревану, Тебризу, Нахичевану, Акулису, Дербенту и др.

Наконец, совсем недавно А.Д. Папазян издал первый выпуск шахских фирманов (XVI в.) из архива Матенадарана (Персидские документы Матенадарана 1956)¹.

Основная же часть документов Архива католикосов не издана до сих пор.

Из документов Матенадарана, важных для настоящей темы, прежде всего следует упомянуть различного рода купчие и вакфные грамоты, относящиеся к городам Закавказья. Документы этого рода позволяют выяснить имущественное положение высших и средних слоев городского общества, составить представление о взаимоотношениях между различными категориями феодалов (духовных и светских), а также в ряде случаев и о взаимоотношениях между низшими, эксплуатируемыми слоями городского населения, и феодалами, купцами. Эти документы незаменимы при исследовании социально-экономических отношений в феодальном обществе рассматриваемого времени. Их общая ценность и значимость увеличиваются еще и тем, что другие источники (главным образом, /с. 8/ летописи и источники мемуарного типа) именно по этим вопросам дают сравнительно немного. С другой стороны, невозможно и изолированное изучение актовых документов в отрыве от источников нарративного характера. Это тем более важно отметить, ибо общая тематика актовых документов, дошедших до нас, узка и по ряду важных вопросов они дают крайне ограниченные сведения.

Материалы русских средневековых архивов, главным образом, так называемые армянские и «персидские» дела ЦГАДА, ввиду своей специфики дают немного для настоящей темы. Документы этих архивов относятся в основном либо к дипломатическим отношениям Русского государства с Ираном и Закавказьем, либо освещают торговые отношения между этими странами. Поэтому те немногие сведения о внутренней жизни городов восточного Закавказья, которые имеются в

---

¹ В настоящее время А.Д. Папазян подготовил к изданию вторую серию фирманов (пер. пол. XVII в.). Пишущий эти строки во время своей работы в фондах Матенадарана получил от А.Д. Папазяна любезную возможность ознакомиться с переписанными начисто фарсидскими текстами этой серии, что значительно облегчило их использование в настоящей работе. В данном случае имеется ввиду серия фирманов, относящихся к городу Акулису, точнее к акулисскому монастырю.

статейных списках послов и других документах этого рода, как правило, могут быть заменены сведениями местных актовых и нарративных источников. Бóльшее значение имеют архивные документы АВПР (Архива внешней политики России). Документы фонда «Сношения России с Персией», представляющие из себя переписку русских властей на Северном Кавказе и царского правительства из Петербурга с местными закавказскими владетелями, а также донесения русских консулов и представителей в Баку, Сальянах, Реште очень важны для изучения политической обстановки в Закавказье в XVIII в. и, особенно, торговых связей России с Закавказьем и Ираном. Однако, следует иметь ввиду, что, если, например, для истории Северо-восточного Азербайджана /с. 9/ второй половины XVIII в. документы этого рода являются одним из основных источников, то ценность их для ханств Южного Азербайджана этого же времени меньшая; это объясняется прежде всего тем, что сведения по внутреннему Азербайджану брались не непосредственно на местах, а, как правило, из вторых или третьих рук.

Из изданий персидских документов упомянем серию «Нахичеванские рукописные документы» (Тбилиси, 1936 г.) и «Указы кубинских ханов» (Тбилиси, 1937 г.). Из них наибольшую ценность для исследуемой темы представляют Нахичеванские документы, связанные главным образом с знатью племени кенгерлу, господствовавшего в Нахичеванском крае.

Ряд важных документов, прежде всего тиульные и союргальные грамоты, опубликованы И.П. Петрушевским в приложении к его монографии «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в.». Большая группа документов, среди которых для нас наиболее важные документы, относящиеся к городу Еревану из архива Матенадарана, приложена А.Д. Папазяном к его кандидатской диссертации (Папазян 1954. Приложение).

Английский востоковед А.К. Лэмбтон в 1952 г. издал две союргальные грамоты эпохи поздних Сефевидов (Lambton 1952. P. 44–45), позволяющие в ином /с. 10/ свете рассматривать этот институт. Ценные персидские документы XVII–XVIII вв., относящиеся к Южному Азербайджану, приведены в монографии Лэмбтона «Landlord and peasant in Persia» (Lambton 1953). Наконец, несколько важных фирманов XVIII в. изданы Надир-Мирзой в его историко-географическом описании Тебриза (Надир-Мирзā 1323/1905–1906. С. 240–293). Среди них особую ценность представляют фирманы Надир-шаха, относящиеся к южному Азербайджану.

Наконец, целесообразно упомянуть об одном интересном и оригинальном источнике второй половины XVIII в., единственная рукопись которого хранится в ереванском Матенадаране. Имеется в виду так называемая «Китаб-е Хусейн-Али хан сардаре-Ирвани» («Книга Хусейн-али-хана сардара ереванского»). Рукопись датирована 1782 г. и содержит

в себе главным образом дипломатическую переписку Хусейн-Али-хана с соседними владетелями (ханами хойским, ганджийским, царем Грузии Ираклием II и др.). Источник малоизвестный и почти не использован исследователями, хотя по истории взаимоотношений государств Закавказья конца семидесятых годов XVIII в. — 1782 г. может являться основным.

Наряду с документальными, первостепенное значение для исследуемой темы, имеют источники нарративного характера. Трудность их использования заключается, главным образом, в том, что они написаны на различных языках людьми, принадлежавшими к различным народностям и нациям. В настоящем обзоре мы кос/с. 11/немся важнейших из них. В целях большего удобства будем рассматривать их по языковым группам.

II. Армянские источники

Известно большое число армянских хроник XVII–XVIII вв. В подавляющем большинстве это небольшие сочинения от двух-трех до нескольких десятков страниц, написанные либо духовными лицами, либо горожанами. Большинство этих хроник в настоящее время изданы или в 10 томе старого дореволюционного собрания «*Դրևան հայոց պատմութեան*» («Архив армянской истории») или в двухтомном собрании хроник, собранных и опубликованных с подробными комментариями и примечаниями В.А. Акоюном (Мелкие хроники 1951; 1956). Хроники содержат богатый материал по истории городов Армении; однако, поскольку они писались за немногим исключением в Западной Армении, то и сведения, сообщаемые ими, относятся в основном к городам этой части страны (Вану, Багешу и др.). Для истории Восточной Армении и Азербайджана эти хроники имеют гораздо меньшее значение, хотя и в них мы находим ряд данных, не встречающихся в других источниках.

Из более крупных армянских исторических сочинений XVII в., к тому же написанных в восточной части страны, прежде всего следует упомянуть известную «Историю» Аракела Даврижеци (Тавризского), крупнейшего армянского историка XVII в. Аракел жил в городе Тебризе, где имелось значительное армянское на/с. 12/селение, часть которого сама переселилась туда во время большого голода и войн конца XVI — начала XVII в., другую же часть его переселил Аббас I в 1604 г. Свой исторический труд он начал писать в 1651, а закончил в 1663 г.

В своей «Истории» Аракел описал события с начала XVII столетия до 1662 г. По богатству фактического материала по истории Южного Азербайджана, Ереванской области и даже северо-западного Ирана труд Аракела в ряде случаев превосходит даже такие подробные хроники как «Тарих-е алам арай-е Аббаси». В отличие от этих хроник

«История» Аракела более наглядно и живыми красками рисует картину бедствий, постигших страну в начале XVII в. Именно эта часть труда Аракела наиболее важна для нас, ибо в последующем изложении этот хронист основное внимание уделяет церковной и культурной истории армян, не только закавказских, но и иранских, польских и т. д. Труд Аракела издан несколько раз. Мы пользовались армянским изданием 1884 г. и французским переводом академика М.И. Броссе (Arakel de Tauriz 1874; Арак'ел Даврижеци 1884).

Другим крупным армянским историком XVII в. является Захарий Саркаваг Канакерци. Он жил во второй половине XVII в. и составил трехтомную историю важнейших событий своего времени (Зак'ареа Саркаваг 1873; Zakaria Diacres 1876). Не все тома этого труда одинаковой ценности. Особенно критически следует относиться к данному первого тома, тем более, что и сам Захарий Саркаваг писал, что эта часть его труда неоригинальна и содержит сведения слышанные от других лиц «достоверные /с. 13/ или ложные», тогда как второй и третий тома написаны им на основании личных наблюдений или по сведениям, полученным от заслуживающих доверия лиц (Zakaria Diacres 1876. P. 59). Поэтому в первом томе содержится ряд фактических неточностей. В частности, это относится к рассказу о карабахском беглярбеке Давудхане, где перепутана хронология событий (Ibid. P.²).

Одним из ценнейших источников XVII в. является «Дневник» акулисского купца Захарии. Источник издан еще в тридцатых годах XX в. в подлиннике на армянском языке и в русском переводе (Дневник Захария Акулисского 1939), но до самого последнего времени использовался недостаточно. Между тем, это едва ли не самый ценный источник XVII в. В «Дневнике» нашли отражение не только события, связанные с городком Акулисом, являвшемся крупным купеческим центром в XVII — первой половине XVIII в., но имеется немало данных по городам Еревану, Тебризу и др. Только по материалам «Дневника» можно составить конкретное представление о имущественном и правовом положении купечества в кызылбашском государстве XVII в. Значительный материал содержится в «Дневнике» и по организации управления городов, о системе и методах сбора налогов, о положении низших слоев городского населения и т. д.

Видный армянский деятель первой трети XVIII в. агванский католикос Есай Джалалянц написал подробную и обстоятельную исто/с. 14/рию событий, происходивших главным образом в Северном Азербайджане в первой четверти XVIII в.³. Наиболее ценными частями этого сочинения

² Пропущено. — *Примеч. А. А.*

³ Мы пользовались французским переводом академика М.И. Броссе (Hassan Dchalalians 1876).

является характеристика налоговой политики шаха Султан-Хусейна (1694–1722), а также обстановки в Северном Азербайджане этого времени, восстаний в Дагестане и прилегающих округах Азербайджана и нашествий дагестанских феодалов на Ширван и Карабах. По этим вопросам ни один другой источник не дает таких сведений как сочинение Есаи. Нам кажется, что оценка В.Н. Левиатовым той части труда Есаи, которая касается событий в Ширване и Карабахе в начале 20-х гг. XVIII в. (Левиатов 1948. С. 72) едва ли правильна. Конечно, Исай католикос был представителем своего класса и естественно был враждебно настроен ко всякого рода антифеодальным движениям. Однако подвергать на этом основании сомнению ценность его сведений о грабительском характере нашествий дагестанских феодалов, выступавших под самыми реакционными мусульманско-суннитскими лозунгами, навряд ли правильно, тем более, что все прочие армянские и неармянские источники, современные или близкие к этим событиям, сообщают аналогичские сведения.

Событиям 20-х–30-х гг. XVIII в. посвящено несколько исторических сочинений современных армянских авторов. В сочинениях Авраама Ереванци, Петроса Гиланянца и Акопа Шамахеци (Авраам Ереванци 1939; Петрос ди Саргис 1870; Походы Тамас-Кули-хана 1932) отражены /с. 15/ главным образом события политической истории этого времени. В отличие от них труд Авраама Кретаци дает немало сведений и по социально-экономической истории 30-х гг. XVIII в., а анонимная «История Давид-бека» (Энтир патмут'ивн Давит' Бёгин 1871)⁴ посвящена знаменитому восстанию армянского населения Кафана в 20-х гг. XVIII в. против азербайджанских ханов и османских войск.

Из армянских источников второй половины XVIII в. прежде всего необходимо отметить «Джамбр» католикоса Симеона Ереванского (Симеон кат'уликос Ереванци 1873)⁵. Симеон Ереванский, видный общественный и культурный деятель 60-х–70-х гг. XVIII в. изложил в этом сборнике содержание большого количества фирманов шахов, султанов, местных ханов, различного рода документов, отражающих хозяйственную жизнь Эчмиадзинского и других армянских монастырей в XVII–XVIII вв. Поэтому сочинение это является ценнейшим источником не только для изучения армянского церковного землевладения, но и для истории городов Армении и Азербайджана, главным образом, конечно, городских владений армянских монастырей. Источник этот тем более ценен, что некоторые документы приводимые в нем, до нас не дошли. Кроме «Джамбра» для истории 60-х–70-х гг. XVIII в. большую ценность

⁴ Тоже французского перевода академика М.И. Броссе во втором томе «Collection d'historiens arméniens» (Davith-Beg 1876).

⁵ В 1958 г. вышел русский перевод этого источника С.С. Малхасянца (Симеон Ереванци 1958).

представляет Дневник католика Симеона Ереванци, опубликованный в собрании «Архива армянской истории» (Симеон кат'уликос 1894; Симеон кат'уликос 1908; Симеон кат'уликос 1913). /с. 16/

Для событий последней четверти XVIII в., в частности ереванского восстания 1779 г., ценны источники мемуарного типа (Артемий Аратский и Оскерджан).

Наконец, ряд данных, не встречающихся в других источниках, главным образом по политической и церковной истории, содержит третий том большой «Истории армян» Микаэла Чамчана, оконченной в 1786 г.⁶

*III. Источники на языке фарси*⁷

Наряду с армянскими источниками первостепенное значение для истории Закавказья в период позднего средневековья имеют источники, главным образом историко-хроникальные сочинения, на языке фарси (персидском). XVII–XVIII вв. изобилуют историческими летописями. Однако, используя их, приходится учитывать тот факт, что почти все они писались вне территории Азербайджана и Армении, хотя авторы многих из них хорошо знали эти страны, сами бывали в них и были прекрасно осведомлены о событиях своего времени. По своему характеру персоязычные исторические сочинения в большинстве однотипны. Это как правило погодные летописи, излагающие события, в основном военно-политической истории, за время правления какого-либо шаха или целой династии.

Приступая к краткой характеристике источников этого рода, отметим сразу, что специфика изучаемой темы, особенно в тех случаях, когда приходится затрагивать явления, зародив/с. 17/шиеся в более ранний период, требует в ряде случаев привлечения источников более раннего времени, и не только источников XVI в. вроде «Ахсан ат-таварих» Хасана Румлу, «Шереф-наме» Шереф-хана Бидлиси и др., но и источников XIII–XIV вв., таких как «Трактат о финансах» Насир ад-Дина Туси, «Нузхат ал-кулюб» Хамдуллаха Казвини и др.

Из персоязычных источников изучаемого времени на первом месте стоит знаменитая «Тарих-е алам арай-е Аббаси» («Мир-украшающая история Аббаса») Искандер-бека туркемана Мунши (1560–1634 гг.), придворного историографа шахов Аббаса I и Сефи I. Имеются два издания этого огромного труда — старое литографированное издание 1314 г. х. (1896/97 гг.) и новое, переизданное со старого, вышедшее в Тегеране в 1956/57 гг. в двух томах, из которых первый включает весь

⁶ Имеются два издания сочинения М. Чамчана в Венеции, в 1787 и 1811 гг.

⁷ Номер этого раздела в диссертации ошибочно дан как II. — *Примеч. А. А.*

первый и половину второго тома «Тарих-е алем ара», а второй — другую половину второго и весь третий том сочинения Искандера Мунши. Мы пользовались как старым, так и новым изданиями.

Для второй половины XVI и первой трети XVII в. сочинение Искандера Мунши является незаменимым источником. Имеющиеся труды, посвященные времени Аббаса I (1587–1629), основаны почти исключительно на сочинении Искандера Мунши (Bellan 1932; de Rhodes 1956; ‘Абд ал-Қасим 1325/1946, Фалсафй 1335/1956). /с. 18/

Монументальная «Мир-украшающая история Аббаса» неоднократно являлась предметом специального исследования⁸. Последним, лучшим и наиболее годным исследованием этого труда и биографии его автора является статья советского азербайджанского историка Рахмани «Искандер Муншини һаят вә ырычылыгы» («Жизнь и творчество Искандера Мунши») (Рахмани 1957).

В настоящем обзоре мы не будем вдаваться в специальный анализ труда Искандера Мунши в целом, а остановимся лишь на вопросе, что же дает этот источник для исследуемой темы.

Общей особенностью всех персоязычных нарративных источников XVII–XVIII вв. является ограниченность в них сведений социально-экономического порядка. Основное внимание их авторы уделяют военной, дипломатической истории или событиям, происходившим при шахском дворе, смене феодальных правителей и т. д. Поэтому и сведения по городам относятся, главным образом, к городским крепостям и их военно-стратегическому значению. Так, и в труде Искандера Мунши мы находим ряд интереснейших данных о городских крепостях Закавказья, системе их укреплений, стратегической ценности их, главным образом, как оплота против османских вторжений. Например, в «Тарих-е алем ара» имеются ценные описания Ереванской, Шемахинской (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 446–455, 513–515, 457) и ряда других крепостей. /с. 19/

Другая группа сведений, благодаря которым «Тарих-е алем ара» является незаменимым источником по истории городов, — это данные о политике Аббаса I по отношению к городам Азербайджана и Армении в целом, к населению их и отдельным категориям его в частности. Здесь мы находим указание на определенный классовый союз шахской власти и кызылбашской знати с местной городской знатью не только в городах Южного Азербайджана, где он существовал и в XVI в., но с начала XVII в. и в большинстве северной части страны. Наиболее яркое проявление его мы видим в активной просефевиденной ориентации в городах Баку, Дербенте и Нахичеване (Там же. С. 516, 446).

---

⁸ См. библиографию.

Наконец, из данного источника мы получаем и ряд сведений об имущественном положении городского населения, главным образом, городской знати (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 145, 150, 153).

Достоверность сведений Искандера Мунши — факт общепризнанный. Классовая и политическая ориентация этого автора, являвшегося выразителем интересов средней кызылбашской знати, проявлялась, главным образом, в некоторой односторонности изложения, а не в искажении исторических фактов, а современность излагаемым событиям позволяла ему во многих случаях давать живые и подробные описания событий, происходивших на территории Закавказья в первой трети XVII в.

После смерти Аббаса I (1629 г.) Искандер Мунши начал писать историю его преемника Сефи I (1629–1642), но успел довести ее лишь до 1634 г., когда смерть прервала его работу. /с. 20/

Этот неоконченный труд Искандера Мунши издан в Тегеране в 1939 г. в качестве первой части истории Сефи I под названием «Зейл-е тарих-е алем арай-е Аббаси» («Продолжение Тарих-е алем арай-е Аббаси»).

Для настоящей темы этот источник ценен главным образом, во-первых, изложением указа Сефи I об изменении условий закупок шелка и, во-вторых, описанием Казвинского городского восстания 1633 г., в котором активнейшее участие приняли азербайджанские народные массы.

По истории дальнейшего царствования Сефи I известны два труда. Один из них, представляющий собственно шестую часть восьмого тома большого труда историка XVII в. Мухаммед Юсуфа «Хульде барин», издан в качестве продолжения предыдущего источника в тегеранском издании «Зейл-е тарих-е алем ара». Язык этого сочинения резко отличается от языка Искандера Мунши своей вычурностью и сложностью. По истории Закавказья содержит главным образом сведения военно-политического порядка.

Другой труд по истории царствования Сефи I — «Хулясат ас-сийяр» («Экстракт жизнеописаний») Мухаммед Мас'ума, чиновника в городе Гандже, сохранился в одной из рукописи с вышеупомянутым неоконченным трудом Искандера Мунши, принадлежащей ленинградской ГПБ. Для настоящей темы в этом сочинении представляют интерес краткое описание /с. 21/ г. Ганджа (Мухаммад Ма'сум. Л. 1236).

Следующим по времени персоязычным источником является «Аббас-наме» («Аббасова история»), посвященная царствованию Аббаса II (1642–1667), написанная после 1664 г. придворным историографом этого шаха, Мухаммед Тахир Вахидом. Труд этот издан в 1951 г. в городе Арак (Иран). Для периода 1642–1664 гг. труд этот является ценнейшим источником по политической истории Азербайджана и Армении,

а также Грузии и Дагестана⁹. Для нас этот труд важен не только для выяснения общеполитической обстановки этого времени, но во многих случаях помогает уяснению терминологии, сообщает ряд сведений о социально-экономической жизни городов (например, о городских эснафах), а также по городскому управлению.

Ценнейшим источником по административному устройству городов XVII — начала XVIII в. является «Тазкират-оль-мулук» («Памятная записка для царей») — инструкция по управлению Сефевидской державой, составленная неизвестным чиновником по приказу афганского шаха Махмуда около 1725 г.¹⁰. Кроме вопросов, /с. 22/ связанных с городским управлением, «Тазкират-оль-мулук» сообщает немало важных данных о ремесленных организациях в городах. Однако к данным этого источника в ряде случаев следует относиться критически, учитывая то, что этот трактат составлен в качестве официального руководства по сефевидскому управлению, между тем как официальная оценка смысла тех или иных институтов и должностей сильно отличалась иногда от реальной их сущности, ко времени же падения Сефевидской династии такое расхождение стало еще большим. Так, сомнительны данные «Тазкират-оль-мулук» о суммах денежных доходов и количестве воинов с отдельных областей Кызылбашской державы (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 107 [перс. текст]). Сравнение с другими источниками конца XVII — начала XVIII в. (Сансоном, Крусинским, А. Волинским, Беллом и др.) позволяет усомниться в точности этих данных. Точно также и списки доходов отдельных чинов администрации отражают за немногим исключением лишь официально установленные и зарегистрированные в дафтар-хане (канцелярии) суммы и виды их доходов. Тем не менее ценность «Тазкират-оль-мулук» для нашей темы очень велика, особенно если учесть уникальность источника этого рода.

Известный источник мемуарного типа «Тарих-е ахвал-е шейх Мухаммед Хазин» («История жизни шейха Мухаммед Хазина»)¹¹, относящийся к 40-м гг. XVIII в., для истории городов Закавказья дает немного. Автор его, сам выходец из Гиляна, описывает, однако, в основном события, происходившие в Западном и /с. 23/ Восточном Иране. Особенно интересны эти мемуары для изучения ирано-турецких войн 20-х–30-х гг.

⁹ Мухаммед Тахир, например, подробно рассказывает о большом антикызылбашском восстании в Дагестане в 1070 г.х. (1659/60 гг.), которое, насколько нам известно, совершенно не исследовано (Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950. С. 271–277).

¹⁰ «Тазкират оль-мулук» впервые издан в Лондоне (персидский текст и английский перевод с комментариям) В.Ф. Минорским в 1943 г. Другое издание, перепечатанное с вышеуказанного, вышло в 1954 г. в Тегеране; там же издан персидский перевод комментариев В.Ф. Минорского.

¹¹ Труд этот издан в Лондоне в 1830–1831 гг. в оригинале и с английским переводом (Sheikh Mohammed Ali Hazin 1831).

XVIII в. и борьбы народных масс Западного Ирана и Южного Азербайджана против османских завоевателей (Sheikh Mohammed Ali Hazin 1831. P. 137–140, 153–154 [перс. текст]). Заслуживают интереса и данные Мухаммед Хазина о русской оккупации Прикаспийских областей в 20-х гг. XVIII в. (Ibid. P. 103, 123–124 [перс. текст]).

Знаменитая «Надирова история» («Тарих-е Надири») Мухаммед Мехди-хана, ценнейший источник по политической истории времени Надир-шаха, — для настоящей темы важен описанием восстаний в Закавказье в 40-х гг. XVIII в.

Другая история Надир-шаха — «Тарих-е алем арай-е Надири» («Мирукрошающая история Надира») ¹² Мухаммед Казима, мелкого чиновника надировой администрации. Несравненно более подробная, нежели история Мехди-хана и написанная не в таком панегирическом стиле, как предыдущий источник, история Мухаммед Казима является ценнейшим источником по истории Закавказья 20-х–40-х гг. XVIII в. Кроме данных о политике Надир-шаха по отношению к изучаемым странам, большую ценность для нас имеют сведения об отношении городской знати к Надир-шаху, о разорении Закавказья полчищами этого завоевателя и ряд других. Однако не всем сведениям Мухаммед Казима можно доверять; это особенно касается тех случаев, когда он приводит цифровые данные. Критически следует относиться, кстати сказать, почти /с. 24/ ко всем «статистическим» данным персоязычных источников, ибо очень немногие из них брались из официальных, точных источников.

Из источников второй половины XVIII в. упомянем о хронике Мирза Мухаммед Халила «Маджма-ат-таварих» («Собрание историй»). Автор ее, по матери потомок Сефевидов, изложил события от нашествия афганцев (1722 г.) до 1793 г. Труд этот издан в Тегеране в 1328 г. х. солн. (1950 г.) [и] совершенно, насколько нам известно, не использован советскими востоковедами. Источник — очень важен для политической истории XVIII в., при изучении нашей темы помогает главным образом в уяснении терминологии.

Другой источник XVIII в. «Моджмел-ат-таварих» («Краткая история») Абуль-Хасана Голестане. Труд этот особенно ценен для истории периода со смерти Надир-шаха (1747 г.) и по первые годы правления Керим-хана Зенда. Имеется ряд ценных данных по истории Азербайджана, в частности, относящихся к Фетх-Али-хану кубинско-дербентскому.

Кроме вышперечисленных трудов, нами использованы (хотя и в значительно меньшей степени) такие источники XVII–XVIII вв. /с. 25/ как «Сильсияте-ан-насаб-е Сефевийе» («Родословная фамилии Сефе-

¹² Единственная рукопись этого труда в трех больших томах находится в рукописном отделе Института востоковедения АН СССР в Ленинграде, № Д-430.

видов») шейха Хусейна Захиди¹³, «Рузнаме» («Дневник») Мирза Мухаммада, калантара Фарса — малоизвестный источник конца XVIII в.¹⁴, «Тарих-е гити-гушай» («История покорителя вселенной») Мухаммед Садыка (Мухаммад Сāдиқ 1317/1899–1900) и некоторые другие.

IV. Западноевропейские источники¹⁵

Свидетельства европейских путешественников имеют очень большое значение именно для изучения городов Закавказья позднего средневековья. В настоящем обзоре мы коснемся лишь важнейших европейских путешественников и миссионеров XVII–XVIII вв.

Кызылбашское государство с самого начала своего существования привлекало к себе внимание европейских держав. Торговые интересы в самом Иране и Закавказье, отчасти также и интересы транзитной торговли с более далекими восточными странами, наконец, общие политические интересы, обусловленные борьбой с экспансией Османской Турции — все это способствовало возникновению и развитию связей между европейскими государствами и Кызылбашским государством.

Побывавшие в Иране уже в XVI в. итальянские путешественники д'Алессанри, анонимный венецианский купец и другие оставили интереснейшие описания, во многом дополняющие слишком односторонние свидетельства восточных летописей. С начала /с. 26/ же XVII в. уже не представители переживавших упадок итальянских республик, а купцы, дипломаты и миссионеры окрепших морских держав Англии, Франции и Голландии являются одним из важнейших источников нашей информации о социально-экономическом положении Кызылбашского государства. Кроме представителей этих трех национальностей, в нашем распоряжении имеются записки немецких путешественников и дипломатов, отчасти испанских и португальских. Рассмотрим вкратце важнейшие из них.

Пьетро делла Валле (1586–1652) — итальянский путешественник, родом из Неаполя, оставивший подробные письма, написанные им разным лицам из Ирана в период с 1617 по 1627 г. Имеется французский перевод 1745 г., тома со второго по пятый которого посвящены Ирану и Закавказью. Наблюдательный очевидец, делла Валле сообщает ряд важнейших сведений не только по политической истории, но и по городскому управлению, по организации шахских мастерских-кархане. Знание местных условий делают сообщения этого автора важным дополнением к свидетельствам других источников.

¹³ Мы пользовались изданием «Iranschāhr», Берлин, 1924 г. (Hossein fils de Cheik Abdāl Zāhedī 1924).

¹⁴ Издан в Тегеране в 1946 г. (Мйрзā Мухаммад Калантār 1946).

¹⁵ Номер этого раздела в диссертации ошибочно дан как III, с исправлением от руки на IV. — *Примеч. А. А.*

Знаменитый Адам Олеарий — секретарь голштинского посольства 1636–1638 гг. в Иран, проезжая вместе с этим посольством через Азербайджан, оставил ценные описания Шемахи, Ардебилля и других городов Закавказья. Очень важно для нас и общее описание Кызылбашского государства в труде Олеария, расширяющее наши знания об организации городской администрации, о природных богатствах страны и других вопросах.

Из описаний французских путешественников XVII в. наиболее/с. 27/ шуую ценность представляют записки купцов Тавернье (40-е–60-е гг. XVII в.)¹⁶ и Шардена¹⁷ (60-е–70-е гг. XVII в.), миссионеров дю Мана (du Mans 1890) (прожившего в Иране 50 лет и умершего в Исфагане в 1696 г.), Шинона (de Chinon 1671) и Сансона¹⁸ (80-е гг. XVII в.). Описания этих авторов можно разделить на две части: 1) общее описание Кызылбашского государства (у дю Мана и Сансона оно составляет почти весь текст записок), 2) конкретное описание пути следования каждого из этих авторов (эта часть наиболее содержательна у Тавернье и Шардена). Обе части представляют большую ценность для настоящей работы, все пять вышеназванных авторов хорошо знали страну и ее условия, знали восточные языки (в частности, все они знали персидский язык, а Сансон знал армянский и турецкий). К тому же именно истории городов эти авторы уделяли значительно больше внимания, нежели, например, персидские хроники. Наконец, в трудах Шардена, дю Мана и других нередко дается сравнительно-иллюстрированный материал; например, сравниваются условия XVII в. в Иране и Закавказье с условиями Западной Европы, и на конкретном материале проводятся параллели или различия между экономической и политической обстановкой в Иране и Европе. /с. 28/

Из других путешественников XVII в. наиболее важными являются описания голландца Я. Стрейса и немца Энгельберга Кемпфера (Стрейс 1935; Kämpfer 1712). У Стрейса, посетившего Закавказье в 70-х гг. XVII в., наибольший интерес представляют описания Дербента, Шемахи и Ардебилля. Э. Кемпфер (1651–1716) был в составе шведского посольства в Иране и Закавказье с 1684 по 1688 гг. Хорошо зная персидский язык и являясь образованным для своего времени человеком, Кемпфер составил на латинском языке подробное и обстоятельное описание Кызылбашского государства. Западноевропейские ориенталисты считают это описание, наряду с описанием Шардена, лучшим европейским источником по истории Ирана XVII в. Однако для нашей темы сведения Кемпфера более

¹⁶ Имеются два старых полных издания (Tavernier 1677; Tavernier 1681). Первый том посвящен Кызылбашскому государству.

¹⁷ Лучшие издания: амстердамское 1735 г. в пяти томах (Chardin 1735) и парижское 1811 г. в десяти томах (Chardin 1810).

¹⁸ Имеется старое издание XVII в. (Sanson 1694).

важны при изучении общих вопросов экономического и политического состояния этой страны, тогда как конкретно по городам Закавказья Кемпфер дает немного. Известное описание Баку в сущности больше говорит о нефтяных источниках этого города, нежели о самом городе.

Для периода упадка Сефевидского государства лучшими европейскими источниками являются описания К. Брюна, Турнефора, Белла и иезуита И.Ф. Крусинского. Все они сами бывали в Закавказье и Иране и являлись очевидцами событий, которые описывали. Описания Брюна и Турнефора относятся к самому началу XVIII в. и рисуют в общем еще почти ту же картину, что и записки авторов конца XVII столетия. Но записки Крусинского, написанные во время афганского нашествия, рисуют обстановку страшного разоре/с. 29/ния страны, продажность и вымогательства центральной и местной администрации, беззастенчивое ограбление податного сословия. Описание Белла, участника русского посольства в Иран в 1717 г., дополняет известный дневник А.П. Волынского.

Истории государства Надир-шаха в Западной Европе уже в первой половине XVIII в. был посвящен ряд сочинений (du Cerceau 1729; du Cerceau 1744; Pithander 1738; Fraser 1742; Claustre 1758 и др.), основанных на многочисленных в то время сообщениях католических миссионеров и купцов. Однако основное внимание авторы этих сочинений уделяли завоевательным походам Надир-шаха и личности этого завоевателя, хотя попутно иногда описывали с состояние городов и торговли в Закавказье и Иране.

Из европейских путешественников первой половины XVIII в. наибольшую ценность представляет четырехтомное сочинение англичанина Дж. Ханвея¹⁹ и описание путешествия из Москвы в Мешхед Томсона (Thomson 1742). Оба эти автора, купцы по профессии, в то же время служили активными проводниками экспансионной политики Англии в Иране и Закавказье в 30-е–40-е гг. XVIII в.

Огромное сочинение Ханвея ценно главным образом своими сведениями о состоянии торговли в Закавказье и южном Прикаспии в 30-е–40-е гг. XVIII в. Кроме того, для нас важно описание Ширвана в 40-е гг. XVIII в., заимствованное Ханвеем из журнала русского посольства 1746 г. /с. 30/

Для конца 40-х — начала 50-х гг. очень ценным является анонимное сочинение, вышедшее во Франкфурте-на-Майне в 1755 г. под названием «Geschichte der Unruhen in Persien und Georgien».

По подробности изложения и количеству приведенных фактов этот источник превосходит все остальные европейские и восточные

---

¹⁹ Имеются английские издания 1753 (Hanway 1753) и 1754 гг. и немецкий перевод 1754 г.

источники этого времени. Особенно ценны данные о разорении Восточной Армении и Азербайджана в результате кровопролитных войн грузинских царей Теймураза II и Ираклия II с азербайджанскими ханами, о состоянии торговли в середине XVIII в. и т. д.

Из европейских описаний Закавказья второй половины XVIII в. наибольшую ценность представляют сочинения М. Биберштейна (von Bieberstein 1798) и французского дипломата Ферьер-Совбефа (Ferrières de Saubeœuf 1790). Описание Биберштейна, как и многие другие сочинения этого времени, не является оригинальным в такой степени как, например, записки путешественников XVII в. Шардена, Сансона и др. или XVIII в. (Ханвея). Многие данные он заимствовал у своих предшественников, например, русского путешественника проф. С.Г. Гмелина. Однако, несмотря на это, труд Биберштейна очень ценен для нас, благодаря наличию в нем ряда сведений, заимствованных им из источников, до нас не дошедших, а также частично лично собранных этим автором на Кавказе. В сочинении Ферьер-Совбефа особенно интересно описание Тебриза и Ардебилля во второй половине XVIII в.

Записки доктора Райнегса, бывшего до 1783 г. русским представителем в Тифлисе, содержат ряд интересных данных по северо-восточному Азербайджану второй половины XVIII в. /с. 31/

В ряде необходимых случаев нами привлекались и записки европейских дипломатов и путешественников начала XIX в. (Мориер, Гардан, Жубер, Друвиль и др.), поскольку хронологические их описания непосредственно примыкают к предыдущим и во многих случаях отражают условия, аналогичные тем, которые существовали в конце XVIII в.

*И. Русские источники*²⁰

Для внутренней социально-экономической истории Азербайджана и Армении XVII в. русские источники имеют сравнительно ограниченное значение. Для исследуемой темы интересны записки купца Ф.А. Котова, посетившего в 1623 г. Закавказье и Иран и оставившего описание городов Дербента, Шемахи и Ардебилля (Котов 1852).

Но уже в первой половине XVIII в., в связи с активизацией русской восточной политики и увеличившимся непосредственным практическим интересом к Закавказью, русские дипломаты и ученые проявляют гораздо больший интерес к землям, лежащим за Главным Кавказским хребтом и особенно к Прикаспийским территориям, к присоединению которых с начала XVIII в. толкали Россию главным образом ее интересы в торговле шелком, основная масса которого производилась в Гиляне и Закавказье. Поэтому уже записки А.П. Волынского (1717 г.)

---

²⁰ Номер этого раздела в диссертации ошибочно дан как IV. — *Примеч. А. А.*

являются обстоятельным описанием, в котором отражены наблюдения этого видного дипломата над политическим и экономическим состоянием страны. Из содержания записок А.П. Волинского ясно видна одна из основных целей его посольства — /с. 32/ выяснение внутренней обстановки в Кызылбашском государстве начала XVIII в.

Поэтому А.П. Волинский подметил то, что выпустил из своего поля зрения другой участник этого же посольства Белл (см. выше), а именно внутренние неурядицы в стране и всю призрачность верховной власти Сефевидов над северными территориями своего государства.

Для истории северо-восточной части Азербайджана 20-х–30-х гг. XVIII в. первостепенное значение имеют описания Ф.И. Соймонова (1763), И. Лерхе (1790) и И.Г. Гербера (1760), в которых отражено положение северо-восточных ханств в сложной политической обстановке этого времени и имеются ценные данные по городам Дербенту, Шемахе, Баку и др.

Лучшим источником для истории северо-восточного Азербайджана 50-х–60-х гг. XVIII в. (не исключая и архивные материалы) остается описание профессора С.Г. Гмелина (1771). Никакие другие источники не дают столько сведений по экономическому положению этой части страны в указанные года. В записках С.Г. Гмелина к тому же имеются подробные описания городов северо-восточного Азербайджана, причем большое внимание в них уделяется экономической роли городов, приводится ряд ценнейших данных о городском ремесле, внутренней торговле и, наконец, о политике местных ханов (особенно Фетх-али-хана кубинского-дербентского) по отношению к городам Ширвана. /с. 33/

Для характеристики общего политического положения в Азербайджане и Армении и особенно военного потенциала ханств в 80-х гг. XVIII в. первостепенное значение имеет краткое описание русского военного представителя при дворе Ираклия II полковника Бурнашева (1793).

Для истории городов восточного Закавказья XVIII — начала XIX в. важны описания П. Зубова (1834–1835), С. Броневского (1823), В.С. Легкобытова (1832–1836) и ряда других, а также опубликованные в приложении к недавно вышедшей книге Г.Б. Абдуллаева выдержки из описания Азербайджана 1796 г., находящегося в ЦГВИА (1958. С. 191–200).

Кроме того, нами был привлечен и ряд других трудов первой половины XIX в., которые благодаря своей близости к изучаемому времени содержат немало сведений, отсутствующих в источниках XVIII в., и потому сами являются в настоящее время скорее источниками, нежели монографическими исследованиями²¹.

---

²¹ Имеются в виду сочинения П.Г. Буткова, И. Шопена и др. (см. библиографию).

*VI. Турецкие источники*²²

Из турецких источников в настоящей работе использована «Книга путешествий» турецкого дипломата и путешественника XVII в. Эвлия Челеби. Имеется старое стамбульское издание этого сочинения, вышедшее с 1314 г. х. (1896/97 гг.) до конца /с. 34/ 30-х гг. XX в. В 1944–1949 гг. в Стамбуле вышло новое сокращенное издание «Книги путешествий», однако за исключением описаний Урмии и Ардебиля в IV томе, все прочие разделы, относящиеся к Азербайджану и Восточной Армении, в этом издании выпущены. Поэтому мы пользовались т. 2 старого издания «Дар ас-саадат» (Стамбул), 1314 г. х. и т. 4 нового издания 1944–1949 гг. Описание Эвлия Челеби имеет исключительную ценность для истории Азербайджана и Армении XVII в. В сущности это единственное современное географическое описание, подобного которому нет ни по XVI, ни по XVIII в. К тому же до настоящего времени оно не использовано, насколько известно, ни одним историком Закавказья для периода XVII в. У Эвлия Челеби имеются краткие, но содержательные описания почти всех городов, существовавших в Азербайджане и Армении в XVII в. Конечно, цифры, приводимые в его книге, не являются точными, а представляют приблизительную оценку количества домов того или иного города, число тех или иных строений (мечетей, бань и т. п.), количество лавок и т. д. Однако уже и подобного рода данные имеют исключительную важность, поскольку до самого конца XVIII в. в нашем распоряжении почти нет такого рода данных других источников.

*VII. Грузинские источники*²³

В грузинской летописи «Картлис цховреба» («Жизнь Картли») имеется немало не только отдельных сведений, но и целых экскурсов в историю соседних областей Армении и Азербай/c. 35/джана. Особенно же незаменимыми становятся для исследователя истории армянского и азербайджанского народов грузинские летописи, повествующие о событиях начиная с 40-х гг. XVIII в. С этого времени объединенное Картло-Кахетинское царство постепенно подчиняет себе в борьбе с азербайджанскими ханами западный Азербайджан и Восточную Армению (Ереванское ханство), а в начале 50-х гг. делает попытку захватить южный Азербайджан, где грузинские цари имели поддержку, например, со стороны городской знати и купечества. Поэтому современные грузинские хронисты немало внимания уделяли истории и этих частей Закавказья, а ввиду того, что азербайджанских хроник XVIII в. в нашем

²² Номер этого раздела в диссертации ошибочно дан как V. — *Примеч. А. А.*

²³ Номер этого раздела в диссертации ошибочно дан как VI. — *Примеч. А. А.*

распоряжении нет, то грузинские летописи наравне с армянскими источниками становятся нашими основными источниками и по истории Азербайджана. Немало ценного материала дают эти летописи и для истории классовой борьбы в Азербайджане и Армении XVIII в.

*VIII. Азербайджанские источники*²⁴

Как уже отмечалось выше, в нашем распоряжении нет ни одного источника XVII–XVIII вв., написанного на азербайджанском языке. Лишь в XIX в. в северном Азербайджане появились первые историки, писавшие на родном языке. Но и крупнейший азербайджанский историк первой половины XIX в. Аббас-кули Бакиханов (1794–1846) свое историческое сочинение по истории северного Азербайджана «Гюлистан-ирам» написал на персидском языке (Мирза-Адигезаль-бек 1950. С. 77). А. Бакиханов /с. 36/ был образованнейшим человеком своего времени, хорошо знал не только восточные (персидский, арабский, турецкий и армянский), но и русский и французский языки. Его труд основан на большом количестве первоисточников, а для второй половины XVIII в. приводятся данные, взятые из рассказов современников и очевидцев, с которыми Бакиханов мог общаться. Поэтому труд Бакиханова сохраняет значение источника для второй половины XVIII в.

Из азербайджанских исторических хроник XIX в. нами использована «Карабах-наме» Адигезаль-бека, история Карабаха XVIII — начала XIX в., составленная по поручению русских властей на Кавказе. Автор придерживается в основном русской ориентации, но не свободен, например, и от идеализации Ага-Мохаммед-шаха каджара и Аббас-мирзы, сына Фетх-али-шаха. /с. 37/

ГЛАВА I. АЗЕРБАЙДЖАН И ВОСТОЧНАЯ АРМЕНИЯ В СОСТАВЕ КЫЗЫЛБАШСКОГО ГОСУДАРСТВА

§ 1. Постановка вопроса и состояние проблемы

История Азербайджана и Армении XVII–XVIII вв. до сих пор изучена недостаточно и неравномерно. Некоторые проблемы почти совершенно не затронуты исследователями, тогда как толкование других может вызывать при изучении источников ряд критических замечаний.

Можно сказать, совершенно не изучено состояние производительных сил в этот период. Объясняется это, в первую очередь, недостатком источников. К тому же данный вопрос следует изучать с привлечением

²⁴ Номер этого раздела в диссертации ошибочно дан как VII. — *Примеч. А. А.*

археологических и вообще материальных данных, тогда как для средневекового Востока эта проблема почти не ставилась.

Наиболее изучены, главным образом, в работах советских историков (И.П. Петрушевского, А.Д. Папазяна, П.Т. Арутюняна, С. Погосяна и др.) феодальные производственные отношения. Вышеназванные ученые проделали большую работу по систематизации и изучению скудных и разобщенных источников, хроникальных и документальных, и на основании их поставили этот вопрос на научную почву. Впервые И.П. Петрушевский в своей работе «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в.» на базе, главным образом, персидских исторических сочинений XVI–XVIII вв. и отчасти с привлечением документальных источников дал характеристику земельных отношений и нало/с. 38/товой системы в Кызылбашском государстве. Недостатком монографии И.П. Петрушевского является то, что он слабо привлек документальный, опубликованный и архивный материал, а также почти не использовал армянских первоисточников (за исключением переведенных академиком М.И. Броссе). Так, из его поля зрения выпала целая серия фирманов XVIII в., опубликованных в сочинении Надир-Мирзы, почти совершенно не использованы богатейшие фонды Матенадарана, не использованы И.П. Петрушевским «Дневник» Захарии Акулеци и «Джамбр» Симеона Ереванци. Советский армянский историк А.Д. Папазян впервые при исследовании коренных вопросов истории Закавказья широко привлек как армянские, так и персидские и западноевропейские материалы, причем значительная часть источников почерпнута им из архива Ереванского Матенадарана, что делает его исследование особенно ценным (Папазян 1954а; Папазян 1954б). На основании большого количества новых документов и критического сравнения их с ранее известными источниками А.Д. Папазян дал более аргументированное и конкретное толкование рода проблем, связанных с феодальными отношениями в Закавказье XVII в. Несмотря на то, что формально его исследование касается лишь Ереванского и Нахичеванского ханств, и отчасти Карабаха, следует отметить, что огромное значение оно имеет и для изучения экономики других районов Азербайджана, тем более, если учесть, что материалы такого рода по другим областям Азербайджана имеются в гораздо меньшем числе, а в целом феодальные отношения в Азербайджане /с. 39/ и Восточной Армении в XVII–XVIII вв. были однотипны, несмотря на отдельные частные расхождения.

В последнее время феодальные отношения в Ирана и Закавказье получили отражение и в западноевропейской историографии. В частности, крупнейший востоковед В.Ф. Минорский в своем предисловии к изданию текста и переводу «Газкират-оль-мулук» (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 5–40), затронул вопросы о сущности ряда феодальных

институтов (тиуля, союргаля, вакфа и др.), а также об экономической политике Сефевидов в XVI — начале XVIII в.

Вопросы социально-экономической и политической истории Закавказья 30-х—40-х гг. XVIII в. нашли отражение в недавно вышедшей монографии М.Р. Аруновой и К.З. Ашрафян (1958). В этой книге наиболее ценными являются разделы, характеризующие налоговую политику Надир-шаха и народные восстания в его государстве (гл. III, V и VI). Недостатком монографии является недостаточное привлечение документальных материалов (в первую очередь, из фондов Матенадарана, а также опубликованных Надир-Мирзой, А.К. Лэмбтоном и др.)²⁵.

Недавно в Англии вышла в свет большая монография известного востоковеда А. Лэмбтона (Lambton 1953), в которой значительный интерес /с. 40/ представляют ряд новых документов по Азербайджану, а также и некоторые положения данного автора, хотя в целом для Лэмбтона характерно изучение, главным образом, юридическо-официальной стороны вопроса о сущности земельных и иных отношений между господствующим классом и крестьянами.

Политическая история Азербайджана и Восточной Армении в XVII в. за исключением Ереванского ханства, обзор истории которого имеется в той же работе А.Д. Папазяна (1954а. Гл. I), также, слабо исследована. По XVIII в. лучшей работой продолжает оставаться книга В.Н. Левиатова (1948).

Особо остановимся на недавно вышедшей монографии Г.Б. Абдуллаева (1958).

Автор ее, на основании большого числа материалов, главным образом, архивных, попытался дать очерк истории северо-восточного Азербайджана и взаимоотношений Кубинского ханства с Россией в XVIII в. Однако Г.Б. Абдуллаев совершенно не использовал армянские, грузинские, персидские и — за исключением сочинения М. Биберштейна — западноевропейские источники, а архивные и опубликованные русские материалы использованы неравномерно и явно тенденциозно. В результате, налицо чрезмерная идеализация личности Фетх-али-хана кубинско-дербентского и вообще роли кубинского ханства в истории Азербайджана. В своей монографии Г.Б. Абдуллаев практически оторвал историю северо-вос/с. 41/точного Азербайджана от прочих азербайджанских ханств XVIII в. Это явилось закономерным следствием игнорирования Г.Б. Абдуллаевым значительной части ценнейших местных первоисточников, современных излагаемым им событиям.

Прежде всего это относится к источникам на персидском языке, совершенно не использованных Г.Б. Абдуллаевым, хотя персидский язык

---

²⁵ См. обзор источников.

в XVIII в. являлся государственным языком в ханствах Азербайджана. Так, первая глава работы Г.Б. Абдуллаева (Там же. С. 9–36) посвящена обзору социально-экономического и политического состояния всего Азербайджана (и северного и южного) в первой половине XVIII в., и всю массу вопросов, связанных с этой сложной и малоисследованной проблемой, Г.Б. Абдуллаев пытается разрешить, не используя ни одного первоисточника на персидском языке. Между тем общепризнанно, что ценнейшим источником по социально-экономической истории Азербайджана этого периода является трехтомное сочинение Мухаммед Казима «Тарих-е алем арай-е Надири», а политическую историю этого времени невозможно изучать без «Тарих-е Надири» Мехди-хана. Можно насчитать всего около десятка персоязычных сочинений XVIII в., которые могли бы во многих случаях заменить или дополнить авторов XIX в. используемых Г.Б. Абдуллаевым в гл. I его работы.

Для темы Г.Б. Абдуллаева незаменимым источником могла бы явиться дипломатическая переписка ереванского Хусейн-али-хана. К тому же, в архиве Матенадарана хранится огромное количество документов и по истории других ханств Закавказья XVIII в., также не использованных Г.Б. Абдуллаевым. /с. 42/

Основной вопрос монографии Г.Б. Абдуллаева — показать объединительную роль Кубинского ханства и, в особенности, роль его главы Фетх-али-хана (1758–1789). В 60-х–80-х гг. XVIII в. северо-восточный Азербайджан (ханства Кубинское, Бакинское, Шемахинское и Джавадское), а также часть нынешнего Дагестана (город Дербент с окрестными округами) были временно объединены вокруг Кубинского ханства. После смерти Фетх-али-хана (1789 г.) это объединение немедленно распалось. В книге Г.Б. Абдуллаева подробно повествуется как происходило это объединение, с кем боролся Фетх-али-хан, какие феодальные владетели ему помогали и какие оказывали сопротивление. Несомненно, в первую очередь должен возникнуть вопрос, что это было за объединение, какие объективные экономические причины способствовали или препятствовали ему, какие социальные силы его поддерживали и вообще, существовала ли объективная возможность объединения Азербайджана в этот период. У Г.Б. Абдуллаева в сущности отсутствует обоснованная и подкрепленная первоисточниками характеристика социально-экономического положения Азербайджана к середине XVIII в., т. е. к моменту начала деятельности кубинского хана. Правда, в гл. I имеется раздел (Там же. С. 18–29), по мысли автора очевидно претендующий на эту роль, но ни источники, на которых он основан, составляющие часть всех возможных, ни тем более содержание его не отвечают поставленной цели. Все изложение этого важнейшего вопроса сведено к повторению давно известных положений о видах податей, категориях земельной

собственности, организации управления и др. Не показано главное — чем же собственно отличались условия второй поло/с. 43/вины XVIII в. от предшествующей половины столетия. Если они ничем существенным не отличались, что и следует из этого раздела книги, то значит не было и условий для объединения страны. Ведь и по словам Г.Б. Абдуллаева «Образование азербайджанских ханств в XVIII в. не было случайным, а явилось следствием дальнейшего развития феодальных отношений, завершением ранее начавшегося феодального дробления страны» (Там же. С. 12). В книге Г.Б. Абдуллаева много говорится о сочувствии различных слоев населения объединению страны. Этого хотели, по его мнению, и крестьяне, и ремесленники и мелкие феодалы — тиульдары и служилые феодалы, и купечество — заметим кстати, что во-первых, тиульдары — не мелкие феодалы, а скорее средние и крупные, и, во-вторых, именно тиульдары и являлись служилыми феодалами (Там же. С. 30). Против объединения выступали лишь реакционное духовенство и ряд местных феодалов, не всегда понятно каких. И вообще, на этот важнейший вопрос Г.Б. Абдуллаев дает довольно противоречивые ответы. В одном месте он говорит о стремлении к объединению вышеуказанных слоев населения (Там же. С. 30), в другом — в таком же духе говорится о бесформенном большинстве населения Ширвана (Там же. С. 53), а в конце монографии речь идет уже о «недостаточной поддержке объединения торгово-ремесленными слоями», об «известном равнодушии крестьян» (Там же. С. 145) к политике Фетх-али-хана и прямо говорится о непроч/с. 44/ности объединения (Там же. С. 143).

Таким образом, не ясна социальная опора Фетх-али-хана. Что касается крестьян, ремесленников и торговцев, то, без сомнения, все они желали прекращения междоусобных войн, урегулирования торговли и т. д. Но кроме их желания, которое было у них и раньше, надо учитывать — и это прежде всего — объективную возможность его осуществления, а ее-то Г.Б. Абдуллаев совершенно не исследует. Вполне понятно стремление торгово-ремесленных слоев Тебриза, Ганджи и др. к объединению и установлению сильной власти. Жители Тебриза в начале 40-х гг. XVIII в. обращались к грузинскому царю Ираклию II с просьбой избавить их от насилий афганских наемников Азад-хана (Geschichte 1755. S. 87), а на 150 лет раньше оказали активную поддержку Аббасу I (Искандар-бйк туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 639). И таких примеров можно привести много, между тем далеко не достаточно для доказательства объективной возможности объединения привести несколько фактов о стремлении жителей тех или иных городов призвать того или иного хана. А к этому в сущности и сводятся доказательства Г.Б. Абдуллаева, приводящего отрывочные, практически необъясненные факты по ряду городов не только Азербайджана, но и Армении и Ирана (Гилян) (Абдуллаев 1958. С. 59–60).

В связи с этим возникает и другой вопрос. Если даже предположить, что во второй половине XVIII в. существовали какие-то /с. 45/ условия для объединения Азербайджана, то какие же условия обеспечили руководящую роль кубинского ханства? Ведь центром объединения Фетх-али-хана были северо-восточные округа Азербайджана и прилегающие районы Дагестана с этническим смешанным населением. Наиболее развитыми экономически областями Азербайджана являлись Тебриз на юге и Шемаха на севере. Эти же области являлись центральными районами этнического расселения азербайджанского народа. Поэтому уже тот факт, что попытка объединения в данном случае исходила из областей менее экономически развитых говорит в пользу того, что это объединение было непрочным. Мы говорим «в данном случае», ибо во второй половине XVIII в. это была вовсе не единственная попытка. Еще в самом начале 50-х гг. XVIII в. к этому стремился известный Панах-хан карабахский, который столкнулся (главным образом из-за города Ганджи) с Грузией, также претендовавшей на ряд областей Азербайджана и Армении, и в союзе с ханами ереванским, шекинским, ширванским и ганджийским нанесшей поражение Панах-хану (Brosset 1857). Вслед за этим такую же попытку, столь же безуспешную, предпринял Азад-хан афган, правитель южного Азербайджана (Ibid. P. 153–165; Абу-л-Хасан Гулистанӣ 1359/1941. С. 157–160). Наконец, уже в 80-е гг. XVIII в., одновременно с Фетх-али-ханом кубинским на юге Азербайджана усилился Ахмед-хан хойский, в 1786 г. захвативший крупнейший город Азербайджана Тебриз, кстати сказать, опять же с помощью части населения. Ахмед-хан был, по свидетельству современников, сильнейшим, включая и кубинского хана, феодалом Азербайджана (Бурнашев 1793. С. 25). /с. 46/

История южного Азербайджана этого времени изучена еще менее северного, но утверждение Г.Б. Абдуллаева о том, что Ахмед-хан являлся агентом Турции (1958. С. 129, 132) необоснованно и требует большей аргументации. Вполне понятно, что Хойскому ханству, расположенному на турецкой границе, было несравненно труднее существовать, нежели кубинскому. Однако имеются документы, показывающие, что и Ахмед-хан был вовсе не предателем своей страны, каким его пытается изобразить Г.Б. Абдуллаев. Так, в одном документе, представляющем собой рапорт светлейшего князя Потемкина Екатерине II от 6.IV.1784 г. пишется: «Что же касается о Хойском хане, для сего испрашиваю Высочайшего Вашего Императорского Величества повеления, чтобы его, как знатнейшего и можно сказать кротчайшего из магометанских ханов в правлении, принять в покровительство. Он не принадлежит турецкому султану (подчеркнуто мною. — А. Н.)» (Грамоты и другие исторические документы 1902. С. 43). Между прочим, для всей работы Г.Б. Абдуллаева характерно такое деление всех азербайджанских деятелей того

времени на прогрессивных, в число которых входят только сторонники Фетх-али-хана, и реакционных, в густые ряды которых попадают все противники кубинского хана.

Но если и отвлечься от всех этих фактов и исходить только из того положения, что объединение Фетх-али-хана, пусть не прочное и не долговечное, все же существовало, то надо остановиться на вопросе о роли этого объединения в истории азербай/с. 47/джанского народа. Конкретного и ясного ответа на этот вопрос в работе Г.Б. Абдуллаева мы не находим. Более того, именно в этом случае мы встречаемся с замалчиванием интереснейших и важнейших данных первоисточников. А между тем источники довольно недвусмысленно говорят о том, что в объединении Фетх-али-хана не все земли находились в одинаковом положении, и более того — в худшем положении находились основные азербайджанские области. В привилегированном положении находилась основная территория Фетх-али-хана — Куба и Дербент. Хуже было положение Бакинского ханства, жители которого были обложены огромными налогами, от которых особенно страдало армянское население города Баку (т. е. значительная часть торговцев и ремесленников) (Гмелин 1771. С. 84). Но особенно показателен город Шемаха, древний экономический и политический центр Ширвана. Г.Б. Абдуллаев много и подробно останавливается на истории военного завоевания Фетх-али-ханом Шемахи, подробно рассказывает, как вели себя при этом ханы шемахинский, шекинский и др., но в сущности совершенно не останавливается на вопросе, что же принесло этому городу включение его в состав кубинского ханства, хотя и признает, что подати в Шемахе были велики (Абдуллаев 1958. С. 55). А между тем проф. С.Г. Гмелин, столь часто цитируемый с полным доверием Г.Б. Абдуллаевым в других случаях, прямо пишет об упадке Шемахи под властью Кубинского ханства. С.Г. Гмелин посетил Шемаху вскоре после присоединения ее к Кубе и прямо указывал, что Фетх-али-хан рассматривает ее как завоеванную провинцию (Гмелин 1771. С. 97), и далее на примерах пояснял, что он под этим подразумевает. Оказывается, что Шемаха сумела отправиться даже от варварского разрушения Надир-шахом, и в этом городе в 50-х гг. XVIII в. вновь возродилось прославленное шелковое производство. В Шемаху стали приезжать ремесленники даже из Тебриза. Фетх-али-хан же по взятию города по методу Аббаса I и Надир-шаха выселил из города крупных кушцов-оптовиков (хаджи), а задно и всех остальных жителей «к коим только малейшую имел неуверенность», что же касается шелкового производства Шемахи, «то как скоро Фетх-али-хан взял город... фабрики находятся в весьма бедном состоянии. Хотя материи в старой теперь Шемахе приготавливаемые суть те же самые какие делались на прежних фабриках... Однако новые

на старые доброту нимало не походят». Этот упадок объясняется в частности бегством ремесленников в Тебриз (Там же. С. 101–102).

Недовольна была кубинскими властями и социальная верхушка бывшего шемахинского ханства в лице части беков, сторонников старой династии и крупного купечества, подвергавшегося репрессиям со стороны Фетх-али-хана кубинского и его наместников (Там же. С. 96–97). В 1769 г. в Шемахе начались волнения податного населения. Одновременно оппозиционно настроенные к Фетх-али-хану беки и купцы также выступили против него. События эти подробно освещены в монографии Г.Б. Абдуллаева (1958. С. 52–55). Однако, они /с. 49/ рассматриваются совершенно изолированно друг от друга. Об участии народных масс в восстании 1769 г. говорится особо и кратко. Зато много внимания уделено «феодальному заговору» 1769 г., который по тем же источникам и есть вышеупомянутое «народное возмущение» и явился восстанием, в котором приняли участие и народные массы, выступившие против добавочного налогового обложения в пользу кубинского хана, так и верхи шемахинского общества, выступившие с сепаратистскими целями отделения от Кубы Шемахи и восстановления старой династии. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует и приложенное самим Г.Б. Абдуллаевым к книге донесение русского консула в Сальянах (Там же. С. 163). Не случайно поэтому, что когда в 1774 г. объединившиеся против Фетх-али-хана азербайджанские ханы подошли к Шемахе, то жители города без сопротивления сдали им город (АВПР, перс. фонд, д. 17 (1767–1774 гг.). Л. 284–285).

Противоречивое же толкование восстания 1769 г. является следствием самой концепции Г.Б. Абдуллаева, согласно которой, всякие движения против Фетх-али-хана кубинского объявляются практически без их социального и классового анализа «феодальными заговорами» и реакционными в корне.

Разделы о русско-кубинских отношениях — лучшая часть монографии Г.Б. Абдуллаева.

Источники дают основание утверждать, что из всех азербайджанских ханств, наиболее последовательно придерживалось русской ориентации во второй половине XVIII в. именно Кубинско-Дербент/с. 50/ское ханство. Правильно указывается на истинные цели, которые преследовали при этом царское правительство и кубинский хан. Справедливо подчеркивается колонизаторская цель политики правительства Екатерины II (Абдуллаев 1958. С. 80) и стремление Фетх-али-хана кубинского использовать русскую помощь для присоединения соседних ханств (Там же. С. 83). Отсюда в русско-кубинских отношениях имели место трения и взаимное недоверие, что не всегда подчеркивается Г.В. Абдуллаевым, а любопытные высказывания русского военного представителя в

Закавказье в 80-х гг. XVIII в. С.Д. Бурнашева (1793. С. 5–7), связанные с этими же вопросами, равно как и характеристика Фетх-али-хана П.Г. Бутковым (1869. С. 276), Г.Б. Абдуллаевым обходятся.

К вопросу о русской ориентации кубинского ханства примыкает и вопрос об отношениях Фетх-али-хана с правителем Ирана Керим-ханом зендом. И если независимость Кубинского ханства от Керим-хана в первую половину 80-х гг. XVIII в. не вызывает сомнения, то по более позднему периоду имеются данные, говорящие в пользу того, что Фетх-али-хан признавал, хотя бы и номинально, верховную власть векиля Керим-хана (Абӯ-л-Ҳасан Гулистанӣ 1359/1941. С. 268; Броневский 1823. С. 379). Любопытно в этом /с. 51/ отношении, частично использованное Г.Б. Абдуллаевым письмо Екатерины II от 30 октября 1775 г. к генералу де Медему. Из этого письма видно, во-первых, что русское правительство считало Фетх-али-хана подвластным Ирану и, во-вторых, опасалось, что при благоприятных условиях Фетх-али-хан сам укрепитя в Иране, тогда как по словам Екатерины II, «для интересов нашей империи всегда прочнее и выгоднее быть имеет, когда сия держава (Иран. — *А. Н.*), бывшая напредь сего знатная и сильная, останется и впредь в нынешнем своем состоянии безо всякой верховной власти законной и в независимости частных начальников одного от другого» (АВПР, перс. фонд, д. 470. Л. 132. Письмо написано в связи с распротранившимися неверными слухами о смерти Керим-хана).

Наконец, последний вопрос, на котором мы остановимся — это вопрос о роли самого Фетх-али-хана в истории Азербайджана и о месте его объединения в системе феодальных ханств второй половины XVIII в. Несомненно, что Фетх-али-хан был незаурядной личностью, обладал способностью трезвого учета обстановки, был хорошим полководцем.

Именно это и привлекло к нему внимание азербайджанских историков XIX в. (Аббас-кули Бахиканова, Искандера Ганджийского). Тем не менее, по нашему мнению, Г.Б. Абдуллаев значительно преувеличил его роль в истории Азербайджана. Любопытно, что не только персидские историки второй половины XVIII в., за исключением Абуль Хасана Голестане (Абӯ-л-Ҳасан Гулистанӣ 1359/1941. С. 160–163, 268–270), /с. 52/ даже и не упоминают о Фетх-али-хане²⁶, но и в обширной переписке католикоса армян Симеона ереванского (1763–1780) о Фетх-али-хане говорится всего два раза (Архив армянской истории 1908. С. 175–176, 185), в переписке же католикоса Гукаса (1780–1800) о Фетх-али-хане вообще не упоминается ни разу, тогда как о других азербайджанских ханах

²⁶ Иранский историк XIX в. Лесан-оль-мольк в своей «Тарих-е каджарийе» (Лисан ал-мулк 1273/1857) в подробнейшем разделе о Ага-Мухаммеде каджаре ничего не говорит о Фетх-али-хане кубинском.

(Хойском, Карабахском, Нахичеванском и т. д.) говорится неоднократно. Объясняется это, очевидно, не только тем, что Дербент и Куба были расположены дальше от Эчмиадзина, нежели Ганджа и Нахичеван — в переписке католиков часто упоминается и Кизляр, и Астрахань, и Москва и Калькутта. Очевидно, Фетх-али-хан все-таки не играл такой роли в политической жизни Закавказья, какую ему приписывает Г.Б. Абдуллаев, использовавший в основном русские источники и азербайджанские исторические сочинения XIX в., в которых главное внимание уделено именно северо-восточной части Азербайджана и Дагестану. Русские же источники XVIII в. уделяют значительное внимание Фетх-али-хану, потому что, во-первых, его владения были расположены ближе всего к русской границе и, во-вторых, он контролировал такие важные для русской торговли пункты, как Дербент, Баку, Шемаха. Любопытно, что даже в азербайджанских хрониках XIX в., посвященных Карабаху и Шеки, т. е. районам, пограничным кубинскому ханству, о Фетх-али-хане либо вообще не упоминается (Абдул-Латиф-эфенди 1926), либо ему уделяется мало внимания (Мирза-Адигезаль-бек 1950). /с. 53/

Точно также очевидно преувеличение роли Кубинского ханства в грузинско-азербайджанских отношениях этого времени. Грузинские хроники также немного говорят о Фетх-али-хане, тогда как по всем остальным азербайджанским ханствам (Ганджийскому, Шекинскому, Карабахскому, Шемахинскому и др.) в них приводится значительный материал.

В связи с вышесказанным можно сказать, что несмотря на то, что книга Г.Б. Абдуллаева представляет в целом полезный вклад в изучение истории азербайджанского народа, тем не менее ей присущ ряд существенных недостатков, связанных с чрезмерным преувеличением роли личности в истории и недостаточным вниманием автора ее к объективным социально-экономическим процессам, происходившим в недрах азербайджанского общества в XVIII в.

Из работ зарубежных историков, уделяющих значительное внимание политической истории Азербайджана и Восточной Армении, следует упомянуть две монографии Л. Локкарта (Lockhart 1938; 1958). В них приведен большой и тщательно собранный материал из различных неопубликованных и опубликованных источников, в том числе и из тех, которые недоступны нашим исследователям. Именно это и составляет одно из важнейших достоинств работ Локкарта. Вместе с тем Локкарту свойственен идеалистический подход к исследованию исторических явлений, идеализация отдельных личностей /с. 54/ в истории в ущерб исследованию закономерностей экономической и общественно-политической жизни общества.

Настоящая глава на ставит цель полного и специального исследования всех затронутых в ней проблем. Разделы, связанные с характери-

стикой феодальных отношений и форм земельной собственности, являются, в основном, изложением выводов работ И.П. Петрушевского, А.Д. Папазяна и других историков. В связи с этим, они занимают не большое, сравнительно с их значением, место. В то же время основная часть главы посвящена выяснению сущности Кызылбашского государства XVI — первой половины XVIII в., в состав которого входили Азербайджан и Восточная Армения (поскольку наша точка зрения в этом вопросе расходится со многими существующими мнениями в нашей и зарубежной исторической науке), а также положению Азербайджана и Восточной Армении в составе вышеупомянутого государственного образования и полунезависимым ханствам второй половины XVIII в. Особое внимание уделяется истории классовой борьбы в рассматриваемый период, в том числе и городским восстаниям XVII–XVIII вв., характеристика которых, как уже указывалось во вводной части, перенесена в настоящую главу.

§2. Природные богатства и занятия населения

Азербайджан и Армения по своим природным богатствам занимают одно из первых мест среди стран Ближнего Востока.

И в XVII–XVIII вв. основной отраслью экономики Восточного Закавказья оставалось сельское хозяйство.

Из сельскохозяйственных культур наибольшее значение имели пшеница, ячмень, рис, а также хлопок и шелк. Все эти культуры /с. 55/ разводились в Закавказье с древних времен; в течение предыдущих же столетий сложилась и специализация этих культур по отдельным районам (Али-заде 1956. Гл. I).

О специализации отдельных районов на разведении, определенных культур говорят многие источники XVII–XVIII вв. Так, округ Нахичевана славился лучшими сортами хлопка (всего 7 сортов), зерновыми культурами (غله), в частности, пшеницей (حنطه) (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 236). В районе Тебриза в XVII в. процветало шелководство и виноградарство (Там же. С. 254), округ города Хоя славился рисом, хлопком, виноградниками (Там же. С. 277), район Чорса лучшими хлебами во всем Азербайджане (Там же. С. 278), область Ганджи — хлопком, рисом и шелком (Там же. С. 287); Ширван, как известно, являлся вторым районом по производству шелка в Кызылбашском государстве (Олеарий 1870. С. 791). Округ Ордубада в XVII в. славился на весь восток своими гранатами (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 532), район Астапата (Нахичеванский край) — мареной, вывозившейся в Индию (Tavernier 1681. Р. 43–44) и т. д. Подобные же данные можно привести и по XVIII в. /с. 56/

Большое значение почти во всех областях имело скотоводство. Лишь в отдельных районах не было кочевого населения²⁷.

О степени развития скотоводства в Закавказье можно судить по целому ряду данных. Так хронист XVII в. Мухаммед Масум писал, что в Карабахе было до 100 000 стад баранов (Мухаммад Ма'сум. Л. 125а). В XVIII в., по свидетельству грузинских хроник, из того же Карабаха грузины в 1750 г. угнали 200 000 голов овец (Brosset 1857. P. 153). В 1779 г. Ираклий II грузинский угнал из Ереванской области до 100 000 голов скота (см.: Хронику Арутюна Халифы в «Архиве армянской истории» — Йарут'ин Халифайеан жаманакагир 1912. С. 145–146).

На реке Куре, а также в Армении на озере Севан население занималось рыболовством (Гмелин 1771. С. 114–118; Chardin 1811. P. 16).

Судя по данным источников в XVII–XVIII вв., система обработки земли оставалась та же, что и в более ранний период. В целом, нам кажется, и на этот период могут быть перенесены данные о производительности труда крестьянина, приведенные А. Али-Заде для Азербайджана XIII–XIV вв. (Али-заде 1956. С. 29–33); во всяком случае, состояние источников не позволяет говорить в настоящее время конкретно об изменениях в этой области. В некоторых местностях применялся/с. 57/лишь удобрения, чаще всего навоз (Chardin 1735. Т. I. P. 101), в ряде же районов (например, в северо-восточных округах Азербайджана) землю даже не уваживали, а лишь сжигали на полях солому (Гмелин 1771. С. 35).

В большинстве районов страны огромную роль играло искусственное орошение, наземное (арыки) и подземное (кяризы) (об искусственном орошении в Азербайджане с описанием кяризов см.: Али-Заде 1956. С. 40–46).

Недра Закавказья богаты различными полезными ископаемыми, что сделало его еще в глубокой древности одним из центров металлургии. В рассматриваемую эпоху добыча полезных ископаемых велась в ограниченных размерах. Попытка правительства Аббаса I (1587–1628) увеличить разработку полезных ископаемых (Chardin 1811. P. 352) в конечном итоге успеха не имела и в XVII–XVIII вв. Наиболее нужные металлы ввозились из Индии, России, отчасти Западной Европы (см. гл. 2. С.)²⁸. Существовали небольшие разработки полукустарного типа повсеместно в Азербайджане (южном и на границе с Дагестаном) и в горах Армении. Однако они обслуживали, главным образом, местные нужды.

Гораздо большее значение имела добыча нефти в районе Баку. О добыче нефти в этом районе свидетельствуют еще арабские и персидские географы раннего средневековья (Караулов 1901. С. 25; Hudūd al-'Ālam 1937. P. 145). В середине XVII в. /с. 58/ бакинская нефть приносила

²⁷ Например, в Ордубадском (Провинция Нахичеванская 1831. С. 71).

²⁸ Пропущено. — *Примеч. А. А.*

шахской казне в год до 7 000 туманов дохода (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 303). Различалось до восьми сортов нефти в зависимости от оттенков цвета. Нефть частично потреблялась на месте, но значительная ее часть вывозилась в соседние области Азербайджана и Ирана, кроме того черная нефть в XVII в. вывозилась в Грузию, Узбекистан, Индию, Курдистан, Дагестан, Турцию (Там же. С. 309).

В период русской оккупации 20-х–30-х гг. XVIII в. бакинская нефть стала собственностью царской казны и в год давала прибыли на 20 000 рублей (2 000 туманов — Соймонов 1763. С. 174).

Неизученность вопроса о степени падения курса денег с середины XVII до начала XVIII в. не дает, к сожалению, возможности сделать точные выводы о размерах добычи нефти в это время, но нам кажется, что сравнение данных Эвлия Челеби с данными Ф.И. Соймонова позволяет признать резкое сокращение добычи нефти в начале XVIII в., что, вероятно, было связано с ухудшением экономического положения страны и сокращением рынков сбыта. Ведь следует иметь ввиду, что в 20-е–30-е гг. временно сократилась торговля с Ираном, Арменией, Турцией и другими странами Востока, а русский рынок, очевидно, не мог тогда компенсировать эту утрату. Во второй половине XVIII в. доходы с нефти шли местному хану и в 60-х–70-х гг. XVIII в. составляли 40 000 рублей (Гмелин 1771. С. 73). /с. 60/

Добывалась нефть из нефтяных колодцев, число которых было различно в разное время. Производительность нефтяных колодцев была также неодинакова. В XVIII в. самые большие колодцы давали почти в 30 раз больше нефти, чем самые маленькие (Reineggs 1807. Vol. I. P. 169).

§ 3. Формы земельной собственности. Шахский домен и его роль в эволюции Кызылбашского государства.

В позднее средневековье в Азербайджане и Восточной Армении существовали в основном пять форм земельной собственности: 1) государственные земли, 2) земли шахского домена (хассе), 3) вакфные земли — земли религиозных учреждений, 4) земли мульковые (арбаби), т. е. земли — собственность отдельных лиц, 5) общинные земли (Петрушевский 1949а. С. 78; 1954б. С. 14).

Земли государственные (аразий-е дивани) в странах Закавказья в XVII–XVIII вв. составляли большинство земельного фонда. Практически эти земли находились на правах издольной аренды (اجاره، ضبط) в пользовании у непосредственных производителей — крестьян, которые обязаны были выплачивать в денежной или натуральной форме определенную долю своего урожая с этих земель. Однако по способу и форме эксплуатации этих земель (и, в первую очередь, самих крестьян-арендаторов), земли эти не составляли единого целого. Исследование

А.Д. Папазян показало, что государственные земли в XVII в., в свою очередь, делились на /с. 60/ две категории: собственно государственные (дивани), подчиненные центральному ведомству в Исфагане, а на местах его представителю — везиру провинции (о нем см. гл. III), и земли, находившиеся в распоряжении местных правителей — хакимов (Папазян 1954а. С. 208–210; 1954б. С. 14). Доходы с этих последних земель, носивших название халисе, шли в казну хакима (Там же; Kämpfer 1712. P. 137) и затем расходовались на личные нужды, на содержание его двора, войска и частично на общественные нужды.

Что же касается собственно государственных земель, то в XVII в. государственные налоги шли с них через посредство везира провинции (ханства) и его налоговых агентов (тахсилдаров и даруг) в государственное казначейство и оттуда уже могли раздаваться в виде жалования (танхах, хамасала, муваджиб и др; о значении этих терминов см.: Папазян 1954б. С. 15–16) чиновникам государственного аппарата, чинам постоянной армии, лицам двора и т. д.

Однако, эти же доходы целиком или частично могли передаваться различным лицам в качестве тиулей или сююргалей (о сююргале см.: Петрушевский 1949а. С. 145–183; История Ирана 1958. С. 240–241 и гл. II настоящей диссертации; о тиуле см.: Петрушевский 1949а. С. 184–221).

Как правильно отмечает И.Д. Петрушевский, следует отли/с. 61/чать тиуль в Сефевидском государстве XVII — начала XVIII в. от тиуля в полунезависимых ханствах второй половины XVIII в. В XVII в. официально тиуль всегда обозначал право на определенную часть ренты — налога, передаваемое государством отдельным феодалам. В этом смысле тиулями, между прочим, именовались целые области — хакимства, например, весь южный Азербайджан или округ Астары в Талыше (Мухаммад Тāхир Ваҳид 1329/1950. С. 175, 328). Очевидно, в этом случае под тиулем и понималось право сбора налогов хакимом с земель халисе. Судя по сохранившимся документам, тиуль обязательно был связан с государственной службой (военной, чиновничьей)²⁹. Тиули могли закрепляться за определенной должностью. В частности, ишик-агаси-баши (церемониймейстер) всегда держал (точнее имел право сбора налогов), в качестве тиуля район г. Рея (около Тегерана; см.: Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 86 [перс. текст]). Анализ источников, например, «Аббас-наме», показывает, что если эта должность переходила по наследству, то и тиуль также переходил по наследству.

²⁹ Любопытная в этом отношении тиульная грамота, относящаяся к Азербайджану от месяца мохаррема 1110 г.х. (1698 г.), приведенная в вышеуказанной работе Лэмбтона (Lambton 1953. P. 109–110), обязывает владельца тиуля выставить 47 экипированных воинов.

Другой вид тиуля заключался в том, что право сбора налогов давалось конкретному лицу с известного объекта, независимо от должности, которую это лицо занимало. Передача такого тиуля по наследству могла производиться лишь с позволения лица, давшего тиульное право — т. е. шаха. Исследование А. Д. Папазяна по/с. 62/казало, что в XVII в. тиуль представлял дарование тиульдару права на сбор государственных налогов с государственных и даже с мульковых, т. е. частнособственнических земель (Папазян 1954б. С. 15) (о тиулях на землях хассе см. ниже).

Особенностью тиуля, в отличие от других способов оплаты военных чинов и чиновников гражданского ведомства, являюсь то, что тиульдар лично собирал подати, что немало способствовало его обогащению, и на практике даже по официальным данным тиули были всегда больше установленных (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 88 [перс. текст]); в связи с этим он имел судебные и административные функции в отношении райатов тиульного владения (Папазян 1954б. С. 15). Эти права тиульдара зависели практически от размеров тиуля. Если тиулем считалась целая область, то хаким (беглярбек) ее, он же тиульдар, на практике был почти полновластным господином, тогда как мелкий тиульдар, который собирал налоги с одного небольшого села или части его, не имевший в своем распоряжении войска и такого штата, был в более стесненном положении. Однако факты показывают, что и мелкие и крупные тиульдары всегда стремились всеми путями выжать побольше средств из своих тиулей. Захарий Акулеци рассказывает о некоем Парсадан-беке, грузине по происхождению, который был пароном, — судя по смыслу рассказа тиульдаром — селения Цгна в 10–12 км от Акулиса в течение 7 лет ко времени рассказа (с 1668 г.) и который «со всей своей семьей и братьями по приказу шаха, пожирал Цгну, причиняя бедствия». семь — восемь человек /с. 63/ из жителей села ездили в Исфаган с жалобой к шаху, но тот приказал их со связанными руками отправить в Цгна и разобрать их дело, а на село наложить штраф в 1000 туманов (Дневник Закария Акулиского 1939. С. 103–104). Как видно из этого и ряда других примеров, правительство становилось в спорах между райатами и тиульдаром на сторону последнего.

В сочетании права налогового сбора с административно-судебными функциями были уже заложены основы для дальнейшей эволюции тиуля в сторону превращения тиульдара в практического владельца и самой земли. В XVIII в. крупные тиульдары-правители стали полунезависимыми владельцами, а мелкие тиульдары, в отношении которых и употреблялся этот термин, стали превращаться в помещиков, и под тиулем подразумевалось уже владение самими селениями (Петрушевский 1949а. С. 218, 357–359) Однако, судя по сохранившимся указам, владение тиулем попрежнему обуславливалось службой местному хану

и наследование тиуля в XVIII в. узаконено не было. Таким образом, эволюция тиуля в XVII–XVIII вв. была направлена в сторону укрепления феодальной собственности; окончательно этот процесс завершился уже после присоединения закавказских ханств к России (Там же. С. 221).

Вопрос о мульке как о форме безусловной собственности представляется более ясным. Сохранилось огромное количество купчих на всякого рода мульки (земельные участки, источники орошения, дома, лавки, каравансарай и т. д.), показывающие какое широкое распространение имел этот институт. Независимо от /с. 64/ всех своих конкретных разновидностей, мульк представлял из себя безусловную собственность. Однако виды ее были различны. Мульком мог быть земельный участок целиком, но могло быть и просто право на сбор земельной ренты с общины села (Папазян 1954б. С. 20).

Мулькадар, имевший такое право в сущности был владельцем села, другая часть доходов с которого шла государству, тиульдарам или хакимам. В XVII в. феодальная рента делилась на две части: 1) бахрече-йе маликане (بهرچه مالکانه) и 2) бахрече-йе дивани (بهرچه دیوانی).

В селах, принадлежавших в качестве мульки отдельным владельцам, им и платилась бахрече-йе маликане, а бахрече-йе дивани шла государству. Если же село не принадлежало мулькадару, то обе части ренты шли государству. В случае же, если владелец получал освобождение от налогов (муафи), в его пользу шла вся рента (Папазян 1954а. С. 346–347).

Несмотря на интенсивный захват феодалами, особенно кочевыми, общинных крестьянских земель (джамат — جماعت) сохранялась на протяжении рассматриваемого периода и позднее, в XIX в. Сохранение ее как организации было выгодно и правящей феодальной верхушке, поскольку оно значительно облегчало сбор налогов с райатов и административно-полицейский контроль. В XVII в., особенно во второй половине этого столетия, внутри общины усилился процесс социального расслоения, выразившийся в увеличении роли сельской верхушки (сельских старост и старейшин)³⁰. Однако в условиях XVIII в. этот процесс /с. 65/ (как и ряд других явлений), можно полагать, не получил должного развития.

Не будем специально останавливаться на вакфной собственности (о ней см.: (Папазян 1954б. С. 17–19), а обратимся к категории земель хассе, поскольку этот вопрос имеет значение и для выяснения вопроса о сущности Кызылбашского государства, к характеристике природы которого мы затем и перейдем. Возникновение этой категории земель относится в странах Ближнего Востока, по крайней мере, к раннему

³⁰ Наиболее основательно в нашей историографии вопрос об общине XVII — начала XVIII в. рассмотрен в книге П.Т. Арутюняна «Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в.» (1954).

средневековью. Личные земли шаха имелись в Сасанидском государстве, Арабском халифате и во всех последующих державах и княжествах, возникавших на территории Ирана и Закавказья. Как особая категория земель хассе существовала в государстве Ильханов (XIII–XIV вв.) (Али-Заде 1956. С. 63) и в Сефевидском государстве XVI в. Однако анализ источников XVI в. позволяет установить, что земель этого типа было в то время относительно немного и они не составляли больших массивов. Поэтому и шахи в XVI в. в значительной степени зависели в материальном отношении от кызылбашских эмиров, в кормление которым были розданы почти все земли государства. Более того, в отношении ряда областей, например, Гиляна, Мазендерана и Ширвана долгое время практиковалось обложение данью, которая собиралась ежегодно натурой и деньгами. Если же местные правители видели, что дела шахов были плохи, то они просто прекращали выплату дани, и тогда шахи посылали войска для усмирения непокорных. /с. 66/

Аббас I, вначале также раздававший земли кызылбашским эмирам из числа своих сторонников, уже в 90-х гг. XVI в. изменил политику и многие территории, вплоть до целых округов и областей, стал присоединять к хассе. Сущность этого мероприятия заключалась в том, что у многих местных и пришлых (кызылбашских) феодалов-ленников отнимались их владения, а в соответствующих округах и областях вводилась новая, чисто гражданская система управления. Так было положено основание шахскому домену, — этот термин к категории земель хассе применяли европейские путешественники XVII в., и он получил свое право в исторической литературе.

Вопрос о возникновении и развитии домена в Сефевидском государстве нельзя считать разрешенным, хотя по этому вопросу имеется специальная кандидатская диссертация Н.М. Фильрозе (1945). Прежде всего, автор ее не использовал значительную часть источников, в том числе и такой первостепенный источник для изучения домена, как «Аббас-наме» Мухаммед Тахир Вахида, далеко не полно привлек и другие персидские источники XVII в., не использовал и всех европейских авторов этого времени. В итоге, в диссертации Н.М. Фильрозе не нашел отражения сам процесс образования домена, не были определены его величина, рост и эволюция. Так, Н.М. Фильрозе без оснований считает, что домен возник уже при первых Сефевидах (Там же. С. 48), ошибочно причисляет к нему ряд терри/c. 67/торий, в него не входивших, например, Тебриз (Там же. С. 57), и бездоказательно утверждает, что земли хассе занимали по территории первое место в государстве (Там же. С. 199). В диссертации не прослежена эволюция домена в XVII в. и, в итоге, так и не выяснена его социально-экономическая и политическая сущность. Между тем именно в создании домена, включившего во

второй половине XVII в. до 1/3 всех земель государства (см. ниже) следует искать один из ключей возрождения полуразвавшегося во второй половине XVI в. Сефевидского государства. В создании большого фонда личных шахских земель — хассе, следует, по нашему мнению, видеть одно из проявлений активной деятельности государственной надстройки, укрепившей тем самым свое пошатнувшееся положение. В самом деле, если обратиться к Сефевидскому государству XVI в., то легко можно увидеть, что созданное усилиями союза тюркоязычных кызылбашских племен в начале XVI в., оно уже вскоре после смерти ее основателя Исмаила I (1524 г.) стало проявлять все признаки упадка и склонности к распаду, точно также как и предшествовавшие ему державы Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу. Уже преемнику Исмаила Тахмаспу I (1524—1576) приходилось постоянно подавлять вооруженной силой не только пытавшиеся отложиться окраины (Гилян, Ширван, Луристан и т. д.), но и на основной территории своего государства (южный Азербайджан, центральный и восточный Иран) /с. 68/ власть его была во многих отношениях номинальной и кызылбашские эмиры властвовали на местах как самостоятельные царьки. Дело было, очевидно, не только и не столько в личных качествах этого шаха. Кызылбашское государство было создано в результате победы одной группы кочевых феодалов, группировавшихся вокруг Ардебильских шейхов Сефевидов, над другой. И племена кызылбашские и «белые бараны» Ак-коюнлу были одного происхождения (в основном малоазиатского и среднеазиатского); часть племен, входивших в союз ак-коюнлу позднее вошла и в союз кызылбашских племен (часть туркман, каджар).

По нашему мнению, вряд ли правильно говорить о Кызылбашском государстве XVI в. как о национальном азербайджанском государстве, хотя еще более неверно считать его национальным персидским или ново-иранским государством. Последняя точка зрения за немногим исключением свойственна всем зарубежным востоковедам³¹, первой же придерживаются многие азербайджанские историки.

Марксизм-ленинизм учит, что государство является орудием господства одного класса над другим, — в условиях феодализма класса феодалов над эксплуатируемым большинством деревни и города. Следовательно, при определении национальной принадлежности того или иного государственного образования следует исходить из того, какой национальности были феодалы, господствующие /с. 69/ в этом государстве. Господствующими же феодалами в XVI в. в Сефевидском государстве были феодалы кызылбашских племен.

---

³¹ См., напр., новейшую работу Д.М. Лэнга (Lang 1957. P. 20). Из зарубежных востоковедов лишь В.Ф. Минорский считает Сефевидское государство прямым преемником туркменских государств XV в. (Lambton 1953. P. 106).

Эти племена и в XIV–XV вв. жили не только на территории Южного Азербайджана, но и на территории Армении и Ирана. Говорили они, вероятно, на различных тюркских диалектах, несомненно и тогда близких к азербайджанскому языку, а также к восточно-османским диалектам. В XVI же столетии при Сефевидях большая часть этих племен изменила свое местожительство. Так, основная часть главного кызылбашского племени шамлу в XVI в. еще при Исмаиле I поселилась в Хорасане и из глав этого племени выходили беглярбеки Герата.

Афшары разделились на три ветви, из которых лишь одна осталась в Азербайджане в районе Урмии. Часть каджар переселилась в Астрабад, Зулькадар на юг Ирана и т. д. Те кызылбашские племена, которые остались в Азербайджане, слились позднее с азербайджанским народом (каджары Карабаха, Еревана, устаджлу Нахичевана и т. д.), но этот процесс можно предполагать окончательно завершился лишь в XIX–XX вв. Характерно, что часть кызылбашских племен в начале XVII в. вошла в объединение шах-севен, которые и сейчас еще отличаются, как известно, от азербайджанцев. Афшары, даже урмийские, и в наше время выделяются в самостоятельную этническую группу (см. справочник: Современный Иран 1957. С. 28). К тому же известно, что среди сторонников Исмаила I, помогавших ему бороться с Ак-коюнлу, значительный процент составляли выходцы из Малой Азии (Хасан-и Румлу 1931. С. 35–36), где в то /с. 70/ время $\frac{4}{5}$ всего населения, по свидетельству венецианца Марино Сануто, являлись сторонниками Сефевидов (История Ирана 1958. С. 254). Любопытно, что еще в 918 г. х. (1513/14 гг.), когда Исмаил I послал Нур-али-халифу Румлу в Турцию, к последнему немедленно стали присоединяться местные кочевники (Хасан-и Румлу 1931. С. 134). Все это дает основание сомневаться в предположении, что Сефевидское государство было национальным азербайджанским государством. Обычно приводимые ссылки на то, что Исмаил I писал стихи на азербайджанском языке (о творчестве Исмаила I под псевдонимом Хатаи см.: Minorsky 1942), в сущности ничего не доказывают, ибо хотя сами Сефевиды, выходцы из Ардебилля, были азербайджанцами, тем не менее нельзя определить национальный тип государства по происхождению его династии. Наиболее правильным следует считать мнение И.П. Петрушевского, который видит в Сефевидском государстве XVI в. «конгломерат разных племен и народностей, связанных завоеванием, какими были прежние средневековые государственные образования на территории Ирана» (История Ирана 1958. С. 255). К такому же мнению в сущности склоняется и крупнейший зарубежный востоковед В.Ф. Минорский, считающий Сефевидское государство прямым преемником чернобаранных и белобаранных династий (Lambton 1953. P. 106). /с. 71/

В 1955 г. в Институте Востоковедения АН СССР защищена диссертация О.А. Эфендиева «Образование Сефевидского государства». Автор ее добросовестно изучил персидские источники XVI в., собрал большой фактический материал; однако трудно согласиться с его утверждением, что Сефевидское государство было подготовлено всеми событиями второй половины XV в. (Эфендиев 1955. С. 162–163), т. е. с тем, что оно возникло в результате каких-то объективных экономических потребностей, на какой-то прочной экономической основе. К сожалению, предположения О.А. Эфендиева о том, что Сефевиды пришли к власти на волне и широкого народного движения (Там же. С. 165) остаются гипотезой, не подтвержденной конкретными фактами, в итоге чего и сам он признает, что основной опорой Исмаила I являлись кочевые племена (Там же. С. 177). В пользу же признания Сефевидского государства XVI в. эфемерным, непрочным государством говорят многочисленные факты его последующей истории. В сущности наступательный, связанный с движением вверх период Сефевидского государства закончился уже при жизни его основателя Исмаила I, сразу после Чалдыранского поражения 1514 г. Исмаил I являлся предшественником Аббаса I в попытке ограничить влияние кызылбашской знати. В 915 г. х. (1510/11 гг.) он отнял должность векиля кызылбашской державы (высшую должность государства) у Хусейн-бека шамлу и передал ее эмиру Наджму Гиляни (Шереф-хāн Бидлїсї 1862. С. 145), а после смерти последнего назначил векилем известного Яр-Ахмеда Хузани /с. 72/ Исфагани, по прозвищу Наджм-сани, бесславно погибшего в 1513 г. в Узбекистане (Там же. С. 146; Хасан-и Румлу 1931. С. 111). Однако вскоре после Чалдыранского поражения Исмаил вынужден был вернуть должность векиля кызылбашским эмирам в лице сначала Чайян-султана устаджлу, а затем Див-султана румлу (Хасан-и Румлу 1931. С. 150, 181). Источники говорят, что в последние годы жизни Исмаила могущественные эмиры выражали ему неповиновение (Там же. С. 174–176).

Немедленно же после смерти Исмаила I между эмирами началась открытая борьба за должности, доходные провинции, за влияние на малолетнего Тахмаспа. Эмиры убивали везирей дивана (Там же. С. 185, 198), ссорились и воевали друг с другом. Под 937 г. х. (1531 г.), когда Тахмаспу было уже 18 лет, Хасан Румлу приводит рассказ о том, как эмиры устроили драку в Палатке шаха, дошли до перестрелки, не обратив внимания на присутствие Тахмаспа, так что две стрелы попали в корону шаха (Там же. С. 235). Тахмасп так боялся векиля Див-султана румлу, что решился отделаться от него лишь посредством предательства (Шереф-хāн Бидлїсї 1862. С. 255–256). Можно привести немало подобного рода примеров. Хроники буквально пестрят упоминаниями о бунтах и возмущениях.

Теснимые на западе османами, а на востоке узбеками, кызылбаши при Тахмаспе I занимают в основном покорением вассальных территорий. Так были ликвидированы самостоятельность /с. 73/ Ширвана и Шеки, северо-азербайджанских государств, сохранивших до того времени внутреннюю самостоятельность. После же смерти Тахмаспа I, при его преемниках Исмаиле II и особенно Мухаммеде ходабенде (1578–1587) распад Кызылбашского государства стал буквально вопросом ближайшего времени. Шереф-хан бидлиси, хронист-современник, прямо писал, что в 986 г. х. (1578 г.) семь крупнейших кызылбашских эмиров (Амир-хан туркеман, Шахрох-хан зулькадар, Ма'асиб-хан текелю, Пири-Мухаммед устаджлу, Кули-бек курчи-баши афшар, Кургемиз-хан шамлу и Хусейн-кули-халифа румлу) сговорились и разделили между собой Иран (Шереф-хан Бидлисй 1862. С. 255–256). Узбеки вытесняли кызылбашей из Хорасана, а турки настойчиво стремились отнять Закавказье. В разных частях страны вспыхивали восстания. В том же 1578 г. поднялось восстание в Ширване, во главе которого встал один из потомков низложенных Сефевидов ширваншахов Абу-бекр-мирза, до того скрывавшийся в Дагестане, откуда он и теперь получил поддержку в 2 000–3 000 воинов-горцев. Вожди восстания прямо обратились к турецкому султану, призвав его в Ширван (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 232–234). Восстали и Шеки и Дагестан (Там же. С. 232–234). Турецкие войска с юга и крымские татары через Дербент явились в Ширван и начали вытеснять оттуда кызылбашей. Кызылбашский же беглярбек Южного Азербайджана не обратил никакого внимания на приказ шаха и отказался идти в Ширван, предоставив кызылбашей этой области своей судьбе (Там же. С. 253–254). Почти од/c. 74/новременно началось восстание на юге Ирана в горной области Кух-е Гилуйе, к западу от Фарса. Во главе его встал некий дервиш, объявивший себя якобы уцелевшим Исмаилом II (который был в этом году отравлен).

Вокруг него собралось до 20 000 луров. Главы кызылбашского племени афшар, правители области, выступили против восставших, но потерпели поражение, причем в битве пал сын беглярбека, Рустем-бек афшар. Во время вторичного похода был убит и сам беглярбек Кух-е гилуйе Халил-хан. Лишь соединенные силы афшар и зулькадар (из соседнего Фарса) сумели разбить мнимого Исмаил-мирзу. Последний попал в плен и был убит (Там же. С. 272–274). Однако вскоре после этого началось выступление среди самих афшар Кух-е гилуйе, во время которого был убит новый беглярбек Искандер-хан (Там же. С. 274).

В Луристане произошло восстание под предводительством другого дервиша, также объявившего себя Исмаил-мирзой и собравшего вокруг себя 10 000 сторонников (Там же. С. 275). Народные восстания имели место в эти годы в Талыше и в Хорасане (Там же. С. 275). Наконец,

в 1585–1588 гг. турки вытеснили с помощью ширванцев кызылбашей из Азербайджана (Там же. С. 406). /с. 75/

Поражение кызылбашей было ускорено переходом на сторону турок картлийского царя Симона, который всегда придерживался кызылбашской ориентации, но видя, что кызылбашей бьют всюду, и желая спасти Грузию от турецких полчищ, пропустил осман в Карабах.

Гилян уже до этого стал самостоятелен, и хан Ахмед-хан вел самостоятельные переговоры с русскими послами.

Таким образом, к 1587 г. в руках Сефевидов, а точнее кызылбашских эмиров, остались лишь центральный и южный Иран и часть Хорасана. Такой оборот дела, конечно, не был по душе средним и мелким кызылбашским феодалам, потерявшим значительную часть владений. Вдобавок ко всему прочему из захваченного турками Закавказья откочевали в Иран кызылбашские племена каджар, байят и др., знать которых требовала взамен утраченных владений новых. Многочисленное шиитское духовенство Азербайджана и Ирана³², лишившееся значительной части своих владений и доходов, преследуемое турками-суннитами, желало установления сильной власти. Наконец, горожане городов южного Азербайджана, в частности Тебриза, только ждали возможности восстать против турок³³. Армянское духовенство и купечество также ориентировалось на кызылбашей, многие армяне эмигрировали в эти годы в Иран (Arakel de Tauriz 1874. P. 275–276). Необходимо было найти нового, более энергичного шаха, /с. 76/ нежели богомолец Мухаммед. И он нашелся. Инициативу взяли на себя хорасанские эмиры, которым угрожала судьба азербайджанских от наступающих узбеков. Они и возвели в 1587 г. на шахский престол Аббас-мирзу, сына Мухаммеда, под именем Аббаса I. Несомненно, Аббас I был выдающейся личностью, талантливым полководцем, умным дипломатом и, самое главное, считал в себе способность трезво оценить обстановку и использовать подходящий момент.

Однако, при всех способностях нового шаха, решающую роль, особенно на первых порах, сыграла сложившаяся расстановка классовых сил в стране, о которой сказано выше. Хорасанские эмиры добились в том же 1587 г. официального отречения Мухаммеда Ходабенде от престола в пользу Аббаса. Через два года Аббас посадил своего отца и двух братьев в крепость Аламут (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 386), где они и умерли через несколько лет. Даль-

³² Многие представители высшего духовенства Азербайджана также ушли в Иран при приближении турок и занимали там крупные должности (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 150–156).

³³ Когда Аббас I пришел в Азербайджан, горожане Тебриза восстали против турок (Там же. С. 639).

нейшая история Аббаса I наполнена, с одной стороны, войнами с узбеками и турками, с другой же стороны, — борьбой с феодальной кызылбашской оппозицией и упрочением своего положения в стране. Аббас I вовсе не уничтожал подряд кызылбашских эмиров, а боролся лишь с непокорными крупнейшими представителями последних. В начале своего правления он наоборот осыпал верную ему кызылбашскую знать земельными, денежными и иными подарками и чинами.

В нашей исторической литературе установилось мнение, что будто бы, начиная с Аббаса I, сефевидские шахи опирались в *ос/с. 77/новном на персидскую гражданскую бюрократию* (История Ирана 1958. С. 271, 272, 278). Нам кажется, что это, однако, не так. В доказательство обратимся хотя бы к известному списку эмиров Кызылбашского государства в год смерти Аббаса I (1629 г.) у Искандера Мунши. Характерно, что среди эмиров, т. е. верхушки феодалов государства, нет не только ни одного чиновника, но и ни одного перса по национальности (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 761–764). В то же время из этого списка видно, что в отличии от XVI в. в числе эмиров Кызылбашского государства, т. е. его верхушки, было много представителей курдских, лурских и тюркских-некызылбашских племен. Сравнение с источниками по двум последующим царствованиям — Сефи I (1629–1642) и Аббаса II (1642–1667) — показывает, что знать этих племен в XVII в. заняла равноправное положение с кызылбашской знатью. Появилась и другая группа эмиров, из гулямов-рабов, также не связанных с кызылбашской знатью, из этих трех групп (кызылбашской знати, некызылбашской кочевой знати и гулямов) и назначаются в XVII в. все высшие чины государства. Таким образом, Сефевиды в XVII в. просто расширили свою классовую опору, в частности привлекли на свою сторону местных феодалов, ранее находившихся в неравноправном положении. Что касается кызылбашской знати, то и в XVII в. ее влияние было велико. Важнейшим ее представителем был курчи-баши, начальник гвардейского корпуса курчиев, всегда и в XVII в. происходивший из кызылбашской знати. Даже в начале XVIII в. курчи-баши считался вторым «*стол/с. 78/пом государства*» после этемад-эд-доуле (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P.³⁴). А в XVII в. его роль была еще больше. Еще при Аббасе II курчи-баши Джани-хан шамлу убил знаменитого этемад-эд-доуле Сару-таги и шах не осмелился наказать его иначе, как предательски приказав убить сзади на аудиенции (Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950. С. 64–66). Если же обратиться к гражданским чинам, то высшая должность этемад-эд-доуле в первой половине XVII в. ни разу не занималась персом. В начале XVII в. эту должность занимал Халим-бек ордубади

---

³⁴ Пропущено. — *Примеч. А. А.*

из г. Ордубада в Азербайджане, затем его сын Абу Талиб-мирза, а потом до смерти Аббаса I два кызылбашских эмира — Салман-хан устад-джу и Халифе-султан (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 1091). При Сефи I этемад-эд-доуле были сначала последовательно те же Халифа-султан и Абу-Талиб-мирза, а затем Мирза Мухаммед таги (Сару-таги) по происхождению из Тебриза (Искандар-бик туркеман Мунши 1318/1900–1901. С. 259–265). При шахе Сулеймане (1667–1694) один из этемад-эд-доуле был из курдской знати (Kämpfer 1712. P. 67), а предпоследний этемад-эд-доуле шаха Хусейна был Фетх-али-хан из рода дагестанских шамхалов (Brosset 1857. P. 34).

Если обратиться к чиновникам, которые управляли доменом (даруги, везиры), то данные первой половины XVII в. (точнее до середины 60-х гг. XVII в.) показывают, что они часто были из тех же /с. 79/ гулямов; среди них были выходцы из Азербайджана, наконец, со времени Сефи I даругами Исфагана были грузины (Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950). Должность церемонеймейстера при Сефи I занимали только кызылбаши, из племени шамлу (Искандар-бик туркеман Мунши 1318/1900–1901. С. 266–267).

Любопытно отметить своеобразное «бюрократичивание» части кызылбашской знати. В XVII в. (и даже ранее) часть средних и мелких кызылбашских феодалов пошла по гражданской службе. Характерными примерами являются здесь историки Хасан Румлу и Искандер Мунши туркеман. Племянник Искандера Мунши Мирза-Салих уже получил обычную для гражданских чинов приставку впереди имени «мирза» и служил писцом (Там же. С. 208)³⁵ при Сефи I. Можно привести огромное количество примеров подобного рода. Во всяком случае утверждение, что гражданская бюрократия состояла почти сплошь из персов (История Ирана 1958. С. 271)³⁶, само по себе нуждается в /с. 80/ критике; анализ же источников позволяет с уверенностью сказать, что гражданская бюрократия, независимо от ее национальной принадлежности, не играла господствующей роли в Сефевидском государстве XVII в. Социальная опора шахов была более широкой и именно расширение этой

³⁵ Согласно «Тазкират-оль мулук», должность назира бийутата, т.е. управляющего доменом, за исключением короткого периода в конце XVII в. принадлежала кызылбашам.

³⁶ Такое мнение возможно связано с существовавшим, во всяком случае, еще и в первой половине XVII в., делением всего населения Кызылбашского государства на две части — на кочевников-кызылбашей и оседлое население вне его национальной принадлежности. Последнее называлось *agemi* — аджеми — т.е. перс, иранец (della Valle 1745. P. 39). Столкнувшись с таким фактом европейцы (в том числе с XVIII в. и русские) называли все некое население Кызылбашского государства персами, включая сюда и азербайджанцев. Факт этот легко бросается в глаза при знакомстве с источниками XVII–XVIII в., но, тем не менее, никем из исследователей не проанализирован.

опоры явилось наряду с созданием домена одной из основных причин того, что существование Сефевидского государства продлилось еще более чем на сто лет. В XVII в. опорой Сефевидов служили кызылбашская знать (военно-землевладельческая), некызылбашская местная (курдская, лурская, азербайджанская, иранская и т. д.) новая военная знать, шиитское духовенство, купечество и до конца XVII в. отчасти армянское духовенство, и, наконец, гражданская бюрократия, как показано выше, вовсе не составлявшая какого-то постоянного, единого целого, а формировавшаяся из других господствующих слоев населения различных национальностей. Сефевидское государство и в XVII в. осталось таким же конгломератным государством, как и в предыдущий период.

Как упоминалось выше, наряду с расширением социальной базы в укреплении центральной власти в XVII в. решающую роль сыграло образование домена. Один из первых шагов в этом направлении был сделан Аббасом I в 1006 г. х. (1597/98 гг.), когда после очередного восстания в Гиляне тиульдары этой области были лишены своих тиулей и весь Гилян был присоединен к хассе ('Абд ал-Фаттах Фуманӣ 1858. С. 233). /с. 81/ Несколько позднее к хассе был присоединен соседний Мазендеран, где Аббас I, по матери происходивший от мазендеранских владетелей (Искандар-бик туркемән Муншӣ 1376/1956–1957. С. 128), построил себе новую резиденцию Фаррах-Абад. При Аббасе I в хассе был обращен и столичный округ Исфагана. Земли хассе не отдавались в кормление феодалам, и постоянные доходы с них делали шаха независимым материально, что позволило ему создать постоянную армию в противоположность племенным ополчениям.

Но особенно вырос домен при преемниках Аббаса I — Сефи I (1629–42) и Аббасе II (1642–67). При Сефи I к хассе был присоединен весь Фарс (Искандар-бик туркемән Муншӣ 1318/1900–1901. С. 117), а Аббас II включил в домен часть Бахтиарии (Муҳаммад Таҳир Ваҳид 1329/1950. С. 61), район города Хамадана (Там же. С. 180), округ города Ардебилля (Там же. С. 216), округ Семнана (Там же. С. 216) и область Кермана (Там же. С. 239). Округ Казвина также вошел в хассе при Аббасе I³⁷. Таким образом, в середине XVII в. туда вошли значительные территории, главным образом, центральных районов, /с. 82/ а также шелководческие области южного Прикаспия. Кроме того, и в других областях существовали более мелкие округа, также относившиеся к хассе. Можно предполагать, что именно к 60-м гг. XVII в. домен достиг своей максимальной величины. Э. Кемпфер, побывавший в Иране в 80-х гг. XVII в. относит к хассе следующие земли: Мазендеран, Гилян, район

---

³⁷ В начале правления Сефи I он уже относился к хассе (Искандар-бик туркемән Муншӣ 1318/1900–1901. С. 84).

Исфагана, Казвин, Кашан³⁸, Йезд, Кум³⁹, Саве, Лар⁴⁰, Шираз и некоторые другие мелкие районы, им не названные⁴¹. Таким образом, за период с 60-х до конца 80-х гг. XVII в. домен практически не увеличился. Более того, с конца XVII в. можно наблюдать даже сокращение территории домена. В частности, Фарс в конце XVII в. был опять отдан в управление беглярбеку⁴² и по данным «Тазкират-оль мулук» (20-е гг. XVIII в.) также не относился к хассе (Tadhkirat al-Mulūk. P.⁴³). Такой обратный процесс уменьшения домена не случаен; характерно, что параллельно с ним идет процесс ослабления центральной власти. Причины этого явления были разнообразны, но главное /с. 83/ состояло в том, что создание домена в условиях XVII в. было искусственным явлением, связанным, главным образом, с деятельностью государственной на[д]стройки в благоприятных для этого условиях первой половины XVII в.

Прекращение внешних завоеваний (последним актом в этом направлении было окончательное присоединение Кандагара при Аббасе II) также создавало своеобразную «земельную тесноту», компенсировать которую можно было лишь путем обратного возвращения военно-служилой знати земель внутри страны, взятых ранее в хассе. Возвращались целые области, как, например, Фарс. К тому же определенно потерпела крах тактика шахов в первой половине XVII в., заключавшаяся в том, что земли хассе не отдавались в тиули. Во второй половине XVII в., и особенно с конца столетия положение изменилось, а процесс укрепления феодальной земельной собственности объективно приводил, как говорилось выше, к постепенному превращению тиулей из права на сбор государственных налогов в практическое право распоряжения территорией. К тому же сама доменная система эксплуатации приводила, как об этом свидетельствуют источники (о разорении Фарса после присоединения к хассе см.: Tavernier 1677. P. 536–537; Chardin 1735. T. I. P. 305), к невиданному разорению земель, входивших в хассе. Кризис доменной системы стал обнаруживаться явственно уже в конце XVII в., что выражалось не только в указанной эволюции и изменениях в самом домене, но и в том, что правительству, разорив окончательно доменные территории, вынуждено было в конце XVII — начале XVIII в. прибег-

³⁸ При Аббасе II упоминается в числе земель хассе (Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950. С. 310).

³⁹ Кум относился к Исфаганскому округу; можно предположить, что весь «Ирак-е аджем» — центральный Иран — был в хассе к середине XVII в.

⁴⁰ Точная дата присоединения к хассе отсутствует в источниках.

⁴¹ При Аббасе II числился в хассе (Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950. С. 216); присоединен к домену при Сефи I вместе с Ширазом (Фарс).

⁴² Согласно «Фарс-намей-е Насери» (Мйрзā Хасан Хусайнī Фасā'й 1312/1894 [без указания страниц. — Примеч. А. А.]), в Фарсе в конце XVII в. были беглярбеки.

⁴³ Пропущено. — Примеч. А. А.

нуть к резкому /с. 84/ повышению налогов на остальной территории государства (Hassan Dchalalians 1876. P. 203–204), что привело к резкому усилению классовой и национально-освободительной борьбы в начале XVIII в. Таким образом, в качестве итогов всего вышеизложенного можно сказать, что кризис доменной системы являлся одной из основных причин ослабления центральной власти в Кызылбашском государстве к началу XVIII в. и важнейшей причиной распада Сефевидской державы, тогда как именно создание домена в начале XVII в. временно оживило и укрепило централизацию в Сефевидском государстве.

В существующей литературе распад Сефевидского государства связывается с упадком транзитной торговли через Иран (Петрушевский 1949а. С. 83). В сущности, этот вопрос до сих пор нельзя считать исследованным и фактически обоснованным. И.П. Петрушевский, например, в своей последней работе, посвященной истории Ирана, видит в конце XVII в. «торжество реакционной тенденции в экономике» Кызылбашского государства, выразившееся в «обнищании деревни и сужении внутреннего рынка». Нам кажется, что это положение нуждается в более серьезной аргументации. Характерно, что источники конца XVII — первых лет XVIII в. не говорят о резком упадке экономики и о сокращении внутреннего рынка, в частности, современные евро/с. 85/ пейские источники по-прежнему, даже в начале XVIII в., отмечают развитие торговли в городах Закавказья и не говорят о каком-либо резком обнищании населения⁴⁴.

Подобная картина вырисовывается лишь со второго десятилетия XVIII в. в описаниях А.П. Вольтского, иезуита Крусинского и др. Поэтому нам кажется, что на развитие экономики в сторону упадка более существенное влияние оказал распад искусственно созданной централизации, выразившийся в упадке домена и связанном с ним резким увеличением налогового и иного гнета на рубеже XVII–XVIII вв., результаты которого ясно видны стали лишь со второго десятилетия XVIII в. и выразились в усилении классовой и освободительной борьбы в различных областях конгломератного Сефевидского государства.

Мы не будем специально останавливаться на вопросе о социальной природе и сущности государства Надир-шаха, достаточно хорошо и полно охарактеризованной в нашей литературе (см.: Арунова, Ашрафян 1958), а перейдем непосредственно к характеристике положения Азербайджана и Восточной Армении в составе Кызылбашского государства

---

⁴⁴ Характерным примером служат записки путешественников начала XVIII в. Ж. Питтон де Турнефора и К. Брюна, а также анонимное сочинение «Der Allermeueste Staat von Casan, Astracan, Georgien und Vieler Andern», вышедшее в Нюрнберге в 1723 г., т.е. уже после взятия Исфагана афганцами. Однако сочинение основано на данных более раннего времени и отражает условия конца XVII — начала XVIII в.

XVII — первой половины XVIII в. и полунезависимых ханств (второй половины XVIII в.), /с. 86/ т. е. того фона, на котором существовали и развивались города Восточного Закавказья рассматриваемого периода.

§ 4. Азербайджан и Восточная Армения в составе Кызылбашского государства и полунезависимых ханств (XVII–XVIII вв.)

После изгнания турецких войск с территории Закавказья, Азербайджан и Армения на сто с лишним лет вновь вошли в состав Сефевидского государства. Вторичное утверждение власти кызылбашских феодалов в Азербайджане и Восточной Армении не было простым актом завоевания, как его иногда представляют в исторической литературе. Аббас I умело использовал недовольство всех слоев населения властью османов, усталость от бесконечных войн, страшного голода, опустошившего страны Закавказья с конца XVI [в.] по 1608–1609 гг. не менее, чем турецкие и крымско-татарские полчища. Против турок выступили и многие местные феодалы. Еще в 1603 г. восстали курдские племена в округе Салмаса и глава восставших Гази-бек послал гонцов к шаху с просьбой о помощи (Искандар-бик туркеман Муншй 1376/1956–1957. С. 637). Воспользовавшись тем, что часть турецких войск была отвлечена этим восстанием, Аббас I и его полководец Зульфагар-хан караманлу захватили южный Азербайджан с Тебризом. Горожане Тебриза активно включились в борьбу с турками (Там же. С. 639). Крупное купечество Джульфы на Араксе давно имело сношения с шахом, и при приближении кызылбашских войск турецк./с. 87/кий гарнизон в Джульфе был истреблен, а Аббасу I был устроен пышный прием (Arakel de Tauriz 1874. P. 280; Какаш и Тектандер 1896. С. 33). Армянские мелики Карабаха также сильно пострадали от турок за свою сефевидскую ориентацию. Во время турецкой оккупации целые селения армян эмигрировали в Иран и Грузию. Так, четыре армянских селения округа Дизак полностью переселились (Arakel de Tauriz 1874. P. 276) в Иран, и Аббас поселил их в Исфагане. Позднее армянское население бежало в Грузию, спасаясь от грабежей джелалиев (Бархударян 1902. С. 37). В 1605 г. большая группа грузинских, армянских и «агванских» (карабахских) феодалов (*ჩაქაშისებრ*) явилась в Исфаган к Аббасу I с жалобами на притеснения со стороны турок и просила шаха помочь изгнать последних (Там же. С. 60). Грузинские цари открыто встали на сторону кызылбашей, и грузинские войска участвовали в изгнании турецких войск с территории Закавказья (Arakel de Tauriz 1874. P. 275; Какаш и Тектандер 1896. С. 39). Наконец, городская знать Баку, Дербента, Нахичевана и дагестанские феодалы также присоединились к кызылбашам (Искандар-бик туркеман Муншй 1314/1896–1897. С. 446–447, 516).

Именно благодаря активной поддержке феодальных кругов Закавказья и используя недовольство народных масс, Аббасу I удалось отвоевать Закавказье у такого сильного противника, как султанская Турция. /с. 88/

Однако, если феодалы и крупное купечество не ошиблись в своих расчетах, ориентируясь на Сефевидов, то народные массы вскоре убедились, что новые хозяева не принесли им никакого облегчения. Кызылбашские войска грабили не хуже турецких⁴⁵, голод продолжал свирепствовать по всей стране; армянские хронисты рисуют страшные картины разорения страны. По словам современника, в это время «отец пренебрегал сыном, мать дочерью, брат братом, мужа покидала жен, женщины оставляли в беде своих детей» (Ананун жаманакагрут'йун 1951а. С. 186). Так наз. «великий сургун» (азерб. суркун — изгнание, высылка, угон), проведенный Зульфугар-ханом, Карчиха-ханом и другими полководцами Аббаса I в военно-стратегических целях, окончательно обезлюдил Ереванскую область и Нахичеванский край. Высылка коснулась всех слоев армянского населения (Там же. С. 182). В числе прочих было угнано в Иран и население Джульфы (Джуги), а сам город с тех пор потерял свое значение. Неудивительно, что в первом десятилетии XVII в. в Армении и Азербайджане вспыхивают антифеодальные народные восстания.

Одним из любопытных движений начала XVII в. является так наз. движение джелалиев. Движение это, начавшееся в последнем десятилетии XVI в. на территории восточных вилайетов /с. 89/ Турции, исследовано детально лишь на одном его этапе, а именно в период руководства им со стороны Кара-Языджи и Дели-Хасана (1593–1603 гг.) в ценной работе А.С. Тверетиновой (1946)⁴⁶.

Движение джелалиев в Турции, как это показала А.С. Тверетинова в вышеупомянутой работе на конкретном примере восстаний Кара-Языджи и Дели-Хасана, являлось чрезвычайно сложным социальным явлением. Сложный социальный состав его участников, наличие у руководства феодалов, оппозиционных султанскому правительству, наложило

⁴⁵ Этого не скрывает даже официальный историограф Аббаса I Искандер Мунши (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 458).

⁴⁶ Работа написана в основном на турецких первоисточниках. К сожалению, в этом исследовании не были использованы многочисленные армянские источники (за исключением труда Аракела Тавризского), а также такой ценный, современный движению, источник на фарси как «Тарих-е алем арай-е Аббаси» Искандер-бека Мунши, в котором имеются ряд ценных и оригинальных сведений о джелалиях не только на территории кызылбашской державы, но и Османской империи (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 765–796, 781–782, 791, 801–802). Особенно любопытны данные Искандера Мунши о взаимоотношениях Кара-Языджи и Хасан-бека (т.е. Дели-Хасана) с купечеством и местными феодалами и правителями (Там же. С. 766).

отпечаток и на характер движения, по крайней мере значительную часть участников которого составляли крестьяне или кочевники восточных областей Турции. Как известно, восстание Дели-Хасана закончилось переходом главарей его на сторону султана в казалось бы наиболее благоприятный для восставших период. Последнее обстоятельство не являлось случайным, оно было обусловлено предыдущей эволюцией руководства /с. 90/ движения, изменением политики главарей восстания в отношении господствующих классов, своеобразным компромиссом их с последними. Так, Искандер Мунши, хорошо знакомый с событиями в соседней Турции, сообщает, что политика Дели-Хасана (Хасан-бека у Искандера Мунши) в отношении зажиточных слоев населения, в частности купечества, была уже не та, что была у его брата Кара-Языджи, и если при Кара-Языджи восставшие отнимали у купцов их имущество и товары, то при Хасан-беке положение изменилось, и он ограничивался тем, что брал с купцов небольшие подарки (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 766).

Восстания на территории Малой Азии не прекратились после перехода Дели-Хасана на сторону правительства. Лишь в 1606 г. армии великого везира Мурад-паши разгромили силы восставших, и вот тогда-то разбитые отряды джелалиев во главе с Мухаммед-пашой, по прозванию Каландар-оглы, одним из крупных феодалов, принявших участие в движении, отступили на территорию Ирана и главари их обратились к Аббасу с просьбой разрешить им остаться на иранской территории. Вместе с Каландар-оглы границу перешли до 10 000 конных джелалиев и мушкетеров (туфенгчи). Аббас I, желая использовать эту военную силу против османских войск, приказал с почетом принять главарей джелалиев. Навстречу им направился сам э’темад-эд-доуль Хатим-бек ордубади и беглярбек Еревана Амир-гюне-хан Каджар — один из важнейших эмиров Кызылбашского государства (Там же. С. 771–775). Наделенные богатыми подарками и облаканные шахом, вожди джелалиев с го/с. 91/ товностью согласились отправиться на турецкий фронт⁴⁷ в Курдистан. Однако благосклонность шаха, очевидно, коснулась далеко не всех пришельцев. Рядовые джелалии вовсе не разделяли прокызылбашских настроений Мухаммед-паши и других своих главарей. И именно в этот момент различное социальное положение и происхождение участников движения проявило себя, и в среде джелалиев произошел раскол. Рядовые джелалии были недовольны своими руководителями, которые с такой легкостью продали их Аббасу I и теперь торопились руками своих подчиненных отблагодарить шаха за радушный прием. Искандер Мунши приводит любопытный рассказ о возмущении рядовых джелалиев,

---

⁴⁷ В тексте «флот». — *Примеч. А. А.*

стоявших лагерем в южном Азербайджане, против своих начальников. Когда вожди джелалиев объявили им, что они пойдут воевать в Курдистан, часть джелалиев воспротивилась этому, и между ними и сторонниками Каландар-оглы дело дошло до вооруженного столкновения, и усмирить возмущение удалось лишь с помощью кызылбашей (Там же. С. 776). После отправки джелалиев в Курдистан возникли трения и противоречия не только между рядовой массой и вождями, но и в среде последних. Каландар-оглы, оставленный шахом во главе джелалиев, пытался приостановить распад своей армии посредством репрессий. Так, по его приказу был убит в его палатке один из видных предводителей джелалиев курд Хайдар. Однако в итоге этого усилилось бегство джелалиев обратно через границу в Турцию (Там же. С. 731). Особенно массовым стало это бегство после того, как Аббас решил использовать джелалиев для усмирения /с. 92/ восставшего в 1607 г. курдского племенного берадуст. Из-под Урмии, где засел мятежный глава берадуст Амирхан, ушли даже 2 000 личных воинов Каландар-оглы; последний вскоре сам умер во время осады Урмии, а из его джелалиев у шаха не осталось и 500 человек (Там же. С. 801–802).

До сих пор мы касались лишь, во-первых, взаимоотношений шаха и его властей с джелалиями и, во-вторых, между верхушкой джелалиев и рядовыми участниками движения. Теперь попробуем остановиться на наиболее важном, и в то же время наиболее плохо освещенном в источниках вопросе: на взаимоотношениях джелалиев, пришедших из Турции, с местным азербайджанским и армянским населением, на связи движения собственно джелалиев с антифеодальными восстаниями в Закавказье. Источниками по данному вопросу являются армянские исторические сочинения XVII–XVIII вв. Однако к данным этих источников следует относиться критически, поскольку большинство из них написаны в более позднее время и свои рассказы о джелалиях они берут из вторых рук⁴⁸. Навряд ли можно предполагать, что в это время на территории Восточного Закавказья имело место большое сильное крестьянское движение, охватившее всю страну. Скорее всего, имели место отдельные, разрозненные выступления крестьян. О количестве этих восстаний, составе их движущих сил и целях можно судить лишь приблизительно на основании сведений армянских хронистов. В частности, Аракел Тавризский, говоря о джела/с. 93/лиях в Закавказье, делит джелалиев на две категории: во-первых, на пришедших из Турции и, во-вторых, на представителей восставшего местного населения (Arakel de Tauriz 1874. P. 310). Здесь хорошо привести высказывание советского

---

⁴⁸ В частности, это свойственно и крупнейшему армянскому историку XVII в. Аракелу Тавризскому, который сам говорит об этом (Арак'ёл Даврижеци 1884. С. 63; Arakel de Tauriz 1874. P. 310).

ученого А.Д. Папазяна, который совершенно правильно отмечает, что с XVI в. источники всякие антиправительственные возмущения именуют «восстаниями джелалиев» независимо от их содержания и социальной сущности, отчего для исследователя трудно установить, какие из этих движений являются действительно антифеодальными, а которые являются обыкновенными военными бунтами (Папазян 1954а. С. 137). В данном случае очень важно, что Аракел выделяет местных «джелалиев» от пришедших из Турции. О джелалиях, пришедших из Турции, источники в один голос говорят как о насильниках и грабителях, более худших, чем Аббас I и его кызылбаши (Арак'ёл Даврижеци 1884. С. 58–61, 63; Arakel de Tauriz 1874. P. 307–310; Ананун жаманакагрут'йун 1951а. С. 184; hАкоб Карнецу жаманакагрут'йун 1951. С. 246; Жаманакагракан манр хатвац'нер 1956. С. 517).

Вполне вероятно, что явившиеся из Турции деморализованные отряды разбитых сподвижников Каландар-оглы, в большинстве своем, очевидно, состоявшие из различных категорий мелких ленников — ибо навряд ли можно говорить о массовом уходе в чужую страну турецких крестьян, — немало грабили опустошенные уже до этого голодом и выселениями Аббаса I районы Восточной Армении. Хронисты же, принадлежавшие к господствующим классам и выражавшие /с. 94/ их интересы, часто намеренно объединяли и пришедших грабителей, и местных восставших крестьян с тем, чтобы очернить действия последних и представить их в виде таких же разбойников, какими являлись многие перешедшие границу джелалии. Так и Аракел Тавризский без дифференциации, одной меркой меряет и пришедших джелалиев, и местных восставших. И известный список вождей джелалиев Аракела (Arakel de Tauriz 1874. P. 311)⁴⁹ нуждается в критическом отношении в сопоставлении с другими источниками. В этом списке встречаются как известные и из других источников лица вроде Кара-Языджи, Хусейн-паши, Каландар-оглы, так и ряд других, менее известных или вообще более нигде не упоминаемых. О всех них можно сказать, что Аракел собрал в одном списке всех известных ему вождей джелалиев, а возможно также и местных движений, даже без указания их хронологической последовательности. Наиболее любопытными в этом списке два имени — Кер-оглы и Гзир-оглы, его товарищ. Аракел не указывает ни времени деятельности этих лиц, ни места их действий, а только говорит, что это тот самый Кер-оглы, о котором ашуги поют песни, а Гзир-оглы — это его товарищ. Тем самым, Аракел отождествляет одного из руководителей джелалиев с известным героем азербайджанского народного эпоса, но Кер-оглы является также

---

⁴⁹ Другой список вождей джелалиев см. в: Жаманакагракан манр хатвац'нер 1956. С. 517.

героем и эпоса туркменского народа, который никакого отношения к джелалиям не имел. Поэтому для уяснения этого вопроса следует привлечь и другие источники. Несомненно, /с. 95/ что Аракел, писавший свою историю в третьей четверти XVII в., знакомый с народным азербайджанским эпосом и знавший о существовании вождей джелалиев с именами Кер-оглы и Гзир-оглы, счел их за героев народного эпоса. Если же обратиться к другим источникам, то они сообщают ряд любопытных сведений об исторических Кер-оглы и Гзир-оглы джелалиях. Например, одна из армянских хроник первой половины XVII в., более близкая к описываемому времени, нежели Аракел, упоминает о восстании Гзир-оглы джелалия в 1591 г. и говорит, что Гзир-оглы по национальности был курд (Григор Камахецу хмбаграц' жаманакагрут'йун 1956. С. 269). То же самое мы находим и у известного армянского историка Григора Камахеци (1576–1643), современника джелалиев (Григор Камахеци 1915. С. 32; цит. по: Лео 1946. С. 234). А в более поздней хронике Мартироса Халифы (кон. XVIII в.) под 1591 г. говорится о восстании Кер-оглы и Гзир-оглы вместе (Мартирос Халифайи жаманакагрут'йун 1956. С. 482; Йаруг'ин Халифайеан жаманакагир 1912. С. 124). Если сопоставить все эти сведения, то становится ясно, что в 1591 г. на территории Турции имело место восстание, во главе которого стали некие Гзир-оглы и Кер-оглы. Нам ничего неизвестно об их происхождении и даже трудно определить, какой характер носило это восстание, однако достоверно то, что в 1591 г. ни о каких джелалиях на территории Восточной Армении и Азербайджана ничего не было известно.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в начале XVII в. на территории Восточного Закавказья имели место ряд народных восстаний, которые более поздние хронисты причисляли к действовавшим в течение, возможно, нескольких лет /с. 96/ после 1606 г. на этой же территории разбитым в восточной Малой Азии и ушедшим в Иран отрядам джелалиев. Источники не позволяют в настоящее время точно отделить и разграничить эти две различных группы в каждом конкретном случае. О действиях джелалиев в Восточном Закавказье после 1608 г. источники ничего не говорят и даже самый этот термин ими не употребляется⁵⁰.

Ширванское восстание 1614 г. до сих пор нашло слабое отражение в исторической литературе. Ширван, окончательно присоединенный к Кызылбашскому государству лишь в 1538 г., в XVI в., наряду с Гилян, принадлежал к наиболее мятежным областям Сефевидской державы. На протяжении всего XVI в. здесь имели место народные, антифеодальные движения, наряду с которыми, часто своеобразно переплетаясь

---

⁵⁰ Закария Саркаваг говорит о джелалиях в турецкой (западной) Армении ок. 1630 г., но ничего не говорит о таковых в Восточной Армении или Азербайджане (Zakaria Diacres 1876. P. 48).

с ними, возникали сепаратистские восстания местной ширванской знати, часть которой в конце XVI в. перешла на сторону турок и помогла им укрепиться в Закавказье. Однако политика султанского правительства не всегда отвечала ее интересам, а опустошительные нашествия вассала султана крымского хана вызывали недовольство особенно в среде городской знати, тесно связанной с торговлей. В начале XVII в. большинство феодалов Ширвана отошло от турок и помогло Аббасу I утвердиться в северном Азербайджане. Для народных масс Ширвана утверждение владычества кызылбашей, сопровождавшееся грабежами, резней населения и, наконец, пе/с. 97/расселениями «непокорных» во внутренний Иран и южный Прикаспий, не принесло в эти годы никакого облегчения. В этих условиях крестьянство и городские низы выступили против добавочного феодального гнета со стороны кызылбашских феодалов. Что касается ширванской знати, то если Аббас I щедро расточал свои милости к городской знати Баку, Дербента, которая активно включилась в его борьбу с турками, то в отношении к другим ширванским светским феодалам он придерживался иной точки зрения. Не доверяя в массе местной знати, Аббас решил переселить в Иран и наиболее неблагонадежных ширванских феодалов. Это вызвало ответную реакцию в их среде. Таким образом, недовольны были эксплуатируемые низы и часть местных верхов. Непосредственным поводом для восстания явилось восстание в соседней Кахети в 1614 г. При известии о нем началось антикызылбашское движение в ряде округов северного Азербайджана, прилегающих к Грузии и Дагестану. Во главе восставших стали местные феодалы из числа тех, которые ранее держались турецкой ориентации и теперь предназначались к эвакуации в Иран. Из их среды вышли и руководители восстания — Малек-пири и Далу-Малек (Искандар-бийк туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 888). Однако основную массу восставших составляли ширванские крестьяне и кочевники, видевшие в кызылбашских феодалах своих добавочных притеснителей и угнетателей и потому объединившиеся временно с недовольными представителями местных феодалов против пришлых эксплуататоров и тех из местных феодалов, которые являлись сторонниками Сефевидов. Именно к последним и принадлежал тогдашний хаким города Ареша Мухаммед-Хусейн-султан, который по отцовской линии был представителем старинной ширванской знати, а /с. 98/ по матери был внуком Шахкули-халифе зультадара, бывшего мохрдаром (хранителем печати) при Тахмаспе I. Против этого верного сторонника шаха и направили свои силы восставшие. Город Ареш был осажден Далу-Меликом. Хаким, вышедший ему навстречу, был убит, и «имущество и собственность султана и газиев, находившиеся вне крепости, перешли во владение бунтовщиков» (Там же. С. 888). Уцелевшие мулязимы

(военные вассалы) Мухаммед-Хусейн-султана из кызылбашского племени зулькадар засели в крепости Ареша и несколько дней отбивались от восставших. Последние установили связь с восставшими в Кахети, направив послов к Теймуразу и другим руководителям кахетинцев (Там же. С. 888).

Взятие города Ареша явилось крупнейшим успехом восставших. Засевшие в крепости кызылбаши находились в очень затруднительном положении, когда пришла весть о том, что против восставших двигается большая шахская армия. Эта весть подняла дух у приунывших было кызылбашских воинов.

Аббас I, узнав о масштабах кахетинского и ширванского восстаний и понимая всю сложность создавшейся обстановки, отправил на их подавление большую армию во главе с Исфендияр-ханом овчи-баши (начальником шахской охоты). В состав этой армии входили: газии кызылбашского племени арабкерлу, отряд туфенгчи, кызылбашские ополченцы южного Азербайджана и Карабаха и другие — всего 15 000 воинов. Исфендияр-хан направился в Кахети, где восстание представляло наибольшую опасность, но в битве с кахетинцами был наголову разбит, причем в сражении пали Мухаммед-хан зияд-оглы каджар, беглярбек Карабаха, и ряд других /с. 99/ именитых эмиров. Сам Исфендияр-хан с остатками своего войска заперся в тбилисской крепости (Там же. С. 891–893).

Поражение кызылбашей явилось тяжелым ударом для Аббаса I и грозило потерей всех закавказских владений. Блестящая победа над сильной шахской армией не только активизировала действия восставших грузин и ширванцев, но навлекла на кызылбашей опасность со стороны Османской Турции, которая не оставила мысли вновь отнять у Сефевидов Закавказье. И теперь, узнав о неудачах последних в Кахети и Ширване, великий визирь Мухаммед-паша со стотысячной армией осадил ереванскую крепость (Там же. С. 903–906). Все это заставило Аббаса I более серьезно оценить создавшуюся обстановку и, мобилизовав все возможные силы, подавить восстание и ликвидировать турецкую опасность. Для этой цели были собраны все военные силы центрального и южного Ирана. Сам шах стал во главе армии. Огромная кызылбашская армия разбила восставших в Кахети и оккупировала Кахети и Каргли, после чего захватчики занялись грабежами населения. Затем Аббас выступил против турок и заставил великого визиря снять осаду с Еревана и отступить в Диярбекир (Там же. С. 898–900, 910).

Тем временем Далу-малек, очевидно потесненный ширванскими феодалами, ободренными успехами шаха, отступил на территорию Кахети, где к ширванцам присоединились остатки войска Теймураза I и много крестьян (райятов) Кахети, которые и после бегства своего царя не хотели складывать оружие. Восстание вступило во второй этап своего

развития, для которого ха/с. 100/рактерна большая классовая дифференциация. Теперь, когда царь и крупные тавады Кахети, отчаявшись в успехе, отошли от движения, борьбу продолжали крестьяне, рядовые дружинники кахетинского войска и беглецы из Ширвана. Аббас, не надеясь, что восстание будет подавлено местными кызылбашскими гарнизонами и верными ему грузинскими феодалами во главе с царем Багра-том, послал в Кахети новую армию во главе со своим родственником и одним из влиятельнейших эмиров Иса-ханом курчи-баши (командиром гвардейского кызылбашского корпуса курчиев). Кызылбаши выжигали селения, истребляли мужчин и уводили в плен женщин и детей. Но отряды восставших, скрываясь в лесах и горах, наносили оттуда удары по карателям. Лишь путем жесточайших репрессий и массового уничтожения населения восстание было подавлено в 1615 г. Много грузин и жителей северных районов Ширвана были выселены в Мазендеран, часть восставших бежала в Западную Грузию (Там же. С. 912–913).

Результаты ширванского восстания сказались вскоре. Кызылбашские феодалы еще теснее сплотились с местными ширванскими феодалами, чтобы с их помощью держать в узде эксплуатируемые массы. И когда в 1632 г. Давуд-хан беглярбек Карабаха в союзе с Теймуразом I попытался поднять восстание против Сефевидов, то знать Ширвана, Карабаха и Чохур-саада (Ереванской области) отказала ему в поддержке, и он вынужден был бежать в Грузию (Искандар-бик туркеман Мунши 1318/1900–1901. С. 115). /с. 101/

В том же 1615 г. восстание крестьян поднялось и в соседнем Карабахе. Это восстание было непосредственно связано с двумя предыдущими (кахетинским и ширванским), но имело и свои особенности. В Карабахе (за исключением районов, населенных армянами, где сохранились крупные армянские меликства) полностью господствовала кызылбашская знать. Отсутствие сильной местной некызылбашской знати, оппозиционно настроенной к Сефевидам, оказало свое влияние на характер возникшего в Карабахе восстания. Одной из непосредственных причин восстания явилось, вероятно, то обстоятельство, что в этом году Карабах являлся местом зимовки шахской армии, а в подобных случаях все кызылбашское воинство кормилось за счет населения местности, в которой оно располагалось. Восставшие райяты Мухаммед-хана зияд-оглы, хакима Ганджи, убили нескольких мулязимов (вассалов) хакима. Шах, находившийся в Карабахе, приказал после подавления восстания казнить 40 человек вождей его, а остальных, «которые не вызывали доверия», выслать в Мазендеран (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 913).

Начиная уже с первого десятилетия XVII в., мы не встречаем в источниках упоминаний о народных восстаниях на основной территории

Азербайджана и Восточной Армении. Это не случайно и объясняется не только и не столько характером источников, которые обычно не проходят мимо подобного рода фактов, хотя и дают им соответствующее узко-классовое толкование. Объяснить это можно лишь общим улучшением экономического положения страны, уменьшением в первой половине XVII в. налогового обложения (Там же. С. 587; Миклухо-Маклай 1949), освобождени^{ем} от налогов отдельных городов и местностей, общим оживлением экономики (см. гл. II, стр.⁵¹). Эти обстоятельства имели следствием, с одной стороны, увеличение связей с Сефевидами не только местных феодалов-землевладельцев-мусульман, на страже интересов которых стояло государство, но и армянского духовенства, меликов и купечества.

Недаром армянские хронисты и деятели XVII — начала XVIII в. так расхваливали эту эпоху (Zakaria Diacres 1876. P. 33, 75; Nassan Dchalalians 1876. P. 202). После войн, голода, грабежей конца XVI — начала XVII в. стало легче жить и крестьянству, хотя феодальная эксплуатация и гнет по-прежнему давали, конечно, себя чувствовать, и классовая борьба не прекращалась, хоть и проявлялась в иных формах. Характерно, что с 20-х гг. XVII в. и до конца столетия источники ничего не говорят о народных восстаниях на общегосударственных землях. Зато восстания вспыхивают на землях хассе, которые, по свидетельству источников (Tavernier 1677. P. 536–537; Chardin 1735. T. I. P. 308), подвергались в XVII в. наибольшей эксплуатации. Неслучайно, что именно в Гиляне, входившем в хассе, вспыхнуло большое восстание 1629 г. (Петрушевский 1951а). Восстания были в Исфаганском округе, также /с. 103/ относившемся к хассе (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 966) и, наконец, в районе Казвина. Они до сих пор не изучены.

Город Казвин расположен на самой границе этнического расселения азербайджанцев и иранцев. Население как самого города, так и его округа, являлось и в XVII в. смешанным. Хотя Аббас I и перенес центр государства в Исфаган, однако, и Казвин и Тебриз во многом сохранили свое былое значение, именовались столицами, и шахский двор и все правительство часто находились там. В XVII в. Казвин входил в хассе и управлялся даругой, который, как и даруга Исфагана, обладал очень большой властью. Эксплуатация райятов в округе Казвина была столь же жестокой, как и на остальной территории домена. В 1633 г. здесь началось крестьянское движение, сведения о котором имеются у Искендера Мунши (Искандар-бик туркеман Мунши 1318/1900–1901. С. 83–85) и у другого историка XVII в., Мухаммед Юсуфа (Там же. С. 239–241). Движение это с самого начала приняло

---

⁵¹ Пропущено. — *Примеч. А. А.*

религиозную окраску. В 1633 г. в местечке Кяфур-Абад, около Казвина, появился некий дервиш неизвестного происхождения по имени Реза, выдававший себя за наместника бога на земле (наиб-е сахиб-оль-заман) и махди, т. е. спасителя. Его проповеди привлекли к нему большое число последователей, как азербайджанцев («тюрок»), так и иранцев («таджиков»)⁵². Источники не сообщают, какой /с. 104/ характер носили проповеди Резы, но, судя по тому, что они вызвали к нему враждебное отношение шахских властей и местных феодалов и собрали вокруг него большое число крестьян и кочевников, учение Резы находилось в оппозиции к официальной идеологии. Собрав большое число сторонников, в составе которых находился и отряд вооруженных конных кочевников племени Зенге, Реза вступил в г. Казвин, остановился перед дворцом даруги и стал требовать, чтобы тот вышел к народу. Даругой города в то время являлся Шахвердихан-бек туркестани, представитель крупной военно-кочевой знати Южного Азербайджана. Вызывая даругу, Реза, очевидно, намеревался изложить ему требования восставших. К сожалению, неизвестно, в чем эти требования заключались, но очевидно они пришлись не по душе даруге и другим правителям города, ибо, по словам Искандера Мунши, мулязимы даруги не разрешили ему «от избытка осторожности» выйти к народу. Сам Реза по не совсем ясным причинам занял крепость в Казвине и укрепился там, тогда как даруга и знать города послали гонцов к главам кочевников шахсевенов с просьбой о помощи против восставших. Глава шахсевенов Вали-султан со своей дружиной прибыл в Казвин, где вступил в вооруженное столкновение со сторонниками Резы и после небольшого сражения рассеял их. Часть восставших попала в плен, часть (конные кочевники) бежала. Сам Реза с группой своих сторонников засел в крепости, где его осадили шахсевены. В конце концов, большинство восставших, в том числе и сам Реза, были убиты, небольшая же часть была захвачена в плен, победители отослали их вместе с /с. 105/ головами убитых к шаху в Исфаган. Так кончилось это восстание. Чрезвычайно любопытна в нем совместная борьба эксплуатируемых масс азербайджанцев и иранцев против своих общих угнетателей — кызылбашских феодалов. Восстание дервиша Резы отличается едва ли не большей среди всех движений в Кызылбашском государстве классовой дифференциацией, когда отчетливо выступают два лагеря — с одной стороны, крестьяне и рядовые кочевники, с другой стороны — военно-кочевая знать, городская знать Казвина и шахская власть. Несмотря на то, что нам неизвестна ни программа восставших, ни их конкретные требования,

⁵² А. Олеарий, голыштинский посол в Иране, сообщает, что число последователей Резы доходило до 30 000 человек: нам кажется, что он, однако, преувеличивает их число (Олеарий 1870. С. 616).

не остается сомнения, что восстание носило ярко выраженный антифеодалный характер, который ясен уже из такого резкого размежевания классовых сил. Религиозная оболочка придала этому движению характер «еретического», что говорит об оппозиции официальной шиитской идеологии, хотя источники не дают сведений об открытом выступлении восставших против духовенства.

Что же касается основных районов Азербайджана и Армении, то источники ничего не говорят о народных восстаниях там до самого конца XVII в. Однако это может означать лишь, что дело просто не доходило до открытых выступлений, тогда как противоречия между эксплуататорами и эксплуатируемыми проявлялись в других формах. Одной из таких форм было бегство крестьян. В Сефевидском государстве XVII в. не существовало крепостного состояния в той форме, в какой оно существовало, например, в Русском государстве. Но крестьяне были, тем не менее, прикреплены к своим селениям, к своему тяглу. Исследо/с. 106/вание А.Д. Папазяна показало, что в XVII в. в Сефевидском государстве действовал двенадцатилетний срок отыскания и возвращения беглых крестьян (Папазян 1954а. С. 342–343). Сильным средством прикрепления служила деревенская община (джамаат), которая к XVII в. превратилась, в сущности, в налогово-административный орган, который государство стремилось укрепить и сохранить. Крестьянин не мог уйти из общины и обязан был выплачивать соответствующую долю возложенных на общину налогов и повинностей в пользу государства или же земельного собственника. Должностные лица обязаны были не позволять крестьянам покидать землю и находить крестьян для тех мест, где их не было (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 72, 74 [перс. текст]).

Другой «мирной» формой классовой борьбы являлся отказ крестьян от уплаты налогов. Можно предполагать, что это случалось очень часто, тем более что даже среди дошедших до нас документов нередки жалобы владельцев и ответные указы правителей на неуплату райатами налогов. Так, в одном из документов Ереванского Матендарана, представляющем указ Аббаса I от месяца раби-оль-аввал 1015 г. х. (1606 г.) (Матендаран, Архив католикоса, д. № 31. Л. 1а [перс. яз.]) на имя калантара тумана Нахичеван, говорится, что райаты районов, прилегающих к Акулису, пользуются землями, расположенными по р. Вананд и другими местами, и не выплачивают акулисскому монастырю бахрече/с. 107/ (т. е. поземельную подать) с этих земель. Далее калантару предписывалось обеспечить через даругу этих мест регулярное поступление этих доходов в ведомство упомянутого монастыря и сверх того выплату монастырю крестьянами того, что они не заплатили в предыдущие годы. В другом фирмане Аббаса II от 1073 г. х. (1662 г.) говорится, что крестьяне некоторых округов Тебриза избегают платить

церковную десятину мутавалли (управителю) вакфа Гияс-ад-дину Камранбеку (цит. по: Lambton 1953. P. 113–114). А в фирмане от 1101 г. х. (1689 г.) то же самое говорится о некоторых вакфах в округе г. Маранда (Азербайджан) (Ibid. P. 115) и т. д. Шахские указы обращали на это внимание беглярбека Азербайджана и других должностных лиц и предписывали им обеспечить несение крестьянами их повинностей.

Наконец, распространенной формой борьбы с притязаниями феодалов являлись жалобы райатов общин ко двору местных беглярбеков и в Исфаган. Жалоб этих было много. Французский путешественник Ж. Шарден (60-е гг. XVII в.) писал, что в его время при дворе шаха было до 10 000 жалоб, многие из которых не имели надежды на разрешение (Chardin 1735. Т. I. P. 308). Жалобы могли подаваться различного вида: на чрезмерное обложение налогами, на самоуправство чиновников и владельцев земли, на захват феодалами общинных земель и т. п. Практический положительный исход они имели либо в том случае, если просящие подарками и иным спосо/с. 108/бом заручались поддержкой при дворе, либо если среди жалобщиков были влиятельные лица. Пример этому — инцидент в Ширване в 1073 г. х. (1662/67 г.), когда по жалобам населения Ширвана был снят беглярбек области Мухаммед-хан. Однако в этом случае жалоба была слишком уж основательная и жаловались не только крестьяне, но и мелики, т. е. землевладельцы-феодалы, также страдавшие от произвола беглярбека (см.: Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950. С. 53; Tavernier 1677. P. 352). Обычно же шах и беглярбеки становились на сторону землевладельцев. Так, Захарий Акулеци рассказывал, что в 10–12 км от Акулиса находилось село Цгна, которым владел некий Парсадан-бек, грузин по происхождению. Жители села, не выдержав бесчинств этого бека, направили делегацию в составе 7–8 человек в Исфаган с жалобой к шаху. Однако последний приказал их со связанными руками выдать Парсадан-беку, чтобы тот сам разобрал их дело, а на село наложить громадный штраф в 1000 туманов (Дневник Закария Акулиского 1939. С. 103–104). Поэтому, посылая жалобы, крестьянские общины стремились заручиться поддержкой влиятельных лиц. Однако и это помогало далеко не всегда, а в начале XVIII в., при крайнем ослаблении центральной власти, местные беки не считались вообще с ее указами. Так, в одной из армянских хроник XVIII в. приводится характерный пример, относящийся к Нахичеванскому краю. Крестьяне одного из сел в 1719 г. пожаловались шахским властям в Тебризе на беков племени кенгерлу (кызылбашское племя, господствовавшее в Нахичеванском крае до присоединения его к России). Шах дал /с. 109/ указ о причислении села к хассе и назначил

---

⁵³ Пропущено. — *Примеч. А. А.*

в село даругу, но это не помогло. Кенгерлинцы в числе 600 человек ночью явились в село, сожгли церковь и разграбили село (Жаманакагракан манр хатвац'нер 1956. С. 524–525).

Крестьяне, не выдержав феодальной эксплуатации, уходили в «разбойники». В Закавказье это также был один из способов борьбы с феодальным гнетом. Даже в середине XVII в. дороги не были полностью безопасны. Голландский путешественник Я. Стрейс, например, во время своего следования через Закавказье несколько раз подвергался нападениям разбойников. В его время (70-е гг. XVII в.) особенно опасен был проезд в районе Дербента, где разбойников не могли уничтожить ни местный султан, ни специальные экспедиции из центра (Стрейс 1935. С. 242). В Сефевидском государстве, где крупные торговцы пользовались привилегиями, были введены жестокие наказания для уличенных в разбое. В некоторых провинциях разбойников живьем замуровывали в столбы по дорогам (Там же. С. 335), однако даже и это было мало эффективно.

В конце XVII в. шахское правительство, разорив доменные земли и все более нуждаясь в средствах, резко увеличило налоговое обложение в пользу центрального казначейства. Был введен ряд новых налогов и увеличены старые (Hassan Dchalalians 1876. P. 203–204). Задеты были и кочевые племена (Ibid. P. 204), ранее находившиеся в привилегированном положении. /с. 110/ Начиная с 1698 г., шахские сборщики налогов чуть ли не ежегодно совершали сверхординарные наезды в районы для сбора денег с населения. Даже со сравнительно небольшого села взыскивали до 400 туманов (ок. 4000 руб.) сразу (Жаманакагракан манр хатвац'нер 1956. С. 524). Обирались не только крестьяне, но и ремесленники и торговцы (Hassan Dchalalians 1876. P. 204). Современники (например, иезуит И. Крусинский) приводят факты, когда налогов собиралось в десятки раз больше, чем прежде. Так, город Ганджа должен был выплачивать матери шаха Хусейна 50 туманов в год, однако однажды за неделю с него взыскали в виде «штрафа» 300 туманов (Krusinski 1742. P. 83). Методы сбора налогов в Кызылбашском государстве никогда гуманностью не отличались. Еще Захарий Акулеци рассказывал, что когда в 1673 г. в Акулисе должны были собрать 1000 туманов для армянского католикоса, то в одну ночь повесили 35 человек и тем не менее смогли собрать лишь 350 туманов (Дневник Закария Акулиского 1939. С. 91–92). В 1698–99 гг. была проведена дополнительная перепись податного населения с тем, чтобы никто не мог уже ускользнуть от глаз сборщиков налогов. Результаты всего этого не замедлили сказаться, и в ряде мест дело уже в эти годы дошло до открытых восстаний. В архиве Ереванского Матенадарана сохранился документ, датированный 1699 г. Из него видно, что в

этом году произошли восстания в городах Гандже и Шемахе, а также в Карабахской области. Причиной их являлся рост налогов и произвол властей. Беглярбеку Карабаха (таковым являлся в то время Калбали-хан зияд-оглы каджар) было поруче/с. 111/но расследование этого дела (Матенадаран, Архив католикоса, д. 2 б., док. № 131). Однако для шахского правительств такое положение было еще более ухудшено тем, что оно сумело поспорить и со своими союзниками в Закавказье — армянским духовенством, меликами и купечеством, которые теперь окончательно решили разделить свою судьбу от обанкротившихся Сефевидов. Католикос Есай прямо видел переломный момент во взаимоотношениях верхушки армянского общества с Сефевидами в конце XVII в. (Hassan Dchalalians 1876. P. 202–203). В Северном Азербайджане немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что в годы правления шаха Хусейна (1694–1722 гг.) Сефевиды вернулись к политике резких гонений на мусульман-суннитов, к которым и принадлежала значительная часть населения районов Шеки, Кабалы, Кубы. Начавшиеся гонения затронули и суннитов-феодалов Северного Азербайджана (Ibid. P. 208–209) и настроили их против шахской власти. С этим же можно связать известный отказ шахсевен на Мугани (значительная их часть была суннитами по религии) в 1717 г. принять присланного из Исфагани правителя (Зевакин 1929. С. 13). Таким образом, с самого начала XVIII в. обстановка в Закавказье сложилась неблагоприятно для Сефевидов. Были недовольны не только низы, но и верхи. События не заставили себя долго ждать. Пока армянские мелики и духовенство искали помощи на Западе, а затем в России, народные массы не дожидались этого и, как видно из вышеприведенных примеров, открыто выступили против эксплуататоров. Католический миссионер отец Жозеф Мари доносил в 1711 г. из Тебриза, что в этом году в Тебризе «была междоусобная борьба среди горожан, 3000 из которых восстали в то время в городе и напали на дворец губернатора...» (A Chronicle of the Carmelites in Persia 1939. P. 513). Русский посланник А.П. Волынский, проезжавший Тебриз в 1717 г., также писал о волнениях в этом городе (Зевакин 1929. С. 17). В северном же Азербайджане суннитское население, в том числе и феодалы, поддержали вторгшихся в 1711 г. в Азербайджан дагестанских горцев. В 1720 г., в ответ на новый поход на Гянджу Али-султана джарского, феодальные правители Северного Азербайджана решили совершить карательную экспедицию в горы, но были разбиты; в сражении погибли ханы Шемахи и Шеки, а Угурлу-хан ганджийский с трудом спасся (Hassan Dchalalians 1876. P. 207). В том же году дагестанцы вновь вступили в Ширван и подошли к Шемахе, которая была сдана им местными суннитами (Ibid. P. 210). Лишь в районе Карабаха им дан был отпор (Ibid. P. 213). Знать

же Ганджи в страхе призвала на помощь грузинского царя Вахтанга VI (Ibid. P. 213–214), который сам по приказу шаха и с титулом сардара направился в поход в горы (Brosset 1857. P. 37).

Восстания в Северном Азербайджане 1711–1722 гг. были очень сложными социально-политическими движениями. Основную движущую силу их составляли (для Азербайджана) местные крестьяне, страдавшие от налогового и религиозного гнета. Они боролись против крупных феодалов, как кызылбашских, так и местных. Именно таким актом антифеодальной борьбы явилось убийство восставшими Ахмед-хана Кубинского (Mahdi Khan 1770. P. IX; Reineggs 1807. Vol. I. P. 104) (правнуком этого Ахмед-хана был известный Фетх-али-хан кубинский (1758–1789 гг.)).

С другой стороны, руководившие движением дагестанские феодалы и часть местных азербайджанских феодалов, ставшие в оппозицию к Сефевидам, используя антифеодальную борьбу крестьянства и религиозные чувства азербайджанцев-суннитов, ставили перед собою цель образования отдельного от Ирана государства на территории Дагестана и Азербайджана под протекторатом Турции. С этой целью они всячески разжигали религиозную вражду между азербайджанцами-шиитами и суннитской частью азербайджанского населения, а также устраивали грабительские походы в Грузию и армянские районы Карабаха. Поэтому нельзя согласиться с В.Н. Левиатовым, пытающимся фактически сгладить противоречивость движений 1711–1722 гг. и отбрасывающего как не заслуживающие доверия факты грабительских действий дагестанских и североазербайджанских феодалов в Карабахе, Ширване и Грузии, приводимые Есай католикосом (Левиатов 1948. С. 72–74), тем более, что подобные же факты мы находим во всех без исключения источниках /с. 114/ XVIII в. (Мартирос ди Аракелу жаманакарут'йун А 1956. С. 430; Brosset 1857. P. 117; Гербер 1760. С. 223).

Дагестанские феодалы, вставшие во главе антикызылбашского движения, вступили в соглашение с турками, в ответ на что Вахтанг VI и армяне Карабаха, пострадавшие от набегов дагестанских феодалов, под угрозой турецкого нашествия прямо призвали на помощь Петра I, который использовал обстановку в Закавказье и Иране для присоединения к России Прикаспийских областей, богатых шелком. Турция, с которой на западных границах начались конфликты еще в 1712 г. (Давит' Балишецу жаманакарут'йун 1951. С. 304–305), теперь в союзе с Сурхаем казикумухским решила, с одной стороны, сама захватить Закавказье, а с другой стороны, не дать укрепиться там России. Турецкие войска вступили в Восточную Армению, где к этому времени сложилась очень сложная обстановка. Здесь уже с 1720–1721 гг. классовая борьба армянского крестьянства слилась с национально-освободительной борьбой, после того

как к движению примкнули и местные армянские мелики, из среды которых вышел руководитель движения Давид-бек. Объединение это первоначально произошло на основе совместной борьбы с местными азербайджанскими феодалами. В борьбе против глав племен отуз-ики (джеваншир), правителя Баргушата (Davith-Beg 1876. P. 231–240) и других были заинтересованы и армянские крестьяне, и феодальная верхушка, у которой были свои противоречия с мусуль/**с. 115**/манскими феодалами. В глазах же армянского крестьянства азербайджанские ханы были представители еще более чуждых ему кызылбашских феодалов. После же вторжения в Ереванскую область турок-осман (1724 г.) повстанцы Давид-бека развернули борьбу против них (Ibid. P. 244–251), заключив даже временный союз с сефевидским принцем Тахмаспом (Krusinski 1742. P. 131–132), до того неоднократно пытавшимся в союзе с азербайджанскими ханами безуспешно подавить движение (Davith-Beg 1876. P. 242).

И движение в Кафане являлось сложным социальным явлением. На его первом этапе (до 1724 г.) восставшие боролись с местными, азербайджанскими феодалами и поддерживавшем последних принцем Тахмаспом, правившем в Казвине и южном Азербайджане. Наряду с крестьянскими армянскими массами, в движение включились и местные армянские феодалы, стремившиеся превратить его из антифеодального восстания в чисто националистическое движение. Не случайно, армянские источники сообщают о грабеже азербайджанских селений, угоне скота и т. д. (Ibid. P. 242). Есть сведения, что некоторые представители верхушки армян (в г. Нахичеване) пытались даже связаться с турками, в борьбе против местных азербайджанских ханов (Hanway 1753. P. 194–195). Однако после вторжения турецких войск, взятия ими Еревана и резни там армянского населения, вставшего грудью **с. 115**/ на защиту родного города (Архив армянской истории 1912. С. 131; Ананун Ванецу тарегрут'йун 1951. С. 371; Мартирос ди Аракелу жаманакагрут'йун А 1956. С. 433), кафанские повстанцы вступили в героическую борьбу с турецкими захватчиками, а их руководители сочли возможным даже заключить, как упомянуто выше, союз с принцем Тахмаспом Сефевидом против турок. В то же время часть азербайджанских феодалов Нахичеванского края и Карабаха соединилась с турками (Davith-Beg 1876. С. 244, 251).

Надир-шах, окончательно укрепившийся в Закавказье лишь после 1736 г., не доверял местной знати в целом, за исключением глав шахсевен и отчасти урмийских афшар. У многих местных феодалов были отняты их владения, и многие правители были заменены верной Надиру знатью из числа хорасанских афшар (о беглярбеке Ширвана Мухаммед-кули-хана афшар см.: Мухаммад Казим. Л. 167а; о правителе Азербайджана Амир-аслан-хана афшар см.: Там же. Л. 180а и т. д.). У Ганджийских беглярбеков зияд-оглы каджар Надир отнял часть тер-

ритории, которую передал либо Грузии, либо сделал самостоятельной (Мирза Адигезал-бек 1950. С. 47–48). Особенно же обострились у Надир-шаха отношения с местной знатью Азербайджана после гибели в горах Дагестана брата шаха Ибрагим-хана (1739 г.). Мнительный и подозрительный шах считал виновными в этом поражении азербайджанских феодалов. По приказу шаха были казнены крупный тебризский феодал Самад-бек (Мухаммад Казим. Л. 318а–318б), а затем 42 крупнейших представителя знати города Шемахи (Там же. Л. 320а); был ослеплен владетель Карачедага Казим-хан (Абу-л-Хасан Гулистанй 1359/1941. С. 162) и т. д. Тем самым Надир вооружил против себя даже местных феодалов, т. е. единственную часть населения Азербайджана, на которую он мог бы рассчитывать как на союзника. После 1740 г. большая часть феодалов Азербайджана, ранее на Муганском курултае поддержавших Надир-шаха⁵⁴, встала в открытую или скрытую оппозицию к нему. Именно потеря Надир-шахом доверия со стороны господствующих классов его державы, наряду со все более усиливающейся антифеодальной борьбой эксплуатируемых масс, привела к неудачам его во внутренней и внешней политике и к конечной гибели от рук своих же приближенных. Нам кажется, именно эта сторона недостаточно подчеркивается исследователями истории этого периода⁵⁵.

По нашему мнению, поэтому вряд ли правильно мнение И.П. Петрушевского, который видит основную причину отхода от Надир-шаха большей части феодалов в политике централизации, проводимой Надиром (История Ирана 1958. С. 325). Ведь такую политику он проводил с конца 20-х гг. XVIII в. и под ее знаменем добился изгнания афганцев и турок. Факты же источников свидетельствуют, что до самого неудачного похода Ибрагим-хана основная масса феодалов и в Закавказье, и в Иране поддерживала Надир-шаха. Известно, что в злополучном походе на Джар 1739 г. приняли участие и грузинские феодалы, и большинство ханов Азербайджана, а ганджийский Угурлу-хан, тот самый, который на курултае 1736 г. один из собравшихся выступил в защиту сверженных Сефевидов, погиб в этом походе (Brosset 1857. P. 53). Основную причину отхода феодалов от Надир-шаха следует искать скорее всего в том, что последние потеряли свою веру в то, что Надир сумеет обуздать антифеодальные движения, с одной стороны, и, с другой, в усилившихся репрессиях против них самих.

Поэтому и движения в государстве Надир-шаха после 1740 г. являются сложными движениями, в которых принимали участие и большинство

---

⁵⁴ Характерно, что феодалы той части Азербайджана, которая до 1735 г. принадлежала России, заблаговременно перешли на сторону Надир-шаха (Лерхе 1790. С. 52).

⁵⁵ Это характерно отчасти и для упомянутой выше работы: Ашрафян 1950.

представителей господствующих классов. В восстании Сам-мирзы 1743 г. участвовала значительная часть ширванской знати (Мухаммад Кāзим. Л. 320а, 327а), равно как и в думбулийское восстание 1744 г. включилась племенная знать (Ашрафян 1950. С. 200–201), а к восстанию в Сеистане счел нужным присоединиться даже родной племянник Надир-шаха (История Ирана 1958. С. 325).

В то же время основной движущей силой этих восстаний было крестьянство и горожане (в восстании 1743 г. активно участвовали жители Шемахи и Дербента, см.: Hanway 1753. P. 389; Mahdi Khan 1770. P. 158.). О массовости этих восстаний /с. 119/ говорит хотя бы тот факт, что при подавлении ширванского восстания 1743 г. было убито до 15 000 восставших (Hanway 1753. P. 377). Крестьянство же и городская беднота прежде всего боролись против невероятно усилившегося в последние годы правления Надир-шаха налогового гнета (Ашрафян 1950) и бесчинств кочевой военщины.

В связи с антифеодальными движениями первой половины XVIII в. следует обратить внимание еще на одну черту, свойственную и многим народным восстаниям более раннего периода. Речь идет о царистских взглядах восставших, такой же вере в «добраго царя», какая была присуща и русским крестьянам. Еще в XVI в. все ширванские восстания, в которых основной движущей силой было крестьянство, происходили под лозунгом восстановления власти свергнутых Сефевидами ширваншахов. В 70-х–80-х гг. XVI в. в Нуристане и в Тальше поднимались антифеодальные восстания, во главе которых стояли дервиши, принимавшие имя отравленного в 1578 г. шаха Исмаила II (Искандар-бик туркемāн Мунши 1376/1956–1957. С. 275). После установления в 1722 г. в Иране господства афганцев во многих местах Ирана и Закавказья объявились мнимые Сефевидские принцы, поднимавшие восстания и собиравшие вокруг себя последователей, в том числе и из крестьянства и городских низов. По свидетельству известного мемуариста XVIII в. шейха Мухаммед Али Хазина, в 20-х гг. XVIII в. не менее 18 человек в разных концах страны объявили себя независимыми (Mohammad Ali Hazin 1831. P. 124). Характерно, что и крупнейшие антифеодальные дви/с. 120/жения в Закавказье при Надир-шахе происходили под лозунгами восстановления Сефевидов и во главе их стояли мнимые Сефевидские принцы. Таким было восстание в начале 40-х гг. XVIII в. в Азербайджане, иначе восстание первого Сам-мирзы, объявившего себя представителем свергнутой Надир-шахом династии Сефевидов. И во главе азербайджанского восстания 1743 г. стоял самозванец, также называвший себя Сам-мирзой, сыном свергнутого и убитого Надир-шахом Тахмаспа II Сефевиды (Ibid. P. 320). Принцем Сефевидом называл себя и инспирируемый Турцией самозванец Сефи-мирза, собравший вокруг

себя немало последователей в южном Азербайджане в 1744 г. (Ашрафян 1950. С. 194–195). Наконец, в самый год убийства Надир-шаха (1747 г.) вспыхнуло большое городское восстание в Тебризе, до сих пор даже не упомянутое в исторической литературе. Об этом восстании упоминается в трех источниках XVIII в.: в хронике Абуль-Хасана Голестане (Абу-л-Хасан Гулистāнӣ 1359/1941. С. 8), в грузинских летописях (Brosset 1857. Р. 120–123) и в сообщении кармелитской миссии из Тебриза (A Chronicle of the Carmelites in Persia 1939. Р. 656–657). Из более поздних источников упоминание об этом восстании имеется у П.Г. Буткова (1869. С. 248). /с. 121/

Сведения первых трех источников современны излагаемому событию и в принципе однотипны, лишь дополняя взаимно друг друга. Сообщение же Буткова во многом разнится от предыдущих и, скорее всего, является более поздней, переделанной на севере Азербайджана версией. Согласно наиболее подробно рассказу (в грузинской летописи Папуна Орбелиани), восстание началось в мае 1747 г., при жизни Надир-шаха и против него (Brosset 1857. Р. 120). Кармелитский архиепископ Сальвини в своем письме из Тебриза в августе 1748 г. писал, что восстание началось уже при наследнике Надир-шаха Адиль-шахе (A Chronicle of the Carmelites in Persia 1939. Р. 656). Однако, независимо от точной даты начала восстания, развернулось оно уже по смерти Надир-шаха. Во главе восстания стоял опять-таки самозванец Сам-мирза (Абу-л-Хасан Гулистāнӣ 1359/1941. С. 8) или Сам-шах (Brosset 1857. Р. 120). Настоящее его происхождение было, вероятно, неизвестно, и в XVIII в. Папуна Орбелиани называет его потомком древних государей (Ibid. Р. 120), но в данном случае скорее речь идет о том, что Сам-мирза так называл себя, тем более, что Голестане, отлично осведомленный о событиях этого времени, прямо говорит, что Сам-мирза был неизвестного происхождения (Абу-л-Хасан Гулистāнӣ 1359/1941. С. 8). Сам-мирза собрал вокруг себя большое число последователей из жителей Тебриза и объявил себя правителем города. Архиепископ Сальвини писал, что этому предшествовала «гражданская война» в городе. Из его же письма мы /с. 122/ узнаем, что волнения происходили и в Ереванской области, где правил полководец Надир-шаха Амир-аслан-хан (Brosset 1857. Р. 121). Восставшие, которых источники именует «народ Тебриза» («ахалийе Тебриз», «The people of Tabriz»), двинулись затем на север и осадили Ереванскую крепость, где засел Амир-аслан-хан. Сам-мирза пытался использовать в своих интересах вражду азербайджанских ханов с Грузией, однако это ему не удалось. Перед лицом народного восстания феодалы забыли свои распри и объединили свои действия. Бывший наместник Надир-шаха в Грузии Фетх-али-хан каджар, изгнанный сразу после смерти своего повелителя из Грузии Теймуразом II и его сыном Ираклием, взял на себя

задачу расправиться с восстанием. Фетх-али-хан оттеснил восставших к Тебризу, разбил их, а самого Сам-мирзу захватил в плен и отослал к Амир-аслан-хану, а тот переслал его в Грузию, где принц Ираклий, будущий Ираклий II, по свидетельству хроники очень обрадованный таким исходом дела, выколол Саму глаза (Ibid. P. 123).

Упомянутый архиепископ Сальвини писал, что подавлял восстание Амир-Аслан-хан, устроивший после победы большую резню жителей Тебриза (A Chronicle of the Carmelites in Persia 1939. P. 657).

Согласно версии П.Г. Буткова, руководитель восстания назывался Шахрох, по происхождению кузнец из города Кубы, выставленный кубинским Хусейн-ханом. Ни о каких активных действиях этого Шахроха вне Тебриза Бутков не упоминает и пишет лишь, что /с. 123/ Шахрох через месяц был убит «от Амир-Аслан-хана, азербиджанского генерал-губернатора, в исходе 1747 г.» (Бутков 1869. С. 248). Как уже сказано, более следует доверять трем предыдущим источникам, современному событию, тогда как версия Буткова, очевидно, была обработана позднее, во времена Фетх-али-хана кубинского, пытавшегося присоединить и южные ханства. Тем более, что в 40-х гг. XVIII в. небольшое Кубинское ханство не имело никакого влияния на южный Азербайджан.

После смерти Надир-шаха в Азербайджане и Восточной Армении началась беспощадная борьба местных ханов за гегемонию и господство в стране. В политической жизни Закавказья все большую роль начинает играть Грузия. Используя междоусобную борьбу азербайджанских ханов и претендентов в Иране, грузинские цари Теймураз II и Ираклий II в конце 40-х — в начале 50-х гг. XVIII в. добиваются подчинения себе Карабаха и Ереванского ханства. Полководец Надир-шаха Азад-хан, афганец из Кабула, долгое время владел южным Азербайджаном и в союзе с Фетх-али-ханом урмийским и Шахбаз-ханом хойским боролся с грузинскими царями за восточную Армению (Абӯ-л-Ҳасан Гулистāнӣ 1359/1941. С. 248). Грузия в борьбе с ханами Южного Азербайджана заключила союз с Панах-ханом карабахским, незадолго до того потерпевшим поражение в борьбе с Грузией за Ганджу, ханами Гянджи и Шемахи (Geschichte 1755. S. 87; Абӯ-л-Ҳасан Гулистāнӣ 1359/1941. С. 157) и карачедагским Казим-ханом. Длительные войны этих двух коалиций привели к опустошению Ереванской и /с. 124/ Нахичеванской областей (Brosset 1857. P. 161; Geschichte 1755. S. 83–85), резкому сокращению торговли (Brosset 1857. P. 161). Грузинская коалиция, более сильная, не смогла однако достигнуть решительного перевеса, хотя у нее были сторонники и на юге, а во время волнений в Тебризе в 1752 г. тебризцы призывали на помощь грузин против бесчинствовавших наемников Азад-хана (Geschichte 1755. S. 87). Город Акулис, торговый центр Закавказья, был razoren афганцами Азад-хана (A Chronicle of the Carmelites

in Persia 1939. P. 676), и множество армян вынуждено было эмигрировать в Турцию, много людей погибло от холода (Ibid.). С северо-востока Грузии угрожали аварский хан и Хаджи-Челеби текинский. В свою очередь, осетинские и ингушские князья помогали грузинским царям (Brosset 1857. P. 200). В конце концов, в 1757 г. Азад-хан был разбит Мухаммед-Хасан-ханом астрабадским и бежал в Турцию. Мухаммед-Хасан-хан, в свою очередь, прошел с огнем и мечом до Ганджи, но затем вынужден был отступить и в 1760 г. пал в битве с новым претендентом Керим-ханом зендом. Разоренная Ереванская область по договору с Керим-ханом осталась за Ираклием II (Ibid. P. 218). Подчинилась Грузии и Ганджа. Ханы Ереванский и Ганджийский были обложены Ираклием данью до 30 000 и 10 000 туманов, соответственно (Переписка грузинских царей 1890. С. 187). Дань /с. 125/ эта ложилась дополнительной тяжестью на население Ереванского и Ганджийского ханств. Поэтому не удивительно, что на территории Восточной Армении и северо-западного Азербайджана в 60-х–80-х гг. XVIII в. поднимается ряд восстаний, направленных против Ираклия II. Ханы же Ереванский и Ганджийский в ряде случаев пытались использовать и направить борьбу крестьян и горожан в выгодном для них направлении с целью освобождения от зависимости от Ираклия II. Ираклий II являлся, как известно, выдающимся политическим деятелем, много сделавшим для освобождения Грузии от иноземного ига, последовательно проводившим ориентацию на Россию, понимая, что только с ее помощью Грузия сможет устоять в тяжелой борьбе со своими врагами. Но Ираклий II был одновременно и типичным феодальным правителем, стремившимся при возможности самому захватить соседние территории. Кроме того, постоянно нуждаясь в средствах, он стремился достать их любыми способами, и поэтому дань с вассальных азербайджанских и Ереванского ханств была для него немаловажным подспорьем, без которого он не смог бы содержать свои наемные войска и оказался бы в полной зависимости от грузинских тавадов. На народные же массы Армении и Азербайджана дань Ираклию II ложилась нелегким добавочным бременем.

Одним из ранних восстаний против Ираклия II было Ганджийское восстание 1760 г. Ираклий II поставил в Гандже своего ставленника Шахверди-хана зияд-оглы, который обязался и, надо полагать, добросовестно взыскивал с горожан 10 000 туманов в казну грузинского царя. В 1760 г. в Гандже произошло восстание населения. Шахверди-хан был убит своим слугой в согласии с /с. 126/ повстанцами, а сыновья Шахверди-хана бежали к Ираклию II. Последний с войсками овладел Ганджой и посадил там старшего сына Шахверди-хана Мухаммед-Хасан-хана (Brosset 1857. P. 237). В 1778 г., когда ганджийская знать по своему желанию сменила хана, Ираклий II в союзе с карабахским

Ибрагим-ханом вновь овладел Ганджой. Победители посадили туда своего ставленника и подати с города и округа разделили между собой (Ibid. P. 245). Но уже в 1785 г. ганджийцы, восстав, прогнали представителей Ираклия II и Ибрагим-хана, а ганджийская знать, использовавшая восстание в своих интересах, опять нашла себе подходящего ей хана из той же фамилии зияд-оглы каджар. Однако и на этот раз Ираклий и Ибрагим-хан с помощью ханов племени шамсадинлу овладели городом и поставили своего нового ставленника Джавад-хана (Ibid. P. 252).

Такое же положение создалось и в Ереванском ханстве, правители которого назначались и утверждались Ираклием II (Ibid. P. 219). В 1767 г. восстали курды Ереванской области и отказались платить дань грузинскому царю. С этой целью они решили уйти из пределов ханства за Аракс, но около горы Арапат были настигнуты Ираклием и возвращены на прежние места (Brosset 1857. P. 219). Столь же неудачным было и второе курдское восстание 1769 г. (Ibid.). Но самым значи/с. 127/тельным было ереванское восстание 1779–1780 гг. Ереванский Хусейн-хан, надеясь на поддержку хойского хана и Турции, использовал недовольство населения добавочными налогами и отказался официально платить дань. В ответ на это Ираклий явился с большой армией, разбил отряды ереванского хана, тщетно ожидавшего помощи из Турции и с юга, и в отместку подверг область ужасному разгрому. Армянские источники рисуют картину страшного разрушения и грабежа. По данным современной хроники, армия Ираклия (состоявшая в значительной степени из наемников, всегда падких до грабежа) разорила всю страну, в Грузию были уведены пленными до 30 000 жителей и до 100 000 голов скота (Мартирос Халифайи жаманакагрут`йун 1956. С. 494). Не помогло и личное вмешательство католикоса Симеона (Богданов 1813. С. 53). Армяне целыми семьями бежали в Турцию, но Ираклию удалось выманить их оттуда обратно, и они подверглись общей участи. Кроме «селения Вагаршапата и еще нескольких ближайших к Эчмиадзину деревень, заключившихся для безопасности в крепости монастыря, — писал современник этого события, — все прочие были сожжены или разорены; имение разграблено; бедные и богатые отведены пленными в Тифлис и разделены Ираклием между его князьями» (Там же. С. 54). Такую же картину рисуют и другие современные источники (Архив армянской истории 1912. С. 145–146; Ouosk`herdjan 1818. P. 13–15). Кроме того, с ереванского хана (а практически с тех же крестьян и горожан) было взыскано в виде штрафа 4000 туманов. Деньги были взяты и с католикоса (Brosset 1857. P. 225). /с. 128/

В 1786 г. произошло восстание в Нахичеване, который после смерти Карим-хана зенда (1779 г.) также был подчинен Грузии. Жители прогнали Калб-али-хана, ставленника Ираклия, бежавшего к своему

сюзерену. По приказу царя ереванский хан с приданным ему грузинским отрядом выступил против Нахичевана. Восставшее жители вступили в сражение с ним, но были разбиты, и в Нахичевани вновь утвердился Калб-али-хан (Ibid. P. 252).

Наконец, в том же 1786 г. кочевники племен казах и шамсадинлу попытались откочевать с территории, подвластной Ираклию, в Карабах, но были возвращены и вновь обложены данью (Ibid. P. 253).

Что же касается сильнейшего в Западном Азербайджане Карабахского ханства, то оно еще в начале 60-х гг. XVIII в. после поражения Панах-хана карабахского в войне с Грузией вошло в сферу влияния грузинских царей. Панах-хан признал себя как и все прочие ханы Азербайджана вассалом Керим-хана (Абӯ-л-Ҳасан Гулистāнӣ 1359/1941. С. 341; Ризā-Қули-хāн Хидайāt 1274/1856. С. 29; АВПр, ф. перс. д. 13. Л. 68), но практически векиль не вмешивался в дела ханств, расположенных к северу от Аракса (за исключением Нахичеванского, которое как ясно из документов, непосредственно подчинялось Керим-хану).

После смерти Керим-хана (1779 г.) упрочился союз Ибрагим-хана карабахского с Ираклием II, направленный против аварских феодалов и Фетх-али-хана кубинского (Бурнашев 1793. С. 13–14). Союз этот существовал до /с. 129/ конца 80-х гг. XVIII в., когда, по выражению грузинской хроники, Ибрагим-хан «забыл благодеяния Ираклия II» и стал вести самостоятельную политику. (В частности, такой перелом во взаимоотношениях Карабаха и Грузии объяснялся позицией, занятой Ибрагим-ханом во время восстания шамсадинлу в 1789 г.). Однако «забывший благодеяния» Ибрагим-хан был слишком сильным владельцем. и поэтому грузинский царь вступил в переговоры со старым своим и карабахского хана врагом Фетх-али-ханом кубинским, а также с ханом Шеки, намереваясь общими силами расправиться с Ибрагим-ханом. Был схвачен и Джавад-хан ганджийский, пытавшийся с помощью Ибрагим-хана освободиться от зависимости от Грузии. Но болезнь и смерть одного из главных участников созданной коалиции — Фетх-али-хана помешали осуществлению этого плана (Brosset 1857. P. 254).

В отличие от северо-западной части Азербайджана и Ереванского ханства, история которых во второй половине XVIII в. была тесно связана с историей соседней Грузии, южные ханства Азербайджана (Хойское, Урмийское, Карачедаг, Тебризское, Ардебильское) были в другом положении. Политическое положение этих ханств определялось той сложной обстановкой, в которой они оказались после распада государства Надиршаха. На севере интересы южно-азербайджанских ханов сталкивались с интересами Грузии, и коалиция Азад-хана тебризского, в которую входили большинство владельцев южного Азербайджана, была в конце 40-х — в начале 50-х гг. XVIII в. наиболее серьезным противником

грузинских царей. С востока южноазербайджанским ханствам постоянно угрожали сильные каджарские ханы Астрабада, а с юга зендские ханы, глава ко/**с. 130**/торых Керим-хан после смерти Надир-шаха, в свое время переселившегося племя зендов в Хорасан, вернулся со своим племенем в район Фарса и начал успешную борьбу за власть с главами бахтиар, текелю и байят Фарса, а затем, после разгрома последних, с ханами центрального Ирана, южного Азербайджана и каджарами Астрабада (Абу-л-Хасан Гулистанӣ 1359/1941. С. 127–128, 145–161 и сл.). И, наконец, с запада южному Азербайджану постоянно угрожала Турция, никогда не оставлявшая надежды захватить Азербайджан. Поэтому политическая история южного Азербайджана во многом определялась интересами его четырех упомянутых соседей. Внутри же самой страны по-прежнему не было условий для прочного объединения. Борьба велась в основном между отдельными группировками феодальной военно-кочевой знати, господствовавшей в стране. Знать же кочевых племен являлась «своей» лишь для округа своего племени.

В самом большом ханстве южного Азербайджана, Тебризском, в 50-х гг. XVIII в. укрепился Азад-хан, опиравшийся на наемное войско из афганских племен, совершенно чуждых Азербайджану; грабительские действия этих наемных отрядов принесли стране лишь разорение и опустошение. Поэтому не только основная масса населения, но даже городская знать и купечество, всегда заинтересованные в объединении страны, не видели в Азад-хане человека, подходящего для этой цели. Что касается местных владетельных ханов из других кочевых племен, то они готовы были поддержать Азад-хана и вообще кого угодно, когда дело касалось войны /**с. 131**/ с Грузией, но становились его врагами, как только дело касалось их личных владений. Такова была обстановка в южном Азербайджане, когда Керим-хан зенд, разгромив своего главного противника Мухаммед-хасан-хана каджара, убитого своими же вассалами, вступил в южный Азербайджан и сравнительно легко покорил его. Объяснялось это, прежде всего, тем, что население Азербайджана, измученное войнами и грабежами наемников Азад-хана, не оказало никакого сопротивления Керим-хану. Последний же умело использовал обстановку, сложившуюся в Азербайджане. Характерна тактика, которую проводил Керим-хан при завоевании южного Азербайджана. По приказу Керима его войска поголовно истребляли афганскую часть армии Азад-хана, тогда как пленные из числа местных кочевников отпускались на свободу. Например, после решительного поражения Азад-хана по приказу Керим-хана были отпущены кочевники афшары, входившие в состав ополчения Азад-хана, а афганцы поголовно вырезаны (Там же. С. 267). Тем самым Керим-хан выступал как бы в роли освободителя от афганских наемников, со времен Надир-шаха грабивших страну.

После захвата южного Азербайджана Керим-хан сохранил владения почти всем местным владетелям, признавшим себя его вассалами, сохранив внутреннюю самостоятельность ханств, обязанных лишь выплачивать ему ежегодную дань⁵⁶ и лишив их самостоятельности во внешней политике. Период правления Керим-хана был для южного Азербайджана связан с временным прекращением междоусобных войн, оживлением торговли и улучшением экономического положения страны. С Ираклием II грузинским Керим-хан заключил договор, согласно которому, последний признал номинальную власть правителя Ирана над Восточным Арменией и Северо-западным Азербайджаном, но с другой стороны, Керим-хан как бы признал Ереванское, Гянджийское и Карабахское ханства находящимися в сфере влияния грузинского царя (Brosset 1857. P. 218). В дальнейшем между Керим-ханом и Ираклием существовали мирные отношения, основанные, главным образом, на угрозе обем государствам со стороны Турции (Ibidem. P. 218–2358; АВПР, перс. ф., д. 17. Л. 171; д. 479. Л. 111–112).

В тоже время Керим-хан принял в Ширазе противника Ираклия царевича Александра и держал его в качестве возможного претендента на грузинский престол (АВПР, перс. ф., д. 479. Л. 111–112). После смерти Керим-хана зенда (1779 г.) его государство распалось и южноазербайджанские ханы стали вновь самостоятельными. Наиболее сильный из них, умный и энергичный Ахмед-хан думбули хойский (1765–1786) попытался объединить южный Азербайджан. С помощью тебризской городской знати Ахмед-хан в 1785 г. присоединил к своим владениям богатейшее тебризское ханство и стал сильнейшим ханом Азербайджана (Бурнашев 1793. С. 22–25). В своей политике Ахмед-хан пытался найти себе союзников. С этой целью он склонялся в русское подданство (Грамоты и другие исторические документы 1902. С. 43), а с другой /с. 133/ стороны, имея под боком Турцию, заигрывал с пограничными пашами. Во время ереванского восстания 1779–1780 гг. Ахмед-хан толкал Хусейн-хана ереванского на сопротивление Ираклию II, но обстановка на южных и восточных границах Хойского ханства помешала Ахмед-хану оказать помощь ереванскому хану. После смерти Ахмед-хана его объединение распалось.

Особое положение в системе азербайджанских ханств второй половины XVIII в. занимало Шекинское ханство⁵⁷, в состав которого

---

⁵⁶ Например, Ахмед-хан хойский, владевший при Керим-хане округами Салмаса, Хоя и Маранда, выплачивал Керим-хану 12000 туманов в год (Надир-Мирзā 1323/1905–1906. С. 171).

⁵⁷ Поскольку основные особенности политической истории северо-восточных ханств Азербайджана (Кубинско-Дербентского, Шемахинского и Бакинского) изложены во вводной части настоящей главы, мы ограничимся в настоящем разделе, ссылкой на нее, см. стр. 41–54.

входили северные (суннитские) районы Азербайджана и несколько горских округов. Опираясь на союз с вольными обществами Дагестана и аварскими ханами, владетели Шеки оставались независимыми и от Ираклия II и от Кубинского ханства, а иногда переходили к наступательным действиям в Ширване и Кахети. Шекинское ханство в итоге оказалось менее разоренным, нежели Ширван или Карабах; к концу XVIII в. г. Нуха (Шеки) и его округ становятся одним из наиболее экономически развитых районов Азербайджана.

К началу 90-х гг. XVIII в. Азербайджан и Восточная Армения оказались раздробленными на ряд самостоятельных ханств, разной величины и различной политической ориентации. Неудача попыток объединения, предпринятых Ахмед-ханом хойским на юге и Фетх-али-ханом кубинским на севере, еще раз наглядно показали объективную невозможность объединения азербайджанских ханств своими силами. События 90-х гг. XVIII в., связанные с нашествием кад/с. 134/ жарского шаха Ага-Мохаммеда, когда часть владетелей южного и северного Азербайджана, в том числе ханы Ганджийский и Дербентский, исходя из своих личных интересов, перешли на сторону нового завоевателя, показали еще раз, что местные феодалы готовы были, если это им было выгодно, всегда перейти на сторону врага своего народа. Нам кажется, большой ошибкой является стремление некоторых наших историков искать возможных спасителей азербайджанского народа в тех или иных местных ханах, более или менее ориентировавшихся на Россию. Нельзя закрывать глаза на то обстоятельство, что все они преследовали прежде всего личные интересы, интересы своего ханства, которым подчиняли всю свою политику. Практически ориентация на Россию даже наиболее дальновидных и деятельных из них вроде Фетх-али-хана кубинского вызывалась стремлением использовать русскую помощь для захвата соседних земель. В то же время внутренние условия и внутренняя политика того же Фетх-али-хана ничем не отличалась от политики других восточных феодалов, да и не могла отличаться, ибо она диктовалась потребностями владетельных беков, в принципе по своей социальной сущности ничем не отличавшихся от феодалов Турции, Ирана, Средней Азии, и при благоприятных условиях тот же Фетх-али-хан мог бы уподобиться по последствиям своей деятельности тому же Ага-Мохаммеду каджару. Вместе с тем, усиление экономических связей с более развитым Русским государством вызывало тяготение областей Закавказья к России, усиливало ориентацию части населения, наиболее связанной с экономикой (в частности торговокупеческих слоев) к присоединению к России. Исторические документы и факты наглядно подтверждают это. В пользу этого /с. 135/ говорят факты отсутствия сопротивления русским войскам во время их экспедиций в Закавказье, массовая эми-

грация в Россию, в том числе и из владений Фетх-али-хана кубинского (АВПР, перс. ф., д. 13 (1763–1767). Л. 93–96)⁵⁸. Любопытно в этом отношении одно из донесений русским властям на Северном Кавказе от 21 сентября 1770 г. Автор его, чиновник Филатов, характеризуя обстановку, существовавшую в Закавказье, и в частности, во владениях Фетх-али-хана кубинского, писал: «подлые народы (т. е. простой народ. — А. Н.) ожидают с нетерпением (прибытия русских. — А. Н.) и все желают быть подданными России, а знатные, хотя слышат то с некоторым прискорбием, однако же и к сопротивлению никаких приготовлений не имеют» (АВПР, перс. ф., д. 17 (1767–1774 гг.). Л. 256).

Из этого документа, составленного во время русско-турецкой войны, видно, какие слои населения искренне обращали свои надежды к России и чем руководствовались феодалы. Подобного же рода сведения имеются и в других источниках (Гмелин 1771. С. 24). Истинное же отношение даже царских властей к «преданности» азербайджанских ханов России прекрасно выразил еще С.Д. Бурнашев в 80-х гг. XVIII в., когда писал, что владения Фетх-али-хана кубинского ближе всех других к России и поэтому он боится лишиться своих владений. «Сии страхи, — писал Бурнашев, — производят противные в нем между собой вол/с. 136/нения, по первому проникает он к турецким проискам, по второму страха ради наказания уверяет сильно о своей прибрежности к России (подчеркнуто нами. — А. Н.). Вообще всех адредиджанских ханов отдаление и близость к границам обеих империй за исключением вторых причин есть истинная мера их расположения» (Бурнашев 1793. С. 7).

Поэтому, хотя царское правительство и преследовало в своей политике колонизаторские цели, тем не менее объективно присоединение Закавказья к России было прогрессивным и обусловленным актом. В то же время не феодалы и местные ханы являлись выразителями насущных потребностей народов Закавказья. В пользу этого говорит факт бегства многих закавказских беков после присоединения ханств к России в Иран. Поэтому нам кажется, нет никакой необходимости в идеализации азербайджанских феодалов — беков, выражавших узкоклассовые интересы своего сословия.

---

⁵⁸ Документ представляет переговоры по поводу возможного переселения в русские пределы 3000 жителей Дербентского ханства; переговоры велись тайно от Фетх-али-хана.

Сделаем краткие выводы.

1) В начале XVII в. Азербайджан и Восточная Армения вновь вошли в состав Сефевидского государства. Последнее, почти распавшееся к 80-м гг. XVI в., было восстановлено на основе более широкой социальной базы и временно укреплено посредством создания домена, в состав которого вошло до $\frac{1}{3}$ всех земель государства.

2) Сефевидское государство XVII — начала XVIII в. являлось таким же непрочным государством как и ранее. Отличие от XVI в. состояло в том, что теперь центральная власть опиралась не /с. 137/ только на знать кызылбашских племен, но и на феодалов прочих кочевых племен, ее поддерживали местные иранские, азербайджанские, армянские и грузинские феодалы, а также крупное купечество.

3) Власть Сефевидов в Закавказье основывалась на союзе их с местными верхами, существовавшем до конца XVII в.

4) В связи с временной централизацией и прекращением разорительных войн в XVII в. улучшилось экономическое состояние страны.

5) Поэтому, начиная со второй трети XVII в., классовая эксплуатация масс проявляется не в форме активных антифеодальных выступлений, каковые имели место в предыдущий период (наиболее яркий пример — Казвинское восстание 1633 г.), а в своих «мирных» формах (отказ от уплаты налогов, бегство, уход в «разбойники»).

6) Дальнейшее развитие феодальных отношений, приведшее к укреплению феодальной собственности, усилению феодального сепаратизма и распаду домена, а также нарушение союза центральной власти с господствующими классами своего разноплеменного государства приводят к распаду Сефевидской державы.

7) В конкретных условиях первой трети XVIII в., с ухудшением положения непосредственных производителей, усилением религиозного гнета и крахом союза между правящими кругами Закавказья и Сефевидами, в Азербайджане и Восточной Армении поднимаются движения, сложные по своему социальному составу и по программе и требованиям его участников. В период борьбы с вторгнувшимися османскими войсками они приобретают характер национально-освободительной борьбы. /с. 138/

8) В государстве Надир-шаха большинство местных феодалов, вначале поддерживавших нового шаха, с начала 40-х гг. XVIII в. отходит от него и становится к нему в открытую или тайную оппозицию. Это было связано, главным образом, с тем, что эти феодалы потеряли веру в то, что Надир сможет подавить антифеодальные движения, а также с его неудачами во внешней политике.

Однако, после гибели Надир-шаха феодалы (и местные, и кызылбашские) совместными усилиями подавили народные восстания.

9) Положение и состояние полунезависимых ханств второй половины XVIII в. в значительной мере определялись междоусобной борьбой ханств, в которую вмешивались грузинский царь, ханы Ирана, Турция и дагестанские владетели. Основу феодальной раздробленности составляла усилившаяся с начала XVIII в. экономическая децентрализация страны, натурализация хозяйства и укрепление крупной феодальной собственности. В стране не сложилось условий для прочного самостоятельного объединения.

10) Длительные междоусобные войны ханов и усиление феодального гнета привели к ряду больших антифеодальных восстаний. /с. 139/

ГЛАВА II. ГОРОДА АЗЕРБАЙДЖАНА И ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ В XVII–XVIII вв. (ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ)

§ 1. Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII–XVIII вв.

а) Типы городов

В XVII–XVIII вв. на территории Азербайджана и Восточной Армении существовало всего около четырех десятков городов. Все они являлись экономическими (торговыми и ремесленными) центрами — одни в рамках всей Кызылбашской державы (Тебриз, Ереван, Шемаха, Гянджа, Акулис), другие в рамках местных областей (Нахичеван, Баку и др.). В источниках этого времени собственно под городом (армянское *khağakh* — *քաղաք*, фарс.-аз. «шехр» شهر), подразумеваются крупные поселения, являвшиеся не только ремесленными и торговыми центрами, но одновременно обязательно и административно-политическими, а иногда и военными центрами. Наряду с термином شهر для обозначения таких городов употреблялись термины 1) балад بلاد, 2) بلادе балада — последний термин, в современном фарсидском языке означающий «городок» в источниках XVII–XVIII вв. применялся не только к небольшим городам, но и к крупным экономическим и полити/с. 140/ко-административным центрам⁵⁹.

Наряду с городами этого типа, в XVII–XVIII вв., как и в более ранний период, на территории Восточного Закавказья было немало торгово-ремесленных поселений, в экономическом отношении зачастую игравших

⁵⁹ Термин этот в применении к городам Ордубаду и Нахичевану см. в: Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 506, 510, 465. Но там же этот термин применяется в отношении к городу Шемахе, центру Ширвана. Тот же термин [применялся] в отношении города Тебриза (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 308, 513) и города Ганджи (Мухаммад Ма'сум. Л. 123).

более значительную роль, нежели города первого типа, но не являвшихся административно-политическими центрами. Возникали они, как правило, из обычных сельских поселений (аз. *канд* «кенд», арм. *գիւղ* *гюг*) в результате развития их как торговых и ремесленных центров. В источниках города такого типа обозначаются терминами *гюгакаһагакһ* — арм. *գիւղաքաղաք*⁶⁰ или перс.-аз. *قصبه*, мн. ч. *قصبات* «касаба»⁶¹, собственно «местечко». Исторически многие крупнейшие города Закавказья прошли путь развития от подобного рода местечек. Например, Шемаха, политический и экономический центр Ширвана, в XIV в. также являлась «касаба» (Hamd Allāh Mustawfī Qazwīnī 1915. P. 92). И в рас/с. 141/сма-триваемый период можно проследить подобный же процесс. Например, известный город Акулис, который уже в середине XVII в. являлся крупнейшим торговым центром не только в рамках Закавказья, но и в масштабах всей Кызылбашской державы, городом — *քաղաք* в источниках называется лишь с начала XVIII в. (Энтир патмут'ивн Давит' Бёгин 1871. С. 45). Другой пример — Зенджан в южном Азербайджане. В XVII в. в источниках он обозначается термином «касаба», а к началу XIX в. это был большой по тому времени город с 15 000 населения (Gardane 1809. P. 42). В середине XVII в., т. е. в период наибольшего за рассматриваемый отрезок времени экономического расцвета областей Кызылбашского государства, в Азербайджане и Восточной Армении имелось большое количество селений («кенд» — *کند*) с населением в несколько тысяч человек, с базарами и каравансараями. Так, турецкий путешественник этого времени Эвлия Челеби (1611–1679) сообщает, что в округе города Мараги (южный Азербайджан) было ок. 560 деревень (*کند*), подобных большим городам, с мечетями, постоянными дворами (*خان*), банями, рынками (*چارشى*) и базарами (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 269). Тот же источник упоминает село Фаррух-зар (*فرح زار*), в округе Шемахи с 500 домами, мечетью, баней, постоянным двором и небольшим рынком (*سوق مختصرى*), село Аксу в округе Шемахи с 1000 домов. Во всем же Ширване имелось до 200 сел, подобных *قصبه*, с мечетями, банями, рынками (Там же. С. 293–294). /с. 142/

В XVIII в., особенно в период существования в Закавказье полунезависимых ханств, известны случаи, когда местные феодалы-сепаратисты избирали центром своего владения ранее существовавшее сельское поселение, превращая его в административный центр, и возникший таким

⁶⁰ *Գիւղաքաղաք* Карби в Ереванской области — см.: Зак'ареа Саркаваг 1873. С. 171; о *գիւղաքաղաք* Астапате (Нахичеванский край), крупном торговом центре, см.: Абрамян 1941. С. 31.

⁶¹ О *قصبه* Зенджан см.: Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 662, 929. О *ريكال قصبه* (Рикал) с 3000 домов в округе Шемахи см.: Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 298; там же о *كوره قصبه* (Кура) в пределах Дагестана.

путем город становился также и экономическим центром данной округи. Так возникли в XVIII в. города Куба и Шуша. Показательна в этом отношении история восстановления Шемахи. В 1734 г. Надир-шах совершенно разорил этот город, а жителей его переселил на новое место, названное Новой Шемахой. После смерти Надира один из знатных феодалов Ширвана, Меме-Саид, владетель многих деревень, заселил развалины старой Шемахи крестьянами из своих деревень, сделал ее центром своих владений, и позднее был утвержден Керим-ханом зендом в должности хана (Гмелин 1771. С. 90–91). Так возник наряду с Новой Шемахой и город Старая Шемаха.

б) Краткий исторический обзор городов Азербайджана и Восточной Армении в XVII–XVIII вв.

Ниже мы перечислим с кратким историческим обзором все известные нам города, существовавшие в Азербайджане и Восточной Армении в XVII–XVIII вв. Города перечислены по принадлежности их к тому или иному беглярбекотву XVII в.

I. Азербайджан

1. Тебриз. Крупнейшим городом Азербайджана в XVII–XVIII вв. был Тебриз (арм. Таврез, Тавриз — *Թավրիզ*). Тебриз является сравнительно молодым /с. 143/ городом Азербайджана. Во всяком случае, еще арабские и персидские географы X в. упоминают о нем в числе небольших городов (Караулов 1901. С. 5; Ĥudūd al-‘Ālam 1937. P. 142). Однако уже в XIII в. Тебриз стал самым значительным городом Азербайджана и столицей монгольских ильханов. В XV в. он являлся резиденцией государей чернобаранной и белобаранной династий, а в 1501 г. основатель Сефевидской династии Исмаил I, овладев Тебризом, сделал его столицей (*دار السلطنة*) своего государства. Столицей Тебриз считался и после перенесения шахской резиденции в 1548 г. в г. Казвин и даже в XVII в., наряду с Исфаганом и Казвином⁶². В XVI в. Тебриз уступал по числу жителей только Герату (Don Juan 1926. P. 39–43)⁶³ и, возможно, во второй половине XVI в. Казвину (Ibid. P. 39–43). В конце XVI в. в нем было

⁶² Во всех персидских источниках XVII в. эти три города называются «дар-ас-салтане» — столица.

⁶³ Дон Хуан, обиснанившийся [*перешедший в исна‘аширитский ши‘изм* — Примеч. А. А.] кызылбаш из племени байат, приводит численность всех крупнейших городов Кызылбашской державы, однако цифры эти далеки от действительности. Достаточно сказать, что по его данным в Герате было 4 500 000 жителей (в Тебризе 360 000). Поэтому данные дон Хуана применимы лишь для сравнительной оценки численности городского населения XVI в.

ок. 100 000 жителей (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 307). В 80-х гг. XVI в. город сильно пострадал от нашествия османских войск, встретивших мужественное сопротивление со стороны жителей Тебриза. В XVII в. Тебриз по количеству населения, экономическому и политическому значению уступал /с. 144/ лишь Исфагану. Французский путешественник XVII в. Шарден считал, что в Тебризе было 550 000 жителей (Chardin 1811. P. 327). Однако эта цифра несомненно сильно преувеличена, как и вообще почти все подобного рода данные, сообщаемые путешественниками того времени. Сведения о численности населения европейские путешественники получали чаще всего либо от частных лиц, либо сами на глаз приблизительно оценивали численность населения того или иного города. Скорее всего, и в XVII в. в Тебризе было не более 100 000 жителей, что соответствует в общем и численности домов в городе, приводимой тем же Шарденом. Домов же по его сведениям в этом городе было ок. 15 000. Если предположить, что в среднем на дом приходилось по 5–6 человек⁶⁴, то при наличии 15 000 домов, население города составило приблизительно 100 000 человек. Наиболее полное описание Тебриза имеется у турецкого путешественника середины XVII в. Эвлия Челеби (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 246–268). В то время основная часть города, собственно город — شهر была окружена стеной, которая имела в окружности 6 000 шагов. Ко времени Челеби, стена была разрушена (во время войн конца XVI — начала XVII в.) и, несмотря на попытки при Аббасе восстановить ее, очевидно полностью восстановлена не была. В XVII в., однако, еще существовали шесть городских ворот (دروازه) (Там же. С. 246).

Город делился на 9 больших округов (махалов) (Chardin 1811. P. 321). В центре Тебриза находилась большая площадь, на которой турки в конце XVI в. выстраивали для боя 3 000 человек (Ibid. P. 326).

В Тебризе в XVII в. было 160 дервишских обителей, 20 бань, 47 медресе, до 200 (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 250–251), а по другим данным до 300 каравансараев (Chardin 1811. P. 322), ок. 600 школ (مکتب طغلان) (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 250). Тебриз являлся крупнейшим торговым центром, куда сходились торговые пути с юга, востока, севера и запада. По свидетельству англичанина Д. Фрайера, Тебриз в XVII в. был центром торговли шелком для всей северной части Кызылбашского государства (Frayer 1915. P. 15). Город вел в XVII в. торговлю со всем Ираном, Турцией, Средней Азией, Россией, Индией и через Черное море, Россию и Турцию со странами Центральной, Западной и Северной Европы до Швеции (Chardin 1811. P. 328). Богатейшими купцами в Тебризе были были армяне (Tavernier 1681. P. 47).

⁶⁴ Такое количество душ на двор принималось в среднем в конце XVIII — начале XIX в. (Броневский 1823. С. 60).

В Тебризе в XVII–XVIII вв. было несколько больших базаров. Лучший из них был построен еще в XV в. Узун-Хасаном белобаранным и назывался «кайсерийе» — императорский (Chardin 1811. P. 322). Согласно Эвлия Челеби он имел четверо ворот, закрывавшихся на ночь (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 251) /с. 146/

Тебриз в XVIII в. являлся центром производства драгоценных тканей (اقمشه فاخره), шелковых одежд (ثياب حرير) (Там же. С. 254), сафьяна (du Mans 1890. P. 343). По свидетельству Эвлия Челеби, таких красильщиков, портных, мастеров по золоту (زرگر), как в Тебризе не было нигде (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 254). Но особенно славился Тебриз своим шелкоткацким и хлопчатобумажным производством. Шелк привозился в основном из соседнего Гиляна, а хлопок был местный, азербайджанский⁶⁵. В 60-х–70-х гг. XVII в. в городе перерабатывалось 6 000 тюков хлопка в год (Chardin 1811. P. 237–238). Большую роль в экономике города играло садоводство, а также огородничество и отчасти зерновое земледелие (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 254). Тебриз сам снабжал себя фруктами и овощами⁶⁶. Хлеб же, и особенно рис, ввозился из других районов Азербайджана и Гиляна (Белл 1776. С. 70).

Крупнейшим городом Азербайджана Тебриз оставался и в XVIII в. Проезжавший через него в 1717 г. русский послан/с. 147/ник А.П. Волынский отмечал, что в его время это был большой город до пяти верст в длину на одну версту в ширину (Зевакин 1929. С. 17). Численность населения Тебриза в первой половине XVIII в. была приблизительно та же, что и в XVII в. Описания современников дают основание считать, что и в XVIII в. (Cerceau 1740. P. 26) Тебриз оставался по-прежнему экономическим центром южного Азербайджана. В одном из анонимных описаний Тебриза первой четверти XVIII в. указывается, что город славился своим производством шелковых и хлопчатобумажных тканей, и число ткачей в нем было большим, нежели представителей других ремесел (Der allerneueste Staat 1725. S. 314).

В другом описании первой половины XVIII в. перечисляются эти же виды производства и добавляется, что ежегодно в Тебризе перерабатывалось до 10 000 тюков шелка (Pithander 1738. S. 708). Это говорит о том, что несмотря на жестокие войны и нашествия того времени, экономическая жизнь города не прекращалась. Французский дипломат второй половины XVIII в. Ферьер-Совбеф также писал, что и в его время (80-е гг.

⁶⁵ О развитии хлопководства во многих районах Азербайджана упоминали Эвлия Челеби (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 236–237, 254, 277, 287, 297), Адам Олеарий (Олеарий 1870. С. 738) и др.

⁶⁶ Это было присуще большинству городов Среднего и Ближнего Востока. Даже такой огромный город как Стамбул не составлял исключения (Новейшие исторические 1828. С. 50).

XVIII в.) Тебриз оставался центром торговли шелком, в нем процветали шелковые мануфактуры, «рынки содержались в хорошем состоянии и лавки были полны товаров всякого рода» (Ferrières de Sauvebeuf 1790. P. 3). Тем не менее, разорительные войны XVIII в. и связанный с ними упадок производительных сил и торговли в стране не прошли бесследно. К началу /с. 148/ XIX в. сократилась численность населения и размеры города. Путешественник Г. Друвиль отмечал, что остатки старых стен находились теперь в 2–4 милях от города (Друвиль 1826. С. 58). Численность населения Тебриза составляла 50 000 жителей (Jaubert 1821. P. 158).

2. Ардебиль — древнее Тебриза. В X в. он уже был самым большим городом Азербайджана (Ал-Истахри, цит. по изд.: Караулов 1901. С. 3), а анонимная персидская география X в. называет его столицей страны (Hudūd al-‘Ālam 1937. P. 142). Во время монгольского нашествия в XIII в. он, подобно большинству других городов, был разрушен, и население его было почти полностью перебито (Рашид-ад-дин 1946. С. 308). В XIV в. Ардебиль стал центром духовного феодального княжества шейхов Сефевидов. В особом, привилегированном положении он оставался и в XVI–XVII вв. Гробница основателя Сефевидской династии шейха Сефи-ад-дина уступала по своим богатствам лишь мазару Имам Резы в городе Мешхеде (Петрушевский 1947). В XVII–XVIII вв. Ардебиль играл большую роль в торговле страны. Будучи расположен на пути транзита шелка из Гиляна и Ширвана в Тебриз и далее в Иран, Ардебиль получал от этого большую выгоду (Tavernier 1677. P. 61). Поэтому и ардебильские /с. 149/ купцы были известны далеко за пределами Азербайджана. Ардебильский майдан (Олеарий 1870. С. 583) был одним из оживленнейших рынков в стране. Среди населения города в XVII в. значительный процент составляли армяне, имевшие в городе свой особый квартал (de Bruin 1718. P. 173). Армянское население было переселено в Ардебиль в 1604 г. Аббасом I из Восточной Армении (A Chronicle of the Carmelites in Persia 1939. P. 116; Zakaria Diacres 1876. P. 15).

В отличие от всех остальных городов Азербайджана, Ардебиль не был непосредственно затронут войнами и бедствиями конца XVI — начала XVII в. и поэтому даже в 1604 г. он мог удивлять проезжавшую через него кармелитскую духовную миссию своей населенностью и хорошим видом (A Chronicle of the Carmelites in Persia 1939. P. 116). Вообще же, по числу своих садов Ардебиль стоял на одном из первых мест в Азербайджане; город буквально утопал в садах (Evliya Çelebi 1949. S. 79). О численности населения Ардебиля мы не имеем никаких данных, хотя известно, что он в XVII в. был больше Шемахи (Олеарий 1870. С. 583) и уступал лишь Тебризу. Расположенный далеко от границы, Ардебиль не имел крепости или каких-либо укреплений (della Valle 1745. P. 126; Котов 1852. С. 5).

Свое значение как центра торговли шелком Ардебиль сохранил и в конце XVII в. (Ferrières de Sauvebœuf 1790. P. 4). /с. 150/

3. Марага — один из древнейших городов Азербайджана. Уже в X в. это был большой город, уступавший по величине лишь Ардебилу (Ал-Истахри, цит. по изд.: Караулов 1901. С. 5; *Ḥudūd al-‘Ālam* 1937. P. 142). В XVII в. в Мараге сидел султан, подчинявшийся тебризскому беглярбеку. В городе было 7160 глиняных домов, 11 мечетей, 40 постоялых дворов (ханов), 40 дервишеских текке, 11 бань и до 3000 дукканов (лавок ремесленников и мелких торговцев) (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 269). Марага была известна как центр ткацкого производства (Там же. С. 268).

4. Хой — в XVII–XVIII вв. находился во владении у наследственных глав курдского племени думбули, в XVII в. именовавшихся султанами (Там же. С. 277), а в XVIII в. ханами. После смерти Надир-шаха, усилившиеся хойские ханы (Шахбаз-хан, а с 1765 г. Ахмед-хан) стали одними из сильнейших ханов Азербайджана. В XVII в., по данным Эвлии Челеби, в Хое было до 7 000 домов (ок. 40 000 жителей) и до 1000 дукканов (Там же. С. 277). Город сильно пострадал от турецкого нашествия в 1724 г. (Архив армянской истории 1912. С. 131). Во второй половине XVIII в. численность населения его уменьшилась. В начале XIX в. она составляла ок. 5000 человек (Gardane 1809. P. 33).

5. Урмия — уже в X в. была большим городом (Ал-Истахри, цит. по изд.: Караулов 1901. С. 5; *Ḥudūd al-‘Ālam* 1937. P. 143). В рассматриваемое время играла значительную роль в жизни Южного Азербайджана. В XVII в. это был цветущий город, изоби/c. 151/люющий садами, с 8 мечетями, 6 медресе, 3 текке, 40 школами для детей (*sebyan mektebi*) и 1 баней (Eвлиya Çelebi 1949. S. 71). Управлялся в XVII–XVIII вв. ханами из племени афшар, кочевья которых расположены в этом районе. В середине XVIII в. хан Урмии Фетх-али-хан был одним из сильнейших в Азербайджане.

6. Тесви (Тесвидж) — в XVII в. большой город (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 242; о нем упоминает и Адам Олеарий: Олеарий 1870. С. 700), подчинявшийся султану Маранда, с 3000 домов, 7 мечетями, 3 банями и 6 ханами (постоялыми дворами) (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 242). В XVIII в. не упоминается в источниках.

7. Маранд — в X в. был небольшим городком как и Тебриз (Ал-Истахри, цит. по изд.: Караулов 1901. С. 5; *Ḥudūd al-‘Ālam* 1937. P. 143). В XVII в. это был большой город с 3 000 домов, 7 мечетями, 3 ханами, 5 банями и 600 лавками (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 242). Во второй половине XVIII — начале XIX в. являлся сравнительно небольшим городком, отличавшимся от большинства других городов Азербайджана своей чистотой и изобилием зеленых насаждений (de Kotzebuë 1819. P. 123).

8. Уджан — один из древнейших городов Азербайджана (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 270), в X в. был небольшим городом местного значения (Ал-Истахри, цит. по изд.: Караулов 1901. С. 5). В XVII в. — большой город с 3000 домов, 7 мечетями, 3 банями, 7 караван-сараями (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 270). Население города и его округи занималось хлопководством и обработкой хлопка (Там же. С. 269). В XVIII в. в /с. 152/ источниках не упоминается.

9. Кахран — کهروان. В XVII в. большой город со старинной крепостью, с 7000 домов, 7 банями, 11 ханами и 800 лавками. Город славился садами, каллиграфами, производством тканей и производством покрывал (چارشب). В XVIII в. в источниках не упоминается.

10. Бастан — بهستان. В округе Хоя, в древности был большим городом, но в XVII в. упоминается Эвлия Челеби в числе маленьких городков (بلاده صغيره) с 1000 домов, 3 мечетями, 1 ханом, 1 баней, небольшим рынком, с многочисленными садами (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 271–272). В XVIII в. в источниках не упоминается.

11. Зенджан в XVII в. был небольшим городком типа «касаба» قصبه (Там же. С. 278). В начале XVIII в. русский посланник А.П. Волынский, проезжавший Зенджан, охарактеризовал его как «худую деревню», тогда как другой участник его посольства отмечал, что в этом городе имелся «презрядный рынок» (Зевакин 1929. С. 18; Белл 1776. С. 76). Во второй половине XVIII в. Зенджан растет и к началу XIX в. становится одним из крупнейших городов Южного Азербайджана с 15 000 жителей. Город славился своим производством парчи (Gardane 1809. P. 42).

12. Чорс — в XVII в. был одной из сильнейших крепостей в Азербайджане. В городе было до 7000 домов, 11 мечетей (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 278). /с. 153/

13. Шуркели — شورکلی — город в Южном Азербайджане в районе Хоя, по свидетельству Эвлия Челеби, некогда был большим и известным городом, но к XVII в. потерял свое значение, хотя по прежнему считался городом и управлялся особым султаном. В городе имелась мечеть, хан, баня и небольшой рынок سوق مختصری (Там же. С. 279–280). В источниках XVIII в. не упоминается.

14. Султание — в XVII в. довольно большой город с 6 000 жителей (Олеарий 1870. С. 608). Как и многие другие города внутренней части страны, не имел укреплений (della Valle 1745. P. 61; de Bruin 1718. P. 177). Упадок города начался уже в конце XVII — начале XVIII в. А.П. Волынский, проезжая Султание, отмечал, что в его время это был город с 1500 домов, значительная часть которых пустовала (Зевакин 1929. С. 18).

Тем не менее, в начале XVIII в. это был еще большой город, расположенный на караванной дороге из Тебриза на юг, с 10 караван-сараями и базаром (de Bruin 1718. P. 177). Район Султание славился как

центр хлопководства (Ibid. P. 178). Затем город, по-видимому, сильно пострадал от междоусобий и войн XVIII в., а также от резкого сокращения торговли с Северным Азербайджаном, Грузией и Гилянсом в середине XVIII в., во время войн коалиции южноазербайджанских ханов с Грузией и ее союзниками на севере. И в дальнейшем, на протяжении всей /с. 154/ второй половины XVIII в. состояние торговли Южного Азербайджана и северо-западного Ирана с территориями к северу от Аракса постоянно зависело от умения местных ханов ладить друг о другом. Все это привело к тому, что к началу XIX в. в Султанье осталось не более 80 обитаемых домов (Gardane 1809. P. 42).

15. Салмас — один из древнейших городов страны (Ал-Истахри, цит. по изд.: Караулов 1901. С. 5; Ḥudūd al-‘Ālam 1937. P. 143). В XVII–XVIII вв. совместно с Хоем являлся центром владений глав племени думбули. Судя по данным начала XIX в., основная масса жителей его состояла из армян и курдов-несториан (Подробное описание Персии 1839. Ч. II. С. 43).

16. Миане — известен из арабских источников с IX–X вв. (в форме Мианедж (ميانج) встречается у Ал-Истахри, цит. по изд.: Караулов 1901. С. 4). В XVII–XVIII вв. был городом средней величины.

17. Шебистер (Чебистер), по-видимому, в XVII–XVIII вв. был небольшим городком типа «касаба». В конце XVIII — начале XIX в. в нем было ок. 100 домов. Основным занятием жителей было хлопководство и виноградарство (Gardane 1809. P. 35), а также производство ковров и торговли (Подробное описание Персии 1839. Ч. II. С. 43).

Кроме этих городов в южном Азербайджане был, особенно в XVII в., ряд других городков типа «касаба», о суще/с. 155/ствотворении которых можно лишь предполагать на основании описаний Эвлия Челеби, Адама Олеария и некоторым другим.

II. Ширван

В данном случае мы относим к Ширвану и ту часть Северного Азербайджана, которая в XVI в. именовалась Шеки, но затем вошла в состав Ширванского беглярбекства. В XVIII в. в него входили ханства Дербентское (частично), Кубинское, Шекинское, Шемахинское, Бакинское.

1. Шемаха — упоминается в форме Шемахие (شماخيه) у арабских географов IX–X вв. (Ал-Истахри, цит. по изд.: Караулов 1901. С. 15). Однако в XVI в. это был небольшой городок типа «касаба» (Ḥamd Allāh Mustawfī Qazwīnī 1915. P. 92). Хамдуллах Казвини (XIV в.) относил основание Шемахи к сасанидским временам (Ibid. P. 92).

В XV в. Шемаха становится экономическим и политическим центром Ширвана. Этому немало способствовало то обстоятельство, что Шемаха была расположена в центре шелководческих районов Ширвана, и

сам город являлся крупным центром по переработке шелка, а также по сбыту его в другие области Закавказья, Ирана и зарубежные страны. В 1604 г. во время взятия Шемахи войсками Аббаса I город сильно пострадал, т. к. часть шемахинской знати ориентировалась на турок и помогала им. По свидетельству кармелитских миссионеров, проезжавших Шемаху вскоре после этого события, войска Аббаса I вырезали всех защитников верхней шемахинской крепости, расположенной на горе над /с. 156/ основной частью города, не пощадив ни детей, ни женщин, а сам город после шестимесячной осады (*A Chronicle of the Carmelites in Persia* 1939. P. 114–115) был буквально сравнен с землей. Вскоре после этого город был вновь восстановлен, хотя и без ремонта укреплений, и сделался центром большого Ширванского беглярбекства. Город был отстроен и опять стал крупнейшим торговым и промышленным центром Ширвана. Русский купец Ф.А. Котов, проезжавший Шемаху в 1623 г., писал, что основная хозяйственная часть города («посад» и «гостинные ряды», т. е. торговая площадь) была за пределами городских укреплений («города»). Всего во времена Котова в Шемахе было 7 караван-сараяев, в которых торговали купцы азербайджанские и персидские («тезичи»), армянские, русские и др. (Котов 1852. С. 4). К 30-м гг. XVII в. город был полностью восстановлен. Согласно Адаму Олеарию (30-е гг. XVII в.), Шемаха состояла из двух больших частей, меньшая из которых (северная) по его оценке равнялась г. Лейпцигу (в Саксонии). В южной части города был большой базар с крытыми улицами. На базаре было 2 «окладочных дома» (караван-сарая), в одном из которых находились большей частью русские купцы, а в другом — дагестанские («черкесы»). Последние вели в то время главным образом торговлю рабами. В городе было 6 мечетей и 3 бани (Олеарий 1870. С. 553–555). По данным Эвлия Челеби, в Шемахе было до 7 000 домов, большая часть которых была построена из глины, 7 медресе, 40 детских школ и 7 бань (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 296). /с. 157/

Шемахинские медресе в XVII в. считались одними из лучших в государстве (наряду с медресе Исфагана, Шираза, Ардебиля, Мешхеда, Тебриза, Казвина, Решта и Кума — Олеарий 1870. С. 814). Город Шемаха, как и большинство других городов, был весь в садах (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 296). В 1666 г. город сильно пострадал от большого землетрясения, во время которого погибло много людей и была разрушена большая часть зданий (Исаһак вардапети жаманакагрут'йун 1951. С. 303). Но уже через 3–4 года Шемаха была восстановлена в прежнем виде (Стрейс 1935. С. 245). Свое значение Шемаха сохраняла и во второй половине XVII в. Описание шемахинского базара К. Брюна говорит о том, что в начале XVIII в. Шемаха была городом с развитым ремеслом и торговлей, которая производилась на нескольких городских

базарах. Базары были крытые и делились на несколько рядов каждый (de Bruin 1718. P. 152–153). В 1711 г. Шемаха впервые подверглась нападению горских феодалов и сильно пострадала от него. Тем не менее, еще в втором десятилетии XVIII в. Шемаха являлась большим городом. А.П. Вольтер (1717 г.) считал, что она составляла около двух верст в длину и версту в ширину (Зевакин 1929. С. 17). Другой член русского посольства Волынского, И. Белл в своем описании Шемахи отмечал, что город и в его время был важнейшим центром торговли шелком и хлопком. Шелк закупали в большом числе представители английских и голландских факто/с. 158/рий, находившихся в Исфгани и отправляли в Европу, в основном через Алеппо (Bell 1787. S. 96). В другом описании Шемахи того же времени также говорится, что в городе шла оживленная торговля шелковыми и хлопчатобумажными тканями, а также коврами, золотыми и серебряными тканями (Pithander 1738. S. 705–706). В обмен на эти товары русские купцы сбывали в Шемахе цинк, медь, свинец, различные меха (Ibid. S. 705–706).

Гораздо более серьезные последствия для экономики города имело второе взятие Шемахи горскими феодалами в 1720 г. Город подвергся страшному разгрому. Особенно пострадали местные и приезжие купцы, тем более что к горцам, в рядах которых были и повстанцы северных районов Ширвана, присоединилась и часть местного населения, и совместно с пришельцами учинила разгром купеческих дворов и караван-сараяв (Hassan Dchalalians 1876. P. 210–211). Были разгромлены и шемахинские фабрики (Гербер 1760. С. 222–223)⁶⁷. После этого разгрома город захирел. К тому же внешнеполитические события 20-х гг. XVIII в. способствовали тому, что резко сократилась внешняя торговля. После 1720 г. Шемаха попала под власть турецких ставленников Давуд-хана и Сурхай-хана, которые истожили Шемаху налогами, а к армянскому и еврейскому населению города применяли особые меры, унижавшие человеческое достоинство (Гербер 1760. С. 304). Раз/с. 159/дел Закавказья между Турцией и Россией в 1724 г. также неблагоприятно отразился на положении страны и Шемахи в частности, тем более что при обострении отношений с Турцией русские власти накладывали запрет на вывоз хлеба из районов, отошедших к России, в Шемаху (Там же. С. 215). В дальнейшем, в 1734 г., Надир-шах, овладев Шемахой, разорил ее до основания, а оставшихся жителей переселил на расстояние восьми часов езды на новое место, и назвал это поселение Новой Шемахой (Abraham de Crète 1876. P. 309). Новая Шемаха вскоре превратилась в большой торгово-ремесленный центр и уже в середине 40-х гг. XVIII в. была богаче Дербента и Баку, т. е. стала первым городом Ширвана (Hanway

---

⁶⁷ О подобных «фабриках» см. ниже, [с. 244–247].

1753. Р. 386). Вскоре после смерти Надира была восстановлена и старая Шемаха⁶⁸. В 1761 г. хан Старой Шемахи Меме-Саид захватил с помощью знати города и Новую Шемаху. Через несколько лет Шемахинское ханство было захвачено Фетх-али-ханом кубинско-дербентским, а в 1769 г. последний разрушил Новую Шемаху, а жителей перевел в Старую. Одной из важнейших причин этого поступка была боязнь восстаний в этой части Ширвана (Гмелин 1771. С. 94). Несомненно, что в одном городе Фетх-али-хану было легче уследить за возможными возмущениями и не было необходимости держать два сильных гарнизона в двух больших городах. Однако и положение Ста/с. 160/рой Шемахи было тяжелым. После нескольких восстаний в городе, Фетх-али-хан переселил часть жителей в Дербент и Кубу, оставшуюся же часть населения, обложил огромными неурегулированными податями (Там же. С. 97–99). Знаменитая шелкоткацкая промышленность Шемахи, возродившаяся даже после разгрома города Надир-шахом, теперь была практически уничтожена и лучшие ремесленники бежали в Тебриз (Там же. С. 101–102). Могушественное купечество города, стоявшее в оппозиции к новому властелину, было подвергнуто репрессиям (Там же. С. 96–97). В городе ок. 1770 г. было немного более 1000 семей (Там же. С. 96). Проф. Гмелин, побывавший в эти годы в Шемахе, отмечал, что в город почти перестали приезжать иностранные купцы (Там же. С. 101), тогда как прежде в Шемаху приезжала торговцы из Турции, Грузии, Ирана, России, Индии. Однако политика Фетх-али-хана в отношении Шемахи, как и почти все его начинания, потерпела крах. После смерти этого хана (1789 г.) Шемаханское ханство вновь стало самостоятельным и Новая Шемаха опять заселилась, в 1795 г. в ней было до 10 000 жителей (Подробное описание Персии 1839. Ч. II. С. 36)⁶⁹, тогда как Старая Шемаха, разоренная Фетх-али-ханом и в первой трети XIX в. была в развалинах (Подробное описание Персии 1839. Ч. II. С. 38). Что же касается шелкоткацкой промышленности Ше/с. 161/махи, то она оставалась в упадке и в начале XIX в. (Броневский 1823. С. 432).

2. Дербент — دربند (Баб-аль-абваб باب البواب , دمیرکپو — Демиркапу) один из древнейших городов Закавказья, расположенный на старом пути, соединявшем области Предкавказья со странами, расположенными за Главным Кавказским хребтом. В X в. Дербент был больше крупнейшего города Азербайджана, Ардебилля, и славился производством полотняных тканей (Ал-Истахри, цит. по изд.: Караулов 1901. С. 11; Ḥudūd al-‘Ālam 1937. Р. 145). В последующие века он переходил из рук одних завоевателей к другим, ибо тот, кто владел этим городом, владел

⁶⁸ Выше, см. [с. 143].

⁶⁹ Согласно С. Броневскому, в начале XIX в. в Новой Шемахе было 4000–5000 жителей (Броневский 1823. С. 432).

дорогой в Закавказье. Древняя дербентская крепость являлась самой мощной системой укреплений в Закавказье. В начале XVII в. Дербентом с помощью знати города овладел Аббас I и поставил в нем кызылбашский гарнизон. Дербент в XVII в. служил основным опорным пунктом Сефевидов по отношению к Дагестану. Но в XVII в. Дербент играл роль и крупного торгового центра. Сюда приезжали для торговли русские, среднеазиатские и даже китайские купцы, и дербентская портовая таможня давала значительный доход казне (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 310–311). Торговля велась в основном шелком и рабами, которых поставляли из Дагестана (Стрейс 1935. С. 236). В 1722 г. перед угрозой нашествия дагестанских феодалов и их покровителей турок, главы Дербента сдали город войскам Петра I. После гибели Надир-шаха в Дербенте первоначально утвердился местный Мухаммед-Хусейн-Хан, но в нача/с. 162/ле 60-х гг. XVIII в. городом овладел с помощью местной знати соседний кубинский Фетх-али-хан. После этого Дербент становится вторым центром его владений, и в источниках Фетх-али-хан нередко именуется просто дербентским ханом (АВПР, ф. перс., д. 15 (1765–1796). Л. 4, 5, 40; Абӯ-л-Ҳасан Гулистанӣ 1359/1941. С. 161). Дербент, как и Куба, занимал особое, привилегированное положение в государстве Фетх-али-хана, и дербентская знать была верной опорой этого правителя, поддерживая его во всех его мероприятиях (Абӯ-л-Ҳасан Гулистанӣ 1359/1941. С. 162–163). Поэтому Дербент в 70-х–80-х гг. XVIII в. растет, и население его увеличивается. В 1796 г. в Дербенте было 2189 домов, имелся монетный двор, 15 мечетей, 6 караван-сараяв, 450 лавок, 30 шелковых фабрик, 113 хлопчатобумажных фабрик и 50 «разных мастерских лавок». Жителей в городе было ок. 10 000 (Бронеvский 1823. С. 337–338), т. е. Дербент превосходил в это время по численности населения все остальные города Северного Азербайджана. По национальному признаку население Дербента делилось на азербайджанцев (большая часть) и армян (Там же. С. 338). Можно предполагать, что часть населения города составляли таты (горские евреи).

3. Баку — как сравнительно небольшой городок в районе нефтяных источников упоминается у географов X в. (Ал-Истахри, цит. по изд.: Караулов 1901. С. 25; *Ḥudūd al-‘Ālam* 1937. P. 145). В XV–XVI вв. Бакинская крепость была одной из сильнейших в Закавказье (Искандарбик туркемāн Муншӣ 1376/1956–1957. С. 27). В начале XVII в. (1604 г.) Баку был почти /с. 163/ полностью разрушен при взятии его кызылбашами Абасса I (*A Chronicle of the Carmelites in Persia* 1939. P. 113–114). В XVII в. Баку управлялся особым ханом, подчинявшимся ширванскому беглярбеку (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 302). Город являлся крупным торговым городом на Каспийском море, и в XVII в. через него возились шемахинский шелк-сырец и шелковые и хлопчатобумажные

ткани. В Баку в середине XVII в. имелась большая рыночная площадь и базар. Город был окружен стенами, имевшей трое ворот, из которых южные назывались Гилянскими (Там же. С. 300–301). Кроме товаров, привозимых из внутренней части страны, в XVII в., как и ранее, значительную долю бакинского экспорта составляла нефть, вывозившаяся в Среднюю Азию, Иран, Грузию, Дагестан, Турцию, Индию и другие страны (Там же. С. 303). Торговое значение Баку росло на протяжении XVII–XVIII вв. Объяснялось это в значительной степени тем, что бакинский порт был гораздо более удобен для стоянки судов (Соймонов 1763. С. 93; Лерхе 1790. С. 30), нежели, например, Дербентский, где суда должны были стоять на расстоянии 2–3 миль от берега. В 1723 г. Баку после небольшого сопротивления был сдан русским войскам; при этом во время осады крепости сильно пострадали бакинские предместья, т. е. та часть города, которая была расположена вне городской стены (Лерхе 1790. С. 30). Эта часть города не была восстановлена и через десять лет (Там же. С. 30). В 30-х гг. XVIII в. Баку был небольшим городом, ок. ½ версты в /с. 164/ длину (Соймонов 1763. С. 166). События 20-х–40-х гг. XVIII в. сильно отразились на состоянии городской и особенно транзитной торговли. Уже с 1723 г. два больших бакинских караван-сарая пустовали, и в них после взятия города были размещены русские солдаты (Нанвай 1753. Р. 377, 378). Прежде в Баку приезжало множество иностранных купцов, существовала постоянная колония индийских купцов, которые вместе с армянскими купцами были богатейшими торговцами города. Через посредничество этих купцов в год через Баку вывозилось до 400 тюков шелка по 25 батманов каждый. В 40-х гг. XVIII в. вывоз шелка, особенно с 1740 по 1747 гг., т. е. в последние годы владычества Надир-шаха, почти прекратился.

После смерти Надир-шаха Бакинское ханство стало самостоятельным, но в 60-х гг. XVIII в. было поставлено в вассальную зависимость от Фетх-али-хана кубинского, в государстве которого оно находилось, правда, в лучшем положении, нежели Шемаха, но в значительно худшем, чем основные земли Фетх-али-хана — Куба и Дербент (Гмелин 1771. С. 84). Бакинский хан был одним из богатейших в Ширване. Кроме больших доходов от нефтяных источников, он получал немалую выгоду от транзитной торговли через Бакинский порт, а также от выращиваемого в округе Баку хлопка и опийного мака (Reineggs 1807. Vol. I. P. 164). Торговая роль Баку во второй половине XVIII в. была еще большей, чем ранее. /с. 165/

В конце XVIII в. через Баку только в Астрахань вывозилось ок. 400 т ширванского шелка (Forster 1798. P. 228). Вновь стала процветать и колония индийских купцов (Ibid.). Численность населения к концу столетия увеличилась и в начале XIX в. составляла 3000 человек (Бронев-

ский 1823. С. 401). Во второй половине XVIII в. можно отметить еще большее увеличение роли Баку как промежуточного порта между Гиляном и Мазендераном с одной стороны и Астраханью с другой. Торговые суда обычно совершали свои рейсы вдоль побережья, и важнейшей промежуточной остановкой был Бакинский порт (АВПР, ф. перс., д. 470. Л. 112–118, 166–167, 186–187).

4. Шабран⁷⁰ — один из древнейших городов Ширвана, в X в. являвшийся даже столицей его (Ḥudūd al-‘Ālam 1937. P. 145). Согласно Хамдуллаху Казвини, основание его относилось к сасанидским временам (Ḥamd Allāh Mustawfī Qazwīnī 1915. P. 92). В XVII в. Шабран был одним из крупнейших городов Азербайджана (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 305). Город и его округ славился своим рисом, который был здесь дешевле, чем в других местностях Ширвана (Стрейс 1935. С. 243). Шабран был подвергнут страшному разгрому со стороны горских феодалов в начале 20-х гг. XVIII в. (Лерхе 1790. С. 25–26). В 1728 г. он представлял из себя местечко с несколькими шелковыми фабриками (Гербер 1760. С. 214). Окончательно разрушен он был, очевидно, во время войн /с. 166/ 30-х–40-х гг. XVIII в. и с тех пор восстановлен не был. Проф. Гмелин в начале 70-х гг. XVIII в. не видел на развалинах Шабрана ни одного человека (Гмелин 1771. С. 52).

5. Ареш — как город возник, очевидно, не ранее XV в. В XVII в. был большим городом с 10 000 домов, 40 мечетями, 16 банями, 800 лавками, 17 кофейнями (قهوه خانه) и большим торговым ханом (постоялым двором) (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 287–289). В это время Ареш являлся административным и хозяйственным центром северо-западного Ширвана, и арешскому хану подчинялся даже султан старого города Шеки (Там же. С. 289). По-видимому, город этот пришел в упадок во время войн 20-х–40-х гг. XVIII в., ибо в источниках XVIII в. о нем не упоминается.

6. Нияз-абад — в XVII в. город (شهر). Управлялся султаном. В городе был рынок, хан, мечеть, баня (Там же. С. 292). Окончательно был разрушен в 20-х гг. XVIII в., во всяком случае после этого там некоторое время жителей не было, а приезжие купцы жили в шалашах (Соймонов 1763. С. 37)⁷¹.

7. Кабала — одно из древнейших поселений в северном Азербайджане, упоминается еще у Птолея (Ḥudūd al-‘Ālam 1937. P. 402)⁷². Из сочинений географов X в. видно, что это был в то время большой и

⁷⁰ Два раза в этом абзаце написан через «щ» — Шабран, что явная опечатка. Название Шибран сейчас носит бывший город Дивичи, возникший на месте одного из предместий средневекового Шабрана. — *Примеч. А. А.*

⁷¹ Сейчас пос. Ниязоба Хачмасского района Азербайджана. — *Примеч. А. А.*

⁷² Городище Чухур-Габала (Старая Кабала) в Габалинском районе Азербайджана. — *Примеч. А. А.*

цветущий город (Ал-Истахри, цит. по изд.: Караулов 1901. С. 16; Hudūd al-‘Ālam 1937. P. 144). В XVII в. Кабала являлась небольшим городом с силь/с. 167/ной крепостью. В XVIII в. Кабала была центром шелководческого района, но сама, очевидно, являлась небольшим городком «касаба».

8. Рикал — رڪال , в XVII в. большая «касаба» в округе Шабрана с 3000 домов, рынком, мечетью, ханом и баней (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 299). В источниках XVIII в. не упоминается.

9. Шеки — в X в. был цветущим городом (Hudūd al-‘Ālam 1937. P. 144). В XV — середине XVI в. центр самостоятельного Шекинского ханства, правящая династия которого являлась ветвью ширваншахов (Искандар-бик туркеман Муншй 1376/1956–1957. С. 82). В XVII в. потерял свое значение, уступив первое место в этой части страны Арешу, тем не менее, в середине этого столетия был еще большим городом с 3000 домов, но с признаками начавшегося упадка (например, городские мечети были разрушены — можно предполагать сефевидскими войсками, т. к. население Шеки, в основном, исповедывало ислам суннитского толка) (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 289). В первой половине XVIII в. население Шеки принимало активное участие в восстаниях против местных ханов-шиитов и Надир-шаха. Во второй половине XVIII в. Шеки под другим названием «Нуха» являлся центром сильного Шекинского ханства.

Город становится экономическим центром этой части Азербайджана, ведет активную торговлю с Грузией, другими частями Азербайджана и особенно с Дагестаном. В 70-х–80-х гг. XVIII в. в Нухе было еще ок. 300 домов (ок. 2000 жителей), а в /с. 168/ начале XIX в. население этого города составляло 6 000 человек и Нуха в определенной степени заменила Шемаху в качестве центра шелкоткацкой промышленности. Кроме того, в Нухе было развито изготовление ковров и суконное производство (Reineggs 1807. Vol. I. P. 191).

10. Куба — как город, очевидно, возник лишь в первой половине или даже в середине XVIII в. Поселение на его месте несомненно существовало раньше. Во второй половине XVII в. один из племянников усмия Кайтагского, Махрум-хан, поссорившись со своим дядей, бежал в местечко Худат, относившееся к Дербентскому султанству, и был утвержден владельцем этого округа, население которого, в основном, было дагестанским. Один из его преемников (или сын Мухаммед-али-хан, или внук Ахмед-хан I) перенес свою резиденцию на юг, где и возник позднее город Куба (Броневский 1823. С. 440). Кубинские (Худатские) ханы были верными сторонниками Сефевидов, и Ахмед-хан I во время восстания лезгин и других горских народов в 1711 г. был убит восставшими, а его сын Хусейн-хан бежал в Исфаган, где выдвинулся при шахском дворе и с помощью правителя Дербента вновь утвердился в Кубе, а вскоре присоединил к своим владениям и Сальянский округ. Его преемники Ахмед-

хан II и Хусейн-али-хан являлись верными сторонниками Надир-шаха до самой смерти последнего и были утверждены им во владении Кубы и Сальян (Reineggs 1807. Vol. I. P. 139–141). Очевидно, лишь с середины XVIII в. Ку/с. 169/бу можно назвать городом, тогда как до этого времени она, скорее всего, была просто укрепленной деревней. Еще в конце 60-х — начале 70-х гг. Куба была небольшим городком около версты в окружности (Гмелин 1771. С. 49). Даже в 80-х гг., в период наибольшего усиления Фетх-али-хана кубинско-дербентского, в этом городе было всего 430 домов (Reineggs 1807. Vol. I. P. 159). В 1796 г. в Кубе было уже 600 домов (Абдуллаев 1958. С. 193). Покровительственная политика кубинских ханов, особенно Фетх-али-хана, помогла вырасти этому городу, хотя он и в конце XVIII и в начале XIX в. уступал Дербенту и Шемахе, не говоря уже о Тебризе.

III. Карабах

1. Гянджа — в источниках X в. упоминается как большой и цветущий город (Ал-Истахри, цит. по изд.: Караулов 1901. С. 16; *Ḥudūd al-ʿĀlam* 1937. P. 144). Хамдуллах Казвини относил его основание к 93 г. х. (715 г.) (*Ḥamd Allāh Mustawfī Qazwīnī* 1915. P. 91). В XVII в. был большим городом, центром Карабахского беглярбекства. В 1624 г. город был разгромлен восставшими грузинами во главе с Георгием Саакадзе и Теймуразом I. Это был акт мести ганджийским беглярбекам каджарам зияд-оглы, душителям Грузии и вернейшим вассалам Сефевидов. Однако город был быстро восстановлен. В середине XVII в. в Гяндже было ок. 6000 домов, караван-сарай, бани, мечети и т. д. (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 286). Город имел один фарсанг (6–7 км) в длину и ½ фарсанга (3–3,5 км) в ширину (Мухаммад Ма'сум. Л. 123б). Уже /с. 170/ в это время Гянджа была для северо-западного Азербайджана тем же, чем Шемаха для Ширвана, и являлась центром торговли с Грузией. С 20-х гг. XVIII в. Гянджа попадает в зависимость к грузинским царям. Войны и усобицы последних с азербайджанскими ханами (конец 40-х–80-х гг. XVII в.) препятствовали связям Гянджи с восточным и южным Азербайджаном, поэтому экономически Гянджа в XVIII в. больше была связана с Карабахским и Ереванским ханствами и Восточной Грузией. Ганджийские ханы назначались и сменялись грузинскими царями и платили последним дань в размере 10 000 рублей (Переписка грузинских царей 1890. С. 187).

В 80-х гг. XVIII в. русский военный представитель в Тифлисе полковник С.Д. Бурнашев отмечал, что Гянджа была «не малой купеческий город» и что «главный торг во всю Персию и Индию (очевидно для владений Ираклия II. — *А. Н.*) производится посредством Гянджи» (Бурнашев 1793. С. 15–16). Когда в Гяндже вспыхнуло восстание (см. гл. I), то в Тифлисе сразу же появился «в нужных вещах великий недостаток» (Там

же. С. 16). О количестве же населения Ганджи мы не имеем никаких конкретных данных до самого конца XVIII в. Согласно краткому камеральному описанию 1804 г., сделанному русскими чиновниками вскоре после взятия города русскими войсками, в Гандже было всего 2 517 домов (Акты 1868. С. 596). В это число включены были и близлежащие деревни. Если же /с. 171/ принимать во внимание лишь городскую крепость и «форштатт», т. е. собственно город, то в Гандже было всего 882 дома (Там же. С. 596), т. е. ок. 5000 жителей. Следовательно, Ганджа являлась в то время одним из крупнейших городов северного Азербайджана. По более позднему данным, можно говорить о наличии в городе развитого ткацкого производства (Легкобытов 1832–1836. Ч. II. С. 387–389).

2. Шамхур — известен еще со времен арабского завоевания Закавказья (Караулов 1901. С. 65). В XVII–XVIII вв. был небольшим городком⁷³.

3. Берда'а — в X в. являлся крупнейшим городом Закавказья и столицей древнего Аррана (Hudūd al-'Ālam 1937. P. 143), в который и входила территория западного Азербайджана. В XVII–XVIII вв. это был небольшой городок с сильной крепостью.

4. Шуша — основана была в качестве резиденции карабахских ханов из племени джеваншир в 1750/51 или же в 1756/57 гг. (Мирза-Адигезаль-бек 1950. С. 63–64). Население города было смешанным армяно-азербайджанским, как и население этой части Карабаха. Население Шуши составили крестьяне окрестных деревень, а часть была приведена из других областей карабахскими ханами во время их набегов на соседние территории. Поэтому Шуша по составу своего населения выделялась из большинства остальных городов наибольшим количеством феодально-зависимого населения в самом городе. По описи 1823 г. в Шуше было /с. 172/ всего 1532 семьи⁷⁴.

Кроме этих городов в Карабахе, особенно в XVII в., были и другие городки, о которых мы, однако, не имеем конкретных сведений.

IV. Ереванская и Нахичеванская области

1. Ереван — до XV в. не играл значительной роли, но вырос в большой город после того как в 1440 г. он стал административным центром восточной Армении (Абрамян 1956. С. 37). В XVI — начале XVIII в. Ереван являлся центром большого беглярбекства Чахур-Саад, и его беглярбек был одним из богатейших и влиятельнейших феодалов Кызылбашского государства. Особенностью Еревана в XVII–XVIII вв. было огромное, даже по сравнению с другими городами, количество садов. Можно сказать, что садоводство было основной отраслью хозяйства

⁷³ Современный город Шамкир в Азербайджане. — *Примеч. А. А.*

⁷⁴ См. описание города Шуши в: Ермолов, Могилевский 2-й 1866.

в этом городе. В XVII в. город за счет садов настолько разросся, что по свидетельству Шардена занимал пространство более чем на 20 лье (Chardin 1811. P. 177). В частности, пространство в 6–7 км (1 фарсанг) между городом и крепостью в XVII в. было также заселено и было заполнено домами и рынками (Ibid. P. 163). Самый большой рынок имел в диаметре 400 шагов и имел форму четырехугольника (Ibid. P. 164). В городе было много караван-сараяв, в которых оста/с. 173/навливались купцы из разных стран, ибо через Ереван торговцы ездили из Ирана в Грузию, Турцию, и далее через Черное море в Польшу и другие страны Европы. Ввиду большого значения садоводства, общая численность населения города была не слишком велика сравнительно с пространством, занятым под город. Согласно Эвлия Челеби, в середине XVII в. в Ереване было 2 060 домов, т. е. 10 000–12 000 жителей (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 285) — цифра сравнительно небольшая для крупных городов того времени. Положение не изменилось и в начале XVIII в. Французский путешественник Турнефор писал, что в его время этот город утопал в садах и виноградниках. Можно только полагать, что население Еревана к началу XVIII в. значительно выросло, ибо, по свидетельству того же Турнефора, хан города мог собирать из числа жителей города 2 500 воинов для гарнизонной службы (Pitton de Tournefort 1718. P. 141), а католические миссионеры, рассказывая о взятии турецкими войсками Еревана в 1724 г., сообщали, что турки убили 30 000 жителей этого города (A Chronicle of the Carmelites in Persia 1939. P. 578).

Население Еревана в XVII–XVIII вв. было смешанным, армяно-азербайджанским. В начале XVII в., после насильственного переселения армян восточной Армении во внутренний Иран, Мазендеран и Южный Азербайджан, в Ереване и Ереванской области наряду с уцелевшим местным армянским населением и пленниками из Западной Армении было поселено много азербайджанцев и различных тюркских и курдских племен из южного Азербайджана и Ирана (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 520, 522). Поэтому, по некоторым данным, /с. 174/ во второй половине XVIII в. в Ереване из 4000 населения на долю армян приходилась всего ¼ часть, тогда как остальные были «татары», т. е. азербайджанцы⁷⁵. Даже после присоединения Ереванской области к России, когда большое число армян из южного Азербайджана и Ирана переселилось на землю своих предков, в городе Ереване количество армянского населения было лишь немногим больше азербайджанского⁷⁶.

⁷⁵ Эти сведения сообщает иезуит Монъ, миссионер в Ереване; мы цитируем по Д. Линчу (1910. С. 272–273).

⁷⁶ По данным И. Шопена, в Ереване после присоединения к России было 11 436 жителей, из которых 6 125 были армяне и 5 338 — азербайджанцы («татары») (Шопен 1852. С. 468).

2. Нахичеван — согласно древним армянским историкам, древнейший город исторической Армении. В начале XVII в. большинство армянского населения города и области было переселено в Иран и Южный Азербайджан (Zakaria Diacres 1876. P. 15), а вместо него в Нахичеванском крае были поселены кочевые племена и оседлое азербайджанское население⁷⁷. В середине XVII в. Нахичеван вновь стал большим городом с 40 мечетями, 7 банями и ок. 1000 лавок (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 236). Город и его округ славился в XVII в. хлопком. Источники перечисляют 7 сортов этой технической культуры (Там же. С. 237). Из хлопка в городе и селениях в XVII в. делались ткани, известные на весь мир (Там же). Шарден (60-е гг. XVII в.), так/с. 175/же писал, что хотя в Нахичеване было еще много развалин, тем не менее в его время это был город с большими базарами, 5 караван-сараями и 2000 домами (Chardin 1811. P. 297).

В XVIII в. город сильно пострадал от нашествия осман и междоусобных войн. Особенно оильно на нем отразились войны Азад-хана южно-азербайджанского с Грузией в конце 40-х — начале 50-х гг. XVIII в. В этих войнах опять же больше всего пострадало армянское население, значительная часть которого вынуждена была покинуть страну и эмигрировать в пределы Турции (A Chronicle of the Carmelites in Persia 1939. P. 675–678). В конце XVIII — начале XIX в. Нахичеван был небольшим городом, расположенным на развалинах старого города (Johnson 1818. P. 227). Население в конце XVIII — начале XIX в. было, в основном, азербайджанским (Гаджанов 1898. С. 31). Значительная часть жителей занималась земледелием, хотя торговля и промыслы, судя по более поздним описаниям 30-х гг. XIX в. также играли важную роль (Собрание актов 1838. С. 360–376).

3. Ордубад — городок в Нахичеванском крае. В XVI–XVII вв. пользовался особым расположением сефевидских шахов, и из знати этого города вышло много видных деятелей этого времени, в т. ч. два этемад-эд-доулэ. Город особенно славился своими садами, и гранаты, выращиваемые в Ордубаде, вывозились в соседние страны (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 532). /с. 176/

В конце XVI — начале XVII в. Ордубад сильно пострадал от турок, и Аббас I по просьбе своего этемад-эд-доулэ Хатим-бека Ордубади освободил город от податей в диван (Там же. С. 506). В 20-х гг. XVIII в. Ордубад был взят Мхитар-беком, вождем восставших армян Кафана, разграблен, а население его было вырезано (Davith-Beg 1876. P. 252). Через некоторое время город был опять заселен и в конце XVIII —

---

⁷⁷ Значительное азербайджанское население было в Нахичеванском крае и до XVII в., но, по-видимому, лишь с этого времени оно составило большинство населения края.

начале XIX в. был крупным торговым и промышленным центром Нахичеванского края. Особенно развито было в Ордубаде производство шелковых изделий (Шопен 1852. С. 483–484).

4. Акулис — в XVII в. в источниках называется или селом (*q̄h̄l̄q̄*) или местечком, городком (*q̄h̄l̄q̄w̄r̄w̄q̄w̄r̄*). Городом (*w̄r̄w̄q̄w̄r̄*) впервые Акулис назван в анонимной истории Давид-бека (30-х гг. XVIII в.) (Энтир патмут'ивн Давит' Бегин 1871. С. 45). Но и в XVII в. Акулис играл бо́льшую роль, нежели многие большие города. Прежде всего Акулис был торговым центром и акулиские купцы торговали от Швеции на западе до Китая на востоке. Акулиское купечество соперничало с купечеством Исфаганского предместья Новой Джульфы. Можно предполагать, что после разгрома Новой Джульфы афганцами в 1722 г. акулиские купцы освободились от многих своих конкурентов. Однако расцвет Акулиса продолжился лишь до середины XVIII в. В 1751 г. Азад-хан подверг его страшному разгрому, возможно, за то, что купечество этого города ориентировалось на Грузию. /с. 177/ 2000 жителей Акулиса были вырезаны, а 1500 уведены в Южный Азербайджан (Perrin 1754. P. 130). После этого Акулис никогда уже не играл такой роли, как в предыдущие полтора столетия, хотя купцы его и позднее считались богатейшими в стране (Шопен 1852. С. 877)⁷⁸

5. Астапат — небольшой городок в Нахичеванском крае. В XVII в. был важнейшим центром производства марены (*روناس*), которая вывозилась в различные страны, в том числе в Индию (Tavernier 1681. P. 43–44). В городке было 4 караван-сарая (Ibid. P. 44)⁷⁹.

6. Карби — городок (*q̄h̄l̄q̄w̄r̄w̄q̄w̄r̄*); упомянут у Захария Саркавага (XVII в.) (Zakaria Diacres 1876. P.⁸⁰)

7. Карабаг — упомянут у Эвлия Челеби. В середине XVII в. в нем было ок. 3000 домов, 7 мечетей, 7 бань, 3 хана и 600 лавок (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 240–241)⁸¹.

8. Маку — в XVII–XVIII вв. относился к Ереванской области, управлялся султаном.

9. Баязид — в XVII в. также принадлежал Сефевидам и входил в Ереванское беглярбекство. Значительная часть жителей его были армяне⁸².

⁷⁸ Сейчас с. Юхары-Айлис (Верхний Айлис) в Ордубадском районе Нахичеванской АР. — *Примеч. А. А.*

⁷⁹ Городище Астапата находилось недалеко от с. Тазакенд Шарурского района Нахичеванской АР. Было затоплено водами Аракского водохранилища в 1971 г. — *Примеч. А. А.*

⁸⁰ Пропущено. — *Примеч. А. А.*

⁸¹ Сейчас с. Карабаглар в Шарурском районе Нахичеванской АР. — *Примеч. А. А.*

⁸² Расположен в Турции, с 1934 г. называется Догубаязит. — *Примеч. А. А.*

в) Основные причины, определявшие развитие городов Восточного Закавказья XVII–XVIII вв.

Развитие городов зависело от ряда причин как внутреннего, так и внешнего порядка и, в первую очередь, от степени развития товарного производства и общественного разделения труда в рамках данного района. Процесс формирования /с. 178/ местных рынков, как мы стараемся доказать ниже, зашел довольно далеко и именно следствием развития товарного хозяйства, хотя и опутанного многочисленными сетями натурального хозяйства в его различных формах, явился рост городов как экономических центров. Второй причиной, повлиявшей на развитие городов, являлась внешняя и транзитная торговля — в последнем случае развитие города зачастую определялось его географическим положением. Но крупнейшие города Закавказья XVII–XVIII вв., такие как Тебриз, Шемаха, Ганджа, Ереван и др., являлись одновременно экономическими центрами своих областей, страны в целом и в то же время важнейшими центрами внешней торговли.

Кроме чисто экономических причин, большую роль в процветании или упадке городов, а зачастую и в вопросе их существования как таковых, играли факторы внешнего или во всяком случае не экономического порядка, такие как войны, феодальные усобицы (особенно в XVIII в.), землетрясения и эпидемии. Наиболее ярким примером воздействия войн является известное разрушение Аббасом I города Джуги (Джульфы) на Араксе, вызванное, с одной стороны, экономическими (стремлением перенести центр крупной оптовой торговли шелком в политический центр государства, Исфаган), а с другой — военно-стратегическими причинами (Тер-Аветисян 1937). Огромный ущерб экономике страны в целом и крупнейшему городу Ширвана Шемахе нанесло его разрушение и резня жителей кызылбашами Аббаса I в начале XVII в. (A Chronicle of the Carmelites in Persia 1939. P. 114–115), разорение аварскими феодалами /с. 179/ городов Ганджи и Шемахи в 1721 г. (Hassan Dchalalians 1876. P. 206, 210–211; Мартирос ди Аракелу жаманакагруг'йун А 1956. С. 430), Тебриза турками в 1723 г. (Ананун Ванецу тарегруг'йун. С. 371), Акулиса Азад-ханом афганом в 1751 г. (Perrin 1753. P. 130; Geschichte 1755. S. 84) и др.

В качестве примера губительного воздействия на жизнь городов местных усобиц можно привести разорение города Ордубада Мхитарбеком в 1727 г. (Davith-Beg 1876. P. 252), и, наконец, захват города Шемахи Фетх-али-ханом кубинско-дербентским, результатом чего явился упадок промышленности и торговли в этом центре Ширвана (Гмелин 1771. С. 97, 101–102).

Большой ущерб экономике городов наносили очень частые в XVII–XVIII вв. большие землетрясения. Наиболее серьезные из них, такие

как землетрясения 1641, 1721 и 1779 гг. в Тебризе, 1666 г. в Шемахе, 1631 и 1678 гг. в Ереване (Исаһак вардапети жаманакагрут'йун 1951. С. 302, 303, 310; Архив армянской истории 1912. С. 108; Йарут'ин Халифайеан жаманакагир. С. 146) приводили к разрушению городов и массовой гибели людей.

В средневековых городах Закавказья очень часто возникали эпидемии, уносящие в могилу тысячи и десятки тысяч людей. Так, еще в 981 г. х. (1573/74 гг.) вспыхнула эпидемия чумы в Ардебиле, от которой в городе и его округе за короткий срок умерло до 30 000 человек (Искандар-бйк туркемән Муншй 1376/1956–1957. С. 118). В 1033 г. х. /с. 180/ (1625/26 гг.) чума вновь появилась в округе Ардебиле, унеся более 100 000 жизней и опустошив всю округу (Там же. С. 1021). В 1712 г. эпидемия свирепствовала в г. Баязиде (Исаһак вардапети жаманакагрут'йун 1951. С. 304). Чума свирепствовала по всему Закавказью в конце 30-х гг. XVIII в. (Муһаммад Кәзим. С. 168–169). Большой ущерб производительным силам страны нанесла эпидемия 1755 г. (Йарут'ин Халифайеан жаманакагир. С. 137). Весьма велика была детская смертность. В источниках часты упоминания о детских эпидемиях. Особенно сильные детские эпидемии были в 1618 и 1689 гг. (Архив армянской истории 1912. С. 62). /с. 181/

§ 2. Городское население и экономика городов Азербайджана и Восточной Армении в XVII и XVIII вв.

Вопрос о городском населении, в свою очередь тесно связанный с вопросами городской экономики и социальной жизни, является одним из наиболее малоисследованных вопросов. Трудность его изучения главным образом в ограниченности источников. Никакой точной статистики в Кызылбашском государстве (XVII — перв. пол. XVIII в.) и полунезависимых ханствах второй половины XVIII в. не велось. Поэтому даже общая численность городского населения представляется нам очень приблизительно. Об общей тенденции в изменении численности городского населения сказано выше, добавим только, что численность населения городов зависела главным образом от двух причин: во-первых, от экономического расцвета или упадка города или области в целом и, во-вторых, от причин чисто внешнего порядка, о которых говорилось выше (см.: с. 179–181). Так, в начале XVII в. в результате массового переселения Аббасом I армянского населения в Иран, почти совершенно обезлюдили такие города, как Ереван и Нахичеван, так что вскоре ереванский беглярбек Амир-гюне-хан каджар с целью заселения этих городов вынужден был не только собирать разбежавшиеся по горам и лесам остатки коренного населения, но и переселять азербайджанское население из южного Азербайджана в эти города, а также приводить

из Западной Армении, принадлежавшей Турции, армян, которых кызылбаши захватывали во время своих набегов на турецкие владения (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 520). /с. 182/

В городах Азербайджана и Восточной Армении XVII–XVIII вв. в основном жили две национальности: азербайджанцы и армяне. Кроме них в городах проживало некоторое количество персов и евреев. В городе Ереване, кроме того, жило некоторое количество цыган (Шахазиз 1931. С. 29). Армяне составляли значительный процент населения не только в городах Ереванской области, но и в городах Азербайджана. Так, по данным второй половины XVIII в. число армянского населения в Азербайджане и Восточной Армении равнялось (Бурнашев 1793. С. 7, 9, 10, 15, 16, 19, 20, 22, 24, 25):

в Дербенте	— до 1 000 дворов
в Нухе и ее округе	— до 1 000 дворов
в Ширване	— до 2 000 дворов
в Карабахском ханстве	— до 7 000 дворов
в Гандже	— до 1 500 дворов
в Ереванской области	— до 3 000 дворов
в Нахичеванской области	— до 500 дворов
в Карадаге	— до 300 дворов
в городе Тебризе	— до 500 дворов
в округе Мараги	— до 2 000 дворов
в округе Хоя	— до 1 000 дворов.

Армянское купечество играло доминирующую роль в торговле городов Азербайджана, армянские ремесленники жили рядом с ремесленниками-азербайджанцами. Армянские и азербайджанские светские и духовные феодалы в одинаковой степени эксплуатировали крестьян и городские низы обеих нацио/с. 183/нальностей. В свою очередь, эксплуатируемые низы обеих национальностей выступали против общих эксплуататоров — кызылбашских и местных феодалов.

По своему социально-экономическому положению население городов Азербайджана и Армении XVII–XVIII вв. можно разделить на шесть категорий: 1) светские военно-землевладельческие феодалы, 2) духовенство (мусульманское и христианское), 3) купечество, 4) ремесленники, 5) крестьяне, 6) прочие слои городского населения — разорившиеся крестьяне и ремесленники, различного рода поденные рабочие и др. Такое деление условно, поскольку иногда бывает трудно разграничить, например, мелкого купца и ремесленника, обладателя лавки на рынке, который сам сбывает свои товары. В то же время внутри каждой из этих категорий существовали различные подразделения, отличавшиеся и по своему социально-экономическому положению и по своей политической роли. Полная и точная дифференциация всех этих слоев с указанием всех конкретных особенностей каждого, в настоящее время невозможна.

а) Светские военно-земледельческие феодалы

Под этим термином, нам кажется, следует объединить всех светских феодалов, живших в городах и имевших там земельное или иное имущество, или же живших в городе, но экономически более связанных с деревней. В городах Восточного Закавказья XVII–XVIII вв. экономический и политический удельный вес феодалов-землевладельцев был очень велик. Города, как правило, вследствие, с одной стороны, их полуаг/с. 184/ рарного характера, а с другой — экономического и политического господства кочевой и оседлой знати являлись местом сосредоточения значительной части этой знати. Многие феодалы (в том числе и феодалы-кызылбаши), имевшие владения в кочевых или оседлых земледельческих сельских районах, имели дома в городах, особенно в тех, которые являлись административно-политическими центрами⁸³. Некоторые крупные феодалы, имевшие владения в том или ином городе, могли проживать сами в более крупных городах, областных центрах или даже в столице Исфгани. Так, например, с 1677 г. владел Акулисом (т. е. имел право на сбор с него государственных налогов) некий Исахан-бек. Сам он проживал в Исфгани, а причитающиеся ему с Акулиса сборы собирал его сын Мусабек (Дневник Закария Акулиского 1939. С. 110).

Терминология городской знати этого периода в источниках не всегда однородна. В нарративных источниках городская знать (высшая прослойка землевладельцев-феодалов) именуется чаще всего терминами «айян» (اعيان) (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 360; Мухаммад Тāхир Ваҳид 1329/1950. С. 22–23; Мухаммад Кāзим. Л. 266; Абӯ-л-Хасан Гулистанӣ 1359/1941. С. 123, 149), «савахиб-е шехр» صواحب شهر («хозяева города») (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 299; Искандар-бик туркеман Мунши 1318/1900–1901. С. 33), «акабир» — اکابر («великие, знатные, вельможи») (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 74), «ноджаба» (نجبا) (Мухаммад Тāхир Ваҳид 1329/1950. С. 22) («благородные, знатные»). В практической жизни /с. 185/ землевладельцы-феодалы, в целом, чаще всего именовались «беками» или «меликами», причем последний термин чаще всего применялся к землевладельцам-армянам. Крупнейшие представители кызылбашской знати носили титулы хана или султана (Петрушевский 1949а. С. 97–112). В армянских источниках для обозначения знати, в т. ч. и городской, употребляются термины «парон»⁸⁴ – *պարոն* («господин»), «ишхан» — *իշխան* (князь).

⁸³ То, что даже верхушка кызылбашской знати имела дома в городах и в обычное время жила в городах, видно, например, из текста «Тарих-е алам ара» (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 199).

⁸⁴ О «паронах» Баязида см. «Хронику Исаака вардапета» (Исаак вардапети жаманакагрут'йун. С. 310–311), об «ишханах» городов см.: Архив армянской истории 1893. С. 32; 1894. С. 56, 90.

По экономической роли и политическому влиянию городскую знать этого времени можно разделить на 3 категории:

- 1) кызылбашская военно-кочевая знать,
- 2) местные мусульманские (в основном, азербайджанские феодалы-землевладельцы),
- 3) армянские феодалы-землевладельцы.

Такое деление в более или менее чистом виде присуще лишь XVII и, возможно, первой половине XVIII в. Для более позднего времени характерно слияние первой и второй категории, явившееся следствием все большего сближения между кызылбашскими и местными феодалами, процесс которого происходил на протяжении XVII и XVIII вв., а также итогом общего усиления знати местного происхождения, которое, в свою очередь, явилось в XVIII в. одной из причин фактического отделения областей Северного Азербайджана (где эта знать была наиболее сильна) от ханств Южного Азербайджана и северно-западного Ирана, где кызылбашская знать сохранила свою доминирующую роль.

Кызылбашская военно-кочевая знать была особенно сильна в городах Южного Азербайджана, Ереване, Нахичеване и Гандже, т. е. в тех районах, где находились сильные кочевые кызылбашские племена. После выселения Аббасом I армянского населения Еревана, Нахичевана и Хоя в центральный Иран, Южный Азербайджан и южный Прикаспий, население упомянутых городов пополнилось главным образом за счет переселения туда кызылбашей из южного Азербайджана и Ирана (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 520). Прибывшие кызылбашские беки составили значительный процент в составе прослойки феодалов в указанных городах. В частности, в городе Нахичеване господствующее положение заняли кенгерлинские беки (кенгерлу — ветвь кызылбашского племени устаджлу), [ставшие] владельцами земель, садов и пастбищ как в самом городе, так и за его пределами, а главы племени кенгерлу являлись бессменными правителями и фактическими собственниками города Нахичевана в XVII–XVIII вв. В городе Ереване феодалы-мусульмане составляли большинство еще и в момент присоединения Ереванской области к России (1828 г.) (Шопен 1852. С. 468).

Местная азербайджанская по национальности знать была наиболее сильна, с одной стороны, в северо-восточных районах страны (старых областях Ширване и Шеки) с такими городами, как Шемаха, Нуха, Баку, Дербент, позднее Куба, а с другой — в городах Тебризе, Ардебиле, Султание, Ордубаде и других на юге, /с. 187/ верхушка которых с самого начала активно поддерживала сефевидских шахов и получала от них различные льготы и привилегии⁸⁵. В силу специфических условий

---

⁸⁵ О льготах Тахмаспа I (1524–1576) городу Тебризу см.: Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 308; об освобождении города Ордубада, из которого

местная городская знать Южного Азербайджана с самого начала оказалась тесно связанной с кызылбашской знатью.

Что касается армянских феодалов, то таковые имелись почти во всех городах, хотя и по численности, и по своему богатству и политическому влиянию они занимали второстепенное положение. Армянские феодалы-землевладельцы, стремясь урвать в правах с феодалами-мусульманами, принимали мусульманство⁸⁶.

Основной собственностью городских феодалов являлись их земельные владения. Земельные владения (пахотные поля, виноградники, сады) находились в городе или за его чертой. Участки пахотной земли имелись и в самих городах. Так, у города Нахичевана в начале XIX в. имелось до 300 халвар (450 десятин) городских пахотных земель, которые засеивались следующими культурами /с. 188/ (Собрание актов 1838. С. 360):

под хлеб	— 250 халвар
под хлопок	— 20 халвар
под [пропущено. — <i>Примеч. А. А.</i>]	— 10 халвар
и 20 халвар под огородами.	

В городе Ереване в начале XIX в. также значительная часть земель запахивалась для сардара (хана) (Шопен 1852. С. 470). Вышеупомянутые городские земли Нахичевана принадлежали «наиболее почетным жителям», т. е. городским феодалам (Собрание актов 1838. С. 360).

О количестве земельных владений городских феодалов мы можем судить лишь приблизительно. Наибольшие земельные владения имели крупнейшие феодалы-ханы. Так, последний хан Ганджи Джавад-хан зияд-огли каджар имел 42 пашни в округе города Ганджи, которые засеивались 151 тагарами (44 454 кг) хлеба и 38 тагарами (11 587 кг) ячменя (Акты 1868. С. 587).

Можно предполагать, что в XVII–XVIII вв. основные земельные владения городских феодалов относились к категории «мулька» (арм. «хайреник»), т. е. [были] безусловной частной собственностью, которая свободно передавалась по наследству, продавалась, отдавалась в вакф, менялась. Мульком могли являться целые селения, отдельные участки земли, источники орошения, мельницы, дома, лавки и т. п. Юридически продавалось, покупалось, выменивалось, дарилось при наличии

происходили знаменитые визири Аббаса I Хатим-бек Ордубади и его сын Мирза-Абу-Талиб, от податей Аббасом I см.: Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 506. Что касается города Ардебил, то, будучи колыбелью Сефевидов, он и в XVII в. находился в особом, привилегированном положении.

⁸⁶ Захарий Акулеци в своем «Дневнике» упоминает о мелике Акулиса Шах-назаре, умершем в 1670 г. (Дневник Закария Акулиского 1939. С. 76). Этот Шахназар, по словам Акулеци, «назло своим противникам» принял мусульманство и умер в должности мелика (правителя) Акулиса.

мулька-села, не все село, а лишь право на взимание опреде/с. 189/ленной доли феодальной ренты. Другая часть ренты с мульковых земель шла в казну. На деле же феодал являлся владельцем не только части земельной ренты, но и самой земли, поскольку от него зависело практическое право распоряжения этой землей, а также и самими крестьянами. Например, в прошении группы ганджийских беков, бежавших после взятия города Ганджи князем Цициановым, русскому правительству в 1804 г. имущество беков выражается в количестве крестьян, которыми они владели (Там же. С. 595).

Принадлежавшие им земли феодалы обычно сдавали в аренду жившим на них крестьянам. Условия аренды были различны в различное время и в различных областях. Немецкий путешественник Энгельберт Кемпфер, побывавший в Кызылбашском государстве в 80-х гг. XVII в., сообщает, что доля арендатора зависела от различных причин, в т. ч. и от того, какие культуры разводились на арендуемой земле. Так, при возделывании ячменя доля арендатора равнялась $\frac{1}{3}$ урожая. Если крестьянин не имел своего рабочего скота, сельскохозяйственного инвентаря и семян (т. е. если у него была лишь его рабочая сила), то обычно на его долю оставлялась $\frac{1}{4}$ урожая. При возделывании риса, хлопка, чечевицы и некоторых других культур доля крестьянина составляла $\frac{2}{5}$ урожая (Kämpfer 1712. P. 92).

Мульковые земли приобретались обычно покупкой. В Ереванском Матенадаране сохранилось большое количество документов о купле-продаже мульковых земель — лишь небольшая /с. 190/ часть этих документов издана (Абрамян 1941). В качестве примера возьмем купчую, относящуюся к городу Дербенту, датированную 1758 г.: «Я, Ага, сын высокопреосвященного Гочи Атаджяна, добровольно и в соответствии с Шариатом продал турецкому подданному, армянину Вардану в Дербенте участок земли, на котором посеяно 5 тагаров пшеницы; границы участка: с востока (он прилегает) к участку сына Имам-верды Мирзы, с юга — к общинному пастбищу, с западной стороны к саду Ярзлар-кули-бека и к земле армянина Захара, с севера к саду упомянутого покупателя. Так было, как говорит купчая. Писана в месяце джамади-аввал 1171 г. х., 1207 г. армянской эры в месяце июле» (Там же. С. 68). Далее следуют печати свидетелей.

Подобные же примеры можно привести по другим городам. В архиве Матенадарана сохранилась купчая от 1650 г. о продаже живущим в Ереване Султан-беком за 4 тумана половины своего наследственного мулька в селении Угайян (Матенадаран, Архив Католикоса, 1, № 61 [перс. яз.]). Там же имеется купчая о продаже и другой половины мулька с того же села в 1645 г. жителем Еревана, неким Хусейном сыном Аслан-бека, за 5 туманов (Матенадаран, Архив Католикоса, 1, № 74 [перс. яз.]). В другой купчей от 1623 г., относящейся к городу Маку, говорится о прода-

же неким Али-султаном сыном Казан-бека участка пахотной земли за 150 ашрафи (Матенадаран, Архив Католикоса, 1, № 15 [перс. яз.]). /с. 191/

Мульковые земли приобретались также и путем прямого захвата. В одном документе, датированном 1653 г., говорится о том, что сироты некоего Ахмада Шамахеци и его брат, жители Еревана, обращаются в шариатский суд по поводу мулька села, захваченного неким Ахмед-ханом (Матенадаран, Архив Католикоса, 12, № 337 [перс. яз.]).

Наконец, феодалы в XVII–XVIII вв. захватывали общинные земли, превращая их в свои владения. В одной из хроник XVIII в. приводится случай, когда кенгерлинские беки Нахичевана в 1719 г. пытались силой отнять земли армянского селения. Когда крестьяне послали своих ходоков в Тебриз, чтобы найти там защиту, кенгерлинцы в количестве 600 человек напали на селение и разграбили его (Жаманакагракан манр һатвац'нер 1956. С. 524–525).

Все мульковые земли передавались по наследству, о чем обычно упоминалось в купчих. В случае утраты документов на право владения мульком, возникали многолетние тяжбы, т. к. часто случалось, что земли мелких феодалов захватывались более крупными или церковью. При этом церковь (христианская и мусульманская) обычно уже не расставалась с подобного рода приобретениями. Для примера возьмем документ из архива Матенадарана о разделе наследства некоего Хан Ахмеда ереванского в шариатском суде в 1615 г. Упомянутый Хан Ахмед предъявил в суд иск на армянина Ходжа-Тумана, сына Саркиса, поверенного в делах эчмиадзинского католикоса, в связи с тем, что «св. престол» присвоил пахотные земли Пири-дервиш. Земли эти принадлежали еще деду Хан Ахмеда, но в последнее время не обрабатывались, а /с. 192/ стали пустошью, которой и завладел монастырь Уч-Килиса (Эчмиадзин). Хан Ахмед потребовал не только вернуть земли, но и доходы с них за годы их использования монастырем. Сам Хан Ахмед умер, так и не дождавшись разрешения спора. Но его наследники продолжали тяжбу и, наконец, шариатский суд вынес свое решение. Земля осталась за монастырем, но последний должен был уплатить наследникам хан Ахмеда 3 тумана (Матенадаран, Архив Католикоса, 1, № 75 [перс. яз.]).

Кроме мульков, феодалы имели земельные владения на правах тиуля (о тиуле см.: Петрушевский 1949а. С. 184–221). Официально тиуль не являлся собственностью. Тиуль даровался центральной властью чаще всего военнотрудовой знати. Эволюция развития тиуля как формы земельного владения в XVII–XVIII вв. шла в сторону увеличения прав тиульдара. Последнее обстоятельство зависело, во-первых, от общей тенденции к укреплению феодальной собственности на землю, наблюдаемой на протяжении XVII–XVIII вв. и, во-вторых, от силы центральной власти, которая, широко практикуя с XVI в. раздачу земель на правах тиульного

держания, стремилась ограничить права тиульдаров, в то время как последние, наоборот, стремились расширить таковые. Основное отличие тиуля от мультка к концу XVIII в. заключалось, во-первых, в отсутствии права тиульдара продавать тиуль и, во-вторых, в незакрепленности права наследования. Тиули могли передаваться по наследству лишь при санкционировании этого специальным указом правительства⁸⁷. /с. 193/

В XVII–XVIII вв. на правах тиульного держания давались целые города. В частности, тиулем беглярбека южного Азербайджана считался город Тебриз (Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950. С. 175). Из более мелких тиулей можно указать на Астару (Там же. С. 328). Но большинство служилых феодалов имели на правах тиульного держания отдельные земельные участки. Так, в серии Нахичеванских документов сохранился документ о кенгерлинском феодале Ноуруз-беке, имевшем на правах тиуля пахотные земли в городе Нахичеване, с которых он получал $\frac{1}{10}$ бахры (основного поземельного налога) (Передняя Азия в документах 1936. С. 102 [перс. текст], 104 [русс. перев.]).

Кроме земельных владений городские феодалы имели в собственности (на правах мультка-хайреника) виноградники (о виноградниках-мультках в городе Ереване у некоего Арутюна см.: Абрамян 1941. С. 93; примеры собственности виноградника у ереванца вне города см.: Симеон Ереванци 1958. С. 110, 180), сады, мельницы, оросительные каналы⁸⁸, лавки, караван-сарай, конюшни, дома, рабочий скот. В качестве примера имущественного положения крупного городского феодала можно взять известного тебризского помещика первой половины XVIII в. Самад-бека, имущество которого исчислялось в 160 000 туманов деньгам и в различном движимом и недвижимом имуществе («амвал ва /с. 194/ асбаб ва нагди» — اموال و اسباب و نقدی). Кроме того, Самад-беку принадлежали 220 000 баранов, 30 000 кобылиц с жеребятами, 20 000 голов рабочего скота, 7 000 верблюдов и 2 000 мулов (Мухаммад Казим. Л. 318). Последние цифры (поголовье скота) следует признать преувеличенными, но на основании их все же можно составить представление об имущественном положении крупного феодала. Наконец, до нас дошла опись имущества последнего Ганджийского хана Джавад-хана зияд-оглы кад-жар. Джавад-хану лично принадлежали (Акты 1868. С. 597):

⁸⁷ О разделе по смерти мунаджима (звездочета) Молла Мухаммед-Тахира его тиуля между его сыновьями см.: Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950. С. 311.

⁸⁸ Как известно, почти повсеместно в Азербайджане и Армении огромную роль играло искусственное орошение, что относится и к городам. В частности, в городе Тебризе в середине XVII в. было 900 кязиров (подземных оросительных каналов и арыков) (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 253). Купля и продажа источников орошения довольно часто является содержанием купчих, например, о продаже кязира — купчая 1676 г., см.: Абрамян 1941. С. 94; о кязире — мультке (хайренике) (Там же. С. 117); о продаже арыка в Тебризе см.: Матенадаран, Архив Католикоса, 1, № 579 [перс. яз.].

в крепости Ганджи	—	19 домов, 2 бани, 40 лавок для ремесленников, 1 монетный двор, 1 мельница, 1 стеклянный завод
в форштадте г. Ганджи	—	5 караван-сараяв, лавок торговых (годных 48, разоренных 28), 1 баня, 6 мельниц,
в Калис-кянде (предместье города)	—	1 дом, 1 масляный завод, 1 сад,
в окружности города	—	10 оросительных каналов и пашни, о которых упоминалось выше. /с. 195/

Купля и продажа земельных участков, виноградников, арыков и т. д. за наличные деньги имела широкое распространение в XVII–XVIII вв. Мелкие феодалы, разоряясь, попадали в долги к купцам и ростовщикам, а также к церкви. Только зависимым положением можно объяснить факт отдачи в вакф христианскому монастырю своего сада мусульманином Наджат-беком юзбаши каджаром, о чем сохранилась дарственная в архиве Матенадарана (Матенадаран, Архив Католикоса, 1, № 242 [перс. яз.]).

С другой стороны, и сами феодалы, если у них оставались свободные средства, могли давать их в рост, а в случае несостоятельности должника в счет уплаты долга забирали имущество последнего (Матенадаран, Архив Католикоса, 1, № 165 [перс. яз.])⁸⁹.

Крупные городские феодалы были тесно связаны с торговлей. Помимо того, что они контролировали торговлю, получая от нее соответствующие выгоды, благодаря наличию у них в собственности караван-сараяв, лавок и мастерских, многие из них наживались на торговле шелком. У Захария Акулеци (втор. пол. XVII в.) приведен случай, когда везир Азербайджана ([в] городе Тебризе) заставил акулисских купцов купить у него шелк второго сорта за 12 500 диан (динаров) [за] литр, тогда как его настоящая цена была 8 000 диан. Разницу же в цене везир присвоил себе (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 75–76).

Городская светская знать в Закавказье наряду с мусульманским духовенством занимала в городах важнейшие адми/с. 196/нистративные должности, а отдельные ее представители занимали высокое положение

⁸⁹ [Это] долговая расписка об отдаче в счет долга в 4 тумана Соломоном, сыном Мкртича Валадянца, парону Сааку шести участков пахотной земли.

и в рамках всего Кызылбашского государства. В этом отношении показательна карьера наследственных калантаров города Ордубада из фамилии Насирийе, потомков известного ученого XIII в. Насир-ад-дина туси. Представитель этой фамилии Хатим-бек ордубади, предки которого на протяжении XVI в. занимали важные должности в Сефевидском государстве, в конце XVI в. стал этемад-эд доулэ Кызылбашской державы. После его смерти Аббас I утвердил в этой должности его сына Абу-Талиб мирзу, который одновременно оставался и калантаром города Ордубада (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 531–534, 680). Роль калантаров из этой фамилии была столь велика, что источники именуют их маликами, собственниками Ордубада (Мухаммад Йусуф 1318/1900–1901. С. 261).

В городе Акулисе в XVII в. большим влиянием пользовалась семья местного землевладельца Мусабека. Этот Мусабек сам, очевидно, жил в первой половине XVII в. Сын его Исахан-бек (ум. 1680 г.) пользовался большим влиянием при шахском дворе и в 1677 г. взял от шаха в откуп сбор в свою пользу мал-ва-джехат (основной поземельный налог) с города Акулиса и семи соседних сел. Сын его Мусабек с 1679 г. занимал должность акулиского судьи. В 1680 г. он заложил на южной стороне акулиского рынка караван-сарай, землю под который приобрел у 3–4 частных лиц за 39 туманов (Дневник Закария Акулиского 1939. С. 110, 118–122). В конце XVIII в. в Ереване большим влиянием пользовались два армянских мелика — Габриель юз-баши (сотник) из фамилии Гегамян и старшина армян города /с. 197/ Авраам из фамилии Мелик-Агамаян (Акты 1866. С. 119).

Мелкие военно-служилые феодалы в городах, особенно феодалы из кызылбашских племен, состоявшие на военной службе у государства и подчиненные местным ханам и султанам, вообще являлись весьма беспокойным элементом. Жалованье за службу им выплачивали местные правители за счет доходов с провинции. В случае задержки в платеже жалования эти служилые люди не останавливались перед открытым возмущением. Так, в Ереване в 1677 г. служилые люди из кызылбашских племен каджар и байят возмутились против беглярбека Сефи-кули-хана, в течение двух лет не платившего им жалования⁹⁰; хан со своими сторонниками заперся в крепости, где и был осажден своими стропти-

---

⁹⁰ Этот Сефи-кули-хан родом из Дагестана служит образцом того, как местные ханы использовали свою должность для личного обогащения. Впервые назначенный беглярбеком Еревана в 1667 г., он в 1674 г. был снят с должности, арестован и его конфискованное имущество, оценивавшееся в 30 000 туманов, было увезено в Исфаган на 400 верблюдах. Когда же он вторично был снят в 1679 г., то на этот раз он сам увез свое имущество на 700–800 верблюдах (Дневник Закария Акулиского 1939. С. 61).

выми вассалами. С обеих сторон были посланы жалобы в Исфаган. От шаха для расследования дела прибыл некий Джанибек, который по обычаю того времени собрал с обеих сторон много взяток и уехал обратно. Тогда Сефи-кули-хан призвал себе на помощь своего вассала, соседнего Нахичеванского хана, прибывшего в Ереван с 100 всадниками. С их помощью были схвачены и посажены в колодки главарь бунтовщиков Фатали-бек каджар с 50 другими зачинщиками, прочие же разбежались, одни в Ганджу, другие в /с. 198/ Исфаган, жаловаться на самоуправство ханов. Через два месяца хан Нахичевани со своими людьми уехал из Еревана, и тогда беглецы вернулись в Ереван, опять заперли Сефи-кули-хана в крепости и заставили его выпустить Фатали-бека.

Вторая осада Сефи-кули-хана продолжалась до 26 января 1679 г., когда из центра приехал новый назначенный шахом в Ереван хан с воинами, арестовавший бунтовщиков и в колодках отославший их в Исфаган (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 110–112).

В начале XVII в. городская знать в странах Закавказья являлась одним из элементов, помогавших Аббасу I восстановить господство Сефевидов в Азербайджане и Восточной Армении. Активная просефевидская ориентация сложилась в городах Баку⁹¹, Дербенте⁹², Нахичеване⁹³, Ордубаде, не говоря уже о го/с. 199/родах Южного Азербайджана⁹⁴. Иначе было в первой половине XVIII в. Последние Сефевиды еще встречали поддержку со стороны феодалов, в т. ч. и городских [феодалов] Южного Азербайджана⁹⁵, но Надир-шах, вначале также

⁹¹ В 1607 г., вскоре после взятия Аббасом I Шемахи, турецкий гарнизон в Баку был вырезан местной знатью, за что представители последней были пожалованы шахом почетными одеждами, подарками и союргалиями (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 516).

⁹² В том же 1607 г. к Аббасу I явился сын Хаджи-Мухаммеда дербенди (одного из влиятельнейших лиц в этом городе) с группой дербентской знати и с несколькими вассалами уцмий и признал себя вассалом шаха (до этого в Дербенте также стоял турецкий гарнизон). Присоединение Дербента было особенно необходимо Аббасу I, ибо через Дербент в Закавказье проходили с севера войска крымского хана, вассала султана. Поэтому шах богато одарил дербентскую знать и освободил Дербент от податей в диван (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 516).

⁹³ В 1603 г. полководец Аббаса I Зульфегар-хан караманлу подошел к Нахичевану, где засел турецкий гарнизон. По соглашению с Зульфегар-ханом, турки, сдав оружие, были отпущены, но военнотружильные местные феодалы изъявили желание служить Аббасу I (Arakel de Tauriz 1874. P. 279). О радостной встрече кызылбашей знатью Нахичевана пишет и Искендер Мунши (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 466).

⁹⁴ О радостной встрече Аббаса I в Тебризе см.: Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 639; по словам Искандера Мунши, в Тебризе жители сами хватили турок и убивали их.

⁹⁵ После захвата афганцами Исфагана именно Южный Азербайджан стал основной базой бежавшего на север принца Тахмаспа.

доброжелательно встреченный беками Закавказья (Лерхе 1790. С. 52), своими репрессиями вызвал недовольство городской знати, которое в северных районах Азербайджана переросло в открытый заговор. В ответ на это Надир решил крутыми мерами и казнями сломить сопротивление феодалов Северного Азербайджана. Это было тем более необходимо для него, т. к. именно в это время он безуспешно пытался сломить сопротивление вольных аварских обществ Дагестана. Были казнены большие группы феодалов Шемахи, Кабалы и Дербента, у казенных было конфисковано имущество на общую сумму в 200 000 туманов (Мухаммад Казим. Л. 3196–320а).

В последующий период знать городов Северного Азербайджана являлась надежнейшим оплотом самостоятельности ханств. В частности, таковой являлась по отношению к Фетх-**с. 200**/али-хану кубинско-дербентскому знать города Дербента (Абӯ-л-Ҳасан Гулистанӣ 1359/1941. С. 162)⁹⁶. Тебризская знать в 1785 г. помогла хойскому Ахмед-хану овладеть Тебризом (Бурнашев 1793. С. 22).

б) Духовенство

В городах Азербайджана и Армении очень большую роль играло духовенство. Ввиду того, что основное население городов составляли азербайджанцы и армяне, и духовенство в городах являлось или мусульманским — шиитским (большинство азербайджанцев по религии являлись муоульманами-шиитами) или христианским. Духовенство было неоднородно по своему социально-экономическому положению. Наряду с его высшими слоями (сеидами, ахундами, улемами, частью молл, а у армян — епископами, вардапетами), существовала значительная прослойка мелкого духовенства — часть священников, монахи, дервиши, которые на социальной лестнице стояли далеко позади верхушки духовенства. В городах имелись армянские монастыри «ванки» (*վանք*) или «пустыни» (*անապատ*) и мусульманские дервишеские обители-«текие» (تكية) (описание их см.: Kämpfer 1712. P.⁹⁷). Так, в городе Ереване во второй половине XVII в. было 23 мужских и 5 женских монастырей. Однако, по большей части это были небольшие обители с 5–6 монахами (Chardin 1811. P. 177). Армянские монастыри имелись также в Шемахе, Акулисе, На/**с. 201**/хичеване, Хое, Тебризе и других городах. По свидетельству Эвлия Челеби, в Тебризе в середине XVII в. было до 600 تکیه, в г. Мараге — 40, в Ареше одна (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 250, 269, 288), в Урмии три (Evliya Çelebi 1949.

⁹⁶ Когда Фатали-хан кубинский и дербентский потерпел поражение от лезгинских феодалов, то дербентская знать активно поддержала его, и лезгины были отражены.

⁹⁷ Пропущено. — *Примеч. А. А.*

С. 71). В XVII в. в городе Ниязабаде было ок. 100 дервишей (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 293).

Во всех городах (а в XVII в. и в больших селениях) имелись мечети. В середине XVII в. таковых имелось (Там же. С. 236, 240, 242, 248–250, 269, 270, 288):

в городе Нахичеване	— 40
в городе Карабаге	— 7
в городе Тесви	— 7
в городе Тебризе	— 120
в городе Мараге	— 60
в городе Уджане	— 7
в городе Ареше	— 40.

В руках у духовенства находилось все тогдашнее образование. Во всех городах имелись мусульманские школы «медресе». Так, в Тебризе в середине XVII в. было 47 больших медресе, лучшим из которых являлась медресе Шах-джехана, в Шемахе [было] 7 [медресе] (Там же. С. 250, 296). Число обучавшихся в медресе было различно. Так, в медресе при мечети Хусейн-али-хана в Ереване было в начале XIX в. ок. 200 учеников (Шопен 1852. С. 466). При христианских церквях также имелись духовные школы. /с. 202/

В XVII в. в период усиления миссионерской деятельности католической церкви в Иране, в ряде городов Азербайджана и Армении существовали католические монастыри, ставившие целью вовлечение армянского населения в лоно католической церкви и усиление влияния римской курии на Востоке. Центром католической пропаганды в XVII в. являлся Нахичеванский край, но и в Тебризе, например, существовал особый монастырь капуцинов (Cerseau 1740. Р. 26; Белл 1776. С. 71). В Ереване находился монастырь кармелитов (Стрейс 1935. С. 223). До середины XVIII в. католическая миссия существовала даже в городе Гандже и лишь после взятия его аварцами в 1752 г. миссия покинула город (Perrin 1754. Р. 139–146).

Ввиду социальных и организационных особенностей армянского и мусульманского духовенства их следует рассматривать в отдельности.

Армянское духовенство городов Азербайджана и Армении за исключением униатского (главным образом в Нахичеванском крае) подчинялось верховному католику всех армян, жившему в Эчмиадзине (иначе Уч-Килиса), а на территории Карабаха — Гандзакскому католику (в нагорном Карабахе). Во всех городах главы армянского духовенства, одновременно являвшиеся и главами армянских общин вообще, именовались «араджнорд» (*արաճյոճորդ*), буквально «на/с. 203/чальник» (Архив армянской истории 1893. С. 266, 416; 1894. С. 56). Как правило, араджнорды имели титул «вардапета». От Эчмиадзинского престола в

городах — административных центрах имелись особые представители «нвираки» (*նվիրակ*). Главы городских монастырей носили титул вардапет. В источниках высшие духовные чины именуются «ишханами» (Архив армянской истории 1894. С. 40, 90). Высшее армянское духовенство в XVII в., а также при Надир-шахе (1736–1747) пользовалось большими правами и привилегиями. В частности, большим влиянием при дворе Надир-шаха пользовался католикос Авраам Кретацци, который испросил у шаха ряд привилегий для армянского духовенства и купечества⁹⁸. Сефевидские шахи, используя широкие международные связи армянского духовенства⁹⁹, прибегали к его помощи в своих дипломатических отношениях с другими странами. Так, в ответ на польское посольство шах Сефи I (1629–1642) послал в Польшу армянского епископа Августина (hАкоб hИусин верагрвац' жаманакагрут'йун 1951. С. 196).

Основными церковными собственниками в городах являлись монастыри. Городские монастыри могли иметь собственность в городе или за его пределами. Самым крупным собственником в городах был Эчмиадзинский монастырь. Верхов/с. 204/ный католикос всех армян имел среди прочей собственности земельные владения, виноградники, сады, арыки, кяризы, лавки, караван-сарай, дома в Тебризе, Ереване, Шемахе, Маку, Хое, Дербенте и других городах. Общее количество монастырской собственности в городах изменялось в течение рассматриваемого периода. Собственность монастырей увеличивалась, во-первых, за счет мельковых владений и, во-вторых, за счет вакфных пожалований от частных лиц. Мельковые владения приобретались главным образом посредством купли. Начиная с 30-х гг. до конца XVII в. Эчмиадзинские католикосы приобрели особенно много мельковых имуществ¹⁰⁰. К концу XVII в. Эчмиадзинский монастырь имел в городе Ереване три орошенных виноградника и три водяных мельницы (*զրիշաց*), вода для которых бралась из р. Занги (Симеон Ереванци 1958. С. 140). «Пустыня» (*անիսիան*) Анании апостола в Ереване имела в этом городе два виноградника (Там же. С. 141). В городах католикос обычно приобретал мельки через посредников — различных духовных или светских лиц. Так, в 1125 г. х. (1713/14 гг.) католикос Александр Джугайеци приобрел в городе Тебризе кяриз у некоего Махмат-шефи через посредничество местного жителя армянина Авраама, сына Манука (Там же. С. 201). В 1132 г. х. (1721/22 гг.) «святой престол» приобрел в том же Тебризе

⁹⁸ Об этом он сам пишет в своей истории Надир-шаха (Abraham de Crète 1876. P. 278–279).

⁹⁹ В XVII–XVIII вв. армянские колонии имелись в Индии, Иране, Турции, арабских странах, Италии, Франции, Голландии, России, на Балканах и в Польше.

¹⁰⁰ Об этом подробно рассказывает католикос Симеон Ереванци в своем «Джамбре» (*Ջամբր*) — 60-е гг. XVIII в.

через посредничество местного жителя Тер-Нерсеса два оросительных канала (Там же. С. 202).

В вакф монастырям отдавались земельные участки, виноградники, дома и прочее имущество частными лицами или отдельными крестьянскими общинами¹⁰¹. /с. 205/

В городах монастыри чаще всего получали в «дар» на основе вакфного права виноградники. Так, в одном из документов архива Матенадарана от 1751 г. говорится о получении неким Иосифом сыном Галуста в счет долга в два тумана виноградника от Авраама Акулеци; в свою очередь Иосиф передал этот виноградник в вакф монастырю (Матенадаран, Архив Католикоса, 242, № 154). Другой пример — вакфная грамота 1772 г.: ереванец Арутюн отдает в вакф Эчмиадзину свой виноградник в городе Ереване — этот виноградник с двух сторон прилегает к двум другим его виноградникам, с третьей — к винограднику некоего Ованеса и с четвертой — к улице (*լուշէ*) (Абрамян 1941. С. 93). Далеко не всегда вакфные пожалования являлись добровольными. Как правило, они вызывались тем, что их первоначальные владельцы попадали в зависимое положение от монастырей. Выше нами приведен пример передачи в вакф христианскому монастырю сада мусульманином Наджат-беком, со стороны которого это никак не могло являться актом религиозного благочестия (см. С. 195).

Монастыри и высшее духовенство приобретали не только земли, виноградники, сады, но и объекты торговли — лавки и караван-сарай. В качестве примера приведем текст купчей, датированной 1680 г. (перевод со среднеармянского наш. — А. Н.): «Причина составления этого акта в том, что я, Айваз Далватерянец купил у сыновей Костанда Терякянца их хайреник [состоящий] из половины лавки (*ղործիկ*) на базаре; [другая] половина этой лавки была вакфом святого престола. И вот /с. 206/ теперь, в лето 1680, я, вышеупомянутый Айваз по своему добровольному желанию и по своей воле, свою приобретенную [покупкой] половину лавки, также продал араджнорду Микаелу вардапету за три тумана, половина которых составляет 15 000 диан, взял и полностью продал с четырьмя ее сторонами: первая сторона [примыкает] к базару, вторая к [кварталу] Кочин, третья к Маргаре и четвертая к [водопроводной] трубе.

Эта половина лавки, которую я купил и продал не должна вызывать претензий и исков ни со стороны моих братьев и племянников, ни со стороны моих сыновей и дочерей, ни со стороны детей или внуков последних, ни со стороны родственников и друзей, ни со стороны дальних наследников и никто из них да не скажет слова Микаелу вардапету

---

¹⁰¹ Пример передачи в вакф монастырю земли крестьянской общиной см.: Абрамян 1941. С. 47.

относительно половины этой лавки, которую я продал, ибо одна половина ее была вакфом, а другую половину я, Айваз, купил и продал Микаелу вардапету, взяв полную цену; все это записано и засвидетельствовано и признано всеми уважаемыми жителями Астапата» (далее следуют подписи свидетелей, в том числе и тех лиц, которые продали половину лавки Айвазу) (Абрамян 1941. С. 127). О покупке за 30 туманов араджнордом Астапата Ованесом вардапетом караван-сарая на базаре у некоего Айваза сына Мактеси Саака, получившего, в свою очередь, этот караван-сарай по наследству, свидетельствует купчая 1188 г. арм. эры (1739 г.). В купчей специально указывается, что караван-сарай продается со всеми лавками внутри и вне его и с конюшней (Там же. С. 142). /с. 207/

Принадлежавшие им виноградники, сады и т. д. монастыри обычно сдавали в аренду мелким землевладельцам. В качестве примера, на каких условиях сдавались они в аренду, возьмем один документ, датированный 1735 г. Некий Тугурхунци Тер-Минас сын Тер-Григора берет у святого Престола по соглашению с Саргисом вардапетом в аренду виноградник сроком на 10 лет. За это он обязан в год платить 450 л (2160 кг) изюма, независимо от того, приносит ли виноградник урожай. Кроме того, арендатор обязан уплачивать с упомянутого виноградника «мал-ва-джехат» (государственный поземельный налог). В случае, если потребуется ремонт ограды виноградника, арендатор по соглашению о собственником обязан починить ее. В обязанности арендатора входило орошение виноградника и подрезание подвойных лоз (Там же. С. 80–81). Сдача виноградников в аренду являлась выгодным делом для собственника, что видно из следующего примера. Эчмиадзинский монастырь имел среди прочих владений виноградник с источником орошения в городе Тебризе. Долгое время виноградник не использовался, запустел и источник высох. Рядом с этим виноградником находился виноградник местного жителя, «таджика» (оседлого азербайджанца) Мирза-Шефи. Последний обратился к католикосу с предложением либо продать ему пустующий виноградник, либо сдать в аренду. И «святой Престол» предпочел сдать ему виноградник в аренду на условиях уплаты в год 1 000 л пшеницы (4 800 кг) и взятии на себя ½ расходов по постройке ограды (см. «Дневник католикоса Симеона»: Архив армянской истории 1894. С. 477, 630). Сами арендато/с. 208/ры обрабатывали виноградники обычно путем найма рабочих.

Общие доходы духовенства слагались из доходов с монастырских и личных владений, а также из приношений армянского населения городов. Существовали три вида приношений церкви армянским населением:

- 1) католикосу,
- 2) епископам или араджнордам,
- 3) священникам (Папазян 1954а. С. 378).

Для характеристики конкретных доходов монастырей со своих владений приведем документ из архива Матенадарана, датированный 1147 г. х. (1736/37 гг.). Документ относится к селениям Уч-Килиса (Вагаршапат), Умакан и Масдар, принадлежавшим Эчмиадзинскому католикусу. Земли эти обрабатывались двумя плугами жителями названных деревень и засевалось на них 1500 сумаров (72 т) пшеницы. Жители этих селений были обязаны:

- 1) обрабатывать поля и сады, принадлежавшие монастырю,
- 2) платить пшеницей и другими зернами десятину монастырю и другие налоги (не указано какие точно), установленные шариадом,
- 3) в добавление к вышеуказанному, жители Уч-Килис и Умакана обязаны уступать «в пользу бедных вышеуказанного монастыря» $\frac{1}{10}$, а жители Масдара $\frac{1}{12}$ своих доходов.

Далее в документе указывается, что монастырь имел 500 голов баранов, с которых никаких налогов не взималось. И, наконец, крестьяне данных селений должны были вносить /с. 209/ 350 курушей в ереванское казначейство, «с взносом которых они свободны были от всех прочих податей» (Матенадаран, Архив Католикоса, 1, № 76).

Монастырские владения находились в привилегированном положении. Шахи и местные ханы в ответ на челобитные черной братии не скупились на налоговые и иные льготы. О различных льготах монастырям можно судить на основании шахских фирманов монастыря города Акулиса в архиве Матенадарана. Первый из них, указ Аббаса I, датированный 1604 г., обращен к хакиму и даруге Акулиса и предписывает последним соблюдать интересы Акулиского монастыря в отношении его вакфных поместий («Эмляк-е вакфи» املاك وقفی), расположенных в долине р. Вананд и других местах и освобожденных от податей в диван («хогуг-е-дивани» حقوق ديوانی) (Матенадаран, Архив Католикоса, 1, № 30). Второй указ — 1606 г. Аббаса I в отношении тех же земель и садов Акулиского монастыря. Из указа видно, что земли эти были отданы в вакф упомянутому монастырю еще во времена Тахмаспа I (1524–1576). Данный указ был издан в связи о том, что крестьяне не платили монастырю «бахрече» — поземельный налог (Матенадаран, Архив Католикоса, 1, № 31). В связи с этим, предписывалось калантару и даруге Акулиса обеспечить поступление и этой подати в монастырское ведомство (о «бахрече» см.: Папазян 1954а. С. 363–364). Следующий фирман также Аббаса I датирован 1621 г. Содержание указа в том, что поскольку армяне Акулиса, Нахичевана и Азад-Джерана (Нахичеванский край) «по своей вере и праву» выплачивают монастырю города Акулиса «зьякят» (налог с имущества /с. 210/ в пользу бедных мусульман, судя по данному указу он взимался и с христианского населения в пользу монахов и хаггулла حق الله — термин не совсем

ясный, очевидно десятинна, поскольку в буквальном переводе означает «сбор в пользу бога»), то предписывается всем калантарам, хакимам и даругам не препятствовать сбору этих статей (Матенадаран, Архив Католикоса)¹⁰².

К данной серии примыкает указ Аббаса II на имя ереванского беглярбека Мухаммед-кули-хана от 1645 г., являющийся подтверждением более раннего указа на имя прежнего беглярбека Калб-али-хана. Указ был издан в ответ на прошение католикоса, в котором последний испрашивал разрешение на ремонт церквей ереванского округа, требовавших ремонта. Шах предписывал беглярбеку не препятствовать ремонту и оказать католикосу содействие (Матенадаран, Архив Католикоса, 1, № 80). В 1649 г. в ответ на прошения католикоса ереванский беглярбек Кей-хосров-хан даровал [ему] налоги с ереванских городских владений Эчмиадзина. Монастырю были уступлены следующие налоги:

1. В старом городе Ереване всего на сумму 15510 динаров, в том числе:
  - 1) с виноградника в Даракянде (часть Еревана) — 6570 динаров
  - 2) с виноградника, называемого Чайкантиран — 5749 динаров
  - 3) с виноградника в предместье — 3191 динаров
2. С мельницы в предместье Саргиса — 1587 динаров¹⁰³.

В XVIII в. монастыри и духовенство также добивались при/с. 211/ вилегий и налогового иммунитета. В 30-х гг. XVIII в. Надир-шах, благоволивший к католикосу Аврааму Кретаци, по его просьбе подтвердил права Эчмиадзина на его владения. Специальным указом шах запретил своим войскам, огнем и мечом проходившим Закавказье, приносить вред монастырским поместьям, убивать и угонять скот и т. д. Главным образом в интересах армянского духовенства и купечества была отменена Надиром джизия (налог с христиан) (Abraham de Crète 1876. P. 278–279). В архиве Матенадарана сохранился указ правителя Южного Азербайджана Азад-хана афгана (под властью которого временами находились и Ереванская область и северо-западный Иран и который вел ожесточенную борьбу за наследие Надир-шаха с Хасан-ханом каджаром и Керим-ханом зендом, а на севере враждовал с грузинскими царями, также претендовавшими на Ереванскую область) от 1168 г. х. (1754 г.). Этим указом освобождались от всех налогов (мал-ва-джехата, багара, бахры, налога со скота и др.) все монастырские поместья, а также принадлежавшие им караван-сарай, мельницы, данги (рисовые

¹⁰² Без уточнения номера документа. — *Примеч. А. А.*

¹⁰³ Данный указ приложен (фотокопия персидского текста и его армянский перевод) к вышеупомянутой диссертации А. Папазяна (1954а. С. 408–409).

мельницы), бани и т. д. (Матенадаран, Архив Католикоса, 1, № 419; Симеон кат'уликос Ереванци 1873. С. 227). Получали привилегии монастыри и от других ханов. В частности, в 1152 г. х. (1739 г.) хан Карабакша Панах-хан также освободил монастырские поместья от налогов (Матенадаран, Архив Католикоса, 2, № 134).

Политическая роль армянского духовенства в XVII–XVIII вв. определялась прежде всего его влиянием на армянское население областей Кызылбашского государства. Большие армянские /с. 212/ колонии имелись и в городах внутреннего Ирана. Не говоря уже об Исфагани с ее знаменитым предместьем Джульфой, упомянем о городе Хамадане, в котором в XVII в. было 300 дворов армян (Мартирос ди Аракелу жаманакагруг'юн А 1956. С. 433). Армянское крупное купечество, игравшее основную роль во внешней и внутренней торговле и оказывавшее при всех особенностях деспотического строя Сефевидской монархии значительное влияние на правительство (Тер-Аветисян 1937. С. 39, 80, 86; A Chronicle of the Carmelites in Persia 1939. P. 157), было тесно связано, с одной стороны, с господствовавшими кызылбашскими феодалами и в целом с феодальным строем, а с другой, — с армянским духовенством. Одновременно высшее духовенство находилось в теснейших связях с армянскими колониями за границей, которые в духовном отношении подчинялись Эчмиадзинскому католикосу. Конечно, армянское духовенство в целом оставалось не вполне равноправным, а самоуправления местных властей, особенно усилившиеся в конце XVII — начале XVIII в., и, наконец, давление со стороны народных масс армянского населения, на которых шахские благодеяния не распространялись, приводили к тому, что и крупное духовенство включилось в русло антикызылбашской борьбы и искало помощи извне, вначале на Западе, а с конца XVII в. — в России. Однако непоследовательность его в этом вопросе очень ярко видна в колебаниях политической ориентации католиков, что особенно ярко видно на примере Авраама Кретацци (30-е гг. XVIII в.). Лишь во второй половине XVIII в. можно считать прочно установившейся ориентацию высшего армянского духовенства на Россию. В этот период армянское /с. 213/ духовенство, всегда ориентировавшееся на сильную центральную власть, видя непрерывную междоусобную борьбу местных ханов, стало практически главой всех [сил.] ориентировавшихся на Россию в Восточном Закавказье.

Мусульманское духовенство в городах также не было однородным: наряду с верхушкой его, богатейшими и влиятельнейшими сеидами, зачастую происходившими из одних и тех же (как, например, в Тебризе) фамилий, к верхушке духовенства относились мударисы, улемы, мусавалли гробниц «святых», влиятельные муллы. Внизу же социальной лестницы стояли дервиши и различные низшие служители мечетей и

мазаров. По свидетельству Эвлия Челеби, в городе Тебризе в середине XVII в. было до 12 000 низшего духовенства (علمای ادانی); к этой категории он относил также и тогдашний медицинский персонал, принадлежавший к духовному сословию, а именно врачей (طبیب), хирургов (جراح), лиц, пускающих кровь (فصاد) (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 252). В Ереване в момент присоединения к России было 92 лица, принадлежавших к мусульманскому духовному сословию, в том числе (Шопен 1852. С. 468):

мулл — 50
сеидов — 39
дервишей — 3.

Наиболее влиятельное мусульманское духовенство было в городах Тебризе и Ардебиле, поскольку Южный Азербайджан исторически являлся шиитским центром Ирана.

Экономически и политически мусульманское духовенство было значительно могущественнее христианского. Шиит/с. 214/ское духовенство в Кызылбашской державе с самого ее основания являлось надежнейшей опорой Сефевидов, которые сами происходили из верхушки духовенства города Ардебиля и являлись одновременно духовными главами в государстве. Однако непрерывно возраставшее могущество шиитского духовенства вынудило шахов уже во второй половине XVII в. принять меры к ограничению его влияния — с этой целью в 1670 г. при шахе Сулеймане было произведено разделение должности садра (важнейшей функцией садра было управление церковными имуществами и контроль над судопроизводством) на две отдельные должности; один из садров — «садре-мамалик» управлял вакфными имуществами на территории государственных земель, а второй — «садр-е хассе» на землях домена (Chardin 1811. P. 50; Kämpfer 1712. P. 99–100; Sanson 1694. P. 23). Тем не менее, к началу XVIII в. могущество и богатство мусульманского шиитского духовенства еще более возросло, и Надир-шах, раздраженный к тому же приверженностью высшего шиитского духовенства к низложенным Сефевидам, сделал известную попытку религиозной реформы, формальная сторона которой заключалась в том, что шиизм перестал считаться господствующим толком ислама в Иране. Оставляя в стороне внешнеполитические мотивы, которыми руководствовался при этом Надир, следует сказать, что в сущности это была прежде всего попытка ослабить экономически и политически высшее шиитское духовенство.

В северных районах Азербайджана часть населения, несмотря на репрессии и гонения со стороны Сефевидских /с. 215/ шахов¹⁰⁴,

¹⁰⁴ Аббас I, например, вырезал в Карабахе целое суннитское племя «джагирлу» (Arakel de Tauriz 1874. P. 311).

оставалось суннитами. В период существования полунезависимых ханов (втор. пол. XVIII в.) известный Фетх-али-хан кубинско-дербентский, смотря по обстоятельствам, придерживался то шиитского, то суннитского толка, хотя, официально являясь вассалом Керим-хана зенда, именовал себя шиитом (1771. С. 49).

Огромные богатства шиитского духовенства складывались в течение всего XVI и XVII вв. Наиболее богатым являлось высшее духовенство Ардебилля и Тебриза. В Ардебиле находилась вторая по величине и значимости шиитская святыня на территории Кызылбашской державы¹⁰⁵, гробница предка Сефевидов шейха Сефи-ад-дина ардебилля, родословную которого официальная версия того времени возвела через седьмого имама Муса-Казима к Али, племяннику и зятю Мухаммеда (Петрушевский 1949а. С. 68). Эта гробница (мазар), в которой, кстати сказать, были похоронены и все потомки Сефи-ад-дина до шаха Аббаса I включительно, обладала громадными земельными и иными богатствами (описание Ардебильского мазара см.: Олеарий 1870. С. 591–592; Стрейс 1935. С. 239–294; Петрушевский 1947). Высшее духовенство Ардебилля обладало /с. 216/ большими доходами и от многочисленных паломников, приходивших со всего Ирана поклоняться гробнице этого «святого». Мутавалли (попечитель) этой гробницы в XVII в. являлся одновременно и хакимом (правителем) города Ардебилля (Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950. С. 109, 216). На эту должность назначались обычно очень влиятельные люди¹⁰⁶. Лица, занимавшие эту должность, обычно использовали ее для личного обогащения. Так, например, в 1016 г. х. (1655/66 гг.) мутавалли Назар-али-хан был снят с этой должности за то, что присваивал вакфные имущества, арестован и посажен в крепость (Там же. С. 216).

Огромным влиянием в Кызылбашском государстве пользовались сеиды¹⁰⁷ из города Тебриза. Так, по смерти Тахмаспа I (1576 г.) большим весом при дворе пользовались четыре брата сеида из фамилии Аскуйе (اسكويه) (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 143–144). Большинство тебризских сеидов занимали высокие должности в самом Тебризе. Часто высшие духовные должности в Тебризе передавались по наследству в одной и той же знатной фамилии. Так, во второй

---

¹⁰⁵ Основные шиитские святыни, города Неджеф и Кербела в арабском Ираке, временно присоединенном к Кызылбашской державе Аббасом I, были потеряны уже при его преемнике Сефи I в 1639 г. После этого главной святыней на территории Ирана стала гробница Имам-Реза в городе Мешхеде.

¹⁰⁶ Например, в 1655 г. мутавалли Ардебильского мазара был назначен Муртазакули-хан, до этого времени занимавший должность курчи-баши (вторая после этемад-эд-доуле должность Кызылбашского государства) (Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950. С. 216).

¹⁰⁷ Официально сеидами именовались лица, являвшиеся потомками Мухаммеда. Однако на деле, конечно, они были самого различного происхождения.

половине XVI в. должность шейх-уль-ислама в Тебризе занимал сначала сеид Моуляна-энайет-улла, а затем его сын Моуляна-Мухаммед-али тебризи (Там же. С. 158). /с. 217/

При Аббасе I, в период оккупации турками Азербайджана, многие тебризские сеиды ушли в Иран, где занимали видные и доходные должности в городах Йезде, Исфагане, Кашане (Там же. С. 153). В частности, один из знатнейших тебризских сеидов Мир-Нааметулла в конце XVI в. ушел с кызылбашами в Иран и долгое время являлся кази города Исфагана, тогда как его брат занимал указанную должность в городе Тебризе (Там же. С. 153). Представители знатных духовных фамилий Южного Азербайджана занимали и высшие гражданские должности. Например, вторым этемад-эд-доуле Аббаса I был Мирза-Мухаммед, по матери происходивший из сеидов города Тебриза (Там же. С. 153).

Высшее шиитское духовенство обладало большими личными богатствами и доходами. Многие его представители имели земельные владения на правах мурья¹⁰⁸. Духовные лица могли наделяться тиульными владениями. Так, в 1073 г. х. (1662/63 гг.) умер мулла Мухаммед-тахир, занимавший должность придворного мунаджима (звездочета), и принадлежавший ему тиуль был отдан его детям (Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950. С. 311).

Одной из распространенных форм духовных владений являлся в XVII–XVIII вв. союргаль. Вопрос о союргале неоднократно рассматривался в исторической литературе. Наиболее обстоятельно он исследован в работе И.П. Петрушевского. /с. 218/ И.П. Петрушевский путем анализа ряда союргальных грамот охарактеризовал союргаль как вид условного земельного владения светских и духовных феодалов (1949а. С. 145–183). Однако в XVII в. в источниках почти нет упоминаний о новых пожалованиях в качестве союргала земельных владений светским феодалам. Союргаль же в качестве духовного владения упоминается гораздо чаще. Характерно, что Шарден (втор. пол. XVII в.) знает союргаль лишь как род церковного бенефиция (Chardin 1811. P. 65). С другой стороны, можно, нам кажется, в XVII–XVIII вв. говорить об определенной эволюции самой сущности союргала как феодального института. Если в документах XV–XVI вв. союргаль выступает перед нами в виде наследственного земельного владения, владелец которого обладал правом налогового иммунитета и был обязан нести военную службу, то в более поздний период термин «союргаль» приобретает несколько иной смысл. В 1952 г. А.К. Лэмбтоном были опубликованы в персидском оригинале и с английским переводом две сефевидские союргальные грамоты

¹⁰⁸ О сеиде Мир-Миране, владельце «имений и пахотных земель» и о сеиде Шах-Касиме Нур-Бехше, собственнике «имений и доброкачественных пахотных земель» см.: Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 145.

(Lambton 1952. P. 44–54). Поскольку обе они связаны с крупным духовенством г. Тебриза и союргаль, как это видно и из других источников, являясь одним из видов доходов крупного мусульманского духовенства в XVII–XVIII вв., необходимо хотя бы вкратце рассмотреть вышеупомянутые фирманы.

Первый из них датирован месяцем сафаром 1067 г. х. (1656 г.) и является подтверждением более раннего указа /с. 219/ от месяца рамазана 1047 г. х. (1638 г.). Указ относится к фамилии известных тебризских сеидов Ваххаби. О предке их Мир-Неаметулле упоминалось выше (см. с. 217). Сыну этого Мир-Неамет-уллы Амир-Абдулле и были пожалованы в союргаль 3 тумана 695 динаров «из сумм налогов и доходов с города Тебриза и других мест» («аз бабет-е мал-веджехат ва воджухат баладе-йе Тебриз ва гийре»). По смерти сеида Амир-Абдуллы вышеуказанная сумма в виде союргалья перешла к сыну его, сеиду Мир-Мухаммед-Ибрагиму, за исключением суммы, слагаемой из 1 динара с каждых 6 динаров, взимаемых в качестве подушной подати («серане» سرانه)¹⁰⁹ с армянского населения всего Азербайджана (Южного). Последняя сумма, согласно завещанию покойного Амир Абдуллы, передавалась другому внуку Мир-Неаметуллы. Между двумя ответвлениями потомства Мир-Неаметуллы началась тяжба из-за данного союргалья, истории которой и разрешению ее в конечном итоге при посредничестве садр-е мамалик Кызылбашской державы, Мирза-Мухаммед-Мехди, и посвящен этот указ. В данном случае нас интересует не сам процесс тяжбы, а вопрос о том, что же в данном случае представлял из себя оспариваемый союргаль. Между тем из указа ясно видно, что этот союргаль представлял из себя не какое-либо конкретное земельное или иное владение, а определенную сумму денег из числа общих доходов с города Тебриза и других районов (очевидно Южного Азербайджана), во-первых, и с подушной подати с армян-христиан области, во-вторых. Тот же самый смысл союргалья мы /с. 220/ видим и из второго документа, опубликованного Лембтоном, относящегося к той же фамилии сеидов и датированного месяцем ша'абаном 1115 г. х. (1704 г.). На этот раз тяжба началась из-за тех же 6 динаров подушной подати, которые полсотни лет назад были присуждены деду нынешних истцов Мир-Абдулле первым из рассматриваемых указом в виде союргалья. Таким образом, из текстов данных союргальных грамот видно, что под союргалем XVII–XVIII вв. понималось не конкретное пожалование земельных владений, а определенная часть тех или иных государственных налогов. При пожаловании таких союргалей, конечно, не могло идти

¹⁰⁹ Подушная подать «серане» в Кызылбашском государстве взималась с немусульман (армян, индийцев и гебров). См.: Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 67 (перс. текст).

никакой речи об обязанности жалуемого лица выставлять определенное число воинов или нести военную службу самому. Не связан в данном случае сюргаль и с мо'афи (налоговым иммунитетом), поскольку и без того содержанием его оговорена конкретная сумма получаемых сумм из государственных налогов.

Эволюция сюргалья в рассматриваемый период ведет к исчезновению его как формы военного лена. Нам не приходилось встречать в источниках упоминаний о новых пожалованиях в XVII в. сюргалей в форме земельных владений. Имеющиеся данные дают возможность предполагать, что в XVII–XVIII вв. сохранились лишь те сюргали этого типа, которые были пожалованы в более ранний период. Сюргаль же в форме определенной доли общегосударственных налогов лишь терминологически сходен со старым сюргалем — военным леном, практически же он представляет уже явление иного порядка. Во второй половине XVIII в. термин сюргаль в источниках не встречается. /с. 221/

в) Купечество

Городские торговцы делились на несколько категорий. В сущности купцами в полном смысле этого слова, т. е. такими торговцами, для которых торговля стала их единственным занятием и которые не занимались сами производством товаров, которыми они торговали, являлись крупные торговцы оптовики — совдакяры (سوداگر), таджиры (تاجر) или «ходжи». Прочие же категории торговцев, так или иначе связанных непосредственно с ремеслом или земледелием, должны скорее относиться по своему социально-экономическому положению к двум последним слоям населения. Наличие большого числа мелких торговцев-ремесленников объяснялось тем, что процесс отделения торговли от ремесла (как и с другой стороны ремесла от земледелия), происходил в данных странах чрезвычайно медленно, хотя первые этапы его относятся здесь к очень отдаленным временам. Поэтому в данном разделе мы рассматриваем лишь категорию купцов-совдакяров. Все они были теснейшим образом связаны с внешней торговлей и их торговые операции совершались от Швеции на западе, до Китая и Филиппин на востоке. Богатейшими из них уже в XVII в. являлись купцы города Акулиса. Купцы могли совершать торговые поездки лично, но случалось, что группа купцов объединялась и вручала одному из своей среды деньги и товары, и этот последний выступал в данном случае в роли торгового посредника. Такой способ торговли мог оказаться очень рискованным для купцов, доверивших свои товары и капиталы. Так, в 1673 г. в городе Измире умер купец Григорий Даватджи, за которым числилось на 300 000 марчи/с. 222/ли товаров других купцов. В частности, акулис-

ские купцы дали ему 52 000 марчили, которые возвращены им не были. В результате многие купцы разорились. В том же году в Измире умерли еще два купца, за которыми числилось 700 000 марчили. Эти двое до этого были чуть не убиты своими кредиторами, но сумели выкрутиться благодаря взяткам (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 64). Тем не менее, многие купцы шли на торговлю через посредника ввиду большой сложности совершения торговых поездок.

Основной функцией купечества было посредничество между непосредственными производителями (ремесленниками и крестьянами) и потребителями других областей или стран. В своем районе или городе ремесленник сам сбывал производимые им товары. В то же время в XVII–XVIII вв. имелась своего рода специализация определенных районов на производстве ряда продуктов сельского хозяйства или промышленности (см. ниже, с.¹¹⁰). В роли посредника в сбыте шелка-сырца, изделий из шелка и других товаров в других районах страны или за рубежом и выступали купцы. Поскольку сам производитель не имел ни средств, ни возможности лично заниматься сбытом продуктов своего труда, тем более что сами товары, им производимые, часто не являлись предметами широкого потребления, а служили главным образом для удовлетворения потребностей высших слоев общества, то он вынужден был просто отдавать товары купцу по ценам, которые последний устанавливал. Собственно говоря, существовали два способа отношений между купцом и непосредственным производителем. Первый из них — покупка товаров у непосредственного производителя самим купцом — такого рода сделки были /с. 223/ разрешены указом Сефи I от 1629 г. (Искандар-бик туркеман Мунши 1318/1900–1901. С. 13–14). Однако едва ли не более распространенным оставался другой способ, вытекавший из абсолютного господства феодальных отношений в стране. Поскольку непосредственные производители находились в различного рода феодальной зависимости либо от феодального государства (большинство городских ремесленников, крестьяне домена и общегосударственных земель), либо от отдельных феодалов, то большая часть, а зачастую и весь прибавочный продукт отдавался ими либо феодалу, либо феодальному государству. Последние же, в свою очередь, сбывали определенную часть его купцам. В этом случае между производителем и потребителем становилось два посредствующих звена — феодал и купец. И если в первом случае купец являлся хозяином положения и мог диктовать свои условия крестьянину или ремесленнику, то во втором случае он часто сам являлся пострадавшей стороной и вынужден был принимать условия государства или отдельного крупного феодала

---

¹¹⁰ Не указана. — *Примеч. А. А.*

(Дневник Закария Акулисского 1939. С. 75–76). Поэтому купцы в XVII–XVIII вв. были тесно связаны с феодалами и феодальным государством и полностью зависели от него.

Крупные купцы занимались не только торговлей. Очень важной статьей их доходов являлись различного рода откупа. В Кызылбашоком государстве, вероятно, не было чего-либо не сдававшегося на откуп. На откуп сдавались базары, налоги (Там же. С. 70), пошлины, монетные дворы¹¹¹ и т. д. В этом отношении /с. 224/ чрезвычайно интересна история отдачи на откуп ереванского монетного двора. В 1658 г. ереванский Неджаф-кули-хан отдал монетный двор в Ереване акулисскому купцу Симону. В 1663 г., когда Неджаф-кули-хан был переведен в Шемаху, он забрал с собой и Симона. Новый ереванский хан Аббас-кули-хан также отдал монетный двор на откуп двум купцам, одному из Астапата — ходже Саркису и другому из Еревана — другому Ходже Саркису. За откуп они платили в год 1 500 туманов. В 1668 г. Симон вернулся в Ереван и вновь получил на откуп монетный двор. Когда же в 1670 г. Симон был назначен зараф-баши (начальником монетного двора) в столице Исфагане, то ереванский монетный двор взял на откуп купец Агабек, который держал его до своей смерти в 1674 г. И с 1674 по 1679 г. откупщиком ереванского монетного двора был опять ереванский купец Саркис, которого сменил акулисец Мосей (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 101).

Тот же самый купец Симон брал на откуп сбор пошлин в Ереване (Там же. С. 101).

Крупные купцы накапливали огромные богатства, большая часть которых оставалась у них в виде сокровищ, в деньгах, золотом и серебряной посуде. Так, в 1703 г. умер купец Сафар Ахиджанц, оставив много сокровищ и посуды из золота и серебра (Ананун Ванецу тарегрут'йун 1951. С. 352). Афганцы, взявшие в 1722 г. Исфаган, нашли в Новой Джульфе 60 000 фунтов стерлингов, наличными деньгами у братьев купцов Карделян и 40 000 фунтов у купца /с. 225/ Я. Черимянца (Krusinski 1742. P. 52). Стесненные рамками феодального строя и сами органически связанные с ним, купцы могли применять свои средства лишь для дальнейшего увеличения своего товарооборота, либо для покупки земли, виноградников, садов, мельниц и, наконец, для ростовщических операций. Очень многие купцы в XVII–XVIII вв. вкладывали свои средства в покупку земель, садов и т. д. В частности, упомянутый купец Симон имел в городе Ереване в числе прочего имущества и земли (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 89). Захарий Саркаваг

---

¹¹¹ Монетные дворы существовали в XVII в. в Тебризе, Ереване, Ардебиле (Sanson 1694. P. 159–160).

рассказывает об одном купце из городка Карби, торговавшем шелком в Турции и являвшимся собственником скота, виноградников, мельниц (Зак'ареа Саркаваг 1873. С. 131).

В 1665 г. умер Ходжа-Авак из Акулиса; его имущество оценивалось в 3 000 туманов и состояло из дома, имения, денег и земли (Дневник Закария Акулиского 1939. С. 73). Сам Захарий Акулеци, автор известного «Дневника» рассказывает, как он купил сад, смежный со своим домом за 54 тумана и затем израсходовал на постройку там давлен для олив 46 тумана (Там же. С. 63). Но особенно показателен здесь пример ереванского купца — ходжи Сета. Этот ходжа Сет, живший в первой половине XVII в., являлся собственником ряда виноградников в городе Ереване и земель в окрестных деревнях. И сам Сет, и его сын Якоб, и сын последнего Саак, и сын Саака Авраам, и родственник последнего Саргис приобретали в Ереване и его области виноградники (Симеон Ереванци 1958. С. 121, 180–181)¹¹². /с. 226/

Купцы являлись одновременно и ростовщиками. Свои свободные средства они сужали под проценты мелким собственникам, ремесленникам-лавочникам, с которых потом взыскивали все, что возможно. С другой стороны, вечно нуждавшиеся в деньгах феодалы часто прибегали к займам. Захарий саркаваг упоминает о *դրամատիրքի* (букв., «денежные люди», «владельцы денег») под которыми, очевидно, подразумевает крупных купцов, занимавших деньги ереванскому хану по 10–20 туманов каждый (Зак'ареа Саркаваг 1873. С. 78). Вышеупомянутый акулиский купец Симон давал деньги в заем некоему юз-баши (сотнику) Алла-верды-беку в городе Тебризе (Дневник Закария Акулиского 1939. С. 40). Все это еще более объединяло купечество с классом феодалов. Недаром крупное купечество, совдакяры, резко выделялись и отличались от мелких лавочников-ремесленников¹¹³. Купечество в XVII–XVIII вв. и политически было тесно связано с господствовавшими в стране землевладельческими и служилыми феодалами.

Купцы могли занимать видные административные должности в городе. В частности, в середине XVII в. должность калантара в городе Ереване занимал внук вышеупомянутого Сета, Саак (Симеон Ереванци 1958. С. 180).

---

¹¹² О покупке виноградника в Ереване внуком Сета Сааком в 1650 г. говорит документ Матенадарана (Матенадаран, Архив католикоса, I, № 85). О ходже Сукиасе, собственнике села, см.: Симеон Ереванци 1958. С. 127. В 1131 г.х. (1718/19 гг.) католикос Астуатсатур приобрел в с. Ошакан 9 виноградников и 12 мельниц у двух купцов из Еревана за 70 туманов (Там же. С. 187).

¹¹³ Известный политический деятель и писатель начала XIX в. Д. Мориер, работавший секретарем английского посольства в Иране, резко разграничивал экономическое и правовое положение этих двух категорий (Morier 1813. P. 334).

В Кызылбашском государстве существовал, судя по некоторым данным, особый глава купечества, носивший титул «ме/с. 227/лик-оль-таджар» (ملك التاجر). Однако о функциях его и правах почти ничего не известно, в городах купечество подчинялось общегородской администрации.

г) Ремесленники

Значительную группу городского населения составляли ремесленники. Еще Искандер Мунши писал, что «большинство населения славного города Тебриза торговцы и люди ремесла и промышленности» (اهل حرفت و صناعت). Никаких же точных данных о численности ремесленников в городах Восточного Закавказья до нас не дошло. Можно, однако, предполагать, что далеко не во всех городах ремесленники составляли большинство населения. При большом удельном весе в городской экономике таких отраслей хозяйства, как садоводство, огородничество, виноградарство и в ряде случаев зернового земледелия, очевидно, что во многих городах процент ремесленного населения сильно снижался за счет крестьянского. Поскольку местом работы ремесленника и одновременно сбыта его товара являлась лавка — دكان «доккан», некоторую помощь в уяснении вопроса о численности ремесленников в городах середины XVII в. оказывают данные о количестве лавок в городах, имеющиеся у Эвлия Челеби. Однако следует иметь в виду, что в одной и той же лавке могли работать два ремесленника одновременно. С другой стороны, существовали, как можно предполагать, ремесленники, работавшие у себя на дому. Эвлия Челеби дает следующие данные о численности лавок в городах Азербайджана и Восточной Армении (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 236–288):

1. Нахичеван — до 1000 лавок /с. 228/
2. Карабах — до 600 лавок
3. Маранд — до 600 лавок
4. Тебриз — до 7000 лавок
5. Марага — до 7000 лавок
6. Уджан — до 600 лавок
7. Кехрван — до 800 лавок
8. Хой — до 1000 лавок
9. Ареш — до 800 лавок.

Жан Шарден, побывавший в Тебризе в 60-х гг. XVII в. считал, что в нем ок. 15 000 лавок, однако эта цифра нам кажется сильно преувеличенной¹¹⁴.

¹¹⁴ Шарден в ряде случаев несомненно преувеличивает численность городского населения в Кызылбашском государстве. Достаточно сказать, что население

Точно так же в нашем распоряжении нет полных данных о видах ремесел, существовавших в городах XVII–XVIII вв. Наиболее полный перечень ремесел, существовавших в городах Кызылбашской державы XVII в. имеется у французского миссионера Рафаэля дю Мана, прожившего в Иране 52 года и оставившего замечательное описание состояния Сефевидского государства в 1660 г. Всего у дю Мана перечислено 42 вида различных ремесел (не включая такие профессии, как фокусники, дервиши и т. д.). Вот они (du Mans 1890. P. 197–213): 1) ткачи по золоту, серебру и шелку — شعرباف , 2) زرکش «те, которые растягивают золото и серебро в нити столь тонкие, что их едва можно видеть», 3) مالو کوب «те, которые на очень маленьких наковальнях такими же молоточками сплющивают эти золо/с. 229/тые и серебряные нити, а жены этих рабочих накатывают их на шелк».

Про эти три категории ремесленников дю Ман говорит, что несмотря на несовершенство своих орудий труда, они не уступают французским мастерам.

4) زرگر	мастера по золоту и серебру,
5) مسگر	медники,
6) رویگر	лудильщики,
7) کاشی پز	мастера, изготавливающие фаянсовую посуду,
8) نقاش	художники,
9) کمانگر	лучники,
10) تیرگر	изготавливающие стрелы,
11) شیشه گر	стекольщики,
12) حکاگر	граверы, резчики,
13) نجار	плотники,
14) صحاف	переплетчики,
15) کاغذساز	делающие бумагу,
16) آهنگر	кузнецы,
17) کفشدوز	башмачники,
18) درزی	портные
19) ریخته گر	литейщики,
20) نعلجی	изготавливающие подковы,
21) دواتگر	аптекарь,
22) نانوا	пекарь,
23) قنادی	кондитер,
24) دباغ	кожевник,
25) رنگساز	красильщик,
26) چیب ساز	изготавливающий ситец, /с. 230/
27) خراط	столяр,

Табриза, по его оценке, составляло 550 000 человек — цифра, которая должна быть сокращена минимум в 3 раза (Chardin 1811. P. 327).

28) زینساز	седельник,
29) دلودوز	делающий кожаные ведра,
30) باروتساز	изготавливающий порох,
31) کاردگر	делающий ножи,
32) تیغساز	делающий лезвие для сабель,
33) قنذاق ساز	делающий приклады для мушкетов,
34) ریسمانیاف	изготавливающий веревки,
35) صندوقساز	изготавливающий сундуки,
36) ساعت ساز	часовщик,
37) سوزان ساز	изготавливающий иголки,
38) کوره پز	обжигающий кирпичи,
39) بنا	строитель,
40) معمار	архитектор,
41) حمال	грузчик, носильщик,
42) شمشیر ساز	изготавливающий мечи.

Вопрос об организации ремесленников до сих пор полностью не разрешен. Лучшей работой по данному вопросу продолжает до сих пор оставаться монография С. Егиазарова (1891). Егиазаров кроме амкарств города Тифлиса изучал армянские цехи Закавказья на примере амкарств Ахалциха и частично Еревана. Кроме цеховых уставов первой половины XIX в. им были использованы данные Шардена (XVII в.) и ряд более ранних документов.

Что касается цехов в городах Азербайджана, то иссле/с. 231/дований по этому вопросу вообще нет, что объясняется почти полным отсутствием источников по данному вопросу. До сих пор, можно считать, под вопросом самое существование ремесленных организаций в городах северного Азербайджана. В последней статье на эту тему (Алиев 1957в) ее автор поставил вопрос о конкретном существовании ремесленных организаций в городах Северного Азербайджана во второй половине XVIII в. Ф. Алиев, не найдя в источниках конкретных данных о существовании амкарств в городах Северного Азербайджана, все-таки приходит к выводу, что они там существовали на основании следующих предположений: во-первых, ссылкой на запись 20-х гг. XX в., основанной, в свою очередь, на ссылке на свидетельства стариков, утверждавших, что они помнят существование цехов в городах Северного Азербайджана; во-вторых, ссылкой на существование амкарств в соседних странах, главным образом, Грузии и Турции и, в третьих, на сходстве ремесленной терминологии в Грузии и Азербайджане (Там же. С. 129–130). Нам кажется, что все эти предположения еще не разрешают вопроса. Единичная ссылка на запись 20-х гг. XX в., в свою очередь, основанная на устных свидетельствах лиц, которые сами по себе к тому же могли засвидетельствовать лишь явления, относившиеся на полстолетия поз-

же изучаемой Ф. Алиевым эпохи, отнюдь не может опровергнуть того факта, что в описях городов Азербайджана XIX в. не встречается никаких упоминаний об амкарствах азербайджанских ремесленни/с. 232/ков. Ссылки же на косвенные данные (соседние страны, сходство терминологии) сами по себе также не решают вопроса без конкретных данных. В источниках же XVI–XIX вв. нет упоминаний о ремесленных организациях в Северном Азербайджане¹¹⁵.

Что касается городов Южного Азербайджана, то в нашем распоряжении имеются конкретные данные о существовании в них цехов. Так, Адам Олеарий в своем описании города Ардебилля пишет, что в Ардебиле по обеим сторонам майдана находятся лавки, «в которых работают ремесленники, каждого цеха особо» (Олеарий 1870. С. 583). О цехах в городах Южного Азербайджана имеются сведения и в более поздних источниках (Подробное описание Персии 1839. Ч. I. С. 108). Можно поэтому предположить, что к городам южного Азербайджана относятся в полной мере упоминания о цехах ремесленников — эснафах (اصناف) Кызылбашской державы XVII–XVIII вв. Интересным поэтому является выяснение их особенностей и социальной сущности. О наличии ремесленных цехов в городах Кызылбашского государства говорят многие современные источники (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 102; du Mans 1890. Р. 30–31; Chardin 1735. Т. III. Р. 98; Tadhkirat al-Mulūk 1943. Р. 80–81 [перс. текст]). Однако еще Шарден, которому мы обязаны наиболее подробными сведениями о них, отмечал, что они «не являются тем не менее цехами в полном смысле слова» (Chardin 1735. Т. III. Р. 98). /с. 233/ Сравнимая их с ремесленными корпорациями европейских стран, Шарден замечал, что ремесленники этих цехов, например, никогда не собирались вместе (Ibid.). С другой стороны, ремесленники одной специальности жили обычно в одном районе (du Mans 1890. Р. 30) и официально существовали профессиональные организации, во главе которых стояли особые главы — «риш-сефиды», «пиш-вайян» или «кедходайян» (по терминологии источников — Tadhkirat al-Mulūk 1943. Р. 78, 80–81; Мухаммад Казим. Л. 266).

В XVII в. эти главы назначались калантаром, а в Исфагани шахом (Tadhkirat al-Mulūk 1943. Р. 76 [перс. текст]; Chardin 1735. Т. III. Р. 98). Эти цехи («эснафы») не имели никаких специальных уставов; по крайней мере нам ничего о таковых не известно. Какие же функции выполняли эти ремесленные организации и какова была их роль в рассматриваемый период? Анализ источников показывает, что организации эснафов выполняли не столько производственные,

---

¹¹⁵ Интересно, что С. Егиазаров, говоря о цехах Еревана, отмечает, что мусульманские (азербайджанские) ремесленники в отличие от армянских не были организованы в цехи: Егиазаров 1891. С. (не указана. — *примеч. А. А.*).

сколько административно-налоговые функции. В частности, через них производилось налоговое обложение ремесленников. В XVII — первой половине XVIII в. ремесленники большинства специальностей облагались податью, носившей название «бониче» (بنیچه) (Tavernier 1681. Т. I. P. 544; du Mans 1890. P. 30–31, 33; Chardin 1735. Т. III. P. 99; Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 76–77, 80–81 [перс. текст]). От этой подати освобождались ремесленники таких специальностей, как каменщики, столяры и некоторые другие, которые взамен этого должны были работать на шаха или местных правителей, когда те от них этого требовали (Tavernier 1681. Т. I. P. 544; Chardin 1735. Т. III. P. 99, 346). Шарден писал, что в его /с. 234/ времена эта подать равнялась 10 су с лавки (Chardin 1735. Т. III. P. 346). Возможно, что определенная доля бониче бралась натурой. Бониче устанавливалась так. Нагиб города собирал глав цехов и вместе с ними устанавливал размеры бониче, «согласно закону, праву, порядку и обычаю». Сбором бониче с эснафов ведал калантар города (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 76–77 [перс. текст]).

Кроме бониче и обязательных работ, на цехи падали расходы по содержанию в городах иностранных послов (du Mans 1890. P. 30–31)¹¹⁶. Наконец, на эснафы могли возлагаться всякого рода периодические расходы по постройке общественных зданий, мостов, источников орошения в городах. Например, в 1070 г. х. (1659/60 гг.) при постройке моста в Исфагане часть расходов была возложена на цеха («хамкаран», синоним эснафов) города (Мухаммад Тāхир Ваҳид 1329/1950. С. 260). Судя по «Тазкират-оль-мулук», ришсефиды цехов играли большую роль в установлении рыночных цен, которые назначались городской администрацией по соглашению с главами цехов (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 80 [перс. текст]). Но ни о какой роли эснафов в регламентации самого производства сведений в источниках мы не находим. Даже мастера важнейших ремесленных специальностей утверждались калантаром и нагибом города (Ibid. P. 81). В целом же, говоря /с. 235/ о самом ремесленном производстве, нам кажется, можно признать, что в сущности организации самого производства и ремесленники, организованные в цехи, и ремесленники, не входившие в эснафы, (такое положение очевидно существовало в городах Северного Азербайджана) мало чем отличались друг от друга. Самостоятельный ремесленник — мастер (уstad — اوستاد) работал обычно в лавке, расположенной, как правило, на рынке. Лавка могла быть собственностью ремесленника или могла сдаваться ему в аренду государством, местными феодалами (светскими и духовными), купцами. Ремесленник-лавочник мог работать либо на заказ, либо сам сбывал свои изделия здесь же на рынке.

¹¹⁶ Эти расходы именовались «хавадис» (حوادث) — «случайные расходы», интересно, что дю Ман в данном случае разделяет ремесленников, организованных в цехи, от ремесленников вне цехов.

В случае работы по заказу, ремесленники обычно брали у заказчика деньги на закупку сырья, которые назывались «харджи» (خرجی) (du Mans 1890. P. 31).

Каждый ремесленник-мастер мог брать себе одного или нескольких учеников («шагирд» شاکرد). В условиях отсутствия строгого цехового режима и связанной с этим большей свободы ремесла, отношения между мастером и учеником устанавливались по их взаимному соглашению. Ученик получал плату в течение всего периода своего обучения ремеслу; он мог в любое время расторгнуть договор, но и мастер мог при желании прогнать ученика (Chardin 1735. Т. III. P.¹¹⁷; Salmon, van Goch 1738. S. 74–75). Практически, конечно, ученик во многом зависел от мастера — особенно это проявлялось /с. 236/ в тех случаях, когда в ученики отдавались дети или несовершеннолетние — как правило, их родителями.

Отсутствие строгой цеховой регламентации проявлялось и в том, что ремесленники не были строго ограничены в производстве одного какого-либо товара. Например, ремесленник, делающий котлы, мог взяться за изготовление тазов (Chardin 1735. Т. III. P. 98).

В несколько ином положении находились армянские ремесленники. До XIII–XIV в. Армения, как известно, развивалась по своему своеобразному пути, и там существовал свой особый тип феодальных отношений, во многом сходный с тем, который существовал в соседней Грузии. Но если в Грузии этот тип феодальных отношений сохранился и в период позднего средневековья, то в Армении, потерявшей свою независимость уже в XII в. в силу ряда обстоятельств, среди которых не последнюю роль играл захват Армении кочевыми племенами, главным образом, тюркского и курдского происхождения, массовым поселением на ее территории этих племен, а позднее и оседлого населения, установилось экономическое и политическое господство пришлой тюркской и курдской военно-феодальной знати. В итоге, к XVII в. феодальные отношения в Армении (восточной) по существу не отличались от таковых же в соседних Азербайджане и Иране (Петрушевский 1949а. С. 64–65). Однако элементы старых феодальных отношений сохранились, приспособившись к новому. Именно как остаток старых отношений сохранились в армянских городах (и были перенесены армянскими переселенцами в другие страны, например, в Грузию) цеховые организации, возникновение /с. 237/ и корни которых следует искать в армянском феодализме XI–XIII вв. И в период позднего средневековья в городах Армении мы видим большинство армянских ремесленников, организованных в ремесленные корпорации, носившие название համկարութիւն («амкарство»); на территории же Турции эти

---

¹¹⁷ Пропущено. — *Примеч. А. А.*

корпорации именовались, как и в Иране, «эснафами»¹¹⁸. В данном случае для нас особенно интересны те конкретные особенности, которые отличали армянские амкарства от эснафов Ирана и Азербайджана. Армянские амкарства на рассматриваемой нами территории имелись в городе Ереване, а в XVIII–XIX в. амкарства существовали у армянских ремесленников городе Шуши.

Одно из основных отличий и особенностей армянских амкарств состояло в том, что они являлись более оформленными организациями, нежели эснафы Азербайджана и Ирана. В частности, армянские амкарства имели свои письменные статуты, уставы¹¹⁹. В этом отношении они напоминали европейские цехи.

Во главе армянских амкарств стояли особые главы, именуемые «устабаши» (*ուստաբաշի*), которые избирались ремесленниками своего цеха (Абрамян 1956. С. 253). Устабаши обладал большими полномочиями в рамках своего цеха; в числе прочих он имел судебные функции. Например, устабаши разрешал все тяжбы /с. 238/ между ремесленниками своего амкарства, стоимость которых не превышала двух туманов — в противном случае спор разрешался уже городским судьей (Там же). Особенностью армянских амкарств являлось также и то, что они регулировали само производство ремесленников. Так, согласно ст. 6 упомянутого устава XVIII в. в обязанность главы цеха входил надзор за тем, чтобы производимые ремесленниками товары были определенного веса, размера, качества (Там же). В составе амкарств имелись полноправные мастера — «уста» или «варпет» (*վարպետ* — *վարպետ*), подмастерья — «халифе» и ученики-«ашакерт» (*աշակերտ*).

Ремесленные уставы определяли права и взаимоотношения между ними. Ученик мог стать в зависимости от своей квалификации ремесленника, а также от желания мастеров цеха либо мастером, либо халифой. В конечном счете карьера ученика зависела от мастеров цеха. Статья 11 цитируемого устава гласила: «Если какой-либо ученик достоин стать мастером или халифой, то мастера этой специальности должны собраться и решить (этот вопрос); если он достоин этого — следует выдать ему письменное удостоверение, если не достоин — то он должен пребывать в услужении у данного цеха» (Там же. С. 254).

В функции армянских амкарств, так же как и в функции иранских эснафов, входила регулировка и контроль за налоговым обложением

¹¹⁸ До нас дошел список названий 65 армянских эснафов на территории Турции (Архив армянской истории 1914. С. 338).

¹¹⁹ Старейший цеховой устав армянских ремесленников, дошедший до нас, относится к XIII в. От XVIII в. дошел устав ремесленников в рукописи Матенадарана: недавно текст его издан В. А. Абрамян в приложении к ее книге «Ремесла в Армении IV–XVI вв.» (Йалак'с археставорац 1956. С. 253–258).

ремесленников. Амкарство являлось посредником между правительственной и городской администрацией /с. 239/ и ремесленником. Сохранение амкарств-эснафов было в интересах центрального правительства и местных феодалов, поскольку оно значительно облегчало налоговую и административную организацию городского населения. Главы амкарств и часть мастеров были тесно связаны с крупным купечеством и городскими феодалами и помогали последним держать в повиновении городские низы. Мастера могли приобретать на правах мультка земельные владения, даже вне пределов города. В архиве Матенадарана сохранилась купчая от 1066 г. х. (1655 г.) о продаже в Ереване мастером («уста») эчмиадзинскому престолу за 7 туманов части села Ошакан Ереванской области (Матенадаран, Архив католикоса, I, № 100). Другой документ о такого же рода операции, относящийся к Акулису, датирован 1799 г. (Там же. № 545).

Социально-экономическая роль амкарств в данный период не являлась прогрессивной: в позднее средневековье цехи являлись организацией пережиточной, сковывавшей в своих тесных рамках развитие производства. Характерно, что наиболее развитые в XVII–XVIII вв. виды ремесел, такие как ткачество и производство бархата, не были связаны с амкарствами.

Мир и относительное спокойствие экономической жизни, наступившие после прекращения длительных и разорительных войн на территории Закавказья со второй трети XVII в., способствовали подъему и росту производительных сил страны. В целом, хозяйство еще в значительной степени оставалось натуральным. Это проявлялось и в том, что подати взыски/с. 240/вались в значительной степени натурой, продуктами ремесла, скотоводства и земледелия. В сельскохозяйственных районах налоги платились, главным образом, хлебом, шелком, хлопком, причем два последних продукта собирались, в основном, натурой ввиду их большего экспортного значения.

В XVII в. местные правители (в т. ч. и закавказские) определенную часть доходов с области натурой высылали в Исфаган (Kaempfer 1712. P. 137). В источниках часто встречаются упоминания о пожалованиях шахов различным чинам на огромные суммы в 10 000–15 000 туманов товаров, в т. ч. «прекрасных одежд из бархата и соболей», «ценных тканей», золотой и серебряной посуды, керманских ковров и т. д. (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 102; Мухаммад Тәхир Вахид 1329/1950. С. 23, 37). При дворе шаха и местных беглярбеков в XVII в. существовали большие мастерские, называвшиеся «кархане». Кархане не являлись каким-либо новым, свойственным лишь этому периоду явлением. Подобные мастерские имелись еще в странах арабского халифата, а позднее в Хулагуидском Иране (Петрушевский

1951б; Али-Заде 1956. С. 47). Эти мастерские возникли в условиях господства натурального хозяйства, когда шахи и крупные феодалы, не имея возможности приобрести на рынке все нужные им предметы, получали их из такого рода мастерских. И в XVII в. экономическая сущность этого института сохранилась с той лишь разницей, что вместо /с. 241/ принудительного, рабского труда, на эксплуатации которого были основаны кархане более раннего периода, в этих мастерских использовался труд свободных ремесленников, находившихся в привилегированном положении и получавших плату частично деньгами, частично натурой (о кархане в XVII в. см.: della Valle 1745. P. 197–198; Chardin 1811. Т. VII. P. 329; Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 55–69). Не случайно, что во второй половине XVII в. с наметившимися некоторыми элементами разложения натурального хозяйства и ростом внутреннего рынка этот институт стал изживать себя. Например, сократилось количество шахских кархане за счет того, что дворцовое ведомство стало находить более выгодным заказывать изготовление шелковых материй в соседние с Исфаганом деревни крестьянам, снабжая их нитками и шелком и оплачивая труд (Chardin 1811. Т. VII. P. 330). Такого же рода производство, которое по типу своему приближается к рассеянной мануфактуре, было в XVII в. и в Азербайджане и Армении.

В городах Азербайджана и Восточной Армении в XVII в. особое развитие получили производство различных товаров, шедших, главным образом, на внешний рынок. Тебриз, например, славился производством хлопчатобумажных, шелковых и золотых тканей и лучшими на Востоке тюрбанами (Tavernier 1681. Т. I. P. 47; Der allerneueste Staat 1725. S. 314). Большой удельный вес в товарообороте Тебриза играла парча (زر بفت), производимая в этом городе. Существовало много сортов и разновидностей шелковых тканей и парчи (Chardin 1735. Т. III. P. 119). Сырье поставлялось из соседних областей (хлопок из Армении и Карабаха, /с. 242/ шел[к] из Гиляна и Ширвана). Во второй половине XVII в. Тебриз потреблял для своего производства до 6 000 тюков шелка (Chardin 1811. Т. II. P. 327–328). Производством шелковых тканей славились Шемаха, Ганджа и другие города.

И в текстильном производстве появились отдельные элементы разделения труда. Так, при производстве одного из сортов парчи участвовали в процессе его изготовления 5–6 человек (Chardin 1735. Т. III. P. 119). В XVII в. в городах появляются крупные мастерские типа простейшей мануфактуры. Европейские и русские источники именуют их обычно «фабрики» или «мануфактуры». Правда, ни один источник XVII–XVIII вв. не дает нам точного представления о том, что они представляли из себя, но уже из самого употребления в отношении их вышеуказанных терминов по аналогии с тем, что подразумевалось

под таковыми в Западной Европе и России, мы можем предположить, что эти фабрики являлись предприятиями мануфактурного типа. Кроме того, в нашем распоряжении имеются данные начала XIX в., дающие понятие о внутренней структуре заведений этого типа. Это были небольшие заведения на 1–2, иногда больше, ткацких стана, при каждом состояло 4–5 рабочих, каждый из которых выполнял особую производственную операцию (Легкобытов 1832–1836. Ч. III. С. 110–112). Подобного рода предприятия, судя по данным источников, имелись в большинстве крупных городов Закавказья, но наиболее важными центрами их были города Тебриз и Шемаха. Однако последняя, пережив тяжелые последствия страшного нашествия полчищ Надир-шаха, когда сам город был /с. 243/ разрушен до основания и перенесен на другое место, возродила свою шелкоткацкую промышленность, основа которой черпалась из местной домашней промышленности, еще с начала XVII в. широко распространенной во многих районах страны (Олеарий 1870. С. 738). Из Тебриза прибыли в Шемаху до ста лучших специалистов-ремесленников («фабрикантов»), которые оказали свою помощь в восстановлении былой славы города как центра шелковой промышленности (Гмелин 1771. С. 101–102). Но на этот раз Шемаха пострадала от феодальных усобиц, которые и во второй половине XVIII в. наносили большой ущерб экономике страны. Когда известный Фетх-али-хан кубинско-дербентский овладел Шемахой с помощью шекинского хана, то его политика привела к резкому упадку шелкоткачества в этом городе, и даже упомянутые тебризские ткачи покинули город (Там же). В конце XVIII в. на первое место в Северном Азербайджане по производству шелковых тканей вышла Ганджа.

Следует упомянуть еще об одной категории ремесленников в городах — о ремесленниках-крепостных, зависимых от отдельных феодалов. О ремесленниках этого рода мы не встречаем сведений в источниках XVII в., хотя очевидно они существовали и в то время. Но, начиная с середины XVIII в., они упоминаются в источниках, и, судя по описанию 1823 г. (Еромолов, Могилевский 2-й 1866) Шуши, в этом городе число ремесленников, зависимых от феодалов, было велико. В этом описании говорится и о ханских ремесленниках, и о ремесленниках, принадлежавших отдельным /с. 244/ феодалам. Нам кажется, что возникновение этой категории ремесленников можно объяснить определенными условиями, сложившимися в стране во второй половине XVIII — начале XIX в. Как уже говорилось выше, в XVII в. в связи с развитием товарно-денежных отношений и увеличением товарооборота в стране стал отмирать древний институт кархане — крупных мастерских, существование которых было тесно связано с господством натурального хозяйства и которые обслуживали потребности господствующего класса

в этих условиях. Однако события первой половины XVIII в. привели не только к политическому распаду страны, но и к сокращению внутреннего рынка и значительной натурализации хозяйства (ниже, с.¹²⁰). В этих условиях господствующий класс — феодалы — вынужден был прибегать к какому-то иному способу удовлетворения своих потребностей в продуктах ремесла. Так, на наш взгляд, возникла довольно значительная категория зависимых ремесленников, игравших в новых условиях ту же роль, что и ремесленники кархане XVII в. В отдельных случаях можно проследить и конкретный процесс образования этой категории ремесленников. Например, среди документов Нахичеванской серии имеется любопытный документ, который, хотя и датирован 1822 г., однако типичен и для второй половины XVIII в. Один из кенгерлинских беков, Мухаммед-султан, приводит в город Нахичеван из окрестных селений несколько армянских и азербайджанских семей с тем, «чтобы они могли заняться работой при вышеупомянутом беке». В персидском оригинале текста выражение «занияться работой» звучит «бе касб-е кар машгул шавад» (/с. 245/ *بکسب کار مشغول شود*), в котором термин «касб-е кар» может быть переведен лишь как занятие ремесленника или мелкого торговца (Передняя Азия в документах 1936. С. 114–115). Таким образом, в данном случае речь идет о переселении ремесленников — зависимых крестьян в город. Если вспомнить историю возникновения города Шуши, то можно предположить, что поскольку основная часть ее населения происходила из окрестных сел, то крестьяне, занимавшиеся различного рода ремеслами и промыслами, оставались феодально-зависимыми от своих старых хозяев — беков джеваншир и др. и во вновь основанном городе. Очевидно, такой же процесс происходил в середине XVIII в. и при заселении развалин старой Шемахи Меме-Саидом. В ходе общего процесса укрепления феодальной собственности, который характерен для XVIII — начала XIX в., укреплялась и власть городских беков над зависимыми ремесленниками, которые в документах первой половины XIX в. именуется «принадлежащими» бекам.

Таким образом, в XVII–XVIII вв. в городах Азербайджана и Восточной Армении существовало три категории ремесленников: 1) ремесленники, организованные в цеха — армянские ремесленники и азербайджанские ремесленники городов Южного Азербайджана¹²¹, 2) свободные

¹²⁰ Пропущено. — *Примеч. А. А.*

¹²¹ Любопытно, что в упомянутых Нахичеванских документах встречаются две различные категории ремесленников Нахичевана. С одной стороны, это *کسبه* арабск. мн.ч. от *کاسب* — «ремесленник, мелкий торговец», и с другой — *اصناف* эснаф. Вероятнее всего, под первыми подразумеваются зависимые (а возможно и свободные) ремесленники, но не организованные в цехи, тогда как термином *اصناف* обозначаются цеховые ремесленники, существовавшие

ремесленники, не входив/с. 246/шие в цеха и зависевшие лишь от феодалного государства. Ремесленники этой категории существовали во всех городах Закавказья, они преобладали в шелкоткацкой и хлопчатобумажной промышленности и из них вербовались основные рабочие кадры «фабрик» («мануфактур») XVII–XVIII вв.; 3) ремесленники, зависимые от феодалов, обслуживавшие нужды господствующего класса в условиях господства натурального хозяйства.

д) Прочие слои городского населения

Если источники XVII–XVIII вв. очень немногие говорят конкретно о всех вышеупомянутых слоях городского населения, то о низших слоях городского общества сведений, можно сказать, вообще нет.

Для всех городов Азербайджана и Армении общей чертой являлся их полудеревенский характер. Процесс отделения ремесла от земледелия, города от деревни здесь чрезвычайно затянулся. Причины этого явления до сих пор не выявлены, т. к. состояние изученности истории стран Ближнего и Среднего Востока не позволяет еще прийти по этому важнейшему вопросу к каким-либо определенным выводам. Нам кажется, что большую, если не основную роль в этой замедленности развития сыграло многовековое господство кочевой знати в большинстве этих стран (см. ниже, с. 122).

Даже города, существовавшие уже в течение многих столетий, являлись не только центрами ремесла и торговли, но одновременно в их экономике большое место занимали садоводство, огородничество и даже зерновое земледелие. Как /с. 247/ видно из данных Эвлия Челеби, а также из описаний европейских путешественников, во всех городах Закавказья огромные площади были заняты под садами. Отдельные города даже специализировались на разведении определенных садовых культур. Не будем здесь специально останавливаться на положении крестьянства, составлявшего значительный процент населения городов, поскольку конкретных данных по крестьянам городов нет, в отношении же общего положения крестьянства в XVII–XVIII вв. можно сослаться на имеющиеся исследования, лучшими из которых являются вышеупомянутые монография И.П. Петрушевского и диссертация А.Д. Папазяна. Кроме крестьянства в городах имелись и другие категории населения, которые источники называют «аджамир» и «оубаш» اجامره و اوباش — букв. «чернь», «голодранцы» (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 72, 117, 310), «зо‘афа» (ضعفا) —

в Нахичеване, более связанном исторически с Ереванской областью и Южным Азербайджаном (Передняя Азия в документах 1936. С. 117–118).

¹²² Не указана. — *Примеч. А. А.*

«слабые» (Там же. С. 254). Об этих категориях городского населения источники пишут в двух случаях: во-первых, в связи с их выступлениями и восстаниями против верхов и, во-вторых, в связи с активной борьбой их с турецкими захватчиками (Там же). В обычное время, как можно предполагать из отдельных высказываний источников, эта часть населения работала поденщиками на виноградниках, полях, в садах феодалов, духовенства, купцов¹²³. Они же вместе с крестьянами и ремесленниками использовались на больших оросительных и оборонительных ра/с. 248/ботах. О числе их можно судить по такому факту, относящемуся, правда, к Западной Армении: в 1561 г. потребовалось довести воду к виноградникам города Вана. Работа проводилась под надзором местного паши. Из Вана для произведения этих работ было согнано 8 000 поденщиков (*uşurşlı*) (Архив армянской истории 1912. С. 123). Об использовании большого числа городских жителей на различного рода работах за поденную плату говорят и другие данные (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 37, 117; об использовании нескольких тысяч жителей Ардебиля на постройке плотины за городом см.: Олеарий 1870. С. 583).

В тяжелые годы, особенно в голодные лета, в городах скапливалось много беглецов из голодающих округов. Так, во время сильного голода 1673 г. в Акулисе окопилось такое количество нищих, что городская администрация специально назначала людей выгонять их из города, — зато это было очень на руку зажиточным слоям населения, которые заставляли доведенных до отчаяния людей работать совершенно бесплатно на них (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 94). /с. 249/

§ 3. Торговля городов Азербайджана и Восточной Армении

а) Условия для торговли

В XVII–XVIII вв. города являлись центрами торговли. Общие условия торговли в Азербайджане и Армении в этот период не оставались неизменными. Основной причиной, определявшей развитие не только внутренней, но и внешней торговли, следует считать степень развития производительных сил страны, степень развития товарного производства, разложения натурального хозяйства и отделение промышленности от земледелия. Транзитная торговля в XVII–XVIII вв. уже не имела такого значения, как в более ранний период. К этому времени были освоены и широко использовались морские пути, связывающие страны

---

¹²³ Например, Захарий Акулеци писал, что он использовал для обработки своего виноградника 2 000 рабочих в течение 5 лет (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 95).

Европы с Индией и Восточной Азией. Древние сухопутные торговые пути через Ближний Восток потеряли свое значение.

Поэтому навряд ли правильно мнение тех историков, которые даже причины упадка Сефевидского государства связывают с расцветом и упадком транзитной торговли через Иран. Исторические факты свидетельствуют, что именно в то время, когда сухопутные пути через Иран на Восток имели первостепенное значение для Европы (XIV–XV вв.), Иран и Закавказье никогда не были объединены на длительный период времени, в то же время именно в эпоху существования Сефевидского государства транзитная торговля потеряла свое значение, хотя и не исчезла совершенно. Итальянские торговые республики, которые еще в XVI в. не без успеха преследовали свои политические и торговые цели в Иране, в XVII в. поч./с. 250/ти не имеют сношений с Сефевидским государством.

Уже в XVII в. внешняя торговля стран Ближнего Востока определялась почти исключительно товарами, производимыми в этих странах. В частности, торговые интересы европейских стран в Кызылбашской державе определялись, главным образом, шелком, который производился в ее северных областях. Производство шелка возрастало на протяжении XVII в. Так, согласно Адаму Олеарию, в первой половине XVII в. в Кызылбашском государстве производилось ежегодно от 10 000 до 20 000 тюков шелка (в тюке — 216 фунтов). Из них (Олеарий 1870. С. 791):

Гилян давал	— 8 000 тюков в хороший год,
Ширван	— 3 000 тюков в хороший год,
Хорасан	— до 3 000 тюков в хороший год,
Мазендеран	— 2 000 тюков в хороший год,
Карабах	— 2 000 тюков в хороший год.

Из них лишь 1 000 тюков оставались в Иране, весь же остальной шелк шел за границу. Во второй же половине XVII в. по всей Кызылбашской державе производилось 22 000 тюков шелка (по 276 фунтов каждый) из них (Chardin 1735. Т. III. Р. 123):

в Гиляне	— 10 000 тюков,
в Мазендеране	— 2 000 тюков,
в Азербайджане (очевидно, в Ширване), по терминологии Шардена — в Мидии	— 3 000 тюков,
в Хорасане («Бактрии»)	— 3 000 тюков,
в Карабахе и Грузии	— в каждой по 2 000 тюков.

В начале XVIII в. из-за разорительных войн и набегов горских феодалов резко сократилось производство шелка в/с. 251/ Азербайджане. На протяжении всей первой половины XVIII в. основным поставщиком шелка для местной промышленности и внешней торговли являлся Гилян, значительно менее затронутый бедствиями этой эпохи, нежели Закавказье.

В 40-х гг. XVIII в. Гилян производил в год 30 000 батманов (ок. 90 000 кг) шелка, из которых 6 000 оставались в стране, 4 000 вывозились сухопутным путем через турецкие владения, а остальной шелк (20 000 батманов) вывозился через Каспийское море (Напвай 1753. Vol. II. P. 16).

Именно из-за шелка, большая часть которого, как видно из вышеприведенных данных, вывозилась за границу, в Иране велась борьба за монополию его вывоза между голландскими, английскими, французскими, русскими и иными купцами. В XVII в. торговля шелком находилась, главным образом, в руках купцов Новой Джульфы, предместья Исфагана; но и купечество северных городов получало определенную выгоду от нее.

Сефевидские шахи с самого начала оказывали покровительство внешней торговле и крупному купечеству. Хроники сообщают факт, когда основатель этой династии Исмаил I, узнав в 1512 г. об ограблении кызылбашами племени текелю каравана купцов в Азербайджане, приказал казнить часть виновных, другую же распределил между прочими племенами (Йахйя б. 'Абд ал-Латиф ал-Қазвини. Л. 164а; Шереф-хъан Бидлисй 1862. С. 149). Поэтому крупное армянское купечество Закавказья в начале /с. 252/ XVII в. с восторгом встретило войска Аббаса I (Каш и Текандер 1896. С. 33). В XVII в. Сефевиды оказывали большое внимание охране дорог и интересов купечества. В Кызылбашской державе существовало правило личной материальной ответственности местных правителей в случае ограбления купца (Tavernier 1681. Т. I. P. 556). По жалобам купцов могли сниматься правители провинций¹²⁴.

Положение изменилось в конце XVIII в., когда шахское правительство, все более нуждавшееся в средствах, старалось увеличить поступление их в казну посредством увеличения налогов; в свою очередь местные правители старались выкачать побольше средств из податного сословия. Сильно пострададо и купечество (Hassan Dchalalians 1876. P. 204)¹²⁵. Большую роль для развития торговли играла отмена тамги (налога с торговцев) Тахмаспом I¹²⁶. Очень выгодную для купечества реформу в порядке /с. 253/ и способе приобретения шелка произвел шах

¹²⁴ Тавернье рассказывает о снятии беглярбека Еревана по жалобам купцов города (Tavernier 1681. Т. I. P. 505–506). О снятии беглярбека Хамадана по жалобе арабского купца см.: Sanson 1694. P. 111–112.

¹²⁵ Польский иезуит И. Крусинский, живший в Исфагане в первой четверти XVIII в., сравнивая условия для торговли в XVII в. и в начале XVIII в., приводил случай, когда ограбленный тбилисский купец обратился к местным властям за содействием. В ответ на это ему было заявлено: «найди вора и я верну тебе твое имущество» (Krusinski 1742. P. 95).

¹²⁶ Налог этот на торговцев был введен в XIII в. Хулагуидами, и составлял 1 динар с каждых 240 динаров имущества торговца. См.: «О финансах» Насир-ад-дин-Туси издания В. Минорского (Minovi, Minorsky 1940. P. 761, 773). Об отмене тамги см.: Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 123.

Сефи I (1629–1642). Если до этого времени монопольное право скупки шелка у райатов и землевладельцев принадлежало казне, то по указу Сефи I купцы могли теперь непосредственно скупать шелк у крестьян без посредничества казны (Искандар-бик туркеман Мунши 1318/1900–1901. С. 13–14). Благоприятно отразился на развитии торговли мир 1639 г. с Турцией. При Надир-шахе делались попытки восстановления безопасности торговли¹²⁷, но в общем положение мало изменилось¹²⁸, а для стран Закавказья господство этого завоевателя принесло, как известно, неисчислимые бедствия. После смерти Надир-шаха начавшиеся междоусобия тяжело отразились на состоянии торговли. На некоторое время положение улучшилось в 1752 г., когда мирный договор Ираклия II с Азад-ханом, правителем южного Азербайджана «возвратил некоторую свободу торговли» (Peggin 1754. P. 450).

Купечество городов Азербайджана и Армении вело оживленную торговлю также с Турцией, различными областями Ирана, Средней Азией, Индией¹²⁹. Местные купцы ездили даже /с. 254/ в Китай и на Филиппины. Так, в 1631 г. купец из Азербайджана Якоб Исусян совершил торговую поездку в Индию и дошел до Манилы (Филиппины) с товарами на сумму в 200 туманов (hАкоб hИусин верагрвац' жаманакагрут'йун 1951. С. 196). В XVII в. в Кызылбашском государстве лучшей считалась японская медь (Tavernier 1811. P. 338; Chardin 1811. Т. III. P. 355).

В XVII в. было пять основных торговых путей, по которым купцы Закавказья вели торговлю с зарубежными странами. Первый из них — старый караванный путь из Тебриза через Диярбекир на Алеппо и далее морем в Европу. Второй путь — из того же Алеппо на Тебриз через Месопотамию (Ирак арабский). Третий — из Тебриза на Ереван, Тбилиси, Западную Грузию, через Черное море в Константинополь. Четвертый — из Азербайджана через Западную Армению (Эрзрум), далее через Трапезунд, Каффу, Аккерман, Яссы, Люблин на Варшаву. Пятый путь — из Шемахи на Дербент, Терки, Астрахань и далее в Россию (Tavernier 1811. P. 254–281). Торговля с Индией шла через Иран либо сухопутным путем, либо через южные порты.

В торговле с Россией наибольшую роль играли города Дербент¹³⁰ и Баку.

¹²⁷ Например, при Надире был схвачен Мехди-хан зенд за грабежи купцов (Абу-л-Хасан Гулистанй 1359/1941. С. 127).

¹²⁸ О недовольстве купцов Надиром и бесчинствах его заместителей в отношении купцов, см.: Nanway 1753. P. 233–234, 337. Там же о бегстве купцов в Индию и Турцию.

¹²⁹ О торговле армянских купцов в Индии имеются специальные работы (Тер-Григорян 1922а; 1922б; 1922в; Seth 1957).

¹³⁰ Об огромной торговой роли Дербента писал Эвлия Челеби, который говорил, что в Дербенте торговали товарами из России, Средней Азии и Китая (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 310).

Условия торговли в Азербайджане и Армении в XVII–XVIII вв. были нелегкие. Дороги очень часто находились в плохом состоянии (см., например, описание дороги из Шемахи в Баку: Гмелин 1771. С. 86); несмотря на меры, предпринимаемые правительством, /с. 255/ даже в XVII в. часто случались нападения на караваны разбойников (см.: Стрейс 1935. С. 242). Не говоря уже о времени полунезависимых ханств XVIII в., даже в XVII в. не существовало единой денежной системы; по областям каждый хан чеканил свою монету, и таковая ходила лишь в пределах его области (Krusinski 1742. P. 50). В случае необходимости ханы подделывали монету (Гмелин 1771. С. 206), и, можно сказать, что в течение всего рассматриваемого периода полноценной монеты никогда в обращении не было.

Точно также не только на территории всей Кызылбашской державы, но и на территории закавказских беглярбекств не существовало единых мер веса и объема. В частности, тебризский ман (батман) был равен 2,94 кг, в то время как таковой же в Гандже составлял 6,4 кг, а так наз. шахский ман равнялся 5,888 кг. Официальной денежной единицей являлся туман, делившийся на 10 000 динаров. Однако практически ходившая монета носила совершенно другие названия, туманы же и динары употреблялись лишь при расчетах. Стоимость денег менялась на протяжении XVII–XVIII вв. Колебания курса денег того времени — вопрос до сих пор не изученный.

Очень велики были всякого рода таможенные поборы. В период существования Сефевидского государства (XVI — перв. четверть XVIII в.) таможенные и дорожные (рахдарные) пошлины собирались в общегосударственное казначейство. Во второй половине XVII в. они составляли огромную сумму в 60 000 туманов (Chardin 1735. Т. III. P. 351). В /с. 256/ казну шли в тот период и доходы с ширванской нефти, составлявшие в конце XVII в. 20 000 туманов (1 000 000 ливров) (Sanson 1694. P. 100). Наиболее значительные таможенные сборы давали в XVII в. таможи Дербента (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 310)¹³¹ и Баку. Единой системы дорожных пошлин в Кызылбашской державе не существовало, и в различных провинциях сборы их были различны (Chardin 1735. Т. III. P. 346). В первой половине XVII в., например, дорожная пошлина при переправе через р. Аракс у Нахичевани составляла 10 аббаси с вьюка, тогда как в городе Маранде, по соседству, брали 13 аббаси с вьюка (Tavernier 1681. Т. I. P. 42, 45). Единицей оценки товара служил обычно верблюжий вьюк.

Во второй половине XVII в. дорожные пошлины в Кызылбашской державе были от 1 су до 5–6 ливров с вьюка (Chardin 1735. Т. III. P. 346).

---

¹³¹ В первой половине XVIII в. общая сумма сбора пошлин в Дербенте была ок. 1000 рублей (Гербер 1760. С. 204).

В Шемахе в начале XVIII в. брали 50 су с вьюка. Кроме постоянно существовавших дорожных сборов местные ханы даже в XVII в. могли накладывать небольшие поборы на ввозимые в город товары (так, в 1632 г. хан города Кума Ирак-е аджем наложил небольшую пошлину на фрукты, ввозимые в город: Tavernier 1681. Т. I. P. 65). Обычно таможи находились либо в городах (при въезде в город), либо на переправах через реки (о таможе при переправе через Аракс, см.: Tavernier 1681. Т. I. P. 42; о таможнях на р. Атте см.: Гмелин 1771. С. 54), либо на границе ханств.

В условиях существования оживленной торговли, очень важную роль играли караван-сарай. В Кызылбашском государств. **257**/стве XVII в. строительство караван-сарая производилось как центральной властью, так и местными правителями¹³² и частными лицами (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 121). Лучшие из караван-сарая были расположены в городах. Во всех городах Азербайджана и Армении в XVII в. было по несколько караван-сарая, в крупных же городах их были десятки. Так, в середине XVII в. (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 236, 241, 242, 269, 270):

в Нахичеване было	— 20 караван-сарая,
в городе Карабаге	— 3 караван-сарая,
в городе Тесви	— 6 караван-сарая,
в городе Маранде	— 3 караван-сарая,
в городе Мараге	— 40 караван-сарая
в городе Уджане	— 7 караван-сарая.

В городе Тебризе было в XVII в. до 300 караван-сарая (Chardin 1811. Т. II. P. 322), в Шемахе — 7 (Котов 1852. С. 4). В Ереване в начале XIX в. было 7 караван-сарая (Шопен 1852. С. 468).

Собственно говоря, караван-сарай были двух родов: одни для путешественников и паломников, а другие для торговцев — вторые-то и являлись собственно караван-сараями (Chardin 1811. Т. II. P. 146).

В этих караван-сараях торговцы должны были платить, во-первых, пошлину за въезд и, во-вторых, определенную плату за **с. 258**/ пребывание в них (Ibid.). В караван-сараях кроме жилых помещений находились лавки, конюшни, склады. Большие караван-сарай могли вмещать до 300 человек и даже более (Ibid. P. 322). Караван-сарай являлись собственностью государства, местных правителей, религиозных учреждений¹³³, частных лиц. В последних случаях они являлись мульками

¹³² Лучший караван-сарай в городе Ереване в середине XVII в. построил беглярбек, см.: (сноска пропущена. — *Примеч. А.А.*) P. 164. Лучший караван-сарай в Тебризе в первой половине XVII в. был построен везирем провинции (Tavernier 1681. Т. I. P. 47).

¹³³ Мазар Сефи-ад-дина в Ардебиле владел 8 караван-сараями в городе (Олеарий 1870. С. 591).

(хайрениками) и в качестве таковых свободно могли продаваться и купаться (см. купчие о продаже караван-сараев: Абрамян 1941. С. 140, 142). В XVIII в. в связи с войнами, междоусобиями и общим сокращением внешней торговли, многие караван-сарай, особенно из числа крупных, пришли в упадок и находились в развалинах.

б) Внешняя торговля городов Азербайджана и Восточной Армении в XVII–XVIII вв.

В XVII–XVIII вв. Азербайджан и Восточная Армения имели широкие торговые связи со многими странами Азии и Европы.

Наиболее исследован вопрос о торговле Закавказья с Россией (см. библиографию), хотя и в его изучении имеются значительные пробелы, которые могут быть восполнены, однако, лишь специальными исследованиями.

Между Россией и Кызылбашским государством оживленная торговля началась уже с середины XVI в. после присоединения при Иване IV Казанского и Астраханского ханств, служивших до этого времени препятствием для торговли Русского государства с Востоком. Одновременно торговый путь через /с. 259/ Россию по Волге на Каспийское море начал интересовать и западноевропейские державы, особенно северные государства (Англию, Голштинию, Швецию и ряд других), для которых торговля с Ближним Востоком через Россию дала бы большие выгоды, если бы политика русского правительства, стоявшего на страже отечественного купечества, не ставила на пути транзитной торговли ряд препятствий (Зевакин 1940), которые в конце концов привели к тому, что основная торговля стран Западной Европы с Ираном и Закавказьем продолжала идти через Турецкую империю, а в XVII в. и через южно-иранские порты.

Поэтому на практике волжский торговый путь обслуживал главным образом торговлю России с Ираном и Закавказьем, и торговля западноевропейскими товарами производилась через посредничество русских, армянских и отчасти мусульманских (иранских и азербайджанских) купцов. XVII в. был периодом мирных, главным образом торговых связей между Русским государством и Ираном. Об этом свидетельствуют не только многочисленные русские архивные данные, но и иранские и даже западноевропейские источники. Французский путешественник Шарден (60-е гг. XVII в.) передает в своих записках свой разговор с этемад-эд-доуле Сефевидского государства, в котором последний между прочим заявил: «Московия (Россия) является нашим соседом и нашим другом и торговля ведется между нашими государствами с давних времен без перерыва; почти ежегодно между нами происходит обмен посольствами» (Chardin 1811. Т. II. Р. 174–175). Официальный историограф

второй половины XVII в., ставший в конце этого столетия этемад-эд-доуле, /с. 260/ Мухаммед Тахир Вахид также писал, что между Россией и Ираном существуют прочные дружеские отношения (Мухаммад Тāхир Вахїд 1329/1950. С. 308). Серьезный конфликт между Россией и Сефевидами возник лишь в связи с борьбой за влияние в северном Дагестане в середине XVII в. (Там же. С. 159–160). В остальном же русское правительство, заинтересованное в развитии торговли с Ираном, практически шло на уступки шахскому правительству. Это особенно ярко видно на примере грузинского вопроса. На протяжении всего XVII в. русское правительство фактически признавало Грузию вассалом Ирана, хотя и оказывало посильное покровительство грузинским царям.

Торговля России с Закавказьем велась главным образом из Астрахани через порты Дербент, Ни[я]забад и Баку. Основной статьей вывоза в Россию (и далее в Западную Европу) был в XVII в. шелк-сырец и шелковые изделия, производимые в Шемахе, Тебризе и других городах. Из России ввозили, главным образом, металлы, добыча которых в Закавказье и Иране была слабо налажена (олово, медь, свинец, железо), меха, сукна, водку. В XVII в. велась упорная борьба за монопольный вывоз шелка через Россию, однако практически значительная часть его (если не большинство) даже в 60-е–70-е гг. XVII в., в период заключения известных договоров армянских купцов Джульфы с Россией, вывозилась иными путями. К тому же купцы Новой Джульфы торговали, в основном, гилянским шелком, тогда как значительная часть ширванского шелка закупалась акулисскими и иными купцами Закавказья и вывози/с. 261/лась через Турцию.

С конца XVII в. в торговле с Россией возникли существенные затруднения, связанные, главным образом, с позицией, которую заняли купцы Новой Джульфы (Зевакин 1929. С. 11), после того как все их попытки получить право свободного транзита на Запад через Россию окончились неудачей.

В Закавказье серьезным препятствием торговле русских купцов стали нашествия горских феодалов, а также восстания местного населения. Афганское нашествие и взятие Исфагана в 1722 г. окончательно убедили правительство Петра I в том, что обанкротившиеся Сефевиды неспособны защитить торговые интересы русских купцов в Иране. Так называемый «Персидский» поход Петра I был вызван прежде всего экономическими интересами русского купечества на Каспийском море. Не случайно Петр I стремился закрепить за Россией богатые шелком области южного Прикаспия и Азербайджана. Население прибрежных областей Азербайджана и Гиляна дружелюбно встретило русские войска и приняло манифест Петра I. Однако основная часть Ширвана с Шемахой были захвачены Турцией, также имевшей свои экономические интересы

в Закавказье и поддержанной многими дагестанскими владетелями. Уступка Россией Прикаспийских провинций Надир-шаху (окончательно по договору 1735 г.) была следствием создавшейся политической обстановки, когда постоянная угроза со стороны турок и их дагестанских союзников, а также выяснившаяся экономическая невыгодность оккупации этих районов заставили русское пра/с. 262/вительство в обмен на союз с Надир-шахом против Турции очистить Прикаспийские области.

Время правления Надир-шаха тяжело отразилось на состоянии торговли Закавказья с Россией. Наряду с разрушением Шемахи, избиениями в Дербенте и других местах, немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что Надир-шах действовал в контакте с англичанами, которые уже тогда пытались поставить препятствие русской политике в Закавказье и Иране. Поэтому и купечество, особенно приморских городов, заинтересованное в расширении торговли с Россией, стало в оппозицию к шаху.

Политическая обстановка, сложившаяся в Закавказье в середине XVIII в. в значительной степени определила направление и размеры внешней торговли. Наиболее связанными с Россией оказались приморские земли Азербайджана, и порты Баку и Дербент оставались центрами торговли с Россией. Через эти города велась торговля не только с внутренним Азербайджаном и Арменией, но одновременно они же служили как бы промежуточными пунктами в торговле России с Гиляном и внутренним Ираном. Торговля на Каспийском море велась, главным образом, на русских судах из Астрахани вдоль западного побережья Каспийского моря до гилянских и мазендеранских портов. В Баку (а одно время в Сальянах) находился русский торговый консул, который являлся посредником между русскими купцами и местными властями и одновременно политическим агентом русского правительства в Восточном Закавказье.

Основные статьи ввоза и вывоза оставались те же самые, что и в более ранний период, хотя заметно изменение /с. 263/ в сторону большего ввоза из России промышленных товаров русского и западноевропейского производства. Так, в описи товаров, вывезенных из России в Закавказье и Иран в 1766 г., упомянуты из товаров русского производства армяки, армянские башмаки, бумага писчая, белила, зеркала станные, замки павловские, рыбная кость, изюм, мыло, хрустальная, оловянная, фарфоровая посуда, холст, сукно сермяжное и некоторые другие товары, а из товаров западноевропейского происхождения — бархат, иглы, парча, посуда, зеркала, сукна, сахар, пряности и некоторые другие товары (АВПР, ф. перс., д. 4 (1728–1796 гг.). Л. 14). В то же время среди товаров, ввезенных в этом году в Россию из Ирана и Закавказья, основное место занимали по-прежнему шелковые изде-

лия и шелк-сырец (Там же. Л. 15–16). Через бакинский порт в 80-х гг. XVIII в. ввозилось в год до 400 т шелка-сырца (Forster 1798. P. 228). Что же касается шелковых тканей, то вывоз их сократился с конца 60-х гг. XVIII в., после разорения Шемахи Фетх-али-ханом кубинско-дербентским и сокращением и упадком шелкового производства в Ширване (Гмелин 1771. С. 100–102). Во второй половине XVIII в. лучшие шелковые ткани ввозились из Гиляна, и к началу XIX в. они вытесняют ткани местного производства даже в самом Азербайджане (Броневский 1823. С. 402). К началу 70-х гг. XVIII в. сократился и вывоз шелка-сырца, что в значительной степени может быть отнесено за счет разорения Ширвана Фетх-али-ханом кубинско-дербентским. С целью иллюстрации этого положения приведем данные о вывозе шелка в Россию с 1767 по /с. 264/ 1170 гг.:

В эти годы вывоз шелка в Россию составлял (Гильденштедт 1809. С. 25):

- в 1767 г. — 1255 пудов 31½ фунтов,
- в 1768 г. — 1284 пудов 17 фунтов,
- в 1769 г. — 2209 пудов 5 фунтов,
- в 1770 г. — 1216 пудов 29 фунтов.

В 80-х гг. XVIII в. вывоз шелка несколько увеличился, но, в целом, в конце XVIII в. объем торговли остался тот же, что и в 70-х гг. XVIII в. Так, по официальным данным за период с 1773 по 1777 гг., ввоз товаров в Россию составлял 51 794 рублей, а вывоз — 96 843 рублей. В то же время за период с 1793 по 1797 гг. ввоз составлял 52 906 рублей, а вывоз — 91 619 рублей. Общая стоимость экспорта и импорта в 1793–1797 гг. была даже меньше, нежели в 1773–1777 гг. (Reineggs 1807. Vol. II. P. 247). Объяснялось это, в первую очередь, политическими условиями в Закавказье во второй половине XVIII в. В условиях существования феодальной раздробленности местные ханы проводили политику экономической изоляции своих владений, разорения соседних земель. Так Фетх-али-хан кубинский, объединивший к 80-м гг. XVIII в. вокруг Кубинско-дербентского ханства северо-восточный Азербайджан, проводил в общем политику расширения торговых связей с Россией, но в то же время, находясь во враждебных отношениях с другими ханствами, препятствовал вывозу товаров из них через подвластные ему дербентский и бакинский порты. А с разорением Фетх-али-ханом Шемахи и ее округи сократился вывоз шелка-сырца из этой об/с. 265/ласти, в итоге, в 80-х гг. XVIII в. основная масса шелка-сырца ввозилась в Россию из Гиляна (Ibidem. P. 278). Подвластный Фетх-али-хану бакинский хан, а также и другие местные владельцы нередко в своекорыстных целях оказывали препятствия русской торговле, вызывая недовольство не только со стороны русских, но и со стороны местных купцов (АВПР,

ф. перс., д. 470 (1774–1800 гг.). Л. 112–118, 166–167, 186–188). Поэтому, хотя в торговле с Россией были заинтересованы и тесно с ней связаны местные торгово-купеческие слои, тем не менее она, как указано выше, количественно не возросла на протяжении второй половины XVIII в. Отсюда возникло и противоречие между местными феодальными правителями и купечеством Закавказья, стремившимся к созданию более свободных условий торговли с Россией. Ориентация купечества на Россию объяснялась его тесными связями с русской торговлей и тем, что оно не видело другого выхода из сложившегося положения, как лишь через посредство усиления экономических и политических связей с Россией.

Азербайджан и Восточная Армения вели оживленную торговлю с соседними областями Ирана, особенно с Гиляном, Мазендараном и Ираком Персидским (عراق عجم). Еще до XVII в. исторически сложилась экономическая взаимозависимость между этими соседними странами, а в условиях единого государства торговля между Ираном и Закавказьем приобретала особенно жизненный характер. Особенно тесно с Гиляном и северо-западным Ираном был связан южный Азербайджан. В частности, шелкоткацкое производство Тебриза получало /с. 266/ шелк-сырец в основном из Гиляна¹³⁴. В то же время шелкоткацкая промышленность города Кашана в Иране получала часть шелка из Ширвана (Hanway 1753. Vol. II. P. 16). Во второй половине XVIII в. в Азербайджан ввозились из Ирана шелковые и хлопчато-бумажные материи (Олеарий 1870. С. 703; Белл 1776. С. 70; Гмелин 1771. С. 82; von Bieberstein 1798. P. 81). Северный Азербайджан поддерживал тесные торговые отношения с Гиляном и зависел (как и южный) от ввоза из Гиляна риса (Гмелин 1771. С. 81–82, 100). В то же время район Баку снабжал весь Иран солью и нефтью (Там же).

В XVII в. первостепенную роль играл сухопутный караванный путь через Тебриз на север к Черному морю в Грузию, к Дербенту. В условиях феодальных междоусобиц и войн XVIII в. этот путь потерял свое значение, и основная торговля Ирана на севере шла через каспийские порты Гиляна и Мазендерана.

Во второй половине XVIII в. с внутренним Ираном поддерживали торговые связи, главным образом, ханства южного Азербайджана, тогда как северо-восточные ханства все более экономически обособлялись от них, так что к концу XVIII в. северо-восточный Азербайджан, несомненно, был более экономически связан с Дагестаном и русскими владениями на Кавказе. Любопытно, что и Гилян к 90-м гг. XVIII в.

¹³⁴ В Тебризе в XVII — начале XVIII в. перерабатывалось до 6000 тюков шелка (Chardin 1811. Т. II. P. 327–328; Der allerneueste Staat 1725. S. 314). В основном, этот шелк привозился из Гиляна.

все более /с. 267/ связывался с приморским Азербайджаном. Этим объяснялось сопротивление ряда городов Гиляна нашествию Ага-Мохаммед-шаха каджара, и обращение части населения Гиляна за помощью к бакинскому, кубинскому и другим азербайджанским ханам, в лице которых она надеялась получить защиту от кочевых тюркских полчищ Ага-Мохаммед-шаха. Немаловажную роль сыграло при этом и то обстоятельство, что вышеназванные ханства находились под покровительством России, тогда как Ага-Мохаммед-шах с самого начала начал ставить препятствия русско-гилянкой торговле, имевшей огромное значение для экономики страны.

Торговля с горными районами Дагестана развивается особенно на протяжении XVIII в., когда последние начинают снабжать районы Северного Азербайджана различными продуктами ремесла (Броневский 1823. С. 452). Точно также на протяжении XVIII в. заметно непрерывное увеличение торговли с Грузией. Во второй половине XVIII в. для Северного Азербайджана и Восточной Армении торговля с Грузией приобрела особенно важное жизненное значение. Русский военный представитель в Тифлисе полковник С.Д. Бурнашев отмечал, что при возмущениях в Гандже в Тифлисе немедленно ощущался недостаток в самых необходимых вещах (Бурнашев 1793. С. 16).

Большое значение имела для городов Восточного Закавказья торговля с Турцией, а через нее с арабскими странами, в частности, с Ираком (арабским) и Сирией. Еще в XVI в. в период почти непрерывных войн между Сефевидами /с. 268/ и Турцией существовало положение о свободной караванной торговле даже во время военных действий. Одной из причин того, что Турция стремилась захватить Азербайджан, было желание отнять у Сефевидов шелководческие районы Ширвана. Благоприятно отразился на торговле с Турцией договор 1639 г. (Зак'ареа Саркаваг 1873. С.¹³⁵). Торговля с Турцией носила в XVII в., в основном, транзитный характер, и через Турцию вывозились на запад и на северо-запад (через Черное море), главным образом, шелк-сырец и шелковые ткани. В торговле с турецкими владениями и через них с Европой участвовали, главным образом, купцы Армении, западного и южного Азербайджана.

В XVIII в. торговля в этом направлении сильно сократилась, что было связано, в первую очередь, с перенесением центра внешней торговли на Каспийское море.

В XVII в. сильно сократилась торговля с Итальянскими республиками, которые после открытия морских путей в Индию и Америку стали приходить в упадок. Некоторое время сохраняла свое значение торговля армянских купцов с Венецианской республикой, но и в данном

---

¹³⁵ Пропущено. – Примеч. А. А.

случае острова св. Лазаря служили, скорее, промежуточным пунктом для торговли с более развитыми европейскими державами. Армянские купцы Закавказья основную торговлю с Западной Европой вели через турецкие владения, и на всех этапах этого торгового пути возникали и множились армянские торговые колонии.

В то же время для XVII в. характерно проникновение европейского торгового капитала непосредственно в страны Востока, в том числе в Иран и Закавказье. Западноевропейские торговцы стремились получить иранский и закавказский шелк всеми возможными путями. Выше упоминалось уже о попытках Англии и других европейских государств получить свободный транзит через Россию. Неудачи этих попыток обусловили увеличение торгового оборота на старом пути через османские владения. Однако конкуренция со стороны местных, особенно армянских купцов, а также таможенные и иные затруднения заставляли западноевропейских купцов пользоваться и морским путем вокруг Африки. В связи с этим, все большее значение приобретали южноиранские порты, на благоустройство и организацию которых Сефевидские шахи обращали большое внимание.

С самого начала XVII в. наиболее связанными с торговлей с Кызылбашским государством оказались Голландия и Англия — сильнейшие морские державы того времени. Первые привилегии Аббаса I англичанам и голландцам относятся еще к 1600 г. (Hurewitz 1956. P. 15–16). В 1623 г. голландцы заключили первый торговый договор с Ираном, по которому они были освобождены от большинства таможенных сборов (Ibid. P. 16–17), а в 1631 г. иранские (т. е. главным образом армянские) купцы получили право экстерриториальности в Нидерландских штатах (Ibid. P. 20–21).

С Англией торговый договор был заключен в 1624 г. Этот договор был также очень выгоден английским купцам (Ibid. P. 18–20). Позднее, в 1688 г. купцы Новой Джульфы заключили с англичанами особый договор, учитывавший интересы обеих сторон (Raffi 1914. P. 195). /с. 270/ Возможно, что с заключением этого договора было связано ухудшение отношений между джульфинскими купцами и Россией, имевшее место с конца XVII в.

Позднее других крупных европейских держав добилась привилегий в Иране Франция, первый договор с которой Сефевиды заключили в 1674 г. (Hanway 1753. P. 29). Позднее, при шахе Султан-Хусейне (1694–1722), Франция заключила с Ираном выгодные для нее договора 1708 и 1715 гг. (Hurewitz 1956. P. 32–42; Lang 1957. P. 107, 108).

В XVII — первой четверти XVIII в. центром торговли с западноевропейскими купцами являлся Исфаган, где находились центральные английские и голландские фактории. Представители этих факторий

были и в городах Закавказья, в частности, в Шемахе (Bell 1787. S. 46), откуда они отправляли закупленный на местах шелк в Исфаган и через Турцию на запад. После афганского разгрома Исфагана (1722 г.), во время которого сильно пострадали европейские купцы, торговля с севером страны значительно сократилась. Особенно большой удар был нанесен купцам Новой Джульфы, наиболее связанным с западноевропейской торговлей. Купечество же Гиляна и Восточного Закавказья, освободившись от этих опасных, находившихся под покровительством шахов конкурентов, и будучи более связанным и заинтересованным в северном торговом пути через Россию, все более освобождалось от опеки Новой Джульфы и европейских купцов. Торговля шелком через южные порты все более сокращается и во второй половине XVIII в. почти /с. 271/ замирает. Раньше всех это заметили наиболее предприимчивые английские купцы, которые уже с начала 20-х гг. XVIII в. стали делать попытки путем переговоров с русским правительством, а затем и прямых интриг при дворе Надир-шаха обеспечить себе льготы и права в торговле на Каспийском море. Однако попытки эти успехом не увенчались, и во второй половине XVIII в. западноевропейские купцы были вытеснены из Закавказья. Новая попытка, в новых экономических (для Западной Европы) и политических условиях со стороны англичан и французов утвердиться в Закавказье и Северном Иране относится уже к концу XVIII в. и является по существу частью всей той сложной и упорной борьбы за Закавказье и влияние в Иране, которая активно развернулась с начала XIX в.

в) Вопрос о внутренней торговле в Восточном Закавказье XVII–XVIII вв.

Процесс формирования внутреннего рынка в Восточном Закавказье чрезвычайно затянулся. Причины этого в настоящее время не могут быть полностью и окончательно определены, хотя можно высказать по этому [поводу] некоторые соображения. Нам кажется, [что] одной из важнейших причин медленного разложения натурального хозяйства для Азербайджана явилось длительное господство, экономическое и политическое, феодалов-кочевников. При этом следует вспомнить известную характеристику К. Марксом особенностей восточного феодализма, связанных в значительной мере с сосуществованием /с. 272/ кочевого и оседлого земледельческого хозяйства (Маркс, Энгельс 1932. С. 488).

Такое сосуществование характерно и для Азербайджана и Армении XVII–XVIII вв. При этом, нам кажется, основное внимание следует обратить на последствия внешних вторжений кочевников (например, Надир-шаха, отчасти Ага-Мохаммед-шаха каджара), несомненно, тяжело отразившиеся на состоянии экономики страны и на процесс заселения

кочевыми (главным образом, тюркскими, отчасти курдскими) племенами территории Азербайджана и Армении, особенно интенсивно проходивший в XIII–XVI вв. Следствием его явилось установление экономического господства феодалов-кочевников и над территориями с оседлым населением. В государствах XIII–XVI вв. знать кочевых племен владела и большинством земельных районов страны. Однако, являясь органически более связанными с кочевым хозяйством, феодалы племен, даже давно поселившихся на данной территории, были абсолютно чуждым, но в то же время господствующим элементом в стране. Земледельческие районы и города являлись для них лишь подвластной территорией, с которой они получали основную массу своих доходов, причем формы получения этих доходов, принесенные из среды общества экономически менее развитого (кочевое) в обществе более развитом, не только не являлись связанными с существовавшими производственными отношениями, но находились в прямом противоречии с таковыми и оказывали прямо отрицательное и пагубное воздействие на развитие экономики древних земледельческих районов Азербайджана и Армении. Феодал-кочевник любыми /с. 273/ средствами стремился обеспечить себе получение максимума доходов с подвластной ему территории. В отличие, например, от русского дворянства или земельного дворянства Западной Европы, кочевые феодалы не были совершенно заинтересованы или как-либо иначе связаны с земледельческими округами, кроме как лишь путем взимания с них дани в форме феодальной ренты. Они не имели, например, собственного хозяйства, в развитии и совершенствовании которого были бы так или иначе заинтересованы. Поэтому и в XVII в. полностью господствовала нерентабельная архаичная издольная аренда, при которой земельный собственник стремился лишь увеличить свою долю в производимом продукте, и которая приводила к массовому разорению непосредственного производителя. Такое же господство кочевых феодалов мы наблюдаем и в городах. Временное ослабление военно-кочевой знати в XVII в. привело к экономическому подъему и росту внутреннего рынка.

Показателями роста товарного производства и в определенной степени разложения натурального хозяйства явился рост денежной ренты, а также увеличение внутреннего товарооборота. В середине XVII в. местные рынки существовали не только в городах и торговых местечках, но и во всех сколько-нибудь значительных селах страны (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 236–312).

Судя по описанию Эвлия Челеби и европейским источникам, можно говорить о существовании во второй половине XVII в. отдельных местных экономических округов, центрами которых являлись городо-центры области. /с. 274/

Показателями элементов разложения натурального хозяйства являются и упадок кархане, и появление предприятий элементарно-мануфактурного типа.

Длительные войны и феодальные усобицы нанесли большой удар [по] состоянию внутренней торговли. Искусственно разрывались исторически сложившиеся экономические связи между соседними областями. Местные ханы и правители, руководствуясь своими узкоклассовыми интересами, могли оказывать и практически оказывали влияние на торговлю между своими округами. Если даже в Сефевидском государстве не были ликвидированы внутренние таможенные границы и не была установлена единая система сбора пошлин, общая денежная система и т. д., то в XVIII в. и существовавшая ранее общность в этом отношении была нарушена. При Надир-шахе, например, в Шемахе с верблюжьего вьюка с шелковыми и парчевыми товарами брали по 1 рублю 50 копеек, а в Баку по 52 копейки (Арунова, Ашрафян 1958. С. 268). В период же существования независимых и полунезависимых ханств, в случае, если между ханами возникала вражда, они нередко закрывали границы своих владений для торговли. Так, Фетх-али-хан кубинский препятствовал торговле своих подданных с соседним Карабахом и владениями Ираклия II. Поэтому внутренняя торговля, зависевшая в этот период времени от всякого рода зачастую совершенно поверхностных явлений, значительно сократилась и развивалась неравномерно. Политическая раздробленность приводила к экономическому разобщению территорий одного и того же народа и в то же время к уменьшению возможности их объединения в составе /с. 275/ единого национального государства. Это характерно не только для Армении, западная часть которой прочно удерживалась османами, а восточная угнеталась кызылбашскими и азербайджанскими ханами, но и для Азербайджана. Судя по сохранившимся скудным данным, внутренняя торговля даже в более мирную вторую половину XVIII в. далеко не напоминала того уровня, которого она достигла во второй половине XVII в. В этот период нет и подобия того развития местных рынков, о котором говорит описание Эвлия Челеби. Даже в начале XIX в. основное место в торговле таких городов как Баку и Шемаха занимали шелковые изделия, шелк-сырец — т. е. товары, шедшие на экспорт.

Можно предполагать, что основная масса товаров первой необходимости производилась в это время для потребления самим производителем или выплачивалась натурой феодалу и феодальному государству. Вновь господствующей стала рента натурой. Показателем натурализации хозяйства явилось сокращение ремесла и увеличение роли крепостных и зависимых ремесленников в городах (см. выше, с. 244–247).

Краткие выводы

1. В XVII–XVIII вв. в Азербайджане и Восточной Армении было всего около 40 городов. Большинство из них существовало в XVII в., тогда как в XVIII в. их число сократилось.

2. Города этого времени были двух типов: города типа «шахр» («кагак»), являвшиеся одновременно и административно-политическими центрами своей области или округа, и города типа «касаба» («гюгакагак»), букв. — торговые местечки, городки-поселения, по своему экономическому значению и типу отличавшиеся от сельских поселений и являвшиеся крупными торговыми и ремесленными центрами, но по своему административному устройству не принадлежавшие к городам. Как их понимали в рассматриваемый период. Города второго типа с ростом своего значения могли переходить в первую категорию.

3. Экономический расцвет городов зависел, в первую очередь, от развития внутреннего рынка в стране и в определенной степени определялся состоянием внешней торговли. Однако в условиях XVII–XVIII вв. даже само существование городов могло зависеть и от чисто внешних причин, например, от внешних нашествий и междоусобных войн.

4. Экономически и политически в городах господствовали феодалы, светские и духовные, из которых на первом месте стояла военно-кочевая знать племен. Сила и влияние феодалов в городах определялась их земельной и иной собственностью в городе и за его пределами. Этому чрезвычайно способствовало то обстоятельство, что города и в XVII–XVIII вв. сохраняли свой полуаграрный характер.

5. Основное отличие городов от поселений сельского типа состояло в том, что они являлись центрами ремесла и торговли. В XVII–XVIII вв. существовали три категории ремесленников: 1) ремесленники, организованные в цехи, 2) свободные ремесленники, 3) ремесленники, зависимые от феодалов. Наиболее жизненными из них были свободные ремесленники, которые были заняты, главным образом, в ткацкой промышленности.

6. В XVII в. в связи с временным объединением страны и прекращением войн и внутренних междоусобий растет товарное производство, появляются элементы разложения натурального хозяйства. Это выражается, в частности, в упадке кархане и появлении предприятий элементарно-мануфактурного типа.

7. В XVIII в. в связи с усилением феодальной раздробленности происходит определенная натурализация экономики, сокращение внутреннего рынка.

8. Внешняя торговля страны определялась, главным образом, товарами, производимыми внутри страны.

Наблюдается непрерывное увеличение торговых связей с Россией. /с. 278/

ГЛАВА III. ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ВОЕННАЯ РОЛЬ ГОРОДОВ

Система общегосударственного и местного областного и городского управления в Кызылбашском государстве, как известно, отличалась громоздкостью и сложностью. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что афганские завоеватели в 20-х гг. XVIII в., покорив основные области Ирана и желая стать настоящими господами на завоеванной территории, столкнулись немедленно с большими трудностями в деле организации управления страной. Тогда афганский шах Махмуд приказал найти опытного и знающего чиновника, который составил бы для новых хозяев подробное и вместе с тем четкое руководство по организации государственной администрации сефевидского периода. Так была составлена уже упомянутая «Тазкират-ол-мулук» («Памятная записка для царей»).

Сложная бюрократическая система управления возникла в Сефевидском государстве не на пустом месте. Громоздок и ветвист был управленческий аппарат и в других средневековых государствах на территории Ирана и Закавказья, начиная от Сасанидской державы и кончая тимуридскими княжествами XV в. Однако еще и в Сефевидском государстве в XVI в. управленческий аппарат был значительно проще, нежели тот, о котором рассказывает «Тазкират-ол-мулук». Проще и меньше он был, в основном, за счет общегосударственного центрального аппарата. Дело в том, что хотя Сефевидские шахи в XVI в. и имели официальной столицей (دار السلطنة) Тебриз, а затем Казвин, однако практич. с. 279/чески сами довольно редко находились в ней. В условиях непрерывных войн и походов шахи большую часть жизни проводили в движении, на зимовках (кышлаг) и летовках (яйлаг) в соответствии с потребностями своего полукочевого воинства. В этих условиях весь двор передвигался вместе со ставкой шаха, и это в определенной мере препятствовало излишнему росту государственного аппарата. Но было и другое, более важное обстоятельство. Как уже говорилось в гл. I, шахи в XVI в. почти не имели земель категории хассе. Вся территория государства раздавалась в уделы эмирам, главным образом, кызылбашских племен, которые этими уделами и управляли. А так как эмиры тоже большую часть времени со своими мулязимами проводили в походах и грабежах, то в своей области, округе или отдельном городе они оставляли особого чиновника — даругу (Йахйā б. ‘Абд ал-Лаџиф ал-Қазвйнй. Л. 159а). Последний же имел штат подчиненных значительно меньший, чем в более поздний период.

В XVII в., когда начался процесс образования домена, управление этой территорией, отнятой у кызылбашских эмиров, требовало не

только количественного роста аппарата, но и значительного его усложнения. С другой стороны, шахи, значительно расширив свою социальную базу, опираясь на домен и постоянную армию, увеличивали центральный и государственный аппарат, а также чиновничий аппарат на землях дивани. Местные правители уже не имели прежней власти и силы и для того, чтобы следить за ними, вовремя предупреждать их возможные заговоры, а также взимать с райатов налоги; увеличивается и растет численность чиновников на местах. Многие должности, существовавшие раньше, теперь изменили свое содержание, другие создавались вновь. Чиновничий аппарат непрерывно разрастался и, наконец, достиг размеров, описанных в «Тазкират-оль-мулук».

Жизненность этой бюрократической системы была тесно связана с существованием единого, хотя и не прочного, феодально-деспотического государства. Не случайно ее пытались сохранить афганские завоеватели в период своего кратковременного господства. Характерно, что эта система существовала и в государстве Надир-шаха, и при нем штат чиновников, особенно налогово-полицейского аппарата, вполне достиг уровня начала XVIII в.

Во второй половине XVIII в. в полунезависимых ханствах Закавказья управленческий аппарат значительно упростился в соответствии с потребностями правящего класса. Феодалу-правителю на малой территории уже не требовалось такой сложной системы управления, как в громадном, разноукладном и разноплеменном Кызылбашском государстве XVII — первой половины XVIII в.

Целью настоящей главы является изучение городского управления в Кызылбашском государстве XVII — первой половины XVIII в.¹³⁶

Города Азербайджана и Армении позднего средневековья, находясь в составе различных государственных образований, созданных в результате завоеваний, разделяли судьбу всей остальной завоеванной территории. В случае мирной сдачи города жителям его сохранялась жизнь, и они облагались в больших или меньших размерах теми поборами и повинностями, которые несли и раньше, или же новыми налогами, которые существовали в стране, откуда являлись завоеватели. В случае же сопротивления захватчики истребляли иногда чуть ли не все население города-ослушника. Так было и в XVI в. при создании разбойничьего государства Сефевидов. Неисчислимые бедствия принесли кызылбаши не только христианскому населению Грузии и Армении, но и мусульманскому азербайджанскому и иранскому населению.

---

¹³⁶ Вторая половина XVIII в. в виду значительных изменений в системе управления по сравнению с предшествующим периодом, а также в виду того, что этот вопрос в достаточной мере отражен в упомянутой работе Ф. Алиева, в настоящей работе не затрагивается.

Жестоко страдали от них и города. Так, в 906 г. х. (1501/2 гг.) Исмаил I подошел к городу Баку, который не пожелал платить дань ново-явленному шаху. После взятия города штурмом кызылбаши произвели в нем резню, а затем наложили на Баку контрибуцию в 1 000 туманов (Ҳасан-и Рӯмлӯ 1931. С. 45–47).

Хроники, описывая «деяния» кызылбашей в XVI в., неоднократно упоминают о поголовном истреблении (قتل عام) населения непокорных городов.

В захваченные города назначались хакиды из числа кызылбашских эмиров, которые держали там гарнизон и своего чиновника — даругу — для сбора податей и поддержания порядка. Городское население находилось в подчиненном, неравноправном положении, подвергалось поборам, а в местах с суннитским населением (часть северного Азербайджана) и религиозным гонением. В более сносном положении, нежели другие слои населения, находилась городская знать Южного Азербайджана, а также крупное /с. 282/ купечество. Однако и оно находилось в подчиненном положении у военной знати. Поэтому в таких условиях не могла сложиться система самоуправления, характерная для городов Европы периода расцвета феодализма. Однако данные источников позволяют установить, что элементы самоуправления в отдельных городах имели место и в XVI в. В частности, в Тебризе в XVI в., крупнейшем городе Сефевидской державы, местная городская знать, шиитское духовенство, купечество и даже верхушка ремесленных корпораций пользовались настолько большим влиянием, что, по сообщению итальянского путешественника д'Алессандри, главы двух основных частей города, разделенных по религиозному признаку, имели в городе больше власти, чем сам шах (d'Alessandri 1873. P. 224). Высшие слои населения Тебриза с самого начала активно поддерживали Сефевидов и последние поэтому предоставили Тебризу не только освобождение от налогов (мо'афи) (Искандар-бик туркемән Мунши 1376/1956–1957. С. 308), но и некоторую самостоятельность во внутренних делах. Крупное тебризское восстание 1573 г., исследованное И.П. Петрушевским (1942), явилось мощным выражением отпора города чрезмерным посягательствам кызылбашской знати.

Определенными элементами самоуправления пользовался в XVI в. Ордубад, который не передавался кызылбашским эмирам, а находился в управлении местной знати, из среды которой, а именно, из среды влиятельнейшей фамилии Насирийей, происходили /с. 283/ калантары города.

Однако это было самоуправление иного типа, нежели городские «вольности» городов Европы XI–XIII вв., и базировалось оно совсем на иной основе. Если в Европе городское самоуправление зародилось в борьбе городов, точнее городских ремесленников и купцов, против

феодалов, при наличии в то же время борьбы крупных владетельных сеньборов с королевской властью, которая являлась естественным, хотя и не постоянным союзником городов в этой борьбе, то в упомянутых случаях в Азербайджане XVI в. городские права основывались прежде всего на том, что верхушка Тебриза, Ордубада, Ардебилля, оказывавшая активное содействие Сефевидам, получила от них определенные права, определенную долю самоуправления по отношению к кызылбашской военщине, которой другие города не пользовались. В некоторой степени это было выгодно и самой кызылбашской знати, пока она была сильна вокруг шахской власти. Если здесь и было какое сходство с европейскими городами XI–XIII вв., то оно было чисто внешним. Это станет понятным, если сравнить сами города Европы того времени и Закавказья XVI в. Первые возникли в борьбе с притязаниями крепостников-феодалов, тогда как вторые к XVI в. существовали много столетий, в них самих давно существовала феодальная духовная и светская знать, да и полуаграрный характер их экономики способствовал прочному господству в них феодалов. Практически, в данном случае речь шла о самостоятельности одной группы феодалов (старой местной городской знати) от пришлой военно-кочевой кызылбашской знати, причем определенную выгоду от этого получали купечество и верхушка цехов. /с. 284/

Несколько иное положение сложилось в XVI в. в армянском городе Джуге (Джюльфе) на Араксе. В руках его купцов была сосредоточена почти вся крупная оптовая торговля Ближнего Востока. Союз с купечеством Джуги был выгоден Сефевидам, и поэтому в XVI в. город этот пользовался самоуправлением в рамках Кызылбашской державы. Крупное купечество Джуги избирало из своей среды калантара, или по-армянски *khāqakhapeta* *քաղաքապետ* — градоначальника. Этот термин употреблен в отношении одного из последних калантаров Ходжи Хачика на его надгробии в старой Джуге (1604 г.) (Костанянц 1913. С. 181; о городе Джуге см. монографию: Тер-Аветисян 1937).

В XVII в. с укреплением шахской власти всякая самостоятельность городов была ликвидирована. Исключение составляло лишь предместье Исфагана, Новая Джюльфа, пользовавшаяся и в XVII в. самоуправлением. Взамен административно-политической самостоятельности города получали за верную службу шаху моафства.

В XVII в. система городского управления в Сефевидском государстве претерпела ряд существенных изменений, связанных с общим усилением шахской власти и ослаблением военно-землевладельческой кызылбашской знати. В частности, более точно были определены обязанности и права различных ведомств и отдельных чиновников.

Если в XVI в. городское управление было в общем одинаково во всех городах, поскольку все они управлялись либо кызылбашскими эмира-

ми, либо в отдельных случаях представителями /с. 285/ местной знати, то в XVII в. положение изменилось. Прежде всего, с образованием домена (хассе) и общим разделением государства на две большие части, ряд городов (главным образом северного, центрального и южного Ирана) вошел в ведомство хассе; в них были упразднены должности хакимов-правителей и введено чисто гражданское управление. Города этого типа не содержали войск, управляли ими гражданские чиновники даруга и калантар, функции которых в этом случае были отличны от функций этих чиновников в городах государственных земель.

На территории Азербайджана к хассе был причислен при Аббасе II (1642–1667) город Ардебиль. Однако система управления Ардебилем имела свои особенности, связанные с тем, что город этот был религиозной святыней и находился в особом положении. До присоединения к хассе Ардебилем управляли хакимы (правители), являвшиеся одновременно и мутавалли (попечителями, управителями) шиитской святыни, гробницы шейха Сефи-ад-дина, предка Сефевидов. Эти мутавалли-хакимы не являлись, однако, как правило, лицами чисто духовными, а назначались из числа кызылбашских эмиров, считавшихся суфиями-мюридами ордена Сефевийе и потому в некоторой степени лицами духовными. Когда же окончательно отпало военное значение Ардебил в связи с длительным миром с Турцией, то военные полномочия с правителя Ардебил были сняты, и тем самым он был лишен титула хакима, который предполагал у носителя его и военные полномочия, а сам город с округой был причислен к хассе (Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950. С. 216).

Ввиду того, что почти все города Азербайджана и Восточ/с. 286/ной Армении входили в состав земель дивани, мы не будем давать специальный обзор системы управления городов хассе, но при характеристике тех или иных должностей городской администрации попутно будем указывать и их особенности в городах хассе.

Высшей властью в городе являлся его правитель, в больших городах, центрах областей являвшийся одновременно и правителем области. В городах же центрах округов в его функции входило и управление округом. И в XVII в., как и в более ранний период, город зависел от феодала-правителя (города домена зависели непосредственно от феодального государства). Управление городом и взимание с него определенной части налогов в свою пользу являлось одним из способов эксплуатации непосредственного производителя феодалом. Разница была лишь в том, что город с его ремеслом и торговлей был еще более выгодной сферой эксплуатации, нежели сельские районы. Город являлся центром феодала, его ставкой — в XVII–XVIII вв. правители городов даже из числа кочевых эмиров сами жили в городе, там же проживали и их вооруженные вассалы — нукеры или мулязимы. В XVII в. все центральные,

удаленные от границ области вошли в состав хассе, а окраинные земли по-прежнему управлялись военно-гражданскими правителями. Азербайджан и Восточная Армения в административном отношении входили в состав четырех беглярбекств: Ширванского с центром в Шемахе, включавшего территорию нынешней Азербайджанской ССР за исключением ее западной части; Карабахского или Ганджийского с центром в Гандже (ныне Кировабад), в состав которого входили западные районы нынешней Азербайджанской ССР и горные восточные районы Армянской ССР; /с. 287/ Чохур-Са'ада или Ереванского с центром в Ереване, — в состав его, кроме основной территории Армянской ССР, входили части нынешней турецкой Армении (район Баязида) и иранской Армении (район Маку) и, наконец, Азербайджанского, с центром в Тебризе, включавшего южный, ныне иранский Азербайджан. Нахичеванский край в начале XVII в. входил в Ереванское беглярбекство, затем в середине XVII в. был передан Тебризу, а в начале XVIII в. вновь включен в Чохур-Са'ад. Во главе этих четырех больших областей стояли беглярбеки или эмир-оль-умара (эмиры эмиров), Они же управляли непосредственно и крупнейшими городами — Тебризом, Ереваном, Шемахой и Ганджой. В прочих крупных городах сидели хакимы (правители), носившие титулы ханов или султанов. В XVII в. хакимы-ханы были в Нахичеване, Ардебиле (до середины XVII в.), Чорсе, Ареше¹³⁷ и Баку¹³⁸. В прочих городах типа شهر — *ршшр* (Дербенте, Маку, Урмии, Хое, Мараге и др.) хакимы обычно носили титул султана. Что касается городов типа قصبه — *чхчшршшр* — то они входили в округу какого-либо ханства (например, Акулис подчинялся или Нахичевану, или Тебризу), а непосредственно сидевший в них глава именовался калантаром или меликом (Дневник Закария Акулиского 1939. С. 74, 76, 97, 124 и пр.).

Если мы посмотрим на список городов, в которых хакимы носили титул хана, то увидим, что это либо крупнейшие города, /с. 288/ центры областей-беглярбекств (Ганджа, Шемаха, Ереван, Тебриз), либо сильные крепости важного стратегического значения (Баку, Чорс). В Нахичеване же должность хакима была все время с XVI в. наследственной в руках глав сильного кызылбашского племени кенгерлю (ветви устэд-жлу), верных вассалов Сефевидов. Поэтому титул хана-главы этого племени переносился и на хакима Нахичевани; к тому же и в самом городе кенгерлинские беки составляли господствующую прослойку знати (Передняя Азия в документах 1936).

¹³⁷ Согласно «Тарих-е-алем ара», в начале XVII в. правитель Ареша носил титул султана (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 888); но в середине XVII в. он носил титул хана (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 288–289).

¹³⁸ О хане Баку Ашраф-хане см.: Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 301–302; в начале XVIII в., а возможно, и с конца XVII в. правители Баку носили титул султана.

Некоторые султаны-хакимы были независимы от беглярбеков своей области и подчинялись непосредственно шаху (della Valle 1745. Т. II. Р. 396). Такая система непосредственного подчинения центру отдельных хакимов или даже чиновников (см. ниже) появилась лишь в XVII в. и являлась одним из способов ослабления власти крупнейших местных правителей, каковыми были беглярбеки.

В XVII в. все беглярбеки и хакимы назначались шахом. Исключение составляли лишь 5 областей: Грузия, Дагестан (должно быть — Хузестан. — *Примеч. А. А.*), Курдистан, Луристан и Бахтиария, утверждение правителей которых и в этот период носило формальный характер. Ни в одном же из беглярбекств Азербайджана и Армении в XVII в. не сложилось непрерывной наследственной династии. Даже в Карабахе, где властвовали главы зияд-оглы-каджар, вернейшие сторонники Сефевидов и палачи соседней Грузии, при Аббасе I и в начале царствования Сефи I беглярбеком являлся гулям, армянин по происхождению Давуд-хан (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 763; Искандар-бик туркеман Мунши 1318/1900–1901. С. 111–118; Мухаммад Ма'сум. Л. 52–54). В Ереване в XVII в. не было ни одного /с. 289/ случая правления подряд трех лиц из одной и той же фамилии, как правило, каждый новый хан был совершенно новым в области. В еще большей степени это характерно для Ширвана XVII в. Что касается Азербайджанского беглярбекства (Тебриза), то и в нем в XVII в. не было наследственного управления. После гибели в 1624 г. в Грузии беглярбека Тебриза Шахбенде-хана туркемана Аббас I утвердил беглярбеком его трехлетнего сына Пир-будак-хана; однако в самом начале правления Сефи I беглярбеком Азербайджана был назначен Рустем-хан гулям (о нем см.: Искандар-бик туркеман Мунши 1318/1900–1901. С. 118, 215, 240), о котором историк Мухаммед Юсуф писал, что ко времени смерти Сефи I (1642 г.) в Иране «не было среди великих эмиров другого человека столь достойного, известного и полезного, как он» (Там же. С. 291). Но при следующем шахе Аббасе II он был казнен, и в Тебризе опять утвердился вышеупомянутый Пир-будак-хан (Мухаммад Тāхир Вахйд 1329/1950. С. 48); через несколько лет он был вторично лишен должности беглярбека, а на его место поставлен тогдашний сипахсалар (главнокомандующий) Али-кули-хан (Там же. С. 138), также вскоре снятый с должности, которую отдали Алла-верды-хану, также не принадлежавшему к племени туркеман (Там же. С. 180). В 80-х годах XVII в. беглярбеком Тебриза был Хаджи-али-хан, племянник тогдашнего этемад-эд-доуле, по происхождению курд (Kämpfer 1712. Р. 68).

Лишь в ряде более мелких хакимств, но в то же время там, где имелись сильные и верные шахам племена, в XVII в. сложились /с. 290/ наследственные династии, представители которых, однако, всегда утверждались шахом. Это прежде всего кенгерлинский Нахичеван, где в XVI–XVIII вв. непрерывно управляли главы племени кенгерлю. Другой

интересный пример — город Урмия, расположенный в окружении курдских племен, большинством из которых в лучшем случае являлось непостоянными союзниками Сефевидов, а в худшем просто переходили на сторону турок. Аббас I в 1606/07 г. отдал Урмию главе курдского племени берадуст Амир-хану, который воспользовался этим, чтобы еще более укрепить неприступную урмийскую крепость против шаха. После двухлетней осады шахскими войсками Амир-хан в 1611 г. сдался на милость победителя, и хакимом Урмии был назначен Кабан-хан бикдили шамлу (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 559–562, 571–573). Однако в списке эмиров Искандера Мунши 1628 г. хакимом Урмии числился уже Калб-али-султан из рода иманлу кызылбашского племени афшар (Там же. С. 762), одна из сильнейших ветвей которого еще в XVI в. была поселена в этом районе. В дальнейшем, в XVII–XVIII вв. хакимы Урмии, насколько позволяют установить источники, происходили из этого племени. В частности, при Надир-шахе Урмией управлял Мухаммед-касим-хан афшар (Мухаммад Казим. Л. 167а, 169а), а после смерти Надира правитель Урмии Фатх-али-хан афшар являлся одно время правителем южного Азербайджана и одним из трех важнейших претендентов (наряду с Мухаммед-Хасан-ханом каджаром и Керим-ханом зендом) на наследие Надира, и лишь после упорной борьбы сдался Керим-хану в крепости города Урмии (Абӯ-л-Хасан Гулистанӣ 1359/1941. С. 268). Афшары Урмии и в на/с. 291/чале XIX в. являлись одним из сильнейших племен Ирана (Morier 1813. P. 338; Jaubert 1821. P. 254).

В итоге, можно указать, что в XVII в. наследственные хакимы существовали лишь в ряде средних или небольших городов (Нахичеван, Урмия, Берда'а и некоторые др.). В XVIII же веке, с ослаблением центральной власти, местные хакимы становятся полунезависимыми владельцами, а ханы северного Азербайджана во второй половине XVIII в. лишь формально зависимыми (да и то лишь последние полтора десятилетия правления Керим-хана зенда до 1779 г.) от центральной власти в Иране. Особо остановимся на политике Надира-шаха в отношении ханов Закавказья. Надир, центром государства которого являлся Хорасан, старался держать в подчинении важные для него в экономическом и военном отношении области Азербайджана и Армении. Не доверяя в целом хакимам из местной знати, которые после развала Сефевидского государства распоряжались в своих округах как маленькие царьки, Надир стремился по возможности заменить их верными себе эмирами, по преимуществу из своего собственного племени афшар и даже более того из афшар хорасанских¹³⁹. Всем Закавказьем вначале управлял его

---

¹³⁹ Племя афшар еще в XVI в., в основном, разделилось на три ветви: одна ветвь — уже упомянутые афшары Урмии, другая в западном Хорасане, и третья на юге Ирана в горной области Кух-Гилуйе.

родной брат Ибрагим-хан, резиденцией которого явился город Тебриз (Мухаммад Казим. Л. 136). После гибели Ибрагим-хана в горах Дагестана на его место был поставлен Амир-аслан-хан афшар из того же родного Надиру аймака кырхлу (فرخلو) (Там же. Л. 180б). Хакимы-афшары были поставлены и в других местах. В Ширване, например, /с. 292/ долгое время управлял Мухаммед-кули-хан афшар, отставленный, однако, после гибели Ибрагим-хана (Там же. Л. 167а). Правителем Еревана был Мухаммед-реза-хан афшар (Там же. Л. 318а). Все эти афшарские хакимы потеряли свои владения сейчас же после смерти Надир-шаха.

Ханы и султаны правители городов (и окрестных областей) являлись в XVII в. высшей властью в городе. Отличие от позднего периода (XVIII в.) состояло главным образом в возможности смены их со стороны центральной власти, а также в существовании наряду с ними чиновников или даже военных лиц (кутуалей крепостей), независимых от них. Сменялись ханы в XVII в. по различным причинам. Чаще всего они отстранялись либо по подозрению в слишком самостоятельных действиях, либо при невыполнении своих обязанностей в качестве военачальников. Однако иногда их лишали должностей и из-за чрезмерного корыстолюбия. Хотя ни для кого не было секретом, что все центральные и все местные должностные лица в одинаковой мере страдали этим пороком, тем не менее шахское правительство в XVII в. могло еще ограничивать тех из них, которые слишком усердствовали в своем обогащении в ущерб шахской казне. Поэтому иногда по жалобам чиновников или даже по официальному свидетельству райатов, податного сословия, в которое входили и купцы, ханы снимались с должностей с неременной конфискацией своего имущества. Так при Аббасе II в 1073 г. х. (1662/63 гг.) был отставлен за «плохое поведение» по жалобам меликов и райатов беглярбек Ширвана Мухаммеда-хан (Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950. С. 315–316). /с. 293/

В чем состояли конкретно преступления Мухаммеда-хана, сообщает нам Тавернье, бывший в Иране вскоре после указанного события. Хан Ширвана был обвинен в том, что за 9 месяцев своего пребывания на должности собрал в свою пользу огромную сумму в 18 000 туманов, которая теперь и была конфискована (Tavernier 1681. Т. I. P. 310). Следует указать, что подобного рода конфискации производились в XVII в. шахским правительством очень часто и официально служили одним из видов государственных доходов.

Однако с конца XVII в. шахи все реже могли прибегать к такому средству пополнения казны, и лишь при Надире местные хакимы вновь почувствовали на себе тяжелую руку центральной власти.

Хаким являлся уже по смыслу своей должности командующим войсками своей области (см. ниже). Беглярбеки же, например, во время

войны подчиняли себе войска других ханов и султанов своей области, получая при этом титул сардара, т. е. военачальника, командующего (Chardin 1811. V. II. P. 196; Jourdain 1814. P. 144). Беглярбек Тебриза к тому же обычно являлся главнокомандующим всеми военными силами Кызылбашской державы («сипахсалар-е кулле Иран» (سپهسالار کل ایران)). В мирное время хакимом должен был устраивать смотры войскам и заботиться об их снаряжении, вооружении и своевременной оплате.

Хакимом являлся и высшей гражданской властью в городе. Он собирал через посредство ряда чиновников налоги, ему же подчинялся друг — высший полицейский чин города. В городе ему /с. 294/ принадлежала и высшая судебная власть (Kämpfer 1712. P. 84–85; Sanson 1694. P. 179), хотя в XVII в. его судебные права и были ограничены садром и его представителями (см. ниже), а также диван-беги в Исфагане, к которому можно было по закону обращаться как в высшую судебную инстанцию. Но если и в XVII в. хакимы часто безнаказанно превышали свои права (см., например, о злоупотреблениях шемахинского хана: Стрейс 1935. С. 257–260), то в первой половине XVIII в. они стали совершенно самостоятельными в вопросах судопроизводства.

В обязанности хакима входил личный контроль над городской жизнью. Так, беглярбек Еревана два раза в неделю, а именно по пятницам и субботам, объезжал с этой целью несколько городских кварталов. Однако стимулом к этому у него больше служило стремление к собственному обогащению, поскольку по существовавшему обычаю, если он входил в какой-либо дом, то хозяин дома обязан был давать ему ценные подарки. С этой целью беглярбека в подобных прогулках сопровождал особый чиновник, в обязанность которого входила регистрация этих подарков (Chardin 1811. V. II. P. 281).

В общем, все источники даже для XVII в. утверждают, что хакимом (беглярбек) был в своей области маленьким королем, а город являлся его столицей (Tavernier 1677. T. I. P. 595; Frayer 1915. P. 22–23; Chardin 1735. Vol. III. P. 301). Хакимы крупных городов (беглярбеки) имели собственный двор с теми же чинами, что и при дворе шаха, при выездах их сопровождала местная знать и большой конвой, играли трубы, били в литавры (Kämpfer 1712. P. 136). Хань соревновались в /с. 295/ роскоши с шахами (например, при Сефи I про беглярбека Кандагара говорили, что он имел дворец как у самого шаха (Tavernier 1677. T. I. P. 515), знаменитый полководец Аббаса I Имам-кули-хан в период своего управления Фарсом украсил центр этой области — город Шираз — многочисленными дорого стоявшими постройками и т. д. Об Имам-кули-хане см.: Herber 1928. P. 79–80; Tavernier 1677. T. I. P. 531, 537). Местные правители для обслуживания своих нужд и нужд своего двора имели, как и шахи, собственные дворцовые мастерские-кархане. В сво-

ей округе ханы имели даже право чеканки медной монеты, которая, впрочем, ходила по полной стоимости лишь в пределах их областей (Krusinski 1742. P. 50). Все это, конечно, могло совершаться лишь за счет тяжелого налогового обложения податного сословия, в том числе и городского. Уже само прибытие хана в город напоминало скорее нашествие враждебного племени, ибо ханы двигались с огромным штатом и обозами, буквально разоряя все на своем пути. Население разбегалось при встрече с этой ордой (Chardin 1811. V. VIII. P. 496).

У хакима-правителя был ближайший помощник, во время его отсутствия управлявший всеми делами города и области, В источниках в отношении этого лица употребляются три термина: векиль (وکیل), наиб (نایب) и джанешин (جانشین) — первые два слова арабского происхождения, треть — персидского, но все три одинаково переводятся «заместитель, наместник, помощник». Французские путешественники XVII в. именовали это лицо lieutenant, т. е. в сущности переводили его буквально с /с. 296/ персидского языка. Еще в XVI в. кызылбашские наместники, а точнее феодальные владетели областей и городов, имели своих заместителей из числа риш-сефидов (старейшин) своего племени, которые в источниках именуются векилями. В обязанности этих векилей входило в отсутствие эмира управление племенем, областью или городом последнего. Векиль в XVI в. был и у шаха, причем это был эмир из числа наиболее сильных глав кызылбашских племен. Основатель Сефевидской династии Исаил I (1502–1524) сделал было попытку отнять у кызылбашских эмиров эту важную должность и передать ее гражданским лицам, но это удалось ему лишь на время (с 1508 по 1512 г. было два векиля или эмир-оль-умара всей Кызылбашской державы не из числа кызылбашей, сначала Шейх Наджм Гиляни, а затем Мир-яр-ахмед исфагани или Наджм сани; об этих векилях см.: Шереф-хāн Бидлйсь 1862. С. 145; Гийās ад-Дйн ал-Хусайнй Хвāндāmйр 1273/1857. С. 52–53; Хасан-и Румлӯ 1931. С. 107, 131–133). Уже после Чалдыранского поражения 1514 г. Исаил I вынужден был вернуть эту важнейшую должность кызылбашам, у которых она и оставалась до конца столетия. В период малолетства Тахмаспа I (1524–1576) должность векиля приобрела особое значение, сделалась предметом кровавой борьбы эмиров (Horn 1890. S. 3–10 [перс. текст]; Шереф-хāн Бидлйсь 1862. С. 169–173; Хасан-и Румлӯ 1931. С. 182, 205). Позднее, в XVII в., векили потеряли свое значение, постепенно (окончательно лишь во второй половине XVII в.) уступая место этемад-эд-доуле, хотя сама должность векиля существовала еще и в первой половине XVII в.¹⁴⁰

---

¹⁴⁰ При Сефи I векилем был Зейнель-хан шамлу (Искандар-бик туркемāн Муншй 1318/1900–1901. С. 291).

Другую эволюцию претерпела должность векиля местных правителей. Она существовала и в XVII в. с той разницей, что те/с. 297/першахи сами назначали заместителей (векилей или джанешинов) хакимам. При этом они преследовали цель ограничить власть и влияние местных правителей, поставив рядом с ними чиновника-джанешина, иногда из местной знати, подотчетного двору (Chardin 1735. V. III. P. 302). Источники, к сожалению, не дают нам возможности точно установить конкретные взаимоотношения хакима и джанешина, но можно предполагать, что намерение центральной власти таким путем ограничить власть местных правителей оправдывалось мало.

Должность заместителя хакима под термином наиб встречается и в первой половине XVIII в. с тем же значением, что и в XVII в. (о наibaх Дербента и Баку см.: Гербер 1760. С. 202, 291; о наibaе ереванского хана в 30-х гг. XVIII в. Мухаммед-резе см.: Abraham de Crète 1876. P. 289); о наibaе ереванского хана в 20-х гг. XVIII в. см.: Петрос ди Саргис 1870. С. 40–43). Во второй половине XVIII в. наibaми именовались в полунезависимых ханствах ханские представители, управлявшие определенными территориями или городами ханства (о наibaх Фатх-али-хана кубинского и дербентского см.: Гмелин 1771. С. 49, 98; о наibaх Ахмед-хана хойского в Тебризе см.: Ferrières de Sauveboeuf 1790. P. 2).

Помимо хакима-правителя и его заместителя векиля-наiba-джанешина в городах имелось еще большое количество различных должностных лиц, как гражданских, так и военных. Некоторые из них функционировали не только в городе, но и во всей области (округе), другие являлись чисто городскими должностными лицами. Прежде чем перейти к изложению системы городского управления, попытаемся как-то сгруппировать в какие-то общие категории весь штат городской администрации. К. Маркс, изучая осо/с. 298/бенности развития восточных обществ на примере, главные образом, индийского и, в меньшей степени, арабского и турецкого, дал ряд ценнейших заключений, во многом помогающих уяснению специфики развития общественного и государственного строя в условиях Востока. В частности, говоря о системе управления, Маркс указывал, что «правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансовое (ограбление собственного населения), военное (грабеж внутри и в чужих странах) и ведомство общественных работ (забота о воспроизводстве)» (Маркс, Энгельс 1932. С. 494). Это положение вполне приемлемо и для Кызылбашского государства, хотя, конечно, Иран и Закавказье, составлявшие основную часть территории этого государства, имели ряд конкретных особенностей, связанных как со спецификой местных условий вообще, так и с историческим ходом развития феодализма в этих условиях. Безусловно главное и первостепенное место во всей системе управления Кызылбашского государства

занимала эксплуатация населения этого разноплеменного объединения. Этой цели служил весь налогово-полицейский аппарат, вся сложная система судопроизводства, а в случае необходимости и армия. Несколько обособленно существовавшее духовное ведомство в сущности представляло ответвление того же самого ведомства по ограблению собственного народа. Огромную роль по-прежнему играло военное ведомство, хотя удельный вес его в XVII в. несколько уменьшился и, в основном, его деятельность была во второй половине XVII в. перенесена внутрь государства. Однако его внутренние /с. 299/ функции никогда не теряли своего значения, ибо даже при самых удачных войнах и грабительских походах благосостояние кызылбашского воинства прежде всего зависело, конечно, от доходов с податного населения своей страны.

И, наконец, третье ведомство — общественных работ, также в значительной степени сохранило свою роль в Кызылбашской державе.

Точно также и всю городскую администрацию можно свести к упомянутым трем ведомствам.

Первым после хакима лицом в городе являлся калантар (كلانتار). Эта должность существовала и до XVII в., но тогда калантар являлся, как правило, представителем местной знати, полностью зависимым от феодала-владельца. Положение изменилось в XVII в., когда шахи с укреплением центральной власти старались ограничить самостоятельность местных правителей. С этого времени калантары стали назначаться из центра (du Mans 1890. P. 36). По существовавшему в XVII в. официальному положению калантар был независим от правителя-хакима. Но уже в начале XVIII в. и позднее калантары полностью зависели от хакимов (de Bruin 1718. P. 153; Der allerneueste Staat 1725. S. 261). Такое положение было вызвано вновь усилившейся независимостью местных правителей от центра. В начале XIX в. в каджарской монархии официальная независимость калантаров от правителей была восстановлена (Morier 1813. P. 331). Ряд европейских путешественников XVII—XIX вв. сравнивают калантара с мэрами или бургомистрами европейских /с. 300/ городов (de Bruin 1718. P. 153; Der allerneueste Staat 1725. S. 261; Jourdain 1814. P. 150), другие называют его купеческим старшиной (Tavernier 1677. T. I. P. 612; Chardin 1811. T. VIII. P. 14), а Олеарий именует его просто сборщиком податей (Олеарий 1870. С. 885). Сравнение свидетельств европейских путешественников с восточными источниками заставляет отвергнуть в отдельности каждое из этих определений. С этой целью и рассмотрим функции калантара, которые в XVII в. определялись особыми инструкциями, отраженными в «Тазкират-оль-мулук».

Судя по ряду данных, калантар был не просто купеческим старшиной (такое сравнение, употреблявшие его Шарден и Тавернье очевидно

дали, основываясь на калантаре купеческого предместья Исфагани — Новой Джульфы, где калантар в сущности и являлся купеческим старшиной). Калантар являлся особым должностным лицом, назначаемым из центра (см., например, о назначении калантара в Акулис в 1669 г.: Дневник Закария Акулисского 1939. С. 74), в функции которого входило административно-налоговое управление городом. Калантар назначал по представлению кварталов и цехов их старшин (кедхуда) (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 73 [перс. текст]). Четыре раза в год он обязан был собирать этих старшин и по соглашению с ними устанавливал размер налогового обложения кварталов и цехов (Tadhkirat al-Mulūk [перс. текст]; Morier 1813. P. 331). Общий список городских податей также утверждался печатью калантара. В деле сбора налогов калантар был связан с везирем (см. ниже). С начала XVIII в., с увеличением самостоятельности хакимов, в ведении калантаров осталось /с. 301/ лишь определение налогового обложения города (de Bruin 1718. P. 153).

В каждом городе был только один калантар; поэтому неправильно мнение проф. Лео о существовании в городах особого калантара для армян (Лео 1946. С. 60). Источники нигде не упоминают о существовании такого положения. Мнению Лео основано очевидно, опять-таки, на особенностях административного устройства Исфагани, где армянское предместье Джульфа имело своего особого калантара.

Калантары могли по социальному своему положению принадлежать к различным слоям господствующих классов. Известны калантары, происходившие из духовного сословия — сеидов (о калантаре Тебриза, сеиде Мирзе-Абдул-Хусейне, см.: Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 153). В XVII в. калантары чаще назначались, однако из крупных купцов, и это также, очевидно, одна из причин, почему европейские современники именуют их купеческими старшинами. Калантары являлись посредниками между купечеством и центральной властью. Тавернье, например, был свидетелем такого посредничества калантара, обратившегося от имени группы купцов с ходатайством на злоупотребления ереванского беглярбека, в результате чего последний был лишен своей должности (Tavernier 1681. V. I. P. 505–506).

Наряду с калантаром важнейшим финансовым чиновником являлся везир. В Кызылбашском государстве во все крупные области (беглярбекства) назначались из центра особые чиновники-везиры, в функции которых входил сбор налогов в центральную казну. В городах везир собирал подати через посредство калантара /с. 302/ и отсылал их в Исфаган. Везир являлся лицом независимым как от хакима, так и от калантара, и подчинялся непосредственно этемад-эд-доуле Кызылбашской державы. Собственно говоря, везир, как и хаким, не являлся чисто городским должностным лицом, а назначался на всю область или даже

на две области (беглярбекства) сразу. Так, под 1029 г. х. (1616/17 гг.) Искандер Мунши упоминает о Ходжа-Мухаммед-реза, который являлся одновременно везиром и для Азербайджана, и для Ширвана (Искандар-бик туркемāн Муншӣ 1314/1896–1897. С. 671). Но находился везир обычно в городе (например, везир Азербайджана в Тебризе) и в его функции входил сбор (через калантара и даругу) податей и с горожан. В прочие города, входившие в данное беглярбекство, от везиря периодически посылались полномочные чиновники-даруги (о деятельности этих чиновников см.: Дневник Закария Акулисского 1939. С. 76, 79). На должность везиря назначались либо крупные гражданские чиновники, либо духовные лица (о везирах Азербайджана при Сефи I, см.: Искандар-бик туркемāн Муншӣ 1318/1900–1901. С. 295).

Видным городским должностным лицом являлся даруга. В XVII–XVIII вв. этот термин употреблялся в двух значениях. Во-первых, даругой назывался городской чиновник, в обязанности которого входила охрана порядка и безопасности в городе в целом и на городских базарах как городских хозяйственных и общественных центрах, в частности. Но в XVII–XVIII вв. даругой называли также чиновников, которых владельцы небольших городов и селений посылали туда для взъяскивания податей (Krusinski 1742. P. 84–85), или же государственных чиновников такого типа, о котором говорилось выше в связи с изложением функций везиря. Нас интересует собственно городской /с. 303/ даруга, глава полицейской службы в городе. В качестве такового даруга играл важную роль в городской жизни. В отличие от калантара и везиря, даруга подчинялся непосредственно хакиму (de Chinon 1671. P. 49). Однако в судебной области даруга подчинялся еще и диван-беги Кызылбашской державы в Исфагане. Такого рода двойное подчинение объяснялось тем, что диван-беги являлся высшей судебной инстанцией по уголовным делам и, хотя высшая судебная власть в городе принадлежала хакиму, ограниченному, правда, в своих действиях духовным судом (об этом ниже), и практически осуществлялась в области уголовных дел даругой, тем не менее, обвиняемые могли апеллировать к диван-беги в Исфагани (Sanson 1694. P. 179), что, конечно, практически было доступно лишь для богатых и влиятельных людей.

Даруге подчинялась городская стража, которая в ночное время после закрытия базаров охраняла порядок на улицах города. В ночное время и сам даруга объезжал городские махалы с вооруженными стражниками (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 77–78 [перс. текст]). В ночной охране городского порядка даруге помогал особый помощник — мир-шаб (ночной начальник), который в ночное время патрулировал на улицах города (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 78 [перс. текст]; Chardin 1755. Т. III. P. 407; Jourdain 1814. P. 155). Должность эта была небезвыгодной. Если,

например, мир-шаб обнаруживал воровство и отнимал украденное, то по закону $\frac{1}{3}$ часть возвращенного имущества шла ему (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 78 [перс. текст]).

В обычное время служба даруги проходила, главным образом, на городских базарах. Здесь даруга являлся в полном смысле хо/с. 304/ зяином положения. Базары делились на отдельные ряды, в каждом из которых были свои старшины, подчинявшиеся даруге и под его надзором взыскивавшие пошлины и штрафы (Олеарий 1870. С. 128; Друвиль 1826. С. 98–99).

Очень важной обязанностью даруги являлось контролирование мер и весов на рынках. За их нарушение виновные подвергались по приказу даруги серьезным наказаниям. Путешественник Друвиль был свидетелем [того,] как при нем в городе Урмии отрезали нос хлебнику за найденную у него неполноценную гирию (Друвиль 1826. С. 100). Кроме даруги за соблюдением установленных мер и весов следил еще один специальный чиновник — мухтасиб. Мухтасибы назначались из центра (de Chinon 1671. P. 57) и являлись как бы государственными контролерами над рынками. Кроме контроля за мерами и весом, мухтасибы, по соглашению с главами цехов, устанавливали نرخ, т. е. цены на товары на рынке (du Mans 1890. P. 36, 37; Chardin 1755. Т. III. P. 400) и следили совместно с даругой за их соблюдением.

Как уже упоминалось выше, в руках даруги находился городской суд по уголовным делам. Суд этот был скор и прост. При уличении в краже, подделке весов, нарушении порядка, виновные присуждались либо к палочным ударам, либо сажались в колодки особой конструкции (Их изображение см.: Chardin 1755. Т. III), либо присуждались к штрафу. За воровство клеймили, отрубали пальцы, носы, уши и т. д. (Chardin 1755. Т. III. P. 416).

К смертной казни по закону мог кроме шаха присудить лишь диванбеги, но многие хакимы фактически пользовались этим /с. 305/ правом (Sanson 1694. P. 190).

Даруга получал в XVII в. плату от государства (в XVIII в. от местного хана); кроме того значительный доход он получал от «подарков» (пишкешей), а также от взяток. Даруга Исфагана при шахе Султан Хусейне (1694–1722) открыто брал выкуп с воров (Krusinski 1742. P. 111). Иезуитский патер Крусинский приводит интересный рассказ, характеризующий деятельность даруги и его беззастенчивость в деле ограбления горожан. Даруга города Акулуса заметил, что у одного горожанина осел соседя поедает виноградник. Ретивый служитель правосудия немедленно оштрафовал хозяина осла на 50 экю. Когда же хозяин виноградника, не желая ссориться с соседом заикнулся, что осел-то собственно не принес ему никакого убытка, даруга оштрафовал и его на такую же сумму, заявив, что тем самым он научит хозяина беречь свое добро (Ibid. P. 85–86). Исходя из фискальных соображений, шахи отдавали должность да-

руги, как и другие должности на откуп. Друвиль писал, что при нем в городе Урмии за должность даруги давали 10 000 туманов (Друвиль 1826. С. 97), которые, конечно, полностью затем окупались.

Непосредственно сбором налогов на рынке занимался даруга, а в самом городе особые чиновники тахсилдары (تحصيلدار) или амили (عميل). Сбор налогов производился либо через старост кварталов (махалов) (de Bruin 1718. P. 209), либо через глав цехов (эснафов). Города XVII–XVIII вв. делились на административные округа — махалы. Число их было различно. Тебриз, например, делился на 9 махалов (d'Alessandri 1873. P. 224; Chardin 1811. Т. II. P. 321), Шемаха в XVII в. даже на 26 махалов (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 296), а во второй пол./с. 306/овине XVIII в. на 9 махалов (Гмелин 1771. С. 51). Во главе кварталов стояли старосты — кедхода, избираемые населением квартала и утверждаемые калантаром. Кварталы, в свою очередь, состояли из ряда улиц. Кроме деления на кварталы, в больших городах обыкновенно существовало деление на собственно город (اندرون — андерун) и предместья; иногда город состоял из двух самостоятельных частей, каждая из которых была окружена отдельной стеной. На две отдельные части делились, например, в XVII в. Шемаха (Олеарий 1870. С. 553) и Акулис (Дневник Закария Акулиского 1939. С. 75, 76, 97), город Ереван состоял из трех частей: 1) старый город (Հին Թաղ), 2) Конд (Կոնդ) и 3) Караханк (Քարահանք) (Шахазиз 1931. С. 173).

Кроме того, в XVI–XVII вв. в городах существовало разделение по религиозному признаку, по названиям двух дервишеских орденов (d'Alessandri 1873. P. 224; Chardin 1811. Т. II. P. 321).

С горожан в XVII–XVIII вв. взыскивалось большое количество податей; в целом, горожане платили не меньше, чем сельское население. Исключение составляли крупные купцы — совдакяры (таджиры или ходжи), пользовавшиеся привилегиями и платившие облегченные налоги. Основным видом городских поборов был подымный налог, налог взимавшийся с города в соответствии с числом дворов. Такая система обложения существовала в XVII–XVIII вв. и сохранилась в кадjarской монархии начала XIX в. (Jourdain 1814. P. 164). Города типа «касаба», как и сельские районы, облагались налогом именуемым «мал-у джахат», с той лишь разницей, что взимался он через го/с. 307/родского калантара и кедхуда городских районов в соответствии с доходами жителей, кварталов и, по-видимому, в зависимости от числа дворов (о сборах этого налога с Акулиса см.: Дневник Закария Акулиского 1939. С. 79).

Другим, не менее важным налогом, был бониче или налог с ремесленников (о нем см. гл. II). Кроме того, до Надир-шаха с городских жителей христиан, т. е. главным образом, армян, взыскивалась подушная подать джизия, которая в конце XVII в. равнялась 1 мискалю с человека (Kämpfer 1712. P. 96).

При Надир-шахе джизия по ходатайству католикоса Абраама Кретацци была отменена (Abraham de Crète 1876. P. 278), но во второй половине XVIII в. армянское население северо-восточной части Азербайджана, временно объединенной вокруг Кубы, вновь выплачивало подушную подать в размере 2 рублей 40 копеек с души (Гмелин 1771. С. 96). По свидетельству Гмелина, армяне в Кубинском ханстве вообще обирались еще больше мусульманского населения (Там же. С. 97).

Кроме того не следует забывать, что армянское население платило еще десятину в пользу своего духовенства. Так, в XVIII в. жители Акулиса обязаны были в год вносить в пользу католикоса по 20 диан (дианаров) с человека (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 74).

Мусульманское население также выплачивало церковную десятину, шедшую садру (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 85).

Торговцы-лавочники платили не малые пошлины за производство различных товаров, за ввоз и вывоз продукции и сырья, весовую пошлину и др. /с. 308/

Большие доходы с городов шах имел от городских бань, за пользование источниками орошения, государственными каравансараями, с публичных домов (Kæmpfer 1712. P. 96).

Кроме установленных податей существовали поборы ничем не узаконенные, взимавшиеся под видом пишкешей, т. е. подарков, всеми, без исключения, должностными лицами. Даже за поданную жалобу приходилось платить. Не случайно очевидцы отмечают, что налогов с городов всегда собиралось гораздо больше, чем положено. Крусинский приводит случай, когда армянское население города Ганджи при шахе Хусейне должно было выплачивать матери шаха 50 туманов в год, но через несколько лет только за неделю собрали однажды 300 туманов (Krusinski 1742. P. 83). Поэтому вполне объяснимо свидетельство английского путешественника Фрайера о том, что горожане в Кызылбашском государстве боялись, как бы власти не узнали величину их имущества (Frayer 1915. P. 25).

В Кызылбашском государстве со всех городов взимались особые налоги в пользу чиновников государственного аппарата, называемые «русум» (رسوم). Например, мухтасиб-оль-мамалик (государственный контролер цен, мер и весов) имел следующие русумы с городов Азербайджана и Армении (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 90–91):

с Ардебиля	— 21 туман 1 200 динаров,
с Тебриза	— 60 туманов,
с Ганджи, Еревана и Урмии	— 12 туманов 5 000 динаров,
с Хоя	— 15 000 динаров,
с Маранды	— 15 000 динаров. /с. 309/

Методы сборов налогов были самые варварские. Неплательщиков избивали, клеймили, отрезали уши, нос, сажали в колодки и ямы. Захарий Акулеци рассказывает, что когда в 1673 г. из Еревана в Акулис прибыл бек от хана для сбора суммы в 1 000 туманов для армянского католикоса, то при этом было в одну ночь повешено 35 жителей, но собрать удалось только 350 туманов (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 91–92).

Сбор налогов, также как и должности, нередко сдавались на откуп местным феодалам или богатым купцам. В Акулисе в 60-х–80-х гг. XVII в. откупали налоги обычно местные мелики (калантары), происходившие из землевладельческой знати Акулиса (Там же. С. 68, 70, 74, 122). Брат Захарии Акулеци, богатый и известный купец Симон (Шмавон), брал одно время на откуп сбор пошлин в Ереване (Там же. С. 82).

Жители городов кроме уплаты узаконенных и незаконных сборов должны были содержать за свой счет налоговых чиновников и сверх того выплачивать в их пользу особую подать — *кулуха*, являвшуюся своеобразным вознаграждением «за труды» этих чиновников. Так, в 1670 г. из Тебриза прибыл в Акулис некий Бахрам-бек для сбора налогов; его дневное содержание обходилось в 1 туман, сверх чего ему было уплачено еще 17 туманов (Там же. С. 79) *кулуха*. До этого в Акулис приезжал с той же целью чиновник Али-кули-хан с 10 всадниками. За 20 дней на его содержание было истрачено 10 туманов и выплачено 5 туманов *кулуха* (Там же. С. 76).

О грабительских наездах налоговых сборщиков в Нахичеван и его округу в 1703 и 1717 гг. рассказывает армянский хронист Петрос Саркаваг (Жаманакагракан манр *һатвац'нер* 1956. С. 524). /с. 310/

Особенно возросли налоги в конце XVII — начале XVIII в. при шахе Хусейне. По свидетельству агванского католикоса Есаи, от этого сильно пострадало и городское население (Hassan Dchalalants 1876. P. 204).

До нас, к сожалению, не дошло почти никаких данных о размерах налоговых сборов с тех или иных городов. В середине XVII в. с Ардебиля, например, шах собирал 50 000 золотых (Evliya Çelebi 1949. S. 79) турецкой монетой (التون). С Акулиса в год в 60-х гг. XVII в. выжали 1 000 туманов (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 70). По другим городам мы не имеем и таких данных.

Значительная часть средств, собиравшихся с городов, расходовалась на месте, на нужды местных правителей, содержание их войск, на содержание городского административного аппарата. В Дербенте же, например, своих доходов, полностью шедших в распоряжение правителя, не хватало, и дербентский хаким получал добавочно из шахской казны 50 000 рублей в год, которые и расходовались хакимом «без отчета» (Гербер 1760. С. 202). Такое положение Дербента объяснялось его ролью как военного оплота Кызылбашской державы у гор Дагестана

и на Каспийском море. Лишь дербентские таможи в XVII в. давали большой доход шахской казне (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 311). Шаху в центр, как правило, отсылалось не более $\frac{1}{10}$ всех доходов, главным образом, натурой в виде различных редких продуктов, производившихся в этих районах (Chardin 1735. Т. III. Р. 345). В XVIII в., за исключением периода правления Надир-шаха, все городские доходы расходовались /с. 311/ местными ханами по своему усмотрению.

За активную поддержку Сефевидов при их закреплении в Закавказье шахи даровали отдельным городам право налогового иммунитета (му'афи). Так, Аббас I даровал му'афство городу Ордубаду в Нахичеванском крае (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 506) и городу Дербенту (Там же. С. 516). Освобожден от налогов был город Карабах (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 241), а при Сефи I и город Хой (Там же. С. 278).

Можно предполагать, что му'афства территориям и городам в конце XVII в. были ликвидированы в связи с общим ростом налогового обложения. Но в первой половине XVII в. дарование их довольно широко практиковалось шахами на всей территории Кызылбашского государства. Мы не можем точно судить, действительно ли от всех податей и налогов освобождались жители городов по праву му'афи. Можно предполагать, например, на основании данных Эвлия Челеби (Там же. С. 241), что освобождался город от обычных, давно и определенно установленных налогов (جميع تكاليف عرفيه دن), тогда как различного рода русумы, а также всякого рода незаконные поборы продолжали взиматься. В XVIII в. мы не знаем случаев дарования налогового иммунитета целым городам; очевидно, это право изжило себя как и ряд других институтов, свойственных более раннему времени.

Для лучшего уяснения системы городского управления необходимо остановиться на судопроизводстве в городах. Система судопроизводства в Сефевидском государстве была сложная и раз/с. 312/ветвленная. Существовали два официально признанных и употреблявшихся судебных права. В основном, судили по-прежнему на основе мусульманского права — шариата. Однако существовало еще и так наз. обычное право — урф عرف или адат. Учитывались и шахские постановления и указы. И урф, и шахские законы, в общем, подводились под нормы шариата и лишь в отдельных случаях заменяли и дополняли слишком уж устаревшие нормы мусульманского церковного права.

В Кызылбашском государстве существовали три вида суда, которые различались как по степени использования ими шариатского права, так и по делам, которые в них разрешались. Об одном из них — уголовном суде — мы уже говорили в связи с изложением функций городского да-руги. Суд этот был основан на обычном праве (урф). Главой его в рам-

ках государства был диван-беги в Исфагане (Sanson 1694. P. 178–179; Chardin 1735. Т. III. P. 405). Диван-беги имел своих представителей в провинции, в городах же ему по вопросам судопроизводства подчинялись даруги. Однако и этот суд, наиболее свободный от влияния всесильного шиитского духовенства, находился тем не менее под его контролем. Так, на осуждение смертью требовалась фетва садра, который также имел в провинции своих представителей, называвшихся «наиб-е садарат» (заместитель, представитель садра) (Sanson 1694. P. 23).

Что касается второго суда — гражданского или городского (شهري), то он находился полностью в руках духовенства (Ibid. P. 190). Главой этого суда в Кызылбашском государстве было высшее ду/с. 313/ховное лицо — садр-е азам (великий садр). Должность садра в 1670 г. была разделена на две — один из носителей ее назывался садр-е хассе (садр домена), а другой садр-е мамалик (государственный садр). Первый из них ведал церковными имуществами на территории хассе, а второй на землях давани (Kämpfer 1712. P. 99–100; Tadhkirat al-Mulūk 1943). Но оба они имели своих представителей на местах. Представителем садра-е мамалик являлся уже упомянутый «наиб-е садарат», представителем же садра-е хассе был мударис (Sanson 1694. P. 21).

Непосредственно процессуальными делами в городе занимались два церковных судьи — кази и шейх-уль-ислам, подчинявшиеся непосредственно кази и шейх-уль-исламу в Исфагани. Последние, в свою очередь, были ответственны в своих действиях перед садром (с 1670 г. кази и шейх-уль-ислам назначались обеими садрами, соответственно садром хассе для домена и садра-е мамалик для всех остальных земель) (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 3).

И кази, и шейх-уль-ислам занимались в сущности одними и теми же делами. В их компетенцию входило: составление и утверждение договоров на продажу и куплю, дела о наследстве, опеке, утверждение брака. Разрешались эти дела по шариатскому праву и скреплялись печатью шейх-уль-ислама или кази (de Chinon 1671. P. 57; Sanson 1694. P. 23, 25).

Третий суд, занимавшийся чисто церковными делами, в провинции (в центрах беглярбегств) находился в ведении вышеупомянутых мударисов. В этом суде, например, разрешались вопросы о переходе христиан в мусульманство, равно как и об обратном воз/с. 314/врате ренегатов в лоно христианской церкви (Sanson 1694. P. 200).

Наконец, существовал и внутренний суд ремесленных и иных корпораций, ограниченный, правда, чисто внутренними делами цеха. Так, по уставу армянских ремесленников XVIII в., этот суд разрешал только дела, возникшие между ремесленниками в том случае, если дело шло о небольшой сумме, не более двух туманов, в противном случае спор выносился из пределов цеха (см. «Устав ремесленников XVIII в.» в приложении к цитированной работе В.А. Абрамян: Йалак'с археставорац 1956. С. 253).

Кази, шейх-уль-исламы, мударисы и другие лица церковного суда назначались из среды высшего духовенства. Должность их, как и многие другие, могли передаваться по наследству в одной и той же фамилии сеидов. Так, во второй половине XVI — начале XVII в. наследственной была должность кази в городе Казвине (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 150).

Шейх-уль-исламу и кази городов–административных центров подчинялись соответствующие судьи более мелких городов. Так, важнейшим шейх-уль-исламом Азербайджана (южного) был шейх-уль-ислам города Тебриза (Архив армянской истории 1894. С. 631).

Церковный суд находился под особым покровительством шахов и был независим в XVII в. от местных правителей. Характерен следующий пример. В 1050 г. х. (1639/40 гг.) шейх-уль-ислам Еревана был убит по подстрекательству хакима (правителя) племени байят, жившего в Ереванской области, одним из мулязимов (вассалов) хакима. Поводом для убийства послужило издание незадолго до этого шейх-уль-исламом шириатского указа против племенного главы. По приказу шаха беглярбек Еревана /с. 315/ Мухаммед-кули-хан казнил хакима, осмелившегося поднять руку на шариатского судью (Искандар-бик туркеман Мунши 1318/1900–1901. С. 246).

Судьи имели большие доходы непосредственно от государства или от местных правителей. Им, как и другим должностным лицам, могли даваться тиули и союргали. В качестве примера возьмем доходы диванбеги Кызылбашского государства, который, согласно «Тазкират-ольмулук», имел жалование в 500 туманов и сверх того тиуль, оцененный в 15 туманов, на практике же дававший 92 тумана 3845 динаров, так что всего диван-беги получал 592 тумана 3845 динаров, а временами и 1 000 туманов. Кроме того, в пользу диванбеги шла $\frac{1}{10}$ всех штрафов, налагавшихся в судебном порядке (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 87–88).

Кроме официальных доходов судьи брали с населения взятки (Chinon 1671. P. 58). О беззакониях кази и шейх-уль-ислама (эти должности в данном случае занимало одно лицо) города Ордубада писал Захарий Акулеци (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 118).

В Кызылбашском государстве в руках государства и его местных ответвлений были сосредоточены такие важные общественные и по характеру их проведения, и по системе их использования мероприятия, как проведение дорог, расчистка и культивирование новых земель (земель Гиляна и Мазандерана, отчасти Тальша в XVII в.), возведение общественных зданий (бань, рынков, караван-сараяв). Сама сельская община в сущности являлась сильнейшим рычагом в проведении этих работ. Наконец, и функция поддержания и управления оросительной сетью не могла и не бы/с. 316/ла децентрализована. Особенно ясно это

видно на примере земель хассе, где источники орошения были почти целиком подведомственны государству. В Сефевидском государстве, как и в соседней Турции, проводились массовые работы по ремонту старых оросительных систем и сооружению новых каналов. Например, в 1029 г. х. (1616/17 гг.) были проведены большие работы по орошению города Исфагана (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 668, 674). При Сефи I такие же работы проводились в городе Неджефе (Искандар-бик туркеман Мунши 1318/1900–1901. С. 94). В Турецкой Армении в 1561 г. проводились большие работы по проведению воды в город Ван, в которых приняло участие 8 000 лишь городских поденщиков (Архив армянской истории 1912. С. 123). Государство проводило и другие массовые общественные работы. Не говоря уже о строительстве большой дороги, связывавшей Исфаган с севером страны при Аббасе I, упомянем о строительстве при шахе Мухаммеде Худабенде (1578–1586 гг.) большого моста через Аракс, в построении которого принимало участие 12 000 рабочих (عمالا) (Мухаммад Казим. Л. 1566).

И, наконец, последний вопрос настоящей главы — вопрос о ведомстве общественных работ. К сожалению, именно по деятельности этого ведомства источники сообщают нам наиболее скудные данные. Судя по «Тазкират-оль-мулук» и другим источникам, ведомство это находилось в руках везирей провинций и местных хакимов. У везира в подчинении имелся целый штат чиновников, регулировавших всю деятельность непосредственного производителя. Существовал, например, особый оценщик урожая (ارزياب)¹⁴¹, а также землемер (مساح), в обязанности которого входило/с. 317/дил учет государственных земель, сдаваемых в аренду крестьянам и определение и регистрация урожая и доли крестьянина (اکره) (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 73, 75, 88 [перс. текст]). Не случайно, в обязанности должностных лиц входило отыскание крестьян для тех мест (на государственных и доменных землях), где их не было (Там же. С. 72 [перс. текст]). Такое правило, упоминаемое в «Тазкират-оль-мулук», определенно говорит о существовании в Кызылбашском государстве прикрепления крестьян (в т. ч. и городских) к земле.

Наконец, в компетенцию государства и местных властей входило и наблюдение за системой орошения и, как выше упоминалось, постройка новых каналов. Существовала особая должность мираба (ميراب), т. е. управляющего оросительной системой. Мирабы были в каждом бегиарбекстве. Должность эта считалась очень доходной, поскольку от мираба зависело распределение воды с государственных источников орошения (Chardin 1735. V. III. P. 100). За это мирабы взыскивали в свою

---

¹⁴¹ В машинописном тексте не дописано: زيابي – Примеч. А. А.

пользу значительные «подарки», в противном же случае вода просто не давалась (Ibid. P. 100–101).

Мираб Исфагана имел таким образом доход в 4 000 туманов (Ibid. P. 100).

Мирабу подчинялись особые надсмотрщики каналов (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 81 [перс. текст]). Несмотря на попытки сохранения оросительной сети и на постройку новых каналов, в общем, на протяжении XVII в. наблюдается уменьшение числа наземных и подземных каналов (кяризов). Мирза-Ибрагим, везир Азербайджана, говорил путешественнику Тавернье, что /с. 318/ за последние 80 лет (с конца XVI до 60-х гг. XVII в.) лишь территория города Тебриза потеряла 400 своих источников орошения, частично благодаря различным происшествиям (очевидно войнам, землетрясениям), частично же из-за небрежности лиц, заботам которых они были поручены (Tavernier 1677. T. I. P. 371). По данным Шардена, в Азербайджане с начала XVII в. до 60-х гг. этого столетия число подземных каналов (кяризов) уменьшилось до 400 (Chardin 1735. T. III. P. 100). Централизовано было орошение и в городах. В Дербенте даже в первой половине XVIII в. султан города часть своих доходов тратил на содержание каналов (Гербер 1760. С. 202).

Кроме поддержания источников орошения местные власти заботились о поддержании общественных строений (караван-сараяв, рынков, бань) (Там же). В XVII в. не только в Исфагани, но и в других городах многие подобные строения возводились государством (шахом). Существовала особая должность ма'амар-баши, т. е. главного архитектора, который ведал этими постройками и получал за это 5% с сумм, затрачиваемых на эти постройки. Ему же шло 2% с продажи домов (Chardin 1735. T. III. P. 109). Хакимы и калантары (мелики) городов также строили базары, караван-сарай и другие сооружения (пример см. в гл. II, с. 258). При больших постройках использовался почти даровой труд ремесленников и крестьян. Большую роль при этом играли крестьянские общины и ремесленные цехи, через которые и собиралась необходимая рабочая сила. Развитие этой системы в XVIII в. проследить невозможно, ибо если по XVII в. мы имеем, хотя и скудные данные по этому вопросу, то по XVIII в. в нашем распоряжении нет и /с. 319/ этого. В общем, можно, однако, предположить, что в XVIII в. идет децентрализация этого ведомства, чем, очевидно, отчасти и можно объяснить отсутствие данных в источниках. /с. 320/

Краткие выводы

1) Система общегосударственного и городского управления в Сефевидском государстве отличалась большой сложностью, но как и в

большинстве других стран Востока может быть сведена к трем основным ведомствам: финансовое ведомство или ведомство по ограблению своего народа, ведомство по ограблению других народов (военное) и ведомство общественных работ.

Наибольшее развитие из них получило первое ведомство.

2) Система городского управления была основана на экономическом и политическом господстве феодально-землевладельческой знати с привлечением к нему (в XVII в.) крупного купечества.

3) Если для XVII в. было характерно стремление шахов ослабить власть местных (в том числе и городских) правителей, то в условиях XVIII в. крупные города становятся центрами полусамостоятельных и самостоятельных феодальных владений. В руках городских хакимов (ханов) постепенно сосредотачивается вся высшая власть (налоговая, судебная, военная). /с. 321/

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале XVII в. Азербайджан и Восточная Армения вновь вошли в состав Сефевидского государства, временно объединенного и укрепленного разноплеменной знатью кочевых племен в союзе с оседлыми феодалами Ирана и Закавказья. Усиление центральной власти и связанное с этим ослабление местной, прежде всего кочевой знати, прекращение или уменьшение феодальных междоусобий и с конца 30-х гг. XVII в. разорительных и опустошительных внешних войн, оказывавших до того времени крайне неблагоприятное воздействие на состояние и развитие производительных сил, благоприятно отразились и на развитии городов Восточного Закавказья. На протяжении всего XVII в. наблюдается увеличение числа городов и рост их населения. Происходят и определенные качественные изменения в структуре городской экономики, наиболее ярким из которых явился рост ремесленного производства, рассчитанного на внешний и внутренний рынки и появление элементарных предприятий мануфактурного типа.

Из новых явлений в социальной жизни городов следует отметить увеличение роли и влияния городского купечества и отчасти цеховой верхушки, которые в XVII в. получили доступ к участию в местном городском управлении.

В XVII в. города являются экономическими центрами своих округов и областей, в руках городского купечества сосредоточена основная внешняя торговля страны. На внешний рынок города Азербайджана и Восточной Армении поставляют разнообразные товары, среди которых видное место занимают готовые шелковые и хлопчатобумажные изделия. /с. 322/

Вместе с тем непрочность объединения, сохранение значительной роли кочевой знати, влияние которой и в XVII в. было лишь ограничено, но не уничтожено, привели к тому, что с распадом Сефевидского государства, возрождением феодальной раздробленности и началом опустошительных внешних вторжений со всеми их последствиями города испытывают тенденцию к упадку.

Распад Кызылбашского государства не следует связывать лишь с политическими событиями 20-х гг. XVIII в. Фактически это был длительный полувековой процесс, начавшийся со второго десятилетия XVIII в. и продолжавшийся до середины этого века. Лишь с развалом державы Надир-шаха можно говорить об окончательном его завершении. В итоге, и Иран, и Восточное Закавказье оказались раздробленными на ряд самостоятельных и полусамостоятельных феодальных государств, враждовавших друг с другом. В этих условиях наблюдается натурализация хозяйства, сокращение городского ремесла и сферы городской торговли, уменьшение городского населения, а в среде последнего увеличение удельного веса феодальнозависимого населения. Местные ханы, преследовавшие свои личные, частные интересы, никогда последовательно не совпадавшие с интересами народа, в условиях ослабления внутризкономических и политических связей областей не могли явиться силой, способной объединить сколько-нибудь прочно даже какую-либо значительную часть страны.

Политическая же раздробленность приводила к еще большей экономической изоляции отдельных областей, населенных одним и тем же народом. Так, во второй половине XVIII в. для Азербайджана можно выделить (приблизительно) три отдельные его части (северо-восток страны, Карабах и юг), экономически более тяготеющих к /с. 323/ соседним областям Дагестана, Северного Кавказа, Грузии и Ирана, нежели друг к другу.

В подобных условиях следует отметить как прогрессивное явление все большее увеличение экономических (торговых) связей северного Азербайджана и Восточной Армении с Россией, особенно с русскими владениями на северном Кавказе, а также все более растущую русскую ориентацию среди торгово-промышленной части населения этих областей (а также отчасти и других слоев населения, например, армянского духовенства) на Россию. /с. 324/

а) Классики марксизма-ленинизма

- Ленин В.И.* О государстве // *Ленин В.И.* Собрание сочинений. М., 1937. Т. XXIX. С. 433–451. [*Lenin V.I.* O gosudarstve (The State) // *Lenin V.I.* Sobraniye sochineniy. Moscow, 1937. Vol. XXIX. S. 433–451.] (–)
- Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // *Ленин В.И.* Собрание сочинений. М., 1935. Т. III. С. 1–535. [*Lenin V.I.* Razvitiye kapitalizma v Rossii (Development of Capitalism in Russia) // *Lenin V.I.* Sobraniye sochineniy. Moscow, 1935. Vol. III. S. 1–535.] (–)
- Маркс К.* Британское владычество в Индии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М., 1933. Т. 9. С. 346–352. [*Marx K.* Britanskoye vladychestvo v Indii (The British Rule in India) // *Marx K., Engels F.* Sochineniya. Moscow, 1933. Vol. 9. S. 346–352.] (–)
- Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940. [*Marx K.* Formy, predshestvuyushchiye kapitalisticheskomu proizvodstvu (Forms Which Precede Capitalist Production). Moscow, 1940.] (–)
- Маркс К.* Капитал. М., 1953. Т. I–III. [*Marx K.* Capital. Moscow, 1953. Vols. I–III.] (–)
- Маркс К.* Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М., 1955. Т. 4. С. 65–185. [*Marx K.* Nishcheta filosofii. Otvet na «Filosofiyu nishchety» g-na Prudona (The Poverty of Philosophy Answer to the Philosophy of Poverty by M. Proudhon) // *Marx K., Engels F.* Sochineniya. Moscow, 1955. Vol. 4. S. 65–185.] (–)
- Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Полное собрание сочинений. М., 1955. Т. 3. С. 7–544. [*Marx K., Engels F.* Nemetskaya ideologiya (The German Ideology) // *Marx K., Engels F.* Polnoye sobraniye sochineniy. Moscow, 1955. Vol. 3. S. 7–544.] (–)
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения / Под ред. В. Адоратского. М., 1932. Т. 21. [*Marx K., Engels F.* Sochineniya (Works) / Ed. by V. Adoratsky. Moscow, 1932. Vol. 21.]
- Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. М., 1950. [*Engels F.* Anti-Dyuring (Anti-Dühring). Moscow, 1950.] (–)
- Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии. М., 1952. [*Engels F.* Krest'yanskaya voyna v Germanii (The Peasant War in Germany). Moscow, 1952.] (–)

б) Источники

1. Архивные источники

- АВПР, фонд Сношения России с Персией, дела: 4 (1728–96 гг.), 12 (1762–1778 гг.), 13 (1763–1767 гг.), 15 (1765–1797 гг.), 17 (1767–1774 гг.), 470 (1774–1800 гг.), 479 (1776–1782 гг.). [AVPR, fond Snosheniya Rossii s Persiyey (Archive of the Russian Foreign Policy, Foundation for Relations Between Russia and Persia), dela: 4 (1728–96 gg.), 12 (1762–1778 gg.), 13 (1763–1767 gg.), 15 (1765–1797 gg.), 17 (1767–1774 gg.), 470 (1774–1800 gg.), 479 (1776–1782 gg.).]
- Государственное хранилище древних рукописей Армянской ССР. Матенадаран, Архив католикоса: папки 1, 1а, 1б, 1г, 1д, 1з, 2а, 2б, 4, 6, 242. [Gosudarstven-

noye khranilishche drevnikh rukopisey Armyanskoj SSR. Matenadaran, Arkhiv katolikosa (State Repository of Ancient Manuscripts of the Armenian SSR. Matenadaran, Archive of the Catholicos): papki 1, 1a, 16, 1g, 1d, 1z, 2a, 26, 4, 6, 242].

2. Персидские источники (изданные и рукописные)

- ‘Abd al-Fattaḥ Fūmanī. Tā’rīḫ-i Gīlān* [История Гиляна] // Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstenländer des Kaspischen Meeres / Hrsrg. B. von Dorn. St.-Petersburg, 1858. Theil III. S. 210–223. [*‘Abd al-Fattaḥ Fūmanī. Tā’rīḫ-i Gīlān* (History of Gīlān) // Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstenländer des Kaspischen Meeres / Hrsrg. B. von Dorn. St.-Petersburg, 1858. Theil III. S. 210–223.] (на перс. яз.)
- Абӯ-л-Ҳасан Гулистāнӣ. Муджмал ағ-таварӣх* [Сокращенное изложение историй]. Тегеран, 1359 г.с.х. / 1941 г. [*Abū-l-Ḥasan Gulistānī. Mujmal al-tawārīḫ* (Abridged stories). Tehrān, 1359 SH / AD 1941.] (на перс. яз.)
- Ғийāс ад-Дӣн ал-Ҳусайнӣ Ҳвāндāmӣр. Ҳабӣб ас-сийар* [Друг биографий]. Бомбей, 1273 г.х. / 1857 г. Т. III. [*Ghiyāth al-Dīn al-Ḥusaynī Ḥvāndāmīr. Ḥabīb al-siyar* (The Friend of Biographies). Bombay, 1273 AH / AD 1857. Vol. III.] (на перс. яз.)
- Искандар-бӣк туркемāн Мушӣй. Tā’rīḫ-i ‘ālam-ārā-йи* [История украшателя мира Аббаса]. Тегеран, 1314 г.х. / 1896–1897 гг. [*Iskandar-bīk Turkemān Munshī. Tā’rīḫ-i ‘ālam-ārā-yi* (History of World-decorator). Tehrān, 1314 AH / AD 1896–1897.] (на перс. яз.)
- Искандар-бӣк туркемāн Мушӣй. Зайл-и tā’rīḫ-и ‘ālam-ārā-йи* [Продолжение истории украшателя мира Аббаса]. Тегеран, 1318 г.х. / 1900–1901 гг. [*Iskandar-bīk Turkemān Munshī. Dhayl-i tā’rīḫ-i ‘ālam-ārā-yi* (Continuation of the History of World-decorator). Tehrān, 1318 AH / AD 1900–1901.] (на перс. яз.)
- Искандар-бӣк туркемāн Мушӣй. Tā’rīḫ-и ‘ālam-ārā-йи* [История украшателя мира Аббаса]. Тегеран, 1376 г.с.х. / 1956–1957 гг. Т. I, II. [*Iskandar-bīk Turkemān Munshī. Tā’rīḫ-i ‘ālam-ārā-yi* (History of World-decorator). Tehrān, 1376 SH / AD 1956–1957. Vol. I, II.] (на перс. яз.)
- Йаҳйā б. ‘Abd al-Latīf al-Qazwīnī. Лубб ағ-таварӣх* [Лучшие истории]. Рукопись. ИВ АН, № В-660. [*Yahyā b. ‘Abd al-Latīf al-Qazwīnī. Lubb al-tawārīḫ* (Best Histories). MS. IOS of Academy of Sciences of USSR, № V-660.] (на перс. яз.)
- Китāб-и Ҳусайн-‘Алӣ-ҳāн сардār-и Йравāнӣ [Книга Хусейн-Али-хана, ереванского сардара]. Рукопись. Матенадаран, отд. перс. рук., № М233. [Kitāb-i Ḥusayn-‘Alī-ḥān sardār-i Īrawānī (Book of Ḥusayn-‘Alī-ḥān, Sardār of Īrawān). MS. Matenadaran, Dep. of Persian Manuscripts, № M233.] (на перс. яз.)
- Лисāн ал-мулк. Tā’rīḫ-и қāджāри-йи* [История кадждаров]. Тегеран, 1273 г.с.х. / 1857 г. [*Lisān al-mulk. Tā’rīḫ-i qājāri-yi* (History of Qājārs). Tehrān, 1273 SH / AD 1857.] (на перс. яз.)
- Мӣрзā Муҳаммад Калантār. Рӯзнāме* [Дневник] / Под ред. А. Икбала. Тегеран, 1325 г.с.х. / 1946 г. [*Mīrzā Muḥammad Kalantār. Rūznāme* (Diary). Tehrān, 1325 SH / AD 1946.] (на перс. яз.) (–)
- Мӣрзā Муҳаммад Ҳалӣл. Маджма‘ ағ-таварӣх* [Собрание историй] / Под ред. А. Икбала. Тегеран, 1328 г.с.х. / 1949 г. [*Mīrzā Muḥammad Ḥalīl. Majma‘ al-tawārīḫ* (Collection of Histories). Tehrān, 1328 SH / AD 1949.] (на перс. яз.) (–)

- Мірзә Ҳасан Ҳусайнӣ Фасā'и*. Фāрс-нāме-и Нāсирӣ [Насерова Книга о Фарсе]. Тегеран, 1312 г.х. / 1894 г. [*Mīrzā Hasan Husaynī Fasā'ī*. Fārs-nāme-yi Nāsirī (Nāsir's Book of Fārs). Tehrān, 1312 AH / AD 1894.] (на перс. яз.)
- Муҳаммад Кāзим*. Тā'риҳ-и 'āлам-ārā-и Нāдирӣ [История украшателя мира Надира]. Т. II, III. Рукопись. ЛО ИВ АН, № Д-430. [*Muhammad Kāzim*. Тā'riḥ-i 'ālam-ārā-yi Nādirī (History of World-decorator Nādir). Vol. II, III. MS. Leningrad Branch of the IOS of Academy of Sciences of USSR, № D-430.] (на перс. яз.)
- Муҳаммад Ма'сӯм*. Ҳулāшат ас-сийар [Извлечение из биографий]. Рукопись. ГПБ, каталог Дорна, № 303/1. [*Muhammad Ma'sūm*. Ḥulāshat al-siyar (Extract from Biographies). MS. State Public Library, Dorn catalog, № 303/1.] (на перс. яз.)
- Муҳаммад Сāдиқ*. Тā'риҳ-и гитгӯшāй [История завоевателя мира]. Тегеран, 1317 г.х. / 1899–1900 г. [*Muhammad Šādiq*. Тā'riḥ-i gītīgushāy (History of a World Conqueror). Tehrān, 1317 AH / AD 1899–1900.] (на перс. яз.)
- Муҳаммад Тāхир Ваҳид*. 'Аббāс-нāме [Книга Аббаса]. Эрак, 1329 г.с.х. / 1950 г. [*Muhammad Tāhir Wahīd*. 'Abbās-nāme (Book of 'Abbās). Arāk, 1329 SH / AD 1950.] (перс. яз.)
- Муҳаммад Йӯсуф*. Ҳулд-и барӣн [Высший рай] // *Искандар-бик Туркеман Муниш*. Зайл-и тā'риҳ-и 'āлам ārā-и. Тегеран, 1318 г.х. / 1900–1901 г. Т. VIII. С. 146–299. [*Muhammad Yūsuf*. Ḥuld-i barīn (Sublime Paradise) // *Iskandar-bīk Turkemān Munshī*. Dhayl-i tā'riḥ-i 'ālam ārā-yi. Tehrān 1318 AH / AD 1900–1901. Vol. VIII. S. 146–299.] (на перс. яз.)
- Муҳаммад Йӯсуф*. Тā'риҳ-и ҳулд-и барӣн [История высшего рая]. Тегеран, 1339 г.с.х. / 1937 г. Ч. II. [*Muhammad Yūsuf*. Тā'riḥ-i ḥuld-i barīn (History of a Sublime Paradise). Tehrān, 1339 SH / AD 1937. Part II.] (на перс. яз.) (*)
- Нāдир-Мирзā*. Тā'риҳ-и ва жоғрафий-и Дār ас-Салтāна-и Табрӣз [История и география Местопребывания Султана — Тебриза]. Тегеран, 1323 г.х. / 1905–06 г. [*Nādir-Mīrzā*. Тā'riḥ-i wa joḡhrāfiy-i Dār al-Saltāna-yi Tabrīz (History and Geography of The seat of Sulṭān — Tabrīz). Tehrān, 1323 AH / AD 1905–06.] (на перс. яз.)
- Рашид-ад-дин*. Сборник летописей / Пер. А.К. Арендса; под ред. А.А. Ромаскевича, Е.Э. Бертельса, А.Ю. Якубовского; отв. ред. В.В. Струве. М.; Л., 1946. Т. 3. [*Rashid-ad-din [Rashīd al-Dīn]*. Sbornik letopisey [Jāmi' al-tawārīḥ] (Compendium of Chronicles) / Transl. A.K. Arends, ed. by A.A. Romaskevich, E.E. Bertals, A.Yu. Yakubovsky, V.V. Struve. Moscow; Leningrad, 1946. Vol. 3.] (*)
- Ризā-Қулӣ-ҳан Хидайāt*. Раузат ас-сафā-и нāсири [Насиров цветник радости]. Тегеран, 1274 г.х. / 1856 г. Т. 9. [*Rizā-Qulī-ḥān Hidayāt*. Rauzat as-safā-yi nāsirī (Nāsir's Garden of Joy). Tehrān, 1274 AH / AD 1856. Vol. 9.] (на перс. яз.)
- Ҳасан-и Рӯмлӯ*. Аҳсан ат-таварӣх [Избранные истории] / Под ред. Ч.Н. Седдон. Барода, 1931. Т. I. [*Hasan-i Rūmlū*. Aḥsan al-tawārīḥ (Selected Histories) / Ed. by Ch.N. Seddon. Baroda, 1931. Vol. I.] (на перс. яз.)
- Шереф-ҳан Бидлӣсӣ*. Шереф-нāме [Книга Шерефа]. СПб., 1862. Т. II. [*Sheref-ḥān Bidlīsī*. Sheref-nāme (Book of Sheref). St.-Petersburg, 1862. Vol. II.] (на перс. яз.)

- Jones W.* Histoire de Nader Chah connu sous le nom de Thahmas Kuli Khan, Empereur de Perse. Traduite d'un manuscrit persan [*Mirza Muhammad Mehdi-khan Astrabadi. Tarikh-e Nadiri*]. L., 1770. (–)
- Ḥamd Allāh Mustawfī Qazwīnī.* Kitāb-i nuzhat al-qulūb. The Geographical Part of the Nuzhat-al-Qulūb / Ed. by G. Le Strange. L.; Leiden, 1915.
- Horn P.* Die Denkwürdigkeiten des Shah Ṭahmāsp I. von Persien // ZDMG. 1890. T. 44. S. 563–649.
- Hossein fils de Cheik Abdāl Zāhedi.* Silsilāt-ul-Nāsāb: Généalogie de la dynastie Sāfavy de la Perse. B., 1924.
- Ḥudūd al-‘Ālam.* The regions of the world: a Persian geography, 372 A.H. / 982 A.D. / Trans. and expl. by V. Minorsky; with the preface by V.V. Barthold. L., 1937.
- Mahdi Khan.* Histoire de Nader Chah. L., 1770. (*)
- Minovi M., Minorsky V.* Naṣīr al-Dīn Ṭūsī on Finance // BSOAS. 1940. Vol. 10 (3). P. 755–789.
- Sheikh Mohammed Ali Hazin.* The Life of Sheikh Mohammed Ali Hazin Written by Himself / Ed. and transl. by F.C. Belfour. L., 1831.
- Tadhkirat al-Mulūk / Ed. and transl. by V. Minorsky. L., 1943.
- The Early Years of Shāh Isma‘il, Founder of the Safavī Dynasty / Transl. by E. Denison Ross. L., 1896. (–)

3. Армянские источники

- Абрамян А.* Купчие и разные другие документы по хозяйственным и иным сделкам. Ереван, 1941. [*Abramyan A.* Kupchiye i raznyye drugiye dokumenty po khozyaystvennym i inym sdelkam (Bill of Sales and Various Other Documents on Economic and Other Transactions). Yerevan, 1941.] (на ср.-арм. яз.)
- Авраам Ереванци.* История войн 1722–1736 гг. / Сост. Ас. Шахназарян. Ереван, 1939. [*Avraam Yerevantsi.* Istoriya voyn 1722–1736 gg. (History of Wars 1722–1736). Yerevan, 1939.]
- Ананян Ширакаци.* Армянская география VII в. / Пер. К.П. Патканова. СПб., 1877. [*Ananiya Shirakatsi.* Armyanskaya geografiya VII v. [Aṣḥarhacoyc‘] (Armenian Geography of the 7th Century). St.-Petersburg, 1877.] (–)
- Ананун Ванецу тарегрут’йун [Анонимная летопись Вана] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Т. I. Ереван, 1951. С. 350–382. [Ananun Vanec‘u taregrut‘yun (Anonymous Chronicle of Van) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Vol. I. Yerevan, 1951. S. 350–382.] (на ср.-арм. яз.)
- Ананун Ванецу жаманакагрут’йун (Анцк’ Васпуракан ашхарһи) [Анонимная хроника Вана (Обзор области Васпуракан)] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Т. II. Ереван, 1956. С. 104–124. [Ananun Vanec‘u žamanakagrut‘yun (Anс‘k‘ Vaspurakan aṣḥarhi) (Anonymous Chronicle of Van (Overview of the Vaspurakan Region)) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Vol. II. Yerevan, 1956. S. 104–124.] (на ср.-арм. яз.) (–)
- Ананун жаманакагрут’йун [Анонимная хроника] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Т. I. Ереван, 1951. С. 178–188. [Ananun

- žamanakagrut'yun (Anonymous Chronicle) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Vol. I. Yerevan, 1951. S. 178–188.] (на ср.-арм. яз.) (а)
- Ананун жаманакагрут'йун [Анонимная хроника] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Т. I. Ереван, 1951. С. 317–332. [Ananun žamanakagrut'yun (Anonymous Chronicle) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Vol. I. Yerevan, 1951. S. 317–332.] (на ср.-арм. яз.) (б) (–)
- Ананун жаманакагрут'йун [Анонимная хроника] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Т. II. Ереван, 1956. С. 281–286. [Ananun žamanakagrut'yun (Anonymous Chronicle) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Vol. II. Yerevan, 1956. S. 281–286.] (на ср.-арм. яз.) (–)
- Архив армянской истории / Сост. Г. Аганьянц. Кн. 1–11. Тифлис, 1893–1913. [Arkhirv armyanskoj istorii (Archive of Armenian History). Books 1–11. Tiflis, 1893–1913.] (на др.-арм. яз.)
- Арак'ѐл Даврижеци. Гирк' патмут'еан [История]. Ваһаршапат, 1884. [Aṙak'ēl Davrižec'i. Girk' patmut'ean (History). Vaḥaršapat, 1884.] (на ср.-арм. яз.)
- Баһдасар Дпири жаманакагрут'йун [Хроника дьяка Баһдасара] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Ереван, 1951. Т. I. С. 333–349. [Baḥdasar Dpiri žamanakagrut'yun (Chronicle of the Clerk Baḥdasar) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Vol. I. Yerevan, 1951. S. 333–349.] (на ср.-арм. яз.) (–)
- Барсеһ Грчи ев Мелик К'еамали жаманакагрут'йун [Хроника Барсега писца и Мелик Кямала] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Ереван, 1951. Т. I. С. 288–291. [Barseḥ Grč'i yev Melik K'eamalī žamanakagrut'yun (Chronicle of Barseḥ the Scribe and Melik K'eamal) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Vol. I. Yerevan, 1951. S. 288–291.] (на ср.-арм. яз.) (–)
- Богданов А. [Артемиј Араратский]. Жизнь Артемия Араратского. СПб., 1813. [Bogdanov A. [Artemij Araratskiy]. Zhizn' Artemiya Araratskogo (The Life of Artemy Araratsky). St.-Petersburg, 1813.]
- Вардан Баһишецу жаманакагрут'йун [Хроника Вардана Баһишеци] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Ереван, 1956. Т. II. С. 384–401. [Vardan Baḥiṣec'u žamanakagrut'yun (Chronicle of Vardan Baḥiṣec'i) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Yerevan, 1956. Vol. II. S. 384–401.] (на ср.-арм. яз.) (–)
- Григор Камахеци. Жаманакагрут'ивн Григор вардапети Камахецевой кам Даранаһцевой [Хронография вардапета Григора Камахеци или Даранагци] / Под ред. М. Ншанян. Ерусалем, 1915. [Grigor Kamaxec'i. Žamanakagrut'ivn Grigor vardapeti Kamaxec'woy kam Daranaḥ'woy (Chronography of Vardapet Grigor Kamaxec'i or Daranaḥ'i) / Ed. by M. Nshanyan. Eruṣaleḿ, 1915.]
- Григор Камахецу хмбаграц' жаманакагрут'йун [Сводная хроника Григора Камахеци] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Ереван, 1956. Т. II. С. 256–280. [Grigor Kamaxec'u xmbagracs žamanakagrut'yun (Consolidated Chronicle of Grigor Kamaxec'i) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Yerevan, 1956. Vol. II. S. 256–280.] (на ср.-арм. яз.)
- Давит' Баһишецу жаманакагрут'йун [Хроника Давида Баһишеци] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Ереван, 1956. Т. II. С. 287–378. [Davit' Baḥiṣec'u žamanakagrut'yun (Chronicle of Davit' Baḥiṣec'i) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Vol. II. Yerevan, 1956. S. 287–378.] (на ср.-арм. яз.)

- Дневник Закария Акулисского / Пер. Ас. Шахназаряна. Ереван, 1939. [Dnevnik Zakariya Akulisskogo (Diary of Zakariy Akulissky). Yerevan, 1939.]
- Жаманагракан манр hatvacner [Хроника мелких событий] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Т. II. Ереван, 1956. С. 505–538. [Žamanakagrakan manr hatvacner (Chronicle of Minor Events) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Vol. II. Yerevan, 1956. S. 505–538.] (на ср.-арм. яз.)
- Зак'ареа Саркаваг. Патмагрут'иwn [История]. Вaларшапат, 1873. [Zak'area Sarkawag. Patmagrut'iwn (History). Vałaršapat, 1873.] (на ср.-арм.)
- Исаhak вардапети жаманакагрут'йун [Хроника Исаака вардапета] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Т. I. Ереван, 1951. С. 297–316. [Isahak vardapeti žamanakagrut'yun (Chronicle of Isahak vardapet) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Yerevan, 1951. Vol. I. S. 297–316.] (на ср.-арм. яз.)
- Йалак'с арhestаворац [О ремесленниках] // *Абрамян В.А.* Ремесла в Армении IV–XVIII вв. / Под ред. Л.М. Меликсет-Бека. Ереван, 1956. С. 253–258. [Yałak's arhestavorac' (About Artisans) // *Abramyan V.A.* Remesla v Armenii IV–XVIII vv. / Ed. by L.M. Melikset-Bek. Yerevan, 1956. S. 253–258.] (на ср.-арм. яз.)
- Йарут'ин Халифайеан жаманакагир [Хроника Арутюна Халифа] // Архив армянской истории / Сост. Г. Аганьянц. Кн. 10. Тифлис, 1912. С. 123–153. [Yarut'in Khalifayean žamanakagir (Chronicle of Yarut'in Khalifa) // Arkhiv armyanskoj istorii / Ed. by G. Aganjyanc. V. 10. Tiflis, 1912. S. 123–153.] (на ср.-арм. яз.)
- Летопись на камнях. Собрание-указатель армянских надписей / Сост. К. Костаянц. СПб., 1913. [Letopis' na kamnyakh. Sobraniye-ukazatel' armyanskikh nadpisey (Chronicle on the Stones. Collection-Index of Armenian Inscriptions) / Ed. by K. Kostanyanc. St.-Petersburg, 1913.] (на ср.-арм. яз.) (–)
- Левонд Тоспеци.* [Хроника] // Архив армянской истории. Кн. 10. Тифлис, 1912. Стб. 491–508. [L'evond Tospec'i. [Chronicle] // Arkhiv armyanskoj istorii. V. 10. Tiflis, 1912. Col. 491–508.] (на др.-арм. яз.) (–)
- Мартирос ди Аракелу жаманакагрут'йун А [Первая хроника Мартироса ди Аракела] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Т. II. Ереван, 1956. С. 425–439. [Martiros di Ařakelu žamanakagrut'yun A (The First Chronicle of Martiros di Ařakel) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Yerevan, 1956. Vol. II. S. 425–439.] (на ср.-арм. яз.)
- Мартирос Халифайи жаманакагрут'йун [Хроника Мартироса Халифы] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Ереван, 1956. Т. II. С. 479–498. [Martiros Khalifayi žamanakagrut'yun (Chronicle of Martiros Khalifa) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Yerevan, 1956. Vol. II. S. 479–498.] (на ср.-арм. яз.)
- Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Т. I. Ереван, 1951; Т. II. Ереван, 1956. [Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. (Small Chronicles of the 13th–18th Centuries). Vol. I. Yerevan, 1951; Vol. II. Yerevan, 1956.] (на арм. яз.)
- Петрос ди Саргис.* Дневник осады Испагани афганами, веденный Петросом ди Саргис Гиланенц, в 1722 и 1723 годах / Пер. и объясн. К. Патканова. СПб., 1870. [Petros di Sargis. Dnevnik osady Ispagani afganami, vedennyu Petrosom di Sargis Gilanents, v 1722 i 1723 godakh (Diary of the Siege of Ispagan by Afghans, kept by Petros di Sargis Gilanenc', in 1722 and 1723). St.-Petersburg, 1870.]

- Походы Тамас-Кули-хана (Надиршаха) и избрание его шахом в описании Акопа Шамахеци / Пер. С. Тер-Аветисяна. Тифлис, 1932. [Pohody Tamaskuli-khana (Nadirshakha) i izbraniye yego shakhom v opisaniі Akopa Shamakhetsi (Campaigns of Tahmāsp-Qulī-ḥān (Nadīr Shāh) and His Election as Shāh in the Description of Hakob Šamahec'i) / Transl. S. Ter-Avetisyan. Tiflis, 1932.]
- Симеон Ереванци. Джамбр. Памятная книга, зеркало и сборник всех обстоятельств Святого престола Эчмиадзина и окрестных монастырей / Пер. С.С. Малхасянца; под ред. П.Т. Арутюняна. М., 1958. [Simeon Yerevantsi [Simeon Erewanc'i]. Dzhambbr. Pamyatnaya kniga, zertsalo i sbornik vsekh obstoyatel'stv Svyatogo prestola Echmiadzina i okrestnykh monastyrey (Jambī. Memorial Book, Mirror and Collection of all the Circumstances of the Holy See of Etchmiadzin and the Surrounding Monasteries) / Transl. S.S. Malkhasyanc, ed. by P.T. Arutyunyan. Moscow, 1958.]
- Симеон кат'уликос Ереванци. Джамбр. Валаршапат, 1873. [Simeon kat'ulikos Erewanc'i. Jambī. Vałaršapat, 1873.] (на др.-арм. яз.)
- Симеон кат'уликос. Йишатакаран [Дневник] // Архив армянской истории / Сост. Г. Аганьянц. Кн. 3. Тифлис, 1894. Стб. 5–782; Кн. 8. Тифлис, 1908; Кн. 11. Тифлис, 1913. Стб. 3–444. [Simeon kat'ulikos. Yišatakaran (Diaries) // Arkhiv armuanskoj istorii / Ed. by G. Aganyanc. B. 3. Tiflis, 1894. Col. 5–782; B. 8. Tiflis, 1908; B. 11. Tiflis, 1913. Col. 3–444.] (на др.-арм. яз.)
- Хубов Е. Описание достопримечательных происшествий в Армении / Пер. И. Иоаннесова. СПб. 1811. [Khubov Ye. Opisaniye dostoprimechatel'nykh proisshestviy v Armenii (Description of Notable Incidents in Armenia) / Transl. I. Ioannesov. St.-Petersburg, 1811.] (–)
- Чамчеанц М. Патмут'ивн һАйоц [Армянская история]. Т. III. Венетик, 1785. [Č'amč'eanc' M. Patmut'iwñ Hayoc' (Armenian History). Vol. III. Venetik, 1785.] (на арм. яз.)
- Энтир патмут'ивн Давит' Бёгин [Избранная история Давид-бека] / Под ред. А. Гюламиряна. Валаршапат, 1871. [Əntir patmut'iwñ Dawit' Bėgin (Selected History of David-bek) / Ed. by A. Gyulamiryan. Vałaršapat, 1871.] (на ср.-арм. яз.)
- ҺАкоб Карнеци. Телагир Верин һАйоц [Описание Верхней Армении] / Под ред. К. Костанянца. Валаршапат, 1903. [Hakob Karnec'i. Telagir Verin Hayoc' [Description of the Upper Armenia] / Ed. by K. Kostanyanc. Vałaršapat, 1903.] (на ср.-арм. яз.) (–)
- ҺАкоб Карнецу жаманакагрут'йун [Хроника Якоба Карнеци] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Ереван, 1951. Т. I. С. 239–249. [Hakob Karnec'u žamanakagrut'yun (Chronicle of Hakob Karnec'i) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Yerevan, 1951. Vol. I. S. 239–249.] (на ср.-арм. яз.)
- ҺАкоб һИсусин верагрвац' жаманакагрут'йун [Хроника, приписываемая Якобу Исусяну] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Ереван, 1951. Т. I. С. 189–200. [Hakob Hisusin veragrvac žamanakagrut'yun (Chronicle Attributed to Hakob Hisusyan) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Yerevan, 1951. Vol. I. S. 189–200.] (на ср.-арм. яз.)

- Abraham de Crète*. Mon histoire et celle de Nadir, chah de Perse // Collection d'historiens arméniens / Trad. par M. Brosset. St.-Petersbourg, 1876. T. II. P. 257–338.
- Arakel de Tauriz*. Livre d'histoires // Collection d'historiens arméniens / Trad. par M. Brosset. T. I. St.-Petersbourg, 1874. P. 267–608.
- Davith-Beg* // Collection d'historiens arméniens / Trad. par M. Brosset. St.-Petersbourg, 1876. P. T. II. 221–256.
- Fleurean M.* Estat present de l'Arménie. P., 1744. (–)
- Hassan Dchalalians*. Histoire d'Aghovanie // Collection d'historiens arméniens / Trad. par M. Brosset. St.-Petersbourg, 1876. T. II. P. 193–220.
- Ouosk'herdjan J.* Mémoire de Jean Ouosk'herdjan, prêtre arménien de Wagarchapad. P., 1818.
- Zakaria Diares*. Memoires historiques sur les Sofis // Collection d'historiens arméniens / Trad. par M. Brosset. St.-Petersbourg, 1876. T. II. P. 1–155.

4. Западноевропейские источники

- Белл Д.* Путешествие через Россию в разные азиатские страны. СПб. 1776. [Bell D. Puteshestviye cherez Rossiyu v raznyye aziatskiye strany (Travel Overland From Europe to Asia). St.-Petersburg, 1776.]
- Друвиль Г.* Путешествие в Персию в 1812 и 1813 годах. М.; СПб., 1826. Ч. I, II. [Drouville G. Puteshestviye v Persiyu v 1812 i 1813 godakh (Travel to Persia in 1812 and 1813). Moscow; St.-Petersburg, 1826. Part I, II.]
- Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским / Пер. Ф. Шишкевича. СПб., 1810. [Istoriograficheskiye zapiski o stranakh, lezhashchikh mezhdru moryami Chernym i Kaspiyskim (Historiographic Notes on the Countries Lying Between the Black and Caspian Seas) / Transl. F. Shishkevich. St.-Petersburg, 1810.] (–)
- Какаш и Тектандер.* Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг. М., 1896. [Kakash i Tektander [Kakas I., Tektander G.]. Puteshestviye v Persiyu cherez Moskoviyu 1602–1603 gg. (A Journey to Persia Through Muscovy. 1602–1603). Moscow, 1896.]
- Олеарий А.* Подробное описание путешествия Голштинского посольства через Московию в Персию. М., 1870. [Olearyi A [Olearius A.]. Podrobnoye opisan-iyе puteshestviya Golshtinskogo posol'stva cherez Moskoviyu v Persiyu (A Detailed Description of the Journey of the Holstein Embassy Through Muscovy to Persia). Moscow, 1870.]
- Стрейс Я.* Три путешествия. М.; Л., 1935. [Struys J. Tri puteshestviya (Three Voyages). Moscow; Leningrad, 1935.]
- A Chronicle of the Carmelites in Persia and the Papal Mission of the Seventeenth and Eighteenth centuries. L., 1939. Vol. I.
- d'Alessandri V.* Narrative of the Most Noble Vincentio d'Alessandri // A Narrative of Italian Travels in Persia in the Fifteenth and Sixteenth Centuries / Transl. and ed. by Ch. Grey. L., 1873. P. 209–229.
- Bell J.* Reisen von Petersburg in verschiedene Jegendes Asiens. Hamburg, 1787.

- von Bieberstein M.* Tableau des provinces situées sur la côte occidentale de la mer Caspienne entre les fleuves Terek et Kour. St.-Petersbourg, 1798.
- de Bruin C.* Voyages par la Moscovie en Perse et aux Indes. Amsterdam, 1718. Vol. I.
- du Cerceau P.* Histoire de la révolution de Perse. P., 1729. T. I.; P., 1744. T. II.
- Cerceau J.-A.* Histoire de Thamas Kouli-kan, sopher de Perse. Amsterdam; Leipzig, 1740. Vol. I.
- Chardin J.* Voyages de monsieur le chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient. Amsterdam, 1735. T. I–III.
- Chardin J.* Voyages de monsieur le chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient / Ed. L. Langlès. P., 1811. T. II, VI, VII
- de Chinon G.* Relations nouvelles du Levant. P., 1671.
- de Claustre A.* Histoire de Thomas-kuli-khan, roi de Perse. P., 1758.
- Dapper O.* Beschreibung des Königreichs Persien. Nuremberg, 1681. (–)
- della Valle P.* Voyages de Pietro Della Valle, gentilhomme romain, dans la Turquie, l'Égypte, la Palestine, La Perse, Les Indes orientales, et autres lieux. P., 1745. T. II, III, IV.
- Der Allerneueste Staat Von Casan, Astracan, Georgien, Und Vieler Andern Dem Czaren, Sultan Und Schach Zinsbaren Und Unterthanen Tartarn, Landschaften. Nürnberg, 1725.
- du Mans R.* Estat de la Perse en 1660. P., 1890.
- Ellis G.* Memoir of a Map of the Countries Comprehended Between the Black Sea and the Caspian. L., 1788. (–)
- Ferrières de Sauvebœuf L. F.* Mémoires historiques et géographiques des voyages (...) faits en Turquie, en Perse et en Arabie depuis 1782 jusqu'en 1789. P., 1790. T. II.
- Figueroa G.* Ambassade en Perse. P., 1667. (–)
- Forster G.* A Journey From Bengal to England. L., 1798. Vol. II.
- Franklin W.* Observations Made on a Tour From Bengal to Persia, in the Years 1786–1787. L., 1790. (–)
- Fraser J.* The History of Nadir Shah. L., 1742.
- Frayser J.* A New Account of East India and Persia. L., 1915. Vol. III.
- Gardane P.A.L.* Journal d'un voyage dans la Turquie, d'Asie et la Perse, fait en 1807 et 1808. P., 1809.
- Geschichte der Unruhen in Persien und Georgien. Frankfurt-am-M., 1755.
- Hanway J.* An Historical Account of the British Trade Over the Caspian Sea. L., 1753.
- Herber T.* Travels in Persia. L., 1928.
- Jaubert A.* Voyage en Arménie et en Perse. P., 1821.
- Johnson J.* A Journey From India to England. L., 1818.
- Jourdain A.* La Perse, ou Tableau de l'histoire, du gouvernement, de la religion, de la littérature de cet empire. P., 1814.
- Juan of Persia.* A Shi'ah Catholic. L., 1926.
- Kæmpfer E.* Amœnitatum exoticarum. Fasc. V. Lemgovia, 1712.
- Kinneir J.M.* Journey Through Asia Minor, Arménie and Koordistan in the Years 1813–1814. L., 1818. (–)
- de Kotzebuë M.* Voyage en Perse, à la suite de l'ambassade russe, en 1817. P., 1819.
- Krusinski J.T.* The History of the Revolutions in Persia. L., 1728. Vol. II.

- Krusinski J.T.* Histoire des révolutions de Perse. P., 1742. T. I.
- Mandelslo J.A.* Voyages célèbres et remarquables faits de Perse aux Indes Orientales. Amsterdam, 1727. T. I–II. (–)
- Morier J.* Voyage en Perse, en Armenia, en Asia Mineure et à Constantinople fait dans les années 1808 et 1809. P., 1813. T. I.
- Morier J.* Second voyage en Perse, en Arménie et dans l'Asie-Mineure, fait de 1810 à 1816. P., 1818. T. I. (–)
- Neueste ausführliche historische und geographische Beschreibung des Caspische Meeres. Danzig, 1723. (–)
- Otter M.* Voyage en Turquie et en Perse. P., 1748. T. I, II. (–)
- Ousley W.* Travels in Various Countries of the East. L., 1819–1823. T. I–III. (–)
- Perrin.* Essai sur les troubles actuels de Perse et de Géorgie. P., 1754.
- Perry J.* Der jetzige Staat von Rußland Oder Moscau unter ietziger Czarischen Majestät. Bd. I–II. Leipzig, 1717–1724. (–)
- Picault C.* Histoire des Révolutions de Perse pendant la durée du 18. siècle. P., 1810. T. I, II. (–)
- Pithander.* Herkunft, Leben und Thaten, des Persianischen Monarchens, Schachs Nadyr. Leipzig, 1738.
- Pitton de Tournefourt J.* Relation d'un voyage du Levant. Amsterdam, 1718. T. II.
- Porter R.* Travels in Georgia, Persia, Armenia etc. L., 1821–1822. Vol. I–II. (–)
- Reineggs J.* General historical and topographical description of Mount Caucasia. L., 1807. Vol. I–II.
- Relation de la mort de Schah Soliman, roy de Perse. P., 1696. (–)
- de Rhodes A.* Voyages en mission en la Chine et autres royaumes de l'Orient. Lille, 1884.
- Salmons T., van Goch M.* Die Heutige Historie und Geographie; Oder der Gegenwärtige Staat vom Königreich Persien. Leipzig, 1732. (–)
- Sanson P.* Estat present du Royaume de Perse. P., 1694.
- Schillinger F.G.* Persianische und Ost-Indianische Reise. Nürnberg, 1716. (–)
- Tavernier J. B.* Les six voyages. P., 1677. T. I.
- Tavernier J.B.* Les six voyages. P., 1681. T. I.
- The Travels of the Merchant in Persia // A Narrative of Italian Travels in Persia in the Fifteenth and Sixteenth Centuries / Transl. and ed. by Ch. Grey. L., 1873. P. 139–208.
- Thomson J.* A Journey from Moscow to Meshed. L., 1742.
- Umständliche Nachrichten von Persien. B., 1728. (–)
- Voyage en Perse fait dans les années 1807, 1808 et 1809 (...). P., 1819. (–)

5. Русские источники

- Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. I, II. [*Bronevskiy S.* Noveyshiyey geograficheskkiye i istoricheskkiye izvestiya o Kavkaze (The Latest Geographical and Historical News About the Caucasus). Moscow, 1823. Part I, II].
- Бурнашев С.Д.* Описание областей Адребиджанских в Персии и их политического состояния. Курск, 1793. [*Burnashev S.D.* Opisaniye oblastey Adrebidzhanskikh v Persii i ikh politicheskogo sostoyaniya (Description of the Adrebijan Regions in Persia and Their Political State). Kursk, 1793].

- Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. I–III. [*Butkov P.G. Materialy dlya novoy istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god (Materials for the New History of the Caucasus, From 1722 to 1803). St.-Petersburg, 1869. Parts I–III.*]
- Зевакин Е.С. Азербайджан в начале XVIII в. (Извлечение из дневника А.П. Вольнского). Баку, 1929. [*Zevakin Ye.S. Azerbaydzhan v nachale XVIII v. (Izvlecheniye iz dnevnika A.P. Volynskogo) (Azerbaijan at the Beginning of the 18th Century (Extract From the Diary of A.P. Volynsky)). Baku, 1929.*]
- Гаджанов Н.И. Путешествие по Армении в 1804 г. // Записки императорского Одесского общества истории и древностей. 1898. Т. XXI. С. 28–45. [*Gadzhanov N.I. Puteshestviye po Armenii v 1804 g. (Travel in Armenia in 1804) // Zapiski imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey. 1898. Vol. XXI. S. 28–45.*]
- Гербер И.Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря (...) народах и землях. СПб., 1760. [*Gerber I.G. Izvestiya o nakhodyashchikhsya s zapadnoy storony Kaspiyskogo morya (...) narodakh i zemlyakh (Reports About the Peoples and Lands (...) Located on the Western Side of the Caspian Sea). St.-Petersburg, 1760.*]
- Гильденштедт А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809. [*Gil'denshtedt A. [Güldenstädt J.A.]. Geograficheskoye i statisticheskoye opisaniye Gruzii i Kavkaza (Geographical and Statistical Description of Georgia and the Caucasus). St.-Petersburg, 1809.*]
- Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. Ч. III. СПб., 1771. [*Gmelin S.G. Puteshestviye po Rossii dlya issledovaniya trekh tsarstv yestestva (Travel Through Russia for Studying the Three Kingdoms of Nature). Part III. St.-Petersburg, 1771.*]
- Грибоедов А.С. Путевые заметки // Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений. Пг., 1917. Т. 3. С. 30–87. [*Griboedov A.S. Putevyue zametki (Travel Notes) // Griboedov A.S. Polnoye sobraniye sochineniy. Petrograd, 1917. Vol. 3. S. 30–87.*] (–)
- Ермолов, Могилевский 2-й. Описание Карабахской провинции, составленное в 1823 г. по распоряжению главноуправляющего в Грузии Ермолова. Тифлис, 1866. [*Yermolov, Mogilevskiy 2-y. Opisaniye Karabakhskoy provintsii, sostavlennoye v 1823 g. po rasporyazheniyu glavnoupravlyayushchego v Gruzii Yermolova (Description of the Qarabagh province Compiled in 1823 by Order of A.P. Yermolov, the Chief Governor of Georgia). Tiflis, 1866.*]
- Зубов П. Картина Кавказского края. СПб., 1834–1835. Ч. I, II. [*Zubov P. Kartina Kavkazskogo kraya (Image of the Caucasian Region). St.-Petersburg, 1834–1835. Part I, II.*]
- Кафтырев Д. Исторические, географические и статистические сведения о Персии. СПб., 1829. [*Kaftyrev D. Istoricheskiye, geograficheskkiye i statisticheskkiye svedeniya o Persii (Historical, Geographical and Statistical Information About Persia). St.-Petersburg, 1829.*]
- Котов Ф.А. О ходу в Персидское царство и из Персиды в Турецкую землю и в Индию, и в Урмуз, где корабли приходят // Временник императорского московского Общества истории и древностей Российских. 1852. Кн. 15.

- C. 1–22. [*Kotov F.A.* O khodu v Persitskoye tsarstvo i iz Persidy v Turetskuyu zemlyu i v Indiyu, i v Urmuz, gde korabli prikhodyat (About the Way to the Persian Kingdom and from Persis to the Turkish Land and to India, and to Urmuz, Where Ships Come) // *Vremennik imperatorskogo moskovskogo Obshchestva istorii i drevnostey Rossiyskikh.* 1852. B. 15. S. 1–22.]
- Легкобытов В.С.* Обзорение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом и финансовом отношениях. Ч. I–IV. СПб., 1832–1836. [*Legkobytov V.S.* Obozreniye rossiyskikh vladeniy za Kavkazom v statisticheskom, etnograficheskom i finansovom otnosheniyakh (Statistical, Ethnographic and Financial Review of Russian Possessions Beyond the Caucasus). T. I–IV. St.-Petersburg, 1832–1836.]
- Лерхе И.* Путешествие 1733–36 гг. из Москвы в Астрахань по странам, лежащим по западному берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения. 1790. Ч. 43, № 1. С. 3–53. [*Lerche J.* Puteshestviye 1733–36 gg. iz Moskvu v Astrakhan' po stranam, lezhashchim po zapadnomu beregu Kaspiyskogo morya (Travel of 1733–1736 from Moscow to Astrakhan Across the Countries, Lying Along the Western Coast of the Caspian Sea) // *Novyye yezhemesyachnyye sochineniya.* 1790. Part 43, № 1. S. 3–53.] (–)
- Нефедов Н.А.* Взгляд на Армянскую область. СПб., 1839. [*Nefedov N.A.* Vzglyad na Armyanskuyu oblast' (A Look at the Armenian Oblast). St.-Petersburg, 1839.]
- Подробное описание Персии и провинций, присоединенных к России. М., 1834. Ч. I, II. [Podrobnoye opisaniye Persii i provintsiy, prisoyedinennykh k Rossii (Detailed Description of Persia and the Provinces, Annexed to Russia). Moscow, 1834. T. I, II.]
- Провинция Нахичеванская // Журнал министерства внутренних дел. 1831. Кн. V. С. 65–74. [Provintsiya Nakhichevanskaya (Province of Nahijawān) // *Zhurnal ministerstva vnutrennikh del.* 1831. B. V. S. 65–74.]
- Соймонов Ф.Н.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний. СПб., 1763. [*Soymonov F.N.* Opisaniye Kaspiyskogo morya i chinennykh na onom rossiyskikh zavoyevaniy (Description of the Caspian Sea and the Russian Conquests Carried Out On It). St.-Petersburg, 1763.]
- Суханов А.* Проскинитарий // Палестинский сборник. 1898. Вып. 21. С. 1–300. [*Sukhanov A.* Proskinitariy (A Pilgrim's Journey) // *Palestinskiy sbornik.* 1898. Vol. 21. S. 1–300.] (–)
- Шопен И.* Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб., 1852. [*Chopin I.* Historical monument of the state of the Armenian region in the era of its accession to the Russian Empire (Historical Monument of the State of the Armenian Oblast During Its Accession to the Russian Empire). St.-Petersburg, 1852.]

6. Азербайджанские источники

- Абас-Кули-Ага Кудси Бакиханов.* Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. [*Abas-Kuli-Aga Kudsi Bakikhanov.* [‘*Abbās-Qulī-Agha Qudsī Bakīḥanov.* Gulistan-Iram (Paradise Garden). Baku, 1926.] (–)

Абдул-Латиф-эфенди. История шекинских ханов / Пер. А. Дадашева. Баку, 1926. [*Abdul-Latif-efendi*. [‘*Abd al-Latîf efendi*]. *Istoriya shekinskikh khanov* (History of the H̄ans of Shakkī) / Transl. A. Dadashev. Baku, 1926.]

Ганджийский И. Жизнь Фатали-хана кубинского // Кавказ. № 26. 1847. [*Gandzhiyskiy I.* *Zhizn’ Fatali-khana kubinskogo* (Life of Fath-‘Alī-h̄an of Qubba) // *Kavkaz*. № 26. 1847]. (–)

Джеваншир А. О политическом существовании Карабахского ханства 1747–1805. Шуша, 1901. [*Dzhevanshir A.* [*Aḥmad Javānshīr*]. *O politicheskom sushchestvovanii Karabakhskogo khanstva 1747–1805* (On the Political Existence of the Qarābāgh H̄anate 1747–1805). Shusha, 1901.] (–)

Мирза-Адигезаль-бек. Карабах-наме. Баку, 1950. [*Mirza-Adigezal’-bek.* [*Mīrzā-Adigözāl-bīk*]. *Karabakh-name* (Book of Qarābāgh). Baku, 1950.]

7. Грузинские источники

Грузинские источники об Армении и армянах / Пер. Л. Меликсет-Бека. Ереван, 1930, 1955. Т. II, III. [Gruzinskiye istochniki ob Armenii i armyanakh (Georgian sources about Armenia and the Armenians) / Transl. L. Melikset-Bek. Yerevan, 1930, 1955. Vol. II, III.] (на арм. яз.) (–)

Brosset M.F. *Histoire moderne de la Géorgie*. Т. I, II. St.-Petersbourg, 1857.

8. Турецкие источники

Эвлия Челеби. Сейāḥат-нāме [Книга путешествий]. [Стамбул], 1314 г. х. / 1896–1897 г. Т. II. [*Evlīyā Çelebī.* *Seyāḥat-nāme* (Book of Travels). [İstanbul], 1314 AH / AD 1896–1897. Vol. II.]. (на тур. яз.)

Evlīyā Çelebī. *Seyahatname*. Çilt IV. İstanbul, 1949.

9. Издания документов (на разных языках)

Акты, собранные Кавказской археологической комиссией. Тифлис, 1866. Т. I; Тифлис, 1868. Т. II. [Akty, sobrannyye Kavkazskoy arkheograficheskoy komissiyey (Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission). Tiflis, 1866. Vol. I.; Tiflis, 1868. Vol. II.]

Армяно-русские отношения в XVII в. Сборник документов / Подг. В.А. Парсамян, В.К. Восканян, С.А. Тер-Авакимов, ред. В.А. Парсамян. Ереван, 1953. Т. I. [Armenian-Russian Relations in the 17th Century. Collection of Documents). Yerevan, 1953. Vol. I.] (–)

Грамоты и другие исторические документы XVIII в., относящиеся к Грузии / Под ред. А.А. Цагарели. СПб., 1891–1902. Т. I, II. [Gramoty i drugiye istoricheskiye dokumenty XVIII v., otnosyashchiesya k Gruzii (Letter Missives and Other Historical Documents of the 18th Century Related to Georgia). St.-Petersburg, 1891–1902. Vol. I, II]

Караулов Н. Сведения арабских географов IX и X вв. по Р. Хр. о Кавказе, Армении и Азербейджане // СМОМПК. 1901. Вып. 29. Отд. I. [*Karaulov N.* *Svedeniya arabskikh geografov IX i X vv. po R. Khr. o Kavkaze, Armenii i*

- Aderbeydzhane (Data of Arab Geographers of the 9th and 10th Centuries About the Caucasus, Armenia and Aderbeyjan) // *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza*. Tiflis, 1901. Vol. 29. T. 1.]
- Передняя Азия в документах. Тифлис, 1936. Кн. 1: Нахичеванские рукописные документы XVII–XIX вв. / Перев. и коммент. К.Н. Смирнова, Дж. Гаибова, под ред. Ю.Н. Марра. [Perednyaya Aziya v dokumentakh. Кн. 1: Nakhichevanskiye rukopisnyye dokumenty XVII–XIX vv. (Western Asia in Documents. / Transl. K.N. Smirnov, J. Gaibov, ed. by Yu.N. Marr. Tiflis, 1936: Book 1: Handwritten Documents of the 17th–19th Centuries From Nahijjawan).]
- Передняя Азия в документах. Кн. 3: Указы Кубинских ханов / Перев. Ф. Ростопчина, под ред. К.И. Чайкина. Тбилиси, 1937. [Perednyaya Aziya v dokumentakh. Кн. 3: Ukazy Kubinskikh khanov (Western Asia in documents. Book 3: Decrees of the Ĥāns of Qubba) / Transl. F. Rostopchin, ed. by K.I. Chaikin. Tbilisi, 1937.] (–)
- Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией / Под ред. Н.И. Веселовского. Т. I–III. СПб., 1890–1898. [Pamyatniki diplomaticheskikh i togovykh otnosheniy Moskovskoy Rusi s Persiyey (Written Sources of Diplomatic and Trade Relations of Muscovy with Persia) / Ed. by N.I. Veselovsky. Vol. I–III. St.-Petersburg, 1890–1898.] (–)
- Переписка грузинских царей и владетельных князей с государями российскими в XVIII в. / Под ред. А.А. Цагарели. СПб., 1890. [Perepiska gruzinskikh tsarey i vladetel'nykh knyazey s gosudaryami rossiyskimi v XVIII v. (Correspondence of Georgian Kings and Ruling Princes With Russian Sovereigns in the 18th Century) / Ed. by A.A. Tsagareli. St.-Petersburg, 1890.]
- Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М., 1833–1838. Т. I–III. [Sobraniye aktov, odnosyashchikhsya k obozreniyu istorii armyanskogo naroda (A Collection of Acts Related to the History of the Armenian People). Moscow, 1833–1838. Vol. I–III.] (–)
- Эзов Г.А. Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1896. [Ezov G.A. Snosheniya Petra Velikogo s armyanskim narodom (Relations of Peter the Great With Armenian People). St.-Petersburg, 1896.] (–)
- Hurewitz J. Diplomacy in the Near and Middle East, A documentary record. (1535–1914). Vol. I. L.; N. Y., 1956.
- Lambton A.K. Two Šafavid Soyūrghāls // BSOAS. 1952. Vol. 14, № 1. P. 44–54.

в) Литература

- 1. Русская, армянская и азербайджанская*
- Абдуллаев Г.Б. Из истории северо-восточного Азербайджана в 60–80-х гг. XVIII в. Баку, 1958. [Abdullayev G.B. Iz istorii severo-vostochnogo Azerbaydzhana v 60–80-kh gg. XVIII v. (From the History of North-Eastern Azerbaijan in the 1760–1780's). Baku, 1958.]
- Абраамян В.А. Ремесла и амкарские организации в Армении XI–XIII вв. Ереван, 1946. [Abraamyan V.A. Remesla i amkarskiye organizatsii v Armenii

- XI–XIII vv. (Crafts and Hamkar Organizations in Armenia in 11th–13th Centuries). Yerevan, 1946.] (на арм. яз) (–)
- Абрамян В.А.* Ремесла в Армении в IV–XVIII вв. Ереван, 1956. [*Abramyan V.A. Remesla v Armenii v IV–XVIII vv. (Crafts in Armenia in the 4th–18th Centuries). Yerevan, 1956.] (на арм. яз.)*
- Абрамян А.Г.* Договоры 1724 г. о взаимоотношениях между армянами и азербайджанцами // Известия АН АрмССР, сер. общ. наук. 1951, № 12. С. 41–62. [*Abramyan A.G. Dogovory 1724 g. o vzaimootnosheniyakh mezhdru armyanami i azerbaydzhantsami (Treaties of 1724 on the Relationship Between Armenians and Azerbaijanis) // Izvestiya AN ArmSSR, ser. obshch. nauk. 1951, № 12. S. 41–62.] (–)*
- Абрамян А.Г.* Страница из истории народов Закавказья и армяно-русских отношений. Ереван, 1953. [*Abramyan A.G. Stranitsa iz istorii narodov Zakavkaz'ya i armyano-russkikh otnosheniy (A Page From the History of the Transcaucasian Peoples and the Armenian-Russian Relations). Yerevan, 1953.] (–)*
- Алиев Ф.* Города Северного Азербайджана во второй половине XVIII столетия. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Баку, 1957. [*Aliyev F. Goroda Severnogo Azerbaydzhana vo vtoroy polovine XVIII stoletiya (Cities of Northern Azerbaijan in the Second Half of the 18th Century). Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Baku, 1957.] (a)*
- Алиев Ф.* Города и городская торговля в Азербайджане во второй половине XVIII в. // Труды Института Истории АН АзССР. 1957. Т. XIII. С. 133–176. [*Aliyev F. Goroda i gorodskaya trgovlya v Azerbaydzhane vo vtoroy polovine XVIII v. (Cities and Urban Trade in Azerbaijan in the Second Half of the 18th Century) // Trudy Instituta Istorii AN AzSSR. 1957. Vol. XIII. S. 133–176.] (б)*
- Алиев Ф.* К вопросу о ремесленных организациях в Азербайджане во второй половине XVIII в. // Известия АН АзССР. 1957, № 8. С. 129–142. [*Aliyev F. K voprosu o remeslennykh organizatsiyakh v Azerbaydzhane vo vtoroy polovine XVIII v. (On the Issue of Guilds in Azerbaijan in the Second Half of the 18th Century) // Izvestiya AN AzSSR. 1957, № 8. S. 129–142.] (в)*
- Алиев Ф.* Торговые пути Азербайджана во второй половине XVIII в. // Доклады АН АзССР. 1957, № 8. С. 939–942. [*Aliyev F. Torgovyye puti Azerbaydzhana vo vtoroy polovine XVIII v. (Trade Routes of Azerbaijan in the Second Half of the 18th Century) // Doklady AN AzSSR. 1957, № 8. S. 939–942.] (г) (*)*
- Али-Заде А.А.* К истории рудников и монетного обращения в Азербайджане в XIII–XIV вв. // Известия АзФАН СССР. 1942, № 7. С. 21–28. [*Ali-Zade A.A. K istorii rudnikov i monetnogo obrashcheniya v Azerbaydzhane v XIII–XIV vv. (To the History of Mines and Monetary Circulation in Azerbaijan in the 13th–14th Centuries) // Izvestiya AzFAN SSSR. 1942, № 7. S. 21–28.] (–)*
- Али-Заде А.А.* Из истории феодальных отношений в Азербайджане в XIII–XIV вв. Термин “тамга” // Известия АН АзССР. 1955, № 5. С. 51–63. [*Ali-Zade A.A. Iz istorii feodal'nykh otnosheniy v Azerbaydzhane v XIII–XIV vv. Termin “tamga” (From the History of Feudal Relations in Azerbaijan in the 13th–14th Centuries. The Concept of “Tamgha”) // Izvestiya AN AzSSR. 1955, № 5. S. 51–63.] (–)*

- Али-Заде А.А.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. Баку, 1956. [*Ali-Zade A.A. Sotsial'no-ekonomicheskaya i politicheskaya istoriya Azerbaydzhana XIII–XIV vv.* (Socio-economic and Political History of Azerbaijan in 13th–14th Centuries). Baku, 1956.]
- Альтман М.М.* Исторический очерк города Ганджи. Баку, 1949. Ч. 1. [*Altman M.M. Istoricheskiy ocherk goroda Gandzhi* (Historical Study of the City of Ganja). Baku, 1949. T. 1.]
- Аннинский А.* История армянской церкви (до XIX в.). Кишинев, 1900. [*Anninskiy A. Istoriya armyanskooy tserkvi (do XIX v.)* (History of the Armenian Church (Until the 19th Century). Kishinev, 1900.)
- Арунова М.Р., Ашрафян К.З.* Государство Надир-шаха афшара. М., 1958. [*Arunova M.R., Ashrafyan K.Z. Gosudarstvo Nadir-shakha afshara* (The State of Nādir Shāh Afshar). Moscow, 1958.]
- Арутюнян Б.М.* Крупное монастырское хозяйство в Армении в XVII–XVIII вв. Ереван, 1940. [*Arutyunyan B.M. Krupnoye monastyrskoye khozyaystvo v Armenii v XVII–XVIII vv.* (Large Monastic Economics in Armenia in the 17th–18th Centuries). Yerevan, 1940.] (–)
- Арутюнян П.Т.* Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. М., 1954. [*Arutyunyan P.T. Osvoboditel'noye dvizheniye armyanskogo naroda v pervoy chetverti XVIII v.* (Liberation Movement of the Armenian People in the First Quarter of the 18th Century). Moscow, 1954.]
- Ахвердов Ю.Ф.* Тифлиские амкары. Тифлис, 1833. [*Akhverdov Yu.F. Tiflisskiye amkary* (Hamkars of Tiflis). Tiflis, 1833.] (–)
- Ашрафян К.З.* Распад государства Надир-шаха (1736–1747 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1950. [*Ashrafyan K.Z. Raspad gosudarstva Nadir-shakha (1736–1747 gg.)*. (The Collapse of the State of Nādir Shāh (1736–1747)). Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1950.]
- Ашрафян К.З.* Антифеодальные движения в империи Надир-шаха // Ученые записки ИВ АН СССР. 1953. Т. VIII. С. 166–204. [*Ashrafyan K.Z. Antifeodal'nyye dvizheniya v imperii Nadir-shakha* (Antifeudal Movements in the Empire of Nādir Shāh) // *Uchenyye zapiski IV AN SSSR*. 1953. Vol. VIII. S. 166–204.] (–)
- Ашурбейли С.Б.* Баку XV–XVIII вв. по описаниям путешественников // Известия АН АзССР, отд. общ. наук. 1947. Вып. 1, № 1. С. 63–72. [*Ashurbeyli S.B. Baku XV–XVIII vv. po opisaniyam puteshestvennikov* (Baku in the 15th–18th Centuries According to the Descriptions of Travelers) // *Izvestiya AN AzSSR, otd. obshch. nauk*. 1947. Vol. 1, № 1. S. 63–72.] (–)
- Бартольд В.В.* Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903. [*Bartold V.V. Istoriko-geograficheskiy obzor Irana* (Historical and Geographical Survey of Iran). St.-Petersburg, 1903.] (–)
- Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925. [*Bartold V.V. Istoriya izucheniya Vostoka v Yevrope i Rossii* (History of Oriental Studies in Europe and Russia). Leningrad, 1925.] (–)
- Бартольд В.В.* Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925. [*Bartold V.V. Mesto Prikaspiyskikh oblastey v istorii*

- musul'manskogo mira (The Place of the Caspian Regions in the History of the Islamic World). Baku, 1925.] (–)
- Бартольд В.В.* Иран. Ташкент, 1926. [*Bartol'd V.V.* Iran. Tashkent, 1926.] (–)
- Бархударян М.* История Албании. Тифлис, 1902. Т. II. [*Barkhudaryan M.* Istoriya Albanii (History of Albania). Tiflis, 1902. Vol. II.] (на арм. яз.)
- Беленицкий А.М.* К вопросу о социальных отношениях в Иране в Хулагуидскую эпоху // Советское востоковедение. 1948, № 5. С. 111–128. [*Belenitskiy A.M.* K voprosu o sotsial'nykh otnosheniyakh v Irane v Khulaguidskuyu epokhu (On the Issue of Social Relations in İlhanid Iran) // Sovetskoye vostokovedeniye. 1948, № 5. S. 111–128.] (–)
- Березин И.И.* Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850. [*Berezin I.I.* Puteshestviye po Dagestanu i Zakavkaz'yu (Travel Across Daghestan and Transcaucasia). Kazan, 1850.] (–)
- Восканян В.* Русско-армянские отношения в XVII в. // Известия АН АрмССР. 1948, № 1. С. 53–78. [*Voskanyan V.* Russko-armyanskiye otnosheniya v XVII v. (Russian-Armenian Relations in the 17th Century) // Izvestiya AN ArmSSR. 1948, № 1. S. 53–78.] (на арм. яз.) (–)
- Глинка С.Н.* Описание переселения армян аддербизжанских в пределы России. М., 1831. [*Glinka S.N.* Opisanie pereseleniya armyan adderbizhanskikh v predely Rossii (Description of the Resettlement of the Adderbizhan Armenians to Russia). Moscow, 1831.] (–)
- Григорян Г.О.* Из истории армянской передовой общественно-политической мысли (вторая пол. XVIII в.). Ереван, 1957. [*Grigoryan G.O.* Iz istorii armyanskooy peredovoy obshchestvenno-politicheskoy mysli (vtoraya pol. XVIII v.) (From the History of the Progressive Armenian Social and Political Thought (Second Half of the 18th Century). Yerevan, 1957.] (–)
- Грузия и Армения. СПб., 1848. Т. I–III. [*Gruziya i Armeniya* (Georgia and Armenia). St.-Petersburg, 1848. T. I–III.] (–)
- Гуланян Х.* Экономическое состояние Армении в первой половине XIX в. и экономические взгляды Х. Абовяна. Ереван, 1954. [*Gulanyan Kh.* Ekonomicheskoye sostoyaniye Armenii v pervoy polovine XIX v. i ekonomicheskoye vzglyady Kh. Abovyana (The Economic State of Armenia in the First Half of the 19th Century and Economic Views of Kh. Abovyan). Yerevan, 1954.] (–)
- Джафарзаде И.М.* Историко-археологический очерк старой Гянджи. Баку, 1949. [*Dzhafarzade I.M.* Istoriko-arkheologicheskij ocherk staroy Gyandzhi (Historical and Archaeological Study of Old Ganja). Baku, 1949.] (–)
- Дубровин Н.Ф.* Закавказье от 1803–1806 года. СПб., 1886. [*Dubrovin N.F.* Zakavkaz'ye ot 1803–1806 goda (Transcaucasia, 1803–1806.). St.-Petersburg, 1886.] (–)
- Егиазаров С.А.* Исследования по истории учреждений в Закавказье. Ч. I: Сельская община. Казань, 1889; Ч. II: Городские цехи. Казань, 1891. [*Yegiazarov S.A.* Issledovaniya po istorii uchrezhdeniy v Zakavkaz'ye (Research on the History of Institutions in the Transcaucasus). Kazan, 1889. T. I: Rural Community; Kazan, 1891. T. II: City Guilds.] (–)
- Еремян С.Т.* Опыт периодизации истории Армении эпохи феодализма // Вопросы истории. 1951, № 7. С. 53–73. [*Yeremyan S.T.* Opyt periodizatsii

- istorii Armenii epokhi feodalizma (Experience of Periodization of the History of Armenia in the Epoch of Feudalism) // *Voprosy istorii*. 1951, № 7. S. 53–73.] (–)
- Есяян А.М.* Мулькадарское право в Армении. Ереван, 1948. [*Yesayan A.M.* Mul'kadarskoye pravo v Armenii (The Mulkadār Law in Armenia). Yerevan, 1948.] (–)
- Заходер Б.Н.* История восточного средневековья. М., 1944. [*Zakhoder B.N.* Istoriya vostochnogo srednevekov'ya (History of the Oriental Middle Ages). Moscow, 1944.] (–)
- Зевакин Е.С.* Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации. Баку, 1928. [*Zevakin Ye.S.* Prikaspiyskiye provintsii v epokhu russkoy okkupatsii (Caspian Provinces Under Russian Occupation). Baku, 1928.] (–)
- Зевакин Е.С.* Азербайджан в начале XVIII в. Баку, 1929. [*Zevakin Ye.S.* Azerbaydzhan v nachale XVIII v. (Azerbaijan at the Beginning of the 18th Century). Baku, 1929.]
- Зевакин Е.С.* Персидский вопрос в русско-европейских отношениях // Исторические записки. 1940, № 8. С. 129–161. [*Zevakin Ye.S.* Persidskiy vopros v rusско-yeuropeyskikh otnosheniyakh (The Persian Question in Russian-European Relations) // *Istoricheskiye zapiski*. 1940, № 8. S. 129–161.]
- Иванов М.С.* Очерк истории Ирана. М., 1952. [*Ivanov M.S.* Ocherk istorii Irana (Essay on the History of Iran). Moscow, 1952.] (–)
- Иоаннисян А.Р.* Очерк истории армянской освободительной мысли. Ереван, 1955. [*Ioannisyan A.R.* Ocherk istorii armyanskoй osvoboditel'noy mysli (Essay on the History of Armenian Liberation Thought). Yerevan, 1955.] (–)
- История армянского народа / Под ред. Б.Н. Аракеляна и А.Р. Иоаннисяна. Ереван, 1951. [*Istoriya armyanskogo naroda* (History of the Armenian People) / Ed. by B.N. Arakelyan, A.R. Ioannisyan. Yerevan, 1951.] (–)
- История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века / Сост. Н.В. Пигулевская, А.Ю. Якубовский, И.П. Петрушевский и др. Л., 1958. [*Istoriya Irana s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII veka* (History of Iran From Ancient Times to the End of the 18th Century) / Ed. by N.V. Pigulevskaya, A.Yu. Yakubovsky, I.P. Petrushevsky. Leningrad, 1958.]
- История стран зарубежного Востока в средние века / [Под ред. Ф.М. Ацамба и др.]. М., 1957. [*Istoriya stran zarubezhnogo Vostoka v sredniye veka* (History of the Countries of the Foreign East in the Middle Ages). Moscow, 1957.] (–)
- Касумов С.* Государственное устройство в ханствах Азербайджана до присоединения к Российской империи // Азербайджанский государственный университет. Тезисы докладов аспирантов на научной сессии. Баку, 1948. С. 18–20. [*Kasumov S.* Gosudarstvennoye ustroystvo v khanstvakh Azerbaydzhana do prisoyedineniya k Rossiyskoy imperii (State Structure in the Khanates of Azerbaijan Before Joining the Russian Empire) // *Azerbaydzhanskiy gosudarstvennyy universitet. Tezisy докладov aspirantov na nauchnoy sessii*. Baku, 1948. S. 18–20.] (–)
- Кишмишев С.И.* Походы Надир-шаха в Герат, Кандагар, Индию и события в Персии после его смерти. Тифлис, 1889. [*Kishmishev S.I.* Pokhody Nadirshakha v Gerat, Kandagar, Indiyu i sobytiya v Persii posle yego smerti (Nādir

- Shāh's Campaigns to Herat, Qandahar, India and Events in Persia After His Death). Tiflis, 1889.] (–)
- Комаров В.В.* Персидская война 1722–1725 гг. // Русский вестник. 1867. Т. 68. С. 78. [*Komarov V.V.* Persidskaya voyna 1722–1725 gg. (The Persian War of 1722–1725) // *Russkiy vestnik*. 1867. Vol. 68. S. 78.] (–)
- Крымский А.Е.* История Персии, ее литературы и дервишеской теософии. М., 1909–1917. Т. I–III. [*Krymskiy A.Ye.* Istoriya Persii, yeye literatury i dervisheskoy teosofii (History of Persia, Its Literature and Dervish's Theosophy). Moscow, 1909–1917. T. I–III.] (–)
- Кузнецова Н.А.* Из истории социально-экономических отношений в Иране в первой трети XIX века (Иранский город и городское ремесло). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1952. [*Kuznetsova N.A.* Iz istorii sotsial'no-ekonomicheskikh otnosheniy v Irane v pervoy treti XIX veka (Iranskiy gorod i gorodskoye remeslo) (From the History of Socio-economic Relations in Iran in the First Third of the 19th Century (Iranian City and Urban Craft)). Diss. ... kand. ist. nauk. Moscow, 1952.]
- Куканова Н.Г.* Русско-иранские торговые отношения в конце XVII — начале XVIII в. // Исторические записки. М., 1956. Т. 57. С. 230–234. [*Kukanova N.G.* Russko-iranskiye torgovyye otnosheniya v kontse XVII — nachale XVIII v. (Russian-Iranian Trade Relations in the Late 17th — early 18th Centuries) // *Istoricheskiye zapiski*. Moscow, 1956. Vol. 57. S. 230–234.] (–)
- Левитов В.Н.* Очерки по истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948. [*Levitov V.N.* Ocherki po istorii Azerbaydzhana v XVIII v. (Essays on the History of Azerbaijan in the 18th Century). Baku, 1948.]
- Лео [Бабакханын А.].* Торговый капитал. Ереван, 1934. Т. I. [*Leo [Babakhanyan A.].* Torgovuyu kapital (Trading Capital). Yerevan, 1934. Vol. I.] (на арм. яз.) (–)
- Лео [Бабакханын А.].* История армян. Ереван, 1946. Т. III. [*Leo [Babakhanyan A.].* Istoriya armyan (History of Armenians). Yerevan, 1946. Vol. III.] (на арм. яз.)
- Лыццов В.П.* Персидский поход Петра I. М., 1951. [*Lystsov V.P.* Persidskiy pokhod Petra I (Persian Campaign of Peter I). Moscow, 1951.] (–)
- Магомедов Р.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в. Махачкала, 1957. [*Magomedov R.* Obshchestvenno-ekonomicheskii i politicheskiy stroy Dagestana v XVIII — nachale XIX v. (Socio-economic and Political System of Dagestan in the 18th — Early 19th Centuries). Makhachkala, 1957.]
- Манандян Я.А.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей с древних времен. Ереван, 1954. [*Manandyan Ya.A.* O torgovle i gorodakh Armenii v svyazi s mirovoy torgovley s drevnikh vremen (About Trade and Cities of Armenia in Connection With World Trade Since Ancient Times). Yerevan, 1954.] (–)
- Мельгунов Г.В.* Поход Петра Великого в Персию // Русский вестник. 1874. Т. 110, № 3. С. 5–60. [*Mel'gunov G.V.* Pokhod Petra Velikogo v Persiyu (March of Peter the Great to Persia) // *Russkiy vestnik*. 1874. Vol. 110, № 3. S. 5–60.] (–)
- Месхиа Ш.А.* Города и городской строй феодальной Грузии (XVII–XVIII вв.). Дис. ... доктора ист. наук. М., 1954. [*Meskhia Sh.A.* Goroda i gorodskoy stroy feodal'noy Gruzii (XVII–XVIII vv.) (Cities and Urban System of Feudal Georgia (17th–18th Centuries)). Dis. ... doktora ist. nauk. Moscow, 1954.] (–)

- Миклухо-Маклай Н.Д.* О первом томе Мухаммед Казима // Советское востоковедение. М.; Л., 1948. Т. V. С. 129–136. [*Miklukho-Maklay N.D.* O pervom tome Mukhammed Kazima (About the First Volume of Muḥammad Kāzīm) // Sovetskoye vostokovedeniye. Moscow; Leningrad, 1948. Vol. V. S. 129–136.] (–)
- Миклухо-Маклай Н.Д.* О налоговой политике шаха Аббаса I // Советское востоковедение. М.; Л., 1949. Т. VI. С. 348–355. [*Miklukho-Maklay N.D.* O nalogovoy politike shakha Abbasa I (On the Taxation Policy of Shāh ‘Abbās I) // Sovetskoye vostokovedeniye. Moscow; Leningrad, 1949. Vol. VI. S. 348–355.]
- Миклухо-Маклай Н.Д.* Из истории афганского владычества в Иране (20-е годы XVIII в.) // Ученые записки ЛГУ. 1954. № 179. С. 138–178. [*Miklukho-Maklay N.D.* Iz istorii afganskogo vladychestva v Irane (20-ye gody XVIII v.) (From the History of Afghan Domination in Iran in 1720’s) // Uchenyye zapiski LGU. 1954. № 179. S. 138–178.] (–)
- Миклухо-Маклай Н.Д.* Описание таджикских и персидских рукописей Института Востоковедения АН СССР. М.; Л., 1955. Вып. I. [*Miklukho-Maklay N.D.* Opisaniye tadjhiskikh i persidskikh rukopisey Instituta Vostokovedeniya AN SSSR (Description of Tajik and Persian Manuscripts of the IOS of the Academy of Sciences of USSR). Moscow; Leningrad, 1955. Vol. I.] (–)
- Новая история стран зарубежного Востока / Под ред. И.М. Рейснера, Б.К. Рубцова. [М.], 1952. [*Novaya istoriya stran zarubezhnogo Vostoka* (Modern History of the Countries of the Foreign East). [Moscow], 1952.] (–)
- Новейшие исторические, политические, статистические и географические сведения о Турецкой империи, заимствованные из достовернейших путешествий и исследований исторических. Ч. I. М., 1828. [*Noveyshiye istoricheskiye, politicheskiye, statisticheskiye i geograficheskiye svedeniya o Turetskoy imperii, zaïmstvovannyye iz dostoverneyshikh puteshestviy i issledovaniy istoricheskikh.* Ч. I. М., 1828. [*Noveyshiye istoricheskiye, politicheskiye, statisticheskiye i geograficheskiye svedeniya o Turetskoy imperii, zaïmstvovannyye iz dostoverneyshikh puteshestviy i issledovaniy istoricheskikh* (The Latest Historical, Political, Statistical and Geographical Information About the Turkish Empire, Borrowed From the Most Reliable Travels and Historical Research). T. I. Moscow, 1828.] (*)
- Очерки истории СССР (XVII–XVIII вв.) / Под ред. Б.Д. Грекова и др. Т. 1–4. М., 1955–1957. [*Ocherki istorii SSSR (XVII–XVIII vv.)* (Essays on the History of the USSR (17th–18th Centuries)). Vol. 1–4. Moscow, 1955–1957.] (–)
- Папазян А.Д.* Аграрные отношения в Ереванском ханстве в XVII веке. Дисс. ... канд. ист. наук. Ереван, 1954. [*Papazyan A.D.* Agrarnyye otnosheniya v Yerevanskom khanstve v XVII veke (Agrarian Relations in the Īrawān Ḥānate in the 17th Century). Diss. ... kand. ist. nauk. Yerevan, 1954.] (на арм. яз.) (а)
- Папазян А.Д.* Аграрные отношения в Ереванском ханстве в XVII веке. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ереван, 1954. [*Papazyan A.D.* Agrarnyye otnosheniya v Yerevanskom khanstve v XVII veke (Agrarian Relations in the Īrawān Ḥānate in the 17th Century). Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Yerevan, 1954.] (б)
- Патканов К.П.* Библиографический очерк армянской исторической литературы // Труды Третьего Междунар. съезда ориенталистов в Петербурге: 1876. СПб., 1877. Т. 1. С. 457–511. [*Patkanov K.P.* Bibliograficheskiy ocherk armyanskoï istoricheskoy literatury (Bibliographic Digest of Armenian Historical Literature) // Trudy Tret’yego Mezhdunarodnogo s’yezda orientalistov v Peterburge: 1876. St.-Petersburg, 1877. Vol. 1. S. 457–511.]

- Пахомов Е.А.* Краткий курс истории Азербайджана. Баку, 1923. [*Pakhomov Ye.A.* Kratkiy kurs istorii Azerbaydzhana (A Short Educational Course of History of Azerbaijan). Baku, 1923.] (–)
- Пахомов Е.А.* О сословно-поземельном вопросе в Азербайджане. Баку, 1926. [*Pakhomov Ye.A.* O soslovno-pozemel'nom voprose v Azerbaydzhane (On the Estate-land Affairs in Azerbaijan). Baku, 1926.] (–)
- Петров П.И.* Поправки и дополнения к биографии Мухаммед Казима // Советское востоковедение. 1958, № 5. С. 109–114. [*Petrov P.I.* Popravki i dopolneniya k biografii Mukhammed Kazima (Amendments and Additions to the Biography of Muḥammad Kāzīm) // Sovetskoye vostokovedeniye. 1958, № 5. S. 109–114.] (–)
- Персидские документы Матенадарана. Указы. Вып. 1. (XV–XVI вв.) / Сост. А.Д. Папазян. Ереван, 1956. [*Persidskiye dokumenty Matenadarana (Persian documents of Matenadaran). Ukazy. Vyp. 1. (XV–XVI vv.) / Ed. by A.D. Papazyan. Yerevan, 1956.]*
- Петрушевский И.П.* Восстание ремесленников и городской бедноты в Тебризе в 1573 г. // Известия АзФАН СССР. 1942, № 3. С. 10–19. [*Petrushevskiy I.P.* Vossstaniye remeslennikov i gorodskoy bednoty v Tebrize v 1573 g. (Uprising of Artisans and Urban Poor in Tabriz, 1573) // Izvestiya AzFAN SSSR. 1942, № 3. S. 10–19.]
- Петрушевский И.П.* Городская знать в государстве Хулагуидов // Советское востоковедение. Т. V. М.; Л., 1948. С. 85–110. [*Petrushevskiy I.P.* Gorodskaya znat' v gosudarstve Khulaguidov (Urban Grandees in the İlḥānīd State) // Sovetskoye vostokovedeniye. Vol. V. Moscow; Leningrad, 1948. S. 85–110.] (–)
- Петрушевский И.П.* Вақфные имения Ардебильского мазара в XVII в. // Труды Института истории АН АзССР. Баку, 1947. Т. 1. С. 24–39. [*Petrushevskiy I.P.* Vakfnyye imeniya Ardebil'skogo mazara v XVII . (Waqf Estates of the Ardabīl Mazār in the 17th Century) // Trudy Instituta istorii AN AzSSR. Baku, 1947. Vol. 1. S. 24–39.]
- Петрушевский И.П.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949. [*Petrushevskiy I.P.* Ocherki po istorii feodal'nykh otnosheniy v Azerbaydzhane i Armenii v XVI — nachale XIX v. (Essays on the History of Feudal Relations in Azerbaijan and Armenia in the 16th — Early 19th Centuries). Leningrad, 1949.] (a)
- Петрушевский И.П.* Азербайджан в XVI–XVII вв. // Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. 1. Баку, 1949. С. 153–214. [*Petrushevskiy I.P.* Azerbaydzhan v XVI–XVII vv. (Azerbaijan in the 16th–17th Centuries) // Sbornik statey po istorii Azerbaydzhana. Vol. 1. Baku, 1949. S. 153–214.] (б) (–)
- Петрушевский И.П.* Народное восстание в Гиляне в 1629 г. // Ученые записки ИВ АН СССР. Т. III. М., 1951. С. 225–256. [*Petrushevskiy I.P.* Narodnoye vosstaniye v Gilyane v 1629 g. (Popular Uprising in Gilān in 1629) // Uchenyye zapiski IV AN SSSR. Vol. III. Moscow, 1951. S. 225–256.] (a)
- Петрушевский И.П.* Феодальное хозяйство Рашид-ад-дина // Вопросы истории. 1951, № 4. С. 87–104. [*Petrushevskiy I.P.* Feodal'noye khozyaystvo Rashid-ad-dina (Feudal Economy of Rashīd al-Dīn) // Voprosy istorii. 1951, № 4. S. 87–104.] (б) (*)

- Пигулевская Н.В.* Города Ирана в раннем средневековье. М.; Л., 1956. [*Pigulevskaya N.V. Goroda Irana v ranнем srednevekov'ye* (Cities of Iran in the Early Middle Ages). Moscow; Leningrad, 1956.] (–)
- Полиевктов М.А.* Экономические и политические разведки Московского государства в XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932. [*Poliyevktov M.A. Ekonomicheskiye i politicheskiye razvedki Moskovskogo gosudarstva v XVII v. na Kavkaze* (Economic and Political Intelligence of the Muscovy in the 17th Century in the Caucasus). Tiflis, 1932.]
- Пошевктов М.А.* Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935. [*Poliyevktov M.A. Yevropeyskiye puteshestvenniki XIII–XVIII vv. po Kavkazu* (European Travelers of the 13th–18th Centuries in the Caucasus). Tiflis, 1935.]
- Рахмани А.А.* О жизни и творчестве Искандера Мунши // Труды Ин-та истории АН Азерб. ССР. 1957. Т. 12. С. 181–204. [*Rakhmani A.A. O zhizni i tvorchestve Iskandera Munshi* (On the Life and Work of Iskander Munshī) // Trudy Instituta istorii AN Azerb. SSR. 1957. Vol. 12. S. 181–204.] (на азерб. яз.)
- Современный Иран: Справочник / [Отв. ред. Б.Н. Заходер]. М., 1957. [*Sovremennyy Iran: Spravochnik* (Modern Iran: Handbook). Moscow, 1957.] (*)
- Тамай А.* Восстание 1711–1722 гг. в Азербайджане // Ученые записки Ин-та истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. 1957. Т. III. С. 77–90. [*Tamay A. Vosstaniye 1711–1722 gg. v Azerbaydzhane* (The Uprising of 1711–1722 in Azerbaijan) // Uchenyye zapiski Instituta istorii, yazyka i literatury im. G. Tsadasy. 1957. Vol. III. S. 77–90.] (–)
- Тверитинова А.С.* Восстание Кара-Языджи и Дели-Хасана в Турции. М.; Л., 1946. [*Tveritinova A.S. Vosstaniye Kara-Yazydji i Deli-Khasana v Turtsii* (The Uprising of Kara Yazıcı and Deli Hasan in Turkey). Moscow; Leningrad, 1946.]
- Тер-Аветисян С.В.* Город Джуга. Тифлис, 1937. [*Ter-Avetisyan S.V. Gorod Dzhuga* (City of Jūla). Tiflis, 1937.]
- Тер-Григорян С.М.* hАйк' и харавайн hНдкaстан [Армяне в северной Индии] // Базмавѐп. 1922(а). Т. 3. С. 79–82; 1922(б). Т. 5. С. 144–147; 1922(в). Т. 6. С. 182–187. [*Ter-Grigorean S.M. Hayk' i haravayin Hndkasthan* [Armenians in Northern India] // Bazmavѐp. 1922. Vol. 3. S. 79–82; Vol. 5. S. 144–147; Vol. 6. S. 182–187.] (на арм. яз.) (*)
- Туманян О.Е.* Экономическое развитие Армении. Ереван, 1954. Ч. 1. [*Tumanyan O.Ye. Ekonomicheskoye razvitiye Armenii* (Economic Advancement of Armenia). Yerevan, 1954. T. 1.] (–)
- Фехнер М.В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956. [*Fekhner M.V. Torgovlya Russkogo gosudarstva so stranami Vostoka v XVI v.* (Trade of Russia With the Oriental Countries in the 16th Century). Moscow, 1956.] (–)
- Фильрозе Н.М.* Хозяйственная жизнь шахского домена в Сефевидском Иране. Канд. дисс. М., 1945. [*Fil'roze N.M. Khozyaystvennaya zhizn' shakhskogo domena v Sefevidskom Irane* (The Economic Life of the Shāh's Domain in Šafavid Iran). Kand. diss. Moscow, 1945.]
- Фильрозе Н.М.* К вопросу о формах земельной собственности в государстве Сефевидов // Очерки по новой истории стран Среднего Востока (Индия,

- Афганистан, Иран) / Под ред. И.М. Рейснера, Н.М. Гольдберга. М., 1951. С. 175–187. [*Fil'roze N.M.* K voprosu o formakh zemel'noy sobstvennosti v gosudarstve Sefevidov (To the Question of the Forms of Land Ownership in the Şafavid State) // *Ocherki po novoy istorii stran Srednego Vostoka* (Indiya, Afganistan, Iran) / Ed. by I.M. Reysner, N.M. Goldberg. Moscow, 1951. S. 175–187.] (–)
- Хачикян Л.* Сокровища Матенадарана // Вопросы истории. 1951, № 2. С. 195–199. [*Khachikyan L.* Sokrovishcha Matenadarana (Treasures of Matenadaran) // *Voprosy istorii*. 1951, № 2. S. 195–199.] (–)
- Худобашев А.М.* Обзорение Армении в географическом, историческом и литературном отношении. СПб., 1859. [*Khudobashev A.M.* Obozreniye Armenii v geograficheskom, istoricheskom i literaturnom otnoshenii (Geographical, Historical and Literary Review of Armenia). St.-Petersburg, 1859.] (–)
- Шахазиз Е.* Старый Ереван. Ереван, 1931. [*Shakhaziz Ye.* Staryu Yerevan (Old Yerevan). Yerevan, 1931.] (на арм. яз.)
- Шахов С.* К вопросу об изучении феодальной экономики Карабахского ханства // Известия АН АрмССР, сер. общ. наук. 1947. Вып. 4. С. 49–68. [*Shakhov S.* K voprosu ob izuchenii feodal'noy ekonomiki Karabakhskogo khanstva (On the Study of the Feudal Economy of the Qarābāgh Hānate) // *Izvestiya AN ArmSSR, ser. obshch. nauk.* 1947. Vol. 4. S. 49–68.] (–)
- Шпаковский А.Я.* Торговля Московской Руси с Персией в XVI–XVII вв. Киев, 1915. [*Shpakovskiy A.Ya.* Torgovlya Moskovskoy Rusi s Persiyey v XVI–XVII vv. (Trade of Muscovy With Persia in the 16th–17th Centuries). Kiev, 1915.]
- Эсадзе С.* Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1906. Т. I, II. [*Esadze S.* Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Kavkazom (Historical Report on the Governance of the Caucasus). Tiflis, 1906. Vol. I, II.]
- Эфендиев О.А.о.* Образование Сефевидского государства в начале XVI века. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1955. [*Efendiyev O.A.o.* Obrazovaniye Sefevidskogo gosudarstva v nachale XVI veka (Formation of the Şafavid State at the Beginning of the 16th Century). Diss. ... kand. ist. nauk. Moscow, 1955.]
- Эфендиев О.А.о.* О внешней политике Исмаила I // Труды Института истории АН АзССР. 1957. Т. XII. С. 150–180. [*Efendiyev O.A.o.* O vneshney politike Ismaila I (On the Foreign Policy of Ismail I) // *Trudy Instituta istorii AN AzSSR*. 1957. Vol. XII. S. 150–180.] (–)
- Юсупов И.Н.* О положении райатов в Азербайджане в конце XVIII в. // Доклады АН АзССР. 1954. Т. 10, № 5. С. 387–397. [*Yusupov I.N.* O polozhenii rayatov v Azerbaydzhane v kontse XVIII v. (On the Position of Ra'iyat in Azerbaijan at the End of the 18th Century) // *Doklady AN AzSSR*. 1954. Vol. 10, № 5. S. 387–397.] (–)
- Basmadjan K. J.* Histoire moderne des Arméniens depuis la chute du royaume jusqu'à nos jours (1375–1916). P., 1916. (–)
- Issaverdenz J.* Armenia and the Armenians. Venice, 1878. (–)
- Kevorg A.* Armenia and the Armenians From the Earliest Times Until the Great War (1914). N. Y., 1920. (–)

- Raffi A. Armenian History, Culture and Characteristics // Buxton N., Buxton H. Travel and Politics in Armenia. L., 1914. P. 163–268.
- Salmasian A. Bibliographie de l'Arménie. P., 1946. (–)

2. Иранская и турецкая

- ‘Абд ал-Қасим С. Тә’рйх-и зендегәни-йи шәх-и ‘Аббәс-и Кабӣр [История жизни шаха Аббаса Великого]. Тегеран, 1325 г.с.х. / 1946 г. [‘Abd al-Qāsim S. Tā’rīḥ-i zendegānī-yi shāh-i ‘Abbās-i Kabīr (The History of the Life of Shāh ‘Abbās the Great). Tehrān, 1325 SH / AD 1946.] (на перс. яз.) (*)
- Иқбāl ‘А. Тә’рйх-и муфәссал-и Йрән аз истилә-йи моғул тә инқирәз-и Қәджәрийи [Подробная история Ирана от монгольского завоевания до гибели Каджар]. Тегеран, 1321 г.с.х. / 1942 г. [Iqbāl ‘A. Tā’rīḥ-i mufaṣṣal-i Īrān āz istilā-yi Moghūl tā inqirāz-i Qājāriyī (A Detailed History of Iran from the Mongol Conquest to the Fall of Qājārs). Tehrān, 1321 SH / AD 1942.] (на перс. яз.) (–)
- Қӯзәнлӯ Дж. Тә’рйх-и низәмй-йи Йрән [Военная история Ирана]. Тегеран, 1315 г.с.х. / 1936 г. Т. I. [Qūzānlū J. Tā’rīḥ-i nizāmī-yi Īrān (Military History of Iran). Tehrān, 1315 SH / AD 1936. Vol. I.] (на перс. яз.) (–)
- Ләрӯдӣ Н. Зендегәни-йи Надӣр шәх [Жизнь Надир-шаха]. Тегеран, 1319 г.с.х. / 1940 г. [Lārūdī N. Zendegānī-yi Nadīr shāh (Life of Nadīr Shāh). Tehrān, 1319 SH / AD 1940.] (на перс. яз.) (–)
- Моджетеһей М. Йрән ва Ингилис [Иран и Англия]. Тегеран, 1325 г.с.х. / 1946 г. [Mojtehedī M. Īrān wa Ingilīs (Iran and England). Tehrān, 1325 SH / AD 1946.] (на перс. яз.) (–)
- Мо ‘еззӣ Н. Тә’рйх-и равәбит-и сийәси-йи Йрән бә дунйә [История политических взаимоотношений Ирана с миром]. Тегеран, 1325 г.с.х. / 1946 г. Т. I. [Mo ‘ezzī N. Tā’rīḥ-i rawābit-i siyāsī-yi Īrān bā dunyā (History of Political Relations of Iran With the World). Tehrān, 1325 SH / AD 1946. Vol. I.] (на перс. яз.) (–)
- Пәзӯкӣ Р. Тә’рйх-и Йрән аз моғул тә афшәрийи [История Ирана от Хулагуидов до Афшаридов]. Тегеран, 1317 г.с.х. / 1938 у. [Pāzūkī R. Tā’rīḥ-i Īrān āz Moghūl tā Āfshāriyī [History of Iran from the Īlhānids to the Āfshārids]. Tehrān, 1317 SH / AD 1938.] (на перс. яз.) (–)
- Разӣ ‘А. Тә’рйх-и муфәссал-и Йрән [Подробная история Ирана]. Тегеран, 1335 г.с.х. / 1956 г. [Razī ‘A. Tā’rīḥ-i mufaṣṣal-i Īrān (Detailed History of Iran). Tehrān, 1335 SH / AD 1956.] (на перс. яз.) (–)
- Фалсафӣ Н. Тә’рйх-и равәбит-и Йрән бә Урӯпә дар доуре-йи Сафавӣ [История взаимоотношений Ирана с Европой при Сефевидях]. Тегеран, 1316 г.с.х. / 1937 г. Т. I. [Falsafī N. Tā’rīḥ-i rawābit-i Īrān bā Urūpā dar doure-yi Ṣafawī (History of Relationships of Iran with Europe Under the Ṣafavids). Tehrān, 1316 SH / AH 1937. Vol. I.] (на перс. яз.) (–)
- Фалсафӣ Н. Зендегәни-йи шәх-и ‘Аббәс-и аввәл [Жизнь шаха Аббаса Первого]. Тегеран, 1335 г.с.х. / 1956 г. Т. I, II. [Falsafī N. Zendegānī-yi Shāh-i ‘Abbās-i avvāl [Life of Shāh ‘Abbās the First]. Tehrān, 1335 SH / AD 1956. Vol. I, II.] (на перс. яз.)
- Ақçура Ү. Osmanlı devletinin dağılma devri (XVIII. ve XIX. asırlarda). İstanbul, 1940. (–)

- Koray E.* Türkiye tarih yayınları bibliyografyası. Ankara, 1952. (–)
- Kuran A.B.* Osmanlı imparatorluğunda inkılâp hareketleri ve milli mücadele. İstanbul, 1956. (–)
- Navai B.* Les relations économiques irano-russes. P., 1935. (–)
- Pakravan E.* Agha Mohammad Ghadjar. Essai biographique. Tehran, 1953. (–)
- Sardari R.* Un chapitre de l'histoire diplomatique de l'Iran. P., 1941. (–)
- Uras E.* Tarihte ermeniler ve ermeni meselesi. Ankara, 1950. (–)

3. Западноевропейская литература

- Линч Г.Ф.* Армения: путевые очерки и этюды. Тифлис, 1910. Т. I, II. [*Lynch G.F.* Armenia: putevyue ocherki i etyudy (Armenia, Travels and Studies). Vol. I, II. Tiflis, 1910.]
- Allen W.E.D.* Caucasian Battlefields: A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border 1828–1921. Cambridge, 1953. (–)
- Aukerian H.* A Brief Account of the Mechitaristic Society Founded on the Island of St. Lazaro. [Venice], 1835. (–)
- Bellan L.-L.* Chah Abbas I, sa vie, son histoire. P., 1932.
- Boré E.* Description de l'Arménie. P., 1842. (–)
- Brown E.G.* A Literary History of Persia. Vol. I, II. Cambridge, 1928. (–)
- Bullard R.* Britain and the Middle East From the Earliest Times to 1950. N. Y., 1951. (–)
- Driault É.* La question d'Orient: depuis ses origines jusqu'à la grande guerre. P., 1917. (–)
- Durand H.M.* Nadir Chah. L., 1908. (–)
- von Erdmann F.* Iskender Munschi und sein Werk // ZDMG. 1861. Vol. XV, № 3. S. 457–501. (–)
- Frye R.N.* Iran. L., 1954. (–)
- Furon R.* La Perse. P., 1938. (–)
- Gibb H.A.R.* Islamic Society and the West. Oxford, 1950. Vol. I: Islamic Society in the Eighteenth Century. Part I. (–)
- Hammer-Purgstall J.* Histoire de l'Empire Ottomane, depuis son origine jusqu'à nos jours. Vol. 8–15. P., 1836–1839. (–)
- Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au moyen-âge. Leipzig, 1886. T. I, II. (–)
- Hinz W.* Irans Aufstieg zum Nationalstaat im fünfzehnten Jahrhundert. B.; Leipzig, 1936. (–)
- Kapri F.M.* Zwei Vorträge über: Die historische und kulturelle Bedeutung des armenischen Volkes. Wien, 1913. (–)
- Kirk G.E.* A Short History of the Middle East. L., 1957. (–)
- Lambton A.K.S.* Landlord and Peasant in Persia. L.; N.Y., 1953.
- Lang D.M.* Georgian Relations with France during the Reign of Wakhtang VI (1711–24) // JRAS. 1950. Vol. 82, № 3–4. P. 114–126. (–)
- Lang D.M.* Georgia and the Fall of the Safavid Dynasty // BSOAS. 1952. Vol. 14. Part 3. P. 523–539. (–)
- Lang D.M.* The Last Years of the Georgian Monarchy 1658–1832. N.Y., 1957.

- Lockhart L.* Nadir Shah. L., 1938.
- Lockhart L.* The Fall of the Šafavī Dynasty and the Afghan Occupation of Persia. Cambridge, 1958.
- Malcolm J.* The History of Persia From the Most Early Period to the Present Time. L., 1829. Vol. II.
- Minorsky V.* Esquis d'une histoire de Nadir-Chah. P., 1934. (–)
- Minorsky V.* The Poetry of Shāh Ismā‘īl I // BSOAS. 1942. Vol. 10, № 4. P. 1006–1029.
- Minorsky V.* Introduction, Commentary and Appendixes // Tadhkirat al-Mulūk / Ed. and transl. by V. Minorsky. L., 1943. P. 5–36, 110–207.
- de Morgan J.* Histoire du peuple arménien depuis les temps les plus reculés de ses annales jusqu'à nos jours. P., 1919. (–)
- Rhodes A.* Shah Abbas the Great // History Today. 1956. T. 9. P. 617–626. (*)
- Seth M.J.* Armenians in India From the Earliest Times to the Present Day. Calcutta, 1957. (*)
- Storey C.A.* Persian Literature. A bio-bibliographical survey. Sect. II, Fasc. 1, 2. L., 1935–1936. (–)
- Sykes P.* History of Persia. L., 1951. Vol. II. (–)
- Wilson A.T.* A Bibliography of Persia. Oxford, 1930. (–)

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ Т.М. КАЛИНИНОЙ

1974

Вклад В.В. Бартольда в разработку истории Древней Руси (по данным восточных источников) // Бартольдские Чтения (Москва, 18–20 марта 1974 г.). Тез. докл. и сообщ. М., 1974. С. 31–32.

1975

Волжская Булгария и Дунайская Болгария в трудах средневековых арабо-персидских географов // Проблемы социально-экономической и политической истории СССР. Науч. конф. молодых ученых. Тез. докл. М., 1975. С. 153–157.

1976

Древняя Русь и страны Востока (Средневековые арабо-персидские источники о Руси). Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1976.

Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава // ДГ, 1975 г.: Материалы и исследования. М., 1976. С. 90–101.

1978

Ал-Масуди о расселении русов // Восточная Европа в древности и средневековье. Сб. ст. М., 1978. С. 16–22.

Норманский вопрос в трудах востоковедов России // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. Сб. ст. М., 1978. С. 144–153.

1979

Сведения мусульманских ученых IX в., астрономов и математиков, о землях Кавказа // Вопросы изучения и издания письменных источников по истории Грузии. Всесоюз. науч. сессия. Тез. докл. Тбилиси, 1979. С. 30–33.

1983

[Рец. на кн.:] «Арабские источники по истории славянства» // ДГ, 1981 г.: Материалы и исследования. М., 1983. С. 179–212.

1984

Арабский источник X в. (географический трактат «Чистых братьев») о территории СССР и сопредельных районах // ДГ, 1982 г.: Материалы и исследования. М., 1984. С. 196–207.

Сведения ал-Хорезми о Восточной Европе и Средней Азии // ДГ, 1983 г.: Материалы и исследования. М., 1984. С. 179–199.

Общественный и государственный строй Древней Руси в сравнительно-типологическом аспекте (Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пащуто) // ИСССР. 1984, № 6. С. 210–211. (в соавторстве с Е.А. Мельниковой)

1985

«Книга картины Земли» ал-Хорезми как источник по истории народов СССР // Великий ученый средневековья ал-Хорезми. Мат-лы Юбилейной науч. конф.,

посвященной 1200-летию со дня рождения Мухаммада ибн Мусы ал-Хорезми. Ташкент, 1985. С. 211–227.

1986

Торговые пути Восточной Европы (по данным Ибн Хордадбеха и Ибн ал-Факиха) // ИСССР. 1986, № 4. С. 68–82.

Восточные источники о веси и югре // Ломоносов и значение его деятельности для развития просвещения. Тез. докл. Всесоюз. науч.-практ. конф. Архангельск, 1986. С. 192–194.

1988

Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментариев. М., 1988 (Древнейшие источники по истории народов СССР).

Восточные источники о принятии христианства на Руси // Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 1988. С. 31–33.

1989

[Коммент. к гл. 37, коммент. в соавт. к гл. 11, 42] // *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. М., 1989; изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 1991.

Спорный этноним в астрономическом трактате ал-Фергани // ДГ, 1987 г.: Материалы и исследования. М., 1989. С. 237–242.

Арабские географы о славянах // Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма. М., 1989. С. 7–9.

Сведения арабских авторов о южных славянах // Восточная рукописная книга и Балканы. Тез. докл. Тбилиси, 1989. С. 8–10.

1990

Метод в средневековой географической литературе Арабского халифата // ВЕДС. М., 1990. Вып. II: Проблемы источниковедения. С. 57–60.

Восточная Европа в представлениях ал-Истахри, Ибн Хаукала, ал-Масуди (в связи с проблемой буртасов) // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. Тез. к межобластной науч. конф. (Пенза, 23–27 января 1990 г.). Пенза, 1990. С. 34–43.

1991

Метод изображения Восточной Европы в трудах средневековых арабских географов // Восток: прошлое и будущее народов. IV Всесоюзная конф. востоковедов. Новые подходы в теории и методике востоковедных исследований (Махачкала, 1–5 октября 1991 г.). Тез. докл. и сообщ. М., 1991. Т. II: Политология, история, литературоведение. С. 120–121.

Нижний Дунай в «Книге картины Земли» Мухаммеда ибн Мусы ал-Хорезми // История и археология Нижнего Подунавья. Мат-лы II науч.-практ. конф. Рени, 1991. С. 52–55.

1992

Термин «ахл ал-байт» у Ибн Фадлана // ВЕДС. М., 1992. Вып. IV: Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. С. 20–23.

Арабские авторы о водной связи севера и юга Восточной Европы // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье. Междунар. науч. семинар. Тез. докл. Донецк, 1992. С. 22–25.

1993

- Книжная традиция локализации хазар // ВЕДС. М., 1993. Вып. V: Спорные проблемы истории. С. 31–32.
- Еще раз о маршрутах еврейских купцов по данным Ибн Хордадбега // Славяне и их соседи. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: средние века — начало нового времени. Сб. тезисов XII Чтений памяти В.Д. Королюка. М., 1993. С. 56–58.

1994

- Арабские источники VIII–IX вв. о славянах // ДГ, 1991 г.: Материалы и исследования. М., 1994. С. 211–223.
- «Царь славян» Ибн Фадлана // ВЕДС. М., 1994. Вып. VI: Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. С. 15–16.
- Водные коммуникации севера и юга Восточной Европы в представлениях арабских географов IX–X вв. // Новгородские археологические чтения. Мат-лы науч. конф., посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского. Новгород, 1994. С. 200–203.

1995

- Ал-Ахтал, Ал-Фазари (Текст, пер., коммент.) // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. 2. С. 508–510.
- Термин «люди дома» («ахл ал-байт») у Ибн Фадлана по отношению к обществу русов // ДГ, 1992–1993 гг.: Материалы и исследования. М., 1995. С. 134–139.
- Восточная Европа и Средняя Азия в книге ал-Фергани // На честь заслуженого діяча науки України А.П. Ковалівського. Тези міжнар. наук. конф., присвяченої 100-річчю від дня народження. Харків, 1995. С. 44–46.

1996

- Арабо-персидские географы о взаимоотношении русов и славян // ВЕДС. М., 1996. Вып. VIII: Политическая структура Древнерусского государства. С. 30–34.

1997

- О походе русов на Каспий 909–912 гг. // ВЕДС. М., 1997. Вып. IX: Международная договорная практика Древней Руси. С. 13–18.
- Северо-запад Европы в «Книге картины Земли» Мухаммада ибн Мусы ал-Хорезми // XIII Конф. по изучению истории, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии (Петрозаводск, 10–14 сентября 1997 г.). Тез. докл. М.; Петрозаводск, 1997. С. 115–118.

1998

- Ал-Мас'уди о тюрках // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Сб. науч. трудов. Омск, 1998. С. 54–58.
- Нападение норманнов на Севилью в 844 г. по данным арабских ученых IX–XII вв. // ВЕДС. М., 1998. Вып. X: К 80-летию чл.-корр. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. С. 39–44.
- [Рец. на кн.:] История Пензенского края с древнейших времен до середины XVII века. Пенза, 1998 // Пензенский краеведческий листок. Пенза, 1998. Вып. 2. С. 4. (в соавторстве с С.Л. Шишловым, В.С. Флёровым, А.З. Винниковым)

1999

- Al-Khazar wa-'l-saqaliba: Contacts and Conflicts // The Khazars. International Colloquium. Jerusalem, May 24–28, 1999. Abstracts. P. 20.
- Arabic Sources on the Khazars // The Khazars. International Colloquium. Jerusalem, May 24–28, 1999. Abstracts. P. 21.
- Водные пространства севера Европы в трудах арабских ученых IX–XII вв. // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 84–99.
- Арабские средневековые ученые о контактах славян и хазар // ВЕДС. М., 1999. Вып. XI: Контакты, зоны контактов и контактные зоны. С. 57–65.
- Торговые связи Восточной Европы по данным арабских ученых IX в. // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. Мат-лы конф. (Москва, 19–21 ноября 1997 г.). М., 1999. С. 243–255.
- Ал-Масуди о булгарах // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–X веков. Мат-лы Междунар. симпозиума (Казань, 8–10 сентября 1998 г.). Казань, 1999. С. 13–20.

2000

- Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX–X вв. // ДГ, 1998 г.: Материалы и исследования М., 2000. С. 106–119.
- Восточная Европа в представлениях арабских географов IX–X вв. (водные бассейны) // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (история, экономика и политика). М., 2000. С. 286–296.
- ВАНТИГ средневековых арабских писателей: попытки идентификации // ВЕДС. М., 2000. Вып. XII: Историческая память и формы ее воплощения. С. 198–207.
- Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто «Восточная Европа в древности и средневековье» 1999 и 2000 гг. Москва, 14–16 апреля 1999 г. и 18–20 апреля 2000 г. // Вестник Российского Гуманитарного научного фонда. 2000, № 4. С. 238–247. (в соавторстве с Е.А. Мельниковой)
- Предания средневековых арабских источников об азиатской прародине хазар // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Мат-лы междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2000. Т. I: Археология, этнология. С. 249–255.
- О веротерпимости в Хазарии // IV Сходознавчі Читання А. Кримського. Тези доповідей міжнар. наук. конф., присвяченої 2000-й річниці Християнства (м. Київ, 13–15 вересня 2000 р.). Київ, 2000. С. 15–16.
- Анатолий Петрович Новосельцев (1933–1995) // ДГ, 1998 г.: Материалы и исследования. М., 2000. С. 5–16. (в соавторстве с Е.А. Мельниковой и И.И. Поповым).
- [Список трудов А.П. Новосельцева] // ДГ, 1998 г.: Материалы и исследования. М., 2000. С. 478–488.
- Отв. ред.: ДГ, 1998 г.: Материалы и исследования. М., 2000.

2001

- Ирландия // Норна у источника Судьбы. Сб. статей в честь Е.А. Мельниковой. М., 2001. С. 150–157.
- Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г. // ДГ, 1999 г.: Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001. С. 190–210.

- “Китаб ат-танбих ва-л-ишраф” (Книга предупреждения и пересмотра) арабского ученого X в. ал-Масуди // Вестник Российского Гуманитарного научного фонда. 2001, № 1. С. 14–21.
- Восточноевропейские народы в ряду генеалогических легенд средневековых арабских сочинений // ВЕДС. М., 2001. Вып. XIII: Генеалогия как форма исторической памяти. С. 90–94.
- «Архонт» и «глава глав» славян // Славяне и их соседи. XX Конф. памяти В.Д. Королюка: Становление славянского мира и Византия в эпоху средневековья. М., 2001. С. 37–39.
- Верования населения Крыма хазарской эпохи и вопрос веротерпимости у хазар // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность. III Междунар. Крымская конф. по религиоведению (Севастополь, 22–24 мая 2001 г.). Севастополь, 2001. С. 19–21.
- Морские пути русов, маджусов, урдуманий // XIV Конф. по изучению Скандинавских стран и Финляндии. М.; Архангельск, 2001. С. 91–92.
- Меховая торговля в Приволжском бассейне по данным арабских ученых IX–X вв. // Великий Волжский путь. Мат-лы Круглого стола и Междунар. науч. семинара (Казань, 28–29 августа 2000 г.). Казань, 2001. С. 194–198.
- Меотис в средневековой арабской географии // VI Сходознавчи читання А. Кримського. Тези доповідей міжнар. наук. конф. (м. Київ, 10–12 жовтня 2001 р.). Київ, 2001. С. 62–63.

2002

- Этиологическая и этимологическая легенды персидского писателя XI в. Гардизи о славянах // Славяноведение. 2002, № 4. С. 68–73.
- Употребление этника ал-хазар в арабо-персидских источниках IX–X вв. // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т. 1. С. 41–51.
- «Великан» Ибн Фадлана и легенды о гигантах // ВЕДС. М., 2002. Вып. XIV: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. С. 91–96.
- Хазары и тюрки в восприятии средневековых арабо-персидских ученых // Хазары. II Междунар. коллоквиум. М., 2002. С. 46–49.
- East European Ruler's Titles According to the Information of the Arabic-Persian Geographers of the 9th — 10th Centures // Second International Conference “Hierarchy and Power in the History of Civilisation” (St.-Petersburg, July 4–7, 2002). М., 2002. P. 61–62.
- Ал-Мас’уди о «реке Хазар» // VI Сходознавчи читання А. Кримського. Тези доповідей міжнар. наук. конф. (м. Київ, 30–31 жовтня 2002 р.). Київ, 2002. С. 13–15.
- Отв. ред.: Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002.

2003

- Волга в географической номенклатуре арабо-персидских ученых IX–X вв. // Сборник Русского исторического общества М., 2003. № 7 (155): Россия и мусульманский мир. С. 25–37.
- Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке» // ДГ, 2001 г.: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 204–216.
- Метод работы средневековых арабских географов (на примере известий о реках Аральского бассейна) // ВЕДС. М., 2003. Вып. XV: Автор и его текст. С. 104–108.

- Ал-Йа'куби о потомках Яфета // VII Сходознавчи читання А. Кримського. Тези доповідей міжнар. наук. конф. (м. Київ, 4–5 червня 2003 г.). Київ, 2003. С. 15–17.
- Ал-Мас'уди о Константинополе // Историческая роль Константинополя (в память о 550-летию падения византийской столицы). Тез. докл. XVI Всеросс. науч. сессии византинистов (Москва, 29–30 мая 2003 г.). М., 2003. С. 31–34.
- Два славянских города по данным восточных источников // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.). Проблемы культуры и культурного наследия. Доклады Третьей науч. конф. (Муром, 17–20 мая 2000 г.). М., 2003. С. 64–76.
- [Рец.:] Восточные источники о древнерусской государственности (К статье К. Цукермана «Два этапа формирования Древнерусского государства») // Славяноведение. 2003, № 2. С. 15–19.

2004

- Генеалогии восточноевропейских народов в историческом сознании средневековых арабских писателей // ДГ, 2002 г.: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 102–113.
- Ра'ис ар-ру'аса' ас-сакалиба и 'Архон τῶν Σκλαβηνῶν // Славяне и их соседи. Вып. 11: Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. С. 44–52.
- Восприятие времени ал-Мас'уди // ВЕДС. М., 2004. Вып. XVI: Время источника и время в источнике. С. 67–71.
- Иерархия восточноевропейских правителей по данным арабо-персидских географов X в. // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). Славяне и их соседи. Тез. XXII конф. М., 2004. С. 30–33.
- Река Танаис как граница между Азией и Европой в средневековых географических воззрениях // Евразия. Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. Тез. докл. науч. конф. (Москва, 16–19 ноября 2004 г.). М., 2004. С. 238–241.
- Некоторые наблюдения над текстами Ибн ал-Факиха и Агапия Манбиджского // VIII Сходознавчи читання А. Кримського. Тези доповідей міжнар. наук. конф. (м. Київ, 2–3 червня 2004 р.). Київ, 2004. С. 6–7.
- Systems of 'Climates' in the Arabian Geography / Система «климатов» в арабской географии // International Congress of Asian and North African Studies / Междунар. конгресс востоковедов (ICANAS XXXVII). М., 2004. P. 682–684.

2005

- Азовское море в античной, средневековой европейской и арабской картографии // AD FONTEM / У ИСТОЧНИКА. Сб. ст. в честь С.М. Каштанова. М., 2005. С. 108–119. (в соавторстве с А.В. Подосиновым)
- Рассказы арабских путешественников Ибн Фадлана и Абу Хамида ал-Гарнати о великане в Поволжье // ДГ, 2003 г.: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 91–101.
- Ал-Хазар и ас-сакалиба: Контакты. Конфликты // Хазары. Khazars. (Евреи и славяне). Иерусалим; М., 2005. Т. 16. С. 101–110.
- Ал-хазар и ат-турк в произведениях средневековых арабо-персидских ученых // Хазары. Khazars. (Евреи и славяне). Иерусалим; М., 2005. Т. 16. С. 251–258.

- Знать хазар в арабо-персидской средневековой литературе // Хазарский альманах. Киев; Харьков, 2005. Т. 4. С. 43–56.
- Бурджан, ас-сакалиба, ал-абар // ВЕДС. М., 2005. Вып. XVII: Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. IV Чтения памяти д.и.н. А.А. Зимина (Москва, 19–22 апреля 2005 г.). Ч. I. С. 86–89.
- Арабский писатель ал-Мас'уди о христианских святых Иерусалима // Культ святых мест в древних и современных религиях. VII Междунар. Крымская конф. по религиоведению (Севастополь, 16–20 мая 2005 г.). Севастополь, 2005. С. 25–26.

2006

- Страна Хазария, какой она представляется по арабо-персидским источникам // Восточная коллекция. Лето. 2006, № 2 (25). С. 29–41.
- Географический образ Восточной Европы в системе «климатов» арабской географии // ВЕДС. М., 2006. Вып. XVIII: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. С. 82–87.
- Известия Ибн Ийаса о русах // Раннее средневековье глазами Позднего средневековья и Раннего Нового времени (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). Мат-лы XXIII конф. «Славяне и их соседи». М., 2006. С. 33–36.
- Арабский ученый X в. ал-Мас'уди о крымской эпохее Юстиниана II // Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры. IV Чтения памяти академика О.Н. Трубачева. Междунар. конф. (Алупка–Херсонес, 22–26 сентября 2006 г.). Киев; М., 2006. С. 22.
- Знать славян по данным арабо-персидских источников // X Сходознавчи читання А. Кримського. Присвячені 135-річчю від дня народження А.Ю. Кримського. Тези доповідей міжнар. наук. конф. (м. Київ, 5–6 жовтня 2006 р.). Київ, 2006. С. 24–26.

2007

- «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии (в соавторстве с Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосиновым). М., 2007. С. 101–172.
- Тюрки в «образе мира» средневековых арабо-персидских писателей // Тюркологический сборник. М., 2007. Вып. 2006. С. 183–193.
- Днепровско-донской бассейн в представлениях арабо-персидских географов IX–X вв. // Хазарский альманах. Киев; Харьков. 2007. Т. 6. С. 106–119.
- Титулатура знати правителей Волжской Булгарии // ВЕДС. М., 2007. Вып. XIX: Политические институты и верховная власть. С. 98–101.
- Ирландия // Юрченко А.Г. Книга Марко Поло: записки путешественника или имперская космография. СПб., 2007. Ч. IV: Чудеса Европы в восточных космографиях. С. 437–447.
- Рассказ Агапия Манбиджского о переписке Авгара и Иисуса // IX Междунар. Крымская конф. по религиоведению: Небесные патроны и земные служители культа. Севастополь, 2007. С. 24–25.
- [Рец. на кн.]: *Тортика А.А.* Северо-западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков, 2006. 555 стр. // Славяноведение. 2007. № 5. С. 96–100.
- Восточная Европа в арабо-персидских источниках IX–X вв.: «контактная зона» или «зона контактов»? // XI Сходознавчи читання А. Кримського. Тези

доповідей міжнар. наук. конф. (м. Київ, 7–8 червня 2007 р.). Київ, 2007. С. 83–85.

Al-Khazar wa-'l-Saqaliba: Contacts. Conflicts? // *The World of the Khazars. New Perspectives. Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium hosted by the Ben Zvi Institute.* Leiden; Boston, 2007. P. 195–206.

2008

Восточноевропейские правители по данным арабо-персидских географов X в. // *Анфологион. Власть, общество, культура в славянском мире в средние века. К 70-летию Б.Н. Флори. (Славяне и их соседи. Вып. 12).* М., 2008. С. 76–89.

Керченский пролив в представлениях арабских географов IX–X вв. // *Амелькин А.О. Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV — первой половины XVI в. (по материалам памятников агиографии и фольклора).* Воронеж, 2008. С. 33–35.

Река Танаис в представлениях арабо-персидских географов X в. // *Проблемы историографии, источниковедения и истории Востока. Сборник научных статей памяти проф. В.М. Бейлиса.* Луганск, 2008. С. 76–82.

Историко-культурные области Восточной Европы (пути контактов по данным арабо-персидских источников IX–X вв.) // *ВЕДС. М., 2008. Вып. XX: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен.* С. 77–82.

Религия и верования славян по данным арабо-персидских источников // *X Международный Крымская конф. по религиоведению: Религия в жизни человека и общества.* Севастополь, 2008. С. 38–39.

Христианство у славян по данным средневековых арабо-персидских писателей // *Славяне и их соседи. XXIV Конф. памяти В.Д. Королюка: Церковь в общественной жизни славянских народов в эпоху Средневековья и раннего Нового времени.* М., 2008. С. 40–41.

Амазонки на севере в арабской географии // *XVI Конф. по изучению скандинавских стран и Финляндии (г. Архангельск, 9–12 сентября 2008 г.).* М.; Архангельск, 2008. Ч. I. С. 149–151.

Восточная Европа в «образе мира» арабской средневековой географии // *История наук о Земле: исследования, этапы развития, проблемы (Москва, 25–27 ноября 2008 г.).* Мат-лы междунар. науч. конф. М., 2008. С. 38–39.

Амазонки — кочевницы? // *XII Сходознавчи читання А. Кримського. Тези доповідей міжнар. наук. конф. (м. Київ, 2–3 жовтня 2008 р.).* Київ, 2008. С. 62–64.

2009

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009. Т. III: Восточные источники. Ч. I. (в соавторстве с И.Г. Коноваловой и В.Я. Петрухиным)

Амазонки в арабской средневековой литературе // *Красугольный камень. Сб. статей к 80-летию А.Н. Кирпичникова.* М.; СПб., 2009. Т. 1. С. 360–367.

Восточная Европа в «образе мира» арабской средневековой географии // *История наук о Земле.* М., 2009. Вып. 3. С. 102–108.

Сведения Шамс ад-дина ал-Мукаддаси о Хазарии // *Хазарский альманах.* Харьков; Киев, 2009. Т. 8: Сб. ст. памяти д.и.н., проф. В.К. Михеева. С. 187–202.

- «Анонимная записка» о границах печенегов // ВЕДС. М., 2009. Вып. XXI: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. С. 119–125.
- Худуд ал-алам о границах печенегов // XIII сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнар. наук. конф. (м. Київ, 22–23 жовтня 2009 р.). Київ, 2009. С. 35–38.
- East-European Areas in the System of Climates of the Arabian Geography // 14th International Conference of Historical Geographers. 23rd — 27th August 2009. Graduate School of Letters, Kyoto University, Japan. P. 45.

2010

- Восприятие времени и пространства арабским ученым X в. ал-Мас'уди // ДГ, 2006 г.: Пространство и время в средневековых текстах. М., 2010. С. 396–417.
- Печенеги и путь из Ургенча к ним (по данным арабских географов) // ДГ, 2009 г.: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2010. С. 153–166.
- Этноним «бурджан» в сочинениях ал-Мас'уди // Лингвистическая герменевтика. М., 2010. Вып. 2. Сб. науч. трудов к 75-летию д.и.н., проф. И.Г. Добродомова. С. 42–47.
- Три стадии существования и падение Хазарского каганата // Хазары. Миф и история. Иерусалим; М., 2010. С. 25–43.
- Древние греки по данным ал-Масуди // Gaudeamus igitur: Сб. ст. к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 189–195.
- Аральское море и его реки: интерпретация сведений арабских географов // Проблемы источниковедения. М., 2010. Т. II (XIII). С. 127–135.
- Кораническая и устная традиция о местоположении народов Йаджудж и Маджудж // ВЕДС. М., 2010. Вып. XXII: Устная традиция в письменном тексте. С. 119–123.
- Ибн аль-Асир (с. 124), Ибн аль-Надим (с. 125), Ибн Джубейр (с. 126), Ибн Исхак (с. 126), Ибн Кутейба (с. 126–127), Ибн Маджид (с. 127), Ибн Мискавейх (с. 127), Ибн Русте (с. 127), Ибн Туфейль (с. 129), Ибн Фадлан (с. 129), Ибн Хальдун (с. 130), Ибн Хаукаль (с. 130), Ибн Хордадбех (с. 130), Ибн Шаддад (с. 130), Ибрахим ибн Якуб (с. 132), Идриси (с. 182–183) // Новая Российская Энциклопедия. М., 2010. Т. VI, ч. 2.
- Истахри // Новая Российская Энциклопедия. М., 2010. Т. VII, ч. 1. С. 274.
- Море Варанков в арабской географии // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тез. XXXI междунар. годичной конф. Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН (22–26 ноября 2010 г.). СПб., 2010. Вып. XXVI. С. 266–267.
- Символы сакральной власти в Хазарии // Память в веках: от семейной реликвии к национальной святыне. XII Междунар. Крымская конф. по религиоведению (Севастополь, 26–30 мая 2010 г.). Севастополь, 2010. С. 22–23.

2011

- Один из арабских вариантов генеалогии хазар // Тюркологический сборник. М., 2011. С. 36–47.
- Путешествие МАГРУРУН // Висы дружбы. Сб. ст. в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 145–152.

- Легендарные народы на краю Ойкумены (по данным арабских средневековых учений) // История наук о Земле. М., 2011. № 4. С. 28–34.
- Вопросы полигогенеза у хазар // ВЕДС. М., 2011. Вып. XXIII: Ранние государства Европы и Азии: проблемы полигогенеза. С. 97–102.
- Казвини, Закария ибн Мухаммед ибн Махмуд (с. 35), Казвини, Мостоуфи Хамдаллах ибн Абу Бекр (с. 35), Казвини Закария (с. 35) // Новая Российская Энциклопедия. М., 2011. Т. VII, ч. 2.
- Кинди Абу Юсуф Якуб ибн Исхак // Новая Российская Энциклопедия. М., 2011. С. 137–138. Т. VIII, ч. 1.
- Кудаман ибн Джафар // Новая Российская Энциклопедия. М., 2011. Т. IX, ч. 1. С. 292.
- Кутейба ибн Муслим // Новая Российская Энциклопедия. М., 2011. Т. IX, ч. 2. С. 416.
- Малик (титул) (с. 314–315), Мамун халиф (с. 362), Мансур халиф Аббасид (с. 390), Мансур халиф Фатимид (с. 390), Марван I (с. 413–414), Марван II (с. 414), // Новая Российская Энциклопедия. М., 2011. Т. X, ч. 1.
- Этноним бурджан ал-Хорезми и Агапия Манбиджского как конструкт // XV Сходознавчі читання А. Кримського. До 140-річчя А.Ю. Кримського та 20-ї річниці Інституту сходознавства ім. А.Ю. Кримського. Тези доповідей Міжнар. наук. конф. (м. Київ, 20–21 жовтня 2011 р.). Київ, 2011. С. 11–15.

2012

- Восточные источники о столице Хазарии Итиль (состояние проблемы и переводы) // Хазарский альманах. Харьков, 2012. Т. 11. С. 62–99.
- Символы сакральной власти в Хазарии // Sacrum et Profanum. Севастополь, 2012. Т. V: Память в веках: от семейной реликвии к национальной святыне. С. 53–59.
- Хазарское государство — кочевая империя? (по сведениям письменных памятников) // ДГ, 2010 г.: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 464–481.
- Элементы кочевничества хазар в описании Ибн А'сама ал-Куфи // ВЕДС. М., 2012. Вып. XXIV: Миграции, расселение, война как факторы полигогенеза. С. 103–108.
- Масуди (с. 68), Мауля (с. 99), Махди (с. 108), Махмуд Газневи (с. 109–110), Меликшах (с. 226), Мирхонд (с. 468) // Новая Российская Энциклопедия. М., 2012. Т. X, ч. 2.
- Мусульманин ал-Мас'уди о других религиях мира // Человек в мире религиозных представлений. XIV Междунар. конф. по истории религии и религиоведению (Севастополь, 27–31 мая 2012 г.). Севастополь, 2012. С. 29–30.
- Рассказ о войне с хазарами и принятии ислама хаханом хазар из «Книги завоеваний» Ибн А'сама ал-Куфи (о стиле изложения и достоверности) // Славяне и их соседи. XXVI Конф. памяти В.Д. Королюка. Образы войны в общественной мысли славянских народов эпохи Средневековья и раннего Нового времени. М., 2012. С. 41–45.
- Хазарский каганат как государственная структура // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Междунар. конф. М., 2012. С. 67–72.

Хазарский каганат: признаки кочевничества и оседлости по данным арабо-персидских источников // История и культура средневековых народов Евразии. Мат-лы II Междунар. конгресса средневековой археологии Евразийских степей. Барнаул, 2012. С. 13–15.

О населении Хазарии (по данным арабо-персидских источников) // XVI Сходознавчи читання А. Кримського. Тези доповідей міжнар. наук. конф. (м. Київ, 11 жовтня 2012 р.). Київ, 2012. С. 83–85.

2013

Этноним «бурджан» в сочинениях арабских средневековых географов (варианты соотношения устной и письменной традиции) // ДГ, 2011 г.: Устная традиция в письменном тексте. М., 2013. С. 192–217.

Херсон в арабской географической литературе // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Харьков, 2013. Т. 2. 'Ρωμαιοί: Сб. ст. к 60-летию проф. С.Б. Сорочана. С. 188–205.

Анахронизмы в рассказах средневековых писателей о хазарах // Хазарский альманах. Киев; Харьков, 2012–2013. Т. 12. С. 96–104.

Еще раз о славянской дани по информации Ибн Русте // ВЕДС. М., 2013. Вып. XXV: Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. С. 119–122.

Муавия (с. 331–332), Муваффах (с. 332–333), Муизз (с. 344–345), Мукаддаси (с. 345–346), Муканна (с. 346), Мульк (с. 350–351) // Новая Российская Энциклопедия. М., 2013. Т. XI, ч. 1.

Нехавенд // Новая Российская Энциклопедия. М., 2013. Т. XI, ч. 2. С. 328.

Омейяды // Новая Российская Энциклопедия. М., 2013. Т. XII, ч. 1. С. 389.

Осман // Новая Российская Энциклопедия. М., 2013. Т. XII, ч. 2. С. 48.

Был ли известен Херсон(ес) в арабской географической литературе IX–X вв. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Мат-лы XXV Междунар. науч. конф. (Москва, 31 января — 2 февраля 2013 г.). М., 2013. Ч. II. С. 335–338.

Арабские писатели о городах Крыма золотоордынского периода // V научные чтения памяти У. Боданинского. Симферополь, 2013. С. 35.

«Худуд ал-'алам» о границах печенегов // VII Междунар. конф. «Источники по истории кочевников средневековой Евразии» (Звенигород, 20–22 ноября 2013 г.). М., 2013. С. 54–56.

Арабские географы о тюрках как жителях севера // XVII Сходознавчи читання А. Кримського. Тюркський світ у цивілізаційних просторах Євразії (м. Київ, 16–18 жовтня 2013 р.). Київ, 2013. С. 19–20.

Сведения ал-Мас'уди и других восточных писателей о пребывании Юстиниана II у болгар и хазар // Проблемы джерелознавства, историографії та історії Сходу. Матеріали Міжнар. наук. конф., присвяченої 90-річчю з дня народження професора В.М. Бейліса (1923–2001) (м. Луганськ, 15–16 травня 2013 р.). Луганськ, 2013. С. 67–71.

2014

Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. М., 2014. (в соавторстве с В.С. Флёровым, В.Я. Петрухиным)

- Места обитания тюрок по представлениям средневековых арабо-персидских писателей // Східний світ / The World of the Orient. Київ, 2014, № 1. С. 35–42.
- Ал-Бируни и Йакут: «климаты» шестой и седьмой // Книга картины Земли. Сб. ст. в честь И.Г. Коноваловой. М., 2014. С. 132–142.
- Статьи: Абу Дулаф (с. 7), Абу-л-Фарадж (с. 7), ал-Бакри (с. 48–49), ал-Балазури (с. 49), ал-Бируни (с. 69), Болгария Волжская (в соавт. с И.Г. Коноваловой, с. 92–94), Гардизи (с. 175), Ибн Ифандийар (с. 308–309), Ибн Мискавайх (с. 309), Ибн ан-Надим (с. 309), Ибн Русте (с. 309), Ибн Фадлан (с. 310–311), Ибн ал-Факих (с. 311), Ибн Хаукал (с. 311), Ибн Хордадбех (с. 311), Ибрахим ибн Йа'куб (с. 311–312), ал-Истахри (с. 347), ал-Йа'куби (с. 349), Йахйя Антиохийский (в соавт. с Д.Е. Мишиным, с. 350), Казвини (с. 351–352), ал-Куфи ибн А'сам (с. 438–439), ал-Марвази (с. 477), ал-Мукаддаси (с. 528–529), Остров русов (с. 581) // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина. М., 2014.
- Буртасы — мусульмане? // ВЕДС. М., 2014. Вып. XXVI: Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. С. 108–113.
- Ал-Мас'уди о первых шести Вселенских соборах и разногласиях на них // Великая Схизма: религии мира до и после разделения церквей. Тез. докл. и сообщ. XVI Междунар. конф. по истории и религиоведению (Севастополь, 26–31 мая 2014 г.). Севастополь, 2014. С. 20–21.
- Жанры арабской литературы в творчестве ал-Мас'уди, писателя и путешественника // Славяне и их соседи. XXVII Конф. памяти В.Д. Королюка. Рассказы о путешествиях, паломничествах, миграциях в источниках Средних веков и раннего Нового времени. М., 2014. С. 28–32.
- О маджусах арабских источников // XVIII Сходознавч читання А. Кримського. Тези доповідей міжнар. наук. конф. (м. Київ, 17–18 октября 2014 р.). Київ, 2014. С. 8–9.
- Этноним «бурджан» в арабо-персидских сочинениях IX–X вв. // Трети междунар. конгресс по българистика, 23–26 май 2013 г. Секция «История и археология». Подсекция «Българите през средновековието». София, 2014. С. 164–174.

2015

- Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., 2015.
- Ал-Мас'уди и Ибн ал-Асир о присутствии Юстиниана II у хазар и болгар // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2015. Вып. 11 (34) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://ras.jes.su/history/>
- Йакут: первоисточники некоторых сведений о Хазарии и Хазарском море // Хазарский альманах. М., 2015. Т. 13. С. 96–110.
- Памяти Сергея Григорьевича Кляшторного // Хазарский альманах. М., 2015. Т. 13. С. 337–340. (в соавторстве с В.Я. Петрухиным)
- Пределы или границы Хазарии? // ВЕДС. М., 2015. Вып. XXVII: Государственная территория как фактор политогенеза. С. 125–129.
- Известия арабо-персидских средневековых географов об областях Севера Земли // Человек и Север: антропология, археология, экология. Мат-лы всеросс. конф. (Тюмень, 6–10 апреля 2015 г.). Тюмень, 2015. Вып. III. С. 147–153.

Абу-л-Хасан ал-Мас'уди: 'адиб или историк? // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития: Мат-лы XXVII Междунар. научн. конф. (Москва, 9–11 апреля 2015 г.). М., 2015. С. 233–235.

Херсон и Византия по информации арабского ученого Йакута // ΠΕΡΣΩΝΟΣ ΞΕΜΑΤΑ: Империя и полис. Мат-лы науч. конф. VII-й Междунар. Византийский Семинар (Севастополь — Херсонес, 01–05 июня 2015 г.). Севастополь, 1915. С. 47–49.

Образ Скифии в представлениях средневековых арабо-персидских ученых // Скифия: образ и историко-культурное наследие (Москва, 26–28 октября 2015 г.). Мат-лы конф. М., 2015. С. 44–49.

В.М. Бейлис, офицер, востоковед — и арабская средневековая география // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Мат-лы XXXVI междунар. годичной конф. Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН «Советская наука и техника в годы Великой Отечественной войны (к 70-летию Великой Победы)» (21–24 апреля 2015 г.). СПб., 2016. Вып. XXXI. С. 139–140.

Дополнения к наблюдениям А.П. Ковалевского относительно данных о хазарах Ибн Фадлана и Йакута // XIX Сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнар. наук. конф.: до 120-річчя від дня народження А.П. Ковалівського (м. Київ, 16–17 жовтня 2015 р.). Київ, 2015. С. 8–9.

2016

«Сурат ал-ард» средневековых арабов и хазары // *Turcologica* / Hrsg. von L. Johanson. Wiesbaden, 2016. Bd. 104: Central Eurasia in the Middle Ages. Studies in Honour of P.V. Golden / Ed. by I. Zimonyi and O. Karatay. P. 159–170.

Ал-Мас'уди как историк (на примере «Книги предупреждения и пересмотра») // ДГ, 2013 г.: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 259–280.

Йакут и Ибн Фадлан о хазарах // Степи Восточной Европы в средние века: Сборник памяти С.А. Плетнёвой. М., 2016. С. 239–248.

Письмо хазарского хакана Юстиниану II // Хазарский альманах. М., 2016. Т. 14. С. 124–134.

Константинопольский пролив по воззрениям арабских средневековых ученых (до ал-Идриси) // АДСВ. Екатеринбург, 2016. Вып. 44. С. 79–104.

Арабские средневековые ученые об интеллекте «Северных народов» и их письменности // ВЕДС. М., 2016. Вып. XXVIII: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. С. 111–116.

Масуди // Православная энциклопедия. М., 2016. Т. 44. С. 300–301.

Взгляд на хронологию народов арабского писателя ал-Мас'уди (X в.) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Мат-лы XXVIII Междунар. науч. конф. (Москва, 14–16 апреля 2016 г.). М., 2016. С. 259–261.

Константинопольский пролив на картах арабских географов «классической школы» (X в.) // ΠΕΡΣΩΝΟΣ ΞΕΜΑΤΑ: Империя и полис. Мат-лы науч. конф. VIII Междунар. Византийский Семинар (Севастополь — Херсонес, 30 мая — 04 июня 2016 г.). Севастополь, 2016. С. 51–55.

Известия ан-Нувайри о Восточной Европе // XX Сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнар. наук. конф. (м. Київ, 17–18 червня 2016 р.). Київ, 2016. С. 9–10.

В.М. Бейлис и «Китаб ат-танбих ва-л-ишраф» ал-Мас'уди // Europe in Arabic Sources: the Travels of Macarius, Patriarch of Antioch. Proceedings of the International Conference “In the Eyes of the Orient: Europe in Arabic Sources” (Kyiv, 22–23 September 2015) / Ed. by Y. Petrova and I. Feodorov. Kyiv, 2016. P. 194–209.

The Turks in the Early Arabic Maps (up to al-Idrisi) // 6th International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe. November 23–25, 2016. University of Szeged (Hungary). P. 5.

2017

The Turks on Medieval Arab Maps // Cronica. Annual of the Institute of History, University of Szeged: Medieval Nomads. Szeged, 2017. P. 153–163.

Дани и поборы в Древней Руси по данным «Анонимной записки» арабо-персидских авторов // ДГ, 2015 г.: Экономические системы Евразии в раннее средневековье. М., 2017. С. 374–389.

Каспий, хазары и Куйаба (куманы?) на прямоугольной карте мира «Книги чудес» XI в. // Хазарский альманах. М., 2017. Т. 15. С. 89–103.

Арабские писатели о городах Крыма золотоордынского периода // МАИЭТ. Симферополь, 2017. Вып. XXII. С. 388–398.

Общность тюрков в глазах арабских географов // ВЕДС. М., 2017. Вып. XXIX: Античные и средневековые общности. С. 91–97.

Куйаба на анонимной арабской карте XI в. // XIX ежегодная междунар. науч. конф. «Вспомогательные исторические дисциплины в научном знании» (Москва, 3–14 апреля 2017 г.). М., 2017. С. 171–173.

Рассказ араба — византийского пленника из главы о море Рума книги Ибн Хаукаля // ΧΗΡΣΩΝΟΣ ΞΕΜΑΤΑ: Империя и полис. IX Междунар. византийский семинар (Севастополь — Херсонес, 29 мая — 05 июня 2017 г.). Севастополь, 2017. С. 59–62.

Упоминания Феодосии в арабских средневековых источниках // Труды Всеросс. науч.-практ. конф. IV Феодосийские научные чтения» (Феодосия, 25–27 мая 2017 г.). Феодосия, 2017. С. 143–146.

Известия о Крыме в трудах средневековых арабских географов (добавления и исправления к заметкам А.Я. Гаркави) // Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма с Сирией и государствами Ближнего Востока. Междунар. науч. конф. (Севастополь, 6–8 июня 2017 г.). М., 2017. С. 46–50.

Куйаба (Куманы?) на прямоугольной анонимной карте XI в. // XXI Сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнар. наук. конф. (м. Київ, 17–18 листопада 2017 р.). Київ, 2017. С. 18–19.

Анонимная арабская карта XI в. и сведения о Восточной Европе и Средней Азии // Наука и техника: Вопросы теории и истории. Мат-лы XXXVIII Междунар. годичной научн. конф. Санкт-Петербургского Отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН (к 100-летию революции 1917 г. в России). 30 октября — 3 ноября 2017 г. СПб., 2017. Вып. XXXIII. С. 130–132.

2018

- Пространства и смыслы: памятные страницы истории Арабского Востока / Под ред. В.А. Кузнецова, Д.Е. Мишина, В. Орлова. М., 2018. Т. III: Визуальные информационные модели Восточной Европы в арабских географических трудах (до ал-Идриси). С. 54–86. (совместно с Д.В. Миккульским, Д.Р. Жангиевым, А.А. Войтенко)
- Хазары на картах средневековых арабских географов // Тюркологические исследования. Казань, 2018. Т. 1, № 1. С. 28–49.
- Андрей Первозванный в некоторых восточных источниках // ДГ, 2016 г.: Памяти Г.В. Глазыриной. М., 2018. С. 294–303.
- Ибн Хаукал и Хасдай ибн Шапрут // ВЕДС. М., 2018. XXX Юбилейные Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. С. 130–133.
- Образ Земли как птицы в арабской картографии // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Памяти Вяч. Вс. Иванова. Мат-лы XXXI Междунар. науч. конф. (Москва, 12–14 апреля 2018 г.). М., 2018. С. 199–201.
- Скифия в труде арабского ученого ал-Хорезми // Междунар. науч. конф. «Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики». М., 2018. С. 78–80.
- Ал-Мас‘уди о постройке Константинополя «на море Меотис, называемом морем ал-Хазар» // ΠΕΡΣΩΝΟΣ ΞΕΜΑΤΑ: Империя и полис. Мат-лы науч. конф. (Севастополь–Балаклава, 28 мая – 1 июня 2018 г.). Севастополь, 2018. С. 97–100.
- Деление Земли в воззрениях средневековых арабских географов // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Мат-лы XXXIX Междунар. годичной науч. конф. Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН «Международные сети как фактор интеграции научного сообщества» (12–16 ноября 2018 г.). СПб., 2018. Вып. XXXIV. С. 140–141.
- Птолемеевы названия «Меотис», «Понт» и «Таврика» в труде ал-Баттани // Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма со Средиземноморским регионом. Междунар. науч. конф. (Севастополь, 5–7 июня 2018 г.). М., 2018. С. 35–39.
- Каспий в анонимном арабской «Книги чудес» XI в. // XXII Сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнар. наук. конф. (м. Київ, 22–23 червня 2018 р.). Київ, 2018. С. 15–16.

2019

- Раннее христианство по данным арабского писателя X в. ал-Мас‘уди // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь А.В. Назаренко. М.; СПб., 2019. С. 166–179.
- Скифия в сочинениях арабо-персидских литераторов // ΠΕΡΣΩΝΟΣ ΞΕΜΑΤΑ / Миры Византии. Симферополь, 2019. Вып. 2 / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. С. 229–244.
- «Фихрист» Ибн ан-Надима (X в.) о письме и письменности некоторых восточно- и западноевропейских народов // ДГ, 2017–2018 гг.: Ранние формы и функции письма. М., 2019. С. 383–405.
- Дополнительные сведения источников о разгроме хазарами войск ал-Джарраха // Хазарский альманах. М., 2019. Т. 16. С. 89–100.

Об источниковедении (поход русов 844 г. в Андалусию) // ЭНОЖ. Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10, Вып. 9 (83) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://ras.jes.su/history/s207987840006973-9-1>

Арабский ученый ал-Хорезми (IX в.) о Скифии и Сарматии // Скифия и Сарматия. Сб. научных трудов. М., 2019. С. 280–287.

Термины для обозначения городов хазар в сочинениях арабо-персидских авторов IX–X вв. // ВЕДС. М., 2019. Вып. XXXI: Ранние этапы урбанизации. С. 106–111.

Сарматия в «Книге картины Земли» ал-Хорезми // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Мат-лы XXXII Междунар. науч. конф. (Москва, 11–12 апреля 2019 г.). М., 2019. С. 189–191.

Этапы шелкового пути в «Книге чудес» XI в. // Духовный шелковый путь. Великие гуманистические традиции и вызовы современности. Сб. мат-лов III Междунар. науч.-богослов. конф. (Бишкек, 13–14 сентября 2018 г.). М., 2019. С. 116–130.

Танаис или Борисфен в представлениях арабских географов // Исторические, культурные, межнациональные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Мат-лы конф. М., 2019. Т. 1. С. 53–70.

Существовали ли известия о Крыме в трудах арабских географов IX–X вв. // Исторические, культурные, межнациональные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Мат-лы конф. М., 2019. Т. 2. С. 53–70.

Острова Средиземного моря в труде Ибн Хаукаля (X в.) // ΠΕΡΣΩΝΟΣ ΞΕΜΑΤΑ: Империя и полис. XI Междунар. византийский семинар (Севастополь–Балаклава, 3–7 июня 2019 г.). Симферополь, 2019. С. 127–130.

Объяснение отсутствий известий о Крыме в трудах арабских географов IX–X вв. // Труды всеросс. науч.-практ. конф. «V Феодосийские научные чтения. Крым: история и современность, проблемы и решения». Феодосия, 2019. С. 276–280.

[Рец. на кн.:] Мюллер, Август. История ислама: от основания до новейших времен: в 4 т., 11 кн.: [перевод] / Август Мюллер [вступ. статья и коммент. Д.В. Миккульского]. М.: Рубежи XXI, 2018. Т. 1. 480 с. // Minbar. Islamic Studies. 2019. № 12(1). С. 303–309.

Хазарский каганат // Кочевые империи Евразии. Особенности исторической динамики / Отв. ред. Р.В. Базарин, Н.Н. Крадин. М., 2019. С. 214–232.

2020

Море Рума на картах арабских географов X века // ΠΕΡΣΩΝΟΣ ΞΕΜΑΤΑ: Империя и полис. XII Междунар. Византийский семинар (Севастополь–Балаклава, 25–29.05.2020). Симферополь, 2020. С. 151–158.

Битвы арабов и хазар у Дербент и Баланджар в первой половине VII в. // Хазарский альманах / Отв. ред. О.Б. Бубенок. Т. 17. М., 2020. С. 49–68.

Шахрибараз/Шахрийар – наместник Дербента и русы в произведении Бал'ами // ДГ, 2019–2020 гг.: Дипломатические практики античности и средневековья. М., 2020. С. 171–185.

- Одна античная параллель к описанию седьмого климата трех арабских авторов // ВЕДС. М., 2020. Вып. XXXII: Сравнительные исследования социокультурных практик. С. 102–106.
- Обращение в христианство Константина Великого по данным ал-Мас'уди (X в.) // Христианство в археологических и письменных источниках. Мат-лы IX Междунар. науч. конф. по церковной археологии. Севастополь, 2020. С. 59–63.
- Роль ветхозаветных персонажей в «Истории» ал-Йа'куби (IX в.) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Мат-лы XXXIII междунар. науч. конф. М., 2020.
- Акватория Средиземного и Черного морей по представлениям арабских географов IX–X вв. // Исторические культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Мат-лы IV междунар. науч. конф. (Севастополь, 6–8.10.2020). М., 2020. Т. I. С. 89–96.

Сост. Е.В. Литовских

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВНР	Архив Внешней политики России (сейчас — АВП РФ)
АДСВ	Античная древность и средние века. Свердловск, Екатеринбург
ВВ	Византийский временник. М.
ВДИ	Вестник древней истории. М.
ВЕДС	Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто: Мат-лы конф. М.
ГПБ	Государственная публичная библиотека (ныне — РНБ)
ДГ	Древнейшие государства Восточной Европы (до 1990 г. — Древнейшие государства на территории СССР). М.
ДРВМ	Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М.
ДТСЮЦ	Да тан си-юй цзи («Записки о Западном крае при великой Танской династии»)
ЕЭБЕ	Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона. СПб., 1908–1913. Т. 1–16.
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО	Записки восточного отделения императорского русского археологического общества. СПб.; Пг., 1886–1921.
ЗОИ	Золотая Орда в источниках
ИВ АН	Институт востоковедения АН СССР (сейчас — ИВ РАН и ИВР РАН)
ИВ РАН	Институт Востоковедения Российской академии наук
ИВР РАН	Институт Восточных рукописей Российской академии наук
ИВТЖК	Известия высших Тифлиссских женских курсов
ИАИАИАНД	Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов
Иер.	Книга пророка Иеремии
ИГАИМК	Известия государственной академии истории материальной культуры
ИИЕТ РАН	Институт истории естествознания и техники Российской академии наук
ИССР	История СССР. М., 1957–1992.
КБН	Корпус боспорских надписей М.; Л., 1965.
КСИА	Краткие сообщения института Археологии. М.
КСИИМК	Краткие сообщения института истории материальной культуры. М.; Л., 1939–1960.
ЛО ИВ АН	Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР (сейчас — ИВР РАН)
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л.
МР	Мешхедская рукопись <i>Ахбар ал-Булдан</i> Ибн ал-Факиха (ИВР РАН)
НПЛ	Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1950 (переизд.: М., 2000 = ПСРЛ. Т. III).
ОИ	Отечественная история
ПА	Поволжская археология. Казань
ПВЛ	Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1–2.

	Повесть временных лет / Подг. текста, пер., ст. и комм. Д.С. Лихачёва. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц; Изд. 2-е, подг. М.Б. Свердлов. СПб., 1996.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей Т. 1: Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. Ч. 1–3. (Репр. М., 1997). Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1843. (Репр. М., 1998). Т. 3: Новгородская первая летопись. М., 2000 (репр. изд.: Новгородская летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М., 1950). Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Т. 7: Воскресенская летопись. СПб., 1856. Т. 14: Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси; Новый летописец»; Указатели к никоновской летописи (IX–XIV тт.). М., 1965. Т. 38: Радзивилловская летопись. Л., 1989. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.
РА	Российская археология. М.
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГБ (ОР)	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РК	Разрядные книги
РНБ	Российская национальная библиотека
СА	Советская археология. М.
Сборник РИО	Сборник русского (императорского) исторического общества. СПб., 1867–1916.
СГАИМК	Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Л.
СГСЧ	Сюй гао-сэн чуань
СГЭ	Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.; СПб., 1940–
СМОМПК	Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, Махачкала 1881–1929.
СРЯ	Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–
СС	Скандинавский сборник. Таллинн
СШ	Суй шу
СТШ	Синь Тан шу
ТД	Тун дьянь
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом). Л., СПб.
Тр. ВДАЭ	Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.; Л.
УЗ МГУ	Ученые записки Московского государственного университета. М.
ХА	Хазарский альманах. М.; Киев; Харьков
ЦТШ	Цзю Тан шу
ЦФЮГ	Цзэ-фу юань-гуй
ЦЧТЦ	Цзы-чжи тун-цзянь
АЕМА	Archivum Eurasiae Medii Aevi. Wiesbaden
BGA	Bibliotheca geographorum arabicorum
BGA I	Viae Regnorum: Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishák al-Fárisi al-Istakhrí / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1870.
BGA I ₂	Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishák al-Fárisi al-Istakhrí / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1927.

BGA II	Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu'l-Kasim ibn Haukal / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1873.
BGA II ₂	Opus geographicum: secundum textum et imagines codicis constantinopolitani conservati in bibliotheca antiqui palatii No. 3346 cui titulus est "Liber imaginis terrae", auctore Ibn Ḥaukal (Abū'l-Kāsim ibn Ḥaukal al-Nasībī) / Ed. collatio textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis J.H. Kramers. Vol. I–II. Lugduni Batavorum, 1938–1939.
BGA III	Descriptio Imperii Moslemici auctore... Schamso'd-dīn Abū 'Abdollah Mohammed ibn Ahmed ibn Abī Bekr al-Bannā' al-Bashschārī al-Mokaddasī / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1877.
BGA IV	Indices, glossarium et addenda et emendanda ad part I–III / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1879.
BGA V	Compendium libri Kitāb al-Boldān auctore Ibn al-Fakīh al-Hamad-hāni / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1885.
BGA VI	Kitāb al-masālik wa'l-mamālik (Liber viarum et regionum) auctore ... Ibn Khordādhbeh et excerpta e Kitāb al-kharādj auctore Kodāma ibn Dja'far / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889.
BGA VII	Kitāb al-A'lāk an-nafisa VII auctore Abū Alī Ahmed ibn Omar ibn Rosteh et Kitāb al-Boldān, auctore Ahmed ibn Jakūb ibn Wādhih al-Kātib al-Jakūbī / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1892.
BGA VIII	Kitāb at-tanbīh wa'l-ischrāf auctore al-Masūdī... / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894.
BSOAS	Bulletin of the School of Oriental and African Studies. L.
DAI-I	<i>Constantine Porphyrogenitus</i> . De Administrando Imperio. Vol. I. Greek Text and English Translation / Ed. by R.G.H. Jenkins & Gy. Moravcsik. Washington D.C., 1967.
DAI-II	<i>Constantine Porphyrogenitus</i> . De Administrando Imperio. Vol. II. Commentary / Ed. by R.G.H. Jenkins. Washington D.C., 1962.
DC I-II	Constantine Porphyrogenetos. The Book of Ceremonies (De caerimoniis aulae byzantinae) / Translated & Annotated by A. Moffatt & M. Tall. Vol. I– II. Book. 2. Canberra, 2012.
DOP	Dumbarton Oaks Papers
EI	The Encyclopaedia of Islam. 2-nd edition. Leiden, 1960–2005.
EIN	The Encyclopaedia of Islam. New edition / Ed. by E. van Donzel, B. Lewis and Ch. Pella. Vol. I. L.; Leiden, 1954. Vol. III. Leiden, 1986.
IJO	Inscriptiones Judaicae Orientis / Ed. by D. Noy, A. Panayotov, H. Bloedhorn. Tübingen, 2004. Vol. 1: Eastern Europe.
JQR	Jewish Quarterly Review. Philadelphia
JRAS	Journal of the Royal Asiatic Society. L.
Not	Notitia
PL	Patrologia Latina
Plin. NH.	<i>Plinius</i> . Naturalis historia
RE	Paulys Real Encyclopaedie der Classischen Altertumswissenschaft
REJ	Revue des études juives. P.
ZA	Źródła arabskie do dziejów słowiańzczyzny. T. I–III. Wrocław etc., 1956–1985.
ZDMG	Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig, Wiesbaden, Stuttgart, Mainz

Сокращения названий языков

венг. — венгерский
др.-арм. — древнеармянский
др.-тюрк. — древнетюркский
каз. — казахский
кит. — китайский
н.-перс. — новоперсидский (фарси)
пехл. — среднеперсидский (пехлевийский)
ран. ср.-кит. — ранний среднекитайский
позд. ср.-кит. — поздний среднекитайский
ср.-греч. — среднегреческий

Библиографические термины на неевропейских языках:

б. — бет 'страница' (каз.)
түсін. — түсініктеме 'комментарий' (каз.)
о. — oldal 'страница' (венг.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Акопян** Александр Владимирович — канд. ист. наук, мл. науч. сотр. Института востоковедения РАН. Москва, Россия, 107031, ул. Рождественка, д. 12. alexakopyan@gmail.com
- Бубенок** Олег Борисович — д-р. ист. наук, проф. Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины. Киев, Украина, 01001, ул. М. Грушевского, 4. helgebub@gmail.com
- Гимон** Тимофей Валентинович — д-р. ист. наук, проф. Исторического факультета Гос. акад. ун-та гуманитар. наук., вед. научн. сотр. Института всеобщей истории РАН. Москва, Россия, 119334, Ленинский пр-т, 32А. guimontv@mail.ru
- Джаксон** Татьяна Николаевна — д-р ист. наук, главн. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН. Москва, Россия, 119334, Ленинский пр-т, 32А. Tatjana.Jackson@gmail.com
- Дробышев** Максим Игоревич — старш. преп. Исторического факультета Гос. акад. ун-та гуманитар. наук. Москва, Россия, 119334, Ленинский пр-т, 32А. maksimus1008@mail.ru
- Зайцев** Илья Владимирович — д.и.н., проф. РАН, главн. научн. сотр. НИУ ВШЭ. Москва, Россия, 105066, Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 3, Никитский б-р, 12а. ilyaAugust@ya.ru
- Калинина** Татьяна Михайловна — канд. ист. наук, ст. научн. сотр. Института всеобщей истории РАН. Москва, Россия, 119334, Ленинский пр-т, 32А. tmka@yandex.ru
- Коновалова** Ирина Геннадиевна — д-р ист. наук, главн. научн. сотр. Института всеобщей истории РАН. Москва, Россия, 119334, Ленинский пр-т, 32А. irina_konovalova@mail.ru
- Кулешов** Вячеслав Сергеевич — канд. ист. наук, научн. сотр. Нумизматического института Стокгольмского ун-та, Стокгольм, Швеция, SE-10691. viacheslav.kuleshov@gmail.com
- Мельникова** Елена Александровна — д-р. ист. наук, главн. научн. сотр. Института Всеобщей истории РАН. Москва, Россия, 119334, Ленинский пр-т, 32А. melnikova_2002@mail.ru
- Мишин** Дмитрий Евгеньевич — канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Института востоковедения РАН. Москва, Россия, 107031, ул. Рождественка 12. mde@mts.ru
- Могаричев** Юрий Миронович — д-р. ист. наук, вед. научн. сотрудник Института археологии Крыма РАН, зав. каф. социального и гуманитарного образования Крымск. респ. института постдипломного педагогического образования. Симферополь, Россия, 295051, ул. Ленина 15. mogara@rambler.ru

- Новосельцев** Анатолий Петрович (1933–1995) — д.и.н., проф., чл.-корр. РАН
- Петрухин** Владимир Яковлевич — д-р. ист. наук, главн. научн. сотр. Института славяноведения РАН. Москва, Россия, 119334, Ленинский пр-т, 32А. vladimir.petrukhin@gmail.com
- Подосинов** Александр Васильевич — д-р. ист. наук, главн. научн. сотр. Института всеобщей истории РАН; проф., зав. кафедрой древних языков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия, 119334, Ленинский пр-т, 32А. podossinov@mail.ru
- Радивилов** Даниил Анатольевич — канд. ист. наук, ст. научн. сотр. Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины. Киев, Украина, 01001, ул. М. Грушевского, 4. radivilovda@gmail.com
- Рашковский** Борис Евгеньевич — канд. ист. наук, доц. исторического факультета Гос. акад. ун-та гуманитар. наук, научн. сотруд. Института всеобщей истории РАН, Москвa, Россия, 119334, Ленинский пр-т, 32А. borisevg@gmail.com
- Столярова** Любовь Викторовна — д-р ист. наук, главн. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН. Москва, Россия, 119334, Ленинский пр-т, 32А. lvsto@mail.ru
- Тишин** Владимир Владимирович — канд. ист. наук, старш. научн. сотр. Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ). Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия, 670047, ул. Сахьяновой, 6. tihij-511@mail.ru
- Флёров** Валерий Сергеевич — канд. ист. наук, старш. научн. сотр. Института археологии РАН. Москва, Россия, 117292, ул. Дм. Ульянова, 19. valerij-flyorov@yandex.ru
- Храпачевский** Роман Петрович — директор Центра по изучению военной и общей истории, Москва, Россия, 127521, Старомарьинское шоссе, д. 6, корп. 1. rutenica@narod.ru
- Цукерман** Константин — проф. Практической школы высших исследований Ун-та Париж Сьянс Леттр. Франция, Париж, 52-я улица кардинала Лемуана, F-75005. constantin.zuckerman@college-de-france.fr
- Щавелев** Алексей Сергеевич — канд. ист. наук, доц. исторического факультета Гос. акад. ун-та гуманитар. наук; ст. научн. сотр. Института всеобщей истории РАН, Москва, Россия, 119334, Ленинский пр-т, 32А. alexissorel@gmail.com

NOTES ON CONTRIBUTORS

- Akopyan**, Alexander V. — PhD (History) Junior Researcher of the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Rozhdestvenka street. 12, Moscow, 107031, Russia. alexakopyan@gmail.com
- Bubenok**, Oleg B. — Dr. Sci. (History), Professor, Chief of the Eurasian Steppe Department of A.Yu. Krymsky Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine, M. Hrushevsky Street 4, Kyiv, Ukraine, 01001. helgebub@gmail.com
- Drobyshev**, Maxim I. — Senior Lecturer at the Faculty of History of the State University for the Humanities, Junior Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Leninskiy Prospect. 32A, 119334, Moscow, Russia. maksimus1008@mail.ru
- Flyorov**, Valery S. — PdD (History), Senior Researcher at the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanov str. 19, 117292, Moscow, Russia. valerij-flyorov@yandex.ru
- Guimon**, Timofey V. — Dr. Sci. (History), Professor at the Historical Faculty of the State Academic University for Humanities, Leading Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences Leninskiy prospect. 32A, 119334, Moscow, Russia. guimontv@mail.ru
- Jackson**, Tatjana N. — Dr. Hab. (History), Chief Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Leninskiy prospect. 32A, 119334 Moscow, Russia. Tatjana.Jackson@gmail.com
- Kalinina**, Tatjana M. — PhD. (History), Senior Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Leninskiy prospect. 32A, 119334, Moscow, Russia. tmka@yandex.ru
- Khrapachevsky**, Roman P. — MEcon, Center of Military and General history studies (Moscow), Director; Staromarjinskoe sh., 6, k. 1, 127521, Moscow, Russia. rutenica@narod.ru
- Konvalova**, Irina G. — Dr. Sci. (History), head of the Department of Auxiliary Historical Disciplines, Institute of World History at the Russian Academy of Sciences. Leninskiy prospect. 32A, 119334, Moscow, Russia. irina_konvalova@mail.ru
- Kuleshov**, Viacheslav S. — PhD (History), Researcher, Stockholm Numismatic Institute, Stockholm University, Stockholm, Sweden, SE-10691, Stockholm universitet, Wallenberglaboratoriet. viacheslav.kuleshov@gmail.com
- Melnikova**, Elena A. — Dr. Sci. (History), Chief Researcher in the Department of Byzantine and East European History of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Leninskiy prospect. 32A, 119334, Moscow, Russia. melnikova_2002@mail.ru

- Mishin**, Dmitry E. — PhD (History), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Rozhdestvenka street 12, 107031, Moscow, Russia. mde@mts.ru
- Mogarichev**, Yurii M. — Dr. Sci., Full Professor, Leading Researcher Institute of Archaeology of Crimea Russian Academy of Sciences Chairman of Humanity and Social Science department Crimean Republican Institute for Afterdiplomas Pedagogical Education. Lenina str. 15, 295000, Simferopol, Russia. mogara@rambler.ru
- Novoseltsev** Anatoliy P. (1933–1995) — Dr. Sci., Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences.
- Petrukhin**, Vladimir Ya. — Dr. Sci. (History), Professor the National Research University Higher School of Economics, head researcher, the Institute of the Slavonic Studies, the Russian Academy of Sciences. Leninskiy prospect. 32A, 119334, Moscow, Russia. vladimir.petrukhin@gmail.com
- Podosinov**, Alexander V. — Dr. Sci. (History), Chief research fellow of Institute of World History of Russian Academy of Sciences. Leninskiy prospect 32A, 119334, Moscow, Russia. podossinov@mail.ru
- Radvilov**, Danylo A. — PhD (History), senior researcher, deputy director of A.Yu. Krymsky Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine, M. Hrushevsky street, 4, 01001, Kyiv, Ukraine. radvilovda@gmail.com
- Rashkovskiy**, Boris E. — PhD (History), Assistant Professor at the Faculty of History of the State Academic university for the humanities; Researcher in the Department of Byzantine and Eastern Europe History at the Institute of the World History of the Russian Academy of Sciences, Leninskiy prospect. 32A, 119334, Moscow, Russia. borisevg@gmail.com
- Shchavelev**, Alexey S. — PhD. (History), Assistant Professor at the Faculty of History of the the State Academic University for the Humanities, Senior researcher in in the Department of Byzantine and Eastern Europe History of Institute of World History of Russian Academy of Sciences, Leninskiy prospect, 32A, 119334, Moscow, Russia. alexissorel@gmail.com
- Stoljarova**, Ljubov V. — PhD (History), Leading Research Fellow of the Institute of World history of Russian Academy of Sciences. Leninskiy prospect. 32A, 119334, Moscow, Russia. lvsto@mail.ru
- Tishin**, Vladimir V. — PhD (History) Senior research fellow in Department of History and Culture of Central Asia, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Sakhyanovoi St., 6. 670047, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia. tihij-511@mail.ru
- Zaitsev**, Ilya Vladimirovich — Dr. Sci. (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher at the Higher School of Economics. Staraya Basmannaya st., 21/4 bd. 3, 105066, Moscow, Russia. ilyaAugust@ya.ru
- Zuckerman**, Constantin — Directeur d'études à l'École pratique des hautes études, Université Paris Sciences & Lettres (EPHE, PSL). France, Paris, 52 rue du Cardinal Lemoine, F-75005. constantin.zuckerman@college-de-france.fr

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д.Е. Мишин. Приветственное слово к юбилею Татьяны Михайловны Калининой</i>	6
---	---

ЧАСТЬ 1. Т.М. Калинина. ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ЗЕРКАЛЕ АРАБО-ПЕРСИДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:	
Избранные статьи	8

География Восточной Европы

Визуальные информационные модели Восточной Европы в арабских географических трудах (до ал-Идриси)	9
Арабский источник X в. (географический трактат «Чистых братьев») о территории СССР и сопредельных районах	32
Сведения ал-Хорезми о Восточной Европе и Средней Азии	43
Образ Скифии в произведениях средневековых арабо-персидских ученых	64
Азовское море в античной, средневековой европейской и арабской картографии (в соавт. с А.В. Подосиновым)	70
Танаис или Борисфен в представлениях арабских географов	84
Каспий, хазары и Куйаба (куманы?) на прямоугольной карте мира «Книги чудес» XI в.	90
«Сурат ал-ард» средневековых арабов и хазары	97
Тюрки в «образе мира» средневековых арабо-персидских писателей	107
Печенеги и путь из Ургенча к ним (по данным арабских географов)	116
Этноним «бурджан» в сочинениях арабских средневековых географов (варианты соотношения устной и письменной традиции)	127
Херсон в арабской географической литературе	146
Константинопольский пролив по воззрениям арабских средневековых ученых (до ал-Идриси)	164
Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г.	178

Восточные славяне и русы

Арабские источники VIII–IX вв. о славянах	197
Ра'ис ар-ру'аса' ас-сакалиба и <i>архῶν τῶν Σκλαβηνῶν</i>	211
Этиологическая и этимологическая легенды персидского писателя XI в. Гардизи о славянах	218

Генеалогии восточноевропейских народов в историческом сознании средневековых арабских писателей	225
Восточноевропейские правители по данным арабо-персидских географов X в.	236
Термин «люди дома» (<i>ахл ал-байт</i>) у Ибн Фадлана по отношению к обществу русов	246
Меховая торговля в Приволжском бассейне по данным арабских ученых IX–X вв.	251
Дани и поборы в Древней Руси по данным «Анонимной записки» арабо-персидских авторов	256
Два славянских города по данным восточных источников	265
«Фихрист» Ибн ан-Надима (X в.) о письме и письменности некоторых восточно- и западноевропейских народов	276

ЧАСТЬ 2. СТАТЬИ К ЮБИЛЕЮ Т.М. КАЛИНИНОЙ

Проблемы хазароведения

<i>В.В. Тишин.</i> К датировке смерти Тон йабгу / джабгу кагана (по китайским источникам)	337
<i>Ю.М. Могаричев.</i> К вопросу о времени и обстоятельствах появления проекта «Готская митрополия» (Not. III)	368
<i>В.С. Флёров.</i> Обороноспособность степных хазарских крепостей	384
<i>О.Б. Бубенок, Д.А. Радивилов.</i> Сведения Ибн Хаукала о маршруте похода русов против хазар в 358 г. х.	418
<i>В.Я. Петрухин.</i> Сколько раз ходил на вятичей Святослав?	437
<i>К. Цукерман.</i> Хазарский проект Хасдая ибн Шапрута в контексте дипломатических связей между Кордовой и Константинополем ...	448

Восточные источники по истории Восточной Европы

<i>Д.Е. Мишин.</i> Еще одна восточная параллель к «Повести временных лет»: легенда о смерти поэта Уфнуна ат-Таглиби и летописное известие о гибели Олега Вещего	458
<i>Вяч.С. Кулешов.</i> «Регионы мира с востока на запад»: к анализу структуры и поэтики персидского географического сочинения X века	464
<i>Б.Е. Раишковский.</i> Восточная Европа и ее связи с миром ислама глазами средневековых еврейских путешественников	493
<i>Р.П. Храпачевский.</i> Отражение монгольских первоисточников XIII века в династийной истории «Юань ши». На материале походов монголов на Русь и в Восточную Европу	510

Западные, русские и византийские источники по истории Востока

<i>И.Г. Коновалова.</i> Упоминание о «роде Фатимидов» у Константина Багрянородного (комментарий к гл. 15 <i>De administrando imperio</i>)	524
<i>А.С. Щавелев.</i> Архонт пачинакитов Куркут: имя и образ в трактате «Об управлении империй» Константина VII Багрянородного	530
<i>М.И. Дробышев.</i> Сведения «Статегикона» Кекавмена о «восточных» народах: к вопросу о службе автора на восточном фронтире Ромейской империи	536
<i>Т.В. Гимон.</i> Поход Владимира на Волжскую Булгарию в 985 г.: комментарий к летописной статье	545
<i>Т.Н. Джаксон.</i> «Татары сражались в Венгрии» (<i>Annales Regii, s.a. 1241</i>)	562
<i>Е.А. Мельникова.</i> «Сокровища Бьярмии»: истоки мотива	569

Московское государство и мир ислама

<i>И.В. Зайцев.</i> Исламская лексика в русских переводах XV–XVI вв. (по материалам посольских книг)	583
<i>Л.В. Столярова.</i> «...Идет войною сам великий Крымский хан...»: поход Казы-Гирея на Москву летом 1591 г. в контексте династического кризиса в России конца XVI — начала XVII в.	602

ЧАСТЬ 3. ПУБЛИКАЦИИ

<i>А.В. Подосинов.</i> Стихотворение Максима Плануда на «Географию» Птолемея	613
<i>А.В. Акоюн.</i> К публикации диссертации А.П. Новосельцева «Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII–XVIII вв.» (1959 год).	622
<i>А.П. Новосельцев.</i> Города Азербайджана и Восточной Армении XVII–XVIII вв.	633
Введение	633
а) Цели и задачи работы, историография вопроса	633
б) Обзор источников	
I. Актовые материалы	636
II. Армянские источники	639
III. Источники на языке фарси	642
IV. Западноевропейские источники	647
V. Русские источники	650
VI. Турецкие источники	652

VII. Грузинские источники	652
VIII. Азербайджанские источники	653
Глава I. Азербайджан и Восточная Армения	
в составе Кызылбашского государства	653
§ 1. Постановка вопроса и состояние проблемы	653
§ 2. Природные богатства и занятия населения	663
§ 3. Формы земельной собственности. Шахский домен и его роль в эволюции Кызылбашского государства	665
§ 4. Азербайджан и Восточная Армения в составе Кызылбашского государства и полунезависимых ханств (XVII–XVIII вв.)	680
Глава II. Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII–XVIII вв. (экономика и социальный состав населения)	709
§ 1. Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII–XVIII вв. ..	709
§ 2. Городское население и экономика городов Азербайджана и Восточной Армении в XVII и XVIII вв.	731
§ 3. Торговля городов Азербайджана и Восточной Армении	770
Глава III. Городское самоуправление и военная роль городов	787
Краткие выводы	810
Заключение	811
Список опубликованных работ Т.М. Калининой	839
Список сокращений	856
Сведения об авторах	860

CONTENS

From the editorial board	
<i>Dmitri E. Mishin</i> . Welcome speech to the jubilee of Tatjana M. Kalinina	6
Part 1. <i>Tatjana M. Kalinina</i> . Eastern Europe in the Mirror of Arabic-Persian Literature: Selected Articles	8
GEOGRAPHY OF EASTERN EUROPE	
Visual Information Models of Eastern Europe in Arabic Geographical Works (before al-Idrisi)	9
An Arabic Source of the 10 th Century (Geographical Treatise by the <i>Brethren of Purity</i>) on the Territory of the USSR and Adjacent Regions	32
al-Khwārizmī's information on Eastern Europe and Central Asia	43
Scythia in the Works of Arabic-Persian Writers	64
Sea of Azov in Ancient, Medieval European and Arabic Cartography (co-authored with Alexander V. Podossinov)	70
Tanais or Boristhenes in the Perception of Arab Geographers	84
Caspian Sea, Khazars, and Kuyaba (Cumans?) on a Rectangular World Map in the <i>Book of Miracles</i> of the 11 th Century	90
'Surat al-ard' of Medieval Arabic Authors and Khazars	97
The Türks in the Image of the World of Medieval Araic-Persian Writers	107
The Pechenegs and the Way to their Country from Gurgandj (according to Arabic Geographers)	116
The Ethnic Name <i>Burdjan</i> in the Works of Medieval Arab Geographers (Variants of Correlation of Oral and Written Traditions)	127
Cherson in Arabic Geographical Literature	146
Straits of Constantinople According to the Views of Medieval Arabic Scholars (before al-Idrisi).	164
Arabic Scholars about the Norman Invasion of Seville in 844	178
EASTERN SLAVS AND RUS	
Arab Sources of the 8 th –9 th Centuries on the Slavs	197
Ra'is al-ru'asa' al-Sakaliba and αρχῶν τῶν Σκλαβηγῶν	211
Etiological and Etymological Legends by Gardizi, the Persian Writer of the 11 th Century, about the Slavs	218
Genealogies of Eastern European Peoples in the Historical Consciousness of Medieval Arab Writers	225

Eastern European Rulers According to the Arabic-Persian Geographers of the 10 th Century	236
Ibn Fadlan's Term 'People of the House' (ahl al-bayt) in its Relation to the Society of Rus	246
Fur Trade in the Volga Basin According to Arab Authors of the 9 th — 10 th Centuries	251
Tributes and Levies in Ancient Russia According to the <i>Anonymous Note</i> of Arabic-Persian Authors	256
Two Slavic Cities According to Eastern Sources	265
Ibn al-Nadim's <i>Fihrist</i> (10 th century) on the Script and System of Writing of Some Eastern and Western European Peoples	276

Part 2. Articles presented to Tanjana Kalinina

PROBLEMS OF KHAZAR STUDIES

<i>Vladimir V. Tishin</i> . On the Date of the Death of Ton Yabghu / Jabghu Qaghan (According to Chinese Sources)	337
<i>Yurii M. Mogarichev</i> . On Circumstances and Time of the Appearance of the Project "Gothic Metropolia" (Not. III)	368
<i>Valery S. Flyorov</i> . Defense Capacity of Khazar Steppe Fortresses	384
<i>Oleg B. Bubnok, Danylo A. Radivilov</i> . Ibn Hawqal's Information on the Route of the Rus' Campaign against the Khazars in 358 AH	418
<i>Vladimir Ya. Petrukhin</i> . How many times did Sviatoslav attack the Viaticchi?	437
<i>Constantin Zuckerman</i> . The Khazar Project of Hasdai ibn Shaprut in the Context of the Diplomatic Ties between Cordoba and Constantinople	448

ORIENTAL SOURCES ON THE HISTORY OF EASTERN EUROPE

<i>Dmitri E. Mishin</i> . Another Arabic Parallel to the <i>Tale of the Bygone Years</i> : Legend of Poet Ufnūn al-Taghlibī's Death and the Old Russian Chronicle Account of Oleg the Clairvoyant's Decease	458
<i>Viacheslav S. Kuleshov</i> . <i>The Regions of the World from East to West</i> : towards the Analysis of the Structure and Poetics of a 10 th century Persian Geographical Treatise	464
<i>Boris E. Rashkovskiy</i> . The Connections between Eastern Europe and the World of Islam seen by the Medieval Jewish Travelers	493
<i>Roman P. Khrapachevsky</i> . Reflection of Mongolian Primary Sources of the 13 th century in the Dynastic History <i>Yuan Shi</i> Based on the Material of Mongol Campaigns against Rus and Eastern Europe	510

WESTERN, RUSSIAN AND BYZANTINE SOURCES
ON THE ORIENTAL HISTORY

<i>Irina G. Konovalova</i> . Mention of the Fatimids by Constantine Porphyrogenitus (a commentary on Chapter 15 of <i>De administrando imperio</i>)	524
<i>Aleksei S. Shchavelev</i> . Pecheneg Archon ‘Kourkut’: His Name and Image in the Treatise <i>De administrando imperio</i> by Constantine VII Porphyrogenitus	530
<i>Maksim I. Drobyshev</i> . Information in Kekaumenos’ <i>Strategicon</i> about “Oriental” Peoples: To the Question of the Author’s Service on the Eastern Frontier of the Roman Empire	536
<i>Timofey V. Guimon</i> . Vladimir’s Expedition against Volga Bulgaria in 985: a Commentary to the Annalistic Entry	545
<i>Tatjana N. Jackson</i> . Tartarar bõrõvz i Vngaria (<i>Annales Regii, s. a. 1241</i>)	562
<i>Elena A. Melnikova</i> . The ‘Treasures of Bjarmaland’: sources of a narrative motif	569

THE MOSCOW STATE AND THE WORLD OF ISLAM

<i>Ilya V. Zaytsev</i> . Islamic Terminology in Russian Translations (15 th — 16 th centuries)	583
<i>Liubov’ V. Stoliarova</i> . “The Great Crimean Khan himself is coming for War”: The Crimean Khan Ğazı-Giray’s Campaign against Moscow in the Context of the Dynastic Crisis in Russia in the End of the 16 th — Beginning of the 17 th Century	602

PART 3. PUBLICATIONS

<i>Alexander V. Podossinov</i> . The Poem of Maximus Planudes on the <i>Geography</i> of Ptolemy	613
<i>Alexander V. Akopyan</i> . On the publication of the PhD Thesis of A.P. Novoseltsev <i>The Cities of Azerbaijan and Eastern Armenia in the 17th–18th Centuries</i> (1959)	622
<i>Anatoly P. Novoseltsev</i> . The Cities of Azerbaijan and Eastern Armenia in the 17 th — 18 th Centuries	633
Introduction	633
a) Goals and Objectives of the Work, Historiography of the Problem	633
b) Survey of Sources	
I. Act Materials	636
II. Armenian Sources	639
III. Persian Sources	642

IV. Western European Sources	647
V. Russian Sources	650
VI. Turkish Sources	652
VII. Georgian Sources	652
VIII. Azerbaijani Sources	653
Chapter I. Azerbaijan and Eastern Armenia as Parts of the Kyzylbash State	653
§ 1. Description and the State of the Problem	653
§ 2. Natural Resources and Occupations of the Population	663
§ 3. Forms of Land Ownership. Shah's Domain and its Role in the Evolution of the Kyzylbash State	665
§ 4. Azerbaijan and Eastern Armenia as Parts of the Kyzylbash State and Semi-independent Khanates in the 17 th and 18 th Centuries	680
Chapter II. Cities of Azerbaijan and Eastern Armenia in the 17 th — 18 th Centuries (Economy and Social Structure)	709
§ 1. Cities of Azerbaijan and Eastern Armenia in the 17 th — 18 th Centuries	709
§ 2. Urban Population and Economy of Cities in Azerbaijan and Eastern Armenia in the 17 th — 18 th Centuries	731
§ 3. Trade of Azerbaijan and Eastern Armenian Cities	770
Chapter III. Urban Government and Military Role of Cities	787
Brief Conclusions	810
General Conclusion	811
List of published works by Tatjana M. Kalinina	839
List of Abbreviations	856
Contributors	862

Научное издание

Древнейшие государства Восточной Европы.

2021 год:

Восточная Европа и мир ислама

Ответственные редакторы тома

Е.В. Литовских, Е.А. Мельникова, Б.Е. Рашковский

Верстка А.А. Васильевой

Подписано в печать 20.05.2021. Формат 60 × 90¹/₁₆.

Гарнитура «Таймс».

Тираж 500 экз. Заказ №

«Русский фонд содействия образованию и науке».

Университет Дмитрия Пожарского.

119146, Москва, Комсомольский пр-т, д. 23/7, корп. 2.

Сайт: www.publisher.usdp.ru.

Тел.: +7 (499) 242-37-24.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография».

Филиал «Чеховский Печатный Двор».

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1.

Сайт: www.chpd.ru,

E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499) 270-73-59.

9 785912 442858 >